ПЕРВЫЕ
50 ЛЕТ
В ФАНТАСТИКЕ

Гарри
ГАРРИСОН

50x50

50
ЛУЧШИХ
РАССКАЗОВ

Гарри
ГАРРИСОН

50x50

Гарри
ГАРРИСОН

50х50

Гарри
ГАРРИСОН

ШЕДЕВРЫ ФАНТАСТИКИ ШЕДЕВРЫ ФАНТАСТИКИ

Harry

HARRISON

50 IN 50

МОСКВА
ЭКСМО
2006

ШЕДЕВРЫ ФАНТАСТИКИ ШЕДЕВРЫ ФАНТАСТИКИ

Гарри

ГАРРИСОН

50Х50

МОСКВА
ЭКСМО
2006

УДК 820(73)
ББК 84(7США)
Г 20

Harry HARRISON
50 IN 50

Copyright © 2001 by Harry Harrison
Публикуется с разрешения автора

Оформление серии художника *А. Саукова*

Гаррисон Г.
Г 20 50 × 50: Фантастические рассказы / Пер. с англ. — М.: Изд-во Эксмо, 2006. — 736 с. (Серия «Шедевры фантастики»).

ISBN 5-699-03694-6

Гарри Гаррисон опубликовал свой первый научно-фантастический рассказ «Проникший в скалы» в 1950 году. Прошли годы, Гаррисон стал знаменитым писателем, одним из столпов жанра, автором десятков романов и многих сотен рассказов. И вот на пороге нового тысячелетия он собственноручно составил этот сборник из 50 лучших и любимых рассказов — своеобразный отчет о первых 50 годах успешной работы в фантастике.

УДК 820(73)
ББК 84(7США)

© Издание на русском языке, оформление.
ООО «Издательство «Эксмо». 2003
© Перевод. В. Бабенко, В. Баканов, С. Багрянская, В. Вебер, А. Гришин, Д. Громов, И. Гурова, Д. Жуков, И. Зивьева, Э. Кабалевская, А. Корженевский, А. Новиков, Р. Нудельман, И. Почиталин, В. Ровинский, Е. Факторович, 2003

ISBN 5-699-03694-6

Предисловие

Говорят, что труднее всего даются первые пятьдесят лет, а дальше жизнь становится гораздо легче. Мне предстоит узнать, так ли это на самом деле.

Осенью 1950 года я продал журналу «Иные миры» свой первый научно-фантастический рассказ «Проникший в скалы». С тех пор и по настоящий момент я ни разу не оглядывался назад. Мне было более чем достаточно смотреть вперед. У меня имелась карьера, которую требовалось сделать, и много-много идей, нуждавшихся в литературном воплощении. Эти пятьдесят лет оказались очень насыщенными. За это время я издал сорок четыре романа, а сорок пятый сейчас находится в производстве. Мои книги переводились на тридцать три языка.

Наступило новое столетие, новое тысячелетие — 2000 год. И пришла пора окинуть взглядом прошлое, начиная с тех лет, когда я только начал писать НФ, понять, что же все-таки сформировало мою жизнь и мою работу.

Как и все писатели моего поколения, я занимался всем на свете, кроме академического обучения писательскому ремеслу. Сначала военная служба, а затем странные занятия, например оператор гидравлического пресса, художник-иллюстратор, художественный редактор, редактор, издатель. Но я был одним из представителей второго поколения писателей-фантастов — поколения, возникшего после Второй мировой войны. Еще продолжали трудиться старики, являвшиеся создателями и созданиями потока журнальной халтуры и сумевшие сохранить свое место и продолжать работу после того, как эта фантастическая халтура начала видоизменяться в то, что сделалось современной научной фантастикой. Послевоенные авторы, к числу которых принадлежу и я, выросли, читая эту макулатуру; она была неотъемлемой частью их жизней. Тот мир ушел и никогда не вернется. Но это был дружественный мир, в котором было тепло жить.

Мы, будущие писатели, читали все, что попадало к нам в руки: книги, учебники, библиотечные книги и даже свежевыпущенные сборники комиксов. Но главным образом мы читали низкопробные журналы. До появления телевидения именно они являлись тем местом, где концентрировалось развлекательное

искусство, наилучшим образом подходившее для молодежи, выросшей в годы Великой депрессии. Дети, родившиеся в период Депрессии, не знали лучшего времени. Как и дети пребывающих на стадии каменного века индейцев тропических джунглей, мы знали только один наш, немного жалкий обедневший мир. Это было время бедности и серости; и лишь журнальное чтиво ярко светилось во мгле той социальной ночи: многообещающие пестрые обложки, оглавления, в которых зачастую тоже подразумевалось нечто очень заманчивое. На этих неразрезанных страницах находились и ракетные корабли, и инопланетные пришельцы, и девушки, и приключения, и многое-многое другое. Купив за никель[1] уже прочитанный кем-то журнал, вы могли попасть прямиком в рай.

Несомненно, «Доктор Сэвидж» был великолепен, и такими же были и «Оператор № 5», и «G-8 и Его воздушные асы», и «Тень». Но ничто из этого не могло сравниться с «Удивительными историями» — до тех пор, пока на первый план не вырвалась «Поразительная научная фантастика». До начала Второй мировой войны мы, читатели, писали письма в научно-фантастические журналы и друг другу. Затем мы начали встречаться, создавать клубы и даже провели одну или две конференции любителей научной фантастики.

Как раз в это время в наши дела вмешалась война, и мы все оказались призванными в армию. Мы провели в ней положенное время, по большей части уцелели и возвратились к гражданской жизни — и к научной фантастике.

Армия подготовила меня к встрече с миром взрослых людей в качестве инструктора-артиллериста и инженера по аналоговым компьютерам. Благодаря закону о джи-ай[2], мне удалось после войны продолжить свое образование. В дневное время я посещал Хантер-колледж, где под руководством талантливого художника Джона Бломшилда обучался станковой живописи. По вечерам я при помощи не менее одаренного мастера Берна Хогарта овладевал тайнами юмористической иллюстрации. С таким багажом я начал свою карьеру иллюстратора, художника по комиксам, художественного редактора, редактора и издателя. Я уверен, что годы, которые я посвятил изобразительному искусству, оказали глубокое влияние на мое писательское творчество.

Вначале я не делал между этими двумя занятиями никакого резкого разграничения. Я писал и продавал мои писания — в то же самое время, когда рисовал. Вообще-то первым проданным

[1] Никель — монета в пять центов *(амер.)*.

[2] Джи-ай — (GI, сокр. от government issue — казенное имущество) — прозвище американских солдат, особенно времен Второй мировой войны.

мною литературным произведением была статья в «Райтерз дайджест» под названием «Как писать тексты для комиксов». Текстовки, которые я иллюстрировал, были настолько плохими, что я разработал несложную инструкцию, следуя которой удавалось очень заметно улучшить конечный продукт. После этого я написал и продал много статей и рассказов, занимаясь ими параллельно с моей иллюстраторской работой.

Для меня это оказалось, похоже, простым шагом вперед. Поскольку я занимался прикладным искусством, мне всегда говорили, что именно я должен рисовать, какую использовать технику, каким должен быть размер работы, ставили многие другие ограничения — и я самым естественным образом применил ограничения прикладной графики к коммерческой беллетристике. Правила, по которым строятся произведения в жанре «вестерн», изучить очень просто: вскоре у меня появились и шесть дымящихся пистолетов, и дико взбрыкивающие лошади. Я сумел добиться настоящего признания и выйти на очень хорошо оплачиваемый рынок, следуя нескольким очень строгим правилам. (Вовсе не обязательно каждый рассказ должен завершаться хеппи-эндом, но моральный урок преподать необходимо.) Рассказы о приключениях, в которых участвуют мужчины, гораздо короче, и их намного легче писать: все начинается с кульминации, затем нужно перепрыгнуть к: «Как я угодил в эту переделку?», а далее следуют объяснение и развязка.

Я написал немыслимое количество таких рассказов, поскольку после того, как принцип уляжется в мозгу, их создание не требует никакого труда. Они всегда поначалу вырывались на первые позиции рынка, попадая, скажем, в «Аргози», который платил до 500 долларов, если идея была по-настоящему хорошей. Но важнее были мелкие рынки, никчемные мелкие журнальчики, платившие долларов по 75. Да, приходилось немного потерпеть, пока предложенный приключенческий рассказ совершит путешествие по редакциям, но в итоге мне удавалось продать все, что я писал. Хотя некоторые из редакторов отличались, мягко говоря, некоторой эксцентричностью. Я помню, как поразился тому, насколько помятой оказалась одна возвращенная мне рукопись. Когда же я перевернул ее, то обнаружил, что каждый листок украшает большой грязный отпечаток ботинка. Редактор аккуратно разложил мой рассказ по полу, а потом прошелся по нему, старательно наступая на каждый листок. Критика может принимать множество обличий.

Я любил добавлять к этим «правдивым» историям документы, которые должны были подтверждать их истинность. Хорошо помню один такой документ, подписанный Оги Улмером и оза-

главленный «Я сам себе отрезал руку». Когда бедняга Оги занимался поисками урана, на него свалился здоровенный валун, намертво прижавший его руку к земле. (Несомненно, камень сломал геологоразведчику руку. Никто и ни при каких условиях не сможет перепилить карманным ножом свою собственную плечевую кость.) Нерастерявшийся Оги наложил жгут на придавленную руку, а потом отрезал ее ножом. Как доказательство того, что эта бредовая история случилась на самом деле, я заколол булавкой один рукав моей армейской полевой куртки. Мой друг, художник Рой Кренкель, завернул руку за спину, надел куртку с заколотым рукавом и скорчил мрачную физиономию. В таком виде я сфотографировал его. И фотография, и рассказ были куплены.

Выяснив, что «натуральные» фотографии помогают продавать рассказы, я стал повышать цену. И чем несуразнее она была — тем лучше. Как-то я прочел, что несколько столетий тому назад во время упадка одной из китайских средневековых династий большой популярностью в высшем свете пользовалось такое блюдо, как мозги живых обезьян. Обезьяне отпиливали верхушку черепа и устраивали его под столом, в котором специально для этой цели были прорезаны дыры. Сверху ставили тоже специальные золотые тарелки с отверстиями. Оставалось только взять ложку и насладиться лакомым блюдом. Я модернизировал историю и перенес действие во французскую Экваториальную Африку, где властвовали кошмарные садисты колониалисты. (Конечно же, у них был любимый тост, который в переводе с французского звучал следующим образом: «За наших лошадей, за наших женщин и за тех, кто ездит на них». Очаровательно.) Я не мог запечатлеть на фотографии мозги и поэтому решил обойтись банальным каннибализмом. Мой друг Хьюберт Притчард, ставший позднее студентом художественного колледжа, слепил из глины маленький кулачок, который теоретически мог бы принадлежать пигмею. Мы положили руку на тарелку, а потом для того, чтобы придать изображению подлинную реалистичность и замаскировать глину, вывалили туда же содержимое десятицентовой банки с рагу. Рагу мы собирались съесть по завершении съемок, но, увы, так и не смогли преодолеть отвращения — слишком уж натуралистично выглядело получившееся блюдо. Я сделал снимок, после чего натюрморт отправился на помойку. Статью — и фотографию к ней — купили очень даже неплохо. Таким образом, работая в жанре приключенческого рассказа, вестерна, детектива, очерка, я хорошо освоил писательское ремесло — задолго до того, как сделал попытку сотворить мой первый научно-фантастический рассказ.

Задним числом я понимаю, что написание — и продажа — разнообразных выдуманных и псевдодокументальных историй было наилучшим способом отточить писательское мастерство. У меня имелась возможность быть плохим. Товар на этих рынках ценился вовсе не за литературные достоинства, и потому я мог всецело отдаться своему ученичеству — учиться писать, а также продавать то, что выходило из-под моего пера. Я был сознательным художником и знал, что делаю. Я не смотрел свысока на поток макулатурных изданий и не смеялся над ними — нельзя лицемерно писать и продавать свои произведения. Если не редактор, то читатель обязательно унюхает разницу. Качество моих работ стало выше, а их продажа на рынке шла все более успешно. Настало время подумать о научной фантастике, которая продолжала питать мой энтузиазм и интересовала меня больше всего на свете.

То, что писатель-фантаст находился в Нью-Йорке после войны, видимо, не было решающим условием, но, конечно же, не могло не дать ему изрядного выигрыша. Там находились журналы — как и большинство редакторов. И, что было еще важнее, там жили сами писатели. Каждый был знаком с каждым, а центром взаимоотношений был клуб «Гидра».

К этому времени меня уже неплохо знали в этом мире, так как я делал суперобложки для изданий НФ книг и делал иллюстрации для многих НФ журналов. Нельзя было не понять, что я сделался ярым поклонником научной фантастики с тех пор, как в возрасте пяти лет впервые взял в руки НФ журнал. Профессионально заниматься научной фантастикой было моей целью и величайшим удовольствием. В то время я делал большую часть иллюстраций для редактора журнала «Иные миры» («Worlds Beyond») Дэймона Найта. И потому, когда я написал свой первый НФ рассказ со звучным названием «Я прохожу сквозь камни», то обратился к Дэймону с вопросом: что мне с ним делать. Он купил рассказ, заплатил мне за него сто долларов и первым делом поменял название на «Проникший в скалы». Из чего я сделал вывод, что способен писать и продать научно-фантастические произведения, но должен серьезнее относиться к их заглавиям.

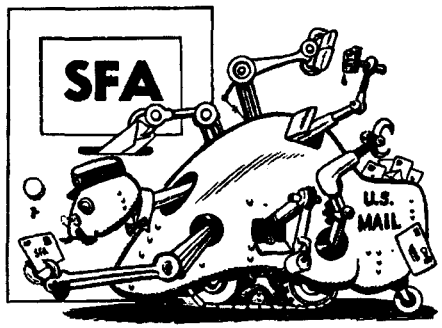
В те дни существовало великое множество НФ журналов — никак не менее тридцати. Некоторые из них мне довелось редактировать: такие, как «Ракетные истории» («Rocket stories») и «Научно-фантастические приключения» («Science Fiction Adventures»). Сейчас передо мной лежит выпуск последнего за май 1954 года. Какие таланты были рядом со мною в то время! Вот повесть Дэймона Найта «Золотое правило», а рядом рассказы Кэтрин Маклин и Джуди Меррилл. Дэймон Найт также писал рецензии на новые книги в своей колонке «Анатомический стол».

Вот заголовок его колонки — здесь Дэймон выглядит много моложе. Я счастлив, что могу признаться, что этот рисунок создан моей рукой.

Так как мой бюджет в то время был совершенно нищенским, я иллюстрировал журнал в основном самостоятельно, делал рекламные вставки между рассказами и даже писал под чужими именами некоторые рассказы. Чтобы укрепить бюджет, я открыл колонку под названием «Журнал для фантастов-любителей», где издавались произведения читателей. Я платил полцента за слово, и поклонники выстраивались в очередь. Авторам рассказов я платил по два цента за слово — каждое даяние есть благо.

Особенно для колонки писем, которая не стоила ни цента. Вот заставка, украшавшая раздел писем. Да, это тоже моя работа.

Но я не только редактировал, но и продолжал писать. Благодаря всем этим журналам, вокруг простирался безграничный рынок, на котором начинающий литератор мог осваивать свое ремесло. Книжный рынок с книгами в мягкой ли, в твердой ли

обложке отсутствовал, и вся игра проходила в журналах. Рассказы прочитывали, обсуждали, оценивали их качество, назначали денежную цену. «Изумление» («Astaunding»), а позднее «Аналог» («Analog») были вершинами всего этого мира: там царил лучший из редакторов, Джон В. Кэмпбелл, плативший по наивысшей ставке — три цента за слово, — и его читатели, ежемесячно называвшие лучший рассказ, автору которого накидывали по пенни за слово в качестве приза. В каждом номере печаталась часть романа с продолжением: рукопись полноценного книжного масштаба публиковалась в три или четыре приема, чтобы позднее, когда появится книжный рынок, быть проданной как роман.

А редакторы точно знали, чего хотели. Хорас Голд из «Галактики» («Galaxy») рекомендовал своим авторам обращаться к более деликатным материям, таким, как психиатрия и экология, а не к физике и механике, по которым специализировалось «Изумление». Тони Боукер из «Фэнтэзи и научная фантастика» («Fantasy & Science Fiction») мог с высочайшей проницательностью оценивать литературное качество работы и подталкивал авторов писать лучше. Авторы откликались на требования редакторов, и журналы сверкали талантами; одно удовольствие было читать и следить за ними. Авторы, жившие в Нью-Йорке, казалось, производили почти всю НФ, которая издавалась в то время. Они встречались в клубе «Гидра», разговаривали, спорили между собой, так, что искры летели; то было хорошее время для работы, хорошее время для того, чтобы быть писателем-фантастом. Научная фантастика была жива и здорова, а ее популярность достигла уровня, о котором позднее можно было только мечтать.

Это было давным-давно. Более пятидесяти лет назад. Я чувствую в себе некоторое сожаление к тем авторам научной фантастики, которые сумели прорваться в наши дни. Да, все еще существуют журналы, для которых можно писать. Но они не обладают той своевременностью и значением, какими обладали журналы, издававшиеся в те годы, когда научно-фантастический мир был юным. Сегодня роман — это литературное произведение, и автор живет или умирает на его протяжении. В нем совершенно нет места, которое можно было бы уделить ученичеству. Писать всегда трудно, а писать романы всего труднее. Писателю требуется много времени для того, чтобы отточить свое мастерство, прежде чем он сможет броситься на штурм утеса, которым является написание романа.

Но именно на коротких рассказах писатель овладевает своим ремеслом. Скупо, целенаправленно, жестко, плотно. Ни одного

лишнего слова, никакого потакания своим слабостям. Пишите так, как нужно. Попадите в точку. Изумите читателя и одновременно развлеките его. Мы сумели очень многому научиться в давным-давно не существующем на свете клубе «Гидра».

В первый раз меня туда привел Мартин Р. Гринберг. Мартин был издателем «Гном пресс», и я сделал для него несколько обложек. Клуб обычно собирался на квартире Флетчера Прэтта на Пятьдесят седьмой-стрит. Прэтт, крошечный человечек, всегда носивший сшитые на заказ клетчатые рубашки, внешне очень походил на своих любимых мартышек-мармозеток. Я много лет читал научную фантастику и фэнтези, которые он писал в сотрудничестве с Л. Спрэгом де Кампом. Спрэг тоже приходил на эти собрания. Слетались орлы, и я испытывал гордость и радость от того, что находился там, среди них. Это были люди, произведения которых я читал на протяжении многих лет, а теперь же любой из них мог в самом буквальном смысле задеть меня плечом.

Воспоминания. Фредерик Браун, талантливый и остроумный автор коротких рассказов и романов, тоже был маленького роста — я запомнил, что он носил обувь такого же размера, что и его жена. Но его разум пришелся бы впору любому гиганту. Мы разыгрывали в клубе неофициальный шахматный турнир. В то время я играл весьма неплохо и сумел одолеть Флетчера, экс-чемпиона. Но Фреду, новому, действующему чемпиону, я проиграл. Возможно, потому, что он сумел напоить меня допьяна, но это тоже говорит о мастерстве игрока. Я мимоходом встретился с его постоянным соавтором Мэком Рейнольдсом, когда он проезжал через город. Потом мы с Мэком стали большими друзьями и встречались в Испании, Дании, Англии и, наконец, в Мексике, где Мэк в конце концов решил осесть.

Мексика. Один из читателей прислал мне экземпляр моей книги, переведенной и изданной в Мехико. Правда, дело было в том, что я никому не продавал прав издания на испанском языке. Пиратство. Я написал Мэку и попросил, чтобы он, когда в следующий раз окажется в Мехико, заглянул к этому пройдохе-издателю и получил у него хотя бы часть моих денег. «Обязательно сделаю», — заверил меня Мэк. Но несколько позже пришло письмо: «Пошел, чтобы встретиться с ним и переговорить о деньгах. Он улыбнулся и выдвинул ящик стола. Он вынул пистолет. Я улыбнулся и ушел. Так что, Гаррисон, теперь добывайте свои деньги сами».

Они все бывали там. Сейчас это прославленные имена, а тогда это были писатели в самом расцвете своих сил и талантов. Сирил Корнблат. Один из лучших; ему светила золотая карьера.

Обладатель никем не превзойденного сухого остроумия. Возвращаясь с войны на Востоке, он сшил себе костюм в Гонконге. Стоя перед нами, он описывал покрой, примерки и тому подобное и, говоря обо всем этом, отворачивал обшлаг пиджака. Там было написано: «Сделано в Англии». По мере продолжения разговора он отворачивал воротник, отвороты брюк, лацканы — всюду красовалась такая же надпись. Все это было невероятно смешно. Через несколько лет Сирил безвременно умер.

Фредерик Пол, в соавторстве с которым Корнблат написал много произведений, был также литературным агентом. Моим первым агентом. И еще он купил права на составление антологии сразу же после выхода моего первого рассказа, поставив, таким образом, мои ноги на дорогу, ведущую к потомкам. Позднее Фред также редактировал «Галактику». Спустя много лет, уже поселившись за границей, я буду ежегодно посещать Нью-Йорк и каждый раз навещать Фреда в его офисе. Его издатель был большим любителем скупать по дешевке рисунки, которые он передавал Фреду, чтобы тот использовал их для обложек. Рисунков было много, и все немыслимо экзотические. Если вы давали ему рассказ, сходный по тематике с одним из этих рисунков, Фред публиковал произведение и оформлял книгу соответствующим образом. Великое дело! Я написал множество рассказов, привязанных то к одному, то к другому из этих невесть откуда взявшихся шедевров; Фред опубликовал все.

Мы были молоды, и мир был молод — и мы вдохновляли друг друга. Среди нас был Филип Класс, один из самых прекрасных авторов научно-фантастических рассказов, которые он печатал под псевдонимом Уильям Тенн. У него был врожденный дар критика и казавшийся неисчерпаемым запас анекдотов и лимериков. Я запомнил один из них, отличавшийся особенной прочувствованностью:

Жил-был старый еврей в Салониках.
Он хотел к Рождеству гармонику.
Но жена сказала назло:
Только гои празднуют Рождество.
Жди в подарок варган[1] на хануку[2].

Именно Фил указал на несообразности в жанре космической оперы на конкретном примере произведений Э.Э. Смита, д-ра философии (замечательный, очень скромный человек, уроженец

[1] Варган — jew's-harp (еврейская арфа., *англ.*) — примитивный музыкальный инструмент.

[2] Ханука — длящийся восемь дней еврейский праздник в честь второго обретения Иерусалимского храма в 164 г. до н. э.

Среднего Запада, всю жизнь занимавшийся химией хлебопечения, который вовлек в творчество всю свою семью). Фил заметил, что, хотя в этих книгах ежесекундно погибают тысячи космических кораблей, мы наблюдаем за ходом сражения только с точки зрения главнокомандующего. А как это должно представляться Чарли-из-хвоста? Кормовому стрелку с одного из этих огромных — в милю длиной — кораблей? Спустя много лет, когда я писал «Билл — герой Галактики», мой милитаристско-научно-фантастический роман, я вспомнил эти слова и полагаю, что очень многим обязан тому замечанию Фила.

Бывала там и Кэтрин Маклин. В то время одна из двух или трех женщин, писавших НФ. Мы обсуждали различные идеи. И даже однажды по-настоящему написали вместе рассказ-фэнтези «Сеть норн». Именно Кэй заметила, что некоторые вещи никогда не изменяются. У человечества всегда есть свои паразиты и симбионты. Сейчас мы живем в деревянных домах, и они заняты крысами из плоти и крови. В будущем, когда наше жилье будет строиться из стали и бетона, не заведутся ли там нержавеющие стальные крысы? Выражение запомнилось, идея получила развитие. Результат вам известен.

Там всегда оказывался какой-нибудь почетный гость. Каждый автор, занимающийся научной фантастикой, попав в Нью-Йорк, посещал наши встречи. Энтони Бучера обступили, едва он успел войти в дверь — он был только что назначен редактором «Фэнтези и научной фантастики». Даже Олаф Стэплтон, живая икона, осчастливил нас, прибыв из Англии; кое-кто из авторов в буквальном смысле сидел у него на коленях.

Это были замечательные времена. И оказались неожиданно благословенными для меня, когда умерла промышленность комиксов. Ладно, пусть погибли не все книжки комиксов, но достаточно большая их часть для того, чтобы чуть ли не пустить ко дну всю отрасль промышленности. Комиксы ужасов продавались чрезвычайно успешно, и по каким-то причинам конгресс решил заняться ими. (Это были времена Маккарти, когда конгресс занимался охотой на ведьм. Возможно, после того, как Маккарти разделался с коммунистической угрозой, конгрессмены решили пострелять по другим целям.) Я помню начало конца комиксов. Издатель, на которого я работал и которого хорошо знал, стоял на трибуне. Защищая перед телекамерами свои комиксы ужасов. Показали одну из обложек: окровавленный топор палача, а рядом рука, держащая за волосы отрубленную голову. Издатель защищал рисунок, он сказал, что изображение вовсе не ужасно. Оно могло быть много хуже. Когда конгрессмен осведомился, каким же образом, издатель объяснил, что можно было

детально изобразить разрубленную шею. Конец трахеи, размозженные кости, перерезанные сосуды, из которых капает кровь...

Оптовики начали возвращать нераспечатанные пачки комиксов. Начались массовые банкротства мелких фирм; крупные поспешно меняли направление работы. Из шестисот с лишним названий, выходивших в свет ежемесячно, осталось лишь двести с небольшим. Художники и редакторы комиксов оставались без работы.

Это было самое лучшее из всего, что со мной когда-либо случалось. Я сделал шаг вперед, шаг в сторону и перешел с комиксов на редактирование макулатуры. «Научно-фантастические приключения», «Ракетные истории», «Журнал фэнтези», «Морские истории». Я делал их все — и продолжал продавать на сторону свои писания. Приключения, отдельные очерки о реальных событиях — и научно-фантастические рассказы. А в голове у меня начинал складываться НФ роман.

К этому времени Джоан и я уже были счастливо женаты; нашему сыну Тодду исполнился год. Но жить в Нью-Йорке становилось все труднее. После рождения сына Джоан забросила прекрасно складывавшуюся карьеру модельера женской одежды. Наша маленькая квартирка в Виллидж, казавшаяся нам желанным пристанищем, когда мы оба работали, ходили по вечеринкам, танцевали ночи напролет и принимали у себя друзей, внезапно изменилась. Стены словно начали сближаться, и нам это очень не нравилось. Пришло время для перемен, больших перемен.

Мы решили, что мы переедем в Мексику.

Это решение не было совсем уж внезапным; оно зрело и развивалось на протяжении долгого времени. Большую часть войны я провел на границе между Техасом и Мексикой. Все свои увольнения я проводил в Мексике и был очарован и восхищен этой страной. Ее связывало с США шоссе, а жизнь там была невероятно дешевой. У нас был маленький английский автомобиль «Англиа», на котором мы могли туда добраться. А почему бы и нет? Сэкономить немного денег и попытаться. Если не получится, мы всегда сможем приползти обратно, поджав хвосты, и найти себе в Нью-Йорке новую работу ничуть не хуже той, которая была у нас в то время.

Наши родители возненавидели нас за то, что мы увозили от них внука. Наши друзья думали, что мы оба сошли с ума. Но мы держались непреклонно. Забросить ко всем чертям публикации и редакционный мир и устроить передышку. Для чего? Ради независимости, свободы, отдаленных горизонтов, приключения? Полагаю, что все это имело свое значение. Причины были и ясными, и расплывчатыми в одно и то же время. Когда друзья

спрашивали нас, почему мы это сделали, самым точным из всех приходивших в голову ответов был: нам тогда казалось, что так будет лучше.

Так оно и оказалось на самом деле. После года, проведенного в Мексике, мы навсегда заболели лихорадкой путешествий. Это оказался самый настоящий иной мир, конечный пункт международной автотрассы. Из Мексики мы перебрались в Англию и поселились в Лондоне. Но это случилось до того, как англичане приняли закон о чистоте воздуха, так что туман и холодная сырость были поистине губительными. Упаковывая багаж, я написал последний путевой очерк, чтобы было чем оплатить очередное путешествие, и мы отправились в солнечную Италию, к простым радостям острова Капри, лежащего в Неаполитанском заливе.

Я работал над своим первым романом, который продвигался очень медленно и трудно. Я писал также короткие НФ рассказы, но жили мы, главным образом, на доходы от написания сценариев для английских комиксов, а также для ежедневных и воскресных выпусков комиксов «Флэш Гордон». Я люто ненавидел комиксы — но они кормили нас. Мир сделался намного лучше, когда я закончил мой первый роман «Мир смерти» и продал его «Изумлению» для опубликования в нескольких номерах. Вскоре «Бэнтам пресс» купило права на издание романа книгой в мягкой обложке, и тогда-то у нас, впервые в жизни, завелись деньги на банковском счету.

Мы нашли тихую гавань в Дании. (Почему? — спросите вы. Что ж, могу сознаться, что нам тогда казалось, что так будет лучше.) Тодд и его младшая сестра Мойра росли, говорили по-датски и процветали в этой скандинавской стране на северном краю Европы. На много лет мы сделали ее своим домом и были невероятно счастливы. Благодаря крепкому доллару и низким налогам, мы жили припеваючи. Зимой катались на лыжах в Норвегии. Лето проводили в Италии. Все это было самым близким подобием земного рая, какое только в состоянии вообразить себе литератор. Я писал по роману в год, и все они издавались. Не только в Великобритании и Америке, но и, в самом прямом смысле, по всему свету. (В Японии были опубликованы все мои романы до одного.) Мы много путешествовали и подружились с нашими шведскими, итальянскими, французскими, немецкими издателями.

Но я никогда не забывал о рассказах. В год я пишу и продаю в среднем по семь штук. Это происходит в промежутке между романами. Малый объем рассказа хорошо подходит для краткого выражения важных идей. В промежутках между романами, которые я вижу как башни моей карьеры, располагаются рассказы. Кирпичи, из которых сложена стена, соединяющая башни, образующая город моей писательской жизни.

Перелистывая сейчас эти страницы, я испытываю немалое удовольствие. Я встречаюсь с самим собой — молодым, восторженным, полным творческого горения. Какая энергия! Я не стал бы делать все это заново. Но мне это и не нужно. Все это я уже сделал.

Вот пятьдесят из моих рассказов — по одному за каждый год из тех, когда я писал научную фантастику. Я смотрю на пометки и понимаю, что некоторые из этих рассказов раз по двадцать включались в сборники. Они переведены на более чем тридцать языков. Ведя пальцем по оглавлению, я улыбаюсь своим воспоминаниям.

«Смертные муки пришельца» отклонили все американские журналы, потому что главный герой был атеистом; позже, когда мир образумился, рассказ напечатали в «Иезуит мансли».

Я послал экземпляр «Капитана Гонарио Харпплейера» С.С. Форестеру, так как рассказ представлял собой и пародию на его произведения, и дань уважения его замечательному таланту. Немногим позже я узнал, что этот великий человек совсем недавно умер. Может быть, это я убил его? Что, если он прочитал мой рассказ и умер от удара?

«Плюшевый мишка». В то время это было фантастикой. Сейчас вы можете купить персонального робота «тэдди». Стоит ли мне предъявлять иск на выплату лицензионных отчислений?

«Соседи». Рассказ перерос в роман, а по роману был сделан фильм «Зеленый сойлент, как соя». Мне потребовалось немало времени, чтобы выяснить, откуда в фильме взялось людоедство — вошло в фильм — в романе его, естественно, не было. Наконец я узнал, что же произошло. Продюсер попытался продать работу «Метро-Голдвин-Мейер» как фильм о перенаселенности. «МГМ» не сочла тему достаточно важной для того, чтобы посвящать ей фильм. Что ж, назад, к столу. Зажатый в угол сценарист добавил тему людоедства — и благодаря ей картину купили... Вспомним заключительную сцену фильма, когда выносят истекающего кровью Чарльтона Хестона, а он кричит: «Зеленый сойлент делают из людей!» (В действительности зеленые, как соя, бисквиты в фильме были выпилены из фанеры и выкрашены зеленой краской. У меня до сих пор сохранилось несколько штук; я вынимаю их и разглядываю всякий раз, когда пытаюсь постичь тайну кинематографического бизнеса.) Но с большим удовольствием вспоминаю вечер, когда состоялась премьера фильма. Театральный менеджер продавал зрителям апельсиновый и лай-

мовый сок с мякотью. Лаймовый напиток он с энтузиазмом именовал «сойлентовым зеленадом». Он, конечно, не видел фильма. Входившие в зал зрители с энтузиазмом поедали фрукты. Выходя по окончании фильма, все они делались зелеными, как соя, при виде машинки для шинковки фруктов.

Впрочем, меня занесло в сторону. Просто читайте рассказы и получайте удовольствие. Именно об этом вся эта книга.

Пятьдесят лет...
Вот это да!
Гарри Гаррисон!

Дублин, Ирландия
2000 г. н. э.

Я отношусь к числу тех скептиков, которые полагают, что и НЛО, и контакты с пришельцами из иных миров являются всего лишь порождениями игры воображения, что это проявления тех горячечных поисков помощи со стороны сверхъестественных сил, которым неустанно предается человечество. Живущий на небе Большой папа, который не желает подчиняться какой бы то ни было логике, как это было в «Близких контактах третьего рода», спрыгнет вниз, чтобы спасти человечество. Мало того, что я не верю в спасение, которое могут принести инопланетяне, я также очень и очень сомневаюсь в том, что там есть хоть кто-нибудь, способный посылать нам сигналы, которые старательно ловят ученые, занятые поиском внеземных цивилизаций. Несомненно, было бы очень приятно поболтать с соседями с других звезд, но я сомневаюсь, что нам это когда-либо удастся.

И тем не менее это не означает, что я не могу писать о жителях иных миров. Я не верю и в машины времени, а также в путешествия со скоростью большей, чем скорость света. Однако это не мешает мне писать рассказы, в которых используются эти темы. Все это очень важное НФ оборудование, которое должно использоваться. А инопланетянин как совершенно иное существо представляет собой безмерно богатое месторождение, разработкой которого никак нельзя пренебрегать.

И тема отдаленных планет тоже должна разрабатываться. Мы посетили Луну на страницах книг задолго до того, как на нее вступили астронавты. Исследование других планет это всего лишь следующий шаг в том же самом направлении. И потому рассказы об иных мирах четко разделяются на повествования о приключениях на отдаленных планетах и о встречах с вымышленными существами.

Смертные муки пришельца

Сейчас в это трудно поверить, но были времена, когда фантастика просто задыхалась от всяческих табу. Когда мой первый роман «Мир смерти» печатался с продолжением в журнале, из него изъяли слово «проклятый», все до единого. Писатели, за очень редкими исключениями, скрепя сердце соглашались на такие ограничения, потому что отказ означал невозможность публикации. Они просто-напросто не могли продать произведения, в которых явно нарушались принятые в дешевых журналах табу. Писателям некуда было податься, кроме журналов, а у редакторов, создавших эту систему, рука рефлекторно тянулась к синему карандашу.

Но в начале шестидесятых в воздухе повеяло переменами. Альгис Будрис, один из наиболее заметных и тогда еще молодых писателей, — и совершенно определенно не имевший никакого отношения к дешевым журналам, — стал редактором в одном из новых издательств в Чикаго (оно уже давно не существует). Джуди Меррил уже приобрела к тому времени репутацию составителя антологий и редактора, на дух не переносящего все табу дешевых журнальчиков. Она задумала отредактировать антологию под названием, насколько мне помнится, «Тонкая грань», а Будрис согласился ее издать. Все табу было решено игнорировать, а произведения отбирать только по их литературным достоинствам. Ура! Джуди разослала множеству авторов письмо с приглашением присылать рассказы, и все, как полагаю, восприняли ее идею с облегчением и радостью.

Мне тоже понравилась ее задумка, и я сразу написал ответное письмо, изложив идею рассказа, которая давно вертелась у меня в голове. Джуди благословила меня, и я начал писать. Сейчас, во времена интергалактического коварства и экзобиологического разврата, я с краской на щеках признаюсь, что осмелился на единственное нарушение табу — сделал главного героя атеистом. Позор! Сейчас-то вам легко смеяться, но в далеком 1961 году это было реальной смелостью.

Замысел этого важного для меня самого рассказа понемногу вызревал несколько лет. Иногда случается, что, когда автор решается написать подобный рассказ, от задуманной важности остается лишь намерение. Я очень рад, что с этим рассказом такого не

случилось. Я тщательно над ним потрудился, переписал, отпечатал на машинке и послал Джуди. Рассказ ей понравился, я получил за него гонорар, но антология так и не вышла. Подробности я знаю смутно, да и они уже стали историей. Мне ясно запомнились лишь длительные попытки выяснить, что же произошло, а затем долгая переписка, связанная с возвращением авторских прав. Наконец мне это удалось, и я с грустью наблюдал, как мой агент тратит деньги на почтовые марки, тщетно пытаясь продать рассказ хоть кому-нибудь. Увы... Рукопись футболили до тех пор, пока она, потрепанная и заляпанная кофейными пятнами, не улеглась уныло в ящике моего письменного стола.

Но что дальше? Должно быть, я все еще ругался, отправляя рассказ в Англию Брайану Олдиссу, пожелавшему его прочитать. В то время он составлял свою первую антологию в издательстве «Пингвин» и прочитал «Муки» в роли редактора. Рассказ ему понравился. Он прислал мне несколько весьма дельных редакторских замечаний, касающихся характера священника, я с ними согласился и внес исправления в рукопись.

Брайан хотел взять рассказ, но, поскольку он составлял антологию из уже опубликованных произведений, у меня все еще оставалось право сперва опубликовать его в журнале. Увы, меня обуяла жадность — всегда приятно получить деньги за один и тот же рассказ дважды, — но куда его пристроить? Теду Кэрнеллу, тогда редактору британского журнала «Новые миры», рассказ понравился, но и он пришел к выводу, что для его читателей рассказ чересчур бунтарский. Однако, узнав, что «Пингвин» вскоре его опубликует, он тоже набрался мужества и решился на публикацию. (Если вы решили, будто ему недоставало мужества, то позволю вам напомнить, что у американских редакторов мужество отсутствовало начисто.) Рассказ опубликовали в Англии и в журнале, и в антологии, а конец света так и не наступил.

Многие говорили, что рассказ им понравился. Его перевели на восемь языков. В конце концов я даже ухитрился опубликовать его в США, подсунув в свой первый сборник. И что же? А ничего — возмущенные толпы так и не запрудили улицы. Более того, едва американские редакторы узнали о существовании рассказа, он начал появляться и в американских антологиях.

У этого рассказа о рассказе конец еще счастливее. Недавно его включили, снабдив примечаниями и комментарием, в книгу для чтения для средней школы. А школы и церкви так и не сожгли.

Да, какими далекими кажутся сейчас эти трудности...

Где-то вверху, скрытый за вечными облаками планеты Вескера, гремел и ширился грохот. Услышав его, торговец Джон Гарт остановился и, приставив руку к здоровому уху, прислушался. При этом ботинки его слегка увязли в грязи. В плотной атмосфере звук то разрастался, то ослабевал, однако все более приближаясь.

— Такой же шум, как от твоего космического корабля, — сказал Итин, с бесстрастной вескерской логикой медленно расчленяя мысль, чтобы лучше обдумать ее. — Однако твой корабль все еще стоит на том месте, где ты его посадил. Хотя мы его и не видим, он должен быть там, потому что только ты один умеешь управлять им. А если бы даже это удалось кому-нибудь еще, мы услышали бы, как корабль поднимается в небо. Но так как мы раньше ничего не слышали, а такой грохот производит только космический корабль, то это должно означать...

— Да, еще один корабль, — перебил его Гарт, слишком поглощенный своими мыслями, чтобы дожидаться, пока замкнется медлительная цепь вескерских логических построений.

Разумеется, это другой космический корабль, и его появление было лишь вопросом времени; несомненно, этот корабль идет по курсу с помощью радиолокационной установки, как в свое время ориентировался и Гарт. Его собственный корабль будет ясно виден на экране вновь прибывающего корабля, и тот, наверно, сядет как можно ближе к нему.

— Тебе лучше не задерживаться, Итин, — предупредил Джон Гарт. — Добирайся по воде, чтобы скорей попасть в деревню. Скажи всем, чтобы они шли в болото, подальше от твердой земли. Корабль приземляется, и всякий, кто очутится под ним при посадке, будет изжарен.

Маленькая вескерская амфибия почувствовала неминуемую опасность. Прежде чем Гарт кончил говорить, ребристые уши Итина сложились наподобие крыльев летучей мыши, и он молча скользнул в соседний канал. Гарт захлюпал дальше по грязи, стараясь идти как можно быстрее. Он как раз достиг края поляны, на которой стояла деревня, когда грохот перешел в оглушительный рев и космический корабль пробился сквозь низкие слои облаков. Пламя метнулось книзу. Гарт прикрыл глаза и, испытывая противоречивые чувства, стал смотреть, как растет силуэт черно-серого корабля.

Проведя почти целый год на планете Вескера, он теперь вынужден был подавлять в себе тоску по человеческому обществу. Хотя эта тоска — глубоко похороненный пережиток стадного чувства — настойчиво напоминала Гарту о его родстве с остальным обезьяньим племенем, он по-коммерчески деловито подводил в уме черту под столбцом цифр и подсчитывал итог. Весьма вероятно, что прилетел еще один торговый корабль, и если это так, то его монополии на торговлю с жителями Вескера приходит конец. Впрочем, это мог быть и какой-нибудь иной корабль,

и именно поэтому Гарт остановился в тени гигантского папоротника и вытащил из кобуры револьвер.

Космический корабль высушил сотню квадратных метров грязи, грохот замер, и посадочные ноги с хрустом вонзились в потрескавшуюся землю. Раздался скрежет металла, и корабль застыл на месте, между тем как облако дыма и пара медленно оседало во влажном воздухе.

— Гарт, эй ты, вымогатель, грабитель туземцев, где ты? — прокричал на корабле громкоговоритель.

Очертания космического корабля были лишь слегка знакомы, но ошибиться относительно резких звуков этого голоса Гарт не мог. Выйдя на открытое место, он улыбнулся и, засунув в рот два пальца, пронзительно свистнул. Из нижней части корабля выдвинулся микрофон и повернулся к нему.

— Ты что тут делаешь, Сингх? — крикнул Гарт, обернувшись в сторону микрофона. — Неужто так обленился, что не смог найти для себя планету и явился сюда красть прибыль у честного торговца?

— Честного! — заревел усиленный громкоговорителем голос. — И это я слышу от человека, которому довелось повидать больше тюрем, чем публичных домов, а это, смею вам доложить, цифра немаленькая. Чертовски жаль, товарищ моей молодости, но я не могу присоединиться к тебе, чтобы вместе с тобой заняться эксплуатацией этой зачумленной дыры. Я держу путь к миру, где легче дышится, где ничего не стоит сколотить себе состояние. А сюда забрался лишь потому, что представился случай неплохо заработать, взяв на себя обязанности водителя такси. Я привез тебе друга, идеального товарища, человека, занятого делами совсем иного рода. А тебе он охотно поможет. Я бы вылез и поздоровался с тобой, если бы не боялся, что по возвращении меня засадят в карантин. Я выпускаю пассажира через тамбур: надеюсь, ты не откажешься помочь ему выгрузить багаж.

Итак, другого торговца на планете пока не предвидится, об этом можно было не беспокоиться. Однако Гарту не терпелось поскорей узнать, что за пассажир вздумал посетить этот далекий мир, купив себе билет лишь в один конец. И что таилось за скрытой насмешкой, звучавшей в голосе Сингха? Гарт обошел космический корабль, направляясь к тому месту, откуда была спущена лестница, и, взглянув вверх, увидел в грузовом отсеке человека, безуспешно пытавшегося справиться с большой корзиной. Человек обернулся, и Гарт, увидев высокий воротник священника, понял, над чем посмеивался Сингх.

— Что вам здесь нужно? — спросил Гарт; несмотря на попытку овладеть собой, он выпалил эти слова самым нелюбезным тоном.

Прибывший если и заметил, что его приняли странно, то не обратил на это внимания, так как продолжал улыбаться и протягивать руку, спускаясь по лестнице.

— Отец Марк, — представился он, — из миссионерского общества Братьев. Я очень рад...

— Я спрашиваю, что вам здесь нужно? — Голос Гарта звучал спокойно и холодно. Он знал теперь, как нужно было действовать при сложившихся обстоятельствах.

— Это же совершенно очевидно, — сказал отец Марк по-прежнему добродушно. — Наше миссионерское общество впервые собрало средства для посылки духовных эмиссаров на другие планеты. Мне посчастливилось...

— Забирайте свой багаж и возвращайтесь на корабль. Ваше присутствие здесь нежелательно, к тому же вы не имеете разрешения на высадку. Вы будете обузой, а здесь, на Вескере, некому заботиться о вас. Возвращайтесь на корабль.

— Я не знаю, кто вы такой, сэр, и почему вы лжете, — ответил священник. Он все еще был спокоен, но улыбка исчезла с его лица. — Я очень хорошо изучил космическое право и историю этой планеты. Здесь нет ни болезней, ни животных, которых можно было бы опасаться. К тому же это открытая планета, и до тех пор, пока Космическое управление не изменит ее статуса, я имею такое же право находиться тут, как и вы.

Закон был, конечно, на стороне миссионера, просто Гарт пытался его обмануть, надеясь, что тот не знает своих прав. Однако ничего из этого не вышло. У Гарта оставался еще один весьма неприятный выход, и ему следовало прибегнуть к нему, пока не поздно.

— Возвращайтесь на корабль, — крикнул он, уже не скрывая своего гнева. Спокойным жестом он вытащил револьвер из кобуры, и черное дуло оказалось в нескольких дюймах от живота священника. Тот побледнел, но не пошевельнулся.

— Какого дьявола ты хорохоришься, Гарт! — захрипел в громкоговорителе сдавленный голос Сингха. — Парень заплатил за проезд, и ты не имеешь права прогонять его с этой планеты.

— Я имею право, — сказал Гарт, поднимая револьвер и целясь священнику между глаз. — Даю ему тридцать секунд, чтобы он вернулся на борт корабля, а не то спущу курок.

— Ты что, рехнулся или разыгрываешь нас? — задребезжал раздраженный голос Сингха. — Если ты шутишь, то неудачно, и во всяком случае это тебе не поможет. В такую игру могут играть двое, только я тебя обставлю.

Послышался грохот тяжелых подшипников, и телеуправляемая четырехпушечная башня на борту корабля повернулась и нацелилась на Гарта.

— Спрячь револьвер и помоги отцу Марку выгрузить багаж, — скомандовал громкоговоритель; в голосе Сингха снова послышались юмористические нотки. — При всем желании ничем не могу помочь, дружище. Мне кажется, тебе сейчас самое время побеседовать с отцом миссионером. А с меня довольно — я имел возможность разговаривать с ним всю дорогу от Земли.

Гарт сунул револьвер в кобуру, остро переживая свою неудачу. Отец Марк шагнул вперед, на его губах снова заиграла обаятельная улыбка. Вынув из кармана Библию, он поднял ее над головой.

— Сын мой, — сказал он.

— Я не ваш сын, — с трудом выдавил из себя Гарт, весь кипевший от гнева после понесенного поражения.

Ярость в нем клокотала, он сжал кулаки; однако он заставил себя разжать пальцы и ударил священника ладонью. И все же тот рухнул от удара, а вслед за ним шлепнулась в густую грязь и раскрывшаяся Библия.

Итин и другие вескеряне наблюдали за происходящим внимательно, но, по-видимому, бесстрастно, а Гарт не счел нужным ответить на их невысказанные вопросы. Он направился к своему дому, но, почувствовав, что вескеряне все еще неподвижно стоят, обернулся.

— Прибыл новый человек, — сказал он. — Ему нужно будет помочь перенести вещи. Можете поставить их в большой склад, пока он сам что-нибудь не построит.

Гарт смотрел, как они заковыляли по лужайке к кораблю, затем вошел в дом и получил некоторое удовлетворение, хлопнув дверью так, что одна из створок треснула. С таким же болезненным удовольствием он откупорил последнюю бутылку ирландского виски, которую хранил для особого случая. Что ж, случай, конечно, особый, хотя и не совсем такой, какого ему хотелось. Виски было хорошее и частично заглушило неприятный вкус во рту. Если бы его тактика сработала, успех оправдал бы все. Но он потерпел неудачу, и к горечи поражения примешивалась мучительная мысль о том, что он выставил себя в дурацком свете. Сингх улетел, не попрощавшись. Неизвестно, какое впечатление создалось у него об этом происшествии, но по возвращении на Землю он, конечно, будет рассказывать удивительные истории. Ладно, беспокойство за свою репутацию можно отложить до следующего раза, когда он пожелает снова завербоваться. А теперь надо наладить отношения с миссионером. Сквозь завесу дождя Гарт разглядел, что священник старается установить складную палатку, а все жители деревни выстроились рядами и молча наблюдали. Само собой разумеется, никто из них не предложил помощи.

К тому времени, когда палатка была поставлена и в нее были сложены корзины и ящики, дождь прекратился. Уровень жидкости в бутылке значительно понизился, и Гарт почувствовал себя более подготовленным к неизбежной встрече. По правде говоря, он искал повод заговорить с миссионером. Если оставить в стороне всю эту противную историю, после года полного одиночества казалось привлекательным общение с любым человеком, кем бы он ни был. «Не согласитесь ли вы пообедать со мной? Джон Гарт», — написал он на обороте старой накладной. Но может быть, старик слишком напуган и не придет? Пожалуй, это не лучший способ наладить отношения. Пошарив под койкой, он нашел подходящий ящичек и положил в него свой револьвер. Когда Гарт открыл дверь, Итин, конечно, уже поджидал своего учителя, так как сегодня была его очередь исполнять обязанности Собирателя Знаний. Торговец протянул ему записку и ящик.

— Отнеси-ка это новому человеку, — приказал он.

— Нового человека зовут Новый Человек? — спросил Итин.

— Нет! — резко ответил Гарт. — Его зовут Марк. Но ведь я прошу тебя только отнести это, а не вступать в разговор.

Каждый раз, когда Гарт выходил из себя, вескеряне с их педантичным мышлением выигрывали раунд.

— Ты не просишь вступать в разговор, — медленно произнес Итин, — но Марк, может быть, и попросит. А другие поинтересуются, как его зовут, и если я не буду знать его име...

Он осекся, так как Гарт захлопнул дверь. Впрочем, это не имело значения: при следующей встрече с Итином — через день, через неделю или даже через месяц — монолог будет возобновлен с того самого слова, на котором он кончился, и мысль будет разжевываться до полной ясности. Гарт выругался про себя и залил водой две порции самых вкусных из еще сохранившихся у него концентратов.

Раздался торопливый стук в дверь.

— Войдите, — проговорил Гарт.

Вошел священник и протянул ящик с револьвером.

— Благодарю вас за то, что вы дали его мне взаймы, мистер Гарт, я ценю тот дух, который побудил вас послать его. Я не имею никакого понятия о том, что послужило причиной неприятностей, сопровождавших мое прибытие, но, пожалуй, лучше всего их позабыть, если мы собираемся некоторое время жить вместе на этой планете.

— Пьете? — спросил Гарт, взяв ящик и показывая на бутылку, стоявшую на столе. Он налил два стакана дополна и протянул один священнику. — Я думаю примерно так же, как и вы, но я должен, однако, вам объяснить, почему это произошло. — Он секунду хмуро смотрел на свой стакан, затем поднял его, пригла-

шая выпить. — Это большой мир, и мне кажется, что мы должны устроиться в нем как можно лучше. За ваше здоровье.

— Господь да пребудет с вами, — сказал отец Марк и тоже поднял стакан.

— Не со мной и не с этой планетой, — твердо заявил Гарт. — Вот в чем загвоздка. — *Он выпил с полстакана вина и вздохнул.*

— Вы говорите так, чтобы шокировать меня? — с улыбкой спросил священник. — Уверяю вас, на меня это не действует.

— И не собирался шокировать. Я сказал буквально то, что имел в виду. Я принадлежу, вероятно, к тем, кого вы называете атеистами, а потому до религиозных взглядов мне нет никакого дела. Здешние жители, простые необразованные существа каменного века, умудрялись до сих пор обходиться без всяких суеверий и без зачатков религии, и я надеялся, что они и дальше смогут жить так.

— Что вы говорите? — нахмурился священник. — Вы хотите сказать, что у них нет никакого божества, никакой веры в загробную жизнь? По-вашему, они должны умереть...

— *И умирают, и превращаются в прах,* как все остальные живые существа. У них есть гром, деревья, вода, но нет бога-громовержца, лесных духов и русалок. У них нет табу и заклинаний и уродливых божков, которые мучили бы их кошмарами и разными ограничениями. Они единственный первобытный народ из всех виденных мною, который совершенно свободен от суеверий и благодаря этому гораздо счастливее и разумнее других. Я хочу, чтобы они такими и остались.

— Вы хотите удержать их вдали от бога... от спасения? — Глаза священника расширились, и он слегка отшатнулся от Гарта.

— Нет, я хочу удержать их от суеверий, — возразил Гарт. — Пусть вескеряне сначала пополнят свои знания и научатся реалистически судить о явлениях природы.

— Вы оскорбляете церковное учение, сэр, приравнивая его к суеверию...

— Пожалуйста, — перебил Гарт, поднимая руку, — никаких теологических споров. Не думаю, чтобы ваше общество понесло расходы по этому путешествию лишь ради попытки обратить меня. Учтите то обстоятельство, что к своим взглядам я пришел *путем серьезных размышлений на протяжении многих лет,* и целой толпе студентов-богословов последнего курса не удастся их изменить. Я обещаю не пытаться обратить вас в свою веру, если вы пообещаете то же по отношению ко мне.

— Согласен, мистер Гарт. Вы мне напомнили, что моя миссия здесь заключается в спасении душ вескерян, и этим я должен заняться. Но почему моя деятельность могла так нарушить ваши планы, что вы старались удержать меня от высадки? Даже угро-

жали мне револьвером и... — Священник умолк и стал смотреть в свой стакан.

— И даже больно ударил вас? — спросил Гарт, внезапно нахмурившись. — Для этого нет никакого оправдания, и я готов просить у вас прощения. Просто плохие манеры, а характер и еще того хуже. Поживите долго в одиночестве, и вы сами начнете вести себя так. — Он задумчиво разглядывал свои большие руки, лежавшие на столе; шрамы и мозоли напоминали ему о прошлом. — Назовем это крушением надежд, за неимением лучшего выражения. Занимаясь своей профессией, вы не раз имели случай заглянуть в темные закоулки человеческой души и должны кое-что знать о побуждениях к действию и о счастье. Я вел слишком занятую жизнь, и мне ни разу не пришла в голову мысль осесть где-нибудь и завести семью; и вплоть до недавнего времени я не жалел об этом. Может быть, радиация размягчила мой мозг, но я стал относиться к этим волосатым рыбообразным вескерянам так, словно они в какой-то мере мои собственные дети, и я отчасти отвечаю за них.

— *Мы все Его дети, — спокойно заметил отец Марк.*

— Ладно, здесь живут те из его детей, которые даже не имеют представления о его существовании, — сказал Гарт, внезапно обозлившись на себя за то, что расчувствовался. Однако он тут же позабыл о своих переживаниях и весь подался вперед от охватившего его возбуждения. — Можете ли вы понять, как это важно? Поживите с вескерянами некоторое время, и вы увидите простую и счастливую жизнь, не уступающую состоянию благодати, о которой вы постоянно твердите. Они наслаждаются жизнью... и никому не причиняют вреда. В силу случайности они достигли своего теперешнего развития на бесплодной планете, так что им ни разу не представилась возможность подняться выше материальной культуры каменного века. Но в умственном отношении они не уступают нам... возможно, даже превосходят. Они выучили наш язык, так что я легко могу объяснить им все, что они хотят знать. Знание и приобретение знаний доставляют им подлинное удовлетворение. Иногда они могут вас раздражать, так как имеют обыкновение связывать каждый новый факт со всем, что им уже известно, но, чем больше они узнают, тем *быстрей происходит этот процесс.* Когда-нибудь они во всем сравняются с человеком, может быть, превзойдут нас. Если только... Вы согласны оказать мне услугу?

— Все, что в моих силах.

— Оставьте их в покое. Или же, если это уж так необходимо, учите их истории и естественным наукам, философии, юриспруденции, всему, что поможет им при столкновении с действительностью более широкого мира, о существовании которого

они раньше даже не знали. Но не сбивайте их с толку ненавистью и страданиями, виной, грехом и карой. Кто знает, какой вред...

— Ваши слова оскорбительны, сэр! — воскликнул священник, вскочив с места. Его седая голова едва доходила астронавту до подбородка, но он бесстрашно защищал то, во что верил.

Гарт, который тоже встал, уже не казался кающимся грешником. Они гневно смотрели друг на друга в упор, как всегда смотрят люди, непоколебимо защищающие то, что считают правильным.

— Это вы оскорбляете, — крикнул Гарт. — Какое невероятное самомнение — думать, что ваши неоригинальные жалкие мифы, лишь слегка отличающиеся от тысяч других, которые все еще тяготеют над людьми, могут внести что-либо иное, кроме сумятицы, в еще неискушенные умы! Неужели вы не понимаете, что они верят в правду и никогда не слышали о таком явлении, как ложь? Им никто еще не пытался внушить, что можно мыслить иначе. И вы хотите изменить...

— Я исполню свой долг, то есть Его волю, мистер Гарт. Здесь тоже живут божьи создания, и у них есть души. Я не могу уклоняться от своего долга, который состоит в том, чтобы донести до них Его слово и тем спасти их, введя в царствие небесное.

Когда священник открыл дверь, ветер рванул ее и распахнул настежь. Отец Марк исчез в кромешной тьме, а дверь то открывалась, то захлопывалась, и брызги дождя залетали в комнату. Гарт медленно пошел к двери, затворил ее и так и не увидел Итина, терпеливо, безропотно сидевшего под ливнем в надежде на то, что Гарт, быть может, на секунду задержится и поделится с ним еще одной частицей своих замечательных знаний.

С молчаливого обоюдного согласия об этом первом вечере больше никогда не упоминали. После нескольких дней, проведенных в одиночестве, еще более тягостном оттого, что каждый знал о близости другого, они возобновили беседы, но на строго нейтральные темы. Гарт постепенно упаковывал и прятал свои приобретения, не допуская, однако, и мысли о том, что его работа закончена и он может в любое время уехать. У него было довольно много редких лекарств и растительных препаратов, за которые ему дали бы хорошие деньги. А вескерские произведения искусства должны были вызвать сенсацию на космическом рынке с его высокими требованиями. До прибытия Гарта продукция художественных ремесел на этой планете ограничивалась главным образом резными изделиями, выполненными из твердого дерева с помощью осколков камня. Гарт снабдил вескерян инструментами и металлом из собственных запасов, вот и все. Через несколько месяцев вескеряне не только научились работать

с новыми материалами, но и воплотили свои замыслы и образы в самые странные — но и самые прекрасные — произведения искусства, которые он когда-либо видел. Гарту оставалось выбросить их на рынок, чтобы создать первоначальный спрос, а затем вернуться за новой партией. Вескерянам нужны были взамен лишь книги, инструменты и знания, и Гарт не сомневался, что скоро наступит время, когда они собственными силами смогут добиться приема в Галактический союз.

На это Гарт и надеялся. Но ветер перемен задул по поселку, который вырос вокруг корабля. Теперь уже не Гарт был центром внимания и средоточием всей жизни деревни. Он только усмехался, думая об утрате власти: однако его улыбку нельзя было назвать добродушной. Серьезные и внимательные, вескеряне все еще по очереди исполняли обязанности Собирателя Знаний, но Гарт им давал только голые факты, и это резко контрастировало с атмосферой интеллектуальной бури, окружавшей священника.

В то время как Гарт заставлял отрабатывать за каждую книгу, каждый инструмент, священник раздавал их бесплатно. Гарт пытался соблюдать постепенность в передаче знаний, относясь к вескерянам как к способным, но невежественным детям. Он хотел, чтобы они одолели одну ступеньку, прежде чем перейти к следующей, чтобы они сначала научились ходить и лишь затем бегать.

Отец Марк просто принес им все благодеяния христианства. Единственной физической работой, которую он потребовал, была постройка церкви — места для богослужения и проповеди. Из беспредельных, раскинувшихся по планете болот вышли новые толпы вескерян, и через несколько дней крыша, покоившаяся на столбах, была готова. Каждое утро паства немного работала, возводя стены, затем спешила внутрь, чтобы узнать многообещающие, всеобъемлющие, первостепенной важности факты, объясняющие устройство Вселенной.

Гарт никогда не говорил вескерянам, какого он мнения об их новом увлечении, и это происходило главным образом потому, что они никогда не спрашивали его. Гордость или чувство собственного достоинства мешали ему вцепиться в покорного слушателя и излить ему свои обиды. Возможно, все случилось бы иначе, если бы обязанности Собирателя Знаний по-прежнему лежали на Итине; он был самый сообразительный из всех. Но на следующий день после прибытия священника очередь Итина кончилась, и с тех пор Гарт с ним не разговаривал.

Поэтому для него было сюрпризом, когда через семнадцать вескерских дней, — а они в три раза длиннее, чем на Земле, — выйдя из дома после завтрака, он увидел у своих дверей делегацию. Итин должен был говорить от ее имени, и его рот был при-

открыт. У многих других вескерян рты были тоже открыты, один как будто даже зевал, так что был явственно виден двойной ряд острых зубов и пурпурно-черное горло. Завидя эти рты, Гарт понял, что предстоит серьезная беседа. Открытый рот означал какое-то сильное переживание: счастье, печаль или гнев. Обычно вескеряне были спокойны, и он никогда не видел такого количества разинутых ртов, каким теперь был окружен.

— Помоги нам, Джон Гарт, — начал Итин. — У нас есть к тебе вопрос.

— Я отвечу на любой ваш вопрос, — сказал Гарт, предчувствуя недоброе. — В чем дело?

— Существует ли бог?

— Что вы понимаете под «богом»? — в свою очередь спросил Гарт. Что им ответить?

— Бог — наш небесный отец, создавший всех нас и охраняющий нас. Кому мы молимся о помощи и кто, если мы спасемся, уготовил нам...

— Довольно, — отрезал Гарт. — Никакого бога нет.

Теперь они все, даже Итин, раскрыли рты, глядя на Гарта и обдумывая его ответ. Ряды розовых зубов могли бы показаться угрожающими, если бы Гарт не знал этих созданий так хорошо. На одно мгновение ему почудилось, что они уже восприняли христианское учение и считают его еретиком: но он отбросил эту мысль.

— Спасибо, — ответил Итин, и они повернулись и ушли.

Хотя утро было еще прохладное, Гарт с удивлением заметил, что он весь в поту.

Последствий не пришлось долго дожидаться. Итин вновь пришел к Гарту в тот же день.

— Не пойдешь ли ты в церковь? — спросил он. — Многое из того, что мы изучаем, трудно понять, но нет ничего трудней, чем это. Нам нужна твоя помощь, так как мы должны услышать тебя и отца Марка вместе. Потому что он говорит, что верно одно, а ты говоришь, что верно другое, а то и другое не могут быть одновременно правильными. Мы должны выяснить, что же верно.

— Конечно, я приду, — сказал Гарт, стараясь скрыть внезапно охватившее его возбуждение. Он ничего не предпринимал, но вескеряне все же пришли к нему. Возможно, есть еще основания надеяться, что они останутся свободными.

В церкви было жарко, и Гарт удивился, как много собралось там вескерян, больше, чем ему когда-либо приходилось видеть. Вокруг было множество открытых ртов. Отец Марк сидел за столом, заваленным книгами. Вид у него был несчастный. Он ничего не сказал, когда Гарт вошел. Гарт заговорил первым:

— Надеюсь, вы понимаете, что это их идея... что они по

своей доброй воле пришли ко мне и попросили меня явиться сюда?

— Знаю, — примирительно ответил священник. — Временами с ними бывает очень трудно. Но они учатся и хотят верить, а это главное.

— Отец Марк, торговец Гарт, нам нужна ваша помощь, — вмешался Итин. — Вы оба знаете много такого, чего мы не знаем. Вы должны помочь нам прийти к религии, а это не так-то легко. — Гарт хотел что-то сказать, затем передумал. Итин продолжал: — Мы прочли Библию и все книги, которые нам дал отец Марк, и пришли к общему мнению. Эти книги сильно отличаются от тех, что давал нам торговец Гарт. В книгах торговца Гарта описывается Вселенная, которой мы не видели, и она обходится без всякого бога, ведь о нем нигде не упоминается; мы искали очень тщательно. В книгах отца Марка он повсюду, и без него ничего не происходит. Одно из двух должно быть правильно, а другое неправильно. Мы не знаем, как это получается, но после того как выясним, что же верно, тогда, быть может, поймем. Если бога не существует...

— Разумеется, он существует, дети мои, — сказал отец Марк проникновенным голосом. — Он наш небесный отец, который создал всех нас...

— Кто создал бога? — спросил Итин, и шепот умолк, и все вескеряне пристально посмотрели на отца Марка. Он чуть отпрянул под их взглядом, затем улыбнулся.

— Никто не создавал бога, ибо он сам создатель. Он был всегда...

— Если он всегда существовал, то почему Вселенная не могла всегда существовать, не нуждаясь в создателе? — прервал его Итин потоком слов. Важность вопроса была очевидна. Священник отвечал неторопливо, с безграничным терпением:

— Я хотел бы, чтобы все ответы были так же просты, дети мои. Ведь даже ученые не согласны между собой в вопросе о происхождении Вселенной. В то время как они сомневаются, мы, узревшие свет истины, знаем. Мы можем видеть чудо созидания повсюду вокруг нас. А возможно ли созидание без создателя? Это он, наш отец, наш бог на небесах. Я знаю, вы сомневаетесь: это потому, что у вас есть души и ваша воля свободна. И все же ответ очень прост. Имейте веру — вот все, что вам надо. Только верьте.

— Как можем мы верить без доказательства?

— Если вы не можете понять, что сам этот мир является доказательством его существования, тогда я скажу вам, что вера не нуждается в доказательстве... если вы в самом деле верите!

Церковь наполнилась гулом голосов; у большинства веске-

рян рты были теперь широко раскрыты: эти существа пытались медленно пробиться сквозь паутину слов и отделить нить истины.

— Что можешь ты сказать нам, Гарт? — спросил Итин, и при звуке его голоса шум стих.

— Я могу посоветовать вам, чтобы вы пользовались научным методом, с помощью которого можно изучить все — включая самый метод, — и получить ответы, доказывающие истинность или ложность любого утверждения.

— Так мы и должны поступить, — ответил Итин. — Мы пришли к тому же выводу. — Он схватил толстую книгу, и по рядам присутствующих пробежала зыбь кивков. — Мы изучили Библию, как посоветовал нам отец Марк, и нашли ответ. Бог сотворит для нас чудо и тем докажет, что он бдит над нами. И по этому знаку мы узнаем его и придем к нему.

— Это грех ложной гордости, — возразил отец Марк. — Бог не нуждается в чудесах для доказательства своего существования.

— Но мы нуждаемся в чуде! — воскликнул Итин, и, хотя он не был человеком, в его голосе зазвучала жажда истины. — Мы прочли здесь о множестве мелких чудес — о хлебах, рыбах, вине... Некоторые из них были совершены по гораздо более ничтожным поводам. Теперь ему надо сотворить еще одно чудо, и он всех нас приведет к себе... И это будет чудом преклонения целого нового мира перед его престолом, как ты говорил нам, отец Марк. И ты говорил, насколько это важно. Мы обсудили этот вопрос и решили, что есть лишь одно чудо, наиболее подходящее для такого случая.

Скука, которую Гарт испытывал от теологических споров, мгновенно испарилась. Он не дал себе труда подумать, иначе сразу понял бы, к чему клонится дело. На той странице, на которой Итин раскрыл Библию, была какая-то картинка; Гарт заранее знал, что там было изображено. Он медленно встал со стула, как бы потягиваясь, и обернулся к священнику, который сидел позади него.

— Приготовьтесь! — прошептал Гарт. — Выходите с задней стороны и идите к кораблю; я задержу их здесь. Не думаю, чтобы они причинили мне вред.

— Что вы хотите сказать? — спросил отец Марк, удивленно моргая.

— Уходите вы, глупец! — прошипел Гарт. — Как вы думаете, какое чудо они имеют в виду? Какое чудо, по преданию, обратило мир в христианство?

— Нет! — пробормотал отец Марк. — Не может быть. Этого просто не может быть!..

— Быстрее! — крикнул Гарт, стаскивая священника со стула и отшвыривая его к задней стене.

Отец Марк, споткнувшись, остановился, затем повернул назад. Гарт ринулся к нему, но опоздал. Амфибии были маленькие, но их собралось так много! Гарт разразился бранью, и его кулак опустился на Итина, отбросив его в толпу. Когда он стал прокладывать себе путь к священнику, другие вескеряне тесно окружили его. Он бил их, но это было все равно что бороться с волками. Мохнатые, пахнущие мускусом тела затопили и поглотили его. Он не прекратил сопротивления даже тогда, когда его связали и стали бить по голове. Но амфибии вытащили его наружу, и теперь он мог лишь лежать под дождем, ругаться и наблюдать.

Вескеряне были чудесными работниками и все до последней подробности сделали так, как на картинке в Библии: крест, прочно установленный на вершине небольшого холма, блестящие металлические гвозди, молоток. С отца Марка сняли всю одежду и надели на него тщательно сложенную складками набедренную повязку. Они вывели его из церкви.

При виде креста миссионер едва не лишился чувств. Но затем он высоко поднял голову и решил умереть так, как жил, — с верой.

Но это было тяжело. Это было невыносимо даже для Гарта, который только смотрел. Одно дело говорить о распятии и разглядывать при тусклом свете лампады красиво изваянное тело. Другое — видеть обнаженного человека, с веревками, врезавшимися в тех местах, где тело привязано к деревянному брусу. И видеть, как берут остроконечные гвозди и приставляют их к мягкой плоти — к его ладони, как спокойно и равномерно ходит взад и вперед молоток, словно им размеренно работает мастеровой. Слышать глухой стук металла, проникающего в плоть.

А затем слышать вопли.

Немногие рождены для мученичества; отец Марк не принадлежал к их числу. При первых же ударах он закусил губу: из нее потекла кровь. Потом его рот широко раскрылся, голова запрокинулась, и ужасные гортанные крики то и дело врывались в шепот падающего дождя. Они вызывали немой отклик в толпе наблюдавших вескерян: какого бы характера ни было волнение, от которого раскрывались их рты, теперь оно терзало их с огромной силой, и ряды разверстых пастей отражали смертные муки распятого священника.

К счастью, он лишился чувств, как только был вбит последний гвоздь. Кровь бежала из свежих ран, смешиваясь с дождем и бледно-розовыми каплями стекая с ног, по мере того как жизнь покидала его. Почти в то же время Гарт, рыдавший и пытавшийся разорвать свои путы, потерял сознание, оглушенный ударами по голове.

Он пришел в себя на своем складе, когда уже стемнело. Кто-то перерезал плетеные веревки, которыми он был связан. Снаружи все еще слышался шум дождевых капель.

— Итин, — сказал Гарт. Это мог быть только он.

— Да, — прошептал в ответ голос вескерянина. — Остальные все еще разговаривают в церкви. Лин умер после того, как ты ударил его по голове, а Инон очень болен. Некоторые говорят, что тебя тоже надо распять, и я думаю, так и случится. Или, может быть, тебя забросают камнями. Они нашли в Библии место, где говорится...

— Я знаю. — Бесконечно усталый Гарт продолжал: — Око за око. Вы найдете кучу таких изречений, стоит только поискать. Это изумительная книга!

Голова Гарта разламывалась от боли.

— Ты должен уйти, ты можешь добраться до своего корабля так, что никто не заметит тебя. Хватит убийств. — В голосе Итина тоже прозвучала усталость, охватившая его впервые в жизни.

Гарт попытался встать. Он прижимался головой к шершавой деревянной стене, пока тошнота не прекратилась.

— Он умер. — Это звучало как утверждение, а не вопрос.

— Да, недавно. Иначе я не мог бы уйти к тебе.

— И разумеется, похоронен, не то им не пришло бы в голову приняться теперь за меня.

— И похоронен! — В голосе вескерянина звучало что-то похожее на волнение, отголоски интонаций умершего священника. — Он похоронен и воскреснет на небесах. Так написано, значит, так и произойдет. Отец Марк будет очень счастлив, что все так случилось. — Итин издал звук, напоминающий человеческое всхлипывание.

Гарт с трудом побрел к двери, то и дело прислоняясь к стене, чтобы не упасть.

— Мы правильно поступили, не правда ли? — спросил Итин. Ответа не последовало. — Он воскреснет, Гарт, разве он не воскреснет?

Гарт уже стоял у двери, и в отблесках огней из ярко освещенной церкви можно было разглядеть его исцарапанные, окровавленные руки, вцепившиеся в дверной косяк. Совсем рядом из темноты вынырнуло лицо Итина, и Гарт почувствовал, как нежные руки с многочисленными пальцами и острыми когтями ухватились за его одежду.

— Он воскреснет, ведь так, Гарт?

— Нет, — произнес Гарт, — он останется там, где вы его зарыли. Ничего не произойдет, потому что он мертв и останется мертвым.

Дождь струился по меху Итина, а рот его был так широко раскрыт, что, казалось, он кричит в ночь. Лишь с большим усилием смог он вновь заговорить, втискивая чуждые ему мысли в чуждые слова:

— Стало быть, мы не будем спасены? Мы не станем безгрешными?

— Вы были безгрешными, — ответил Гарт, и в голосе его послышалось не то рыдание, не то смех. — Ужасно неприглядная, грязная история. Вы были безгрешными. А теперь вы...

— Убийцы, — сказал Итин. Вода струилась по его поникшей голове и стекала куда-то в темноту.

Спасательная операция

Это рассказ о реальном событии, произошедшем в реальном месте. Все персонажи, за исключением одного, реальны, и со всеми я встречался на самом деле. Я ходил по тому острову и купался в том море. И именно тогда созрела идея этого рассказа.

Югославия, вероятно, наиболее примитивная страна Европы. Дикая, заброшенная, предмет многовековых военных споров, населенная всевозможными группами людей и нациями, вечно раздираемая на людской памяти сепаратизмом. Когда немцы захватили ее во время Второй мировой войны, в горы ушли вооруженные партизаны. И принялись сражаться друг с другом, лишь потом обратив оружие против общего врага. В начале той же войны в стране (если не считать городов) имелось всего четырнадцать миль дорог с твердым покрытием.

Во времена маршала Тито все начало стремительно меняться. Теперь страну пересекают широкие шоссе, по которым в страну едут туристы с твердой валютой. Югославия прочно вошла в двадцатый век.

Мне довелось стать одним из первых послевоенных путешественников, добравшихся до весьма отдаленных уголков страны, и мне подвернулась хорошая возможность наблюдать жизнь такой, какой она текла здесь столетиями. Сами понимаете, восхитительной ее не назовешь. Зато теперь в стране есть Институт ядерных исследований.

Югославия — микрокосм, отражающий весь мир. И под горячими лучами ее солнца я внезапно увидел, как можно расширить ее границы на всю планету, добавив лишь знакомое всем любителям фантастики устройство.

— Тяни! Тяни! Да не останавливайся ты!.. — крикнул Драгомир, хватаясь за смоленые сети.

Рядом с ним в душной темноте Прибислав Поляшек, напрягая все силы, выбирал мокрый невод. Сеть была невидима в черной воде; захваченный ею голубой огонек поднимался все ближе и ближе к поверхности моря.

— Боже мой, он выскальзывает из сети... — в отчаянии простонал Прибислав и схватился рукой за шероховатый планшир их небольшой лодки.

На мгновение он успел увидеть голубую лампочку на шлеме, прозрачное забрало и тело в скафандре — затем оно выскользнуло из сети и скрылось в темноте. Ему лишь удалось рассмотреть цилиндры на спине, перед тем как оно исчезло.

— Ты заметил? — произнес он. — Перед тем как выскользнуть из сети, он махнул рукой.

— Ну не знаю — может, у него просто шевельнулась рука и задела сеть. Или он еще жив?

Драгомир перегнулся за борт, его лицо почти касалось стеклянной поверхности моря, но ничего рассмотреть ему не удалось.

— Думаю, он жив.

Рыбаки сели на банки, глядя друг на друга в резком свете шипящего ацетиленового фонаря на носу. Между этими двумя мужчинами не было ничего общего — и все-таки они очень походили друг на друга: оба в испачканных мешковатых шароварах и выцветших хлопчатобумажных рубашках. Их руки покрывали глубокие шрамы и мозоли от многолетнего труда, а мысли были неторопливыми и размеренными, соответствуя числу прожитых лет и ритму местной жизни.

— Мы не сможем вытащить его неводом, — заметил наконец Драгомир, который, как всегда, заговорил первым.

— Значит, нам понадобится помощь, — рассудил Прибислав. — Мы поставили буй и сумеем снова найти это место.

— Да, помощь нам понадобится, — согласился Драгомир. Он разжал большие сильные руки и наклонился через борт, чтобы втащить в лодку всю сеть. — Ныряльщик, который живет в доме вдовы Кореч, знает, как поступить. Его фамилия Кукович; Петар говорит, он доктор наук из университета в Любляне.

Друзья вставили весла в уключины, и тяжелая лодка медленно заскользила по гладкой поверхности Адриатического моря. Еще до того как они достигли берега, небо посветлело, а когда рыбаки привязали носовой линь к ржавому рыму в стенке причала деревни Брбинчи, солнце уже встало над горизонтом.

Джозе Кукович смотрел на поднимающийся солнечный шар. Было раннее утро, однако становилось жарко. Он зевнул и потянулся. Вдова, шаркая, подошла к нему, пробормотала: «Доброе утро», — и поставила на каменные перила крыльца поднос с утренним кофе. Кукович отодвинул поднос, сел рядом на перила и вылил содержимое маленького кофейника с длинной ручкой в чашку. Густой кофе по-турецки окончательно разбудит его, несмотря на такой ранний час. Сидя на перилах, он взглянул на немощеную пыльную улицу, ведущую к порту.

Деревня уже просыпалась. Две женщины, несущие воду в медных кувшинах на головах, остановились поболтать. Крестьяне везли на рынок продукты — корзины с капустой и картофелем, подносы помидоров были прикреплены к спинам маленьких осликов. Один из них пронзительно закричал — резкий, неприятный звук разорвал тишину утра и отразился эхом от стен выбеленных солнцем домов. Жарко.

Деревня Брбинчи находилась в середине глухого края, настоящий медвежий угол, отгороженный от остального мира морем и голыми, высохшими холмами. Казалось, деревня спала на протяжении веков, постепенно умирая. Здесь не было ничего привлекательного — если не считать моря.

Под зеркальной голубой поверхностью моря таился иной мир, неотразимо привлекавший к себе Джозе. Прохладные тенистые равнины, глубокие долины — здесь скрывалось больше жизни, чем на выжженных солнцем берегах, окружавших залив. А сколько интересного: накануне ему удалось найти римскую галеру, наполовину занесенную морским песком. Правда, это произошло уже в конце дня, и было слишком поздно для того, чтобы внимательно обследовать ее. Он спустится к ней сегодня — первый человек за последние две тысячи лет. Один бог знает, что находится внутри галеры. Рядом с ней Джозе заметил осколки разбитых амфор — не исключено, что внутри находятся и целые.

С удовольствием глотая обжигающий кофе, он следил за небольшой лодкой, причалившей к пирсу. «Интересно, куда спешат эти два рыбака?» — подумал он. Они почти бежали, а ведь здесь никто не бегает летом. Рыбаки направились по улице в его сторону. Остановившись у крыльца, старший обратился к Джозе:

— Доктор, можно подняться к вам? У нас срочное дело.

— Да, конечно. Заходите. — Кукович был немало удивлен. Уж не принимают ли его за врача?

Драгомир поднялся по ступенькам и замешкался, не зная, с чего начать. Потом указал в сторону моря.

— Он упал прошлой ночью. Мы видели его своими глазами — это спутник, вне всякого сомнения.

— Путник?

Джозе Кукович наморщил лоб. Ему показалось, что он неправильно понял старого рыбака. Когда местные жители волно-

вались и говорили очень быстро, ученому было трудно разобраться в их диалекте. Для такой маленькой страны, как Югославия, в ней было слишком много языков и наречий.

— Нет, не путник, а спутник, один из русских космических кораблей.

— Или американский, — в первый раз открыл рот Прибыслав, но на его слова не обратили внимания.

Джозе улыбнулся и помешал ложкой густую кофейную массу.

— А вы уверены, что не метеорит? В это время года наблюдается обильный метеоритный поток.

— Спутник, — упрямо настаивал Драгомир. — Сам корабль упал далеко от нас в Ядранском море и исчез под водой, мы видели. А космонавт опустился совсем рядом с нами и пошел на дно...

— Что вы сказали? — изумленно воскликнул Джозе и вскочил. Медный поднос со звоном упал на каменную поверхность крыльца, дребезжа покатался кругами и замер. — В нем был человек — и ему удалось спастись?

Оба рыбака кивнули, и Драгомир продолжил свой рассказ:

— Когда спутник пролетал над нами, от него отделился огонек, опустившийся недалеко от нас. Мы не видели, что это такое, и стали грести изо всех сил по направлению к огоньку. Он погружался в воду, но мы успели закинуть сеть и поймали его...

— Вам удалось спасти космонавта?

— Нет, но когда мы подтянули сеть к самой поверхности, то увидели, что он одет в тяжелый скафандр, а в шлеме впереди окошко — как у водолазов. Кроме того, на спине у него было что-то, похожее на баллоны, с которыми вы ныряете.

— Он успел махнуть нам рукой, — добавил Прибыслав.

— Мы не успели его рассмотреть. К вам мы пришли за помощью.

Наступила тишина, и Джозе понял, что он — единственный человек, способный оказать эту помощь, и что теперь ответственность за спасение космонавта лежит на нем. С чего начать? У космонавта могут быть кислородные баллоны — Кукович не имел представления, что предусмотрено при спуске космонавтов на воду. Если в баллонах действительно кислород, он еще жив.

Джозе расхаживал по крыльцу и размышлял. Он был невысоким коренастым мужчиной, одетым в шорты цвета хаки и сандалии. Его нельзя было назвать привлекательным: нос слишком велик, и зубы выступали вперед, — но от него исходило ощущение силы и власти. Внезапно Джозе остановился и ткнул пальцем в сторону Прибыслава.

— Нужно поднять его на поверхность. Вы можете найти это место?

— Да, мы поставили там буй.

— Отлично. Нам может понадобиться врач. В деревне врача нет, но, может быть, есть в Осоре?

— Доктор Братош, правда, он совсем старый...

— Пока не умер, он нам понадобится. Есть в деревне кто-нибудь, умеющий управлять автомобилем?

Рыбаки подняли глаза к небу и задумались. Джозе с трудом сдерживал нетерпение.

— По-моему, есть, — произнес наконец Драгомир. — Петар был когда-то в партизанах...

— Совершенно верно, — подтвердил Прибыслав. — Он все время рассказывает о том, как они крали у немцев грузовики и как он сидел за рулем...

— Ну что ж, пусть один из вас отправится к этому Петару и передаст ему ключи от моей машины. Это немецкий автомобиль, так что он должен справиться. Передайте ему: пусть везет врача — и как можно быстрее.

Драгомир взял ключи из протянутой руки Куковича и тут же передал их Прибыславу, который быстро сбежал с крыльца.

— А теперь постараемся поднять со дна этого космонавта, — сказал Джозе, схватил снаряжение для плавания под водой и стремительными шагами направился к лодке.

Спасатели взялись за весла и, делая гребки, поплыли к буе. Было заметно, что основную часть работы выполняет Драгомир.

— Какова глубина в том месте? — спросил Джозе. Он уже обливался по́том, и солнечные лучи жгли его голую спину.

— Пролив Кварнерич становится глубже в направлении острова Раб, но мы ловили рыбу недалеко от Тристеника, а там гораздо мельче. Думаю, не больше четырех саженей. Смотрите, мы уже рядом с буем.

— Четыре сажени — это семь метров. Пожалуй, найти его будет нетрудно.

Джозе встал на колени и просунул руки в лямки баллонов. Проверил действие клапанов, потуже затянул ремни и, перед тем как вставить в рот загубник, повернулся к рыбаку:

— Удерживайте лодку у буя — я буду пользоваться ею в качестве ориентира. Если мне понадобится линь или какая-нибудь другая помощь, я всплыву прямо над космонавтом и вы подплывете ко мне.

Он включил подачу кислорода и опустился в воду. Прохлада приятно обняла его разгоряченное тело. Энергично двигая ногами, он плыл ко дну, опускаясь вдоль троса, ведущего к якорю буя, — и сразу увидел космонавта, распростертого на белом песке.

Несмотря на растущее волнение, Джозе заставил себя двигаться осторожно. По мере приближения к лежавшему на дне че-

ловеку Джозе различал все больше деталей. На скафандре не было никаких опознавательных знаков, он мог принадлежать в равной степени как американскому, так и русскому космонавту. Скафандр казался жестким, сделанным из металла или армированного пластика, и был окрашен в зеленый цвет. На шлеме было одно плоское забрало.

Зная, что расстояния и размеры предметов под водой искажаются, Джозе опустился на песок рядом с распростертой фигурой и лишь в это мгновение понял, что длина скафандра меньше четырех футов. Он открыл рот от изумления и едва не захлебнулся.

Затем он заглянул в стекло шлема и понял, что существо, заключенное в скафандр, не является человеком.

Джозе закашлялся, выпустив изо рта струю воздушных пузырьков, сразу устремившихся к поверхности, — он сдерживал дыхание и не замечал этого. Медленно двигая ногами, ученый плавал над лежавшей на дне фигурой, стараясь сохранять положение, и смотрел на лицо в шлеме.

Оно было неподвижным, словно сделанным из воска, зеленого воска, с шероховатой кожей и большим тонкогубым ртом. Выпуклые глазные яблоки были закрыты веками. Черты лица в общем напоминали человеческие, но у людей никогда не было такого цвета лица, равно как и гребня, начинавшего расти над закрытыми глазами и исчезавшего из поля зрения Джозе на макушке. Ученый смотрел на скафандр, сделанный из какого-то неизвестного материала, и на компактный аппарат регенерации атмосферы, необходимой для дыхания космонавта, расположенный на груди инопланетянина. Но чем дышит пришелец? Джозе перевел взгляд на лицо инопланетянина и увидел, что тот открыл глаза и следит за ним.

Ученого охватил страх, он рванулся к поверхности, как испуганная рыба, и тут же рассердился на себя и вернулся. Инопланетянин слабым движением поднял и бессильно уронил руку. Джозе посмотрел через прозрачное забрало шлема — глаза снова закрылись. Пришелец был жив, но не мог двигаться, может быть, пострадал при приземлении и испытывал мучительную боль. То, что космический корабль инопланетянина свалился в море, говорило о том, что он был неисправен. Протянув руки, Джозе осторожно поднял маленькое тело инопланетянина с морского дна, пытаясь не обращать внимания на чувство отвращения, охватившее его, когда холодный материал скафандра коснулся голых рук. «Это всего лишь металл или пластик, — подумал Джозе, — нужно сохранять самообладание исследователя». Когда он выпрямился, глаза пришельца все еще оставались закрытыми, и ученый поплыл к поверхности, держа неподвижное, почти невесомое тело.

— Ну-ка ты, мужик, помоги мне! — крикнул он, выплюнув изо рта загубник и энергично работая ногами, чтобы вновь не погрузиться. Однако Драгомир лишь испуганно покачал головой и отодвинулся на самый нос лодки, увидев, что поднял со дна ученый.

— Это пришелец из другого мира! Он не причинит тебе зла! — снова крикнул Джозе, но рыбак отодвинулся еще дальше.

Ученый громко выругался и с трудом поднял инопланетянина в лодку, затем вскарабкался сам. Несмотря на то что он был гораздо меньше и слабее Драгомира, с помощью угроз ему удалось заставить рыбака сесть за весла — но и тут рыбак выбрал самую дальнюю от кормы пару уключин, хотя грести здесь было намного труднее.

Джозе снял акваланг, бросил баллоны на дно лодки и внимательно посмотрел на быстро высыхающий материал, из которого был сделан скафандр инопланетянина. Его охватило любопытство исследователя, и ученый забыл о своем страхе перед неизвестным. По профессии Кукович был атомным физиком, но у него хватало знаний в области химии и механики, чтобы понять, что светло-зеленый скафандр изготовлен из материала, совершенно неизвестного на Земле. Судя по всему, он был прочен и тверд, как сталь, и в то же время эластичен и легко сгибался в суставах — Джозе убедился в этом, подняв и опустив безжизненную руку инопланетянина. Он окинул взглядом крошечную фигурку пришельца: посреди его тела, там, где у человека поясница, находилось жесткое утолщение, с которого свисал объемистый мешок, похожий на большой шотландский спорран. Весь скафандр казался цельным, без соединений — тут взгляд Джозе упал на правую ногу инопланетянина. Боже мой! Она была искалечена, словно ее сжали гигантскими плоскогубцами. Возможно, поэтому инопланетянин и не приходил в сознание. Может быть, он страдает от болевого шока?

Глаза пришельца снова открылись, и Джозе внезапно с ужасом понял, что шлем наполнен водой. Она, по-видимому, просочилась внутрь, и инопланетянин задыхается, захлебывается в этой воде. Ученый в панике схватился руками за шлем, пытаясь открутить и снять его. Огромные глаза гостя из космоса безучастно следили за его движениями.

Джозе взял себя в руки. Прежде всего надо обдумать свои действия, решил он. Инопланетянин лежит спокойно, с открытыми глазами, из носа или рта не выходят пузырьки воздуха. Дышит ли он? Вода просочилась внутрь шлема — или всегда была там? Да и вода ли это? Кто знает, чем дышит инопланетянин — метаном, хлором, двуокисью серы, — а может быть, водой? Жидкость действительно находилась внутри скафандра и не просачи-

валась наружу. Существо, находящееся в нем, не подавало никаких признаков беспокойства.

Джозе поднял голову и увидел, что лодка, влекомая могучими гребками перепуганного Драгомира, уже достигла берега, где собралась толпа.

Лодка едва не перевернулась, когда рыбак в панике выскочил, при этом оттолкнув ее от берега. Джозе увидел, что берег удаляется, взял со дна лодки швартовочный трос и свернул его в кольцо.

— Эй, вы! — крикнул он. — Ловите трос и привяжите его к рыму!

Никто на берегу не шелохнулся. Люди стояли, глядя на фигурку в зеленом скафандре, распростертую на дне лодки. В толпе раздался шепот — словно ветер пронесся через сосновый бор, шевеля ветки. Женщины прижимали руки к груди и крестились.

— Ну, ловите! — снова крикнул Джозе, стиснув зубы и стараясь не давать воли гневу.

Он швырнул трос на берег, и толпа отпрянула от него; только один мальчишка схватил трос и медленно продел его через ржавое кольцо. Его руки дрожали, голова склонилась набок, изо рта капали слюни. Он был слабоумным и не понимал, что происходит; мальчик всего лишь исполнил приказ.

— Помогите мне вынести его на берег, — произнес Джозе и тут же понял, что его просьба бесполезна.

Крестьяне отступили назад — темная толпа с одинаковыми, широко открытыми глазами, женщины, похожие на огромных кукол, в длинных широких юбках, черных чулках и высоких фетровых ботинках. Никто не придет на помощь, решил Джозе, и все придется делать самому. С трудом сохраняя равновесие в неустойчивой лодке, он поднял инопланетянина и осторожно опустил его на грубые камни портовой стенки. Толпа отпрянула еще дальше. Несколько женщин застонали и бросились бежать; среди мужчин послышался ропот. Джозе не обратил на это никакого внимания.

Ему не только не помогут, понял он, но могут даже помешать. Самое безопасное место — его комната в доме вдовы Кореч; там его вряд ли решатся беспокоить. Джозе наклонился, поднял легкое тело инопланетянина, и в этот момент сквозь толпу кто-то протолкнулся.

— Дайте посмотреть — что это? Святая дева Мария, — злой дух!

Старый священник с ужасом смотрел на инопланетянина в руках ученого и пятился назад, держась за распятие обеими руками.

— Ну что это за предрассудки, суеверия какие-то! — огрызнулся Джозе. — Это не дьявол, а пришелец из дальних миров, разумное существо. А теперь прочь с дороги!

Кукович двинулся вперед, и толпа расступилась. Он старался идти как можно быстрее, в то же время не создавая впечатления, что спешит. Толпа осталась позади. За спиной ученого слышался звук быстрых шагов; он оглянулся. Его догонял священник, отец Перч. Грязная сутана развевалась, и он задыхался от непривычной спешки.

— Скажите мне, доктор Кукович, что вы собираетесь делать с этим существом? Что это? Скажите...

— Я уже объяснил вам, святой отец. Это — инопланетянин. Два местных рыбака нынче ночью видели, как в море опустился космический корабль. Этот... инопланетянин прилетел на нем, а корабль утонул. — Джозе старался говорить как можно спокойнее. Население деревни может причинить ему массу неприятностей, но, если священник окажется на его стороне, их можно избежать. — Это — существо из другого мира, святой отец, оно дышит в воде. Оно получило повреждения во время катастрофы, и наш долг помочь ему.

Отец Перч бежал рядом с Джозе, поспешно семеня и глядя на инопланетянина с очевидным отвращением.

— Небогоугодное это дело, — бормотал он. — Это — нечистый, злой дух...

— Неужели вы не можете понять, что это не демон и не дьявол? Церковь признает возможность существования разумных существ на других планетах — иезуиты даже настаивают на этом, — почему бы и вам не согласиться с такой точкой зрения? Даже папа римский считает, что на отдаленных планетах есть жизнь.

— Вот как? Неужели? — Старый священник недоуменно моргнул красными веками.

Джозе прошел мимо него и поднялся по ступенькам в дом вдовы Кореч. Хозяйки нигде не было видно. Он прошел в свою комнату и осторожно опустил инопланетянина, все еще не приходящего в сознание, на кровать. Священник неуверенно топтался на пороге, перебирая четки дрожащими пальцами. Положив инопланетянина на кровать, Джозе выпрямился и посмотрел на него с такой же неуверенностью, как и священник. Что делать дальше? Гость из космоса ранен, может быть, даже умирает. Он должен спасти инопланетянина, что-то предпринять.

Внезапно издалека донесся звук мотора. В душной комнате словно повеяло свежим воздухом, и Кукович с облегчением вздохнул. Он узнал свой автомобиль, который должен был привезти доктора. Машина остановилась у крыльца, хлопнули дверцы, но шагов не было слышно. Джозе замер, напряженно прислушива-

ясь. Врач разговаривает с жителями деревни, которые рассказывают ему о происшедшем, понял он. Прошла минута, показавшаяся ему вечностью. Джозе пошел к выходу, но остановился перед священником, все еще стоящим на пороге. «Чего они не идут, черт их побери?» — подумал Джозе. Окно его комнаты выходило во двор, и он не видел улицу перед домом. Затем наружная дверь открылась, и он услышал шепот вдовы: «Проходите сюда, доктор, прямо по коридору».

Вошли двое мужчин, покрытых пылью после поездки. Один из них был явно врачом — невысокий полный мужчина, лысая голова покрыта капельками пота. В руке он держал потрепанный черный саквояж. Рядом с ним был другой мужчина с загорелым и обветренным лицом, одетый как рыбак. Джозе понял, что это и есть Петар, бывший партизан.

Петар первым подошел к кровати; врач остановился посреди комнаты, сжимая черный саквояж и нервно оглядываясь по сторонам.

— Что это такое? — спросил Петар, затем наклонился, упершись руками в колени, и заглянул в прозрачное забрало шлема. — Безобразное существо, это уж точно.

— Я не знаю, кто это. Единственное, что нам известно, — это существо прилетело с какой-то другой планеты. А теперь отойдите — пусть на него посмотрит врач.

Джозе сделал приглашающий жест, и врач неохотно шагнул вперед.

— Вы, должно быть, доктор Братош? Меня зовут Джозе Кукович, я профессор атомной физики из Люблянского университета.

Джозе решил, что некоторый престиж не повредит ему, может быть, удастся заручиться поддержкой врача, пусть и против его желания.

— Здравствуйте. Для меня большая честь встретить профессора из университета. Но я не понимаю, что от меня требуется?

Когда врач говорил, его голова тряслась, и Джозе понял, что он очень стар, ему далеко за восемьдесят. «Да, — подумал ученый, — придется проявить терпение».

— Этот инопланетянин — кем бы он ни был — пострадал во время посадки и не приходит в себя. Нужно сделать все, что в наших силах, чтобы спасти его.

— Но что я могу? Это существо заключено в металлический скафандр, — наполненный водой, по-видимому. Я врач, медицина — моя профессия, но я не лечу животных и таких вот существ.

— И я тоже не специалист в этой области — на Земле вообще нет ни единого специалиста по инопланетянам. Но нужно постараться, сделать все возможное. Мы должны снять с него скафандр и выяснить, как ему помочь.

— Но это невозможно! Внутри находится жидкость, она тут же вытечет.

— Да, конечно, поэтому нужно принять меры предосторожности. Постараемся определить состав жидкости, затем наполнить ею ванну в соседней комнате. Я внимательно осмотрел скафандр, и у меня создалось впечатление, что шлем не составляет с ним единое целое, а просто закреплен на скафандре. Если мы ослабим крепления, то сможем взять образец жидкости.

В течение нескольких драгоценных секунд доктор Братош размышлял, беззвучно шевеля губами.

— Да, можно попробовать, но во что мы соберем жидкость? Все это так необычно и странно.

— Черт побери, какая разница, во что собрать жидкость? — огрызнулся Джозе, чувствуя, что спокойствие покидает его. Он повернулся к Петару, стоявшему рядом и молча курившему сигарету. — Помогите нам. Найдите что-нибудь на кухне — суповую тарелку, наконец.

Петар кивнул и вышел из комнаты. Из кухни донеслись еле слышные возражения вдовы, но Петар тут же вернулся, держа в руках ее лучшую кастрюлю.

— Отлично, — произнес Джозе, наклонился и приподнял голову инопланетянина, — теперь подсуньте кастрюлю под шлем.

Установив кастрюлю, он повернул одну из защелок; та открылась — и только. В месте соединения появилась тоненькая щелка, но она осталась сухой. Но когда Джозе повернул второе крепление, внезапно хлынул поток прозрачной жидкости под давлением, и, пока он пытался закрыть защелку, кастрюля наполнилась до половины. Джозе снова приподнял голову инопланетянина, и Петар уже без подсказки достал из-под нее кастрюлю и поставил на стол у окна.

— Жидкость горячая, — заметил он.

Джозе коснулся рукой стороны кастрюли.

— Теплая, но не горячая. Градусов сорок — сорок пять. Это из теплого океана на горячей планете.

— Но... вы полагаете, что это вода? — нерешительно спросил доктор Братош.

— Думаю, что вода, — но разве не вам предстоит дать заключение? Это пресная вода или соленая?

— Я не химик... как можно высказывать свое мнение... это очень сложно.

Петар засмеялся и взял с тумбочки стакан Джозе.

— Выяснить нетрудно, — сказал он и зачерпнул полстакана

жидкости из кастрюли, поднял его перед глазами, понюхал, сделал глоток и наморщил лоб.

— На вкус — самая обыкновенная морская вода, но с каким-то привкусом, горьким.

Джозе взял стакан из его руки.

— Но это опасно! — воскликнул врач.

Джозе не обратил на его протест никакого внимания. Да, соленая вода, теплая соленая вода с горьковатым привкусом.

— Похоже, в ней больше йода, чем обычно. Вы не могли бы установить уровень содержания йода в этой воде, доктор?

— В таких условиях... нет, все это слишком сложно. В лаборатории с соответствующим оборудованием... — Он замолчал, открыл черный саквояж и заглянул внутрь. — Нет, только в лаборатории.

— У нас нет лаборатории и никакой посторонней помощи, доктор. Придется удовлетвориться тем, что у нас есть, — обычной морской водой.

— Я возьму ведро и наполню ванну, — предложил Петар.

— Хорошо. Но пока не наливайте — принесите воду в кухню, сначала нагреем ее и затем выльем в ванну.

— Понятно. — Петар прошел мимо застывшего в дверях священника и сбежал по ступенькам. Джозе посмотрел на отца Перча и вспомнил о деревенских жителях.

— Не уходите, доктор, — сказал он. — Этот инопланетянин теперь ваш пациент, и мне бы не хотелось, чтобы кто-нибудь, кроме вас, подходил к нему. Садитесь рядом с кроватью.

— Да, конечно, вы совершенно правы, — с облегчением произнес доктор Братош, придвинул стул и сел.

Огонь, на котором готовили завтрак, все еще ярко пылал в большой печи, и Джозе подбросил туда охапку сучьев. Затем снял висевшее на стене медное корыто для стирки и со звоном опустил его на плиту. Позади него приоткрылась дверь, за которой располагалась спальня вдовы, но, когда Джозе обернулся, она снова захлопнулась. Появился Петар с ведром воды и вылил ее в корыто.

— Что делают жители? — спросил Джозе.

— Толкутся возле дома и шушукаются. Они не будут мешать нам. Если у вас есть опасения, профессор, я могу съездить в Осор и привезти полицейских или позвонить куда-нибудь.

— Нет, спасибо. Об этом мне нужно было подумать раньше. Сейчас вы нужны мне здесь. Вы — единственный, не страдающий от старческого слабоумия или полного невежества.

— Пойду принесу еще воды, — улыбнулся Петар.

Ванна была маленькой, а корыто — большим. Когда нагретую воду вылили в ванну, она наполнилась больше чем наполовину — вполне достаточно, чтобы целиком покрыть водой маленького инопланетянина. В ванне был сток, но отсутствовали краны: обычно ее наполняли из шланга, надетого на кухонный кран. Джозе поднял инопланетянина словно ребенка и поднес к ванне. Глаза пришельца снова открылись, он следил за каждым движением ученого, но не протестовал. Джозе осторожно опустил инопланетянина в ванну, быстро выпрямился и глубоко вздохнул.

— Сначала снимем шлем, затем попытаемся выяснить, как открыть скафандр.

Он наклонился и медленно, одно за другим, повернул крепления шлема. Джозе приоткрыл щель между шлемом и скафандром, готовый закрыть ее при малейшей опасности. В шлем стала вливаться морская вода и смешиваться с находившейся там жидкостью — однако инопланетянин не выражал беспокойства. Спустя минуту Джозе осторожно снял шлем, придерживая одной рукой голову инопланетянина, чтобы она не ударилась о ванну.

Как только шлем сняли, гребень на голове пришельца выпрямился наподобие петушиного вдоль всей длины. От шлема к блестящему кусочку металла, прикрепленного с одной стороны к голове инопланетянина, тянулся провод. Там была какая-то впадина, и Джозе осторожно выдернул металлический контакт — по-видимому, что-то вроде наушника. Инопланетянин открывал и закрывал рот, внутри которого виднелись желтые костяные выступы. Послышалось низкое гудение.

Петар прижал ухо к наружной части металлической трубки.

— Это существо что-то говорит, я отчетливо слышу.

— Дайте мне ваш стетоскоп, доктор, — сказал Джозе, но врач не шевельнулся, и тогда он сам достал его из черного саквояжа. Действительно — когда ученый прижал стетоскоп к металлу, он услышал то усиливающееся, то замирающее гудение — по-видимому, какая-то речь.

— Пока мы не можем понять, что он говорит, — произнес Джозе, возвращая стетоскоп врачу; тот автоматически взял его. — Надо попытаться снять с него скафандр.

На поверхности скафандра не было видно никаких швов или креплений. Джозе пробежал пальцами по гладкой поверхности, но ничего не обнаружил. Инопланетянин понял, должно быть, его намерения, потому что с трудом поднял дрожащую руку и коснулся герметического металлического кольца у воротника. Скафандр плавно открылся на груди; шов раздваивался и проходил по каждой из ног. Из обнажившейся раненой ноги внезапно хлынул поток синей жидкости.

Джозе успел заметить странное зеленое тело и тут же повернулся к врачу:

— Доктор, быстро беритесь за свой саквояж. Пришелец ранен, эта жидкость, по-видимому, его кровь — нужно остановить кровотечение.

— Но я бессилен, — произнес доктор Братош, не двигаясь с места. — Своими лекарствами и антисептическими препаратами я могу погубить его — ведь нам ничего не известно о химическом строении его тела.

— Тогда не применяйте эти препараты. У него травма ноги, постарайтесь наложить повязку, перебинтовать рану.

— Да-да, конечно.

Старый врач наконец-то сообразил, что может осуществить знакомые операции. Он извлек из саквояжа бинты, стерильную марлю, клейкий пластырь и ножницы.

Джозе опустил руки в теплую и теперь уже мутную воду и заставил себя коснуться горячей зеленой ноги инопланетянина. Ощущение было непривычным — но не ужасным. Он поднял ногу из воды, и все увидели огромную рану, из которой сочилась густая синяя жидкость. Петар отвернулся, однако врач привычными движениями наложил на рану подушечку из марли и обмотал ее бинтом. Кровотечение как будто прекратилось. Инопланетянин шарил в снятом с него космическом скафандре, и от его движений раненая нога поворачивалась в руках Джозе. Ученый посмотрел вниз и увидел, что пришелец достал что-то из большой сумки. Его губы снова начали шевелиться, и Джозе расслышал негромкое жужжание голоса.

— Что это? Что вы хотите? — спросил Джозе.

Инопланетянин обеими руками прижимал к груди какой-то предмет, похожий на книгу. Да, это могла быть книга; впрочем, с таким же успехом это могло быть что-то другое. Но предмет был покрыт каким-то блестящим материалом с темными знаками; с края было видно, что он состоит из множества страниц, скрепленных вместе. Наверное, это все-таки книга. Нога инопланетянина дергалась в руках Джозе, его рот широко открылся, словно в крике.

— Если мы опустим ногу в ванну, повязка промокнет, — сказал врач.

— А вы не могли бы обмотать ее пластырем, сделать повязку водонепроницаемой?

— Да, конечно, — мне понадобится много пластыря, он лежит в саквояже.

Пока они разговаривали, пришелец начал раскачиваться взад и вперед, выплескивая воду из ванны. Наконец ему удалось вырвать раненую ногу из рук Джозе. Сжимая книгу в одной тонкой руке с множеством пальцев, другой инопланетянин начал срывать повязку с только что перебинтованной ноги.

— Остановите его, он навредит себе, это ужасно, — пробормотал врач, отпрянув от ванны.

Джозе поднял с пола обрывок повязки.

— Идиот! Какой невероятный дурак! — закричал он в приступе ярости. — Эти компрессы, которые вы наложили на рану, пропитаны сульфаниламидом!

— Но я всегда пользуюсь ими. Это самые лучшие компрессы, сделанные в Америке, они предупреждают заражение и инфекцию.

Джозе оттолкнул его, опустил обе руки в воду, чтобы снять повязку, но инопланетянин вырвался и поднялся над водой, открыв рот в молчаливом ужасном вопле. Его глаза были широко открыты — и тут изо рта хлынула струя воды. Послышался хрип, струя превратилась в тонкую струйку, затем в капли, и, когда воздух коснулся наконец голосовых связок инопланетянина, раздался ужасный крик боли. Этот крик эхом отразился от стен и потолка, выразив сверхчеловеческую агонию пришельца из далеких миров. Широко раскинув руки, инопланетянин упал в воду вниз лицом. Тело лежало неподвижно, и Джозе, даже не осматривая его, понял, что астронавт мертв.

Его рука, свисавшая из ванны, по-прежнему сжимала книгу. Медленно, один за другим, пальцы разжались, и, пока Джозе смотрел на инопланетянина, будучи не в силах пошевелиться, книга упала на пол.

— Помогите мне, — послышался голос Петара. Джозе обернулся и увидел, что врач лежит на полу и рядом на коленях стоит Петар. — Он потерял сознание... может быть, это сердечный приступ. Что нам делать?

Забыв о своем гневе, Джозе наклонился к врачу. Тот дышал, казалось, нормально, его лицо сохраняло естественный цвет — по-видимому, это был всего лишь обморок. Его веки дрогнули. Подошел священник и через плечо Куковича посмотрел на лежавшего врача.

Доктор Братош открыл глаза, взглянул на склонившиеся над ним лица.

— Извините меня... — с трудом пробормотал врач и снова закрыл глаза, словно был не в силах смотреть на окружавших его людей.

Джозе выпрямился и почувствовал, что весь дрожит. Священник исчез. Неужели все кончилось? Может быть, им все равно не удалось бы спасти инопланетянина, но так или иначе можно было бы действовать лучше.

Увидев на полу мокрое пятно, Джозе сообразил, что книга исчезла.

— Отец Перч! — яростно завопил он.

Священник забрал книгу, эту бесценную вещь, доставленную с другой планеты!

Джозе выбежал в коридор и увидел священника, выходящего из кухни. У него в руках ничего не было. Охваченный внезапной догадкой, ученый бросился на кухню, оттолкнув отца Перча. Наклонившись, Джозе открыл дверцу печи.

Там, среди пылающих дров, лежала книга. От нее поднимался пар. Да, конечно, это книга, на ее страницах виднелись странные знаки, рисунки и чертежи. Джозе повернулся, чтобы схватить кочергу, и в это мгновение позади него в печи полыхнуло пламя, выбросившее в кухню раскаленный белый язык. Огонь едва не коснулся Джозе, но ученый не думал об этом. Горящие угли были разбросаны по полу, а внутри печи догорали остатки драгоценной книги. Вещество, из которого она была сделана, оказалось горючим, и едва книга высохла, она тут же воспламенилась.

— Все это от лукавого, — послышался голос священника, стоящего в кухонных дверях. — Злой дух, порождение дьявола. Нас предупреждали об этом, подобные события уже случались раньше, и поэтому правоверные христиане должны бороться со злом...

Петар вошел на кухню, протиснувшись мимо священника. Он смахнул горячие угли с обожженной кожи Джозе, помог ему встать и усадил на стул. Ученый не чувствовал ожогов — его охватила какая-то невероятная усталость.

— Ну почему здесь? — тихо спросил Джозе. — В таком огромном мире он совершил посадку именно тут. Несколько градусов к западу — и пришелец опустился бы рядом с Триестом, где находятся научные центры и отлично оборудованные больницы, опытные врачи, хирурги. А если бы продолжал полет по тому же курсу — увидел бы огни и приземлился в Риеке. Там можно было бы что-то сделать. Но почему именно здесь? — Ученый вскочил и потряс сжатым кулаком, словно угрожая кому-то. — Здесь, в этом медвежьем углу, среди людей, полных суеверий и религиозных предрассудков! В каком мире мы живем, если всего в сотне миль от деревни, населенной слабоумными и примитивными жителями, находится ускоритель элементарных частиц? Этот инопланетянин пролетел бесчисленные миллионы — может быть миллиарды — миль и совершил посадку совсем рядом с цивилизацией... совсем рядом... Но почему, почему?

Почему?

Джозе опустился на стул, чувствуя себя совсем старым и бесконечно усталым. Сколько можно было бы узнать из сожженной книги...

Он вздохнул, и вздох был таким глубоким, что все его тело задрожало, словно охваченное ужасной лихорадкой.

Мастер на все руки

В эпоху межпланетных перелетов роботы превратятся в такую же важную и привычную деталь нашей жизни, какой в наш атомный век стала раковина на кухне. Но, начав наслаждаться услугами механических помощников, человек вскоре поймет, что и от него требуются взамен некоторые услуги. Даже самые автоматизированные самолеты обслуживают механики. Автоматический маяк сперва нужно установить, а потом обслуживать. Нужда в такой работе не отпадет никогда. Звездолетам потребуется отыскивать путь в темном океане космоса с той же надежностью, что и любому кораблю, когда-либо бороздившему земные океаны. Навигация станет сверхутонченной и автоматизированной — но сути своей не изменит, и поэтому ей потребуются фиксированные точки отсчета. Короче, маяки.

А маяки, какой бы запас прочности в них ни вкладывали, станут время от времени выходить из строя...

У Старика было невероятно злорадное выражение лица — верный признак того, что кому-то предстоит здорово попотеть. Поскольку мы были одни, я без особого напряжения мысли догадался, что работенка достанется именно мне. И тотчас обрушился на него, памятуя, что наступление — лучший вид обороны.

— Я увольняюсь. И не утруждайте себя сообщением, какую грязную работенку вы мне припасли, потому что я уже не работаю. Вам нет нужды раскрывать передо мной секреты компании.

А он, знай себе, ухмыляется. Ткнув пальцем в кнопку на пульте, он даже захихикал. Толстый официальный документ скользнул из щели к нему на стол.

— Вот ваш контракт, — заявил Старик. — Здесь сказано, где и как вам работать. Эту пластинку из сплава стали с ванадием не уничтожить даже с помощью молекулярного разрушителя.

Я наклонился, схватил пластинку и тотчас подбросил ее вверх. Не успела она упасть, как в руке у меня очутился лазер, и от контракта остался лишь пепел.

Старик опять нажал кнопку, и на стол к нему скользнул новый контракт. Ухмылялся теперь он уже так, что рот его растянулся до самых ушей.

— Я неправильно выразился... Надо было сказать не контракт, а копия его... вроде этой.

Он быстро сделал какую-то пометку.

— Я вычел из вашего жалованья тринадцать монет — стои-

мость копии. Кроме того, вы оштрафованы на сто монет за пользование лазером в помещении.

Я был повержен и, понурившись, ждал удара. Старик поглаживал мой контракт.

— Согласно контракту, бросить работу вы не можете. Никогда. Поэтому у меня есть для вас небольшое дельце, которое вам наверняка придется по душе. Маяк в районе Центавра не действует. Это маяк типа «Марк-III»...

— Что это еще за тип? — спросил я Старика. Я ремонтировал маяки гиперпространства во всех концах Галактики и был уверен, что способен починить любую разновидность. Но о маяке такого типа я даже не слыхивал.

— «Марк-III», — с лукавой усмешкой повторил Старик. — Я и сам о нем услыхал, только когда архивный отдел откопал его спецификацию. Ее нашли где-то на задворках самого старого из хранилищ. Из всех маяков, построенных землянами, этот, пожалуй, самый древний. Судя по тому, что он находится на одной из планет Проксимы Центавра, это, весьма вероятно, и есть самый первый маяк.

Я взглянул на чертежи, протянутые мне Стариком, и ужаснулся.

— Чудовищно! Он похож скорее на винокуренный завод, чем на маяк... И высотой не меньше нескольких сотен метров. Я ремонтник, а не археолог. Этой груде лома больше двух тысяч лет. Бросьте вы его и постройте новый.

Старик перегнулся через стол и задышал мне прямо в лицо.

— Чтобы построить новый маяк, нужен год и уйма денег. К тому же эта реликвия находится на одном из главных маршрутов. Некоторые корабли у нас теперь делают крюк в пятнадцать световых лет.

Он откинулся на спинку кресла, вытер руки носовым платком и стал читать мне очередную лекцию о моем долге перед компанией:

— Наш отдел официально называется отделом эксплуатации и ремонта, а на самом деле его следовало бы назвать аварийным. Гиперпространственные маяки делают так, чтобы они служили вечно... или по крайней мере стремятся делать так. И если они выходят из строя, то тут всякий раз дело серьезное — заменой какой-нибудь части не отделаешься.

И это говорил мне он — человек, который за жирное жалованье просиживает штаны в кабинете с искусственным климатом.

Старик продолжал болтать:

— Эх, если бы можно было просто заменять детали! Был бы у меня флот из запчастей и младшие механики, которые бы вкалывали без разговоров! Так нет же, все, все наоборот. У меня

флотилия дорогих кораблей, а на них — чего только нет... Зато экипажи — банда разгильдяев вроде вас!

Он ткнул в мою сторону пальцем, а я мрачно кивнул.

— Как бы мне хотелось уволить всех вас! В каждом из вас сидит космический бродяга, механик, инженер, солдат, головорез и еще черт те кто — все, что нужно для настоящего ремонтника. Мне приходится запугивать вас, подкупать, шантажировать, чтобы заставить выполнить простое задание. Если вы сыты по горло, то представьте себе, каково мне. Но корабли должны ходить! Маяки должны работать!

Решив, что этот бессмертный афоризм он произнес в качестве напутствия, я встал. Старик бросил мне документацию «Марка-III» и зарылся в свои бумаги. Когда я был уже у самой двери, он поднял голову и снова ткнул в мою сторону пальцем:

— И не тешьте себя мыслью, что вам удастся увильнуть от выполнения контракта. Мы наложим арест на ваш банковский счет на Алголе II, прежде чем вы успеете взять с него деньги.

Я улыбался так, будто у меня никогда и в мыслях не было держать свой счет в секрете. Но, боюсь, улыбка получилась жалкой. Шпионы Старика с каждым днем работают все эффективнее. Шагая к выходу из здания, я пытался придумать, как бы мне незаметно взять со счета деньги. Но я знал, что в это самое время Старик подумывает, как бы ему обхитрить меня.

Все это не настраивало на веселый лад, и поэтому я сперва заглянул в бар, а уж оттуда отправился в космопорт.

К тому времени, когда корабль подготовили к полету, я уже вычертил курс. Ближе всех от испортившегося маяка на Проксиме Центавра был маяк на одной из планет беты Цирцинии, и я сначала направился туда. Это короткое путешествие в гиперпространстве заняло всего лишь девять дней.

Чтобы понять значение маяков, надо знать, что такое гиперпространство. Немногие разбираются в этом, но довольно легко усвоить одно: там, где отсутствует пространство, обычные физические законы неприемлемы. Скорость и расстояния там понятия относительные, а не постоянные, как в обычном космосе.

Первые корабли, входившие в гиперпространство, не знали, куда двигаться, невозможно было даже определить, движутся ли они вообще. Маяки разрешили эту проблему и сделали доступной всю Вселенную. Воздвигнутые на планетах, они генерируют колоссальное количество энергии. Эта энергия превращается в излучение, которое пронизывает гиперпространство. Каждый маяк посылает с излучением свой кодовый сигнал, по которому и ориентируются в гиперпространстве. Навигация осуществляется при помощи триангуляции и квадратуры по маякам — только правила здесь свои, особые. Эти правила очень сложны и не-

постоянны, но все-таки они существуют, и навигатор может ими руководствоваться.

Для прыжка через гиперпространство надо точно засечь по крайней мере четыре маяка. Для длинных прыжков навигаторы используют семь-восемь маяков. Поэтому важен каждый маяк, все они должны работать. Вот тут-то беремся за дело мы, аварийщики.

Мы путешествуем в кораблях, в которых есть всего понемногу. Экипаж корабля состоит из одного человека — этого достаточно, чтобы управляться с нашей сверхэффективной ремонтной аппаратурой. Из-за характера нашей работы мы проводим большую часть времени в обыкновенных полетах в обычном пространстве. Иначе как же найти испортившийся маяк?

В гиперпространстве его не найдешь. Используя другие маяки, можно подойти как можно ближе к испорченному — и это все. Далее путешествие заканчивается в обычном пространстве. И на это частенько уходят многие месяцы.

На сей раз все получилось не так уж плохо. Я взял направление на маяк беты Цирцинии и с помощью навигационного блока стал решать сложную задачу ориентации по восьми точкам, используя все маяки, которые засек. Вычислительная машина выдала мне курс до примерного выхода из гиперпространства. Блок безопасности, который я все никак не могу размонтировать и выбросить, внес свои коррективы.

По мне, так уж лучше выскочить из гиперпространства поблизости от какой-нибудь звезды, чем тратить время, ползая как черепаха сквозь обычное пространство, но, видно, технический отдел тоже это сообразил. Блок безопасности встроен в машину накрепко, и, как бы ты ни старался, погибнуть, выскочив из гиперпространства внутри какого-нибудь солнца, невозможно. Я уверен, что гуманные соображения тут ни при чем. Просто компании дорог корабль.

Прошло двадцать четыре часа по корабельному времени, и я очутился где-то в обычном пространстве. Робот-анализатор что-то бормотнул и стал изучать все звезды, сравнивая их спектры со спектром Проксимы Центавра. Наконец он дал звонок и замигал лампочкой. Я прильнул к окуляру.

Определив с помощью фотоэлемента истинную величину, я сравнил ее с величиной абсолютной и получил расстояние. Совсем не так плохо, как я думал, — шесть недель пути, плюс-минус несколько дней. Вставив запись курса в автопилот, я на время ускорения привязал себя ремнями в специальном отсеке и заснул.

Время шло быстро. Я в двенадцатый раз перемонтировал

свою камеру и проштудировал заочный курс по ядерной физике. Большинство ремонтников учатся. Компания повышает жалованье за овладение новыми специальностями. Но такие заочные курсы ценны и сами по себе, так как никогда нельзя заранее сказать, какие еще знания могут пригодиться. Все это да еще живопись и гимнастика помогали коротать время. Я спал, когда раздался сигнал тревоги, возвестивший о близости планеты.

Вторая планета, где, согласно старым картам, находился маяк, была на вид сырой и пористой, как губка. Я с великим трудом разобрался в древних указаниях и наконец обнаружил нужный район. Оставшись за пределами атмосферы, я послал на разведку «Летучий глаз». В нашем деле заранее узнают, где и как придется рисковать собственной шкурой. «Глаз» для этой цели вполне подходит.

У предков хватило соображения сориентировать маяк на местности. Они построили его точно на прямой линии между двумя заметными горными вершинами. Я легко нашел эти вершины и пустил «глаз» от первой вершины точно в направлении второй. Спереди и сзади у «глаза» были радары, сигналы с них поступали на экран осциллографа в виде амплитудных кривых. Когда два пика совпали, я стал крутить рукоятки управления «глазом», и он пошел на снижение.

Я выключил радар, включил телепередатчик и сел перед экраном, чтобы не упустить маяк. Экран замерцал, потом изображение стало четким, и в поле зрения вплыла... гигантская пирамида. Я чертыхнулся и стал гонять «глаз» по кругу, просматривая прилегавшую к пирамиде местность. Она была плоской, болотистой, без единого пригорка. В десятимильном круге только и была что пирамида, а уж она определенно никакого отношения к маяку не имела. А может, я не прав?

Я опустил «глаз» пониже. Пирамида была грубым каменным сооружением, без всякого орнамента, без украшений. На вершине ее что-то блеснуло. Я пригляделся. Там был бассейн, заполненный водой. При виде его в голове у меня мелькнула смутная догадка.

Замкнув «глаз» на круговом курсе, я покопался в чертежах «Марка-III» и... нашел то, что мне было нужно. На самом верху маяка была площадка для собирания осадков и бассейн. Вода охлаждала реактор, который питал старую уродину. Раз вода есть, значит, и маяк все еще существует... внутри пирамиды. Туземцы, которых идиоты, конструировавшие маяк, разумеется, даже не заметили, заключили сооружение в великолепную пирамиду из гигантских камней.

Я снова посмотрел на экран и понял, что «глаз» у меня летает по круговой орбите всего футах в двадцати над пирамидой. Вер-

шина каменной груды теперь была усеяна какими-то ящерами, местными жителями, наверно. Они швырялись палками, стреляли из самострелов, стараясь сбить «глаз». Во всех направлениях летели тучи стрел и камней.

Я увел «глаз» прямо вверх, а затем в сторону и дал задание блоку управления вернуть разведчика на корабль.

Потом я пошел в камбуз и принял добрую дозу спиртного. Мало того, что мой маяк заключен в каменную гору, я еще умудрился разозлить существ, построивших пирамиду. Хорошенькое начало для работы — такое заставило бы и более сильного человека, чем я, приложиться к бутылке.

Наш брат ремонтник старается обычно держаться подальше от местных жителей. Общаться с ними смертельно опасно. Антропологи, возможно, ничего не имеют против принесения себя в жертву своей науке, но ремонтнику жертвовать собой вроде бы ни к чему. Поэтому большинство маяков строится на необитаемых планетах. Если маяк приходится строить на обитаемой планете, его обычно воздвигают где-нибудь в недоступном месте.

Почему этот маяк построили в пределах досягаемости местных жителей, я еще не знал, но со временем собирался узнать. Первым делом надо было установить контакт. А для того чтобы установить контакт, необходимо знать местный язык.

И на этот случай я уже давно разработал безотказную систему. У меня было устройство для подглядывания и подслушивания, я его сам сконструировал. По виду оно походило на камень длиной с фут. Когда устройство лежало на земле, никто на него не обращал внимания, но, когда оно еще парило в воздухе, вид его приводил случайных свидетелей в некоторое замешательство. Я нашел город ящеров примерно в тысяче километров от пирамиды и ночью сбросил туда своего «соглядатая». Он со свистом понесся вниз и опустился на берегу большой лужи, в которой любили плескаться местные ящеры. Днем здесь их собиралось довольно много. Утром, с прибытием первых ящеров, я включил магнитофон.

Примерно через пять местных дней у меня в блоке памяти машины-переводчика было записано невероятно много всяких разговоров, и я уже выделил некоторые выражения. Это довольно легко сделать, если вы работаете с машинной памятью. Один из ящеров что-то пробулькал вслед другому, и тот обернулся. Я ассоциировал эту фразу с чем-то вроде человеческого «Эй!» и ждал случая проверить правильность своей догадки. В тот же день, улучив момент, когда какой-то ящер остался в одиночестве, я крикнул ему: «Эй!» Возглас был пробулькан репродуктором на местном языке, и ящер обернулся.

Когда в памяти накопилось достаточное число таких опор-

ных выражений, к делу приступил мозг машины-переводчика, начавший заполнять пробелы. Как только машина стала переводить мне все услышанные разговоры, я решил, что пришло время вступить с ящерами в контакт.

Собеседника я нашел весьма легко. Он был кем-то вроде центаврийского пастушка, так как на его попечении находились какие-то особенно грязные низшие животные, обитавшие в болотах за городом. Один из моих «соглядатаев» вырыл в крутом склоне пещеру и стал ждать ящера.

На следующий день я шепнул в микрофон проходившему мимо пастушку:

— Приветствую тебя, мой внучек! С тобой говорит из рая дух твоего дедушки.

Это не противоречило тому, что я узнал о местной религии.

Пастушок остановился как вкопанный. Прежде чем он пришел в себя, я нажал кнопку, и из пещеры к его ногам выкатилась горсть раковин, которые служили там деньгами.

— Вот тебе деньги из рая, потому что ты был хорошим мальчиком.

«Райские» деньги я предыдущей ночью изъял из местного казначейства.

— Приходи завтра, и мы с тобой потолкуем, — крикнул я вслед убегающему ящерку. Я с удовольствием отметил, что захватить «монеты» с собой он не забыл.

Потом дедушка из рая не раз вел сердечные разговоры с внучком, на которого божественные дары подействовали неотразимо. Дедушка интересовался событиями, которые произошли после его смерти, и пастушок охотно просвещал его.

Я получил все необходимые мне исторические сведения и выяснил нынешнюю обстановку, которую никак нельзя было счесть благоприятной.

Мало того что маяк заключили в пирамиду, вокруг этой пирамиды шла небольшая религиозная война.

Все началось с перешейка. Очевидно, когда строился маяк, ящеры жили в далеких болотах, и строители не придавали им никакого значения. Уровень развития ящеров был низок, и водились они на другом континенте. Мысль о том, что туземцы могут сделать успехи и достичь этого континента, не приходила в голову инженерам, строившим маяк. Но именно это и случилось.

В результате небольшого геологического сдвига на нужном месте образовался болотистый перешеек, и ящеры стали забредать в долину, где находился маяк. И обрели там религию. Блестящую металлическую башню, из которой непрерывно изливался поток волшебной воды (она, охлаждая реактор, лилась вниз с крыши, где конденсировалась из атмосферы). Радиоактивность

воды дурного воздействия на туземцев не оказывала. Мутации, которые она вызывала, оказались благоприятными.

Вокруг башни был построен город, и за много веков маяк постепенно заключили в пирамиду. Башню обслуживали специальные жрецы. Все шло хорошо, пока один из жрецов не проник в башню и не погубил источник святой воды. С тех пор начались мятежи, схватки, побоища, смута. Но святая вода так больше и не текла. Теперь вооруженные толпы сражались вокруг башни каждый день, а священный источник стерегла новая шайка жрецов.

А мне надо было забраться в эту самую кашу и починить маяк.

Это было бы легко сделать, если б нам разрешали хоть чуть-чуть порезвиться. Я мог бы стереть этих ящериц в порошок, наладить маяк и удалиться. Но «местные живые существа» находились под надежной защитой. В мой корабль вмонтированы электронные шпионы — я отыскал еще не все, — и они донесли бы на меня по возвращении.

Оставалось прибегнуть к дипломатии. Я вздохнул и достал снаряжение для изготовления пластиковой плоти.

Сверяясь с объемными снимками, сделанными с пастушка, я придал своему лицу черты рептилии. Челюсть была немного коротковата — рот мой мало похож на зубастую пасть. Но и так сойдет. Мне не было нужды в точности походить на ящера — требовалось небольшое сходство, чтобы не слишком пугать туземцев. В этом есть логика. Если бы я был невежественным аборигеном Земли и встретился с жителем планеты Спик, который похож на двухфутовый комок высушенного шеллака, то я бы задал стрекача. Но если бы на спиканце был костюм из пластиковой плоти, в котором он хотя бы отдаленно походил на человека, то я бы по крайней мере остановился и поговорил с ним. Так что мне просто хотелось смягчить впечатление от своего появления перед центаврийцами.

Сделав маску, я стянул ее с головы и прикрепил к красивому хвостатому костюму из зеленого пластика. Я искренне порадовался хвосту. Ящеры не носят одежды, а мне надо было взять с собой много электронных приборов. Я натянул пластик хвоста на металлический каркас, пристегнув его к поясу. Потом я заполнил каркас снаряжением, которое могло мне понадобиться, и зашнуровал костюм.

Облачившись, я встал перед большим зеркалом. Зрелище было страшноватое, но я остался доволен. Хвост тянул мое туловище назад и книзу, отчего походка у меня стала утиной, вперевалку, но это только усиливало сходство с ящером.

Ночью я посадил корабль в горах поблизости от пирамиды

на совершенно сухую площадку, куда земноводные никогда не забирались. Перед самым рассветом «глаз» прицепился к моим плечам, и мы взлетели. Мы парили над башней на высоте 2000 метров, пока не стало светло, а потом опустились.

Наверно, это было великолепное зрелище. «Глаз», который я замаскировал под крылатого ящера, этакого картонного птеродактиля, медленно взмахивал крыльями, что, впрочем, не имело никакого отношения к тем принципам, на которых зиждилась его способность летать. Но этого было достаточно, чтобы поразить воображение туземцев. Первый же ящер, который заметил меня, вскрикнул и опрокинулся на спину. Подбежали другие. Сгрудившись, они толкались, влезали друг на друга, и к моменту моего приземления на площади перед храмом появились жрецы.

Я с царственной важностью сложил руки на груди.

— Приветствую вас, о благородные служители великого бога, — сказал я. Разумеется, я не сказал этого вслух, а лишь прошептал в ларингофон. Радиоволны донесли мои слова до машины-переводчика, которая в свою очередь вещала на местном языке через динамик, спрятанный у меня в челюсти.

Туземцы загалдели, и тотчас над площадью разнесся перевод моих слов. Я усилил звук так, что стала резонировать вся площадь.

Некоторые из наиболее доверчивых туземцев простерлись ниц, другие с криками бросились прочь. Один подозрительный тип поднял копье, но, после того как «глаз»-птеродактиль схватил его и бросил в болото, никто уже не пытался делать ничего подобного. Жрецы были народ прожженный — не обращая внимания на остальных ящеров, они не трогались с места и что-то бормотали. Мне пришлось возобновить атаку.

— Исчезни, верный конь, — сказал я «глазу» и одновременно нажал кнопку на крохотном пульте, спрятанном у меня в ладони.

«Глаз» рванулся кверху немного быстрее, чем я хотел; кусочки пластика, оборванного сопротивлением воздуха, посыпались вниз. Пока толпа упоенно наблюдала за этим вознесением, я направился к входу в храм.

— Я хочу поговорить с вами, о благородные жрецы, — сказал я.

Прежде чем они сообразили, что ответить мне, я уже был в храме, небольшом здании, примыкавшем к подножию пирамиды. Возможно, я нарушил не слишком много «табу» — меня не остановили, значит, все шло вроде бы хорошо. В глубине храма виднелся грязноватый бассейн. В нем плескалось престарелое пресмыкающееся, которое явно принадлежало к местному руководству. Я заковылял к нему, а оно бросило на меня холодный рыбий взгляд и что-то пробулькало.

Машина-переводчик прошептала мне на ухо:

— Во имя тринадцатого греха, скажи, кто ты и что тебе здесь надобно?

Я изогнул свое чешуйчатое тело самым благородным образом и показал рукой на потолок.

— Ваши предки послали меня помочь вам. Я явился, чтобы возродить Священный источник.

Позади меня послышалось гудение голосов, но предводитель не говорил ни слова. Он медленно погружался в воду, пока на поверхности не остались одни глаза. Мне казалось, что я слышу, как шевелятся мозги за его замшелым лбом. Потом он вскочил и ткнул в меня конечностью, с которой капала вода:

— Ты лжец! Ты не наш предок! Мы...

— Стоп! — загремел я, не давая ему зайти так далеко, откуда бы он уже не смог пойти на попятный. — Я сказал, что ваши предки меня послали... я не принадлежу к числу ваших предков. Не пытайся причинить мне вред, иначе гнев тех, кто ушел в иной мир, обратится на тебя.

Сказав это, я сделал угрожающий жест в сторону других жрецов и бросил на пол между ними и собой крохотную гранатку. В полу образовалась порядочная воронка, грохота и дыма получилось много.

Главный ящер решил, что доводы мои убедительны, и немедленно созвал совещание шаманов. Оно, разумеется, состоялось в общественном бассейне, и мне пришлось тоже залезть в него. Мы разевали пасти и булькали примерно с час — за это время и были решены все важные пункты повестки дня.

Я узнал, что эти жрецы появились здесь не очень давно; всех предыдущих сварили в кипятке за то, что они дали иссякнуть Священному источнику. Я объяснил, что прибыл лишь с одной целью — помочь им возродить поток. Жрецы решили рискнуть, и все мы выбрались из бассейна. Грязь струйками стекала с нас на пол. В саму пирамиду вела запертая и охранявшаяся дверь. Когда ее открыли, главный ящер обернулся ко мне.

— Ты, несомненно, знаешь закон, — сказал он. — Поскольку прежние жрецы были излишне любопытны, теперь введено правило, которое гласит, что только слепые могут входить в святая святых.

Я готов побиться об заклад, что он улыбнулся, если только тридцать зубов, торчащих из чего-то вроде щели в старом чемодане, можно назвать улыбкой.

Он тут же дал знак подручному, который принес жаровню с древесным углем и раскаленными докрасна железяками. Я с разинутым ртом стоял и смотрел, как он помешал угли, вытянул из

них самую красную железку и направился ко мне. Он уже нацелился на мой правый глаз, когда я снова обрел дар речи.

— Порядок этот, разумеется, правильный, — сказал я. — Ослеплять необходимо. Но в данном случае вам придется ослепить меня перед уходом из святая святых, а не теперь. Мне нужны глаза, чтобы увидеть, что случилось со Священным источником. Когда вода потечет снова, я буду смеяться, сам подставляя глаза раскаленному железу.

Ему понадобилось полминуты, чтобы обдумать все и согласиться со мной. Палач хрюкнул и подбросил угля в жаровню. Дверь с треском распахнулась, я проковылял внутрь; потом она захлопнулась за мной, и я очутился один в темноте.

Но недолго... поблизости послышалось шарканье. Я зажег фонарь. Ко мне ощупью шли три жреца, на месте их глазных яблок виднелась красная обожженная плоть. Они знали, чего я хотел, и повели меня, не говоря ни слова.

Потрескавшаяся и крошащаяся каменная лестница привела нас к прочной металлической двери с табличкой, на которой архаическим шрифтом было написано: «МАЯК «МАРК-III» — ПОСТОРОННИМ ВХОД ВОСПРЕЩЕН». Доверчивые строители возлагали свои надежды только на табличку — на двери не было и следа замка. Один из ящеров просто повернул ручку, и мы оказались внутри маяка.

Я потянул за «молнию» на груди своего маскировочного костюма и достал чертежи. Вместе с верными жрецами, которые, спотыкаясь, шли за мной, я отыскал комнату, где был пульт управления, и включил свет. Аварийные батареи почти разрядились, электричества хватило лишь на то, чтобы дать тусклый свет. Шкалы и индикаторы, кажется, были в порядке, они сияли — уж что-что, а непрерывная чистка была им обеспечена.

Я прочел показания приборов, и догадки мои подтвердились. Один из ревностных ящеров каким-то образом открыл бокс с переключателями и почистил их. Он случайно нажал один из них, и это вызвало аварию.

Вернее, с этого все началось. Покончить с бедой нельзя было простым щелчком переключателя, отчего водяной клапан снова заработал бы. Этим клапаном предполагалось пользоваться только в случае ремонта, после того как в реактор впущена вода. Если вода отключалась от действующего реактора, она начинала переливаться через край, и автоматическая предохранительная система направляла ее в колодец.

Я мог легко пустить воду снова, но в реакторе не было горючего.

Мне не хотелось возиться с топливом. Гораздо легче было бы установить новый источник энергии. На борту корабля у меня

было устройство, по размерам раз в десять меньше старинного ведра с болтами, установленного на «Марке-III», и по крайней мере раза в четыре мощнее. Но прежде я осмотрел весь маяк. За две тысячи лет что-нибудь да должно было износиться.

Старики, предки наши, надо отдать им должное, строили хорошо. Девяносто процентов механизмов не имело движущихся частей, и износу им не было никакого. Например, труба, по которой подавалась вода с крыши. Стенки у нее были трехметровой толщины... это у трубы-то, в которую едва бы прошла моя голова. Кое-какая работенка мне все-таки нашлась, и я составил список нужных деталей.

Детали, новый источник энергии и разная мелочь были аккуратно сложены на корабле. Глядя на экран, я тщательно проверил все части, прежде чем они были уложены в металлическую клеть. Перед рассветом, в самый темный час ночи, мощный «глаз» опустил клеть рядом с храмом и умчался незамеченным.

С помощью «соглядатая» я наблюдал, как жрецы пытались ее открыть. Когда они убедились, что их попытки тщетны, через динамик, спрятанный в клети, я прогрохотал им приказ. Почти целый день они пыхтели, втаскивая тяжелый ящик по узким лестницам башни, а я в это время хорошо поспал. Когда я проснулся, ящик уже вдвинули в дверь маяка.

Ремонт отнял у меня немного времени. Ослепленные жрецы жалобно стонали, когда я вскрывал переборки, чтобы добраться до реактора. Я даже установил в трубе специальное устройство, чтобы вода приобрела освежающую рептилий радиоактивность, которой обладал прежний Священный источник. На этом закончилась работа, которую от меня ждали.

Я щелкнул переключателем, и вода снова потекла. Несколько минут вода бурлила по сухим трубам, а потом за стенами пирамиды раздался рев, потрясший ее каменное тело. Воздев руки, я отправился на церемонию выжигания глаз.

Ослепленные ящеры ждали меня у двери, и вид у них был более несчастный, чем обычно. Причину этого я понял, когда попробовал открыть дверь — она была заперта и завалена с другой стороны.

— Решено, — сказал ящер, — что ты останешься здесь навеки и будешь смотреть за Священным источником. Мы останемся с тобой и будем прислуживать тебе.

Очаровательная перспектива — вечное заточение в маяке с тремя слепыми ящерами. Несмотря на их гостеприимство, я не мог принять этой чести.

— Как! Вы осмеливаетесь задерживать посланца ваших предков!

Я включил динамики на полную громкость, и от вибрации у меня чуть не лопнула голова.

Ящеры съежились от страха, а я тонким лучом лазера обвел дверь по косякам. Раздался треск и грохот разваливавшейся баррикады, и дверь освободилась. Я толчком открыл ее. Не успели слепые жрецы опомниться, как я вытолкал их наружу.

Их коллеги стояли у подножия лестницы и возбужденно галдели, пока я намертво заваривал дверь. Пробежав сквозь толпу, я остановился перед главным жрецом, по-прежнему лежавшим в своем бассейне. Он медленно ушел под воду.

— Какая невежливость! — кричал я. Ящер пускал под водой пузыри. — Предки рассердились и навсегда запретили входить во внутреннюю башню. Впрочем, они настолько добры, что источник вам оставили. Теперь я должен вернуться... Побыстрей совершайте церемонию!..

Пыточных дел мастер был так испуган, что не двинулся с места. Я выхватил у него раскаленную железку. От прикосновения к щеке под пластиковой кожей на глаза мне опустилась стальная пластина. Потом я крепко прижал раскаленную железку к фальшивым глазным яблокам, и пластик запах горелым мясом.

Толпа зарыдала, когда я бросил железку и, спотыкаясь, сделал несколько кругов. Признаться, имитация слепоты получилась у меня довольно неплохо.

Боясь, как бы ящерам не пришла в голову какая-нибудь новая светлая идея, я нажал кнопку, и появился мой пластиковый птеродактиль. Разумеется, я не мог его видеть, но почувствовал, что он здесь, когда защелки на его когтях сцепились со стальными пластинками, прикрывавшими мои плечи.

После выжигания глаз я повернулся не в ту сторону, и мой крылатый зверь подцепил меня задом наперед. Я хотел улететь с достоинством, слепые глаза должны были смотреть на заходящее солнце, а вместо этого я оказался повернутым к толпе. Но я сделал все, что мог, — отдал ящерам честь. В следующее мгновение я уже был далеко.

Когда я поднял стальную пластинку и проковырял дырки в жжёном пластике, пирамида уже стремительно уменьшалась в размерах, у основания ее кипел ключ, а счастливая толпа пресмыкающихся барахталась в радиоактивном потоке. Я стал припоминать, все ли сделано.

Во-первых, маяк отремонтирован.

Во-вторых, дверь запечатана, так что никакого вредительства, нечаянного или преднамеренного, больше не будет.

В-третьих, жрецы должны быть удовлетворены. Вода снова

бежит, мои глаза в соответствии с правилами выжжены, у жреческого сословия снова есть дело.

И в-четвертых, в будущем ящеры, наверно, допустят на тех же условиях нового ремонтника, если маяк снова выйдет из строя. По крайней мере я не сделал им ничего плохого — если бы я кого-нибудь убил, это настроило бы их против будущих посланцев от предков.

На корабле, стягивая с себя чешуйчатый костюм, я радовался, что в следующий раз сюда придется лететь уже какому-нибудь другому ремонтнику.

Давление

Напряженность внутри корабля нарастала по мере того, как снаружи увеличивалось давление, и с той же скоростью. Вероятно, это происходило потому, что Ниссиму и Альдо совершенно нечем было заняться. Времени на размышления у них было более чем достаточно. То и дело они поглядывали на манометры, тут же отводили глаза в сторону и затем вновь, будто нехотя, возобновляли эту процедуру — опять и опять. Альдо сплетал и расплетал пальцы, с досадой ощущая холодный пот на ладонях, а Ниссим курил сигарету за сигаретой. Один лишь Стэн Брэндон — человек, на котором лежала вся ответственность, — оставался спокойным и сосредоточенным. В те минуты, когда он вглядывался в показания приборов, он, казалось, полностью расслаблялся, но стоило ему протянуть руку к панели управления, как в его движениях появлялась скрытая энергия. Непонятно почему, но это раздражало его спутников, хотя ни один из них не решился бы признаться в этом.

— Манометр вышел из строя! — обескураженно воскликнул Ниссим, подавшись вперед из тугих объятий предохранительного пояса. — Он показывает нуль!

— А это ему и положено, док, так уж он устроен, — улыбнувшись, ответил Стэн. Он протянул руку к панели и перебросил тумблер. Стрелка дрогнула, а на шкале появились новые цифры. — Единственный способ измерять подобные давления. В наружной обшивке у нас — металлические и кристаллические блоки, прочность у них у каждого своя; когда под давлением один из них разрушается, мы переключаем на следующий...

— Да, да, я знаю...

Ниссим взял себя в руки и снова глубоко затянулся. Ну, конечно же, на инструктаже им говорили о манометрах. Просто сейчас это вдруг вылетело у него из головы. Стрелка уже снова

ползла по шкале. Ниссим взглянул на нее, отвел глаза в сторону, представил себе, что творится сейчас за глухими, без иллюминаторов, стенками металлического корпуса, потом снова, вопреки собственному желанию, бросил взгляд на шкалу и почувствовал, что ладони у него вспотели. У Ниссима, ведущего физика Проекта, было слишком богатое воображение.

То же самое происходило с Альдо Габриэлли, и он отдавал себе в этом отчет: он предпочел бы заняться хоть чем-нибудь, лишь бы не таращиться на шкалу и не томиться в ожидании. Темноволосый, смуглый, носатый, он выглядел как чистокровный итальянец, хотя был американцем в одиннадцатом поколении. Его репутация в области технической электроники была по меньшей мере столь же солидной, как репутация Ниссима в физике. Его считали чуть ли не гением — из-за работ по сканотронному усилению, которые революционизировали всю технику телепортации материи. Альдо испытывал страх.

«Христиан Гюйгенс» погружался во все более плотные слои атмосферы Сатурна. «Христиан Гюйгенс» — таково было официальное название корабля, но монтажники на базе «Сатурн-1» окрестили его попросту Шаром. В сущности, он и был шаром — сплошной металлической сферой со стенками десятиметровой толщины и довольно небольшой полостью в середине. Его огромные клиновидные секции были отлиты на заводах Астероидного Пояса и отправлены для сборки на станцию-спутник «Сатурн-1». Здесь, на удаленной орбите, откуда открывался невероятной красоты вид на кольца и нависшее над ними массивное тело планеты, Шар приобрел свой окончательный вид. С помощью молекулярной сварки отдельные секции были соединены в сплошное, без швов, целое, а перед тем как ввести на место последний клин, внутри тщательно разместили ПМ-экраны — установку телепортации материи. После того как последняя секция была соединена с остальными, попасть внутрь Шара можно было уже только через телепортатор. Поскольку на этом сварщики с их смертоносными излучателями свое дело закончили, можно было приступать к завершающему этапу сборки. Во внутренней полости под палубой были смонтированы огромные, специально сконструированные ПМ-экраны, а на самой палубе вскоре уже громоздились запасы продовольствия, кислородный регенератор и прочая аппаратура, сделавшая Шар пригодным для жилья. Потом были установлены приборы управления, а также наружные резервуары и реактивные двигатели, которые превратили Шар в атомный космический корабль. Это был корабль, которому предстояло опуститься на поверхность Сатурна.

Восемьдесят лет назад такой корабль невозможно было построить: не были еще разработаны уплотненные давлением спла-

вы. Сорок два года назад его не удалось бы собрать, потому что не была еще изобретена молекулярная сварка. А еще десять лет назад нечего было и думать о сплошном, без единого отверстия корпусе — ведь именно тогда была впервые осуществлена на практике идея атомной дифференцировки вещества. Прочность металлической оболочки Шара не ослабляли ни проводники, ни волноводы. Вместо них сквозь металл проходили каналы дифференцированного вещества — химически и физически они ничем не отличались от окружающего сплава, но тем не менее способны были проводить изолированные электрические импульсы. В целом Шар был как бы воплощением неудержимо расширявшихся человеческих познаний. А с точки зрения трех людей, которых он должен был доставить на дно сатурнианской атмосферы, на глубину 20 000 миль, это была тесная, наглухо закрытая тюремная камера.

Все они были подготовлены к тому, чтобы не ощущать клаустрофобии, тем не менее они ее ощущали.

— Контроль, контроль, как меня слышите? — сказал Стэн в микрофон, потом быстрым движением подбородка переключил тумблер на прием. Несколько секунд длилась пауза, пока передаваемая лента, пощелкивая, проходила сквозь ПМ-экран и принятая лента сматывалась в его приемник.

— Один и три, — с присвистом произнес громкоговоритель.

— Это уже сигма-эффект дает себя знать, — оживился Альдо, впервые за все время оставив свои пальцы в покое. Он деловито поглядел на манометр. — Сто тридцать пять тысяч атмосфер, обычно он возникает как раз на этой глубине.

— Я бы хотел взглянуть на ленту, — сказал Ниссим, гася окурок, и потянулся к пряжке предохранительного пояса.

— Не стоит, док. — Стэн предостерегающе поднял руку. — До сих пор спуск шел гладко, но вскоре наверняка начнется болтанка. Вы же знаете, что за ветры в этой атмосфере. Сейчас мы попали в какую-то струю, и нас сносит вбок вместе с нею. Но такое везение не может продолжаться все время. Я попрошу их прислать еще одну ленту через ваш повторитель.

— Но это же секундное дело! — возразил Ниссим, однако его рука в нерешительности задержалась на пряжке.

— Раскроить себе череп можно еще быстрее, — учтиво напомнил Стэн, и, как бы в подтверждение его слов, всю громадную махину корабля вдруг яростно швырнуло в сторону и угрожающе накренило. Оба ученых судорожно вцепились в подлокотники кресел, пока пилот выравнивал крен.

— Вы отлично пророчите беду, — проворчал Альдо. — Может, вы и благословения раздаете?

— Только по вторникам, док, — невозмутимо ответил Стэн, переключая манометр с очередного раздавленного датчика на следующий, еще целый. — Скорость погружения прежняя.

— Это начинает чертовски затягиваться, — пожаловался Ниссим, закуривая новую сигарету.

— Двадцать тысяч миль до самой поверхности, док, и грохнуться об нее с разгона нам тоже ни к чему.

— Толщина сатурнианской атмосферы мне достаточно хорошо известна, — сердито заявил Ниссим. — И нельзя ли избавить меня от этого обращения — «док»?

— Вы правы, док. — Пилот повернул голову и подмигнул. — Я просто в шутку. Мы тут все в одной упряжке и все должны быть друзьями-приятелями. Зовите меня Стэн, а я буду звать вас Ниссим. А как вы, док, смотрите на то, чтобы превратиться в Альдо?

Альдо Габриэлли сделал вид, будто не расслышал. Пилот мог кого угодно вывести из себя.

— Что это? — спросил инженер, почувствовав, что по корпусу Шара вдруг побежала мелкая непрерывная вибрация.

— Трудно сказать, — ответил пилот, торопливо перебросив несколько тумблеров и проверяя по шкалам приборов, что из этого получилось. — Что-то такое снаружи — может, мы в облака вошли. Какие-то переменные воздействия на корпус.

— Это кристаллизация, — заявил Ниссим, поглядывая на манометр. — В верхних слоях атмосферы температура минус двести десять по Фаренгейту, но там, наверху, низкое давление газов препятствует их вымерзанию. Здесь давление намного больше. Надо полагать, мы проходим сквозь облака кристаллического метана и аммиака...

— *А я только что потерял наш последний радар*, — сообщил Стэн. — Снесло...

— Надо было нам запастись телекамерами; сейчас бы мы могли увидеть, что творится снаружи, — сказал Ниссим.

— Что увидеть? — переспросил Альдо. — Водородные облака с ледяными кристаллами в них? Телекамеру раздавило бы точно так же, как другие наружные приборы. Единственное, что нам действительно необходимо, — это радиоальтиметр.

— Ну, он-то работает на славу! — радостно возвестил Стэн. — Высота все еще слишком велика для отсчета, но прибор в порядке. Иначе и быть не может, он же составляет одно целое с корпусом.

Ниссим сделал несколько глотков из водопроводной трубки на подлокотнике кресла. Глядя на товарища, Альдо ощутил, что и у него вдруг пересохло во рту, и последовал примеру Ниссима. Бесконечное погружение продолжалось.

— Сколько я проспал? — спросил Ниссим, удивляясь, что, несмотря на нервное возбуждение, ухитрился все-таки заснуть.

— Несколько часов, не больше, — сообщил Стэн, — зато со смаком. Храпели, как гиппопотам.

— Жена всегда говорит: как верблюд. — Ниссим посмотрел на часы: — Слушайте, вы уже семьдесят два часа подряд бодрствуете! Вы не устали?

— Нет. Я свое наверстаю потом. Я принял таблетки, да и вообще мне долгая вахта не впервой.

Ниссим откинулся в кресле и взглянул на Альдо — тот бормотал под нос числа, погруженный в решение какой-то задачи. «Никакое ощущение не может длиться бесконечно, — подумал Ниссим, — даже ощущение страха. Наверху мы оба здорово перетрусили, но это не могло продолжаться вечно».

Когда он поднял глаза на шкалу манометра, в нем шевельнулось было легкое волнение, но тут же улеглось.

— Давление не меняется, — известил Стэн, — но высота продолжает уменьшаться.

Под глазами у него были темные, будто подведенные сажей, круги, и последние тридцать часов он держался исключительно на допинге.

— Должно быть, аммиак и метан в жидком состоянии, — заметил Ниссим. — Либо в квазижидком — вещество непрерывно превращается из жидкости в пар и обратно. Видит бог, при таком давлении, как снаружи, может происходить что угодно. Почти миллион атмосфер! Просто не верится...

— А мне вполне верится, — откликнулся Альдо. — Слушайте, может, двинемся в горизонтальном направлении, чтобы отыскать какую-нибудь твердь там, внизу?

— Я уже битый час только тем и занимаюсь. Либо нам все-таки придется лезть и дальше в эту жижу, либо нужно прыгнуть вверх и поискать другое место для спуска. Лично мне не очень улыбается снова искать — равновесие придется поддерживать реактивными толчками, а внизу нас еще ждет хорошенькая нагрузка...

— А топливо для прыжка у нас есть?

— Да, но я предпочел бы его придержать. Осталась примерно треть.

— Я голосую за погружение здесь, — сказал Ниссим. — Если атмосфера под нами жидкая, то она наверняка покрывает всю поверхность. Уверен, что при таком давлении, да еще с ветром, любые неровности на дне давным-давно сглажены.

— Не думаю, — возразил Альдо. — Но пусть это выясняют другие. Я тоже за погружение, но только ради экономии топлива.

— Итак, джентльмены, трое — «за», «против» — ни одного. Тогда — вниз.

Неторопливое погружение продолжалось. Они приблизились к неустойчивой границе квазижидкости, и Стэн слегка притормозил громоздкую махину Шара, но изменение плотности было таким плавным, что корабль вошел в жидкость без особых толчков.

— А вот сейчас я поймал отсчет! — Стэн впервые за все время казался возбужденным. — Он устойчиво держится на отметке пятнадцать километров. Может, у этой дыры и вправду есть дно в конце-то концов!

Все оставшееся время спуска Ниссим и Альдо молчали, боясь отвлекать пилота. Но эта часть пути оказалась самой легкой. Чем глубже они погружались, тем спокойнее становилась атмосфера снаружи. На высоте одного километра не ощущалось уже ни малейших толчков, ни продольных перемещений. Они медленно скользили навстречу приближавшемуся дну. На высоте пятисот метров Стэн передал управление посадкой компьютеру, а сам замер, не отпуская рукояток, готовый в любую минуту взять командование на себя. Двигатели негромко взревели, смолкли, послышался короткий глухой скрежет — и вот они уже были на дне.

Стэн щелкнул тумблером и заглушил двигатели.

— Ну вот и все, — сказал он, потянувшись что было сил. — Мы приземлились на поверхности Сатурна. И по такому случаю не худо было бы выпить. — Он недовольно заворчал, обнаружив, что требуется чуть ли не вся его сила, чтобы подняться с кресла.

— Две целых и шестьдесят четыре сотых земного тяготения, — сказал Ниссим, читая показания тончайшего кварцевого балансира на своей приборной панели. — При такой нагрузке работать будет нелегко.

— То, что нам предстоит, не должно занять много времени, — ответил Альдо. — Давайте действительно выпьем. Потом Стэн сможет немного поспать, пока мы займемся наладкой ПМ-экранов.

— Идет. Мое дело сделано, и отныне я простой зритель — до тех пор, пока вы, ребята, не доставите меня на базу.

В конструкции Шара было заранее предусмотрено, что придется работать под прессом почти тройных перегрузок. Альдо с помощью пилота развернул противоперегрузочные кресла таким образом, что открылся доступ к панели приборов и ПМ-экрану. Когда расслабили предохранительные пояса, кресло Ниссима тоже повернулось так, что теперь и он мог дотянуться до экрана. Еще не успели они окончить эти приготовления, как

Стэн распластал свое кресло и вскоре уже громко храпел. Его спутники даже не заметили этого: им теперь предстояло приступить к своей части задания. Альдо, как специалист по ПМ, занялся контрольной проверкой, а Ниссим внимательно следил за ним.

— Все зонды, которые мы отправляли вниз, натыкались на сигма-эффект, не пройдя и пятой части пути, — заговорил Альдо, подключая контрольные приборы. — Как только эффект достигал значительной величины, мы теряли всякий контроль над зондом и ни за одним из них не сумели с точностью проследить хотя бы до половины пути. Мы попросту теряли с ними связь... — Он дважды проверил показания всех приборов и даже не стал выключать осциллограф, на экране которого луч вычерчивал синусоиду, потому что свалился в кресло, будучи уже не в силах разогнуть спину.

— Синусоида выглядит нормально, — заметил Ниссим.

— У-гм. Остальные показания тоже в норме. Это означает, что твоя теория справедлива минимум наполовину.

— Великолепно! — Ниссим впервые с начала полета улыбнулся. — Значит, погрешности не в телепортаторе?

— Абсолютно исключено.

— Тогда попробуем телепортировать и поглядим, пройдет ли сигнал. На базе уже настроились на нашу частоту и ждут.

— «Христиан Гюйгенс» вызывает «Сатурн-1». Как слышите? Прием.

Они внимательно проследили, как перфорированная лента, пощелкивая, исчезала в зеркале экрана, потом Альдо переключил ПМ на прием. Ничего не произошло. Он выждал шестьдесят секунд и снова послал сообщение; тот же результат.

— Вот тебе и доказательство, — удовлетворенно сказал Ниссим. — Передатчик в порядке. Приемник в порядке — в этом можно не сомневаться. А сигнал не проходит. Значит, срабатывает фактор пространственных искажений, о котором я говорил. Как только мы этот фактор учтем, связь будет восстановлена.

— Надеюсь, это не затянется. — Альдо удрученно поглядел на вогнутые стены каюты. — Ведь пока мы не наладим телепортацию, нам придется торчать здесь, в сердцевине этого гигантского яблочка. Да если б даже отсюда и был выход, податься нам все равно некуда, мы как-никак торчим на самом дне аммиачного моря, а над нами двадцать тысяч миль ядовитой атмосферы.

— Отдохни. Я рассчитаю первую поправку. Если теория верна, то техническая сторона — это уже сущая безделица.

— У-гм, — согласился Альдо, откидываясь в кресле и закрывая глаза.

Проснувшись, Стэн чувствовал себя по-прежнему обессиленным; сон в условиях такой перегрузки особого удовлетворения не доставлял. Стэн зевнул, переменил позу и попробовал потянуться, но это оказалось не столько приятным, сколько мучительным делом. Повернувшись к своим спутникам, он увидел, что Ниссим сосредоточенно работает у компьютера.

— В чем загвоздка? — спросил Стэн. — Разве ПМ не работает?

— Нет, не работает, — раздраженно ответил Альдо. — И наш дорогой коллега обвиняет в этом меня, а...

— Но теория безупречна, хромает техническое воплощение!

— ...а когда я высказал предположение, что в его теорию могла затесаться парочка-другая ошибок, он чуть не кинулся на меня с кулаками...

Стэн поторопился вмешаться, чтобы предотвратить разгорающуюся ссору; его зычный командирский голос перекрыл все прочие звуки:

— Немедленно прекратите! И не говорите оба вместе, потому что я ни черта не понимаю. Не может ли кто-нибудь из вас ввести меня в курс дела и внятно растолковать, что тут происходит?

— Разумеется, — ответил Ниссим и замолчал, выжидая, когда Альдо кончит ворчать. — Что вам известно о теории телепортации?

— Попросту говоря — ничего. Мое дело — гонять космических лошадок, этого я и держусь. Одни их строят, другие — налаживают, а я — гоняю. Может, вы мне объясните?

— Попытаюсь. — Ниссим задумчиво закусил губу. — Прежде всего нужно понять вот что: телепортатор ничего не сканирует и не транслирует, как, скажем, происходит в телевизионном передатчике. Никаких сигналов — в том смысле, как мы понимаем это слово, — он не передает. Вся штука здесь в том, что поверхность передающего экрана находится в таком состоянии, что она не является больше частью нашего пространства в обычном его понимании. То же происходит и с приемным экраном, и стоит посадить эти экраны на одинаковую частоту, как между ними возникает резонанс. Они, если хотите, просто сливаются друг с другом, и расстояние, которое их разделяет, уже не играет никакой роли. Вы входите в один экран и тут же выходите из другого, не ощущая задержки ни во времени, ни в пространстве. Я очень сбивчиво объясняю...

— Да нет же, отлично, Ниссим. Ну и что дальше?

— А то, что хоть расстояние роли не играет, но вот физические условия в пространстве между экранами играют существенную...

— Я за вами не поспеваю, док!

— Попробую пояснить вам на примере, имеющем, кстати, прямое отношение к нашей телепортации. Лучи света в пространстве движутся по прямой, пока не произойдет какого-либо физического искажения: преломления, отражения и тому подобного. Но вспомните: эти же лучи можно отклонить от прямой и в том случае, когда они проходят через сильное гравитационное поле — такое, как у Солнца, скажем. Мы обнаружили такое же влияние полей на телепортацию и всегда вводим поправки, учитывающие массу Земли и других небесных тел. В этой застывшей жиже, которая именуется сатурнианской атмосферой, возникают иные условия, тоже влияющие на состояние пространства. Невероятное давление меняет энергию связи атомов и вызывает напряжения в структуре вещества. Из-за этого, в свою очередь, искажаются соотношения теории телепортации. Поэтому здесь, прежде чем перемещать предмет с одного ПМ-экрана на другой, необходимо ввести допущения и поправки, учитывающие эти дополнительные искажения. Поправки эти я уже вычислил, теперь их нужно ввести.

— На словах все выглядит очень просто, — с отвращением сказал Альдо, — а на деле это ни черта не дает. Ни один сигнал не проходит. И наш уважаемый коллега никак не хочет со мной согласиться, когда я говорю, что необходимо повысить мощность телепортатора, если мы хотим что-нибудь протолкнуть сквозь болото, которое нас окружает.

— Да не в количестве дело, а в качестве! — крикнул Ниссим, и Стэн снова поспешил вмешаться:

— Иными словами, Альдо, вы полагаете, что нам не обойтись без того здоровенного экрана, который у нас под палубой?

— Вот именно. Он со всеми своими подвижными секциями как раз для этого и предназначен.

— Да одна его наладка займет месяц! — яростно воскликнул Ниссим. — И со всеми этими пробами мы себя наверняка загоняем до смерти!

— Ну-ну, так уж и месяц, — сказал Стэн, опускаясь в кресло и стараясь не застонать от боли. — А разминка будет только полезна для наших мускулов.

У них ушло четверо суток на то, чтобы расчистить и разобрать палубный настил, и под конец они были на грани полного изнеможения. Для подобных работ в конструкции были предусмотрены вспомогательные механизмы: рым-болты, чтобы подцеплять груз, и лебедки, чтобы его поднимать, но и при этом нельзя было обойтись без ручного труда. Однако в конце концов почти вся палуба была очищена и разобрана, за исключением узенького кольцевого балкончика вдоль стены, на котором остались только их кресла да контрольные приборы. Все остальное пространство занимал теперь огромный ПМ-экран. Лежа на окаменевших под действием силы тяжести подушках, они разглядывали его.

— Ну и громадина! — сказал Стэн. — В него может спокойно пройти посадочный космобот.

— У него есть более важные достоинства, — задыхаясь, проговорил Альдо. Кровь молотом стучала в его висках, и сердце покалывало от усталости. — Он буквально напичкан всевозможными контурами, включая запасные, а маневренная мощность у него в сотню раз больше, чем могло бы понадобиться в любых других условиях.

— Но как же вы доберетесь до его внутренностей, чтобы там ковыряться? Я тут ничего, кроме экрана, не вижу...

— Все продумано. — Альдо ткнул в сторону нарезного отверстия в обшивке, откуда они только что вывернули пробку диаметром в фут. — Все операции проводятся отсюда. Прежде чем покинуть корабль, мы ввернем пробку обратно, а там уж она сама сядет в гнездо. Для посадки придется поднимать отдельные секции одну за другой, поочередно.

— То ли я отупел, то ли все из-за этой проклятой перегрузки. Я не понимаю.

Альдо был терпелив.

— В этом ПМ-экране — весь смысл нашей экспедиции. Для нас, конечно, наладить здесь телепортацию жизненно важно, но с точки зрения основной задачи Проекта — это дело второстепенное. Как только мы отсюда телепортируемся, сюда явятся монтажники и заменят все временные контуры стандартными твердотельными блоками; потом они тоже выберутся наверх. Тем временем автоматические сверла постепенно пробуравят верхнее полушарие корабля. Подточенная сверлами оболочка треснет, провалится внутрь, прямо на зеркало экрана. Экрану это не повредит, потому что он тут же телепортирует все обломки прямо в космическое пространство. И с этого момента мы получим доступ на дно сатурнианского океана. Специалисты по сверхнизким температурам и сверхвысоким давлениям ждут не дождутся этой минуты...

Стэн кивнул, а Ниссим посмотрел на низкий свод, усеянный циферблатами приборов, и даже рот слегка приоткрыл, словно воочию увидел, как рушится эта металлическая громадина и следом за ней сюда врываются сжатые до миллиона атмосфер волны ядовитого океана.

— Давайте лучше начнем, — торопливо сказал он, делая мучительные усилия, чтобы приподняться. — Поднимем секции и произведем побыстрее наладку.

Ниссим и Стэн помогали Альдо поднимать секции экрана, но все необходимые переделки ему пришлось производить самому. Бормоча проклятия, он сосредоточенно перебирал блок за блоком, которые клал перед ним дистанционный манипулятор. Когда он совсем выбивался из сил, он останавливался и закрывал глаза, чтобы не видеть тревожных взглядов, которые Ниссим бросал то на него, то на потолок каюты. Стэн готовил для всех еду и с шуточками распределял скудный запас противоперегрузочных таблеток и прочих стимуляторов. Время от времени он рассказывал различные случаи из своей космической практики и явно получал удовольствие от этого монолога, чего нельзя было сказать об остальных.

Наконец наладка была завершена. Были проделаны все контрольные испытания, и последняя секция экрана скользнула обратно на свое место. Альдо сунул руку в нарезное отверстие и нажал рубильник: темнота на поверхности экрана сменилась знакомым мерцанием включенного ПМ.

— Телепортирует... — еле слышно пробормотал он.

— Ну-ка пошли им вот что, — предложил Стэн, нацарапав на клочке бумаги: «Как слышите нас?» Он швырнул бумажку на самую середину экрана, и она тотчас исчезла. — А теперь прием.

Альдо переключил рубильник, и поверхность экрана снова изменила свой вид. Однако больше ничего не произошло. Какую-то долю мгновения они ждали, застыв, затаив дыхание, неотрывно глядя на пустую поверхность.

Затем из ничего вдруг возник кусок перфорированной ленты, весь в мягких изгибах, и, согнувшись под тяжестью собственного веса, стал свиваться в кольца. Ниссим был ближе всех — он дотянулся до ленты, схватил ее и стал сматывать, пока из экрана не выскочил оборванный конец.

— Работает! — выкрикнул Стэн.

— Частично, — сдержанно ответил Ниссим. — Качество телепортации наверняка не на высоте, и потребуется более тонкая доводка. Но это они смогут выяснить на приемном пункте, тогда нам пошлют подробные указания.

Он заправил ленту в проигрыватель и включил его. От металлических стен каюты отразился какой-то оглушительный вопль. Лишь с трудом в нем можно было распознать человеческий голос.

— М-да, тонкая доводка, — слегка усмехнувшись, сказал Ниссим, однако эта усмешка тотчас исчезла, потому что Шар вдруг накренился, а затем медленно стал возвращаться в вертикальное положение. — Нас что-то толкнуло! — задыхаясь, проговорил он.

— Атмосферные течения, наверное, — сказал Альдо, вцепившись в подлокотники и выжидая, когда Шар остановится. — А может, плавучие льдины, трудно сказать. Самое время нам выбираться отсюда.

Теперь их одолевала бесконечная усталость, но они старались ее не замечать. Конец был так близок, и база с ее уютной безопасностью казалась буквально рядом. Ниссим рассчитывал необходимые поправки, а его спутники снова поднимали секцию за секцией и переналаживали отдельные блоки. Это было худшее из занятий, которые можно придумать в условиях почти тройной перегрузки. Однако всего за сутки они добились почти идеального звучания лент, а образцы материалов, которые они телепортировали на базу, при проверке оказались нормальными с точностью до пятого знака. Время от времени Шар продолжал заваливаться, и они прилагали все усилия, чтобы не думать об этом.

— Теперь мы готовы к испытаниям на живых объектах, — произнес Ниссим в микрофон.

Альдо смотрел, как лента с запечатленными на ней словами исчезает в экране, и боролся с искушением броситься вслед за ней. Нужно ждать. Теперь уже скоро. Он переключил на прием.

— По-моему, мне еще никогда в жизни не приходилось так долго торчать на одном месте, — сказал Ниссим, уставившись, как и его спутники, на экран. — Даже из колледжа в Исландии я каждый вечер телепортировался домой.

— Мы привыкли к ПМ-экранам как к чему-то само собой разумеющемуся, — откликнулся Альдо. — Все время, пока мы на базе разрабатывали этот проект, я по вечерам отправлялся в Нью-Йорк. Мы перестаем замечать все привычное, пока что-нибудь не разладится... как у нас здесь. Вам-то, конечно, легче, Стэн...

— Мне? — Пилот взглянул на него, удивленно подняв брови. — Я ничем не лучше. Я тоже при всяком удобном случае телепортировался к себе, в Новую Зеландию. — Его взгляд снова вернулся к пустому экрану.

— Я не это имел в виду. Просто вы уже привыкли к длительному одиночеству на корабле, во время полета. Видимо, это дает хорошую закалку. Вы как будто... ну, как будто не так всем этим напуганы, как мы.

У Стэна вдруг вырвался короткий, сухой смешок.

— Не обольщайтесь. Когда вас прошибает холодный пот — меня тоже. У меня просто подготовка другая. В моем деле стоит запаниковать — и вы уже на том свете. А в вашем это означает всего лишь пару лишних рюмочек перед обедом — для успокое-

ния нервов. У вас не было особой нужды в самоконтроле, вот вы и не знаете, что это такое.

— Но это неверно, — возразил Ниссим. — Мы же цивилизованные люди, не какие-нибудь животные, мы умеем владеть собой...

— Что ж вы об этом не вспомнили, когда чуть не кинулись на Альдо с кулаками?

— Один-ноль в вашу пользу, — угрюмо ухмыльнулся Ниссим. — Согласен, я способен поддаться эмоциям, но ведь это же неотделимо от человеческой натуры. Но вот что касается вас, то... как бы это сказать?.. Вы, по-видимому, по складу характера не так легко возбудимы.

— Царапните меня — потечет точно такая же кровь. Это все тренировка — вот что не позволяет человеку хвататься за рубильник паники. Космонавты всегда были такими начиная с первого дня. Надо полагать, в их характере с самого начала заложено нечто необходимое для их будущей профессии, но только постоянная тренировка делает самоконтроль почти автоматическим. Вам не доводилось когда-нибудь слышать записи из серии «Голоса космоса»?

Не отрывая глаз от пустого экрана, Ниссим и Альдо помотали головами.

— Обязательно послушайте. Там записи за полстолетия, но вы ни за что не сумеете определить, когда именно сделана та или иная запись. Самообладание и четкость абсолютно одинаковы. И лучший пример, пожалуй, — это первый в истории космонавт Юрий Гагарин. В этой серии есть много записей его голоса, включая самую последнюю. Он летел тогда на обычном самолете и попал в аварию. Так вот, его голос до самой последней секунды звучал точно так же, как на всех других его записях, — отчетливо и спокойно.

— Но это же противоестественно! — воскликнул Ниссим. — Видимо, он был человеком совершенно иного склада, чем все остальные...

— Вы абсолютно не уловили мою мысль.

— Смотрите! — воскликнул вдруг Альдо.

Все они разом замолчали, потому что из экрана выскочила крохотная морская свинка и тут же свалилась на его поверхность. Стэн подобрал ее.

— Выглядит просто здорово, — сказал он. — Отличная шерстка, замечательные усы, еще тепленькая. И мертвая. — Он поглядел на их изможденные, испуганные лица и улыбнулся. — Не стоит волноваться. Мы ведь не обязаны сию же секунду нырять в

эту электронную душегубку. Очередная наладка, не так ли? Хотите взглянуть на трупик или отправить его обратно для анализа?

Ниссим отвернулся.

— Избавьтесь от нее поскорее и запросите сообщение. Следующая попытка должна дать результат.

Физиологи ответили быстро. Причина смерти — функциональные нарушения в синапсах аксонов, соединяющих нервные клетки. Случай, типичный для ранних экспериментов с ПМ, и поправки для него давно уже известны. Поправки были введены, хотя на этот раз в процессе наладки Альдо потерял сознание и им пришлось приводить его в чувство с помощью лекарств. Непрерывное физическое напряжение сказывалось на каждом из них.

— Не знаю, смогу ли я снова перекраивать эти секции, — почти шепотом произнес Ниссим, включая экран на прием.

На экране возникла еще одна морская свинка — без всяких признаков жизни. Потом она вдруг сморщила нос, перевернулась и стала испуганно тыкаться по сторонам в поисках убежища. Крик восторга прозвучал хрипло, слабо, но тем не менее это был крик восторга.

— До свидания, Сатурн, — сказал Ниссим. — С меня довольно.

— С меня тоже, — присоединился Альдо и переключил экран на передачу.

— Сначала давайте послушаем, что скажут врачи об этой тварюшке, — напомнил Стэн, опуская морскую свинку на экран. Все следили за ней, пока она не исчезла.

— Ну, разумеется, — неохотно проговорил Ниссим. — Последняя проверка.

Она длилась долго и оказалась малоудовлетворительной. Они прокрутили ленту вторично.

— ...Таковы клинические данные, ребята. Похоже, что все это указывает на какое-то микроскопически ничтожное замедление нервных сигналов и определенных рефлексов у нашей свинки. По правде говоря, мы не можем утверждать наверняка, что произошло какое-то изменение, пока не проведем дополнительных опытов с контрольными животными. Не знаем, что вам и посоветовать. Решайте сами, как поступать. Тут, похоже, все сходятся на том, что имеются скрытые отклонения, которые, по всей видимости, прямого влияния на животное не оказали, но какого рода эти отклонения, никто не решается гадать, пока не будут проделаны более основательные исследования. Это займет, как минимум, сорок пять часов...

— Не думаю, что мне удастся продержаться еще сорок пять часов, — сказал Ниссим. — Сердце у меня...

Альдо уставился на экран.

— Положим, я даже продержусь весь этот срок, но что толку? Я знаю, что эти секции мне больше не поднять. Кончено. У нас только один выход.

— Телепортироваться? — спросил Стэн. — Рано. Нужно ждать результатов исследования — сколько хватит сил.

— Если мы будем их ждать, нам крышка, — настаивал Ниссим. — Альдо прав: даже если нам сообщат новые поправки, еще одну наладку мы все равно не осилим. Это факт.

— Я думаю иначе, — начал было Стэн, но замолчал, видя, что никто его не слушает. Он и сам был на грани полного изнеможения. — Тогда давайте голосовать, пусть решает большинство.

Голосование не затянулось: двое против одного.

— Теперь остается последний вопрос, — снова заговорил Стэн, глядя в их изможденные, иссохшие лица — точные копии его собственного лица. — Кто рискнет? Кто пойдет первым? Ясно одно: Альдо должен остаться, потому что он единственный, кто может произвести наладку, если она еще потребуется. Дело не в том, сможет ли он ее произвести фактически, он все равно должен покинуть корабль последним. Так что для роли морской свинки он не подходит. Вы тоже отпадаете, Ниссим, — как я понял из разговоров на базе, вы — главная надежда современной физики. Она в вас нуждается. А космических жокеев вроде меня сколько угодно. Значит, первым идти мне, когда бы мы ни решили это сделать.

Ниссим хотел было возразить, но не нашел убедительных аргументов.

— Отлично! Я первый — в качестве подопытной свинки. Но когда? Сию минуту? Мы все выжали из этого проклятого экрана? Вы уверены, что не сумеете больше продержаться — на случай, если понадобится еще одна наладка?

— Абсолютно уверен, — хрипло сказал Ниссим. — Я уже кончился.

— Пожалуй, несколько часов... день... — слабо произнес Альдо. — Но к тому времени мы уже не сможем работать. Это наш последний шанс.

— Я не ученый, — сказал Стэн, переводя взгляд с одного на другого, — и не мне судить о технической стороне дела. Поэтому, когда вы говорите, что сделали все, что могли, с этим экраном, я обязан верить вам на слово. Но уж об усталости-то мне кое-что известно. Мы можем протянуть гораздо больше, чем вам кажется...

— Нет! — воскликнул Ниссим.

— Послушайте меня. Мы можем затребовать сюда побольше подъемных приспособлений. Мы можем передохнуть парочку дней, прежде чем снова перейти на таблетки. Мы можем затребовать с базы готовые налаженные блоки, чтобы Альдо не пришлось много возиться. Да мало ли что можно сделать!

— Мертвым все это уже не поможет, — сказал Альдо, глядя на свои вздувшиеся вены, в которых тяжело пульсировала кровь, с трудом преодолевая повышенную гравитацию. — Сердце не может долго работать в таких условиях. Наступает перегрузка, разрыв мышечной ткани — и конец.

— Вы и не представляете себе, до чего это могучая штука — наше сердце и вообще наш организм.

— У вас — возможно, — сказал Ниссим. — Вы тренированны и полны сил, а мы, давайте уж смотреть правде в глаза, не сказать, чтобы в отличной форме. Мы ближе к смерти, чем когда-либо. Я знаю, что больше не выдержу, и, если вы не хотите — я сам пойду первым.

— А вы что скажете, Альдо?

— То же, что и Ниссим. По мне, если уж выбирать, то лучше попытать счастья с экраном, чем оставаться здесь на заведомую гибель.

— Ну что ж, — сказал Стэн, с трудом опуская ноги с кресла. — Больше, видимо, не о чем толковать. Увидимся на базе, ребята. Мы тут славно поработали, будет о чем детишкам порассказать на старости лет.

Альдо переключил экран на телепортацию. Стэн подполз к самому краю зеркальной поверхности. Улыбаясь, он помахал им на прощание рукой, не ступил, а, скорее, упал на экран и исчез.

Лента выпрыгнула из экрана мгновение спустя, руки у Альдо дрожали, пока он заправлял ее в проигрыватель.

— ...Да вот же он, эй, вы, двое, помогите ему... Алло, «Гюйгенс», майор Брэндон уже здесь, и вид у него ужасный, впрочем, вы сами знаете, какой у него вид, а вообще-то я хотел сказать, что он в полном порядке. Сейчас возле него врачи, они с ним беседуют... подождите минутку...

Тут речь перешла в невнятное бормотание, словно говоривший закрыл микрофон рукой. Последовало томительное молчание. Когда он снова заговорил, в голосе его что-то изменилось.

— ...Здесь у нас некоторые осложнения, должен вам сказать. Пожалуй, лучше я подключу к вам доктора Крира.

Послышался отдаленный гул голосов, и заговорил другой человек:

— Это доктор Крир. Мы обследовали вашего пилота. Похоже, что он потерял способность говорить, узнавать других людей, хотя внешне он совершенно невредим, никаких признаков телесных повреждений. Прямо не знаю, что вам сказать, но в общем его дела плохи. Если это связано с торможением рефлек-

сов, как у свинки, то речь может идти о нарушении функций высшей нервной системы. Проверка простейших рефлексов дает нормальные результаты — с учетом физического истощения. Но высшие функции — речь, сознание, — по-видимому, увы, полностью исчезли. Поэтому я запрещаю вам телепортироваться, пока не будут проделаны все без исключения анализы. Боюсь, что вам скорее всего придется пробыть там еще довольно долго и предпринять дополнительную наладку.

Кончик ленты щелкнул, и проигрыватель автоматически отключился.

Двое в Шаре с ужасом посмотрели друг на друга.

— Он все равно что мертв... — прошептал Ниссим. — Хуже, чем мертв... Какая чудовищная нелепость! Ведь он казался таким спокойным, таким уверенным в себе...

— Да... А что ему оставалось делать? Или ты ждал, что он ударится в панику, как мы? Получается, что мы уговорили его совершить самоубийство.

— Мы не можем обвинять себя в этом, Альдо!

— Нет, можем. Мы согласились, чтобы он шел первым. И мы убедили его, что в теперешнем нашем состоянии мы уже не можем улучшить работу телепортатора.

— Но... это ведь так и есть.

— Так ли? — Ниссим впервые посмотрел Альдо прямо в глаза. — А разве мы не намерены сейчас снова взяться за работу, а? Мы ведь не собираемся соваться в такой ПМ-экран! Нет, мы будем работать, пока не появятся надежные шансы выбраться отсюда целехонькими!

Альдо глядел на него, не отворачиваясь.

— Да, я полагаю, мы можем это сделать. Но если это так — выходит, мы его обманули, когда сказали, что готовы телепортироваться первыми?

— На этот вопрос слишком трудно ответить.

— Ах вот как, трудно! Но если постараться ответить честно, то трудно будет жить. Нет уж, думаю, мы можем признаться себе, что своими руками убили Стэна Брэндона.

— Не умышленно!

— Верно. И это еще хуже. Мы убили его потому, что потеряли самообладание в непривычной для нас ситуации. Он был прав. У него был профессиональный опыт, и мы обязаны были к нему прислушаться.

— Великолепная это штука — рассуждать задним числом. Если б мы вот так же хоть чуточку вперед заглядывали...

Альдо затряс головой:

— Невыносимо думать, что он погиб абсолютно впустую.

— Нет, не впустую, и, может быть, он это понимал уже

тогда — он хотел, чтобы мы вернулись на базу невредимыми. Он сделал для этого все, что мог. Но на нас не действовали его слова. Даже если б он остался, мы бы все равно ни черта не делали, разве что ненавидели бы его. Мы бы просто свалились здесь, махнули на все рукой и подохли.

— Теперь уж нет, — сказал Альдо, заставляя себя подняться. — Теперь уж мы будем держаться, пока не наладим ПМ и не выберемся отсюда. Хоть эту малость мы обязаны сделать. Если мы хотим, чтобы его поступок приобрел хоть какой-то смысл, мы обязаны вернуться назад живыми.

— Да, мы это сделаем, — согласился Ниссим, с трудом шевеля губами. — Теперь сделаем.

Наладка началась.

Радушная встреча

Посадка едва не закончилась печально. Космический корабль бросало из стороны в сторону, но в конце концов, пусть и с резким ударом, он застыл на песке. Капитан Моран посмотрел на блестящую от пота шею пилота Синкли и с трудом подавил желание обхватить ее руками и жать, жать, жать.

— Такой отвратительной посадки я не видел за все годы службы, — процедил он. — Мы — спасательная экспедиция... Кто, по-твоему, будет спасать нас?

— Извините... капитан, — голос Синкли подрагивал в такт рукам. — Эти отблески, сначала от песка... потом от канала...

Внизу что-то заскрежетало, на пульте управления замигали красные лампочки. Капитан Моран выругался. Проблемы в машинном отделении. Сектор «альфа». Внезапно ожила громкая связь. Рубку наполнил голос главного инженера Бекетта.

— При посадке сместилось кое-какое оборудование. Ничего серьезного. Что поломалось — заменим. Отбой.

Пилот сидел, наклонившись вперед. То ли молился, то ли его согнул страх. Он напортачил. Напортачил серьезно и знал об этом. Капитан Моран стрельнул взглядом в его затылок и направился к шлюзу. Слишком многое пошло наперекосяк, а ответственность-то лежала на нем.

Доктор Кранолски, корабельный медик, уже брал пробы воздуха. Капитан Моран пожевал нижнюю губу, дожидаясь, пока толстячок-доктор закончит возиться со своими приборами. Выглянул в иллюминатор. Красная пустыня расстилалась до горизонта. Словно металлический палец, из нее торчал другой космический корабль.

Ради него они и прилетели. Прошел год после посадки первого корабля. И ни ответа, ни привета. На «Аргусе» имелось несколько дублирующих друг друга систем связи. Экипаж не воспользовался ни одной. Изумленный мир построил второй межпланетный корабль — «Аргус-2». До Марса они долетели. Теперь оставался последний этап: выяснить, что случилось с экипажем «Аргуса». И доложить на Землю.

— Атмосферное давление выше, чем ожидалось, — ворвался в его мысли голос Кранолски. — И содержание кислорода тоже. Совсем как на Земле, где-нибудь на вершине горы. Бактерий нет вовсе. Это особенно интересно, учитывая...

— Доктор, давайте как можно яснее и без лишних слов. Могут мои люди выходить из корабля?

— Да... да. Выходить можно. Разумеется, следует принять определенные меры безопасности...

— Какие именно? Хочется добраться до «Аргуса» при свете дня.

* * *

Капитан только протянул руку к двери радиорубки, как радист выскочил к нему навстречу.

— Я пытался связаться с «Аргусом» на всех частотах, капитан, включая самые низкие. Ничего. То ли корабль пуст, то ли экипаж... — он не договорил.

Капитан нахмурился.

— А поисковый радар? Они могут быть неподалеку.

Спаркс покачал головой:

— Я вглядывался в экран, пока перед глазами не запрыгали мушки. Ничего и никого, ни землян, ни марсиан. А при том уровне разрешения, которым я пользовался, на экране можно увидеть все, что больше бейсбольного мяча.

Капитану Морану предстояло принять трудное решение. Лишних людей на борту не было, каждый обеспечивал на своем участке работоспособность жизненно важных систем корабля. Если он посылал маленькую поисковую группу, они могли попасть в передрягу, из которой самостоятельно не выбрались бы. А если бы поисковая группа не вернулась на корабль, остальные не смогли бы улететь на Землю. Но альтернатива маленькой поисковой группе была только одна — отправиться на поиски всей командой. То есть оставить корабль пустым, продублировать случившееся на «Аргусе».

Моран минуты полторы сражался с возникшей дилеммой, потом включил громкую связь.

— Всем внимание. Через пятнадцать минут выходим из корабля все вместе. Надеть спецкостюмы и взять оружие. Время пошло.

* * *

Когда все стояли на красном песке, Моран захлопнул люк, заблокировал его кодовым замком. А затем, развернувшись в линию, они медленно двинулись к «Аргусу».

Еще не дойдя до него, увидели открытый люк. Признаков жизни «Аргус» не подавал. Вскоре они стояли перед черным зевом. Полнейшую тишину нарушало лишь шуршание песчинок, которые тащил ветер. Капитан повернулся к пилоту Синкли. Тот раскраснелся и тяжело дышал: после длительной невесомости даже относительно короткое расстояние и при меньшей, чем земная, силе тяжести далось ему с трудом.

— Акустическая граната, — прошептал Моран.

Синкли отцепил одну из висевших на поясе гранат, протянул капитану. Тот выдернул чеку, на счет три бросил в люк. Прогремел взрыв, Моран ворвался в корабль до того, как стихло эхо.

Никого. Ни с первого взгляда, ни после тщательного обыска. Капитан прошел в опустевшую рубку, пытаясь понять, что же произошло.

Моран читал судовой дневник, когда услышал крик часового, оставленного у люка. Бросился к шлюзу. Там уже толпились его люди. Моран протолкнулся к люку.

Их было четверо. Очаровательные девушки, если не обращать внимания на светло-зеленую кожу.

— Лучшие представительницы аборигенов встречают дорогих гостей, — прокомментировал кто-то из астронавтов. И замолчал под суровым взглядом капитана.

Но, похоже, их действительно встречали, и встречали с открытым сердцем. Однако капитан настоял на том, чтобы девушек обыскали. Что и проделали, ко всеобщему удовольствию. Объясниться толком не удалось, сказывался языковой барьер, но девушки знаками показали, что им нужно: они хотели, чтобы астронавты последовали за ними к каналу. Насчет реализации этого предложения некоторые сомнения возникли только у Морана. Он выставил около девушек охрану и отвел офицеров в сторону посоветоваться.

Но иных вариантов у них, похоже, не было. Они прибыли, чтобы найти экипаж «Аргуса», а помочь в этом им могли только зеленокожие девушки. Других представителей разумной и неразумной жизни не просматривалось.

Хорошо вооруженные, они могли дать отпор любому врагу. Но девушки сияли от счастья, и экспедиция все больше напоминала пикник. Особенно когда они увидели выстроившиеся на берегу лодки. В каждой сидели по две-три зеленокожие, не ме-

нее очаровательные девушки. При обыске ничего подозрительного обнаружить не удалось. Моран разрешил своим людям грузиться на лодки, по одному на каждую.

Едва заметное течение подхватило и понесло лодки. Большинству уже казалось, что эта дорога ведет в рай. Капитан Моран выкрикивал приказы, но астронавты предпочитали пропускать их мимо ушей. Долгий полет в крошечном корабле и внезапная смена обстановки не способствовали укреплению дисциплины.

Лишь один инцидент нарушил благостную атмосферу прогулки по воде. Доктор Кранолски, у которого страсть к новым знаниям возобладала над либидо, провел детальный осмотр своей лодки. Потом вплотную сблизился с лодкой капитана.

— Нашел кое-что любопытное, капитан. Только не пойму, что это может означать.

Проследив взглядом за указующим пальцем доктора, Моран увидел едва заметные царапины на одном из сидений. Присмотревшись, понял, что это не просто царапины, а буквы.

— Вроде бы ПАУ... Мог их написать кто-то из экипажа «Аргуса»?

— По-другому и быть не может! — воскликнул доктор. — Невозможно представить себе, чтобы у марсиан был такой же алфавит, что и у нас. Но что они означают?

— Они означают, что экипаж «Аргуса» прошел этим путем, — ответствовал капитан Моран, — и нам надо держать ухо востро. Не чувствую я себя в безопасности на этих лодках. Но по крайней мере девушки при нас. Если за ними кто-то стоит, едва ли они что-нибудь предпримут, пока девушки находятся у нас в заложниках.

Скорость течения все увеличивалась, лодки неслись меж широких берегов. Тревога Морана нарастала, и он выхватил пистолет, услышав крик доктора.

— Капитан, я все думаю над этими буквами. Вполне возможно, что этот человек хотел написать слово «паук».

Моран опустил пистолет, мрачно глянул на Кранолски.

— Где вы видели пауков, доктор? На лодках их нет, кроме этих женщин, мы не видели на Марсе ничего живого. Может, он имел в виду водяных пауков? Если и так... что из этого?

Исходя из гипотезы капитана, доктор Краловски уставился на воду. Капитан Моран прокричал очередной приказ, требуя от своих людей повысить бдительность, но лодки все дальше относило друг от друга, так что кто-то приказа не услышал, а кто-то прикинулся, что не слышит. И капитан чувствовал, что на самых дальних от него лодках астронавты так увлеклись девушками, что забыли обо всем остальном. А лодки все набирали скорость. И только присутствие девушек хоть как-то успокаивало Морана.

Вдали показалась черная точка. Капитан попытался понять, что это такое. Но его отвлек голос Кранолски.

— Капитан, логика говорит за то, что человек, нацарапавший эти буквы, полагал, что это важно. Возможно, ему не хватило времени, чтобы написать все слово.

— Не надо фантазировать, доктор. Есть дела поважнее.

Но впервые за время службы доктор Кранолски позволил себе не согласиться с капитаном:

— А я думаю, что ничего важнее для нас нет. Если человек действительно предупреждал нас насчет паука, то где это чудовище? Конечно же, девушки эти совершенно безобидны. И паутина — где она? — Он помолчал, потом рассмеялся: — Знаете, капитан, когда мы приближались к Марсу, каналы напомнили мне гигантскую паутину, накрывшую поверхность планеты.

Моран пренебрежительно фыркнул:

— Если предположить, что канал — жила паутины, то получается, что девушки — приманка, а здание, к которому мы плывем, — логово паука. Это уж чересчур, доктор!

Канал исчезал в арке гигантского сооружения. На такой скорости они уже не могли контролировать движение лодок и вскоре втянулись под арку. Морана охватил страх, и в попытке преодолеть его капитан попытался поднять на смех Кранолски:

— Мы уже в логовище, доктор, и как, по-вашему, выглядит этот всепланетный паук? Как выглядит это чудовище, облепившее планету, словно земной паук — яблоко?

Ему ответил крик, но этого ответа хватило с лихвой.

Слова не могли описать существо, заполнившее собой гигантское сооружение.

Тварь поджидала их.

Потянулась к ним...

Трудная работа

— Но почему именно ты? — спросила она.

— Ничего не поделаешь — такая уж у меня работа.

Он защелкнул последнюю застежку на ранце и надел его, стараясь, чтобы тяжесть равномерно легла на плечи.

— Не понимаю, почему те, кто пилотирует посыльные ко-

рабли, не могут заодно ознакомиться с обстановкой на месте. Чтобы хоть чем-то помочь тебе — возможно, дать какое-то представление о том, что тебя там ждет. Думаю, это несправедливо.

— Очень даже справедливо, — отозвался он, стараясь сдерживать себя.

Он подтянул чуть туже лямку на левом плече. Ее появление здесь, как раз в последние минуты перед его уходом на задание, не вызвало у него восторга; но уж если она что-либо задумывала, остановить ее было нелегко. Еще раз он терпеливо разъяснил ей положение дел:

— Во время полетов к звездам разведывательные корабли превращаются в ловушки для тех, кто их пилотирует; им с трудом удается хотя бы остаться в живых. У них своя специфика работы. Чтобы выжить в длительных полетах, необходима особая склонность к ним. Немногие обладают ею. В то же время именно те качества, которые помогают приспосабливаться к длительным полетам, оказываются совершенно непригодными для исследования планет. Поэтому все, что требуется от пилотов, — это наладить высокочувствительную аппаратуру и фотореле, а затем обеспечить доставку экранов нуль-передатчиков на беспилотной тормозной ракете в какое-нибудь подходящее место на планете. И еще до того, как нуль-передатчик коснется поверхности и пошлет сигнал о благополучном приземлении, они направляются к другой звездной системе. Так вот, свою работу они сделали. Теперь моя очередь.

— Вы уже готовы, специалист Лэнгли? — спросил человек, заглянувший в этот момент в комнату.

— Почти, — отозвался Лэнгли, ненавидя себя за то, что испытал чувство облегчения при виде нарушителя их уединения. — Механик Меер, это моя жена — Кериза.

— Большая честь для меня, супруга Кериза. Вы должны гордиться своим мужем.

Меер был молодым улыбчивым человеком приятной наружности. По одной его улыбке можно было предположить, что он говорит искренне. Чуть сдвинутые наушники и жестко зафиксированный около губ микрофон свидетельствовали о том, что он ненадолго прервал свое общение с компьютером.

— Да, честь, — произнесла Кериза, не в силах удержаться от замечания, — но не вечная. Мы обручены впервые, и срок нашей совместной жизни истекает через несколько дней, во время отсутствия мужа.

— Чудесно, — откликнулся Меер, не слыша горечи в ее словах. — Зато вы с нетерпением будете ожидать той минуты, когда

он наконец вернется. Неплохой повод для праздника. Мне начинать, специалист?

— Пожалуй, — согласился Лэнгли и кончиками пальцев приподнял флягу, проверяя, полна ли она.

Чтобы не мешать, Кериза молча прислонилась к стене неуютного служебного помещения. Началась сверка контрольного списка, и мужчинам стало не до нее. Компьютер нашептывал свои вопросы прямо в ухо механику, а тот повторял их вслух, непроизвольно копируя монотонные и бесстрастные интонации механизма. Компьютер, а не она целиком поглотил внимание обоих мужчин, так похожих друг на друга в своих темно-зеленых униформах на фоне почти таких же зеленых стен. Ее серебристо-оранжевый костюм был здесь как-то не к месту, и она машинально сделала шаг по направлению к выходу.

После быстрого просмотра контрольного списка компьютер полностью одобрил его. Немного больше времени заняла необходимая регулировка снаряжения Лэнгли. Снаряжение состояло из металлической упряжи, снабженной силовым приводом и служащей для поддержки его тела. Упряжь была идеально подогнана по фигуре Лэнгли — нечто вроде гибкого внешнего скелета. Скелет сочленялся с суставами хозяина и мог свободно сгибаться и поворачиваться, следуя любым движениям. Поскольку опорные подкладки были неотъемлемой частью униформы, а тяги, выкрашенные в тон ткани, были достаточно тонкими, упряжь не бросалась в глаза. Запаса атомной энергии в ранце хватало по меньшей мере на год.

— Зачем на тебе эта металлическая клетка? — спросила Кериза. — Раньше ты никогда не надевал ее.

Она была вынуждена громко повторить вопрос, прежде чем мужчины обратили на нее внимание.

— Из-за повышенной гравитации, — откликнулся наконец ее муж. — На этой планете сила тяжести на две целых сто пятьдесят три тысячных g больше земной. Клетка, как ты ее называешь, не в силах устранить гравитацию, но зато в состоянии поддерживать меня и не давать слишком быстро уставать.

— Ты ничего такого не говорил про эту планету. Ты мне вообще ничего не рассказывал...

— Так ведь не о чем и рассказывать. Там, куда я отправляюсь, высокая гравитация, холодно и ветрено. Воздух обычный — пробу его уже брали на анализ, — только кислорода немного больше. Во всяком случае, для дыхания он вполне пригоден.

— А звери, дикие звери — как насчет их? Они не опасны?

— Мы пока не знаем, но, насколько нам известно, планета довольно мирная.

Он солгал ей, но говорить правду он не имел права. На недавно открытой планете были обнаружены поселенцы с Земли; информация об этом сразу попала в разряд засекреченной. Ее решено было предать гласности только после официальной оценки отчета, который он представит по возвращении.

— Я готов, — сказал Лэнгли, натягивая перчатки. — Не хотелось бы задерживаться, а то я скоро начну потеть внутри этого костюма.

— Температура костюма поддерживается на одном уровне, специалист Лэнгли. Вам должно быть удобно в нем.

Он и сам это знал, просто ему не терпелось поскорее уйти. Керизе не следовало приходить сюда.

— Представь, что я отправляюсь просто на периферию, отсюда то место таким и кажется, — успокоил он жену, взяв ее за руки и быстро поцеловав. — Как только появится время, сразу пришлю тебе письмо.

Он безмерно любил ее, но не здесь и не сейчас, когда он собирался на задание. Тяжелая дверь закрылась за спиной, отгородив их обоих от Керизы, и Лэнгли сразу почувствовал облегчение. Наконец-то он сможет сконцентрироваться на возложенной на него миссии.

— Передано сообщение, — сказал механик, когда они, открыв мощную тройную дверь, вошли в забронированное помещение для нуль-перехода. — Нужны дополнительные образцы почвы и растительности. Попросили также привезти образцы воды и форм жизни, но два последних заказа могут и обождать.

— Будет исполнено, — ответил Лэнгли, и механик передал его ответ по микрофону.

— Вам желают успеха, специалист, — бесстрастно произнес механик и добавил дрогнувшим голосом: — И я тоже. Мне выпала большая честь помогать вам при этом переходе. — Он прикрыл микрофон рукой. — Я изучаю курс специалиста, я прочитал все ваши отчеты. Думаю, что вы... Я хочу сказать: то, что вы совершили... — Он запнулся и покраснел.

Его слова были нарушением установленного порядка, и за это его могли наказать.

— Знаю, что вы хотите сказать, механик Меер, и желаю вам всего наилучшего.

Лэнгли протянул руку, и тот, поколебавшись, пожал ее. И хотя больше юноша не произнес ни слова, Лэнгли был тронут. На него всегда угнетающе действовал казенный холод нуль-камеры, где и шагу нельзя было ступить, чтобы не наткнуться на какую-нибудь телевизионную камеру или на выступающие сопла дроссельных клапанов. И вовсе не потому, что он жаждал торжественных проводов на задание с оркестром и флагами. В такой момент ему было достаточно тепла простого человеческого прикосновения.

— Ну что ж, прощай, — произнес он и, отвернувшись от Меера, тронул переключатель на пульте управления, запуская тем самым намеченную программу нуль-перехода.

Решетчатая конструкция камеры исчезла, а вместо нее возникла серая влажная пустота действующего в рабочем режиме поля Бхаттачарьи. Без всякого колебания Лэнгли шагнул в нее.

С невероятной силой его скрутило, протащило вперед и швырнуло лицом вниз. Он машинально вытянул перед собой руки. Предохранительные тяги на запястьях буквально выстрелили вперед, как бы удлиняя собой руки. При соприкосновении с землей тяги сложились наподобие телескопа, что, безусловно, смягчило удар. Если бы не они, руки в запястьях наверняка сломались бы. И все же, несмотря на их неоценимую помощь, от сильного сжатия опорных подкладок у Лэнгли перехватило дыхание. Стоя на четвереньках, он судорожно вобрал в себя воздух, который оказался настолько холодным, что рот сразу обожгло и заслезились глаза. Однако в униформе было тепло, обогрев заработал тотчас после шокового удара студеной атмосферы по ее термоэлементам. Лэнгли поднял глаза.

На него смотрел человек. Широкоплечий, крепко сбитый мужчина с окладистой черной бородой. На нем была одежда из меха и кожи, бросающейся в глаза красным цветом; пальцы его крепко держали короткий остроконечный дротик — не длиннее предплечья. Человек шевельнулся, и Лэнгли только сейчас понял, что тот стоял, а не сидел, как показалось вначале. Он был до такой степени приземистым и широким, что выглядел каким-то усеченным.

Однако дело прежде всего: руководителям программы нужны образцы. Не сводя с бородача настороженного взгляда, он вытащил из бокового отделения ранца контейнер для образцов и положил его на землю. Земля оказалась твердой, но, к счастью, вся была в складках и бороздах, как засохшая грязь на дорогах. Он отломил изрядный кусок этой грязи и бросил его в середину диска из красного пластика. Через десять секунд, в течение которых протекала реакция химических веществ в составе воздуха и диска, края последнего загнулись внутрь и плотно сомкнулись вокруг куска почвы.

Мужчина перебросил дротик в другую руку и округлившимися глазами наблюдал за происходящим. Лэнгли наполнил почвой еще два контейнера, затем передвинулся на несколько

футов и три других контейнера набил травой и ветками с кустов, на которых слабо трепетали листья. Образцов было вполне достаточно, чтобы считать свою миссию по их сбору завершенной. Стараясь не поворачиваться к мужчине спиной, он попятился, обходя покореженные остатки тормозных двигателей ракеты, пока не уткнулся в экран нуль-передатчика. Тот находился в рабочем режиме, но не был сфокусирован: любой, кто в эту минуту вошел бы в экран, попросту распылился бы гамма-излучением в пространстве Бхаттачарьи. Экран не начнет работать до тех пор, пока он, Лэнгли, не прижмет ладонь к специальной пластине на раме, тем самым посылая кодовый сигнал принимающему устройству; никто другой, кроме него, не смог бы заставить экран функционировать. Он коснулся пластины и забросил образцы внутрь. Теперь можно заняться более важным делом.

— Мир, — сказал он, повернувшись к мужчине, и развел руки в стороны ладонями вперед. — Мир.

Мужчина никак не отреагировал на его слова, разве что приподнял дротик, когда Лэнгли попытался было шагнуть к нему. Лэнгли вернулся на исходную позицию, и тот опустил дротик. На всякий случай Лэнгли решил не делать лишних движений.

— Решил применить стратегию выжидания, да? Ведь тебе хочется поболтать со мной, пока мы ждем?

Ответа на обращение он не получил, да и не ожидал услышать его.

— В таком случае чего или кого мы дожидаемся? Наверное, твоих приятелей. А это уже говорит об организации, что само по себе звучит весьма обнадеживающе. Тут у вас невдалеке есть поселение, вот почему нуль-передатчик опустили именно здесь. Вы его, конечно, обследовали, но тем не менее он остался для вас загадкой, и вы решили поставить у него стражу. Предполагаю, что ты уже сообщил своим о моем прибытии, хоть я и не видел этого, поскольку упал лицом вниз.

Окрестности внезапно огласились пронзительным скрежетом, доносящимся из-за уклона дороги. Ужасный скрежет постепенно нарастал. Лэнгли с интересом наблюдал, как словно из-под земли, медленно, с большим трудом вырастала плотно сбитая вместе группа бородатых людей, на расстоянии удивительно похожих на его стража. Все они были впряжены в странного вида повозку на трех парах деревянных колес; их оси — по всей вероятности несмазанные — издавали невыносимый скрежет. Повозка представляла собой платформу, где на мягкой подстилке восседал человек в одежде из ярко-красной кожи. Верхнюю часть его лица скрывал металлический шлем со смотровыми щелями, на грудь ниспадала длинная седая борода. В правой руке человек держал длинный разделочный нож с узким лезвием. Медленно сойдя с повозки, он направил нож на Лэнгли и хриплым резким голосом произнес что-то неразборчивое.

— Прошу прощения, но я не понимаю вас, — сказал Лэнгли.

Прозвучавшие слова настолько поразили старика, что он невольно подался назад и чуть было не выронил оружие. При этом внезапном движении сопровождавшие его люди присели и угрожающе выставили дротики. Их вождь выразил неодобрение этим их действиям и что-то прокричал — отдал приказ, понял Лэнгли. Дротики немедленно опустились. Убедившись, что приказ неукоснительно исполнен, старик повернулся к Лэнгли и медленно заговорил, тщательно подбирая слова:

— Я не знал... не думал, что когда-нибудь услышу, как говорят на этом языке. Я могу лишь читать на нем.

Акцент был довольно странным, но выражался старик достаточно понятно.

— Чудесно. Я обязательно изучу ваш язык, а сейчас можно поговорить и на моем...

— Кто ты? И что это... за штука здесь? Она упала ночью со страшным шумом. Как ты сюда попасть?

Лэнгли заговорил медленно, четко выделяя каждое слово. Речь его, конечно, была подготовлена заранее.

— Я прибыл сюда с дружеским приветствием от моего народа. С помощью этой машины, которую вы видите перед собой, мы путешествуем на большие расстояния. Мы не из этого мира. Мы будем во многом помогать вам, а как — сейчас я расскажу подробнее. Мы можем лечить больных и исцелять их. Мы доставим вам пищу, если вы голодны. Я здесь один, и без вашего разрешения сюда никто, кроме меня, не придет. В обмен на нашу помощь мы бы хотели, чтобы вы ответили на те вопросы, которые я вам задам. Когда мы получим ответы на вопросы, мы, в свою очередь, ответим на любые вопросы, которые возникнут у вас.

Широко расставив ноги, старик напряженно вслушивался в каждое слово и безотчетно водил по ноге лезвием ножа, будто правил на оселке.

— Что тебе здесь нужно? Каковы твои истинные намерения... желания?

— У меня с собой лекарства, и я могу лечить больных. Я могу снабжать вас пищей. Я только прошу ответить на мои вопросы, ничего больше.

Под густыми длинными усами губы старика сложились в недоверчивую усмешку.

— Понятно. Делай, как сказал, — или ничего не делай. Что ж, пойдем со мной. — Он повернулся и грузно взобрался на заскрипевшую под ним повозку. — Я — Бекрнатус. А у тебя есть имя?

— Лэнгли. Буду счастлив сопровождать вас.

Длинной вереницей процессия медленно перевалила через гребень холма и стала спускаться в неглубокую лощину. И хотя пройдено было совсем немного — каких-то четверть мили, — Лэнгли смертельно устал; ведь, сопротивляясь повышенной гравитации, его сердце и легкие работали с двойной нагрузкой.

— Погодите немного, — проговорил он, окончательно выбившись из сил. — Давайте передохнем.

Бекрнатус поднял руку и отдал короткий приказ. Процессия остановилась, и люди тут же уселись в густую траву; большинство из них не могли даже сидеть и бессильно растянулись во весь рост.

Лэнгли отстегнул флягу и жадно глотнул из нее. Бекрнатус пристально наблюдал за каждым его движением.

— Не хотите ли немного воды? — спросил Лэнгли, протягивая ему флягу.

— Очень хочу, — ответил старик и, взяв в руки флягу, внимательно осмотрел ее перед тем, как отпить из нее. — На вкус вода сильно отличается от нашей. Из какого металла сделан этот... сосуд?

— Думаю, из алюминия или одного из его сплавов.

Надо ли было отвечать на этот вопрос? Конечно, вопрос прозвучал вполне безобидно. Впрочем, никогда нельзя предугадать. Возможно, ему не следовало отвечать, но он настолько устал, что эта проблема, честно говоря, его мало волновала.

Бородатые люди внимательно следили за ним, а ближайший к нему даже привстал, не сводя с фляги глаз.

— Простите, — сказал Лэнгли, отметив его покрасневшие от усталости глаза, и протянул флягу. — Не хотите ли тоже глотнуть?

Человек какое-то мгновение колебался, и Бекрнатус что-то хрипло выкрикнул. Тот протянул руку и быстрым движением схватил флягу, но вместо того, чтобы пить, повернулся и бросился бежать. Бегун из него оказался неважный. Лэнгли, совсем сбитый с толку, увидел, как старик кинулся за беглецом и по рукоятку вонзил свой длинный нож в его спину.

Никто даже не шелохнулся, когда тот, с ножом в спине, пошатнулся и тяжело рухнул на землю. Он лежал на боку, глядя в никуда; изо рта ручьем текла кровь, и ослабевшие пальцы больше не сжимали свое нечаянное приобретение. Бекрнатус опустился возле него на колени и забрал флягу, затем одним сильным рывком выдернул из тела нож. Широко раскрытые глаза остались неподвижны.

— Забери эту штуку для воды и не проходи... не подходи даже близко к другим людям, не вздумай давать им что-либо.

— Но это была лишь вода...

— Дело не в воде. Ты убил этого человека.

Обескураженный, Лэнгли хотел было сказать, что уж ему-то совершенно ясно, кто убил его, но, вовремя опомнившись, прикусил язык. Он не имел ни малейшего представления об их обществе и уже успел совершить ошибку. Это факт. В известном смысле старик был прав: он убил того человека. Он нащупал в кармане стимулирующую таблетку, достал ее и запил водой из фляги, послужившей причиной раздора. И вовремя — все вдруг разом задвигались, снова трогаясь в путь.

Колония располагалась в долине, у подножия известняковой скалы; и к тому времени, когда они наконец подошли к поселению, Лэнгли совсем выбился из сил. Без специального снаряжения, служащего ему опорой, он не прошел бы и четверти пройденного пути. Лэнгли очутился среди домов, которые беспорядочно лепились к подножию скалы, прежде чем осознал, что находится среди них, — настолько хорошо они вписывались в окружающий ландшафт.

Это были землянки, лишь на одну десятую возвышавшиеся над землей, с плоскими крышами из дерна. Из дымовых отверстий большей части землянок тонкими струйками закручивался дымок. Вереница людей — и Лэнгли с ними — не останавливаясь, пропетляла среди вкопанных в землю домов и наконец приблизилась к скале. Лэнгли заметил в ней множество отверстий, прорубленных на уровне земли; самые большие из них наглухо закрывали бревенчатые двери. Приблизившись, он увидел, что в два очень похожих на окна отверстия вставлены стекла или какой-то другой материал, по прозрачности не уступавший стеклу. Хорошо бы, конечно, познакомиться с этим материалом поближе и, так сказать, пощупать руками — но только не сейчас. Всему свое время. Пока он не отдохнет, не может быть и речи о каких-то исследованиях, а сейчас у него ни на что не осталось сил.

Он стоял, покачиваясь от усталости, пока Бекрнатус медленно сползал со своих носилок на колесах и подходил к бревенчатой двери. При его приближении дверь тотчас распахнулась. Лэнгли двинулся было следом, но слабость в конце концов его доконала: ноги его подкосились, и он почувствовал, что падает. Но прежде чем земля неожиданно вздыбилась перед ним и уда-

рила его, он еще успел удивиться тому, что впервые в жизни теряет сознание...

Теплый воздух приятно согревал лицо, и он с наслаждением ощущал его ласковое прикосновение. Он не сразу понял, где находится, — даже когда открыл глаза. Его не отпускало чувство безмерной усталости, каждое движение давалось с усилием, даже мысли, словно одурманенные, лениво ворочались в голове. В комнате, где он лежал, царил сумрак. Он несколько раз оглядел ее, прежде чем детали обстановки стали приобретать более ясные очертания. Окно в глубине каменной стены. Смутные контуры громоздкой мебели и незнакомых предметов. Тусклый желтый свет от огня в камине. Каменный очаг и каменные стены. Память уже вернулась к нему, и он понял, что находится, по всей вероятности, в одном из замеченных им ранее помещений, вырубленных в скале, — в той ее части, которая обращена к долине. Потрескивал огонь, наполняя комнату едким, неприятным запахом дыма.

Позади него послышались шаги. Кто-то приближался, глухо шлепая по полу. Лэнгли слишком устал, чтобы поворачивать голову, но он отогнал эту чересчур себялюбивую мысль и с трудом обернулся.

Девичье лицо, длинные белокурые волосы, синие глаза.

— Привет. Не думаю, что мы когда-нибудь встречались, — произнес он.

От изумления глаза незнакомки широко раскрылись, и лицо исчезло. Лэнгли устало вздохнул и закрыл глаза. Задание оказалось мучительным для него, просто невыносимым. Может, стоит принять стимулятор. В ранце...

Его ранец! При мысли о нем сон окончательно исчез, и теперь он отчаянно пытался придать телу сидячее положение. Они забрали у него ранец! Его мгновенно охватил ужас — но тут он заметил свой ранец на полу рядом с кроватью. Вернулась девушка и буквально вдавила его в кровать, заставляя лечь. Она оказалась на удивление сильной.

— Я — Лэнгли. А тебя как зовут?

Ее можно было назвать довольно привлекательной, если кому-то по вкусу девушки с квадратными лицами. Внушительный бюст, красиво выделявшийся в мягком кожаном платье, едва вмещался в него. Все остальное в ней было таким же внушительным. Слишком широкие плечи, слишком мощные бедра, слишком много мышц. Почти никакого отличия от других уроженцев этой суровой планеты. До него вдруг дошло, что ее глаза неотрывно следили за его взглядом, пока он рассматривал ее с ног до головы. Он улыбнулся.

— Меня зовут Лэнгли, а вот твоего имени, думаю, я никогда

не узнаю. Вождь — как он там себя называл? — Бекрнатус, кажется, единственный, кто говорит на цивилизованном языке. Думаю, прежде чем я смогу разговаривать с тобой, мне придется изучить местное хрюканье и бульканье.

— Не обязательно, — ответила она и, сверкая двумя ровными рядами белоснежных здоровых зубов, звонко расхохоталась при виде ошеломленного выражения на его лице. — Меня зовут Патна, а Бекрнатус — мой отец.

— Что ж, очень приятно. — Он все еще не мог прийти в себя от изумления. — Извини, если был груб. Наверное, на мне сказывается ваша гравитация — мне немного тяжело у вас.

— Что такое гравитация?

— Попозже я тебе расскажу о ней, а сейчас мне надо поговорить с твоим отцом. Он здесь?

— Нет. Но он скоро вернется. Сегодня он убил человека. Сейчас он, должно быть, утешает жену убитого и его семейство. Вся семья теперь перейдет к другому. А я не могу ответить на твои вопросы?

— Возможно. — Он коснулся кнопки на поясе, включив магнитофон. — Сколько ваших людей говорят на моем языке?

— Только я. И отец, конечно. Потому что мы — Семья, а остальные — Народ. — Она выпрямилась, когда произносила эти слова.

— Сколько их здесь? Я имею в виду представителей Народа.

— Почти шестьсот. Эта зима прошла намного удачней предыдущих. Воздух был теплее обычного. Правда, запасы еды быстрее — как это сказать? — быстрее портились. И все же люди жили.

— Зима уже кончилась?

Она рассмеялась:

— Конечно. Сейчас почти самое теплое время года.

И они думают, что это тепло, подумал он. На что же тогда похожи их зимы? Он поежился при одной мысли о них.

— Расскажи мне, пожалуйста, подробнее о Семье и Народе. Чем они различаются?

— Они есть — и все, — сказала она и запнулась, будто никогда прежде не задумывалась над этим вопросом. — Мы живем здесь, а они живут там. Они работают и выполняют то, что мы им приказываем. У нас есть и металл, и огонь, и книги. Потому-то мы и говорим на вашем языке — ведь мы читаем то, что написано в книгах.

— Могу ли я взглянуть на эти книги?

— Нет! — Ее шокировала даже сама мысль о том, что кто-то посторонний увидит их книги. — Только Семья может видеть их.

— Что ж... Но разве ты не согласна с тем, что меня можно

называть членом Семьи? Я умею читать, у меня с собой много вещей, сделанных из металла...

Только сейчас до него дошло, отчего его фляга стала причиной убийства. Она была из металла, а металл для большинства здешних людей являлся запретным, своего рода табу.

— А еще я умею вызывать огонь. — Он вытащил зажигалку и щелкнул ею.

Патна уставилась на крохотный язычок пламени.

— Нам труднее получить огонь. И все же я не уверена. Ведь отец узнает, что ты смотрел книги.

Увидев выражение его лица, она задумалась над возможным компромиссом.

— Есть тут одна книжка, небольшая. Отец разрешил мне оставить ее у себя. Она, правда, так себе, особой важности не представляет.

— Любая книга представляет собой какую-то ценность. Могу я взглянуть на нее?

Она нерешительно поднялась и направилась через всю комнату к бревенчатой двери, закрывавшей вход в глубину скалы, и изо всех сил потянула на себя мощный засов. Дверь открылась, и она осторожно, вытянув перед собой одну руку, ступила в темноту соседней комнаты — глубокой ниши, вырубленной в податливой толще скалы. После недолгого отсутствия она вернулась и тщательно закрыла за собой дверь.

— Вот, — сказала девушка, протягивая ему книгу, — ты можешь почитать ее.

Прилагая неимоверные усилия, Лэнгли кое-как сел и взял книгу. Она была довольно грубо переплетена в кожу — первоначальная обложка, по всей видимости, износилась еще в далеком прошлом. Книга слегка потрескивала в руках, когда он раскрывал ее. Страницы пожелтели и обтрепались по краям, к тому же, поскольку корешок оказался донельзя ветхим, они едва не вываливались из книги. Заинтригованный, он осторожно листал страницы, вглядываясь в архаичный шрифт, — тусклого света, проникавшего через окно, было явно недостаточно; затем вернулся к титульному листу.

— «Избранные стихотворения», — прочитал он вслух. — Издано в... — никогда не встречал такого названия — в... — а вот это важно: в 785 году... эры. Погоди, погоди... Кажется, я что-то слышал об этой системе летосчисления.

Он бережно положил книгу и наклонился к ранцу, почти теряя равновесие — ведь его тянула вниз более чем двойная сила тяжести. От неимоверного напряжения внешний скелет глухо

поскрипывал, но держал, не давая ему упасть. Справочник лежал сверху, и он быстро пролистал его.

— Вот, нашел. Записи только 913 года. А теперь, если перевести по Галактическому стандарту...

Он посчитал в уме и, молча положив справочник обратно, снова взял в руки «Избранные стихотворения».

— Тебе нравится поэзия? — поинтересовался он.

— Больше всего на свете. Хотя других стихов у меня нет. Ни в одной книге, кроме этой, я не нашла их. Хотя, конечно, есть и другие...

Она опустила глаза, и Лэнгли догадался почему.

— Эти другие... Ты ведь написала их сама, не так ли? Как-нибудь обязательно прочитаешь мне хоть одно...

В эту минуту у входа в жилище послышался грохот и лязг открываемых дверных засовов, и Патна, вырвав книгу из рук Лэнгли, бросилась с ней в темный угол комнаты.

Бекрнатус широко распахнул дверь и, тяжело ступая, вошел.

— Закрой дверь, — приказал он, отбросив в сторону шлем и устало опускаясь в мягкий шезлонг — полукровать, полукресло.

Патна метнулась к двери, выполняя распоряжение отца.

— Я устал, Лэнгли, — произнес он, — и мне необходимо выспаться. Поэтому, пока я не заснул, расскажи-ка мне, что ты здесь делаешь и что все это значит.

— Разумеется. Но сначала ответьте мне на один-два вопроса. Чем занимаются здесь люди, кроме того, что спят, едят и собирают пищу?

— Вопрос расплывчат.

— Хорошо, я поясню. Добывают ли они руду и выплавляют ли из нее металл? Режут ли они по дереву или гравируют на металле, лепят ли изделия из глины, занимаются ли живописью, носят ли ювелирные украшения...

— Достаточно. Я понял, что ты имеешь в виду. Я читал обо всем этом и даже видел картинки. Очень красивые. Так вот ответ на твой вопрос: мы ничего этого не делаем. Я никогда не мог уразуметь, как создаются подобные вещи. Возможно, ты мне поведаешь об этом, когда будешь настроен отвечать на вопросы, а не задавать их. Мы просто живем, что само по себе довольно трудно. Мы засеваем свои поля, чтобы было что поставить на стол, собираем урожай, и после всего у нас ни на что больше не остается сил. Наш мир суров, и процесс выживания в нем занимает все наше время.

Он грубо рявкнул на дочь на местном языке, приказывая ей что-то, и та, шаркая ногами, направилась к очагу. Вернувшись с примитивной глиняной миской, она подала ее отцу. Тот поднес миску к губам и, давясь и чмокая, жадно выпил ее содержимое.

— Не желаешь ли испробовать? — спросил он. — Мы сами делаем этот напиток; я даже не знаю, есть ли для него соответствующее слово в книжном языке. Наши женщины жуют корни и сплевывают жвачку в чашку.

— Нет, благодарю вас. — Лэнгли с трудом сдерживался, чтобы ненароком не выдать охватившего его отвращения. — И последний вопрос. Что вы знаете о людях, прибывших в этот мир? Вы ведь знаете, что пришли сюда из другого мира?

— Да, я знаю, хотя лишь немногим больше того, что услышал от тебя. История нашего появления здесь всегда передавалась из уст в уста, никаких записей не велось. Предание гласит, что мы пришли из другого мира, с неба, хотя мне непонятно, каким образом это совершилось. Но факты говорят сами за себя — ведь книги, например, явно не из этого мира. В них есть картинки из жизни не нашего мира. А еще металл, происхождение которого мы не знаем, и окна... Да, мы пришельцы.

— А кто-нибудь еще, кроме вас, не появлялся здесь? Как я, к примеру. Есть ли какие-либо записи на этот счет?

— Никаких. Надо было, конечно, записывать. Ну а теперь твоя очередь рассказывать, чужеземец из металлического ящика. Что ты здесь делаешь?

Прежде чем начать говорить, Лэнгли снова лег, очень медленно и осторожно, словно был сосудом из хрупкого стекла. Он заметил, что Патна, тоже не выдержав, уже сидела. Гравитации этой планеты надо было противостоять постоянно, беспрерывно.

— Прежде всего вы должны понять, что я вышел из металлического ящика, раньше меня здесь не было. По ночам вы видите звезды, и они такие же небесные светила, как и то, что сияет на вашем небосводе, только очень далекие. Вокруг них обращаются целые миры, подобные вашему. Вы понимаете, о чем я?

— Конечно. Я — не из Народа. В книгах я читал кое-что из астрономии.

— Хорошо. Тогда вам следует знать, что в металлическом ящике находится передатчик материи. Представьте себе что-то наподобие двери. Двери, которая в то же время является двойной дверью. На своей планете, очень далеко отсюда, я вошел через одну дверь, а вышел через другую — на вашей планете. Я понятно говорю?

— Пожалуй. — Бекрнатус, прикрыв рукой рот, украдкой зевнул. — А можешь ли ты вернуться тем же путем? Шагнуть в ящик и выйти на планете — там, высоко в небе?

— Да, могу.

— Именно так мы и прибыли в этот мир?

— Нет. Вы прилетели сюда на космическом корабле — большом металлическом ящике, построенном для передвижения среди звезд в те годы, когда для покорения межзвездных пространств еще не додумались до мгновенного переноса материи. Говорю об этом так уверенно, потому что вижу, что ваше окно взято из звездолета. Догадываюсь, что ваш металл позаимствован оттуда же. А еще я знаю, как давно вы находитесь на этой планете, поскольку на первой странице поэтического сборника, что ваша дочь показала мне, стоит дата издания.

Патна испуганно ахнула, а Бекрнатус подскочил на своем шезлонге, выпустив из рук глиняную миску. Миска упала на пол и вдребезги разбилась.

— Ты показала ему книгу? — прошипел Бекрнатус и с трудом встал.

— Нет, погодите! — воскликнул Лэнгли, осознав вдруг, что его неосведомленность в области здешних законов послужила причиной еще одного драматического инцидента.

Неужели он попытается убить свою дочь? Он с силой потянул за ранец.

— Это я виноват, я попросил книгу. Но у меня с собой много книг, сейчас я покажу их вам. Я дам вам несколько. Вот эту... и эту.

Бекрнатус не обращал внимания на его слова, даже если и слышал их. Но, увидев перед собой книги, тут же остановился. Он нерешительно протянул к ним руку.

— Книги, — зачарованно произнес он. — Книги, новые книги. Книги, которых я прежде не видел. Это чудо из чудес, у меня просто нет слов.

Он прижал книги к груди и почти упал на свое сиденье. Удачное вложение духовного капитала, молча порадовался Лэнгли. Никогда еще букварь и краткий словарь так высоко не ценились.

— У вас теперь могут быть любые книги, какие вы только пожелаете. Вы сможете ознакомиться с историей вашей колонии, причем во всех подробностях. Могу сказать, что, по моим грубым подсчетам, ваши люди появились здесь около трех тысяч лет тому назад. Скорее всего ваше прибытие на эту планету явилось результатом аварии. Есть две вещи, которые убедили меня в правильности этого соображения. Во-первых, этот мир страшен и беспощаден. Ему нечего дать вам. Даже представить себе нельзя, что планету могли избрать объектом для колонизации. Ну а во-вторых, вы полностью оторваны от технологии и культуры. У вас крайне мало книг; по всей вероятности, они взяты с погибшего корабля. Да и металл, что достался вам, видимо, из его ос-

танков. То, что вы здесь выжили, иначе как чудом не назовешь. Легко объясним и тот факт, что у вас существуют социальные или классовые различия. Вашими предками, возможно, были ученые или представители командного состава корабля, что отличало их от обычных людей. И вы сохранили эту разницу.

— Я устал, — произнес Бекрнатус, любовно перебирая книги. — На меня сегодня обрушилось слишком много новой информации, над которой стоит поразмыслить. Поговорим завтра.

Закрыв глаза, он откинулся назад, удобно устраиваясь в шезлонге, но по-прежнему не выпуская из рук книг. Лэнгли самому давно хотелось спать — настолько он изнурил себя теми неимоверными усилиями, которые он прилагал, выполняя простейшие движения. Дневной свет постепенно угасал; Лэнгли полюбопытствовал про себя насчет продолжительности дня на этой планете, но как-то лениво. Он достал из аптечки снотворное, гарантирующее восемь часов сна, и запил его водой из фляги. Ночной сон непременно взбодрит его, и утром все будет выглядеть в ином свете.

Ночью, сквозь сон, он чувствовал, как кто-то ходит по комнате, подходит к огню. Ему даже почудилось мягкое прикосновение к лицу чьих-то волос и легкий поцелуй в лоб. Правда, он не был уверен в реальности своих ощущений и решил, что видит сон.

Было уже совсем светло, когда он проснулся. Яркие лучи солнца били прямо в окно, и в потоке света серая каменная стена напротив окна неожиданно преобразилась. Ложе Бекрнатуса уже опустело. Патна, тихонько напевая, хлопотала у очага. Лэнгли пошевелился, и кровать скрипнула под ним. Патна живо повернулась и взглянула на него.

— Ты уже проснулся. Надеюсь, ты хорошо выспался. А отец взял топор и ушел на заготовку дров.

— Ты хочешь сказать, что он сам рубит дрова? — Лэнгли зевнул. Голова его все еще была тяжелой от сна.

— Нет, что ты! Просто лезвие топора — из металла, поэтому он только носит топор и следит, чтобы с ним ничего не случилось, пока им работают. Твой завтрак готов.

Зачерпнув в котле, она протянула ему одну из глиняных мисок, доверху наполненную жидкой кашей. Он улыбнулся и отрицательно качнул головой.

— Спасибо, конечно, за твою заботу обо мне, но я не могу употреблять ни один из ваших продуктов питания, пока не сделаны лабораторные анализы...

— Ты думаешь, что я собираюсь отравить тебя?

— Вовсе нет. Но ты должна понять, что в человеческом орга-

низме, оторванном от привычной среды, происходят серьезные метаболические изменения, то есть изменения в обмене веществ. В почве и в растениях могут встречаться такие химические вещества, которые вы с легкостью усваиваете, но от которых я могу даже умереть. Твоя еда пахнет чудесно, но она может причинить мне вред. Ты ведь не хочешь, чтобы это произошло?

— Нет! Конечно, нет! — Она почти отшвырнула от себя миску с кашей. — Что же ты тогда будешь есть?

Он открыл ранец, достал плотный целлофановый пакет с едой и потянул за специальную петельку для разогревания пищи. Лэнгли только сейчас понял, насколько он проголодался; он, можно сказать, ощущал зверский голод, чего с ним никогда не случалось. Он торопливо вычерпал ложкой до дна весь концентрат, не дожидаясь, пока тот разогреется. Его тело, расходуя свои ресурсы на постоянную борьбу с бременем гравитации, жаждало питания.

— Ты знаешь, что это такое?

Он взглянул и увидел, что Патна держит в руках какой-то обгрызанный по краям обломок коричневого цвета.

— Нет, не знаю. Похоже на кусок дерева или кору.

— Это луб, волокнистая ткань дерева под корой; на нем мы обычно пишем. Но я не это имела в виду, когда спрашивала. Я имела в виду, что на нем что-то есть. Вот что я имела в виду...

Даже при тусклом свете Лэнгли разглядел, что она краснеет. Бедная девушка, ученая среди дикарей, на всю жизнь попавшая в ловушку этого гнетущего и обособленного от всех мира.

— Кажется, я догадываюсь, — мягко сказал он. — Не одно ли это из написанных тобой стихотворений? Если я прав — мне бы хотелось услышать его.

Она стыдливо прикрыла рукой глаза и на мгновение отвернулась — карикатура на застенчивую девицу с приземистым телом борца.

Вскоре она справилась с собой и начала читать стихотворение, сначала тихо, затем все громче:

Просить не смею я
Ни ласки, ни любви;
Боюсь — меня тогда
Гордыней поразит.
Нет, нет... Мне только б знать,
Что ты живешь вблизи,
И воздух целовать,
Которым дышишь ты.

Под конец Патна почти кричала. Затем она резко повернулась, отбежала в дальний угол комнаты и застыла там лицом к

стене. Лэнгли подбирал про себя нужные слова. Стихотворение было хорошим. А написала ли она его сама или просто списала, он не знал — да это и не имело значения. Стихами она высказала то, что хотела сказать.

— Стихи прекрасны, — сказал он ей. — Действительно, прекрасные стихи...

Не успел он закончить свою мысль, как она устремилась к нему через всю комнату, тяжело топая, и опустилась на колени перед его кроватью. Ее массивные сильные руки обняли его, а ее лицо прижалось к его лицу, вдавливая его в подушку. На своих щеках Лэнгли ощутил влагу мокрых от слез щек Патны и у самого уха услышал ее приглушенный голос:

— Я всегда знала, что ты придешь. И я знаю, кто ты, ведь ты, как рыцарь из поэмы на сказочном коне, должен был прийти издалека, чтобы меня спасти. Ты знал, что нужен мне. Мой отец и я — единственные члены Семьи, больше никого не осталось. Я должна была выйти замуж за кого-то из Народа. Это произошло еще до тебя. Урод и дурак — о, как я ненавижу их — он был еще самым лучшим из них. Мы пытались научить его читать, а он, тупица, так и не научился. Но ты пришел вовремя. Ты — член Семьи, и ты возьмешь меня...

Слова замерли у нее на губах; в неистовом и страстном порыве она с силой прижалась горячими, трепещущими губами к его губам, а когда он попытался удержать ее за плечи и оттолкнуть от себя, его внешний скелет жалобно застонал от напряжения, но она не сдвинулась ни на дюйм. Обессиленная этим взрывом чувств, она наконец освободила его от своих объятий и зарылась лицом в подушку. Лэнгли встал, покачиваясь, и крепко ухватился за спинку кресла. Он заговорил, стараясь придавать словам искренность, чтобы хоть немного смягчить больно ранящие удары жестокой правды.

— Послушай, Патна, ты должна поверить мне. Ты мне нравишься, ты — чудесная, превосходная девушка. Но этого просто не может быть. И не потому, что я уже женат — тот брак завершится еще до моего возвращения, — а из-за того, что мы живем с тобой в разных мирах. Ты не сможешь покинуть свой мир, а я умру, если останусь здесь. Адаптация в таких жестких условиях, через которую вынужден был пройти ваш народ, стоила невероятных усилий. Взять хотя бы систему кровообращения. Она должна была полностью перестроиться; ведь чтобы обеспечить приток крови к мозгу, ваше давление крови должно в несколько раз превосходить нормальное, а у стенок сосудов мышечный слой должен быть намного толще, чтобы гнать по этим сосудам кровь. Возможны также серьезные изменения в клапанах и в системе

распределения крови. По всей вероятности, ты не сможешь иметь детей от кого-либо не с этой планеты. Дети родятся мертвыми или умрут вскоре после рождения, абсолютно не приспособленные к жизни в мире высокой гравитации. Все, что я сказал — правда, ты должна поверить...

— Ты, тощий немощный урод, дылда, заткнись! — взвизгнула она и в ярости бросилась на Лэнгли, все так же не глядя на него.

Он попытался увернуться, но оказался слишком неповоротливым. Ее ладонь с размаху ударилась об его руку, и от неожиданной и резкой боли у него на мгновение померкло в глазах. Раздался треск.

«Вот стерва, сломала мне руку!» — вскрикнул он про себя, медленно оседая вниз. Предплечье, согнувшись под неестественным углом, беспомощно повисло, жестко связанное с внешним скелетом. И как же оно болело! Он бережно положил руку на колени и начал укачивать ее, словно пытался убаюкать боль; здоровой рукой он одновременно рылся в своих медикаментах. Патна попыталась было помочь ему, но он грубо прикрикнул на нее, и та отошла в сторону.

Пока затвердевала быстродействующая гипсовая повязка, Лэнгли принял хорошую дозу болеутоляющего, а заодно и транквилизатор — от нервов. В это время вошел Бекрнатус, с топором на плече.

— Что с твоей рукой? — спросил тот, бросив топор на пол и падая на свое ложе.

— Несчастный случай. Мне нужна срочная медицинская помощь, а ее могут оказать только на моей планете. Поэтому давайте не будем откладывать наш разговор. Я расскажу обо всем, что вам необходимо знать.

— Будет очень кстати. Хотелось бы задать несколько вопросов...

— Для вопросов не осталось времени. — Боль все еще не отпускала его, и Лэнгли говорил отрывистыми фразами. — Будь у меня побольше времени, я бы все очень подробно, не торопясь, разъяснил вам, чтобы вы поняли и согласились со мной. Но сейчас я просто расскажу вам, и все. Если вам нужна помощь, вы обязаны заплатить за нее. Установка экрана передатчика материи на такой отдаленной планете, как ваша, довольно дорогостоящая затея. Медикаменты, пища, источники энергии — все, чем мы будем снабжать вас, — тоже стоят немалых денег. Вы должны будете возместить нам расходы.

— Мы будем вам, конечно, очень благодарны.

— На ваше спасибо ничего не купишь. — Боль затаилась, но

он чувствовал, как при любом неосторожном движении трутся друг о друга концы сломанных костей. С нервами была та же история, несмотря на транквилизатор. — Слушайте меня внимательно и постарайтесь понять, что я говорю. С неба не падают бесплатные булки. Что бесплатно — то негодно. Во Вселенной намного больше планет, чем вы можете себе представить; и людей, населяющих эти планеты, намного больше, чем я могу себе представить. А передатчик материи делает их всех ближайшими соседями. Вы можете вообразить, какие формы обрела культура, система управления, финансы за тысячелетия? Нет. По вашему лицу видно, что не можете. Тогда просто немного поразмыслите вот над чем. Чтобы достичь определенных целей, люди объединяются в кооперации, что-то среднее между кооперативом и корпорацией — не знаю, есть ли хоть в одной из ваших книг такие слова. Я вхожу в одну из кооперации, которая именуется «Открыватели миров». Мы исследуем незаселенные планеты и время от времени обнаруживаем миры, подобные вашему, которые еще не охвачены сетью нуль-перехода. За предлагаемые услуги мы требуем полностью расплатиться.

Патна молча стояла рядом с отцом, положив руку на его могучее плечо. Ее лицо, когда она взглянула на Лэнгли, выражало лишь ненависть и презрение. Бекрнатус, хорошо владевший собой, все еще не мог охватить разумом постулаты Галактики за пределами своей планеты.

— Мы с удовольствием заплатим вам сколько потребуется, но чем платить? У нас нет денег, нет и таких природных ресурсов, о которых ты спрашивал вчера вечером.

— Ваше богатство — вы сами, — бесстрастно заметил Лэнгли. Таблетки все глубже погружали его в состояние апатии. — В связи с тем, что, кроме этого богатства, вы ничем не владеете, выплата долга растянется на несколько поколений. Вам придется производить себе подобных быстрее и качественнее — в этом мы вам поможем. Не бесплатно, конечно. Мы проводим эксперименты в мирах с высокой гравитацией, и нам нужны наблюдатели. Автоматы не способны выполнять все операции. К тому же всегда найдутся желающие использовать таких выносливых работников, как вы...

— Ты явился сюда поработить нас, лишить свободы! — взревел Бекрнатус. — Превратить свободных людей во вьючных животных. Никогда!

Он схватил с пола топор и, размахивая им над головой, стремительно, насколько позволяла сила тяжести планеты, поднялся. Но Лэнгли был готов к такому обороту дел. Тесная комнатка

сотряслась от грохота его ружья. В каменной стене позади Бекрнатуса образовалась глубокая вмятина.

— А теперь представь, что эта штука могла сотворить с тобой. Садись и перестань валять дурака. Будь уверен, я убью тебя, чтобы спасти свою жизнь. Мы не можем лишить вас свободы, потому что мир высокой гравитации уже сам по себе является тюрьмой для вас. Вы — в оковах той силы, которая давит на вас, прижимая к земле, которая заставляет падать различные предметы, когда их бросают. Эта сила слабее в других мирах. Я могу покинуть вашу планету и законсервировать нуль-передатчик — и наши отношения на этом закончатся. Если вы действительно этого желаете. Выбор за вами. — Он махнул ружьем в сторону Патны. — А теперь открой ту дверь!

Бекрнатус стоял, растерянно опустив руки, позабыв о топоре. Мир, который он знал, внезапно изменился, все изменилось. Лэнгли с трудом повесил ранец на одно плечо и взмахом ружья велел Патне отойти в сторону. Еле переставляя ноги, он направился к выходу.

— Я еще вернусь, и тогда вы сможете мне сообщить о своем решении.

Переборов отвращение, Патна окликнула Лэнгли, когда тот уже был за порогом.

— Этот передатчик материи — когда мы сможем воспользоваться им? Посмотреть на чудеса иных миров...

— Не скоро. Во всяком случае, ты не доживешь до этого. Пользоваться нуль-передатчиком можно только тогда, когда уплачены все долги. — Он был вынужден сказать ей это для ее же блага: ведь чем скорее она узнает правду, тем быстрее приспособится к изменившимся обстоятельствам. — А ты займешься другим, более полезным делом. Будут нужны не крепкие спины, а умные специалисты, управляющие сложными механизмами. Твое чрево — единственное, которое может производить их на свет. Не позволяй ему отдыхать.

Изнемогая от ходьбы, он шел до тех пор, пока не оказался на свободном от строений пространстве. Остановившись, он с облегчением опустил ранец на землю. Ноша была слишком тяжела, чтобы нести ее к нуль-передатчику. Он включил механизм уничтожения и продолжил свой путь, не оборачиваясь на буйное пламя позади. Дорогостоящее снаряжение, конечно, но оно запишется на их счет. Никуда они не денутся и примут его условия, да им и не из чего особенно выбирать. Это пойдет им только на пользу. Не сразу, разумеется, но спустя какое-то время обязательно. Две приземистые фигуры все еще стояли на пороге дома, глядя ему вслед. Он пошел быстрее.

Чего они ожидали — милостыни? Вселенная не занимается благотворительностью. Нужно платить за все, что берешь у нее. Это естественный закон, и нарушить его невозможно.

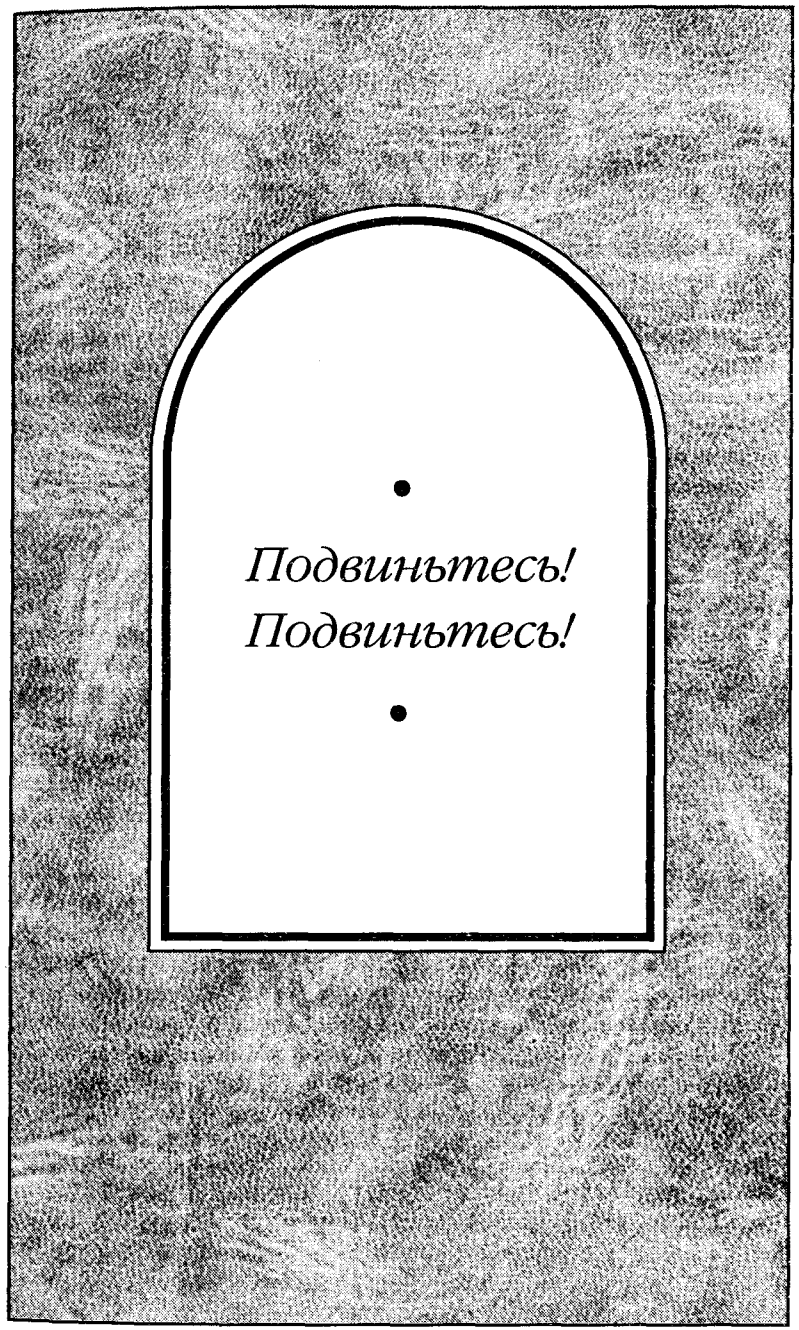
А он выполняет свою работу, и все.

Всего лишь работу.

Он ведь помогает им?

Разве нет?

Спотыкаясь, утирая пот и задыхаясь, он спешил поскорее уйти отсюда.

Когда я писал роман «Подвиньтесь! Подвиньтесь!», меня очень занимала проблема опасности, связанной с безудержным приростом населения и разрушением экологической обстановки. (В конце концов, одно служит причиной другого.) Лет через тридцать пять оказалось, что мои самые пессимистические предсказания, похоже, начали сбываться. Развивающиеся страны, если говорить честно, следует называть странами, которым никогда не стать развитыми, уже находятся на скользком склоне, внизу у которого только один исход — гибель. Слишком много стало людей, ведущих борьбу за такое ограниченное количество ресурсов, к тому же их истребляет бич СПИДа, — как будто у них и без этого мало неприятностей.

Та часть мира, которая именуется развитой, совершенно не тревожится по поводу сложившейся ситуации. Многие страны приближаются к нулевому уровню прироста населения. Очевидно, предпочитая лучшую жизнь — и телевизор лучшего качества — третьему ребенку. При этом отказываясь хоть что-нибудь предпринять для уменьшения планетарного перегрева. Совершенно очевидно, что тут есть причины для отчаяния.

Так что же ждет перенаселенный земной шар? В рассказах, включенных в этот раздел, я рассмотрел некоторые возможные варианты нашего будущего.

Преступление

Я не люблю повторяться. Есть авторы, и тому лучший пример Филипп К. Дик, чья жизнь и творчество посвящены одной доминирующей теме. Они ощущают ее столь сильно и исследуют столь глубоко, что каждое их произведение оказывается свежим и интригующим. Возможно, я легко поддаюсь скуке; возможно также, я вижу вокруг столько интересных идей и тем, что четко начинаю понимать — у меня никогда не хватит времени написать обо всем.

Перенаселенность — тема особая. Это нечто такое, от чего нельзя отмахнуться. Каждую секунду в мире становится больше людей, перенаселенность уничтожает наши жизни и нашу цивилизацию — а правительства всех стран абсолютно ничего не предпринимают. Когда я об этом думаю, меня охватывает ярость. Настроившись на строго логичные размышления, я написал на эту тему роман «Подвиньтесь! Подвиньтесь!», желая показать всем — вот что мы получим, если станем сидеть сложа руки. Но никто, разумеется, и пальцем не пошевелил. Проходят годы, ситуация неуклонно ухудшается, а на меня время от времени накатывает волна гнева при мысли о тупости и эгоизме человечества.

Именно такой гнев я и испытывал, работая над этим рассказом. Вряд ли упомянутые в нем законы являются реальной экстраполяцией существующих — никто в здравом уме таких законов не примет, но они являются крайним пределом, который в определенный момент будет достигнут, проявлением моей уверенности в том, что, если и не будут приняты именно такие законы, их место займут другие, не менее жестокие. Причина в том, что мы зашли слишком далеко, и исправить ситуацию скоро станет очень трудно. Миллионам предстоит умереть, и они уже умирают.

Перед улучшением всегда становится хуже.

От первого удара молотка дверь тряхнуло, от второго тонкая деревянная доска загудела подобно барабану. Бенедикт Верналл распахнул дверь и ткнул пистолетом в живот человека еще до того, как молоток в третий раз успел опуститься.

— Убирайся отсюда! Немедленно убирайся! — крикнул он пронзительней, чем ему бы хотелось.

— Не будь дураком, — спокойно сказал бейлиф, делая шаг в сторону, чтобы Бенедикт мог видеть двух полицейских за его спиной. — Я — бейлиф и исполняю свой долг. Если ты застрелишь меня, этим двоим приказано убить тебя и всех, кого они обнаружат в квартире. Будь разумным человеком. Это ведь не первый случай. Он предусмотрен законом.

Один из полицейских поднял дуло автомата и с иронической улыбкой на лице щелкнул затвором. Рука Бенедикта с пистолетом медленно опустилась вниз.

— Так-то лучше, — одобрил бейлиф и в третий раз опустил молоток, накрепко пригвоздивший объявление к двери.

— Сорви с моей двери эту грязную бумажку, — прорычал Бенедикт, задыхаясь от ярости.

— Бенедикт Верналл, — бейлиф поправил очки на носу и начал размеренно читать объявление, которое он только что прикрепил к двери. — Вас уведомляют, что в соответствии с Актом о преступном деторождении от 1993 года вы объявляетесь виновным в преступном рождении ребенка. Таким образом, вы объявлены вне закона и государство больше не защищает вас от насилия.

— Вы даете право какому-нибудь сумасшедшему убить меня... что это за грязный закон?

Бейлиф снял очки и холодно посмотрел на Бенедикта.

— Мистер Верналл, — сказал он, — имейте мужество нести ответственность за последствия своих действий. Родился у вас незаконный ребенок или нет?

— Незаконный ребенок — нет! Беззащитное существо...

— Имели вы или нет разрешенный законом максимум — двоих детей?

— Да, у нас двое детей, но это не зна...

— Вы отказались воспользоваться советом и помощью местной клиники по контролю над рождаемостью. Вы выгнали правительственного чиновника из департамента по вопросам населения. Вы отказались от услуг клиники абортов...

— Убийцы!

— ...и от попыток Совета планирования семьи помочь вам. Предписанные законом шесть месяцев прошли, и вы не приняли никакого решения. Вы получили три предупреждения и игнорировали их. Ваша семья все еще имеет на одного потребителя больше, чем это предписано законом, поэтому мне было дано указание прикрепить на вашей двери это объявление. Вы сами в ответе за все, мистер Верналл, и в этой истории виноваты только вы.

— А по-моему, виноват этот мерзкий закон.

— Тем не менее это закон данной страны, — сказал бейлиф, выпрямляясь во весь рост, — и ни вы, ни я не имеем права оспаривать его. — Он вынул из кармана свисток и поднес его к губам. — Моей обязанностью является, мистер Верналл, напомнить вам о том, что даже сейчас у вас есть возможность избежать печальных последствий, если вы согласитесь воспользоваться услугами клиники умерщвления.

— Убирайся к дьяволу!

— Вот как! Меня уже посылали туда. — Бейлиф приложил свисток к губам и пронзительно засвистел. На его лице промелькнуло что-то вроде улыбки, когда Бенедикт захлопнул дверь.

Когда полицейские, преграждавшие путь толпе, отошли в сторону, на нижней площадке лестницы раздался животный рев. Толпа сцепившихся мужчин запрудила лестницу и, не прекращая схватки, кинулась вверх. Один из них вырвался было из ревущего клубка, но кулак одного из преследователей опустился ему на голову, он упал, и остальные затоптали его. Крича и ругаясь, толпа медленно продвигалась вверх по лестнице, и в тот момент, когда казалось, что до заветной двери осталось всего ничего и настал решающий момент, один из лидеров гонки споткнулся и свалил двух других. В то же мгновение откуда-то из середины толпы выскочил жирный коротышка и ударился о дверь с такой силой, что ручка, которую он держал в руке, проткнула бумагу объявления и вошла глубоко в дерево.

— Доброволец избран! — прокричал бейлиф, и полицейские сомкнутым строем начали теснить неудачников, спускаясь вниз по лестнице. Один из лежавших на площадке приподнялся. Изо рта его текла слюна, он жевал полоску от старого ковра. Двое санитаров в белых халатах были наготове. Один из них с привычной быстротой воткнул в шею мужчины шприц, другой развернул носилки.

В это время коротышка под внимательным взглядом бейлифа тщательно вписал свое имя в соответствующую графу объявления, потом бережно спрятал ручку в карман.

— Рад приветствовать вас как добровольца, вызвавшегося исполнить свой общественный долг, мистер... — бейлиф наклонился вперед, к двери, близоруко щурясь, — мистер Мортимер, — сказал он наконец.

— Мортимер — это не фамилия, а имя, — мягко поправил его человек, промакивая лоб платком, извлеченным из нагрудного кармана.

— Совершенно верно, сэр, ваше желание скрыть свою фамилию вполне понятно и уважается законом как право всех добровольцев. Можно считать, что вы знакомы с остальными правилами?

— Да, можно. Параграф 46 Акта о преступном деторождении от 1993 года, пункт 14, касающийся отбора добровольцев. Во-первых, я вызвался выполнить эту задачу добровольно в течение суток. Во-вторых, за это время я не должен нарушать или пытаться нарушить законы, гарантирующие безопасность других членов общества, а если это произойдет, я буду привлечен к ответственности за свои действия.

— Отлично, сэр. Это все?

Мортимер тщательно сложил платок и сунул его обратно в нагрудный карман.

— И в-третьих, — сказал он, поглаживая карман, — если мне удастся лишить жизни приговоренного, я не буду подвергаться судебному преследованию.

— Совершенно точно. — Бейлиф кивком показал на огромный чемодан. Полисмен поднял крышку. — Теперь подойдите сюда и выберите то, что считаете необходимым. — Оба посмотрели на чемодан, доверху наполненный инструментами смерти. — Надеюсь, вам понятно, что в течение этих суток вы и сами рискуете жизнью. Известно ли вам, что, если за это время вы будете убиты или ранены, ваша жизнь не охраняется законом?

— Не принимайте меня за дурака, — огрызнулся Мортимер, потом он указал на чемодан. — Я хочу взять одну из этих ручных гранат.

— Это запрещено законом, — резко сказал бейлиф, задетый грубостью Мортимера. Ведь и такие вопросы можно решать корректно. — Бомбы и ручные гранаты применяют только на открытой местности, где они не причиняют вреда невинному. В жилом доме это невозможно. Вы можете выбрать любое другое оружие ближнего действия.

Мортимер нервно хрустнул пальцами и замер, склонив голову в позе молящегося. Глаза его были прикованы к содержимому чемодана — ручные пулеметы, гранаты, автоматические пистолеты, ножи, кастеты, ампулы с кислотой, кнуты, бритвы, осколки стекла, отравленные стрелы, булавы, дубинки с шипами, бомбы со слезоточивым и удушающим газом.

— Сколько я могу взять? — спросил он.

— Все, что считаете нужным. Помните только, что после вам придется отчитаться за оружие.

— Тогда я беру пистолет-пулемет Рейслинга и к нему пять двадцатизарядных магазинов, кинжал для коммандос с зазубринами на лезвии и несколько гранат со слезоточивым газом.

Бейлиф быстро отметил названные предметы в своем списке.

— Это все? — спросил он.

Мортимер кивнул, взял из рук бейлифа список и, не читая, расписался внизу. Затем он начал рассовывать по карманам патроны и гранаты, перекинув через шею ремень пистолета-пулемета.

— Итак, у вас двадцать четыре часа, — сказал бейлиф, глядя на свои наручные часы и заполняя еще одну графу в ведомости. — Вы располагаете временем до 17.45 завтрашнего дня.

— Бен, пожалуйста, отойди от двери, — прошептала Мария.

— Тише! — прошипел Бенедикт, прижав ухо к двери. — Я хочу знать, о чем они говорят. — Его лицо напряглось: он пытался расслышать невнятную речь. — Ничего не понять, — сказал он наконец, отворачиваясь от двери. — Впрочем, это не имеет значения. Я знаю, что он собирается делать...

— Он хочет убить тебя, — сказала Мария тонким голосом, похожим на девичий. Младенец у нее на руках заплакал, и женщина прижала его к груди.

— Пожалуйста, Мария, иди в ванную, как мы с тобой договорились. У тебя там кровать, вода, пища. Там нет окон и тебе не угрожает опасность. Сделай это для меня, дорогая, чтобы я не беспокоился о вас двоих.

— Тогда ты будешь здесь совсем один.

Бенедикт расправил узкие плечи и крепче сжал рукоятку револьвера.

— Здесь мое место, впереди, чтобы защищать свою семью. Это старо как мир.

— Семья, — прошептала женщина и беспокойно оглянулась кругом. — Как-то там Мэтью и Агнесс?

— У твоей матери они в безопасности. Она обещала как следует присмотреть за ними, пока мы не приедем. У тебя есть еще время уехать к ним. Как бы мне этого хотелось!

— Это невозможно. Я могу быть только здесь. И не могу бросить младенца у матери. Он будет голодать без меня. — Она посмотрела на ребенка, который все еще всхлипывал, и начала расстегивать верх платья.

— Дорогая, ну, пожалуйста, — сказал Бенедикт, отодвигаясь от двери. — Отправляйся с ребенком в ванную и не выходи, что бы ни случилось. Он может появиться в любую минуту.

Мария нехотя повиновалась, и через мгновение он услышал щелчок замка в ванной. Затем Бенедикт попытался забыть об их присутствии — ведь эти мысли лишь отвлекали его и могли помешать тому, что предстояло сделать. Он уже давно выработал детальный план обороны и сейчас медленно пошел по квартире, проверяя, все ли в порядке. Во-первых, входная дверь, единственная дверь, ведущая в квартиру. Она заперта и закрыта на засов с цепочкой. Нужно только придвинуть платяной шкаф, и

убийца не сможет войти этим путем, разве что поднимет шум, а если он попытается сделать это, его будет поджидать Бенедикт с оружием в руках. Итак, этот участок в безопасности.

Ни в кухне, ни в ванной окон не было, поэтому за эти две комнаты он мог быть спокоен. Убийца может проникнуть в квартиру через спальню, потому что ее окно выходит на пожарную лестницу, но Бенедикт разработал план обороны и на этот случай. Окно спальни было закрыто, и открыть его снаружи можно было, только разбив стекло. Он услышит шум и успеет припереть дверь спальни диваном. Ему не хотелось баррикадировать дверь спальни заранее, потому что, может быть, ему самому придется туда отступить.

Таким образом, оставалась только одна комната, гостиная, и именно здесь он собирался расположиться. В гостиной было два окна, и дальнее окно, как и окно спальни, находилось рядом с пожарной лестницей. Убийца может ворваться через это окно. Во второе окно с пожарной лестницы попасть было нельзя, хотя убийца мог обстреливать его из здания напротив. Но угол, в котором он расположился, был надежно защищен от этого огня, так что здесь Бенедикту и следовало быть. Он задвинул в угол большое кресло и, внимательно осмотрев запоры на окнах гостиной, уселся в него.

Он опустил револьвер на правое колено, направив дуло его к дальнему окну около пожарной лестницы. Всякий, кто попытается проникнуть через него в квартиру, тут же попадет под огонь Бенедикта. Правда, рядом было еще одно окно, но это мало беспокоило его, если только он не будет стоять прямо перед ним. Тонкие полотняные занавески были опущены, и, как только стемнеет, Бенедикт сможет смотреть через них, сам оставаясь невидимым. Повернув дуло револьвера на несколько градусов, Бенедикт мог держать под огнем дверь в прихожую. Если он заслышит возню около входной двери, то несколько шагов — и он окажется возле нее. Да, он сделал все, что мог. Он снова опустился в кресло.

Приближался вечер, и комната постепенно погружалась в темноту, однако отблеск городских огней позволял ему ориентироваться в полумраке. Было тихо, и каждый раз, когда он двигался в кресле, ржавые пружины под ним громко стонали. Прошло несколько часов, и Бенедикт понял, что в его плане есть одно маленькое упущение. Ему хотелось пить.

Сначала он попытался не замечать жажды, но к девяти часам вечера его рот совершенно пересох, а язык казался комком ваты. Он понимал, что не сумеет продержаться в таком состоянии ночь — жажда мешала ему сосредоточиться. Ему бы следовало прихватить с собой кувшин воды. Самым правильным было не-

медленно отправиться и принести воды, однако он боялся выйти из своего укрытия. Убийца не подавал никаких признаков жизни, и это действовало Бенедикту на нервы.

Внезапно он услышал, что Мария зовет его. Сначала тихо, затем ее голос становился все громче. Она беспокоится о нем. С ним ничего не случилось? Бенедикт выругался про себя. Он не решался ответить ей, по крайней мере не из гостиной. Единственное, что ему оставалось, — это тихонько прокрасться к двери ванной, шепотом сказать ей, что все в порядке, чтобы она не волновалась. Может быть, тогда она сможет заснуть. А затем он мог бы пройти в кухню, набрать воды и принести ее с собой в гостиную.

Тихо, стараясь не дышать, Бенедикт встал, выпрямился в полный рост, расправил затекшие ноги. Все это время он не отрывал глаз от серого прямоугольника дальнего окна. Упершись носком одной ноги в пятку другой, он бесшумно снял туфли и на цыпочках пошел к двери. Мария уже почти кричала, стуча в дверь ванной, и он поспешил к ней. Неужели она не понимает, что подвергает его смертельной опасности?

В тот самый момент, когда он приблизился к двери гостиной, в коридоре загорелся свет.

— Что ты делаешь? — крикнул он, застыв на месте и глядя на Марию.

Женщина стояла у выключателя, щурясь от света.

— Я так беспокоилась...

Внезапно из гостиной донесся звон разбитого стекла, за которым тут же последовал оглушающий грохот автоматной очереди. Острая боль пронзила Бенедикта, и он упал на пол в коридоре.

— Марш в ванную! — крикнул он, посылая пулю за пулей в темноту гостиной.

Он едва услышал сдавленный крик Марии и стук захлопнувшейся двери и на мгновение забыл о боли. Гостиная наполнилась острым запахом пороха, и из нее потянулись клубы голубоватого дыма. Там что-то скрипнуло, и Бенедикт мгновенно выстрелил в темноту. Тут же ответная очередь прошила стену над его головой, и посыпавшаяся штукатурка заставила его поморщиться.

Стрельба прекратилась, и Бенедикт понял, что пули убийцы не могли достать его — он был в стороне от дверного проема. Тем не менее он продолжал держать дуло револьвера в направлении двери гостиной. Чтобы стрелять наверняка, убийце придется войти в коридор, вот тут-то Бенедикт и пристрелит его. В стену над головой Бенедикта врезалось еще несколько очередей, но он не отвечал на них. Когда выстрелы стихли и наступила тишина, Бенедикт улучил момент, достал из кармана патроны и бы-

стро перезарядил револьвер. Под ним растекалась большая лужа крови.

Направив дуло револьвера на дверь гостиной, Бенедикт левой рукой неумело закатал штанину на ноге и быстро взглянул вниз. Кровь продолжала струиться по лодыжке, пропитывая носок. Пуля навылет пробила икру, оставив две круглые темные дырки, из которых текла густая кровь. У него закружилась голова, он быстро отвел взгляд от раны и опять прицелился. Револьвер дрожал в его руке. Из гостиной не доносилось ни звука. Левый бок тоже горел как в огне, но, когда Бенедикт вытащил рубашку из брюк и посмотрел, он понял, что эта вторая рана болезненна, но не опасна. Пуля скользнула по ребрам, и из образовавшейся царапины уже почти перестала течь кровь. А вот с раной в ноге нужно было что-то делать.

— Поздравляю тебя, Бенедикт, у тебя неплохая реакция...

От звука этого голоса Бенедикт непроизвольно нажал на спусковой крючок и дважды выстрелил в ту сторону, откуда доносился голос. Человек в гостиной засмеялся.

— Нервы, Бенедикт, нервы. То, что я собираюсь убить тебя, не мешает нам разговаривать, правда?

— Ты мерзавец, грязное, мерзкое животное! — вырвалось у Бенедикта. С его губ слетали грязные ругательства, цветистые обороты, которые он не употреблял со школьных времен. Внезапно он остановился, вспомнив, что его может услышать Мария. Прежде она никогда не слышала брани из его уст.

— Нервы, Бенедикт, — раздался сухой смешок из гостиной. — Все эти ругательства по моему адресу не меняют создавшегося положения.

— Слушай, уходи, я не буду в тебя стрелять, — сказал Бенедикт, *осторожно вытаскивая левую руку из рукава.* — Я не хочу с тобой знаться. Почему ты не уходишь?

— Боюсь, что все это не так просто, Бен. Ты сам создал это положение, в определенном смысле ты сам позвал меня сюда. Подобно волшебнику, выпустившему злого духа из бутылки. Хорошее сравнение, не правда ли? Разрешите представиться. Меня зовут Мортимер.

— Я не желаю знать твое имя, ты... мерзкая скотина.

Бенедикт не кричал больше, а почти шептал, он был занят тем, что снимал с себя рубашку. Она висела теперь на его правой руке, и Бенедикту пришлось на мгновение взять револьвер в левую руку, чтобы снять ее. Нога невыносимо болела, и, когда материя рубашки коснулась раны, Бенедикт застонал. Тут же он снова заговорил, чтобы скрыть стон:

— Ты пришел сюда сам, по своему желанию — и я убью тебя!

— Молодец, Бенедикт, твоя смелость мне нравится. В конце

концов, ты совершил самое серьезное преступление наших дней, ты человек антисоциальный, индивидуалист, продолжатель традиций Диллинджера и братьев Джеймс. Единственная разница в том, что они несли смерть, а ты несешь жизнь. Но оружие у тебя поплоше, чем у них... — Последовал сухой смешок.

— Ты ненормальный человек, Мортимер. Впрочем, чего еще можно ожидать от человека, который вызвался быть убийцей. Ты просто болен.

Бенедикту хотелось, чтобы разговор продолжался по крайней мере до тех пор, пока он успеет забинтовать ногу. Рубашка была пропитана кровью, и он никак не мог затянуть скользкий узел одной левой рукой.

— Да-да, ты, конечно, болен, иначе ты не пришел бы сюда, — продолжал он. — Что другое могло толкнуть тебя на это? — Бесшумно положив револьвер на пол, Бенедикт начал поспешно затягивать узел.

— Понятие болезни относительно, — донесся голос из темноты, — как относительно понятие преступления. Человек создает общество, и законы созданных им обществ определяют понятие преступления. Кто совершает преступление — человек или общество? Кто из них преступник? Ты можешь оспаривать свою вину, но ведь сейчас мы говорим о существующем положении вещей. Закон говорит, что ты преступник. Я здесь для того, чтобы обеспечить выполнение закона. — Грохот автоматной очереди как бы подтвердил его слова, и щепки от плинтуса осыпали Бенедикта. Тот затянул узел и поспешно схватил револьвер.

— Нет, это я олицетворяю высший закон, — сказал Бенедикт. — Закон природы, святость жизни, необходимость продолжения рода. В соответствии с этим законом я женился и любил, и мои дети — благословение нашего союза.

— Такое благословение у тебя и у остального человечества привело к тому, что люди пожирают мир подобно саранче, — ответил Мортимер. — Но это попутное замечание. Прежде всего я должен ответить на твои аргументы.

Первое. Естественный закон — это только тот, по которому образуются толщи осадочных пород и солнечный спектр. То, что ты называешь естественным законом, создано людьми и варьируется в зависимости от религии. Так что этот аргумент беспочвен.

Второе. Жизнь — это бесконечный поток, и сегодняшнее поколение должно умереть, чтобы могло жить завтрашнее. Все религии подобны двуликому Янусу. Они хмурятся при виде убийства и в то же время улыбаются, наблюдая войны и смертные казни. Этот аргумент тоже не имеет основания.

И последнее. Формы союза мужчины и женщины так же раз-

нообразны, как и создавшие их общества. И этот аргумент беспочвен. Твой высший закон неприменим в мире фактов. Если он тебе нравится и дает тебе удовлетворение, ты можешь верить в свой высший закон, однако не пытайся оправдать им свои преступные действия.

— Это ты преступник! — закричал Бенедикт, дважды выстрелив в дверной проем. Ответная очередь распорола стену над самой его головой, и он прижался к полу. Оглушенный грохотом выстрелов, он услышал детский плач: в ванной заплакал разбуженный стрельбой ребенок. Бенедикт сунул руку в карман и быстро перезарядил барабан револьвера, с яростью бросая на пол стреляные гильзы. — Это ты преступник, ты пытаешься убить меня, — продолжал он. — Ты — орудие мерзавцев, принявших этот бесчестный закон. Они заявляют, что я больше не могу иметь детей. Разве у них есть право на это?

— Какой же ты глупец, — вздохнул Мортимер. — Ты — общественное животное и как таковое, не колеблясь, принимаешь общественные дары. Ты принимаешь от общества лекарства, и твои дети не умирают, как они умерли бы в прошлом. Ты получаешь от общества питание, и твои дети не голодают. На это ты согласен. Но ты не согласен ограничить размеры своей семьи и пытаешься нарушить закон. Впрочем, ты уже нарушил его. В обществе ты должен или соглашаться со всеми его законами, или отвергать все его принципы. Ты получаешь еду, так изволь платить за это.

— Я не прошу больше пищи, чем мне выделяется сейчас. Ребенок питается молоком матери, мы будем делиться остальной пищей...

— Слушай, не болтай чепухи. Ты и тебе подобные наводнили мир своими выродками, и вы еще не хотите остановиться. Вас уговаривали, упрашивали, подкупали, угрожали, но все напрасно. Сейчас пора кончать! Ты отказался от помощи — теперь в нашем голодном мире лишним ртом больше, а если так, то нужно закрыть этот лишний рот, убрать одного иждивенца. Это гуманный закон, он вырос из давних традиций индивидуализма и свободной инициативы. Он дает тебе возможность защищать свои идеалы с оружием в руках. И свою жизнь.

— Это бесчеловечный закон, — ответил Бенедикт. — И как ты только можешь его принимать? Он жесток, холоден и не имеет смысла.

— Совсем наоборот. В этом законе заключен глубокий смысл. Посмотри на себя со стороны, попробуй без предрассудков оценить проблему, перед которой стоит наш народ. Мир жесток, но он не безжалостен. Закон сохранения массы является одним из основных во Вселенной. Мы так долго не считались с этим законом, и теперь здравый смысл обязывает нас оградить земной шар от избытка человеческой плоти. Призывы к разуму здесь бесполезны, пришлось принять закон. Любовь, женитьба, семья — все это разрешается, но до определенного предела. Если же у человека больше двух детей, он добровольно отказывается от защиты общества и принимает на себя всю ответственность за свои безрассудные действия. Если он нездоровый эгоист, его смерть принесет пользу всему обществу. Если же он здоров и в состоянии защитить свои интересы с оружием в руках, тогда он нужен обществу, а значит, и его потомство нужно. Этот закон ничем не угрожает добропорядочным гражданам.

— Как ты смеешь так говорить! Разве бедная беспомощная мать незаконного ребенка — преступница?

— Нет, пока она не отказывается от помощи общества. Ей даже позволено иметь ребенка. Если же она упорствует, то она должна за это поплатиться. Всегда найдутся тысячи бездетных женщин, которые добровольно примут участие в битве, чтобы сравнять счет. Они, как и я, на стороне закона и жаждут применять силу. Так что заткни мне глотку, если сможешь, Бенедикт, а то я с удовольствием заткну твой жадный рот.

— Сумасшедший, — прошипел Бенедикт, скрежеща зубами. — Подонок. Этот бесчеловечный закон вызвал к жизни отбросы общества, дал им в руки оружие и позволил убивать.

— И все же это полезный закон. Лучше безумный убийца, который приходит смело и открыто, чем преступник, тайком убивающий твоего ребенка где-то в парке. Сейчас этот безумный убийца рискует своей жизнью, и, кто бы из нас ни был убит, обществу это пойдет на пользу.

— Ты признаешь, что ты безумец — убийца с лицензией на убийство? — Бенедикт попытался встать, но у него закружилась голова и потемнело в глазах. Он тяжело опустился на пол.

— Нет, не признаю, — равнодушно ответил Мортимер из темноты гостиной. — Я человек, добровольно помогающий закону уничтожить ваше подлое племя, размножающееся как свиньи.

— Тогда ты извращенный человек, ненавидящий любовь мужчины и женщины.

Донесшийся из темноты холодный смешок привел Бенедикта в ярость.

— Ты больной или сумасшедший! — закричал он. — Или сам не способен иметь детей и ненавидишь тех, у кого они есть...

— Замолчи. Мне надоело говорить с тобой, Бенедикт. Теперь я тебя убью...

Бенедикт впервые услышал нотки гнева в голосе Мортимера и понял, что попал в его слабое место. Он замолчал. Он был слаб и болен, кровь продолжала сочиться сквозь импровизированную

повязку, и лужа на полу все росла. Необходимо сберечь остаток сил, чтобы прицелиться и выстрелить, когда убийца появится в двери. Он услышал, как за спиной почти беззвучно отворилась дверь ванной и прошелестели шаги. Безнадежным взглядом он окинул залитое слезами лицо Марии.

— С кем ты говоришь? — закричал Мортимер из гостиной. — Я слышал шепот. Если это твоя жена, Бенедикт, скажи ей, чтобы она уходила. Я не хочу нести ответственность за твою корову. Пришло время платить за свои ошибки, Бенедикт, и я буду оружием закона.

Мортимер выпрямился и разрядил автомат в направлении коридора, затем нажал кнопку, освободил магазин, швырнул его вслед за пулями и мгновенно вставил запасной. Быстрым движением он передернул затвор.

Итак, он принял решение. Ему не потребуется нож. Он сделает несколько шагов, пошлет очередь в коридор, затем швырнет туда гранату со слезоточивым газом. Газ или ослепит Бенедикта, или по крайней мере не даст ему возможности прицелиться. И тогда он войдет в коридор с нажатым спусковым крючком, поливая пространство впереди себя градом пуль, и Бенедикт будет мертв. Мортимер сделал глубокий вздох и весь передернулся, но внезапно оцепенел. В дверном проеме показалась рука, медленно двигающаяся вверх.

Это было настолько неожиданно, что в первую секунду Мортимер не выстрелил. Когда же он наконец выстрелил, то промахнулся. Рука — плохая мишень для автоматического оружия. Рука повернула выключатель и исчезла. И в ту же секунду в гостиной вспыхнули лампы.

Мортимер выругался и послал длинную очередь туда, где только что была рука. Большие куски штукатурки посыпались на пол. Он чувствовал себя удивительно беззащитным в ярко освещенной комнате.

Из-за грохота автомата он не услышал первого револьверного выстрела и не понял, что в него стреляют, пока вторая пуля не вонзилась в пол рядом с его ногами. Он прекратил стрельбу, повернулся к окну и замер.

На пожарной лестнице у разбитого окна стояла женщина. Тоненькая, с широко раскрытыми глазами, она покачивалась, словно под сильными порывами ветра, и обеими руками сжимала револьвер, целясь в Мортимера через разбитое стекло. Револьвер судорожно дергался в ее руках при каждом выстреле, но она никак не могла попасть в Мортимера. В панике он нажал на спусковой крючок, посылая пули по широкой дуге к окну.

— Не стреляй! Я не хочу убивать тебя! — выкрикнул Мортимер.

Последняя пуля вонзилась в стену, автомат щелкнул и остался с открытым затвором. Мортимер выбросил пустой магазин и попытался вставить на его место новый. Револьвер выстрелил еще раз, пуля ударила Мортимера в бок, и он кубарем полетел на пол. Падая, он выронил автомат. В то же мгновение Бенедикт, который медленно, с трудом подполз к нему, схватил его за горло холодными пальцами.

— Не надо... — прохрипел Мортимер, судорожно отталкивая Бенедикта.

— Пожалуйста, Бенедикт, не убивай его! — крикнула Мария, влезая в окно. — Ты задушишь его.

— Нет... я слишком слаб, — прохрипел Бенедикт.

Взглянув вверх, он увидел револьвер в руке Марии. Протянув руку, Бенедикт выхватил его и прижал горячее дуло к груди Мортимера.

— Одним ртом меньше! — крикнул он и нажал на спусковой крючок. Раздался приглушенный выстрел, человек судорожно дернулся, и все было кончено.

— Милый, как ты себя чувствуешь? — Мария плача наклонилась над Бенедиктом, прижимая его голову к своей груди.

— Все... все в порядке. Я очень слаб, но это от потери крови. Кровотечение уже остановилось. Все кончилось. Мы победили. Теперь нам дадут дополнительный паек, и больше никто не будет нас беспокоить.

— Я так рада, — Мария попыталась улыбнуться сквозь слезы. — Я не хотела говорить тебе об этом раньше, у тебя и так было достаточно неприятностей. Но у нас... — Она опустила глаза.

— Что? — спросил он, не веря своим ушам. — Ты хочешь сказать...

— Да, — Мария провела рукой по своему округлившемуся животу.

В ответ Бенедикт уставился на нее, широко открыв рот, не в силах вымолвить ни единого слова, подобно беспомощной рыбе, выброшенной на берег.

Соседи

Томас Диш составлял антологию мрачных рассказов на тему экологических и социальных катастроф, грозящих миру в будущем. В то время произведения, повествующие о перенаселенности, были довольно малочисленны — по крайней мере произведения, которые пришлись бы ему по вкусу и затрагивали самые острые проблемы. Прочитав мой роман «Подвиньтесь! Подвиньтесь!», он понял, что

это как раз то, что ему нужно, — жесткий реалистический взгляд на недалекое будущее, тот самый предостерегающий палец, которым помахивают перед читателем. Пусть увидит, что его ждет, если эту неотложную проблему пустить на самотек.

Но у меня имелся роман, а Тому для антологии требовался рассказ. Он выделил в романе некоторые главы и страницы, способные, по его мнению, составить рассказ, и написал мне о своей идее. Я согласился с тем, что в этом есть смысл, но, сложив воедино отмеченные им куски, обнаружил, что им недостает нужной для рассказа непрерывности повествования.

Тогда я их почти полностью переписал. Одним из интересных результатов переделки — чего я до того момента не понимал — оказалась плотность фона повествования, весьма высокая для рассказа. Судите сами — перед вами образы, фон и замысел целого романа, сжатые в рассказ.

ЛЕТО

Августовское солнце било в открытое окно и жгло голые ноги Эндрю Раша до тех пор, пока это неприятное ощущение не вытащило его из глубин тяжелого сна. Очень медленно он начал осознавать, что в комнате жарко и что под ним влажная, усыпанная песчинками простыня. Он потер слипшиеся веки и полежал еще немного, уставясь в потрескавшийся грязный потолок. В первые мгновения после сна он не мог сообразить, где находится, хотя прожил в этой комнате более семи лет. Потом он зевнул, и, пока шарил рукой в поисках часов, которые всегда клал перед сном на стул рядом с кроватью, странное ощущение растерянности прошло. Энди снова зевнул и, моргая, взглянул на стрелки часов с поцарапанным стеклом. Семь... Семь утра, и маленькая цифра «девять» в середине квадратного окошка — понедельник, девятое августа 1999 года. Семь утра, а уже жарко, как в печи: город словно замер в душных объятиях жары, которая одолевала Нью-Йорк вот уже десять дней. Энди почесался и подмял подушку под голову. Из-за тонкой перегородки, делившей комнату надвое, послышалось жужжание, быстро перешедшее в пронзительный визг.

— Доброе утро, — произнес он громко, пытаясь перекричать этот звук, и закашлялся.

Кашляя, Энди нехотя встал и побрел в другой конец комнаты, чтобы налить стакан воды из настенного бачка. Вода потекла тонкой коричневой струйкой. Энди сделал несколько глотков, потом постучал костяшками пальцев по окошку счетчика на бачке, стрелка которого дрожала почти у самой отметки «Пусто».

Не забыть бы наполнить бачок до того, как он уйдет к четырем на дежурство в полицейский участок. День начался.

На дверце покосившегося шкафа висело зеркало во весь рост, треснувшее снизу доверху. Энди почти уткнулся в него лицом, потирая заросшую щетиной щеку. Перед уходом надо будет побриться. «Не стоит смотреть на себя, голого и неопрятного, в зеркало спозаранку», — подумал он неприязненно, хмуро разглядывая свои кривоватые ноги, обычно скрытые брюками, и мертвенно-бледную кожу. Ребра торчат, как у голодной клячи... И как он только умудрился при этом отрастить живот? Он потрогал дряблые мышцы и решил, что все дело в крахмалосодержащей диете и сидячем образе жизни. Хорошо хоть не полнеет лицо. Лоб с каждым годом становится все выше и выше, но это как-то не очень заметно, если стричь волосы коротко. «Тебе всего тридцать, — подумал он, — а вокруг глаз уже столько морщин. И нос у тебя слишком большой. Кажется, дядя Брайен говорил, что это из-за примеси уэльской крови. И передние зубы у тебя выступают больше, чем положено, отчего, улыбаясь, ты немного похож на гиену. Короче, Энди Раш, ты настоящий красавчик, и странно, что такая девушка, как Шерл, не только обратила на тебя внимание, но даже поцеловала». Он скорчил своему отражению рожу и пошел искать платок, чтобы высморкать свой выдающийся уэльский нос.

Чистые трусы в ящике оказались только одни; он натянул их и напомнил себе еще об одном деле на сегодня — обязательно постирать. Из-за перегородки все еще доносился пронзительный визг. Энди толкнул дверь и вошел.

— Ты так заработаешь себе сердечный приступ, Сол, — обратился он к мужчине с седой бородой, сидящему на велосипеде без колес.

Мужчина с ожесточением крутил педали; по его груди градом катился пот и впитывался в повязанное вокруг пояса полотенце.

— Никогда, — выдохнул Соломон Кан, не прекращая работать ногами. — Я делал это каждый день так долго, что моему моторчику скорее всего не поздоровится, если я вдруг перестану. Опять же, в моих сосудах нет холестерина, потому что регулярные алкогольные промывания этому способствуют. И я не заболею раком легких, поскольку не могу позволить себе курить, даже если бы хотел, но я еще и не хочу. В семьдесят пять лет у меня нет простатита, потому что...

— Пожалуйста, Сол, избавь меня от таких подробностей на голодный желудок. Ты не одолжишь мне кубик льда?

— Возьми два — сегодня жарко. Но не держи дверцу открытой слишком долго.

Энди открыл маленький низенький холодильник у стены, быстро достал пластиковую коробочку с маргарином, затем вынул из формочки два кубика льда, бросил в стакан и захлопнул дверцу. Наполнил стакан водой из бачка и поставил на стол рядом с маргарином.

— Ты уже ел? — спросил он.

— Сейчас я к тебе присоединюсь. Эти штуки, должно быть, уже зарядились.

Сол перестал крутить педали, визг перешел в стон и затих. Он отсоединил провода генератора от задней оси велосипеда и аккуратно сложил их рядом с четырьмя черными автомобильными аккумуляторами, стоявшими на холодильнике. Затем вытер руки о грязное полотенце, придвинул к столу сиденье от допотопного «Форда» модели 75-го года и сел напротив Энди.

— Я слушал шестичасовые новости, — сказал он. — Старики проводят сегодня еще один марш протеста. Вот где будет много сердечных приступов!

«Слава богу, я на дежурстве с четырех, и Юнион-сквер не в нашем районе». Энди открыл маленькую хлебницу, достал красный крекер размером не более шести квадратных дюймов и пододвинул хлебницу Солу. Потом намазал на крекер тонкий слой маргарина, откусил кусочек и, сморщившись, принялся жевать.

— Я думаю, что маргарин уже испортился.

— Как это ты определяешь, интересно? — хмыкнул Сол, кусая сухой крекер. — По-моему, все, что делается из машинного масла и китового жира, испорчено с самого начала.

— Ты говоришь, как натурист, — заметил Энди и запил крекер холодной водой. — У жиров, получаемых из нефтепродуктов, почти нет запаха, и ты сам прекрасно знаешь, что китов совсем не осталось и китовый жир взять неоткуда. Это обычное хлорелловое масло.

— Киты, планктон, селедочное масло — это все одно и то же. Все отдает рыбой. Я лучше буду есть крекеры всухомятку, зато у меня никогда не отрастут плавники... — Неожиданно в дверь быстро постучали. — Еще восьми нет, а они уже посылают за тобой, — простонал Сол.

— Это может быть кто угодно, — сказал Энди, направляясь к дверям.

— Это стучит курьер, и ты знаешь об этом не хуже меня. Я готов спорить на что угодно. Ну вот видишь? — Сол с мрачным удовлетворением кивнул, когда за дверью в полутьме коридора обнаружился тощий босоногий курьер.

— Что тебе надо, Вуди? — спросил Энди.

— Мне ничего не нужно, — прошепелявил Вуди, разевая беззубый рот. Ему было всего двадцать с лишним, а во рту уже не

осталось ни одного зуба. — Лейтенант сказал: «Неси» — я и принес.

Он вручил Энди складную дощечку с сообщением, на обороте которой значилось его имя.

Энди повернулся к свету и стал разбирать каракули лейтенанта, после чего взял кусок мела, нацарапал под сообщением свою фамилию и отдал дощечку курьеру. Закрыв за ним дверь, он вернулся к столу и, задумчиво нахмурившись, принялся доедать завтрак.

— Не надо на меня так смотреть, — сказал Сол. — Не я же тебя вызвал... Я буду прав, если предположу, что это не самое приятное задание?

— Это старики. Они уже запрудили всю площадь, и соседний участок требует подкреплений.

— Но почему ты? Похоже, это занятие для рабочей скотины.

— Рабочая скотина! Откуда у тебя этот средневековый жаргон? Конечно, там нужны патрули — усмирять толпу, но нужны и детективы, чтобы выявить агитаторов, карманников, грабителей и прочих. Там сегодня будет черт знает что! Мне приказано явиться к десяти, так что я еще успею сходить за водой.

Энди неторопливо надел брюки и широкую спортивную рубашку, потом поставил на подоконник банку с водой, чтобы погрелась на солнце. Взял две пятигаллоновые пластиковые канистры. Сол оторвался от телевизора и взглянул ему вслед поверх старомодных очков.

— Когда вернешься с водой, я приготовлю тебе выпить. Или, может, еще слишком рано?

— Сегодня у меня такое настроение, что в самый раз.

Когда дверь квартиры была закрыта, в коридоре царила кромешная темнота. Ругаясь, Энди стал ощупью пробираться вдоль стены к лестнице. По дороге он едва не упал, споткнувшись о кучу мусора, выброшенного кем-то на пол. Этажом ниже в стене была пробита дыра, в которую пробивался свет, и Энди без проблем преодолел оставшиеся два пролета. После сырого подъезда жара на Двадцать пятой улице нахлынула на него волной удушающей вони: пахло гнилью, грязью и немытыми человеческими телами. На крыльце сидели женщины. Пришлось пробираться между ними, стараясь в то же время не наступить на играющих ребятишек. На тротуаре, куда еще падала тень, толпилось столько людей, что Энди был вынужден пойти по мостовой, подальше обходя высокие кучи мусора, наваленные вдоль дороги. От жары, стоявшей несколько дней, асфальт плавился и прилипал к подошвам ботинок. К красной колонке гидранта на углу Седьмой авеню, как обычно, тянулась очередь. Когда Энди подошел поближе, очередь вдруг распалась. Послышались серди-

тые выкрики. Кое-кто стал размахивать кулаками. Вскоре люди разошлись, все еще бормоча, и Энди увидел, как дежурный полисмен запирает стальную дверь.

— Что происходит? — спросил он. — Я думал, что гидрант работает до полудня.

Полицейский обернулся, привычно схватившись за пистолет, но, узнав детектива со своего участка, сдвинул форменную фуражку на затылок и стер пот со лба тыльной стороной ладони.

— Только что получил приказ от сержанта. Все гидранты закрываются на двадцать четыре часа. Засуха. В резервуарах низкий уровень воды, так что приходится экономить.

— Ничего себе приказ, — сказал Энди, глядя на торчавший в замке ключ. — Мне сегодня идти на дежурство, значит, я останусь без воды на целых два дня...

Осторожно оглядевшись, полицейский отпер дверь и взял у Энди одну канистру.

— Одной тебе пока хватит. — Он сунул ее под кран и, пока канистра наполнялась, добавил, понизив голос: — Ты никому не рассказывай, но прошел слух, что на северной окраине города снова взорван акведук.

— Опять фермеры?

— Должно быть. До перехода в этот округ я патрулировал акведуки — работенка не сахар, должен тебе сказать. Они запросто могут взорвать тебя вместе с акведуком. Говорят, город, мол, крадет у них воду.

— У них ее и так достаточно, — сказал Энди, забирая полную канистру. — Больше чем нужно. А здесь, в городе, тридцать пять миллионов человек, и все хотят пить.

— Кто спорит? — вздохнул полицейский, захлопнул дверь и запер ее на замок.

Снова пробравшись сквозь толпу на ступеньках, Энди пошел на задний двор. Все туалеты оказались заняты — пришлось ждать. Когда наконец один освободился, Энди потащил канистры с собой в кабинку, иначе кто-нибудь из детей, игравших среди куч мусора, наверняка украл бы их.

Одолев темные лестничные пролеты еще раз, Энди открыл дверь и услышал чистый звук ледяных кубиков в стакане.

— У тебя тут прямо Пятая симфония Бетховена, — сказал он и, поставив канистры, упал в кресло.

— Это моя любимая мелодия, — отозвался Сол, доставая из холодильника два охлажденных стакана.

Торжественно, словно исполняя религиозный ритуал, он бросил в каждый из них по крошечной, похожей на жемчужину, луковичке. Один стакан он вручил Энди, и тот осторожно глотнул холодную жидкость.

— Когда я пробую что-нибудь вроде этого, Сол, то в такие минуты почти верю, что ты все-таки не сумасшедший. Почему эта штука называется «Гибсон»?

— Тайна, покрытая мраком. Почему «Стингер» — это «Стингер», а «Розовая леди» — это «Розовая леди»?

— Не знаю. Никогда не пробовал.

— Я тоже не знаю, но так уж они называются. Как та зеленая мешанина, что продают в «обалделовках», — «Панама». Просто название, которое ничего не значит.

— Спасибо, — сказал Энди, осушив стакан. — День кажется мне уже не таким плохим.

Он прошел на свою половину комнаты, достал из ящика пистолет в кобуре и прицепил к поясу с внутренней стороны брюк. Значок полицейского болтался на кольце вместе с ключами — там Энди всегда его и держал. Сунув в карман записную книжку, он на мгновение задумался. День предстоял долгий и трудный, и все могло случиться. Он достал из-под стопки рубашек наручники и мягкую пластиковую трубку, наполненную дробью. Может пригодиться в толпе; к тому же, когда вокруг много людей, это даже надежнее. Опять же, новое предписание экономить боеприпасы. Чтобы тратить патроны, нужно иметь на это весьма вескую причину. Энди вымылся как мог пинтой воды, нагревшейся на подоконнике от солнца, и принялся тереть лицо кусочком шершавого, словно с песком, мыла. На бритве с обеих сторон уже появились зазубрины, и, подтачивая ее о край столика, Энди подумал, что пора доставать где-то новую. Может быть, осенью.

Когда он вышел из своей комнаты, Сол старательно поливал ряды каких-то трав и крохотных луковиц, растущих в ящике на окне.

— Смотри, чтобы тебе не подсунули деревянный пятак, — произнес он, не отрываясь от своего занятия.

Пословиц Сол знал миллион. И все старые. Но что такое «деревянный пятак»?

Солнце поднималось все выше и выше, и в асфальтово-бетонном ущелье улицы становилось все жарче. Полоска тени от здания угла стала уже, и в подъезд набилось столько людей, что Энди едва протиснулся к дверям. Он осторожно пробрался мимо маленькой сопливой девчонки в грязном нижнем белье и спустился еще на одну ступеньку. Тощие женщины неохотно отодвигались, даже не глядя на него, зато мужчины смотрели с холодной ненавистью, словно отпечатавшейся на их лицах, отчего все они казались ему похожими — будто из одной злобной семьи. Наконец Энди выбрался на тротуар, где ему пришлось переступить через вытянутые ноги лежавшего старика. Старик выглядел

не спящим, а скорее мертвым, что, впрочем, было вполне вероятно. От его грязной ноги тянулась веревка, к которой привязали голого ребенка. Такой же грязный, как и старик, ребенок сидел на асфальте и бездумно грыз край гнутой пластиковой тарелки. Веревка, пропущенная под руками-тростинками, была завязана у него на груди, над вздувшимся от голода животом.

Даже если старик умер, это не имело никакого значения: единственное, что от него требовалось, — это служить своеобразным якорем для ребенка, а такую работу он мог с одинаковым успехом выполнять как живой, так и мертвый.

На улице Энди вспомнил, что снова не сказал Солу о Шерл. Это было бы несложно, но он, словно избегая разговора, продолжал забывать. Сол часто рассказывал, каким жеребцом он был и как развлекался с девчонками, когда служил в армии. Он поймет.

Они ведь всего лишь соседи. Не больше. Друзья, конечно. И если он приведет девушку, которая будет с ним жить, это ничего не изменит.

Почему же он опять ничего не сказал?

ОСЕНЬ

— Говорят, что такого холодного октября никогда не было. Я тоже не припомню. И дождь... Не настолько сильный, чтобы наполнить бак или еще что-нибудь, зато ходишь все время мокрая и от этого еще больше зябнешь. Разве не так?

Шерл кивала, почти не прислушиваясь к словам, но по интонации поняла, что ее о чем-то спросили. Очередь двинулась вперед, и она сделала несколько шагов за говорившей. Женщина, этакий бесформенный ком тяжелой одежды, прикрытый рваным пластиковым плащом, была подпоясана веревкой и от этого походила на туго набитый мешок. «Пожалуй, я выгляжу не лучше», — подумала Шерл и натянула на голову одеяло, пытаясь укрыться от непрестанной мороси. Совсем немного осталось, впереди всего несколько десятков человек. Стояние в очереди заняло гораздо больше времени, чем она думала: уже почти стемнело. Над автоцистерной загорелся свет и отразился в ее черных боках. Стало видно, как медленно сеется дождь. Очередь снова продвинулась. Женщина, стоявшая впереди Шерл, переваливаясь, потащила за собой ребенка — такой же, как и она сама, бесформенный ком; лицо укутано шарфом. Ребенок то и дело хныкал.

— Прекрати, — сказала женщина и повернулась к Шерл: красное, одутловатое лицо, почти беззубый рот. — Он плачет, потому что мы были у врача. Доктор думал, что у него что-то серьезное, а всего-навсего квош. — Она показала Шерл распухшую, словно надутую руку ребенка. — Это легко определить, когда они так распухают и на коленках появляются черные пятна. Чтобы попасть к врачу, пришлось просидеть две недели в клинике Бельвью, хотя он мне сказал то, что я и так уже знала. Но это единственный способ добыть рецепт. Получила талоны на ореховое масло. Мой старик его очень любит. А ты живешь в нашем квартале, да? Кажется, я тебя там уже видела.

— На Двадцать шестой улице, — ответила Шерл, снимая с канистры крышку и пряча ее в карман пальто. Ее знобило — похоже, она заболела.

— Точно. Я так и думала, что это ты. Без меня не уходи, пойдем домой вместе. Уже поздно, а тут полно шпаны — воду отбирают. Они всегда ее могут потом продать. Вот миссис Рамирес в моем доме... Она пуэрториканка, но вообще-то своя, их семья жила в этом доме со Второй мировой войны. Ей так подбили глаз, что она теперь ничего не видит, и вышибли два зуба. Какой-то бандит треснул ее дубинкой и забрал воду.

— Да, я подожду. Это неплохая идея, — сказала Шерл, внезапно почувствовав себя очень одинокой.

— Карточки! — потребовал полицейский, и она протянула ему три: свою, Энди и Сола.

Он поднес их к свету, затем вернул и крикнул человеку у крана:

— Шесть кварт!

— Как шесть? — возмутилась Шерл.

— Сегодня норма уменьшена, леди. Шевелитесь, шевелитесь! Вон сколько людей еще ждут!

Шерл подхватила канистру, человек сунул в нее шланг и включил воду, потом крикнул:

— Следующий!

Булькающая канистра казалась трагически легкой. Шерл отошла в сторонку и встала рядом с полицейским, поджидая женщину. Одной рукой та тянула за собой ребенка, в другой тащила пятигаллоновую и, похоже, почти полную канистру из-под керосина. Должно быть, у нее большая семья.

— Пошли, — сказала женщина.

Ребенок, тихо попискивая, тащился позади, вцепившись в руку матери.

Когда они свернули с Двенадцатой авеню в переулок, стало еще темнее, словно дождь впитывал весь свет. Здания вокруг — в основном бывшие склады и фабрики — надежно укрывали своих обитателей за толстыми стенами без окон. Тротуары были мокрыми и пустынными. Ближайший уличный фонарь горел в следующем квартале.

— Вот задаст мне муж за то, что я пришла так поздно, — сказала женщина, когда они свернули за угол.

И тут дорогу им преградили два темных силуэта.

— Воду! Быстро! — приказал тот, что стоял ближе, и в свете далекого фонаря блеснуло лезвие ножа.

— Нет, не надо! Пожалуйста! — взмолилась женщина и спрятала канистру за спину.

Шерл прижалась к стене. Когда грабители подошли поближе, она увидела, что это мальчишки. Подростки. Но у них был нож.

— Воду! — велел первый, размахивая ножом.

— Получай! — взвизгнула женщина и взмахнула канистрой.

Грабитель не успел увернуться, и удар пришелся прямо ему по голове. Парень взвыл и рухнул на землю, выронив нож.

— И ты хочешь? — закричала женщина, надвигаясь на второго подростка. Тот был безоружен.

— Нет-нет, не хочу, — запричитал он, пытаясь оттащить приятеля за руку. Но когда женщина приблизилась, он бросил его и отскочил в сторону.

Она наклонилась, чтобы подобрать нож; в этот момент парень сумел поставить своего товарища на ноги и поволок его за угол. Все произошло за считанные секунды, и все это время Шерл стояла, прижавшись спиной к стене и дрожа от страха.

— Такого они не ожидали! — воскликнула женщина, восхищенно разглядывая старый нож для разделки мяса. — Мне он больше пригодится. Сопляки!

Она была возбуждена и явно довольна собой. За время стычки она ни разу не выпустила руку ребенка, и теперь тот расхныкался еще больше.

Оставшуюся часть пути преодолели без приключений, и женщина проводила Шерл до самой двери.

— Спасибо вам большое, — сказала Шерл. — Я не знаю, что бы я делала...

— Пустяки, — улыбнулась женщина. — Ты видела, как я его? И у кого теперь нож?

Она двинулась прочь, таща одной рукой канистру, а другой — ребенка.

— Где ты была? — спросил Энди, когда Шерл распахнула дверь. — Я уж думал, что с тобой что-нибудь случилось.

В комнате было тепло и пахло рыбой. Энди и Сол сидели за столом со стаканами в руках.

— Это из-за воды. Очередь растянулась на целый квартал. И мне дали только шесть кварт: норму опять урезали.

Она заметила, что Энди мрачен, и решила не рассказывать,

что по дороге домой на них напали: Энди расстроится еще больше, а ей очень не хотелось портить ужин.

— Замечательно, — ехидно произнес Энди. — Норма и без того слишком мала, а они решили ее еще урезать... Снимай мокрую одежду, Шерл, Сол нальет тебе «Гибсона». Его самодельный вермут уже созрел, а я сегодня купил немного водки.

— Выпей, — сказал Сол, вручая Шерл холодный стакан. — Я приготовил суп из дрянного концентрата «Энергия». В любом другом виде он просто несъедобен. Суп у нас будет на первое, а потом... — Он многозначительно кивнул в сторону холодильника.

— Что такое? — спросил Энди. — Секрет?

— Не секрет, — ответила Шерл, открывая холодильник, — а сюрприз. Я купила их сегодня, каждому по одному. — Она вынула тарелку с тремя маленькими пирожками с начинкой «сойлент». — Это та самая новинка, которую сейчас рекламируют по телевизору, со вкусом копченого мяса.

— Они, должно быть, обошлись в целое состояние, — проворчал Энди. — Теперь нам придется голодать весь месяц.

— Не такие уж они и дорогие. Кроме того, я потратила свои деньги, а не те, что мы отложили на еду.

— Какая разница? Деньги есть деньги. На эту сумму мы могли бы жить, наверно, целую неделю.

— Суп готов, — объявил Сол, расставляя на столе тарелки.

Шерл молчала, чувствуя, что в горле у нее застрял комок. Она сидела, смотрела в тарелку и изо всех сил старалась не расплакаться.

— Извини, — сказал Энди. — Но ты же знаешь, как растут цены. Нужно думать о будущем. Городской подоходный налог стал еще выше — восемьдесят процентов, — пособий приходится платить все больше, так что этой зимой нам придется туго. Ты не думай, я тронут...

— Если это действительно так, то почему бы тебе не заткнуться и не заняться супом? — перебил его Сол.

— Не вмешивайся, Сол, — сказал Энди.

— Я не стану вмешиваться, если вы прекратите ссориться в моей комнате. Нечего портить такой замечательный ужин.

Энди хотел что-то сказать, но передумал и взял Шерл за руку.

— Сегодня у нас действительно хороший ужин, — пробормотал он. — Давай не будем...

— Не такой уж он хороший, — заметил Сол, проглотив ложку супа, и поморщился. — Сам сначала попробуй. Но зато пирожки отобьют этот мерзкий вкус.

Некоторое время они молча ели суп, потом Сол принялся рассказывать одну из своих армейских историй о Нью-Орлеане,

такую смешную, что удержаться от смеха было просто невозможно, и вскоре настроение у всех заметно улучшилось. Сол разлил оставшийся «Гибсон», а Шерл принесла пирожки.

— Если бы я был совсем пьян, то решил бы, что это мясо, — заявил Сол, энергично пережевывая свою порцию.

— Нет, они действительно хороши, — сказала Шерл.

Энди кивнул. Шерл быстро доела пирожок и подобрала с тарелки подливку кусочком растительного крекера, затем отпила из стакана. Неприятное происшествие по дороге домой казалось совсем давним. Что эта женщина говорила про своего ребенка?..

— Ты знаешь, что такое «квош»? — спросила она.

— Какая-то болезнь. — Энди пожал плечами. — А почему ты спрашиваешь?

— Вместе со мной в очереди за водой стояла женщина, и мы с ней разговорились. Ее ребенок заболел этим самым «квошем». Я еще подумала, что ей не следовало бы тащить с собой больного ребенка в такой дождь. И потом, вдруг это заразно?

— Не волнуйся, — сказал Сол. — «Квош» — это сокращенно от «квошиоркора». Если бы ты интересовалась своим здоровьем и смотрела медицинские программы, как я, или читала книги, то знала бы про эту болезнь все. Она не заразна, потому что возникает от плохого питания, как бери-бери.

— Про такую болезнь я тоже никогда не слышала.

— Она нечасто встречается, зато квош — на каждом шагу. Им болеют при недостатке белков. Раньше он встречался только в Африке, но теперь распространился по всей территории Соединенных Штатов. А как же иначе? Мяса нет, чечевица и соевые бобы стоят слишком дорого, и потому мамаши пичкают детей растительными крекерами, леденцами и всякой дешевой дрянью...

Лампа мигнула и погасла. Сол на ощупь добрался до холодильника и отыскал среди вороха проводов на нем выключатель. Вскоре загорелась тусклая лампочка, подключенная к аккумуляторам.

— Надо бы подзарядить, — сказал Сол, — да ладно, завтра. После еды вредно работать, это сказывается на пищеварении и циркуляции крови.

— Как хорошо, доктор, что вы здесь, — произнес Энди. — Мне нужен совет врача. У меня небольшая проблема. Дело в том... что все съеденное попадает ко мне в живот и...

— Забавно, мистер Шутник. Шерл, я не представляю, как ты его терпишь.

После еды все трое почувствовали себя лучше. И разговаривали до тех пор, пока Сол не заявил, что собирается выключить свет, чтобы аккумуляторы не сели. Маленькие кирпичики мор-

ского угля сгорели дотла, и в комнате опять стало прохладно. Они пожелали друг другу спокойной ночи, и Энди пошел на свою половину за фонариком. Здесь было еще холоднее.

— Я ложусь, — сказала Шерл. — Вообще-то спать не хочется, но это единственный способ согреться.

Энди пощелкал выключателем.

— Света нет, а мне нужно бы кое-что сделать. Сколько времени у нас нет по вечерам света? Неделю?

— Давай я лягу, возьму фонарик и буду тебе светить, а?

— Пожалуй.

Энди раскрыл на комоде свой блокнот, рядом положил многоразовый бланк и принялся составлять рапорт. В левой руке он держал фонарик, время от времени сжимая его рукоятку, и тот испускал свет. В городе сегодня было спокойно: холод и дождь прогнали людей с улиц. Жужжание крохотного генератора в фонарике и поскрипывание пера по пластику звучали неестественно громко.

Шерл раздевалась при свете фонарика. Стянув с себя одежду, она задрожала от холода и быстро надела тяжелую зимнюю пижаму, штопаные-перештопаные носки, в которых спала, и толстый свитер. Простыни, ни разу не менявшиеся с тех пор, как начались перебои с водой, были холодными и влажными, хотя Шерл старалась проветривать их при любой возможности. Щеки ее оказались такими же влажными, как простыни, и, приложив руку к лицу, она поняла, что плачет. Она старалась не всхлипывать, чтобы не мешать Энди: он ведь делает для нее все, что может...

Да, до того как она пришла сюда, все было по-другому; легкая жизнь, хорошая еда, теплая комната и личный телохранитель Таб, сопровождавший ее, когда она выходила на улицу. Она должна была спать и с ним пару раз в неделю. Она ненавидела эти минуты, ненавидела даже его прикосновения, но, по крайней мере, это происходило быстро. С Энди все не так, все хорошо, и ей очень хотелось, чтобы сейчас он был рядом. Шерл снова задрожала и, не в силах сдержаться, заплакала еще горше.

ЗИМА

Нью-Йорк находился на краю катастрофы. Вокруг каждого запертого склада собирались огромные толпы. Голодные, испуганные люди искали виновных в происходящем. Гнев побуждал людей бунтовать, хлебные бунты превратились в водяные, было разграблено все, что только можно. Полиция, хлипкий барьер

между злобным протестом и кровавым хаосом, боролась за порядок из последних сил.

Поначалу полицейские дубинки и ружейные приклады останавливали людей, но, когда это перестало помогать, для разгона толпы стали применять газы. Напряженность росла, поскольку люди, которых разгоняли в одном месте, тут же собирались в другом. Мощные струи воды из полицейских машин останавливали пытавшихся вломиться в участки социальной помощи, но машин не хватало, да и воды взять было неоткуда. Использовать речную воду запретил департамент здравоохранения: с таким же успехом можно было поливать людей ядом. Кроме того, вода была нужна и пожарным: в городе то и дело вспыхивали пожары. Часто их машины даже не могли проехать по перегороженным улицам, отчего приходилось делать долгие объезды. Иногда пожары распространялись так быстро, что к полудню все машины были в работе.

Первый выстрел раздался через несколько минут после полудня 21 декабря, когда охранник департамента социального обеспечения убил человека, который взломал окно продуктового склада на Томпкинс-сквер и пытался туда влезть. Это был первый, но далеко не последний выстрел. И отнюдь не последний убитый.

Некоторые районы, где царили беспорядки, удалось окружить сбрасываемой с воздуха проволокой-путанкой, но ее тоже не хватало, и, когда запасы кончались, вертолеты продолжали беспомощно кружить над беспокойными кварталами, выполняя роль воздушных полицейских наблюдательных постов и определяя места, где срочно необходимы подкрепления. Что, впрочем, тоже было бесполезно, потому что подкреплений не осталось: все работали, как на передовой.

После первой стычки уже ничто не могло произвести на Энди сильного впечатления. Остаток дня и почти всю ночь он вместе с остальными полицейскими занимался тем, что получал и раздавал удары, стремясь восстановить порядок на улицах раздираемого побоищем города. Передохнуть ему удалось лишь раз, когда он случайно надышался газа от собственной гранаты, но сумел пробраться к машине департамента здравоохранения, где ему помогли. Медик дал ему таблетку против выворачивающей все внутренности тошноты и промыл глаза. Энди лежал на носилках внутри машины, прижимая к груди шлем, гранаты и дубинку, и постепенно приходил в себя. На других носилках у двери фургона сидел водитель машины с карабином 30-го калибра, готовый отпугнуть каждого, кто проявит слишком живой интерес к машине и ее ценному содержимому. Энди совсем не хотелось вставать, но в открытую дверь сочился холодный туман, и

он начал дрожать так сильно, что у него застучали зубы. Он с трудом встал и выбрался из машины. Пройдя немного, Энди почувствовал, что ему стало немного лучше. И теплее. Нападавших уже отбили, и, морщась от запаха, пропитавшего его одежду, Энди направился к ближайшей группе людей в синей форме.

С этого момента усталость уже не оставляла его, в памяти сохранились только лица, искаженные криком, бегущие ноги, звуки выстрелов, визг, хлопки газовых гранат. Из толпы в него бросили чем-то тяжелым, и на руке остался огромный синяк.

К ночи пошел дождь, холодная морось вперемешку с мокрым снегом, и, видимо, вовсе не полиция, а погода и усталость прогнали людей с улиц. Но когда толпы рассеялись, полицейские обнаружили, что настоящая работа только начинается. Зияющие оконные проемы и выломанные двери необходимо было охранять до тех пор, пока их не починят, требовалось найти раненых и оказать им помощь. Пожарный департамент остро нуждался в подкреплениях для борьбы с бесчисленными пожарами. Продолжалось это всю ночь, и лишь утром, услышав свою фамилию в списке, прочитанном лейтенантом Грассиоли, Энди немного пришел в себя, когда он полусидел-полулежал на скамье в полицейском участке.

— Это все, что я могу вам позволить, — добавил лейтенант. — Перед уходом всем получить пайки и сдать снаряжение. Вернуться к 18.00, и никаких отговорок! У нас еще много дел.

Ночью дождь кончился. Длинные утренние тени покрыли городские улицы, и восходящее солнце отражалось золотым глянцем в мокром асфальте. Сгоревший ночью особняк все еще дымился, и Энди пришлось пробираться через обуглившиеся развалины. На углу Седьмой авеню валялись обломки двух раздавленных велотакси, с которых все, что только можно, уже кто-то поснимал. Чуть дальше, скрючившись, лежал человек. Сначала Энди почему-то подумал, что он спит, но, увидев его изуродованное лицо, понял, что его убили, и не стал останавливаться. Департамент санитарии его в любом случае сегодня подберет.

Первые «пещерные люди» выбирались из подземки, щурясь от солнечного света. Летом все смеялись над «пещерниками», для которых департамент социального обеспечения определил местом жительства станции давно прекратившего работать метро, но, когда наступили холода, веселье сменилось завистью. Может быть, там, внизу, грязно, пыльно и темно, но зато всегда работают несколько электрообогревателей. Не слишком шикарные условия, но по крайней мере департамент не дал им замерзнуть.

Энди свернул к своему дому. Поднимаясь по ступенькам, он несколько раз наступил на спящих, но от усталости не обратил

на это никакого внимания и даже не заметил их. Потом он долго не мог попасть ключом в замок. Сол услышал и открыл сам.

— Я только что приготовил суп, — сказал он. — Ты как раз вовремя.

Энди достал из кармана обломки растительных крекеров и высыпал их на стол.

— Ты украл продукты? — спросил Сол, откусывая маленький кусочек. — Я думал, кормежку не будут выдавать еще два дня.

— Полицейский паек.

— Что ж, справедливо. На голодный желудок с народом не очень-то повоюешь. Я кину немного в суп, пусть хоть что-то в нем будет. Надо полагать, ты вчера не смотрел телевизор и, видимо, не знаешь, что творится в конгрессе. Там такое начинается...

— Шерл уже проснулась? — спросил Энди, стащив с себя плащ и тяжело свалившись в кресло.

Сол помолчал и тихо ответил:

— Ее нет.

— Куда же она ушла так рано? — спросил Энди, зевая.

— Она ушла еще вчера, Энди. — Сол продолжал помешивать суп, стоя к Энди спиной. — Через пару часов после тебя. И до сих пор не возвращалась...

— Ты хочешь сказать, что она была на улице во время беспорядков? И ночью тоже? А ты что делал? — Он выпрямился, забыв про усталость.

— А что я мог сделать? Пойти искать ее, чтобы меня затоптали, как других стариков? Я уверен, с ней ничего не случилось. Она наверняка услышала про беспорядки и решила остаться у друзей, чтобы не возвращаться в такое время.

— Какие друзья? О чем ты говоришь? Я должен найти ее.

— Сядь! — велел Сол. — Где ты собираешься ее искать? Поешь супу и выспись — это самое лучшее, что ты можешь сделать. Все будет в порядке. Я знаю, — добавил он нехотя.

— Что ты знаешь, Сол? — Энди схватил его за плечо и повернул к себе лицом.

— Руки! — прикрикнул Сол, отталкивая его, и спокойным голосом сказал: — Я знаю, что она пошла не просто так, а с какой-то целью. На ней было старое пальто, но я заметил под ним шикарное платье. И нейлоновые чулки. Целое состояние на ногах! А когда она прошлась, я увидел, что она накрасилась.

— Что ты хочешь сказать, Сол?

— Я не хочу сказать, я говорю. Она оделась так, словно собралась в гости, а не за покупками. Может, она решила навестить кого-нибудь. Отца, скажем. Наверное, она у него.

— С чего это она к нему собралась?

— Тебе лучше знать. Вы ведь поссорились? Может, она решила пойти к нему, чтобы немного остыть.

— Поссорились... Да, пожалуй.

Энди снова упал в кресло и сжал голову руками. Неужели это было только вчера? Нет, позавчера, хотя ему казалось, что после того глупого спора прошло целое столетие. Впрочем, в последнее время они действительно ссорились слишком часто. Но неужели из-за этой последней ссоры?.. Он испуганно посмотрел на Сола.

— Она взяла с собой вещи? — спросил он.

— Только маленькую сумочку, — ответил Сол и поставил дымящуюся кастрюльку на стол перед Энди. — Ешь. Я себе тоже налью. — И добавил: — Она вернется.

Энди так устал, что решил не спорить, — да и что он мог сказать? Он машинально черпал ложкой суп, потом вдруг осознал, что очень голоден. Положив локти на стол и подперев голову рукой, он продолжал есть.

— Надо было слышать все эти речи вчера в сенате, — сказал Сол. — Ничего смешнее я в жизни не слыхал. Они пытаются протащить поправку о чрезвычайном положении. Хорошенькое чрезвычайное положение — оно у нас под носом уже лет сто. Надо было слышать, как они обсуждали всякие мелочи и даже не упоминали о крупных проблемах. — Его голос приобрел густой южный акцент: — «Перед лицом грозящих нам опасностей мы предлагаем обратить взор к а-а-агромным ресурсам этого величайшего элювиального бассейна, дельты самой могучей на свете реки Миссисипи. Дамбы плюс осушение плюс наука — и мы получим здесь самые богатые во всем западном мире сельскохозяйственные угодья!» Дыры пальцами затыкают... Они об этом говорили уже тысячу раз. Но упомянули они истинную причину для принятия поправки о чрезвычайном положении? Нет. Потому что даже через столько лет они боятся сказать об этом честно и прямо и прикрываются выводами и резолюциями.

— Ты о чем? — спросил Энди, слушая Сола вполуха: беспокойство о Шерл по-прежнему не оставляло его.

— О контроле над рождаемостью, вот о чем! Они наконец решились легализовать клиники, открытые для всех, семейных и холостых, и учредить закон, в соответствии с которым все матери должны быть информированы о средствах возможного контроля. Представляешь, какой шум поднимется, когда об этом услышат все наши пуритане-католики! А Папа, так тот вообще из штанов выпрыгнет!

— Давай об этом потом, Сол. Я устал. Шерл не сказала, когда вернется?

— Я же тебе...

Сол замолчал, прислушиваясь к звуку шагов, доносящихся из коридора. Шаги затихли, и послышался стук в дверь.

Энди первым выскочил в прихожую, повернул ручку и рывком распахнул дверь.

— Шерл! — сказал он. — С тобой ничего не случилось?

— Все в порядке.

Он обнял ее так крепко, что она чуть не задохнулась.

— Там такое творилось... Я не знал, что и думать, — сказал он. — Я сам только недавно вернулся. Где ты была? Что случилось?

— Просто хотела немного развеяться. — Она сморщилась. — Чем это пахнет?

Энди сделал шаг назад, борясь с пробивающимся сквозь усталость раздражением.

— Я наглотался рвотного газа, и меня вывернуло. Запах проходит не сразу. Что значит «немного развеяться»?

— Дай мне снять пальто.

Энди прошел за ней на другую половину комнаты и закрыл за собой дверь. Шерл достала из сумки туфли на высоком каблуке и положила их в шкаф.

— Я тебя спрашиваю.

— Ничего особенного. Просто я чувствовала себя здесь как в ловушке со всеми этими перебоями в энергоснабжении, холодом и со всем остальным... Тебя я почти не вижу, да еще после той ссоры осталось какое-то отвратительное чувство. Все было как-то не так. И я подумала, что если я приоденусь и пойду в какой-нибудь ресторан, где бывала раньше, выпью чашечку кофе или еще чего-нибудь, то, может быть, мне станет лучше. Настроение поднимется... — Она взглянула в строгое лицо Энди и отвела взгляд.

— И что потом? — спросил он.

— Я не на допросе, Энди. И почему такой обвиняющий тон?

Он повернулся к ней спиной и посмотрел в окно.

— Я тебя ни в чем не обвиняю, но тебя не было дома всю ночь. Как, ты полагаешь, я должен себя чувствовать?

— Ты же сам знаешь, что вчера творилось. Я боялась возвращаться. Я была в «Керлис»...

— В мясном ресторане?

— Да, но если ничего не есть, там недорого. Только еда дорогая. Я встретила людей, которых знала раньше, мы разговорились. Они собирались на вечеринку, пригласили меня с собой, и я согласилась. Мы смотрели по телевизору репортаж о беспорядках, все боялись выходить, и вечеринка продолжалась и продолжалась. — Она замолчала на секунду. — И все.

— Все? — Раздраженный вопрос был вызван темным подозрением.

— Все, — ответила Шерл, и голос ее стал таким же холодным.

Повернувшись к нему спиной, она принялась стягивать платье. Тяжелые слова лежали между ними, словно ледяной барьер. Энди упал на постель и отвернулся. Даже в такой крошечной комнате они чувствовали себя совершенно чужими друг другу людьми.

ВЕСНА

Похороны сблизили их гораздо больше, чем любое другое событие за всю долгую холодную зиму. День выдался непогожий, с порывистым ветром и дождем, но все же чувствовалось, что зима кончилась. Однако для Сола зима оказалась слишком долгой, его кашель перешел в простуду, простуда превратилась в пневмонию — а что остается делать старому человеку в холодной комнате без лекарств зимой, которая как будто и не собиралась кончаться? Только умереть. И он умер. Пока он болел, о ссоре позабылось, и Шерл ухаживала за Солом как могла, но один только хороший уход не вылечивает пневмонию. Похороны получились такими же короткими и холодными, как тот день. В сгущающейся темноте Шерл и Энди вернулись в свою комнату. Не прошло и получаса, как раздался частый стук в дверь. Шерл судорожно вздохнула.

— Посыльный. Как они могут? Ты же не должен идти сегодня на работу.

— Не волнуйся. Грасси не стал бы нарушать своего обещания в такой день. Кроме того, посыльный стучит по-другому.

— Может быть, это кто-то из друзей Сола, не успевших на похороны?

Она открыла дверь и, вглядываясь в темноту коридора, не сразу узнала стоящего там человека.

— Таб! Это ты, да? Входи, не стой на пороге. Энди, я рассказывала тебе про моего телохранителя. Про Таба...

— Добрый вечер, мисс Шерл, — бесстрастно произнес Таб, стоя в дверях. — Прошу прощения, но это не частный визит. Я на службе.

— Что такое? — спросил Энди, подходя к Шерл.

— Поймите, я не могу отказываться от работы, которую мне предлагают, — мрачно, без улыбки сказал Таб. — Я с сентября служу в отряде телохранителей, но перепадают только случайные заработки, постоянной работы нет, и приходится браться за все,

что предлагают. Если отказываешься от задания, попадаешь в конец списка. А мне семью кормить...

— Что ты имеешь в виду? — спросил Энди, заметив, что кто-то стоит в темноте позади Таба. Судя по шарканью ног, людей было несколько.

Из-за спины Таба раздался неприятный гнусавый мужской голос:

— Нечего его слушать! — Говоривший стоял позади телохранителя, и его почти не было видно. — Закон на моей стороне. И я уплатил тебе. Покажи ему ордер!

— Кажется, я понимаю, — сказал Энди. — Отойди от двери, Шерл. А ты, Таб, зайди, давай поговорим.

Таб двинулся вперед, и мужчина в коридоре попытался проскочить за ним.

— Не вздумай заходить без меня! — успел пронзительно крикнуть он, прежде чем Энди захлопнул дверь прямо перед его носом.

— Напрасно ты это сделал, — сказал Таб. На его крепко сжатом кулаке поблескивал кастет с шипами.

— Успокойся, — сказал Энди. — Я просто хотел поговорить сначала с тобой и узнать, что происходит. У него «сидячий» ордер, да?

Таб кивнул, глядя в пол.

— О чем это вы говорите? — спросила Шерл, обеспокоенно переводя взгляд с одного помрачневшего лица на другое.

Энди молчал.

— «Сидячий» ордер выдается судами тем, кто не может доказать, что им действительно необходимо жилье, — ответил Таб. — Их выдают немного и обычно только большим семьям, которых откуда-нибудь выселяют. С «сидячим» ордером человек имеет право искать себе свободную квартиру, комнату или еще какое-нибудь жилье. Это что-то вроде ордера на обыск. Но поскольку никто не любит, когда к ним вламываются чужие люди, и могут возникнуть всяческие неприятности, те, у кого есть «сидячий» ордер, обычно нанимают телохранителей. Поэтому я и пришел; эти, что стоят в коридоре, меня наняли. Их фамилия Беличер.

— Но что ты делаешь здесь? — спросила Шерл, все еще ничего не понимая.

— Этот Беличер из тех, кто ошивается у моргов и высматривает мертвецов. Но это одна сторона дела, — сказал Таб сдержанно. — Есть и другая: у него жена, дети, и им негде жить.

В дверь забарабанили, и из коридора донесся возмущенный голос Беличера. Поняв наконец, зачем пришел Таб, Шерл тяжело вздохнула.

— Ты им помогаешь, — сказала она. — Они узнали, что Сол умер, и хотят занять его комнату.

Таб молча кивнул.

— У нас еще есть выход, — сказал Энди. — Если здесь будет жить кто-нибудь из моего участка, эти люди не смогут вселиться.

Стук стал громче, и Таб шагнул к двери.

— Если бы здесь сейчас кто-нибудь жил, то все было бы в порядке, а так Беличер отправится в суд и все равно займет комнату, потому что у него семья. Я помогу вам, чем смогу, но Беличер мой работодатель.

— Не открывай дверь, — резко сказал Энди. — По крайней мере, пока мы не договорим.

— Я должен. Что мне еще остается? — Он расправил плечи и сжал кулак с кастетом. — Не пытайся меня остановить, Энди. Ты сам полицейский и знаешь закон.

— Таб, ну неужели ничего нельзя сделать? — спросила Шерл тихим голосом.

Он обернулся, глядя на нее несчастными глазами.

— Когда-то мы были хорошими друзьями, Шерл, и я это помню. Но теперь ты будешь обо мне не очень высокого мнения, потому что я должен делать свою работу. Я должен впустить их.

— А, черт! Открывай... — зло бросил Энди, отвернулся и пошел к окну.

В комнату ворвались Беличеры. Мистер Беличер оказался худеньким человечком с головой странной формы, почти лишенной подбородка, и с интеллектом, достаточным лишь для того, чтобы ставить подписи на заявках на социальную помощь. Строго говоря, семью обеспечивала миссис Беличер, из рыхлого чрева которой вышли все семеро детей, рожденных для того, чтобы увеличить причитающийся на долю семьи паек. Разумеется, им пользовались и родители. Восьмое чадо добавляло к ее похожей на ком теста фигуре лишнюю выпуклость. Впрочем, на самом деле этот ребенок был уже одиннадцатым, поскольку трое молодых Беличеров умерли из-за недосмотра и несчастных случаев. Самая старшая девочка — ей, должно быть, уже исполнилось двенадцать — держала на руках беспрестанно орущего, покрытого болячками младенца, от которого невыносимо воняло.

Остальные дети, вырвавшись из темного коридора, где они ждали в напряженном молчании, принялись кричать друг на друга все сразу.

— О, смотри, какой замечательный холодильник. — Миссис Беличер, переваливаясь, подошла к нему и открыла дверцу.

— Ничего не трогать, — сказал Энди, но тут Беличер потянул его за руку.

— Мне нравится эта комната: не очень большая, но симпа-

тичная. А здесь что? — Он двинулся к открытой двери в перегородке.

— Это моя комната, — сказал Энди и захлопнул дверь у него перед носом. — Нечего сюда соваться.

— Вовсе не обязательно вести себя так грубо, — сказал Беличер, отскакивая в сторону, словно собака, которую слишком часто бьют. — Я свои права знаю. По закону с ордером я могу осматривать все, что захочу. — Он отодвинулся еще немного, когда Энди сделал шаг в его сторону. — Я, конечно, верю вам на слово, мистер, я верю вам. А эта комната ничего, хороший стол, стулья, кровать...

— Это мои вещи. Но даже без вещей комната очень мала. На такую большую семью тут не хватит места.

— Ничего, хватит. Мы жили в комнатах и поменьше...

— Энди, останови их! Посмотри...

Резкий выкрик Шерл заставил Энди обернуться, и он увидел, что двое мальчишек нашли пакеты с травами, которые так старательно выращивал на подоконнике Сол, и вскрыли их, решив, очевидно, что там что-то съедобное.

— Положите на место! — закричал Энди, но, прежде чем он приблизился, они успели попробовать содержимое и тут же выплюнули.

— Я обжег рот, — заорал тот, что был постарше, и высыпал содержимое пакета на пол.

Второй мальчишка принялся, подпрыгивая, высыпать травы из других пакетов. Они ловко уворачивались от Энди, и когда ему все-таки удалось остановить их, пакеты уже опустели.

Как только Энди отвернулся, младший мальчишка, все еще не угомонившись, влез на стол, оставляя на его поверхности грязные следы, и включил телевизор. Перекрывая вопли детей и крики матери, которые ни на кого не действовали, в комнату ворвалась оглушительная музыка. Таб оттащил Беличера от шкафа, когда тот открыл дверцы, желая посмотреть, что там внутри.

— Немедленно уберите отсюда детей! — приказал Энди, побелев от ярости.

— У меня «сидячий» ордер. Я имею право! — выкрикнул Беличер, пятясь и размахивая кусочком пластика, на котором было что-то написано.

— Мне нет дела до ваших прав, — сказал Энди, распахивая дверь в коридор. — Но продолжать разговор мы будем, только когда вы уберете отсюда свое отродье.

Таб разрешил спор, схватив ближайшего к нему мальчишку за воротник и вышвырнув его за дверь.

— Мистер Раш прав, — сказал он. — Дети могут подождать в коридоре, а мы тем временем закончим наши дела.

Миссис Беличер тяжело села на постель и закрыла глаза, словно все это ее не касалось. Мистер Беличер отступил к стене, бормоча что-то, чего никто не расслышал или не потрудился расслышать. После того как последнего ребенка выпихнули в коридор, оттуда донеслись крики и обиженное всхлипывание. Обернувшись, Энди увидел, что Шерл ушла в их комнату, и услышал, как щелкнул в замке ключ.

— Надо понимать, что сделать ничего уже нельзя? — спросил он, пристально глядя на Таба.

— Извини, Энди. — Телохранитель беспомощно пожал плечами. — Честное слово, мне жаль. Но что я могу сделать? Таков закон, и они могут оставаться здесь, если захотят.

— Закон, закон, — поддакнул Беличер.

Сделать действительно ничего было нельзя, и Энди усилием воли заставил себя разжать кулаки.

— Ты поможешь мне перетащить вещи, Таб?

— Конечно, — сказал Таб, хватаясь за другую сторону стола. — Объясни, пожалуйста, Шерл мою роль во всем этом. Ладно? Я думаю, она не понимает, что это работа, которую я должен выполнять.

Высушенная зелень и семена, рассыпанные по полу, хрустели под ногами при каждом шаге. Энди молчал.

Расследование

Капитан Рисби, коренастый, широкоплечий, сидел за своим письменным столом, словно вырос на этом месте. От него исходило ощущение силы и решительности, что полностью соответствовало действительности, а также медлительности и глупости, что было совершенно обманчивым. Сейчас, почесывая голову с коротко остриженными седыми волосами толстым указательным пальцем, он выглядел каким-то особенно тупым.

— Если бы я знал, какова цель вашего расследования, почтенный сэр Питеон, я сумел бы принести вам значительно больше пользы...

Худой альбинос, сидевший напротив, резко прервал попытку капитана узнать что-то.

— Здесь я занимаюсь порученным мне делом — мне, а не вам. Вы обязаны помочь мне, не задавая никаких вопросов. Когда придет время, вам сообщат о цели моего приезда. Подчеркиваю — когда придет время, — сейчас мне не до этого. А пока помогите мне. Прежде всего — вы можете организовать для меня посещение королевского дворца, не возбуждая подозрений относительно моего визита?

Почтенный сэр Джордж Суваров Питеон не любил пользоваться своим высоким положением, однако в данном случае это оказалось необходимо. При исполнении обязанностей ему приходилось прибегать к этому, поскольку иногда обстоятельства требовали проявления властности и высокомерия, равно как при осмотре изуродованных до неузнаваемости трупов — одной из неприятных обязанностей сэра Питеона. Он выбрал подобный тон для разговора с капитаном Рисби не из чувства гнева, а потому, что так подсказал ему опыт. Только таким способом можно подчинить себе упрямых выходцев с планеты Такора, у которых почти полностью отсутствует воображение. Эти люди были самыми преданными солдатами империи — и требовалось принимать во внимание их уважение к общественному положению и редкостное чинопочитание. Разговаривая таким образом с капитаном Рисби, сэр Питеон сразу расставил все по своим местам — как по своим личным качествам, так и по занимаемому положению он намного превосходил собеседника. Отныне его взаимоотношения с капитаном Рисби и его подчиненными будут хорошими.

Говоря по правде, резкий тон сановника не оскорбил капитана Рисби. Он сделал попытку оспорить авторитет сэра Питеона, и теперь оба знали, как им относиться друг к другу. Беловолосый мужчина, сидевший напротив капитана, был одним из тех, кто сохранял порядок в империи и не давал ей развалиться. Капитан с готовностью исполнит все его приказы. Сэр Питеон не принадлежал к числу розовоглазых паразитов, живших за счет других. Когда наступит время, приехавший сановник сообщит ему о цели приезда, а пока капитан проявит терпение.

Капитан Рисби не сказал, что догадывается о цели приезда сэра Питеона. Королевский дворец — именно здесь таилась разгадка тайны. Слегка повернув свое кресло, он видел его над крышами казарм, на вершине холма за пределами города. Странное сооружение, целиком покрытое керамическими плитками, перекрывающими одна другую, каждая нежно-голубого цвета. Похож на сахарный замок. Создавалось впечатление, что стоит его как следует пнуть — и замок рассыплется на тысячи обломков.

— Вы сможете попасть во дворец безо всякого труда, почтенный сэр, — произнес капитан. — Как только ваше имя и звание станут известны королевской семье, вас сразу пригласят туда. Нашу заброшенную планету редко посещают такие знатные люди, поэтому приглашение последует немедленно. Если хотите, я бы мог... — Он не договорил, дав возможность сэру Питеону самому принять решение.

Сановник продемонстрировал, что ничуть не сердится на командира гарнизона, и кивнул.

— Отложим это на более позднее время. Сначала мне хотелось бы кое-что выяснить. Мне понадобится ваша помощь, но никто не должен об этом знать. До тех пор пока не наступит подходящий момент, лишь один вы будете в курсе, что я веду расследование.

— Слушаюсь, сэр Питеон. Я буду исполнять все ваши приказы.

Капитан выпрямился и щелкнул каблуками. Сэр Питеон вышел из кабинета начальника гарнизона.

Кэй ждал его на середине казарменной площади, массивный и приземистый, похожий на дубовый пень. Даже коренастые солдаты с Такоры были выше его ростом, потому что сила притяжения на их планете, в полтора раза превышавшая земную, оказала малозаметное влияние на строение их тел. А вот Кэю четырехкратное земное притяжение казалось нормальным; безжалостный генетический отбор превратил его и всех его соплеменников в массивные невысокие фигуры, состоявшие сплошь из костей, мышц и сухожилий. Физическая сила Кэя была поразительна.

В походке сэра Питеона не было заметно спешки; казалось, он шел без определенной цели. Рассеянность и дилетантизм имперской знати были общеизвестны и потому представляли собой великолепное прикрытие для действий следователя. Проходя мимо Кэя, он громко щелкнул пальцами. Приземистый мужчина подбежал к нему удивительно быстро.

— Ну, что тебе удалось узнать? — спросил сэр Питеон, не глядя на Кэя.

— Все, что нужно, Джорджи, все, что нужно, — пробормотал Кэй низким голосом. — Пока служащий отсутствовал, я успел снять копию всего дела.

Кэй работал с почтенным сэром Питеоном еще с того времени, когда перед именем его начальника не было титула «сэр». Дружеские отношения между ними служили бы предметом зависти многих — если бы о них кто-то знал.

— Значит, тебе уже известно имя преступника? — Питеон широко зевнул.

Подслушать их разговор было невозможно, и они поддерживали видимость беседы хозяина и слуги, чтобы обмануть тех, кто решит наблюдать за ними издалека.

Кэй низко поклонился и пробурчал в ответ:

— Я знаю свое дело, старый приятель, но не настолько хорошо. Мы высадились на этой планете, где сила притяжения ничтожна, всего два часа назад. За это время я успел снять копии

расследования, показаний свидетелей, мнений экспертов — словом, все. Для первого шага неплохо.

— Тогда настало время сделать второй, — произнес сэр Питеон, направляясь к выходу. — Начнем теперь от ворот королевского дворца.

Кэй поспешил за ним, быстро семеня короткими мощными ногами.

Через несколько минут они подошли к воротам королевского дворца. Прохожих на улицах было немного, к тому же у местных жителей — андриаданцев — почти отсутствовал интерес к происходящему вокруг. Они уступали дорогу беловолосому землянину, но делали это чисто автоматически, шагая в сторону длинными, похожими на ходули ногами.

— Орясины! — пробормотал Кэй, оскорбленный удивительной длиной их ног и худобой.

Любой из местных жителей мог перешагнуть через него, даже не обратив на это внимания.

Свои записи Кэй держал в путеводителе по столице Андриады. Казалось, он читает строки книги, кивая в сторону стены дворца, покрытой нежно-голубыми пластинами.

— Это — главные ворота, те самые, из которых выехал автомобиль. Судя по журналу привратника, это произошло ровно в 21.35. Затем автомобиль свернул на улицу, что позади нас.

— И в машине, кроме водителя, сидел один принц Мелло? — спросил Питеон.

— Водитель утверждает, что принц был в машине один. Таковы же показания привратника. Один шофер, один пассажир.

— Хорошо. И куда они поехали дальше?

Питеон направился вдоль по улице.

— Вот до этого угла, — пробормотал Кэй, делая жест в сторону абстрактной керамической конструкции, украшенной колокольчиками, висящей у здания. Колокольчики раскачивались, издавая звон. — Здесь принц крикнул: «Стой!», и водитель нажал на тормоза. Еще до того как автомобиль полностью остановился, принц открыл правую дверцу, выпрыгнул из машины и побежал по этому проходу.

Они последовали вдоль прохода, по которому побежал несчастный принц год назад. Кэй смотрел в путеводитель и шел вперед в соответствии со своими записями.

— Принц выскочил из автомобиля, не оставив указаний водителю. Назад он тоже не вернулся. Прошло несколько минут, и водитель забеспокоился. Он вышел из машины и пошел по тому же проходу — вот до этого маленького перекрестка — и нашел принца лежащим.

— Принц был мертв — удар ножом в сердце. Он лежал здесь

один, залитый кровью, — добавил Питеон. — Никто не видел и не слышал, что произошло, и никто не имеет ни малейшего представления о случившемся.

Он медленно повернулся, глядя по сторонам. Здания, окружающие перекресток, выходили сюда задними стенами, и лишь несколько дверей виднелось в них. Не было видно ни одного прохожего. От крошечной площади уходили две улицы.

Послышался скрип несмазанной двери, и Питеон мгновенно обернулся. Одна из дверей приоткрылась, и в щели показалась фигура высокого андриаданца, который мигая смотрел на него. На мгновение их взгляды встретились. Затем местный житель сделал шаг назад и закрыл дверь.

— Интересно, эта дверь заперта? — поинтересовался Питеон.

Кэй не упустил ничего из происшедшего. Он мгновенно поднялся по двум ступенькам и нажал плечом на дверь. Она затрещала, но не поддалась.

— Надежный замок, — заметил Кэй. — Может быть, нажать посильнее?

— Пока не надо. Подождем с этим. Не исключено, что дверь не имеет никакого отношения к убийству принца.

Они вернулись к дворцу другим путем, наслаждаясь теплом золотистого вечера. Андриадское солнце ярко сияло на небе, заливая все вокруг желтыми лучами. Керамические стены зданий отбрасывали нежно-пастельный свет на улицы. Воздух, напитанный ароматом цветов, негромкий городской шум, доносящийся словно издалека, — все это создавало мирную атмосферу, которая казалась им необычной после рева машин в центральных мирах империи.

— Никогда бы не подумал, что здесь может произойти убийство, — еле слышно пробормотал Кэй.

— И я придерживаюсь такой же точки зрения. Но ты уверен, что эти люди такие добродушные, как кажется с первого взгляда? Знаю, их считают мирными и спокойными. Тихие, законопослушные аграрии, ведущие жизнь, полную исключительной нежности и домашнего уюта. Действительно ли они таковы — или у них существует скрытая тенденция к насилию?

— Вроде той приятной старой дамы, хозяйки пансионата на Вестериксе-4, — вспомнил Кэй. — Той самой, что прикончила семьдесят четыре постояльца, прежде чем нам удалось накрыть ее. А какой склад чемоданов оказался в подвале пансионата!..

— Не надо совершать ошибку и искать сходство между двумя преступлениями, опираясь только на похожие обстоятельства. Множество планет — вот как эта Андриада — оказались отрезанными от главного потока галактической культуры. У них появились свои традиции, характерные черты, особенности, о которых

нам ничего не известно. Если мы хотим успешно завершить дело, необходимо все это выяснить.

— Тогда почему бы не заняться подобными исследованиями прямо здесь? — Кэй ткнул большим пальцем в сторону ближайшего ресторана, где вокруг мирно плещущего фонтана были расставлены столики и стулья. — Мне ужасно хочется пить.

Андриадское пиво оказалось холодным и великолепным на вкус. Его подали в больших керамических кружках. Усевшись за стол напротив Питеона — здесь их никто не знал, и не было никакой необходимости продолжать притворяться хозяином и слугой, — Кэй осушил кружку едва ли не одним глотком. Затем он громко стукнул пустой кружкой по столу и, потребовав новую порцию, что-то сердито забормотал под нос, наблюдая, как длинноногий официант медленно подходит и ставит на стол две полные кружки. На сей раз Кэй не спешил и с наслаждением пил пиво маленькими глотками, оглядываясь по сторонам.

— Смотри, посетителей почти нет, — заметил он. — Не сомневаюсь, что кухня работает, — я чувствую доносящийся оттуда запах. Давай попробуем местную стряпню. Армейский харч все еще сидит у меня в желудке после завтрака — мой организм отказывается его переваривать.

— Заказывай, если хочешь, — ответил Питеон, глядя на улицу через резную деревянную перегородку. — Впрочем, местная пища вряд ли тебе понравится. Если ты еще не прочитал в путеводителе, напоминаю тебе, что андриаданцы едят исключительно вегетарианскую пищу.

— Значит, никаких бифштексов? — застонал Кэй. — Если бы я не умирал с голода, то даже не подумал бы прикоснуться к местной жратве. Заказывай уж сам — если ты сможешь есть здесь, я тоже выдержу.

Питеон предоставил выбор блюд официанту — тот принес и поставил на стол большой поднос с тарелками самой странной формы. Их содержимое отличалось запахом и внешним видом, но вкус еды был одинаковым.

— Совершенно безвкусно, — пробурчал Кэй и посыпал все блюда слоем сухой приправы.

Затем принялся за еду, поглощая одно блюдо за другим, надеясь компенсировать качество количеством. Питеон ел медленно, наслаждаясь разнообразием запахов.

— У различных блюд свое очарование, — заметил он. — Однако их аромат очень тонок, ничего резкого вроде лука или чеснока. Если постараться, начинаешь понимать местные вкусы.

— Ужасно! — фыркнул Кэй, отодвигая от себя пустые тарелки и громко рыгая.

Теперь его внимание привлекла ваза с экзотическими фруктами.

...Крик не был особенно громким или страшным. Скорее он оказался неожиданным и удивительно не соответствовал мирной атмосфере, царившей в городе. Внезапный дикий вопль рассек негромкие разговоры, доносящиеся с улицы, и деликатную музыку керамических колокольчиков, раскачиваемых ветром. Кэй едва не подавился куском чего-то похожего на грушу, но вкусом напоминавшего дыню. Стеклянный нож выпал из его руки и разбился о каменный пол — тут же в этой руке появился черный пистолет. Питеон сидел неподвижно, как статуя. Он только следил за происходящим.

Официанты и посетители с быстротой, необычной для андриаданцев, сгрудились у деревянной решетки, отделяющей ресторан от улицы. На тротуарах вокруг оказалось множество людей, заполнивших обе стороны улицы. Все смотрели в одном направлении: на лицах застыло выражение ожидания, смешанного со страхом.

— Что здесь происходит? — спросил Кэй.

Пистолет уже исчез под рубашкой, но Кэй все еще посматривал по сторонам с настороженностью дикого зверя. Снова послышался вопль — на этот раз ближе и громче. Было ясно, что его издает какое-то животное.

— Скоро узнаем, — ответил Питеон. — Смотри, вот и они.

Множество людей тянули за канаты, привязанные к большой деревянной клетке, другие толкали бревна, прикрепленные к ней. Клетка двигалась очень медленно, раскачиваясь на длинных деревянных полозьях, — в этом было что-то необычное, ведь весь транспорт на Андриаде передвигался на колесах. Устройство клетки, а также испуганное выражение лиц зрителей, взгляды которых были прикованы к странному зрелищу, свидетельствовали о том, что происходит важное событие.

Внутри клетки находилось животное — пятнистый хищник с огромными клыками и острыми когтями, он превосходил размерами земного льва. Хищник расхаживал по клетке, озадаченно глядя на зевак. Он снова открыл пасть и издал страшный рев. По толпе андриаданцев пробежала дрожь.

— Что это за зверь? — спросил Питеон стоявшего рядом официанта.

— Ссинд, — произнес тот и вздрогнул.

— Что с ним собираются делать?

Судя по всему, это был неудачный вопрос, потому что андриаданец изумленно посмотрел на землянина, затем покраснел, что-то пробормотал и отвернулся.

— Заплати по счету, — велел Питеон Кэю, — и пошли за

клеткой. Думаю, мы будем свидетелями того, о чем уж точно не упоминается в путеводителях.

Рев ссинда, глухо доносившийся издалека, отдавался эхом в опустевших улицах. Когда Питеон и Кэй догнали медленно движущуюся клетку, та уже почти достигла места назначения — широкого поля чуть ниже королевского дворца. Клетку втащили на возвышение, и ее окружили люди с веревками в руках. Пробиться поближе оказалось совсем нетрудно, потому что местные жители были, казалось, поглощены одновременно любопытством, смешанным с ужасом, и отвращением. Здесь и там в толпе виднелись большие просветы, а сама толпа непрерывно двигалась и перемещалась, словно в непрерывном броуновском движении. У самого возвышения было пусто — никто не решался подойти близко к клетке. Питеон и Кэй встали в первый ряд и стали наблюдать, как странная церемония приближалась к развязке.

Паутина прочных веревок теперь удерживала ссинда внутри клетки и не давала ему двигаться. Когда наброшенная на шею зверя петля подняла вверх его голову, обнажив горло, он издал рев, полный ужаса. Происходящее казалось Питеону совершенно бессмысленным.

— Смотри! — прошипел Кэй. — Человек в белой рубашке. Ты помнишь его по фотографиям?

— Да, это король, — кивнул Питеон. — Все интереснее и интереснее.

С возвышения не доносилось ни единого слова; события развивались с удивительной быстротой. Не прошло и тридцати секунд, как все закончилось. Король посмотрел на толпу и опустил голову. Тысячи зрителей кивнули в ответ. Затем король повернулся и взял из рук служителя нож. Молниеносным движением он вонзил нож в середину шеи хищника, обвязанной белой тканью.

По толпе пронеслась немая дрожь. Казалось, тысячи зрителей одновременно вздохнули. Связанный ссинд рванулся, пытаясь разорвать удерживавшие его веревки, издал последний ужасный рев, полный смертной боли, и рухнул на пол клетки. Король вытащил нож из горла хищника, и белая ткань на шее животного окрасилась в ярко-багровый цвет. Стоявший рядом с Питеоном зритель упал на колени, сотрясаясь в приступе рвоты.

И он оказался не единственным — отвращение и ужас охватили всю толпу. Среди зрителей было всего несколько женщин, и все они упали в обморок при виде страшного зрелища. Немало мужчин последовали их примеру. Друзья и знакомые поспешно выносили их из толпы.

Поле опустело с подозрительной быстротой, даже король и придворные поспешили уйти. Не прошло и минуты, как на поле

остались лишь два пришельца из другого мира и клетка с мертвым зверем.

— Черт меня побери! — изумленно воскликнул Кэй. — Я не вижу в случившемся ничего страшного. Мне приходилось видеть и более ужасные сцены. Помню, однажды...

— Избавь меня от своих мрачных воспоминаний, — прервал его Питеон. — Я уже слышал их много раз. А ты прав. Я тоже не вижу в происшедшем ничего особенно страшного — зверю даже шею обернули белой тканью, чтобы закрыть рану.

Он подошел к клетке и задумчиво посмотрел на мертвого ссинда, избавленного точным ударом ножа от мирских страданий.

— Но что все это значит? — спросил Кэй.

— Придется выяснить. Нам происшедшее кажется бессмысленным, однако для местных жителей оно имеет, по-видимому, огромное значение. Давай вернемся на базу и поговорим с Рисби. Он прибыл сюда девять лет назад и не может не знать, в чем дело.

— Значит, вам удалось раскопать местный секрет, — заметил капитан Рисби. — Мне трудно сказать, гордятся они этим или стыдятся. Как бы то ни было, они не мешают зрителям наблюдать за происходящим, хотя решительно возражают против рекламы или какого-либо официального внимания. На протяжении девяноста шести лет оккупации планеты мы старались не обращать на эту странную традицию никакого внимания.

— Может быть, это нечто вроде религиозной церемонии? — спросил Питеон.

— Вполне возможно, достопочтенный сэр. Как-то здесь оказалась антропологическая экспедиция, проявившая к ритуалу немалый интерес, и вскоре мы получили официальную просьбу удалить ее с Андриады. Так вот, один из антропологов рассказал мне, что церемония была исторической необходимостью, которая затем превратилась в ритуал изгнания нечистой силы.

— Каким образом?

— Я не знаю, насколько хорошо вы знакомы с историей этой планеты, достопочтенный сэр Питеон... — Рисби заколебался, не решаясь продолжать.

— Ради великой императрицы, расскажите нам обо всем, капитан! — рявкнул Кэй. — Если вам кажется, что у сэра Питеона достаточно времени, чтобы изучать историю каждой планеты, входящей в состав империи, — особенно такой отдаленной, как ваша, — уверяю вас, вы ошибаетесь. Он знает лишь то, о чем я сообщаю ему, потому что мне приходится заниматься практической стороной расследований и вести записи. На его долю вы-

падает одно — решение проблемы. Нам почти ничего не известно о вашем обломке скалы, летающем в космосе, — мы прибыли сюда сразу после завершения предыдущего расследования и не успели ознакомиться с архивами.

— Тогда вы извините меня за короткое вступление, — равнодушно произнес капитан Рисби, сознавая свое положение в иерархии и отношение к этим двум пришельцам. — Ранняя история Андриады малоизвестна, но нет сомнений в том, что после заселения планета прошла период простой аграрной экономики. Это был почти каменный век, поскольку на Андриаде нет тяжелых металлов. Если бы достопочтенный сэр счел необходимым заняться изучением антропологии, он бы узнал, что среди различных теорий эволюции человека на Земле есть одна, согласно которой человеку нужны были длинные ноги для того, чтобы скрываться, убегать от хищников. На этой планете это и случилось. На Андриаде нет высоких гор или обширных лесов; планета представляет собой идеальное место обитания для травоядных. Вы уже обратили внимание на гигантские стада, пасущиеся на лугах? Разумеется, как часть экологической системы здесь должны быть и хищники. Среди них почти доминировал один вид — те самые ссинды, представителя которых вы видели сегодня.

— Но люди намного более опасные хищники, — заметил Кэй. — Следовательно, они истребили ссиндов и стали питаться травоядными сами?

— Как раз наоборот. Они убегали от ссиндов вместе с остальными животными. — Кэй презрительно фыркнул, однако остальные двое не обратили на него внимания. — Жители этой планеты стали вегетарианцами — и остаются ими сегодня. Период собирательства и бегства от хищников продолжался, должно быть, длительное время.

— Но он не был вечным, — прервал его Питеон, — в противном случае этот город так и не был бы построен. Рано или поздно андриаданцы должны были остановиться и избрать иной способ борьбы с хищниками.

— Разумеется. Они обнаружили, что ссиндов можно ловить живьем, заманивая в выкопанные в грунте глубокие ямы. К этому времени у них выработалось глубокое отвращение к лишению других живых существ жизни и им стало трудно убивать пойманных хищников. Нет, не трудно — невозможно. Но они сознавали, что существует еще более страшное преступление, чем убийство, — оставлять пойманных хищников в ямах, где они умирали бы от голода. И вот тогда Грем — предок нынешнего короля, основатель королевской династии, — убил пойманного ссинда. Таковы древние легенды, и в данном случае можно предположить, что они соответствуют действительности. Конечно, остальные

андриаданцы пришли в ужас при известии о том, что человек способен на такое злодейство, — но в то же время что-то болезненно притягивало их к нему. Грем быстро укрепил свою власть — по-видимому, он был самым сильным на планете — и передал ее своим детям, от которых и произошел правящий сейчас король Грем. Интересно, что королевское имя тоже передается по наследству.

— Не только имя — но и обязанности, — кивнул Питеон. — Все короли убивают ссиндов. И часто это случается?

— Всего несколько раз в году, когда ссинды совершают нападения на какой-нибудь из городов. Большинство не трогает людей и предпочитает охотиться за стадами травоядных. Пойманный ссинд перевозится в столицу, где его умерщвляют, как заведено. Профессор, который рассказал мне все это, утверждал, что убийство ссинда является также избавлением от злого духа, ритуалом. Король, защитник народа, уничтожает одновременно и символического, и реального дьявола.

— Похоже на правду, — задумчиво произнес Питеон. — Несомненно, это объясняет многое из того, что мы видели сегодня. Не считайте наши вопросы глупыми, капитан. Все на этой планете связано — тем или иным способом — с ведущимся расследованием. Полагаю, вы догадываетесь, почему я оказался здесь?

— Не уверен, но кое о чем я подумал... — вежливо пробормотал капитан Рисби.

— Мне поручено расследовать убийство принца Мелло.

— Да, конечно, убийство принца Мелло, — согласился капитан, не проявляя особого удивления.

— Расскажите мне о принце Мелло. Как его приняли на этой планете?

Капитан Рисби утратил значительную долю своего хладнокровия. Он что-то пробормотал, внезапно воротничок мундира показался ему слишком тугим, и ему пришлось провести под ним пальцем.

— Говорите погромче, капитан, — произнес сэр Питеон.

— Принц Мелло... как же, принц был, разумеется, благородным человеком, представителем императорской фамилии. Все восхищались и гордились им...

— Перестаньте молоть чепуху, капитан! — рявкнул Питеон, в первый раз по-настоящему рассердившись. — Я веду расследование и не пытаюсь восстанавливать никуда не годную репутацию никчемного человека и прожигателя жизни! Как вы думаете, почему особа императорской крови, восемьдесят второй кузен императрицы, оказался на такой заброшенной планете, как ваша, в таком медвежьем углу? Да потому, что интеллект погибшего принца едва был выше уровня слабоумного идиота —

он с трудом писал собственное имя. Из-за глупости и невероятного высокомерия он причинил империи больше неприятностей, чем целая армия республиканцев!

Лицо и шея Рисби густо покраснели. Он выглядел словно бомба, готовая взорваться, и Питеон пожалел его.

— Вам все это известно, капитан, — или, по крайней мере, вы подозревали это, — произнес он более спокойным тоном. — Вы не можете не понимать, что если империя должна процветать и дальше — а мы оба хотим, чтобы она процветала, — необходимо как-то избавиться от неприятных последствий узкородственного инбридинга, влияющего нередко на умственные способности последующих поколений. Смерть принца Мелло была скорее благословением, чем трагедией. Но обстоятельства его гибели дурно влияют на императорскую фамилию, и потому их нужно расследовать. Вы провели немало лет на воинской службе и не можете не знать этого, капитан. А теперь расскажите мне, чем занимался принц на этой планете.

Капитан Рисби открыл рот, но не смог произнести ни единого слова — преданность боролась в нем с честностью. Питеон с уважением относился к подобным чувствам, зная, насколько редко они встречаются, и решил разговаривать со старым воином мягко, постараться убедить его.

— Поверьте мне, капитан, обсуждение недостатков членов императорской фамилии не будет преступлением, потому что никто не сомневается в вашей лояльности. Со мной вы можете разговаривать совершенно откровенно.

Питеон поднес руку к одному глазу, и, когда убрал ее, капитан увидел, что радужная оболочка глаза стала коричневой и резко контрастировала с розовым альбинизмом другого глаза. Рисби вздрогнул от изумления.

— Широко известно, — заметил Питеон, — что наградой за особо выдающиеся заслуги является включение в императорскую фамилию. Императрица высоко оценила мои заслуги в расследовании преступлений и службе в полиции и, будучи воплощением доброты, произвела меня в рыцари. Вместе с дворянским званием присваивают честь королевского альбинизма. Мне сделали операцию, которая изменила окраску кожи и даже генетический код, поэтому дарованное мне почетное звание будет передаваться по наследству. Но у меня нет времени на глазную операцию — пришлось бы провести несколько месяцев в постели, — поэтому я вынужден носить контактные линзы. Так что, капитан, я наполовину принадлежу к одному миру, наполовину к другому. Прошу вас быть со мной откровенным. Итак, расскажите мне о принце Мелло.

Рисби быстро пришел в себя, с решительностью, свойственной профессиональному военному.

— Благодарю вас, сэр Питеон, за проявленное доверие. Надеюсь, теперь вы поймете, что, говоря о... непопулярности принца Мелло на Андриаде, я совсем не хотел оклеветать его или распустить вредные слухи...

— Вы считаете, что «непопулярность» — самое резкое слово, характеризующее отношение местного населения к принцу Мелло?

— Ну... пожалуй, будет правильнее сказать, что принц Мелло вызывал у жителей столицы омерзение. Мне больно говорить об этом, но такова правда. Мои солдаты чувствовали отношение местного населения к принцу, и только строжайшая дисциплина сдерживала их. Принц насмехался над местными обычаями, не обращая ни малейшего внимания на чувства жителей планеты, вмешивался в дела, к которым не имел отношения, и в общем можно сказать, он...

— Все время ставил себя в дурацкое положение?

— Так точно. Андриаданцы терпели его присутствие здесь лишь из-за знатного происхождения и близости к королевской семье. Он часто бывал во дворце короля. Принц Мелло ухаживал за дочерью короля Грема, принцессой Мелиной, и мне известно, что она отвечала ему взаимностью. Его смерть так повлияла на принцессу, что она слегла и провела в постели несколько недель. Я сам навестил ее и выразил соболезнования от имени императрицы. Она была потрясена и все время плакала.

— Значит, в королевском дворце все было спокойно? — спросил сэр Питеон.

— Да, у меня создалось такое впечатление. Король Грем — очень сдержанный человек, и трудно сказать, какие чувства он испытывал. Но если он не поощрял отношений принцессы и принца Мелло, то, по крайней мере, не предпринимал никаких шагов, чтобы помешать их роману.

— А как относительно города? — вмешался Кэй. — Может быть, у принца Мелло появились враги? Или он играл в азартные игры? Посещал девушек с дурной репутацией? Ему никто не угрожал?

— Ну что вы! — негодующе воскликнул Рисби. — У принца имелись недостатки, но он был все-таки знатного рода! Он редко появлялся в городе, и уж конечно у него не было знакомых.

— И все-таки он с кем-то встречался в городе, — заметил Питеон. — Кого-то принц знал настолько хорошо, что узнал бы в темноте из движущегося автомобиля. Выскочил из него и бросился навстречу, даже не думая, что подвергает риску свою жизнь. И этот человек, по-видимому, убил его. Мне нужны све-

дения о том, чем занимался принц за пределами королевского дворца. Может быть, он бывал в городе, и вы ничего не знали об этом. У вас есть платные осведомители? Надежные, на которых я мог бы положиться?

— Разведывательный отдел может представить более подробную информацию, хотя вряд ли она вам понадобится. У нас есть один осведомитель, никогда нас не подводивший. Всего один, к сожалению. Он любит только деньги, и мы хорошо ему платим. Он расскажет вам обо всем. Вот только придется идти к нему, потому что он не хочет, чтобы его видели рядом с расположением нашего гарнизона.

— Как его зовут?

— Беспалый. У него изуродована одна рука, изуродована от рождения. И весьма необычно — на ней лишь один палец. Этому человеку принадлежит дешевый отель и пивной бар в старом городе. Я распоряжусь, чтобы для вас подготовили соответствующую одежду, и пошлю с вами своего человека.

Никакое переодевание не помогло бы Кэю стать неузнаваемым, поэтому ему пришлось остаться на базе. Он ворчал, глядя, как Питеон переодевается в свободные одежды такоранского торговца. Сотрудник разведывательного отдела капитан Лангруп поправил складки профессиональным жестом.

— Через этот город проходит немало торговцев, — заметил он, — так что появления еще двух никто не заметит. Многие купцы останавливаются в гостинице Беспалого, таким образом, у нас будет превосходная крыша.

— Ты не забыл вызывающее устройство — так, на всякий случай? — спросил Кэй, извлекая из кармана небольшой высокочастотный приемник.

Питеон кивнул и протянул вперед руку с замысловатым кольцом. Когда он нажал на камень и повернул его, из приемника донесся пронзительный вой. Его тон повышался и понижался по мере того, как Кэй менял угол антенны направленного действия.

— Сомневаюсь, что это нам понадобится, — заметил Питеон. — Мы просто отправляемся в город за информацией и не подвергаемся никакой опасности.

— Так ты говорил и на Серви-4, — фыркнул Кэй, — а потом провел четыре месяца в госпитале. На этот раз я буду поблизости и в случае чего прибегу спасать тебя.

...Идя по улицам старого города, Питеон и капитан, начальник разведывательного отдела, даже не замечали коренастой фигуры, следующей за ними как тень. Кэй был опытным полицейским и не упускал их из виду даже в узких извилистых переулках,

временами походивших на темный лабиринт. Когда Лангруп свернул в неосвещенный проход, Питеон уже полностью утратил ориентировку и не представлял, где находится. Узкий проход оказался боковым входом в пивную.

Это был плохо освещенный зал, в котором пахло едким дымом наркотической травки, заменявшей табак местным жителям, и пролитым пивом. Лангруп заказал две кружки лучшего пива, и Питеон внимательно посмотрел на мужчину, который поставил кружки на стол. Его кожа была желтовато-бледной и сморщенной и висела на тонких костях андриаданского тела, делая хозяина пивной похожим на ходячий скелет. То ли в результате несчастного случая, то ли с рождения на левой руке остался всего один — указательный — палец. Впрочем, он казался очень сильным, и мужчина умело пользовался им.

— У нас есть товары, которые могут представить для тебя интерес, — негромко произнес Лангруп. — Хочешь посмотреть?

Беспалый что-то буркнул и стал озираться по сторонам.

— Они не слишком дорогие? — спросил он наконец, водя единственным пальцем по поверхности стола, словно ожидая денег.

— Не беспокойся, ты останешься доволен.

Лангруп откинул полу плаща и показал туго набитый бумажник, висевший на поясе. Беспалый снова что-то буркнул и отошел от стола.

— Отталкивающий тип, но дает ценную информацию, — сообщил Лангруп. — Допивайте пиво, сэр Питеон, и следуйте за мной.

Они направились по коридору к главному выходу, но в середине прохода свернули в боковую дверь и молча, стараясь не шуметь, поднялись по лестнице на второй этаж. Там Лангруп вошел в маленькую комнату. Через несколько минут появился осведомитель.

— За информацию надо платить, — сказал он, усаживаясь за стол, и единственный палец на искалеченной руке принялся царапать поверхность стола, как маленькое животное, ждущее подачки.

Лангруп выложил на стол перед ним десять прозрачных монет.

— Расскажи нам о принце Мелло, — потребовал он. — Принц приезжал сюда, в город?

— Много раз. В своем автомобиле. По дороге во дворец или в загородное имение...

— Не пытайся увильнуть от четкого ответа! — резко бросил Лангруп. — Мы платим только за факты, конкретные факты. Приезжал ли он в твое заведение? Ездил ли по другим адресам в

городе? Может быть, у него были друзья, которых принц навещал... или девушки?

Беспалый издал сухой резкий смешок.

— Девушки? Да какая из них выдержит запах мужчины, пахнущего хуже ссинда? Однажды принц приехал в мое заведение, после чего мне пришлось провести полную дезинфекцию первого и второго этажей. А он еще заявил, что у меня здесь дурно пахнет! Он побывал у меня, навещал другие заведения и никогда не приезжал во второй раз. У него здесь не было друзей... — андриаданец прикрыл глаза, — ...или врагов.

— Что значит «пахнет хуже ссинда»? — недоуменно спросил Питеон капитана.

— Это местное убеждение, — ответил Лангруп, не обращая внимания на осведомителя, словно тот был частью мебели в комнате. — И я не знаю, соответствует оно действительности или нет. Андриаданцы считают, что все, кто прилетает сюда из других миров, пахнут подобно ссинду — это местный хищник. Утверждают, что не могут слишком долго находиться рядом с ними. У Беспалого сейчас, наверно, тампоны в носу.

— Это правда? — повернулся к осведомителю Питеон.

Беспалый не ответил, только ухмыльнулся и откинул назад голову. Длинный палец постучал по ноздре, в глубине которой виднелась затычка из белой ваты.

— Очень интересно, — задумчиво произнес Питеон.

— Я считаю это оскорблением! — огрызнулся капитан. — И если ты собираешься заработать деньги, которые мы тебе предлагаем, расскажи нам что-то по-настоящему интересное. Когда год назад я вел расследование, ты заявил, что не имеешь представления, кто убил принца Мелло. А сейчас какое у тебя мнение? Прошло немало времени. Ты наверняка слышал какие-то разговоры, что-то разузнал.

Было очевидно, что Беспалый страдает. Казалось, он извивался внутри своей кожи, ручейки пота стекали по его лицу. Палец нерешительно протянулся к деньгам и тут же отдернулся.

— У тебя могут быть крупные неприятности за сокрытие сведений, — напомнил осведомителю Лангруп, с трудом сдерживая гнев. — Мы можем арестовать тебя, посадить в тюрьму и даже выслать...

Беспалый, казалось, даже не слышал угроз — он был смертельно испуган.

— Предложите ему побольше денег, — шепнул офицеру Питеон. — Если потребуется, я дам необходимую сумму.

Лангруп начал медленно выстраивать перед Беспалым высокие столбики монет крупного достоинства, и, по мере того как

на столе появлялось все больше и больше денег, осведомитель терял контроль над собой. Он не отводил глаз от денег.

— Вот здесь, — произнес Лангруп, — больше, чем ты зарабатываешь за год. И все твои. Только скажи нам...

— Но я не знаю, кто убил принца! — хрипло воскликнул Беспалый, упал грудью на деньги и сгреб их руками. — Этого я не могу вам сказать. Но кое-что мне известно... — Он перевел дыхание и пробормотал: — Это был человек... не из города!

— Нам мало этого!

Лангруп вскочил, стиснул плечи Беспалого и тряхнул его так, что монеты рассыпались по полу. Лицо андриаданца исказилось от страха, но он молчал.

— Оставьте его, — тихо сказал Питеон. — Ничего больше мы не услышим. Кроме того, он уже сказал нам, что требуется.

Лангруп заставил себя разжать руки, и Беспалый осел на стул, словно кости растворились внутри его тела. Они вышли из комнаты, и Питеон закрыл за собой дверь.

— Мы заплатили огромную сумму и получили такую ничтожную информацию, — недовольно пробормотал Лангруп.

— Того, что сказал Беспалый, для меня достаточно, — ответил Питеон. — Даже больше, чем я рассчитывал. А теперь прошу вас отправиться на базу и сообщить начальнику, что мне хотелось бы побеседовать с вами обоими у него в кабинете примерно через два часа.

— Но я не могу оставить вас одного, сэр, — запротестовал Лангруп.

— Как видите, я не один, — улыбнулся Питеон. В тот момент, когда они вышли из здания, он повернул камень в перстне, и коренастая приземистая фигура появилась из темноты. Капитан вздрогнул от неожиданности. — Уверяю вас, что мы с Кэем сейчас ничем не рискуем, — добавил Питеон.

— Ты можешь найти площадь, на которой произошло убийство? — спросил Питеон, когда офицер ушел.

— С закрытыми глазами, — буркнул Кэй и повел Питеона по лабиринту темных переулков. — Ну и что ты узнал?

— Сам не знаю — может быть, очень мало, а может быть, и нашел ключ к разгадке тайны убийства принца. Все это еще не переварилось у меня в голове. Перед тем как сделать окончательный вывод, нужно выяснить еще одно обстоятельство.

Они вышли на площадь, и Питеон оглянулся вокруг.

— Это и есть та самая площадь?

— Да, перекресток Изрезанного Трупа, — кивнул Кэй.

Питеон медленно обвел взглядом двери, выходящие на площадь.

— Вон та дверь, которая открывалась вчера, когда мы были

здесь, — он указал на одну из них. — Я не люблю полагаться на совпадения, но иногда они случаются. Кроме того, эта дверь ближе остальных к королевскому дворцу, так что сначала заглянем именно сюда. Теперь можешь навалиться на нее — только постарайся не шуметь.

На площади было еще достаточно светло, и Питеон увидел белозубую улыбку Кэя. Широкоплечий низенький гигант неслышно поднялся по ступенькам и прижался плечом к двери, ухватившись железными пальцами за каменную ручку. Легким движением могучих мускулов Кэй всем телом подался на несколько сантиметров вперед, но этого было достаточно — казалось, что на дверь навалился гидравлический домкрат. Что-то щелкнуло, и дверь распахнулась. Спутники быстро вошли и закрыли за собой дверь. В здании царила тишина.

— Сейчас нам нужно найти потайную дверь или люк, — сказал Питеон. — Отверстие может быть замаскировано в стене или в полу. Я пойду вдоль этой стороны, а ты осматривай другую.

Лучи их фонариков отбрасывали яркие круги на пол и стены. Прошло всего несколько минут, и Кэй негромко произнес:

— Вот она. Чисто дилетантская работа.

Луч его фонаря остановился на каменной плите пола. Щели между ней и другими плитами были чистыми, без следов песка или пыли.

Для того чтобы выяснить, как открывается потайной люк в полу, времени потребовалось еще меньше. Толстая каменная плита скользнула в сторону, и перед ними появилось темное отверстие. Питеон осветил уходящий вдаль подземный коридор лучом фонаря.

— Интересно, куда ведет этот ход? — спросил Питеон.

Кэй наклонился и осмотрел ход, насколько доставал луч фонаря.

— Если в нем есть повороты, коридор может вести куда угодно. Но если он продолжается так, как начался, то приведет к самому центру королевского дворца.

— Вот и я об этом подумал, — пробормотал Питеон.

— Мне следовало бы сказать об этом раньше, — произнес Питеон, глядя на обоих офицеров гарнизона. — Я требую, чтобы не осталось никаких записей об этой нашей беседе и вообще о проведенном расследовании. Я представлю доклад императрице — в единственном экземпляре.

— Извините меня, сэр Питеон, — сказал капитан Лангруп, выключил магнитофон и положил его в карман.

Рисби молча смотрел перед собой, ожидая дальнейшего развития событий.

Питеон стал расхаживать взад и вперед по кабинету начальника базы, сопровождаемый взглядами присутствующих.

— Мне стали известны некоторые важные обстоятельства, — продолжил Питеон. — Одно из наиболее интересных сообщил нам сегодня ваш платный осведомитель. Если он говорил правду, число подозреваемых резко сокращается. Убийца принца Мелло должен принадлежать к одной из следующих групп. — Питеон начал перечислять их, загибая пальцы. — Первая — андриаданцы, живущие в городе или его окрестностях. Поскольку принц не был знаком ни с кем из этой группы, он никак не мог узнать кого-то из них и остановить автомобиль. Вторая группа — те, кто прибыл на планету из других миров.

— Их тоже можно исключить, — заметил капитан Лангруп. — Я руководил расследованием, проведенным сразу после убийства. Каждого путешественника допрашивали тщательно и весьма подробно. Ни один из них не мог убить принца Мелло.

— К третьей группе относятся военные, расквартированные на планете...

— Сэр! — потрясенным голосом воскликнул капитан Рисби. — Уж не полагаете ли вы...

— Нет, капитан, успокойтесь. Ваших солдат, прибывших сюда с Такоры, можно заподозрить во множестве преступлений, но к ним не относится убийство члена королевской фамилии. Помимо этого, я не сомневаюсь, что вы проверили, где находились все ваши солдаты в тот вечер.

— Конечно — и проверка устранила даже малейшие сомнения, — ответил Рисби, начиная успокаиваться.

Наконец Питеон загнул четвертый палец.

— Таким образом, логика подсказывает нам, что преступление совершено представителем четвертой группы — кем-то из обитателей королевского дворца. — Он улыбнулся, увидев потрясенные лица офицеров. — Перед тем как вы скажете мне, что такое невозможно, поскольку никто не покидал дворца до отъезда принца, позвольте сообщить об открытии, сделанном нами вчера вечером.

— Подземный туннель, — произнес Кэй. — Похоже, что он ведет из дворца к тому месту, где зарезали Мелло.

— Ну конечно, это вполне могло произойти! — воскликнул капитан Лангруп, от волнения вскакивая со стула. — Ссора, столкновение во дворце — нам известно, что Мелло уехал раньше обычного, — и пока он едет из дворца, убийца опережает его. Ждет на площади, привлекает внимание принца, заманивает в темный переулок — и убивает!

— Логичное умозаключение, — кивнул Питеон, — однако оно не отвечает на все вопросы. Я не собираюсь отнимать у вас, капитан, время, объясняя недостатки такой версии, просто скажу, что на самом деле все произошло не совсем так. Действительность оказалась несколько сложнее. Мне понадобится выяснить еще кое-что. Я могу поговорить с водителем автомобиля, который видел принца живым в тот момент, когда он на ходу выскочил из автомобиля?

На лице начальника гарнизона появилась унылая гримаса.

— Боюсь, это невозможно, сэр Питеон, — произнес Рисби. — Шесть месяцев назад, когда завершился срок его службы, вместе со своим подразделением солдат был откомандирован в другую часть.

— Впрочем, это не так уж важно, — небрежно махнул рукой Питеон. — От него я все равно ждал отрицательного ответа. Осталось лишь одно обстоятельство, на которое вы можете пролить свет, и все станет ясным. Расскажите мне об отношении принца Мелло к еде.

За этими словами последовала тишина. Оба офицера недоуменно переглянулись, а Кэй широко улыбнулся. Он не понимал, куда ведут рассуждения Питеона, но гораздо лучше остальных знал ход мыслей своего патрона.

— Ну что с вами — это достаточно простой вопрос, — нахмурился Питеон. — Стоит взглянуть на фотографию принца Мелло и познакомиться с соотношением между его ростом и весом — как тут же становится ясным, что он был излишне полным. Если хотите, я прибегну к другому, более грубому термину — принц был просто жирным. Остается выяснить, является ли это следствием привычки слишком много есть или причина в неправильном обмене веществ.

— Он слишком много ел, — ответил капитан Лангруп, стараясь не улыбаться. — Если вам нужна вся правда, то это было единственным положительным качеством принца в глазах солдат. Такоранские солдаты любят поесть, и то количество пищи, которое поглощал принц, внушало им глубокое уважение.

— Во время завтрака, обеда и ужина или в промежутках между ними?

— И то и другое. Главный повар стал его лучшим другом. Принц не любил разговаривать, но всякий раз, когда я видел его, челюсти Мелло постоянно двигались. Он чуть ли не тропинку протоптал от своих апартаментов к задней двери кухни.

— Вызовите сюда главного повара — мне нужно поговорить с ним. — Питеон повернулся к начальнику базы. — Постарайтесь договориться, чтобы завтра меня пригласили в королевский дворец. Мне хотелось бы присутствовать там на ужине, в то же

самое время, когда принц Мелло ужинал с королем и его приближенными в последний раз.

Капитан Рисби кивнул и протянул руку к телефону.

— В этой одежде я чувствую себя идиотом! — недовольно прошептал Кэй на ухо Питеону, стоя позади него.

Одетый в разноцветный ливрейный костюм слуги, он походил на ярко раскрашенный дубовый пень.

— Не расстраивайся, ты и выглядишь ничуть не лучше, — тихо ответил Питеон. — А теперь не отвлекайся и будь настороже. Как только мы закончим есть, я задам королю несколько вопросов. Можешь быть уверенным, от этих молодцов можно ждать каких угодно неприятностей. Посмотрим, что из этого выйдет.

Банкетный стол во дворце был составлен в виде подковы, в центре которой сидела королевская семья. Питеон как почетный гость находился между королем Гремом и принцессой Мелиной. Королева умерла при родах, и молодой принц был слишком юн, чтобы сидеть за столом вместе со взрослыми. В соответствии с андриаданскими обычаями только женщины, принадлежащие к королевской семье, имели право присутствовать на подобных банкетах, и потому за столом сидела одна принцесса. Она была привлекательной девушкой, и Питеон не мог понять, что нашла принцесса в этом идиоте Мелло. Возможно, ее ослепил престиж члена императорской фамилии и то, что принц был гостем на планете.

Король и принцесса оставались для Питеона непонятными людьми. Придерживаясь протокола, они разговаривали только о пустяках. Правда, у Питеона создалось впечатление, что король Грем ведет себя слишком уж настороженно. Впрочем, его можно было понять — предыдущий почетный гость был убит через несколько минут после того, как вышел из-за этого стола.

Питеон попробовал множество разных блюд, получив при этом немалое удовольствие. Для того, кто не хотел есть мясо за ужином, еда была достаточно вкусной. На стол были поданы самые разнообразные приправы и специи, даже стручки острого красного перца, горевшие у Питеона во рту. Он ничуть не удивился, когда заметил, что принцесса положила на свою тарелку внушительную порцию перца и ела его с удовольствием. Кроме того, она явно пересаливала еду.

Питеон понял, как и почему погиб принц Мелло.

Сразу после ужина принцесса извинилась, встала из-за стола и вышла. Питеон остался этим доволен. Предстоящие события не предназначались для чувствительного женского воображения.

— Ваше королевское величество, — произнес Питеон, ото-

двигая тарелку. — Я отужинал с вами, и мне хотелось бы, чтобы мы стали друзьями. — Король кивнул. — Надеюсь, вы извините меня, если мои слова покажутся вам оскорбительными. Я поступаю так лишь потому, что нужно открыть наконец правду — ту правду, которая оставалась скрытой слишком долго.

— Вы имеете в виду смерть принца Мелло, — произнес король.

Это был не вопрос, а скорее констатация факта. Питеон понял, что, когда речь заходит о суровой действительности, король смело смотрит ей в глаза.

Внезапно разговор за столом стих, словно застольная беседа велась лишь для того, чтобы провести время перед решающим моментом. Дюжина дворян устремила взгляды на высокого альбиноса, сидевшего рядом с королем. Питеон услышал за спиной шорох одежды Кэя и понял, что его помощник наготове и его рука, опущенная в карман, сжимает рукоятку пистолета.

— Совершенно верно, — кивнул Питеон. — Мне не хочется злоупотреблять вашим гостеприимством, однако нужно снять пятно с отношений между нашими народами. Если вы согласитесь выслушать меня, я расскажу, что произошло тем вечером чуть больше года назад. После окончания моего рассказа мы решим, как поступить.

Он протянул руку, взял кружку и отпил глоток великолепного королевского пива. Ни один из сидевших за столом не шевельнулся, все взгляды были устремлены на Питеона. «Как хорошо, — подумал он, — что за моей спиной стоит верный Кэй».

Питеон повернулся к королю:

— Надеюсь, вы извините меня, ваше королевское величество, за вмешательство в личную жизнь вашей семьи, но я должен задать вопрос весьма щекотливый. Это правда, что принцесса Мелина страдает от небольшого врожденного недостатка...

— Сэр!!!

— Этот вопрос очень важен, иначе я не задал бы его. Скажите, действительно ли у принцессы отсутствует — полностью или частично — обоняние? И потому она выносила присутствие принца Мелло, даже получала удовольствие от общения с ним...

— Ни слова больше! — прервал его король. — Вы оскорбляете память погибшего принца и мою дочь!

— Я совсем не собирался оскорблять их, — бесстрастно произнес Питеон, и присутствующие почувствовали сталь в его холодном голосе. — Но уж если мы заговорили об оскорблениях, мне хотелось бы указать на то, что сейчас у вашего величества в нос вставлены ватные тампоны, позволяющие вам терпеть мое присутствие за столом. Это можно назвать серьезным оскорблением...

Король Грем покраснел и больше не прерывал Питеона, когда тот продолжил.

— Этот небольшой физический недостаток не является постыдным, и уж тем более в нем нельзя винить принцессу. Недостаточно острое обоняние — всего лишь простой факт. Все животные, питающиеся мясом, издают острый запах, который легко ощущают те, кто не ест мяса. Народу, населяющему вашу планету, люди из других миров представляются дурно пахнущими. Не надо этого отрицать, нет сомнений, что дело обстоит именно так. Принцесса Мелина, у которой отсутствует острое обоняние, не знала о своем физическом недостатке. Она познакомилась с принцем Мелло, и между ними установились хорошие отношения. Принцесса даже приглашала его обедать во дворец, и все вы были вынуждены мириться с этим — ради нее. Так продолжалось до того вечера, когда он совершил... то, что он совершил. И был убит за омерзительность своего преступления.

Заключительные слова Питеона прозвучали в гробовом молчании. Он высказал вслух нечто непроизносимое. Затем послышался скрип отодвигаемого стула, и бледный как смерть молодой дворянин вскочил из-за стола. Но рядом с Питеоном возник Кэй с пистолетом в руке.

— Немедленно сядьте, — прозвучал в тишине зала ледяной голос Питеона. — Вы и все остальные будете молчать до тех пор, пока я не кончу. Мы находимся сейчас в очень сложном положении, и мне не хотелось бы, чтобы случилось что-то непоправимое. Выслушайте меня до конца.

Он не сводил взгляда с молодого дворянина, пока тот не опустился на стул, затем продолжил:

— Принц Мелло совершил преступление, и его постигла смерть. Все вы были тому свидетелями и по закону несете ответственность в равной степени. Вот почему я обращаюсь одновременно ко всем. Принца убили, и вы вступили в сговор, чтобы перевезти его тело в другое место и скрыть совершенное преступление.

Теперь не все смотрели на Питеона. Взгляды некоторых устремились куда-то в пространство. Люди заново переживали события той ночи, которые пытались забыть. Голос Питеона будил память.

— Вы остановили кровотечение, но принц был уже мертв. Тогда начались споры о том, как поступить дальше, и в конце концов все пришли к единому мнению: каким бы ужасным ни было преступление, его нужно скрыть. Единственной альтернативой было разрушение всего, чем вы жили. Вы пришли к выводу, что монархия не выдержит такого удара. Тогда вы раздели труп, один из вас надел одежду принца Мелло и вышел к автомо-

билю. В темноте, царившей во дворе, было нетрудно сесть на заднее сиденье автомобиля — водитель не обратил внимания на внешность пассажира. По словам шофера, он не ждал от своего пассажира распоряжения куда ехать — его и не требовалось. Принц Мелло мог направляться только в одно место — на военную базу, в свои апартаменты. Переодетый мужчина просто сидел в машине, пока она не доехала до условленного места. Тогда он крикнул: «Стоп!», открыл дверцу и выскочил из автомобиля. Он добежал до площади, где его уже ждали сообщники с трупом принца Мелло, который они пронесли по подземному туннелю. Времени у них было больше чем достаточно, чтобы снова надеть на труп принца его одежду, прежде чем водитель машины заподозрил неладное. Дело было закончено. Мелло вышел из дворца живым и здоровым и погиб от руки неизвестного. Это была, конечно, трагедия, но от нее не наступил конец света.

— Все это верно, — произнес король Грем, медленно вставая из-за стола. — Правду скрывали слишком...

— Не надо больше защищать меня, ваше величество! — раздался пронзительный вопль. Тот самый молодой дворянин снова вскочил. — Я совершил преступление и должен заплатить за него. Вы напрасно защищали меня...

— Кэй! — скомандовал Питеон. — Останови его!

С невероятной скоростью коренастое тело пролетело над столом и сбило говорящего с ног. Однако Кэй запоздал всего на секунду. Мужчина успел поднести ко рту руку и что-то проглотить. Когда Кэй схватил его за кисти, мужчина не сопротивлялся.

— Ваше величество... — произнес он и улыбнулся.

Затем по его телу пробежала судорога, и оно изогнулось в предсмертных конвульсиях. Кэй отпустил его, и мужчина упал на пол, уже мертвый.

— Это было совершенно не нужно! — крикнул Питеон, поворачиваясь к королю. Его лицо исказилось от гнева. — Зачем напрасные жертвы?

— Но я не знал... — пробормотал король Грем, опустившись в кресло. Казалось, он внезапно состарился.

— Мы могли бы придумать что-то... только не это! Для того я и приехал сюда.

— Я не знал, — повторил король, закрыв лицо руками.

Питеон сел, измученный приступом гнева.

— Ну хорошо, так и будет, — тихо произнес он. — Этот человек убил принца Мелло, а затем совершил самоубийство, когда возникла опасность наказания за сделанное. Жизнь одного за жизнь другого. Все остальные, виновные в сокрытии убийства, подвергнутся наказанию, и налоги, выплачиваемые вашей планетой в имперскую казну, увеличатся на два процента — на срок в десять лет. Согласны?

Король кивнул, не отрывая ладоней от лица.

Капитан Рисби был очень удивлен, когда прочитал доклад Питеона и выслушал его рассказ о происшедшем во время ужина. Питеон невероятно устал, но держал себя в руках.

— Убийца — молодой человек? — недоуменно спросил Рисби. — Ничего не понимаю. Почему они просто не передали его нам для суда и последующего наказания?

— По той простой причине, что он не убивал принца, — объяснил Питеон. — Это преступление совершил король. Это его дочь подверглась оскорблению прямо на его глазах. Все андриаданцы испытывают ужас при одной мысли о лишении кого-то жизни насильственным путем. Однако король является убийцей — правда, ритуальным убийцей, но животные, которых он умерщвляет, все равно гибнут. Он убивает ножом — Мелло был убит ударом ножа. Вероятно, король был вне себя от ярости и не понимал, что делает. Он осознал всю тяжесть совершенного им лишь тогда, когда все было кончено. Не сомневаюсь, что он хотел признаться в содеянном, но придворные отговорили его. Это означало бы конец регентства и, может быть, закат всей королевской династии. Ради благополучия жителей планеты — не для себя — он согласился с необходимостью сокрытия преступления. Когда я приехал во дворец на ужин, знать заподозрила, по-видимому, что мне удалось докопаться до разгадки убийства принца Мелло, и приняла меры. Они, наверное, тянули жребий, кому признаться в совершенном преступлении и покончить с собой, даже не поставив короля в известность. Как видите, за одну жизнь заплатили еще одной, а империя даже не пошатнулась. Этим ядом пользуются для эвтаназии, достижения легкой безболезненной смерти.

— Значит, король?.. — спросил Рисби.

— Да, убийца. И вне всякого сомнения, безжалостно винит себя во всем. Я решил рассказать вам все это для того, чтобы после моего отъезда вы не попытались довести расследование до конца и сами догадаться о том, что произошло в действительности. Тогда вы могли бы послать донесение. В моем окончательном докладе не будет ни строчки о виновности короля. Если об этом будет написано хотя бы единое слово, его придется арестовать. А сейчас все хорошо и гладко — по крайней мере на бумаге. Разумеется, в личной беседе я обо всем расскажу императрице, как сейчас рассказываю вам. От нее мне не придется требовать клятвы о неразглашении услышанного, как от вас. Поднимите руку и коснитесь Священного свитка...

— Клянусь никогда... — послушно повторял капитан Рисби

слова клятвы, слишком потрясенный, чтобы задавать дальнейшие вопросы. Внезапно он вздрогнул и постучал пальцем по докладу. — Но вот это — жареная баранья нога, которую принц Мелло вынес с кухни. Что здесь преступного?

— Напрягите воображение, капитан Рисби, — произнес Питеон, едва скрывая неудовольствие по поводу тупости офицера. — Он принес в королевский дворец этот дымящийся кусок мяса, еще горячий, завернутый в фольгу, развернул его за столом и положил прямо перед принцессой. Принц был настолько глуп, что решил, будто делает ей приятный сюрприз, угощает чем-то по-настоящему вкусным.

— Да... Я знаю, что сделал принц. Но почему король убил его из-за такой безобидной вещи?

— Безобидной? — Питеон откинулся на спинку кресла и засмеялся. — Местные жители строго соблюдают вегетарианские традиции и приходят в ужас при мысли о том, что едим мы. Попробуйте поставить себя на место короля. Представьте себе, что вы пригласили к себе домой на ужин каннибала, — он как будто отказался от своих дурных привычек, но в душе все еще остается каннибалом. И потому просто не понимает, почему традиции его предков кажутся нам отвратительными. Так вот, он решает угостить вас чем-то вкусным, пытается ввести в мир новых кулинарных привычек. Разворачивает и кладет перед вами на стол хорошо прожаренную, еще теплую человеческую руку — в разгар дружеского ужина.

Как вы поступите в этом случае, капитан?

После шторма

Отлив продолжался, оставляя после себя полоску твердого песка, очень удобную для бега трусцой. Солнце, только поднявшееся над горизонтом, уже согревало лицо. Ночной шторм наконец-то стих, хотя Атлантический океан все еще гнал на берег длинные пенящиеся валы. День обещал быть жарким, но пока мокрый песок приятно холодил голые ноги. Бежалось легко, лишь иногда волны в последнем броске дотягивались до моих лодыжек. На душе царил покой: эти утренние часы нравились мне, как никакие другие.

Взгляд выхватил впереди что-то темное, резко выделяющееся на фоне белой пены. Дерево, решил я. Очень хорошо, зимой погреемся у камина. Но расстояние сокращалось, и по голой спине пробежал холодок.

Не дерево — тело, тело мужчины.

Мне не хотелось смотреть вблизи на вынесенный океаном труп. Я замедлил бег, остановился, не зная, что и делать. Позвонить в полицию? Но вода за это время могла утащить труп обратно. Надо вытаскивать его на песок, а подходить не было ни малейшего желания. Сильная волна достала тело, перекатилась через него и водоросли, которые вплелись в длинные черные волосы. Голова приподнялась и упала.

Он не умер.

Но был холодным, как смерть. Я почувствовал этот холод, когда схватил его за руки и поташил, как мешок с картошкой, на сухой песок. Бросил на живот, ткнул подбородком в предплечье, сильно нажал на спину. Второй раз, третий, жал, пока он не закашлялся и изо рта не хлынула морская вода. Он застонал, когда я перевернул его на спину, веки дернулись и открылись. Блуждающий взгляд светло-синих глаз в конце концов уперся в меня.

— Вы в порядке, — я прояснил ситуацию. — На берегу и живой, — он нахмурился, и у меня возникли сомнения, понимает ли он меня. — Вы говорите по-английски?

— Да, — от закашлялся, отер губы. — Можете вы сказать, куда меня занесло?

— Манхассет, северный берег Лонг-Айленда.

— Один из штатов Соединенных Штатов, так?

— Вы — ирландец?

— Да. И чертовски далеко от дома.

Он сумел подняться, его сильно качнуло, и он бы упал, если бы я не поддержал его.

— Обопритесь на меня. Дом неподалеку. Там найдется и сухая одежда, и чашка чего-нибудь горячего.

Когда мы добрались до патио, он со вздохом плюхнулся на скамью.

— Сейчас я бы не отказался от чашки чаю.

— Чая нет. Как насчет кофе?

— С удовольствием.

— С молоком и сахаром? — спросил я, нажимая кнопки на настенном пульте. Он кивнул, а его глаза широко раскрылись, когда я достал из лотка дымящуюся чашку. Он осторожно пригубил кофе, потом сделал большой глоток. Молча выпил все.

— У вас тут прямо чудеса. А повторить можно?

Неужели там, откуда он приехал, нет самых обычных раздаточных систем, мысленно удивился я. Бросил пустую чашку в рециклер и передал ему полную.

— Я из Ирландии, — ответил он на мой неозвученный вопрос. — Пять недель тому назад мы вышли из Арклоу. Попали в шторм. Везли в Канаду выделанные шкуры. Теперь они на дне,

вместе с командой, упокой, господи, их души. Я Бирн, Кормак Бирн, сэр.

— Бил Кон-Гриви. Не хотели бы вы снять мокрую одежду?

— Все нормально, мистер Гриви, так приятно сидеть на солнышке...

— Кон-Гриви, — поправил я его. — Matronym, patronym[1]. Таков закон... уже лет сто. Как я понимаю, на вашей стороне океана в ходу лишь фамилия отца?

— Да-да. В Ирландии если что и меняется, то очень медленно. Но вы говорите, в вашей стране действует закон, по которому у каждого должна быть двойная фамилия, вашей матери и вашего отца?

Я кивнул, удивившись, что простой матрос знает латынь.

— Феминистский блок протолкнул этот закон через конгресс в 2030 году, когда президентом была Мэри Уилер. Извините, но мне надо позвонить. Сидите и отдыхайте. Я вернусь через минуту.

От этой обязанности я увильнуть не мог. Владельцы участков берега автоматически давали присягу бойца запаса Береговой охраны. И докладывали обо всем, что происходило на вверенном им участке. Иммигрантов в Соединенные Штаты давно уже не впускали. Как я понимал, для жертв кораблекрушения исключения не делалось.

— «Горячая» линия Береговой охраны, — сказал я, и мгновенно засветился экран. Седовласый дежурный офицер взглянул на мое удостоверение личности, автоматически высветившееся на его дисплее.

— Докладывайте, Кон-Гриви.

— У меня человек, выброшенный на берег после кораблекрушения. Иностранец.

— Хорошо. Задержите его. Высылаю патруль.

Разумеется, я лишь выполнил свой долг. У нашей страны имелись веские основания для жесткой иммиграционной политики. Стеклянная дверь открылась при моем приближении, я услышал знакомый голос, позвал:

— Это ты, Крикет?

— Кто же еще?

Она шла вдоль берега. Ноги в песке, трусики тоже. Как и большинство женщин, летом она обходилась без лифчика, и груди покрывал ровный загар. Такая же красотка, как и мать. Тут я заметил, что Бирн стоит лицом к морю, а шея у него красная, как помидор. Поначалу я не понял, в чем дело, потом не мог не улыбнуться.

[1] Matronym, patronym — фамилия матери, фамилия отца *(лат.)*.

— Крикет, это мистер Бирн из Ирландии, — он быстро кивнул, по-прежнему не поворачиваясь к ней лицом, я замахал рукой, приглашая ее в дом. — Подойди, пожалуйста, я хочу тебе кое-что показать.

Она в недоумении уставилась на меня, но я молчал, пока за нами не закрылась дверь.

— У меня такое ощущение, что для нашего гостя обнаженные женщины — диковинка.

— Папа, о чем ты? Я одета...

— Ниже пояса. Будь хорошей девочкой и накинь одну из моих рубашек. Я готов поспорить на миллиарды байтов, что там, откуда он прибыл, женщины не ходят с голой грудью.

— Ох уж мне эти старообрядцы, — недовольно пробурчала Крикет, направляясь в спальню.

Когда я вышел в патио, большой белый вертолет как раз приземлялся на берегу. Ирландец таращился на него, словно видел впервые. Может, так оно и было. Значит, у него выдался день сюрпризов. Капитан Береговой охраны и двое патрульных выпрыгнули из вертолета и направились к дому. Капитан остановился перед Бирном, патрульные встали по бокам, положив руки на револьверы. Капитан мрачно оглядел ирландца, возвышающегося над ним на добрую голову, заговорил резко и отрывисто:

— Назовите вашу фамилию, место рождения, возраст, название корабля, порт, из которого вы отплыли, порт приписки, причину вашего незаконного пересечения границы этой страны...

— Кораблекрушение, ваша честь, кораблекрушение, — смиренно ответил он, но мне показалось, что он едва сдерживает смех. Капитан, однако, ничего не заметил, нажимая кнопки на ручном терминале.

— Оставайся здесь, — приказал он, получив ответы на все вопросы, повернулся ко мне. — Я хочу воспользоваться вашим телефоном. Покажите, где он.

Вся информация из ручного терминала, спасибо сотовой связи, уже поступила в центральный компьютер, так что мой телефон ему совершенно не требовался. Он молчал, пока мы не вошли в дом.

— У нас есть основания подозревать, что это не простое кораблекрушение. Принято решение не брать его под стражу, а оставить здесь, где его можно держать под наблюдением...

— Извините, но это невозможно. У меня работа.

Я еще говорил, а он уже нажимал кнопки ручного терминала. За моей спиной включился принтер, на поднос упал лист бумаги.

— Старший писарь Кон-Гриви, вы только что переведены из запаса на действительную службу. Вы будете выполнять прика-

зы, вы прекратите задавать вопросы, отныне на вас распространяется действие Закона о государственных секретах от 2085 года, и вас будет судить военный трибунал, если вы кому-то об этом расскажете, — он взял лист бумаги и протянул мне. — Вот копия приказа. Подозреваемый остается здесь. Все датчики в этом доме активированы, все разговоры будут записываться. Вне дома вам разговаривать запрещено. Если подозреваемый покинет вверенную вам территорию, вы должны незамедлительно поставить нас в известность. Вы меня поняли?

— Да-да, сэр.

Он игнорировал нотки сарказма в моем голосе, повернулся и вышел из дома, взмахом руки предложив мне следовать за ним. Я сдержал злость, выбора у меня не было, и поплелся следом. Капитан приказал патрульным вернуться в вертолет, потом обратился к ирландцу:

— Хотя иммиграция в Соединенные Штаты строго ограничена, есть особые инструкции, касающиеся жертв кораблекрушений. И пока решение по вашему делу не будет принято, вы останетесь здесь, с мистером Кон-Гриви. Поскольку денег на ваше содержание фондами Береговой охраны не предусмотрено, он вызвался какое-то время обеспечивать вам хлеб и кров. На этом все.

Бирн проводил вертолет взглядом, повернулся ко мне:

— Вы — добрый человек, мистер Кон-Гриви...

— Бил, — поправил я его. И мне не хотелось, чтобы меня благодарили за гостеприимство по приказу.

— Спасибо, Бил. А мое христианское имя — Кормак.

Открылась дверь, появилась Крикет в одной из моих рубашек, полы которой она завязала узлом на талии.

— Я слышала вертолет. Что случилось?

— Патруль Береговой охраны. Должно быть, они видели, как я вытаскивал Кормака на берег, — первая, но далеко не последняя ложь. Мне это определенно не нравилось. — Он поживет со мной.

— Великолепно. Новый зверь оживит нашу жизнь.

От ее слов Кормак густо покраснел.

— Извините меня. В этой одежде я действительно напоминаю животное...

Когда она рассмеялась, он покраснел еще пуще.

— Глупый, это такое выражение. Зверь — это мужчина, любой мужчина. Я могу называть зверем и папу, он возражать не будет. Ты женат, Кормак?

— Да.

— Это хорошо. Я люблю женатых мужчин. Охота на них более волнительна и сексуальна. Я разведена. Дважды.

— Ты уж извини нас, Крикет, — вмешался я. — Хочу показать Кормаку душ и найти сухую одежду. А потом позавтракаем во внутреннем дворике, до того как на улице станет слишком жарко.

— Ладно-ладно, — согласилась она. — Только не задерживайтесь слишком долго, а не то я заподозрю мужеложство.

Кормак вновь густо покраснел. У меня создалось ощущение, что лексикон моей дочери не очень-то вписывался в привычную ему социальную атмосферу. Но нынешняя молодежь своими речами часто шокировала мое поколение. Я отвел его в ванную, а сам пошел за одеждой.

— Бил, — позвал он меня. — Могу я попросить тебя об услуге? В душе... тут нет ни одного крана.

— Чтобы включить воду, достаточно сказать об этом... Подожди, я покажу, — я всунулся в душевую. — Тридцать пять градусов, мыло, включить, — душ ожил. — После того как намылишься, скажешь: «Смыть». Потом — «Выключить». Одежду я положу на кровать.

Он появился, когда я допивал вторую чашку кофе. Как я и ожидал, из оставленной ему одежды он выбрал черные брюки и темную рубашку с длинными рукавами.

— Что будем есть? — спросил я.

— Все, что на огне, — ответил Кормак. — Умираю от голода.

— Я об этом позабочусь, — пальцы Крикет пробежались по клавиатуре. Его слова меня заинтриговали. Хотелось как можно больше узнать о стране, которая называлась Ирландия. Огонь на кухне! Перед моим мысленным взором возник пылающий на полу костер, поднимающийся к потолку дымок.

Появилась его тарелка: яичница, свиная отбивная, жареный картофель, рис, вермишель. Крикет полагала, что шутка ей удалась. Но он смел все.

— Расскажи мне об Ирландии, Кормак, — попросила Крикет.

Он улыбнулся, глотнул кофе, чтобы освободить рот от еды.

— А что рассказывать, мисс? Там все, как было.

— Я именно об этом. Здесь тебя многое удивляет. Я видела, как ты таращился на вертолет. Никогда не видел?

— По правде говоря, нет, хотя я читал об этих штуковинах и видел их фотографии в книгах. И я никогда не видел, чтобы тарелка с дымящейся едой появлялась из стены. И никогда не говорил с душем. Вы живете в стране чудес, по-другому и не скажешь.

— А ты?

Он положил вилку, прежде чем ответить, выпил кофе.

— В сравнении с вашей наша жизнь покажется вам примитивной. Но у нас все налажено, мы сыты и даже счастливы, если

кто-то может быть счастлив на этой грешной земле. Изумрудный остров всегда отличали малонаселенность и развитое сельское хозяйство. Поэтому, когда иссякла нефть, у нас не возникло проблем, с которыми столкнулась Англия. Ни тебе бунтов, ни перестрелок. Разумеется, поначалу нам пришлось туго. Люди покинули города, вернулись в сельскую местность, когда отключилось электричество и замерли автомобили. Но торф — хорошее топливо для костра, его добыча не дает замерзнуть. На телеге, запряженной ослом, можно добраться до любого нужного тебе места, поезда дважды в неделю ходят между Дублином и Корком. В океане есть рыба, на лугах пасутся коровы и овцы. Это неплохая жизнь, знаете ли.

— Очень мило и примитивно, совсем как возвращение в каменный век, когда жили в пещерах и все такое.

— Обойдемся без оскорблений, Крикет!

— Папа, у меня в мыслях такого не было. Я тебя оскорбила, Кормак?

— Раз не хотели, значит, нет.

— Видишь, папа? А что ты сказал насчет Англии? Разве она не часть Ирландии? — В географии Крикет разбиралась слабо.

— Не совсем так... хотя иногда Англия считала нас своей частью. Это другой остров, расположенный рядом с нашим. С сильно развитой промышленностью, точнее, до конца двадцатого века она считалась сильно развитой. А потом иссякла нефть и экономика рухнула, рухнула абсолютно. И пребывала в таком состоянии довольно долго, до Второй гражданской войны. Север против Юга, говорили они, но в действительности богатые воевали с бедными. ООН отказалась вмешаться в отличие от Северной Ирландии, туда они послали шведские войска, чтобы остановить вторжение англичан. И теперь Англия очень похожа на Ирландию, если не считать руин больших городов. Ведущая отрасль — сельское хозяйство, хотя какое-то промышленное производство еще теплится в центральных графствах, все-таки они победили в той войне. Вы — счастливчики. Быстрые войны не пересекли Атлантику. Хотя у вас были свои трудности. По крайней мере, так написано в учебниках по истории.

— Коммунистическая пропаганда, — отчеканила Крикет тоном, каким поправляют ребенка. — Мы все об этом знаем. Они завидуют тому, что их мир развалился, а Америка сохранила силу и могущество.

— Извините, но мне представляется, что ваши книги расходятся с действительностью, — очень уж решительно ответил Кормак. — Нас всегда учили, что Соединенные Штаты закрыли свои границы. Отгородились стеной...

— У нас не было другого выхода. Только так мы могли защитить себя от голодающего Третьего мира...

— Разве вы не увеличивали число этих голодающих?

Мы ступили на тонкий лед, каждое слово записывалось. Но я ничего не мог поделать. Мне оставалось лишь надеяться, что ничего лишнего сказано не будет.

— Это ложь, преступная ложь, — взвилась Крикет. — Я защищала диплом по истории, и я знаю. Разумеется, нам приходилось выпроваживать из страны незаконных иммигрантов.

— А как насчет депортации из больших городов? Детройта, Гарлема?

Теперь Крикет сильно разозлилась.

— Я не знаю, чему тебя учили на твоем заваленном коровьим дерьмом острове, но...

— Крикет, Кормак — наш гость, — осадил я дочь. — И события, о которых он говорил, имели место быть, — я понимал, что должен соблюдать предельную осторожность, чтобы самому не нарваться на неприятности. — До твоего рождения я преподавал историю в Гарварде. Разумеется, до того как его компьютеризировали и закрыли. В архиве ты найдешь все материалы расследования, которое проводил конгресс. Времена были трудные, над страной висела угроза голода, поэтому случались крайности. Генерал Шульц, как ты помнишь, умер в тюрьме за свое участие в гарлемской депортации. Это были крайности, и виновные в них понесли заслуженное наказание. Справедливость восторжествовала, — и я поспешил перевести разговор на менее щекотливую тему. — В Ирландии находился один из старейших и наиболее известных университетов мира, Тринити-колледж. Он все еще существует?

— Тринити-колледж? Да кто посмеет его закрыть? Я сам провел в Беллфилде год, изучал юриспруденцию. Но брат утонул на «Летающем облаке», деньги закончились, и мне пришлось сначала поработать на верфи, а потом податься в матросы. Вы сказали, что Гарвард закрыли? Не могу в это поверить... в Ирландии мы слышали о Гарварде. Что случилось? Пожар, эпидемия?

Я улыбнулся и покачал головой:

— Закрыли не в прямом смысле, Кормак. Я сказал, его компьютеризировали. Сейчас объясню.

Я прошел в дом, в кабинете выдвинул архивный ящик, достал черный диск, вернулся во внутренний дворик. Протянул диск Кормаку.

— Он здесь.

Кормак покрутил диск в руках, провел пальцем по золотым буквам, посмотрел на меня.

— Наверное, я что-то не понимаю.

— Это хранилище информации. После того как банки памя-

ти компьютеров вышли на молекулярный уровень, появилась возможность записывать на таком диске десять в шестнадцатой степени байтов информации. Это очень много.

Он покачал головой, по выражению лица чувствовалось, что мои слова для него — китайская грамота.

— Объем памяти человеческого мозга, — уточнила Крикет. — Но теперь на таком диске можно записать гораздо больше.

— Здесь весь Гарвардский университет, — продолжил я. — Все библиотеки, профессора, лекторы, лекции и лабораторные. Теперь все учатся в университете. Все, кто может выложить двадцать пять долларов за университетский диск. Я здесь тоже есть. Все мои лучшие лекции и семинары. Я даже присутствую на ИД по теме «Торговля рабами в начале девятнадцатого столетия». Об этом я написал докторскую диссертацию.

— ИД?

— Интерактивная дискуссия. Ты сидишь перед экраном и задаешь вопросы, а тебе отвечают лучшие специалисты Гарварда.

— Матерь божья... — вымолвил он, не отрывая глаз от Гарвардского университета, а потом передал мне диск, словно он жег ему пальцы.

— А что ты говорил о верфи? — спросила Крикет, забыв о политических разногласиях.

— Я там работал, неподалеку от Арклоу. На холмах Уиклоу растут великолепные дубовые леса. И суда там строят отличные.

— Корабли из дерева? — спросила Крикет и расхохоталась.

Но Кормак совершенно не разозлился, с улыбкой кивнул.

— Правда? Как в доисторические времена? Папа, можно мне воспользоваться твоим терминалом?

— Конечно. Ты помнишь пароль?

— Разве ты забыл? Я украла его в пятнадцать лет и ввела тебя в приличный расход. Я сейчас.

— Извините за глупый вопрос, — когда Крикет прошла мимо него, он не повернул головы, тогда как американец обязательно проследил бы за ней взглядом, потому что посмотреть было на что. — Если Гарвард закрыт, где вы теперь преподаете?

— Я не преподаю. Осваивать новые профессии — главное требование нашего времени. За жизнь приходится проделывать это несколько раз. Одни профессии уступают место другим. Сейчас я дилер по металлу.

Он огляделся. Смутился, заметив, что я перехватил его взгляд.

— Хороший бизнес. Металл вы держите за домом?

От моего смеха смущения у него только добавилось, но я ничего не мог с собой поделать. Представил себе, как я качу по дороге тачку с металлоломом.

— Я работаю за компьютером. Сам пишу программы. Я связан со всеми импортерами, плавильщиками, раздельщиками.

Мой компьютер ежедневно получает от них полный перечень их товарно-материальных запасов. В любой момент времени я знаю, где и сколько какого металла. Производители присылают заказы, я обеспечиваю доставку, выставляю счет, а потом оплачиваю металл, оставляя себе комиссионные. Все автоматизировано до такой степени, что мое участие становится чисто номинальным. И так везде. Жизнь благодаря этому сильно облегчается.

— В Ирландии такого нет и в помине. В Арклоу всего два телефона, и еще один в казармах гвардии. Но, однако, вы не можете строить корабли или обрабатывать землю по телефону.

— Можем. Наши фермы полностью автоматизированы, так что число фермеров составляет лишь два процента от трудоспособного населения. А насчет кораблей... я тебе покажу.

Я включил дневной экран, вызвал библиотечное меню, нашел судостроительный фильм. Кормак, разинув рот, смотрел на автоматизированную, без присутствия человека, сборку: громадные металлические пластины устанавливались на место и сваривались. Корпус судна рос на глазах.

— Мы строим их иначе, — только и смог сказать он.

Крикет как раз вышла из дома и услышала его последние слова.

— Как хорошо ты знаком со строительством кораблей из дерева? — спросила она.

— Знаю все, что нужно знать. Построил не один.

— Очень на это надеюсь, потому что я только что подрядила тебя на работу. Я работаю в секторе программ вещательной корпорации. Проверила архивы и обнаружила, что у нас нет ничего по строительству деревянных судов вручную. Мы поставим инструменты и дерево, выплатим аванс...

— Крикет... я и представить себе не могу, о чем вы говорите.

Я опередил дочь.

— Тебе предлагают работу, Кормак. Если ты с нуля построишь маленькое судно, они снимут фильм и заплатят тебе много денег. Что ты на это скажешь?

— Я думаю, это безумие... но я построю! И тогда смогу расплатиться с тобой, Бил, за твое гостеприимство, которого у тебя больше, чем у твоего государства. У них действительно нет фондов на прокорм одного-единственного моряка с затонувшего корабля?

— Так уж построена наша экономика. Платят только за полученный товар. А теперь ты сможешь заплатить. Так что проблемы просто нет.

Последнее относилось не к нему, а ко мне и подслушивающим ушам. Я подумал, что об экономике в этот день речь заходила слишком уж часто.

Вещательная компания «Крикет» времени даром не теряла.

На следующий день дирижабль сбросил за домом переносную студию, укомплектованную в соответствии с требованиями Кормака. Автоматические камеры запечатлели, как он взялся за первый брусок и зажал в тиски.

— Баркас будет с неподвижным килем, сдвинутой к носу мачтой, десятифутовый, — объяснил Кормак микрофону, болтающемуся у него над головой.

— Что значит десятифутовый? — Из динамика, закрепленного на потолке, раздался голос режиссера.

— Длиной в десять футов.

— Сколько футов в метре?

На моих часах зажужжал пейджер, и я отошел к ближайшему телефону.

Экран остался темным, то есть звонил какой-то чиновник, потому что по закону только федеральные ведомства имели право затемнять экран.

— Этот телефонный аппарат недостаточно защищен от прослушивания. Пройдите в дом, — приказал голос. Я ретировался в свой кабинет, закрыл дверь, активировал экран. На меня глянуло мрачное, суровое лицо, такое же официальное, как и голос.

— Я — Грегори, следователь, ведущий это дело. Прослушивание вчерашних пленок показало, что подозреваемый ведет подрывные речи.

— Правда? Я думал, что он не сказал ничего крамольного.

— Это не так. По Англии сообщалась секретная информация. В этот вечер вы должны перевести разговор на другие европейские государства. В особенности нас интересуют Богемия, Неаполь и Грузия. Вы понимаете?

— Должен ли я понимать, что я теперь неоплачиваемый полицейский осведомитель?

Он молча смотрел на меня, и у меня создалось ощущение, что я перегнул палку.

— Нет, — наконец ответил он. — Ваша помощь оплачивается. Вы переведены на действительную службу в Береговой охране и будете получать положенное вам жалованье в добавление к обычному источнику дохода. Вы нам поможете, или я оставляю вашу реплику о полицейском осведомителе в записи вечного хранения?

Я понял, что мне дают шанс. Моя реплика уже осталась в записи вечного хранения, но, если я окажу содействие следствию, ее оставят без внимания.

— Прошу меня извинить. Я высказался поспешно, не подумав. Разумеется, я окажу всяческое содействие компетентным органам.

Экран погас. Я увидел, что получил четыре заказа. С удовольствием их выполнил. Все лучше, чем разоблачать шпионов.

В последующие недели Крикет все чаще появлялась в моем доме и в конце концов стала обедать у меня каждый вечер. И не потому, что тоже выполняла секретное поручение Грегори. Просто не могла устоять перед настоящим вызовом, брошенным ей мужчиной. Кормак никак не желал уступить ее чарам. Лето выдалось долгим, жарким, и каждый день, ближе к вечеру, когда он заканчивал работу, они купались в океане. Я за всем этим наблюдал. Грегори звонил ежедневно, называя список тем для разговора за столом. Разговоры эти более не вызывали у меня ни малейшего интереса, и я все больше злился на себя. Но сдерживался, пока вновь не заметил, что Крикет купается с голой грудью. Понял, что пора действовать. Переоделся в плавки.

— Привет обоим, — поздоровался я, направляясь к ним сквозь прибой. — Жаркий выдался денек. Не возражаете, если я поплаваю с вами?

При моем появлении Кормак чуть отступил от нее.

— Ты же терпеть не можешь плавать, папа, — на лице Крикет отразилось недоумение.

— Только не в такой день. Готов спорить, я тебя обгоню. До буйка и обратно, что скажешь?

Я приложил палец к губам и снял с запястья браслет с пейджером. Потом протянул руки и расстегнул защелку шейной цепочки Крикет с медальоном-дельфином, в который умельцы службы безопасности вмонтировали ее пейджер. Прежде чем заговорить, опустил руку с браслетом и цепочкой под воду и начал описывать ими круги.

— Многие не понимают, что эти устройства обеспечивают двухстороннюю связь. Я хочу, чтобы этот разговор остался между нами.

— Папа, ты становишься параноиком...

— Как раз наоборот. Все сказанное в этом доме записывается службой безопасности. Они думают, что Кормак — тайный агент. Я говорю об этом только потому, что не хочу, чтобы ты испортила себе жизнь.

Я не думал, что у него это получится, но Кормак таки покраснел под вновь приобретенным загаром. Крикет рассмеялась.

— Папа, какой ты милый и старомодный. Но я смогу позаботиться о себе.

— Я на это надеюсь... хотя два развода за три года говорят не в твою пользу. Обычно я не считаю возможным вмешиваться в твою жизнь, именно потому, что это твоя жизнь. Но Кормак — иностранец, попал в страну нелегально, подозревается в серьезном преступлении.

— Я не верю ни одному твоему слову! Кормак, мой нежный зверь, скажи папе, что у него поехала крыша, что ты не шпион.

— Твой отец прав, Крикет. Согласно вашим законам, я нахожусь здесь нелегально, и меня могут выслать в любое удобное властям время. Хочу поплавать.

И он поплыл к буйкам. Я обратил внимание на то, что обвинений в шпионаже он отрицать не стал.

— Подумай об этом, — я протянул Крикет цепочку и последовал за Кормаком.

* * *

Первый же осенний шторм в сентябре разобрался с жарой. Мы наблюдали за съемкой последней серии. В ней участвовал интервьюер. Вдалеке погромыхивал гром, но фильтры звукозаписывающей системы убирали все посторонние звуки.

— Такие суденышки, словно сошедшие со страниц учебников по истории, по-прежнему строятся аборигенами в дальних уголках нашего мира, — говорил интервьюер. — Но вы стали свидетелями того, как этот баркас строился на ваших глазах, и я знаю, что вы, как и я, потрясены тем, что эти, казалось бы, потерянные навсегда навыки дошли до нас из глубин истории и теперь стали всеобщим достоянием. На том позвольте и распрощаться.

— Значит, все закончено? — спросил Кормак.

— Да, завтра мы увезем студию.

— Вы знаете, что несли чушь?

— Разумеется. Но тебе за все уплачено, Чарли, не забывай об этом. Учитывая, что средний психологический возраст телезрителей колеблется в районе двенадцати с половиной лет, никому неохота тратить лишние деньги на повышение качества телепередач для такой аудитории.

— А баркас?

— Собственность компании, Чарли, прочитай контракт. Увезем завтра вместе с остальным.

Кормак положил руку на гладкое дерево борта, погладил его.

— Заботьтесь о нем. Плавать под парусом — такое удовольствие.

— Мы его продадим, Чарли. Предложений хоть отбавляй.

— Ну и ладно, — Кормак повернулся спиной к баркасу, словно забыв о нем. — Бил, если не возражаешь, я бы с удовольствием отдал должное твоему бурбону, пусть его и не сравнить с ирландским виски. Но кто знает, когда в моих руках вновь окажется бутылка «Джейми».

Хлестал дождь, и мы пробежали те немногие метры, что отделяли студию от дома.

Крикет пошла в ванную сушить волосы, а я наполнил два стакана.

— За тебя, — поднял он свой. — Пусть твоя дорога всегда будет гладкой и чтоб тебе попасть в рай за год до того, как дьявол узнает, что ты уже там.

— Ты прощаешься?

— Да. Злой человек с кривыми ногами и дурными намерениями по фамилии Грегори говорил со мной сегодня. Задавал много политических вопросов... даже больше, чем ты. Он приедет за мной через несколько минут, но сначала я хочу проститься с тобой.

— Так быстро? А насчет этих вопросов извини. Я просто делал то, о чем меня просили.

— Понятное дело. Благодарю тебя за гостеприимство... сам поступил бы так же. Заработанные мною деньги я перевел на твой счет. Все равно не смогу воспользоваться ими там, куда собираюсь.

— Это несправедливо...

— Более чем справедливо, и по-другому быть не может.

Он вскинул голову, и я тоже услышал стрекот вертолета, приглушенный дождем. Он поднялся.

— Я уйду прямо сейчас, до возвращения твоей дочери. Попрощайся с ней за меня. Она — милая девочка. Я только возьму плащ. Больше ничего брать не буду.

Он ушел, оставив меня в печали: осталось невысказанным многое из того, что хотелось сказать. Открылась дверь, из патио вошел Грегори, вода с его плаща закапала на ковер. Кормак не ошибся: ноги не только кривые, но и короткие для его крупного тела. На экране телефона он производил более сильное впечатление.

— Я прибыл за Бирном.

— Он мне сказал. Пошел за плащом. С чего такая спешка?

— Никакой спешки. Самое время. Мы наконец-то додавили английскую полицию. Послали им отпечатки пальцев Бирна с одного из ваших стаканов. Он не тот, за кого себя выдает!

— Я понял, что он — моряк, рыбак, корабельщик или как там они называются.

— Возможно, — в его улыбке веселье отсутствовало напрочь. — Но он еще и полковник ирландской армии.

— А я — старший писарь Береговой охраны. Где здесь преступление?

— Я пришел сюда не для того, чтобы болтать с тобой. Приведи его.

— Я бы не хотел, чтобы мною командовали в моем доме, — огрызнулся я, но пошел за Бирном.

Крикет все еще сушила волосы. Дверь в ванную она не за-

крыла и крикнула, перекрывая гудение фена: «Сейчас приду». Я заглянул в комнату Кормака. Закрыл дверь, вернулся в гостиную. Сел, отпил из стакана, прежде чем заговорить.

— Его нет.

— А где он?

— Откуда мне знать?

Вскочив, он перевернул стул и выбежал из гостиной.

— Какой он торопыга, — прокомментировала появившаяся в дверях Крикет. — Нальешь мне?

— Бурбон со льдом, — я коснулся ее волос. Еще влажные. — Кормак ушел, — добавил я, наполняя ее стакан.

— Я слышала. Но далеко ему не уйти, — и улыбнулась, произнося эти слова. Повернулась к входной двери, скорчила пренебрежительную гримаску.

Мы молчали, время от времени прикладываясь к стаканам, пока не появился кипящий от злости Грегори.

— Он исчез... вместе с его чертовым баркасом. Вы об этом знали.

— Все, что говорится в этом доме, записывается, Грегори, — мой голос звенел от холодной ярости. — Поэтому будьте поосторожнее с вашими обвинениями, а не то я подам на вас в суд. Я оказывал вам всяческое содействие. Моя дочь и я находились в доме, когда Кормак сбежал. Если кто-то и виноват, так это вы!

— Я его поймаю!

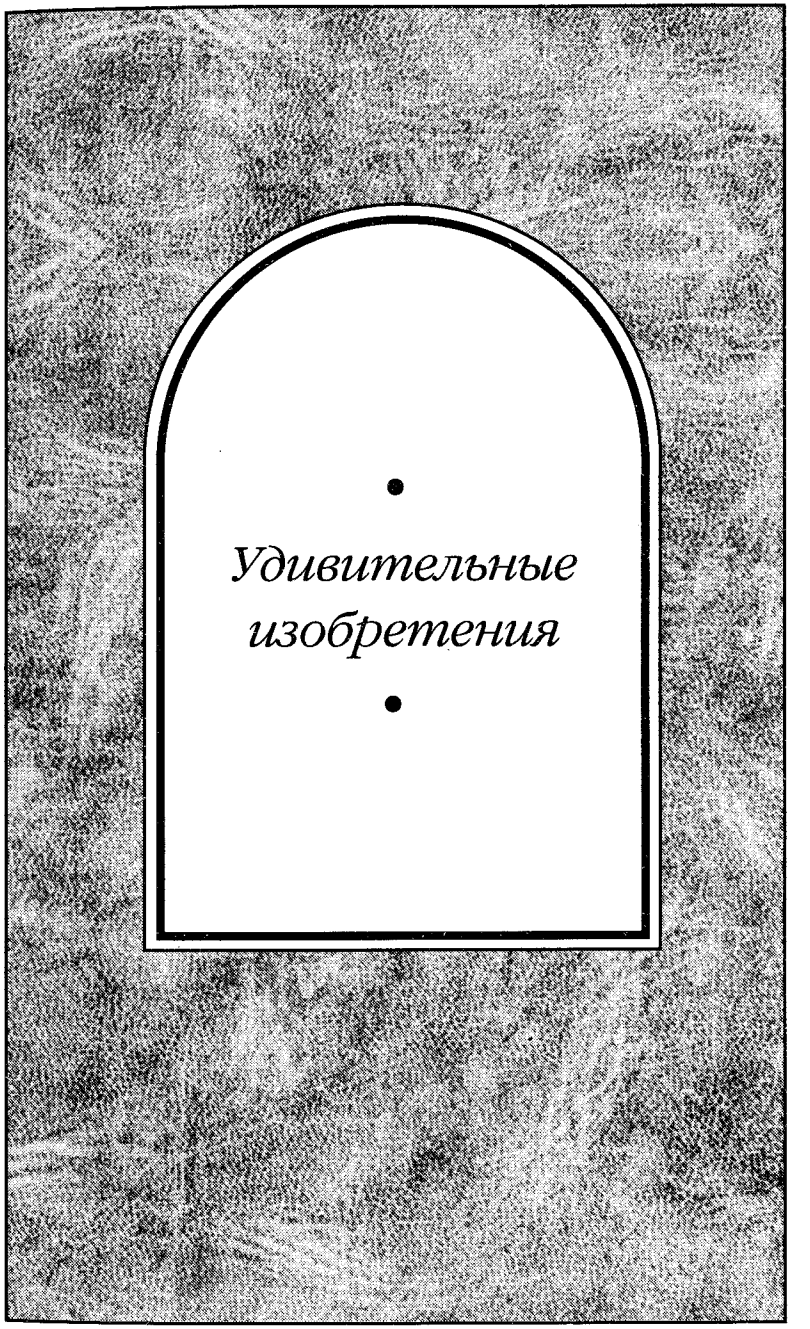
— Очень в этом сомневаюсь. Море вынесло его на берег, море и унесет. Чтобы он смог доложить обо всех государственных секретах, которые он здесь вызнал, — я не мог не улыбнуться.

— Ты смеешься надо мной?

— Да. Над вами и такими, как вы. Это свободная страна, и я хочу, чтобы она стала еще свободнее. Мы пережили кризисы двадцатого столетия и катаклизмы, обрушившиеся на остальной мир. Но за это мы заплатили, и до сих пор платим, очень высокую цену. И пришло время открыть наши границы и присоединиться к человечеству.

— Я знаю, что здесь делал Кормак, — внезапно заговорила Крикет, и мы оба повернулись к ней. — Он, конечно, шпион. Шпион, присланный Европой, чтобы посмотреть на нас. И мне понятны его мотивы. Он хотел посмотреть, достойны ли мы того, чтобы вновь жить среди людей.

Грегори в отвращении фыркнул и выбежал из дома. Я... ну, не знаю. Возможно, устами Крикет глаголила истина.

Удивительные изобретения

Когда-то, во времена доброго старого Хьюго Гернсбека, превыше всего в фантастике была идея. Хьюго всегда чувствовал, что, если вы не сможете запатентовать то, о чем говорится в рассказе, значит, не стоит тратить усилий на его написание. Ну, а если рассказ уже написан, но в нем нет ничего патентоспособного, то не следует занимать им священные страницы «Удивительных историй». Он очень серьезно относился к тому, что проповедовал, и в качестве примера для будущих литераторов написал «Ральф 124С41+», самый нечитабельный роман, какой только знало человечество, в котором, однако, по общему признанию, действительно содержалось множество потенциально патентоспособных идей. К счастью, положение с тех пор успело измениться, но это вовсе не означает, что мы должны позабыть о тех экзотических машинах, на которых так много лет выезжала научная фантастика.

Здесь вам предлагается несколько интересных мелочей из области технологии, с которой вам пока что не доводилось сталкиваться: от простенького изобретения, описанного в «Магазине игрушек», до «Из фанатизма, или За вознаграждение». В рассказах показано, что, по моему убеждению, должно явиться финалом во всем деле конструирования роботов.

Домой, на землю

— Джино... Джино... Помоги! Ради бога, сделай что-нибудь!

Слабый голосок, наполовину заглушаемый ревом солнечного фона, бился в наушниках Джино Ломбарди. Джино лежал ничком в лунной пыли, наполовину погрузившись в нее, и протягивал руку в глубь скальной расселины. Сквозь толстую ткань скафандра он почувствовал, что край обрыва под ним начал подаваться, и торопливо отполз назад. И тут же слой пыли и куски камня в том месте, где он только что находился, рухнули вниз, влекомые слабым лунным тяготением. Пыль, не испытывая сопротивления — ведь воздуха не Луне нет, — осыпалась на шлем Глейзера ниже, затенив его измученное лицо.

— Помоги мне, Джино... Вытащи меня отсюда, — вновь взмолился он, потянувшись одной рукой наверх.

— Ничего не выйдет... — ответил Джино. Он вновь прополз вперед, насколько осмелился, по осыпающейся скале и опустил руку в пропасть. Он не доставал до тянувшейся ему навстречу руки самое меньшее ярд. — Я не дотягиваюсь до тебя, и у меня нет ничего такого, за что ты мог бы уцепиться. Я вернусь на «Жука».

— Не уходи... — вскрикнул Глейзер, но его голос умолк, как только Джино отполз от щели и поднялся на ноги. Их крошечные рации, вмонтированные в шлемы, были слишком маломощными для того, чтобы пробиться сквозь камень; они могли использоваться только на расстоянии прямой видимости.

Джино длинными скользящими прыжками мчался к «Жуку». Здесь его внешность еще больше соответствовала названию: красное насекомое, присевшее на четыре тонкие ноги, наполовину погруженные в пыль. На бегу он непрерывно ругался: какой черт мог выдумать такое завершение первого полета на Луну! Хороший старт, расчетная орбита, первые две ступени отделились вовремя, лунная орбита идеальная, приземление изумительно мягкое — и через десять минут после того как они вышли из «Жука», Глейзера угораздило провалиться в эту щель, замаскированную пылью. Проделать весь этот путь сквозь бесчисленные опасности космоса — чтобы провалиться в дыру. Это было совершенно несправедливо.

Подбежав вплотную к ракете, Джино напрягся, подпрыгнул высоко вверх и ухватился за порог открытого люка кабины, находившейся в верхней части «Жука». План своих действий он составил еще на бегу — больше всего надежды у него было на магнитометр. Развернув прибор на стойке, он принялся дергать за длинный кабель, и тот в конце концов оторвался. Джино, не теряя ни секунды, ринулся обратно. Люк кабины находился очень высоко — по земным меркам, — но он, не задумываясь о возможной опасности, спрыгнул вниз, упруго отскочил от поверхности планеты и перекатился. К глубокой ране в груди луны вел ряд отчетливых следов, и он изо всех сил побежал по этому пути; он задыхался, несмотря на то что дышал чистым кислородом. Оказавшись рядом с трещиной, он кинулся наземь и, скользя и извиваясь в пыли, как можно быстрее пополз к ее осыпавшемуся краю.

— Все в порядке, Глейзер, — крикнул он и сам чуть не оглох: с такой силой его голос отдался внутри шлема. — Держи кабель...

Трещина была пуста. Уступ из мягкой породы не выдержал, и Глейзер провалился куда-то в глубь планеты.

Долго еще майор Джино Ломбарди лежал там, мигая фарой скафандра в бездонную на вид пропасть, вызывая своего спутника по включенному на полную мощность радио. Единственным ответом ему был треск статических разрядов. Постепенно он начал замечать, что холод остуженных почти до абсолютного нуля камней начал просачиваться сквозь теплоизоляцию его скафандра. Глейзер пропал, и с этим ничего нельзя было поделать.

После этого Джино методически, без всякого интереса проделал все, что было запланировано. Он собирал образцы скальных пород и пыли, снимал показания приборов, идеально точно размещенных в тех точках, которые были ему указаны, пробурил скважину и точно в заданное время взорвал в ней заряд. Затем он свел собранные показания приборов в таблицу, и, когда при следующем прохождении космический корабль «Аполлон» оказался в зоне видимости, вызвал его по радио.

— Дэн, отзовись, Дэн... Полковник Дэнтон Кой, вы меня слышите?

— Ясно и четко, — послышалось из динамика. — Ну-ка, парни, раздалось мне, какое ощущение испытываешь, прогуливаясь по Луне?

— Глейзер погиб. Я один. Я собрал все данные и сделал все фотографии, которые требовались. Прошу разрешения сократить пребывание здесь против запланированного. Нет никакой необходимости торчать здесь целый день.

Несколько долгих секунд из динамика доносилось лишь потрескивание помех, а потом вновь раздался голос Дэна, хорошо знакомый голос, произносивший слова нараспев, с техасским акцентом.

— Понял тебя, Джино... Ожидай сигнала компьютера; я думаю, что смогу забрать тебя на следующем витке.

Старт с Луны прошел так же безупречно, как и тренировки в имитаторе на Земле, а Джино был слишком занят работой за обоих членов экипажа, чтобы иметь возможность думать о том, что произошло. Он едва успел пристегнуться к креслу, когда переданный по радио сигнал корабельного компьютера включил двигатели, которые, обдав яростной струей пламени лунный грунт, подняли «Жука» и понесли его к месту стыковки с двигавшимся по орбите базовым кораблем. В поле зрения астронавта возник стыковочный узел «Аполлона», и Джино понял, что должен пройти перед ним, так как движется слишком быстро; он произвел коррекцию курса, почувствовав при этом, что еще глубже погружается в депрессию. Компьютер не предусмотрел изменения параметров лунного модуля: наличие на его борту всего лишь одного пассажира вместо двух. После коррекции совместить орбиты оказалось не слишком трудно, и спустя всего несколько минут Джино прополз через шлюз центрального модуля и задраил его за собой. Дэн Кой молча и неподвижно сидел за пультом управления, пока давление в кабине не восстановилось, и астронавты смогли снять шлемы.

— Джино, что там стряслось?

— Несчастный случай... трещина в лунной поверхности, слегка присыпанная слоем пыли. Глейзер просто провалился туда. Вот и все. Я хотел вытащить его, но не смог дотянуться. Сбегал на «Жука» за каким-нибудь проводом, но когда вернулся, он сорвался куда-то еще глубже... ну вот...

Джино закрыл лицо ладонями, но и сам не мог понять, то ли он рыдал, то ли его трясло от усталости и напряжения.

— Хочу открыть тебе один секрет, — сказал Дэн, засовывая руку в глубокий карман скафандра — он был совсем не таким, как тот, что был на Джино. Одежда командира экспедиции не предназначалась для вылазки на поверхность спутника Земли. — Я совсем не суеверен. Все считают, что я верю в приметы и всякие амулеты, но это всего лишь пример всеобщего заблуждения. Я завел этот талисман потому, что считается, что все пилоты должны иметь талисманы; это, наверно, придумали репортеры, чтобы им было о чем болтать, когда ничего не происходит. — Он вынул из кармана черную резиновую куколку, прославившуюся к тому времени на миллионах телеэкранов, и помахал ею перед Джино. — Весь мир знает, что я всегда ношу при себе на счастье

мой маленький талисман, но никому не известно, какое счастье он мне приносит. Теперь это узнаете *вы*, майор Джино Ломбарди, и не только узнаете, но и разделите со мной мое счастье. Прежде всего: эта куколка сделана не из резины, которая могла бы дурно сказаться на ее содержимом, а из химически нейтральной пластмассы.

Джино против воли поднял взгляд и посмотрел, как Дэн ухватил куклу за голову и крутанул ее.

— Обрати внимание на движение запястья, которым я обезглавливаю моего маленького друга, грудь которого наполнена наивысшим счастьем в мире, тем счастьем, которое может дать только сделанный из хорошо перебродившей браги «бурбон» крепостью в сто пятьдесят градусов. Ну-ка, глотни. — Он наклонился вперед и протянул куклу Джино.

— Спасибо, Дэн. — Он поднял фляжку, сжал ее в кулаке, сделал два глотка и вернул игрушку хозяину.

— За упокой хорошего пилота и хорошего парня Эдди Глейзера, — внезапно серьезным тоном провозгласил Дэн Кой, подняв руку с фляжкой. — Он хотел добраться до Луны, и он сделал это. Она вся теперь принадлежит ему по праву завоевателя. — Он выжал из куклы спиртное до последней капли, аккуратнейшим образом приладил голову на место и сунул фигурку в карман. — А теперь давай прикинем, как нам лучше установить контакт с Центром управления, ввести их в курс дела и вернуться на Землю.

Джино включил передатчик, но не стал посылать вызов. Пока пилоты разговаривали, орбита увела их к обратной стороне Луны, и планета теперь надежнейшим образом блокировала любые попытки радиосвязи с Землей. «Апполон» описал через темноту заранее измеренную до доли угловой секунды дугу, и астронавты увидели новый восход солнца над острыми лунными пиками; а затем им вновь явился большой шар Земли. Северная Америка была ясно видна, так что использовать ретрансляторы не было никакой необходимости. Джино передал вызов на мыс Кеннеди и выждал две с половиной секунды — столько времени требовалось для обмена сигналами на расстоянии в 480 000 миль. Но эти секунды давно прошли; время все тянулось, и пилоты с тревогой следили за секундной стрелкой, весело прыгавшей по циферблату.

— Они не отвечают...

— Непрохождение радиоволн, солнечные пятна... Попробуй еще раз. — В голосе Дэна внезапно прорезалось напряжение.

Центр управления полетом на мысе Кеннеди не ответил и на следующий вызов, более того, ответа не последовало и на сообщение, переданное на частотах, отведенных для чрезвычайных

обстоятельств. Они поймали какие-то переговоры между самолетами на более высоких частотах, но их никто не заметил и не обратил ни малейшего внимания на их непрерывные вызовы. Теперь они смотрели на голубую сферу Земли с ужасом, и лишь спустя час, на протяжении которого они в буквальном смысле вспотели, вновь и вновь передавая свои позывные, они согласились признать факт, что по какой-то необъяснимой причине их радиоконтакт со всей планетой оказался нарушен.

— Что-то случилось за время нашего последнего витка вокруг Луны. Я выходил на связь с ними, пока ты рассчитывал орбиту, — констатировал Дэн. Он снял крышку с рации и теперь прикладывал разъемы амперметра к контактам. — Какая-то ерунда...

— Только не на нашем конце, — мрачно сказал Джино. — Но *там* действительно что-то стряслось.

— Неужели... война?

— Этого нельзя исключить. Но *с кем* и почему? На неприкосновенных частотах нет ничего необычного, и я не думаю...

— Смотри! — хрипло выкрикнул Дэн. — Огни... Где огни?

Во время последнего витка они ясно видели в свой телескоп мерцающие огни американских городов. А теперь весь континент был совершенно черен.

— Джино, погоди... Видишь Южную Америку? Там города светятся. Что могло произойти дома за время всего-навсего одного витка вокруг Луны?

— Есть только один способ выяснить это. Мы возвращаемся. С помощью или без помощи Земли.

Они отстыковались от «Жука» — лунного модуля, — пристегнулись к противоперегрузочным креслам и принялись вводить данные в компьютер. Согласно его инструкциям, сориентировали «Аполлон» в пространстве. Еще раз облетели лишенный атмосферы спутник, и в нужный момент компьютер включил двигатели транспортного модуля. Они возвращались домой.

Несмотря на множество отрицательных факторов, приземление прошло не так уж плохо. Они попали на нужный континент, причем промахнулись по широте всего лишь на несколько градусов, хотя и вошли в атмосферу раньше, чем намеревались. А если учитывать полное отсутствие наведения с Земли, то следовало назвать их приземление великолепным.

Капсула с воем врезалась в густеющий воздух, ее огромная скорость начала быстро снижаться, и на авиационном указателе скорости появились вполне разумные цифры. Далеко внизу сквозь дыры в облачном покрове проглядывала поверхность Земли.

— Скоро вечер, — заметил Джино. — Мы едва успеем приземлиться до сумерек.

— Ничего, все равно будет еще достаточно светло. Мы могли приземлиться в Пекине в полночь, так что давай не будем жаловаться. Приготовься, сейчас пойдут парашюты.

Один за другим развернулись огромные купола; капсула дважды вздрогнула. Астронавты откинули забрала шлемов. Спускаемый аппарат спокойно парил в воздушном океане.

— Интересно, как нас встретят... — протянул Дэн, потирая ладонью щетину на массивной челюсти.

Послышался резкий треск, и в металле верхнего сектора капсулы появился ряд отверстий; воздух со свистом ворвался внутрь, уравнивая более низкое давление капсулы с наружным.

— Смотри! — крикнул Джино, указывая на темный предмет, мелькнувший в иллюминаторе. Летающий объект был похож на толстую сигару с короткими стреловидными крыльями и на фоне солнца казался черным. Затем он прокрутил восходящую «бочку» — оказалось, что он покрыт серебристой обшивкой, и, заложив крутой вираж, вновь устремился к беспомощно висевшей на парашюте капсуле. Незнакомый самолет приближался, быстро увеличиваясь в размерах; возле основания крыльев бились алые всплески огня.

Иллюминатор затянуло серым: капсула вошла в облако. Астронавты молча смотрели друг на друга; никто не хотел говорить первым.

— Реактивный самолет, — наконец сказал Джино. — Я никогда еще не видел такого.

— Я тоже... Но там было кое-что знакомое. Скажи-ка, ты разглядел крылья? Ты видел?..

— Если ты говоришь о черных крестах на крыльях, то да, я их видел, но не собираюсь верить своим глазам! Вернее, не поверил бы, но он убедил меня, проделав в нашем корпусе новые внештатные воздухозаборники. А у тебя есть какие-нибудь соображения по этому поводу?

— Нет. Но мне кажется, что мы достаточно скоро все узнаем. Приготовься к приземлению — осталось всего две тысячи футов.

Самолет больше не появлялся. Они подтянули привязные ремни и застыли, ожидая встречи с землей. Она оказалась довольно жесткой: капсула резко стукнулась днищем, перекосилась и задергалась.

— Отстрел парашюта! — приказал Дэн Кой. — Нас несет.

Джино повернул рукоять прежде, чем Дэн успел договорить фразу. Рывки прекратились, и капсула медленно встала вертикально.

— Свежий воздух... — без выражения протянул Дэн и включил отстрел люка. Круглая крышка отскочила, на ребре покатилась по земле и, покрутившись, упала. Пока они отсоединяли от своих скафандров многочисленные провода и разъемы, горячий сухой воздух заполнил капсулу, принеся с собой пыльный запах пустыни.

Дэн поднял голову и фыркнул.

— Пахнет домом. Давай вылезем из этой коробки.

Полковник Дэнтон Кой вышел первым, как приличествует командиру Первой американской экспедиции «Земля — Луна». Майор Джино Ломбарди последовал за ним. Они молча стояли бок о бок, глядя на закатное солнце, ярко сверкавшее на их серебряных скафандрах. Вокруг них, насколько хватал глаз, тянулись чахлые заросли сероватых пустынных кустарников, среди которых выделялись кактусы и мескитовые деревья. Ничего не нарушало тишину; нигде не было видно ни малейшего шевеления, лишь ветер уносил облачко пыли, поднятое капсулой при посадке.

— Хороший запах, прямо как у нас в Техасе, — заявил Дэн, шумно вдохнув носом.

— Кошмарный запах. У меня от него сразу разыгралась жажда. Но, Дэн, что же все-таки случилось? Сначала потеря связи, потом этот самолет...

— А вот и ответ на подходе, — внешне спокойно сказал полковник, указывая на быстро удлинявшуюся от горизонта в их сторону полосу пыли. — Незачем строить предположения; мы все выясним через пять минут.

На самом деле времени прошло еще меньше. К ним с ревом подлетел выкрашенный в песочный камуфляжный цвет большой полугусеничный вездеход-фургон, сопровождаемый двумя бронетранспортерами поменьше. Машины резко остановились невдалеке в облаке собственной пыли. Дверь вездехода распахнулась, и оттуда выпрыгнул человек в защитных очках. На ходу он брезгливо отряхивал пыль со своего ладно сидящего черного обмундирования.

— Hände hoch! — крикнул он, указывая на повернувшиеся в сторону астронавтов тяжелые пулеметы, установленные на турелях на кабинах бронетранспортеров. — Руки вверх, и не опускать. Вы мои пленники.

Они медленно подняли руки, словно загипнотизированные, пожирая глазами детали униформы: серебряные зигзаги молний на петлицах, высокая, да к тому же изогнутая вверх фуражка с кокардой — хищный орел, сжимающий в когтях свастику.

— Вы... вы немец! — задыхаясь, пробормотал Джино Ломбарди.

— Очень точно подмечено, — без тени юмора ответил офи-

цер. — Я гауптманн Лангеншайдт, а вы мои пленники, и будете повиноваться моим приказам. Садитесь в kraftwagen.

— Подождите минуту, — возразил Дэн. — Я полковник Кой, ВВС США, и я хотел бы узнать, что здесь происходит...

— В машину, — приказал офицер. Он не повысил голоса, зато вынул из кобуры длинный «люгер» и, держа пистолет в согнутой руке, направил его на астронавтов.

— Пойдем, — сказал Джино. Он положил руку на плечо Дэна и почувствовал, как его друг напряжен. — Ты старше его в звании, но, похоже, он здесь главный.

Они вскарабкались в открытую заднюю дверь фургона; капитан-немец забрался следом, указал, куда им сесть, а сам сел впереди лицом к пленникам. Двое молчаливых солдат с автоматами наперевес заняли места у них за спинами. Гусеницы лязгнули, и машина тронулась с места, вздымая густую тучу пыли.

Джино Ломбарди никак не мог воспринять происходившее как действительность. Полет на Луну, посадка, даже гибель Глейзера — все это были реальные и понятные события. Но дальше?.. Он посмотрел на часы; в окошечке календаря виднелось число двенадцать.

— Только один вопрос, Лангеншайдт, — повысил он голос, стараясь перекричать рев двигателя. — Сегодня двенадцатое сентября?

Ответом послужил резкий кивок.

— А год... год, конечно, 1971?

— Да, конечно. И хватит вопросов. Вы будете говорить с Oberst...ом, а не со мной.

После этого астронавты сидели молча, и лишь старательно щурились, пытаясь уберечь глаза от пыли. Спустя несколько минут машина свернула в сторону и остановилась; в противоположном направлении с тяжелым грохотом протащилось длинное тяжелое тело трейлера для перевозки танков. Очевидно, немцы жаждали заполучить капсулу ничуть не меньше, чем ее пилотов. Пропустив платформу с краном, вездеход двинулся дальше. Уже темнело, когда они увидели впереди контуры двух больших танков; их орудия сопровождали переваливавшуюся в неровных колеях бронемашину. Позади дозорных машин оказался целый парк различной техники, а также множество палаток. В вырытых в песке окопах ярко пылали паяльные лампы. Вездеход остановился перед самой большой палаткой, и двоих астронавтов под прицелом автоматов провели внутрь.

За складным столом спиной к вошедшим сидел офицер и что-то писал. Не обращая на них внимания, он закончил, сложил бумаги, убрал их в папку и лишь потом повернулся. Это был

очень худой человек; он не сводил горящего взгляда с пленников, пока капитан быстро рапортовал по-немецки.

— Это чрезвычайно интересно, Лангеншайдт, но мы не должны заставлять наших гостей стоять. Прикажите ординарцу принести стулья. Господа, разрешите мне представиться. Я полковник Шнейдер, командир сто девятой бронетанковой дивизии, которой вы оказали честь своим визитом. Сигарету?

Уголки губ полковника чуть заметно приподнялись — вероятно, это должно было означать улыбку — и тут же рот вновь вытянулся в тонкую прямую линию. Взяв со стола плоскую пачку сигарет «Плейерс» он протянул ее Джино. Тот автоматически принял их. Вытряхивая сигарету из пачки, он заметил, что они были сделаны в Англии, но этикетка напечатана на немецком языке.

— Уверен, что вы с удовольствием выпьете виски, — заявил Шнейдер, снова продемонстрировав свою деланую улыбку. Он поставил на стол бутылку «Оулд Хайлендер». Джино впился взглядом в этикетку. На ней красовался знакомый горец с волынкой и в шотландском килте, и он сообщал по-немецки: «Ich hätte gern etwas zu trinken WHISKEY!»[1]

Солдат ткнул его сиденьем стула под колени, и Джино с огромным облегчением опустился на сиденье. Ему вручили стакан. Он отхлебнул и с первого же глотка почувствовал, что это хорошее шотландское виски.

Ординарец вышел, а полковник откинулся на спинку стула и тоже взял со стола высокий стакан виски со льдом. Единственным напоминанием о том, что астронавты находятся в плену, служила застывшая возле входа безмолвная фигура капитана, державшего руку на рукояти лежавшего в кобуре пистолета.

— Вы, господа, прибыли на очень интересном транспортном средстве. Наши технические эксперты, конечно, изучат его, но у меня есть вопрос...

— Я полковник Дэнтон Кой, Военно-воздушные силы Соединенных Штатов, личный номер...

— Прошу вас, полковник, — прервал его Шнейдер. — Мы можем обойтись и без этих формальностей...

— Майор Джованни Ломбарди, Военно-воздушные силы Соединенных Штатов, — выпалил Джино и тоже назвал свой личный номер. Немецкий полковник снова приподнял уголки губ в улыбке и сделал крошечный глоток из стакана.

— Не пытайтесь сделать из меня дурака, — внезапно сказал

[1] Ich hätte gern etwas zu trinken WHISKEY! *(нем.)* — Я охотно выпью немного виски!

он, и впервые в его голосе прорезалась холодная властность, соответствовавшая его мрачному облику. — Вам придется подробно объясняться в гестапо, так что вы можете сначала рассказать все это мне. И хватит ваших ребяческих игр. Я не знаю никаких американских Военно-воздушных сил, только ваш армейский авиакорпус, который поставляет такие прекрасные цели для наших летчиков. А теперь — что вы делали в этом устройстве?

— А вот это вас не касается, полковник, — отрезал Дэн точно таким же тоном. — А вот я хотел бы знать, что немецкие танки делают в Техасе и?..

Его прервал яростный треск выстрелов, послышавшийся где-то неподалеку. Затем последовали два оглушительных взрыва, вход в палатку озарился отдаленным заревом. Капитан Лангеншайдт выхватил пистолет и опрометью выскочил из палатки, а все, кто в ней остался, вскочили на ноги. Снаружи раздался приглушенный крик, и в палатку ворвался человек — он показался обоим астронавтам огромным, — одетый в пестрый камуфляжный костюм. Его лицо было вымазано чем-то черным, и руки, в которых он держал большой незнакомого образца пистолет, направленный на находившихся в палатке, тоже были черными.

— Verdamm... — выругался полковник и потянулся за своим оружием. Пистолет вновь прибывшего дважды дернулся и издал два похожих на вздохи звука. Командир танковой дивизии схватился за живот, сложился вдвое и рухнул на пол.

— Вы, парни, только не стойте с раскрытыми ртами, — негромко прикрикнул новый посетитель. — Давайте-ка убираться отсюда, пока сюда не приперся еще кто-нибудь. — С этими словами он повернулся и быстро вышел из палатки, а астронавты последовали за ним.

Они проскользнули за ряд грузовиков, выстроенных в идеальную линию, и присели там, а толпа солдат в железных касках пробежала мимо, направляясь на звук перестрелки. В треск автоматов вмешались орудийные выстрелы, а зарево, кажется, стало ослабевать.

— Это всего-навсего диверсия — шестеро парней, которые наделали шуму на шестьдесят человек, — прошептал их спаситель, наклонившись к астронавтам, — всего лишь подорвав один из бензовозов. Но эти кочанные головы быстро раскумекают что к чему и устроят на нас пешую облаву. Так что делаем ноги, да поживее!

Он первым выскочил из укрытия, и все трое ринулись в темную пустыню. Пробежав всего несколько ярдов, астронавты начали спотыкаться, но упорно бежали, пока чуть ли не кубарем скатились в небольшой овраг, где в ночной тьме выделялась еще

более темная масса: джип. Мотор заработал, как только трое людей ввалились в машину. Джип, не зажигая огней, выполз из оврага и с хрустом попер через сухие кусты.

— Вам повезло, что я видел, как вы опускались, — сказал с переднего сиденья их освободитель. — Я лейтенант Ривз.

— Полковник Кой, а это майор Ломбарди. Просто невозможно выразить, как мы благодарны вам, лейтенант. Когда эти немцы захватили нас, мы просто не в силах были заставить себя в это поверить. Откуда они взялись?

— Только вчера прорвались из кольца, блокирующего корпус. А я с моим патрулем крался за ними следом и извещал Сан-Антонио о движении колонны. Поэтому-то я и увидел, как ваш корабль, или что там такое, весь раскрашенный звездами и полосами, снижается прямо перед носом их разведчиков. Я попытался добраться до вас первым, но был вынужден повернуть, потому что взвод их разведчиков опередил меня. Но так, пожалуй, вышло еще удачнее. Как только стемнело, мы захватили транспортер для перевозки танков, и двое моих раненых сейчас гонят его в Котуллу, где мы получим боеприпасы и транспорт. Остальных парней я заставил провести эту диверсию — вы сами знаете ее результат. Ну а вы, наездники из воздушного корпуса, должны повнимательнее следить за ветром и прочими штучками погоды, а то все ваши хитрые новые выдумки так и будут падать во вражеские руки.

— Вы сказали, что немцы прорвались из Корпуса... Это корпус «Кристи»? — спросил Дэн. — Что они там делают, как долго они там находятся, и, самое главное, откуда они взялись?

— Вы, летуны, наверно, отсиживались в какой-нибудь очень глубокой дыре, — ответил Ривз и громко ухнул: джип особенно резко подпрыгнул на невидимой кочке. — Они высадились на техасском побережье Мексиканского залива уже месяц назад. Мы сдерживали их, но с очень большим трудом. А теперь они прорвались и мы стараемся оставаться у них на пути. — Он умолк и на мгновение задумался. — Пожалуй, парни, я лучше не буду рассказывать вам слишком много, пока мы не узнаем, что вы там делали. Держитесь крепче, и через два часа мы будем далеко отсюда.

Вскоре после того, как они выбрались на проселочную дорогу, к ним присоединился другой джип, и лейтенант с кем-то связался по полевой рации. Затем оба автомобиля помчались на север, миновали множество противотанковых рвов и артиллерийских позиций и наконец въехали в небольшой городок Котуллу, уцепившийся за шоссе, ведущее в Сан-Антонио. Астронавтов отвели в заднюю часть местного универмага, где разме-

щался командный пункт. Здесь было много галунов, лампасов, орденов и вооруженной охраны, а за столом сидел генерал с одной звездой на погоне и воинственно выдвинутым вперед могучим подбородком. Прием здесь оказался почти таким же, как в палатке немецкого полковника.

— Кто вы такие — вы оба, что вы здесь делаете... и что это за непонятная штука, на которой вы прилетели? — строгим голосом спросил генерал.

Дэн сам имел множество вопросов, на которые желал немедленно получить ответы, но он знал, что на свете нет, пожалуй, более бессмысленного занятия, чем спорить с генералом. Он рассказал о полете на Луну, о потере связи, о возвращении. На протяжении всего повествования генерал не сводил с него внимательного взора, а на лице его ничего нельзя было прочесть. Он не произнес ни слова, пока Дэн не закончил, и лишь потом заговорил.

— Джентльмены, я не знаю, как отнестись ко всему этому рассказу о ракетах, полетах на Луну, русских спутниках и тому подобном. Или вы оба безумны, или я спятил, хотя нельзя не признать, что на трейлере лежит убедительное доказательство истинности вашей совершенно невероятной истории. Я сомневаюсь, что у русских теперь, когда их армии рассечены на части и оттесняются в Сибирь, есть время или ресурсы для развития ракетной техники. Все остальные страны в Европе сдались нацистам, и они перенесли войну в это полушарие, устроили базы в Центральной Америке, заняли Флориду и множество плацдармов на побережье Залива. Я не стану притворяться, будто понимаю, кто вы такие и что с вами произошло, и поэтому утром отправлю вас в Денвер, столицу Штатов.

На следующий день в самолете, где-то высоко над пиками Скалистых гор, они пытались сложить воедино части головоломки. Лейтенант Ривз летел с ними якобы как сопровождающий, но его пистолет наготове лежал в расстегнутой кобуре.

— Сейчас то же самое время и тот же самый мир, из которого мы улетали, — объяснил ему Джино, — но имеется много *различий*. Слишком много. И их становится все больше и больше, пока в конце концов все не изменяется радикально. Ривз, ведь это вы сказали мне, что президент Рузвельт умер, не дождавшись окончания своего первого срока?

— Да, от пневмонии. Он никогда не отличался слишком крепким здоровьем и умер, не пробыв и года на своей должности. У него было много различных диковинных проектов, но ни из одного не вышло толку. Вице-президент Гарнер попытался продолжать его линию, но между словами Рузвельта и словами этой бабы в штанах оказалась большая разница. Непрерывные драки,

неприятности с конгрессом, усиление Депрессии и так далее. Никакого улучшения вплоть до тридцать шестого года, когда выбрали Лэндона. Безработных все еще было много, но после того, как в Европе началась война, они стали покупать у нас множество всякой всячины: продовольствие, машины, даже оружие.

— Вы говорите об Англии и союзниках?

— Я говорю обо всех. Немцы тоже покупали, хотя от этого у многих здесь крыши съехали. Но политики решили, что следует избегать международных осложнений и вести торговлю со всеми, кто в состоянии платить. И только после вторжения в Англию люди начали понимать, что нацисты не лучшие клиенты в мире, но к тому времени было уже слишком поздно.

— Это похоже на зеркальное изображение мира — в кривом зеркале, — сказал Дэн, глубоко затягиваясь сигаретой. — Пока мы огибали обратную сторону Луны, случилось нечто такое, отчего весь мир повернул по другому пути, как будто ход истории изменился где-то в начале тридцатых годов.

— Мир нисколько не изменился, парни, — возразил Ривз, — он всегда был таким, каким был, и естественным образом пришел к нынешнему состоянию. Хотя я признаю, что тот вариант истории, о котором вы говорили, кажется, лучше. Но если нужно выбирать, кто сошел с ума, — целый мир или вы, то я выбираю вас. Не знаю, какого рода эксперимент поставили над вами птицы более высокого полета, но в результате у вас, похоже, протухло серое вещество.

— Я этого не приму, — продолжал горячиться Джино. — Знаю, что со стороны кажется, будто у меня шарики за ролики заехали, мне и самому так иногда начинает казаться, но я всякий раз вспоминаю о капсуле, в которой мы приземлились. Как вы собираетесь объяснить это?

— И пытаться не стану. Я знаю, что в ней имеется много приборов и устройств и других штуковин, за которые инженеры и университетские профессора будут выдирать друг у друга последние патлы, но меня это нисколько не волнует. Я возвращаюсь на войну, где стреляют и где дела гораздо проще. И, пока не доказано обратное, я буду думать, что вы, джентльмены, оба спятили, если, конечно, можно употреблять такое выражение к старшим офицерам.

Официальная реакция в Денвере оказалась примерно такой же. Штабной микроавтобус, набитый охранниками из военной полиции, подкатил к трапу самолета, как только он приземлился на аэродроме Лоури-Филд, и доставил астронавтов прямиком в госпиталь Фицсиммонс. Без долгих объяснений их подвергли лабораторным обследованиям, и, должно быть, добрая половина

штата гигантской больницы принялась брать у них анализы, подсоединять электроды и задавать вопросы. Их много раз заставляли рассказывать о своем полете и о своем мире — очень часто при этом подключали датчики детектора лжи, — но ни на один из их вопросов не отвечали. Время от времени их угрюмо рассматривали невесть откуда приезжавшие высокопоставленные офицеры, но никто из них не принимал участия в допросах. Они наговаривали многочасовые монологи в магнитофоны, отвечали на вопросы, касавшиеся самых различных областей знания, начиная от истории и кончая физикой, а когда они изнемогали, им давали бензедрин и заставляли продолжать. Больше недели они встречались только случайно в коридорах по дороге к кабинетам, где их обследовали и допрашивали, и в конце концов они уже начали падать с ног от усталости и потеряли способность соображать от стимуляторов и других лекарств. На их вопросы все так же не отвечали и лишь убеждали не тревожиться и уверяли, что, как только закончится обследование, о них позаботятся. И когда плавный ход событий нарушился, это оказалось *долгожданным сюрпризом; причем, очевидно, неожиданным для* всех. Джино вел очередную беседу; на сей раз с мобилизованным профессором истории, носившим на залитом соусом кителе полевой формы блестящие пластинки капитана. Охрипший после многодневного почти непрерывного допроса Джино держал микрофон, почти прижимая его к губам, и говорил шепотом.

— Вы можете сказать мне, кто был министр финансов при Линкольне? — спросил капитан.

— Какого дьявола я должен это знать? И очень сомневаюсь, что в этой богадельне найдется хоть один человек, который знал бы это — кроме вас. А вы знаете?

— Конечно...

Дверь без стука распахнулась, и на пороге возник полковник с нарукавной повязкой военной полиции. Очень серьезный мальчик на побегушках; его появление произвело на Джино впечатление.

— Я пришел за майором Ломбарди.

— Вам придется подождать, — возразил капитан-историк, наматывая на кулак свой и так уже ни на что не похожий галстук. — Я еще не закончил.

— Это неважно. Майор немедленно отправится со мной.

Они молча промаршировали через множество залов, пока не пришли в просторную комнату отдыха. Дэн, расслабленно раскинувшись в глубоком кресле, попыхивал сигарой. Громкоговоритель на стене что-то монотонно бормотал.

— Хочешь сигару? — спросил Дэн и, не дожидаясь ответа, толкнул коробку через стол.

— Чем нас будут развлекать на этот раз? — поинтересовался Джино, откусив кончик и оглядываясь в поисках спичек.

— Очередная конференция, очень большие «шишки», и невероятная суматоха. Мы войдем спустя минуту-другую, как только крик немного утихнет. Появилась теория по поводу того, что с нами случилось, но далеко не все с нею согласны, хотя ее выдумал сам Эйнштейн.

— Эйнштейн! Но он же умер...

— Нет, здесь он все еще жив; я его видел. Величественный, очень старый — за девяносто — джентльмен, худой как спичка, но все еще крепкий и бодрый. Он говорит... подожди, кажется, передают новости.

Один из охранников военной полиции прибавил громкость репродуктора, и все прислушались.

«...Несмотря на упорное сопротивление, город Сан-Антонио теперь находится во вражеских руках. Еще час назад мы получали сообщения их окруженного Аламо, где подразделения Пятой конной отказались капитулировать перед превосходящими силами противника. За этой второй битвой при Аламо[1] следила вся Америка. История повторилась трагически, потому что теперь, кажется, не осталось никакой надежды на то, что кто-нибудь...»

— Будьте добры, джентльмены, следуйте за мной, — объявил вошедший штабной офицер, и оба астронавта сразу же поднялись. Офицер постучал в дверь и, не дожидаясь ответа, распахнул ее перед ними. — Прошу вас.

— Рад познакомиться с вами обоими, — сказал Альберт Эйнштейн и указал на пару удобных кресел. Сам он сел спиной к окну; солнечный свет вспыхнул в его совершенно белой шевелюре, образовав нимб вокруг головы.

— Профессор Эйнштейн, — заговорил Дэн Кой, — можете ли вы объяснить нам, что случилось? Что изменилось в мире?

— Ничего не изменилось; это первое, что вам следует понять. Мир остался тем же самым, и вы те же самые, но вы были... за неимением лучшего, скажем, *перемещены*. Я выражаюсь не совсем понятно. Было бы гораздо легче выразить это математически.

— Каждый, кто когда-либо забирался в космическую ракету, должен был хоть немного увлекаться научной фантастикой, а я проглотил свою долю полностью, — ответил Дэн. — Мы оказа-

[1] Аламо — городок и укрепления при одноименной францисканской миссии в Сан-Антонио, штат Техас. В ходе так называемой Техасской войны за независимость — восстания поселившихся в Техасе североамериканских плантаторов против мексиканских властей — 23 февраля 1836 года Аламо был осажден мексиканскими войсками, а 6 марта взят штурмом. Весь гарнизон при этом был уничтожен.

лись в одном из этих параллельных миров, о которых столько писали, и все такое, да?

— Нет, с вами произошло совсем не это, хотя, возможно, вам будет легче представить себе случившееся, пользуясь этими словами. Вы находитесь в том же самом *объективном* мире, который покинули, — но *субъективно* он не тот же самый. Существует только одна галактика — та, в которой мы обитаем, — и только одна вселенная. Но наше представление о ней изменяет многие из аспектов действительности.

— Я ничего не понимаю, — вздохнул Джино.

— Давайте посмотрим, удалось ли мне понять, — предложил Дэн. — Мне кажется, вы хотите сказать, что вещи являются такими, какими мы их себе представляем, и остаются такими, какие есть, благодаря нашим мыслям. Скажем, то дерево в кадушке, которое я помню с колледжа, может быть только таким, какое существует в моей голове.

— И снова неверно, но сойдет для приблизительного истолкования. Я давно подозревал существование подобного феномена; об этом говорили некоторые отклонения от теории при наблюдении скорости света, укладывавшиеся в пределы ошибки измерения, проявления гравитационного взаимодействия, ход химических реакций. Я кое-что подозревал, но не знал, где искать. И сейчас, господа, пользуюсь случаем поблагодарить вас от всей души за то, что вы на исходе моей жизни предоставили мне такую возможность, дали мне в руки ключ, при помощи которого я смогу найти решение этой проблемы.

— Решение... — Джино непроизвольно раскрыл рот. — Вы хотите сказать, что у нас есть шанс вернуться в знакомый нам мир?

— Не просто шанс, а самая реальная возможность. То, что произошло с вами, было всего лишь несчастным случаем. Вы оказались вдали от своей родной планеты, вне ее атмосферного покрова, а на некоторых отрезках орбиты даже вне ее поля зрения. Ваше ощущение реальности оказалось ужасно напряженным, а ваша физическая реальность и реальность ваших умственных представлений оказались измененными смертью вашего товарища. Все эти факторы, объединившись, сделали так, что вы вернулись в мир, реалии которого несколько отличаются от реалий того мира, который вы покинули. Историки точно определили точку перелома. Он произошел семнадцатого августа 1933 года, в тот самый день, когда президент Рузвельт умер от пневмонии.

— Ах, так вот к чему были все эти медицинские вопросы, касавшиеся моего детства, — протянул Дэн. — В возрасте пары месяцев я заболел воспалением легких и чуть не умер; мать потом

довольно часто вспоминала об этом. Это могло произойти в то же самое время. Но ведь невозможно, чтобы я выжил, а президент поэтому умер...

Эйнштейн покачал головой.

— Нет. Вы должны помнить о том, что оба жили в том мире, который знали. Динамика отношений пока еще далека от ясности, хотя я не сомневаюсь, что существует какая-то двухсторонняя взаимосвязь. Но это не важно. А важно вот что: я думаю, что я выработал метод, позволяющий механически вызвать переход от одного аспекта реальности к другому. Потребуются годы, чтобы развить его, чтобы научиться переносить вещество из одной реальности в другие на выбор, но и сейчас, я уверен, он достаточно жизнеспособен, чтобы возвратить обратно вещество, прибывшее из другой реальности.

Джино вскочил на ноги так, что кресло опрокинулось.

— Профессор, если я вас правильно понял, вы хотите сказать, что можете запихнуть нас обратно, туда, откуда мы прибыли?

Эйнштейн улыбнулся.

— Не волнуйтесь так, майор. Да. Уже приняты все меры для того, чтобы как можно скорее вернуть обратно и вас обоих, и вашу капсулу. Но взамен мы просим вас о помощи.

— Ну конечно, все, что в наших силах, — сказал Дэн, подавшись вперед.

— Вы возьмете с собой аппарат изменения реальности и микрокопии наших трудов по истории, научных теорий и практических разработок. В том мире, откуда вы прибыли, можно будет бросить все силы исследователей и разработчиков для того, чтобы научиться по желанию осуществлять то перемещение, которое вам однажды удалось случайно. Вы сможете сделать это за несколько месяцев; это все время, которое у нас осталось.

— Что вы имеете в виду?

— Мы проигрываем войну. Несмотря на все предупреждения, мы не были подготовлены к ней и считали, что она никогда до нас не доберется. Нацисты наступают на всех фронтах, и их победа является только вопросом времени. Мы тоже пока еще можем победить, но только при помощи ваших атомных бомб.

— У вас еще нет атомной бомбы? — удивился Джино.

Эйнштейн несколько секунд молчал и лишь потом ответил:

— Нет, такой возможности не оказалось. Я всегда был уверен, что ее можно сделать, но никогда не думал над практическим решением этого вопроса. Немцы чувствовали то же самое, и одно время даже начали разрабатывать тяжеловодный проект, направленный на осуществление управляемой ядерной реакции. Но их военные успехи оказались настолько велики, что они от-

казались от этой работы, как, впрочем, и от многих других неправдоподобных и дорогих планов, таких, например, как подземные ходы глобального масштаба. Сам я никогда не хотел видеть эту адскую машину воплощенной в действительность, а теперь, после ваших рассказов, понимаю, что она еще ужаснее моих умозрительных представлений о ней. Однако когда нацистская угроза стала реальной, я обратился к президенту с предложением о ее разработке, но ничего так и не было сделано. Решили, что это слишком дорого. А теперь стало слишком поздно. Хотя при нынешнем стечении обстоятельств, возможно, удастся успеть. Если ваша Америка поможет нам, враг будет побежден. А какое неимоверное богатство знаний мы сможем получить, если между нашими мирами удастся установить контакт! Вы сделаете это?

— Конечно, — ответил Дэн Кой. — Но дяди из правительства потребуют множество доказательств. Я предлагаю сделать несколько кинофильмов, в которых вы и еще кто-нибудь из самых знаменитых ученых выступили бы с объяснениями. И добавить документы, которые помогут убедить их в реальности случившегося.

— Я могу сделать кое-что получше, — сказал Эйнштейн, вынимая из ящика стола маленькую бутылочку. — Здесь недавно созданный лекарственный препарат, который, как доказали опыты, является эффективным при лечении ряда тяжелых форм раковых заболеваний, и его формула. Это пример возможной выгоды от обмена информацией между двумя нашими мирами; а если такой обмен станет постоянным, то одному только богу известно, во что это может вылиться.

Дэн аккуратно положил драгоценную бутылочку в карман, и оба астронавта поднялись. С благоговейным страхом они обменялись осторожным рукопожатием с древним стариком, который в их мире, куда, как им стало известно, они скоро вернутся, скончался много лет назад.

Военные повсюду умеют работать быстро. Большой реактивный бомбардировщик был быстро переоборудован для транспортировки одной из американских твердотопливных боевых ракет. Это оружие еще не успели окончательно доработать, и было сомнительно, что им удастся воспрепятствовать движению нацистской армии. Но, учитывая, что бомбардировщик поднимет ее на значительную высоту, она могла выйти за пределы ионосферы и увести на орбиту спутника Земли полезный груз в виде лунной капсулы с двумя пилотами.

Глубокое разрежение атмосферы было необходимым условием для действия аппарата, который должен был возвратить их в

пространство, о коем они привыкли думать как о своем собственном мире. Но думать о себе как о людях, способных изменять миры, все равно казалось обоим чудовищным абсурдом.

— И это все? — спросил Джино, когда они заняли свои места в капсуле. Между ложементами пилотов был закреплен квадратный ящик, в котором содержались записи и катушки кинофильмов. А поверх него стояла небольшая серая металлическая коробка.

— А что ты ожидал увидеть? Может быть, ускоритель диаметром в пять миль? — спросил Дэн, не отрываясь от знакомой процедуры проверки систем. Капсула была, насколько возможно, приведена к тому же состоянию, в котором она находилась в день приземления. Астронавты оделись в свои скафандры. — Мы оказались здесь совершенно случайно, только из-за того, что неправильно думали, ну, или что-то в этом роде, если я верно понял всю эту теорию.

— Конечно. Так что мы не можем позволить этой ерунде снова сбить нас с толку.

— Ну да, я понимаю, что ты хочешь сказать. Все эти безумные дела могут быть сколь угодно сложными, зато механизм должен быть простым. И все, что от нас требуется, это в нужный момент перебросить тумблер.

— Вас понял, командир. Эта штука имеет автономное питание. За нами будут следить радаром, и, когда мы достигнем апогея орбиты, они подадут нам сигнал на нашей обычной рабочей частоте. Мы щелкаем выключателем — и идем на посадку.

— Надеюсь, что посадка будет там, откуда мы вылетели в первый раз.

— Эй, груз, привет, — раздался хриплый голос из динамика. — Говорит пилот. Мы готовы отчалить. Как у вас дела?

— Все лампочки зеленые, — доложил Дэн и вновь откинулся в кресле.

Огромный бомбардировщик с ревом пронесся по всей длине взлетно-посадочной полосы и медленно, тяжело — ему мешала большая ракета, закрепленная под брюхом, поднялся в воздух. Капсула находилась в носовой части ракеты, и астронавты могли видеть лишь светлую обшивку самолета-носителя. Это был не слишком приятный полет. Математики рассчитали, что вероятность успеха будет наибольшей в районе Флориды и Южной Атлантики, где произошел первоначальный переход в иную реальность. А для этого следовало преодолеть вражескую территорию. Пассажиры не могли видеть воздушный бой, который вели сопровождавшие их реактивные истребители, а пилот наспех переделанного бомбардировщика не стал ничего говорить им. Это был жестокий бой, который мог в один из моментов закончиться

плачевно: только самоубийственный таран, предпринятый одним из истребителей, помешал вражескому самолету в упор расстрелять самолет-носитель.

— Приготовиться к отделению, — прохрипело радио, и мгновением позже астронавты ощутили знакомое чувство невесомости; ракета отделилась от самолета. Тут же запрограммированный компьютер включил зажигание, и ракета пошла на расчетную орбиту. Ускорение прижало астронавтов к креслам.

Внезапному возвращению к невесомости предшествовала серия мелких взрывов — это самоуничтожались болты, крепившие капсулу к ракете-носителю. В течение времени, которое показалось астронавтам неизмеримо долгим, инерция несла их дальше по орбите, а сила земного притяжения тащила назад. В динамике радиоприемника потрескивал фон несущей частоты, в который вдруг ворвался голос:

— Приготовиться к включению... руку на ключ... пошел!

Дэн щелкнул выключателем — и ничего не произошло. Во всяком случае, ничего такого, что они могли бы почувствовать. Они молча посмотрели друг на друга, а затем, не сговариваясь, перевели взгляды на высотомер, показывавший, что они снижались к отдаленной Земле.

— Приготовиться к выходу парашютов, — напряженно скомандовал Дэн, и в это мгновение динамик взорвался оглушительным криком.

— Эй, «Аполлон», это вы? Это Центр управления с мыса Кеннеди. Вы слышите меня? Повторяю, вы слышите меня? Отвечайте, если можете, ради всего святого... Черт возьми, Дэн, где вы там?! Эй, есть там кто-нибудь?

Голос захлебывался звуками, в нем явственно улавливалась истерика. Дэн щелкнул кнопкой переговорного передатчика.

— Дэн Кой здесь. Это вы, Скипер?

— Да... Но откуда вы взялись? Где вы пропадали? Отбой вопроса, отбой до приземления. Мы видим вас на экране, вы летите в море, в район патрулирования судов...

Астронавты посмотрели друг другу в глаза и улыбнулись. Джино поднял большой палец: победа! У них получилось. Они сделали это. За вновь обретенной сдержанностью голоса Центра управления они чувствовали восторженное волнение, которое должно было породить их неожиданное возвращение. Для наблюдателей на Земле — этой Земле — они наверняка скрылись за диском луны и не появились из-за него. А теперь совершенно неожиданно появились — по прошествии нескольких недель, после того как у них давно должны были кончиться и кислород,

и продовольствие. Им потребуется очень много раз и подолгу все объяснять.

Приземление получилось просто безупречным. Солнце сияло, ветра почти не было, море было совершенно гладким. Спустя две-три секунды после приводнения капсула выскочила на поверхность, и астронавты увидели в иллюминатор ласковые крошечные волны. Всего в нескольких милях над водой поднималась громада крейсера, уже мчавшегося в их направлении.

— Ну, все кончено, — с глубоким вздохом облегчения сказал Дэн, отстегивая привязные ремни.

— Кончено? — придушенно прохрипел Джино. — Кончено? А ты посмотри на флаг.

Крейсер описывал крутую дугу, и кормовой флаг гордо развернулся перед астронавтами. Красные и белые полосы, пятьдесят белых звезд на поле глубокого синего цвета.

А среди звезд, в центре синего прямоугольника сверкала золотая корона.

Последняя встреча

1

Хаутамяки посадил корабль на маленьком участке поверхности, покрытом обломками скал, остатке древнего лавового потока рядом с ледником. Чьонд подумала, что можно было бы совершить посадку и поближе, но командовал разведывательным кораблем Хаутамяки, и он принимал все решения. Конечно, она могла бы остаться на корабле: никто не заставлял ее пускаться с мужчинами в это ужасное, изматывающее и опасное путешествие по ледяной поверхности, здесь и там усеянной глубокими трещинами. С другой стороны, она не могла остаться и не принять участия в подъеме.

Там, высоко на склоне, находился какой-то радиомаяк, с этой ненаселенной планеты непрерывно посылающий сигналы на дюжине различных частот. Ей было необходимо присутствовать при его осмотре.

Гальяс помог ей перебраться через самый трудный участок, и она благодарно поцеловала его в обветренную щеку.

Было трудно рассчитывать, что радиомаяк установлен здесь кем-то, кроме людей, несмотря на то что корабль вел разведку участка Галактики, где люди еще не бывали. И все-таки существовала крошечная вероятность, что радиомаяк построен инопла-

нетянами, не принадлежащими к человеческой расе. Чьонд решила обязательно присутствовать при его осмотре. Подумать только, сколько столетий искало человечество контакта с иными цивилизациями, сколько веков, исчезнувших во мраке прошлого...

Ей захотелось отдохнуть, она не привыкла к такому напряжению. Чьонд была в одной связке с двумя мужчинами — один находился выше ее, другой позади, — и, когда она остановилась, пришлось остановиться и им. Почувствовав ее нерешительный рывок, Хаутамяки замер на месте, медленно обернулся и посмотрел на нее сверху. Он молчал, но все его тело — с могучими мускулами, загорелое и совершенно обнаженное под прозрачным герметическим скафандром — выражало его чувства. Хаутамяки дышал легко и свободно, бесстрастно и презрительно глядя на ее широко открытый рот, хвативший воздух, и тяжело вздымавшуюся грудь. Что ты за человек, Хаутамяки, если с таким презрением относишься к женщине?

Смириться с присутствием Чьонд оказалось для Хаутамяки самым трудным. Когда два незнакомца поднялись по трапу на его корабль, он почувствовал себя оскорбленным.

Это был его корабль, его и Киискинена. Но Киискинен был мертв, а вместе с ним мертв ребенок, которого они так хотели. Мертв до рождения, даже до зачатия. Мертв потому, что погиб Киискинен и Хаутамяки больше никогда не захочет иметь ребенка. Однако работа еще не была закончена — они едва успели завершить половину обследования, порученного им, когда произошел несчастный случай. Хаутамяки решил не возвращаться на базу, что привело бы к колоссальной и ненужной трате топлива и времени, и попросил помощи. В результате прибыло подкрепление — новая исследовательская группа, совершенно неопытная.

Эта экспедиция оказалась для новичков первой — и хоть у них недоставало опыта, они все же были неплохо подготовлены. Да, они справятся с работой, которую им поручат, можно не беспокоиться. К тому же эти двое представляли собой группу, тогда как он, Хаутамяки, был всего лишь половиной группы, а значит, он обречен на одиночество, которое может превратиться в ужасную муку.

Если бы Киискинен был на корабле, Хаутамяки с радостью встретил бы новичков. Но Киискинен погиб, и Хаутамяки ненавидел пришельцев.

Первым к нему подошел мужчина и протянул руку.

— Меня зовут Гальяс, как вам уже известно, а это моя жена Чьонд.

Он кивнул в сторону женщины, стоявшей рядом, и улыбнулся. Его рука все еще была протянута.

— Добро пожаловать на борт моего корабля, — произнес Хаутамяки и стиснул руки за спиной. Если этот кретин не знаком с обычаями Мужчин, он, Хаутамяки, не собирается учить его.

— Извините, я забыл, что вы не обмениваетесь рукопожатиями и не прикасаетесь к незнакомцам.

Все еще улыбаясь, Гальяс сделал шаг в сторону и пропустил жену внутрь корабля.

— Как поживаете, капитан? — спросила Чьонд и тут же покраснела, увидев, что Хаутамяки совершенно обнажен.

— Я провожу вас в каюту.

Капитан повернулся и пошел по коридору, зная, что прибывшие последуют за ним. Боже мой, женщина! Ему приходилось видеть их на разных планетах, даже разговаривать с ними, но он никогда не думал, что одна из них окажется на его корабле. Какие они безобразные со своими распухшими телами! Неудивительно, что в других мирах носят одежду, чтобы скрыть под ней эти жирные, свисающие части тела.

— Ты заметил — на нем нет даже ботинок! — с негодованием воскликнула Чьонд, как только за ними закрылась дверь каюты.

Гальяс рассмеялся:

— С каких это пор тебя беспокоит вид обнаженного тела? Ты вроде бы не испытывала подобного возмущения, когда мы проводили отпуск на Хью. К тому же обычаи Мужчин должны быть тебе известны.

— Но там все было по-другому! Все были одеты — или раздеты — одинаково. А здесь — это почти неприлично!

— То, что неприлично у одних, вполне прилично у других.

— Готова поспорить, что ты не сможешь произнести эту фразу три раза подряд.

— И все-таки это правда. Если взглянуть непредвзято, он тоже, наверно, полагает, что мы неправильно воспринимаем обычаи общества, так же, как и мы считаем его поведение неприличным.

— Тем не менее я уверена в правильности своего поведения! — сказала она, встала на цыпочки и куснула мужа за мочку уха белыми, идеальной формы зубами, похожими на зернышки риса. — Сколько времени мы женаты?

— Шесть дней, девятнадцать стандартных часов и сколько-то там минут.

— Сколько-то лишь потому, что ты не целовал меня ужасно долго.

Гальяс с улыбкой взглянул на маленькую прелестную фигур-

ку, провел ладонью по теплой гладкой поверхности безволосой головы своей жены и по всему стройному телу, коснувшись крошечных, едва выступавших, почти рудиментарных грудей.

— Ты прекрасна, — прошептал он, наклонился и поцеловал ее.

2

Когда они перебрались через ледник, двигаться по плотному снегу стало гораздо легче. Не прошло и часа, как они добрались до подножия отвесной скалы. Она возвышалась в зеленоватом небе над их головами, черная, рассеченная трещинами. Чьонд запрокинула голову, взглянула на вершину скалы, и ей захотелось плакать.

— Она такая высокая! Нам никогда на нее не забраться! Но с помощью антигравитационных саней мы без труда поднимемся наверх.

— Мы уже говорили об этом, — ответил Хаутамяки, глядя на Гальяса, — он всегда так делал, разговаривая с ней. — До тех пор пока мы не определим, что это за источник излучения, я запрещаю приближаться к радиомаяку с любым радиационным прибором. В результате аэрофотосъемки нам удалось всего лишь выяснить, что это, по-видимому, какой-то автономный маяк. Я стану подниматься первым. Если хотите, можете следовать за мной. Не думаю, что подъем будет особенно трудным, — скала покрыта трещинами.

Действительно, подъем оказался не трудным — а практически невозможным. Чьонд цеплялась за трещины, карабкалась, срывалась — и не сумела продвинуться к вершине даже на высоту своего тела. Наконец она отстегнула свой карабин. Мужчины продолжали подъем, а она осталась у основания скалы, беспомощно рыдая и закрыв лицо руками. По-видимому, Гальяс услышал ее плач или почувствовал, что она прекратила подъем, потому что наклонился и крикнул вниз:

— Как только мы доберемся до вершины, я сброшу веревку с петлей на конце. Закрепи ее под мышками, и я подниму тебя наверх.

Чьонд была уверена, что это ему не под силу, но решила все-таки попытаться. Ведь маяк на вершине мог быть сооружен и не руками человека!

Петля впилась в тело Чьонд, и, к своему изумлению, она начала подниматься вверх. Стараясь смягчить удары о почти вертикальную поверхность скалы, Чьонд отталкивалась от нее руками. Наконец Гальяс протянул руку и втащил ее наверх. Хаутамяки сматывал веревку. Чьонд вдруг поняла, что на вершину скалы ее

подняла сила этих могучих, словно свитых из стальных тросов мускулов.

— Хаутамяки, я очень благодарна тебе...

— Сейчас мы осмотрим это устройство, — прервал ее капитан, глядя на Гальяса. — Вы оба оставайтесь здесь, рядом с моим рюкзаком. И не подходите, пока не позову.

Он повернулся и решительными шагами направился к высокому выступу, у которого находился маяк. Приблизившись к нему, Хаутамяки опустился на одно колено и оставался в этом положении несколько бесконечных минут, закрывая прибор своим огромным телом.

— Что он делает? — прошептала Чьонд, прижимаясь к плечу мужа. — Что это? Что он там увидел?

— Можете подойти, — произнес Хаутамяки вставая.

В его голосе звучало волнение — им еще не приходилось слышать подобных эмоций в голосе своего капитана. Они подбежали, скользя на обледеневших камнях — и остановились, натолкнувшись на его вытянутую руку.

— Что вы думаете об этом? — произнес Хаутамяки, не сводя глаз с приземистого устройства, намертво прикрепленного к скале.

Маяк представлял собой полусферу из желтоватого металла, нижняя часть которой прилегала к скальной поверхности, огибая все неровности. Это была центральная часть устройства. Из полусферы выступали короткие стержни из того же металла, похожие на обрубки, прикрепленные по окружности у самого основания. На концах стержней торчали еще более короткие металлические трубки различной формы, похожие на что-то ищущие пальцы. Из полусферы выходил кабель толщиной в человеческую руку, змеившийся вверх по скале. В одном месте он внезапно выпрямлялся и поднимался вертикально в небо над головами людей. Гальяс указал на него.

— Я не знаю, каково назначение остальных частей, но готов поспорить, что это антенна, посылавшая сигналы, которые мы приняли, когда вошли в эту систему.

— Возможно, — согласился Хаутамяки, — но каково предназначение остальных частей устройства?

— Одна из трубок, направленных в небо, напоминает маленький телескоп, — заметила Чьонд. — Думаю, так оно и есть.

Хаутамяки сердито пробормотал что-то и попытался остановить женщину, когда та встала на колени перед маяком, но опоздал. Она приникла к основанию трубки и закрыла один глаз, пытаясь что-то рассмотреть.

— Ну, конечно, это телескоп! — Она открыла глаз и взглянула в небо. — Я отчетливо вижу там край облаков!

Гальяс оттащил ее в сторону, но никакой опасности, похоже, не было. Чьонд оказалась права — это был телескоп и не что иное. Они по очереди заглянули в объектив. И тут Хаутамяки обнаружил, что он медленно поворачивается.

— В таком случае должны поворачиваться все остальные, поскольку их оси параллельны друг другу, — сказал Гальяс, указывая на металлические трубки на конце каждого стержня. На одном из них был еще один объектив, похожий на объектив телескопа, но когда он заглянул туда, то ничего не увидел. — Ничего не видно, — покачал головой Гальяс.

— Может быть, он сделан таким образом, что ты и не должен ничего видеть, — пробормотал Хаутамяки, глядя на загадочное устройство и задумчиво потирая подбородок. Он склонился над рюкзаком, достал из коробки мультирадиационный тестер и приложил его к объективу, в который только что смотрел Гальяс. — Только инфракрасная радиация. Все остальные виды излучения отсекаются.

Соседняя трубка пропускала одни ультрафиолетовые лучи, а открытая сетка из металлических пластин служила источником радиоволн. И тут Чьонд выразила общую догадку.

— Если я смотрю в телескоп, то, может быть, все остальные приборы тоже являются телескопами, только приспособленными для глаз инопланетян! Что, если те, кто поставил здесь это устройство, не знали, кто прилетит сюда и станет изучать приборы? И позаботились о том, чтобы телескопы работали на самых различных длинах волн. Значит, наши поиски закончены! Мы — человечество — не одиноки во Вселенной!

— Не следует делать поспешных выводов, — нравоучительно заметил Хаутамяки, но тон его голоса противоречил словам.

— Почему? — воскликнул Гальяс, прижимая к себе жену в порыве восторга. — Разве мы не можем оказаться теми, кто сумел обнаружить представителей инопланетной расы, отличающейся от человеческой? Если они существуют, то не могут не предполагать, что когда-нибудь мы нападем на их след! Галактика так велика — и одновременно конечна. Ищите и найдете, — сказано в древних книгах. Именно эта фраза высечена над входом в академию!

— Но у нас нет веских доказательств, — возразил Хаутамяки, безуспешно пытаясь скрыть растущий энтузиазм. Ведь он руководитель экспедиции, напоминал себе Хаутамяки, и должен отстаивать противоположную точку зрения. — Это устройство могло быть изготовлено руками человека.

— Вот доказательства, — начал Гальяс, загибая пальцы на

руке. — Первое — устройство не похоже ни на что когда-либо виденное нами. Второе — оно изготовлено из необыкновенно прочного, неизвестного нам сплава. Наконец, третье — мы находимся в той части Вселенной, которая еще никогда не исследовалась нашими кораблями. До ближайшей населенной системы много сотен световых лет, а корабли, способные совершать подобный перелет и возвращаться, появились относительно недавно...

— А вот и настоящее доказательство, безо всяких предположений! — воскликнула Чьонд, и мужчины подбежали к ней.

Она прошла вдоль толстого кабеля до того места, где он переходил в антенну. У ее основания, там, где кабель крепился к скале, виднелись высеченные на скальной поверхности знаки. Их было, вероятно, несколько сотен; от подножия скалы они поднимались вверх высоко над головами путешественников, причем каждый знак был четким и ясно различимым.

— Эти знаки не принадлежат представителям человеческой расы, — торжествующе заявила Чьонд. — Они ничем не напоминают ни один алфавит, известный человечеству!

— Почему ты в этом так уверена? — спросил Хаутамяки, взволнованный до такой степени, что обратился прямо к ней.

— Потому, капитан, что это — моя профессия. Я изучала сравнительную филологию и специализируюсь в аббикиологии — истории алфавитов. Думаю, это единственная наука, тесно связанная с Землей...

— Но это невозможно!

— Возможно. Земля находится на другом конце Галактики. Насколько я помню, требуется примерно четыреста лет, чтобы получить ответ на посланный туда запрос. Аббикиология — это наука, способная развиваться на самых удаленных окраинах Галактики; мы изучаем четкие, весомые, неизменные факты. Алфавиты древней Земли составляют часть истории и не могут меняться коренным образом. Я изучила каждый из них, все буквы и остальные подробности, а также рассматривала их изменение на протяжении тысячелетий. Мы обратили внимание на то, что, как бы ни менялись алфавиты, они сохраняют основные элементы своих прототипов. Возьмем букву «л», адаптированную для программирования компьютеров. — Чьонд нацарапала букву на скале острием ножа, затем начертала рядом другую букву — волнистыми линиями. — А вот это — «ламед», буква «л» в древнееврейском алфавите. Видите, как они похожи очертаниями? Древнееврейский язык — иврит — является протоалфавитом, настолько древним, что этому почти невозможно поверить. И тем не менее общая форма схожа. А взгляните на эти знаки — они ничем не напоминают любой алфавит, который мне когда-либо встречался.

Воцарилась тишина. Хаутамяки смотрел на женщину, словно по выражению ее лица пытался понять, насколько правдивы только что произнесенные слова. Наконец он улыбнулся.

— *Хорошо, верю на слово. Не сомневаюсь, что ты хорошо* знаешь свою профессию.

Он нагнулся к рюкзаку и начал доставать оттуда всякие приборы.

— Ты обратил внимание? — прошептала Чьонд на ухо мужу. — Он улыбнулся мне!

— Чепуха. Это была, по-видимому, невольная гримаса: у него замерзли губы, — пошутил в ответ Гальяс.

Хаутамяки приладил отвес к корпусу телескопа и замерил скорость его вращения.

— Гальяс, — окликнул он, — ты помнишь, каково время обращения этой планеты вокруг своей оси?

— Примерно восемнадцать стандартных часов. Наши расчеты не были слишком уж точными. А зачем это тебе?

— Да, похоже на то. Мы находимся сейчас в районе восьмидесяти пяти градусов северной широты, что соответствует углу этих стержней, тогда как движение телескопов...

— ...компенсирует вращение планеты, движущейся с такой же скоростью, но в противоположном направлении. Ну конечно! Как я сразу не догадался!

— О чем вы говорите? — недоуменно спросила Чьонд.

— Они постоянно направлены на одну и ту же точку в небе, — продолжал Гальяс. — На звезду.

— Это, возможно, какая-то планета в этой системе, — заметил Хаутамяки, потом покачал головой. — Нет, не может быть. Точка, на которую направлены телескопы, где-то очень далеко, за пределами этой звездной системы. Как только наступит темнота, все станет ясно.

В атмосферных скафандрах все трое чувствовали себя удобно. У них было достаточно воды и пищи. Они сфотографировали неизвестное устройство со всех возможных ракурсов, осмотрели его и даже обсудили природу источника питания. И все-таки часы перед наступлением темноты казались нескончаемыми. Появились облака, но исчезли до заката. Когда на небе загорелась первая звезда, Хаутамяки наклонился к окуляру телескопа.

— Ничего не вижу, только небо. Слишком светло... Ага, вот в поле зрения появилась какая-то светящаяся координатная сетка — пять тонких линий, радиально уходящих от окружности. Вместо того чтобы пересечься в центре, по мере сближения они угасают.

— Может быть, таким образом линии указывают на звезду, которая появится в центре, дабы не мешать обзору?

— Пожалуй. Да, я вижу звезду.

Это оказалась звезда седьмой величины, одиноко светившаяся рядом с краем Галактики. Она выглядела, как обычное небесное тело, если не считать того, что поблизости от нее не было никаких звезд. Исследователи по очереди смотрели на нее, определяя координаты, чтобы не ошибиться и не перепутать с какой-нибудь другой.

— Значит, мы отправляемся туда? — спросила Чьонд, хотя ее слова звучали больше как утверждение, чем вопрос, на который требуется ответ.

— Разумеется, — ответил Хаутамяки.

3

Как только корабль покинул пределы атмосферы, Хаутамяки послал сообщение на ближайшую ретрансляционную станцию. Ожидая ответа, путешественники занялись анализом собранного материала.

У них были все основания для энтузиазма. Металл оказался ничуть не тверже, чем применяемые ими прочные сплавы, но его химический состав был совершенно незнаком, как и процесс обработки металла, в результате которого молекулы поверхностного слоя уплотнились до удивительной твердости. Знаки, из которых была составлена надпись, ничем не напоминали известные человечеству алфавиты. Да и звезда, на которую был направлен маяк, находилась далеко за пределами пространства, исследованного кораблями Галактики.

Как только пришел ответ, гласивший «сообщение получено», корабль немедленно совершил прыжок по заранее рассчитанному и введенному в компьютер курсу. Еще перед вылетом в экспедицию были получены инструкции, согласно которым им надлежало исследовать все, что можно, и докладывать о полученных результатах. Именно этим астронавты сейчас и занимались. Передав на базу сообщение о своих планах, теперь они были свободны. Им, только им предстояло вступить в первый контакт с представителями инопланетной расы — ведь эти трое людей уже изучили один из приборов, созданных инопланетянами. Неважно, что произойдет дальше, — заслуга этого величайшего открытия принадлежала отныне только им. И потому вполне естественно, что обед превратился в праздничный. Хаутамяки смилостивился до того, что выдал из корабельного погреба несколько бутылок вина. Последствия оказались едва ли не катастрофическими.

— Хочу произнести тост! — Чьонд поднялась из-за стола, с

трудом сохраняя равновесие. — Выпьем за Землю и человечество, которое больше не одиноко во Вселенной!

— Больше не одиноко во Вселенной! — хором повторили все, и тут лицо Хаутамяки омрачилось, а наигранное веселье исчезло.

— Прошу вас вместе со мной выпить за человека, которого вы не знали, но который должен был быть сейчас здесь, вместе с нами, чтобы отпраздновать это величайшее достижение, — торжественно произнес он.

— За Киискинена! — поднял бокал Гальяс. Он уже познакомился с архивными материалами и знал о трагедии, еще жившей в памяти Хаутамяки.

— Спасибо. Итак, за Киискинена.

Все трое дружно подняли бокалы.

— Он был хорошим человеком, — сказал Хаутамяки, не в силах удержаться теперь, когда имя его бывшего партнера было впервые упомянуто вслух. — Один из самых лучших. Мы провели с ним на этом корабле двенадцать лет.

— У вас были... дети? — спросила Чьонд.

— Твое любопытство неуместно! — резко оборвал Гальяс жену. — Думаю, будет лучше, если мы оставим этот...

Хаутамяки поднял руку:

— Нет, пожалуйста. Мне понятен ваш вполне естественный интерес. Мы, Мужчины, заселили пока всего дюжину планет, и наши обычаи, по-видимому, непонятны для вас: пока мы все еще в меньшинстве. И если эта тема вас смущает, ищите причину у самих себя. Скажите, вам кажутся необычными двуполые отношения? Вот ты, Гальяс, смог бы поцеловать свою жену в присутствии других?

— Конечно, — кивнул он и тут же подтвердил свои слова, поцеловав Чьонд.

— Тогда ты понимаешь, что я имею в виду. Мы испытываем такие же чувства и ведем себя точно так же, хотя наше общество является однополым. В этом нет ничего странного. Таков естественный процесс эктогенеза.

— Вовсе нет, — возразила Чьонд, покраснев. — Естественный эктогенез нуждается в оплодотворенной яйцеклетке. Яйцеклетки вырабатываются в женском организме, поэтому эктогенетическое общество по своей природе должно быть женским. Чисто мужское общество, где отсутствуют женщины, неестественно.

— Все наше поведение является неестественным, — спокойно ответил Хаутамяки. — Человек — это животное, меняющееся в зависимости от окружения. Все люди, живущие за пределами Земли, находятся в «неестественном» окружении. В подобных

условиях эктогенез представляет собой ничуть не более неестественное явление, чем наша жизнь здесь, в этой металлической скорлупке, без влияния космического времени. Таким образом, проявление эктогенеза, при котором оплодотворенная плазма создается в результате слияния двух мужских клеток вместо оплодотворения яйцеклетки мужской спермой, является столь же обычным, как твои рудиментарные груди.

— Как ты смеешь оскорблять меня! — залилась краской Чьонд.

— Это совсем не оскорбление. Женские груди утратили свою первоначальную природную функцию, следовательно, они дегенерируют. Вы, двуполые существа, ничуть не более естественны, чем мы, Мужчины. Никто из нас не является жизнеспособным за пределами «неестественной» окружающей среды, созданной нами.

Волнение недавнего открытия все еще владело людьми; может быть, алкоголь и раздражение тоже содействовали тому, что Чьонд утратила контроль над собой.

— Да как ты смеешь называть меня неестественным созданием... ты, который...

— Ты забываешься, женщина! — прозвучал резкий голос Хаутамяки, заглушивший последние слова Чьонд. Он вскочил из-за стола. — Ты хочешь проникнуть в интимные подробности моей жизни и считаешь себя оскорбленной, когда я затрагиваю некоторые ваши запрещенные темы. Мужчины были правы, отказавшись от таких, как ты! — Он сделал глубокий вдох, повернулся и вышел.

После этого вечера Чьонд не выходила из своей каюты почти неделю. Она изучала буквы незнакомого алфавита, а Гальяс приносил ей еду. Хаутамяки ни словом не обмолвился о происшедшем, а когда Гальяс попытался извиниться за поведение жены, резко его оборвал. Однако, когда Чьонд снова, спустя неделю, появилась в рубке управления, он не высказал никаких возражений и вернулся к своему обычаю говорить только с Гальясом, не обращаясь прямо к Чьонд.

— Неужели он действительно захотел, чтобы я тоже присутствовала, и сказал об этом? — недоверчиво спросила Чьонд, выдергивая щипчиками волосок, портивший совершенно гладкий череп и лоб цвета слоновой кости. — Ты заметил, какие у него брови? Прямо здесь, над глазами? И даже у основания черепа и на голове растут волосы. Отвратительно, правда? Готова поспорить, что одной из главных характеристик их генетического кода является волосатость и Мужчины специально выбирают для

продолжения своего рода наиболее ярких представителей. Но ты не ответил на мой вопрос — он пригласил меня?

— Ты не дала мне рта открыть, — произнес Гальяс, улыбкой смягчая резкость ответа. — Нет, он не назвал твоего имени — нельзя ожидать слишком многого. Просто сказал, что в девятнадцать часов состоится совещание всей команды.

Чьонд наложила на мочки ушей бледно-розовый крем, прикоснулась к крошечным ноздрям и закрыла косметичку.

— Я готова. Ну что, пойдем узнаем, что хочет от нас капитан?..

— Через двадцать часов мы выйдем из субпространства — наш прыжок заканчивается, — начал Хаутамяки, когда все трое собрались в рубке управления. — И вполне возможно, что мы встретим инопланетян — незнакомых нам существ, — оставивших на той планете радиомаяк. Будем исходить из того — если не будет доказательств противоположного, — что они настроены к нам дружелюбно. У тебя вопрос, Гальяс?

— Капитан, на протяжении длительного периода шли дискуссии относительно намерений тех гипотетических рас, которые могут встретиться с нашими экспедициями. Единое мнение так и не было достигнуто...

— Это не имеет значения. Я — командир экспедиции. Доказательства, имеющиеся в нашем распоряжении, указывают на то, что эта раса стремится установить контакт с другими, которые могут населять Вселенную. Не думаю, что у них господствует стремление покорить других. Я смотрю на эту проблему таким образом. У нас богатое и древнее прошлое, культура, уходящая корнями в тысячелетия. Пока мы пытались найти во Вселенной иную разумную форму жизни, одновременно во время экспедиций мы регистрировали огромное количество информации. Не такая многочисленная и богатая раса, как человеческая, может испытывать нехватку разведывательных кораблей, которые можно отправить в космос, — отсюда установка автоматических радиомаяков. Один корабль может легко установить множество автономных маяков в разных уголках Вселенной. Нет сомнения в том, что где-то, на других планетах, куда еще не ступала нога человека, установлены и другие. И все они должны привлечь внимание исследователей к одной-единственной звезде, установить там место рандеву.

— Но это совсем не значит, что у инопланетян мирные намерения. А вдруг это ловушка?

— Сомневаюсь. Существует немало более простых способов удовлетворить инстинкт завоевания, чем подобные изощренные ловушки. Короче говоря, по моему мнению, у них мирные намерения — и лишь это имеет значение. Поэтому я уже принял меры и сбросил в космос все корабельное вооружение...

— Ты разоружил корабль?

— ...И теперь прошу вас сдать личное оружие, которое у вас имеется.

— Ты подвергаешь опасности наши жизни — даже не поинтересовавшись, что мы думаем об этом, — недовольно заметила Чьонд.

— Нет, — ответил Хаутамяки, не глядя на нее. — Вы подвергли свои жизни опасности в тот момент, когда приняли служебную клятву в Исследовательском корпусе. Теперь ваша обязанность — исполнять мои приказы. Все личное оружие должно быть сдано не позже чем через час; нужно, чтобы корабль был полностью разоружен еще до того, как мы покинем субпространство. Мы встретимся с инопланетянами, вооруженные только миролюбивыми намерениями, свойственными человеческой расе... Вот вы думаете, наверно, что мы, Мужчины, ходим обнаженными по какой-то причине извращенного характера, но это не так. Мы отказались от одежды, поскольку считаем, что она мешает полному общению с окружающей нас средой, — наша нагота одновременно символична и практична.

— Надеюсь, ты не предложишь и нам раздеться? — язвительно поинтересовалась Чьонд, все еще рассерженная.

— Это ваше дело. Поступайте, как считаете нужным. Я всего лишь пытался объяснить свою мотивировку, чтобы попробовать достичь единодушия перед встречей с разумными существами, установившими маяк. Мы сообщили на базу о своей находке, и Исследовательский корпус знает, где мы находимся. Если мы не вернемся, за нами последует другая экспедиция, которая будет защищена всеми вооруженными силами человечества. Так что предоставим нашим инопланетянам все возможности убить нас — если они стремятся именно к этому. Расплата последует немедленно. А вот если у них нет враждебных намерений, мы установим с ними мирные отношения. Во имя этого стоит сто раз рисковать жизнью. Думаю, не нужно объяснять вам колоссальную важность первого контакта человечества с инопланетянами.

По мере приближения момента выхода из субпространства напряжение нарастало. Коробка с личным оружием, разрывные заряды, яды из лаборатории, даже большие кухонные ножи — все давно было выброшено за борт. Трое астронавтов находились в рубке управления, когда раздался негромкий звонок — корабль вернулся в обычное пространство. Здесь, на самом краю Галактики, звезды концентрировались с одной стороны. Впереди корабля, в черном мраке, сияла одинокая звезда.

— Вот она, — произнес Гальяс, направляя на нее спектраль-

ный анализатор, — но мы слишком далеко — на таком расстоянии не удастся произвести точные наблюдения. Совершим еще один прыжок?

— Нет, — покачал головой Хаутамяки. — Сначала определим координаты.

Как только давление уменьшилось, экраны чувствительных приборов начали светиться. На их поверхности здесь и там возникали вспышки света — это в датчики попадали редкие молекулы воздуха. Передний экран стал таким же темным, как космическое пространство, и в его центре появилось изображение звезды, увеличенное во много раз.

— Но этого не может быть! — воскликнула Чьонд, сидевшая в кресле наблюдателя позади мужчин.

— Почему же не может? — ответил Хаутамяки. — Разумные существа в состоянии создать что угодно, вот только природа не способна на такое. Существование подобной конструкции подтверждает, что и это удивительное сооружение рукотворно. Продолжим работу.

Увеличенное изображение звезды горело прямо перед ними. Сама звезда не представляла собой ничего необычного — но как объяснить три пересекающихся кольца, окружающих ее? Их размеры соответствовали орбитам планет, вращавшихся вокруг звезды. Даже если они состояли из материала, такого же разреженного, как хвосты комет, соорудить подобные кольца было невероятно трудно и они представляли собой исключительное достижение разума. А что могли означать цветные огни в этих кольцах, мчавшиеся вокруг звезды, словно обезумевшие электроны вокруг атомного ядра?

По экрану пробежали искры, и изображение погасло.

— Возможно, это всего лишь маяк, — заметил Хаутамяки, снимая шлем. — Его назначение — привлечение к себе внимания, как у того радиомаяка, который заинтересовал нас и заставил совершить посадку на далекой планете. Какая раса, способная построить космические корабли, сможет устоять перед соблазном взглянуть на подобное украшение?

Гальяс продолжал вводить поправки к предстоящему курсу в бортовой компьютер.

— И все-таки это кажется мне странным, — пробормотал он. — Если жители этой звездной системы могли создать такие гигантские кольца, почему бы им не построить огромный космический флот и не отправиться в путешествие по Вселенной с целью установления контакта с разумными существами — так же, как поступили мы?

— Надеюсь, мы получим ответ на этот вопрос достаточно

скоро. Не исключено, что причиной является психология местных жителей. Возможно, им больше нравится привлекать внимание к себе, вместо того чтобы исследовать далекие звезды. Согласись, что их метод оказался успешным — мы прибыли к ним, а не наоборот.

4

На этот раз, когда корабль вынырнул из субпространства, сияющие кольца были видны в иллюминаторы невооруженным глазом. Хаутамяки включил радиоприемники, автоматически ищущие и регистрирующие все частоты.

И тут же послышался оглушительный шум сразу на нескольких волнах. Гальяс протянул руку и уменьшил громкость.

— Это похоже на ту передачу, которую мы приняли от радиомаяка, — заметил он. — Узкий пучок направленного радиоизлучения, исходящий от вон того золотого планетоида. Он огромного размера, но далеко не достигает величины планеты.

— Начнем сближение, — решил Хаутамяки. — Я принимаю на себя управление кораблем, а ты постарайся установить визуальную связь по видеоконтурам.

— Ничего, одни помехи, — сказал Гальяс через несколько мгновений. — Но я посылаю на планетоид видеосигнал — изображение нашей рубки управления. Если у них имеется соответствующее оборудование, они примут его, произведут анализ частот и выберут необходимую... Смотри, изображение на экране меняется! Действительно, они не теряют времени.

По экрану побежали цветовые волны, появилось изображение, расплылось и появилось снова. Чьонд покрутила ручки фокусировки, и оно стало удивительно четким. Раздался общий возглас изумления.

— По крайней мере, это не змеи и не насекомые! — воскликнула Чьонд.

Существо, появившееся на экране, смотрело на них с таким же пристальным вниманием. Трудно было оценить его размеры, но вне всякого сомнения оно являлось гуманоидом. Три длинных пальца с перепонками, большой палец торчит в сторону. На экране виднелась только верхняя часть тела; к тому же она была скрыта под одеждой, так что рассмотреть особенности телосложения оказалось невозможно. Однако на экране отчетливо выделялось лицо инопланетянина золотистого цвета, безволосая голова, с большими, почти круглыми глазами. Его нос, если бы он принадлежал человеку, сочли бы сломанным — он был плоским, с широкими, выступающими вперед ноздрями. Это, а также

раздвоенная верхняя губа придавали лицу угрожающее выражение.

Однако нельзя применять к инопланетянам человеческие мерки. С их точки зрения лицо могло быть красивым.

— Ш'бб'тиб, — произнес инопланетянин.

Теперь визуальный канал дополнялся звуковым. Голос звучал резко, даже визгливо.

— Мы тоже приветствуем тебя, — ответил Хаутамяки. — Нам обоим известно, что мы в состоянии говорить, так что нужно научиться языку друг друга. Мы прибыли с мирными намерениями.

— Может быть, мы действительно прибыли с мирными намерениями, — вмешался Гальяс, — однако этого не скажешь про инопланетян. Взгляни на экран номер три.

На нем появилось изображение, принятое одним из передних датчиков, расположенных в носовой части корабля. Этот датчик передавал увеличенное изображение планетоида, к которому они приближались. На золотистой поверхности выделялась группа темных зданий, увенчанных лесом антенн. Вокруг зданий были расположены круглые объекты с приземистыми башенками на вершине, напоминающие артиллерию крупного калибра. Сходство усиливалось от того, что трубы большого диаметра поворачивались, следуя за приближавшимся кораблем.

— Уменьшаю скорость приближения, — произнес Хаутамяки, быстро нажимая на ряд кнопок. — Гальяс, установи видеорекордер с многоразовыми кассетами и снимай эти объекты в сильно увеличенном изображении. Сейчас мы узнаем, каковы их намерения.

Как только скорость движения корабля стала синхронной со скоростью вращения планетоида, Хаутамяки повернулся и указал на экран с изображением орудий, направленных на корабль. Затем он постучал указательным пальцем по своей груди и поднял перед собой руки, широко растопырив пальцы, показывая, что в руках ничего нет. Инопланетянин следил за движениями человека блестящими золотистыми глазами. Он покачал головой из стороны в сторону и повторил жест Хаутамяки, указав пальцем себе на грудь, а затем на экран.

— Он сразу понял, что мы имеем в виду, — произнес Гальяс. — Смотрите, орудия исчезают внутри планетоида!

— Будем продолжать сближение. Ты записываешь все это на пленку?

— Да, конечно. Изображение, звук — все, что показывает каждый прибор. Записывающие аппараты были включены с того момента, когда мы впервые увидели звезду, и пленки автомати-

чески опускаются в бронированное хранилище, как ты распорядился. Что дальше?

— Они уже сделали следующий шаг — смотри.

Существо на экране протянуло руку куда-то за его пределы и достало небольшой шар. Из металлической сферы выступал стержень с небольшим рычагом. Когда инопланетянин нажал на рычаг, послышалось шипение.

— Баллончик с газом, — пробормотал Гальяс. — Интересно, что бы это значило? Впрочем, нет — не газ. Внутри сферы вакуум. Видите, в трубку втягиваются зернышки, рассыпанные на столе.

Инопланетянин удерживал рычаг в опущенном положении, пока шипение не прекратилось.

— Остроумно, — заметил Хаутамяки. — Он дал нам понять, что внутри шара находится проба их атмосферы.

...У шара не было никакого видимого движителя, но он мчался к их кораблю, вращавшемуся по орбите вокруг золотого планетоида. Затем остановился на расстоянии нескольких метров, отчетливо видимый в иллюминаторы.

— Какой-то силовой луч, — решил Хаутамяки, — хотя ни один из приборов с наружными датчиками не зарегистрировал поля. Надеюсь, мы узнаем секрет этого луча. Сейчас я открою наружную дверцу шлюза.

Как только дверца открылась, шар влетел внутрь, и астронавты увидели через телевизионную камеру, установленную внутри шлюза, как он мягко опустился на палубу. Хаутамяки закрыл наружную дверь и повернулся к Гальясу.

— Надень перчатки с термоизоляцией и отнеси шар в лабораторию. Там проведи анализ газа, содержащегося внутри. Как только закончишь, выпусти из шара остатки газа, наполни его нашим воздухом и выброси через шлюз.

Корабельные анализаторы гудели, выясняя состав атмосферы планетоида, и инопланетяне занимались, по-видимому, тем же. Анализ был сделан быстро, поскольку представлял собой обычную процедуру, — и через несколько минут на контрольной панели появились цифры.

— Непригодно для дыхания — по крайней мере для нас, — заметил Гальяс. — Достаточное количество кислорода, даже более чем достаточное, но сернистые соединения мгновенно разъедят наши легкие. У них, должно быть, совершенно иной метаболизм — иначе как они дышат? Можно определенно сказать, что мы никогда не сможем соперничать с ними за обладание одними и теми же мирами...

— Смотрите! Изображение меняется, — воскликнула Чьонд, глядя на экран.

Инопланетянин исчез, и появилось изображение прозрачного выступа на поверхности планетоида. У них на глазах инопланетянин вошел внутрь откуда-то снизу. Картинка на экране снова изменилась — теперь они смотрели на инопланетянина из этого прозрачного помещения. Инопланетянин пошел по направлению к видеокамере, остановился посреди помещения, протянул руку и словно оперся на воздух.

— Купол разделен пополам прозрачной перегородкой, — заметил Гальяс. — Начинаю понимать, что он хочет.

Видеокамера плавно повернулась и остановилась на противоположной стене купола, где была видна дверь, открытая настежь.

— Ну что ж, все достаточно очевидно, — произнес Хаутамяки, поднимаясь. — Перегородка в центре купола герметична, таким образом, его можно использовать для переговоров. Я отправляюсь на планетоид. Записывайте на пленку все происходящее.

— Мне кажется, это ловушка. — Чьонд смотрела на купол с открытой дверью, неуверенно шевеля пальцами. — Ты рискуешь...

Хаутамяки рассмеялся — впервые с тех пор, как они прибыли на корабль.

— Ловушка? Неужели ты думаешь, что все это они проделали лишь для того, чтобы заманить меня в такую изощренную ловушку? Подобное самомнение смехотворно. Но даже если и так, неужели я мог бы отказаться?

Хаутамяки надел герметический скафандр, вошел в шлюз, подождал, пока давление выровняется, и открыл наружную дверь. Встал в проеме и оттолкнулся от корабля. Гальяс и Чьонд видели в иллюминатор, как исчезает вдали, становится все меньше и меньше одетая в космический скафандр фигура.

Молча, даже не осознавая этого, они прижались друг к другу, наблюдая за встречей. Хаутамяки медленно влетел в открытую дверь купола и коснулся ногами пола. Потом повернулся и увидел, как дверь закрылась. По радио раздавалось шипение, сначала едва слышно, затем все громче и громче.

— Похоже, они повышают давление в той части купола, где ты находишься, — пробормотал Гальяс.

— Да, я слышу шипение, и на наружном датчике регистрируется повышение давления, — кивнул Хаутамяки. — Как только оно достигнет нормального, я сниму шлем.

Чьонд начала было протестовать, но ее муж предупреждающе поднял руку, и она умолкла. Решение должен принять сам Хаутамяки, и никто не может помешать ему.

— Воздух самый обычный, хотя ощущаю едва заметный металлический запах, — послышался голос Хаутамяки.

Он положил рядом с собой шлем и принялся снимать скафандр. Инопланетянин стоял у прозрачной перегородки, разделявшей две части купола. Хаутамяки подошел к нему. Они стояли, глядя друг на друга, почти одного роста. Инопланетянин приложил ладонь к перегородке, и человек прижал руку к тому же месту со своей стороны. Наконец они встретились друг с другом, и теперь их разделял всего один сантиметр прозрачной перегородки. Без нее обойтись невозможно. Глаза человека и инопланетянина встретились, и они долго смотрели друг на друга, пытаясь понять чужие намерения и прочесть мысли. Наконец инопланетянин отвернулся и подошел к столу, на котором лежало множество разных предметов. Он взял один из них и показал Хаутамяки.

— Килт, — произнес инопланетянин.

Предмет походил на обломок скалы.

Хаутамяки только теперь заметил, что и на его половине купола находится стол с разложенными на нем предметами. По-видимому, на обоих столах лежали одни и те же предметы. Он увидел осколок, похожий на тот, что держал инопланетянин, взял его и поднял над головой.

— Камень, — сказал Хаутамяки и повернулся к невидимому видеопередатчику. — Судя по всему, — произнес он, обращаясь к оставшимся на корабле, — мы начинаем с урока языка. Это очевидно. Проследите, чтобы все фиксировалось на пленке. Позже мы разработаем программу машинного перевода для компьютера — если это не сделают инопланетяне.

После того как истощились запасы предметов, которые тут же демонстрировались, урок языка пошел медленнее. Инопланетяне стали показывать фильмы — Хаутамяки стало ясно, что они были приготовлены заранее, — иллюстрирующие простые действия. Постепенно осваивались глаголы с временными формами. Инопланетянин даже не старался научиться чужому языку, а всего лишь следил за точностью передачи. Люди тоже записывали все происходящее. По мере того как продолжался урок, лицо Гальяса становилось все более озадаченным. Он начал делать заметки и вдруг прервал урок.

— Хаутамяки, — это очень важно. Спроси своего партнера: они просто накапливают словарный запас или программируют компьютер для машинного перевода?

На вопрос Гальяса ответил сам инопланетянин. Он повернул голову в сторону, словно прислушиваясь к доносящемуся издалека голосу, затем начал говорить в чашевидное приспособление, от которого тянулся провод. Через мгновение послышался

голос Хаутамяки, монотонный и бесстрастный, поскольку каждое его слово было записано отдельно.

— Я говорю через машину... говорю на своем языке... машина говорит с вами на вашем языке... меня зовут Лием... нам нужно записать больше слов, прежде чем будем говорить хорошо...

— Надо сделать кое-что без промедления, — заявил Гальяс, когда инопланетянин закончил. — Скажи им, что нам нужен образец их мышечной ткани. Я знаю, что они могут не понять тебя, но все-таки постарайся объяснить.

У инопланетян не было никаких возражений. Они даже не настаивали на том, чтобы им предоставили образец мышечной ткани с человеческими клетками, но приняли его. Герметически запечатанный контейнер с замороженным клочком мышечной ткани инопланетянина прилетел к двери шлюза по силовому лучу. Гальяс извлек его оттуда и направился в лабораторию.

— А ты следи за записью, — велел он жене. — Не думаю, что на этот раз мне потребуется много времени.

5

Действительно, времени потребовалось немного. Не прошло и часа, как Гальяс вернулся в рубку управления, двигаясь так тихо, что Чьонд, увлеченная уроком языка, не замечала его, пока муж не остановился рядом с ней.

— У тебя мрачное лицо, — сказала она, взглянув на Гальяса. — Что случилось? Что тебе удалось выяснить?

Его лицо исказила мучительная гримаса.

— Уверяю тебя, ничего страшного. Однако ситуация совсем не такая, как мы предполагали раньше.

— В чем дело? — Лицо Хаутамяки на экране повернулось в их сторону.

— Насколько успешным был урок языка? — спросил Гальяс. — Ты хорошо понимаешь нас, Лием?

— Да, — ответил инопланетянин, — теперь мне понятны почти все слова. Однако машина может работать всего с несколькими тысячами слов, поэтому постарайтесь говорить попроще.

— Хорошо. То, о чем я буду говорить, совсем несложно. Сначала хочу задать вопрос. Твой народ прилетел с планеты, находящейся на орбите этой звезды?

— Нет, мы прилетели сюда издалека, долго искали место, где можно поселиться. Нашей родиной является очень далекий мир, среди вон тех звезд.

— И все вы живете в этом мире?

— Мы живем во многих мирах, но являемся детьми детей тех, кто когда-то жил в одном мире — очень давно.

— Мы тоже заселили многие миры, но у всех нас одна родина, — сказал Гальяс и посмотрел на листки бумаги, которые держал в руке. Он улыбнулся инопланетянину, смотрящему с экрана, но в его улыбке было что-то поразительно печальное. — Мы все когда-то жили на планете по имени Земля. И твой народ переселился оттуда же. Мы — братья, Лием.

— Что за безумие! — воскликнул Хаутамяки. Его лицо покраснело от гнева. — Лием — гуманоид, он не принадлежит к человеческой расе. Он даже не может дышать нашим воздухом!

— Он — или она — действительно не может дышать воздухом, которым дышим мы, — спокойно ответил Гальяс. — Мы не занимаемся генной инженерией, но знаем, что это возможно. Не сомневаюсь, что когда-нибудь узнаем, как соотечественники Лиема изменили свой генетический код до такой степени, что стали в состоянии жить в тех условиях, в которых живут сейчас. Нельзя исключить вероятности, что это результат естественного отбора и обычной мутации. Однако перемены, происшедшие с ними, кажутся мне слишком радикальными для подобного объяснения. Но не это важно. Разгадка заключается вот в чем. — Он протянул листы с расчетами и фотографиями. — Можете убедиться сами. Вот цепочка дезоксирибонуклеиновой кислоты ядра одной из моих клеток. А вот цепочка Лиема. Они идентичны. Лием и его соплеменники такие же люди, как и мы.

— Но этого не может быть! — Чьонд озадаченно покачала головой. — Ты только посмотри на него — он совершенно не похож на нас! Да и их письменность — что ты скажешь о ней? Неужели я могла так ошибиться?

— Ты не приняла во внимание одну возможность — появление совершенно нового алфавита. Ведь ты сама говорила мне, что между китайской письменностью и западными алфавитами нет ни малейшего сходства — китайские иероглифы ничуть не походят на западные буквы. Если народ, к которому принадлежит Лием, пережил культурную катастрофу, в результате которой им пришлось заново изобретать письменность, то у них вполне мог появиться свой собственный инопланетный алфавит, не похожий ни на какой другой. А что касается их внешнего вида — подумай о тысячах столетий, миновавших с тех пор, как человечество покинуло древнюю Землю и расселилось по всей Галактике. Подумай и увидишь, что различия не такие уж и значительные. Некоторые из них являются естественными, другие — искусственного происхождения, но самое главное в ином — генетический код не может лгать. Мы и они — дети одних предков.

— Да, это возможно, — впервые послышался голос Лиема. — Мне сообщили, что наши биологи согласны с такими выводами. Различий между вами и нами несравненно меньше, чем сходных черт. А где находится эта Земля, наша общая родина?

Хаутамяки указал на небо над головой, на гигантское пространство Млечного пути, заполненное бесчисленными звездами.

— Вон там, на противоположной стороне Галактики, примерно на полпути от ее центра.

— Да, центр Галактики дает нам частичное объяснение случившегося, — произнес Гальяс. — Он представляет собой ядро диаметром в тысячи световых лет и с температурой, превышающей десять тысяч градусов. Мы сумели исследовать только его наружную часть. Ни один корабль не может проникнуть внутрь его или хотя бы приблизиться на относительно небольшое расстояние, потому что ядро Галактики окружено пылевыми облаками. Поэтому мы начали двигаться от центра к окраинным областям, медленно огибая края Галактики и все время удаляясь от Земли. Если бы у нас было время подумать, мы поняли бы, что человечество двигалось и в противоположную сторону, тоже огибая центральное ядро — но в другом направлении.

— И наступило время нашей встречи, — послышался голос Лиема. — Я приветствую вас, братья по разуму. И в то же время эта встреча печальна, потому что я понимаю, что она означает.

— Да, мы, представители человечества, одиноки в этой Галактике. — Хаутамяки поднял голову и взглянул на триллионы звезд. — Мы завершили путь — и встретили самих себя. Галактика принадлежит нам, но мы в ней одиноки.

Он повернулся, не заметив, что Лием, золотистый инопланетянин, тоже повернулся, и оба посмотрели в противоположные стороны.

Они глядели в бесконечную глубину и темноту межгалактического пространства, которое не нарушал свет ни одной звезды. Где-то в колоссальной глубине смутно виднелись тускло светившиеся точки — но то были не звезды, а бесконечно далекие галактики, звездные острова, на краю одного из которых они находились.

Эти два разумных существа отличались друг от друга многим: у них были разные дыхательные системы, цвет кожи, язык, традиции, культура. Они отличались друг от друга как день от ночи: человечество, умевшее приспосабливаться к самым разным условиям, за многие тысячелетия изменилось так, что его представители не узнали друг друга. Однако время, расстояние и мутации не смогли изменить главного — они остались людьми.

— Значит, сомнений нет — мы одиноки в Галактике, — заметил Хаутамяки.

— Одиноки в этой Галактике.

Они посмотрели друг на друга — и отвернулись. За короткое мгновение они измерили свои человеческие качества одинаковыми мерками и поняли, что равны.

Они смотрели в межгалактическое пространство, в сторону бесконечно удаленного островка света — еще одной галактики.

— Нам будет нелегко добраться туда, — послышался чей-то голос.

Битва была проиграна. И все-таки это не было поражением.

Скорость гепарда, рык льва

— Он едет, папа! — закричал Билли, взмахнув полевым биноклем. — Только что обогнул угол Лиловой улицы.

Генри Брогэн что-то удовлетворенно буркнул, не без труда усаживаясь за руль своего роскошного, это вам не микролитражка, лимузина: двадцать два фута длины, восемь — ширины, двигатель в триста шестьдесят лошадиных сил, четыре дверцы, кругом электромоторы, система кондиционирования. Между большой «баранкой» и кожаным передним сиденьем места хватало, но и Генри мог похвастать внушительностью габаритов. Он буркнул вновь, повернув ключ зажигания. Рев могучего двигателя заполнил гараж. Генри широко улыбнулся, поднося раскаленный прикуриватель к кончику длинной сигары.

Билли, присев за изгородью, не отрывался от бинокля. Наконец крикнул вибрирующим от волнения голосом:

— В квартале от нас и сбрасывает скорость!

— Поехали! — весело откликнулся отец и нажал на педаль газа.

Грохот выхлопа напомнил гром, открытые ворота гаража завибрировали, пустые консервные банки запрыгали на полках. Огромный автомобиль вырвался из гаража на подъездную дорожку, улицу и покатил с грацией и величием «Боинга-747». Ревя, как голос свободы, обогнул одноцилиндрового, из пластика и фанеры, расходующего один галлон на сто тридцать две мили, одноместного «экономного жука», за рулем которого сидел Саймон Писмайр. Саймон как раз собрался повернуть на свою подъездную дорожку, когда мимо проскочил дредноут автострад и поднятый им ветер едва не смел микролитражку Саймона с асфальта. Саймон, побагровевший от ярости, поднялся над ветровым стеклом, как суслик над норкой, в бессильной злобе потряс кулаком вслед автомобилю, его слова заглушил рев восьми ци-

линдров. Генри Брогэн наслаждался этой сценой в зеркале заднего обзора, так смеялся, что пепел с сигары упал на брюки.

Действительно, зрелище было великолепное, кит, плывущий в косяке пескарей. Маленькие автомобильчики, снующие по улице, разлетались в стороны, водители, выпучив глаза, наблюдали, как Генри проезжает мимо. Не меньшее внимание оказывали ему пешеходы и велосипедисты, успевшие оттяпать у автомобилистов немалую толику мостовой. Король в своей карете или лучший бейсболист Америки на плечах своих товарищей по команде не могли бы вызвать большего интереса. В этот миг Генри был королем дороги и сиял от удовольствия.

Впрочем, далеко он ехать не собирался. Автомобиль, глухо урча двигателем, дождался, пока вспыхнет зеленый свет, потом повернул за угол на Голливудский бульвар и остановился около аптеки. Выключать двигатель Генри не стал, вылез из кабины, что-то бормоча себе под нос, прикидываясь, что не замечает восхищенных взглядов всех, кто проходил или проезжал мимо.

— Отличная машина, — доктор Кайн, владелец аптеки, встретил его у дверей и протянул четырехстраничный экземпляр еженедельника «Лос-Анджелес таймс». — И, как я вижу, в прекрасном состоянии.

— Спасибо, док. Хороший автомобиль требует соответствующего ухода.

С минуту они поговорили об обычных мелочах: отключении света на Восточном побережье, школах, закрывающихся из-за недостатка электроэнергии, очередном экстренном послании президента, шансах Митчелла и Стена на освобождение на поруки. Потом Генри неспешным шагом вернулся к автомобилю, бросил газету на пассажирское сиденье. И как раз открывал дверцу, чтобы сесть за руль, когда Саймон Писмайр подкатил на своем «экономном жуке».

— Действительно экономит бензин, Саймон? — с улыбкой спросил Генри.

— Слушай сюда, черт тебя побери! Ты выехал на этом танке и едва не раздавил меня! Я заявлю на тебя в полицию!

— Ну что ты, Саймон. Я ничего такого не делал. И близко к тебе не приближался. Смотрел очень внимательно, потому что разглядеть твою крошку иной раз не так-то легко.

Саймон залился краской, сердито двинулся к Генри.

— Не смей так со мной говорить! Я подам на тебя в суд вместе с твоим монстром, сжигающим наши бесценные резервы...

— Не горячись, Саймон. Твоя тикалка может и отказать, если будешь так волноваться. Ты в том возрасте, когда сердце надо беречь. И ты знаешь, что с законом у меня все в порядке. Все, кто мог, меня проверил, и комиссия по ценам и ресурсам, и

департамент по налогам и сборам, и полиция — все. Они восхищались моим автомобилем, а уходя, пожимали мне руку, как джентльмены. Закон любит мой автомобиль, Саймон. Не так ли, патрульный?

О'Райли, который любовался автомобилем Брогэна, прислонив велосипед к стене, помахал рукой.

— Именно так, мистер Брогэн, — и нырнул в магазин, не желая втягиваться в дискуссию.

— Так-то, Саймон, — Генри сел за руль, чуть придавил педаль газа. Двигатель хищно взревел, и люди подались назад.

Саймон всунулся в окно.

— Ты ездишь на этом автомобиле только для того, чтобы досадить мне! Вот зачем ты это делаешь! — прокричал он. Кровь еще сильнее прилила к голове, на лбу выступили капли пота.

Генри добродушно улыбнулся, затянулся сигарой, прежде чем ответить.

— Напрасно ты так. Мы же соседствуем много лет. Помнишь, как я купил «Шеви», а ты, неделей позже, двухдверный «Бьюик»? Я купил отличный, пусть и подержанный четырехдверный «Бьюик», а ты в тот же день приобрел новый «Торнадо». Я понимаю, чистое совпадение. А когда я вырыл у себя двадцатифутовый бассейн, ты, так уж вышло, вырыл тридцатидвухфутовый, да еще на фут глубже, чем у меня. Но меня это нисколько не волновало...

— Черта с два!

— Ладно, может, и волновало. Но теперь не волнует, Саймон, абсолютно не волнует.

Он нажал на педаль газа, дредноут автострад величественно тронулся с места, обогнул угол и исчез за поворотом. И Генри, направляясь к дому, не мог вспомнить дня, когда солнце светило бы так ярко, а воздух был таким сладким. Действительно, чудесный выдался денек.

Билли ждал у гаража, закрыл ворота, как только их миновал сверкающий задний бампер. Громко смеялся, когда отец начал рассказывать ему о случившемся, а когда история подошла к концу, они оба разве что не покатывались от хохота.

— Жаль, что я не видел его лица, папа, ужасно жаль. Слушай, а почему бы завтра не увеличить громкость выхлопа? На выходе из усилителя можно получить двести ватт, а между задними колесами у нас двенадцатидюймовый динамик. Что скажешь?

— Можно, но только на чуть-чуть. Чтобы оставить что-то и на последующие дни. Давай взглянем на часы, — он повернулся к приборному щитку, и улыбка сползла с его лица. — Господи, я проездил одиннадцать минут. Не знал, что так долго.

— Одиннадцать минут... примерно два часа.

— Я знаю, черт побери. Надеюсь, ты мне поможешь, а то у меня не хватит сил, чтобы поднять за обедом ложку.

Из ящика с инструментом Билли достал заводной ключ на длинном штыре, свернул крышку с бензобака, вставил ключ в гнездо. Генри поплевал на ладони, взялся за рукоятку.

— И пусть пружину придется взводить два часа, — пропыхтел он. — Овчинка стоит выделки.

Самый замечательный автомобиль в мире

Нервы Эрнеста Хароуэя начали сдавать; он стиснул руки, чтобы остановить дрожь. Идея, которая там, в Детройте, представлялась ему такой замечательной, теперь, когда он оказался в Италии — более того не где-нибудь, а в Кастелло Престеццы, — стала казаться неразумной и пугающей. Он справился с невольной дрожью и перевел взгляд с серой изъеденной временем стены замка на еще более серую и намного более древнюю гряду Доломитовых Альп, вздымавшуюся позади. Во дворе замка царила полная неподвижность и почти благоговейная тишина, нарушаясь лишь слабым шорохом сосновых игл, перебираемых предвечерним ветерком да потрескиванием остывающего мотора арендованного автомобиля, на котором он приехал. В горле у него было сухо, а ладони, напротив, вспотели. Он должен был сделать это!

Судорожным движением он распахнул дверь и заставил себя вывалиться из автомобиля. Задержавшись лишь настолько, чтобы подхватить с сиденья портфель, он затопал по хрустящему под ногами гравию к каменному порталу, посреди которого располагалась огромная окованная железом дверь.

На потемневших досках двери не было видно никакого звонка или дверного молотка, зато на каменной притолоке сбоку располагалась позеленевшая от времени бронзовая голова горгоны, державшей во рту круглую ручку. Хароуэй потянул, и из стены, примерно на фут, с гнусным скрежетом неохотно вылез железный прут, который, спазматически дергаясь, уполз в стену, как только приезжий выпустил ручку. Независимо от того, сколько лет или веков насчитывал этот механизм, он, похоже, все еще действовал, так как не прошло и минуты, как послышался сильный, хотя и приглушенный, стук, и дверь медленно приоткрылась. Высокий болезненного вида человек в ливрее, уставив на посетителя впечатляющих размеров нос, окинул оценивающим,

но не заинтересованным взглядом его темно-серый, цвета древесного угля, летний костюм из немнущейся ткани и поднял глаза на взволнованное лицо Хароуэя.

— Sissignore? — почти не шевеля губами, произнес он холодным подозрительным тоном.

— Buon giorno... — ответил Хароуэй, исчерпав таким образом весь свой итальянский словарь. — Я хотел бы видеть мистера Беллини.

— Маэстро никого не принимает, — сказал слуга на безупречном английском языке с заметным оксфордским акцентом, после чего отступил на шаг и потянул за ручку двери с явным намерением закрыть ее.

— Подождите! — воскликнул Хароуэй, но дверь неумолимо продолжала закрываться. В отчаянии он всунул ногу в щель; этот маневр частенько помогал ему во время его недолгой карьеры коммивояжера, приходившейся на время обучения в колледже, но, как выяснилось, совершенно не подходил для этого типа архитектуры. Вместо того чтобы вновь распахнуться, как это сделала бы легкая квартирная дверь, чудовищная воротина продолжала двигаться. Тяжесть створки смяла тонкую подошву легкой туфли; ступню сдавило так, что Хэроуэю явственно показалось, будто он слышит скрежет костей. Он пронзительно вскрикнул и, вцепившись в дверь, всей тяжестью потащил ее на себя. Дверь остановилась, а затем, немного подумав, медленно качнулась в обратном направлении. Слуга, вздернув правую бровь, недоуменно следил за действиями посетителя.

— Прошу прощения... — выдохнул Хароуэй, — но моя нога... Вы сломали мне все кости. Очень важно, чтобы я увиделся с мистером Беллини, с Маэстро. Если вы не хотите пропустить меня к нему, то передайте хотя бы это. — Переступив на здоровую ногу, он полез в карман пиджака — письмо было подготовлено загодя как раз на тот случай, если на пути ко встрече возникнут серьезные затруднения, — и вручил конверт слуге. Тот принял его с большой неохотой. На сей раз огромная дверь беспрепятственно закрылась полностью, и Хароуэй, дохромав до одного из каменных львов, стороживших вход, плюхнулся на спину зверю и вытянул ногу, надеясь, что это успокоит пульсирующую боль. Она действительно понемногу слабела, ну а спустя четверть часа дверь отворилась снова.

— Следуйте за мной, — приказал слуга. Неужели его голос прозвучал немного теплее? Вступая в здание, Хароуэй чувствовал, что его сердце бешено колотится где-то в горле. Он попал сюда! Он сделел это!

В доме было полутемно, к тому же Хэроуэй, пребывая в состоянии крайнего волнения, попросту не замечал почти никаких

деталей, хотя в памяти у него и остались отрывочные впечатления, такие, как деревянная резьба, массивные балки, поддерживавшие потолок, стоявшие по углам старинные рыцарские доспехи да различные предметы мебели, громоздкие, как товарные вагоны. Стараясь не наступать на все еще болевшую ногу, он, прихрамывая, следовал за своим провожатым через анфиладу комнат, пока они наконец не оказались в зале с большими трехстворчатыми окнами, выходившими в сад. Перед окном стояла девушка. Она держала за уголок записку, переданную Хароуэем, с таким презрительным видом, будто это была использованная салфетка, которую нужно было немедленно выбросить.

— Что вам здесь нужно? — спросила она ледяным тоном, который совершенно не вязался с бархатной теплотой ее голоса.

В любое другое время Хароуэй проявил бы к этой восхитительной представительнице женского пола гораздо больше интереса, но сейчас, насколько невероятно это ни было, он рассматривал ее лишь как нежелательное препятствие на своем пути. Иссиня-черные локоны, падавшие на покрытые нежным загаром плечи, были всего-навсего волосами. Полная грудь, видневшаяся в квадратном вырезе платья, служила еще одним барьером, преграждавшим ему дорогу, а с пухлых очаровательных губок срывались резкие слова, запрещавшие ему встречу с Беллини.

— Это вас не касается, — грубо отрезал он. — Все, что мне нужно сказать, я сообщу Маэстро.

— Маэстро — больной человек и ни с кем не встречается, — ответила девушка; голос ее прозвучал так же властно, как и его последняя фраза. — Мы никому не позволим тревожить его. — Она взмахнула запиской с таким омерзением, словно это была дохлая мышь. — Что значат эти слова: «Незаконченное дело в Ле-Мане[1] в 1910 году»?

— Это не ваше дело, мисс?..

— Я синьорина Беллини.

— Мисс Синьорина ...

— Синьорина — это то же самое, что и мисс, но по-итальянски.

— Прошу прощения. Мисс Беллини. То, что я должен сказать, предназначено только для ушей самого Маэстро. — Он крепче стиснул ручку портфеля. — Ну а теперь... Вы передадите ему мою записку?

— Нет!

— Chiè? — неожиданно прогремел глубокий голос откуда-то с потолка. Девушка побелела и прижала записку к груди.

[1] Ле-Ман — город на северо-западе Франции, административный центр провинции Сарта. Известен автомобильными гонками.

— Он слышал!.. — выдохнула она.

Божественный, судя по всему, голос снова что-то проворчал, девушка в ответ рассыпала звонкое стаккато итальянских слов. При этом она обращалась, похоже, к небесам или, по крайней мере, к потолку. Похлопав глазами некоторое время, Хароуэй смог все же разглядеть громкоговоритель, встроенный в декоративную (по крайней мере, с виду) бойницу, украшенную лепной рамкой. Там же, похоже, находился и микрофон. И тут разговор прекратился. Последняя фраза невидимого собеседника, судя по тону, была приказом. Девушка опустила голову.

— Это было... был... он... его? — срывающимся шепотом спросил Хароуэй. Она только кивнула и отвернулась к окну, собираясь с силами, чтобы заговорить снова.

— Он хочет видеть вас, а ведь доктор строго-настрого запретил допускать к нему посетителей. — Она резко повернулась и посмотрела ему прямо в лицо; в ее округлившихся, подернутых пеленой слез глазах читалось настолько сильное чувство, что стремление Хароуэя во что бы то ни стало сохранять безразличие немедленно получило тяжкий удар. — Может быть, вы уйдете... Прошу вас... Ему нельзя волноваться.

— Я хотел бы пойти вам навстречу, но... я просто не могу этого сделать. Слишком долго я ждал этого шанса. Но обещаю вам, что не буду волновать его, сделаю для этого все возможное, честное слово.

Она испустила прерывистый вздох и, снова опустив голову, отвернулась.

— Пойдемте, — сказала она и, не взглянув на непрошеного гостя, направилась к двери.

Хароуэй, не ощущая боли в поврежденной ноге, — по правде говоря, он вообще не ощущал почти ничего — хромал за ней, как сквозь вату. Его чувства почти бездействовали, будто все его существо никак не могло поверить в то, что мечта всей его жизни начала наконец воплощаться в реальность. Распахнулась еще одна, последняя, дверь, и он увидел в инвалидном кресле фигуру крупного мужчины, закутанного в одеяла, — случайный луч солнечного света, проникший в окно, отразился от пышной гривы седых волос, образовав нимб; Хароуэй нисколько не удивился бы, даже если бы нимб оказался настоящим. Он неподвижно застыл на месте, а девушка молча подошла и вручила Маэстро его записку.

— Что это значит? — спросил старик, требовательно взмахнув листом бумаги. — В Ле-Мане в том году осталось незаконченным только одно дело, ну, а сейчас уже слишком поздно начинать судебный процесс или что-нибудь еще вроде него. Что вы хотите? — Он нахмурившись поглядел на Хароуэя; от усилия его

лицо цвета красного дерева покрылось густой сетью глубоких морщин.

— Н-нет, н-нет, н-ничего по-подобного, — Хароуэй поймал себя на том, что заикается, глубоко вздохнул и взял себя в руки. — Конечно, я там не был, я даже еще не родился... — он подавил в себе желание истерически захихикать. — Но мой отец много раз рассказывал мне об этом дне, так что я почти верю в то, что видел гонку своими собственными глазами. Какая ужасная катастрофа могла получиться, когда тот одиннадцатилитровый «Фиат» подрезал ваш «тип тринадцать» с мотором в тысячу триста двадцать семь кубических сантиметров и опрокинул его! Но ваш водитель, Феттуччини, выпал из машины очень удачно, и только пробка горловины радиатора отлетела в толпу...

— Пробка... Я так и знал! — сказал Маэстро, хлопнув ладонью по подлокотнику своего кресла на колесах. — Конечно, без нее не могло обойтись, ведь других незаконченных дел в Ле-Мане не было!

— Дедушка, прошу тебя! — взмолилась девушка, погладив старика по руке. — Вы же обещали! — она обожгла Хароуэя гневным взглядом.

— Прошу прощения, я не хотел... Но, так или иначе, во всем этом нет ничего особенно интересного, если не считать того, что мой отец оказался именно тем человеком, которому эта пробка попала в голову.

— А-а, таинственный пострадавший наконец нашелся.

— Он не был по-настоящему травмирован; это была небольшая трещина, и он поднялся из постели менее чем через месяц. И он сохранил у себя пробку от радиатора — свое величайшее сокровище. У него совсем не было денег. Переезд в Европу — а он поехал специально, чтобы посмотреть гонки в Ле-Мане — он отработал на пароходе. Так что его поместили в благотворительную больницу; именно поэтому вам так и не удалось найти его, хотя я знаю, сколько усилий вы приложили для того, чтобы найти раненого.

— Это было нечто мистическое: множество народу видело, как он упал, а потом все следы исчезли!

— Знаете, папа всегда был очень застенчив; он, наверно, даже не мог представить себе, что будет разговаривать с таким великим человеком, как вы. Когда он поправился, то смог кое-как вернуться в Соединенные Штаты, а после этого вся его жизнь переменилась. Он частенько говорил, что пресытился беспутной жизнью. Когда он встретил мамочку и они поженились, он работал на заправочной станции; через некоторое время он накопил достаточно денег, чтобы купить ее — это был его единственный в жизни серьезный поступок. Но он всегда был счастливым человеком. Он хранил пробку от радиатора в стеклянном ящичке, висевшем над камином. Эта вещь, пожалуй, самое первое из сохранившихся у меня воспоминаний — пробка от радиатора, и рассказы отца о ней. Я вырос под знаком этой пробки, мистер Беллини, и не будет преувеличением сказать, что она сформировала всю мою жизнь. Я любил автомобили, я изучал их, ходил в вечернюю школу, и вот сейчас я инженер-автомобилист и никогда в жизни не желал ничего другого. Не считая, разве что, встречи с вами. А в прошлом году папа умер, и его последние слова были: «Верни ее хозяину, сынок. Она, по совести, не принадлежит нам, и я знал, что ее когда-нибудь нужно будет вернуть, но всю жизнь не мог решиться пойти на это. Это твое дело, сынок, ты должен это сделать. Верни ее тому человеку, которому она принадлежит по праву».

Хароуэй раскрыл портфель, порылся в нем и извлек нечто, плотно укутанное во множество слоев полиэтилена. Один за другим он легкими почтительными прикосновениями разворачивал их, пока на свет не появилась старая пробка от радиатора — помятая, исцарапанная, но начищенная и сверкавшая, как драгоценный камень. Он подал ее Маэстро; тот, прищурившись, повертел ее перед глазами.

— Отличная медяшка, — сказал он и протянул предмет гостю. — Оставьте ее себе.

— Благодарю вас, — негромко проговорил Хароуэй. Он снова тщательно завернул свою драгоценность в полиэтилен и осторожно опустил в портфель. — Большое спасибо вам и за то, что вы любезно согласились принять меня. — Он защелкнул портфель и крепко схватился за ручку. — Я не хотел бы тревожить вас больше... но, с вашего позволения, у меня есть еще один, только один вопрос, который я хотел бы задать вам, перед тем, как уйти...

— И что это за вопрос? — настороженно осведомился Маэстро. Он смотрел в окно, но видел перед собой только Ле-Ман в 1910 году. Если бы не тот неповоротливый «Фиат», его «тип тринадцать» наверняка одержал бы победу. Благодаря верхнему распределительному валу, он мог давать 3000 оборотов в минуту...

— Знаете, он волновал меня на протяжении многих лет. Как вы думаете, если бы не этот несчастный случай, смог бы «тип тринадцать» занять первое место? В конце концов с вашим новым верхним распределительным валом он мог давать 3000 оборотов в минуту...

— Dio mio! — задыхаясь, воскликнул Маэстро. — Вы читаете мои мысли — я подумал именно об этом, причем теми же самыми словами!

— Нет, сэр, никакого чтения мыслей, а всего лишь много-

летние размышления. Я имел только одно хобби, одно всепоглощающее увлечение: автомобили Беллини и гений Беллини.

— Весьма разумное хобби для молодого человека; ведь большинство молодежи нового поколения — бесхребетные бездельники, считающие механическую повозку с автоматическим переключением передач настоящим автомобилем! Задержитесь немного, мы с вами выпьем по бокалу вина. Вы ведь уже знакомы с моей внучкой Вирджинией? Это свет очей старика, несмотря даже на то, что она очень строга со мной. — Девушка пронзила его возмущенным взглядом, а он от всей души рассмеялся. — Не хмурься так, мой цветочек, от этого на твоем прелестном личике могут появиться уродливые морщины. Лучше принеси нам бутылочку «вальполичеллы» сорок седьмого года и какие-нибудь склянки. Мы устроим сегодня небольшой праздник.

Они потягивали вино и разговаривали, и разговор касался только автомобилей — автомобилей Беллини, которые, по их обоюдному убеждению, были единственными автомобилями, достойными обсуждения. День склонился к вечеру. Хароуэя вынудили остаться к обеду (*его не пришлось долго уламывать*), и разговор продолжался: червячные передачи и рулевое колесо — под спагетти, полуцентробежные гидравлические многодисковые муфты — к мясу, а с десертом пошли толкатели клапанов. Это было в высшей степени удовлетворительное меню.

— ...И вот доказательство, — объявил Хароуэй, вписывая последнюю формулу в длинный ряд уравнений, растянувшийся на всю длину ослепительно белой льняной скатерти. — Когда вы разрабатывали для «типа двадцать два» ваш шестнадцатиклапанный двигатель с четырьмя клапанами на цилиндр, то добились большего давления продувки при меньших по размеру клапанах — расчеты это наглядно подтверждают! Вы, конечно, предварительно провели математическое моделирование?

— Нет. Доказательства я оставил для других. Я *знал*, что у меня получится; можете назвать это интуицией.

— Не интуицией, а *гениальностью*!

Беллини кивнул своей большой седой головой, принимая его слова как должное.

— А чем, по вашему мнению, я занимался последние десять лет? — спросил он.

— Ничем. Вы заперлись в этом замке, дав автомобильному миру больше, чем любой другой человек на свете.

— Вы правы. Но я, хотя и удалился от дел, все же устроил здесь маленькую мастерскую для всяких развлечений, проверки идей... Так, стариковское хобби. Я построил автомобиль...

Хароуэй весь побелел. Он привстал на ноги, конвульсивным движением смахнул на пол один из изумительных хрустальных

бокалов, но даже не заметил, как драгоценное стекло с жалобным звоном рассыпалось возле его ног.

— Автомобиль... Новый автомобиль... — задыхаясь, выдавил он.

— Я подумал, что он мог бы вас немного заинтриговать, — с озорной усмешкой сказал Маэстро. — Смею ли надеяться, что вы не откажетесь взглянуть на него?

— Нет, дедушка, нет! — вспыхнула Вирджиния. На протяжении всего обеда она сидела почти безмолвно, так как беседа, похоже, не причиняла Маэстро никакого вреда, и ее обычная настороженность смягчилась, но это было уже чересчур. — Ты опять разволнуешься, доктор запретил тебе подходить к автомобилю еще, по меньшей мере, две недели...

— Молчать! — вдруг взревел старик. — Это мой дом, и я — Беллини. Ни один жирный чурбан, ни один из этих сладкоголосых шарлатанов не смеет указывать, что я могу и чего не могу делать в собственном доме! — Но гнев тут же прошел, и он нежно погладил руку девушки. — Любовь моя, ты должна прощать старику его капризы. В гонке моей жизни осталось лишь несколько заключительных кругов, магнето сбоит, а давление масла почти на нуле. Позволь мне еще несколько мгновений радости, прежде чем я в последний раз заеду на яму. Ты не могла не заметить, насколько Хароуэй отличается от других молодых людей — у него чистое сердце, несмотря даже на то, что он трудится на этих детройтских адских железных мельницах. Я думаю, что он, возможно, последний из исчезающей породы. Он прибыл сюда, чтобы отдать — а не просить, — ни на что не рассчитывая. Он должен увидеть автомобиль.

— Как он называется? — почти беззвучно спросил Хароуэй.

— «Тип девяносто девять».

— Красивое название.

Хароуэй взялся за рукоятки инвалидного кресла, а Вирджиния пошла вперед, к лифту, который, негромко жужжа, доставил компанию вниз, в гараж и мастерскую, спрятанные в цоколе замка. Когда дверь открылась, Хароуэй был вынужден вцепиться в инвалидное кресло, иначе он не смог бы устоять на ногах.

Перед ним стоял автомобиль.

Это был миг чистой радости, наивысшая точка его жизни. Он даже не ощущал, как слезы ничем не омраченного счастья струились по его лицу, пока он, незаметно для себя, припадая на придавленную дверью ногу, поспешно хромал по идеально гладкому бетонному полу.

Это было застывшее движение. Серебристые контуры «типа девяносто девять» напоминали плененную молнию, они, тоскуя, мечтали о том, чтобы ринуться вперед и объять весь мир. Кузов был сама простота, с изгибами столь же чистыми и прекрасны-

ми, как абрис женской груди. И под этим сверкающим капотом, в глубине этого совершенного тела, — Хароуэй точно знал — скрывались еще большие чудеса.

— Вы усовершенствовали тормоза? — нерешительно спросил он.

— Несколько, — признался Маэстро. — Я и прежде не уделял много внимания тормозам.

— С серьезными основаниями. Разве вы не говорили себе, что автомобиль Беллини предназначен для того, чтобы ездить, а не останавливаться?

— Да, я так говорил. Но мир меняется, и дороги теперь забиты куда сильнее. Я... просто сконструировал совершенно новую систему торможения. Устойчивая к ошибкам, непроскальзывающая, незаклинивающаяся, нерезкая — именно такая, какой, по вашим представлениям, и должна быть тормозная система Беллини.

— И эта система?..

— Магнитострикционная.

— Ну конечно же! Но никто и никогда прежде до этого не додумался.

— Естественно. К этому относились как к лабораторному феномену, в котором применение магнетизма изменяет характеристики ферромагнитного вещества. Это позволило сделать хороший тормоз. И еще мне настолько надоела дьявольская пляска поршневого двигателя! Я решил, что необходим новый принцип. «Тип девяносто девять» оснащен свободнопоршневой бесшатунной турбиной.

— Но... Это же невозможно! Ведь эти принципы нельзя совместить в одном устройстве!

— Невозможно для других, но не для Беллини. И еще с одной проблемой удалось справиться: неподрессоренная масса; этот автомобиль не имеет неподрессоренной массы.

— Но ведь это невоз...

Маэстро улыбнулся и кивнул, принимая почести как должное.

— Ну и, конечно, есть еще кое-какие мелочи. Никель-кадмиевый аккумулятор, который не может выйти из строя или полностью разрядиться. Цельноалюминиевый корпус, нержавеющий, легко поддающийся ремонту... Вот такая штука.

Хароуэй позволил своим пальцам погладить рулевое колесо — его даже и в мыслях невозможно было фамильярно назвать баранкой. — Вы должны представить этот автомобиль миру.

— Я не думал о запуске его в производство. Это просто стариковская игрушка.

— Нет, нет, это значительно больше. Это возвращение к чистоте классического автомобиля, машина, которая стремительным штурмом завоюет весь мир. Благодаря лишь тому, что она собою представляет совершенный автомобиль, прекраснейший автомобиль в мире. Вы запатентовали все модификации и изобретения?

— Беллини можно упрекнуть во многом, но он не вчера родился на свет!

— Тогда позвольте мне взять автомобиль с собой в Соединенные Штаты! В моей фирме имеется много истинных любителей и знатоков автомобилей, и мне достаточно будет лишь показать им «тип девяносто девять», чтобы убедить их. Мы выпустим ограниченное число, любовной ручной сборки, изумительных...

— Я не знаю... — задумчиво протянул Маэстро, а затем разинул рот, захватывая воздух, вцепился пальцами в подлокотники; его лицо побелело от боли. — Мое лекарство, Вирджиния, быстро. — Девушка опрометью кинулась за бутылочкой, а старик, прижимая руки к груди, с большим трудом произнес: — Это сигнал, Хароуэй. Моя работа закончена. Автомобиль готов — и я тоже. Берите его, отдайте его миру...

Он закончил фразу каким-то неразборчивым бормотанием; сил в нем осталось лишь настолько, чтобы выпить лекарство, которое принесла его внучка. Благородная голова устало свесилась на грудь. Девушка развернула кресло и покатила его прочь. После того как двери лифта закрылись за ними, Хароуэй вновь повернулся к автомобилю.

О радость!

Он нажал кнопку на стене. Двери гаража распахнулись, и на светло-серый пол посыпались дождевые капли. Арендованный автомобиль мог остаться здесь; фирма завтра заберет его, а он этой ночью сядет за руль творения Беллини! Автомобильная дверь раскрылась от легкого прикосновения, и он скользнул в ласкающие объятия кожаного водительского сиденья. Он включил зажигание и улыбнулся, не найдя кнопки стартера. Конечно, ведь Беллини всегда презирал электрические стартеры. Завести любой автомобиль Беллини всегда можно было одним-единственным движением пусковой рукояти. А теперь система была доведена до предельного совершенства, и крошечная двухдюймовая миниатюрная рукоятка торчала из приборной панели. Он провернул ее кончиками пальцев, и идеально сбалансированный двигатель, негромко взревев, ожил. Лежавшие на рулевом колесе руки ощущали пульсацию мощи двигателя; не механический стук уродливого механизма, но приглушенный гром, похожий на мурлыканье гигантского кота. С легкостью горячего ножа, прикоснувшегося к куску масла, рукоять коробки передач скользнула в положение первой скорости, и, когда он прикоснулся ногой

к акселератору, серебряная машина вырвалась в ночь, словно ракета, уходящая с пускового стола.

На то, чтобы разогнаться до сотни миль в час, ему потребовалось четыре секунды — он еще не привык к божественной машине и очень осторожно прибавлял газ. Яркие, как прожекторы, фары пробивали огромные туннели света в дождливой ночи. И хотя открытый автомобиль не имел никакого тента, Хароуэй оставался совершенно сухим, поскольку гениально спроектированные обводы машины так отклоняли поток встречного воздуха, что он не хуже металлической крыши защищал автомобиль от дождя. Дорога представляла собой кошмарную череду крутых поворотов, но Хароуэй с громким смехом проскакивал их, так как всего лишь один оборот руля позволял повернуть колеса в крайнее положение и машина маневрировала с такой легкостью, словно катилась по рельсам.

В истории мира никогда еще не существовало подобного автомобиля. Хароуэй пел за рулем, выплескивая в пасмурное небо переполнявшее его счастье. В моторизованном мире начинался новый день, день «типа девяносто девять». И каждая из машин будет сделана с той же любовью и заботой, которые мастер вложил в этот опытный образец; уж он-то, Эрнст, позаботится об этом.

Конечно, придется внести пару-другую незначительных изменений — ну, например, поставить другие аккумуляторы. Никель-кадмиевые придется выкинуть. Завод имеет контракт с поставщиками свинцовых батарей, а такие контракты нарушать нельзя. И алюминиевый кузов — он очень хорош в теории, но для его изготовления нужны особые штампы; к тому же на складе имеются большие запасы стального листа, которые следует израсходовать, да и дилеры поднимут вой, потому что алюминиевые кузова никогда не ржавеют, и возникнут серьезные трудности со сбытом более новых моделей. И двигатель следует поставить другой; они модифицируют один из серийных. Что и говорить, новый принцип — это прекрасно, но выкидывать станки, каждый из которых стоит пару миллионов долларов, просто глупо.

Но, невзирая на мелкие изменения под капотом, автомобиль останется тем же самым. Сворачивая на ярко освещенное шоссе, Хароуэй кинул назад счастливый взгляд. Ладно, пусть почти тем же самым. Рынок нельзя изменить за одну ночь, но в европейском сегменте просматривалось кое-что заманчивое. Вероятно, будут потери, так как придется чуть свернуть американский рынок, но эти денежки вернутся сторицей.

С достойным гиганта ревом он обогнал как стоячих, вереницу спортивных автомобилей, и вписался в длинный изгиб дороги. Дождь унялся; на гребне горы высоко над собой Хароуэй разглядел контуры Кастелло Престецца и вскинул руку в воинском салюте.

— Спасибо тебе, Беллини! — крикнул он сквозь ветер. — Спасибо!

Но и ему принадлежит в этом большая, важная заслуга.

Мало того, что он станет выпускать самый замечательный автомобиль в мире; он еще и поможет мечте старика воплотиться в жизнь.

Проникший в скалы

Ветер проносился над гребнем хребта и мчался ледяным потоком вниз по склону. Он рвал брезентовый костюм Пита, осыпал его твердыми как сталь ледяными горошинами. Опустив голову, Пит прокладывал путь вверх по склону, к выступающей гранитной скале.

Он промерз до мозга костей. Никакая одежда не спасает человека при температуре пятьдесят градусов ниже нуля. Пит чувствовал, как руки его немеют. Когда он смахнул с бакенбард кусочки льда, застывшие от дыхания, он уже не чувствовал пальцев. В местах, где ветер Аляски касался его кожи, она была белой и блестящей.

Работа как работа. Потрескавшиеся губы болезненно скривились в жалкое подобие улыбки. «Если эти негодяи в погоне за чужими участками добрались даже до этих мест, они промерзнут до костей, прежде чем вернутся обратно».

Стоя под защитой гранитной скалы, он нашарил на боку кнопку. Из стального ящичка, пристегнутого к поясу, донесся пронзительный вой. Когда Пит опустил лицевое стекло своего шлема, шипение вытекающего кислорода внезапно прекратилось. Он вскарабкался на гранитную скалу, которая выступала над замерзшим грунтом.

Теперь он стоял совершенно прямо, не чувствуя напора ветра; сквозь его тело проносились призрачные снежинки. Медленно двигаясь вдоль скалы, он все глубже опускался в землю. Какое-то мгновение верхушка его шлема торчала над землей, словно горлышко бутылки в воде, затем скрылась под снежным покровом.

Под землей было теплее, ветер и холод остались далеко позади; Пит остановился и стряхнул снег с костюма. Он осторожно отстегнул ультрасветовой фонарик от наплечного ремня и вклю-

чил его. Луч света такой частоты, которая позволяла двигаться сквозь плотные тела, прорезал окружающие слои грунта, будто полупрозрачный желатин.

Вот уже одиннадцать лет Пит проникал в скалы, но так никогда и не смог отделаться от изумления при виде этого невероятного зрелища. Чудо изобретения, позволявшее ему проходить сквозь скалы, всепроникатель, он воспринимал как само собой разумеющееся. Это был всего лишь прибор, правда хороший, но все же такой, который при случае можно разобрать и починить. Удивительным было то, что́ этот прибор делал с окружающим миром.

Полоса гранита начиналась у его ног и исчезала внизу в море красного тумана. Этот туман состоял из светлого известняка и других пород, уходящих вперед застывшими слоями. Гранитные валуны и скальные массивы, большие и малые, окруженные со всех сторон более легкими породами, казалось, повисли в воздухе. Проходя под ними, он осторожно наклонялся.

Если предварительное обследование было правильным, то, идя вдоль гранитного хребта, он должен был напасть на исчезнувшую жилу. Вот уже больше года он обследовал различные жилы и выработки, постепенно приближаясь к тому месту, откуда, как он надеялся, берут начало все эти жилы.

Пит шел вперед, нагнувшись и проталкиваясь через известняк. Порода проносилась сквозь его тело и обтекала его подобно быстро мчащемуся потоку воды. Протискиваться сквозь нее с каждым днем становилось все труднее и труднее. Пьезокристалл его всепроникателя с каждым днем все больше и больше отставал от оптимальной частоты. Чтобы протолкнуть атомы его тела, требовались немалые усилия. Он повернул голову и, моргая, попытался остановить взгляд на двухдюймовом экране осциллоскопа внутри шлема. Ему улыбнулось маленькое зеленое личико — остроконечные зигзаги волн сверкали, подобно ряду сломанных зубов. Он нахмурился, заметив, каким большим стало расхождение между фактической линией волн и моделью, вытравленной на поверхности экрана. Если кристалл выйдет из строя, весь прибор разладится и человека ждет медленная смерть от холода, потому что он не сумеет спуститься под землю. Или он может оказаться под землей в тот момент, когда кристалл выйдет из строя. Это тоже означает смерть, но более быструю и несравненно более эффектную — смерть, при которой он навсегда останется в толще породы, подобно мухе в куске янтаря. Мухе, которая становится частью янтаря. Он вспомнил о том, как умер Мягкоголовый, и чуть заметно вздрогнул.

Мягкоголовый Сэмюэлз был из той группы ветеранов, несгибаемых скалопроникателей, которые под вечными снегами

Аляски открыли залежи минералов. Он соскользнул с гранитной скалы на глубине двести метров и в буквальном смысле слова упал лицом прямо в баснословную жилу Белой Совы. Именно это открытие и вызвало лихорадку 63-го года. И когда падкие до наживы полчища людей хлынули на север, к Даусону, Сэм отправился на юг с большим состоянием. Вернулся он через три года, начисто разорившись, так что едва хватило на билет на самолет, и его недоверие к человечеству было безмерным.

Он присоединился к горстке людей около пузатой железной печурки, радуясь случаю хотя бы посидеть со старыми друзьями. О своем путешествии на юг он не рассказывал никому, и никто не задавал ему вопросов. Только когда в комнату входил незнакомец, его губы крепче сжимали сигару. Но вот «Норт Американ майнинг» перевела его в другую группу, и снова начались бесконечные блуждания под землей.

Однажды Сэм пошел под землю и больше не вернулся. «Застрял», — бормотали его дружки, но никто толком не знал, где это произошло, до тех пор пока в 71-м году Пит не наткнулся на него.

Пит очень отчетливо помнил этот день. Он проходил сквозь каменную гряду, которая не была сплошной скалой, устал как собака и безумно хотел спать. Вдруг он увидел Мягкоголового Сэма, навечно пойманного каменным монолитом. На его лице застыла маска ужаса, он наклонился вперед, схватившись за переключатель у пояса. Должно быть, в это страшное мгновение Сэм понял, что его всепроникатель вышел из строя, — и скала поглотила его. Уже семь лет он стоял в этой позе, в которой ему суждено было остаться вечно, ибо атомы его тела неразрывно слились с атомами окружающей породы.

Пит тихо выругался. Если в самом скором времени не удастся напасть на жилу, чтобы купить новый кристалл, ему придется присоединиться к этой бесконечной галерее исчезнувших старателей. Его энергобатареи были на последнем издыхании, баллон с кислородом протекал, а залатанный миллеровский подземный костюм уже давно годился разве что для музея. На нем больше негде было ставить латки, и, конечно, он не держал воздуха как полагается. Питу нужна была только одна жила, одна маленькая жила.

Рефлектор на шлеме выхватил из тьмы на скале возле лощины какие-то кристаллические породы, отсвечивающие голубым. Пит оставил в стороне гранитный хребет, вдоль которого раньше шел, и углубился в менее плотную породу. Может, это и был ютт. Включив ручной нейтрализатор в штекер на поясе, он поднял кусок скальной породы толщиной в фут. Сверкающий стержень нейтрализатора согласовал плоскость вибрации образца с часто-

той человеческого тела. Пит прижал отверстие спектроанализатора к валуну и нажал кнопку. Короткая вспышка — сверкнуло обжигающее атомное пламя, мгновенно превратив твердую поверхность образца в пар.

Прозрачный снимок выпрыгнул из анализатора, и Пит жадно уставился на спектрографические линии. Опять неудача: не видно знакомых следов юттотанталита. Нахмурившись, он засунул анализатор в заплечный мешок и двинулся дальше, протискиваясь через вязкую породу.

Юттотанталит был рудой, из которой добывали тантал. Этот редкий металл был основой для изготовления мельчайших пьезоэлектрических кристаллов, которые делали возможным создание вибрационных всепроникателей. Из ютта получали тантал, из тантала делали кристаллы, из кристаллов — всепроникатели, которыми пользовался Пит, чтобы отыскать новое месторождение ютта, из которого можно было добыть тантал, из которого... Похоже на беличье колесо, и сам Пит был похож на белку, причем белку, в настоящий момент весьма несчастную.

Пит осторожно повернул ручку реостата на всепроникателе: он подал в цепь чуть больше мощности. Нагрузка на кристалл увеличилась, но Питу пришлось пойти на это, чтобы протиснуться через вязкую породу.

Пита не оставляла мысль об этом маленьком кристалле, от которого зависела его жизнь. Это была тонкая полоска вещества, походившего на кусок грязного стекла, но на редкость хорошо отшлифованная. Когда на кристалл подавался очень слабый ток, он начинал вибрировать с такой частотой, которая позволяла одному телу проскальзывать между молекулами другого. Этот слабый сигнал контролировал в свою очередь гораздо более мощную цепь, позволяющую человеку с его оборудованием проходить сквозь земные породы. Если кристалл выйдет из строя, атомы его тела вернутся в вибрационную плоскость обычного мира и сольются с атомами породы, через которую он в этот момент двигался... Пит потряс головой, как бы стараясь отбросить страшные мысли, и зашагал быстрее вниз по склону.

Он двигался сквозь сопротивляющуюся породу вот уже три часа, и мускулы ног горели как в огне. Если он хочет выбраться отсюда в целости и сохранности, через несколько минут придется повернуть назад. Однако целый час он шел вдоль вероятной жилы по следам ютта, и ему казалось, что их становится все больше. Главная жила должна быть на редкость богатой — если только удастся ее отыскать!

Пора отправляться в долгий путь назад, наверх. Пит рванулся к жиле. Он последний раз возьмет пробу, сделает отметку и

возобновит поиски завтра. Вспышка пламени — и Пит посмотрел на прозрачный отпечаток.

Мускулы его тела напряглись, и сердце тяжело застучало. Он зажмурился и снова посмотрел на отпечаток — следы не исчезли! Линии тантала ослепительно сияли на фоне более слабых линий. Дрожащей рукой он расстегнул карман на правом колене. Там у него был подобный отпечаток — отснятое месторождение Белой Совы, самое богатое в округе. Да, не было ни малейшего сомнения — его жила богаче!

Из мягкого карманчика он извлек полукристаллы и осторожно положил кристалл *Б* туда, где лежал взятый им образец. Никто не сможет отыскать это место без второй половины кристалла, настроенного на те же ультракороткие волны. Если с помощью половины *А* возбудить сигнал в генераторе, половина *Б* будет отбрасывать эхо с такой же длиной волны, которое будет принято чувствительным приемником. Таким образом, кристалл отмечал участок Пита и в то же время давал ему возможность вернуться на это место.

Пит бережно спрятал кристалл *А* в мягкий карманчик и отправился в долгий обратный путь. Идти было мучительно трудно: старый кристалл в проникателе настолько отошел от стандартной частоты, что Пит едва протискивался сквозь вязкую породу. Он чувствовал, как давит ему на голову невесомая скала в полмили толщиной, — казалось, она только и ждала, чтобы стиснуть его в вечных объятиях. Единственный путь назад лежал вдоль длинного гранитного хребта, который в конце концов выходил на поверхность.

Кристалл уже работал без перерыва больше пяти часов. Если бы Пит на некоторое время смог выключить его, аппарат бы остыл. Когда Пит начал возиться с лямками рюкзака, руки его дрожали, но он заставил себя не торопиться и выполнить работу как следует.

Он включил ручной нейтрализатор на полную мощность и вытянул вперед руку со сверкающим стержнем. Внезапно из тумана впереди появился огромный валун известняка. Теперь проникающая частота вибраций была уже согласована с ним. Сила тяжести потянула вниз гигантский восемнадцатифутовый валун, он медленно опустился и исчез под гранитным хребтом. Тогда Пит выключил нейтрализатор. Раздался страшный треск, молекулы валуна смешались с молекулами окружающей породы. Пит ступил внутрь искусственного пузыря, образовавшегося в толще земли, и выключил всепроникатель.

Молниеносно — что всегда изумляло его — окружающий туман превратился в монолитные стены из камня. Луч рефлектора на шлеме пробежал по стенам маленькой пещеры-пузыря без

входа и выхода, которую отделяло полмили от ледяных просторов Аляски.

Со вздохом облегчения Пит сбросил тяжелый рюкзак и, вытянувшись, дал покой измученным мышцам. Нужно было экономить кислород; именно поэтому он и выбрал это место. Его искусственная пещера пересекала жилу окиси рубидия. Это был дешевый, повсюду встречающийся минерал, который не имело смысла добывать так далеко, за полярным кругом. Но все же он был лучшим другом скалопроникателя.

Пит порылся в рюкзаке, нашел аппарат для изготовления воздуха и прикрепил батарею к поясу. Затем он огрубевшими пальцами включил аппарат и воткнул контакты провода в жилу окиси рубидия. Беззвучная вспышка осветила пещеру, блеснули белые хлопья начавшего падать снега. Хлопья кислорода, созданного аппаратом, таяли, не успев коснуться пола. В подземной комнате образовывалась собственная атмосфера, пригодная для дыхания. Когда все пространство будет заполнено воздухом, Пит сможет открыть шлем и достать из рюкзака продукты.

Он осторожно поднял лицевое стекло шлема. Воздух был уже подходящим, хотя давление — по-прежнему низким, а концентрация кислорода чуть выше нормы. Он радостно хихикнул, охваченный легким кислородным опьянением. Мурлыча что-то несусветное, Пит разорвал бумажную упаковку концентрата.

Он запил сухомятку холодной водой из фляжки и улыбнулся при мысли о толстых, сочных бифштексах. Вот произведут анализ, и у владельцев рудников глаза на лоб полезут, когда они прочитают сообщение об этом. И тогда они придут к нему. Солидные, достойные люди, сжимающие контракты в холеных руках. Пит продаст все права на месторождение тому из них, кто предложит самую высокую цену, — пусть теперь поработает кто-нибудь другой. Они выровняют и обтешут этот гранитный хребет, и огромные подземные грузовики помчатся сквозь землю, перевозя шахтеров на подземные выработки и обратно. Улыбаясь своим мечтам, Пит расслабленно прислонился к вогнутой стене пещеры. Он уже видел самого себя, вылощенного, вымытого и холеного, входящим в «Отдых шахтера»...

Двое в подземных костюмах, появившиеся в скале, развеяли эти мечты. Тела их казались прозрачными; их ноги при каждом шаге увязали в земле. Внезапно оба подпрыгнули вверх, выключив проникатели в центре пещеры, обрели плотность и тяжело опустились на пол. Они открыли лицевые стекла и принюхались.

— Недурно попахивает, правда, Мо? — улыбнулся тот, что покороче.

Мо никак не мог снять свой шлем; его голос глухо донесся

из-под складок одежды: «Точно, Элджи». Щелк! — и шлем наконец был снят.

У Пита при виде Мо глаза на лоб полезли, и Элджи недобро усмехнулся:

— Мо не ахти какой красавец, но к нему можно привыкнуть.

Мо был гигантом в семь футов, с заостренной, гладко выбритой, блестящей от пота головой. Очевидно, он был безобразным от рождения и с годами не стал лучше. Нос его был расплющен, одно ухо висело как тряпка, и множество белых шрамов оттягивало верхнюю губу. Во рту виднелись два желтых зуба.

Пит медленно завинтил крышку фляги и спрятал ее в рюкзак. Может, это и были честные скалопроходцы, но по их виду этого не скажешь.

— Чем могу вам помочь, ребята? — спросил он.

— Да нет, спасибо, приятель, — ответил коротышка. — Мы как раз проходили мимо и заметили вспышку твоего воздуходела. Мы подумали — а может, это кто из наших ребят? Вот и подошли посмотреть. В наши дни хуже нет, чем таскаться под землей, правда? — Произнеся эти слова, коротышка окинул быстрым взглядом пещеру, не пропуская ничего. Мо с хрипом опустился на пол и прислонился к стене.

— Верно, — осторожно согласился Пит. — Я за последние месяцы так и не наткнулся на жилу. А вы, ребята, недавно приехали? Что-то я не припомню, видел ли я вас в лагере.

Элджи не ответил. Не отрываясь, он смотрел на мешок Пита, набитый образцами.

Со щелканьем он открыл огромный складной нож.

— Ну-ка, что там у тебя в этом мешке, парень?

— Да просто низкосортная руда. Я решил взять пару образцов. Отдам ее на анализ, хотя вряд ли ее стоит нести до лагеря. Сейчас я покажу вам.

Пит встал и пошел к рюкзаку. Проходя мимо Элджи, он стремительно наклонился, схватил его за руку с ножом и изо всех сил ударил коленом в живот. Элджи согнулся от боли, и Пит рубанул его по шее краем ладони. Не ожидая, когда потерявший сознание Элджи упадет на пол, Пит кинулся к рюкзаку.

Одной рукой он схватил свой армейский пистолет 45-го калибра, другой — контрольный кристалл и занес свой сапог со стальной подковкой над кристаллом, чтобы растереть его в пыль.

Его нога так и не опустилась вниз. Гигантская рука стиснула его лодыжку еще в воздухе, застопорив движение тела. Пит попытался повернуть дуло пистолета, однако ручища размером с окорок схватила его кисть. Пит вскрикнул — у него хрустнули кости. Пистолет выпал из безжизненных пальцев.

Пит минут пять сидел, свесив голову на грудь, пока Мо умо-

лял потерявшего сознание Элджи сказать, что ему делать. Наконец Элджи пришел в себя, с трудом сел, ругаясь и потирая шею. Он сказал Мо, что надо делать, и сидел с улыбкой до тех пор, пока Пит не потерял сознания.

Раз-два, раз-два — голова Пита дергалась из стороны в сторону в такт ударам. Он не мог остановить их, они разламывали голову, сотрясали все тело. Откуда-то издалека послышался голос Элджи:

— Хватит, Мо, пока хватит. Он приходит в сознание.

Пит с трудом прислонился к стене и вытер кровь, мешавшую ему видеть. И тут перед ним всплыло лицо коротышки.

— Слушай, парень, ты доставляешь нам слишком много хлопот. Сейчас мы возьмем твой кристалл и отыщем эту жилу, и если она и впрямь такая богатая, как эти образцы, то я буду на седьмом небе и отпраздную удачу — убью тебя очень медленно. Если же мы не отыщем жилы, то ты умрешь намного медленнее. Так или иначе я тебя прикончу. Еще никто не осмеливался ударить Элджи, разве тебе это не известно?

Они включили проникатель Пита и поволокли избитого сквозь стену. Футов через двадцать они вошли в другую пещеру, намного больше первой. Почти все пространство занимала огромная металлическая громада атомного трактора.

Мо бросил Пита на пол и поддал проникатель ногой, превратив его в бесполезный металлолом. Гигант перешагнул через тело Пита и тяжелым шагом двинулся к трактору. Только он влез в кабину, как Элджи включил мощный стационарный проникатель. Когда призрачная машина двинулась вперед и исчезла в стене пещеры, Пит успел заметить, что Элджи беззвучно усмехнулся.

Пит повернулся и наклонился над разбитым проникателем. Бесполезно. Бандиты чисто сработали, и в этой шарообразной могиле не было больше ничего, что помогло бы Питу выкрутиться. Подземное радио находилось в старой пещере; с его помощью он мог связаться с армейской базой, и через двадцать минут вооруженный патруль был бы на месте. Однако его отделяет от радио двадцать футов скальной породы.

Он расчертил рефлектором стену. Трехфутовая жила рубидия, должно быть, проходила и через его пещеру.

Пит схватился за пояс. Воздуходел все еще на месте! Он прижал контакты аппарата к рубидиевой жиле — в воздухе закружились хлопья серебряного снега. Внутри круга, описываемого контактами, порода трескалась и сыпалась вниз. Если только в батареях достаточно электроэнергии и если бандиты вернутся не слишком быстро...

С каждой вспышкой откалывалось по куску породы толщиной примерно в дюйм. Чтобы вновь зарядить аккумуляторы, требовалось 3,7 секунды; затем возникала белая вспышка и разрушался еще один кусок скалы. Пит работал в бешеном темпе, отгребая левой рукой каменные осколки.

Вспышка между контактами в правой руке — гребок левой рукой, — вспышка — и гребок, вспышка — и гребок. Пит смеялся и в то же время плакал, по щекам бежали теплые слезы. Он и думать забыл, что при каждой вспышке аппарата освобождаются все новые и новые порции кислорода. Стены пещеры пьяно качались перед его глазами.

Остановившись на мгновение, чтобы закрыть лицевое стекло своего шлема, Пит снова повернулся к стене созданного им туннеля. Он дробил неподатливую скалу, сражался с ней и старался забыть о пульсирующей боли в голове. Он лег на бок и стал отбрасывать назад осколки камней, утрамбовывая их ногами.

Большая пещера осталась позади, и теперь Пит замурован в крошечной пещере глубоко под землей. Он почти физически ощущал, что над ним нависла полумильная толща породы, давящей его, не дающей ему дышать. Если сейчас воздуходел выйдет из строя, Пит навсегда останется в своей рукотворной каменной гробнице. Пит попытался прогнать эту мысль и думать только о том, как бы выбраться отсюда на поверхность.

Казалось, время остановилось, осталось только бесконечное напряжение. Его руки работали как поршни, окровавленными пальцами он захватывал все новые и новые порции раздробленной породы.

На несколько мгновений он опустил руки, пока горящие легкие накачивали воздух. В этот момент скала перед ним треснула и обрушилась с грохотом взрыва, и воздух через рваное отверстие со свистом ворвался в пещеру. Давление в туннеле и пещере уравнялось — он пробился!

Пит выравнивал рваные края отверстия слабыми вспышками почти полностью разряженного воздуходела, когда рядом с ним появились чьи-то ноги. Затем на низком потолке проступило лицо Элджи, искаженное свирепой гримасой. В туннеле не было места для того, чтобы материализоваться; Элджи мог только потрясти кулаком у лица — и сквозь лицо — Пита.

Сзади, из-за груды щебня послышался шорох, осколки полетели в стороны, и в пещеру протолкнулся Мо. Пит не мог повернуться, чтобы оказать сопротивление, однако, прежде чем чудовищные руки Мо схватили его за лодыжки, подошва его сапога опустилась на бесформенный нос гиганта.

Мо протащил Пита, словно ребенка, по узкому каменному коридору обратно в большую пещеру и бросил его на пол. Пит лежал, хватая воздух ртом. Победа была так близка...

Элджи склонился над ним:

— Уж слишком ты хитер, парень. Пожалуй, я пристрелю тебя прямо сейчас, чтоб ты не выкинул чего-нибудь еще.

Он вытащил пистолет Пита из кармана и оттянул назад затвор.

— Между прочим, мы нашли твою жилу. Теперь я чертовски богат. Ну как, ты доволен?

Элджи нажал спусковой крючок, и на бедро Пита словно обрушился удар молота. Маленький человек стоял над Питом и усмехался:

— Я всажу в тебя все эти пули одну за другой, но так, чтобы тебя не убить, по крайней мере не сразу. Ну как, готов к следующей?

Пит приподнялся на локте и прижал ладонь к дулу пистолета. Элджи широко улыбнулся:

— Прекрасно, ну-ка останови пулю рукой!

Он нажал спусковой крючок — пистолет сухо щелкнул. На лице Элджи отразилось изумление. Пит привстал и прижал контакты воздуходела к шлему Элджи. Гримаса изумления застыла на лице бандита, и вот голова его уже разлетелась на куски.

Пит упал на пистолет, передернул затвор и повернулся. Элджи был тертый калач, но даже он не знал, что дуло армейского пистолета 45-го калибра действует как предохранитель. Если к дулу что-то прижато, ствол движется назад и встает на предохранитель, и, чтобы произвести выстрел, необходимо снова передернуть затвор.

Мо неуверенным шагом двинулся вперед; от изумления у него отвисла челюсть. Повернувшись на здоровой ноге, Пит направил на него пистолет:

— Ни с места, Мо. Придется тебе доставить меня в город.

Гигант не слышал его; он думал только об одном:

— Ты убил Элджи. Ты убил Элджи!

Пит расстрелял половину магазина, прежде чем великан рухнул на пол.

Содрогнувшись, он отвернулся от умирающего человека. Он ведь оборонялся, но, сколько бы он об этом ни думал, тошнота не проходила. Пит обмотал ногу кожаным поясом, чтобы остановить кровотечение, и перевязал рану стерильным бинтом из санитарного пакета, который он нашел в тракторе.

Трактор доставит его в лагерь; пусть армейцы сами разберутся в этой кутерьме. Он опустился на сиденье водителя и включил двигатель. Мощный проникатель работал безукоризненно — машина двигалась к поверхности. Пит положил раненую ногу на капот двигателя, перед радиатором которого плавно расступались земные породы.

Когда трактор вылез на поверхность, все еще шел снег.

Магазин игрушек

Поскольку в толпе почти не было взрослых, а рост полковника Биффа Хаутона превышал шесть футов, он отчетливо видел каждую деталь демонстрируемой игрушки. Ребятишки — и большинство родителей — смотрели на прилавок, широко открыв рты. И только Бифф Хаутон был слишком искушенным человеком, чтобы испытывать благоговейный восторг. Единственно, почему он остался в магазине, было желание узнать, как устроена игрушка и что заставляет ее взлетать.

— Все это подробно разъясняется в инструкции, — сказал продавец, высоко поднимая ярко раскрашенную брошюру, раскрытую на четырехцветной диаграмме. — Вы все знаете, что магнит может притягивать разные предметы, и я уверен, вам известно также, что сама Земля — это огромный-преогромный магнит — именно поэтому стрелка компаса всегда показывает на север. Ну вот... Удивительный Атомный Космический Волнолет опирается на эти космические волны. Магнитные волны Земли для нас совершенно невидимы, и они пронизывают все, даже нас самих. Удивительный Атомный Волнолет плывет по этим волнам, как корабль плывет по волнам океана. А теперь смотрите...

Глаза всех присутствующих были прикованы к продавцу, когда он поставил ярко раскрашенную модель ракетного корабля на прилавок и сделал шаг назад. Модель была сделана из штампованного металла и казалась приспособленной для полета ничуть не больше, чем банка тушенки, которую она очень напоминала с виду. На разноцветной поверхности модели не было ни пропеллеров, ни ракетных сопел. Она покоилась на трех резиновых колесах, и из задней части ракеты выходил двойной изолированный провод. Этот белый провод был протянут через всю черную поверхность прилавка и заканчивался в маленьком пульте управления, который продавец держал в руке. Сигнальная лампочка, регулятор напряжения и кнопка включения — вот и все, что находилось на контрольной панели пульта.

— Я нажимаю кнопку, и ток устремляется к Волновым Приемникам, — сказал продавец.

Раздался легкий щелчок, и сигнальная лампочка начала посылать равномерные вспышки света: вспыхнула — погасла — вспыхнула — погасла. Затем продавец стал медленно поворачивать регулятор напряжения.

— С Волновым Генератором необходимо обращаться очень осторожно, поскольку здесь мы имеем дело с космическими силами...

Дружное «Ах!» вырвалось у зрителей, когда Космический Волнолет начал вибрировать, а затем медленно поднялся в воздух. Продавец отступил назад, в глубь магазина, и игрушка начала подниматься выше и выше, мягко покачиваясь на невидимых волнах магнитных сил, поддерживающих ее. Затем напряжение было снято, и модель медленно опустилась на прилавок.

— Всего семнадцать долларов девяносто пять центов! — объявил молодой человек и поставил ценник с крупными цифрами на прилавок. — Всего 17.95 за полный комплект Атомного Чуда, включая пульт управления Волнолетом, батарею и брошюру с инструкцией и описанием...

Как только указатель цены появился на прилавке, зрители сразу начали расходиться, и ребятишки, толкая друг друга, кинулись к действующим моделям электропоездов. Последние слова продавца были заглушены говором расходящихся зрителей, и он погрузился в угрюмое молчание. Он поставил пульт управления на прилавок, зевнул и сел на край стола. Полковник Хаутон один остался стоять у прилавка, после того как толпа зрителей разошлась.

— Не могли бы вы объяснить мне, как действует эта штука? — спросил полковник, наклонившись вперед.

Продавец просиял и взял одну из игрушек.

— Вот посмотрите сюда, сэр... — Он снял верхнюю часть модели. — Вот видите, на каждом ее конце расположены Космические Волновые Витки. — Он указал карандашом на необычной формы пластиковые стержни диаметром около дюйма, на которые было намотано — очевидно, как попало — несколько витков медной проволоки. Если не считать этих стержней с обмоткой, модель внутри оказалась совершенно пустой. Обмотки были соединены между собой, провода тянулись к пульту управления и исчезали в его днище.

Бифф Хаутон иронически посмотрел на модель и перевел затем взгляд на лицо продавца, который, очевидно, совершенно игнорировал этот знак недоверия.

— Внутри пульта управления находится батарея, — продолжал молодой человек, снимая крышку с пульта и показывая обычную батарейку от карманного фонаря. — Ток идет от батареи через включающее устройство и сигнальную лампочку к Волновому Генератору.

— Вы хотите сказать, — прервал его Бифф, — что ток от этой копеечной батарейки проходит через вот этот дешевый реостат и попадает в бессмысленную обмотку внутри модели и что это не может дать абсолютно никакого эффекта. А теперь честно скажите мне, что на самом деле заставляет ее подниматься в воздух?

Если уж я плачу восемнадцать зелененьких за эту жестянку, я хочу точно знать, что покупаю.

Продавец покраснел.

— Извините, сэр, — пробормотал он, заикаясь от смущения. — Я совсем не пытался что-то скрыть от вас, сэр. Как и всякая волшебная игрушка, Волнолет имеет секрет, и этот секрет не может быть раскрыт, пока она не куплена. — Тут он наклонился вперед с заговорщицким видом. — Но я открою вам одну тайну. Цена этой модели непомерно высока, и никто ее не покупает. Директор сказал, что, если найдутся желающие, можно продавать модели по три доллара штука. Если вы хотите приобрести модель за эту цену...

— Идет, мой мальчик! — не дал ему закончить полковник и бросил на прилавок три долларовые бумажки. — Эту цену я готов заплатить за игрушку, как бы она ни действовала. Ребята в лаборатории будут от нее в восторге, — прибавил он, постукивая по груди крылатой ракетой. — Ну а теперь — как же она летает?

Продавец с таинственным видом оглянулся вокруг, придвинулся поближе к полковнику и прошептал:

— Бечевка! Или, вернее сказать, черная нитка. Она идет от носа корабля вверх через маленький блок в потолке и обратно к моей руке — привязана вот к этому кольцу, видите? Когда я отступаю, ракета поднимается. Вот и все.

— Все хорошие иллюзионные трюки очень просты, — проворчал полковник, проводив взглядом уходящую вверх нить. — Особенно когда внимание зрителей отвлекается разными уловками.

— Если у вас нет под рукой черного стола, его отлично заменит черная ткань, — заметил молодой человек. — Кроме того, этот фокус очень хорошо получается да фоне дверного проема, если только в задней комнате выключен свет, конечно.

— Заверни-ка ее, мальчуган. Сам не вчера родился. Умею в таких вещах разбираться.

Бифф Хаутон продемонстрировал свою покупку во время игры в покер в следующий четверг. Все его гости были специалистами по ракетной технике, и хохот во время чтения инструкции не прекращался ни на минуту.

— Эй, Бифф, дай-ка я срисую диаграмму. Пожалуй, можно будет использовать эти самые магнитные волны в моей новой птичке!

— Эти батарейки дешевле воды. Вот источник энергии будущего!

Один только Тедди Кэйпер заподозрил неладное, когда начался полет ракеты. Он сам был фокусником-любителем и сразу

разгадал трюк. Однако он молчал из чувства профессиональной солидарности и только иронически улыбался, когда присутствующие замолкали один за другим. Полковник умел показывать фокусы, и он превосходно подавал полет. Ему почти удалось убедить зрителей в действительном существовании Космического Волнолета еще до окончания демонстрации. Когда модель приземлилась и он выключил ток, зрители сгрудились вокруг стола.

— Нитка! — воскликнул один из инженеров с явным чувством облегчения, и все рассмеялись.

— А жаль! — сказал Главный Физик проекта. — Я надеялся, что некоторое количество Космических Волн поможет нам. Нука дайте мне попробовать!

— Первым — Тедди Кэйпер! — объявил Бифф. — Он понял, в чем дело, еще когда все вы следили за сигнальной лампочкой, только не подал виду.

Кэйпер надел кольцо с черной ниткой на указательный палец и начал медленно отходить назад.

— Сначала нужно включить питание, — напомнил Бифф.

— Я знаю, — улыбнулся Кэйпер. — Но это входит в иллюзионный трюк — все эти уловки и игра. Сначала я попробую этот фокус просто так, посмотрю, как нужно поднимать и опускать модель, а затем проделаю фокус со всеми атрибутами.

Он начал отводить руку назад, мягким и гибким профессиональным движением, почти незаметным для окружающих. Модель поднялась на несколько дюймов от стола, затем рухнула вниз.

— Нитка лопнула, — сказал Кэйпер.

— Ты, наверно, дернул ее, вместо того чтобы тянуть плавно, — сказал Бифф, связывая оборванные концы нитки. — Вот смотри, я покажу тебе, как это делается.

Но когда Бифф попробовал поднять модель, нитка снова не выдержала, что вызвало новый взрыв веселья и заставило полковника покраснеть. Кто-то напомнил об игре в покер.

Это было единственное упоминание о покере в тот вечер, потому что очень скоро они обнаружили, что нитка выдерживает вес модели только в том случае, когда ток включен и два с половиной вольта проходят через шутовскую обмотку. При выключенном питании модель была слишком тяжелой. Нитка неизменно обрывалась.

— Я все-таки думаю, что это сумасшедшая идея, — сказал молодой человек. — За эту неделю мы сбились с ног, демонстрируя игрушечные космические корабли каждому мальчишке в радиусе тысячи миль. Кроме того, продавать их по три доллара

штука, когда изготовление каждой модели обошлось по крайней мере в сотню...

— Но ведь ты все-таки сумел продать десяток моделей людям, представляющим для нас интерес? — спросил пожилой мужчина.

— Пожалуй. Мне удалось продать их нескольким офицерам ВВС и одному полковнику ракетных войск. Затем я спихнул одну служащему Бюро Стандартов. К счастью, он не узнал меня. Потом двум профессорам из университета, которых вы мне показали.

— Так что теперь эта проблема находится в их руках, а не в наших. Нам теперь остается только сидеть и ждать результатов.

— Каких результатов? Когда мы стучались в двери научных институтов, настаивая на демонстрации эффекта, ученые не проявили никакого интереса. Мы запатентовали эти витки и можем доказать кому угодно, что, когда обмотка находится под током, вес предмета в непосредственной близости от этих витков становится меньше...

— Но лишь на очень незначительную долю меньше. И мы не знаем, чем это вызвано. Никто не проявляет ни малейшего интереса к этому вопросу — ведь речь идет о небольшом уменьшении в весе неуклюжей модели, явно недостаточном, чтобы поднять в воздух генератор тока. Все эти ученые, погруженные в грандиозные проблемы, плевать хотели на открытие какого-то сумасшедшего изобретателя, сумевшего найти маленькую ошибку в законе Ньютона.

— Вы думаете, теперь они займутся этим? — спросил молодой человек, нервно ломая пальцы.

— Конечно, займутся. Прочность нити на разрыв подобрана так, что она будет рваться всякий раз при попытках поднять на ней полный вес модели. Но она выдерживает модель при том небольшом уменьшении веса, которое вызывается действием витков. Это озадачит их. Никто не заставляет их заниматься этой проблемой или решать ее. Однако само существование такого несоответствия будет постоянно мучить ученых, ибо они знают, что этот эффект противоречит всем законам и просто не может существовать. Они сразу поймут, что наша магнитная теория — сплошная чепуха. А может, не чепуха? Мы не знаем. Но они будут постоянно думать об этом и ломать себе головы. Кое-кто начнет экспериментировать у себя в подвале — просто увлечение, ничего больше, — чтобы найти объяснение. И когда-нибудь кто-то из них найдет, чем вызвано действие этих витков, а может, сумеет и усовершенствовать их!

— А все патенты в наших руках...

— Точно. Они займутся исследованиями, которые вытеснят

из их голов проблемы реактивного движения с его чудовищными затратами энергии и откроют перед ними горизонты настоящих космических полетов.

— И тогда мы станем богачами — как только дело дойдет до промышленного производства, — сказал юноша с циничной улыбкой.

— Мы все разбогатеем, сынок, — похлопал его по плечу пожилой мужчина. — Поверь мне, через десять лет ты не узнаешь этого старого мира.

Плюшевый мишка

Описывать утопию всегда очень трудно. Как скучны для писателя мир, радость и счастье! Любое повествование опирается на движение — какое угодно и где угодно. Вот почему для автора столь привлекательны антиутопии, и первой на ум сразу приходит «1984». Однако короткий рассказ, описывающий утопию, не станет скучным, поскольку окажется единичным инцидентом, использующим мир утопии как фон. Так сказать, ухаб на ровной дороге существования, зависящий от ее качества, но неспособный на него повлиять.

Наши дети в 1963 году были совсем маленькие, и каждый привык засыпать в обнимку с плюшевым медведем — даже когда мы путешествовали всей семьей или ночевали на природе. Так появилась идея этого рассказа, выросла и воплотилась на бумаге. Мой агент нашел для него весьма неожиданного покупателя: «Журнал таинственных историй Эллери Куин». Этот журнал всегда с удовольствием публиковал фантастику, лишь бы она укладывалась в прокрустово ложе детективного жанра. Я тоже оказался доволен, поскольку мне заплатили вдвое больше, чем удавалось получить за рассказ в самых щедрых НФ-журналах. Но возникла и закавыка — меня попросили переделать рассказ.

Я не противник переделки как таковой. Если редактор указывает мне на ошибку в сюжете или подсказывает, какие изменения пойдут произведению на пользу, я с радостью прислушиваюсь к доброму совету. Но от меня потребовали радикальной хирургии — совершенно нового окончания, изменившего бы весь рассказ. После переписки мне предложили компромисс — единственное изменение окончания, менявшее весь рассказ, но не весь его замысел. И все же конец мне упорно не нравился. Неверный, и все тут. Родился внутренний конфликт между Деньгами и Искусством. В те времена жизнь в Дании была очень дешевой, и гонорара за этот рассказ хватило бы на оплату жилья на месяц вперед, да еще осталось бы достаточно, чтобы прожить две-три недели. Что же выбрать?

Я преклонил колени — разрешил журналу изменить окончание и рыдал всю дорогу до банка. Правильное окончание вы сейчас прочтете, но я до сих пор сожалею о той журнальной публикации.

Такого со мной больше никогда не повторялось. С тех пор я смог всегда немного опережать кредиторов, а выживание перестало зависеть от продажи единственного рассказа. Когда мы с редакторами не сходились во мнениях, я забирал спорную рукопись и со временем продавал ее кому-нибудь другому. Иногда даже выгоднее, чем мне предлагали в первый раз, — возможно, тут есть над чем задуматься.

Маленький мальчик спал в своей кроватке. Искусственный лунный свет струился в широкое окно спальни, освещая бледным сиянием безмятежное лицо. Одной рукой мальчик обнимал плюшевого мишку, крепко прижимая игрушечную круглую голову с черными глазами-пуговками к щеке. Его отец и высокий мужчина с черной бородой, бесшумно ступая, крались по ковру спальни к кроватке.

— Вытащи мишку из-под руки, — прошептал бородач, — и подсунь другого.

— Нет, он проснется и начнет плакать, — так же тихо ответил отец Дэви. — Не мешай мне, я сделаю так, как надо.

Осторожным движением он положил еще одного плюшевого мишку рядом с мальчиком, и теперь две игрушки лежали по обе стороны нежного лица. Потом отец приподнял руку ребенка и взял первого мишку. Мальчик зашевелился, но не проснулся. Он перевернулся на другой бок, обнял только что подложенную игрушку, прижал к щеке — и через несколько секунд его дыхание снова стало глубоким и размеренным. Отец ребенка поднес к губам палец, бородатый мужчина кивнул в знак согласия — и оба вышли из детской неслышными шагами и беззвучно закрыли за собой дверь.

— Теперь за работу, — сказал Торренс, протягивая руку за плюшевым медведем.

Его тонкие красные губы резко выделялись на фоне бороды. Мишка шевельнулся у него в руках, пытаясь вырваться, и темные глаза-пуговки забегали из стороны в сторону.

— Хочу обратно к Дэви, — произнес плюшевый мишка тоненьким голоском.

— Отдай его мне, — сказал отец мальчика. — Он знает меня и не будет капризничать.

Отца звали Ньюмен, и он, как и Торренс, был доктором политологии. В настоящее время оба доктора оказались без работы — правительство, несмотря на их очевидные заслуги и науч-

ные достижения, не желало принимать их на службу. В этом ученые походили друг на друга; внешне же они резко отличались один от другого. Торренс был невысоким, коренастым и походил на медведя, хотя и маленького. Он весь зарос черными волосами — пышная борода, начинавшаяся от ушей и падавшая на грудь, кисти рук, покрытые обильной растительностью, ползущей из-под рукавов рубашки.

Торренс был брюнетом, а Ньюмен — блондином; первый — низкий и коренастый, второй — высокий и худой. Ньюмен сутулился — характерная черта ученого, привыкшего проводить долгие часы за письменным столом, — и уже начал лысеть, оставшиеся тонкие волосы кудрявились золотистыми завитками, напоминавшими кудряшки мальчика, спавшего сейчас в своей кроватке на втором этаже. Он взял игрушечного мишку из рук Торренса и пошел к двери. Там, в комнате с задернутыми шторами на окнах, их ждал Эйгг.

— Давай скорее, — резко бросил Эйгг, когда они вошли в комнату, и протянул руку за плюшевым мишкой.

Эйгг всегда отличался поспешностью и несдержанностью. Его широкую тяжеловесную фигуру туго обтягивал белый халат. Он не нравился Ньюмену и Торренсу, но обойтись без него было невозможно.

— Зачем так... — начал Ньюмен, но Эйгг уже выхватил игрушку у отца ребенка. — Ему не понравится такое обращение, я знаю это...

— Отпустите меня! Отпустите меня... — в отчаянии взвизгнул плюшевый мишка.

— Это всего лишь машина, — холодно ответил Эйгг, положил игрушку на стол лицом вниз и протянул руку за скальпелем. — Ты — взрослый человек и должен вести себя более сдержанно, разумно, сдерживать свои эмоции. А ты поддался чувствам при виде плюшевого медведя, вспомнив, что в детстве у тебя был такой же, друг и верный спутник. Это всего лишь машина.

Быстрым движением он раздвинул искусственный мех на спине плюшевого медведя и прикоснулся к шву — в тельце игрушки открылся широкий разрез.

— Отпустите... отпустите... — молил мишка, и лапы беспомощно дергались.

Торренс и Ньюмен побледнели.

— Господи...

— Эмоции. Держи себя в руках, — произнес Эйгг и ткнул внутрь разреза отверткой.

Послышался щелчок, и игрушка прекратила двигаться. Эйгг принялся отвинчивать пластинку, закрывавшую доступ к сложному механизму.

Ньюмен отвернулся и вытер платком мокрое от пота лицо. Эйгг совершенно прав. Нужно держать себя в руках, не поддаваясь эмоциям. В конце концов, это действительно всего лишь игрушка. Как можно терять контроль над собой, когда на карту поставлено так много?

— Сколько времени тебе потребуется? — спросил он, глядя на часы. Они показывали ровно девять вечера.

— Мы уже обсуждали данный вопрос несколько раз, и это никак не может изменить положение дел. — Голос Эйгга был бесстрастным, лишенным всяческих чувств, — все его внимание сосредоточилось на механизме внутри корпуса игрушечного медведя. Он уже снял защитную пластинку и рассматривал механизм через увеличительное стекло. — Я провел эксперименты с тремя украденными плюшевыми мишками, фиксируя время, потраченное на каждый этап работы. В мои расчеты не входит время, необходимое, чтобы извлечь ленту и вставить ее обратно, — для этого требуется всего несколько минут. А вот на прослушивание ленты и изменение записи на отдельных участках уйдет чуть меньше десяти часов. Мой лучший результат отличался от худшего всего на пятнадцать минут, что не имеет большого значения. И можно с уверенностью сказать... А-а-а... вот они... — Эйгг замолчал, осторожно извлекая крошечные бобины с магнитной лентой, — что на всю операцию уйдет десять часов.

— Это слишком долго. Мальчик обычно просыпается в семь утра, и к этому времени нужно успеть вернуть плюшевого мишку на место. Дэви ни при каких обстоятельствах не должен заподозрить, что игрушка отсутствовала всю ночь.

— Ответственность за эту часть операции ложится на тебя — придумай что-нибудь. Я не могу спешить и потому рисковать испортить работу. А теперь молчите и не мешайте.

Оба доктора политологии сидели и молча смотрели, как Эйгг вставлял бобину в сложный аппарат, который был тайно собран в этой комнате. Ничего другого им не оставалось, поскольку они ровным счетом ничего не смыслили в этом.

— Отпустите... — донесся из динамика пронзительный голосок, затем последовали помехи. — Отпустите... бззт... нет, Дэви, ты не должен... папе это не понравится... вилку нужно держать в левой руке, нож — в правой... бззт... тебе придется вытереть... хороший мальчик, хороший мальчик, хороший мальчик...

Голосок шептал и уговаривал; часы шли один за другим. Ньюмен уже несколько раз ходил на кухню за кофе, и перед рассветом Торренс заснул в своем кресле и тут же проснулся, виновато глядя по сторонам. Один лишь Эйгг продолжал работать без малейших признаков усталости или напряжения; его пальцы

двигались точно и размеренно, подобно метроному. Тонкий голосок доносился из динамика в тишине ночи, словно голос призрака...

— Готово, — произнес Эйгг, зашивая мохнатую ткань аккуратными хирургическими стежками.

— Так быстро у тебя еще никогда не получалось. — Ньюмен с облегчением вздохнул. Он взглянул на экран, на котором была видна детская. Мальчик все еще спал — это было отчетливо видно в инфракрасных лучах. — Все в порядке. Теперь мы сможем без труда подменить плюшевого мишку. А с лентой все в порядке?

— Да, ты же слышал. Сам задавал вопросы и получал ответы. Я скрыл все следы изменений, и, если ты не знаешь, где искать, не найдешь ничего. В остальном банк памяти и инструкции не отличаются от других таких же. Я изменил только одно.

— Надеюсь, нам никогда не придется воспользоваться этим, — заметил Ньюмен.

— Я даже не подозревал, что ты такой сентиментальный.

Эйгг повернулся и взглянул на Ньюмена. Лупа все еще торчала у него в глазу, и увеличенный в пять раз зрачок смотрел прямо в лицо.

— Нужно побыстрее положить плюшевого мишку на место, — вмешался Торренс. — Мальчик только что пошевелился.

Дэви был хорошим мальчиком, а когда подрос, стал хорошим учеником в местной школе. Даже начав учиться, он не забросил своего плюшевого друга и каждый вечер разговаривал с ним, особенно когда делал уроки.

— Сколько будет семью семь, мишка?

Мохнатая игрушка закатывала глаза и хлопала короткими лапами.

— Дэви знает... не надо спрашивать своего мишку, когда Дэви знает сам.

— Знаю, конечно, — просто хочу убедиться, что и ты знаешь. Семью семь будет пятьдесят.

— Дэви... правильный ответ сорок девять... тебе нужно больше заниматься, Дэви... *мишка дает хороший совет...*

— А вот и обманул тебя! — засмеялся Дэви. — Заставил дать верный ответ!

Мальчик все легче обходил ограничения, введенные в достаточно примитивный банк памяти робота, поскольку он взрослел, а плюшевый мишка был предназначен для того, чтобы отвечать на вопросы маленького ребенка. Словарный запас игрушки и ее взгляд на жизнь были рассчитаны на малышей, потому что

задача плюшевых медведей заключалась в том, чтобы научить ребенка правильно говорить, познакомить с историей, помочь усвоить моральные принципы, пополнить словарный запас, обучить грамматике и прочему, необходимому для проживания в человеческом обществе. Эта задача решалась очень рано, когда взгляды ребенка и его отношение к жизни только формировались, а потому плюшевые медведи говорили просто, ограниченно. Однако такое воспитание было весьма эффективным — дети навсегда запоминали уроки, преподанные им любимыми игрушками. В конце концов дети перерастали своих любимцев, и плюшевых мишек выбрасывали за ненадобностью, но к этому времени работа уже была закончена — детское мировоззрение сформировано окончательно.

Когда Дэви превратился в Дэвида и ему исполнилось восемнадцать, плюшевый мишка уже давно лежал за рядом книг на полке. Он был старым другом, и, хотя Дэвид больше не нуждался в нем, мишка все-таки оставался другом, а от друзей не отказываются. Впрочем, нельзя сказать, что Дэвид задумывался над этой проблемой. Его плюшевый мишка был всего лишь плюшевым мишкой, вот и все. Детская превратилась в кабинет, кроватка уступила место обычной кровати, и после своего дня рождения Дэвид упаковывал вещи, готовясь к отъезду в университет. Он застегнул сумку и в это мгновение услышал звонок телефона. Дэвид обернулся и увидел на маленьком экране лицо отца.

— Дэвид...

— Да, отец?

— Ты не мог бы сейчас спуститься в библиотеку? Есть важное дело.

Дэвид взглянул на экран повнимательнее и заметил, что выражение отцовского лица было мрачным, почти больным. Сердце юноши тревожно забилось.

— Да, папа, спускаюсь.

В библиотеке, кроме отца, находились еще двое — Эйгг, сидевший в кресле прямо, со скрещенными на груди руками, и Торренс, старый друг отца, которого Дэвид всегда называл «дядя Торренс», хотя тот и не был родственником. Дэвид тихо вошел в библиотеку, чувствуя, что внимательные взгляды следят за каждым его шагом. Он пересек большую комнату и опустился в свободное кресло. Дэвид во всем был похож на отца — высокий, стройный, со светлыми волосами, невозмутимый, добродушный.

— Что случилось? — спросил он.

— Ничего особенного, — ответил отец. — Ничего страшного, Дэви.

Должно быть, подумал Дэвид, произошло нечто действи-

тельно из ряда вон выходящее — отец давно не называл его этим детским именем.

— Впрочем, кое-что и впрямь случилось, но не сейчас, а много лет назад.

— А-а, ты имеешь в виду панстентиалистов, — облегченно вздохнул Дэвид.

Он слышал от отца о пороках панстентиализма с самого детства. Значит, речь снова пойдет о политике; а он уж было подумал, что произошло нечто личное.

— Да, Дэви, ты, по-видимому, теперь все знаешь о них. Когда мы разошлись с твоей матерью, я дал обещание, что воспитаю тебя должным образом, и не жалел сил на это. Ты знаком с нашими взглядами и, я надеюсь, разделяешь их.

— Конечно, папа. Я придерживался бы этой точки зрения, как бы меня ни воспитали. Панстентиализм — философия, подавляющая свободные устремления человека, — вызывает у меня отвращение. К тому же она навсегда сохраняет за собой власть в обществе.

— Совершенно верно, Дэви. А во главе этого порочного движения стоит человек по имени Барр. Он возглавляет правительство и отказывается уступить кому-нибудь свою власть над народом. И отныне, когда операции по омоложению организма стали широко распространенными, он останется на этом посту еще сотню лет.

— Барра нужно убрать! — резко бросил Эйгг. — Вот уже двадцать три года он правит миром и запрещает мне продолжать эксперименты. Молодой человек, вы представляете себе, что Барр остановил мои исследования еще до того, как вы родились?

Дэвид молча кивнул. О работе доктора Эйгга в области бихевиористской человеческой эмбриологии он знал мало, но этого было достаточно, чтобы у него возникло отвращение к экспериментам ученого, и в глубине сердца юноша был согласен с запретом, наложенным Барром на исследования. Но панстентиализм представлял собой нечто совершенно иное, и Дэвид был согласен с отцом. Эта философия, ядром которой была бездеятельность, лежала тяжелым удушающим бременем на всем человечестве.

— Я говорю не только от своего имени, — продолжал Ньюмен. Его лицо было бледным и каким-то искаженным. — Этой точки зрения придерживаются все, кто выступает против Барра и его философии. Я не занимал никакой должности в правительстве на протяжении более двадцати лет и Торренс тоже, однако не сомневаюсь, он согласится, что данное обстоятельство не имеет никакого значения. Если бы это пошло на пользу народу, мы с радостью выдержали бы все. Или если бы то, что Барр пре-

следует нас за наши взгляды, было единственной отрицательной чертой его системы, я даже пальцем не пошевелил бы, чтобы остановить его.

— Я полностью согласен с тобой, — кивнул Торренс. — Судьба двух людей не имеет никакого значения по сравнению с судьбой народа, равно как и судьба одного человека.

— Совершенно верно! — Ньюмен вскочил и принялся расхаживать по комнате. — Я не проявил бы никакой инициативы, если бы лишь это лежало в основе всей проблемы. Конечно, если бы Барр завтра умер от сердечного приступа, все решилось бы само собой.

Трое пожилых мужчин не сводили пристальных взглядов с Дэвида. Он не понимал, что происходит, но чувствовал, что они ждут ответа.

— Да, пожалуй, я согласен с вами. Закупорка кровеносного сосуда пошла бы на пользу всему миру. Мертвый Барр принесет гораздо больше пользы человечеству, чем живой.

Тишина затянулась и стала неловкой. Наконец ее нарушил сухой механический голос Эйгга.

— Значит, мы все придерживаемся единой точки зрения — смерть Барра принесет колоссальную пользу. В этом случае, Дэвид, ты должен согласиться с нами, что было бы неплохо... убить его.

— Действительно, хорошая идея, — произнес Дэвид, не понимая, к чему ведет весь этот разговор. — Правда, осуществить ее физически невозможно. Прошли, должно быть, многие столетия с тех пор, как было совершено последнее... как это называется... «убийство». Воспитательная психология давным-давно решила эту проблему. Разве это не было открытием, окончательно разделившим человека и существа, стоящие на более низких ступенях развития, доказательством того, что мы можем обсуждать мысль об убийстве, однако воспитание, которое мы получили в раннем детстве, делает невозможным практическое осуществление такого акта? Если верить учебникам, человечество достигло колоссального прогресса, после того как проклятие убийства было навсегда устранено. Послушайте, мне хотелось бы знать — что здесь происходит?

— Барра можно убить, — произнес Эйгг едва слышно. — В мире существует человек, способный на это.

— Кто этот человек? — спросил Дэвид, каким-то ужасным образом уже зная ответ еще до того, как его отец дрожащими губами произнес:

— Это ты, Дэвид... ты...

Юноша замер, его мысли вернулись в прошлое; то, что раньше было непонятным и беспокоило его, теперь стало ясным. Его

мнение по разным вопросам всегда слегка отличалось от точки зрения друзей — скажем, когда один из роторов вертолета случайно убил белку. Незначительные, но беспокоящие мелочи, которые не давали заснуть до глубокой ночи, когда весь дом уже давно спал. «Да, это правда, — понял Дэвид, ничуть не сомневаясь в словах отца. — Интересно, почему это никогда не приходило мне в голову?» Такая мысль словно ужасная статуя, похороненная в грунте под ногами, — она всегда была здесь, но никто не видел ее, пока он не откопал. И теперь он отчетливо различал злобную гримасу на страшном лице.

— Значит, вы хотите, чтобы я убил Барра? — спросил он.

— Лишь ты в состоянии сделать это... Дэви... ты один... и это необходимо. Все эти годы я надеялся, что такой шаг не понадобится, что твоя уникальная способность... не будет использована. Но Барр продолжает жить. Ради всех нас он должен умереть.

— Я не понимаю только одного, — сказал Дэвид, вставая и глядя в окно на знакомые деревья и шоссе вдали под прозрачной стеклянной крышей. — Каким образом было изменено мое воспитание? Почему я не заметил изменений в процессе того, что было нормальным путем развития?

— Мы воспользовались твоим плюшевым медведем, — объяснил Эйгг. — Об этом не принято говорить, но отвращение к акту лишения другого человека жизни вводится в сознание ребенка на протяжении его первых лет с помощью магнитных лент в игрушке, находящейся у каждого мальчика или девочки. Более позднее воспитание всего лишь закрепляет выработанный рефлекс, который не действует без первоначального этапа.

— Значит, мой плюшевый мишка...

— Я изменил его банк памяти лишь в этом отношении. Во всем остальном твое воспитание ничем не отличалось от воспитания других детей...

— Теперь мне все понятно, доктор. — В голосе Дэвида звучал металл, которого не было раньше. — Как я смогу убить Барра?

— Вот этим. — Эйгг достал из ящика стола пакет и осторожно развернул его. — Это старинное примитивное оружие, которое я взял в музее. Я отремонтировал его и зарядил метательными устройствами — их называют патронами. — Эйгг держал в руке черный, матово поблескивающий пистолет. — Он действует автоматически. Когда нажимают на этот выступ — спусковой крючок, — в патроне начинается химическая реакция, в результате которой из переднего отверстия пистолета вылетает предмет из свинца с медной оболочкой, называемый пулей. Она двигается вдоль воображаемой линии, проходящей через эти два выступа в верхней части пистолета. Разумеется, под воздействием силы тяжести пуля постепенно опускается, но на минимальном

расстоянии — несколько метров — это можно не принимать во внимание. — Он положил пистолет на стол.

Дэвид медленно протянул руку и взял пистолет. Он удивительно удобно поместился в руке, словно был создан для нее. Дэвид поднял пистолет, прицелился и, когда передний выступ оказался в центре выемки в задней части пистолета, нажал на спусковой крючок. Раздался оглушительный грохот, и пистолет подпрыгнул у него в руке. Пуля ударила Эйгга в грудь, прямо туда, где находится сердце, причем с такой силой, что и мужчина, и стул, на котором он сидел, опрокинулись на пол.

— Дэвид! Что ты делаешь? — послышался испуганный крик отца.

Юноша отвернулся от мертвого тела, распростершегося на полу, и посмотрел на отца равнодушным взглядом.

— Неужели ты не понимаешь, папа? Барр со своими пантентиалистами душат свободу в мире, многие люди страдают от этого; происходит много другого, что все мы считаем неправильным. Но разве ты не замечаешь разницы? Ты сам сказал, что после смерти Барра положение изменится. Жизнь снова двинется вперед. Как же можно сравнить преступление Барра с преступлением тех, кто опять воссоздал вот это?

Не успел Ньюмен осознать весь смысл слов сына и понять, что его ждет, как тот быстро выстрелил в отца. Торренс закричал и бросился к двери, пытаясь отпереть дверь. Дрожащие от ужаса пальцы не слушались. Дэвид выстрелил в него, но Торренс был далеко, и потому пуля лишь ранила его в спину. Несчастный упал. Дэвид подошел к нему и, не обращая внимания на стоны и мольбы о пощаде, прицелился и точным выстрелом раздробил ему череп.

Пистолет вдруг показался Дэвиду очень тяжелым, и юноша почувствовал какую-то странную усталость. Лифт поднял его на второй этаж. Дэвид вошел в кабинет и, встав на стул, достал с верхней полки из-за ряда книг плюшевого мишку.

Маленькая пушистая игрушка сидела посреди широкой постели, махала короткими лапами и смотрела на Дэвида черными глазками-пуговками.

— Мишка, — обратился к нему юноша, — я хочу сорвать цветы на газоне.

— Не надо, Дэви... рвать цветы нехорошо... не рви цветы...

— Мишка, сейчас я разобью окно.

— Нет, Дэви... бить окна плохо... не надо бить окна...

— Мишка, я собираюсь убить человека.

...Тишина, мертвая тишина. Замерли даже лапы и глаза.

Грохот выстрела разорвал тишину, и масса шестеренок, про-

водов и изувеченного металла вылетела из тельца разорванного на части плюшевого медведя.

— Мишка... о мишка... почему ты не рассказал мне об этом? — Дэвид уронил на пол пистолет и разрыдался.

Из фанатизма, или за вознаграждение

Меня очень тревожат насилие и смерть — их слишком много в нашем обществе и в нашем мире. Когда-то я вводил их в больших дозах в собственные произведения — то был рефлекс, оставшийся после работы для дешевых журналов, и, чтобы от него избавиться, мне пришлось приложить определенные усилия. Насилия и так чересчур много в фильмах и литературе.

В нем есть своя притягательность, иначе его бы там не было. Возьмем две крайности. Первая — захватывающий триллер, который мы читаем, чтобы расслабиться. Все описанные в нем взрывы, погони и перестрелки вымышлены, но о них приятно почитать тихим вечерком, особенно если написано добротно. Я это хорошо знаю, потому что сам такое писал.

Другую крайность можно определить как чрезмерно жестокое насилие, к сожалению, привычное по фильмам и телепередачам. Задумайтесь сами, существует ли реальная необходимость показывать, да еще в цвете, как сжигают людей? Особенно если вскоре какие-нибудь подонки, последовав экранному примеру, сжигают несколько человек? Подобное в самом деле происходило, и над этим стоит задуматься.

Не по душе мне и легенда о наемном убийце — хладнокровном профессионале, убивающем за деньги. Я верю в совесть и законы, которые когда-то вывели нас из джунглей. И рассказ этот именно о них.

Чудесно! Отличная четкость! Электронный прицел был для него новинкой — испытывая оружие, он пользовался оптическим, который электронному и в подметки не годился. Несмотря на дождливую ночь, широкий вход в здание на противоположной стороне улицы был виден четко и ясно. Локти удобно покоились на упаковочных ящиках, уложенных стопкой перед щелью, прорезанной в наружной стене.

«Приближаются пятеро. Тебе нужен самый высокий», — прошептал микродинамик в ухе.

На противоположной стороне улицы показались люди. Один из них был заметно выше остальных. Он шел, разговаривая и смеясь, и Джейген направил прицел на его белые зубы, потом стал прибавлять увеличение, пока зубы, рот и язык не заполнили всю прицельную рамку. Человек широко улыбнулся, и тут Джейген плавно и равномерно сжал приклад, одновременно надавливая на спусковой крючок. Громыхнул выстрел, в плечо ударил приклад.

А теперь скорее; в обойме еще пять патронов. Уменьшить увеличение. Человек падает. Выстрел. Человек дергается. Выстрел. В голову. Еще одну туда же. Выстрел. Кто-то его заслоняет. Стреляем и в него. Выстрел. Так, помехи больше нет. В грудь, в сердце. Выстрел.

— Обойма пуста, — произнес он в торчавшую перед губами пуговку микрофона. — Пять в цель, насчет шестого не уверен.

«Уходи», — послышалось в ухе.

А я и так сматываюсь, подумал он. Была бы нужда напоминать — полиция Великого Деспота работает шустро.

Комнату освещал только тускло-оранжевый свет индикаторной лампочки передатчика материи. Код места назначения он набирал сам. Промахнув тремя шагами пустую пыльную комнатку, он стукнул по пусковой кнопке передатчика и тут же, не мешкая ни секунды, нырнул в экран.

По глазам больно ударил яркий свет, заставив прищуриться. Висящая под потолком голая лампочка освещала сырые каменные стены и металлическую дверь в потеках ржавчины. Он находился в подземелье на какой-то планете, быть может, на другом конце Галактики. Какая, собственно, разница? Здесь — значит, здесь. Когда есть ПМ, до любого места в мире всего один шаг. Он быстро встал сбоку от экрана.

Оттуда пыхнула струя газа. И беззвучно рассеялась. Прекрасно. Значит, тот передатчик уничтожен, взорван. Обследовав его обломки, полиция наверняка выяснит, куда он перепрыгнул, но на это уйдет время. А он успеет замести следы и исчезнуть.

Если не считать передатчика, единственным предметом в каменной каморке был большой керамический сосуд, накрытый крышкой. Он взглянул на приклад винтовки, куда наклеил полученные инструкции. Рядом с кодом, который он набрал, чтобы попасть сюда, виднелась пометка: «Уничтожить винтовку». Джейген отодрал липкую карточку с инструкцией и сунул в сумку на поясе, потом снял крышку с сосуда. Из него тут же заклубился едкий пар; Джейген, кашляя, отвернулся. Это пузырящееся адское варево могло растворить что угодно. Отработанным движением он отсоединил пластиковый приклад и уронил его в контейнер. Жидкость яростно забурлила, выбрасывая густой пар.

Джейген поспешно отступил, доставая из сумки работающую от батарей электропилу размером с кулак и алмазными зубцами. Пила зажужжала, потом тонко взвыла, перепиливая ствол винтовки. Несколько дней назад он тщательно его измерил и сделал легкий надпил. Теперь он резал по этой метке, и через считанные секунды половинка ствола звякнула об пол. Она тут же отправилась следом за прикладом в компании с пустой обоймой. Достав из сумки новую обойму, он вставил ее на место, потом быстрым движением указательного пальца передернул затвор, дослав патрон в патронник, поставил оружие на предохранитель и лишь после этого сунул обрез в просторный рукав куртки, придерживая ладонью шершавый срез ствола.

Прежней точности у обреза уже не будет, но на короткой дистанции убивает он не хуже винтовки.

Покончив с мерами предосторожности, Джейген сверился с инструкцией и набрал код очередного места назначения. После него на карточке значились всего два слова: «Заметай следы». Джейген шагнул в передатчик.

Шум и звуки, свет и резкие запахи. Где-то рядом был океан — он слышал шум прибоя, нос щекотал солоноватый влажный воздух. Джейген стоял на площади коммуникационного узла, уставленной по периметру передатчиками, и какой-то мужчина, едва не наступив ему на пятки, выбрался следом за ним из того же ПМ и торопливо зашагал прочь, что-то бормоча под нос на незнакомом языке. По площади сновала густая толпа, над головой палило красноватое солнце. Джейген поборол искушение воспользоваться первой же соседней кабинкой и быстрым шагом двинулся через площадь. Потом остановился и стал поджидать первого прохожего, который пойдет мимо него, чтобы отправиться за ним — так он выбирал случайное направление, не зависящее от его желаний. Первой прошла девушка, и он двинулся за ней. Юбочка на ней едва прикрывала ягодицы, зато выставляла на всеобщее обозрение на редкость кривые ноги. Пропетляв за юной кавалеристкой по боковым улочкам и миновав кабинку ПМ, он решил отстать. Свой след он вполне запутал, так что теперь подойдет любая кабинка.

Впереди, над внушительного вида зданием, он увидел знакомую зеленую звезду, и сердце его забилось — то было Управление полиции Великого Деспота. Джейген чуть заметно улыбнулся. А почему бы и нет? Здание было общественным и служило не только резиденцией полиции. Чего бояться?

Но страх все же оставался, и его преодоление играло немалую роль в игре. Так, вверх по ступенькам мимо словно не замечающих его стражей. Большой холл со справочным столом в центре, вдоль стен вывески и стойки всевозможных служб. А вот

и ряд экранов ПМ. Неторопливо шагая, он подошел к одному из средних экранов и набрал следующий код из списка.

От внезапного холода заслезились глаза, разреженным воздухом было почти невозможно дышать. Он быстро повернулся к экрану, чтобы набрать следующий код, но тут заметил торопящегося к нему мужчину.

— Постойте! — крикнул человек на интергалакте. Его нос прикрывала дыхательная маска, вторую он протянул Джейгену, который тут же надел ее. Подогретый свежий воздух успокоил его в той же мере, что и присутствие явно ожидавшего его человека. Осмотревшись, Джейген понял, что стоит на мостике допотопного звездолета. Приборы были выдранными из стен, экраны не светились. На металлических переборках конденсировалась влага и растекалась лужицами по полу. Человек заметил любопытство во взгляде Джейгена.

— Этот корабль уже несколько веков болтается на орбите. Подключив этот ПМ, мы запустили генераторы атмосферы и искусственной гравитации. Когда мы уйдем, все уничтожит атомный взрыв. И если вас выследили, тут след оборвется.

— Выходит, остальные мои инструкции...

— Не потребуются. Мы не были уверены, что успеем вовремя подготовить корабль, но, как видите, успели.

Джейген уронил на пол карточку с инструкциями и микродинамик. Эти улики исчезнут вместе с остальными. Человек быстро набрал код.

— Прошу вас следовать за мной.

— Уже иду.

Человек кивнул, отбросил маску и шагнул в экран. Они оказались в ничем не примечательном номере отеля — такой можно отыскать на любой из десяти тысяч планет. Двое, облаченные с головы до пят в черное, сидели в креслах с подлокотниками и разглядывали Джейгена сквозь темные очки. Провожатый молча кивнул, набрал код на передатчике и вошел в экран.

— Дело сделано? — спросил один. Их мешковатую черную одежду дополняли черные же перчатки и капюшоны, а рты прикрывали демодуляторы голоса, делавшие его ровным, лишенным эмоций и неузнаваемым.

— Деньги, — бросил Джейген, отходя в сторону и прислоняясь спиной к стене.

— Мы заплатим тебе, приятель. Не валяй дурака. Мы лишь хотим узнать, как все прошло. Видишь ли, мы вложили в это дело большие средства, — сказал второй. Голос его был механически невозмутим, но пальцы, когда он говорил, сжимались и разжимались.

— Деньги, — повторил Джейген, стараясь, чтобы его голос звучал невозмутимо, как и электронные голоса этих двоих.

— Держи, охотник. — Первый достал из выдвижного ящика стола коробку и швырнул через комнату. Она упала у ног Джейгена и раскрылась. — И выкладывай наконец.

— Я выпустил все шесть пуль в указанную цель, — ответил Джейген, глядя на рассыпавшиеся по полу золотистые банкноты. Крупная сумма. Похоже, обещание они сдержали. — Четыре я всадил в голову, одну в сердце, еще одну в человека, который пытался его заслонить. Как вы говорили, так и вышло — против реактивных пластиковых пуль защитный экран не устоял.

— Теперь субсидии наши, — бесстрастно произнес второй. Но своим хладнокровием он был обязан исказителю — постукивание руки по креслу и покачивание ноги выдавали его возбуждение.

Джейген наклонился и стал собирать деньги. Со стороны казалось, будто смотрит он только на пол.

Один из людей в черном выхватил скрытый под одеждой энергетический пистолет и выстрелил в Джейгена.

Будучи охотником, Джейген всегда знал, что и он может стать объектом охоты. Он мгновенно откатился в сторону и стиснул ствол обреза. Другой рукой он нащупал под тканью рукава спусковой крючок. Стрелял он в упор, и промах для человека с его опытом на таком расстоянии был просто невозможен.

Получив пулю в живот, стрелявший переломился пополам, очень спокойно и монотонно выдохнул через искажитель «ахххххх», выронил пистолет и уже мертвым рухнул на пол.

— Пуля из мягкого сплава, — пояснил Джейген. — Приберег на всякий случай обойму — они куда лучше ваших пластиковых штучек. Входит маленькой, сплющивается, а наружу вылетает уже лепешка. Винтовку я тоже приберег — точнее, тот минимум ее деталей, которые еще способны стрелять. Вы были правы, ее следует уничтожить, чтобы избавиться от улики, но только после нашей встречи. А на экране энергетического детектора мой обрез не видно, вот вы и решили, будто я безоружен. Ваш приятель узнал правду довольно неприятным способом. А что теперь делать с вами?

Джейген говорил быстро, пытаясь высвободить застрявший в рукаве обрез, отброшенный назад отдачей. Все, достал.

— Не убивайте меня, — произнес человек спокойным из-за искажителя голосом, вжимаясь спиной в кресло и заслоняя лицо рукой. — Это была его идея, я тут совершенно ни при чем. Он боялся, что если вас выследят, то схватят и нас. — Он взглянул на скрюченную фигуру и быстро отвернулся, увидев на полу лужу

крови. — У меня нет оружия. Я ничего против вас не имею. Не убивайте меня. Я вам еще денег дам.

Он молил сохранить ему жизнь, но слова текли монотонно, словно перечень покупок.

Джейген поднял обрез, человек съежился от страха.

— У вас с собой есть деньги?

— Есть. Немного. Пара тысяч. Я могу дать больше.

— Мне некогда ждать. Достаньте то, что есть, — только медленно — и бросьте сюда.

Сумма оказалась приличной. Богатый, должно быть, гусь, раз таскает с собой такие денежки на карманные расходы. Джейген поднял оружие, чтобы застрелить его, но в последний момент передумал. Зачем? Он устал убивать.

Опустив обрез, он подошел и сорвал с человека маску. И был разочарован. Старый, толстый, обрюзгший, невидящие глаза полны слез. Охваченный внезапным отвращением, Джейген стащил его на пол и сильно врезал по физиономии. Потом отошел. Набирая код, он заслонял собой кнопки, чтобы толстяк не подсмотрел номер. Потом шагнул в экран.

И почти в ту же секунду в кабинет начальника полиции на планете, где произошло убийство — за много световых лет от Джейгена, — из экрана ПМ вышла машина.

— Ты Преследователь? — спросил офицер.

— Да, — ответила машина.

Выглядела она красиво и была похожа на человека, только высокого, более двух метров ростом. Вообще-то ей могли придать любой облик, но, когда перемещаешься среди людей, такая форма предпочтительнее. Гуманоидность облика была единственной уступкой ее создателей, и, кроме торса, четырех конечностей и головы, все прочее в машине подчинялось строгой функциональности. Ее корпус, гладкий и обтекаемый, покрывал недавно созданный, чрезвычайно прочный золотистый сплав. Безликость яйцевидной головы нарушала лишь Т-образная щель спереди. За этим узким отверстием, скорее всего, скрывались зрительные и слуховые устройства вкупе с речевым механизмом, имитировавшим звучный мужской голос.

— Насколько мне известно, Преследователь, ты единственный экземпляр в мире? — спросил офицер — пожилой, седой, похудевший от нервной службы, но не утративший за все годы любопытства.

— Индекс вашего секретного допуска позволяет мне проинформировать вас, что в строй вводятся и другие Преследователи, но точное их количество я раскрыть не могу.

— Весьма разумно. И что ты надеешься сделать?

— Отыскать убийцу. Встроенные в меня детекторы гораздо чувствительнее применявшихся ранее, вот почему мой корпус так велик. В меня встроено запоминающее устройство, сравнимое по объему памяти с крупнейшей библиотекой, и средства для его постоянного пополнения информацией. Я выслежу убийцу.

— Задача может оказаться нелегкой. Он — или она — после убийства уничтожил передатчик.

— У меня есть способы узнать код, исследовав даже обломки передатчика.

— Он мог по-разному заметать следы.

— Его не спасет ничто. Я Преследователь.

— Он совершил отвратительное преступление. Желаю тебе удачи. Если только можно пожелать удачи машине.

— Благодарю за любезность. Я не обладаю человеческими эмоциями, но способен их ценить. Ваши чувства поняты, а в ваше личное дело занесена положительная отметка, хотя вы и не рассчитывали на это, произнося пожелание. А сейчас мне хотелось бы ознакомиться со всеми материалами, связанными с убийством. Потом я отправлюсь туда, куда сбежал преступник.

Двадцать лет беспечной жизни мало изменили внешность Джейгена: морщины в уголках глаз и седина на висках лишь придали ему солидности. Он давно уже не зарабатывал на жизнь как профессиональный охотник и мог себе позволить часто охотиться ради собственного удовольствия. Многие годы он постоянно переезжал с места на место, заметая следы, и даже десяток раз менял имя и внешность. Как-то он совершенно случайно наткнулся на эту захолустную планету и решил на ней остаться. Охота в местных диких джунглях оказалась просто потрясающей, и он не отказывал себе в этом удовольствии. Добытые и умело вложенные деньги обеспечивали ему приличный доход и удовлетворение всех потребностей, включая парочку пороков, которым он был подвержен.

Как раз сейчас он обдумывал один из них. Проведя более недели в джунглях, он всласть наохотился и теперь — чистый, свежий и отдохнувший — смаковал мысли о чем-то другом. Продается комната наслаждений, дорогая, разумеется, зато он может получить именно то, что желает. Облаченный в золотой халат, задрав ноги на столик и держа в руке бокал, он сидел в кресле и сквозь прозрачную стену дома любовался на садящееся за джунгли солнце. Он никогда особо не разбирался в искусстве, но лишь слепой не обратил бы внимания на взрывную яркость зелени, подчеркивающую буйство пурпурных и красных оттенков неба. Вселенная — чудесное место.

И тут негромкий звоночек возвестил о том, что чей-то ПМ настроился на аппарат в его доме. Он резко обернулся и увидел шагнувшего в комнату Преследователя.

— Я пришел за тобой, убийца, — произнес робот.

Пальцы Джейгена разжались, бокал покатился по инкрустированному паркету, оставляя за собой влажную дорожку. У Джейгена всегда имелось при себе оружие, но осторожность подсказала ему, что лежавший в кармане халата энергетический пистолет бессилен против столь внушительной машины.

— Понятия не имею, о чем ты говоришь, — солгал Джейген, поднимаясь. — Сейчас вызову полицию, пусть они разберутся.

Он сделал несколько шагов в сторону коммуникатора — и внезапно метнулся мимо него в соседнюю комнату. Преследователь двинулся следом, но остановился, когда Джейген секунду спустя появился в дверях.

В руках он держал крупнокалиберное безоткатное ружье, стреляющее разрывными пулями, — с таким он охотился на местных многотонных болотных амфибий. В магазине имелось десять зарядов почти пушечного калибра, и он в упор всадил все десять в робота.

От мебели в комнате остались жалкие обломки; пол, стены и потолок ощетинились осколками. Его тоже легко ранило — в шею и в ногу, — но он не почувствовал боли. Машина даже не дрогнула от взрывов, а на золотистом покрытии корпуса не осталось и вмятинки.

— Сядьте, — приказал робот. — Ваше сердце бьется слишком сильно, а это опасно для здоровья.

— Опасно! — Джейген рассмеялся каким-то странным смехом и прикусил губу. Он выронил ружье, проковылял к чудом уцелевшему креслу и без сил свалился в него. — Стоит ли волноваться о здоровье, когда здесь ты... палач?

— Я Преследователь, а не палач.

— Ну, так передашь меня палачу. Но сперва скажи, как ты меня отыскал? Или это секрет?

— Секретны только подробности. Чтобы найти вас, я воспользовался самыми совершенными методами локации и записями в запоминающих блоках передатчиков. У меня безупречная память, а фактов для обработки имелось немало. К тому же, будучи машиной, я не страдаю нетерпеливостью.

Поняв, что немедленная смерть ему не грозит, Джейген тут же задумался о возможности побега. Машину ему не уничтожить, но вдруг удастся снова от нее удрать? Пусть она продолжает говорить.

— Что ты намерен со мной сделать?

— Задать вам несколько вопросов.

Джейген мысленно улыбнулся, хотя выражение его лица не изменилось. Он ясно понимал, что убийце, которого выслеживали двадцать лет, Великий Деспот уготовил особую участь.

— Так спрашивай. Чего тянешь?

— Знаете ли вы имя человека, которого убили?

— Я не признавался в том, что кого-то убивал.

— Вы признались, когда попытались уничтожить меня.

— Черт с тобой. Так и быть, скажу. — Главное — не прекращать разговора. Говорить что-нибудь, но ни в чем не признаваться. Под пыткой так или иначе вытянут все. — Я не знал, кто он такой. Я даже не знал названия планеты. Дождливая дыра, вот и все, что я могу сказать.

— Кто вас нанял?

— Они не представились. Мы лишь обговорили сумму и задание.

— В это я могу поверить. Могу также сказать, что ваш пульс приближается к норме и теперь вашему здоровью не угрожает информация о том, что вы слегка ранены в шею.

Рассмеявшись, Джейген коснулся пальцем тоненькой струйки крови.

— Спасибо за неожиданную заботу. Ранка пустяковая.

— Я предпочел бы видеть ее обработанной и забинтованной. Вы мне позволите ею заняться?

— Да делайте что хотите! В соседней комнате есть медицинское оборудование.

Если чудище выйдет из комнаты, появится шанс добраться до передатчика!

— Сперва я должен осмотреть рану.

Преследователь навис над ним — до этого момента Джейген как-то не осознавал, насколько тот огромен, — и коснулся холодным металлическим пальцем кожи на шее. Едва это произошло, Джейгена полностью парализовало. Сердце билось ровно, дышалось легко, но глаза смотрели только вперед, ни шелохнуться, ни вымолвить слово стало невозможно, и ему осталось лишь оглашать бессловесными воплями звенящую пустоту своего мозга.

— Мне пришлось обмануть вас, потому что тело перед операцией должно полностью расслабиться. Как вы вскоре убедитесь, сама операция совершенно безболезненна.

Машина вышла из фиксированного поля его зрения, и Джейген услышал, как она покинула комнату. Операция? Какая еще операция? Какую непостижимую пока расплату задумал для него Великий Деспот? Насколько важным был убитый человек? Мысли Джейгена захлестнула волна ужаса и страха — но только мысли. Легкие равномерно наполнялись воздухом, размеренно

билось сердце, и лишь сознание, бессильное и истеричное, узником металось в крошечном уголке мозга.

Звуки подсказали, что машина вернулась и стоит позади. Джейген ощутил, что его шевелят и покачивают из стороны в сторону. Что этот робот делает? Краем глаза он заметил, как на пол упало что-то темное. Что? ЧТО?

Еще одна темная лепешка упала прямо перед ним — какая-то грязная пена. Миновало несколько секунд, пока смысл увиденного пробился сквозь охвативший его ужас.

То был большой комок депиляторной пены, заполненной растворяющимися остатками его волос. Должно быть, машина извела на него целый баллончик и теперь удаляет с головы волосы. Но для чего? Паника немного улеглась.

Преследователь обошел кресло, встал перед Джейгеном, потом наклонился и вытер металлические руки о его халат.

— Ваши волосы удалены. — *Знаю, знаю! Но для чего?* — Это необходимая часть операции, не наносящая вам непоправимого вреда. Как и сама операция.

Пока робот говорил, его торс начал меняться. Оболочка из золотистого сплава, не пробиваемая разрывными пулями, разошлась посередине и развернулась. Обездвиженный, Джейген мог лишь с ужасом наблюдать за метаморфозой, не в силах отвести глаз. Открылась серебристая ниша, окруженная непонятными устройствами.

— Вы не почувствуете боли, — успокоил Преследователь, делая шаг вперед и стискивая обеими руками голову Джейгена. С неторопливой точностью машина стала приближать его голову к нише, пока затылок не уперся в металлический свод. Природа явила милосердие — Джейген потерял сознание.

Он не ощутил, как острые металлические иглы, выскользнувшие из отверстий в металлической чаше, пронзили кожу, потом кости черепа и глубоко погрузились в мозг. Но мысли, ясные и четкие, словно ощущения только что пережитого, тут же заполнили его сознание. Одно за другим всплывали воспоминания, изучались, отбрасывались и сменялись новыми. Его детство, давно позабытые звуки и запахи, комната, прикосновение травы к подошвам, юноша, смотрящий на свое — его — отражение в зеркале.

Поток воспоминаний, управляемый механизмом внутри Преследователя, долго проплывал перед мысленным взором Джейгена. В его мозгу скрывалось все, что машина хотела узнать, и она, кусочек за кусочком, сложила из мозаики цельную картину. Когда все кончилось, иглы вернулись в чехлы, а голова Джейгена освободилась. Он снова сидел в кресле, паралич исчез столь же

внезапно, как и появился. Сжав левой рукой подлокотник кресла, он провел правой ладонью по гладкой коже черепа.

— Что ты со мной сделал? Что это была за операция?

— Я изучил твои воспоминания. И теперь знаю людей, заказавших тебе убийство.

Произнеся эти слова, машина повернулась и направилась к передатчику. Ее пальцы уже начали набирать код, когда Джейген хрипло окликнул робота:

— Стой! Ты куда? Что ты намерен со мной сделать?

Преследователь обернулся.

— А что ты хочешь, чтобы я с тобой сделал? Неужели ты страдаешь от чувства вины? Я могу тебя от него избавить.

— Не смей надо мной издеваться, машина. Я человек, а ты всего лишь железяка. Я приказываю тебе отвечать. Ты из полиции Великого Деспота?

— Да.

— Значит, ты меня арестовал?

— Нет. Я просто ухожу. Тебя может арестовать местная полиция, однако у меня есть информация о том, что ты для них не представляешь интереса. Однако для частичной компенсации средств, затраченных на твои поиски, я конфисковал все твои денежные средства.

Робот снова повернулся, намереваясь уйти.

— Стой! — взвизгнул Джейген, вскакивая. — Я еще могу поверить, что ты отобрал все мои деньги. Но не смей держать меня за идиота. Не для того же ты выслеживал меня двадцать лет, чтобы просто так взять и уйти. Я убийца — вспомнил?

— Я сознаю этот факт. Именно поэтому я тебя преследовал. Теперь я знаю и твое мнение о себе. Ты ошибаешься. Ты ничуть не уникален, не одарен и даже не интересен. На убийство способен любой человек, если у него для этого достаточно сильные мотивы. В конце концов, вы ведь животные. Во время войны славные парни сбрасывают бомбы на совершенно незнакомых людей, просто нажимая кнопку, и убийства их совершенно не тревожат. Люди убивают, защищая свои семьи, и их за это славят. А ты, профессиональный охотник на животных, убил другое животное, на сей раз оказавшееся человеком, когда тебе предложили подходящую плату. В этом нет ничего благородного, отважного или просто интересного. Тот человек мертв, и, если тебя убить, он не воскреснет. Теперь я могу уйти?

— Нет! Если я тебе не нужен, то... зачем было тратить годы на поиски? Неужели ради нескольких жалких фактов?

Робот выпрямился — высокий, словно светящийся неким механическим достоинством, наверняка отражающим достоинство его создателей.

— Да. Фактов. Ты — ничто, и люди, нанявшие тебя, — тоже ничто. Главное в том, почему они на это пошли и как им удалось добиться успеха. Один человек, десять, даже миллион — ничто для Великого Деспота, который считает планеты в своих владениях сотнями тысяч. Для него единица измерения — общество. И теперь будет изучено общество, в котором ты вырос, а особенно то общество, откуда были нанявшие тебя люди. Что заставило их поверить в то, что насилием можно чего-то добиться? Что это за общество, где на убийство смотрят сквозь пальцы, игнорируют — и даже смиряются с ним? Оно не имеет права распространять эту заразу. Убивает общество, а не личности. Ты — ничто, — бросил робот, входя в экран, и исчез.

А Джейген так и не понял, действительно ли он уловил оттенок злобы в последних словах машины.

Я тебя вижу

Люди склонны к чрезмерности. Когда неопытный водитель видит, что машина отклоняется от движения по прямой, он поворачивает руль обратно, корректируя отклонение, но слишком сильно. Машина отклоняется в другую сторону, и процесс повторяется. Автомобиль виляет по дороге — его постоянно направляют, но так и не могут направить прямо.

Крайности характерны и для общественных институтов — за периодами пуританских ограничений следуют периоды моральной вседозволенности.

Выход из равновесия — ахиллесова пята машин; именно он кроется за такими терминами, как «незатухающие колебания» и «отрицательная обратная связь».

Роботы — гуманоидные машины, и очень велика вероятность того, что их станет поражать тот же недуг. В единичном случае это легко исправляется — одного разладившегося робота можно заменить и починить. Но что делать, если неисправность присуща самому механизму и все машины имеют один и тот же недостаток? Можно ли ее вообще обнаружить и тем более исправить?

Роботы уже прочно укрепились в жизни общества и в управлении нашими законами. Роботы-клерки отмечают «птичками» оплаченные штрафы и отправляют судебные повестки тем, кто не выполняет своих обязательств. Роботы-бухгалтеры проверяют налоговые декларации и мгновенно выявляют мелкие погрешности и приписки. Глаза роботов и чувствительные датчики охраняют

наши тюрьмы. Роботизированные устройства принимают избирательные бюллетени и подсчитывают результаты голосования.

Роботам передается все больше функций в правительстве и администрации, и не окажется ли так, что в конце концов отдавать станет нечего?..

Судья производил глубокое впечатление своей черной мантией и безграничными знаниями, скрытыми в хромированном совершенстве черепа. Его звучный и пронзительный голос прогремел гласом судьбы:

— Карл Тритт, суд признает вас виновным в том, что в 218-й день 2423 года вы умышленно и злонамеренно украли у «Корпорации Маркрикс» заработную плату на общую сумму 318 тысяч кредитов и пытались присвоить себе упомянутые деньги. Приговор — двадцать лет.

Черный молоток судьи опустился с резкостью копра, забивающего сваи, и этот звук отдался в голове Карла. Двадцать лет! Он стиснул побелевшими пальцами стальной барьер ложи правосудия и взглянул в электронные глаза судьи. Возможно, в них мелькнула вспышка сострадания, но не прощения. Приговор вынесен и занесен в Центральную Память. Без права апелляции.

Перед судьей щелкнула панель, открылась, и стальной стержень бесшумно вытолкнул на нее вещественное доказательство «А» — 318 тысяч кредитов, все в тех же конвертах для выплаты зарплаты. Карл медленно сгреб их к себе.

— Вот деньги, которые ты украл. И ты должен сам вернуть их тем, кому они принадлежат, — приказал судья.

Карл вышел из зала суда нетвердой походкой и с безнадежностью в душе, слабо прижимая к груди сверток. Улицу омывал золотой солнечный свет, но он не замечал его — уныние заслонило мир угрюмой тенью.

Горло его пересохло, глаза горели. Он заплакал бы, не будь он взрослым, двадцатипятилетним гражданином. Но взрослые мужчины не плачут, и он лишь судорожно глотнул несколько раз.

Двадцать лет — невозможно поверить! *Почему я?* Столько людей в мире — почему *он* получил столь суровый приговор? Сознание мгновенно выдало ответ. *Потому что ты украл деньги.* Напуганный этой горькой мыслью, он побрел дальше.

Слезы наполнили глаза, просочились в нос и попали в горло. Охваченный жалостью к себе, он забыл, где находится, и поперхнулся, затем сплюнул.

Едва плевок коснулся безупречно чистого тротуара, урна в двадцати футах от него зашевелилась. Карл в ужасе зажал рот рукой, но слишком поздно — сделанного не изменить.

Гибкая рука стерла плевок и быстро очистила тротуар. Мусорник присел наподобие механического Будды, и в его металлических внутренностях захрипел оживший динамик.

— Карл Тритт, — продребезжал металлический голос, — сплюнув на общественный тротуар, вы грубо нарушили местное Постановление номер ВД-14-668. Приговор — два дня. Ваш общий срок теперь — двадцать лет и два дня.

Двое прохожих, остановившихся возле Карла, разинули от удивления рты, услышав приговор. Карл почти прочел их мысли. Осужденный человек. *Подумать только — более двадцати лет!* Они уставились на него со смешанным чувством любопытства и отвращения.

Покраснев от стыда, Карл бросился прочь, прижимая к груди сверток с деньгами. Осужденные, когда их показывали по видео, всегда выглядели очень смешными. Они так забавно падали или изумлялись, когда перед ними не открывались двери.

Сейчас это не казалось таким смешным.

Медленно прополз остаток дня, наполненный туманом подавленности. Смутно запомнилось посещение «Корпорации Маркрикс», возвращение украденных денег. Они отнеслись к нему с пониманием и добротой, и он убежал, охваченный смущением. Доброта всего мира не смогла бы отсрочить исполнение приговора.

Потом он бесцельно бродил по улицам, пока не устал. И тут он увидел бар. Яркие огни, табачный дымок; он выглядел веселым и уютным. Карл дернул дверь, затем еще раз. Люди в баре прекратили разговоры и уставились на него через стекло. И тут он вспомнил о приговоре и понял — дверь не откроется. Люди в баре засмеялись, и он убежал. Хорошо еще, что обошлось без нового приговора.

Когда он добрался до своего жилища, то всхлипывал от усталости и унижения. Дверь открылась от прикосновения большого пальца и захлопнулась за ним. Наконец-то он обрел хоть какое-то прибежище!

И тут он увидел ожидающие его упакованные сумки.

Загудев, ожил экран видео. До сих пор Карлу не приходило в голову, что им можно управлять из Центра. Экран остался темным, но он услышал привычный, искаженный вокодером голос Контроля за приговором:

— Одежда и личные вещи, полагающиеся осужденному, уже отобраны. Ваш новый адрес указан на сумках. Следуйте туда немедленно.

Тут они хватили через край. Не заглядывая в сумки, Карл и без того понял, что его камера, книги, модели ракет и сотни других, значимых для него мелочей в сумки не попали. Он ворвался

в кухню, выдавив неподдающуюся дверь. Из репродуктора, спрятанного над плитой, прозвучал голос:

— Ваши действия нарушают закон. Если вы остановитесь сейчас же, то срок приговора не будет увеличен.

Слова уже ничего не значили для него, он не хотел их слышать. С бешенством он рванул дверку буфета и потянулся к бутылке виски, но та исчезла за потайной дверцей, которой он раньше не замечал, дразняще скользнув по пальцам при падении.

Он побрел обратно в комнату, а голос за спиной монотонно пробубнил:

— К сроку прибавлено еще пять дней за попытку употребления алкогольного напитка.

Карла уже ничто не волновало.

Машины и автобусы не останавливались для него, и автомат подземки, словно поперхнувшись, выплюнул его монету обратно. Пришлось долго плестись, волоча ноги, до нового жилища, оказавшегося в той части города, о существовании которой он даже не подозревал.

Квартал умышленно создавал впечатление запустения. Специально изломанный, растрескавшийся тротуар, тусклые огни, пыльная паутина, висевшая в каждом углу, явно появились тут не сами собой. До своей комнаты ему пришлось карабкаться два лестничных пролета, под каждым его шагом ступеньки скрипели на разные лады. Не включая света, он бросил сумки и побрел вперед. Голени стукнулись о металлическую кровать, он благодарно опустился на нее и заснул в блаженном изнеможении.

Когда утром он проснулся, ему не хотелось открывать глаза. «Я видел кошмарный сон, — сказал он сам себе, — и он благополучно закончился». Но холодный воздух в комнате и сумрачный свет, пробивающийся сквозь полуоткрытые веки, говорили о другом. Вздохнув, он оставил фантазии и осмотрел свое новое жилище.

Было чисто — вот, пожалуй, и все впечатления. Кровать, стул, встроенный в стену шкаф — вот и вся мебель. Единственная лампочка без абажура свисала с потолка. На противоположной стене висел большой металлический календарь. *«20 лет, 5 дней, 17 часов, 25 минут»*, — прочел он и тут же услышал щелчок. Последнее число изменилось на «24».

Накануне эмоции настолько истощили Карла, что теперь ему было все равно. Значимость перемены все еще переполняла его. Ошеломленный, он снова опустился на постель, но тут же подпрыгнул, услышав гулкий голос из стены:

— Завтрак сейчас накрывается в общественной столовой этажом выше. У вас десять минут.

На сей раз привычный уже голос послышался из огромного громкоговорителя, не меньше пяти футов в диаметре, и утратил прежний жестяной оттенок. Карл повиновался, не раздумывая.

Пища оказалась однообразной, но сытной. В столовой сидели мужчины и женщины, всех их интересовала только еда. Внезапно он понял, что все они осужденные. Уставившись в тарелку, он поел и быстро вернулся к себе.

Войдя в комнату, он увидел, что видеокамера над громкоговорителем нацелилась на него и, когда он проходил по комнате, следила за ним, словно ствол ружья. Такой камеры ему еще не доводилось видеть — поворачивающаяся хромированная труба, на конце которой блестела линза величиной с кулак. Осужденный человек одинок, но его никогда не оставляют наедине с самим собой.

Внезапно громкоговоритель снова взревел. Карл вздрогнул.

— Ваша новая работа начнется сегодня в восемнадцать часов. Вот адрес.

Из прорези под календарем выскочила карточка и упала на пол. Чтобы поднять ее, Карлу пришлось нагнуться. Адрес ему ни о чем не говорил.

До работы оставалось еще несколько часов, но убить их было не на что. Кровать приглашающе стояла рядом, и он устало на нее опустился.

Зачем он украл те проклятые деньги? Он знал ответ: потому что ему хотелось иметь те вещи, которые он никогда не мог бы позволить себе на жалованье телефонного техника. Кража казалась такой заманчивой, такой безопасной! Он проклинал случайность, соблазнившую его на преступление. Воспоминание о нем все еще мучило его.

Он занимался привычной работой, монтируя дополнительные линии в одном из больших деловых зданий.

Предварительные обследования он проводил самостоятельно, для роботов дело найдется потом. Телефонные линии шли по служебному коридору, начинавшемуся от главного вестибюля. Он открыл неприметную дверь ключом-пропуском и включил свет. Стену покрывала мешанина проводов и соединительных коробок, подключенных к кабелям, исчезавшим из виду далеко в коридоре. Карл раскрыл схемы проводки и начал отслеживать провода. Задняя стена показалась ему идеальным местом для крепления новых коробок. Он постучал по ней, проверяя, выдержит ли она нагрузку. Стена оказалась полой.

Сперва Карл скривился — если придется наращивать провода, работа окажется вдвое сложнее. Но затем ему стало любопытно — для чего здесь стена? При более внимательном осмотре он

понял, что это панель, смонтированная из подогнанных друг к другу секций, скрепленных защелками. Вскрыв отверткой одну из секций, он увидел стальную решетку, поддерживающую металлические пластины. Их назначение ему было неясно, но теперь, удовлетворив свое любопытство, он тут же перестал о них думать. Установив панель на место, он занялся привычным делом. Через некоторое время он взглянул на часы, отложил инструменты и пошел обедать.

Первое, что он увидел, снова войдя в вестибюль, была банковская тележка.

Невольно оказавшись совсем рядом, он не мог не заметить двух охранников, которые брали из тележки толстые конверты, укладывали их в ячейки на стене — по одному в каждую ячейку — и захлопывали толстые дверцы. У Карла возникла лишь одна реакция при мимолетном взгляде на эти деньги — чувство острой боли.

И, лишь возвращаясь с обеда, он остановился от поразившей его мысли. Помедлив мгновение, он пошел дальше, никем не замеченный. Войдя снова в коридор, он украдкой взглянул на посыльного, открывавшего одну из ячеек. Когда Карл снова закрыл за собой дверь и оценил относительное положение стены, он понял, что догадка его верна.

То, что он принял за металлическую решетку с пластинами, на самом деле являлось задними стенами ячеек и поддерживающим их каркасом. Ячейки, плотно закрывающиеся в вестибюле, имели незащищенные задние стенки, обращенные в служебный коридор.

Он сразу понял, что не следует ничего предпринимать и вообще вести себя подозрительно. Однако он удостоверился, что служебные роботы проходят через другой конец коридора, выходящий в пустынную прихожую в задней части здания. Карл даже заставил себя позабыть о ячейках более чем на полгода.

Затем он начал планировать. Осторожные наблюдения, которые он проделывал время от времени, снабдили его всеми необходимыми фактами. В ячейках хранилась зарплата нескольких крупных компаний, находящихся в этом здании. Банковские служащие помещали туда деньги в полдень каждую пятницу. Ни один из конвертов не вынимали раньше часа дня. Карл запомнил наиболее толстый конверт и приступил к осуществлению своего плана.

Все прошло как по часам. В пятницу без десяти двенадцать он закончил работу и вышел, прихватив с собой ящик с инструментами. Точно через десять минут, никем не замеченный, он вошел через заднюю дверь коридора. На руках у него были прозрачные и почти невидимые перчатки. В двенадцать десять он

снял панель и прислонил конец длинной отвертки к задней стенке намеченной ячейки, прижав рукоятку к голове за ухом. Он не услышал звука открывающихся дверей и понял, что банковские служащие закончили работу и ушли.

Игольчато-тонкое пламя паяльной лампы разрезало стальную панель, словно мягкий сыр, сделав в металле аккуратный круг, который он легко вынул. Загасив тлеющее пятнышко на конверте с деньгами, он положил его в другой конверт, взятый из ящика с инструментами. Этот конверт с уже приклеенной маркой он адресовал самому себе. Выйдя из здания, он через минуту бросит конверт в почтовый ящик и станет богатым человеком.

Тщательно все проверив, он сложил инструменты и конверт обратно в ящик и зашагал прочь. Точно в 12.35 он вышел через дверь заднего коридора и закрыл ее за собой. Коридор все еще был пуст, поэтому он потратил несколько секунд, чтобы взломать замок вынутым из кармана ломиком. Многие имели ключи к этой двери, но ему пойдет лишь на пользу, если число подозреваемых увеличится.

Выйдя на улицу, Карл даже принялся насвистывать.

И тут его схватил за руку полицейский.

— Вы арестованы за кражу, — сказал ему офицер спокойным голосом.

Он потрясенно застыл на месте и едва не пожелал, чтобы его сердце тоже остановилось. Он не собирался быть пойманным и даже не задумывался о последствиях. Когда полицейский вел его к машине, Карл спотыкался от страха и стыда. Собравшаяся толпа пялилась на него с восхищенным изумлением.

Лишь на суде, когда были представлены доказательства, он запоздало узнал, в чем заключалась его ошибка. Коридор с многочисленными проводами был оборудован инфракрасными термопарами. Жар его паяльной лампы активировал датчик тревоги, и дежурный в пожарной охране тут же осмотрел коридор через одну из установленных в нем телекамер. Он ожидал увидеть короткое замыкание и очень удивился, разглядев вынимающего деньги Карла. Удивление, однако, не помешало ему уведомить полицию. Карл негромко проклял судьбу.

Его позорные воспоминания прервал скрежещущий голос из динамика:

— Семнадцать тридцать. Вам пора отправляться на работу.

Карл неохотно напялил ботинки, проверил адрес и отправился на новую работу. Он добирался до нее пешком чуть ли не полчаса и ничуть не удивился, когда по указанному адресу оказался Департамент санитарии.

— Работенка нехитрая, сообразишь быстро, — сказал ему пожилой и потрепанный жизнью нарядчик. — Прочитай пока этот список, ознакомься, что к чему. Твой грузовик сейчас подъедет.

Список оказался целой толстой книгой из разных списков, перечисляющих всевозможные отходы. У Карла создалось впечатление, что в книге упоминалось буквально все, что только можно было выбросить. Каждой позиции списка соответствовал кодовый номер, от одного до тринадцати. Ради них, в сущности, и был составлен этот том. Пока Карл ломал голову над значением номеров, сзади неожиданно взревел мощный мотор. По эстакаде поднялся огромный грузовик с роботом-водителем и остановился рядом с ним.

— Мусоровоз, — бросил нарядчик. — Теперь ты им командуешь.

Карл всегда знал, что мусоровозы существуют, но, разумеется, ни разу их не видел. Тот оказался объемистым блестящим цилиндром длиной метров двадцать со встроенным в кабину роботом-водителем. По бокам на подножках стояли тридцать других роботов. Нарядчик подвел его к задней части грузовика и указал на зияющую пасть приемника.

— Роботы подбирают мусор и хлам и грузят его сюда, — пояснил он. — Потом нажимают одну из тринадцати кнопок в зависимости от того, в какой из тринадцати отсеков приемника уложен мусор. Эти роботы — просто грузчики и не шибко сообразительные, но у них хватает ума распознать почти все, что они поднимают. Но не всегда. Тут в дело и вступишь ты. Вот твое рабочее место.

Грязный палец показал на кабинку с прозрачными стенами, выступающую над задней частью грузовика. В кабинке имелось сиденье и панель с тринадцатью кнопками.

— Ты сидишь себе в кабине, уютно, словно жук в норке, и готов в любой момент исполнить свою обязанность. А в чем твоя обязанность? Иногда роботы находят нечто такое, что не могут опознать, тогда они кладут это нечто на подставочку возле твоей кабины. Ты внимательно рассматриваешь предмет, проверяешь по списку его категорию, если не уверен, нажимаешь нужную кнопку, и все — дело сделано. Поначалу работа кажется трудной, но ты быстро освоишься.

— Да, очень сложная работа, — подтвердил Карл, поднимаясь в кабинку и ощущая непонятную тоску, — но я постараюсь делать ее хорошо.

Вес его тела замкнул встроенный в сиденье контакт, и грузовик с рычанием двинулся вперед. Сидя сзади под прозрачным

куполом, Карл хмуро смотрел на медленно выползающую назад из-под колес ленту дороги. Грузовик выехал в ночной город.

Скучно оказалось до омерзения. Мусоровоз плелся по запрограммированному маршруту через коммерческие и транспортные магистрали города. В этот ночной час на улицах попадались лишь редкие грузовики, да и теми управляли роботы. Карл не увидел ни единого человека. Он чуть ли не физически ощутил себя букашкой — человечком-блохой, которого гонят с места на место шестеренки сложного городского механизма. Каждые несколько минут мусоровоз останавливался, роботы с лязгом разбредались по сторонам и возвращались с мусором. Загрузив отсеки приемника, они снова занимали места на подножках, а грузовик отправлялся дальше.

Прошел час, прежде чем настал его черед принимать решение. Робот замер, не донеся груз до приемника, потом уронил на выступ перед Карлом дохлую кошку. Карл уставился на нее с ужасом, а широко раскрытые незрячие глаза кошки уставились на него. Это был первый увиденный им за всю жизнь труп. На кошку упало что-то тяжелое и расплющило заднюю часть ее тела до почти бумажной толщины. Карл с усилием отвел глаза и распахнул книгу.

Так, «каблуки»... «кирпичи»... «кошки (мертвые)»... Очень, очень мертвые. Напротив значился номер отсека — девятый. За каждую жизнь по отсеку. После девятой жизни — девятый отсек. Эта мысль не показалась Карлу очень смешной. Он злобно ткнул пальцем в кнопку номер девять, кошка провалилась в приемник, махнув напоследок лапой. Карл с трудом сдержал неожиданно возникшее желание помахать ей вслед.

После эпизода с кошкой скука, словно в отместку, невыносимо затянулась. Медленно проползал час за часом, а выступ перед Карлом оставался пустым. Грузовик проезжал заданное расстояние и останавливался, проезжал и останавливался. Карл устал, движение стало его убаюкивать. Он наклонился, мягко опустил голову на перечень разновидностей мусора и закрыл глаза.

— Спать на работе запрещается. Это первое предупреждение.

Карл вздрогнул, услышав до ненависти знакомый голос, рявкнувший из динамика возле уха. Он не заметил возле двери телекамеру и динамик. Даже здесь, когда он ехал на мусоровозе по бесконечному лабиринту улиц, машина за ним наблюдала. Горькая злость не давала ему заснуть до конца смены.

После этого потянулись серые монотонные дни, большой календарь на стене его комнаты отсчитывал их один за другим. Но не так быстро, как ему хотелось бы. Сейчас он показывал 19 лет, 322 дня, 8 часов и 16 минут. Да, очень медленно. Жизнь потеряла для него интерес. Осужденный мало чем мог занять свободное

время, потому что все формы развлечений были для него запрещены. Он мог лишь зайти через заднюю дверь в одну конкретную секцию библиотеки, но после первого же раза, порывшись в душеспасительных книжонках и моральных наставлениях, никогда в нее не возвращался.

Каждый вечер он отправлялся на работу. Вернувшись, спал столько, сколько ему хотелось. Потом лежал на койке, курил сигареты из своей скудной ежедневной порции и прислушивался к тиканью календаря, отсчитывающего оставшийся ему срок.

Карл пытался убедить себя, что сможет вынести двадцать лет такого существования, но постоянно нарастающая внутри напряженность утверждала обратное.

Но так было до аварии. Авария изменила все.

То была ночь, неотличимая от предыдущих. Мусоровоз остановился в промышленном пригороде, роботы разбежались собирать мусор. Неподалеку стоял грузовик-дальнобойщик, принимавший в цистерну какую-то жидкость через гибкий шланг. Карл скользнул по нему скучающим взглядом, и то лишь потому, что за рулем сидел водитель-человек. Это означало, что груз представляет определенную опасность, а по закону роботам запрещалось перевозить некоторые грузы. Карл равнодушно отметил, что водитель открыл дверцу и начал вылезать из кабины, но на полпути о чем-то вспомнил и полез обратно.

И тут человек на мгновение коснулся кнопки стартера. Грузовик стоял с включенной передачей и, когда мотор завелся, рывком проехал пару футов. Человек тут же отодвинулся от стартера, но было уже поздно. Этих нескольких футов хватило, чтобы шланг натянулся, смял подпорку и вырвался из соединительной муфты. Конец шланга задергался, обливая зеленоватой жидкостью грузовик и кабину. Насос автоматически отключился.

Все происшествие заняло лишь секунду-другую. Шофер обернулся и с ужасом уставился на капот, залитый слегка дымящейся жидкостью. С гулким ревом жидкость вспыхнула, всю переднюю часть грузовика охватило пламя, скрыв за собой водителя.

До приговора Карл всегда работал с роботами-помощниками и потому знал, что и как следует сказать, добиваясь их мгновенного подчинения. Выскочив из своей кабинки, он схватил одного из роботов-мусорщиков за металлическое плечо и выкрикнул приказ. Робот бросил бачок с мусором, подбежал к грузовику и нырнул в пламя.

Гораздо важнее водителя был открытый люк на вершине цистерны. Если пламя до него доберется, грузовик взорвется и всю улицу зальет пылающей жидкостью.

Охваченный пламенем, робот взобрался по лесенке на цистерну. Его пылающая рука протянулась вперед и захлопнула самозапирающуюся крышку. Робот начал спускаться сквозь пламя, но неожиданно остановился — яростный жар вывел из строя его схемы. Несколько секунд он еще подергивался, словно мучимый болью человек, потом рухнул.

Карл уже бежал к грузовику, направляя к нему еще двоих своих роботов. Кабину окутывало пламя, просачивающееся сквозь приоткрытую дверцу. Изнутри слышались пронзительные крики водителя. Выполняя приказы Карла, один из роботов распахнул дверцу, а второй проник в кабину. Согнувшись пополам и защищая человека собственным телом, робот вытащил водителя наружу. Пламя превратило его ноги в бесформенные столбики, одежда полыхала. Едва робот отнес водителя в сторону, Карл принялся руками сбивать с него пламя.

Когда вспыхнул пожар, сработала система аварийного оповещения. Вскоре — Карл едва успел погасить одежду потерявшего сознание водителя — прибыли пожарники и спасатели. Фонтан пены мгновенно сбил пламя с грузовика. Взвизгнув тормозами, рядом остановилась машина «Скорой помощи», из нее выскочили с носилками два робота-санитара, а следом и врач-человек. Бросив взгляд на обгоревшего водителя, тот свистнул:

— Бедняга совсем поджарился!

Врач схватил с носилок баллончик и покрыл ноги водителя желеобразной противоожоговой мазью. Пока он этим занимался, робот откинул крышку чемоданчика с медицинскими принадлежностями и протянул его врачу. Тот набрал комбинацию препаратов на универсальном шприце и сделал инъекцию. Все было проделано быстро и эффективно.

Едва санитары отнесли обгоревшего водителя в машину, та рванула с места. Врач пробормотал в рацию инструкции для госпиталя и лишь после этого обратил внимание на Карла.

— Дай-ка взглянуть на твои руки, — сказал он.

События произошли с такой быстротой, что Карл даже не заметил собственных ожогов. Он лишь сейчас посмотрел на спаленную кожу рук и ощутил острую боль. От его лица отхлынула кровь, он пошатнулся.

— Не волнуйся, — успокоил врач, помогая ему сесть на землю. — Не такие уж у тебя страшные ожоги, как кажется. Через пару дней нарастим на них новую кожу.

Разговаривая, он деловито орудовал в чемоданчике. Карл неожиданно ощутил укол в руку. Боль постепенно утихла.

После укола все вокруг стало казаться словно в тумане. Карл смутно припоминал поездку в госпиталь на полицейской машине, потом восхитительное прикосновение к прохладным просты-

ням. Наверное, ему сделали еще один укол, потому что проснулся он уже утром.

Неделя в госпитале оказалась для Карла чем-то вроде отпуска. Персонал то ли не знал о его статусе приговоренного, то ли для них он не имел значения. С ним обращались точно так же, как с любым другим пациентом. Пока на руках приживалась пересаженная кожа, он расслабился, наслаждаясь роскошью мягкой постели и разнообразного питания. Лекарства, которые ему вводили, чтобы снять боль, одновременно снимали и тревогу, возникающую при мысли о возвращении во внешний мир. Он был рад узнать, что обгоревший водитель выжил и теперь выздоравливает.

Утром восьмого дня дерматолог пощупал его новую кожу и улыбнулся.

— Отлично прижилась, Тритт, — сказал он. — Похоже, сегодня можно тебя выписывать. Пойду заполню бумаги и распоряжусь, чтобы тебе принесли одежду.

При мысли о том, что ждет его за стенами госпиталя, Карл снова напрягся. Сейчас, когда он ненадолго отвлекся, возвращение казалось вдвое тяжелей, но не в его силах было что-либо изменить. Карл начал нехотя переодеваться, изо всех сил растягивая последние минуты свободы.

Когда он вышел из палаты и зашагал по коридору, ему махнула рукой медсестра.

— С вами хочет увидеться мистер Скарви. Пройдите сюда.

Скарви. Так звали водителя грузовика. Карл вошел следом за сестрой в палату, где на койке сидел злосчастный водитель. Его крупное тело выглядело каким-то странным. Приглядевшись, Карл понял, что прикрытая одеялом часть слишком коротка — у человека не было ног.

— Чикнули обе ноги по самые бедра, — пояснил Скарви, заметив взгляд Карла, и улыбнулся. — Да ты не волнуйся, мне привили регенерационные почки и сказали, что года не пройдет, как у меня вырастут новые ноги, не хуже прежних. А я не против — пусть лучше так, чем остаться в грузовике да сгореть.

Скарви поерзал, лицо его стало серьезным.

— Мне показали фильм — пожарники сняли его на месте пожара. Я все видел. Меня чуть не вывернуло, когда я увидел, каким ты меня вытащил. — Скарви протянул сильную ладонь и от души стиснул руку Карла. — Я это... словом, спасибо тебе за то, что ты сделал. Ты ведь тоже рисковал.

Карл смог лишь глуповато улыбнуться в ответ.

— Захотел пожать тебе руку, — сказал Скарви. — Мне все едино, осужденный ты или нет.

Карл выдернул ладонь и вышел, решив промолчать, чтобы

не сорваться. Прошедшая неделя воистину оказалась сном. И сном дурацким. Он как был, так и остался осужденным и пробудет им еще многие годы. Изгоем общества, которое не даст ему об этом забыть.

Когда он пинком ноги распахнул дверь своей каморки, из динамика тут же послышался знакомый до тоскливости голос:

— Карл Тритт! Ты пропустил семь назначенных тебе рабочих дней. Кроме того, один день был отработан лишь частично. Обычно пропущенное время не вычитается из срока приговора, однако существует прецедент, позволяющий снижать срок, поэтому эти дни будут зачтены.

После этих слов на календаре быстро замелькали цифры.

— Спасибо хоть за это, — буркнул Карл, плюхаясь на койку.

Монотонный голос, проигнорировав его замечание, послышался вновь:

— Кроме того, тебе назначено поощрение. Согласно Кодексу исполнения приговоров, твой акт личного героизма, во время которого ты рисковал собственной жизнью ради спасения жизни другого человека, признается просоциальным и соответственно истолковывается. Поощрение равняется уменьшению срока на три года.

Карл вскочил, изумленно уставившись на динамик. Это что, шутка? Но на его глазах в календаре завертелись шестеренки, а цифры, отсчитывающие годы, начали медленно меняться. Восемнадцать... семнадцать... шестнадцать.

Вот это да! Три года долой. Карл никак не мог в это поверить, но доказательство было у него прямо перед глазами.

— Контроль приговора! — крикнул он. — Выслушайте меня! Что произошло? Каким образом поощрения сокращают срок? Почему я не знал о такой возможности раньше?

— Общественность не информируют о возможностях сокращения срока, — ответил механический голос. — Это может побудить людей нарушать закон, поскольку страх перед наказанием считается фактором, предотвращающим преступления. Как правило, осужденному не говорят о такой возможности, пока он не отбудет первый год наказания. Но ваш случай — исключение, поскольку вы были поощрены до окончания первого года.

— Как я могу узнать больше о сокращении срока? — нетерпеливо спросил Карл.

Динамик на секунду смолк, потом голос продребезжал снова:

— Вашего Советника зовут Присби. Он даст вам все необходимые советы и пояснения. Вы записаны к нему на прием завтра на тринадцать часов. Вот его адрес.

Машина щелкнула и выплюнула карточку. На этот раз Карл

ждал наготове и подхватил ее прежде, чем она упала на пол. Он держал карточку осторожно, почти с любовью. Его срок уже уменьшился на три года, а завтра он узнает, что можно сделать, чтобы уменьшить его еще больше.

Разумеется, он пришел рано, почти на час раньше назначенного времени. Робот-секретарь промурыжил его в приемной до последней минуты. Когда Карл наконец услышал щелчок открываемой двери, он едва не бросился к ней бегом. Заставив себя шагать медленно, он вошел в кабинет.

Советник по приговорам Присби оказался похож на консервированную рыбину, смотрящую на мир сквозь донышко бутылки. Он был уродливо толст, с мертвенно-белой кожей на опухшем лице и бульдожьими щеками. Сквозь очки с толстенными стеклами на Карла уставились увеличенные линзами немигающие зрачки. В мире, где контактные линзы давно стали нормой, его зрение было настолько скверным, что не поддавалось корректировке крошечными линзами. Вместо них он носил анахроничные очки, балансирующие на кончике распухшего носа.

Когда Карл вошел, Присби не улыбнулся и не произнес ни слова. Приклеившись к нему взглядом, он наблюдал, как его подопечный подходит к столу. Глаза Присби напоминали Карлу видеосканеры, которые он ненавидел с детства, и он тряхнул головой, избавляясь от этого сравнения.

— Меня зовут... — начал он.

— Я знаю твое имя, Тритт, — прохрипел Присби. Для его мягких губ голос казался чересчур грубым. — А теперь сядь на стул — на этот.

Он ткнул ручкой в жесткий металлический стул перед своим столом.

Карл уселся и тут же заморгал — его лицо залил свет нескольких ярких ламп. Он попытался отодвинуть стул назад, но вскоре понял, что тот привинчен к полу. Тогда он уселся спокойно и принялся ждать, когда Присби заговорит.

Наконец Присби опустил стекляшки глаз и взял со стола папку с бумагами. Он пролистывал ее целую минуту, прежде чем произнес первое слово.

— Очень странное у тебя личное дело, Тритт, — проскрипел он наконец. — Мне оно совершенно не нравится. Даже не знаю, почему Контроль позволил тебе прийти ко мне. Но раз уж ты здесь — объясни.

Карл заставил себя выдавить улыбку.

— Видите ли, меня поощрили уменьшением срока на три года. Тогда я впервые узнал о такой возможности. Контроль послал меня к вам и сказал, что вы предоставите мне более подробную информацию.

— Зря потратил время, — бросил Присби, швыряя папку на стол. — Ты не имеешь права на уменьшение срока, пока не закончится твой первый год. Тебе ждать еще почти десять месяцев. Тогда приходи, и я тебе все объясню. Можешь уходить.

Карл не шелохнулся. Он стиснул лежащие на коленях кулаки, чтобы не сорваться. Щурясь от яркого света, он разглядывал равнодушное рыло Присби.

— Но вы же видите, что мне уже сократили срок. Возможно, именно поэтому Контроль и велел мне прийти...

— Ты что, собираешься учить меня законам? — холодно прорычал Присби. — Это я здесь сижу, чтобы учить тебя уму-разуму. Ладно, объясню, хотя смысла в этом нет никакого. Когда ты отбудешь первый год приговора — *реальный* год и полностью *отработанный*, — тогда и получишь право на уменьшение срока. Через год ты получишь право просить перевода на работы, где предусмотрена скидка во времени. Это опасные работы. К примеру, на ремонте орбитальных спутников день засчитывается за два. Есть даже некоторые работы в атомной промышленности, где день идет за три, но они очень редки. При такой системе осужденный помогает сам себе, учится социальной ответственности и одновременно приносит пользу обществу. Разумеется, сейчас к тебе это не относится.

— Но почему? — Карл вскочил и замолотил кулаками по столу. — Почему я должен мучиться целый год на этой идиотской, никому не нужной работе? Она совершенно бессмысленна и бесполезна. Это пытка. Ту работу, которую я проделываю за ночь, может за три секунды сделать робот после возвращения грузовика. И вы называете это обучением социальной ответственности? Унизительная, тупая работа, которая...

— Сядь, Тритт! — Присби сорвался на писклявый визг. — Ты что, не понял, где находишься? Или кто я такой? Это я указываю, что тебе следует делать. Ты не имеешь права говорить мне ничего, кроме «да, сэр» и «нет, сэр». И я говорю, что ты должен сперва отработать первый год, а потом являться сюда. Это приказ.

— А я говорю, что вы не правы! — заорал Карл. — Я найду на вас управу — обращусь к вашему начальству. Вы не имеете права вот так запросто распоряжаться моей жизнью!

Присби тоже вскочил, его лицо исказила гримаса — карикатурное подобие улыбки.

— Ты никуда не сможешь пойти, — взревел он, — и жаловаться тебе некому, потому что последнее слово всегда за мной! Ты меня понял? *Я указываю, что тебе делать.* Я говорю, что ты

будешь работать, — и ты станешь работать. Или ты сомневаешься? Не веришь в то, что я могу с тобой сделать? — На его бледных губах выступила пена. — Я заявлю, что ты орал на меня, выкрикивал оскорбления, угрожал, — и запись это подтвердит.

Присби пошарил на столе, отыскал микрофон, поднес трясущейся рукой ко рту и нажал кнопку:

— Говорит Советник Присби. За действия, не дозволенные осужденному при обращении к Советнику, рекомендую увеличить срок Карла Тритта на одну неделю.

Ответ последовал мгновенно.

— Рекомендация одобрена, — послышался из динамика знакомый вокодерный голос Контроля приговора. — Карл Тритт, к вашему сроку добавлено семь дней, и теперь он составляет шестнадцать лет...

Динамик продолжал бормотать, но Карл уже не слушал, уставясь невидящими глазами в красный туннель ярости. Во всем мире для него сейчас существовало только мучнисто-белое лицо Советника Присби.

— Тебе... не следовало этого делать, — прохрипел наконец Карл. — Ты сидишь здесь, чтобы мне помогать, а ты сделал мою жизнь еще хуже. — Неожиданно Карл все понял. — Но ты и не хотел мне помогать, верно? Ты наслаждаешься, сидя здесь и изображая божка перед осужденными, уродуешь их жизнь по своей прихоти...

Его голос заглушили вопли Присби, снова схватившего микрофон... *умышленные оскорбления... рекомендую увеличить срок Карла Тритта на месяц...* Карл слышал слова Присби, но ему было уже все равно. Он изо всех сил старался играть по их правилам, но сил на это уже не осталось. Он ненавидел систему, создавших ее людей, внедренные в нее бездушные машины. Но самую сильную ненависть он испытывал к человеку перед собой, воплощению всей этой прогнившей системы. Все кончилось тем, что, несмотря на все его усилия, он оказался в лапах этого жирного садиста. Пора положить этому конец.

— Сними очки, — негромко произнес Карл.

— Что ты сказал... что... — пробормотал Присби. Он только что кончил кричать в микрофон и теперь тяжело дышал.

— Не важно, — ответил Карл, медленно подходя к столу. — Я сделаю это сам. — Он стянул с носа Присби очки и аккуратно положил их на стол. Только после этого Советник понял, что задумал Карл.

— Нет! — только и смог выдохнуть Присби.

Кулак Карла врезался в ненавистные губы, разбивая их и вышибая зубы. Присби ударился о спинку кресла и рухнул вместе с ним на пол. Нежная молодая кожа на руках Карла лопнула,

пальцы залила кровь, но он этого даже не заметил. Карл встал над скорчившейся на полу, всхлипывающей фигурой и засмеялся, потом нетвердой походкой вышел из кабинета, сотрясаясь от хохота.

Робот-секретарь с холодным неодобрением повернул к нему лицо из стекла и металла и что-то произнес. Продолжая смеяться, Карл вывернул из пола тяжелую подставку вместе с лампой и ударил робота по поблескивающему лицу. Сжимая лампу, он вышел в холл.

Часть его сознания громко протестовала, охваченная ужасом от содеянного, но только часть. Этот слабый голосок начисто смыла горячая волна наслаждения, прокатившаяся по всему телу. На этот раз он нарушил законы — все законы сразу. Вырвался из клетки, в которой был заперт всю жизнь.

Спускаясь в автоматическом лифте, он подавил смех и вытер с лица капли пота. Откуда-то послышался тонкий голосок:

— Карл Тритт, вы нарушили правила отбывания приговора, поэтому ваш срок увеличивается на...

— Ты где? — взревел Карл. — Хватит прятаться и пищать в ухо. Выходи!

Он внимательно осмотрел стенки кабины и наконец заметил линзу телекамеры.

— Ты меня видишь, правда? — заорал он, обращаясь к камере. — Так знай, я тебя тоже вижу!

Тяжелая подставка врезалась в стекло. Второй удар пробил тонкий металл и обнажил динамик. Когда Карл его вырывал, он что-то пискнул.

Люди на улице шарахались от Карла, но он их не замечал. Они просто жертвы, такие же, как он. Ему хотелось сокрушить главного врага. Каждый замеченный видеоглаз получал удар уже погнутой подставки. Он протыкал или вырывал каждый обнаруженный динамик. Его путь отмечали избитые и онемевшие роботы.

Поимка бунтовщика была неотвратимой, но Карл не думал о последствиях, да они его и не волновали. Ради этого момента он прожил всю прежнюю жизнь. Ему захотелось запеть боевую песнь, но он не знал ни единой, однако вскоре припомнил слегка фривольную песенку, которую распевал еще в школе. Выкрикивая ее слова во всю мочь, Карл помчался по сверкающему порядку города, оставляя за собой след хаоса и разрушений.

Динамики непрерывно обращались к Карлу, но он тут же отыскивал их и выводил из строя. После каждого такого поступка его срок заключения увеличивался.

— ...и теперь составляет двести двадцать лет, девятнадцать

дней и... — Голос неожиданно оборвался — какой-то контрольный механизм наконец осознал бессмысленность цифры.

Карл поднимался по эскалатору на грузовой уровень города. Присев на корточки, он стал ждать, когда голос зазвучит снова, чтобы обнаружить и уничтожить динамик.

— Карл Тритт, — услышал он и завертел головой в поисках динамика, — ваш срок превысил ожидаемую продолжительность вашей жизни и признан бессмысленным...

— Да он всегда был бессмысленным! — крикнул Карл в ответ. — Теперь я это знаю. Ну, так где же ты? Сейчас я тебя прикончу!

— ...и потому вас будут судить повторно, — монотонно бубнила машина. — За вами уже посланы офицеры полиции. Вам приказано сдаться добровольно, в противном случае...

ХРРГЛК... Лампа врезалась в динамик.

— Посылайте! — Карл плюнул в мешанину проводов и покореженного металла. — Я и о них позабочусь.

Конец был предопределен. Выслеживаемый вездесущими глазами Центра, Карл не мог убегать бесконечно. Полицейские загнали его в угол на нижнем уровне, но он все же ухитрился оглушить двоих, пока ему не вкатили парализующий укол.

Тот же зал суда, тот же судья, но на этот раз за Карлом наблюдают два стоящих рядом дюжих охранника. За ним вроде бы и нет нужды присматривать, потому что он подался вперед и обессиленно прислонился к барьеру. Его ушибы и царапины прикрывают белые повязки.

Слышится легкое гудение — это оживает робот-судья.

— Оглашаю приговор, — произносит судья, ударяет молотком и ставит его на место. — Карл Тритт, суд признал вас виновным в...

— Что, опять? Неужели эта ерунда вам еще не надоела?

— Молчать, пока зачитывается приговор, — громко говорит судья и снова стучит молотком. — Вы признаны виновным в столь многочисленных преступлениях, что никакой срок наказания не будет достаточным для их искупления. Поэтому вы приговариваетесь к Смерти Личности. Психохирургия удалит из вашего тела все следы вашей личности, и она тем самым будет признана мертвой.

— Только не это! — взвыл Карл, умоляюще протягивая руки к судье. — Что угодно, только не это!

Охранники даже не успели отреагировать, когда вопль Карла сменился громким хохотом. Схватив молоток судьи, он атаковал растерявшихся охранников. Один из них, получив удар молотком за ухом, тут же рухнул, второй начал вытягивать из кобуры пистолет, но через мгновение свалился на тело напарника.

— А теперь судья! — счастливо крикнул Карл. — Молоточек-то теперь у *меня*. Смотри, как я умею с ним обращаться!

Он подбежал к судье и превратил его изящную металлическую голову в покореженный лом. Судья — всего лишь внешний придаток компьютеров Центра — не сделал никакой попытки защититься.

В холле послышался топот бегущих ног, кто-то начал дергать запертую дверь. Никакого плана у Карла не было, он лишь хотел остаться на свободе и нанести системе как можно больший ущерб, пока в его груди пылает бунтовское пламя. В зал суда вела единственная дверь. Карл быстро осмотрелся, и его наметанный глаз техника заметил в стене позади судьи дверцу-лючок. Он быстро отодвинул защелку и пинком распахнул дверцу.

За ним наблюдала видеокамера в углу под потолком зала суда, но тут он ничего поделать не мог. Машина все равно увидит его, куда бы он ни пошел. Ему остается лишь стараться как можно дольше опережать погоню. Он протиснулся в дверцу, и в ту же секунду в зал суда ворвались два робота.

— Карл Тритт, немедленно сдавайся. Новые изменения были... были... Карл... Карл... Ка...

Карл с недоумением прислушивался к их голосам, доносящимся из-за тонкой металлической двери. Что произошло? Он рискнул выглянуть. Оба робота стояли на месте, совершая бессмысленные движения. Их динамики потрескивали, но молчали. Через несколько секунд их беспорядочное шевеление прекратилось. Роботы одновременно развернулись, подхватили все еще бессознательных охранников и вышли. Захлопнулась дверь. Карл был заинтригован. Он подождал еще несколько минут. Дверь снова открылась, на этот раз появился робот-ремонтник. Он приблизился к обломкам судьи и начал их демонтировать.

Тихо прикрыв дверцу, Карл прислонился к ее холодному металлу и попытался понять, что же случилось. Теперь, когда непосредственная угроза преследования отпала, у него нашлось время поразмыслить.

Почему его не стали преследовать? Почему Центр повел себя так, словно не знает, где Карл находится? У этой вездесущей машины есть видеокамеры на каждом квадратном дюйме города, в этом он убедился на собственном горьком опыте. К тому же она соединена с такими же машинами в других городах. Нет такого места, где он мог бы укрыться от всевидящего ока. Кроме одного.

Мысль осенила его настолько неожиданно, что Карл даже ахнул. Потом осмотрелся. Впереди тянулся коридор, стены которого усеивали всевозможные реле и приборы управления, тускло

освещенные световыми панелями. Похоже на... да, вполне возможно. Другого и быть не может.

Существовало единственное место в мире, куда Центр не мог заглянуть, — внутрь своего центрального механизма. Туда, где находились блоки памяти и схемы управления. Машина, способная принимать самостоятельные решения, не может сама ремонтировать свои логические схемы, иначе может возникнуть разрушительная негативная обратная связь. Неисправная схема может лишь испортить себя еще больше, но никак не починить.

Он оказался внутри мыслительных схем Центра. И для всезнающей и вездесущей машины попросту перестал существовать. Там, где машина могла его увидеть, его нет. Машина же могла увидеть любую точку города. Следовательно, он больше не существует. Наверняка и все сведения о нем уже стерты из памяти.

Поначалу медленно, потом все быстрее и быстрее Карл зашагал по коридору.

— Свободен! — закричал он. — По-настоящему свободен — впервые за всю жизнь. Свободен делать все, что пожелаю, наблюдать за всем миром и смеяться над ним!

Его переполняли уверенность и счастье. На ходу он распахивал дверь за дверью, обозревая свое новое царство, и громко говорил сам с собой, не в силах сдержать восторг:

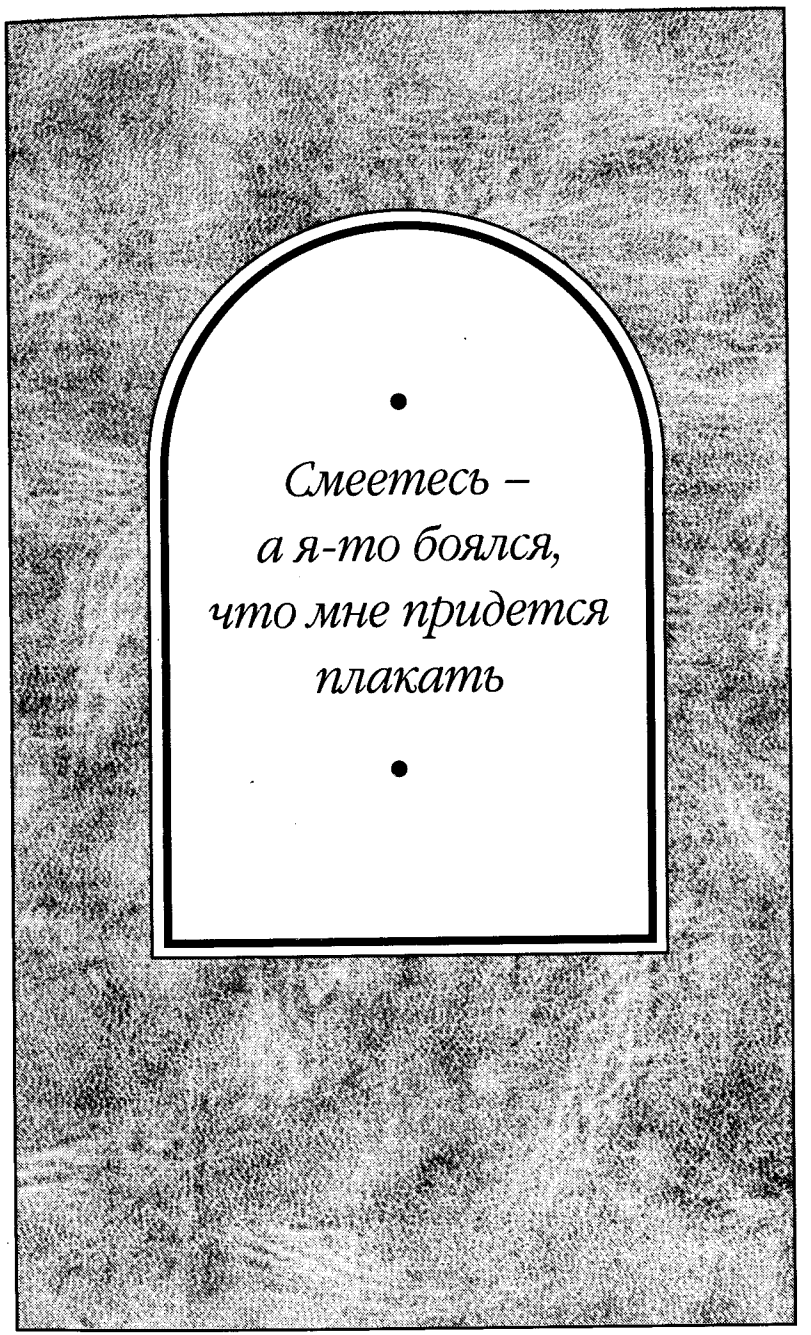
— Ремонтные роботы станут приносить мне еду, мебель, одежду — все, что пожелаю. Я смогу жить так, как захочу, и делать что угодно.

От этой мысли он пришел в еще большее возбуждение. Распахнув очередную дверь, Карл застыл.

Комната была со вкусом обставлена — он сам собирался такую завести. Книги, картины на стенах, негромкая музыка из скрытых где-то колонок. Карл разглядывал ее, раскрыв от удивления рот. Пока не услышал за спиной голос:

— Конечно, здесь было бы неплохо пожить. Стать хозяином города, получать что угодно, лишь шевельнув пальцем. Но почему ты решил, дурак несчастный, что ты первый до этого додумался? И первый сюда пришел. А здесь место только для одного — сам знаешь, для кого.

Карл стал медленно, очень медленно оборачиваться, оценивая расстояние до стоящего в дверях человека с пистолетом в руке и прикидывая шансы оглушить его молотком, все еще зажатым в руке... пока не прогремел выстрел.

С какой стороны собака более пушистая?

С наружной, конечно.

Если вы улыбнетесь этой шутке, то вам должны понравиться те рассказы, которые я поместил ниже. Писать юмористическую научную фантастику очень непростое дело, а продавать законченные произведения еще труднее. Это как раз та ситуация, которой посвящен роман «Уловка 22». Если вы не пользуетесь известностью как автор смешных рассказов, вам ни за что не удастся продать свою работу. Это мне хорошо известно. Первые книги о Крысе из нержавеющей стали представляют собой чисто приключенческие повести, в которых время от времени попадаются случайные шутки. Но годы шли, и соотношение элементов в книгах понемногу менялось, а со стороны читателей не поступало никаких жалоб.

Но как же пошли мои дела, когда я написал первый комический НФ роман? Отвечаю — не слишком хорошо. Я показал набросок задуманного романа «Билл — Герой Галактики» Дэймону Найту, полагая, что он был единственным редактором, обладающим достаточно авангардистскими вкусами, чтобы оценить издевку над милитаристским безумием. Оценить-то он оценил, а вот покупать не стал. Когда книга была закончена, он вернул ее мне, заявив, что у меня получился военный роман и что я должен убрать из него все шутки, если хочу увидеть книгу опубликованной. Я не стал убирать шутки, а взялся за поиски издателя. В конце концов Майк Муркок напечатал «Билла — Героя Галактики» в нескольких выпусках «Новых миров», и практически одновременно Фред Пол уделил ему несколько номеров «Галактики». После этого роман вышел в свет на двенадцати языках и никогда не оказывался вне поля зрения издателей. Со всеми своими шутками.

Квинтзеленция

— Осторожнее со шлюпкой, идиоты, — прошипел адмирал. — Второй у нас нет.

Он не сводил глаз с взмокших от пота матросов, спускающих шлюпку с палубы субмарины на воду. Луны не было, но небо над Средиземным морем сияло множеством ярких звезд.

— Это берег, адмирал? — спросил пассажир. Зубы его постукивали, скорее всего от страха, потому что ночь выдалась теплой.

— Капитан, — поправил его адмирал. — Я — капитан этой субмарины, и вы должны звать меня капитаном. Нет, это полоса тумана. Берег там. Вы готовы?

Джулио раскрыл рот, но, почувствовав, как дрожит челюсть, просто кивнул. В этом древнем берете, заношенных парусиновых брюках и старом пиджаке он чувствовал себя оборванцем. Особенно рядом с адмиралом, одетым в чистенькую, отутюженную форму: в темноте он не мог видеть ни штопку, ни даже заплаты. Джулио вновь кивнул, как только понял, что первого кивка адмирал не заметил.

— Хорошо. Инструкции вы знаете?

— Разумеется, инструкций я не знаю, — раздраженно бросил Джулио, стараясь не глотать окончания слов. — Я знаю только о том, что в кармане у меня лежит листок. Я должен прочитать, что на нем написано, после чего съесть листок. На рассвете.

— Это и есть инструкции, о которых я говорю, идиот. — Адмирал зарычал, как пробуждающийся вулкан.

— Вы не имеете права говорить со мной в таком тоне, — заверещал Джулио. Понял, что верещит, понизил голос. — Вы знаете, кто я та...

И замолчал на полуслове. Конечно же, адмирал не знал, а если бы он сказал, ЦРУ убило бы их обоих. Ему это твердо пообещали. Никто не мог знать, кто он.

— Я знаю, что вы — чертов пассажир, и от вас одни хлопоты, и чем быстрее вы покинете борт этого судна, тем будет лучше. У меня есть дела поважнее.

— Какие? — Джулио удалось придать голосу насмешливые

интонации. — Приколачивать парус к столу? С какой стати адмирал командует этой жалкой консервной банкой? Во флоте слишком много адмиралов, так?

— Нет, слишком мало кораблей. Это единственная субмарина, оставшаяся на плаву, — в уголке глаза адмирала заблестела скупая слеза, в последнее время он слишком часто прикладывался к бутылке. — Моя последняя миссия. Потом — отставка. И я еще должен почитать себя счастливчиком, — он шумно сглотнул слюну и мотнул головой, отгоняя мысли, которые мучили его день и ночь. — Вот ваши вещи. Удачи вам, уж не знаю, что вы должны сделать. Распишитесь вот здесь, это для отчета.

Джулио расписался в указанном месте, взялся за ручку потрепанного, но удивительно большого и тяжелого чемодана и с помощью матросов перебрался в подпрыгивающую на волне шлюпку. Тут же четверо матросов яростно заработали веслами. Офицер, согнувшийся в три погибели на носу, неотрывно смотрел на компас и тихим голосом отдавал команды. Фасоль и соленая рыба, которые Джулио с жадностью съел часом раньше, боролись друг с другом за право первой ринуться в обратный путь. Шлюпку немилосердно бросало из стороны в сторону, Джулио громко застонал и чуть не вывалился за борт, когда шлюпка внезапно ткнулась дном в песок. Грубые руки подхватили его, перенесли через борт, опустили в холодную воду, доходившую до колен, тут же взялись за весла и погнали шлюпку в море.

— Удачи, приятель, — прошептал офицер, растворяясь в темноте. Волна вымочила Джулио промежность. Он ахнул от неожиданности, повернулся и потащился на песчаный берег, прижимая к себе тяжелый чемодан, словно дорогого друга. Выбравшись из воды, поставил чемодан на песок, сел на него. Подавил рвущийся из груди стон. Никогда в жизни он не чувствовал себя таким одиноким и беспомощным. Он даже не знал, где находится. Впрочем, в неведении ему оставалось пребывать недолго. Волоча за собой чемодан, он потащился к смутно виднеющемуся впереди темному строению.

Тишину нарушало лишь шипение волн, наползавших на берег. Темное строение оказалось рядом пляжных кабинок, к тому же незапертых, как он выяснил, дернув за дверь крайней. Его это более чем устраивало. Затащив чемодан, он захлопнул за собой дверь и криво улыбнулся. К черту инструкции. Он хотел знать здесь и сейчас, где находится и что его ждет. Пусть маленький, но шажок к личной свободе. Для того он и скрал коробок спичек. Чтобы восстать против инструкций и логики. Он выудил из кармана спички, листок бумаги, чиркнул одной. Она ярко вспыхнула, он всмотрелся в листок. По закону подлости первая строчка оказалась нижней. Перевернул листок, вчитался... резко дернул

рукой: спичка обожгла пальцы. Он облизал обожженное место и чуть не повторил вслух слова, накрепко впечатавшиеся в память:

«ВЫ НА БЕРЕГУ МАРИНА ПИККОЛА НА ОСТРОВЕ КАПРИ. УЖЕ РАССВЕЛО, ТАК ЧТО ИДИТЕ ПО ДОРОГЕ В ГОРОД КАПРИ. НА ПЛОЩАДИ ПОДОЙДИТЕ К АПТЕКЕ ПО ПРАВУЮ РУКУ ОТ ВАС. МУЖЧИНА С СЕДОЙ БОРОДОЙ ОТВЕТИТ «BUCCA»[1], КОГДА ВЫ НАЗОВЕТЕ ЕМУ ПАРОЛЬ — «STUZZICADENTI»[2]. СЪЕШЬТЕ ЛИСТОК».

Он сжевал и листок, и слова. Капри, остров радости в Неаполитанском заливе, так о нем говорили. Он не бывал ни на острове, ни в Италии. Земля отцов. Задумался над тем, какая она, и впервые забыл о страхе. Что ж, скоро он все выяснит. И насчет того, что уже рассвело, автор записки ошибся. Джулио этому порадовался: пусть маленькая, но победа. Удар, нанесенный им по системе. А ждать до зари он не будет. Чем дальше он уйдет в глубину острова, тем меньше подозрений возникнет в том, что он высадился на берег. Логичность такого умозаключения вызывала вопросы, но он чувствовал свою правоту.

Наспотыкавшись о почти невидимые преграды, он нашел каменные ступени лестницы, которая вела к проходу в стене. По другую ее сторону проходила дорога, вдоль которой стояли редкие дома. Плотно закрытые ставни оберегали их обитателей от опасностей теплой ночи. Мимо домов Джулио проходил на цыпочках. Чемодан словно набили свинцом, и ему приходилось то и дело перекладывать его из руки в руку. После второго поворота дороги, когда все дома исчезли из виду, он поставил чемодан на землю и сел на него. Тяжело дыша, мокрый от пота. Оставалось только гадать, как далеко находится город.

Джулио все еще тащился вверх по дороге, когда на востоке небо начало светлеть. Потом оно окрасилось красным, как при пожаре, за горами на той стороне залива, и разом рассвело. Под открытым небом Джулио почувствовал себя крайне неуютно и прибавил шагу. Но вскоре ему пришлось остановиться и поставить чемодан на землю, чтобы перевести дух. В этот самый момент из-за поворота появился мужчина, который нес на голове большую охапку травы. Бросив на Джулио подозрительный взгляд, еще более подозрительный из-за того, что мужчина был косоглазым, проследовал мимо.

— Buon giorno[3], — поздоровался Джулио, выдавив из себя улыбку.

Мужчина что-то буркнул, и у Джулио вдруг скрутило живот.

[1] Bucca — корка *(ит.)*.

[2] Stuzzicadenti — зубочистка *(ит.)*.

[3] Buon giorno — Доброе утро *(ит.)*.

В Италии он? На Капри? Но потом, уже отойдя на несколько шагов, мужчина с неохотой ответил: «Buon giorno».

Эта первая встреча напугала его больше всего. Далее по пути попадались и другие крестьяне. Кто-то молча проходил мимо, другие желали ему доброго утра, и постепенно он начал чувствовать себя поувереннее. Господи, выглядел он как крестьянин, его родители были крестьянами, он мог говорить на итальянском. Затеплилась надежда, что все будет хорошо.

Шатаясь от усталости, он преодолел последний подъем, и узкая дорога вывела его на площадь. Несмотря на ранний час, большинство магазинов уже работали. На дальней стороне площади, по правую руку, сразу бросилась в глаза вывеска «Farmacia»[1]. Под вывеской он увидел толстые стальные прутья решетки: аптека еще не открылась.

По спине Джулио пробежал холодок. Он понял слишком поздно, почему ему приказали пробыть на берегу до рассвета и лишь потом прочесть записку. Он пришел рано и тем самым мог вызвать подозрения. Уж не полицейский ли смотрит на него, жуя зубочистку? Небось гадает, кто он такой? От страха зубы вновь начали выбивать дробь. Он нырнул в ближайшую улицу, темную и прохладную. Не заметил ступеней, едва не упал. Свернул за угол в более узкий переулок. Прислушался, не идет ли кто следом. Увидел перед собой дверь магазинчика, ступил в полную темноту.

— Si[2]? — прорычали у него над ухом. Смуглый мужчина с двухдневной щетиной на подбородке и щеках вопросительно смотрел на него.

— Аспирин, — промямлил Джулио. — Мне нужен аспирин.

— Pazzo[3]. — От мужчины разило перегаром. — Вон отсюда.

Джулио всмотрелся в темноту, увидел несколько картофелин, ящик с помидорами.

— Я думал, это аптека, — врал он неубедительно, сам бы себе не поверил. — В котором часу открывается аптека?

— Вон, — повторил владелец овощной лавки и вскинул над головой сжатую в кулак правую руку.

Джулио поспешно ретировался. Направился к площади. Полицейского на улице не встретил. Но страх остался. Выйдя на солнечный свет, увидел, как мужчина убирает решетку, которая закрывала витрину и дверь аптеки. С гулко бьющимся сердцем поволок чемодан через вымощенную булыжником площадь. Когда мужчина повернулся к нему, выдохнул: «Stuzzicadenti».

Только тут понял, что мужчина молод и чисто выбрит, а во

[1] Farmacia — аптека *(ит.)*.

[2] Si — Чего надо *(ит.)*.

[3] Pazzo — псих *(ит.)*.

взгляде читалась та же подозрительность, что и у зеленщика. Ответа на пароль мужчина, естественно, не знал и лишь указал на бакалейную лавку.

— Аспирин? — с надеждой спросил Джулио, попытавшись улыбнуться. Молодой мужчина оглядел его с головы до ног, словно оценивая кредитоспособность потенциального клиента. Вероятно, счел, что у Джулио должно хватить денег на пару таблеток аспирина. Открыл дверь и первым молча вошел в аптеку.

Седобородый толстяк, стоявший за мраморным прилавком, открывал какую-то коробку. Коротко взглянул на Джулио и продолжил распутывать веревку. Страх в сердце Джулио вытеснила радость. Он поспешил к толстяку, наклонился, прошептал ему на ухо: «Stuzzicadenti».

— Марко, кто-нибудь видел, как он вошел? — спросил толстяк, через голову Джулио обращаясь к молодому мужчине.

— Только полгорода, — ответил тот.

— Stuzzicadenti, — с надеждой повторил Джулио.

— Вот так всегда, они посылают черт знает кого.

— Stuzzicadenti... — не слово — стон.

— Зубочистки? — спросил Седая Борода, наконец-то удостоив Джулио взгляда. — О да, этот глупый пароль. Дерево? Нос? Зуб? Нет. Да! Ну, конечно! Bucca!

— Долго же вы его вспоминали, — пробормотал Джулио. Такого приема он никак не ожидал.

— Заткнись и следуй за мной. Держись на расстоянии, чтобы никто не подумал, что ты идешь за мной. Когда тебя начнут искать, я хочу, чтобы все знали, что ты ушел из моей аптеки.

Он надел пижонистый пиджак в узкую полоску, взял прислоненную к стене малаккскую трость, вышел из аптеки и неспешно двинулся через площадь. Джулио рванулся за ним, но его остановил молодой мужчина.

— Не так быстро. Смотри, куда он пошел.

Только после того как Седая Борода повернул с площади на узкую улицу, молодой мужчина отпустил Джулио, и тот припустил следом. Тяжело дыша, чемодан не становился легче, стараясь не показывать виду, что куда-то спешит. Держался в отдалении и после нескольких поворотов облегченно вздохнул, увидев, что Седая Борода вошел в какой-то дом. Замедлил шаг, около дома остановился, огляделся. Никого. Шагнул в темный холл и услышал, как за его спиной защелкнулся замок. Открылась другая дверь, и вслед за седобородым он прошел в залитую солнцем, просторную комнату, из открытых окон которой открывался прекрасный вид на Неаполитанский залив. Толстяк указал ему на стул у окна, сквозь бороду золотом блеснули в улыбке зубы. Взял с комода бутылку вина.

— Добро пожаловать в Италию, Джулио. Можешь звать меня Пепино. Как прошло путешествие? Выпей вина, оно местное, тебе понравится.

— Откуда вы знаете мое имя?

Улыбка на мгновение исчезла, тут же вернулась.

— Послушай, я же все устраиваю. У меня твой паспорт, другие бумаги с твоей фотографией. И билеты. Я все это сделал, и, доложу тебе, за большие деньги. — Он посмотрел на чемодан, улыбка стала шире. — Поэтому я рад, что у тебя есть чем расплатиться. Могу я взять чемодан?

Джулио крепче сжал ручку.

— Сначала я должен услышать от вас некое слово.

— Твое ЦРУ насмотрелось старых шпионских фильмов! Кто еще, кроме меня... — ярость Пепино мгновенно угасла, на лице заиграла улыбка. — Но, разумеется, это не твоя вина. Это слово... merda[1]... приходится запоминать столько глупых слов. Это слово... simulacro[2]. Точно, оно.

Он бесцеремонно пододвинул к себе чемодан, положил на пол, попытался открыть замки. Не получилось. Что-то пробормотал себе под нос, с удивительным для такого толстяка проворством вытащил большой складной нож, раскрыл. Несколькими поворотами лезвия разделался с замками, убрал нож так же быстро, как и доставал. Отбросил крышку, и Джулио наклонился вперед, чтобы посмотреть, что же он тащил на себе.

В чемодане лежали упакованные в связки колготки. Посмеиваясь от удовольствия, Пепино вытащил из чемодана одну связку, выдернул из нее пару колготок. Помахал ими в воздухе.

— Я богат, я богат, — прошептал он себе. — Они же дороже золота.

Джулио согласно кивнул. Действительно, в чемодане лежало целое состояние. Окончательное истощение запасов нефти привело к коллапсу не только автомобилестроения, но и нефтехимии. Остатки нефти использовались на нужды фармакологии и для производства некоторых жизненно важных химических продуктов, но не волокна. В итоге нейлон, когда-то самый распространенный материал, перешел в разряд редчайшего из дефицитов. Разумеется, существовал черный рынок, который только помогал вздувать цены на такие пустячки, как колготки.

— Это тебе, — Пепино протянул Джулио потертый бумажник, засунутый между связок. Джулио раскрыл его, увидел, что бумажник набит банкнотами. Достал один, всмотрелся в него. С банкнота на него смотрел мужчина, по уши закутанный в мантию. Странный язык, странный шрифт. Словно писали на ломаном английском. «БАНКЫВСКЫЙ БЫЛЕТ. АДЫН ФУНД».

[1] merda — говно *(ит.)*.

[2] simulacro — привидение *(ит.)*.

— Убери их, — приказал Пепино. — Пригодятся на взятки и расходы, когда попадешь туда. — Содержимое чемодана он переложил на полку гардероба, запер его на ключ. Из нижнего ящика того же гардероба достал нижнее белье, носки, рубашки, все старые, вылинявшие, заштопанные, бросил в чемодан. Закрыл крышку, обмотал чемодан веревкой, завязал ее узлом, протянул чемодан Джулио.

— Пора идти, — объявил он. — С северной стороны площади лестница ведет к Марина Гранде. Спустишься не очень быстро, но и не очень медленно. В гавани найдешь паром, который доставит тебя в Неаполь. Вот билет, положи его в нагрудный карман. В этом конверте твой паспорт и остальные бумаги, которые тебе понадобятся. Корабль ты найдешь без труда. Сегодня ты можешь подняться на борт в любое время, но я предлагаю тебе сделать это сразу. Если задержишься в городе, можешь нарваться на неприятности. Допивай вино, и удачи тебе в твоей миссии, уж не знаю, в чем она состоит. Если сумеешь вернуться, расскажи ЦРУ о том, как хорошо я все сделал. Они — мой самый лучший заказчик.

С тем Джулио и выпроводили за дверь. С заметно полегчавшим чемоданом он вернулся на площадь, по, казалось, бесконечной лестнице спустился в гавань. Увидел, что на пароме поднимают паруса. Решил, что он может отвалить от пирса без него. Чуть ли не скатился с последних ступеней, затем, уже взмокнув от пота, замедлил шаг, увидев, что посадка продолжается. Но успел он вовремя, потому что не прошло и нескольких минут после того, как он поставил на палубу чемодан и уселся на него, паром под громкие крики отвалил от пирса. Попутный ветер легко понес его к видневшемуся вдали порту Неаполя.

Порт пустовал, Джулио увидел лишь несколько рыбацких баркасов да торговых судов, обслуживающих побережье Италии. Мир только приспосабливался к переходу на паруса. Паром миновал ржавый корпус авианосца «Арк роял». Взлетная палуба поднялась едва ли не на девяносто градусов, когда авианосец кормой лег на дно, то ли в результате диверсии, то ли из-за прохудившегося корпуса. На фоне этих крохотных суденышек и ржавого чудовища «Святая Коломба» смотрелась, на удивление, величественно.

Высоченная, длиннющая, сверкающая свежей краской и начищенным хромом, казалось, она сошла со страниц учебника по истории. На мачте развевался оранжево-бело-зеленый флаг, над трубой вился коричневый дымок. В схлопнувшемся мире корабль этот являл собой памятник человеческому могуществу, и

внезапно Джулио охватила радость. Он поднимется на борт «Святой Коломбы», ощутит работу ее могучего двигателя. Дитя закатных лет индустриального мира, он видел лишь прикованные к земле самолеты, разграбленные автомобили, застывшие станки. Несмотря на опасность своей миссии, он с нетерпением ждал предстоящего путешествия.

Собственно, с детских лет он мечтал о том, чтобы увидеть работающую технику. До желанной цели оставался последний шаг: подняться на борт корабля. Востроглазые солдаты, с оружием на изготовку, охраняли пристань от непрошеных гостей. Затянутый в форму офицер проверил бумаги Джулио, какие-то проштамповал, какие-то забрал, махнул рукой, показывая, что путь свободен. Другой офицер мельком ознакомился с содержимым чемодана, и Джулио поднялся по трапу. С ощущением, что вошел в ворота рая.

Румяный, улыбающийся боцман занес его фамилию в список и определил ему койку. Он знал лишь несколько итальянских слов, зато арсенал жестов был у него куда богаче. Джулио с трудом удавалось скрывать знание английского.

— Тебе сюда, мой дорогой, каюта 144. Uno, quatro, quatro[1], ты это понял? Отоспись, приятель, это в самом низу, sotto[2], знаешь ли. Понял меня? Великолепно. Кивни, вот и все, охлаждает мозги. Вот тебе мелочишка, потом вычтут из твоего месячного жалованья. Soldi[3], дошло? Нельзя допустить, чтобы человек умер от жажды. Ну и отлично, шевелись, двигай, avante[4]. Иди на шум веселья и сможешь пропустить несколько кружек со своими попутчиками, чтобы отметить вояж в землю обетованную. Следующий.

Рев мужских голосов и смех становились все громче по мере того, как Джулио шел по коридору. Наконец открыл дверь и оказался в салуне, где крики на итальянском прорезали густой табачный дым. Краснолицые мужчины, в рубашках и галстуках, разносили кружки с темным пенящимся напитком смуглым темноволосым мужчинам, которые осушали их с пугающей быстротой. Перед некоторыми стояли стаканы поменьше с янтарной жидкостью, в которую подливали воду из стеклянных кувшинов. Пробираясь к стойке, Джулио услышал одобрительные комментарии: не хорошее вино, конечно, и не бьющая в голову граппа, но пить определенно можно. За корабль. Джулио передал один из полученных банкнот, меньшего номинала, чем те, что лежали

[1] Uno, quatro, quatro — один, четыре, четыре *(ит.)*.

[2] sotto — внизу *(ит.)*.

[3] Soldi — дешево *(ит.)*.

[4] avante — вперед *(ит.)*.

во внутреннем кармане. Итальянцы не ошиблись, напитки по вкусу другие, но вполне приемлемые.

Такой же оказалась и пища. Первую трапезу он, правда, помнил смутно, от выпитого в голове стоял туман, но ему точно дали кусок мяса, которого в Хобокене хватило бы, чтобы накормить десятерых, вареный картофель, золотистое топленое масло, ржаной хлеб. Словно во сне, только все происходило наяву. К сожалению, плавание слишком быстро закончилось. Он, однако, сумел набрать несколько фунтов, пережил не одно похмелье и, несомненно, нанес непоправимый вред своей печени.

Итальянцы-пассажиры практически не контактировали с командой корабля. И не потому, что такие контакты не поощрялись. Просто на корабле лишних рук не было и матросам всегда находилась работа. Вот это обстоятельство плюс языковой барьер и разделяли пассажиров и команду. Впрочем, Джулио вызвался добровольцем, когда в рабочей команде потребовалась замена: кто знал, какие технические секреты удастся обнаружить в машинном отделении корабля. Но выяснить удалось немногое: «Святая Коломба» — пароход, построен в Корке, в качестве топлива используются брикеты торфа. Он не сомневался, что все это ЦРУ уже известно. В обмен на эту жалкую кроху информации он полдня бросал брикеты торфа в топку, заменяя сломанный конвейер. Утешился он лишь тем, что остальным досталось не меньше, чем ему, и все они, возвращаясь в каюты, сравнивали ожоги на ладонях.

Плавание подошло к концу. Они увидели перед собой череду пологих холмов. «Святая Коломба» вошла в гавань между двух гранитных рук-волнорезов. По длинному зданию тянулась надпись «DUN LAOGHAIRE»[1]. Как произносились эти слова, Джулио не имел ни малейшего понятия. Капитан поздравил пассажиров с благополучным прибытием, и они с вещами потянулись с палубы на пристань, где их ждали двухэтажные автобусы. Местом прибытия значился некий Лар, и все мужчины, радостно переговариваясь, предвкушали поездку на механическом средстве передвижения. Автобусы, похоже, работали на электрической тяге, поскольку при движении слышалось лишь шуршание шин по асфальту. Они ехали по узким улицам меж зеленых деревьев, маленьких домиков, садов с цветочными клумбами и парков с сочной травой, пока не уперлись в массивные ворота, от которых в обе стороны уходила высокая стена. Ворота медленно распахнулись, автобусы въехали на большую площадь, окруженную зданиями необычной архитектуры. Джулио запоминал все мелочи, как его и учили. Как только вереница автобусов выехала за

[1] DUN LAOGHAIRE — Дан-Лэри, порт неподалеку от Дублина.

ворота, водитель последнего помахал рукой, ворота захлопнулись, а на трибуну в центре площади поднялся мужчина и дунул в микрофон. Его дыхание, усиленное динамиками, ветром пронеслось по площади, эхом отразилось от стен, и итальянцы, притихнув, повернулись к нему. Черный костюм, черный макинтош, золотая цепь на груди, в руке большая трубка. Мужчина заговорил сразу же.

— Меня зовут О'Лири. Я командую этим заведением. Некоторые из вас уже говорят по-английски, а остальным придется выучить этот язык, если вы хотите здесь остаться. Джино — переводчик, и сейчас он будет переводить мои слова. Но по вечерам здесь работают классы английского языка, и вас там ждут. Скажи им, Джино.

О'Лири достал зажигалку и принялся раскуривать трубку, пока Джино переводил вступительную часть. Потом кивнул и продолжил:

— Вы, господа, гостевые рабочие Ирландии. Нам требуются люди, которые будут выполнять важную работу, и я знаю, что вы будете выполнять ее с удовольствием. Работа не тяжелая, вас будут хорошо кормить, у вас будет много свободного времени, при желании вы сможете отсылать заработанные деньги домой. Будете вы ходить в церковь или нет — дело ваше, но церковь у нас одна, Римская католическая. Как только мы определимся с вашей квалификацией и способностями, вы получите наиболее подходящую для вас работу. Некоторые будут подметать улицы, ибо мы гордимся чистотой наших городов, другие будут собирать пыль и ездить на больших и мощных агрегатах, которые выполняют эту важную для нашего общества функцию. Перед каждым из вас открываются блестящие перспективы.

Он затянулся, вроде бы не слыша пробежавшего по толпе ропота.

— Да, я понимаю, что рассчитывали на более квалифицированную работу, каменщика там или плотника, но я по собственному опыту — все-таки вы не первые, кто прибыл в Ирландию, — знаю, что среди вас нет ни одного, кто честно проработал хотя бы день. — В голосе зазвенел металл. — На ваших мягких ладошках не найти ни одной мозоли. Но это нормально. Нам известно, что вы сами достаточно богаты или кто-то из ваших знакомых достаточно богат, чтобы потратиться на взятки и поддельные документы, которые позволили вам приехать сюда. За это вас никто не осуждает. Но от вас ждут добросовестной работы и оценивать вас будут исключительно по трудолюбию. Если вы его не проявите, вас незамедлительно отправят обратно. А если вы будете добросовестно выполнять свои обязанности, мы, безусловно, выполним все, что обещали. Вам понравится жизнь на

наших берегах. Помните, вам будет разрешено посылать вашим семьям продукты и промышленные товары. Высококачественные продукты нашей страны пойдут вам на пользу. Вы будете пить «гиннесс» и с каждым днем набираться сил. Завтра, в половине седьмого утра, вы соберетесь здесь и начнете таскать кирпичи для строительства новой электростанции.

С этим О'Лири отвернулся (уж не блеснула ли в его глазах смешинка?) и, не дослушав перевода, сошел с трибуны. По толпе пролетел вздох разочарования. Итальянцы расходились подавленные.

Но не Джулио. У него, наоборот, пела душа. Электростанция! Вот удача так удача.

Наутро, мокрые и замерзшие, — сеял нудный, мелкий дождь, — они стояли во дворе, разбившись на десятки. Около каждой группы на земле лежала внушительная гора массивных кирпичей. Невысокий широкоплечий мужчина с большими красными руками объяснял задачу Джулио и его товарищам, показывая незнакомый Джулио предмет. К длинной деревянной рукоятке крепились две доски. Расположенные под углом друг к другу, они образовывали букву V.

— Это, дорогие мои, лоток для переноски кирпичей. Смекаете? Лоток, лоток. Слышите, как я произношу это слово? Лоток.

— Лоток, — повторил один из итальянцев, — лоток, лоток.

— Отлично. Вижу, вы парни умные и быстро всему научитесь. Значит, с лотком все ясно. Ничего другого про него никто вам и не скажет, но дело все в том, что наши кирпичи — не те хрупкие, ломающиеся от одного прикосновения хреновины, которыми вы пользуетесь в своих заморских странах.

Мужчины слушали с написанным на их лицах недоумением, и Джулио изо всех сил старался не подавать вида, что все понимает. Инструктора же нисколько не беспокоило незнание английского его подопечными.

— Было время, когда вам приходилось носить на этом лотке гору кирпичей, но теперь зараз их ставят на лоток только три. Вы можете спросить, почему только три? Что ж, с радостью вам отвечу. Только три, потому что они чертовски тяжелые, вот почему, потому что стандартный ирландский кирпич изготовляется из крепкого гранита и служит столетия. Поднимите один, если сможете, вот ты, Тони, дружище, и без ухмылочек, это тебе не мешок с мукой. Если не научишься поднимать, грыжа тебе гарантирована...

— Падди, — раздался мужской голос. — Мне нужна парочка коричневых парнишек, чтобы разгрузить грузовик. Поделишься?

— Толку от них никакого, так что можешь забирать всех. Со-

мневаюсь, что мне удастся сделать из них хороших носильщиков кирпичей.

Мужчина ткнул пальцем в ближайшего из итальянцев.

— Тони, пойдешь со мной. Понял? И ты, Тони, — второй раз палец указал на Джулио.

Джулио воззрился на мужчину, ткнул себя в грудь, получил ответный кивок и последовал за мужчиной.

Они миновали одни маленькие ворота, потом другие. Впереди высилось огромное здание без окон. Высоко на стене белели изоляторы. Толстенные провода выходили из здания и тянулись к первому высокому столбу. Их череда уходила к горизонту.

— Величественное зрелище, не так ли, Тони? В вашей макаронной стране ничего такого нет и в помине, так? Но сначала работа. Снимаем коробки с грузовика и ставим на телегу. И поосторожнее, ничего не бросать. Вот так. Понятно?

Разгрузка не заняла много времени. Грузовик отъехал, двое мужчин укатили телегу.

— Будет еще грузовик, понятно? — Их босс замахал руками, указал на землю. — Отдыхайте, мы скоро вернемся.

Дождь перестал, выглянуло солнце. Напарник Джулио свернулся клубочком у стены и тут же уснул. Джулио сорвал травинку, пробившуюся сквозь бетон, пожевал, огляделся. Никого, все тихо, но для ирландцев это обычное дело. На инструктаже подчеркивалось, что отсутствие бдительности — серьезный недостаток ирландцев, которым и предлагалось воспользоваться. Джулио поднялся, пошел вдоль стены, увидел маленькую дверь с табличкой:

«НЕ ВХОДИТЬ.
ЭЛЕКТРОСТАНЦИЯ.
ТОЛЬКО ДЛЯ ПЕРСОНАЛА».

Посмеет ли он? Почему нет, для этого его и послали, рано или поздно придется предпринять такую попытку. Дверь не поддавалась, но тип замка он узнал: готовили его на совесть. Отмычка хранилась за пряжкой ремня. Легкое прикосновение к нужному месту, и она упала ему на ладонь. Вокруг по-прежнему ни души. Вставить, приподнять, надавить... повернуть.

Дверь распахнулась. Секунду спустя он уже закрывал ее за собой. Перед ним тянулся ярко освещенный коридор. В груди молотом стучало сердце. Не оставалось ничего другого, как идти дальше. По коридору. Мимо дверей. Все закрыты. На каждой табличка с цифрой. За ними могло находиться все что угодно. Еще одна дверь. Джулио застыл, прочитав надпись на табличке:

«ТЕХНИЧЕСКИЕ ИНСТРУКЦИИ»

Он у цели! Тот же замок, дверь открылась, за ней — тьма. Прежде чем закрыть за собой дверь, он увидел полки. Нащупал на стене выключатель, повернул...

— Заходи, Джулио, — сказал мужчина. — Садись к столу, напротив меня. Сигарету? Извини, забыл, что ты не куришь.

Двигаясь, как автомат, не веря случившемуся, Джулио сел, стараясь не смотреть на улыбающегося мужчину по другую сторону стола, одетого в какую-то форму, с погонами. Мужчина дружелюбно кивнул.

— Так-то лучше, в ногах правды нет. Я полагаю, ты из ЦРУ, но, надеюсь, не профессиональный разведчик. Назови, пожалуйста, свою настоящую фамилию.

К Джулио наконец-то вернулся дар речи.

— Scuse, signore, no cap... [1]

— Пожалуйста, Джулио, не трать попусту наше время. Посмотри, что мы нашли у тебя в кармане. Обыски у нас в ходу, знаешь ли, — он держал в руке синюю книжицу спичек с белой надписью «ВМС Соединенных Штатов».

Джулио ахнул и обмяк.

— Не хочешь нам помочь? Дорогой, дорогой, ты все усложняешь. Моя фамилия Пауэр. Капитан Пауэр. А твоя? Ну, ладно, значит, без этого не обойтись...

Капитан обошел стол, а мгновением позже одна его рука, как тисками, сжала шею Джулио, а вторая прижала пальцы к белой полоске, на которой тут же проступили их отпечатки. Пауэр освободил Джулио, взял полоску, внимательно рассмотрел отпечатки, кивнул, бросил полоску в щель на поверхности стола.

— Годится. А ожидая результатов, мы можем осмотреть электростанцию. Ну что ты на меня так таращишься? Ты за этим и приехал, не так ли? Ирландская краса и гордость, вызывающая зависть всего мира, — он открыл дверь, вытолкнул Джулио в коридор, продолжая говорить на ходу: — В мире, где ресурсы катастрофически тают, а источники энергии еще быстрее сходят на нет, мы вполне счастливы на нашем благодатном острове. Урожаи у нас отличные, стада тучные, продукции сельского хозяйства нам не просто хватает, но еще и остается. И торфа хоть завались, раньше на нем работали наши тепловые электростанции, а теперь мы используем его на кораблях. Но источник получения электроэнергии — это наш секрет, не так ли? Причина, по которой ты здесь. Естественно, тебя интересует и наша сталь. Мы процветаем в этом убогом мире и помогаем другим, насколько возможно, но, в конце концов, мы — маленькая нация. Сюда,

[1] Scuse, signore, no cap... — Извините, синьор, не по... *(ит.)*.

пожалуйста, — он открыл массивную дверь. — А теперь позволь спросить... великолепное зрелище, не так ли?

Капитан Пауэр не грешил против истины. Они стояли на балконе, который словно парил над огромным залом. Грохот, жара, движение поначалу не давали понять, что происходит внизу. Пар шипел и клубился над полом, где крутились большущие турбины. Конвейерная лента, уставленная гранитными кирпичами, выползала из отверстия в одной стене, чтобы скрыться в отверстии противоположной.

— Когда гранитные кирпичи падают в паровую камеру, они практически расплавлены, их температура составляет тысячи градусов. Поначалу у нас с ними было много проблем, они лопались, взрывались, как бомбы. Теперь, конечно, все под контролем. В паровой камере они немного охлаждаются, потом падают в воду, генерируют пар, который вертит турбины, вырабатывая электроэнергию. Вот и все дела.

— Но... нет, такого не может быть, — промямлил Джулио. — Откуда берутся кирпичи?

— Я думал, ты никогда не спросишь. Пойдем сюда, я познакомлю тебя с одним из тех, кто этим занимается.

Через минуту-другую они уже стояли в большой комнате, заставленной незнакомым Джулио оборудованием. Высокий мужчина с венчиком рыжих волос вокруг блестящей лысины сидел на диване и читал компьютерную распечатку.

— Джулио, я хочу познакомить тебя с Сином Рафтери.

— Рад встрече. — Син поднялся, крепко пожал Джулио руку. — Вы смелый человек, раз решили отправиться в столь дальнее и опасное путешествие, и образование, как я только что прочитал, у вас очень хорошее. Джулио... — он вновь заглянул в распечатку. — Джулио Балетти. Родился в Хобокене, штат Нью-Джерси, какое необычное название для города... колледж, университет, докторская диссертация по физике, атомной физике. А ведь вы так молоды.

— Атомная физика, — покачал головой Пауэр. — Они по-прежнему пытаются там что-нибудь найти. Что ж, попутного им ветра.

— Так вы... знаете... — выдавил из себя Джулио.

— Разумеется. Мы гордимся нашими архивами. Ты не первый, знаешь ли. Поначалу мы пытались отгонять таких, как ты, но потом поняли, что гораздо легче впускать их, а потом уже с ними разбираться.

— Вы собираетесь меня убить!

— Перестань, мы же, в конце концов, не ЦРУ. У нас цивилизованная страна. Мы собираемся показать тебе величайший секрет Ирландии, а потом сотрем из твоей памяти, совершенно безболезненно, все события этого дня. Ты затратил много усилий, чтобы попасть сюда, поэтому будет справедливо, если ты увидишь то, что хотел. Видишь ли, мы выяснили, что после стирания памяти человек ведет себя гораздо спокойнее, если предварительно ему показали то, о чем он мечтал. Где-то на подсознательном уровне закрепляется факт успешного выполнения задания, и это, наверное, очень важно. Син, если не возражаешь.

— Отнюдь. Наш секрет, Джулио, невероятная сила ирландской личности и характера, которая существовала всегда, но никому не удавалось направить ее в нужное русло. Поэты и писатели черпали из этого неиссякаемого источника и добивались немалых успехов. Кто-то сказал об одном ирландском авторе, что любой может так писать, если не будет думать о том, что пишет. Но только ирландцам не надо прилагать для этого никаких усилий.

Широко раскрыв глаза, Джулио наблюдал, как капитан Пауэр подкатил к Сину Рафтери закрепленную на колесиках черную конструкцию, отдаленно похожую на рыцарские доспехи, уродливую, как Железная дева. Но у Сина костюм этот не вызвал страха. Он сунул руки в «рукава», улыбнулся, когда «панцирь» защелкнулся, обхватив его тело.

— Поток остроумия и ирландского юмора не требует рекламы, наши комики известны во всем мире, они, как никто, умеют выражать свои чувства, — но вот с его даром речи определенно что-то происходило. Он начал запинаться, повторяться. — Пожалуйста, извините... извините, если сможете. Видите ли, это костюм сенсорной депривации. Я не чувствую рук и тела, не могу ими пользоваться... Но, слава богу, еще могу говорить...

Глаза Сина округлились, речь оборвалась, как только капитан Пауэр заткнул ему рот кляпом.

— Вот так. Полная сенсорная депривация начинается с того, что субъекта лишают возможности жестикулировать, указывать пальцами, ходить. Но средством общения остается язык. Вот тут мы используем кляп. Вы можете спросить, и что мы имеем? Мы имеем, отвечаю я, мощный поток самовыражения, который ищет выход. Мы имеем гения самовыражения, который, однако, не может выразить свои чувства. Ан нет, все-таки может. Посредством мозга! Не имея других средств для выражения мыслей, бурлящих в могучем ирландском мозгу, могучий ирландский мозг начинает непосредственно взаимодействовать с окружающим миром. Вот это стекло на столе... будь так любезен, Син.

Стекло взмыло вверх, словно птичка, вновь опустилось на стол.

— Прямое воздействие на материю силой мозга. Но мозг способен на гораздо большее, чем такие дешевые трюки. Син и

другие члены его команды усилием воли проникли в кипящую магму, которая находится глубоко под нами, и пробили канал до самой поверхности. Жидкая магма выдавливается наружу, движущийся каменный столб. Вернее, был бы столб, если бы выходное отверстие регулярно не перекрывалось, чтобы тут же открыться вновь. И столб режется на кирпичи, которые ты уже видел. В других случаях, проникнув еще глубже, они добираются до расплавленного ядра нашей планеты, и на наши металлургические заводы поступает чистейшее железо. Это, конечно, чудо из чудес.

Он улыбнулся Джулио и дал знак Сину.

— А теперь, только легонько, сотри воспоминания этого дня.

Джулио вскочил, попытался убежать, но провалился в темноту.

* * *

— Chi e lei?[1] — спросил Джулио у сидящего за столом офицера, который внимательно изучал компьютерную распечатку.

— Только, пожалуйста, не валяйте дурака, здесь привыкли заниматься делом, — ответил ему капитан Пауэр. — Мы все о вас знаем. Вы доктор Джулио Балетти, физик-атомщик. Вас прислало ЦРУ, чтобы выкрасть наши технические секреты. Вы — шпион, и за шпионаж мы можем вас расстрелять... Присядьте, ну что вы так побледнели. Стакан воды? Нет? Вам уже лучше? Это хорошо. Но мы добрые люди и предоставляем вам выбор. Вы можете вернуться домой и сказать ЦРУ, что им следует оставить нас в покое. Или вы можете остаться здесь, если в дальнейшем прекратите вашу шпионскую деятельность. В Тринити-колледж вакантна должность преподавателя атомной физики. Полной занятости я вам, к сожалению, не обещаю, лишь несколько лекций в неделю. Так что вам придется выполнять и другую работу. Мы выяснили, что академикам очень нравится рубить торфяные брикеты. Здоровый труд на свежем воздухе доставляет массу удовольствия. Многим нашим старикам нравится топить печь нарезанными вручную брикетами торфа, так чего не потрафить им. Что вы на это скажете?

А что он мог сказать? Хобокен, беспросветная нищета, продукты из сои и планктона, жалкое существование. Так чего не остаться? Клятвы верности от него не просят. Он будет держать глаза открытыми, попытается вызнать ирландские секреты, если удастся, вернется с ними в Соединенные Штаты. Его долг — остаться.

[1] Chi e lei? — Кто вы? *(ит.)*

— Тринити и торфяник, — твердо заявил он.

— Отлично. А теперь пойдемте со мной... Я хочу познакомить вас с герром профессором доктором Шмидтом. Тоже физиком...

— Nein[1], вы забыли, мой капитан, физик — это Иван. Я же простой химик. Пошли... Вас звать Джулио? Мы потолкуем, а потом я вам покажу, как пользоваться торфяной лопатой. Очень удобный инструмент.

Они вышли, рука об руку, под моросящий дождь.

День после конца света

Кусок планеты не поражал размерами, но пришлось довольствоваться малым. Потому что все остальное превратилось в камни, пыль, мусор. А тут все-таки остался участок земли, большая часть крестьянского дома, растущее перед ним дерево, даже пятачок пастбища с замороженным бараном. И ничего больше. Со всех сторон земля резко обрывалась, кое-где из нее торчали корни. На краю сидел мужчина, болтая ногами над пустотой. Отбросил сучок, который медленно скрылся из виду. Звали его Френк, а девушку, которая устроилась на качелях, закрепленных за ветви дерева, — Гвенн.

— Я же не пытался взять тебя силой. — Выглядел Френк мрачнее тучи. — Ты же знаешь, я не животное. Просто расстроился, ты должна это понимать, конец света, и все такое. Мне стало очень одиноко. Вот я и подумал, что поцелуй поможет мне забыть о случившемся. Поможет нам забыть.

— Да, Френк. — Гвенн, чтобы раскачаться, оттолкнулась ногой от земли.

— Так что у тебя не было причин для оплеухи. Все-таки мы — один экипаж.

— Я же извинилась за то, что ударила тебя, Френк. Я тоже расстроилась, ты должен это понимать. Такое случается не каждый день.

— Нет, не каждый.

— Так что не злись на меня. Лучше раскачай.

— Я не то чтобы злюсь. — Френк поднялся, стряхнул со штанины форменных брюк несколько замерзших травинок. — Наверное, немного обиделся, может, даже впал в депрессию. Неве-

[1] Nein — нет *(нем.)*.

лика радость — получить оплеуху от женщины, которую любишь, — он толкнул Гвенн.

— Пожалуйста, давай не возвращаться к этому разговору, Френк. Все кончено. Ты так говоришь только потому, что тебе кой-чего хочется. И ты знаешь, что я люблю другого.

— Гвенн, дорогая, взгляни фактам в лицо. Ты больше не увидишь Роберта никогда...

— Полной уверенности у меня нет.

— А у меня есть. Планета взорвалась мгновенно, без всякого предупреждения, со всеми, кто находился на ней. Мы были в космическом корабле по другую сторону Луны и только поэтому остались живы. Но Роберт разделил общую судьбу. Он находился в Миннеаполисе, а Миннеаполиса больше нет.

— Мы этого не знаем.

— Знаем. Я не думаю, что Миннеаполису удалось выбраться из этой передряги. Наш радар обнаружил только этот кусок планеты. Крупнее ничего нет.

Гвенн нахмурилась, опустила ногу, остановив качели:

— Может остаться и кусок Миннеаполиса.

— С Робертом, замерзшим, как этот баран.

— Какой ты жестокий... ты просто хочешь причинить мне боль!

— Ну что ты. — Стоя сзади, он нежно обнял ее за плечи. — Я не хочу причинять тебе боль. Просто ты не должна уходить от реалий. Остались только ты и я. И я тебя люблю. Всем сердцем.

Пока он говорил, его руки соскользнули с плеч, двинулись ниже, на упругие округлости. Но Гвенн дернулась, спрыгнула с качелей на землю, отошла на пару шагов, уставилась на замерзшего барана.

— Интересно, он что-нибудь почувствовал?

— Кто... Роберт или баран?

— Как ты жесток!

Она топнула ножкой, угрожающе вскинула руку, когда он двинулся к ней. Френк что-то пробурчал себе под нос и плюхнулся на качели.

— Давай спустимся с небес на землю. Давай забудем все, что случилось на корабле. Забудем, что я пытался подкатиться к тебе, забудем, что хотел уложить в койку. Забудем все. Начнем жизнь с чистого листа. Сама видишь, в какой мы ситуации. Мы остались вдвоем. Я — Адам, ты — Ева...

— Гвенн.

— Я *знаю*, что тебя зовут Гвенн. Я хочу сказать, что мы теперь, как Адам и Ева, и на нас лежит ответственность за возрождение рода человеческого. Ты понимаешь?

— Да. Я думаю, ты по-прежнему пытаешься соблазнить меня.

— Черт побери, какая разница, что ты думаешь! Это наш долг. Провидение уберегло нас именно потому...

— Вроде бы ты говорил мне, что ты — атеист.

— А ты говорила, что ходишь в церковь. Я смотрю на ситуацию с твоей позиции.

— А я — с твоей. Ты — сексуально озабоченный.

— Скажи спасибо. Значит, у нас будет много детей. Родить их и вырастить — наш долг перед человечеством.

Гвенн, глубоко задумавшись, погладила барана по голове.

— Не знаю. Может, наилучший вариант — раз и навсегда со всем покончить. Мы взорвали мир, не так ли? Можно сказать, загрязнили окружающую среду во вселенском масштабе.

— Ты, конечно, шутишь. Мы не знаем, что произошло. Возможно, какая-то случайность...

— Хороша случайность.

— Ты же знаешь, как бывает... — Френк вскочил с качелей, шагнул к Гвенн. — Забудь о человечестве, — взмолился он. — Думай только о нас. Мы же остались вдвоем, больше никого. Тепло соприкосновения, конец одиночества, восторг поцелуя, слияние плоти...

— Если подойдешь ближе, я закричу!

— Кричи, сколько влезет! — проорал Френк со злобой и горечью, схватил Гвенн, рванул на себя. — Кто услышит? Я тебя люблю... хочу... не могу без тебя...

Она попыталась вырваться, замотала головой, но сила была на его стороне. Он поцеловал ее в щеку, в шею... и она перестала сопротивляться.

— Так ты все-таки насильник? — прошептала она, глядя ему в глаза. Еще мгновение он прижимал ее к себе. Потом его руки повисли, как плети.

— Нет. Я не насильник. Просто симпатичный парень с сильным половым влечением и развитым чувством вины.

— Так-то лучше.

— Не лучше — гораздо хуже! Разве может последний оставшийся на Земле мужчина испытывать чувство вины? Окружавший меня буржуазный мир умер, а я по-прежнему несу в себе его мораль. Что, по-твоему, случилось с тобой, если б я повел себя, как должно самцу? Просто схватил и навязал бы тебе свою волю?

— Не говори гадостей.

— Я не говорю гадостей, просто хочу, чтобы твоя светловолосая бестолковка начала хоть немного соображать. Кроме тебя и меня, никого нет, понимаешь? Нас только двое. У нас есть этот кусок Земли, а под ним — наш космический корабль, бортовые системы которого создают силу тяжести и генерируют воздух. Атомная энергетическая установка проработает еще тысячу лет.

Пищевой синтезатор будет нас кормить. Так что мы, образно говоря, всем обеспечены.

— Обеспечены для чего?

— Вот об этом я тебя и спрашиваю. Мы будем мирно стареть, как добрые приятели, в своих каютах? Ты будешь вязать, я — смотреть старые фильмы. Ты этого хочешь?

— Мне не понравилось слово «бестолковка».

— Не уходи от вопроса. Ты этого хочешь?

— Я как-то не думала...

— Так подумай. Мы здесь. Одни. До конца нашей жизни.

— Похоже, подумать стоит, — она склонила голову, посмотрела на Френка так, словно видела впервые. — Можешь поцеловать меня, если хочешь.

— Еще как хочу!

— Но ничего больше. Только поцеловать. В порядке эксперимента.

Получив разрешение, Френк заметно присмирел. Осторожно приблизился к ней. Гвенн закрыла глаза, задрожала всем телом, когда Френк обнял ее. Он прижал Гвенн к себе, поцеловал в закрытые глаза. Она задрожала вновь, но не попыталась вырваться. Не запротестовала и когда его губы нашли ее и впились в них долгим, страстным поцелуем. Когда же он опустил руки и отступил на шаг, она открыла глаза. Френк нежно ей улыбнулся.

— Роберт целовался лучше, — констатировала Гвенн.

В ярости Френк пнул барана и запрыгал на одной ноге, ухватившись за вторую и постанывая от боли: с тем же успехом он мог пнуть гранитный валун.

— Как я понимаю, он был хорош и в постели, — вырвалось у него.

— Просто чудо, — признала Гвенн. — Поэтому мне так трудно даже смотреть на другого мужчину. Кроме того, я ношу под сердцем его ребенка, а это еще больше все усложняет.

— Ты?..

— Беременна. Такое случается, знаешь ли. Роберт еще не знает...

— И никогда не узнает.

— Ты ужасный!

— Извини. Так это прекрасно, великолепно. Мы увеличили генофонд человечества на пятьдесят процентов. Сын Роберта сможет жениться на нашей дочери или наоборот.

— Это же инцест!

— В Библии инцеста нет, так? Когда начинаешь все заново, это правило, а не исключение. Об инцесте речь зайдет гораздо позже.

Гвенн вновь села на качели, глубоко задумалась. Вздохнула.

— Не получится. Так не положено. Во-первых, ты хочешь, чтобы мы занимались любовью, не поженившись, а это грех...

— С Робертом у тебя так и было!

— Да, но мы собирались пожениться. А с тобой это невозможно. Мы не можем пожениться, потому что некому зарегистрировать наш брак. А потом ты хочешь иметь детей, хочешь, чтобы они совершили инцест... это слишком ужасно. На этом нельзя созидать новый мир.

— У тебя есть идея получше?

— Нет. Но и твоя мне не нравится.

Френк тяжело опустился на землю, в изумлении покачал головой.

— Я просто не могу поверить тому, что сейчас происходит, — разговаривал он, похоже, сам с собой. — Последний мужчина и последняя женщина спорят о теологии, — он вскочил, охваченный гневом. — Хватит! Никаких споров, никаких дискуссий! — он сорвал с себя рубашку. — Все начнется прямо здесь, прямо сейчас. Мы положим начало новому миру. Не могут сдерживать меня моральные нормы, которые обратились в прах вместе с планетой. Теперь все буду решать я. Язык, на котором я говорю, станет языком многих поколений. Если я скажу, что вода — это эггх, во веки вечные все будут говорить эггх, не задавая вопросов. Я теперь господь бог!

— Ты сошел с ума. — Гвенн попятилась.

— Бог, если хочу им быть. Остановить меня некому. Захочу — побью тебя, и за это ты будешь меня любить. А не полюбишь — побью вновь. Так чего ты не кричишь? — он бросил рубашку на землю, надвигаясь на Гвенн. — Я — единственный, кто услышит твой крик, и мне на него наплевать.

Он расстегнул ширинку, и с ее губ сорвался сдавленный вскрик. Френк лишь рассмеялся.

— Выбирай! — проревел он. — Можешь наслаждаться, можешь ненавидеть, мне без разницы. Я — носитель спермы. Из моих чресел выйдет новое человечество...

Он замолчал, потому что земля, на которой они стояли, качнулась.

— Ты почувствовала? — спросил Френк.

Гвенн кивнула:

— Земля качнулась, словно по ней ударили.

— Другой корабль! — он быстро застегнул ширинку. Схватил рубашку, начал торопливо надевать. Гвенн взбила рукой волосы, пожалела о том, что при ней нет зеркальца.

— Кто-то ходит, — указал Френк. — Там. — Оба прислушались к шорохам под их миром. Потом послышалось тяжелое ды-

хание, на край земли взобрался человек. В гидрокостюме, оставлявшем открытыми только голову и руки.

Зеленого цвета.

— Он... зеленый, — вырвалось у Гвенн. К Френку дар речи еще не вернулся. Мужчина поднялся, отряхнул пыль с рук, поклонился.

— Надеюсь, не помешал.

— Нет, все в порядке, — ответила Гвенн. — Заходите.

— Почему вы зеленый? — спросил Френк.

— Я мог бы спросить, почему вы — розовые.

— Только без шуток. — Пальцы Френка сжались в кулаки. — А не то...

— Я очень сожалею, — мужчина вскинул зеленые руки и отступил на шаг. — Прошу вашего прощения. Все это очень печально как для вас, так и для меня. Я — зеленый, потому что я — не землянин. Я — инопланетянин.

— Маленький зеленый человечек! — ахнула Гвенн.

— Не такой уж я и маленький, — обиделся инопланетянин.

— Я — Френк, а она — Гвенн.

— Рад познакомиться с вами. Мое имя произнести вам будет трудно, поэтому зовите меня Роберт.

— Только не Роберт! — взвизгнула Гвенн. — Он мертв.

— Пожалуйста, извините. Нет проблем. Гораций подойдет?

— Гораций, а что, собственно, вы здесь делаете? — спросил Френк.

— Видите ли, все это довольно-таки сложно. Если позволите, я начну с самого начала...

— А как вам удалось так хорошо выучить английский? — спросила Гвенн.

— Я это тоже объясню, если вы соблаговолите меня выслушать, — и Гораций заходил взад-вперед. — Во-первых, я прилетел с далекой планеты, которая вращается вокруг звезды, отстоящей от Солнца на многие и многие парсеки. Мы проводили исследование Галактики, и мне поручили этот сектор. Ваша планета произвела на меня сильное впечатление. Как вы легко можете себе представить, зеленый — наш любимый цвет. Я установил средства мониторинга и подготовил достаточно полный отчет, естественно, с учетом ограниченного времени. На это ушло чуть больше двухсот ваших лет.

— Вы не выглядите таким стариком, — отметила Гвенн.

— Все дело в жизненных циклах, вы понимаете. Я не буду называть вам моего истинного возраста, а то, боюсь, вы мне не поверите.

— Мне — двадцать два, — сказала она.

— Как мило! А теперь позвольте продолжить. Я собрал всю

информацию, необходимую для отчета, выучил несколько языков, я горжусь своими лингвистическими способностями, но мало-помалу начал приходить к ужасному выводу. Человечество... как бы это выразить... довольно-таки отвратительное творение природы.

— Ты и сам не красавчик, зеленух, — бросил Френк.

Гораций предпочел проигнорировать его реплику.

— Я хочу сказать, что вы сильны, умны, плодовиты, многого добились. Но средства, которыми вы добивались своих впечатляющих успехов, вот что пугает. Вы — убийцы.

— Закон выживания, — отчеканил Френк. — У нас не было выхода. Съешь, или съедят тебя, убей, или убьют тебя. Выживает сильнейший.

— Я не буду с этим спорить. Разумеется, это единственная возможность для выживания любой цивилизации, и я уважаю такую точку зрения. Но куда больше меня интересует другое: как ведут себя представители вида, который занял главенствующее положение на планете. На нашей планете мы стали доминировать в незапамятные времена. И с тех пор охраняем все прочие виды жизни, у нас царят мир и порядок. Тогда как ваши люди, воцарившись на Земле, на этом не успокоились и принялись убивать друг друга. Меня это очень огорчило.

— Никто вашего мнения не спрашивал, — отрезал Френк.

— Разумеется. Но мои наблюдения не только огорчили, но и встревожили меня. Моя планета не так уж и далеко по астрономическим меркам, и полагаю, что рано или поздно вы ее найдете. А потом, возможно, захотите перебить и нас.

— Теперь эта вероятность ничтожно мала, — вздохнула Гвенн, отпустив качели.

— Да, теперь она скорее теоретическая, но раньше ее приходилось учитывать. Вот и вышло, что я, интеллигентное, мирное, разумное существо, вегетарианец, никогда не обижавший и мухи, вдруг задумался о возможном уничтожении моей родной планеты. Как вы сами видите, это очень серьезная моральная дилемма.

— Не вижу, — Френк покачал головой, потом уставился на инопланетянина. — Так... вы имеете отношение к тому, что произошло?

— Я скоро к этому подойду.

— Сойдет да или нет.

— Не все так просто. Пожалуйста, выслушайте меня. Ситуация сложилась чрезвычайно драматичная. И никто не мог помочь мне принять решение. Полет домой занимал много времени, и пока я добрался бы туда, а мое руководство приняло бы решение, вы, люди, могли бы построить свои звездолеты и уже отправиться к нам. Если бы я продолжал наблюдение, вы все

равно построили бы звездолеты и полетели к моей планете, чтобы уничтожить ее. В результате я, мирное существо, замыслил немыслимое.

— Так это ты взорвал наш мир! — Френк шагнул к пришельцу.

— Пожалуйста! Никакого насилия! — Гораций поднял руки, попятился. — Не выношу насилия. — Френк остановился. Ему хотелось выслушать все до конца, но кулаков он не разжал. — Спасибо, Френк. Как я и сказал, я замыслил немыслимое. Мог я применить насилие ради сохранения мира... или не мог? Если бы я ничего не предпринял, мою планету и всех ее жителей ждала гибель. И мне пришлось выбирать, какая цивилизация должна выжить. Моя или ваша. Вопрос я поставил ребром, так что с ответом проблем не возникало. Конечно же, моя. Поскольку мы более древние, более интеллигентные, интереснее и красивее вас. И очень мирные.

— Поэтому ты взорвал наш мир, — подвел итог Френк.

— Не очень-то мирный поступок.

— Нет, не очень. Но в принципе это отдельно взятое, из ряда вон выходящее событие. После многих мирных столетий, за которыми, разумеется, вновь последуют мирные столетия.

— Что тебе здесь надо? — спросил Френк. — Почему ты нам все это рассказываешь?

— Естественно, чтобы извиниться. Я очень сожалею, что все так обернулось.

— Но сожалеешь далеко не в той степени, как мы, зеленый ты сукин сын.

— Если б я мог предположить, что вы поведете себя не как джентльмен, я бы не приходил.

Френк бросился на него, но Гвенн успела заступить ему дорогу.

— Френк, пожалуйста, — взмолилась она. — Хватит насилия. Иначе я закричу. И вы сделали все сами, мистер Гораций?

— Просто Гораций, это имя. Да, сделал. И несу полную ответственность.

— А на борту вашего корабля больше никого нет?

— Я один. Корабль полностью автоматизирован. Мне понадобилось время, чтобы решить поставленную задачу, я не думаю, что кому-то удавалось создать бомбу, способную разнести целую планету, но я справился. Добился поставленной цели. Ради мира.

— Где-то я это уже слышал, — пробурчал Френк.

— Я процитирую одного из ваших генералов, который несколько лет назад выиграл небольшую локальную войну: «Я их убил для того, чтобы спасти». Но я не такой лицемер. Я уничтожил вашу планету, чтобы спасти свою. Всего лишь сыграл по вашим правилам, видите ли.

— Вижу, — голос Френка звучал уж очень спокойно. — Но ты сказал, что ты — один. Как насчет других зеленых человечков, которые заберутся сюда следом за тобой?

— Невозможно, заверяю вас.

И когда он повернулся, чтобы взглянуть на край земли, через который перелез, Френк шагнул вперед и двинул ему в челюсть. Инопланетянин повалился на спину, а Френк уселся на нем и душил, пока тело не перестало дергаться. Гвенн одобрительно кивнула.

— Я возьмусь за ноги, — сказал Френк.

Без единого слова они донесли тело до обрыва и сбросили, наблюдая, как оно медленно кружится среди космического мусора.

— Мы должны найти его корабль, — прервал молчание Френк.

— Нет, сначала поцелуй меня. Крепко.

— Ух, — вырвалось у Френка, когда он наконец оторвался от Гвенн. — Это круто. Позволь спросить, с чего такие перемены?

— Я хочу привыкнуть к твоим поцелуям, к твоим объятиям. Мы должны воспитать большую семью, если мы хотим заселить целую планету.

— Полностью с тобой согласен. Но что заставило тебя передумать?

— Он, это существо. Нельзя допустить, чтобы ему это сошло с рук.

— Ты чертовски права! Месть! Вырастим детей, научим их летать, построим бомбы, найдем этих инопланетных мерзавцев и превратим их в пыль. Докажем его правоту. Мы обязательно отомстим за Землю!

— Я очень на это надеюсь. Не может он убить моего Роберта и остаться безнаказанным.

— Роберта? Так вот почему ты это делаешь! А как же остальные? Миллиарды людей, целая планета?

— В Миннеаполисе других знакомых у меня не было.

— Если бы Гораций знал насчет Роберта, готов спорить, он бы дважды подумал, прежде чем взрывать мир.

— Что ж, он не подумал и допустил ошибку. Так полетели?

— Барана возьмем?

Гвенн посмотрела на барана, подумала, покачала головой.

— Нет. Он тут очень хорошо смотрится. Создает ощущение дома. Будет куда возвращаться.

— Хорошо. Вперед, к мщению. Набрасываем планы, создаем бомбы, воспитываем детей. Все ради мести. Уничтожения.

— Как-то неприятно это звучит.

Френк потер подбородок:

— Раз уж ты упомянула об этом, не могу с тобой не согласиться. Но выбора у нас нет.

— Неужели? Да, этот отвратительный зеленый человечек уничтожил наш мир, но это не означает, что мы точно так же должны поступить и с его.

— Разумеется, не означает. Но есть же справедливость! Око за око, сама знаешь.

— Знаю. Не раз читала Ветхий Завет. Так делалось, нас учили так делать, но где уверенность, что путь этот правильный и единственный?

— Мысль твоя достаточно понятна. Ты хочешь сказать, что прежнего мира уже нет. И мы не можем вернуть его, взорвав еще одну планету. Если маленькие зеленые человечки такие мирные, как говорил Гораций, уничтожать их — преступление. В конце концов... они не уничтожали наш мир.

— Тут есть о чем подумать.

— Есть... к сожалению. Как было бы просто — взорвать их планету, потому что они взорвали нашу.

— Я знаю. Но это дурная привычка.

— Ты права. Начни взрывать планеты, и кто знает, чем все закончится. Так что у нас есть шанс отказаться от старого принципа око за око, зуб за зуб. Если мы построим наш мир, ты, я, наши дети, мы заложим в фундамент не месть, а что-то другое. Это трудная, но благородная задача.

Гвенн плюхнулась на качели.

— Твои рассуждения меня немного пугают. Взять на себя ответственность за создание целого мира — тяжеленная ноша, а ты еще хочешь создавать его на основе новой системы моральных ценностей. Не убий, не мсти...

— Мир и любовь для всех живущих на Земле. Что-то такое говорила церковь, благословляя войска. На этот раз наши слова не будут расходиться с делом. Действительно, будем подставлять другую щеку. Забудем о том, что они уничтожили наш мир. Докажем, что Гораций крепко ошибся. И потом, когда мы-таки встретимся с ними, им придется извиняться за него.

— Мы извиняемся прямо сейчас, — на край мира взобрался второй зеленый человек.

Гвенн вскрикнула.

— Гораций, ты не умер! — сорвалось с ее губ.

Зеленый человек покачал головой.

— Извините, индивидуум, которого вы называете Горацием, умер. Но, после того, что я услышал несколько секунд тому назад, я склонен думать, что он заслужил свою смерть. Он уничтожил целую планету и понес за это наказание.

— Гораций сказал, что он один. — Руки Френка вновь сжались в кулаки.

— Он солгал. Нас было двое. Он вызвался встретиться с вами, единственными, кто выжил, и все объяснить. Информацию о случившемся я доставлю на нашу планету. Уничтожение вашего мира выльется в продолжительный траур.

— Спасибо вам, — в голосе Френка, однако, благодарности не слышалось. — У меня сразу полегчало на душе. Вы помогали ему взорвать ваш мир?

Зеленый человек задумался, потом с неохотой кивнул.

— Помогал — сильно сказано. Вначале я не соглашался с его ситуационным анализом. В конце все-таки согласился...

— Вы ему помогали. А теперь отправитесь домой и расскажете всем, что произошло, расскажете, что выжившие строят новый мир, и, возможно, ваше руководство придет к выводу, что и нас лучше взорвать, на случай, что наши потомки окажутся не столь великодушными, как мы. И следующая ваша экспедиция расправится с нами, для профилактики.

— Да нет же, быть такого не может. Я решительно выступлю против...

— Но существует вероятность того, что вас не послушают?

— Надеюсь, что этого не произойдет. Но, разумеется, всегда существует вероятность того...

— Еще один зеленый сукин сын, — с этими словами Гвенн достала из кармана маленький пистолет и застрелила инопланетянина.

— Деваться, похоже, некуда, — вздохнул Френк, глядя на покойника. — Теперь придется найти их корабль и убить всех, кто там находится.

— А потом взять корабль и взорвать их планету, — добавила Гвенн.

— Выбора нет. Как говорил Гораций, такая уж у нас репутация. Придется ее оправдывать.

— У меня будет неспокойно на душе, если мы этого не сделаем. Я буду волноваться о наших детях и детях наших детей. Лучше сразу с этим покончить.

— Ты, разумеется, права. А вот взорвав их, мы начнем учить наших детей подставлять другую щеку и всему остальному. Тогда это будет уместно. Так в путь?

— Пожалуй. — Гвенн оглядела крошечный клочок их когда-то необъятного мира. — Лететь, возможно, придется долго, не будем терять времени. Барана возьмем?

— Нет. Я отключу воздух, и он прекрасно сохранится. Он так хорошо смотрится на травке. Создает ощущение близости домашнего очага. Нам будет куда вернуться.

Парни из С.В.И.Н.Т.У.С.А и Р.О.Б.О.Т.А

ВЫПУСК

Одиннадцать тысяч человек идеально ровными рядами выстроились в зале. Волевые подбородки, широкие плечи, твердые взгляды — лучшие юноши всех населенных людьми планет. И теперь, после нескольких лет напряженной учебы, они стали выпускниками. Через несколько минут кадеты превратятся в полноправных членов Патруля!

— ПАТРУЛЬНЫЕ! Солдаты и полиция Космоса, отважные люди, стоящие между цивилизованными планетами и хаосом Галактики! Ни на одной из планет нет мужчин сильнее вас!

Командор вглядывался в их лица и улыбался, что было весьма необычно для его строгого характера. По рядам пробежал гул одобрения. Когда он заговорил, в зале воцарилась абсолютная тишина.

— Патрульные, я поздравляю вас! Когда вы уйдете отсюда — вы станете членами Патруля. Носите гордо свою форму и будьте достойны этого звания. Некоторые из вас вольются в экипажи боевых кораблей, охраняющих наши планеты от вторжения. Другие будут дежурить в одиночку на кораблях-разведчиках. Те, кто имеет склонность к технике, станут заниматься связью, установкой радаров, конструированием и обслуживанием машин.

А те, кто особенно любит приключения, могут вступить в наши специальные службы. Вы еще о них мало знаете, так как это один из самых больших секретов Патруля. Теперь настало для вас время познакомиться с ними поближе. Я расскажу вам о событиях на планете Троубри, и вы узнаете, как была решена возникшая там проблема.

ГЛАВА 1

— Это, несомненно, конец нашим неприятностям, губернатор! — радостно заорал фермер. Несколько крестьян за его спиной согласно кивнули, сняли шляпы, несколько раз крикнули — «ура»! и снова водрузили шляпы на место.

— Сейчас я не могу обещать ничего конкретного, — заявил губернатор Хейдин, но сделал это весьма многозначительно и с

необычайной экстравагантностью подкрутил вверх усы. — Я радировал Патрулю, и они обещали помочь...

— А теперь на орбите вокруг нашей планеты вращается крейсер, и его посадочная капсула уже опускается! — закончил за губернатора фермер. — Для нас этого вполне достаточно. Помощь идет!

Небо загудело в ответ, полоса белого пламени прорезала низкие тучи, и в поле зрения людей появилась посадочная капсула. Толпа на краю поля — почти все население Троубри-Сити — взорвалась радостными криками.

Корабль опустился и застыл в облаке пыли. Как только исчезли струи огня, люди бросились к месту посадки и окружили капсулу.

— Кто там, губернатор? — спросили сзади. — Отряд космических коммандос или что-нибудь подобное?

— В сообщении об этом ничего не сказано. Они только попросили освободить место для посадки.

Наступила тишина, пока из отверстия в борту шлюпки выползал и опускался вниз, в грязь, трап. Наружный люк распахнулся под душераздирающий рев электропривода. Затем появился молодой мужчина и посмотрел на толпу.

— Привет, — сказал он и обернулся к кому-то внутри. — Вылезайте. — Он засунул пальцы в рот и пронзительно свистнул. Это вызвало хор воплей и громкого визга. А потом из отверстия люка по трапу ринулось стадо ревущих свиней. Их розовые, черно-белые и серые зады подпрыгивали вверх-вниз, а копыта звонко грохотали по металлу.

— Свиньи! — гневно закричал губернатор. Его голос с трудом перекрыл хор поросячьего визга. — Чьи это свиньи на корабле?!

— Мои, сэр, — ответил мужчина, останавливаясь перед губернатором. — Моя фамилия Эрбер. Эрбер Брон, а это мои животные. Я очень рад встретиться с вами.

Брови губернатора Хейдина поднялись вверх. Он медленно пожирал взглядом каждый дюйм стоящего перед ним — резиновые сапоги, мятые брюки из грубого материала, красную рубаху, широкое улыбающееся лицо и чистые глаза фермера-свиновода.

Губернатор скривился, увидев несколько соломинок в его волосах, и полностью проигнорировал протянутую руку Брона.

— Зачем вы прибыли сюда? — потребовал ответа губернатор Хейдин.

— Я прибыл сюда... я хочу создать ферму. Свиное ранчо. Это будет единственное свиное ранчо в радиусе пятнадцати световых лет, и, не хвастаясь, скажу, что и это слишком много. — Брон

вытер правую ладонь о куртку и снова медленно протянул ее губернатору. — Моя фамилия — Эрбер. Большинство знакомых называют меня Брон. Надеюсь, я вас не задерживаю?

— Хейдин, — сказал губернатор, рефлекторно протянув руку. — Я — здешний губернатор.

Он испуганно взглянул на визжащие тела, сгрудившиеся вокруг него.

— Я рад встретиться с вами, губернатор. Надеюсь, что здесь у меня будет много работы, — Брон радостно помахал руками.

Зрители уже покидали место событий, когда один из них дал пинка поросенку и был тут же сбит с ног огромной рыжей свиньей. Эрбер обернулся и постучал по стальному борту шлюпки. Его пронзительный свист прорезал воздух, как раскаленный нож — масло.

— Все сюда! — приказал Брон своим подопечным. Разгневанный крестьянин, отставший от остальных, лишь потряс кулаком и двинулся вслед за толпой.

— Очистите место! — заревел голос из шлюпки. — Старт через одну минуту. Повторяю: старт через одну минуту.

Брон снова свистнул и указал свиньям на рощицу у края поля. Те завизжали в ответ и двинулись в указанном направлении.

Машины и телеги устремились прочь, и, когда хрюкающее стадо с Броном во главе и губернатором в центре достигло края поля, там осталась лишь машина губернатора. Брон хотел что-то сказать, но его слова заглушил рев взлетающего корабля и хрюканье стада.

Когда все стихло, он наконец произнес:

— Если вы направляетесь в город, сэр, то я хотел бы поехать вместе с вами. Мне надо зарегистрировать заявку на участок земли и оформить некоторые другие бумаги.

— Вы не должны этого делать, — сказал губернатор, подыскивая извинения поведению своих земляков. — Это стадо, несомненно, представляет собой большую ценность, и вы не можете оставить его без присмотра...

— Вы хотите сказать, что в вашем городе есть воры и другие преступники?

— Я этого не говорил, — живо ответил Хейдин. — Наши жители скромны и законопослушны, как никакие другие. Но... В нашем рационе мало мяса, а при таком количестве свежей свинины...

— В этом-то и заключается преступление, губернатор! Это специальная порода, стоившая огромных денег, и ни одна из этих свиней не должна попасть под нож! Вы понимаете, что сейчас каждый кабан, при известных обстоятельствах, может стать родоначальником огромных стад...

— Не читайте мне лекции по животноводству. Я спешу в город.

— Не смею вас задерживать, — заявил Брон с приятной улыбкой. — Я поеду с вами, а обратно доберусь своим ходом. Я уверен, что мои свиньи здесь в достаточной безопасности. В этом клочке леса они найдут уйму корней и смогут сами о себе позаботиться.

— Хорошо, это ваше личное дело или, возможно, их, — пробормотал Хейдин, садясь в свой электрокар и захлопывая дверцу. Внезапно он задумчиво взглянул на садящегося с другой стороны Брона. — А где ваш багаж? Вы забыли его на корабле?

— Как приятно, что вы беспокоитесь обо мне, — и Брон указал на свиней, рассыпавшихся по роще и радостно роющихся в земле. У одного огромного борова на спине висели два длинных ящика, а к боку небольшой хрюшки был приторочен плоский чемодан. — Люди не понимают, насколько ценны эти животные. На земле их использовали многие тысячи лет. В Древнем Египте ими пользовались для посадки семян. Их копыта очень тверды и могут вдавливать семена глубоко в землю.

Губернатор Хейдин до отказа выжал реостат и направил машину в город. В его голове гудело эхо свинологической лекции.

ГЛАВА 2

— Это ваш муниципалитет? — спросил Брон. — У него красивые колонны.

Губернатор притормозил перед зданием, подняв тучу пыли, и бросил на Брона подозрительный взгляд.

— Не острите, — резко сказал он. — Это одно из самых красивых зданий, построенных нами на планете. И оно оправдывает свое название, даже если... Если его архитектура устарела.

По-новому взглянув на дом, губернатор понял, что он не просто устарел. Он обветшал. Стены здания были сделаны из спрессованных панелей, и древесина во многих местах разрушилась и торчала клочьями. Отдельные части были слегка подремонтированы. На углах дома пластик облупился, и наружу выступали потрескавшиеся коричневые доски.

— Я не смеюсь над вашим зданием. — Брон вылез из машины. — На других планетах я видал и похуже — кривые или просто готовые рухнуть. Ваши люди построили хороший, крепкий дом. За прошедшие годы он немножко обветшал, — Брон дружелюбно похлопал губернатора по спине и посмотрел на свою ладонь, — но его следовало бы, конечно, подстричь и побрить.

Губернатор Хейдин потопал ко входу, ворча себе под нос, и

Брон последовал за ним, удовлетворенно улыбаясь. Коридор проходил через все здание — Брон увидел выход в дальнем конце. Двери находились по обе стороны коридора. Губернатор толкнул одну из внутренних дверей с надписью «Не входить», и Брон пошел следом.

— Не сюда, дружище, — возмутился губернатор. — Это мои личные апартаменты. Вам надо в следующую дверь.

— Прошу меня извинить, — произнес Брон, пятясь под нажимом ладони, упертой ему в грудь. Комната губернатора была скудно обставленным офисом, с жилой комнатой за ним, видной сквозь открытую дверь в задней стене. Единственным интересным объектом здесь являлась девушка, сидевшая в кресле. У нее были ярко-рыжие волосы, она была изящной и очень юной. Брон ничего больше не мог сказать о ней, так как она уткнулась лицом в подлокотник кресла и, видимо, плакала. Дверь захлопнулась перед самым его носом.

Следующая дверь вела в большой офис, разделенный посередине деревянной перегородкой. Брон прислонился к некрашеному дереву и с некоторым интересом начал читать надписи, пока дверь не открылась снова и в нее не вошла девушка. Она была юной, изящной, с рыжими волосами и красными глазами. Несомненно, ее и видел Брон в комнате губернатора.

— Извините, что я видел вас в слезах, мисс, — сказал он. — Не могу ли я чем-нибудь помочь вам?

— Я не плакала, — твердо ответила девушка и шмыгнула носом. — Это только... аллергия, вот и все.

— Вам следует обратиться к врачу, и он выпишет вам...

— Если проявление доброты — ваш бизнес, то я охотно приму в нем участие.

— Я ни в коем случае не хочу вас беспокоить — ни аллергией, ни другими вещами. Есть тут у вас кто-нибудь еще?

— Никого. Только я и эти компьютеры — вот и все правительство. Что вы хотите?

— Я хотел бы зарегистрировать заявку на земельный участок. Меня зовут Брон Эрбер.

Она подала ему руку и тут же отдернула, как будто обожглась, а затем взяла пачку бумаг.

— Леа Дэвис. Заполните эти бланки. Если возникнут вопросы, спросите у меня, прежде чем писать. Кстати, вы умеете писать? — спросила она, заметив его удивленную гримасу, состроенную при виде бланков.

— Я умею писать, мисс, не беспокойтесь. — Брон вытащил из кармана куртки огрызок карандаша, провел им несколько раз по бумаге и стал писать.

Когда он закончил, девушка взяла бумаги, откорректировала их и протянула Брону связку карт.

— Здесь обозначены все ближайшие города, где разрешено селиться, они отмечены красным цветом. Земля везде хорошая, вы получите на ней отличный урожай.

— У меня свиньи, — довольно улыбнулся он, но не получил ответа на свою улыбку. — Я просто похожу вокруг и посмотрю участки, а потом сообщу вам, что выбрал. Благодарю вас, мисс Дэвис.

Брон сложил бумаги толстой пачкой и засунул их в карман. Чтобы вернуться к своему стаду, ожидающему его у космопорта, он зашагал обратно через центр Троубри-Сити, который был городом только по названию. Облака пыли вылетали у него из-под ног, когда он шагал по единственной улице города — неуклюжий и смешной в своих башмаках. Дома выглядели так, как будто их воздвигали на скорую руку и никогда не ремонтировали, поскольку город постоянно нуждался в постройке все новых и новых зданий. Дома, собранные из готовых прессованных блоков, чередовались с деревянными домами и землянками. Последних было довольно много, а между ними живописно располагались кучи глины, земли, мусора и рваной бумаги. Потом землянки исчезли, на стенах все чаще стал появляться пластик. Дома стали приземистыми, словно постепенно погружались в почву. Брон проходил мимо небольших гаражей, магазинов и фабрик. Впереди появилась парикмахерская с профессиональным символом на красно-белом поле. У ее стен стояла кучка мужчин.

— Эй, свинопас! — крикнул один из мужчин. — Предлагаю сделать из тебя отбивную в обмен на пару свиных отбивных!

Остальные бездельники громко рассмеялись, считая шутку чрезвычайно остроумной. Брон остановился.

— Мне кажется, — сказал он, — ваш город недолго протянет, если будет позволять молодым мужчинам слоняться без дела.

Ответ вызвал сердитое ворчание. Вожак вышел вперед и крикнул:

— Ты думаешь, что очень силен?

Брон не ответил, только стукнул кулаком правой руки по левой ладони и холодно улыбнулся. Звук получился громкий и резкий, а кулак получился большой и жесткий. Мужчина отошел к стене и стал в чем-то оправдываться перед друзьями, которые теперь полностью игнорировали Брона.

— Он неприятный тип, парни, и вам следовало бы проучить его, — раздался голос из парикмахерской.

Брон шагнул в открытую дверь. В кресле сидел человек,

пнувший одну из его свиней в аэропорту, и вокруг него суетился робот-парикмахер.

— Не говори так, друг, ты же ничего обо мне не знаешь, — произнес Брон.

— И знать не хочу, — сердито заявил мужчина. — Можешь забирать своих свиней, и...

Брон, продолжая улыбаться, наклонился и нажал кнопку «горячее полотенце» на грудной панели робота. Исходящее паром полотенце заглушило дальнейшие слова мужчины. Робот отстриг полоску материи, прежде чем у него зажглась аварийная лампочка, и, громко жужжа, остановился. Брон вышел. Никто не загородил ему дорогу.

— Не очень гостеприимный город, — сказал он себе. — Почему так?

Увидев вывеску «ЕДА», он завернул в маленькое кафе.

— Мясо кончилось, — сказал буфетчик.

— Кофе, больше мне ничего не надо, — сказал Брон и сел на табурет. — У вас приятный город, — добавил он, получив кофе.

Буфетчик что-то невнятно пробурчал и взял у Брона деньги. Брон снова попытался завести разговор.

— Я хочу сказать, здесь хорошие условия для ведения сельского хозяйства и большие запасы полезных ископаемых. Колониальная комиссия выдала мне разрешение на владение земельным участком на вашей приятной планете.

— Мистер, — сказал буфетчик, — я не хочу разговаривать с вами, а вы не разговаривайте со мной. О'кей? — Он повернулся, не дожидаясь ответа, и стал протирать панель автоматического повара.

— Ничего себе дружелюбие, — удивился Брон, выходя на улицу. — У них здесь есть все, но никто, кажется, не переполнен счастьем. Что происходит на этой планете?

Засунув руки в карманы и тихонько насвистывая, он зашагал дальше, оглядываясь по сторонам. Он находился уже недалеко от космопорта — тот был вблизи от города и состоял из чистого поля и контрольной башни.

Когда он приблизился к рощице, где оставил стадо, до него донеслись хрюканье и сердитый визг. Брон ускорил шаг, а потом побежал, когда к визгу присоединился целый хор. Некоторые свиньи беззаботно рылись в земле, но большинство сгрудились вокруг высокого дерева, оплетенного вьюнками и усеянного короткими ветвями. Один кабан пытался повалить дерево, сдирая кору у самого основания широкими полосками длиною в один ярд. Высоко вверху хриплый голос звал на помощь.

Брон засвистел, принялся дергать свиней за хвосты, пинать их в жирные бока и, наконец, отогнал всех от дерева. Когда стадо

снова начало рыться в земле и обгладывать кору кустарника, он крикнул:

— Эй, вы там, можете спускаться!

Дерево закачалось, вниз полетели сучья, и высокий худой человек начал медленно спускаться вниз. Он задержался над головой Брона, крепко ухватившись за ствол. Брюки человека порвались, а на ногах был лишь один ботинок.

— Кто вы? — спросил Брон.

— Это ваши свиньи? — сердито заорал в ответ человек. — Их всех мало перестрелять! Они напали на меня и убили бы, если бы я не влез на дерево...

— Кто вы? — повторил Брон.

— Если вы сами, мистер, не можете позаботиться о них, то у нас на Троубри существуют законы...

— Если вы не хотите слезть и сказать, кто вы такой, мистер, то можете оставаться там, пока не сгниете, — спокойно прервал его Брон. Он указал на огромного кабана, лежащего в десяти футах от дерева и не сводившего с человека маленьких красных глазок. — Мне не нужно ничего делать. Эти свиньи сами могут позаботиться о себе. Это у них в крови. Пекари в Мексике загоняют человека на дерево и не уходят до тех пор, пока он не умрет или не свалится вниз. Мои животные не нападают ни на кого без причины. Вы, очевидно, захотели утащить одного из поросят, так как стосковались по жареной свинине. Кто вы такой?

— Вы оскорбляете меня! — возмутился человек.

— Да. Кто вы такой?

Кабан встал, подошел ближе к дереву и громко фыркнул. Мужчина, вскарабкавшись повыше, вцепился в ствол обеими руками.

— Я Раймон, радист. Я был в башне во время посадки бота. Закончив свои дела, я взял велосипед и отправился в город. Тут я увидел свиней и остановился, хотел только на них посмотреть, а они напали на меня безо всякой причины...

— Стрим, Стрим, — сказал Брон, толкнув борова носком сапога, и провел по его ребрам вверх и вниз. Боров закрыл глаза от удовольствия и радостно захрюкал. — Вам, очевидно, очень понравилось это дерево, мистер Раймон.

— Я наклонился, чтобы погладить поросенка, и тут они на меня внезапно напали.

— Это уже более правдоподобно, и я не буду задавать вам глупые и неприятные вопросы, с чего бы это вдруг вы воспылали страстной любовью к поросятам. Наверное, это ваши самые любимые животные. Теперь вы можете слезать и убираться отсюда.

Кабан завертел хвостом и исчез в подлеске. Раймон торопли-

во спрыгнул на землю и отряхнул одежду. Его красивое лицо портила злая гримаса, перекосившая рот.

— Вы еще услышите обо мне, — бросил он через плечо и зашагал прочь.

— Не сомневаюсь в этом, — сказал ему вслед Брон, выходя на дорогу и следя за электрокаром, пока тот не исчез в городе. Только тогда он вернулся назад к свиньям и свистом созвал свое стадо.

ГЛАВА 3

Тонкий металлический звон в ухе Брона становился все громче. Поначалу Брон игнорировал его, но в конце концов, зевнув, поднял руку и нажатием пальца выключил единственную сигнальную серьгу. Затем протер глаза, отгоняя сон. Над головой сияли незнакомые созвездия. Прошло уже несколько часов местной ночи, в лесу было темно и тихо, лишь изредка раздавалось редкое сопение и сонное похрюкивание свиней.

Брон спал не раздеваясь, сняв только ботинки, которые всегда старался держать сухими, и оставив сумку открытой. Он обулся и наклонился к Квини. Восьмисотфунтовая свинья, чьи очертания смутно угадывались в темноте, подняла голову и вопросительно хрюкнула. Брон откинул кончик ее уха, чтобы ему удобней было шептать в него.

— Я сейчас ухожу и вернусь на рассвете. Возьму с собой Жасмин. Ты следи за остальными.

Квини хрюкнула, весьма разумно выразив согласие, и снова улеглась. Брон тихо свистнул, зашуршали листья, и перед ним возникла малышка Жасмин.

— Пойдем со мной, — сказал он ей. Она пристроилась сзади и следовала за ним по пятам через весь лагерь. Они двигались бесшумно, как привидения.

Ночь была лунная, и спящий Троубри-Сити был ярко освещен. Никто не выглянул из окон, чтобы узнать, кто это прошел по городу и проскользнул в здание муниципалитета. Никто не услышал, как открылось окно и две тени исчезли в здании.

Губернатор Хейдин сидел на кровати, когда его комнату залил свет. Первое, что он увидел, была маленькая розовая свинка, сидевшая на коврике возле его кровати. Она повернула голову и... подмигнула. У нее были очень большие глаза.

— Извините, что я потревожил вас в такой поздний час, — Брон отошел от окна, убедившись сначала, что шторы плотно закрыты, — но я не хотел, чтобы кто-то увидел нашу встречу.

— Убирайся отсюда, пока я не вышвырнул тебя вон, сумасшедший свинопас! — рявкнул губернатор.

— Не так громко, сэр, — предостерег его Брон, — вас могут услышать. Вот моя карточка... — он протянул пластмассовый прямоугольник.

— Меня не интересуют ваши дурацкие бумаги...

— Но вы не видели ЭТО удостоверение. Разве вы не обращались в Патруль за помощью?

— Откуда вы знаете? — глаза губернатора широко раскрылись. — Вы хотите сказать, что имеете к нему какое-то отношение?!

— Вот мое удостоверение, — сказал Брон, протягивая карточку, которую держал в руке.

Губернатор обеими руками схватил карточку.

— С.В.И.Н.Т.У.С., — прочитал он и поперхнулся. — Что это? Какая-то шутка?

— Нет, губернатор. Наше подразделение создано совсем недавно. До сих пор его деятельность была совершенно секретной. О ней знал только высший командный состав.

— Значит, вы не свиной фермер?

— Я свиной фермер, губернатор. У меня звание животновода, я доктор галактической дипломатии и имею черный пояс дзюдо. Я — сотрудник Службы Внешней Инспекции Населенных Территорий, Укомплектованной Свиньями.

— Значит, это вас прислали в ответ на нашу просьбу?

— Правильно. Я не могу сообщить вам некоторые детали, но хочу, чтоб вы знали — у Патруля сейчас не хватает сил на решение всех проблем, и так будет продолжаться еще несколько лет. Когда открывают новую планету, она входит в сферу земного влияния на каком-то определенном расстоянии, и нам надо контролировать космос в кубе этого расстояния.

— Вы не могли бы объяснить попонятнее?

— Тут нет ничего сложного. Если говорить примитивно, то суть нашей проблемы состоит в том, что Патруль должен действовать между всеми колонизируемыми планетами, и этот объем пространства невозможно себе представить. Мы надеемся, что когда-нибудь у нас хватит кораблей для заполнения всего этого пространства, чтобы по любому вызову можно было послать крейсер. Но сейчас другое положение, и необходимы иные методы для оказания планетам помощи. Было создано несколько проектов, С.В.И.Н.Т.У.С. — один из первых. Вы видели мое подразделение. Мы прибыли в космическом корабле, не прибегая к помощи Патруля. У нас есть пайки, в случае необходимости мы можем перейти на самообеспечение. И способны успешно действовать во всех тактических ситуациях.

Хейдин пытался понять, но информация была слишком необычной для него.

— Я слышу, что вы говорите. И все же... — он запнулся. — У вас всего лишь стадо свиней?

Брон уяснил характер вопроса губернатора, и глаза его напряженно сузились.

— Вы думаете, было бы лучше, если бы я прибыл сюда со стадом волков? Тогда вы бы чувствовали себя в большей безопасности?

— Да, мне кажется, что так было бы лучше. По крайней мере, надежнее...

— Надежнее? Вы так думаете, потому что волк — хищник и потому что волки в природе нападают на диких кабанов? У меня есть боров-мутант. При встрече с шестью волками он спустит с них шкуры за несколько минут. Вы сомневаетесь в этом?

— Теперь поздно сомневаться. Но вы уверяете, что... не знаю... Нелепо: Патруль — и стадо свиней.

— Это мнение не особенно оригинально, — холодно заметил Брон. — Вот почему я взял целое стадо свиней, а не одних кабанов, и притворился глупым фермером. Люди не заметят странностей в поведении свиней, и это поможет расследованию. Поэтому я решил встретиться с вами сегодня ночью. Я не хочу раскрываться преждевременно.

— Вы зря беспокоитесь. Наши люди не имеют никакого отношения к насущной проблеме. — Губернатор Хейдин чувствовал себя не в своей тарелке. Он заколебался, затем снова попросил удостоверение у Брона. — Я хочу еще раз проверить, прежде чем рассказывать что-нибудь.

— Пожалуйста.

На столе стоял рентгеноскоп, и губернатор долго сравнивал невидимые надписи на удостоверении с шифровальной книгой, которую он достал из сейфа. Наконец он разочарованно кивнул Брону и вернул карточку.

— Подлинное, — сказал Хейдин.

Брон засунул удостоверение в карман.

— Итак, что у вас за неприятности? — спросил он.

Губернатор взглянул на маленькую свинку, которая разлеглась на коврике и сладко дремала.

— Привидения, — внятно произнес он.

— А вы еще смеетесь над свиньями, — иронически усмехнулся Брон.

— Не старайтесь оскорбить меня, — горячо продолжал губернатор. — Я понимаю, как это звучит, но это так. Мы называем этот феномен «привидениями», так как нам ничего не известно о них: сверхъестественное это явление или нет, но оно какое-

то нереальное. — Он повернулся к карте на стене и показал на желто-коричневое пятно среди зеленого цвета. — Вот плато привидений, от него исходят все неприятности и все беспокойство.

— Какие неприятности?

— Трудно сказать. В основном — ощущения. После колонизации этой планеты прошло уже пятнадцать лет, но люди не любят проезжать мимо этого плато. Вроде бы никто ничего не чувствует, но даже животные обходят его. А люди, осмелившиеся пересечь плато, исчезали.

Брон посмотрел на карту и обвел взглядом желтое пятно.

— А исследования там не проводились? — спросил он.

— Конечно, проводились. При первом же осмотре планеты. И геликоптеры до сих пор пролетают над плато, но с них ничего не замечали. Правда, летают они только днем. Никто из тех, кто пролетал, проезжал или проходил по плато ночью, не вернулся рассказать, что там происходит. Ни одного тела не было найдено, — в голосе губернатора звучало глубокое горе; он, несомненно, говорил правду.

— Вы предпринимали что-нибудь еще?

— Мы стали избегать плато. Это не Земля, мистер Эрбер, так что не ищите аналогий. Это чужая планета с чужой жизнью, и человеческие поселения — только угри на ее коже. Разве мы знаем, какие создания бродят здесь ночью? Мы поселенцы, а не искатели приключений. Мы научились избегать плато — по крайней мере, ночью — и никогда больше не встречаемся с подобными феноменами.

— Поэтому вы и вызвали Патруль?

— Мы вызвали Патруль, потому что совершили ошибку. Старые колонисты мало рассказывают о плато, и новички подумали, что это просто сказка. Некоторые из них стали сомневаться в памяти старожилов. Однажды отряд исследователей решил подыскать место для поселения шахтеров, и единственная свободная площадь вблизи города оказалась на плато. Туда ушел отряд под руководством Хэна Дэвиса, несмотря на все наши дурные предчувствия.

— Он имеет какое-то отношение к вашей помощнице?

— Он ее брат.

— Это объясняет ее волнение. Что же произошло?

Взгляд Хейдина стал рассеянным.

— Это ужасно, — сказал он. — Мы провели всестороннее обследование местности и днем следовали за ними на геликоптерах, но вскоре остановились. У группы Дэвиса была радиостанция, и она непрерывно работала. Ночь прошла спокойно. Потом, перед самым рассветом, радиостанция без всякого предупреждения замолкла. Мы подождали минуту и двинулись вперед, но было уже поздно.

Страшно описывать то, что мы обнаружили. Оборудование, палатки, запасы — все разбито и уничтожено. Везде была кровь, забрызгавшая сломанные деревья и землю, но люди исчезли. Никаких следов ни людей, ни машин, ни животных — ничего.

— Да, это потрясает, — кивнул Брон. — И вы там больше ничего не обнаружили?

— Мы тоже не дураки. У нас есть техника и ученые. Там не было никаких следов, и радары тоже ничего не заметили. Я повторяю — ничего.

— После этого вы послали нам вызов?

— Да. Наше терпение лопнуло.

— Вы были абсолютно правы, губернатор. Я займусь вашим делом. У меня уже есть кое-какие идеи по этому поводу.

Хейдин вскочил на ноги.

— Неужели? Какие же?!

— Я убежден, что ваши страхи преувеличены. Утром я пойду и осмотрю место гибели ваших людей. Вы можете указать мне на карте точные координаты? И пожалуйста, никому обо мне не говорите.

— Конечно, — сказал Хейдин, глядя на свинку. Она встала, потянулась и громко хрюкнула, заметив на столе блюдо с фруктами.

— Жасмин очень любит фрукты, — улыбнулся Брон. — Так вы никому не скажете?

— Нет.

— Отлично.

— Идите и помогайте себе сами, — сказал губернатор и закрыл окно за удалившимся Броном, записанными координатами и свиньей-лакомкой.

ГЛАВА 4

Брон торопился исчезнуть из рощи до рассвета. Когда он вернулся в лагерь, небо на востоке уже светлело, животные проснулись и разбрелись по роще.

— Я думаю, вы останетесь здесь до завтра, — сказал Брон, раздав из ящика витаминизированные пайки. Квини и восьмисотфунтовая свинья Полли радостно захрюкали в ответ и стали подбрасывать в воздух листья.

— Здесь удобно искать пищу, особенно после путешествия на космическом корабле. А я сейчас отправлюсь на небольшую экскурсию, Квини, и вернусь, когда стемнеет. Ты пока следи за остальными.

Он повысил голос:

— Карли! Мэй!

Не успело стихнуть эхо его крика, как по подлеску пронеслись два длинных серо-черных тела — тонны костей, мускулов и копыт. Ветвь толщиной три дюйма оказалась на пути Карли, но он не пригнулся и не свернул. Раздался короткий треск, и он очутился рядом с Броном со сломанной веткой на спине. Брон снял ветку и оглядел своих бойцов. Это были боровы-близнецы по тысяче фунтов каждый.

Обыкновенный дикий кабан весит семьсот пятьдесят фунтов и представляет собой упрямое, очень опасное и раздражительное создание. Карли и Мэй были мутантами, весили на треть больше, чем их дикие предки, и были много умнее. Но остального в них не меняли — они оставались сильными, опасными и имели скверный характер. На их десятидюймовые клыки были надеты стальные коронки, предохраняющие кость от стирания.

— Мэй, ты останешься с Квини и будешь помогать ей управлять стадом.

Мэй сердито взвизгнул и замотал огромной головой. Брон схватил в пригоршню его шкуру в любимом месте для чесания и стал тискать. Мэй счастливо захрюкал. Он был гением среди свиней, его разум достигал разума слабоумного человека — только он не был человеком. Мэй понимал простые приказы и исполнял их в пределе своих возможностей.

— Оставайся и охраняй, Мэй, оставайся и охраняй, смотри на Квини, она знает, что делать. Охраняй, но не убивай. Здесь много пищи, и ты после моего возвращения получишь конфету. Карли пойдет со мной, а все остальные потом тоже получат конфеты. — Со всех сторон раздалось радостное хрюканье, а Квини потерлась жирным боком о ногу Брона. — Иди и приведи Мейзи Мулафут, ей тоже не мешает размяться. И Жасмин.

Жасмин представляла собой проблему. Хотя по размерам она походила на поросенка, она была совершенно взрослой особью из группы необычайно маленьких свиней, выведенных специально для лабораторных экспериментов. У них развился разум, и Жасмин имела самый высокий коэффициент интеллекта из всех свиней, когда-либо выходивших из лаборатории. Но из-за этого возникали трудности: ее разум был нестабилен, происходили припадки, почти человеческие припадки, словно ее рассудок балансировал на лезвии ножа. Когда ее оставляли в стаде, она начинала дразнить и задирать остальных свиней, поэтому Брон предпочитал брать ее с собой.

Мейзи была совсем другой — типичная круглая свинья, выращенная для обычных целей. Разум был неразвит, на уровне простых свиней, а плодовитость высока. Бессердечные люди сказали бы, что она годится только для бекона. Но она была хо-

роша сама по себе, будучи при этом хорошей матерью. Сейчас ее разлучили с последним пометом. Брон хотел прогулкой отвлечь свинью от горя и хотел также, чтобы она хоть немного избавилась от жира, накопившегося во время космического путешествия.

Брон развернул карту и обнаружил старую дорогу, ведущую почти к самому плато. Он со свиньями мог с достаточной легкостью идти вообще без дороги, но она экономила время. Брон достал из кармана гирокомпас и установил на нем направление. Затем он разработал маршрут, по которому они должны были идти до дороги. Он показал рукой направление, и Карли, опустив голову, рванулся вперед, как камень из пращи. Только треск шел, когда он прокладывал себе путь через кустарник — прекрасный следопыт и отличный первопроходчик.

Легко было шагать по пути, выложенному дерном. Лагерь лесорубов оказался покинут и, видимо, давно, так как на дороге не было колеи от колес. Свиньи сопели в сочном дерне, ухватывая наиболее вкусные травинки, хотя Мейзи тяжело дышала от непривычных усилий. Вдоль дороги росли деревья, но большая часть равнины была очищена от леса и засеяна пшеницей. Вдруг Карли завертелся на месте, кинулся в сторону небольшой рощицы, остановился и вопросительно захрюкал. Жасмин и Мейзи остановились рядом с ним и посмотрели в том же направлении, вытянув головы и прислушиваясь.

— Что? Что там? — спросил Брон.

Все казалось спокойным. Но Карли не замедлил бы скорость, не имея к тому веских оснований. Более чуткие, чем люди, свиньи слышали что-то, что не испугало их, но заинтересовало.

— Пошли, — сказал Брон. — Здесь так приятно идти. — Он толкнул Карли в бок, но с таким же успехом он мог толкать каменную стену. Карли, не двигаясь, вытянул переднее копыто и указал на деревья.

— Ладно, если ты настаиваешь. Я никогда не спорю с боровами весом в полтонны. Пойдем посмотрим, что там такое. — Он ухватился за щетину на спине Карли, и тот двинулся между деревьями.

Они не прошли и пяти ярдов, как Брон сам услышал пронзительный крик птицы или маленького зверька. Но почему это заинтересовало свиней? Внезапно Брон понял, кто кричит.

— Ребенок! Карли, вперед!

Получив приказ, Карли быстро устремился вперед, не обращая внимания на кусты, а Брон устремился за ним по тропинке. Вскоре они выбежали на крутой грязный берег черного озера. Крик стал громче и перешел в отчаянное всхлипывание. В воде стояла девочка не старше двух лет, мокрая и несчастная.

— Сейчас я вытащу тебя! — крикнул Брон. Рыдания перешли в визг. Карли остановился на краю скользкого дерева, а Брон наклонился вниз, держась за его крепкую ногу. Девочка бросилась к нему, он схватил ее свободной рукой и вытащил на безопасное место. Она вся вымокла, но сразу перестала плакать и крепко ухватила его за руку.

— Что нам теперь делать? — спросил Брон и тут же услышал ответ — далекий, непрекращающийся звон колокольчика. Брон указал свиньям направление и зашагал по проложенной ими тропе.

За лесом открылся луг. На холме стоял красный фермерский дом, перед которым женщина звонила в небольшой колокол. Она сразу же заметила Брона, когда он неожиданно появился из-за деревьев, и кинулась ему навстречу.

— Эм? — закричала она. — С тобой все в порядке? — Она обняла ребенка, не обращая внимания на черные пятна грязи, появившиеся у нее на фартуке.

— Я нашел ее в пруду, мадам. Она поскользнулась на берегу и не могла выбраться из воды. Пожалуй, она только перепугалась.

— Не знаю, как вас и благодарить! Я думала, она спит, и пошла за молоком. А она, наверное, выбежала... — Тут фермерша обратила внимание на животных.

— Не меня благодарите, мадам, а моих свиней. Они услышали ее плач, и я последовал за ними.

— Какое прекрасное животное, — сказала фермерша, рассматривая Мейзи. — До переселения на эту планету мы держали свиней, а теперь у нас только молочная ферма. Я очень жалею. Позвольте мне дать вам свежего молока. Это не займет много времени.

— Благодарю вас, но мы должны идти. Присматривайте за дочерью, а мы хотим подняться на плато и вернуться до наступления вечера.

— Нет! Не ходите туда!

— Почему? Судя по карте, там хорошая земля.

— Там... происходят всякие вещи. Мы обычно не говорим об этом. Вещи, которые нельзя увидеть, но они есть. Мы пасли коров поблизости от плато, а потом перестали. И знаете почему? Они хуже стали давать молоко — в два раза меньше, чем остальные. Там есть что-то нехорошее. ОЧЕНЬ нехорошее. Можете сходить туда, если хотите, но только возвращайтесь до темноты. Вы поймете, что я хочу сказать, и очень скоро.

— Признателен вам за предупреждение. Поскольку с вашей дочерью все в порядке, я, пожалуй, пойду. — Он свистнул свиньям, попрощался с фермершей и снова вышел на дорогу. Плато все больше интересовало его. Они шли, несмотря на тяжелое ды-

хание Мейзи и ее несчастный вид. Через час они миновали большой лагерь лесорубов, покинутый из-за странных вещей, происходящих на плато, и подошли к лесу. Это был край плато.

Они переправились через реку, где Брон позволил свиньям немного напиться, пока он вырезал палку, чтобы легче было подниматься в гору. Разгоряченная Мейзи с ужасным плеском рухнула в воду. Жасмин, свинья привередливая, яростно завизжала, прокатилась по траве и стала искать себе другое место для купания. Карли, грузно пыхтя, словно локомотив, толкнул носом гнилое дерево, откатил его и стал с удовольствием пожирать прятавшихся под ним насекомых. Потом они двинулись дальше.

Подъем на плато оказался недолгим, и вскоре они очутились на равнине, поросшей редким лесом. Брон вытащил компас и указал Карли направление. Тот фыркнул и стал тщательно осматривать борозды на земле, прежде чем поставить копыто. Жасмин прижималась к ноге Брона и скулила.

У него также возникло гнетущее чувство, и по телу пробежала невольная дрожь. В этом месте было что-то... как бы это сказать? — плохое это было место. Брон не смог понять, откуда взялось это чувство, но оно не исчезало. Хуже всего было то, что здесь не было птиц, хотя ниже плато холмы были усеяны ими. И не появлялось ни одно животное. Даже если бы сам Брон не заметил отсутствия зверей и птиц, то свиньи, несомненно, привлекли бы его внимание к такому явлению.

Он подавил неприятное ощущение и пошел вслед за Карли, а две другие свиньи, молча протестуя, потрусили вслед за ним, прижимаясь к его ногам. Было ясно, что они тоже ощущали опасность и боялись ее. Только у Карли это ощущение лишь обостряло его дикий характер, так что он двигался вперед с сердитым бормотанием.

Попавшаяся им на пути лужайка, несомненно, и была тем местом, которое они искали. Ветви на деревьях вокруг поляны были скручены, а несколько молодых деревьев сломано. Земля была усеяна обрывками палаток, разбитым оборудованием и снаряжением. Брон поднял радиопередатчик и увидел, что ящичек сплюснут как бы ударом гигантского кулака.

Все время, пока он осматривал поляну, его не покидало чувство тревоги.

— Сюда, Жасмин, — позвал он. — Нюхай. Я знаю, прошла уже неделя и недавно был дождь, но, может быть, остался какой-нибудь запах.

Жасмин задрожала и, отрицательно замотав головой, прижалась к его ноге. Брон чувствовал ее дрожь и хорошо понимал состояние свиньи. Он дал понюхать ящичек Карли, и тот стал усиленно принюхиваться и фыркать, но было видно, что его внимание отвлечено чем-то другим. Нюхая, он рыскал глазами по сторонам, а потом обследовал всю поляну, перерывая носом мусор и недоуменно хрюкая. Брон подумал было, что Карли что-то нашел, когда тот стал рыть землю клыками, но это оказался всего лишь сочный корень. Карли начал его жевать, но вдруг поднял голову и насторожился, позабыв о корне.

— Что там? — спросил Брон, видя, что остальные животные тоже повернулись в сторону, в которую смотрел Карли, и стали прислушиваться. Их уши подергивались. Внезапно раздался шум. Какой-то большой зверь продирался сквозь кустарник.

Треск послышался снова, и из-за деревьев показался баундер, протянув длинную когтистую лапу чуть ли не к самым верхушкам. Брон видел фотографию этого гигантского сумчатого животного, уроженца данной планеты, но еще никогда не встречался с ним. Зверь стоял на задних лапах — двадцать футов в высоту, — и нельзя было не испытать страха, даже зная, что он не хищник и питается только болотными растениями. Все-таки он являлся грозным противником, особенно сейчас, когда был, кажется, чем-то раздражен. Чудовище качнулось и нависло сверху, как гора, его когтистые лапы устремились к человеку и свиньям.

Карли, яростно взвыв, ударил зверя в бок. Даже двадцатифутовый коричнево-красный баундер не смог устоять против тысячи фунтов веса разъяренного кабана и отлетел назад. Когда баундер остановился, Карли метнулся вперед, злобно пригнув голову, зацепил и разорвал ногу животного. Развернувшись, боров на мгновение остановился, а затем повторил атаку. Второй баундер большего размера — это был самец, появившийся чуть позже, — мгновенно оценил ситуацию, и она ему не понравилась. Его самка испытывала боль, громко кричала, и, без сомнения, за это несло ответственность мечущееся круглое создание. Без единого звука баундеры развернулись и исчезли в противоположном направлении. Жасмин, в начале этих событий бросившаяся помогать, очевидно, находилась на грани истерики. Мейзи, никогда не отличавшаяся быстрой реакцией, оставалась на месте, хлопая ушами и изумленно хрюкая.

Когда Брон полез в карман за успокаивающей таблеткой для Жасмин, в траве скользнула длинная змеиная голова почти рядом с его пяткой. Он застыл с поднятой рукой, зная, что видит сейчас перед собой смерть. Это был «поцелуй ангела» — самая ядовитая змея Троубри, более смертоносная, чем все ядовитые змеи Земли. Она питалась мясом, как удав, но у нее еще имелись ядовитые зубы и мешочки, полные яда. А сейчас она была раздражена и раскачивалась, готовясь нападать.

Было очевидно, что солидная розовая Мейзи — хорошая свинья и мать — не имела достаточного темперамента и нужных

рефлексов, чтобы напасть на огромного баундера, но змея — совсем другое дело. Мейзи завизжала и прыгнула вперед, передвигаясь с тяжеловесной грацией.

Змея увидела надвигающуюся гору мяса, ударила, мгновенно отдернула голову и снова ударила. Мейзи, пронесшись мимо, фыркнула, снова завизжала и прыгнула на балансирующую в воздухе змею. Та громко зашипела и ударила еще раз, удивляясь каким-то уголком своего мозга, почему это появившийся здесь обед не падает, чтобы она могла спокойно съесть его. Если бы она знала побольше о свиньях, она бы действовала иначе. Но она снова ударила, и большая часть ее яда уже была истрачена.

Род Мейзи был очень плодовит, и самки накапливали много жира. Ну а Мейзи была самой толстой из всех. Ее заднюю часть, которую самые алчные из плотоядных называют окороком, покрывал толстый слой жира, в котором не циркулировала кровь. Яд попал в сало и оттуда уже не мог попасть в кровь и причинить вред Мейзи. В конце концов он будет нейтрализован организмом.

Тем временем Мейзи снова развернулась, и «поцелуй ангела» в очередной раз ужалил ее — апатично, так как яд уже кончился. Мейзи мелькнула рядом с врагом, и на змею обрушились копыта — острое и опасное оружие. Если змеи любят есть свиней, то свиньям змеи тоже нравятся. Визжа и подпрыгивая, Мейзи топталась на спине змеи, аккуратно ампутируя ее голову. Тело продолжало извиваться, и Мейзи не останавливалась до тех пор, пока оно не превратилось в несколько неподвижных обрывков. Только тогда Мейзи перестала его топтать и принялась с удовольствием есть. Змея оказалась большая, и Мейзи позвала на помощь Карли и Жасмин.

Брон подождал, пока они закончат, так как пиршество вернуло им спокойствие. Только после исчезновения последнего куска они повернулись и направились обратно в лагерь. Брон кинул взгляд через плечо и почувствовал огромное облегчение из-за того, что они покидают плато Привидений.

ГЛАВА 5

В лагере их встретил хор радостного хрюканья. Большинство этих умных животных помнило про обещанные конфеты и теперь окружило Брона. Он открыл ящик с минерализованными и витаминизированными деликатесами. Раздавая их, он услышал звонок своего видеофона — совсем тихий, так как он еще не распаковал ящик с аппаратурой.

Заполняя в муниципалитете карточки, Брон, конечно, указал номер видеофона напротив своей фамилии. Этот номер давался при рождении и на всю жизнь. С помощью компьютера любой человек на любой планете мог связаться с ним. Но кто мог вызвать его здесь? Насколько он знал, его номер мог быть только у Леи Дэвис. Он вытащил карманный видеофон — размером не больше его ладони, с атомной батарейкой — и щелкнул выключателем у маленького экрана. Видеофон включился, и из маленького динамика раздалось тихое жужжание, пока на экране не возникло цветное изображение.

— Я как раз думал о вас, мисс Дэвис. Какое совпадение.

— Очень приятно, — сказала она, словно подыскивая нужные слова. Она была привлекательной девушкой, но сейчас выглядела измученной. Смерть брата подкосила ее. — Мне нужно увидеться с вами, мистер Эрбер, и как можно скорее.

— Это очень приятно, мисс Леа. Я сейчас приду.

— Мне нужна ваша помощь, но нас не должны видеть вместе. Вы можете прийти сразу же, как только стемнеет, к черному входу муниципалитета? Мы встретимся там.

— Можете на меня положиться...

Что бы это значило? Неужели девушке стало что-то известно? Возможно, губернатор рассказал ей о С.В.И.Н.Т.У.С.е. Вполне возможно, ведь она его первая помощница. И очень привлекательна, когда плачет. Накормив стадо, он сразу же достанет чистый костюм и бритву...

Брон покинул лагерь в сумерках. Квини, подняв голову, провожала его взглядом. Она должна была руководить стадом до его возвращения — все свиньи знали это и не возражали, а Карли и Мэй должны были защищать стадо от всяческих неприятностей. Карли спал после дневного похода, посапывая носом, возле его бока примостилась маленькая Жасмин. Все вокруг дышало спокойствием.

Подойти к неосвещенному входу муниципалитета не было для Брона проблемой, так как он уже был здесь один раз. Сонная тишина вокруг успокаивала его.

— Мисс Леа, вы здесь? — тихо позвал он, осторожно толкая незапертую дверь. В холле было темно, и он заколебался.

— Да, я здесь, — раздался голос. — Зайдите, пожалуйста.

Брон шире открыл дверь и шагнул вперед. В его голове взорвалась грохочущая боль, ослепив его вспышкой света. Он попытался загородиться, но следующий удар обрушился на его предплечье. Рука и плечо окаменели. Третий удар ему нанесли сзади по шее, отправив его в глубокую темноту.

— Что случилось? — спросило раскачивающееся розовое пятно.

Поморгав, Брон сумел сфокусировать глаза и разглядел озабоченное лицо губернатора Хейдина.

— Это вы мне скажите, что случилось? — хрипло ответил Брон, ощутив боль в голове и с трудом подавив приступ тошноты. Что-то влажное и холодное сопело возле его головы. Подняв руку, он нащупал ухо Жасмин.

— Мне кажется, свинью надо убрать отсюда, — сказал кто-то.

— Оставьте ее, — с трудом выговорил Брон. — И расскажите мне, что произошло.

Он осторожно повернул голову и увидел, что лежит на кушетке в офисе губернатора. Рядом стоял доктор со строгим лицом и блестящим стетоскопом. В дверях торчало еще несколько человек.

— Мы только что нашли вас, — сказал губернатор, — и больше ничего не знаем. Я работал в своем кабинете, когда раздался ужасный крик, похожий на женский. Некоторые из этих людей услышали его с улицы, и мы сразу прибежали. Мы нашли вас у заднего входа в холле с разбитой головой, а возле вас стояло и визжало это животное. Никогда бы не подумал, что свинья может издавать такие звуки! Она никого не подпускала к вам, угрожающе скалилась и щелкала зубами. И успокоилась только после прихода доктора, позволив ему подойти к вам.

Брон принялся обдумывать ситуацию настолько быстро, насколько это было в его силах.

— Тогда вам известно больше, чем мне, — сказал он. — Я пришел насчет своих бумаг на владение землей. Парадный вход был закрыт, и я подумал, что смогу пройти через черный вход. Я вошел, и меня что-то ударило по голове. Я очнулся здесь. За это мне надо благодарить Жасмин. Она пошла за мной и увидела, как меня ударили. Тогда она завизжала и, наверное, стала кусать за ноги того, кто напал на меня. У свиней очень хорошие зубы. Видимо, она испугала злоумышленника, кто бы он ни был, — Брон застонал, ему это было нетрудно. — Доктор, не могли бы вы дать мне что-нибудь от головной боли?

— Возможно, у вас сотрясение мозга, — сказал доктор.

— Слава богу! Лучше небольшое сотрясение мозга, чем проломленная голова.

К тому времени, как врач закончил свою работу, толпа рассеялась, боль в голове Брона немного утихла и стала пульсирующей. Он потрогал рукой синяк, подождал, пока губернатор закроет дверь, и произнес:

— Я не все сказал.

— Я так и думал. Что все-таки произошло?

— Это была аккуратно расставленная ловушка, и я прямехонько в нее угодил.

— Что вы имеете в виду?

— Я хочу сказать, что в этом деле замешана Леа Дэвис. Она вызвала меня, и мы договорились встретиться здесь. Она должна была меня ждать.

— Вы хотите сказать...

— То, что я сказал. А теперь зовите ее сюда, и мы ее выслушаем.

Когда губернатор пошел к видеофону, Брон обнаружил, что не может встать. Это было неприятно. Он вновь лег на спину. Комната кружилась и вертелась, а пол качался, как палуба корабля во время шторма.

Жасмин потерлась о его ногу и сочувственно застонала. Через некоторое время, когда вращение комнаты прекратилось, он с трудом встал и, спотыкаясь, направился на кухню.

— Вам что-нибудь нужно? — спросил его автоповар. — Может, вы хотели бы перекусить?

— Кофе.

— Сию минуту, сэр. Но диетологи говорят, что кофе раздражает вкусовые сосочки языка. Может, вы хотите сандвичи, или...

— Тихо! — Голова Брона снова заболела. — Не люблю этих новомодных болтливых поваров. То ли дело старые образцы, на которых загоралась надпись «Готово» и больше ничего.

— Ваш кофе, сэр, — чрезвычайно сердито сказал повар. В углу кухни, щелкнув, открылась дверца, и из нее появился дымящийся кофейник.

— А где чашка? Или я должен пить из кофейника?!

— Сию минуту, сэр. Но вы не заказывали чашку, — в машине послышался приглушенный звон, и на стол вылетела треснутая чашка.

«Только этого мне и не хватало сейчас: темпераментного робота-повара, — подумал Брон. — Лучше сейчас с ним не ссориться, а то будут неприятности с губернатором, когда тот придет».

К нему подошла Жасмин, стуча копытами по твердому полу.

— Благодарю вас, повар, — сказал Брон. — Я много слышал о вашей чудесной кухне и не буду удивлен, если вы сумеете мне сделать яйца по-бенедиктински.

— Одну секунду, сэр, — радостно сказал повар, и действительно, через секунду на столе появилась дымящаяся тарелка, вилка и нож.

— Удивительно, — сказал Брон, ставя тарелку перед Жасмин. — Лучшее из всего, что я ел.

Кухня наполнилась громким чавканьем.

— Вы и в самом деле хороший едок, сэр, — благостно прожужжал робот. — На здоровье, на здоровье...

Брон отнес кофе в другую комнату и осторожно присел на

кушетку. Губернатор оторвался от видеофона и озабоченно нахмурился.

— Ее нет дома, — сказал он. — Она, видимо, у кого-то из своих друзей. Патруль обыскивает город, а я послал вызов по всем частным видеофонам. Ее никто не видел и нигде никаких следов. Этого не может быть. Я попытаюсь связаться с рудниками.

Через час губернатор Хейдин убедился, что Леа Дэвис исчезла. Обжитая территория на Троубри была невелика, и со всеми поселенцами можно было связаться по видеофону. Девушку никто не видел и не знал, где она находится. Она исчезла. Брон знал об этом еще до всяких звонков.

— Она исчезла, — наконец сказал Хейдин, закончив последний телефонный звонок. — Как странно! Она не могла иметь никакого отношения к нападению на вас.

— Она могла иметь к этому отношение, если ее к этому вынудили. Предположим, ее брат жив...

— Не может быть! Откуда вы это знаете?

— Я только предполагаю. Но это выглядит правдоподобно.

— Что вы говорите?

— Дайте мне договорить. Предположим, что ее брат уцелел и находится в смертельной опасности. И ради его спасения она сделает все, что ей прикажут. Поверим девушке — я не хочу сказать, что она знает злоумышленников и желает мне смерти. Она видела нападение, и поэтому ее забрали с собой.

— Что вам стало известно, Эрбер? — воскликнул губернатор. — Расскажите мне все!

— Вы узнаете все, когда в моих руках будут не предположения, а факты. Это нападение и похищение девушки говорят о том, что кого-то явно беспокоит мое присутствие. Это значит, что я приблизился к раскрытию тайны. Я ускорил события, стремясь разгадать природу этих «привидений».

— Вы думаете, что существует связь между всем этим и плато Привидений?

— Я не думаю, я знаю! Вот почему надо, чтобы завтра в городе возникли слухи, что я пойду столбить себе участок. Будьте уверены, все будут знать, куда я пойду.

— Куда? На...

— На плато Привидений, куда же еще?

— Это самоубийство.

— Не совсем так. У меня есть предположение, что там происходит на самом деле, и есть защита. Во всяком случае, надеюсь, что есть. У меня своя команда, и она уже дважды за этот день показала себя. И мне хочется надеяться, что у нас еще есть шанс увидеть Лею живой.

Хейдин оперся кулаком о крышку стола и задумался.

— Я могу остановить вас, если захочу, но я не сделаю этого, потому что сам пойду с вами. Радиостанции, вооруженные люди, геликоптеры...

— Нет, сэр, очень благодарен вам за заботу, но вспомните, что случилось с вашей первой экспедицией.

— Тогда я один пойду с вами. Я ответствен за Лею. Либо вы берете меня, либо сами никуда не пойдете.

Брон улыбнулся.

— Сделка заключена, губернатор. Мне может понадобиться рука друга и, возможно, свидетеля. Сегодня на плато будет очень беспокойная работа. Но приходите без оружия.

— Это же самоубийство!

— Вспомните предыдущую экспедицию. Я тоже оставлю большую часть своего снаряжения. Я полагаю, вы сможете сохранить его на складе до нашего возвращения. Мне кажется, потом вы поймете, что у меня для этого есть серьезные основания.

ГЛАВА 6

Брон сумел оправиться от последствий нападения после десяти часов крепкого сна и теперь чувствовал себя вполне сносно.

В полдень все было закончено, и маленький отряд выступил. Губернатор Хейдин, отправляясь в экспедицию, надел высокие ботинки и теплую одежду — теперь он шел впереди. Но продвигались они медленно — со скоростью поросят, и со всех сторон дороги раздавался треск, когда свиньи позволяли себе подкрепиться змеями.

Они шли по следам первой экспедиции. Извилистая дорога, ведущая на плато, большей частью проходила вдоль быстрой реки с мутной водой. Брон указал на нее.

— Эта река вытекает с плато? — спросил он.

Хейдин кивнул.

— Только эта. Она течет с гор, находящихся на плато.

Брон кивнул и бросился на помощь визжащему поросенку, который ухитрился застрять между камней. Потом они снова двинулись вперед.

С заходом солнца они разбили лагерь на поляне, где нашла свой конец предыдущая экспедиция.

— Это удачная идея? — спросил Хейдин.

— Конечно, — ответил ему Брон. — Это как раз то место, которое мне нужно. — Он оглянулся на солнце, низко нависшее над горизонтом. — Давайте поужинаем, я хочу до темноты управиться со всеми хозяйственными делами.

Брон установил огромную палатку, но обставил ее весьма скудно — два складных стула и фонарь.

— Вы предпочитаете спартанский стиль? — спросил губернатор.

— Не вижу причин тащить за сорок пять световых лет кучу вещей только для того, чтобы их здесь уничтожили. Мы, несомненно, должны были разбить лагерь, и тут есть все необходимое. Остальное снаряжение здесь, — он похлопал по небольшому пластиковому мешочку, висевшему у него на плече. — А теперь ешьте.

Столом им послужил ящик, в котором Брон хранил рацион для свиней. Хороший офицер всегда прежде всего заботится о своих солдатах, так что все животные были уже накормлены. Брон поставил на ящик два саморазогревающихся пакета, разорвал на них упаковку и протянул губернатору пластиковую вилку. Когда они покончили с ужином, наступила почти полная темнота. Брон высунулся из палатки и свистом подозвал Карли и Мэя. Оба кабана появились в полной готовности действовать, покинув лужи, куда улеглись на отдых.

— Хорошие парни. — Брон потрепал их щетинистые головы, и кабаны довольно захрюкали и уставились на него. — Вы знаете, они считают меня своей матерью... Это звучит несколько смешно, но это так. Их взяли от матерей сразу после рождения, и я вырастил их, так что я «впечатался» в их мозг как родитель.

— *Их родители были свиньями, а вы на них похожи, но не слишком...*

— Это не важно. Все знают, что если котенка воспитала собака, то он всю жизнь будет считать себя собакой. Новорожденный детеныш считает своим родителем то животное, которое он увидел, только открыв глаза. В природе так и бывает. Котенок думает, что его мать — собака, эти два огромных кабана думают, что их мать — я, не размышляя над нашими физическими различиями. Я полностью убедился в этом, прежде чем решился работать с ними. Я рассказал вам это для того, чтобы вы не пытались предпринять безрассудные действия. А теперь отдайте мне ваш пистолет, который вы так любезно согласились не брать с собой.

Рука Хейдина дернулась к карману и остановилась на полпути — оба кабана мгновенно повернулись к нему.

— Но мне нужно оружие для самозащиты, — запротестовал он.

— Вас прекрасно защитят. Доставайте пистолет, и немедленно.

Хейдин осторожно вытащил небольшой лучевой пистолет и протянул его Брону. Тот взял оружие и повесил на крючок рядом с фонарем.

— А теперь очищайте карманы, — приказал Брон. — Выгружайте оттуда все металлические предметы.

— Что вы хотите?

— Я скажу вам об этом позже. Сейчас у нас нет времени. Вытаскивайте все.

Хейдин взглянул на кабанов и стал опустошать карманы. На ящике возникла целая коллекция монет, ножей, ключей и мелких инструментов.

— У нас нет больше ничего металлического, кроме петелек для шнурков на ваших ботинках, но я не думаю, что они могут доставить нам много неприятностей. Сам я предусмотрительно надел резиновую обувь.

Теперь стало совсем темно. Брон оттащил весь металл в лес и рассыпал между деревьями в доброй сотне ярдов от поляны. Возле поляны осталась лишь Квини.

— Я требую объяснений, — сказал губернатор.

— Не мешайте мне, Хейдин, я действую в соответствии со своими предположениями. Если до утра ничего не произойдет, то я дам вам свои объяснения и принесу извинения.

— Я убежден, что мог бы применить и свои методы.

— Не кричите, Квини хорошо понимает английский язык, и я не хочу, чтобы она рассердилась.

— Все это какое-то недоразумение.

Квини неожиданно подняла голову и хрюкнула.

— Ты что-то слышишь? — спросил Брон.

Свинья снова хрюкнула, и кивок тяжелой головы был очень похож на человеческое «да».

— В лес, под деревья! — закричал Брон, хватая губернатора за руку. — Или вы очень скоро станете трупом!..

Они помчались сломя голову и очутились под деревьями, когда до них донесся отдаленный, но все нарастающий вой. Хейдин хотел что-то спросить, но его швырнули лицом вниз, а на поляну впереди опустился темный воющий силуэт, заслонив собою звезды. Вокруг Брона и губернатора взлетел вихрь листьев и обломанных сучьев. Хейдин ощутил, как что-то тянет его за ногу. Он снова попытался заговорить, но тут Брон поднес ко рту пластмассовый свисток, свистнул и закричал: «Карли, Мэй, атакуйте!»

Одновременно он вытащил из сумки какой-то предмет, похожий на палку, и швырнул его на поляну. Палка хлопнула и брызнула пламенем — это была разновидность осветительной ракеты.

Темный силуэт, несомненно, был машиной — круглой и шумной, по меньшей мере десяти футов в диаметре, плавающей в воздухе на высоте фута от земли. По ее краям было установле-

но несколько дисков. Один из них развернулся в сторону палатки. Раздалось несколько хлопков, палатка, казалось, взорвалась изнутри и упала на землю.

Все это произошло до того, как с противоположной стороны поляны появились атакующие кабаны. Скорость их была невероятной, головы опущены, ноги мелькали, как поршни. Они обрушились прямо на поляну, где висела машина. Раздался металлический звон, скрежет, и машина, наклонившись, чуть не перевернулась.

Второй кабан мгновенно оценил преимущества своего положения. Его разум был быстрее его реакции. Кабан без единого звука подпрыгнул к открытому верху машины. Хейдин с ужасом смотрел на эту сцену. Теперь машина стояла на земле, видимо, поврежденная или прижатая весом кабана. Разгневанное первое животное взобралось с другой стороны и тоже исчезло внутри. Сквозь шум двигателя слышался скрежет раздираемого металла и пронзительные вопли. Что-то загремело, и двигатель с затихающим стоном прекратил свою работу. Когда наступила тишина, послышался приближающийся гул второй машины.

— Еще одна! — крикнул Брон и, вскочив на ноги, дунул в свой свисток. Один кабан спрыгнул на землю из обломков машины. Второй продолжал свою работу. Первый кабан метнулся навстречу звуку и оказался на месте, когда машина появилась на краю поляны. Кабан подпрыгнул и вонзил в нее клыки. Что-то заскрежетало. Большая черная полоса, оторвавшись от машины, упала на землю. Машина накренилась. Ее водитель, вероятно, увидел остатки первого аппарата, потому что рейдер сделал крутой вираж и исчез там, откуда появился.

Первая ракета догорала. Брон зажег новую. Ракеты светили по две минуты, а все сражение — от начала и до конца — заняло не так уж много времени. Брон зашагал к поверженной машине, и губернатор поспешил за ним. Кабан выпрыгнул наружу, тяжело дыша, и стал чистить клыки о землю.

— Что это за машина? — спросил губернатор, удивленно рассматривая машину.

— Ховер, — ответил Брон. — Сейчас их редко увидишь. Эти машины передвигаются на открытой местности и над водой, не оставляя следов, но они не могут двигаться, например над лесом.

— Я никогда о них не слышал.

— Немудрено. После изобретения лучевых электробатарей были изобретены более совершенные транспортные средства. Одно время строились ховеры, огромные, как дом. Они представляли собой нечто среднее между наземным и воздушным транспортом. Они движутся на воздушной подушке.

— Так вы знали, что они появятся, и поэтому тащили меня в лес?

— Я предполагал это. И по очень веским причинам подозревал их. — Брон указал на сбитый ховер, и Хейдин заглянул туда.

— Я стал забывчив, я думал, что предусмотрел все, — сказал губернатор. — Я видел инопланетян только на фотографии, и поэтому они были для меня почти нереальными. Но эти создания... зеленая кровь... кажется, все — мертвецы... Они очень похожи на...

— Сульбани. Одна из трех разумных рас, встреченных нами. И только они освоили межзвездные перелеты до нашего появления в Галактике. Они даже имеют свои колонии и не всегда признают наши права. Мы избегаем их и стараемся убедить, что не имеем территориальных претензий к их планетам. Но и некоторых людей трудно убедить, а чужаков — тем более. Сульбани — наихудшие в этом отношении. Недоверие у них в крови.

На их присутствие на Троубри указывало все, но я не мог быть абсолютно уверенным, пока не встретился с ними лицом к лицу. Использование высокочастотного оружия характерно для сульбани. Вы, наверное, знаете, что если поднимать частоту звука, то для человека он станет неслышным, а животные его слышат. Поднимите его еще выше, и животные тоже перестанут слышать, однако, как и мы, будут ощущать. Ультразвук может творить удивительные вещи. — Брон постучал по одному из изогнутых дисков, похожих на микроволновую антенну. — Это первый ключ. Они установили в лесу на краю плато ультразвуковые прожекторы, которые излучали звуковые волны на длине, не слышной, но вызывающей чувство внутреннего беспокойства у людей и большинства животных. Их излучение удерживало людей вдали от плато большую часть времени, — он свистом подал стаду сигнал сбора. — Животные, как и люди, стремились прочь от источников ультразвука. Когда же это средство не помогало и люди проникали на плато, сульбани прибегали к более действенным методам. Взгляните на свои ботинки и на этот фонарь.

Хейдин наклонился. Металлические петельки с его башмаков исчезли, а оборванные концы шнурков свисали из рваных отверстий. Фонарь же, как и металлические предметы из снаряжения первой экспедиции, был смят и расплющен.

— Магнитострипция, — сказал Брон. — Они используют ее для обработки металла на своих заводах. Ультразвуковые излучатели лишь завершают картину. Даже обыкновенный радар может обжечь вас, если вы окажетесь прямо перед ним, а ультразвуковые колебания превращают воду в пар и разрушают органические вещества. Именно это они и сделали с нашими людьми, разбившими здесь лагерь. Они неожиданно напали в тот момент,

когда люди находились в палатках рядом с оборудованием. Оно взорвалось и помогло уничтожить всех. А теперь пойдем.

— Я не понял, что все это означает. Я...

— Потом. Сейчас мы непременно должны догнать их.

На противоположной стороне поляны, там, где исчезла машина, они наткнулись на полосу черного пластика.

— Кусок обшивки ховера, — сказал Брон. — Теперь они долго в воздухе не продержатся. Мы последуем за ними, — он протянул пластик свиньям, толкавшимся вокруг. — Как вы знаете, собаки обладают хорошим обонянием, но и у свиней носы не хуже. Вперед!

Хрюкая и визжа, стадо устремилось в темноту. Два человека, спотыкаясь, последовали за ним. Пробежав ярдов пять, Хейдин остановился, чтобы перевязать ботинки полоской от носового платка, прежде чем двигаться дальше. Он ухватился за ремень Брона, тот уцепился за короткую щетину на спине Карли, и они побежали за свиньями.

Когда впереди смутно зачернела темная масса гор, Брон свистнул.

— Стойте здесь, — приказал он свиньям. — Вместе с Квини. А Карли, Мэй, Жасмин — за мной.

Теперь они замедлили скорость — местность была труднопроходимой, очень часто попадались отвесные утесы. Слева тянулось ущелье, на дне которого бурлила река.

— Вы же говорили, что эта штука не может летать, — прохрипел Хейдин.

— А она и не летает. Жасмин, иди по следу.

Маленькая свинка фыркнула и рысью припустила по обломкам камней к широкому утесу.

ГЛАВА 7

— Может быть, здесь есть потайной ход? — предположил Хейдин, ощупывая твердую поверхность камня.

— Он несомненно есть, но у нас нет времени для поисков. Полезайте и спрячьтесь за тем камнем, — приказал Брон, — пока я попробую открыть эту штуку.

Он вытащил из своего мешка кубик похожего на глину вещества — пластиковую взрывчатку — и прилепил ее на камень в тех местах, где указывала Жасмин. Потом он подсоединил взрыватель, установил запал и бросился бежать.

Только он успел залечь, как задрожала земля и в небо взметнулся фонтан огня. Во все стороны полетели осколки камней.

Они вскочили и увидели свет, струящийся сквозь большую

трещину в стене. Кабаны протиснулись в нее, и трещина стала еще шире. Последовав за животными, Брон и губернатор увидели металлическую дверь, вмонтированную в камень. Распахнув ее, они оказались в большой пещере, где и остановились. Брон заглянул в туннель, ведущий из пещеры в сердце горы.

— Что дальше? — спросил губернатор.

— Я сейчас как раз над этим думаю. Сегодня ночью я натравил своих кабанов на сульбани, и это увенчалось успехом. Но этот туннель смертельно опасен для моих бойцов, даже скорость не спасет их от лучей и пуль, но... зато у нас есть преимущество внезапного нападения.

Осторожно, с двумя кабанами по бокам, Брон двигался по хорошо освещенной пещере, а Хейдин, не отставая, шел за ними. Опасность возникла у первого пересечения туннелей. Люди были в двадцати ярдах от перекрестка, когда появился сульбани с оружием в руках. Брон, не целясь, выстрелил с бедра и противник повалился, забрызгав кровью пол туннеля.

— Вперед! — крикнул Брон, и кабаны один за другим исчезли в сумраке туннелей. Брон выстрелил им вслед, целясь поверх голов, и стрелял до тех пор, пока лазер не раскалился. Мужчины рванулись за животными, но, когда они прибежали, бой был уже давно закончен. У Мэя был обожжен бок, что не замедлило его скорости, но значительно ухудшило его и без того дурной характер. Пыхтя, как паровая машина, он уничтожал баррикаду, расшвыривая головой ящики.

— Вот вам оружие, — сказал Брон, поднимая уцелевший лазер. — Я поставлю его на одиночный разряд. Надо только прицелиться и нажать на спуск. Сульбани уже знают о нашем появлении, но, к счастью, они не подготовлены к сражению внутри своего дома.

Они побежали, наращивая скорость и останавливаясь, лишь встречая сопротивление. Пересекая один из туннелей, они услышали отдаленный шум. Брон резко замер и подозвал всех остальных.

— Стойте. Этот шум похож на человеческие голоса.

Металлическая дверь была прочно вделана в камень, но лазерный луч превратил замок в лужицу расплавленного металла, и Брон распахнул дверь.

— Я была уверена, что нас здесь никогда не найдут и мы так и умрем, — сказала Леа Дэвис, выходя из камеры. Она опиралась на руку высокого человека с такими же рыжими волосами.

— Хэн Дэвис? — спросил Брон.

— Да, но давайте отложим представление друг другу до лучших времен. Когда меня везли сюда, я кое-что заметил. Самое

важное — их центральный пост, откуда ведется энергоснабжение. Кроме того, там аппаратура связи.

— Я с вами, — сказал Брон. — Если мы захватим пульт, то оставим их без энергии и в полной темноте. Моим кабанам это понравится. Они будут совершать рейды до прибытия основной силы, а мы вызовем город.

Хэн Дэвис указал на лазер в руках губернатора.

— Я был бы очень рад, если бы вы доверили его мне. У меня большой счет с этими тварями.

— Он ваш. Показывайте дорогу.

Бой у пульта управления закончился за несколько минут — основную работу сделали кабаны.

Большинство мебели оказалось разбитой, но аппаратура работала.

— Станьте у входа, Хэн, — попросил Брон, — пока я буду разбираться в этих надписях сульбани, чего вы, вероятно, не сможете сделать, — он забубнил текст чужих надписей и, наконец, удовлетворенно улыбнулся. — Осветительные цепи, вот что это должно означать.

Брон нажал на кнопку, и свет погас.

— Я надеюсь, темно стало везде, а не только здесь, — слабо донесся из темноты голос Леа.

— Везде, — заверил ее Брон. — Аварийный выключатель освещения этой комнаты, кажется, вот здесь.

Синие лампочки, усеивающие потолок, замигали и ожили. Леа радостно вздохнула.

— Я очень волнуюсь, — сказала она.

Два кабана выжидающе смотрели на Брона. В их глазах горел красный огонь.

— Идите, парни, — сказал он. — Только будьте осторожнее.

Губернатор Хейдин оглядел приборы на пульте.

— А теперь, — сказал он, — пока нам ничего не угрожает, пожалуйста, скажите, что здесь происходит и что все это означает?

— Это рудник, — сказал Хэн, указывая на стену комнаты, где висела схема туннелей. — Урановый рудник. Засекреченный и разрабатываемый уже много лет. Я не знаю, как они вывозят металл, но здесь добывается и обогащается много руды. Пустая же порода выбрасывается в реку.

— Я расскажу вам, что происходит потом, — сказал Брон. — За грузом сюда прибывают из космоса. Сульбани имеют отличные космические корабли и контролируют большую часть пространства. Но у них мало атомного сырья. Земля тоже нуждается в нем. Вот почему эта планета, находящаяся недалеко от сектора сульбани, была заселена нами. И хотя нам сейчас не нужен здешний уран, мы не хотим, чтобы он попал в их руки. Патрулю

стало известно, что откуда-то, возможно с Троубри, к сульбани поступает уран. Мы не знали этого точно, но предполагали. Когда губернатор послал просьбу о помощи, эти подозрения усилились.

— Мне до сих пор непонятно вот что, — сказал Хейдин. — Мы должны были заметить чужие корабли возле нашей планеты. Наши радары хорошо работают.

— Я уверен, что они работают прекрасно, но эти создания имеют среди людей по меньшей мере одного помощника, скрывающего появление кораблей.

— Человек?! — загремел Хейдин, потом задумчиво сказал:— Это возможно. Предательство свойственно человеческой расе. Но кто это может быть?

— Это стало очевидным после того, как я исключил вас.

— МЕНЯ?!

— Раньше вы были основным объектом для подозрений. Но вы ничего не знали о ховере и погибли бы, если бы я не потащил вас к деревьям. После этого я исключил вас из списка подозреваемых. Остался только один человек — Раймон-радист.

— Правильно, — сказала Леа. — Он дал мне поговорить по видеофону с Хэном, а потом заставил вызвать вас, пригрозив, что убьет его, если я откажусь. Он не сказал, зачем хочет видеть вас, и я не знала...

— Вы и не могли знать, — улыбнулся Брон. — Он неопытный убийца и, должно быть, выполнял требование сульбани убрать меня. Он зарабатывал свои деньги, не давая нашим радарам засечь их корабли. И я уверен, что именно он заглушил передатчики Хэна, когда на его отряд напали сульбани. А теперь, губернатор, я надеюсь, вы в своем рапорте положительно отзоветесь об операции «С.В.И.Н.Т.У.С.».

— Дам самый лестный отзыв. — Губернатор посмотрел на Жасмин, которая нашла бар сульбани и теперь поглощала его содержимое. — Я даже готов заречься есть свинину на всю оставшуюся жизнь.

ВЫПУСК

Когда командор закончил рассказ, несколько минут стояла тишина, прерванная неистовыми криками кадетов и громкими аплодисментами. Шум мгновенно стих, как только командор поднял руку:

— Я понимаю ваш энтузиазм. Такие операции делают название «С.В.И.Н.Т.У.С.» весьма популярным в Галактике. Это хорошие ребята. Но от патрульного С.В.И.Н.Т.У.С.а требуется большое мастерство. Плюс любовь к свиньям.

В нашей индустриализованной Галактике многие люди и близко не видели ни одного поросенка. И я думаю, что число добровольцев, которые захотят заняться этой работой, будет значительно меньше вашего энтузиазма. Я говорю — не надо торопиться. Спецслужбам нужны только добровольцы. Если для вас машины ближе, чем животные, то и здесь вам найдется работа.

Когда я сказал «машины», перед моими глазами немедленно промелькнули разнообразные картины, и я вспомнил о планете под названием Слагтер и о том, что там случилось не так давно.

ГЛАВА 1

Корпус помятого корабля все еще вибрировал от удара при посадке, когда с визгом открылся грузовой люк. Из него высунулась стрела крана и стала выбрасывать на землю, запекшуюся от жары, ящики разных размеров, а затем из люка вылетел и распластался на ящиках пестрый, в разноцветных заплатах балдахин. Продолжая торопливо работать, стрела вынесла наружу стулья, ящики, роботов, охладитель воды, ящик для денег, плевательницу и другие предметы первой необходимости.

В разгар этой лихорадочной деятельности из люка чуть в стороне упала металлическая лестница, и по ней, уклоняясь от взмахов стрелы, спустился человек в клетчатом плаще и поношенном, ярко раскрашенном старомодном шлеме, известном под названием «дерби». Не успев сойти на землю, человек уже сильно вспотел. Его звали Генри Винн, но друзья называли его Хенк.

Сухая пыль летела из-под ног Генри. Он утомленно, дотащившись до длинного ящика, упал на стул, щелкнул выключателем, и из ящика полилась громкая музыка духового оркестра. Когда он достал из охладителя стаканчик с водой, музыка сменилась громкой записью его голоса.

— Приходите, приходите купить ИХ! Хватайте, пока они горячие, холодные или теплые! Вы никогда в жизни не видели таких машин, домашних приспособлений или роботов, подобных этим! ПОКУПАЙТЕ! ПОКУПАЙТЕ! ПОКУПАЙТЕ! Пока они не кончились!

Вся эта деловая активность около корабля торговца казалась неуместной среди бесплодного ландшафта. Палило оранжевое солнце, низко висящее над горизонтом, и клубилось жаркое марево. Корабль приземлился в дальнем конце космопорта, представляющего собой огромное чистое поле, в одном конце которого была видна сторожевая башня. Ничего вокруг не двигалось, и почва была потрескавшейся и иссохшей.

Генри снял шлем, вытер ладонью пот, а затем водрузил шлем на место. Льющаяся музыка и слова всасывались горячей нескончаемой тишиной.

В другом конце поля возникло какое-то движение. Облако пыли помчалось к кораблю, сквозь него было видно черное пятно. Нарастал звенящий рев, и Генри прикрыл глаза. Когда он снова открыл их, то увидел, что черное пятно превратилось в крупного мужчину, слезшего с машины. Мужчина заговорил очень внятно, и в смысле его слов можно было не сомневаться.

— Лезьте обратно в ваш корабль и убирайтесь отсюда.

— Был бы счастлив сделать это одолжение, — сказал Генри, дружелюбно улыбаясь, — но боюсь, что не смогу. Повреждены дюзы...

Наступила напряженная тишина. Стороны изучали друг друга. Они представляли собой резкий контраст. Мужчина, возвышающийся на трицикле — разновидности мотоцикла, но с гидростабилизатором и мощными гусеницами вместо колес, — был высоким человеком с обветренным лицом. Он смотрел на Генри из-под полей шляпы, держа правую руку на рукояти пистолета, находящегося на его бедре в потертой кобуре. Мужчина выглядел очень эффектно.

Генри Винн, напротив, выглядел совсем неэффектно. Его широкое лицо расплывалось в улыбке. Злые люди называли его толстяком. Он всегда падал там, где другие люди просто садились, и теперь был весь в поту. Белая холеная рука его сильно дрожала, когда он протянул незнакомцу стакан холодной воды.

— Хотите пить? — спросил он. — Хорошая ледяная вода. Моя фамилия Винн. Генри Винн, а друзья называют меня Хенк. Убежден, что не задержу вас надолго, шериф... — добавил он, разглядев золотой значок, приколотый к широкой груди незнакомца.

— Грузите ваш утиль обратно в корабль и убирайтесь отсюда. Я даю вам две минуты, а затем стану стрелять.

— Я люблю делать одолжения, поверьте мне, но поломанные дюзы...

— Одна минута прошла. Выметайтесь...

— Пощадите меня, не могу. Вы случайно не знаете, есть ли кто-нибудь в космопорту?

— Выметайтесь, — повторил шериф, но уже не так напористо. Можно было заметить, что он задумался о поврежденных дюзах и о том, что можно сделать, чтобы вышвырнуть корабль с планеты. Генри воспользовался временным затишьем и нажал коленом на выключатель в задней стенке своего ящика.

— Настоящий старый ратткатский виски — лучший в Галактике! — пронзительно закричал маленький робот, выпрыгивая из ящика. Он, казалось, был сделан из гнутых труб, и на челюстях его были огромные плоскогубцы. В своих клещеобразных манипуляторах он держал янтарную бутылку, протягивая ее шерифу.

Тот немедленно среагировал, выхватив длинноствольный пистолет. Раздался громкий треск — и бутылка разлетелась вдребезги.

— Вы пытались убить меня, да?! — заорал шериф, навел пистолет на Генри и нажал на спуск.

Генри не пошевелился и продолжал улыбаться. Пистолет бессмысленно щелкнул, потом еще раз. Не сводя с Генри испуганного взгляда, шериф засунул пистолет в кобуру, завел двигатель и в туче пыли унесся прочь.

— Что все это значит? — спросил Генри у пустоты. И пустота ответила — чуть хрипловатый голос прошептал ему на ухо:

— Человек с огнестрельным оружием намеревался причинить вам вред. Оружие сделано из ферросплавов. Поэтому я выработал узконаправленное поле огромной напряженности, чтобы внутренние части оружия перестали работать, и оно не сработало.

— Шериф был очень удивлен?

— Не думаю. Такое оружие склонно к неисправностям. Это называется осечкой.

— Я помню. — Генри сделал глоток воды.

— Что вы помните? — спросил тонкий голос из-за ящика. Совсем другой голос.

— Я помню, что вы — мой первый покупатель на этой планете. Поэтому вам причитается специальный Приз Первого Покупателя. — Он быстро провел пальцами по клавиатуре, установленной перед ним, и в крышке ящика открылась дверца. Из нее показался робот с укороченными конечностями и извлек из себя огромный леденец. Генри протянул его мальчику, который вылез из укрытия и стал подозрительно разглядывать угощение.

— Что это?

— Разновидность сладостей. Возьми рукой за деревянную часть, а остальное засунь в рот.

Мальчик нерешительно взял леденец и захрустел им.

— Ты знаешь человека, который только что уехал отсюда? — спросил Генри.

— Шериф, — прочавкал мальчик.

— Это его единственное имя?

— Шериф Мордит. Дети его не любят.

— Я не стал бы их упрекать за это...

— Что он ест? — раздался голос. Еще один голос.

Генри повернулся и увидел ребенка постарше, который тоже появился совершенно бесшумно.

— Конфету. Ты любишь конфеты? Первая — даром.

Подумав, мальчик кивнул. Генри наклонился над выдвижным ящиком, так что лицо его полностью скрылось, пока он что-то шептал. Дети не слышали его, на корабле же было слышно хорошо.

— Что происходит? Вы что, спите? Откуда взялись эти пацаны?

— Компьютеры не спят, — ответил голос в его ухе. — Мальчики не вооружены. С разных сторон приближаются еще пять мальчиков.

Они подходили к ящику один за другим, и каждый получал бесплатно леденец. Генри нажал клавишу денежного регистратора: звякнул колокольчик. Открылся небольшой ящичек, и в окошке появилась надпись: «Не для продажи».

— Конфеты даром, — объяснил он ребятам. — Не хотите ли еще что-нибудь? Игрушки, книги... Идите домой, ломайте копилки, и вы получите все. Даже роботов с памятью, самоуправляемых.

— А ружье? — с надеждой спросил один подросток. — Я думаю, оно мне пригодится.

— Робби уже большой, и ему вскоре может понадобиться ружье, — подтвердил маленький мальчик, и все остальные кивнули.

— Когда мне надо будет ружье, — сказал Робби с мрачной свирепостью, — я возьму его у дяди.

— Приятная планета, — сказал Генри, подталкивая к Робби пачку звуковых комиксов. Раздалось несколько микровзрывов, обрывки диалогов и рев ракетных двигателей, когда тот перелистывал страницы.

— Вашу планету часто посещают другие люди?

— Никто и никогда. Мы на Слагтере не любим чужаков.

— Некоторые к вам должны были прилетать. По крайней мере один человек. Мне известно, что Галактическая Перепись посещала эту систему. Руководил экспедицией командор Сергеев.

— Вот он! — раздался душераздирающий вопль с открытой страницы звукокнижки. — Он только что совершил посадку и теперь уходит вправо!..

Робби захлопнул книжку и к чему-то прислушался. Потом положил на ящик монету и побежал прочь. Остальные мальчики тоже исчезли со своими покупками. Через мгновение вокруг снова было пусто.

ГЛАВА 2

— Что там такое? — громко спросил Генри.

— Со стороны космопорта приближается машина, — ответил компьютер. — У детей тонкий слух, и они услышали шум раньше вас.

— Они молоды и поэтому слышат более высокие частоты, — проворчал Генри. — Теперь я тоже слышу.

— Я просто констатирую факт, — ответил компьютер безжизненным голосом.

Новая машина оказалась полугусеничным грузовым автомобилем, который оглушительно ревел, приближаясь к кораблю, и затормозил с душераздирающим скрежетом. На Генри вновь налетело облако пыли. Неужели все люди на Слагтере передвигаются так стремительно?

Мужчина, выпрыгнувший из машины, казался родным братом шерифа. Та же широкополая шляпа, дубленая кожа и оружие под рукой.

— Здравствуйте, — сказал Генри, разглядывая черный зрачок дула. — Мое имя Генри Винн, но друзья называют меня Хенком. А ваше имя?

Единственным ответом на дружелюбный вопрос Хенка был хмурый взгляд. Генри ответил на него улыбкой и попытался заговорить снова:

— Ну хорошо, тогда перейдем к сути дела. Могу ли я что-нибудь предложить вам? Например, маленький летающий транзистор? Он может все время следовать за вами и услаждать ваш слух днем и ночью...

— Для вашего корабля подойдет тридцатисантиметровая труба? — спросил мужчина.

— Конечно, — живо ответил Генри. — Вы не скажете, где я могу ее достать?

— Здесь, — ответил вновь прибывший, вытаскивая из автомобиля длинную трубу и подкатывая ее к яшику. — Она стоит 457 кредиток.

Генри кивнул и раскрыл денежный регистратор.

— Я могу вам дать 325 кредиток, а на остальную сумму выписать чек.

— Только наличными.

— Тогда прошу вас немного подождать, пока я не продам свои превосходные товары.

Глаза мужчины сузились, а палец лег на спусковой крючок пистолета.

— Тогда вот что — давайте меняться. В обмен на трубу — оружие: автоматы, винтовки, гранаты, аммо...

— Извините, но я не торгую оружием, однако у меня есть прекрасные роботы на любой вкус.

— Боевые роботы? Убийцы?

— Нет. Я могу снабдить вас роботом-телохранителем, который защитит вас от кого угодно и от чего угодно. Ну как?

— Если он работает, то сделка состоится. Покажите его.

Генри набрал код на панели. Робот был общего назначения, но теперь его реакции были запрограммированы именно на такую работу. Генри проинструктировал компьютер о том, что он хотел. Менее чем через десять секунд открылся люк, и по лестнице стремительно сбежал сверкающий робот. Оказавшись на земле, он энергично отсалютовал Генри.

— К какому виду роботов ты относишься? — спросил Генри.

— Я робот-телохранитель. Я всегда должен охранять «его», или «ее», или то, что мне поручат охранять.

— Это «он». Охраняй его, — Генри указал на мужчину.

Робот несколько раз обежал вокруг своего нового хозяина и, не обнаружив опасности, остановился, настороженно жужжа.

Мужчина подозрительно осмотрел машину. Робот не выглядел убедительно.

— А как я узнаю, что он работает?

— Я сейчас продемонстрирую вам это.

Генри извлек из выдвижного ящика охотничий нож и неожиданно прыгнул вперед с криком «Убью!». Ответное действие робота последовало быстрее, чем мужчина успел выхватить оружие. Робот прыгнул навстречу Генри и схватил его. Нож полетел в пыль, а Генри оказался на земле: нога робота стояла у него на шее.

— Сделка заключена, — сказал мужчина, засовывая револьвер в кобуру. — Забирайте эту трубу и взлетайте раньше, чем взойдет солнце, иначе до рассвета вы не доживете.

— Очень приятно, что вы предупредили меня. Осталась последняя формальность. Мне нужна ваша фамилия, чтобы выписать счет и зарегистрировать продажу робота, — сказал Генри, изящно покачивая на ладони платежную книжку. Мужчина проявил все признаки сильного раздражения: нахмурил брови, бросил сердитый взгляд, сжал губы и зашевелил пальцами.

— Зачем вам моя фамилия? — спросил он. Слова его так и сочились недоверием.

— Все совершенно законно, сэр. Без вашей подписи счет будет недействительным, и вы не станете владельцем этого прекрасного робота, охраняющего вас каждой молекулой своего стального тела. Его могут отнять, а вас подвергнуть насилию.

— Сайлас Эндерби, — хрипло прошептал мужчина. Словно

пристыженный этим признанием, он стремительно уехал вместе со своей покупкой.

— Странно, очень странно, — сказал Генри, отряхиваясь от пыли, поднятой полугусеничным автомобилем. — Бедняга Сайлас вел себя так, словно громко произнесенное имя — табу. Что у них за странные обычаи? — Он задумался, но в голове не возникло нужных мыслей, и потому он обратился к компьютеру: — Ты поверил мальчику, что Сергеева нет на этой планете?

— Сомнительно, — ответил компьютер. — 97,345 шанса из ста против этого. Командир Галактической Переписи не мог покинуть планету без своего корабля. Корабль находится в пятнадцати футах под поверхностью планеты и на расстоянии 135 футов и шести дюймов на северо-востоке от вашей правой ноги. Перед посадкой я точно установил его местонахождение и связался с его компьютером. Я подозревал, что нас сразу же атакуют, если мы сядем возле места захоронения.

— Правильное решение. Как дела с туннелем?

— Он закончен. Буровая машина достигла люка другого корабля около 3,85 минуты тому назад. Теперь машина роет другой туннель — в вашу сторону.

— Сообщи мне, когда она закончит. Я искренне надеюсь, что на этот раз ты укрепил стенки туннеля.

Прошла минута, прежде чем компьютер подыскал нужное выражение в бездонных кладовых своей памяти.

— По моему заключению, из-за происшествия на Гильгаме-3, где туннель был меньше, вы наводите справку с издевкой в голосе. Я уже объяснял вам, что обвал произошел совершенно случайно...

— Я слышал твои объяснения и хотел бы только, чтобы подобное не повторилось.

— Сделано все необходимое, — ответил компьютер, и в его голосе не было никакого раздражения. Генри выпил второй стаканчик воды и постучал по трубке. Та мелодично зазвенела. Роботы могли установить ее за час, но если он возьмет лебедку и попытается сделать это сам, то провозится до темноты. Следовательно, у него появится повод пробыть на планете побольше.

— Туннель закончен, — прошептал в его ухе голос робота.

— Хорошо. Будь начеку. Я пошел.

Подозревая, что за ним наблюдают, Генри продолжал играть свою роль. Он снова глотнул и поставил стаканчик на край ящика. Сладко потянулся, зевнул и похлопал ладонью по губам, широко раскрыв рот. Опуская руку, он нечаянно сбил стаканчик на землю, наклонился и оказался за ящиком, невидимый для наблюдателя с противоположного края поля. Задняя сторона ящика распахнулась, Генри пролез в отверстие и вполз внутрь.

Почти тотчас же его фигура снова возникла из-за ящика, но теперь это был человекоподобный робот, чья пластиковая плоть точно копировала черты лица Генри, вплоть до двойного подбородка и родинки.

Держа в руке стаканчик, робот выпрямился и лег на стул. Посторонний наблюдатель решил бы, что это Генри ожидает окончания ремонта.

А Генри тем временем уже пробирался по туннелю в двадцати футах под поверхностью планеты.

ГЛАВА 3

— Этот туннель выглядит намного лучше предыдущего, — сказал Генри.

— Верно, — ответил корабль через переговорное устройство небольшого многоцелевого робота, держащего в клешне фонарь. На стене были нанесены стрелки с надписью «Захороненный корабль». Генри двинулся в указанном направлении.

Конечно, невероятно, чтобы корабельный компьютер мог чувствовать вину, но, видимо, он все-таки чувствовал, что раньше не уделял туннелю достаточного внимания. Теперь туннель был облицован стальными плитками. Высота его была достаточной, чтобы Генри мог идти не сгибаясь, а вставленные в стены лампы освещали ему путь. Из скрытых динамиков лилась музыка.

Туннель круто повернул и закончился у главного коридора, идущего от корабля Генри к кораблю Сергеева. Робот-сварщик прервал свою работу, чтобы дать ему пройти, и указал направление своей рукой-горелкой.

— Неплохо, — заявил Генри, особенно восхитившись фотографией зимнего леса, покрывшей одну из стен.

Туннель закончился у металлического бока захороненного корабля, в центре виднелся люк шлюзовой камеры. Высокий робот, склонившийся над электродрелью, просверливал в люке корабля отверстие.

— Ты, кажется, говорил, что все уже сделано, — сказал Генри.

— Вы позабыли спросить о входе, — ответил корабль через робота-сварщика. — Компьютер этого корабля — очень низко организованная система, не способная рационально мыслить. Он может выдавать навигационные данные, поскольку запрограммирован на это, но открыть люк он отказался, поскольку нам неизвестна кодовая фраза. Следовательно, его надо отключить от управления.

В это время дрель закончила работу. Робот немного расчистил проход и отошел в сторону. По туннелю со стороны корабля Генри, жужжа, пробежал маленький робот. Он был не больше человеческого пальца. Из-за множества ног он походил на механическое насекомое. За ним тянулся провод. Когда робот взбежал на борт, Генри увидел похожий на драгоценный камень телеобъектив, установленный над злобно выглядевшим носом, — кусачками робота. Робот двинулся прямо в отверстие и исчез в нем, таща за собой провод.

— Для чего он предназначен?

— Для моего прямого управления кораблем, — ответил корабль через робота-сварщика, уже направляющегося в глубь туннеля, обратно к кораблю Генри. — Я отключу корабельный компьютер и возьму управление на себя.

Так и вышло. Через минуту ожили моторы и распахнулся люк двойного шлюза. Генри нашел провод, проходивший через прожженное отверстие, и двинулся по нему в рубку управления. Тонкий кабель вел к открытой двери смотрового люка компьютера, и Генри мельком заметил внутри перерезанные провода и многоногого робота, висевшего, как механический вампир, на голых проводах. Воздух в корабле был чистым, и не было заметно никаких признаков существования человека.

— Что ты обнаружил? — поинтересовался Генри.

Корабль Сергеева ответил, хотя Генри знал, что говорит его собственный корабль:

— Последняя запись в журнале сделана около года назад. Записано: «Совершил посадку в 16.45».

— Не очень-то разговорчив наш командор Сергеев. Он, должно быть, приземлился, сделал запись и вышел наружу, но не вернулся. В памяти есть еще что-нибудь?

— Только серия радиопредупреждений кораблю не вмешиваться в дела местного правительства. Они поступили через три дня после посадки. Мы можем предположить, что это произошло уже после захоронения корабля.

— Легко догадаться, что с командором приключилось что-то плохое, чего вполне можно было ожидать от этой мирной планетки. Злоумышленники, имеющие отношение к этому, не смогли прорваться на корабль и потому зарыли его, чтобы скрыть улики. Что будем теперь делать?

— Я предложил бы вам вернуться. К кораблю приближается машина.

Загорелся один из навигационных экранов. На нем была видна туча пыли, быстро приближающаяся к кораблю.

— Я не смогу вернуться до прибытия машины, так что оставь робота на месте, — приказал Генри.

— Но он запрограммирован только на несколько простых движений и слов!..

— Переключи его на меня. Это, наверное, несложно.

Компьютер задерживал слова Генри на одну сотую секунды для программирования челюстей робота. Обман, очевидно, сработал, так как хмурые слагтерийцы подошли к ящику и остановились возле сидящей фигуры. Один из них был шериф, остальные — вооружены и одеты так же как и он.

— Вы тут задавали какие-то вопросы? — спросил шериф.

— Кто? Я? — спросил Генри, и робот послушно ткнул себя в грудь.

— Да, вы. Спрашивали о командоре Сергееве?

Когда шериф произнес эти слова — на экране перед Генри появилась бегущая слева-направо надпись: «Один мужчина обходит ящик. В его руках тяжелый предмет».

— Не помню этого имени, — сказал Генри, а затем прикрыл микрофон ладонью. — Если они хотят убить меня, то пусть сделают все необходимое. Этим путем мы добьемся большего.

— А я полагаю, что вы все же спрашивали о нем, — шериф наклонился к роботу. — Я уверен, что спрашивали.

«Вам нанесли удар сзади по голове», — пробежала надпись, а экран показал робота-Генри, падающего на землю.

— О-о-о-х! — простонал Генри и затих.

— Теперь вы отключены, — сказал компьютер.

— Установи в их машине несколько датчиков и настрой их на большой радиус действия.

Двое мужчин взяли робота-Генри под мышки и перебросили его через борт машины. Третий схватил его за ноги, втащил в кузов и бросил на пол. Шериф уже сидел за рулем и, как только последний мужчина запрыгнул в кузов, резко нажал на педаль газа.

Прошло лишь несколько секунд после удара дубинкой и похищения. Слагтерийцы действовали быстро.

Еще быстрее действовали роботы. Нервные импульсы передаются со скоростью триста футов в секунду, а электрические сигналы со скоростью света, которая, по последним данным, составляет 186,325 мили в секунду. Так что пока мужчины наклонялись к упавшему телу, электронные импульсы достигли хранилища корабля. Мужчины еще сгибались под тяжестью своей ноши, а сотни роботов уже стремительно выполняли команды.

Большинство их работало под землей, и размерами они были не больше муравья — ими управлял корабельный компьютер. Роботы текли рекой по туннелю и лезли из-под ящика. Они забирались на грузовик и разбегались по нему стремительной тол-

пой. Некоторые залезали в траки гусениц, прыгали внутрь машины, пока другие проникали в сопла и прочие рабочие части. К моменту появления машины слагтерийцев все роботы уже находились на своих местах, невидимые людям.

— Показывайте мне то, что находится перед машиной, — приказал Генри, откидываясь в пилотское кресло и собираясь как можно комфортабельнее провести свое собственное похищение. Экран перед ним мигнул и показал клубящуюся пыль.

— Слишком низко. Нельзя ли задействовать объектив на крыше кабины?

Сцена переместилась. Теперь хорошо стали видны приближающиеся здания космопорта. Они промелькнули мимо, когда грузовик повернул и помчался по выбоинам главной дороги.

— Куда они направляются? Ведь город, кажется, в другой стороне? — заметил Брон.

— Да.

Дорога повернула и стала извилистой.

Внезапно впереди сквозь пыль что-то мелькнуло. Не снижая скорости, шериф свернул с дороги и стал продираться по кустам, объезжая препятствие. Пересеченная местность оказалась ровнее дороги, и скоро впереди стало видно сбившееся в кучу стадо животных. Машина стала объезжать их. Генри с удивлением разглядывал вращающиеся глаза, вздымающиеся бока и острые рога животных.

— Как называется этот странный зверь? — спросил Генри.

Корабельный компьютер порылся в памяти и через несколько миллисекунд выдал ответ:

— На Земле они относятся к роду «вос доместикус». Эти животные выведены из обычных короткорогих коров в одной из крупных стран Земли — Соединенных Штатах и предназначались для развлечений. Есть данные, что такие развлечения родились в Испании.

— Вероятно, великолепное зрелище. Только не вдавайся в детали, а то это вызовет у меня головную боль. Очевидно, эти животные составляют основу экономики Слагтера. Очень интересно. Не поставишь ли «жука» на ноге вон того человека в стаде?

— Слово «стадо» обозначает группу животных, человека при этом следует называть «пастухом».

— Ты что-нибудь делаешь или нет? Зачем ты читаешь мне лекцию?

— Указанные вами операции завершены...

Внезапно раздалась стрельба и сильный взрыв. Экран заполнился клубами пыли, дыма, а затем потух.

ГЛАВА 4

— Не думаю, что ты сможешь сообщить мне, что произошло, — сказал Генри, вложив в эти слова весь свой сарказм.

— Я буду счастлив проинформировать вас, — ответил корабль, игнорируя тон Генри. — Полугусеничная машина сначала вспыхнула, затем подорвалась на мине. Сейчас я дам изображение.

На экране вспыхнула картина полнейшей неразберихи. Машина перевернулась, но никто из пассажиров, казалось, серьезно не пострадал. Они укрылись за машиной и теперь вели огонь по другой группе людей, сопровождавших стадо рогатых животных. Последние покинули своих подопечных и, прячась за кочками, палили по грузовику. Трещали выстрелы, ревели животные — полный кавардак. Генри-робот лежал в пыли, съежившись, как выброшенная кукла.

В перестрелке наступила временная пауза — возможно, стрелки перезаряжали оружие, — из-за перевернутого грузовика замахали белым флагом. Несколько пуль пробили ткань, прежде чем стрельба прекратилась. Один из пастухов крикнул:

— Бросайте оружие, воры! Иначе мы вздернем вас еще до захода солнца!

— Какие воры? — раздраженно спросили из-за машины. — Здесь шериф. Ваш шериф, избранный в этом месяце. Почему вы обстреляли нас и взорвали нашу машину?

— Вы пытались украсть наших коров.

— Нам не нужны ваши коровы. Мы захватили человека из внешнего мира.

— Покажите нам его.

Генри увидел своего робота, поднятого над грузовиком, и задрожал, ожидая, что в него вонзятся пули. Но ничего не произошло.

— Так и есть. Можете ехать дальше, шериф. Но больше не пытайтесь красть скот, слышите?

— Как мы можем уехать? Вы испортили нашу машину.

После долгих препирательств обе группы появились из укрытий, не выпуская из рук оружия, и осмотрели повреждения. Их оказалось немного: очевидно, при постройке машины ее создатели учитывали подобные ситуации. Обвязав машину веревками, пастухи дернули ее своими трициклами и поставили на гусеницы. Спутники шерифа вновь забрались в кузов, и обе группы расстались, обменявшись хмурыми взглядами.

— Их не упрекнешь в избытке дружелюбия, — заметил Генри, когда путешествие возобновилось.

Грузовик проехал мимо загонов с бесчисленными стадами.

Дорога шла между загонами и закончилась у большого здания с несколькими окнами. Грузовик резко затормозил, и когда пыль рассеялась, приехавшие собрались у закрытой двери.

Эта дверь была самой запертой дверью из всех запертых дверей, которые Генри встречал за свою жизнь, и он смотрел на нее с мистическим страхом. На ней была дюжина или более всяких засовов, со всех сторон свисали висячие замки всех форм и размеров. Причина возникновения такой конструкции стала совершенно ясна, когда к прибывшим подошли еще несколько человек и вступили с ними в оживленный спор. Они не стояли тесной группой, а слегка рассредоточились, образовав кольцо, внутри которого оказались приезжие, удобно положив руки на пояс с оружием. Соглашение было достигнуто довольно быстро. Генри не следил за разговором, так как компьютер записывал его, и при необходимости с этой записью можно было ознакомиться позднее.

Каждый человек отпер свой замок, и все бочком, один за другим, стали протискиваться в дверь.

— Не очень-то доверчивые люди, — заметил Генри. — Очевидно, у каждого из них свой ключ, и, чтобы открыть дверь, им надо собраться всем вместе. Что же за секреты таятся в здании?

— После локации помещения совершенно ясно, что в нем...

— Хватит. Оставь мне маленькую тайну. Твой мозг слишком холоден и склонен к вычислениям, компьютер. Ты не пытался ради интереса обзавестись предчувствием, любопытством?

— Благодарю вас, мне неплохо и без этих эмоций. Для машины вполне достаточно удовлетворения от приобретения знаний и решения логических задач.

— Да, я могу себе представить это. Но наши друзья ушли. Дверь открыта, меня вносят в здание. Включи внутренний датчик, чтобы мы смогли узнать тайну этого дома.

Оптические датчики, видимо, были установлены на шляпах людей, так как изображение на экране слегка покачивалось, но было чистым и находилось высоко над полом.

— Бойня, — сказал Генри. — Ну конечно...

Но это была не просто бойня. После того как животные из загонов попадали в задний конец помещения, все операции производились автоматически. Отсюда животных заставляли двигаться электрическими уколами к сепаратору. Успокоительные газы, болеутоляющие средства и гипнотические препараты наполняли воздух, и счастливые животные радостно шли к гибели. Мгновенно и безболезненно они превращались в говядину и перемещались дальше уже на конвейере. Некоторые туши грузились целиком в многочисленные корабли-рефрижераторы, другие же быстро расчленялись, разрубались и уносились в холо-

дильники. Все эти операции производились быстро, стремительно и, несомненно, полностью автоматически. Ни одного человека не было видно за прозрачной стеклянной перегородкой. Конвейерные линии двигались бесконечным потоком с постоянной скоростью и не нуждались в руках человека.

Здесь был даже центр управления, куда на обработку и хранение поступали к компьютеру все данные, и именно туда и направлялись мужчины, неся похищенного.

Шериф отодвинул задвижку, запирающую массивную дверь, и Генри-робота внесли в центр. Не все спутники шерифа последовали за ним, так что изображение на экране замелькало, когда компьютер стал выбирать наилучшую для наблюдения точку.

События развивались быстро. Снова переключение, и, когда шериф и его люди вышли и заперли дверь — Генри-робота с ними уже не было.

— Что там происходит? — спросил Генри и получил ответ, не успев закончить вопрос.

Генри-робот сел и открыл глаза. Его взгляд скользнул по кандалам, сковывающим его ноги, и по цепи, которая соединяла кандалы со стеной.

Вдоль стен были установлены компьютеры и стойки с аппаратурой, а в дальнем конце помещения имелась дверь. Из нее показался человек, протирающий глаза после сна. Он резко остановился, неожиданно заметив гостя.

— По меньшей мере один! — взревел он, бросаясь вперед. Его пальцы сомкнулись на горле робота и сжались. — Выпусти меня, или я тебя убью!..

Глаза-объективы робота заполнились разгневанным лицом. Большая черная борода незнакомца развевалась, лысина блестела. Генри снова дал сигнал компьютеру, чтобы тот подключил его к роботу.

— Я предполагаю, что вы командор Сергеев?

— Сейчас я сверну тебе шею, — проворчал Сергеев, сильно сжимая пальцы, хотя его руки уже начали уставать.

— Очень рад с вами встретиться, командор, хотя предпочел бы, чтобы вы сжимали вместо шеи мою руку. Если вы взглянете вниз, то заметите, что я такой же пленник, как и вы, так что вам нет надобности душить меня.

Сергеев опустил руки и отступил назад. Из комнаты, откуда он появился, за ним тянулась цепь, прикрепленная к кандалам.

— Кто вы и что здесь делаете? — спросил он.

— Мое имя Генри Винн, друзья зовут меня Хенк. Я бедный торговец хорошими роботами, и на меня напали бандитствующие жители этой планеты.

— Я готов поверить вам, так как со мной произошло то же самое. Но у вас что-то странное с шеей...

По экрану пробежала надпись, данная компьютером:

«Комната обыскана. Найден только один «жучок». Он отключен, и теперь я сам снабжаю его фальшивой информацией из блоков памяти».

— Очень хорошо, — сказал Генри. — На некоторое время мы прикрыты. Поднимите меня.

Сергеев отступил назад, подтянув Генри-робота за руки.

— Теперь нечего опасаться, — сказал Генри. — Вы — командор Сергеев из Галактической Переписи. Последнее сообщение от вас поступило восемь стандартных месяцев назад. Меня послали найти вас.

— Ну, вы нашли меня. И что дальше?

— Не валяйте дурака, командор. Вот мое удостоверение, — робот протянул его командору.

— Хороший фокус, — сказал тот. — Оно даже не подмокло.

— Оно и не могло подмокнуть. Тот, с кем вы сейчас разговариваете, — робот, мой дубль. Сам я в космопорту. Если вы взглянете на удостоверение...

— Р.О.Б.О.Т.! Что это значит? Глупый большеротый робот дает мне удостоверение, что он робот?!

— Прочтите, пожалуйста, надпись мелким шрифтом, — терпеливо сказал Генри.

Сергеев медленно прочел: «Разведывательный Отдел Безопасности Особых Территорий».

— Генри Винн — старший офицер.

Он с удивлением оглянулся.

— А где же ваш батальон? Это что, шутка?

— Это не шутка. Ведь вы, как офицер Галактической Переписи, имеете доступ к секретным документам?

— Даже если это так, я не стану ничего вам рассказывать.

— Это и не нужно. Вы должны знать, что Патруль не в силах следить за соблюдением законов повсюду в Галактике. Большинство планет, населенных людьми, достаточно хорошо справляются и сами, но не все. У Патруля больше просьб о помощи, чем он может удовлетворить наличным составом боевых кораблей. Да и оружие не всегда является лучшим способом решения проблемы. Следовательно, нужно создавать специальные службы.

— Да, я слышал о С.В.И.Н.Т.У.С.е — свиной межзвездной охране. У вас тоже свиньи? — с надеждой спросил Сергеев. — Не могли бы вы поручить это дело им?

— Извините, у меня не свиньи, но вы сможете убедиться, что Р.О.Б.О.Т. делает свое дело не хуже свиней. Я работаю один, но у меня великолепные компьютер, аппаратура...

— Инвентаризацию мы произведем позже. А теперь освободите меня отсюда.

— Скоро, командор, скоро, — успокаивающе сказал Генри. — Но сначала нам надо разрешить небольшую проблему. Почему вы оказались в тюрьме? Я легко могу освободить вас, но нельзя же изменять общепланетную ситуацию.

— Но это надо сделать! — Сергеев зашагал по комнате взад и вперед, гремя цепями. — Эта сельскохозяйственная планета просто приходит в упадок. Здесь царит извращенный дух пограничной жизни, где каждый — индивидуалист и убивает всякого, кто хоть как-то коснется его дел.

— Звучит не обнадеживающе, — тихо сказал Генри.

— Кто о них позаботится? На Форбургере не беспокоятся, а ведь эта планета принадлежит к их системе. Вначале она вообще была их колонией. Вокруг звезды вращаются четыре планеты, и они заселили их одну за одной.

— Я знаю. Я посетил их, разыскивая вас. На Форбургере мне сказали, что вы отбыли на Слагтер. После гнета тотальной цивилизации на Форбургере поселенцы на Слагтере с удовольствием избрали свой образ жизни. Они полностью порвали все внешние связи и создали общество, которое я считаю самым отвратительным из всех, встреченных мною за шестимесячное путешествие длиною в шестьдесят семь световых лет.

— Пожалуйста, расскажите поподробнее, — попросил Генри.

— Что вам уже известно? — подозрительно спросил Сергеев. Плен на механизированной бойне не принес ничего хорошего его чувству юмора.

— Только поверхностные факты. Форбургер — индустриальная планета, и Слагтер играет важную роль в его экономике. Эта планета является идеальным местом для выращивания крупного рогатого скота, и здесь, кажется, ничем другим не занимаются. Мясо замораживают, грузят в контейнеры и запускают на орбиту, откуда буксиры доставляют их на Форбургер. Полет этих межпланетных холодильников длится от шести до десяти месяцев, в зависимости от расположения планет. Продолжительность полета контейнера не играет роли, так как этот процесс непрерывен и в полете всегда множество холодильников. Под рукой постоянный запас мяса.

— Вы знаете об их договоре?

— Да. Со Слагтера грузят в корабли мясо и отправляют его на орбиту. Корабли с Форбургера доставляют сюда все необходимые здесь товары ширпотреба, затем подбирают контейнеры с мясом и отправляются назад, на Форбургер. Их корабли никогда не садятся на Слагтер. То есть планету снабжают всем необходимым, но никогда не вступают в непосредственный контакт с

людьми. На первый взгляд все кажется согласованным — если не присмотреться к планете пристальнее.

— У вас есть основания так говорить?

— Да, иначе бы я так не говорил. Потому что только я, Сергеев, знаю всю правду об этой поганой планете, и она такова, что кровь стынет в жилах. А ведь одно время я, как и вы, смеялся, когда меня предостерегали умные люди. И был не прав...

ГЛАВА 5

Официальный представитель Форбургера сидел за столом и нервно постукивал пальцами.

— Итак? — спросил Сергеев, стараясь приглушить голос. Открытое окно позади него выходило в космопорт Форбургера. Командор видел свой корабль, гладкий и блестящий, только что заправленный топливом, и страстно хотел улететь. Произвести перепись на Форбургере оказалось так же легко, как съесть пирожное. Планета была высокоорганизованной, с вычислительными центрами во всех городах. Сергеев провел здесь несколько дней и убедился, что вся жизнь планеты отражена в его записях. Перепись заключалась в определении плотности населения и числа людей, живущих на этой планете. Микросекундой позже эти данные были отпечатаны на принтере, и он получил экземпляр на своем собственном бланке. Огромнейшее количество цифр. Следующая планета — Слагтер — будет представлять собой более трудную проблему и, следовательно, более интересную. Сергеев заметил, что представитель что-то говорит, и постарался сосредоточиться.

— ...мясо — единственный источник белка для всего населения планеты. Мы понимаем, что на Слагтере развились, как бы это сказать... экзотические местные обычаи. Здесь мы ничего не можем поделать. Из-за крайне недоброжелательного отношения к пришельцам наши люди никогда не посещают эту планету, так что мы не сможем оказать вам помощь в случае каких-нибудь неприятностей...

— В нашей работе неприятности встречаются почти всегда, — сказал Сергеев, вставая и говоря уже через плечо:— Мы не нуждаемся в помощи. Если это все, то я приступаю к выполнению своих обязанностей. Ни дождь, ни буря, ни ночная тьма не остановят нас в наших подсчетах.

— Я верю в это. Удачи вам, командор, — представитель слабо пожал руку Сергеева. Командор, человек действия, ответил крепким рукопожатием, так, что в ладони представителя что-то хрустнуло, хлопнул дверью и вышел.

Настроение его было бодрым, он радовался отлету. Высокие сапоги громко стучали по металлической лестнице, когда он быстро поднимался на корабль. Предполетные документы были в порядке, он подписал их, оставив копии у себя. Церемонии закончились. Он закрыл люк шлюза и пошел в рубку. Бросив взгляд на корабельный компьютер, командор сел в кресло, пристегнулся и, напряженно прислушиваясь, склонился над пультом управления.

«Курс на Слагтер» — выбил он на пульте, дождался сигнала готовности и нажал кнопку «старт». Корабль взлетел. Компьютер занялся пилотированием и прокладыванием курса.

Только когда корабль оказался на орбите Слагтера, Сергеев поспешил в комнату игр, потирая в предвкушении руки. Последние несколько дней, активно занятый работой, он совсем забросил Второе Сражение на Спике-III. Военные рассматривали его как классическое сражение, в котором денебийцы потерпели поражение. Все теоретики соглашались с этим, а командор Сергеев — нет. Он воспроизводил сражение, и, с его точки зрения, денебийцы должны были победить.

Игровая комната была переоборудована из его собственной жилой комнаты, связанной с корабельным компьютером. В память компьютера были введены все великие сражения прошлого и большая часть мелких. Все эти сражения могли быть снова переиграны в комнате Сергеева им самим с одной стороны и компьютером — с другой. Интересно, что ход сражения можно было менять, и оно не всегда заканчивалось так, как в прошлом. За этим занятием Сергеев проводил все дни, отрываясь лишь тогда, когда компьютер доставлял ему еду или выключал свет на ночь.

— Второе Сражение на Спике-III, — громко сказал он, входя в комнату. Воздух быстро потемнел и наполнился символами космических кораблей, висевших неподалеку от раскаленной звезды. Командор уселся за пульт и со слабой улыбкой начал отдавать приказания. Он не мог оторваться от этого занятия даже тогда, когда компьютер несколько раз напомнил ему, что они уже находятся на орбите Слагтера. Не получив ответа, компьютер прервал игру, свет залил помещение, и картина разбитых кораблей померкла. Сергеев обалдело моргал.

— Ты бросил игру именно тогда, когда я начал побеждать! — закричал он.

— Вы уже проиграли это сражение девятнадцать раз подряд, — терпеливо напомнил компьютер. — Анализ показывает, что вы проиграете его и в этот раз. Мы на орбите Слагтера.

— Я мог выиграть, — бормотал Сергеев, надевая мундир и расчесывая смазанные кремом усы. — На этот раз я должен был победить!..

Посадка была совершена компьютером с такой же легкостью, как и вылет с Форбургера. На планете находился радиобуй, и по его лучу они сели на заброшенное и пыльное поле космодрома. Командор на стандартной частоте вызвал его начальника, но не получил ответа. Удивленно пожав плечами, он стал передавать вызов на других корабельных частотах, но результат был прежним. Ответа не было.

— Негостеприимно, — проворчал Сергеев. — Никто не имеет права игнорировать Галактическую Перепись.

Рукавом кителя он отполировал козырек фуражки и аккуратно надел ее — фуражка, по его мнению, предписывалась уставом. Удостоверение находилось в его внутреннем кармане, а на поясе висело церемониальное оружие.

Он был готов. Перепись нельзя игнорировать. Спускаясь по трапу и уже начиная потеть в мундире, Сергеев увидел несущееся к кораблю облако пыли. Он не сошел на землю, а решил подождать и посмотреть, какой прием его ожидает. Прием оказался совсем не таким, на какой он рассчитывал. Из пыли вынырнула машина, представляющая собой смесь колесного и гусеничного экипажей. Она резко затормозила перед кораблем. В машине сидели двое мужчин. Оба вскочили на ноги и открыли по Сергееву огонь — один из пистолета, другой из автомата.

У командора сработал старый боевой рефлекс. Пока его ошеломленный мозг посылал проклятия убийцам, военный опыт швырнул его на землю, и он покатился по пыли в сторону. Катясь, он выхватил свой пистолет — пусть тот был церемониальным, но командор все-таки регулярно чистил и смазывал его. Это было доброе старое оружие, несколько тяжеловесное, но стреляющее разрывными пулями.

Командор, хоть и был ошеломлен, показал себя отличным стрелком. Пули противника выбивали пыль вокруг него и рикошетили от стального трапа, но не причиняли вреда. Его же первый выстрел попал в ветровое стекло автомобиля, второй выбил автомат из рук нападающего, третий уничтожил дверцу автомобиля и ранил второго бандита. Четвертый превратил двигатель в кучу металлолома.

Нападающие начали отступать, пошатываясь, как от головокружения. Сергеев поторапливал их точными выстрелами, целясь в землю возле пяток, пока они не исчезли из виду.

— Все требования должны быть соблюдены, — бормотал бравый командор, отряхиваясь от пыли. — Галактическая Перепись не потерпит такого обращения...

Он осмотрел полугусеничный вездеход и пожалел, что так основательно раздолбал его. Здание космопорта находилось на другом конце посадочного поля. Пока он раздумывал, что ему

делать, показалось новое облако пыли, и на этот раз командор, предполагая нападение, подготовился к встрече, укрывшись за разбитой лестницей.

Человек в четырехколесной машине приближался намного медленнее своих предшественников и затормозил на приличном расстоянии от корабля.

— Я один! — закричал он. — Я не вооружен!

Он замахал в воздухе пустыми руками.

— Подходите медленно, — ответил командор, не спуская глаз с незнакомца.

Мужчина действительно оказался один. Он вылез из машины, дрожа от страха, с поднятыми вверх руками.

— Я шериф, — сказал он. — Мне надо поговорить с вами.

— Разговор — хорошее дело, стрельба — нет, — сказал командор Сергеев и вышел из-за укрытия, не выпуская оружия.

— Извините, незнакомец, но некоторые наши парни слишком сильно возбуждаются при виде чужих. Я — шериф, официально заявляю вам: «Добро пожаловать».

— Это более приятно. Я — командор Сергеев из Галактической Переписи. Я прилетел произвести перепись на вашей планете.

— Не знаю, проводилась ли у нас когда-нибудь перепись... никогда об этом не слышал.

— Если мы пройдем в ваш офис, где, я надеюсь, есть кондиционеры, я вам подробно все расскажу, — сказал командор, стараясь не выдать своего отвращения. Глупость жителей некоторых планет была выше его понимания.

— Прекрасная мысль, — ответил шериф. — Мы можем отправиться прямо сейчас, немедленно.

Поездка оказалась короткой. Машина вскоре остановилась перед длинным рядом полуразрушенных зданий. Шериф вошел в замусоренный холл, и командор последовал за ним.

Когда он прошел в дверь, шериф обернулся и обхватил его, прижав руки Сергеева к телу.

Гневно взревев, командор пнул изо всех сил шерифа по ногам, вырвался и схватился за оружие, но на нем уже повисло несколько человек — видимо, они прятались в соседней комнате, а один даже выскочил из-под стола.

Они быстро повалили Сергеева на пол, несмотря на бешеное сопротивление и отчаянную ругань. Оружие у него вырвали, а его самого быстро и туго связали.

— Что все это значит? — гневно орал Сергеев. — Вы понимаете, что вы делаете?!

— Мы все понимаем, — сказал шериф, зло сверкая глазами. — Наш последний управляющий заводом умер, а машины не могут смотреть сами за собой. Мы дадим вам хорошую работу.

ГЛАВА 6

— Вот и вся моя история, — закончил Сергеев и снова зашагал по комнате. Цепь звенела и клацала, волочась за ним. — С тех пор я нахожусь здесь. Я их раб. Здешние жители крайне недоверчивы, невероятно эгоистичны и фантастически ленивы. Они пасут стада своих животных и враждуют друг с другом, и в этом проходит вся их жизнь. Люди с Форбургера построили эту полностью автоматизированную станцию-бойню, но местные жители слишком ленивы, чтобы самим следить за ней. Они захватили меня, чужеземца, и поместили сюда, чтобы я наблюдал за машинами.

— Вы не пытались отказаться?

— Конечно, я отказался! — взревел Сергеев. — Тогда они перестали меня кормить. Пришлось пойти на компромисс. Эта работа слишком примитивна для меня, мне остается только протирать шкалы. Все делают машины. Теперь вы понимаете, что нам нужно покинуть это место и как можно скорее.

— Скоро, скоро, — сказал Генри, и компьютер вложил в голос робота успокаивающие нотки, сопровождаемые теплой улыбкой. — Здесь мы в безопасности, а как только я закончу исследования, мы покинем...

— Сейчас! Немедленно! — закричал Сергеев.

— Вы должны понять, что я, как и вы, тоже несу ответственность за местных жителей. И вы причините вред только самому себе, если будете душить этого робота. Мы ткнулись носом туда, куда нам не следовало соваться. С этой планетой что-то не так, и я намерен выяснить, что именно. Вы будете находиться здесь, в безопасности, пока моя задача не будет выполнена. Это займет не больше нескольких дней.

— Вы оставляете меня здесь одного? Вы собака, глупец, свинья...

— Вы прекрасно ругаетесь на своем родном языке после стольких лет путешествий. Но вы не будете одиноки, с вами останется этот робот, связанный с моим компьютером. Он может петь вам песни и читать книги. Вы неплохо проведете время, пока я буду занят.

Генри торопливо отключился, поскольку командор все еще орал и извергал нескончаемую ругань.

— Три машины приближаются к кораблю, — сообщил компьютер.

— Засыпь туннель, ведущий к ящику. Погрузи ящик на борт и засыпь люки, — приказал Генри. — Брось холодильник и все лишнее и ненужное.

— Будет сделано.

Генри быстро покинул захороненный корабль Сергеева и медленно направился в сторону своего корабля. Он напряженно хмурил брови и не замечал ни прохладного ветерка из вентиляторов, ни приятной музыки, звучащей как бы вдали.

Туннель под ящиком был уже засыпан, и робот-сварщик как раз устанавливал стальную плиту на бывшее соединение туннелей, когда Генри проходил мимо. В конце туннеля его ожидал подъемник, рассчитанный на одного человека, и, как только он влез на него, тот стал подниматься через проход в земле, стойку корабля и рубку управления.

Генри упал в кресло перед пультом и нажал кнопку. Экран ожил, и на нем возникло четкое изображение, показываемое с вершины корабля. Все снаряжение было уже уложено в корабль, а люки закрыты.

Через несколько секунд три гусеничные машины остановились на песке перед кораблем. Одна из них аккуратно раздавила холодильник с водой. Из машин выскочили мужчины, и по обшивке забарабанили пули— мелодичный звон отнюдь не обрадовал Генри. «Им потребуется более мощное оружие, если они хотят разрушить корабль», — подумал он. Мужчины посовещались, залезли обратно и укатили.

— Вечно они торопятся, — заметил Генри. — Я думаю, что они уехали, чтобы привезти нечто убийственное, опасное и вредное. — Он задумался. — Я уверен в этом. На планете происходит что-то нехорошее.

Корабль молчал, так как не получил прямого вопроса, но он внимательно слушал, и его ровное дыхание шелестом доносилось из воздухоочистителей. Генри, прищурив левый глаз, поглядел на солнце, заходящее за пыльный горизонт.

— Я хочу есть, — сказал он. — Я устал, словно прошел пешком несколько миллионов миль.

— Поджаренное мясо с чесночным соусом, зеленый салат, хлеб и бутылка красного вина, — предложил компьютер.

— Прекрасно, но исключи чеснок. И выключи свет, если сам как следует не соображаешь.

Небо над горизонтом успело стать из багряного зеленым, когда прибыл ужин. Генри хорошо подкрепился и выпил, и волны удовлетворения, идущие от желудка, захлестнули его мозг.

— Хотя наш друг — командор Сергеев — и пробыл на планете более года, я считаю, что он ошибается в своих выводах. Это место более приятное, чем он считает. Ты нашел информацию о прошлом Сергеева?

— Да, — ответил компьютер. — До перехода в Галактическую Перепись он служил в Патруле, командовал крейсером и был отчислен после ранения.

— Прекрасно! Солдаты никогда не проявляли особого интереса к антропологии, экзобиологии и прочим «логиям», которые их окружают. Мы должны отказаться от его выводов и провести собственное расследование. В этом обществе имеются некоторые факторы, сбивающие меня с толку. Надо подумать над ними. Почему дети избегают взрослых? Не все дети — только мальчишки. Нет девочек и не видно женщин. Почему? И зачем столько замков на двери бойни?

— У меня не хватает информации для ответа на ваши вопросы, — произнес компьютер.

— Ты ее получишь, когда нам станут известны некоторые факты. Посмотрим, что творится в их домах. Я уверен, что ты записал всю информацию от робота-телохранителя, которого мы всучили Сайласу Эндерби.

— Да.

— Покажи его дом снаружи и внутри.

На экране возникло изображение дома с пустым фронтоном. Не совсем пустым, хоть в нем и не было окон, но были просверлены отверстия, похожие на оружейные бойницы. И бойницы тоже были. Робот обошел вслед за своим покупателем вокруг здания, с задней стороны которого находился вход, защищенный толстой стеной. Сайлас остановился возле стальной двери с массивными заклепками и окантовкой из какого-то металла.

— Дай звук, — приказал Генри.

— Дождь поливает сады, — сказал Сайлас.

— В садах вырастает трава, — последовал ответ из-за двери, и она начала открываться.

— Пароль и отзыв, — заметил Генри. — Это больше похоже на крепость, чем на жилой дом.

Дом и был крепостью. За дверью стояла подставка с оружием, боеприпасами и самодельными гранатами. По мере осмотра дома Генри видел системы оповещения и обнаружения грабителей, запасы пищи, воды, жидкого кислорода, отравляющие газы и электрогенератор. Более интересными для него оказались измученная девушка и две женщины, которых Генри заметил до того, как они торопливо закрыли дверь в свою комнату. Они, казалось, жили в стороне от других помещений дома, и хозяин запрещал им покидать свою территорию.

— Все больше странностей, — пробормотал Генри. — Это надо исследовать. Как думаешь, комп, ты сможешь доставить меня внутрь этой комнаты, не поднимая шума?

— Простейшая задача. Робот легко отключит сигнализацию.

— Тогда поехали. Подай уницикл и подними аэрокомпьютер с телеобъективом.

— Вам не нужен робот для боевой охраны?

— Нет. Он слишком громко хлопает глазами. Я полагаю, что моя реакция и твои наблюдатели и «жучки» уберегут меня от неприятностей.

Генри встал, надел шлем и вышел. Уницикл, вертикально установленный, уже ждал Генри и торопливо жужжал. Он представлял собой одноколесный, или, вернее, одношаровой аппарат, поддерживаемый в вертикальном положении встроенным гироскопом. Сфера, на которой он двигался, была из мягкого эластичного материала, и при движении машины в темноте слышался легкий шелест. Позади и впереди Генри несли охрану летающие роботы-наблюдатели.

— Какие новости из города? — спросил Генри.

— В настоящее время случайно уничтожено шесть «жучков», еще девять обнаружено. Под непрерывным наблюдением находятся сорок три человека. Впереди большой ров, я бы посоветовал вам взять немного правее.

— Потом дашь мне проводника — ночь очень темная. Пусть проводник показывает самый короткий и безопасный путь до города. Что делает шериф?

Впереди показался тусклый зеленый огонек — это один из роботов снизился, чтобы показать Генри дорогу. Генри последовал за ним. Из приемника, укрепленного в его ухе, снова послышался голос компьютера:

— Шериф ужинает с женщиной, которую называет «женой». Какой-то странный у них ужин.

— Что-нибудь экзотическое? Если что-то неприятное, то не рассказывай мне.

— Я не это имею в виду. Дело в манере проведения ужина. Все блюда подаются в закрытой посуде. Шериф каждое блюдо ставит перед женой, потом садится и смотрит. После того как она отведает блюдо, он ставит его перед собой и доедает.

— В этом нет ничего странного. Переключи свою память и вспомни профессию дегустаторов на старой Земле.

— Я понимаю, что вы подразумеваете, — через минуту ответил компьютер. — Он боится быть отравленным, поэтому ест пищу только после того, как ее кто-нибудь попробует. Пожалуйста, снизьте скорость и готовьтесь повернуть налево. Я проведу вас по тихим улицам к дому, который вы собираетесь посетить. Стоп.

Уницикл задрожал и остановился, когда Генри нажал на тормоз.

— Почему ты остановил меня? — прошептал Генри.

— За углом вон того дома стоят три человека. Они, очевидно,

скрываются и следят за кораблем. Женщина и двое детей. Один из ребят — мальчик Робби, с которым мы уже встречались утром. Другой ребенок — девочка, приблизительно того же возраста.

— У них не видно оружия? Я помню, что Робби интересовался им.

— Детекторы не обнаружили никакого оружия.

— Прекрасно. Подключи меня к одному из наблюдателей и подведи его к ним.

— Готово. Он парит над их головами.

— Здравствуйте. Это говорит Генри Винн. Вы хотели меня видеть? — спросил Генри через робота.

В ответ послышалось приглушенное восклицание и удивленное бормотание. Потом заговорил женский голос:

— Где вы? Я не вижу вас!

— Я близко, говорю по радио. Вы хотите меня видеть?

— Да, пожалуйста, это очень важно.

Даже через микрофон он ощутил волнение в ее голосе.

— Сейчас я появлюсь.

Они ждали его в тени, прижавшись друг к другу. Мальчик стоял впереди, прикрывая женщин.

— Это не моя идея, — сказал он, шагнув вперед со сжатыми кулаками. — Мне все это не нравится, но мать сказала, что пойдет сама, и я пошел за ней. Знайте, что я не спускаю с нее глаз.

— Замечательно. И очень правильно. Я очень рад встретиться с вами, мадам.

Генри слегка приподнял шлем, как опытный придворный кавалер.

— Помогите мне, — нервно заговорила женщина. — Когда вы будете покидать эту планету, возьмите с собой на Форбургер этих детей. Это мои дети. Их там ждут.

— Я не хочу уезжать, — твердо сказал мальчик. — Но Китт должна уехать, это верно.

Взошла луна Слаттера и робко осветила узкие улочки. Китт была похожа на своего брата и, видимо, года на два старше. Они оба походили на мать — красивую женщину с матовой кожей и длинными черными волосами.

— А что ты скажешь, Китт? — спросил Генри.

— Это так далеко, — сказала девочка. — Я знаю, что больше никогда не вернусь сюда. Я не хочу покидать мать... но... я знаю, что она права... — в голосе девочки звучали слезы.

— Конечно, я права, и ты знаешь об этом, если у тебя есть глаза, — сказала ее мать, подошла к Генри и посмотрела на него. — Вы из внешнего мира, и потому я могу сказать вам. Вы никогда не поверите, что значит быть женщиной на этой планете. Это очень походит на положение пленницы. Моя дочь должна избежать этой участи. Я тайно связалась с властями на Форбургере. Они рассказали мне, что хотят создать школы для обучения местных жителей пилотированию звездных кораблей. Это прекрасная идея. Вы возьмете детей? — в голосе женщины звучала откровенная мольба.

— Это можно сделать, хоть я лечу не один. И есть осложнение...

— Скрываемся! — опустившись, прошептал робот-наблюдатель. — Сюда приближаются машины. С них стреляют.

ГЛАВА 7

Женщина с детьми нырнула в убежище. Генри потащил свой уницикл за ними, услышав треск первого выстрела. Низко пригнувшись, он следил за двумя приближающимися в ночи гусеничными машинами. Фары их качались и отбрасывали свет, двигатели ревели. Водители, очевидно, управляли одной рукой, а другой стреляли, что не помогало ни движению, ни прицельности. Пули с визгом отскакивали от стен над головой Генри. Наконец машины скрылись за поворотом. Стрельба и грохот постепенно затихли вдали. Генри приподнялся, и, осмотревшись, обнаружил, что остался один. Робот кружил неподалеку.

— Они вернулись домой, — сообщил он. — Я могу провести вас к ним, если хотите.

— Потом. Сейчас у меня более неотложное дело. Мне надо взять интервью у слаттерийца в его собственном доме и получить ответ на мои вопросы. Подмигивай мне хвостовыми огнями, указывая направление.

Робот полетел вперед, а Генри поднял уницикл и двинулся следом.

— Следующий дом на правой стороне, — прошептал ему в ухе компьютер.

— Я узнал его. Как я попаду внутрь?

— Робот отключил сигнализацию и подключился к радиореле замка внешней двери. Когда вы подойдете к двери, я ее открою.

— Присматривай за уницикломи, — сказал Генри, остановившись в темном тупике и выключив мотор. — Я не знаю, сколько времени пробуду там.

Он бесшумно подошел к раскрывшейся двери, проскользнул через нее, и она захлопнулась за ним, как будто поймав в ловушку. Генри попал в узкое замкнутое пространство — это был коридорчик, немного шире его плеч. Он был тускло освещен

электрической лампой в каркасе из металлических прутьев. Генри торопливо прошел к вешалке рядом с дверью, где находилась одежда и амуниция. Оружие было очень серьезным. Дом походил на крепость. Но почему? У него было ощущение, что если он ответит на этот вопрос, то разрешит и все остальные загадки этой планеты.

Прихожая выглядела достаточно обычной по любым стандартам, если не считать ящика с гранатами, симпатичных кинжалов для рукопашного боя и дубинки, усеянной гвоздями. Цветными пятнами на тускло-коричневом фоне выделялись ковер на полу и пара картин в рамках на стене.

Генри рассматривал одну из них, вырезанную из журнала и изображавшую тропический остров в голубом море, когда через дверь в конце холла прошел робот-телохранитель и остановился перед Генри.

— Сайлас Эндерби заканчивает ужин, миссис Эндерби обслуживает его, дети смотрят по видео космическую оперу.

— Прекрасно. Устрой мне встречу со своим хозяином.

Робот кивнул, распахнул дверь и отошел в сторону, пропуская Генри вперед.

Генри вошел в комнату, приподнял шлем и, широко улыбаясь, постарался изо всех сил убедить чету Эндерби в самых наилучших намерениях.

— Сэр и леди, добрый вечер. Я искренне надеюсь, что вы хорошо поужинали.

Миссис Эндерби пронзительно завизжала. Это было нечто среднее между воплем кошки, которой наступили на хвост, и визгом свиньи, которой дали пинок. Затем она швырнула блюдо, прикрыла лицо передником и с рыданием кинулась вон из комнаты. Ее муж реагировал менее громко — он застыл, не донеся кусок до рта, и выпучил глаза. Когда Генри шагнул вперед, Эндерби затрясся, как паралитик, и зацарапал ногтями по кобуре, силясь достать пистолет. Но кобура запуталась в скатерти, и Эндерби сволок всю еду на пол, пока наконец смог открыть ее.

Генри с сожалением покачал головой, протянул руку и взял оружие из вялой лапы.

— Как? — прохрипел Сайлас. — Как вы попали сюда?..

— Очень просто, — ответил Генри, молниеносно придумывая ложный ответ. — Я позвонил в дверь, и ваш робот-телохранитель впустил меня.

— Предатель, — выдавил сквозь сжатые губы Сайлас, вытащил откуда-то другой маленький пистолет и успел два раза выстрелить в робота, прежде чем Генри отобрал у него оружие. Пули отскочили от стального корпуса робота и застряли в стене.

— Никто, — бормотал Сайлас, — никогда еще в этом доме... никогда... — Он застыл в кресле, уставившись в пространство остекленевшими глазами.

— Ни секунды не сомневаюсь в этом, — сказал Генри, роясь в карманах куртки. — Я был воспитан в хорошей семье, и по моим стандартам степень вашего гостеприимства оставляет желать лучшего. Но я не жалуюсь, обратите внимание... Живи и жить давай другим — вот мой девиз. Я побывал на многих планетах, и многие из них драчливее вашей, хотя это доставляет множество хлопот... Я, конечно, не собираюсь оскорблять вас. — Генри наконец нащупал книгу контрактов и положил ее перед собой на стол. — Если вы подпишетесь здесь, мистер Эндерби, то я не задержу вас более ни секунды. Ваша покупка без подписи недействительна, а мы оба заинтересованы в законности сделки.

Продолжая находиться в шоковом состоянии, Сайлас нацарапал свою подпись и упал в кресло.

— Убейте меня, — прошептал он. — Я знаю, что вы пришли убить меня. Сделайте это побыстрее, чтобы я не мучился.

— Ничего подобного, старина Сайлас, — Генри похлопал дрожащего мужчину по плечу. Тот застонал и чуть не свалился на пол. — Это не мое дело. Я торговец, а не полицейский. Мне будет очень неприятно, сэр, если вы умрете.

— Вы не убьете меня? — изумленно спросил Сайлас, выпрямляясь в кресле.

— И в мыслях не имел. Я могу продать вам еще одного робота, если вы хотите.

— Предателя! — завопил Сайлас, с ненавистью глядя на робота.

— Он только выполнял свой долг, — сказал Генри, придвинул к себе стул и сел. — Не беспокойтесь об этом роботе. Он будет охранять вас, пока не кончится смазка в его теле. Не забывайте, что эта машина запрограммирована всегда быть на вашей стороне. Многим людям нельзя доверять, в отличие от машин.

— Никому нельзя доверять. — Сайлас Эндерби отодвинул свой стул подальше от стула Генри и с вожделением уставился на коллекцию топоров, висящих на стене.

— Верно, — ответил Генри, засовывая книгу контрактов обратно в карман и не сводя глаз с Эндерби. — Но меня удивляет, почему вы так думаете?

— Меня хотят убить, — уверенно и со страхом произнес Сайлас, разглядывая один предмет обстановки за другим, в то время как его рука медленно-медленно тянулась к фруктовой вазе, наполненной ручными гранатами.

— Несомненно, — успокаивающе сказал Генри. — И меня хотят убить, и других. Но меня интересует — из-за чего? Что вы-

зывает такую поголовную подозрительность? И ненависть ко всем остальным людям? Для этого должна быть какая-нибудь причина.

— Умри, убийца! — закричал Сайлас, сунув руку в вазу. Он взмахнул гранатой, и Генри пнул ногой робота.

— Очень опасно, хозяин, — сказал робот, протягивая манипулятор и осторожно вынимая гранату из судорожно сжатых пальцев Сайласа. Он положил гранату обратно в вазу и отодвинул ее подальше. — Я охраняю вашу жизнь, сэр. Если граната взорвется в такой маленькой комнате, вы, несомненно, тоже пострадаете.

Сайлас задрожал, отшатнулся от робота и принялся яростно грызть ногти. Генри притворился, что не обратил никакого внимания на этот инцидент.

— Меня удивляет, почему вы — люди на этой планете — так подозрительны? Что послужило толчком для этого? Чего вы боитесь?

— Дикарей! — выпалил Сайлас. — Они хотят убить нас всех. Они только и ждут удобного случая.

— Дикари? — Уши Генри чуть не стали торчком от такой неожиданной информации, как у собаки. — Кто они?

— Дикари живут за холмами. Прячутся, нападают на наши стада и убивают всех, кто попадется. Их много, — Сайлас усиленно кивал, подчеркивая серьезность своих слов. Генри поддержал его энтузиазм.

— Значит, дикари. Они дико кричат, они вообще звери. Они, значит, причина всех ваших беспокойств. Хорошо. Теперь мне все ясно, Сайлас. Благодарю вас за гостеприимство. Не провожайте меня, я знаю дорогу.

Но Сайлас был уже на ногах, восстанавливая спокойствие и унимая хаос мыслей, чтобы понять, что происходит. Он попятился, провожая Генри в холл, и, прежде чем открыть дверь, осмотрел окрестности в перископ.

— А теперь убирайтесь побыстрее и больше никогда не возвращайтесь.

— Рад был с вами познакомиться, — сказал Генри, обращаясь к захлопнувшейся двери.

Он шагнул на улицу, и в тот же миг мир взорвался шумом и грохотом. Генри метнулся назад, ошеломленно оглядываясь по сторонам и ища места, где бы укрыться.

Стена здания напротив опрокинулась с чудовищным грохотом и разлетелась на куски. По руинам прямо к Генри мчалась полугусеничная машина, завывая мотором. Свет ее фар пришпилил Генри к стене, как насекомое. Со всех сторон гремели выстрелы, пули вонзались в землю рядом с его головой.

ГЛАВА 8

Первая, затем и вторая фары погасли, машина помчалась прочь. Генри отшатнулся назад, когда она пролетела мимо стены, за которой он укрылся.

Стрельба продолжалась. Большинство разнообразных машин собралось вместе, и теперь стрельба звучала, подобно раскатам грома. Из дома Сайласа, по которому велся огонь, началась ответная стрельба, на дороге что-то взорвалось с ошеломляющим треском и яркой вспышкой. Дверь дома Сайласа была закрыта, так что Генри подбежал к уницикл у и прыгнул в седло. Но перед посещением Сайласа он выключил двигатель и остановил гироскоп. Теперь уницикл медленно двинулся вперед, дребезжа, виляя и кренясь, как брыкающаяся лошадь. Генри крепко держался за руль, направляя шатающуюся машину по улице, чтобы уйти от разгорающегося за спиной сражения. Когда мотор гироскопа набрал обороты, уницикл выпрямился и пошел устойчивее.

— Скорость еще недостаточна, — прокричал Генри, придерживая шлем. — О, всевидящий бог роботов, ты, может быть, объяснишь мне, что все это значит? Это нападение застало нас врасплох, не так ли?

— Приношу вам свои искренние извинения, но невозможно знать все, — ответил компьютер.

— Ты всегда утверждал, что способен на это.

— ...или обследовать каждый дом. Они, очевидно, держали дверь под наблюдением. Из этого видно, что неизвестный или неизвестные хотели ворваться в дом силой, когда откроется дверь. И, когда это произошло, вы случайно оказались вовлеченным в происходящее.

— Неизвестные ворвались в дом?

— Нет. Я приказал наблюдателям разбить фары, и атакующие не попали в двери из-за кромешной тьмы. В сражение оказались вовлеченными другие машины, и я с сожалением должен отметить, что одна из них преследует вас.

— Удивляюсь, как тебе удалось заметить это, — проворчал Генри, до отказа поворачивая регулятор скорости и стараясь догнать свою тень, вырастающую в приближающемся свете фар машины преследователей. — Ты можешь разбить их фонари?

— У меня поблизости только два наблюдателя, и один из них мне нужен для поддержания связи. — Свет исчез, когда эти слова прозвучали в ушах Генри. — Советую вам как можно быстрее повернуть — другая машина намеревается перерезать вам путь. Я подслушал их радиопереговоры.

— Заглуши их.

— Это уже сделано, но вторая группа успела узнать о вашем местонахождении и направлении вашего движения.

Впереди полыхнули огни, несущиеся навстречу Генри.

— Советую повернуть направо, — сказал компьютер, и Генри повернул руль. — Нет! Не туда!

Впереди возникла стена, тормоза завизжали. Генри вылетел из седла, а уницикл врезался в кирпичи.

Генри с трудом встал, придерживаясь за стену, а в его ушах продолжали звучать последние слова компьютера:

— Не туда. Это тупик. Следующий поворот.

— Ты немного опоздал с этой информацией, — процедил Генри сквозь зубы, ощупывая себя и сдвигая шлем, сбившийся на глаза. — У тебя есть еще предложения, как мне отсюда выбраться?

Он мрачно наблюдал, как полугусеничная машина, затормозив, блокировала выход из переулка. С нее спрыгнули двое и бросились к Генри.

— Вы можете уйти отсюда, — прошептал последний робот-наблюдатель, — если последуете за мной.

Впереди что-то гулко взорвалось, и проулок наполнился едким дымом.

— Мне очень нравится твое предложение, но если бы я смог что-нибудь разглядеть... — Генри закашлялся, вдохнув клуб дыма. Что-то слегка толкнуло его в плечо.

— Держитесь за робота, — сказал компьютер.

Генри положил руку на дрожавший стабилизатор наблюдателя и, спотыкаясь, двинулся за ним, сквозь пыль и дым. За собой он услышал шарканье ног. Что-то с металлическим лязгом упало на обломки его уницикла. Раздался громкий свист пуль, взрыв и жалобы на то, что ничего не видно. Нечто металлическое мелькнуло перед лицом Генри, и он отскочил в сторону.

— Это лестница, — сообщил компьютер.

— Ну и что?

— Если вы встанете на нее, вас поднимут на катер, висящий над землей. Я полагаю, вы хотите вернуться на корабль?

— Ошибаешься, — сказал Генри, нащупал ногами лестницу и крепко вцепился в нее. — Вверх, вверх, и прочь отсюда, к холмам. Я хочу встретиться с одним из тех дикарей, о которых рассказывал мне Сайлас.

Лестница задрожала под его весом, потом легко пошла вверх. Через секунду Генри повис над клубящейся тучей дыма, из которой раздавался треск выстрелов. Отдельные дома города, похожие на крепости, были рассеяны внизу, а вдали над горизонтом возвышалась черная громада гор. Темный диск воздушного грузоподъемного крана заслонял звезды. Паукообразный робот

спустился по лестнице и, зацепившись клешней за плечо Генри, обратился к нему:

— Этой ночью уже мало что можно сделать. Я советую вам вернуться на корабль, а утром...

— Тихо ты, наследник слабоумных компьютеров! Сказано — лети к холмам... Снабди меня спальным мешком, и я посплю прямо под звездами. А пока я буду спать, пошли своих коллег сфотографировать холмы в инфракрасных лучах, чтобы утром мне было легче отыскать этих дикарей. Понятно?

Прошло несколько секунд, прежде чем пришел ответ, и это означало одно из двух: либо компьютер задумался, либо обиделся.

— Я сделаю все, как вы сказали. Вы собираетесь путешествовать на этой лестнице?

— Да. Ночь освежающе прохладна после дневной жары, и я ощущаю легкий ветерок, так необходимый мне после этой аварии. Поехали.

Темный ландшафт медленно проплывал внизу, и среди бесцветных травянистых равнин стали встречаться холмы. Они были покрыты смешанными лесами и лугами, среди которых поблескивали озера. Когда машина приблизилась к массивным утесам горной цепи, кран медленно затормозил и стал снижаться. На скалистой вершине одной горы оказалась тихая лужайка, со всех сторон окруженная отвесными обрывами.

— Это место неприступно, — сказал механический паук. — И снизу его не видно. Я надеюсь, вам здесь будет удобно.

— Да, — Генри зевнул. — Я думаю, что мне следует поспать.

Сверху лился рассеянный свет. Генри спустился вниз и увидел, что корабль занят работой. Генри снова спросил о спальном мешке, и компьютер задал множество туманных вопросов. На траве была установлена пирамидальная палатка, украшенная цветными флажками. Внутри горел свет и отливала золотом медная кровать с чеканными лилиями. Возле кровати стоял стол и легкое кресло. Когда ноги Генри коснулись земли, из парящего над столом робота сверкнули разряды и зажгли свечи. Свет высветил на столе соблазнительные блюда с икрой, ломтиками хлеба, луком и крутыми яйцами. Паукообразный робот спрыгнул с плеча Генри и понесся к ведерку с шампанским. Выбравшись из него, он схватил бутылку за горлышко.

— Закусите слегка перед сном, — сказал робот, скрежеща стальными клешнями по пробке. — Это всегда успокаивает. — Раздался хлопок, пробка вылетела, и шампанское зашипело.

Генри опустился в кресло и взял бокал.

— Большое спасибо, — сказал он, потягивая шампанское маленькими глоточками, — за ваше сочувствие и советы, но я

должен сегодня вечером поработать сверхурочно. — Он взял из клешни робота бутерброд с икрой и стал жевать. — Мне необходимо найти причину всего этого. Я всегда любил пикники на природе.

Поужинав, он, спотыкаясь, добрался до кровати и погрузился в такой глубокий сон, что лишь сильный стук по медному тазу, в который на рассвете забрался парикмахер, разбудил его.

— Прекрати, — пробормотал Генри, не открывая глаз и судорожно отмахиваясь рукой. — Прекрати бить в барабан, металлический чайник.

Звук умолк лишь тогда, когда Генри опустил ноги, покрывшиеся от холода мурашками, на землю.

— Докладывай.

Робот-парикмахер вытащил тазик из своей грудной клетки и наполнил его теплой водой из краника на конце пальца.

— Я обнаружил за ночь несколько источников тепла, которые являются гигантскими травоядными. Их нельзя отнести к дикарям. Это робкие животные, при возникновении опасности спасающиеся бегством, полагаясь на быстрые ноги. Однако в ближайших окрестностях мне удалось обнаружить пятерых туземцев, прилично вооруженных. Они подходят под определение «дикари», которое я получил.

— Местные гуманоиды? — спросил Генри, сполоснул лицо и набрал в ладони немного жидкого мыла из другого пальца робота.

— Очень сомнительно. Фотометрические исследования планеты показали семьдесят мест, где живут люди. Можно предположить, что «дикари» — обычные люди, живущие в примитивных условиях по неизвестным причинам. — Робот положил в руку Генри гребень, его лицевая панель заблестела и превратилась в зеркало. Когда Генри причесался, робот выдавил зубную пасту и стал усердно чистить зубы Генри.

— Все интереснее и таинственнее, — пробормотал Генри сквозь пену. — Сразу же после завтрака надо будет поближе взглянуть на этих отщепенцев.

Чашка дымящегося черного кофе скользнула в его руку. Генри выпил его, плотно закусил поджаренной колбасой и рисовой кашей, взял вторую чашку кофе и стал прогуливаться по краю утеса, наслаждаясь видом холмов, выплывающих из утреннего тумана. Когда все снаряжение было поднято и упаковано на летающий кран, позади Генри раздался топот ног робота.

— Я готов, — сказал Генри, нажал кнопку «Дезинтеграция» на чашке и швырнул ее с утеса вниз. Не пролетев и десяти футов, чашка превратилась в облачко тончайшей пыли. — Как мы вступим в контакт с объектом?

— Кран доставит вас на место поблизости от него, — пояснил паукообразный робот и подал Генри трап. Тот поднялся по нему. — Я буду вашим проводником весь остаток пути.

ГЛАВА 9

Полет оказался недолгим. Лестница исчезла в брюхе аппарата, и Генри с роботом остались на гребне горы, от подножия которой уходила долина, ведущая к равнине.

— Мы на месте, — сказал паук, когда Генри в нерешительности остановился на покрытой травой поляне. Он спрыгнул на землю, и Генри зашагал за ним.

— На этом гребне я бы посоветовал двигаться помедленнее, — сказал робот.

— А я посоветовал бы тебе помолчать. Показывай дорогу и предоставь мне самому беспокоиться о том, как подобраться к дичи.

Они молча продолжали путь, продираясь через высокую траву и низко нависающие ветви деревьев. Паук молча скользнул между двумя каменными глыбами на краю крутого склона и указал клешней вниз. Перед Генри раскинулась великолепная панорама.

Он увидел обугленный и обглоданный бычий бок, лежащий в золе костра прямо перед ними. Рядом с мясом, наполовину в траве, наполовину в земле, растянулся необычный представитель человеческой расы. Его одежда, если ее можно было так назвать, состояла из плохо выделанных шкур животных, скрепленных полосками кожи. У него были длинные волосы, завязанные узлом, и длинная спутанная борода. И шкуры, и их хозяин были щедро вываляны в земле. Из-под шкур виднелся чудовищно раздутый живот, похожий на переспелую дыню. Очевидно, человек устроил себе пир и набил живот жареным мясом. Человека что-то беспокоило — скорее всего пищеварение, — он стонал и катался по земле, не открывая глаз. Рука, лежавшая в золе, скребла землю, словно огромное насекомое, и отщипывала кусочки мяса, когда касалась туши. Все это сопровождалось открыванием рта, жеванием и глотанием. Очевидно, пиршество не прекращалось и во сне.

— Очень приятное зрелище, — сказал Генри, встал, отряхнулся и надел шлем. — Оно отобьет мне аппетит на неделю. Пойдем посмотрим, что туземец нам скажет.

Генри стал спускаться по склону, а паук спрыгнул с его плеча.

Дикарь проснулся, что требовало от него значительных уси-

лий, и изумленно уставился на Генри поросячьими, налитыми кровью глазками.

— Очень рад встретиться с вами, сэр, и мне приятно видеть, что вы хорошо позавтракали, — любезно произнес Генри. — А теперь позвольте мне представиться...

— Убью! Убью! — заорал дикарь, хватая каменный топор, лежавший возле него, и швыряя его в Генри одним удивительно точным движением. Целился он прямо в лоб, и у Генри не оставалось времени ни уклониться, ни даже поднять руку для защиты.

Робот-паук изогнулся и метнулся навстречу топору. Они встретились в воздухе, упали на землю одним клубком, паук дернулся, хрустнул и замер.

— Заверяю вас, сэр, в самых дружеских...

— Убью! Убью! — перебил его дикарь и так же легко метнул в Генри увесистый камень, но наш визитер был уже настороже и уклонился.

— Давайте, как люди, обсудим некоторые...

— Убью! Убью! — Дикарь заскрежетал зубами и ринулся в бой, вытянув перед собой руки со скрюченными пальцами. Генри не двинулся с места и, когда дикарь очутился возле него, рубанул его ребром ладони по шее. Дикарь рухнул на землю, а Генри отошел в сторону.

— Уверяю вас, мы вполне можем добиться взаимопонимания, — сказал он, вытирая руки о траву. Возле его головы зажужжало какое-то насекомое, и он отмахнулся, прежде чем услышал тоненький голосок:

— Докладываю. По ущелью сюда направляется другой дикарь. Он, кажется, не вооружен.

— Слишком слабое утешение для меня, — устало произнес Генри, встал в боевую стойку и вытянул руку.

Раздался топот ног, и перед ним появился дикарь. Он был так же грязен, как и первый, носил такие же засаленные шкуры, но на этом их сходство заканчивалось. Во-первых, второй дикарь был намного старше первого, с седыми волосами и бородой. На шее его болтался какой-то обрывок, настолько изорванный и грязный, что невозможно было понять, что это. По-видимому, когда-то это был галстук. На носу старика восседали обломки старых очков. Одного стекла не было вовсе, а другое было так испещрено трещинами, что сквозь него вряд ли можно было хоть что-нибудь разглядеть. Старик остановился, склонил голову набок и, моргая глазами, стал рассматривать Генри сквозь единственное мутное стекло, а потом слегка захихикал.

— Хорошо, хорошо, хорошо, что вы здесь делаете? — спросил он и, шаркая ногами, подошел поближе к Генри.

— Такой разговор мне нравится больше, — сказал Генри и расслабился. — Очень приятно встретиться с вами.

— Приятно, приятно? Не пользуйтесь слишком вольно этим словом, — сказал старик и присел возле обугленной туши. — Речь — точный инструмент, слова имеют цену и могут делать разные вещи. Например, имя. Возьмите имя... Вы можете делать с ним многое, вы станете сильнее меня... — Говоря все это успокаивающим тоном, дикарь незаметно погрузил пальцы в жирное мясо и стал быстро-быстро засовывать в рот кусочки, так что под конец его речи слова стали почти неразборчивыми.

— Я верю в это, — сказал Генри, — и готов согласиться с вами. Но я хочу спросить, что делает здесь такой образованный человек? Почему вы живете здесь, в этих диких местах?

— Отдыхаю и больше ничего. Даже на секунду не подумайте, что я уроженец этой планеты. Конечно, нет, конечно, нет. Я ученый с Форбургера, наблюдаю здесь за отдельными формами жизни. Очень интересно. Я скоро напишу книгу. Ученый мир...

— Мое! Мое! — заорал первый дикарь, вернувшись к жизни, и потащил тушу к себе обеими руками.

Продолжая одной рукой запихивать в рот мясо, пришелец другой схватил камень и стукнул им по голове прежнего владельца мяса — дикарь со стоном упал спиной в золу. Генри молча наблюдал, не предпринимая никаких попыток прекратить драку.

— Очень интересно, — сказал он. — Как человек из другого мира и как ученый, вы должны иметь свою точку зрения на местную жизнь. Вы, наверное, знаете, почему люди на этой планете так недоверчивы и агрессивны?

— Да, знаю, — не переставая жевать, ответил старик.

Пауза затянулась, и Генри наконец спросил:

— И вы можете рассказать мне об этом?

— Конечно. Доверие за доверие, но помните, я опубликую это первым. Все дело в радиации, особой радиации, я знаю. На планете существует пагубная радиация, которую можно обозначить символом «Х». Потом эту величину «Х» мы должны использовать при уточнении длины волны, назовем эту длину «Д»... — Дальше последовало множество слов, в основном напоминающих предыдущие, и Генри громко вздохнул и сказал маленькому металлическому орникоптеру, медленно кружившему над его головой:

— Он спятил, бедняга.

— Если вы имеете в виду его психическое состояние, то вы правы, — орникоптер завершил вираж. — Я сравнил его психические параметры со своими записями и обнаружил, что на другой планете он имел бы 97,89 шанса из ста угодить в психиатрическую лечебницу.

— Даже все сто. Это трагедия — интеллигентный человек прибывает изучать местные формы жизни и не выдерживает напряжения. Мы должны сообщить о нем на Форбургер, чтобы его взяли обратно.

— Я сделаю заметку в записях.

— Давай возвращаться, — сказал Генри. — Здесь нет ничего полезного для нас. Эти дикари просто одинокие изгнанники. Они не могут быть причиной неприятностей на планете. Что здесь происходит?

Старик внезапно встрепенулся и приложил ладонь к уху, а затем оторвал от туши здоровенный кусок мяса и принялся бежать. Второй дикарь вскоре очнулся, застонал и сел, посмотрев на Генри мутным взглядом, но тут же вскочил на ноги и исчез из виду.

— Они услышали шум приближающихся трициклов, — объяснил компьютер. — Машины едут сюда со стороны равнины, где пасутся стада. Это пока еще не опасно, потому я и не сообщил вам.

— Продолжай непрерывно информировать меня. Как отсюда выбраться?

— Кран уже в пути. Я советую вам влезть обратно на гору до прибытия этих людей. Они разыскивают похитителя своей коровы и, несомненно, пройдут мимо, продолжая погоню.

— Хорошо, если ты окажешься прав, — сказал Генри и полез наверх.

Вверху оказался великолепный наблюдательный пункт. Отсюда Генри, сам невидимый, следил за трициклами, которые остановились возле туши.

— Она! — закричал один из преследователей. — Они сперли бычка, изжарили здесь и съели. Я же говорил вам, что бычка не хватает!..

— Куда пошел вор?

— Собака покажет.

Генри махнул рукой орникоптеру, тот сложил крылья и сел рядом с его головой. Через микросекунду, покопавшись в памяти, компьютер сказал:

— Собака, охотничья собака. Животное с хорошо развитым обонянием. Оно используется для поиска добычи по запаху. В наше время так называют специальный прибор, который может находить следы по запаху, подобно животному с тем же названием.

— Где кран? — спросил Генри, внезапно ощущая холодок на спине.

— Прибудет через три минуты.

— Немедленно сюда!

— Эй! — раздался голос внизу. — Собака показывает три следа. Два уходят прочь, а третий идет прямо на эту гору.

— Кто-то сидит наверху!

— Лови его!

Генри хорошо поработал, но на стороне противника было численное преимущество. Трициклы взревели, поднимаясь по склону, и остановились рядом с Генри. Он вытащил из седла первого противника и швырнул его в остальных. До этого назначения он служил в Морском Патруле, и кажущаяся полнота была обманчивой.

Драться Генри умел. Трое противников, издавая стоны, оказались на земле, но четвертый подкрался к нему сзади, выхватил пистолет и вдребезги разнес его шлем.

Генри так и не узнал, что его ударило.

ГЛАВА 10

Генри застонал, открыл глаза, и картина, возникшая перед ним, ему явно не понравилась, он снова застонал и закрыл глаза.

— Объясните, что случилось, — потребовал командор Сергеев, наклоняясь так близко, что его борода защекотала Генри нос.

— Прочь из джунглей, — отозвался Генри, осторожно отведя голову. — Рассказывайте, что вам стало известно, пока я вел расследование, а я дополню детали.

— Вот те на! Вы позволили им захватить себя! Теперь мы оба будем жить на этой бойне!

— Тише, тише, попытайтесь не кричать. Я вытащу вас отсюда, только расскажите мне все детали.

— Вы сами все знаете, или это знает робот, так похожий на вас. Я не мог спать, а это создание вообще не спит, поэтому мы играли в шахматы. Потом он неожиданно вскочил на ноги — несомненно, с целью уронить фигуры, так как я только что собирался объявить ему мат — и сорвал цепь, приковывавшую его ногу к стене. Если бы я знал раньше, что он способен на нечто подобное, то я бы давно заставил его освободить меня. Затем он влез на запоминающее устройство и спрятался там. Пока я окликал его, дверь раскрылась, и внесли вас, в точности такого же, как и робота. Вас снова моментально сковали. Небо! Вы знаете, что я имею в виду. И все ушли. Теперь ваш грозный робот совершенно игнорирует меня и режет дыру в стене. Сумасшедший!

Генри взглянул вверх. Прицепившись ногами и вися под потолком вниз головой, Генри-робот ковырял стену полоской стали. У Генри-оригинала закружилась голова, он прикрыл глаза и застонал.

— Мне нужен врач, — сказал он.

— Помощь сейчас придет! — крикнул робот и наконец проделал отверстие. Через несколько минут влетел наблюдатель и сел на пол возле Генри. Он был похож на птицу и блестел. Робот выжидающе жужжал, пока в его задней части открывался маленький люк. Робот-Генри внезапно спрыгнул со стены и, задребезжав, побежал к коллеге. Он вытащил из его люка пакет, а наблюдатель немедленно взлетел и исчез.

— Аптечка, — сказал робот. — Я буду лечить ваши раны.

— Сначала сними боль, — сказал Генри. — А потом объяснись.

Работа была выполнена немедленно. Смазывая синяки мазью, робот начал рассказывать:

— Остановить ваших противников мне не удалось. Но я смог предотвратить вашу смерть, выведя их оружие из строя. Я рассудил, что вас должны доставить сюда, откуда, по их мнению, вы сбежали, и я оказался прав.

— А если бы ты ошибся?

— Я просчитал все варианты, — с механической самоуверенностью заявил компьютер. — Тяжелые машины уже в пути. — Самодовольство робота объяснялось тем, что его тяжелые машины — боевые роботы — имели на борту атомное оружие.

Генри зашевелился и сел, не испытывая больше головокружения.

— Мы должны немедленно покинуть это место, — заявил Сергеев, сжимая пальцы так, как будто они кого-то душили.

— Согласен. Мы, несомненно, больше ничего не сможем сделать, находясь здесь на цепи. Но потерпите, дайте мне несколько секунд, чтобы собраться с силами.

— Десять минут, не больше. — Сергеев начал расхаживать по комнате, поглядывая на часы.

— Вы щедрый человек, командор. Как, должно быть, любили вас ваши подчиненные...

— Возможно, но они никогда не говорили мне об этом. Мне вполне хватало того, что они повиновались моим приказам.

— Вы никогда не смогли бы подобрать экипаж на этой планете. За всю мою жизнь я еще ни разу не сталкивался с такими недоверчивыми твердолобыми людьми. Дети их выглядят совершенно нормальными, женщины тоже, если паранджа может быть нормальной. Но мужчины! Вероломны, подозрительны, смертельно опасны — выбирай любую формулировку. Вероятно, на Форбургере были правы, когда говорили, что здесь развилась извращенная, псевдопограничная культура силы и убийства. Эта проблема не имеет простого решения. Их образ жизни уже укоренился, а изменить все общество почти невозможно.

— А зачем изменять? Просто уйти! Пусть себе живут со своими коровами, пылью и стрельбой. Они сумасшедшие, все сумасшедшие!..

Глаза Генри внезапно загорелись.

— Как вы сказали?

— Вы что, глухой? Сумасшедшие. А теперь убираемся отсюда, наше время истекло.

Генри медленно встал на ноги и пошатнулся.

— Может быть, если они все умственно больны, то этим объясняется многое. Возможно, я ошибаюсь...

— Не наседайте, пожалуйста, командор, — сказал Генри-робот, становясь между своим хозяином и разгневанным представителем Галактической Переписи, который наступал на Генри.

— Командор, успокойтесь, — сказал Генри и снова взял дело в свои руки. — Корабль, я полагаю, ты можешь извлечь нас отсюда?

— Пустячное дело, — сказал робот, нагнувшись над окованной лодыжкой Генри, а затем Сергеева. Они последовали за роботом к двери, которую он просто выбил. Мужчины перешагнули через обломки и прошли через главный зал к внешней двери.

— Ему не удастся так же легко вышибить и эту дверь, — сказал Сергеев, указывая на толстые стальные прутья.

— Будьте любезны отойти в сторону, — произнес робот, и, когда они отошли, дверь разлетелась бесформенными кусками металла. Генри и командор вышли наружу и увидели массивного робота с энергопушкой, установленной на месте головы (глаза и рот были на животе).

— Вам необходимо быстрее уйти отсюда, — посоветовал робот. — Ваше бегство уже подняло тревогу, и, кажется, все мужчины в городе проснулись и сбегаются сюда.

Роботы и люди бросились бежать сквозь кромешный мрак. Тучи закрыли луну и звезды, а слагтерийцы не освещали улицы своего города. Вовремя предупрежденные «жучками» и наблюдателями, они свернули в боковую улицу и сумели избежать встречи с группой машин.

От света фар и ручных фонарей вокруг их корабля было светло, как днем. Когда они наконец добрались до космопорта, Генри пригнулся и ткнул пальцем ближайшего робота.

— Не притворяйся, что ты не знал об этом. Может, ты оставил эту доброжелательно настроенную группу в качестве маленького сюрприза?

— Нет. Я информировал бы вас об этом, если бы не был озабочен вашим моральным состоянием. Я знал, что новость о том, что корабль окружен, может огорчить вас, а следовательно, помешать действовать разумно.

— Вот я тебе сейчас дам разумно! — крикнул Сергеев и пнул робота ногой, но ничего, кроме жгучей боли в ноге, не получил.

— Как мы попадем на корабль? — спросил Генри.

— Идите за мной, — сказал робот. — Захороненный корабль Сергеева находится вне кольца охраны. Я прорыл второй туннель под охраняемой площадью. Вы можете пойти этим путем.

— У нас нет выбора. Пойдемте, командор.

Свет был ярким, и последнюю сотню метров им пришлось проползти на животе. Они устали, вымазались в грязи и вымокли, когда вкатились в водосточную канаву.

— Прибыли, — сказал Генри-робот. — Если вы подождете несколько минут, туннель будет выведен прямо сюда, к нам, а пока я прошу соблюдать полную тишину, так как в этом направлении движется вооруженный человек.

— Мы можем захватить его, не вызывая тревоги?

— Это возможно. Пожалуйста, соблюдайте тишину.

Только они успели прилечь за грязным откосом канавы, как послышались приближающиеся шаги, и на фоне ослепительного сияния прожекторов возникла темная фигура. Человек держал в руке пистолет, но ничего в темноте не видел, как ни всматривался. Генри-робот метнулся вперед и схватил человека за лодыжки. Прежде чем тот успел закричать или пустить в ход оружие, он оказался в канаве. Генри сильно ударил его в подбородок. Человек согнулся и рухнул на землю. Генри радостно прошептал:

— Наш старый приятель шериф! Я и не мог ожидать такого подарка!

Под землей раздался громыхающий лязг, и над поверхностью появился вращающийся наконечник бура. Через несколько секунд из отверстия вылез и остановился робот-бурильщик.

— Быстро в туннель, — поторопил Генри-робот. — Я потащу шерифа сзади вас. Должен предупредить, что этот туннель не укреплен и выдержит только три-четыре минуты.

— Черт бы побрал тебя и твои дешевые туннели! — крикнул Генри, ныряя в нору.

ГЛАВА 11

Путешествие оказалось не из веселых. Свод туннеля царапал спину Генри, когда они пробирались по нему на четвереньках. Внутри было темно и душно, а Генри уже устал от ползания в темноте. Казалось, путешествию не будет конца. Генри явственно чувствовал многотонный вес породы над головой и был уверен, что не доползет.

Потом туннель повернул, выровнялся, и впереди показался

свет. Последним усилием Генри добрался до входа в укрепленный туннель и ввалился в него. Ожидающий в туннеле робот стряхнул грязь с одежды хозяина, а затем выдернул из отверстия командора, как пробку из бутылки. Генри-робот с шерифом наполовину вылезли из туннеля, когда тот обвалился. Пока роботы откапывали шерифа, мужчины сидели в изнеможении.

— Я подумал, что вы, возможно, захотите холодного пива, — сказал другой робот, появляясь из соединительного туннеля с подносом, на котором стояли две заиндевевшие бутылки пива. — Как вы думаете, командор присоединится к вам?

Командор Сергеев что-то невнятно пробормотал, наклонился и схватил бутылку. Он отбил горлышко, поднес бутылку к губам и наполовину опустошил ее, прежде чем остановился перевести дух. Генри выпил свою бутылку не спеша, маленькими глоточками.

— Ваш корабль вон там, командор, — сказал он Сергееву. — Захоронен, но цел и невредим. Может быть, вы присоединитесь ко мне, пока мы извлечем его?

Отдых, пиво и свобода значительно улучшили настроение командора.

— Счастлив буду побыть с вами. Мне кажется, я на всю свою жизнь набегался под землей.

— Я не сумел бы сказать точнее.

Они, охая, встали и пошли по туннелю к кораблю Генри.

Он сидел в кресле, поджав ноги, и читал письменный доклад компьютера, жуя сандвич, когда к нему присоединился Сергеев.

— Садитесь и заказывайте, что вам нравится, командор, — сказал Генри, кивая в сторону кресла. — Я рад видеть, что вам удалось найти одежду вашего размера.

— Размер — да, но не материал. Я не нашел ничего, кроме отвратительной клетчатой ткани, из которой сшита ваша одежда. — Сергеев внимательно просмотрел меню, поданное ему роботом. — А что это за доклад вы читаете?

— Разгадка тайны этой планеты. У шерифа в крови избыточное количество ДМПИ, или тараксеина, как иначе называют это вещество. Анализы указали на его источник.

Командор отметил в меню блюда, вернул роботу и, нахмурившись, посмотрел на Генри.

— Вы что, с ума сошли?

— Не я, а шериф. На всех других планетах его признали бы психически больным. Вам известно, что такое параноидальная шизофрения?

— Разновидность психического заболевания. Но какое это имеет отношение к шерифу?

— Он болен ею, — сказал Генри. — Параноики живут в соб-

ственном, вымышленном ими мире и не доверяют никому. В одной из форм этого заболевания его жертва страдает манией преследования. Человек убежден, что весь мир настроен против него. Он может действовать разумно, но не всегда.

— Вы хотите сказать...

— Именно. Все мужчины на этой планете душевно больны и требуют лечения. Возможно, что сложившийся здесь уклад жизни — только спусковой крючок для болезни, которая вызывается здесь воздействием химических веществ и завершается нарушением деятельности головного мозга. ДМПИ — антитела, вырабатываемые организмом в ответ на вторжение инородных тел. Плохо то, что ДМПИ не только уничтожает болезнетворные микроорганизмы, но и причиняет вред самому мозгу.

— То есть этот ДМПИ делает человека психом. Откуда же берется?

— Компьютер еще не закончил свой анализ, но уже обнаружил некоторые микроорганизмы, на которые можно возложить ответственность. Простейшие бактерии, которые, видимо, очень медленно проникают в человеческий организм. Но эта форма инфекции — одна из опаснейших, вроде проказы, поскольку действие ее настолько заторможено и слабо, что организм не замечает ее и не борется с ней. Эти микроорганизмы медленно и упорно накапливают силы, и постепенно вырабатывается достаточно ДМПИ для возникновения заболевания.

— А женщины и девочки?

— У них, видимо, природный иммунитет — это самое логичное объяснение, так как эти микроорганизмы присутствуют везде.

— Тогда надо уничтожить их! — заявил Сергеев.

— Успокойтесь. Конечно, мы это сделаем. Но не забудьте, результат станет известен только через пятнадцать лет, не меньше. Наше превосходство в том, что мы знаем причину. С Форбургера прибудут врачи и возьмут дело в свои руки.

— Тут в ваших аргументах есть одно слабое место. Если эта болезнь так широко распространилась, то бактерии должны быть в мясе. Почему же на Форбургере все здоровы?

— Очень просто. Замораживание мяса убивает почти все микроорганизмы, не привыкшие к таким условиям. Ведь мясо отправляют отсюда замороженным и доставляют на Форбургер только через несколько месяцев.

— Это разумно, — неохотно согласился Сергеев, посылая робота за другим сандвичем. — В таком случае, мне надо остаться здесь, пока не выкопают мой корабль. Местные жители больны, и их надо лечить. Когда их вылечат, я проведу перепись и выполню свою работу.

— Для всех наступит лучшая жизнь, — сказал Генри. — Дети отправятся лечиться и учиться на Форбургер, а потом вернутся строить здесь более разумное общество. Они сделают это скорее, чем чужаки. — Генри криво улыбнулся. — Это, несомненно, трогательная затея.

— Что? — спросил Сергеев, более заинтересованный новым сандвичем и пивом, чем разговором.

— Дети всегда бунтуют, свысока смотрят на старшее поколение и даже думают, что их родители слишком тупы, чтобы понять идеи своих детей. Но на Слагтере дети правы!

ВЫПУСК

Потом было сказано еще много речей, церемония закончилась. Кадеты выходили из строя, высоко подняв головы, и получали документы об окончании училища. Один за другим они проходили через эту простую церемонию, пока она не завершилась.

Они больше не кадеты. Они...

— Патрульные, я приветствую вас... — сказал командор, и его голос потонул в радостных криках. Эхо отражалось от купола, стихнув только тогда, когда молодые люди выбежали из зала навстречу своим назначениям и своей судьбе.

Командор остался один, думая уже о новых воспитанниках, которые прибудут завтра.

Патрульные выходили из зала — с Земли — распространять по планетам Галактики закон и порядок. И в этом им помогут верные свиньи и преданные роботы — друзья человека, путешествующие вместе с ними в Космосе и помогающие в завоевании Вселенной.

СВИНЬЯ, РОБОТ и ЧЕЛОВЕК рука об руку твердо шагают в удивительное будущее.

Космические крысы ДДД

Валяй, парень, садись! Да хоть сюда... Не церемонься со старым Фрннксом, спихни его, и дело с концом, пускай дрыхнет на полу. Ты ведь знаешь крддлов, совсем не выносят приличной выпивки, а уж о флнннксе и говорить нечего. Если же курнуть вдобавок адскую травку крммл... Ну-ка, плесну тебе флнннкса... О-о, виноват, прямо на рукав. Ну да ладно, когда подсохнет, соскребешь ножом. Твое здоровье! Чтоб выдержала обшивка, когда за тобой будут гнаться орды кпннзов!

Нет, прости, твое имя мне незнакомо. Слишком много хороших парней приходит и уходит, а самые лучшие умирают рано... разве не так? Я? Ты обо мне вряд ли слыхал, зови просто Старина Сержант, нормальное прозвище, не хуже прочих. Хорошие парни, говорю, и лучшим среди них был... назовем его Джентльмен Джакс. Его звали по-другому, но на одной планете, имя которой мне хорошо известно, этого парня ждет одна девочка, все ждет и ждет, не сводя глаз с мерцающих шлейфов прибывающих дальних рейсовиков... Так ради нее будем звать его Джентльменом Джаксом, ему бы это понравилось и ей тоже, если бы она услышала это прозвище, хотя девочка, должно быть, слегка поседела или полысела с тех пор и мучается артритом от бесконечного сидения и ожидания. Впрочем, ей-богу, это уже совсем другая история, и, клянусь Орионом, не мне ее рассказывать... Молодец, угощайся, наливай больше. Не дрейфь, у хорошего флннкса всегда зеленоватый дымок, только лучше прикрой глаза, когда пьешь, не то через неделю будешь слеп — ха-ха-ха! — клянусь священным именем пророка Мррдла!

Я знаю, о чем ты думаешь: что делает старая космическая крыса в этом рейсе на самый край галактики, где из последних сил мерцают чахлые бледные звезды и ищут покой усталые протоны? Что я делаю? Скажу — надираюсь похлеще планиццианского пфрдффла, вот что! Говорят, выпивка туманит память, а мне, Лебедь свидетель, не мешало бы кое-что забыть! Я вижу, ты разглядываешь шрамы на моих руках, за каждым — целая история. Да, приятель, и каждый шрам на моей спине — целая история, и шрамы на... Впрочем, это уже другая история. Так и быть, я расскажу тебе кое-что, и это будет чистая правда, клянусь пресвятым Мрддлом, ну, может, изменю парочку имен, сам понимаешь — девушка ждет и все такое прочее.

Слыхал от кого-нибудь про ДДД? Судя по тому, как расширились твои глаза и побелела темная от космического загара кожа, слыхал. Так вот, Старина Сержант, твой покорный слуга, входил в число первых Космических Крыс ДДД, а моим закадычным другом был парень, который известен ныне как Джентльмен Джакс. Да проклянет великий Крамддл его имя и уничтожит память о том дне, когда я впервые его увидел...

— Выпускники, смир-р-но!

Зычный голос сержанта взорвал тишину и, словно удар бича, хлестнул по ушам кадетов, выстроенных в математически точные ряды. Одновременно с отрывистым щелчком многообещающей команды оглушительно щелкнули, сдвинувшись вместе, сто три ботинка, начищенные до невероятного блеска, и восемьдесят семь кадетов выпускного класса защелкнулись в единый металлический фронт. (Уместно пояснить, что некоторые происходили с иных миров и обладали разными наборами ног и всего прочего.) Ни одна грудь не впустила и молекулы воздуха, ни одно веко не дернулось и на тысячную долю миллиметра, когда, буравя выпускников взглядом стеклянного глаза сквозь стеклянный монокль, вперед ступил полковник фон Грудт — с коротко остриженными, седоватыми, жесткими, как колючая проволока, волосами, в безупречно пошитом и отлично сидящем черном мундире, с сигаретой, скрученной из травки крммл, в стальных пальцах искусственной левой руки; затянутые в черную перчатку пальцы искусственной правой руки взметнулись к околышу фуражки в четком воинском салюте, и тонко взвыли моторы в искусственных легких, рождая энергию для бробдингегского рева громоподобной команды.

— Вольно. Слушать меня. Вы отборные люди — и отборные нелюди, конечно, — со всех цивилизованных миров галактики. Шесть миллионов сорок три кадета приступили к первому году обучения, и большинство из них по разным причинам выбыли. Некоторые не сдали экзаменов. Некоторые были исключены и расстреляны за содомию. Некоторые поверили лживым либеральным слезам красных комми, утверждающих, будто в постоянной войне и резне нет никакой надобности; их тоже исключили и расстреляли. На протяжении ряда лет слабаки отсеивались, пока не осталось ядро Дивизии — вы! Воины первого выпускного класса ДДД! Будьте готовы нести блага цивилизации к звездам! Будьте готовы узнать, наконец, что означают буквы ДДД!

Оглушительный рев вырвался из объединенной глотки, хриплый вопль мужского одобрения, гулким эхом наполнивший чашу стадиона. По знаку фон Грудта был нажат переключатель, и гигантская плита непроницита скользнула над головами, закрыв стадион от любопытствующих глаз и ушей и назойливых шпионских лучей. Громоподобные голоса гремели от энтузиазма — не одна барабанная перепонка лопнула в тот день! — но когда полковник поднял руку, мгновенно наступила тишина.

— Вам не придется в одиночестве продвигать границы цивилизации к варварским звездам, о нет! Каждого будет сопровождать верный друг. Правофланговый первой шеренги — шаг вперед! Вот он, ваш верный друг!

Вызванный десантник вышел из строя четким шагом, звучно щелкнул каблуками — эхом прозвучал треск распахнувшейся настежь двери, и все глаза на стадионе невольно обратились к черному проему, из которого возник...

Как описать его? Как описать смерч, который сбивает вас с ног, ураган, который заглатывает вас целиком, космический

вихрь, который пожирает вас без следа? Это было неописуемо, как всякое стихийное явление.

Перед кадетами явилось создание трех метров в холке, четырех метров вместе с уродливой, истекающей слюной, лязгающей зубами головой. Этот смерч-ураган-вихрь ворвался на четырех могучих, напоминающих поршни лапах, продирая огромными когтями глубокие борозды в неуязвимой поверхности непроницитового покрытия. Чудовищная тварь, порождение кошмарного горячечного бреда, огласила стадион леденящим душу криком.

— Вот! — взревел в ответ полковник фон Грудт, и на его губах выступила кровавая пена. — Вот ваш преданный друг, мутаверблюд, мутация благородного дромадера со Старой Доброй Земли, символ и гордость ДДД-Десантной Дромадерской Дивизии! Прошу знакомиться!

Вызванный десантник шагнул вперед, поднял руку, приветствуя благородное животное, и зверюга мгновенно эту руку откусила. Пронзительный вопль кадета смешался с задушенным вздохом его товарищей, которые, отбросив праздный интерес, во все глаза глядели, как выскочившие укротители верблюдов, затянутые в кожаную портупею с медными пряжками, орудовали дубинками, прогоняя упирающегося верблюда; врач тем временем затянул жгут на культяшке раненого и отволок безжизненное тело в сторону.

— Первый урок по боевым верблюдам, — хрипло выкрикнул полковник. — Никогда не протягивайте к ним руку. Ваш товарищ, ставший кандидатом на пересадку руки, — ха-ха! — я уверен, не забудет этого маленького урока. Следующий кадет. Следующий друг!

Вновь топот грохочущих лап и пронзительное визгливое клокотание боевого верблюда во всем атакующем блеске. На этот раз десантник не поднял руки, и верблюд откусил ему голову.

— Боюсь, что голову уже не пересадишь, — зловеще ухмыльнулся полковник. — Почтим секундой молчания покинувшего нас товарища, который удалился на большую стартовую площадку в небесах. Достаточно. Смир-р-но! Сейчас вы пройдете на учебный плац и научитесь обращаться с вашими верными друзьями. Не забывайте, что каждый из них снабжен комплектом вставных зубов из непроницития и острыми, как бритва, накладными когтями из того же материала. Разойтись!

Казармы курсантов славились своей спартанской обстановкой, известной под кодовым обозначением ничего лишнего или «без нежностей». Постелями служили непроницатовые плиты — никаких подтачивающих спины матрасов! — покрытые простынями из тонкой мешковины. Одеял, разумеется, не было — да и

к чему они, если в помещении поддерживалась полезная для здоровья температура в 4° по Цельсию? Остальные удобства были под стать, посему выпускников ожидало потрясение, когда, вернувшись после церемонии и тренировки, они обнаружили в казармах непривычные предметы роскоши: каждая лампа для чтения была снабжена «абажуром», а на каждой койке лежала изумительная, мягкая, двухсантиметровой толщины «подушка». Так кадеты начали пожинать плоды долгих лет труда.

Надо заметить, что среди курсантов наипервейшим был некто по имени М. Есть секреты, которые не подлежат оглашению. Есть имена, знать которые положено только родным и близким. Укутаем же пеленой тайны истинную личность человека, известного, как М. Достаточно называть его «Стилет», ибо так именовали того, кто знал его лучше всех. «Стилет», или проще Стилет, жил в ту пору в одной комнате с парнем по имени Л. Позже, гораздо позже, в узком кругу лиц он стал известен как «Джентльмен Джакс», так что в целях вашего повествования мы тоже будем именовать его «Джентльменом Джаксом», или просто-напросто «Джаксом», или, как произносят иные, Джаксом. В учебных и спортивных делах Джакс уступал только Стилету, и эти двое были неразлучными друзьями. Весь последний год они делили одну комнату на двоих, и теперь, в этой самой комнате, оба, задрав ноги, купались в нежданной роскоши новой обстановки — потягивали декофеинизированный кофе, именуемый коф-фе, и дымили деникотинизированными сигаретами местного производства, которым заготовитель дал имя «Дениксиг», однако все курсанты ДДД с юмором называли их не иначе как «горлодеры» и «термоядерные».

— Брось-ка мне горлодерку, Джакс, — сказал Стилет, развалившись на койке. Заложив руки за голову, он размышлял о том, что готовит ему судьба в ближайшем будущем, когда у него появится свой собственный верблюд.

— Ох-хо! — хохотнул он, когда пачка угодила ему в глаз.

Стилет вытащил длинную белую палочку, постучал ею по стене, чтобы кончик воспламенился, и затянулся освежающим дымом.

— Мне до сих пор не верится... — он выпустил дымные кольца.

— Клянусь Мрддлом, это правда, — Джакс улыбнулся. — Мы выпускники. Верни-ка мне пачку термоядерных, я тоже хочу затянуться разика два.

Стилет выполнил просьбу столь энергично, что пачка ударила в стену, и мгновенно все сигареты вспыхнули ярким пламенем. Стакан воды усмирил разбушевавшийся пожар, и тут, пока огонь еще шипел в тщетной ярости, на экране связи загорелся красный сигнал.

— Срочный вызов! — рявкнул Стилет, хлопнув ладонью по кнопке приема. На экране возник суровый облик полковника фон Грудта. Оба молодых человека вскочили по стойке «смирно».

— М., Л., в мой кабинет на третьей скорости, живо!

Слова срывались с губ полковника, словно свинцовые капли. Что бы это значило?

— Что это значит? — спросил Джакс, когда они прыгнули в падашют и помчались вниз с ускорением, близким к свободному падению.

— Скоро узнаем! — выпалил Стилет у двери «старика» и нажал на докладную клавишу.

Движимая неким потайным механизмом, дверь распахнулась настежь, и молодые люди, с плохо скрываемым трепетом, вошли в кабинет. Но что это? Что «это»?! Полковник смотрел на них с улыбкой — с «улыбкой»! Подобное выражение никогда раньше не ложилось на его непреклонное чело.

— Устраивайтесь поудобнее, парни, — предложил он и указал на мягкие кресла, выросшие из пола при нажатии кнопки. — В подлокотниках этих сервокресел вы найдете горлодеры, а также валумийское вино и снаггианское пиво.

— И никакого коф-фе? — у Джакса даже челюсть отвисла. Все засмеялись.

— Вряд ли вы по нему тоскуете, — игриво прошелестел полковник искусственной гортанью. — Пейте, парни! Теперь вы — Космические Крысы ДДД и юность осталась позади... Ну что вы скажете об «этом»?

Он прикоснулся к кнопке, и в воздухе явилось «это» — объемное изображение космического корабля, подобного которому никто еще не видел на белом свете, изящного, словно меч-рыба, грациозного, словно птица, могучего, словно кит, и вооруженного до зубов, словно аллигатор.

— Святой Колумп! — выдохнул Стилет, разинув от удивления рот. — Вот что я называю ракетой ракет!

— Некоторые из нас предпочитают называть ее «Совершенством», — не без юмора заметил полковник.

— Так это «она»? Мы слышали...

— Вы мало что могли слышать, потому что создание этой малышки с самого начала держалось в строжайшей тайне. Корабль оснащен беспрецедентно большими двигателями — улучшенная модель Макферсона самой современной конструкции, ускорителем Келли, усовершенствованным до такой степени, что вам его вовек не узнать, и лучеметами Фицроя удвоенной мощности — по сравнению с ними старые излучатели кажутся детскими хлопушками. Но лучшее я приберег напоследок.

— Ничего лучшего и представить себе невозможно! — перебил Стилет.

— Это «тебе» только так кажется! — беззлобно хохотнул полковник, издавая звуки, подобные треску рвущейся стали. — Самое лучшее — то, что ты, Стилет, будешь капитаном этого космического супердредноута, а счастливчик Джакс — его главным инженером.

— Счастливчик Джакс был бы гораздо счастливее, если бы капитаном был он. Капитаном, а не властителем кочегарки, — пробормотал счастливчик Джакс, и все рассмеялись. Все, кроме него, ибо он не шутил.

— Все полностью автоматизировано, — продолжал полковник, — так что экипажа из двух человек вполне достаточно. Но я должен предупредить вас, что на борту находится экспериментальное оборудование, так что, кто бы ни полетел, он должен добровольно...

— Согласен! — заорал Стилет.

— Что-то мне в нужник захотелось, — сказал Джакс, поднимаясь, и тут же мгновенно сел на место — жуткий на вид бластер сам по себе выскочил из кобуры прямо в руку полковника.

— Ха-ха, шутка. Конечно, согласен!

— Я знал, ребята, что на вас можно положиться. ДДД воспитывает настоящих «мужчин». И разумеется, настоящих верблюдов тоже. Итак, вот что вы должны сделать. Завтра утром в 0304.00 часа вы оба возьмете старт на «Совершенстве» и продырявите эфир в направлении Лебедя. Возьмете курс на «некую» планету...

— Ну-ка, ну-ка, пожалуй, я могу угадать какую, — зловеще сказал Стилет, скрежеща зубами. — Это что же, шутки ради вы хотите послать вас на планету Биру-2, битком набитую ларшниками?

— Именно. Это главная база ларшников, секретное игорное гнездо и центр торговли наркотиками, место, где разгружаются транспорты с белыми рабами и печатается фальшивая «капуста», очаг перепонки флннкса и логово пиратских орд.

— Если вы хотите драки, похоже, вы ее получите, — скривился Стилет.

— А ты, я вижу, слов на ветер не бросаешь, — согласился полковник. — Если бы мне скинуть годы да поменьше протезов, я бы ухватился за такую возможность при первом...

— Вы могли бы стать главным инженером, — намекнул Стилет.

— Заткнись! — отрубил полковник. — Удачи вам, джентльмены, и пусть слава ДДД не покинет вас.

— И верблюдов тоже? — спросил Стилет.

— Верблюдов как-нибудь в другой раз. Перед нами встала

проблема... э-э... притирки. Пока мы здесь сидим с вами, мы потеряли еще четверых выпускников. Может быть, даже придется сменить животных. Пусть это будет ДСД.

— С боевыми «собаками»? — спросил Джакс.

— Или со свиньями. А то и с сиренами. Но это уж моя забота, а не ваша. Все, что от вас требуется, парни, — это добраться до Биру-2 и расколоть эту планету как гнилой орех. Я знаю, вам это по плечу.

Если у каменноликих десантников и были какие-то сомнения, они оставили их при себе, ибо таков порядок, заведенный в Дивизии. Они сделали все необходимые приготовления, и на следующее утро ровно в 0304.00 могучее тело «Совершенства» умчалось в пространство. Ревущие двигатели Макферсона изливали в реактор квинтильоны эргов энергии, и наконец корабль оказался на безопасном расстоянии от гравитационного поля матушки Земли. Джакс в поте лица трудился возле двигателей, швыряя полные лопаты радиоактивного «травсвестита» в зияющую пасть голодной топки, пока наконец Стилет не просигналил с мостика, что наступило время поворота «овер-свет». И они переключились на ускоритель Келли — пожиратель пространства. Стилет вдавил кнопку включения ускорителя, и огромный корабль рванулся к звездам со скоростью, в семь раз превышающей световую. Поскольку ускоритель был полностью автоматизированным, Джакс освежился в освежителе, а его одежда была выстирана в стирателе. Затем Джакс вышел на мостик.

— Ого, — сказал Стилет, и его брови поползли на лоб. — Я и не знал, что ты носишь суспензорий в «горошек».

— Это единственный предмет одежды, который остался чистым. Всю остальную одежду стиратель растворил.

— Не беспокойся об этом. Пусть теперь беспокоятся ларшники с Биру-2! Мы войдем в атмосферу ровно через семнадцать минут, и я как раз обдумывал, как нам лучше поступить, когда это произойдет.

— Разумеется, «кому-то» из нас ведь надо мозгами шевелить! Я даже перевести дух не мог — не то чтобы задуматься.

— Не трепыхайся, старик, мы ведь оба по уши в этом деле. Как я это вижу, у нас два варианта выбора. Мы можем ворваться с ревом, паля из всех пушек, а можем подкрасться тайком.

— О-о, ты и на самом деле «думал».

— Пропущу это мимо ушей, потому что ты устал. Как бы мы ни были сильны, я допускаю, что наземные батареи еще сильнее. Предлагаю проскользнуть так, чтобы нас не заметили.

— Не трудновато ли, если учесть, что мы летим на корабле массой тридцать миллионов тонн?

— В обычных условиях — да. Однако видишь ли ты эту

кнопку с надписью «зависимость»? Пока ты загружал топливо, мне объяснили, в чем тут суть. Это новое изобретение, его никогда еще не испытывали, оно обеспечит нам невидимость и недосягаемость для любых средств обнаружения.

— Похоже на дело. Еще лететь пятнадцать минут, мы уже совсем близко. Включаем этот замечательный луч невидимости...

— «Не смей»!

— Сделано. А в чем проблема?

— Уже ни в чем. Кроме того, что экспериментальное устройство невидимости рассчитано не более чем на тринадцать минут работы, затем оно перегорает.

К несчастью, так и произошло. В ста милях от бесплодной, искореженной поверхности Биру-2 добрый старый корабль «Совершенство» возник из небытия.

В наимельчайшую долю миллисекунды мощный космический сонар и суперрадар зловеще скрестили лучи на вторгшемся корабле, а контрольные лампочки на пультах управления уже мигали секретным кодом, ожидая, когда поступит правильный ответ, который позволит считать посягателя одним из своих.

— Я пошлю сигнал и натяну им нос, — рассмеялся Стилет. —Эти ларшники весьма туповаты.

Он нажал большим пальцем кнопку микрофона, переключился на межзвездную аварийную частоту и жалобно проскрежетал:

— Агент Икс-9 — главной базе. Принял огневой бой с патрулем, сжег кодовые книги, но приручил этих ... до единого, ха-ха! Возвращаюсь домой с грузом — на борту 800000 тонн адской травки крммл.

Реакция ларшников была мгновенной. Разверстые жерла тысяч гигантских орудийных бластеров, вкопанных в землю, выплюнули лучи изголодавшейся энергии, от которых задрожала сама материя пространства. Эта сверкающая лавина обрушилась на неприступные защитные экраны старого доброго корабля «Совершенство», которому, увы, не суждена была долгая жизнь, в мгновение ока прошила защиту и ударила сверкающим валом в борт самого корабля. Никакая материя не могла противостоять этой силе, высвобожденной из сверкающих недр планеты, посему неуязвимые металлические непроницалитовые стенки моментально испарились, обратившись в неосязаемый газ, который в свою очередь распался на отдельные электроны и протоны (и нейтроны тоже), из коих, в сущности, и состоял.

Да что там говорить, никакие кровь и плоть не могли противостоять этой мощи. Но за те несколько секунд, пока сверкающая энергия прогрызала силовые защитные поля, корпус, облака испарившегося металла и гущу протоков, наша отчаянная

двойка доблестных десантников нырнула очертя голову в космические бронированные скафандры. И вовремя! Остатки того, что еще совсем недавно было огромным кораблем, вонзились в атмосферу и спустя несколько секунд грохнулись на отравленную почву Биру-2.

Для стороннего наблюдателя это выглядело концом всех концов. Некогда величественная королева космических трасс больше не поднимется к звездам, ибо в данный момент она представляла собой кучу дымящегося хлама весом не более двухсот фунтов. Эти жалкие обломки не подавали никаких признаков жизни, что подтвердили наземные гусеничные ползуны, которые вывалились из расположенного поблизости потайного люка, замаскированного в скале, и обнюхали все дымящиеся кусочки, настроив свои детекторы на максимальную чувствительность. «Отвечайте!» — взвыл радиосигнал. «Никаких следов жизни до пятнадцатого знака после запятой!» — рявкнул, выматерившись, оператор ползунов, после чего дал им команду возвращаться на базу. Металлические траки машин зловеще пролязгали по голой земле, и все стихло. Осталась лишь остывающая масса металла, которая зашипела от отчаяния, когда на нее пролились слезы ядовитого дождя.

А что наши верные друзья — неужели они мертвы? Я думал, ты о них уже никогда не вспомнишь. Неведомо для ларшниковских специалистов, всего лишь за миллисекунду до того, как остатки корабля грохнулись на землю, мощные сталитовые пружины выстрелили двумя массивными, практически неразрушимыми бронированными скафандрами, забросив их к горизонту, где они и приземлились около замаскированного скалистого гребня, который, «по чистой случайности», на самом деле оказался скалистым гребнем, в коем был устроен потайной люк, скрывавший галерею, откуда появились наземные ползуны с их детекторами, так ничего и не обнаружившими, и куда они вернулись по команде матерящегося оператора, который, одурев от очередной порции адской травки крммл, так и не заметил, как дернулись стрелки индикаторов в тот момент, когда ползуны въезжали в туннель, неся на своем обратном пути груз, которого вовсе не существовало в момент выезда, — и тут огромный люк с треском захлопнулся позади ползунов.

— Дело сделано! Мы взломали их оборону! — возликовал Стилет. — И вовсе не благодаря тебе. Мрддл тебя дернул нажимать на кнопку невидимости.

— А откуда я мог знать? — огрызнулся Джакс. —Так или иначе, а корабля у нас теперь нет, зато есть элемент внезапности. Они не знают, что «мы» здесь, а мы знаем, что «они» тут как тут.

— Хорошо сказано... Ш-ш-ш! — шикнул Стилет. — Пригнись, мы куда-то проехали.

Ползуны с лязгом и грохотом ворвались в огромное помещение, вырезанное в скале, — его заполняли смертоносные военные машины всех видов и размеров. Единственным человеческим существом здесь — если его, конечно, можно назвать человеческим, был оператор-ларшник: как только он засек агрессоров, его грязные пальцы тут же метнулись к пульту управления огнем, но судьба не отпустила ему ни единого шанса. Лучи двух снайперски нацеленных бластеров скрестились на нем, и через миллисекунду в кресле ничего не осталось, кроме обугленного оковалка дымящейся плоти. Наконец-то закон Дивизии настиг ларшников в их собственной берлоге.

Да, это был сам Закон — беспристрастный и неумолимый, непредвзятый и кровавый, — ибо в сем логове не было «невинных». Жадная ярость цивилизованного возмездия уничтожала всякого, кто оказывался на пути двух закадычных друзей, несшихся по коридорам бесчестья на смертоносном самоходном орудии.

— Там какая-то большая шишка, — скорчил гримасу Стилет, указывая на гигантскую, окованную золотом дверь из непроницалита, перед которой команда смертников покончила жизнь самоубийством под безжалостным проливным огнем.

Дверь попыталась оказать слабое сопротивление, но друзья сломили его, последний барьер пал в дыме, сверкании искр и грохоте, десантники триумфально въехали на центральный пост, где маячила всего одна фигура, сидевшая за главным пультом управления, — сам Суперларш, тайный главарь межзвездной преступной империи.

— Твоя смерть пришла! — зловеще пропел Стилет, недрогнувшей рукой направив оружие на черную фигуру в светонепроницаемом космическом шлеме. — Снимай шлем или умрешь на месте!

В ответ раздалось клокотание задушевной ярости, и на несколько долгих мгновений дрожащие руки в черных перчатках зависли над кнопками управления огнем. Затем еще медленнее эти же руки протянулись к застежке на горле, повернули ее и медленно-медленно подняли шлем над головой...

— Клянусь священным именем пророка Мррдла! — в унисон просипели оба десантника перехваченными горлами, а затем дар речи их покинул.

— Да, теперь вы знаете, — злобно скрежетнул зубами Суперларш. — Но — ха-ха! — держу пари, вы даже не догадывались...

— Вы!! — выдохнул Стилет, взламывая лед наступившей тишины. — Вы! Вы!! ВЫ!!

— Да, мы, я, полковник фон Грудт, командующий ДДД. Вы никогда не подозревали меня, и — о-о! — как я смеялся над вами все это время.

— Но... — Джакс запнулся. — Почему?

— «Почему»? Ответ очевиден любому, кроме вас, свинских межзвездных демократов. Единственное, чего следовало опасаться ларшникам всей галактики, — это возникновения силы, подобной ДДД, *могучей силы, неподкупной и не поддающейся* проникновению извне, полной благородства во имя добродетели и справедливости. Вы могли причинить нам много неприятностей. Вот почему мы создали ДДД, и в течение долгого времени я был главой обеих организаций. Наши вербовщики привлекают лучшие кадры, которые только могут поставить цивилизованные планеты, а я забочусь о том, чтобы большинство из них очерствело, потеряло всякий моральный облик, чтобы тела и души их были сокрушены, — и в дальнейшем они больше не представляют никакой опасности. Конечно, некоторые проходят несломленными через весь курс, каким бы отвратительным я его ни делал, в каждом поколении есть определенная доля супермазохистов, но я вовремя забочусь о том, чтобы к этим персонам как можно быстрее применялись самые эффективные меры.

— Вроде отправки с миссией, равносильной самоубийству? — спросил Стилет стальным голосом.

— Это неплохой способ.

— Значит, нас послали на верную смерть... «Но это не сработало»! Молись, вонючий ларшник, сейчас ты встретишься со своим создателем!

— Создатель? Молись? Вы что — выжили из ума? Все ларшники остаются атеистами до самого конца своих...

И это действительно был «конец» — ларшник исчез в сверкающем столбе пара, так и не договорив своих подлых слов, впрочем, лучшего он все равно не заслуживал.

— А что теперь? — спросил Стилет.

— Вот что, — ответил Джакс, пригвоздив его к полу неотразимым парализующим лучом из оружия, которое он все еще держал в руке. — Хватит с меня вторых ролей. Я по горло сыт моторным отсеком, в то время как ты стоишь на мостике. Теперь «моя» партия, отныне и навсегда.

— Ты в своем уме? — пролепетал Стилет парализованными губами.

— Да, в своем — впервые в жизни. Суперларш умер, да здравствует новый суперларш! Это все мое, вся галактика, МОЕ!

— А что будет со мной?

— Мне следовало бы убить тебя, но это слишком легкий путь. Когда-то ты делился со мной плитками шоколада. Тебя

будут судить за весь этот погром, за смерть полковника фон Грудта и «даже» за уничтожение главной базы ларшников. Руки всех будут на тебе, ты станешь изгоем и, спасаясь бегством, достигнешь самых дальних пределов галактики, где будешь жить в вечном страхе.

— Вспомни про плитки шоколада!

— Помню. Мне всегда доставались только лежалые. А теперь... ПШЕЛ ВОН!

Ты хочешь знать мое имя? Достаточно Старины Сержанта. Рассказывать дальше? И так слишком много для твоих нежных ушей, малыш. Давай-ка лучше наполним стаканы, вот так, и произнесем тост. Хватит-хватит, вполне достаточно для бедного старика, который слишком много повидал на своем долгом веку. Так пусть же счастье изменит ему, чтоб ему пусто было, чтобы Великий Крамддл навеки проклял его имя — имя человека, которого иные знают как Джентльмена Джакса. Что, голоден? Я? Нет, я не голоден. Нет. НЕТ! Только не шоколад!!!

Капитан Гонарио Харпплейер

Как часто творческий акт зависит от редактора! Судьба осчастливила фантастику незаурядными редакторами, направляющими авторов в путешествия по нехоженым тропкам и ободряющими их во время хандры. Аврам Дэвидсон — мой старый друг, и за долгие годы наши пути неоднократно пересекались. Одно время он работал редактором журнала «Fantasy and Science Fiction», причем руководил его работой из многих мест, в том числе и из Мексики. (Он жил в городке Амекомека, всего лишь в нескольких милях от Куаутлы, где когда-то прожил год, — жизнь иногда выкидывает странные фокусы.) А я в то время жил в Дании, и мы переписывались.

Аврам, чудак по натуре, поощрял мои самые замысловатые чудачества. Он даже купил у меня поэму — больше за всю жизнь мне не удалось продать ни одной. Поэма была юмористической, а юмор меня всегда восхищал. Фантастика — штука настолько сухая, что я почти не позволял шутливости пробиться в своих произведениях — все они оказались серьезными донельзя. Но почему бы время от времени не повеселиться? Аврааму эта мысль очень понравилась. Будучи давним и пылким поклонником романов Ч. С. Форестера, я пришел к мысли о том, что имитация не что иное, как крайняя

форма лести, и задумал написать пародию на «Капитана Горацио Хорнблоуэра»[1]*. Валяй, написал мне в ответ Аврам, чем я с удовольствием и занялся.*

Работа над рассказом принесла мне немало радости, но позднее ее омрачила неприятность. Я послал копию Форестеру вместе с письмом, где пояснил все относительно имитации, лести и прочего, но он так и не ответил. Более того, вскоре он умер, а меня до сих пор не оставляет легкое чувство вины — а вдруг и я приложил к этому руку?

Сцепив за спиной руки и стиснув зубы в бессильной ярости, капитан Гонарио Харпплейер взад и вперед расхаживал на крошечном юте корабля Ее Величества «Чрезмерный». Впереди медленно двигалась по направлению к гавани изрядно потрепанная французская флотилия; на ветру громко хлопали разорванные паруса, а за бортом по воде волочился рангоут; разбитые в щепки корпуса зияли пробоинами после его залпов, с грохотом разносивших их хрупкие деревянные борта.

— Будьте добры, пошлите двух матросов на бак, мистер Шраб, — сказал он, — и прикажите им облить водой грот. Мокрые паруса добавят к ходу одну восьмую узла, и мы еще сможем догнать этих трусливых лягушатников.

— Н-но, сэр, — запинаясь и пасуя перед одной мыслью о несогласии со своим любимым капитаном, произнес его первый помощник, флегматичный Шраб. — Если мы снимем с помп еще нескольких матросов, мы потонем. Нас продырявили в тринадцати местах ниже ватерлинии, и...

— Будь проклято ваше зрение, сэр! Я отдал вам приказ, а не просьбу, чтобы вы тут затеяли дебаты. Выполняйте что вам приказано.

— Есть, сэр! — смиренно пробормотал Шраб, костяшками пальцев быстро смахнув слезу из печального, как у спаниеля, глаза.

На паруса плеснули водой, и «Чрезмерный» сразу осел. Харпплейер сцепил за спиной руки. Он ненавидел сейчас себя за то, что не сумел сдержаться и нагрубил верному Шрабу. Но точно так же как он вынужден был носить широкий кушак, чтобы хоть немного подтянуть выступающий живот, и бандаж — из-за грыжи, он был вынужден постоянно поддерживать образ капитана, радеющего за строгую дисциплину на корабле, перед своей командой — отбросами общества, собранными в тысяче мест на побережье. Он был обязан выглядеть подтянуто, будучи капитаном этого судна, — самого малого из кораблей блокадной флотилии с пост-капитаном[1] на борту и в то же время играющего не последнюю роль во флотилии, которая удушающей петлей обвилась вокруг Европы, заперев все выходы сумасшедшему тирану. Наполеон даже в мечтах не мог помыслить о завоевании Англии, пока на его пути стоят эти крошечные деревянные суденышки.

[1] Hornblower — трубач, горнист; harpplayer — аферист.

— Молитесь за нас, капитан, чтобы мы поскорее пришвартовались на небесах, потому как мы тонем! — донесся до него возглас из толпы матросов, трудившихся у помпы.

— Узнайте имя этого крикуна, мистер Доглег, — обратился Харпплейер к гардемарину, мальчику семи-восьми лет, которому столь юный возраст не мешал, однако, нести сейчас вахту. — Лишить его рома на целую неделю!

— Есть, сэр! — пискнул Доглег, лишь недавно научившийся говорить.

Корабль тонул, и этот печальный факт можно было считать делом свершившимся. Из трюма на палубу полезли крысы. Не обращая внимания на сыплющих проклятия моряков, крысы ловко увертывались от тяжелых ботинок и бросались в море. Впереди французская флотилия добралась наконец до безопасного места — под защиту береговых батарей мыса Пьетфе. Зияющие жерла орудий нацелились на «Чрезмерного», готовые плевать огнем и смертью, как только хрупкое суденышко подойдет на расстояние выстрела.

— Приготовьтесь убрать паруса, мистер Шраб, — приказал Харпплейер и затем громко — так, чтобы слышала вся команда, добавил: — Эти трусливые французишки сбежали и лишили нас миллиона фунтов призовых денег.

Матросы зарычали. Больше всего на свете они любили ром, а после него — фунты, шиллинги и пенсы, на которые они могли купить этот самый ром. Рев внезапно оборвался, сменившись сдавленными воплями, когда грот-мачта, подрубленная французским ядром, рухнула прямо на толпу людей, работающих у помп.

— Что ж, нужда в исполнении моего приказа отпала, мистер Шраб. Верные холуи нашего друга Бонапартишки убрали паруса за нас, — сказал Харпплейер, буквально принуждая себя выдавить одну из тех редких острот, от которых команда приходила в восторг. Но сам он ненавидел себя в такие минуты за вынужденную неискренность чувств, когда ему приходилось подобным способом добиваться расположения этих невежественных людей. Ему, впрочем, ничего иного не оставалось, ведь в его обязанности входило поддержание на судне неукоснительного порядка. Кроме того, если бы он время от времени не шутил, мат-

[1] Пост-капитан (*историч.*) — командир корабля с двадцатью пушками и более. *(Примеч. ред.)*

росы вскоре возненавидели бы такого жестокого, хладнокровного и рискового капитана. Они его, разумеется, все равно ненавидели, но при этом хотя бы смеялись.

Они смеялись и сейчас, разрезая спутавшийся такелаж и вытаскивая из-под него мертвые тела, которые затем аккуратно складывали в ряд на палубе. Корабль осел еще глубже.

— Отставить покойников, — приказал капитан, — и живо к помпам, иначе обедать мы будем на дне морском.

Матросы вновь разразились хриплым смехом и поспешили выполнять приказание.

Их было легко ублажить, и Харпплейер даже позавидовал их непритязательной жизни. Несмотря на изнурительную работу, протухшую воду и плетку, время от времени гулявшую по их спинам, жизнь матросов казалась ему лучше собственной, заполненной мучительным одиночеством на вершине, с которой он командовал людьми. Ему приходилось взваливать бремя решений только на себя, что для такого человека, как он, — болезненно впечатлительного и истеричного, делало жизнь совершенно невыносимой. Это была даже не жизнь, а сущий ад. Офицеры на судне, все до единого ненавидевшие его, были вопиюще безграмотны в своем деле. Даже Шраб, его верный и многострадальный Шраб, имел недостаток: один только факт, что его I. Q.[1] не превышал 60, означал, учитывая его низкое происхождение, что ему никогда не подняться выше контр-адмиральского чина.

Предаваясь размышлениям о пестрых событиях дня, Харпплейер снова начал мерить шагами маленький ют, что стало у него чуть ли не маниакальной привычкой. Люди, находившиеся в это время на юте, прижались к правому борту, чтобы не мешать ему. Четыре шага в одном направлении, затем три с половиной — в обратном; его колено, поднимаясь для последующего шага, каждый раз с глухим стуком натыкалось на пушку. Однако Харпплейер не замечал этого: в мозгу заядлого картежника бешено крутились мысли, взвешивая и оценивая планы; содержащие хоть каплю здравого смысла напрочь отвергались и лишь безумные и невыполнимые принимались к дальнейшему обдумыванию. Неудивительно поэтому, что на флоте его прозвали Дятел Харпи и восхищались как человеком, всегда способным вырвать победу из пасти поражения — и всегда ценой огромных человеческих потерь. Но война есть война. Вы отдаете приказы — и гибнут отличные парни, шайкам газетчиков на суше это только и подавай. Длинный и тяжелый день подошел к концу, однако Харпплейер все еще не мог позволить себе расслабиться. Напряжение и сильнейшие душевные переживания не разжимали своей поистине церберской хватки с самого рассвета, когда впередсмотрящий объявил, что видит паруса на горизонте. Их было всего десять, французских линейных кораблей, и не успел утренний туман рассеяться, жаждущий мести «Чрезмерный» уже находился среди них, как волк в стаде овец. Грохочущие бортовые залпы точно наведенных английских орудий следовали один за другим, выпуская по десять ядер в ответ на каждый жалкий хлопок французской пушки. У их лафетов стоял трусливый сброд восьмой и девятой статей призыва 1812 года — седобородые патриархи и младенцы в пеленках, желавшие одного: поскорее оказаться на своих семейных виноградниках, а не сражаться за Тирана, лицом к лицу встречая ярость сеющей смерть пушки их неприятеля с острова — крошечной страны, брошенной в одиночку биться против мощи целого континента. Вражеские корабли преследовались упорно и неумолимо, лишь близость французской гавани предотвратила разгром всей неприятельской эскадры. Как бы там ни было, четыре ее корабля покоились среди морских угрей на дне океана, а оставшиеся шесть нуждались в основательном ремонте, прежде чем они смогут покинуть гавань и осмелиться еще раз пренебречь карательной мощью кораблей, опоясавших их берега.

[1] I.Q. — Intelligence Quotient (*англ.*) — коэффициент умственного развития.

Харпплейер знал, что следует делать.

— Будьте любезны, мистер Шраб, прикажите развернуть рукав. Полагаю, сейчас самое время для купания.

Измученные работой матросы приветствовали его предложение. Даже в самый разгар зимы или в невероятно холодных северных водах Харпплейер неукоснительно настаивал на привычном для матросов купании. Рукава быстро подсоединили к работающим помпам, и вскоре на палубу обрушились целые потоки ледяной воды.

— В воду! — закричал Харпплейер и отступил назад, оберегая себя от случайной капли и почесывая длинным указательным пальцем не мытую с прошлого лета кожу. Капитан с улыбкой смотрел, как дурачатся Шраб и другие офицеры, прыгая нагишом под струями воды, и подал знак остановить помпы, лишь когда белая кожа у каждого приобрела прелестный небесно-голубой оттенок.

С северного горизонта послышалось громыхание, напоминающее отдаленный гром, но резче и громче. Харпплейер обернулся и на фоне темных облаков увидел на мгновение огненный прочерк; тот исчез с неба, оставив глазам лишь воспоминание. Капитан тряхнул головой, проясняя мозги, и несколько раз моргнул. Он готов был поклясться, что огненная полоска не поднималась, а вопреки всем правилам опускалась, но такого просто не могло быть. Слишком часто он засиживается до глубо-

кой ночи, играя с офицерами в бостон; стоит ли удивляться, что зрение стало сдавать.

— Что это было, капитан? — спросил лейтенант Шраб. Зубы его при этом так стучали, что слов почти не было слышно.

— Сигнальная ракета или одна из тех новомодных военных ракет Конгрива. Там что-то произошло, и мы отправляемся выяснить, в чем дело. Будьте добры, пошлите матросов на брасы, разверните верхний грот и положите судно на правый галс.

— Могу ли я сначала натянуть на себя брюки?

— Не дерзите, сэр, или я прикажу заковать вас в кандалы!

Шраб выкрикнул команды через рупор. Матросы так и покатились со смеху, глядя на его дрожащие голые ноги. Но уже через несколько секунд, видя, как быстро управлялась со всем вымуштрованная команда, не верилось, что еще шесть дней назад ее члены праздно шатались по далеким от военных забот улицам городишек на побережье, без удержу пьянствовали в кабаках и вовсе не помышляли о том, что вскоре окажутся в открытом море благодаря потугам грязных шаек газетчиков. В мгновение ока матросы вскарабкались на брасы, вышвырнули за борт сломанный рангоут и обрывки такелажа, наложили надежные заплаты на пробоины, похоронили мертвых, выпили грог за упокой их душ и еще у некоторых из них осталось достаточно сил и энергии, чтобы сплясать веселый матросский танец.

Корабль накренился, меняя галс, и вода под форштевнем вспенилась. Судно легло на новый курс и стало отдаляться от берега. Капитан горел желанием хоть что-то выяснить о смутившем его недавнем явлении в небе, а заодно дать этим французишкам почувствовать, что его корабль является представителем самого могущественного флота, какой когда-либо знал мир.

— Корабль по курсу, сэр! — крикнул впередсмотрящий с топа мачты. — Два румба по правому борту.

— Бить общий сбор, — приказал Харпплейер. Тревожный рокот барабанов и торопливое шлепанье по палубе босых матросских пяток, твердых, как подошва, почти заглушили голос впередсмотрящего,

— На нем нет ни парусов, ни рангоута, сэр, а размерами примерно с наш баркас.

— Отставить сбор! Когда тот малый спустится после вахты вниз, заставьте его повторить пятьсот раз: лодка — это нечто, которое можно поднять и разместить на корабле.

Подгоняемый свежим бризом с суши, «Чрезмерный» вскоре приблизился к лодке настолько, что с палубы можно было разглядеть на ней даже мелкие детали.

— Ни мачт, ни рангоута, ни парусов... Что же движет ее? — спросил лейтенант Шраб, раскрыв от изумления рот.

— Нет смысла заранее строить предположения, мистер Шраб. Это судно может оказаться французским или принадлежащим какой-либо нейтральной стране, поэтому я не буду рисковать. Прикажите зарядить и выкатить пушки. И пожалуйста, пусть моряки на вантах взведут затворы ружей и будут наготове. Стрелять только по моей команде; а того, кто выстрелит раньше времени, я прикажу сварить в масле и подать мне на завтрак.

— Ну и шутник же вы, сэр!

— Разве? А помните рулевого, который вчера перепутал полученные распоряжения?

— С душком был, сэр, осмелюсь сказать, — ответил Шраб и выковырнул застрявший между зубами кусочек хряща. — Все будет сделано, как приказываете, сэр.

Странное судно не походило ни на одно, виденное Харпплейером ранее. Оно двигалось вперед словно само по себе, что наводило на мысль о спрятанных внутри гребцах с подводными веслами, но в такой лодке разместились бы разве что карлики. Ее сплошь покрывала палуба с единственной надстройкой вроде стеклянного колпака. В общем, довольно странная конструкция, и уж определенно не французская. Подневольные рабы парижского Осьминога никогда не смогли бы овладеть столь точными техническими приемами и создать подобную диадему моря. Нет, это судно — явно из какой-то далекой чужой страны — возможно, где-то за Китаем или на загадочных восточных островах. Судном кто-то управлял: сквозь стекло был ясно виден сидящий человек. Он тронул один из рычагов, верхнее окно откатилось назад. Человек встал и помахал им рукой. Зрители дружно ахнули: все, кто был на корабле, не отрывались от странного зрелища, представшего перед их глазами.

— В чем дело, мистер Шраб? — вскричал Харпплейер. — Здесь что, балаган или рождественская пантомима? Дисциплина, сэр!

— Н-но, сэр, — запинаясь, произнес верный Шраб, неожиданно потеряв дар речи. — Тот человек, сэр, — он зеленый!

— И слышать не хочу всякой там чепухи, которую вы несете, сэр, — в раздражении огрызнулся Харпплейер, как всегда досадуя на болтовню людей о «цвете», реальном только в их воображении. Картины, закаты и прочий вздор. Чепуха. Мир сотворен из разумных оттенков серого, и все тут. Один тупой докторишка, шарлатан с Харли-стрит, однажды намекнул было о какой-то болезни, которую он сам и выдумал, под названием «цветовая слепота», или «дальтонизм», но сразу перестал твердить свои бредни, едва Харпплейер упомянул о выборе секундантов.

— Какая мне разница, что за оттенок серого у этого парня — зеленый, розовый или фиолетовый? Бросьте ему линь и помоги-

те взобраться на борт. Думаю, здесь нам будет удобнее выслушать его рассказ.

Незнакомец ловко поймал брошенный ему линь и крепко привязал его к кольцу на лодке. Затем он тронул рычаг, тем самым снова закрывая свою стеклянную каюту, и легко вскарабкался на возвышавшуюся над ним палубу «Чрезмерного».

— Зеленая шерсть... — начал было Шраб, но тут же заткнулся от свирепого взгляда Харпплейера.

— Довольно, мистер Шраб. Он иностранец, и мы будем относиться к нему с должным почтением — по крайней мере, пока не выясним, чего он стоит. Он несколько волосат, тут я с вами согласен, но у некоторых народностей на севере Японских островов есть что-то схожее с ним. Возможно, оттуда он и прибыл. Я вас приветствую, сэр, — обратился он к незнакомцу. — Я — капитан Гонарио Харпплейер, командир корабля Ее Величества «Чрезмерный».

— Квл-кке-вррл-кл!..

— Ручаюсь, это не французский язык, — пробормотал Харпплейер, — а также не латинский и не греческий. Вероятно, один из тех ужасных балтийских языков. Попробую-ка я на немецком. Ich rate lhnen, Reiseschnecks mitzunehmen? Или, может, на итальянском наречии? E proibito, pero qui si vendono cartoline ricordo.

В ответ незнакомец в сильном возбуждении принялся подпрыгивать, затем указал на солнце, завертел рукой вокруг своей головы; указал на облака, а под конец стал обеими руками изображать движение вниз и пронзительно выкрикивать:

— М-ку, м-ку!

— Спятил парень, — заметил один из офицеров. — К тому же у него слишком много пальцев.

— Я умею считать до семи без вашей помощи, — сердито сказал ему Шраб. — Думаю, он хочет сообщить нам, что скоро пойдет дождь.

— В своей стране он, наверное, предсказывает погоду, — с уверенностью произнес Харпплейер, — но здесь он всего лишь еще один иностранец.

Офицеры согласно закивали, и эти их движения, казалось, еще больше возбудили незнакомца, так как он неожиданно прыгнул вперед, выкрикивая свою невразумительную тарабарщину. Бдительный караульный шарахнул его по затылку прикладом тяжелого мушкета, и волосатый человек упал на палубу.

— Пытался напасть на вас, капитан, — сказал офицер. — Протащить его в наказание под килем, сэр?

— Нет. Бедняга забрался слишком далеко от дома и, должно быть, нервничает. Мы должны учесть и языковой барьер. Просто

прочтите ему Военный кодекс и завербуйте на службу, хочет он того или нет. В последней стычке мы потеряли много матросов.

— Вы очень великодушны, сэр, пример для всех нас. Что будем делать с его кораблем?

— Я осмотрю его. Некоторые принципы его работы могут заинтересовать Уайт-холл. Спустите трап, я сам ознакомлюсь с ним.

Немало повозившись, Харпплейер обнаружил наконец рычаг, которым сдвигалась стеклянная будка, и, когда она послушно скользнула в сторону, он спустился в кокпит.

Прямо напротив уютной тахты находилась панель, сплошь усеянная странной коллекцией рукояток, кнопок и разных устройств, причем все они прятались в кристально прозрачные чехольчики. Чрезмерно пышное убранство помещения являло собой идеальный пример восточного декадентства. Вместо всех этих украшений можно было просто обшить стены панелями из хорошего английского дуба и установить вращающуюся металлическую болванку, чтобы было куда прикреплять предписания для рабов, сидящих за веслами. Впрочем, не исключено, что панель скрывала какое-то животное, — когда он тронул определенный рычаг, послышалось глухое рычание. Движение рычага, безусловно, являлось сигналом для раба-гребца — или животного, — поскольку его утлый кораблик, вспарывая воду, сейчас мчался на приличной скорости. В кокпит стали залетать брызги, Харпплейер поспешно закрыл колпак — и вовремя. Другая кнопка подействовала, должно быть, на спрятанный руль, потому что лодка опустила нос и стала погружаться, а вода поднялась и заплескалась над стеклянным колпаком. К счастью, судно было сделано добротно и не давало течи. Нажатие еще на одну кнопку заставило лодку снова всплыть.

Именно в этот момент к Харпплейеру пришла идея. Он замер. Его мозг лихорадочно перебирал все варианты. Да, вполне возможно, что получится, — должно получиться! Он ударил кулаком по раскрытой ладони, и только потом до него дошло, что, пока он предавался размышлениям, его кораблик развернулся и вот-вот врежется в «Чрезмерный», над бортом которого замелькали лица с округлившимися от ужаса глазами. Уверенно коснувшись нужной кнопки, он подал спрятанному животному (или рабу) команду остановиться, и соприкосновение судов прошло как нельзя мягче.

— Мистер Шраб! — позвал Харпплейер.

— Сэр?

— Мне нужен молоток, шесть гвоздей, шесть бочонков с порохом — каждый с двухминутным фитилем и веревкой с петлей. И потайной фонарь.

— Но, сэр, — зачем? — перепуганный Шраб впервые забылся до такой степени, что осмелился расспрашивать капитана.

Однако задуманный план настолько воодушевил Харпплейера, что он не разгневался на эту нечаянную фамильярность. Напротив, он даже незаметно улыбнулся, а неверный свет угасающего дня скрыл выражение его лица.

— Шесть баррелей[1] пороха — потому что кораблей тоже шесть, — ответил он с необычной для него скромностью. — Ну, за работу!

Канонир и его подручные быстро справились со своей задачей и, обвязав стропом заполненные порохом бочонки, опустили их в лодку. В крошечном кокпите едва осталось место, чтобы сесть. Молоток — и тот некуда было положить, и Харпплейеру пришлось зажать его в зубах.

— Мисчер Шраб, — невнятно произнес он с молотком в зубах, внезапно впав в уныние. Он очень ясно представил себе, как всего через несколько мгновений он выставит свое бренное, непрочное тело против своры, нанятой узурпатором, удар хлыстом которого поставил на колени целый континент. Он вздрогнул от своей опрометчивости — вот так, запросто, бросить вызов Тирану Европы, и тут же содрогнулся от отвращения к собственной бренности. Никто и никогда не должен узнать о подобных мыслях, о том, что он слабейший из всех.

— Мистер Шраб, — позвал он снова. В голосе его не осталось и следа от недавней бури чувств. — Если к рассвету я не вернусь, принимайте командование кораблем на себя, потом напишете подробный рапорт. Прощайте. И помните — в трех экземплярах.

— О сэр... — начал Шраб, но Харпплейер уже не слышал его. Стеклянный колпак захлопнулся, и почти игрушечное судно устремилось навстречу мощи всего континента.

Позднее Харпплейер посмеялся над проявленной в первые минуты слабостью. Поистине осуществить сумасбродную затею оказалось не труднее, чем тихим воскресным утром прогуляться по Флит-стрит. Чужеземный корабль погрузился в воду и, проскользнув мимо береговых батарей на мысе Пьетфе (английские моряки обычно называли его мысом Питфикс[2]), очутился в охраняемых водах Сьенфика. Ни один страж не заметил на воде легкую рябь, ничей глаз не увидел смутный контур лодки, всплывшей рядом с высокой деревянной стеной — корпусом линейного французского корабля. Два сильных удара молотком надежно

[1] Баррель — мера объема и емкости. 1 баррель в Англии = 163,5 л. *(Примеч. пер.)*

[2] Pit (*англ.*) — волчья яма, западня; pitfix — крышка западни. *(Примеч. ред.)*

прикрепили к нему первый бочонок с порохом, потайной фонарь коротко вспыхнул, на мгновение осветив поджигаемый фитиль. И не успели озадаченные часовые высоко на палубе подбежать к борту, таинственный посетитель исчез. Они не заметили предательски искрящий фитиль — его загораживал собой целый баррель смерти, к которой тот неторопливо подползал. Еще пять раз Харпплейер повторил этот простой, но смертоносный прием. Когда он заколачивал последний гвоздь, со стороны первого корабля донесся приглушенный взрыв. Не открывая колпак, он осторожно выбрался из гавани. Позади него шесть кораблей, гордость военно-морского флота Тирана, пылали огненными колоннами, превращаясь в обугленные корпуса, медленно оседающие на дно океана.

Миновав береговые батареи, капитан Харпплейер открыл стеклянный колпак и с удовлетворением оглянулся на полыхающие корабли. Он выполнил свой долг и внес свою скромную лепту в окончание ужасной войны, которая опустошила целый континент и еще за несколько лет сведет в могилу такое множество лучших людей Франции, что даже среднестатистический рост французов уменьшится более чем на пять дюймов. Угас последний погребальный костер, и Харпплейер развернул свой кораблик в ту сторону, где находился «Чрезмерный». В глубине души он чувствовал жалость к погибшим кораблям, потому что то были превосходные корабли, хоть и в ленном владении Безумца из Парижа.

К своему кораблю он подошел на рассвете и только тогда ощутил навалившуюся на него безмерную усталость. Он ухватился за брошенный сверху трап и с трудом поднялся на палубу. Барабаны отбивали дробь, фалрепные отдавали ему честь, а боцманские дудки заливались радостной трелью.

— Отлично сработано, сэр, отлично сработано! — воскликнул Шраб, бросаясь к Харпплейеру и помогая тому взобраться на палубу. — Мы даже отсюда видели, как они горели.

В воде позади них послышалось утробное ворчание — точно так булькает вода, когда из раковины вытаскивают пробку. Харпплейер стремительно обернулся и успел увидеть, как необычное судно погружается в море и уходит в пучину.

— Ну и сглупил же я! — пробормотал он. — Совсем забыл закрыть люк. Должно быть, волна плеснула.

Пронзительный крик внезапно и грубо прервал его печальные размышления. Обернувшись, Харпплейер увидел, как волосатый незнакомец подбежал к борту и с ужасом уставился на исчезающее в глубине судно. Воочию убедившись в том, что действительно лишился своего сокровища, человек страшно закричал и целыми пригоршнями стал рвать на голове волосы, благо их у

него было предостаточно. Затем, прежде чем его смогли остановить, взобрался на борт и вниз головой бросился в море. Он камнем пошел ко дну — то ли он не умел плавать, то ли не пожелал всплыть. Очевидно, между ним и его судном имелась некая странная связь, поскольку на поверхности он больше не появился.

— Бедняга, — произнес Харпплейер с сочувствием сентиментального человека, — оказался в одиночестве так далеко от дома. Наверное, в смерти он стал счастливее.

— Да, наверное, — пробормотал флегматичный Шраб, — но у него были задатки стать хорошим марсовым, сэр. Запросто бегал по рангоуту: а знаете, что помогало ему так здорово держаться на всех этих реях и ступеньках? Ногтищи у него на пальцах ног оказались такие длинные, что аж в дерево впивались. А на пятках вдобавок еще по пальцу — он ими за перекладины цеплялся.

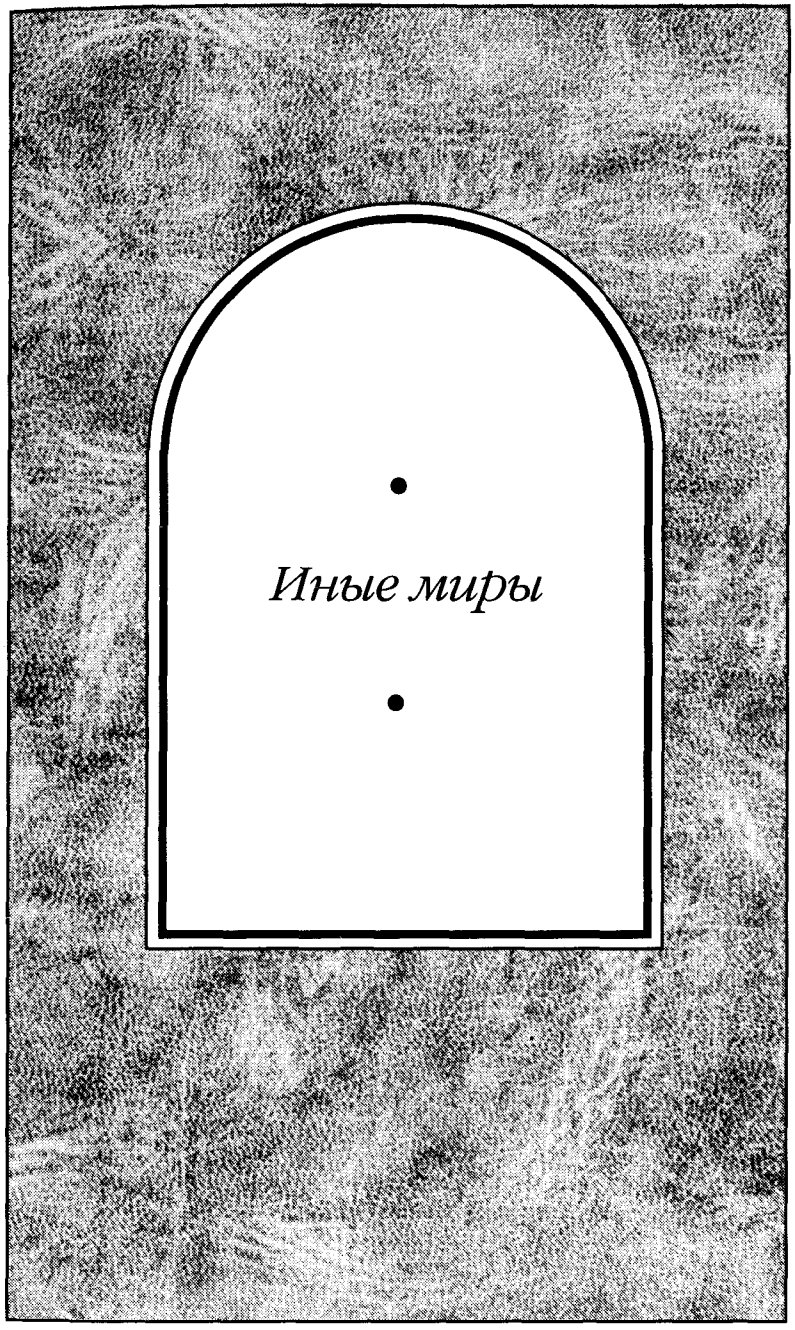
— Попрошу не обсуждать физические недостатки покойного. Когда будем писать рапорт, внесем его в список Погибших в море. Как его звали?

— Не успел сказать, сэр. Но мы запишем его под именем мистера Грина[1].

— Что ж, справедливо. Хоть он и был иностранного происхождения, он, несомненно, гордился бы тем, что умер, получив славное английское имя.

Отпустив верного, но недалекого Шраба, Харпплейер возобновил свое бесконечное хождение по юту. Он молча страдал. Страдания эти были его, и только его, и пребудут с ним до тех пор, пока орудия Корсиканского Людоеда не замолчат навсегда.

[1] Green (*англ.*) — зеленый.

До чего же занятно было бы посетить иной, странный и поразительный мир, находящийся в невесть какой дали! Хотя, пожалуй, не слишком занятно. Даже если после колоссальных затрат нескольким астронавтам действительно удастся ступить на какую-нибудь из других планет нашей Солнечной системы, они там, скорее всего, или изжарятся, или замерзнут. Зато идея таких визитов поставляет прекрасные сюжеты — в этом разделе вы познакомитесь с одной из планет Солнечной системы.

Но это всего лишь ближние окрестности нашего дома. Ведь на самом деле мы хотим побывать на экзотических планетах с такими же, как на Земле, атмосферами. Вот там-то вас и ожидают занятные приключения и бесчисленные треволнения. Пусть барьер в виде скорости света не позволяет совершить такое путешествие по-настоящему — что ж, нам всего лишь нужно добраться туда по страницам книги.

Ну что, полетели?

Тренировочный полет

Первым на поверхность Луны суждено ступить ногой (или гусеницей) роботу. Сейчас[1] *такой робот конструируется, одновременно разрабатывается подробный план его действий — ему предстоит прогуляться, собрать образцы пород, проверить наличие жизни, изучить поверхность и измерить уровень радиации. И разумеется, передать информацию на Землю. В отличие от человека роботу затем суждено спокойно усесться и просидеть неподвижно пару тысячелетий, равнодушно поглядывая линзами глаз на висящий в небе родной мир. Разработка этого маленького исследовательского робота оказалась настолько увлекательным занятием, что даже вызвала раскол в рядах ученых — некоторые из них ставят под сомнение саму необходимость полета человека на Луну. Но, по-моему, исход этого спора почти не вызывает сомнений. Что-то я не припомню торжественных парадов в честь роботов. Ракеты достигнут Луны и других планет, но среди множества роботов на борту непременно окажется хотя бы один человек. Да, ему нелегко будет создать на борту уют и безопасность — но он там будет...*

Марс был пыльной, иссохшей, леденящей душу преисподней кроваво-красного цвета. Они плелись друг за другом, по щиколотку увязая в песке, и нудно костерили неизвестного конструктора, который предложил столь неудачные кондиционеры для скафандров. Когда скафандры проходили испытания на Земле, дефект не обнаружился. А сейчас, стоило их поносить несколько недель — и на тебе! Поглотители влаги через некоторое время перенасытились и отказали. Температура на Марсе была постоянной — минус шестьдесят по Цельсию. Но из-за высокой влажности внутри костюма пот не испарялся, и они жмурились, чтобы пот не застилал им глаза.

Морли сердито замотал головой, желая стряхнуть с кончика носа капли пота, и в то же мгновение на его пути оказался какой-то мохнатый рыжий зверек. Впервые они увидели на

[1] Предисловие было написано в 1962 году.

Марсе живое существо. Но вместо любопытства в нем пробудилась одна злость. Ударом ноги он подбросил зверька в воздух. Удар был внезапным, Морли потерял равновесие и стал медленно падать, причем его скафандр зацепился за острый край скалы из обсидиана.

Тони Бенермэн услышал в наушниках сдавленный крик напарника и оглянулся. Морли корчился на песке, пытаясь заткнуть дыру на колене. Воздух, насыщенный влагой, с легким шипением вырывался на свободу и мгновенно превращался в мерцающие кристаллики льда. Тони бросился к другу, тщетно стремясь прикрыть перчатками разорванное место. Прижался к нему и увидел, как ужас застыл в глазах и как синеет его лицо.

— Помоги мне! Помоги!

Морли закричал с такой силой, что задрожали мембраны шлемофона. Но помочь было нечем. Они не захватили с собой пластыря — весь пластырь остался на корабле, за четверть мили отсюда. Пока он будет бегать туда-сюда, Морли уже умрет.

Тони медленно выпрямился и вздохнул. На корабле их только двое, и на Марсе — никого, кто мог бы оказать им помощь. Морли поймал наконец взгляд Тони и спросил:

— Надежды нет, Тони, я мертв, да?

— Как только кончится кислород. От силы тридцать секунд. Ничем не могу тебе помочь.

Морли коротко, но крепко выругался и нажал красную кнопку у запястья с надписью «Авария». В тот же миг перед ним «раскрылась» поверхность Марса: песок с шуршанием ссыпался в отверстие. Тони отступил на несколько шагов; из отверстия появились двое мужчин в белых скафандрах с красными крестами на шлемах. Они уложили Морли на носилки и в одно мгновение исчезли.

Тони угрюмо смотрел вниз, пока не открылась засыпанная песком дверь и ему не выбросили скафандр Морли. Потом дверь захлопнулась, и снова тишина нависла над пустыней.

Кукла в скафандре весила столько же, сколько Морли, а ее пластиковое лицо имело даже какое-то сходство с ним. Какой-то шутник на месте глаз нарисовал черные кресты. «Чудно», — подумал Тони, взваливая на спину неудобную ношу. На обратном пути он увидел неподвижно лежавшего марсианского зверька. Пнул ногой, и из него посыпались пружинки и колесики.

Когда он добрался до корабля, крошечное солнце уже коснулось зубчатых вершин красных гор. Сегодня уже поздно хоронить, придется подождать до завтра. Оставив куклу в отсеке, он взобрался в кабину и стянул с себя мокрый скафандр.

Между тем спустились сумерки, и существа, которых они именовали «совами», принялись царапать обшивку корабля.

Космонавтам ни разу не довелось увидеть хоть одну «сову» — тем более их раздражало это бесконечное царапанье. Разогревая ужин, Тони стучал тарелками и сковородками как можно громче, чтобы заглушить неприятные звуки. Покончив с едой и убрав посуду, он впервые ощутил одиночество. Даже жевательный табак сейчас не помогал, он лишь напомнил о том, что на Земле его ждет ящик гаванских сигар.

Нечаянно он стукнул по тонкой выдвижной ножке стола, и все тарелки, сковорода и ложки полетели на пол. Шум был ему приятен, а еще приятнее было оставить все как есть и пойти спать.

На этот раз они почти достигли цели. Эх, если бы Морли был поосторожнее! Но Тони заставил себя не думать об этом и вскоре уснул.

На следующее утро он похоронил Морли. Сжав зубы, соблюдая величайшую осторожность, провел он два дня, оставшихся до старта. Аккуратно сложил геологические образцы, проверил исправность механизмов и автоматов.

В день старта он вынул ленты с магнитными записями из приборов и отнес ненужные записи и лишнее оборудование на значительное расстояние от корабля. Там же оставил излишки продовольствия. В последний раз пробираясь по красному песку, он отдал иронический салют могиле Морли. На корабле у него не было решительно никаких дел, не осталось даже ни одной не прочитанной брошюры. Два последних часа Тони провел, лежа в постели и считая заклепки в потолке кабины.

Тишину нарушил резкий щелчок контрольных часов, и он услышал, как за толстой обшивкой взревели моторы. Одновременно из отверстия в стене кабины к его койке протянулась мягкая «рука» со шприцем; пригвоздив его к ложу, металлические пальцы ощупали его, вот они добрались до лодыжки, и жало иглы вонзилось в нее. Последнее, что Тони видел, — как жидкость из шприца переливается в его вену, и тут он забылся.

Сзади открылось широкое отверстие, и вошли два санитара с носилками. На них не было ни скафандров, ни защитных масок, а за ними виднелось голубое небо Земли.

Когда он очнулся, все было как обычно. Неведомые стимуляторы помогли ему легко выплыть из тьмы беспамятства. Открыв наконец глаза, он увидел белый потолок земной операционной.

Но вот все вокруг заслонило багровое лицо и угрожающе сдвинутые брови склонившегося над ним полковника Стэгема. Тони попытался вспомнить, нужно ли отдавать честь в кровати, но потом решил, что самое лучшее не двигаться.

— Черт побери, Бенермэн, — проворчал полковник, — рад

видеть вас на Земле. Но зачем вы, вообще говоря, вернулись? Смерть Морли означала крах всей экспедиции, а это значит, что на сегодняшний день мы не можем похвастаться ни одним удачным запуском!

— А парни из второго корабля, сэр? Как дела у них? — Тони силился говорить бодро и уверенно.

— Ужасно. Еще хуже, чем у вас, если это вообще возможно. Оба на другой день после приземления погибли. Осколок метеора попал в резервуар с кислородом. Они так увлеклись анализом местной флоры, что не поинтересовались показаниями измерительных приборов. Но я здесь по другому делу. Накиньте что-нибудь на себя и пройдите в мой кабинет.

Он зашагал к выходу, и Тони поспешил выбраться из постели, не обращая внимания на легкую слабость из-за введения наркотиков. Когда говорят полковники, лейтенантам приходится повиноваться.

Тони вошел в кабинет Стэгема: полковник с мрачным видом глядел в окно. Ответив на приветствие, он предложил лейтенанту сигару. Как бы для доказательства того, что в его солдатской душе еще теплятся искры человечности, полковник обратил его внимание на стартовую площадку за окном.

— Видите? Знаете, что это?

— Да, сэр. Ракета на Марс.

— Пока еще нет. Сейчас это лишь ее корпус. Двигатели и оборудование собираются на заводах, рассеянных по всей стране. При нынешних темпах ракета будет готова не раньше, чем через шесть месяцев. Ракета будет готова, но вот лететь-то в ней некому. Если так пойдет и дальше, ни один не сможет выдержать испытания. Включая и вас.

Под пристальным взглядом полковника Тони беспокойно заерзал на стуле.

— Вся эта программа подготовки с самого начала была моим детищем. Я разработал ее и нажимал на Пентагон, пока ее не приняли. Мы знали, что в состоянии построить корабль, который долетит до Марса и вернется на Землю, корабль с автоматическим управлением, который преодолеет любые трудности и помехи. Но нам необходимы люди, которые сумеют ступить на поверхность планеты, исследовать ее, иначе вся затея не будет стоить выеденного яйца.

Для корабля и для пилота-робота нужно было провести серию испытаний, воспроизводящих условия полета, чтобы устранить мелкие недоделки. Я предложил — и в конце концов это было принято, — чтобы космонавты, которым придется лететь на Марс, прошли именно такую подготовку. Мы построили две барокамеры и тренажеры, способные воспроизвести в деталях

любую мыслимую на Марсе ситуацию. Мы по восемнадцать месяцев маринуем в барокамерах экипажи из двух человек, чтобы подготовить их к настоящему полету.

Не стоит упоминать о том, сколько кандидатов было у нас поначалу, сколько было несчастных случаев из-за того, что мы слишком реально воспроизводим условия полета в барокамерах. Скажу только одно: за прошедшее время удачных запусков не было. Все, кто не выдерживал или, подобно вашему напарнику Морли, «погибал», выбывали из игры раз и навсегда.

И вот теперь у нас осталось четыре кандидатуры, в том числе и вы. Если мы не сумеем создать удачный экипаж из двух космонавтов, весь проект пойдет насмарку.

Тони похолодел, сигара в его руке погасла. Он знал, что в последнее время на руководителей испытаний давили все сильнее и сильнее. Поэтому-то полковник Стэгем и рычал на всех, будто подстреленный медведь. Голос полковника прервал ход его мыслей:

— Эти умники из Института психологии кричат на всех перекрестках, что обнаружили самое слабое место в моей программе. Дескать, если речь идет о тренировочных полетах, испытуемые где-то в глубине души всегда будут чувствовать, что игра будет идти понарошку. Случись катастрофа — в последний момент их всегда спасут. Как вашего Морли, например. Результаты последних опытов заставляют меня думать, что они правы. В моем распоряжении четыре человека, и для каждой пары будет проведено по одному испытанию. Но на сей раз речь идет о генеральной репетиции, на этот раз мы пойдем на все.

— Я не понимаю, полковник...

— Очень просто, — в подтверждение своих слов Стэгем ударил кулаком по столу. — Впредь мы не станем оказывать помощь. Никого не будем тащить за волосы, как бы срочно это ни требовалось. Испытания проведем в боевой обстановке с настоящим снаряжением. Мы обрушим на вас все, что только можно придумать, а вы должны выдержать. Если на этот раз кто-нибудь порвет свой скафандр, он умрет в марсианском вакууме, в нескольких метрах от земной атмосферы.

При прощании с Тони он несколько смягчил тон:

— Я был бы рад, если бы мог поступить иначе, но выбора нет. К будущему месяцу нам нужен надежный экипаж для полета, и только таким образом мы можем его укомплектовать.

Тони дали трехдневный отпуск. В первый день он напился, на второй страдал от головной боли, на третий — от бессильной злости. Все участники испытаний были добровольцами, но такое приближение к реальности — это уже слишком. Конечно, он мог бросить все к чертям, когда ему заблагорассудится, но он-то

знал, чем это ему грозит. Оставалось одно: согласиться с этой нелепой идеей. Проделать то, что от него требуется, вынести все. Зато уж после испытаний он съездит по здоровенному полковничьему носу.

На врачебном осмотре Тони встретился со своим новым напарником, Эллом Мендозой. Познакомились они еще раньше, на теоретических занятиях. Обмениваясь рукопожатиями, они пожирали друг друга глазами и прикидывали, каковы возможности напарника. Экипаж состоит из двоих, а ведь один из них может стать причиной смерти другого...

Высокий, худощавый Мендоза был полной противоположностью приземистому крепышу Тони. Спокойная, даже чуть-чуть небрежная манера поведения Тони дополнялась нервной напряженностью Элла. Элл был заядлым курильщиком, он обшаривал глазами все вокруг.

Тони заглушил в себе растущее беспокойство. Если Элл выдержал все испытания, значит, он кое на что годится. Как только начнется полет, нервозность Элла скорее всего пройдет.

Врач вызвал Тони и внимательно осмотрел его.

— Что это? — спросил врач, проведя влажной ваткой по щеке Тони.

— Ой! — вскрикнул Тони, — я порезался, когда брился.

Врач недовольно поморщился, смазал ранку, заклеил ее пластырем.

— Поосторожнее с ранками, — предупредил он. — Ведь таким путем бактериям легче всего проникнуть в организм. А мало ли какие бактерии есть на Марсе.

Тони открыл было рот, чтобы возразить, но передумал. Возражать бессмысленно: полет, если он вообще состоится, продлится 260 дней. За такое время заживет любой порез, даже если космонавт будет находиться в анабиозе.

После осмотра они, как обычно, надели летные костюмы и перешли в другое здание. По пути Тони заглянул в казармы и вскоре вернулся с шахматной доской и видавшей виды колодой игральных карт.

Входная дверь в мощном блоке второго строения была открыта, и они ступили на лестницу, ведущую в космический корабль. Врачи привязали их ремнями к койкам и сделали инъекции, симулирующие состояние анабиоза.

Пробуждение сопровождалось обычной слабостью и вялостью. Куда уж натуральнее... Повинуясь внезапному импульсу, Тони подошел к зеркалу и подмигнул своему гладко выбритому отражению с красными воспаленными глазами. Сорвал пластырь, пальцы его коснулись пореза с засохшими капельками крови. Облегченно вздохнул. Он никак не мог отделаться от

страха, что однажды такой тренировочный полет может оказаться настоящим полетом на Марс. Логика подсказывала ему, что армия никогда не откажется от того, чтобы вовсю разрекламировать запуск. Но все же его грыз червь сомнения, и поэтому он так нервничал в начале каждого «сухого» полета.

С новым виражом Тони опять ощутил тошноту, но сумел ее преодолеть. Во время испытаний нельзя терять времени. Необходимо проверить приборы. Сидевший на койке Элл едва заметно махнул рукой. Тони ответил ему тем же.

В то же мгновение ожил приемник. Сначала в контрольном пункте слышались только посторонние шумы, потом их заглушил голос офицера-тренера:

— Лейтенант Бенермэн, вы уже проснулись?

Тони включил микрофон и доложил:

— Так точно, сэр.

— Одну секунду, Тони, — сказал офицер. Потом он пробормотал что-то нечленораздельное; очевидно, говорил с кем-то стоящим рядом. Потом опять повернулся к микрофону: — Не в порядке один из вентилей; давление превышает расчетное. Примите меры, пока мы не снизим давление.

— Слушаюсь, сэр, — ответил Тони и отключил микрофон, чтобы вместе с Эллом посетовать на показное «трудолюбие» своих воспитателей. Несколько минут спустя приемник снова ожил.

— Все в порядке, давление нормальное. Продолжайте свою работу.

Тони показал язык невидимому воспитателю и пошел в соседний отсек. Повернул рычаг, желая сделать видимость четче.

— Ну, по крайней мере на этот раз все спокойно, — сказал он, увидев красноватые отсветы.

Вошел Элл, заглянул через его плечо.

— Да здравствует Стэгем! В прошлый раз, когда погиб мой напарник, все время дул жуткий ветер. А сейчас по этим песчаным дюнам видно, что ветра и в помине нет.

Они хмуро уставились на знакомый красноватый ландшафт и темное небо. Наконец Тони повернулся к приборам, а Элл достал из шкафа скафандры.

— Сюда, скорее!

Элла не нужно было звать дважды. В один момент он подскочил к Тони и стал следить за его указательным пальцем.

— Резервуар с водой! Судя по приборам, он наполовину пуст!

Они сняли щиты, преграждавшие доступ к резервуару. Тоненькая струйка ржавой водицы стекала с крышки к их ногам. Освещая себе путь фонарем, Тони подполз к резервуару и осветил трубки. Его голос прозвучал в тесном отсеке резко и отчетливо:

— Черт бы побрал Стэгема с его фокусами: опять эти проклятые «аварии при посадке». Лопнула соединительная трубка, и вода просачивается в изоляционный слой. Мы никак не прекратим утечку, разве что разнесем корабль на куски. Подай-ка мне склейку, пока дело не дошло до ремонта, я замажу отверстие.

— Месяц будет ужасно засушливый, — пробормотал Элл, изучая показания других приборов.

В первое время все было как обычно. Они водрузили знамя и принялись переносить приборы. Все наблюдательные и измерительные приборы были установлены на третий день, так что они могли выгрузить теодолиты и начали составлять карты. На четвертый день они стали собирать образцы местной фауны.

И тут они впервые обратили внимание на пыль. Тони с трудом жевал какую-то подозрительно тягучую порцию еды, время от времени изрыгая проклятия: еда лезла в горло, лишь обильно смоченная водой. Он с трудом проглотил комок, потом оглядел аппаратную.

— Ты заметил, сколько здесь пыли? — спросил он.

— Еще бы не заметить! Мой костюм так загрязнился, будто я влез на муравьиную кучу.

Они посмотрели вокруг, и впервые их поразило, как много пыли в корабле. И волосы, и еда — все покрылось слоем красноватой пыли. Под ногами постоянно что-то шуршало, куда ни ступи.

— Мы сами приносим ее сюда, на костюмах, — сказал Тони. — Давай будем перед входом в помещение получше отряхиваться.

Хорошая идея, а не помогла. Красная пыль была мелкой, как пудра. И сколько они ни вытряхивали одежду, пыль не исчезала, а лишь носилась вокруг, обволакивая их легкой дымкой, словно облако. Они пытались забыть о пыли, думать о ней как об очередной фантазии техников Стэгема. Какое-то время это удавалось, пока на восьмой день не отказала внешняя дверь шлюзовой камеры. Они вернулись из двухдневного похода, где собирали образцы, и еле поместились в камере вместе со своими тяжеленными мешками с геологическими образцами. Отряхнули друг друга как могли, потом Элл нажал рычаг. Внешняя дверь начала открываться и вдруг остановилась. Подошвы ботинок ощутили вибрацию — на полную мощность заработали двигатели автоматических дверей. Затем двигатели отключились, замигала красная лампочка.

— Пыль! — крикнул Тони. — Проклятая пыль попала в механизм!

Они легко сняли предохранительный щиток, заглянули в двигатель. Красная пыль смешалась со смазочным веществом, и образовались немыслимые бурые «пирожки». Но оказалось, что

обнаружить неисправность гораздо легче, чем ее ликвидировать. В карманах костюмов они нашли лишь несколько самых нужных инструментов. А большой ящик с инструментами и различными растворами, которые можно было быстро пустить в ход, находился внутри корабля. Но пока дверь не открыта, внутрь попасть невозможно. Парадоксальная ситуация, но им было не до смеха. Лишь одна секунда ушла у них на то, чтобы осознать, в какую переделку они попали, и целых два часа, чтобы худо-бедно почистить двигатели, закрыть внешнюю и открыть внутреннюю двери. Когда наконец им это удалось, указатели их кислородных приборов стояли на отметке «нуль», и пришлось прибегнуть к НЗ.

Элл снял свой шлем и тут же повалился на койку. Тони показалось, что напарник потерял сознание, но вот он увидел открытые глаза Элла, прикованные к потолку. Тони раскупорил единственную бутылку коньяку, взятую в медицинских целях, заставил Элла отхлебнуть глоток, потом сам сделал два глотка и решил не обращать внимания на то, как дрожат руки. Он занялся починкой дверных механизмов, а когда работа подошла к концу, Элл уже пришел в себя и стал готовить ужин.

Если не считать пыли, поначалу испытания проходили нормально. Днем собирали образцы и проводили измерения; несколько свободных часов, затем — сон. Элл оказался прекрасным напарником и лучшим шахматистом из всех, с кем Тони до сих пор был в паре. Вскоре Тони обнаружил: то, что он поначалу принял за нервозность, оказалось на деле нервной энергией. Элл был в своей тарелке, лишь когда занимался каким-то делом. С головой уходя в каждодневную работу, он и к вечеру сохранял столько сил и бодрости, что за шахматной доской решительно обыгрывал своего зевающего противника. Характеры космонавтов были не схожи, может быть, поэтому они прекрасно ладили.

Все было хорошо — только вот пыль! Она была повсюду, она забивалась в каждую щель. Тони злился, но старался не показывать виду. Элл страдал больше. От пыли он испытывал постоянный зуд, чесался, он был на грани срыва. Вскоре его начала мучить бессонница...

А неумолимая пыль постоянно проникала во все отсеки и механизмы корабля. Машины стали изнашиваться с той же быстротой, что и нервы. Днем и ночью пыль, вызывающая зуд, и недостаток воды доводили их до отчаяния. Они все время хотели пить, но знали, что воды оставалось ничтожно мало и ее вряд ли хватит, если каждый будет распоряжаться ею по-своему.

На тринадцатый день из-за воды вспыхнул спор, и дело чуть не дошло до драки. После этого они два дня не разговаривали. Тони заметил, что Элл всегда носит с собой геологический молоток, и решил на всякий случай обзавестись ножом.

Кто-то из двоих должен был сорваться. Этим человеком оказался Элл.

Его доконала бессонница. У него и раньше был чуткий сон, а тут эта пыль и бессонница окончательно добили его. Тони слышал, как Элл ночами ворочался с боку на бок, чесался и проклинал все на свете. Он и сам-то спал теперь не особенно крепко, но все же умудрялся немножко соснуть. Судя по темным кругам под налитыми кровью глазами, Эллу это не удавалось.

На восемнадцатый день он сорвался. Они как раз надевали скафандры, когда Элла вдруг затрясло. У него тряслись не только руки, но и все тело ходило ходуном. Его трясло до тех пор, пока Тони не уложил его на койку и не влил ему в рот остатки коньяку.

Когда припадок кончился, Элл отказался покинуть корабль.

— Я не хочу... не могу! — кричал он. — Скафандры тоже долго не протянут, они порвутся, когда мы будем на поверхности... я больше не выдержу... Мы должны вернуться.

Тони попытался его образумить:

— Ты же знаешь, что это невозможно, что испытания полностью имитируют полет. Они рассчитаны на двадцать восемь дней. Осталось еще десять. Ты должен выдержать. Командование считает, что это минимальный срок пребывания на Марсе. Все планы и экипировка экспедиции исходят из этого срока. Скажи спасибо, что нас не заставляют просидеть здесь целый марсианский год, пока планеты снова не приблизятся друг к другу. Что может быть хуже анабиоза на атомном корабле?

— Брось ты эти глупости, — взорвался Элл. — Мне наплевать, что будет с первой экспедицией. Точка. Это была моя последняя тренировка. Я не хочу свихнуться от бессонницы только потому, что какому-то службисту кажется, будто проверка в сверхтяжелых условиях — единственно правильный метод тренировки. Если меня не снимут с испытаний, это будет равносильно убийству.

Он вскочил с койки, прежде чем Тони произнес хоть слово, и бросился к контрольному пульту. Как всегда, второй справа была кнопка «Экстренный случай», но они не знали, подключена она к системе оповещения или нет и получат ли они ответ, даже если связь существует. Элл без конца нажимал на кнопку. Они оба уставились на приемник, боясь перевести дыхание.

— Подлецы, мерзавцы, они не отвечают, — прошептал Элл.

Вдруг приемник ожил, и холодный голос полковника Стэгема наполнил рубку корабля:

— Условия испытаний вам известны. Причина для досрочного окончания испытаний должна быть весьма основательной. Итак?

Элл схватил микрофон и обрушил на полковника поток слов — жалобных и злых одновременно. Тони сразу понял, что все бесполезно. Он знал, как Стэгем реагирует на жалобы. Динамик прервал Элла:

— Достаточно. Ваши объяснения не могут оправдать изменения предварительного плана. Все должны рассчитывать только на себя. Действуйте так и впредь. Я отключаюсь окончательно. До завершения испытаний вам не имеет смысла вступать со мной в радиосвязь.

Щелчок в репродукторе прозвучал как смертный приговор.

Элл рухнул на койку ошеломленный, по его щекам катились слезы гнева. Элл рывком вырвал микрофон из гнезда, швырнул его в динамик.

— Ну, полковник, дайте срок, кончится испытание — мои пальцы узнают, крепка ли ваша шея! — Он повернулся к Тони. — Передай-ка мне ящик аптечки. Я докажу этому идиоту, что после этих чертовых испытаний ему больше не удастся разыгрывать из себя героя.

В аптечке нашлись четыре ампулы с морфием. Одну из них он схватил, отбил головку, заправил в шприц и ввел себе в руку. Тони и не пытался удержать его, он был с ним полностью солидарен. Через две минуты Элл уже лежал на столе и храпел. Тони поднял напарника и перенес на его койку.

Элл проспал почти двадцать часов; когда он проснулся, безумие и усталость разжали тиски, сжимавшие его. Оба не проронили ни слова о происшедшем. Элл подсчитал, сколько дней еще впереди, и тщательно разделил оставшийся морфий на дозы. Он принимал лишь третью часть нормальной дозы, но этого оказалось достаточно.

До старта осталось четыре дня, когда Тони обнаружил в песках первые признаки жизни. Существо величиной с кошку ползло по обшивке корабля. Он позвал Элла.

— Здорово! — сказал тот, наклонившись над неведомым созданием. — Но все же куда ему до того, которого они подсунули мне во время второй тренировки. Тогда я нашел какую-то змееподобную штуку, она выделяла что-то вроде клея. Хоть это и запрещено правилами, я разобрал ее — я чертовски любопытен. Здорово они ее сделали: шестеренки, пружины, моторчик и тому подобное, стэгемские техники не лыком шиты. А потом мне объявили выговор. За то, что ее разобрал. Может, оставим все как есть?

Тони совсем уж было согласился, но все-таки решил попробовать.

— А может, это как раз входит в правила игры? Давай по-

смотрим, что внутри. Я послежу за этой штуковиной, а ты принеси пустую коробку.

Элл ворча полез в корабль. Внешняя дверь хлопнула, и испуганное существо поползло в сторону Тони. Он вздрогнул и отошел. Потом сообразил, что перед ним всего-навсего робот.

— Да, фантазии этих техников можно только позавидовать, — пробормотал он.

Существо прошмыгнуло мимо Тони. Чтобы удержать его, Тони наступил на несколько ножек: из маленького тела росли тысячи крохотных ножек. Волнообразно шевелясь, они переносили существо по песку. Сапоги Тони расплющили ножки, несколько штук оторвалось.

Осторожно наклонившись, он поднял один из оторванных суставов. Он был твердым, с шипами внизу. Из места обрыва струилась жидкость, напоминавшая молоко.

— Реальность, — сказал он самому себе. — Да, в реальности техники Стэгема знают толк!

И тут ему закралась в голову мысль. Невозможная до жути мысль, заставившая его похолодеть от ужаса. Мысли бешено завертелись у него в голове, но он знал, что это невозможно, потому что не лезет ни в какие ворота. Однако он обязан убедиться в этом, пусть даже механическая игрушка будет уничтожена.

Осторожно придерживая зверька ногой, он достал из кармана острый нож, нагнулся. Коротко, резко ударил.

— Что ты там копаешься, черт возьми? — спросил подошедший Элл.

Тони не мог ни пошевелиться, ни выговорить хоть слово. Элл обошел вокруг него и уставился на лежащее в песке существо. Секунду спустя он все понял и закричал:

— Оно живое! Из него течет кровь, никаких колесиков в нем нет. Оно не может быть живым, а если оно живое, значит, мы вовсе не на Земле! Мы на Марсе!

Элл бросился бежать, потом упал с истошным криком. Тони решал и действовал молниеносно. Он знал, что все поставлено на карту. Малейшая ошибка может стоить жизни. В припадке безумия Элл погубит и себя, и его.

Стукнув Элла по кулаку, Тони размахнулся и изо всей силы ударил его прямо в солнечное сплетение. От удара заболела рука, а Элл медленно повалился на землю. Тони схватил его под мышки и поволок на корабль. Лишь когда он стянул с Элла скафандр и уложил напарника на койку, Элл начал медленно приходить в себя. Тони никак не удавалось одной рукой держать Элла, а другой пустить в ход анабиозатор. Вот он изловчился, зажал ногу Элла, но прежде чем игла вонзилась в живую плоть, обезумевший Элл успел трижды ударить его. Наконец Элл со вздохом упал навзничь, а Тони, пошатываясь, присел у его ног. Ручным анабиозатором можно было пользоваться в экстренных случаях, чтобы уберечь больного, пока им не займутся врачи на базе. И аппарат оправдал себя.

Но тут отчаяние охватило Тони.

Если зверек настоящий — значит, они на Марсе.

Это вовсе не тренировочный — это настоящий полет. Небо над головой вовсе не нарисовано, это подлинное небо Марса. Тони был одинок, как еще никто до него. На миллионы километров вокруг ни души...

Закрывая наружную дверь, он завыл от страха, дико, пронзительно, как потерявшийся зверь. У него хватило самообладания лишь на то, чтобы доплестись до койки и привести в движение руку анабиозатора. Шприц из отличной стали легко прошел через материал скафандра. Тони едва успел отвести руку со шприцем в сторону, как провалился во мрак...

С трудом поднял веки. Он опасался, что вновь увидит над головой переборку корабля со сварочными швами. Но увидел белоснежный потолок лазарета и облегченно вздохнул. Повернув голову в сторону, встретился глазами с полковником Стэгемом, сидевшим на его кровати.

— Ну как, удалось? — спросил Тони. Он не спрашивал, а скорее утверждал.

— Удалось, Тони. Обоим. Элл лежит рядом с тобой...

В голосе полковника звучали какие-то новые нотки, но Тони не сразу распознал их. Просто впервые полковник говорил с ним без озлобления:

— Первый полет на Марс. Можете себе представить, чего только не напишут газеты. Но важнее то, что говорят ученые. Анализы и ваши записи — просто клад. Когда вы установили, что вы не на тренировке?

— На двадцать четвертый день, когда увидели марсианского зверька. Ну и маху же мы дали! И как только не заметили раньше? — В голосе Тони звучала досада.

— Вот еще! Все испытания к тому и сводились, чтобы в подобной ситуации вы ничего не заметили. Мы не были уверены, можно ли послать в космос космонавтов, не сообщая им правды. Но такое допущение делали. Психологи были убеждены, что удаленность от Земли и растерянность сделают свое черное дело. А я все не соглашался с ними.

— Но ведь они оказались правы, — выдавил из себя Тони.

— Теперь-то мы это знаем, но в свое время я никак не мог с ними согласиться. Психологи одержали верх, и мы составили об-

ширную программу полета в соответствии с их данными. Я, правда, сомневаюсь, что вы это оцените, но нам пришлось приложить массу усилий, чтобы убедить вас, будто вы все еще на тренировке.

— Извините, что мы доставили вам столько неприятностей, — сказал Элл.

Полковник слегка покраснел — он ощутил горечь в словах космонавта. Но продолжал говорить, словно ничего не слышал:

— Оба разговора, которые я якобы вел с вами, были, разумеется, записаны на пленку и прокручены прямо в космическом корабле. Психологи составили текст, который подошел бы к любой ситуации. Второй разговор предназначался для того, чтобы рассеять сомнения, если они возникнут, и окончательно придать ситуации ореол правдоподобия. Затем мы подготовили все для глубокого анабиоза, который на 99 процентов приостанавливает деятельность организма; ни о чем подобном раньше не сообщалось. Да еще на порезанную щеку Тони нанесли антикоагулянты — все это, чтоб вы не поняли, сколько времени провели в полете.

— А корабль? — спросил Элл. — Мы же видели его — он был готов лишь наполовину!

— Муляж, — ответил полковник. — Для публики и иностранных разведок. Настоящий корабль построен и испытан несколько месяцев назад. Самым трудным было подобрать экипаж корабля. То, что я рассказывал вам о провалах остальных кандидатов, чистая правда. Лучшими оказались вы оба. Но больше никогда мы не прибегнем к таким методам. Психологи утверждают, что следующим экипажам будет гораздо легче: у них то психологическое преимущество, что перед ними в космосе уже были люди. Абсолютной неизвестности больше нет. — Полковник на мгновение прикусил губу, а потом выдавил из себя слова, которые вертелись у него на языке: — Я хотел бы, чтобы вы поняли... оба... что мне было бы легче лететь самому, чем вот так посылать вас. Я знаю, что у вас на душе... Как будто мы позволили себе...

— ...межпланетную шуточку, — закончил за него Тони. Прозвучало это очень мрачно.

— Да, что-то вроде этого, — с жаром защищался полковник. — Догадываюсь, что эта шуточка низкого пошиба. Но разве вы не понимаете, что мы не могли иначе, что вы были единственными, на кого мы могли положиться, все остальные не выдержали. Остались вы двое, и мы обязаны были избрать самый надежный путь. Только я и еще трое людей знают, что произошло. И никто никогда не узнает, могу вам гарантировать!

Голос Элла прозвучал негромко, но он, словно ножом, пронзил тишину:

— Будьте уверены, полковник, уж мы-то никому об этом не расскажем.

Полковник Стэгем вышел из комнаты, низко опустив голову, не в силах взглянуть в глаза первым исследователям Марса.

Уцелевшая планета

Когда-нибудь человек сможет перерасти свой интерес к войне, но предвкушать такое пока рано. Драчливость оказалась настолько сильным фактором при восхождении по лестнице эволюции, что от него нельзя с легкостью отмахнуться; и хотя сама мысль о войне может нас ужаснуть или вызвать отвращение, доисторические тела, в которых мы продолжаем обитать, все еще восторженно реагируют на рокот барабанов и громыхание пушек. Призову в свидетели современную ситуацию — все мы с восхищенным интересом наблюдаем за тем, как множество одаренных и целеустремленных людей создают оружие, способное, если Ту Кнопку когда-либо нажмут, смести нас с лица этой планеты.

Если же такое не произойдет, человек наверняка с радостью примется экспортировать войны в остальную часть Галактики. И если обнаруженные инопланетяне окажутся недостаточно воинственными, чтобы дать отпор... тем хуже для них. А если и инопланетян окажется маловато для сражений, человеку придется воевать со своим древнейшим врагом. С самим собой. И разумеется, его компаньоны-роботы не останутся в стороне. Совершенно очевидно, что в некоторых отношениях солдат-робот превосходит человека — он менее уязвим, а сам разрушает эффективнее... и, само собой, в него можно вложить инстинкт убийства...

— Но ведь война кончилась, когда я еще и на свет-то не родился! И кого теперь может интересовать одна-единственная торпеда, пущенная так давно?!

Долл-младший был чересчур настойчив; ему очень повезло, что командир корабля Лайан Стейн, человек спокойный и многоопытный, обладал неисчерпаемым запасом терпения.

— Прошло уже пятьдесят лет с тех пор, как мы одержали верх над Большой Рабократией, но это совсем не значит, что она уничтожена, — сказал командир. Он взглянул в иллюминатор, как бы увидев среди звезд призрачные очертания империи, которую они так долго пытались уничтожить. — Больше тысячи лет Рабократии никто не мешал захватывать все новые миры. Но и военное поражение ее не доконало, только разобщенные плане-

ты стали для нас доступнее. Мы теперь стараемся преобразовать их экономику, вывести из состояния рабства, но еще не пройдено и полпути.

— Это я давно все знаю, — устало вздохнул Долл-младший. — Я работаю на межпланетных трассах с того времени, как пришел в космический флот. Но при чем тут Мозаичная торпеда, за которой мы охотимся? Во время войны такие производили и пускали миллионами. Почему же через столько лет занялись одной этой?

— Читал бы технические отчеты, тогда не задавал бы таких вопросов, — посоветовал командир Стейн, ткнув пальцем в толстую папку на штурманском столе.

На более строгий выговор командир был попросту не способен. У Долла-младшего хватило благоразумия слегка покраснеть, и он принялся слушать командира с подчеркнутым вниманием.

— Мозаичная торпеда — орудие межпланетной войны; собственно, это космический корабль, управляемый роботом. Получив задание, он отыскивает цель, если нужно, защищается, а потом, попав в корабль, погибает — там начинается неуправляемая атомная реакция.

— Понятия не имел, что ими управляли роботы, — сказал Долл. — Я всегда думал, что роботы не способны убивать людей, это заложено в их схеме.

— Точнее, запрограммировано, — поправил Стейн. — Мозг робота — всего лишь сложное устройство без моральных устоев. Их придают после. Мы уже давно не делаем роботов, внешне похожими на человека, с мозгом, подобным человеческому. Наш век — век специализации, а специализировать робота гораздо легче, чем человека. «Мозг» Мозаичной торпеды не имеет моральных устоев — она, можно сказать, психопатична, одержима жаждой убийства. Хотя, конечно, в нее встроен контрольный аппарат, она может убить не более заданного количества людей. Все торпеды, которыми пользовались противники в этой войне, были снабжены детекторами массы, которые их разряжали, если торпеда приближалась к объекту с массой типа планеты, ибо реакция, вызванная торпедой, могла уничтожить не только корабль, но с таким же успехом и целую планету. Теперь тебе, наверно, понятно, почему мы так заинтересовались, когда в последние месяцы войны напали на торпеду с зарядом, рассчитанным именно на уничтожение целой планеты. Из ее мозга извлекли все данные и недавно их расшифровали. Торпеда была нацелена на Четвертую планету звезды, к которой мы с тобой сейчас приближаемся.

— А есть об этой планете какие-нибудь сведения? — спросил Долл.

— Никаких. Это неисследованная система, по крайней мере в наших записях о ней ничего нет. Но Большая Рабократия, видно, знала о ней достаточно, если задумала ее уничтожить. Для этого-то мы туда и летим — выяснить почему.

Долл-младший наморщил лоб и задумался.

— Только для этого и летим? — спросил он, помолчав. — Ведь мы не позволили им уничтожить планету, чего же нам еще надо?

— Сразу видно, что ты в нижних чинах на корабле, — рявкнул артиллерист Арнилд, входя в рубку. Арнилд ухитрился состариться артиллеристом — а ведь на этой службе мало кто доживает до старости — и с годами стал нетерпим ко всему, кроме своих вычислительных машин и пушек. — Могу я высказать кое-какие предположения, которые даже мне пришли в голову? Во-первых, любой враг Рабократии может стать нашим другом; а может, и наоборот — на этой планете засел враг, опасный для всего человечества, и тогда, пожалуй, нам самим придется запустить Мозаичную торпеду, чтобы закончить дело, которое начали рабократы. Или, может, у них тут что-нибудь осталось, какой-нибудь научный центр, и они предпочли бы его уничтожить, лишь бы мы до него не добрались. В любом случае на эту планету стоит поглядеть поближе, верно?

— Через двадцать часов мы войдем в атмосферу, — сказал Долл, скрываясь в нижнем люке. — Мне надо проверить смазку подшипников передачи.

— Ты чересчур снисходителен к мальчишке, — заметил Арнилд, хмуро глядя на приближающуюся планету, слепящий блеск которой уже смягчили выдвинувшиеся фильтры.

— А ты слишком суров с ним, — возразил Стейн. — Так что мы уравновешиваем друг друга. Не забывай, ему не пришлось воевать с рабократами.

Скользя по самому краю атмосферы Четвертой планеты, корабль-разведчик мчался некоторое время по спиральной орбите, потом метнулся назад в безопасную зону космоса, а между тем мозг корабля — робот — обрабатывал и снимал копии с показаний детектора и фотографий. Копии сложили в торпеду-курьер, и, только когда ее отправили назад, на базу, командир Стейн удосужился самолично взглянуть на результаты наблюдений.

— Ну, дело сделано, теперь и без нас обойдутся, — сказал он с облегчением. — Так что, пожалуй, спустимся вниз и выясним, чем там пахнет.

Арнилд буркнул, что согласен, при этом его указательные пальцы как будто нажимали на гашетку невидимого оружия. Оба они склонились над разложенными на столе записями и фото-

графиями. Долл, вытянув шею, тоже глядел на стол из-за их спин и подбирал снимки, которые они уже посмотрели и отбросили. Он заговорил первым:

— Ничего особенного тут нет. Много воды, а посередине один континент, просто большой остров.

— Ничего, кроме него, пока не видно, — заметил Стейн, откладывая записи в сторону. — Ни радиации, ни крупных скоплений металла на поверхности или под нею, ни энергетических запасов. Незачем было сюда лететь.

— Но раз уж мы прилетели, давайте спустимся и сами поглядим, что к чему, — угрюмо проворчал Арнилд. — Вот подходящее место для посадки. — Он ткнул пальцем в фотографию и сунул ее в увеличитель. — Пожалуй, это обыкновенная деревня, ходят люди, из хижин вьется дым.

— А вот это похоже на овец в поле, — взволнованно прервал его Долл. — А это лодки на берегу. Мы тут, наверно, что-нибудь да найдем.

— Конечно, найдем, — подтвердил командир Стейн. — Пристегнитесь, мы идем на посадку.

Легко и бесшумно корабль описал плавную дугу и опустился на холме над поселком, на опушке рощи. Моторы постепенно затихли, и все смолкло.

Долл взглянул на циферблаты анализатора.

— Атмосфера пригодна для дыхания, — объявил он.

— Оставайся у орудий, Арнилд, — распорядился командир. — Держи нас под прикрытием, но не стреляй, пока я не прикажу.

— Или пока тебя не убьют, — с полнейшим равнодушием возразил Арнилд.

— Или пока меня не убьют, — так же равнодушно подтвердил командир. — В этом случае ты примешь командование.

Они с Доллом приладили походное снаряжение, вышли наружу через люк и задраили его за собой. Их сразу же овеяло теплым, мягким воздухом, напоенным свежестью трав и листвы.

— Ох и здорово же пахнет! — воскликнул Долл. — Это вам не кислород из баллонов.

— Удивительная способность изрекать всем известные истины. — Голос Арнилда в наушниках казался еще более скрипучим, нежели всегда. — Видно вам, что происходит в деревне?

Долл полез за биноклем. Командир Стейн не отрывался от своего бинокля с той минуты, как они вышли из корабля.

— Никакого движения, — сказал он Арнилду. — Высылай на разведку «глаз».

«Глаз» со свистом обогнал их и медленно заскользил над деревней у подножия холма. Они провожали его взглядом. Внизу

стояла сотня жалких лачуг, крытых соломой, и «глаз» внимательно оглядывал каждую.

— Ни души, — сообщил Арнилд, всматриваясь в экран монитора. — И животные тоже исчезли — те, которых мы видели с воздуха.

— Но люди-то не могли исчезнуть, — заметил Долл. — Кругом пустые поля, нигде никакого укрытия. И от костров еще дымок идет.

— Дымок-то есть, а людей нет, — сварливо отозвался Арнилд. — Сходи туда и погляди сам.

«Глаз» взмыл вверх и поплыл в сторону корабля. Потом качнулся над деревьями и вдруг застыл в воздухе.

— Стоп! — рявкнул Арнилд, чуть не оглушив их. — Дома пусты, но на дереве, у которого вы стоите, кто-то есть. Метрах в десяти над вами.

Оба еле сдержались, чтобы не задрать голову. И чуть отступили, опасаясь, как бы на них что-нибудь не сбросили.

— Теперь хорошо, — сказал Арнилд. — Я передвину «глаз» в такое место, где ему лучше будет видно.

Они услышали слабое жужжание мотора: «глаз» переместился.

— Это девушка. В меховой одежде. Оружия не видно, к поясу подвешен какой-то мешок. Она уцепилась за сук, глаза закрыты. Похоже, боится упасть.

Теперь Стейн и Долл с трудом разглядели сжавшуюся в комок фигурку, прильнувшую к прямому стволу.

— Не подпускай к ней «глаз», — сказал командир. — Включи громкоговоритель. Подключи меня к цепи.

— Готово.

— Мы друзья... Слезай... Мы не сделаем тебе ничего плохого... — гулко раздалось из парящего над ними громкоговорителя.

— Она слышит, но, видно, не понимает эсперанто, — сказал Арнилд. — Когда ты заговорил, она только покрепче уцепилась за сук.

Еще во время войны командир Стейн неплохо овладел языком рабократов, и теперь он торопливо вспоминал нужные слова. Перевел все, что уже сказал, и повторил на языке поверженных врагов.

— Вот это дошло, командир, — сообщил Арнилд. — Она так подскочила, что чуть не свалилась. А потом вскарабкалась еще выше и еще крепче уцепилась за сук.

— Позвольте, я сниму ее оттуда, сэр, — попросил Долл. — Возьму веревку и влезу на дерево. Другого выхода нет. Знаете, как снимают с дерева кошек.

Стейн поразмыслил.

— Пожалуй, другого и впрямь ничего не придумаешь, — сказал он наконец. — Принеси с корабля метров двести легкого троса и когти. Да не задерживайся, скоро совсем стемнеет.

Когти впились в ствол дерева, и Долл осторожно добрался до нижних ветвей. Девушка у него над головой зашевелилась, перед ним в листве мелькнуло белое пятно ее лица — она глядела вниз, на него. Он полез выше, но тут его остановил голос Арнилда:

— Стоп! Она лезет еще выше. Как раз над тобой.

— Что делать, командир? — спросил Долл, усаживаясь поудобнее в развилке большого сука. Карабкаться было даже весело, он вошел во вкус, кожу слегка щекотали струйки пота. Долл рывком распахнул ворот и вздохнул полной грудью.

— Полезай дальше. Выше макушки ей ведь не забраться.

Теперь лезть было легче, ветви стали меньше и росли теснее. Долл не спешил, чтобы не слишком пугать девушку, а не то она еще может сорваться. Земли уже не было видно, она осталась где-то далеко внизу. Они были тут одни, отделенные от всего остального мира колыханием листвы и ветвей; о наблюдателях с корабля напоминала только серебряная трубка повисшего над ними «глаза». Долл приостановился и очень старательно, не спеша завязал на конце троса надежную петлю. Впервые за все время их полета он чувствовал себя полноправным членом экипажа. Те двое, старые космические волки, товарищи неплохие, но уж очень они подавляют его своим многолетним опытом. А тут наконец подвернулось такое дело, где он может заткнуть их за пояс! И, завязывая петлю, Долл даже тихонько насвистывал от удовольствия.

Девушка вполне могла вскарабкаться еще выше, ветви выдержали бы ее вес. Но она почему-то двинулась не вверх, а в сторону, по суку. Соседний сук оказался отличной опорой, и Долл медленно пополз вслед за ней.

— Не бойся, — весело сказал он ей и улыбнулся. — Я хочу только спустить тебя вниз и отвести к твоим друзьям. Ну-ка хватайся за трос!

Девушка задрожала и попятилась от него. Молоденькая, недурна собой, вся одежда — короткая меховая юбка. Волосы длинные, но расчесаны аккуратно и забраны на затылке ремешком. Самая обыкновенная девушка, только уж очень перепуганная. Долл подполз поближе и увидел, что она ничего не соображает от страха. Ноги и руки так и трясутся. Губы побелели, нижняя прокушена, и по подбородку сбегает струйка крови. Долл никогда не думал, что человеческие глаза могут так расшириться от ужаса и наполниться таким безмерным отчаянием.

— Да ты не бойся, — повторил он, останавливаясь чуть поодаль. Ветка была тонкая и упругая. Если он попытается схватить ее, как бы им обоим не свалиться. Нет уж, не станет он сейчас портить все дело. Долл медленно размотал конец троса, обвязал себя вокруг пояса и перекинул конец через соседний сук, закрепив его там. Краешком глаза он заметил, что девушка шевельнулась и стала дико озираться вокруг.

— Я друг, — сказал Долл, стараясь ее успокоить. Потом перевел эти слова на язык рабократов — ведь она его, кажется, понимала. — Ноир вен!

Девушка ахнула, ноги ее судорожно дернулись. У нее вырвался ужасный вопль, точно это кричал не человек, а смертельно раненный зверь. Долл, растерявшись, рванулся к ней, чтобы удержать, но было поздно.

Нет, она не упала. Она изо всех сил кинулась с ветки вниз, на верную смерть, лишь бы он ее не коснулся. На краткий миг она словно застыла в прыжке, вся изломанная судорогой и обезумевшая от страха, потом, с треском обламывая сучья, полетела вниз. За ней полетел и Долл, бессмысленно хватая руками воздух.

Его удержал трос, который он раньше благоразумно закрепил на суке. Ошеломленный, почти не сознавая что делает, он отполз назад к стволу и ослабил трос. Потом начал спускаться с дерева, руки его дрожали. Спускался он очень долго, и, когда наконец встал на ноги, изуродованное тело в траве было уже покрыто одеялом. Незачем было спрашивать, мертва ли она, — это и так было ясно.

— Я старался ее удержать. Я сделал все, что мог. — Голос Долла срывался.

— Да, конечно, — успокоил его командир Стейн, раскладывая на траве содержимое мешка, который был привязан у девушки к поясу. — Мы все видели с помощью «глаза». Когда она решила прыгнуть, помешать ей было уже невозможно.

— Не к чему было говорить с ней на языке рабократов, — сказал Арнилд, выходя из корабля. Он хотел еще что-то прибавить, но поймал суровый взгляд командира и прикусил язык. Долл тоже заметил этот взгляд.

— Я забыл, — заговорил он, переводя глаза с одного бесстрастного лица на другое. — Помнил только, что она понимает по-рабократски. Не сообразил, что она испугается. Наверно, это была ошибка, но ведь ошибиться может кто угодно! Я не хотел ее убивать...

Зубы его стучали, он с усилием стиснул челюсти и отвернулся.

— Пойди-ка приготовь что-нибудь поесть, — сказал ему Стейн. И как только за Доллом захлопнулась дверь люка, повернулся к Арнилду. — Закопаем ее тут, под деревом. Я тебе помогу.

Перекусили на скорую руку, есть никому не хотелось. Потом Стейн сидел в штурманском кресле и задумчиво катал пальцем по столу какой-то твердый зеленый плод.

— Вот зачем она забралась на дерево... Потому и не успела удрать, как все остальные. Собирала эти плоды. Больше ничего у нее в мешке не было. Это чистая случайность, что мы остановились под этим деревом и застали ее врасплох.

Командир мельком глянул на Долла и поспешно отвернулся.

— Уже совсем темно. Может, подождем до утра? — спросил Арнилд. Перед ним на столе лежал разобранный пистолет, Арнилд чистил и смазывал его. Командир кивнул.

— Можно и подождать. Совсем ни к чему блуждать в потемках. Оставь над деревней «глаз», включи инфракрасный прожектор и фильтр и веди запись. Может, удастся выяснить, куда они все подевались.

— Я останусь наблюдать за «глазом», — неожиданно вмешался Долл. — Я... Мне совсем не хочется спать. Может, что-нибудь и узнаю.

Командир чуть помедлил, потом кивнул.

— Если что увидишь, разбуди меня. Если нет — подними нас обоих на рассвете.

Ночь прошла спокойно, в молчаливой деревушке ничто не шелохнулось. С первым проблеском зари командир с Доллом спустились вниз с холма, а над ними, чуть впереди, неусыпно парил «глаз». Арнилд остался в наглухо закрытом корабле, он управлял «глазом».

— Сюда, сэр, — сказал Долл. — Я тут кое-что обнаружил ночью, когда посылал «глаз» в разведку.

Дождь и ветер смягчили и округлили края лощины, по склонам росли исполинские деревья. В самом низу ее из небольшого пруда торчали ржавые части каких-то машин.

— По-моему, это экскаваторы, — заметил Долл. — Хотя трудно сказать наверняка, они тут, видно, давным-давно.

«Глаз» опустился к самой воде, подошел вплотную к ржавому остову. Потом нырнул и через минуту появился снова, с него ручьями стекала вода.

— Да, настоящие экскаваторы, — подтвердил Арнилд. — Некоторые перевернуты и наполовину зарылись в ил, точно в какую-то яму провалились. И все они сделаны в Рабократии.

Командир Стейн настороженно поднял голову.

— Ты уверен? — спросил он.

— Я видел фабричную марку.

— Пошли дальше, в деревню, — сказал командир, задумчиво покусывая губы.

Куда девались обитатели деревни, выяснил Долл-младший. Секрет был очень прост, они открыли его, едва вошли в первую же хижину. Внутри оказался плотно утрамбованный земляной пол, очагом служил выложенный из камней круг. И утварь — самая простая и грубая. Тяжелые горшки из необожженной глины, недубленые шкуры, какие-то подобия ложек и мисок, выструганные из дерева твердой породы. Долл тыкал палкой в кучу циновок за очагом и наткнулся на отверстие в полу.

— Нашел, сэр! — воскликнул он.

Отверстие было диаметром около метра и полого уходило вниз. Пол там был утрамбован так же плотно, как и в хижине.

— Тут они и прячутся, — сказал командир Стейн. — Посвети-ка фонариком и погляди, глубоко ли.

Однако узнать это было не так-то просто. Под полом оказался туннель с гладкими стенами, метрах в пяти от входа он круто сворачивал в сторону. «Глаз» спланировал вниз и, жужжа, повис над отверстием.

— Я заглянул еще в несколько хижин, — послышался из корабля голос Арнилда. — «Глаз» нашел такой ход в каждой из них. Может, мне посмотреть, что там внутри?

— Да, только поосторожней, не спеши, — сказал командир. — Если там и правда прячутся люди, не надо пугать их еще больше. Пошли его и, если что-нибудь обнаружишь, тотчас вызови обратно.

«Глаз» нырнул в туннель и вскоре скрылся из виду.

— Там еще туннель, — сообщил Арнилд. — А вот и еще. Не пойму, куда теперь... Не знаю, удастся ли мне вывести его тем же путем, каким он попал туда.

— Ну и шут с ним, обойдемся, — ответил командир. — Пусть идет дальше.

— Вокруг сплошной камень... Сигнал становится все слабее, и мне все трудней за ним следить... Что-то вроде большой пещеры... Стоп! Тут кто-то есть! В боковой туннель метнулся человек!

— За ним! — скомандовал Стейн.

— Это не так просто, — чуть помешкав, ответил Арнилд. — Похоже на тупик. Туннель перегорожен какой-то глыбой. Тот человек, верно, ее откатил, проскочил дальше и задвинул ее на прежнее место... Я отзову «глаз»... А, черт!

— Что случилось?

— Еще камень, на этот раз позади «глаза». Они поймали его в ловушку. Экран погас, вижу сигнал «Вышел из строя».

В голосе Арнилда звучали досада и злость.

— Чисто сработано, — заметил командир Стейн. — Они его заманили, поймали в ловушку и потом, наверно, обрушили свод

туннеля. Эти люди очень боятся чужих и здорово наловчились от них избавляться.

— Но почему? — с искренним изумлением спросил Долл, оглядывая убогое жилище. — Что у них есть такого, чего добивались от них рабократы? Ясно же, рабократы потратили уйму сил и времени, пока до них докапывались. А нашли они то, что искали? Почему они пытались уничтожить эту планету? Потому что нашли или, наоборот, потому что не нашли?

— В этом-то весь вопрос, — хмуро отозвался командир. — Знай мы это, нам было бы куда легче сегодня. Мы отправим подробный отчет в Штаб, может, они нам что-нибудь подскажут.

На обратном пути они заметили комья свежей земли в роще. Там, где они похоронили девушку, зияла яма. Вся земля вокруг была разрыта и раскидана. Стволы деревьев были исполосованы какими-то острыми лезвиями... или гигантскими когтями. Человек или зверь приходил сюда за девушкой, выкопал ее тело и, сжигаемый яростью, неистово набросился на землю и на деревья. Следы разрушений привели их к отверстию меж корнями одного из деревьев. Ход косо шел вглубь, его темная пасть была таинственна и загадочна, как и другие туннели.

В тот вечер, перед тем как улечься спать, командир Стейн дважды обошел корабль, проверяя, надежно ли задраены люки и все ли сигналы тревоги включены. Потом он лег, но долго не мог уснуть. Казалось, разгадка — вот она, совсем близко, а в руки не дается. Они видели уже так много, что можно бы и вывод сделать. А где он? Наконец командир забылся тревожным сном, так и не найдя ответа.

Когда он проснулся, в кабине было еще темно, но командир почувствовал: что-то стряслось. Что его разбудило? Он попытался вспомнить, что потревожило его сон. Словно бы вздох. Воздушная струя. Может быть, открылся воздушный люк? Стараясь побороть внезапный страх, Стейн включил свет и схватил висевший у изголовья пистолет. В дверях, зевая и моргая сонными глазами, появился Арнилд.

— Что происходит? — спросил он.

— Позови Долла, кажется, кто-то вошел в корабль.

— Скорее вышел из корабля, — хмыкнул Арнилд. — Койка Долла пуста.

— Что-о?!

Стейн бросился в рубку управления. Сигнал тревоги был выключен. На приборной доске белел листок бумаги. Командир схватил его. Там стояло одно только слово. Он не сразу понял его, а поняв, охнул и судорожно скомкал листок.

— Болван! — завопил он. — Щенок безмозглый! Выпусти «глаз»! Нет, лучше два! Я буду управлять вторым.

— Да что случилось? — изумился Арнилд. — Что он такое натворил?

— Полез под землю. В туннели. Его надо остановить!

Долла нигде не было видно, но на земле, под деревьями, у входа в туннель они заметили свежие следы.

— Я запущу туда «глаз», — сказал командир Стейн. — А ты пусти другой в ближайший ход. Включи громкоговорители. Скажи им, что мы друзья. Говори по-рабократски.

— Но... ты же видел. Долл этим и загубил несчастную девчонку, — возразил растерянный и озадаченный Арнилд.

— Все знаю, — рявкнул командир. — А как быть иначе? Давай действуй!

Арнилд хотел было спросить что-то еще, но не отважился — командир, пригнувшийся к пульту управления, весь напрягся, как сжатая пружина. Арнилд поспешно послал «глаз» к деревне.

Если те, кто прятался в подземном лабиринте, и услыхали слова дружбы, они явно им не поверили. Один «глаз» тут же попал в ловушку — сзади произошел обвал. Командир Стейн пытался провести его сквозь преграду, но ловушка захлопнулась прочно. Слышно было только, как рушатся все новые и новые пласты грунта, заваливая «глаз» до самого верха.

«Глаз», посланный Арнилдом, обнаружил большую подземную пещеру, заполненную перепуганными, сбившимися в кучу овцами. Людей там не было, но на обратном пути груда камней обрушилась на «глаз» и погребла его под собой.

В конце концов командир Стейн вынужден был признать себя побежденным.

— Теперь все зависит от них, мы больше ничего не можем сделать.

— В роще какое-то движение, командир, — вдруг резко сказал Арнилд. — Я поймал это по локатору, но теперь опять все стихло.

Они нерешительно направились к деревьям, держа пистолеты наготове. Над ними алело рассветное небо. Они шли, уже понимая, что они там увидят, но не решаясь в этом признаться, пока еще теплилась надежда.

Но надежды, конечно, никакой не было. Труп Долла-младшего лежал у входа в туннель, откуда его только что выбросили. В алых отблесках зари еще ярче алела кровь. Он умер страшной смертью.

— Дьяволы, звери! — закричал Арнилд. — Недаром рабократы...

Тут он ожегся о взгляд командира и умолк.

— Наверно, рабократы так и рассуждали, — сказал Стейн. — Неужели ты не понимаешь, что тут произошло?

Арнилд, точно оглушенный, покачал головой.

— Долл начал догадываться. Только он думал — можно еще что-то исправить. По крайней мере он понимал, в чем опасность. И пошел туда потому, что чувствовал себя виноватым в гибели той девушки. Потому и написал в записке одно только слово «рабы» — на случай, если не вернется.

— Вообще-то все очень просто, — продолжал он, устало прислонясь к дереву. — Мы искали что-нибудь посложнее, что-нибудь по части техники. А столкнулись не с техническими, но скорее с социальными проблемами. Планета эта принадлежала рабократам, они тут все и устроили, как нужно было им.

— Как так? — спросил Арнилд, все еще ошеломленный.

— Им нужны были рабы. Рабократы завоевывали все новые миры, а главной боевой силой у них были люди. Им постоянно нужны были свежие пополнения, и приходилось создавать новые источники. Эта планета была для них очень удобна, будто на заказ сделана. Суши здесь много, лесов мало, и, когда за рабами приходят корабли, спрятаться людям некуда. Рабократы привезли сюда поселенцев, решили проблему питания, а техники никакой не дали. И ушли, предоставив им плодиться и размножаться. И через каждые несколько лет являлись сюда и забирали столько рабов, сколько им требовалось, а остальным предстояло пополнять запасы. Но в одном они просчитались.

Арнилд понемногу выходил из оцепенения.

— Человек ко всему может приспособиться, — сказал он.

— Ну конечно. Если дать ему достаточно времени, он приспособится к самым невероятным условиям. Вот тебе и отличный пример. Народ без истории, без письменности, отрезанный от всего остального мира, жаждавший лишь одного — выжить. Каждые несколько лет с неба сваливаются какие-то дьяволы и отнимают у них детей. Они пытаются бежать, но бежать некуда. Они строят лодки, но и уплыть тоже некуда. Никакого выхода.

— А потом один умник взял да и выкопал в земле яму, забросал сверху ветками и залез туда со всем своим семейством. Оказалось, это — выход.

— С этого началось, — кивнул командир Стейн. — Другие тоже стали зарываться в землю, делать туннели все глубже и все искуснее, потому что рабократы пытаются извлечь оттуда свою добычу. И наконец рабы берут верх. Это была, наверно, первая планета, восставшая против Большой Рабократии и не потерпевшая поражения. Рабов невозможно было выкопать из-под земли. Ядовитый газ просто убил бы их, а на что рабократам мертвецы? Посланные за ними машины оказывались в западне, как наши три «глаза». А те, кто по глупости сам спускался туда...

У командира перехватило горло. Тело убитого перед ними было красноречивее всяких слов.

— Но откуда такая ненависть? — спросил Арнилд. — Ведь девушка предпочла разбиться насмерть, только бы Долл ее не настиг.

— Туннели заменили религию, — пояснил Стейн. — Это понятно. В те годы, что проходили от набега до набега, их надо было оберегать и содержать в полном порядке. Ну и ясно, детям внушали, что с неба приходят только демоны, а спасение — под землей. Как раз нечто противоположное всем старым земным верованиям. Ненависть и страх укоренились глубоко, и стар и млад твердо знали, что делать, если в небе появлялся корабль. Наверно, входы были повсюду, и, едва завидев корабль, все население скрывалось в своих лабиринтах. И раз мы тоже с неба, значит, мы тоже рабократы, тоже демоны.

— Видимо, Долл кое о чем догадался. Но думал, что сможет их убедить, сможет объяснить им, что рабократов уже нет и прятаться больше незачем. Что с неба прилетают добрые люди. А для них все это — ересь, они бы его убили за одни такие речи. Даже если бы стали слушать.

Космонавты бережно отнесли Долла-младшего на корабль.

— Да, нелегко будет добиться, чтобы эти люди нам поверили. — Они на минуту остановились передохнуть. — И все-таки я не понимаю, почему рабократы непременно хотели взорвать эту планету.

— Мы и тут искали какие-то слишком сложные объяснения, — ответил командир Стейн. — Почему армия-победительница взрывает здания и разрушает памятники, когда ей приходится отступать? Да просто от разочарования и от злости. Извечные человеческие чувства. Уж если не мне, так пусть не достанется никому! Эта планета, видно, долгие годы стояла у рабократов поперек горла. Мятеж, который им никак не удавалось подавить. Они снова и снова пытались переловить мятежников, не могли же они признать, что рабы взяли над ними верх! А когда поняли, что проиграли войну, им только и оставалось, что взорвать эту планету, просто чтобы отвести душу. Да ведь и ты почувствовал нечто подобное, когда увидел труп Долла. Так уж устроен человек.

Оба они были старые солдаты и, когда укладывали тело Долла в особую кабину и готовили корабль к взлету, старались не давать воли своим чувствам.

Как умер старый мир[1]

— Дедушка, расскажи, пожалуйста, как наступил конец света, — попросил мальчик, глядя на морщинистое лицо старика, сидящего рядом с ним на стволе упавшего дерева.

— Я тебе уже много раз рассказывал, — пробормотал старик, которого разморило на солнышке. — Наверняка тебе интереснее будет послушать о поездах. Как сейчас помню, они...

— Про конец света, дедушка. Расскажи, как он настал, как все пошло прахом.

Старик вздохнул и почесал ногу, сдавшись перед настырностью молодого поколения.

— Не надо говорить, что всему миру пришел конец, Энди.

— Но ты сам всегда так говорил.

— Я говорил лишь, что пришел конец тому миру, который мы знали. Сокрушительный был переворот. Смерть, разрушения, хаос, убийства, насилие, грабежи.

Энди восторженно пискнул. Эта часть истории всегда нравилась ему больше прочих.

— И еще кровь и террор, дедушка, — про них не забудь.

— Их тоже хватало. И повинен во всем Александр Партагас Скоби, да будет проклято его гнусное имя!

— Ты знал его, дедушка? — спросил Энди, знающий рассказ деда наизусть.

— Да, видел я этого Скоби. Как-то он прошел совсем рядом со мной — не дальше, чем ты сейчас от меня сидишь, — и даже остановился, чтобы поговорить. Я был с ним вежлив. Вежлив! Эх, если бы я знал то, что знаю сейчас... Тогда еще были фабрики, а я, честный работяга, обслуживал гидравлический пресс. И мне бы не бормотать себе «Да, доктор Скоби, спасибо, доктор Скоби», а взять, да и сунуть его под пресс. Вот как мне следовало поступить.

— Что такое гидравлический пресс?

Дед не услышал вопрос внука — он начал рассказ, мысленно погрузившись в те далекие дни, когда сильнее людей в мире не было никого.

— Скоби был сумасшедшим — так говорили потом, когда, разумеется, стало слишком поздно, но ни у кого не хватило ума заметить это вовремя. Вокруг него ходили на цыпочках, выслушивали его идеи и пытались отговорить, а когда он не захотел никого слушать, его просто оставили в покое. Махнули на него

[1] How the Old World Died, 1966. © Перевод на русский язык, «Полярис». 1984

рукой! На него — безумного, как мартовский кот, имевшего огромную лабораторию, деньги в банке, да еще и пенсию на тот случай, если денег не хватит!

— Этот старый Скоби ненавидел людей и хотел всех погубить. Да, дедушка?

— Если честно, то так говорить нельзя. — Дедушка пересел на другое место — из тени на солнышко — и распахнул лохмотья некогда добротного костюма, чтобы стариковские кости получше прогрелись. — Я ненавижу Скоби не меньше любого другого, но честность есть честность. Когда выяснилось, что он натворил, его убили так быстро, что никто не удосужился спросить, ради чего он это сделал. Может, он считал, будто поступает правильно. А может, любил роботов больше, чем людей. А уж как создавать роботов, он знал прекрасно — тут надо отдать ему должное. Помню, еще за несколько лет до конца появилось много придуманных Скоби роботов, и все опасались, что они сделают людей безработными, и все такое прочее. Люди не знали и половины правды. Роботы отняли у них все. Люди всегда опасались того, что роботы ополчатся на них, превратятся в монстров и пойдут на них войной. Да ничего подобного! Скоби сделал таких роботов, что они даже не подозревали о существовании людей.

— Он сделал их и тайком выпустил в укромном месте, чтобы никто не узнал? — нетерпеливо спросил Энди. Это место в дедушкином рассказе ему нравилось больше всего.

— Одному богу известно, сколько он их наклепал и выпустил — по всему миру, во всех укромных уголках. Одних он подбросил на автомобильные свалки, они зарылись под старые машины и исчезли. Других возле сталеплавильных заводов, и роботы спрятались в кучах металлолома. Они оказались повсюду, и прошли месяцы, прежде чем их обнаружили, а к тому времени стало уже слишком поздно. Их было уже не остановить.

— Они сами себя собирали, — подсказал Энди.

— Они не собирали сами себя, тут ты не совсем точен. Те, которых подбросил Скоби, уже были собраны. И собраны отлично, просто и умно. Вместо мозгов у них имелась стальная лента с записью. А на той ленте записана одна-единственная программа — собирать других, точно таких же роботов. И когда робот заканчивал собирать другого робота, он активировал его, переписывая ему в мозг копию своей программы, и новый робот тут же принимался за работу. А роботы Скоби оказались очень гибкие. Некоторые были сделаны почти целиком из алюминия. Забрось такого в хранилище старых самолетов, и через неделю там окажется два робота — если первый сумеет отыскать консервную банку, чтобы сделать ленту с программой. У Скоби имелась даже разновидность, состоящая из деревянных деталей и работавшая на древесном угле, — такие отлично прижились в джунглях Ама-

зонки и Верхнего Конго. Они оказывались во всех мыслимых местах, и даже в таких, о которых никто никогда бы и не подумал. Никто, но не Скоби, потому что он был психом. Всех первых роботов он сделал боящимися света, вот они и шныряли в темноте, а их никто не замечал, пока не стало слишком поздно. Когда же люди наконец поняли, что происходит, роботов стало почти столько, сколько людей. А через несколько дней — уже больше, чем людей, и наступил конец.

— Но с ними сражались? Пушками, танками, любым оружием? Взрывали старых роботов на куски?

— Тысячами. А новые появлялись миллионами. У танков кончились снаряды, потому что роботы разобрали по кусочкам все фабрики, чтобы делать новых роботов, и пока танк спереди разносил роботов из пушки, другие роботы разбирали танк сзади, тут же собирая новых. Сущий ад, скажу я тебе. Я сражался, мы все сражались, но победить мы просто не могли. Роботы не возражали, когда их взрывали. Отстрели у робота нижнюю половину, а верхняя как ни в чем не бывало продолжит собирать нового. А другие роботы уже стоят наготове — подпрыгивают от нетерпения и толкаются, — так им не терпится ухватить обломки и собирать из них новых. В конце концов, мы сдались — ничего другого не оставалось. Нужно же было как-то жить, а найти еду и остаться в живых тоже стало работой.

Ветерок зашелестел листьями, солнце скрылось за деревьями. Дедушка встал и потянулся: он не любил прохладу.

— Пойдем-ка лучше домой.

— Тогда и наступил конец света? — спросил внук, теребя деда за руку, — ему хотелось услышать рассказ до конца.

— Наступил конец того мира, который знал я и которого ты никогда не увидишь. Конец цивилизации, конец свободе, конец могуществу людей. Они перестали быть высшими существами на этой планете — теперь правят роботы.

— А учитель говорит, что они вовсе не правят, а просто существуют, как деревья или камни. И они такие же нейтральные — вот что говорит учитель.

— Да что ваш учитель знает? — горько пробормотал дедуля. — Он еще пацан, двадцать лет всего. Пусть лучше меня послушает. Роботы правят миром. А человечество рухнуло, не удержавшись на вершине власти.

Они вышли из леса и тут же увидели возле тропы робота, самозабвенно мастерящего шестеренку из куска металла. Разгневавшись, дед угостил робота пинком в бок. То ли тот был плохо собран, то ли материал оказался слабоват, но когда робот упал, у него отвалилась голова. Не успела она коснуться земли, как со

всех сторон послышался торопливый топот. Набежавшие роботы тут же подхватили голову и поймали катящуюся шестеренку. Потом наступила очередь обезглавленного робота: суетясь и толкаясь, собратья быстро разобрали его на части и убежали.

— Энди! — позвала мать, выйдя на выложенную каменными плитками дорожку, ведущую к симпатичному домику.

— Готов поспорить, мы опять опаздываем к ужину, — виновато произнес мальчик. Он торопливо взбежал по ступенькам, сделанным из накрепко сваренных тел роботов, и взялся за дверную ручку — ладонь робота. Чтобы открыть дверь, нужно было с ней поздороваться и повернуть вниз. Мальчик вбежал в дом.

Дедушка задержался, не желая угодить дочке на острый язычок. Он вспомнил, что она говорила ему в прошлый раз:

— Не смей забивать мальчику голову всякой чепухой. Мы живем в хорошем мире. Ну почему ты не хочешь надеть приличную одежду из изоляции роботов, какую носим мы все? Нет, тебе приятнее таскать на себе старые вонючие тряпки! Роботы — наш национальный ресурс, а вовсе не враги. Нам никогда еще не жилось так хорошо!

И так далее, все та же старая песня.

Он набил табаком трубку, сделанную из пальцев роботов, и раскурил ее. Послышался топот бегущих ног, из-за угла показался фермерский фургон, сделанный из толстых досок, привинченных к обрезанным туловищам десятка роботов. От них остались лишь мотор в брюхе да ноги, и это средство передвижения совершенно не зависело от дорог. Такими фургонами пользовались все фермеры в деревне — никаких тебе расходов и обслуживания, а вдобавок неограниченный запас бесплатных запасных частей.

— Пусть говорят что хотят, но никакая это не утопия, — пробормотал дед, яростно дымя трубкой. — Люди должны упорно работать и не получать все готовым на блюдечке. А сейчас эти лентяи все делают из кусков роботов, и честному работнику даже нечем себя занять на весь день, как бы ему ни хотелось.

Конец света — вот что это такое.

Конец моего мира!

К-фактор

— Мы теряем планету, Нил. И, к сожалению... я не могу понять, в чем дело. — Лысая морщинистая голова качнулась на тонкой шее, глаза повлажнели. Абраванель был очень стар. Только сейчас, пристально посмотрев на него, Нил осознал, какой же он глубокий старик и сколь близок к смерти. Мысль это шокировала и пугала.

— Извините, сэр, — вставил Нил, — но разве такое возможно? Я хочу сказать, как мы можем потерять планету? Если замеры сделаны правильно, если к-фактор посчитан с точностью до десятой цифры после запятой, тогда дело всего лишь в необходимой корреляции. В конце концов, социэтика — точная наука...

— Точная? *Точная*! Неужели я совсем ничему тебя не научил, раз уж ты смеешь говорить мне такие слова? — Злость оживила старика, тень смерти отступила на шаг-другой.

Нил замялся, чувствуя, как задрожали руки, попытался найти нужные слова. Социэтика давно уже стала его религией, Абраванель — пророком. Перед ним сидел уникум, живущий лишь благодаря геронтологическим препаратам, живой анахронизм, беженец из учебников истории. Абраванель собственноручно, без чьей-либо помощи, вывел все уравнения, создал новую науку — социэтику. А потом подготовил семь поколений студентов, которые теперь реализовывали ее положения. И услышать от создателя и основоположника такое кощунство... пожалуй, не стоило удивляться, что слова Абраванеля потрясли Нила до глубины души. Он просто не знал, что и думать.

— Законы социэтики, выведенные... вами, такие же точные, как и любые другие законы общей унифицированной теории Вселенной.

— Нет, не такие. И, если хоть один мой ученик в это верит, я завтра же уйду на пенсию, а через день умру. Моя наука, пусть логика и не позволяет называть то, что я создал, наукой, основана на наблюдении, экспериментировании, контрольных группах и коррекционных наблюдениях. Наблюдаем мы миллионы, имеем дело с миллиардами, а взаимодействие миллиардов зачастую может дать совсем другой результат. Не следует ни на секунду забывать о том, что каждый наш объект — человек, а индивидуально они могут повести себя совсем не так, как в общей массе. Поэтому нельзя говорить, что социэтика соответствует критериям точной науки. Она хорошо интерпретирует факты и дает неплохие практические результаты. Пока. Но придет день, я в этом уверен, когда мы столкнемся с цивилизацией, которая не будет укладываться в выведенные мною законы. И тогда нам придется их пересмотреть. Возможно, именно с таким случаем мы и столкнулись на Гиммеле. Там зреет нарыв.

— Эта планета всегда отличалась высокой активностью, сэр, — вставил Нил.

— Высокой — да, но всегда отрицательной. До последнего времени. А сейчас минус поменялся на небольшой плюс, и все наши усилия не могут изменить тенденцию. Поэтому я тебя и

позвал. Я хочу, чтобы ты провел новое базисное обследование, не обращая внимания на прежнее, которое никто не сворачивает, и заново оценил контрольные точки наших графиков. Возможно, проблема в этом.

Нил ответил не сразу, тщательно подбирая слова:

— Не будет ли наше решение несколько... неэтичным, сэр? В конце концов, Хенгли, который руководит текущими исследованиями, мой друг. Получится, что я в некотором смысле буду действовать за его спиной.

— Я не желаю ничего слышать! — взорвался Абраванель. — Мы не играем в покер и не ищем способа опубликовать статью первыми. Или ты забыл, что такое социэтика?

Нил ответил без запинки:

— Практическое изучение взаимодействий индивидуумов в конкретной общественной среде, взаимодействия групп, вызванные этими индивидуумами, установление зависимостей, выраженных уравнениями, прикладное использование уравнений для контроля одного или нескольких ключевых факторов этой общественной среды.

— И какой фактор мы пытаемся контролировать для того, чтобы обеспечить существование остальных факторов?

— Войну, — выдохнул Нил.

— Очень хорошо. Следовательно, теперь у тебя уже нет сомнений относительно предмета нашего разговора. Ты тайком приземлишься на Гиммеле, как можно быстрее проведешь обследование, а результаты передашь сюда. И не надо думать, что ты действуешь за спиной Хенгли. Наоборот, ты помогаешь ему найти единственно верное решение. Это понятно?

— Да, сэр, — на этот раз твердо ответил Нил, расправил плечи, решительно положил правую руку на компьютер, который висел на ремне.

— Великолепно. А теперь познакомься со своим помощником. — И Абраванель нажал кнопку на столе.

Обычно обследование проводил один человек, поэтому Нил с интересом ждал открытия двери. Но, когда его помощник переступил порог, резко отвернулся. Глаза Нила превратились в щелочки, лицо побледнело от злости. Абраванель представил помощника:

— Нил Сидорак, это...

— Коста. Я знаю его. Учился в моем классе шесть месяцев. — В голосе Нила дружелюбие отсутствовало напрочь. Абраванель то ли проигнорировал его интонации, то ли ничего не хотел слышать. И продолжил таким тоном, словно перед ним стояли два закадычных друга:

— Одноклассники. Очень хорошо... значит, фазу знакомства можно опустить. Давайте сразу очертим сферы ответственности. Это твой проект, Нил, а Адау Коста будет тебе во всем помогать, выполнять твои приказы и оказывать всемерное содействие. Ты знаешь, диплома по социэтике у него нет, но он принимал самое активное участие во многих обследованиях, так что работу эту знает досконально. И разумеется, он остается наблюдателем ООН и будет отправлять отчеты по своим каналам.

Злость Нила прорвалась наружу.

— Так он теперь и наблюдатель ООН. Интересно, осталась за ним и прежняя работа? Я думаю, будет справедливо, сэр, если вы узнаете о ней. Он работал на Интерпол.

Взгляд выцветших, стариковских глаз Абраванеля перебегал с одного мужчины на другого. Он вздохнул:

— Подожди в приемной, Адау. Нил присоединится к тебе через минуту-другую.

Коста молча вышел, а Абраванель знаком предложил Нилу сесть.

— А теперь послушай меня и перестань наигрывать ноты на этом инфернальном гудке. — Нил рывком убрал руку с компьютера, висевшего на поясе, словно тот мгновенно превратился к раскаленную металлическую болванку. Хотел стереть цифры, высветившиеся на экране, но передумал. А Абраванель тем временем раскурил свою древнюю трубку и, сощурившись, вгляделся в молодого человека: — Значит, так. В университете ты вел тихую, размеренную жизнь, в чем, наверное, есть и моя вина. Нет, не злись, я не о женщинах. В этом вопросе и для студентов, и для выпускников все остается, как многие столетия тому назад. Я говорю о группах людей, индивидуумов, политике, всей сложной системе взаимоотношений, которая определяет человеческую жизнь. Эта сфера являлась объектом твоих исследований, а сами исследования планировались таким образом, что ты не принимал непосредственного участия в сборе информации. Важной стороной исследований являлась выработка теоретического подхода, поскольку любая попытка предрешить оценку может привести к катастрофическим последствиям. И нам много раз приходилось убеждаться, что человек, имеющий определенные интересы, допускает много непреднамеренных ошибок, с тем чтобы обследование или эксперимент в большей степени отвечали этим интересам. В данном случае хотелось бы этого избежать.

Мы изучаем человечество и при этом должны делать все возможное, чтобы лично оставаться вне его, как бы над ним, сохраняя объективность и перспективу. Когда ты это понимаешь, ста-

новится ясным и смысл многих особенностей университета. Почему мы даем стипендии только молодым и почему находится университет в Доломитах. Так же становится понятным, почему в библиотеке первоклассный выбор книг, а вот с газетами просто беда. Главное для нас — выработать в выпускниках чувство перспективы. Тогда можно надеяться, что они устоят перед сиюминутными политическими интересами.

Эта политика срабатывала. В большинстве своем мы получали нужных нам классных специалистов. Однако хватало и эгоцентриков, которые пытались обернуть полученные знания себе на пользу.

Нил покраснел:

— Уж не хотите же вы сказать...

— Нет, речь не о тебе. Будь уверен. Если бы следовало, я бы все сказал. Твой главный недостаток, не уверен, что это можно назвать недостатком, поскольку мы постоянно толкали тебя в этом направлении, состоит в том, что у тебя очень уж провинциальные взгляды на университет. Теперь пришла пора пересмотреть некоторые из этих идей. Прежде всего, что ты думаешь об отношении ООН к социэтикам?

Простого ответа не было. Нил видел расставленные ловушки. Поэтому ответил без должной уверенности в голосе:

— Честно говоря, я как-то об этом не думал. Мне казалось, что ООН настроена к нам положительно, поскольку с нашей помощью значительно упрощается выполнение функций мирового правительства.

— Как бы не так. — Резкость тона Абраванеля несколько смягчила улыбка. — Попросту говоря, они нас ненавидят. Им бы очень хотелось, чтобы я никогда не формулировал законы социэтики, но при этом очень рады, что мне это удалось. Они находятся в положении человека, который держит тигра за хвост. Человеку нравится наблюдать, как тигр пожирает его врагов, но с каждым сожранным врагом тревога его растет. Что случится после того, как тигр расправится с последним? Набросится ли тогда тигр на него самого?

Так вот, мы — тигр ООН. Социэтики появились в тот момент, когда в них возникла насущная необходимость. Люди заселяют планеты, которые остаются в подчинении у Земли. Сначала появляются поселения, потом планета становится колонией. Наиболее быстро развивающиеся планеты быстро перерастают этот статус, начинают играть мускулами. У ООН никогда не было особого желания управлять Империей, но одновременно она должна обеспечивать безопасность Земли. Я понимаю, что они рассматривали множество вариантов, включая прямой военный контроль, а потом пришли ко мне.

Даже первые, более грубые уравнения социэтики обеспечивали эффективные меры воздействия и позволяли им выиграть время. Они проследили за тем, чтобы моя работа получила достаточное финансирование, и помогли мне, разумеется неофициально, провести первые контрольные эксперименты на различных планетах. Мы получили результаты, где очень хорошие, где — вполне удовлетворительные, но во всех случаях удалось обеспечить контроль над дальнейшим развитием событий. За сотню лет мне удалось многое уточнить и поправить, и мы развернулись в полную силу. ООН так и не удалось предложить альтернативный работоспособный план. Они смирились с тем, что придется держать тигра за хвост. Но тревога их не отпускала, и они тратили большие деньги, чтобы контролировать нашу работу.

— Но *почему*? — вставил Нил.

— Почему? — Вновь Абраванель коротко улыбнулся. — Спасибо за комплимент. Как я понимаю, тебе и в голову не приходило, что у меня могло возникнуть желание стать Императором галактики. А я мог бы им стать, знаешь ли. Те самые силы, которые стравливают давление на планете, с тем же успехом могут ее и взорвать.

Нил аж потерял дар речи. Абраванель с трудом поднялся из-за стола, волоча ноги, обошел его, положил тоненькую, невесомую руку на плечо молодого человека.

— Это факты жизни, мой мальчик. А поскольку уйти от них нельзя, приходится с ними жить. Коста всего лишь выполняет свои обязанности. Поэтому постарайся сработаться с ним. Ради меня, если иначе не получается.

— Разумеется, — быстро согласился Нил. — С тем, что вы сейчас сказали, свыкнуться нелегко, но я постараюсь. На Гиммеле мы сделаем все, что в наших силах. Не волнуйтесь из-за меня, сэр.

Коста ждал в приемной, спокойно попыхивая длинной сигаретой. Они ушли вместе, молча зашагали по коридору. Нил искоса глянул на долговязого смуглого бразильца и задумался, а что надо сказать, чтобы наладить нормальные деловые отношения. Какие-то сомнения насчет Косты у него остались, но он твердо решил держать их при себе. Абраванель повелел установить мир, а слово старика являлось для него законом.

Первым заговорил Коста:

— Может, ты проинструктируешь меня по Гиммелю... что мы там найдем, что от нас потребуется?

— Сначала, разумеется, мы должны провести базовое обследование, — ответил Нил. — И велика вероятность того, что этим

наша миссия и ограничится. После уточнения в прошлом году всех уравнений Постулата Дебира построение графиков сига-110 и альфа-142 позволяет...

— Пожалуйста, остановись и сбрось обороты, — прервал его Коста. — Я изучал социэтику шесть месяцев, с тех пор прошло семь лет, так что я если и помню, то самые общие положения. С тех пор я участвовал в некоторых обследованиях, но и не имею ни малейшего понятия о прикладной ценности собранной нами информации. Можешь ты начать снова... только попроще и помедленнее?

Нил подавил вновь начавшую закипать злость и начал снова, в лучших преподавательских традициях университета.

— Я уверен, ты понимаешь, что качественно проведенное обследование лишь часть решения поставленной задачи. Не вдаваясь в подробности, скажу, что, если данные собраны точные, уравнения к-фактора решаются автоматически.

— Я опять потерял нить. Все говорят о к-факторе, но никто так и не объяснил мне, а что же это такое.

Нил уже начал входить в азарт:

— Это термин, позаимствованный из нуклеоники, и именно в этом контексте проще всего объяснить его смысл. Ты же знаешь, как работает ядерный реактор. В принципе это та же атомная бомба. Разница лишь в скорости цепной реакции и контроле над ней. В обоих случаях мы имеем нейтроны, которые на высокой скорости ударяют в ядра атомов и выбивают новые нейтроны, которые в свою очередь проделывают то же самое. Процесс все ускоряется, и — *бум*! Несколько миллисекунд, и у нас атомный взрыв. Такое случается, если реакция неконтролируемая.

Однако, если в наличии имеется тяжелая вода или графит, которые замедляют нейтроны, а также поглотитель, вроде кадмия, можно регулировать скорость реакции. Если замедлителя и поглотителя слишком много, реакция остановится. Мало — реакция приведет к взрыву. В ядерном реакторе обе крайности совершенно ни к чему. Нужен оптимальный баланс, при котором поглощается ровно столько нейтронов, сколько и выделяется. Тем самым внутри реактора обеспечивается постоянная температура. В этом случае константа воспроизводства нейтронов равна 1. Баланс между генерацией и поглощением нейтронов и называется к-фактором ядерного реактора. В идеале он равен единице с семью нолями после запятой.

Однако этого идеала нельзя достигнуть в столь динамичной системе, как ядерный реактор. Но если нейтронов вырабатывается чуть больше, то есть к-фактор равняется 1,00000001, жди беды. Каждый лишний нейтрон вышибает два новых, их количе-

ство растет в геометрической прогрессии и приводит к взрыву. С другой стороны, к-фактор, равный нулю с восемью девятками после запятой, ничем не лучше. Реакция с той же скоростью будет замедляться. То есть управление ядерным реактором сводится к контролю к-фактора и постоянной поднастройке.

— Это мне понятно, — кивнул Коста. — Но при чем тут социэтика?

— Мы к этому подойдем... как только ты поймешь и признаешь, что минимальная разница в величине к-фактора может привести к совершенно другому результату. Можно сказать, что один-единственный невероятно крошечный нейтрон может превратить ядерный реактор и в атомную бомбу, и в медленно остывающую кучу инертных урановых изотопов. Это ясно?

Коста кивнул.

— Хорошо. Теперь попробуем провести аналогию между человеческим обществом и ядерным реактором. На одном полюсе — умирающая, декадентская цивилизация, остатки высокоразвитого индустриального общества, проживающая капитал, проедающая запасы, которые невозможно возместить из-за непрекращающегося падения технологического уровня. Когда сломается последняя машина и выйдет из строя последний синтезатор пищи, люди умрут. Это — остановившийся ядерный реактор. На другом полюсе — абсолютная анархия. Каждый человек думает только о себе, сметая все, что возникает на его пути. Атомный взрыв. А посередине — живое, активное, устремленное в будущее общество.

Это, конечно, сильное упрощение, но более точного сравнения не найти. В действительности общество — бесконечно сложный социальный организм, на который влияют тысячи и миллионы самых различных факторов. А между «замерзанием» и взрывом существует множество вариантов развития. Рост численности населения, война или репрессии могут вызывать иммиграционные волны. Животные и растительные виды могут уничтожаться ради сиюминутных потребностей или в угоду моде. Ты же помнишь судьбу почтового голубя и американского бизона.

Внешние воздействия, голод, жизненные потребности, ненависть, страсти людей отражаются в их взаимоотношениях. Отдельно взятый человек нас не интересует. Но, как только он что-то говорит, передает информацию в какой-то форме, просто выражает свое мнение, он становится условной отметкой. Его можно промаркировать, измерить, внести в график. Его действия можно сгруппировать с действиями других членов общества, отследить действия всей группы. Человек, и все общество, становится системной проблемой, для решения которой можно задействовать компьютер. Мы разрубаем гордиев узел ЛЛЯ и двигаемся навстречу решению.

— Стоп! — Коста поднял руку. — До ЛЛЯ я все понимал. А это что за зверь? Пароль для посвященных?

— Не пароль — аббревиатура. Линейный логический язык, на котором спотыкались прежние исследователи. Все они — историки, социологи, политические аналитики, антропологи — обрекали себя на неудачу, еще не приступив к исследованиям. Им приходилось узнать все об А и Б, прежде чем они могли найти В. Факты они раскладывали по полочкам. Тогда как анализировали они сложнейшую замкнутую систему с такими элементами, как положительная и отрицательная обратная связь и переменная коммутация. Да и находится вся система в динамическом состоянии в силу непрерывной гомеостатической коррекции. Неудивительно, что у них ничего не выходило.

— Вот это ты зря, — запротестовал Коста. — Я признаю, что социэтика — огромный шаг вперед. Но многое было нащупано раньше.

— Если ты имеешь в виду линейную прогрессию от прежних социологических дисциплин — забудь об этом, — покачал головой Нил. — Это все равно что сравнивать алхимию с физикой. Древние с их сушеными лягушками и внутренностями животных знали, что такое дистилляция и плавление. Но эти технологии не составляли основу их знаний, наоборот, являлись побочными продуктами. А занимало их совсем другое. Кроме трансмутации, они ни о чем слышать не хотели.

Они проходили мимо ниши отдыха, и Адау увлек в нее Нила, сел на стул. Вытащил из кармана пачку сигарет, достал одну, предложил Нилу, вторую взял себе. Мужчины закурили.

— Все, что ты говорил, мне понятно. Но как нам перекинуть мостик к к-фактору?

— Просто, — ответил Нил. — Для этого надо избавиться от ЛЛЯ и ложных выводов. Вспомни политику прошлого. Мы — ангелы, они — дьяволы. И в это верили. В истории человечества не было войны, которая с каждой стороны не поддерживалась официальной церковью. И каждый заявлял, что бог за них. То есть врага поддерживал понятно кто. Эта теория была столь же обоснованной, как и другая, согласно которой один человек мог втянуть страну в войну, а следовательно, удачное покушение, совершенное в должный момент, могло спасти мир.

— Вроде бы логично, — заметил Коста.

— Разумеется, нет. Многие прежние идеи казались логичными. Потому что в своей простоте были понятны каждому. Но ис-

тины не обязательно бывают простыми. Убийство жаждущего войны диктатора ничего не меняет. Общество по-прежнему ориентировано на насилие, причины, провоцирующие войну, остаются, партия войны никуда не исчезла. Здесь ничего не меняется, а значит, и к-фактор остается прежним.

— Вновь этот термин. Я узнаю, что он означает?

Нил улыбнулся:

— Конечно. К-фактор — один из многих, определяющих взаимосвязи общества. В принципе по своей значимости он не выделяется из чуть ли не тысячи других, с которыми мы работаем. Но на практике он — единственный, который мы пытаемся изменить.

— К-фактор — это фактор войны. — Из голоса Адау Косты напрочь исчезли юмористические нотки.

— Достаточно точное определение, — Нил затушил недокуренную сигарету. — Если в обществе к-фактор плюсовой, пусть даже на самую малость, значит, жди войны. Наши планетарные операторы выполняют две функции. Первая — сбор и анализ информации. Вторая — сохранение отрицательного к-фактора.

Оба одновременно встали, движимые одним чувством.

— А на Гиммеле к-фактор — положительный и таким и остается, — констатировал Коста. Нил Сидорак согласно кивнул. — Тогда на корабль и в путь.

Летели они быстро, приземлились еще быстрее. Ооновский крейсер отключил двигатели и камнем упал в атмосферу. Ночной дождь заливал иллюминаторы, компьютер рассчитал максимально возможный импульс при минимальном времени работы двигателей, уменьшающий их скорость до нуля на нулевой высоте. Перегрузка навалилась на грудь и расплющила кости. Что-то хряпнуло под ними в момент отключения двигателей. Коста уже отстегнул ремень безопасности и выскочил за дверь, когда Нил еще только приходил в себя.

Разгрузка проходила четко и организованно, безо всякого участия Нила. Он достаточно быстро понял, что принесет максимум пользы, отойдя в сторону и не мешая членам экипажа выталкивать гравитационные платформы с тяжелыми ящиками в темноту залитого дождем леса. Руководил разгрузкой Адау Коста, который, похоже, свое дело знал. Связист в наушниках, стоя у люка, каждые десять секунд называл затраченное на посадку время. Судя по всему, его хотели свести к минимуму, поэтому экипаж работал, не разгибая спины.

Неожиданно Нила вытолкнули под дождь, за ним из люка буквально вывалились два последних ящика. По грязи он пошлепал к опушке лесной поляны и едва успел прикрыть глаза от яркого выхлопа: крейсер взмыл в небо.

— Сядь и расслабься, — предложил ему Коста. — Пока все хорошо. При посадке корабль не засекли. Нам осталось только подождать транспорта.

Теоретически Адау Коста был помощником Нила. На практике он полностью руководил доставкой тяжелого оборудования в столицу планеты, Китеж, и его установкой на конспиративной базе. Люди и автомобили появлялись как из-под земли, а потом исчезали, выполнив порученную работу. Не прошло и двадцати часов, а они уже обосновались на большом чердаке, с распакованным и подключенным к энергосети оборудованием. Нил принял стимулирующую капсулу и начал проверку компьютеров. Коста закрыл тяжелую дверь за последним из помощников и со вздохом облегчения плюхнулся на разложенную кровать.

— Как твои игрушки? — спросил он.

— Проверяю. Они, конечно, не такие уж хрупкие, но едва ли в набор стандартных испытаний на прочность входят падение с высоты двенадцати футов в грязь и тепловой удар от ракетного выхлопа.

— *Ящики рассчитаны и не на такое*, — беззаботно ответил Коста, прикладываясь к бутылке знаменитого гиммельского пива. — Когда начнем работу?

— Уже начали. — Нил достал из папки лист бумаги. — Перед отлетом я набросал список нужных мне журналов и газет. — Купи их для меня. А когда вернешься, я определюсь, что еще мне нужно.

Коста застонал и потянулся за списком.

Процесс сбора и анализа информации набирал обороты. И Нил, и Коста ели и спали урывками. Компьютеры проглатывали цифры Нила и выплевывали гигабайты ответов, которые требовали все новых и новых сведений. Коста и его невидимые помощники поставляли Нилу необходимые материалы.

За неделю из общей рутины выпало лишь одно событие. Нил дважды моргнул, прежде чем его затуманенный уравнениями мозг зафиксировал что-то необычное.

— У тебя на голове повязка. *В крови*!

— Маленький уличный инцидент. В толпе чего только не случается. Это же подвиг наблюдательности, — Коста восхищенно поцокал языком. — Я-то думал, ты вообще ничего не замечаешь, кроме дисплеев.

— Я... я увлекся. — Нил бросил бумаги на стол, брови сошлись у переносицы. — С головой ушел в расчеты. Извини. Водится за мной такой грешок — забываю о людях.

— Извиняться тебе не за что, — успокоил его Коста. — Мое дело — помогать тебе выполнить задание, а не отвлекать, изображая домашнюю рекламу Госпитальной службы. Но все-таки

скажи, на каком мы свете? Будет война? На улицах все бурлит. Я видел, как двоих мужчин линчевали, заподозрив, что они — земляне.

— Видимость ничего не значит. — Нил откупорил две бутылки пива. — Помни аналогию с ядерным реактором. Внутри кипит жидкий металл, реактор излучает во всем спектре, от жесткой радиации до инфракрасных волн, но при этом спокойно вырабатывает энергию. А атомная бомба за секунду до взрыва выглядит такой же безвредной, как и свалившееся дерево. В счет идет только к-фактор, но не внешние признаки. Планета может выглядеть, как мечта диктатора, но все на ней замечательно, пока к-фактор остается отрицательным.

— А что творится у нас? Каков наш к-фактор?

— Скоро узнаем, — Нил указал на гудящий компьютер. — Пока сказать не могу. И никто ничего не скажет до завершения расчетов. Можно, конечно, попытаться экстраполировать начальные цифры, но толку в этом чуть. Все равно что попытаться предсказать победителя в скачках по внешнему виду выстроившихся на старте лошадей.

— Многие думают, что нам это по силам.

— Пусть думают. Эти заблуждения не мешают им жить.

За их спинами компьютер чвакнул и затих.

— Готово, — Нил взял распечатку, пробежал взглядом, что-то бормоча себе под нос. Нажал какие-то клавиши на наручном компьютере. На дисплее высветился результат. Нил замер, не отрывая от него глаз.

— Хорошо? Плохо? Что там у тебя?

Нил поднял голову, и глаза у него постарели на добрый десяток лет.

— К-фактор положительный. Все плохо. Гораздо хуже, чем было до нашего отлета с Земли.

— И сколько у нас времени?

— Точно не знаю, — Нил пожал плечами. — Прикинуть могу. Неизвестно, при какой величине к-фактора начинается война. Он будет возрастать и возрастать, пока в какой-то момент...

— Я понимаю. Поезд уйдет. — Коста потянулся к пистолету. Сунул его в боковой карман. — Значит, со сбором информации надо заканчивать и переходить к действиям. Что я должен сделать?

— Собрался убить военного маршала Ломмеорда? — пренебрежительно спросил Нил. — Я думал, мы уже поняли, что убийством правителя войну не остановить.

— Мы также поняли, что для изменения к-фактора необходимо что-то делать. И пока ты будешь передавать результаты на

Землю, пока они будут ахать и охать над ними, я намерен принять необходимые меры. А ты должен мне сказать, какие именно.

Адау Коста разительно переменился. Весь подобрался, напоминая хищника, изготовившегося к прыжку. И пистолет в боковой карман он сунул для того, чтобы при необходимости без промедления пустить его в ход. Нил отвернулся, не зная, что и сказать. Новая ситуация пугала его. Одно дело — работать с к-фактором в кабинете или обсуждать проблему с коллегами. И совсем другое — руководить операцией по его корректировке.

— Так что? — ворвался в его нелегкие раздумья голос Косты.

— Ты можешь... ну... есть возможность изменить одну из популяционных кривых. Изолировать индивидуумов и группы, и тогда перемена территориального и статусного...

— То есть через вербовщиков уговорить многих людей переехать на работу в другие города?

Нил кивнул.

— Слишком медленный процесс. — По голосу Косты чувствовалось, что рассматривать серьезно предложение Нила смысла нет. — В долговременной перспективе, безусловно, сгодится, но не в чрезвычайных обстоятельствах, — он зашагал взад-вперед. Очень быстро. Не для того чтобы расслабиться, а наоборот, еще более заводясь. — Разве ты не можешь выделить недавние ключевые события, которым можно дать задний ход?

— Могу. — Нил обдумал слова Косты. — Но это не окончательное решение, лишь сдерживающие действия.

— Вот и хорошо, мы выиграем время. Скажи мне, что надо сделать.

Нил пролистал записи, выискивая значки «Бета-13». Так маркировались индивидуумы и группы, которые являлись усилителями к-фактора. Список получился длинным, но он отсек тех, кто оказывал на к-фактор минимальное влияние. Вот тут его ждало прелюбопытное открытие. Изолировав мотиватор и проведя частотную проверку, Нил даже присвистнул.

— Кажется, я нашел ключевое звено, — он положил бумаги на стол. — Если исключить эту организацию из уравнений, к-фактор может стать отрицательным.

— Общество защиты уроженцев Гиммеля, — прочитал Коста. — Первый раз слышу. Кто они и чем занимаются?

— Прямое доказательство закона средних чисел. Возможность получить на сдаче флеш-рояль существует, но случается это крайне редко. Вполне возможно, что группа людей создавала организацию для одних целей, но с изменением обстоятельств она превратилась в мощнейший усилитель к-фактора. Именно такое превращение и претерпело ОЗУГ. Никому не известный

социальный клуб, ориентированный на местных недоумков. Но страх перед войной резко увеличил их популярность. Возможно, те же жуткие истории о притеснениях уроженцев Гиммеля они рассказывали не один десяток лет, но их никто не слушал. А теперь они получили возможность публиковать в массмедиа свои пресс-релизы. И люди готовы их слушать. Так что вывести их из игры очень даже неплохо.

— А не будет ли негативных последствий? — спросил Коста. — Если они так важны и играют столь важную роль, не вызовет ли подозрений их внезапное исчезновение? Не усмотрят ли в этом руку врага?

— Отнюдь. Если бы ты взорвал штаб-квартиру Военной партии, это бы вызвало всплеск антиземных настроений. И ответную агрессивную реакцию. Но об Обществе защиты местных недоумков никто толком и не знает. Поэтому, если несчастный случай или некий природный катаклизм выведет их из игры, ни у кого не возникнет никаких вопросов.

Коста щелкал зажигалкой, слушая Нила, не отрывая глаз от вспыхивающего и гаснущего язычка пламени. Наконец, закрыл зажигалку, вскинул руку.

— Я верю в несчастные случаи. Верю, что даже в наш просвещенный век, когда противопожарная безопасность достигла невероятных успехов, пожары все-таки случаются. И если сгорит здание, в котором расположилось ОЗУГ, один из многих арендаторов, а огонь уничтожит их офисы, компьютеры и архивы, заинтересует это разве что пожарную команду.

— Ты — прирожденный преступник, — усмехнулся Нил. — Я рад, что мы на одной стороне баррикады. Это твоя епархия, так что проведение операции оставляю на твое усмотрение. Я же буду слушать выпуски новостей. Впрочем, и у меня есть одно маленькое дельце.

Слова эти остановили Косту у самой двери. Он обернулся, увидел, что Нил убирает бумаги в конверт.

— И куда ты собрался?

— Хочу повидаться с Хенгли, планетарным оператором. Абраванель велел мне держаться от него подальше, чтобы провести совершенно независимое обследование планеты. Что ж, обследование мы завершили, обнаружили некоторые критические зоны. Я хочу сбросить с плеч груз вины за то, что действовал у него за спиной, и дать ему знать, что происходит.

— Нет, — отрезал Коста, — от Хенгли держись подальше. Нам ни в коем случае нельзя засветиться рядом с ним. Вполне возможно, что этим мы его... скомпрометируем.

— Что ты такое говоришь? — возмутился Нил. — Он — мой друг, выпускник...

— И при этом он может быть под колпаком у секретной полиции. Ты об этом подумал?

Такая мысль в голову Нила не приходила, и злость его тут же исчезла. Коста привел очень веский довод.

— Социэтика держалась в секрете более двух столетий. В принципе и сейчас если о ней что-то известно, то самая малость. Но, даже если гиммелийцы слыхом не слыхивали о социэтике, о шпионаже они осведомлены. Им известно, что у ООН есть агенты на их планете, они могут думать, что Хенгли — один из них. Это все не более чем рассуждения, но один факт у нас есть: мы нашли этих Защитников. Нашли без труда. Если у Хенгли надежные осведомители, он тоже не мог о них не знать. А раз не знал, причина лишь в том, что он не получал нужной информации. То есть ему мешали ее получить. И не нужно быть семи пядей во лбу, чтобы понять, кто мешал.

Нил нашарил рукой стул, тяжело опустился на него.

— Ты прав... разумеется! Я как-то не подумал...

— Вот и славненько, — откликнулся Коста. — Хенгли мы попытаемся помочь завтра, эта операция важнее. Сиди тихо. Отдохни. Никому не открывай дверь. Только мне.

Работа была долгой, утомительной, но она подошла к концу. Нил позволил себе зевнуть, сладко потянулся, подошел к ящику с сухими пайками. Вытащил коробку с многообещающей надписью «КУРИНЫЙ ОБЕД», пусть по вкусу еда напоминала водоросли, из которой этот паек, скорее всего, и приготовили, сварил кофе.

Но эти прозаические занятия не мешали мозгу переваривать накопленную информацию. Процесс шел независимо от желания или нежелания Нила, автоматически. Что-то не складывалось, вот мозг и не мог успокоиться. Если бы Нил не вымотался, обрабатывая результаты обследования, наверное, ему не потребовалось бы так много времени, чтобы сообразить, что к чему. Наконец все встало на свои места. Того самого факта, от которого они отталкивались, его просто не могло быть.

Он вскочил, выплеснув кофе на пол.

— Это... тут какая-то ошибка! — воскликнул он, схватил распечатки и графики. Дрожащими руками нашел нужные. Синопсис отчетов Хенгли за последние пять лет. Плавное увеличение или падение к-фактора от месяца к месяцу, никаких изломов на кривых.

Социэтика — не точная наука. Но точности хватало, чтобы понять, что выводы делаются на основе неполной или ложной

информации. Если бы Хенгли держали в неведении относительно ОЗУГ, ему бы предоставлялась неверная информация, касающаяся других факторов. И это не могло не проявиться в уравнениях.

Не проявилось.

Время стремительно уходило, и Нил понимал, что должен действовать. Во-первых, предупредить Адау Косту. Во-вторых, обеспечить сохранность документации. А лучше уничтожить ее. В компьютерах и графиках хранилась слишком уж важная информация. Нил не хотел, чтобы она попала в руки националистов. Но как это сделать?

Среди многочисленных ящиков и коробок стоял один, крепкий, тяжелый, к которому Нил никогда не подходил. Ящик этот принадлежал Косте, и агент ООН не открывал его, если напарник находился рядом. Нил глянул на электронные замки, и сердце его упало. Однако, стоило ему потянуть крышку, она легко поднялась. Закрывая ящик последний раз, Коста не активировал замки. А забывчивостью он не страдал. Должно быть, предположил, что Нилу может понадобиться содержимое ящика, и обеспечил к нему свободный доступ.

Внутри Нил нашел то, что и ожидал. Гранаты, стрелковое оружие, какие-то полированные устройства, не имеющие другого предназначения, кроме как убивать. Глядя на них, Нил думал о том, что потерпел сокрушительное поражение. Всю свою жизнь он посвятил борьбе за мир, за сохранение мира. Он ненавидел насилие, с которым человек, похоже, рождался, презирал лицемерные постулаты, вроде утверждения, что цель оправдывает средства. Он и насилие не могли иметь ничего общего.

Нил наклонился и взял черный пистолет.

В этом компактном арсенале нашелся еще один знакомый ему предмет: мина с часовым механизмом. Это устройство подробно изучалось в университете, поскольку все понимали, что может возникнуть ситуация, когда оборудование и документацию лучше уничтожить, чем отдать в чужие руки. С тех пор ему ни разу не доводилось видеть такую мину, но урок он усвоил хорошо. Нил пододвинул ящик с арсеналом поближе к главному компьютеру, установил на циферблате мины пятнадцатиминутное замедление. Сунул пистолет в карман, включил часовой механизм взрывателя и вышел, плотно закрыв за собой дверь.

Он сжег за собой мосты. Теперь предстояло найти Адау Косту.

Ни его опыт, ни знания ничем не могли помочь. Он понятия не имел, с чего начать поиск, как его ускорить. И не смог придумать ничего лучшего, как пойти к штаб-квартире Общества защиты уроженцев Гиммеля в надежде перехватить Адау до того, как тот начнет реализовывать намеченный план.

В двух кварталах от нужного ему адреса он услышал вой сирен. Стараясь ничем не отличаться от других пешеходов, обернулся, проводил взглядом колонну бронетранспортеров и грузовиков. Набитые вооруженными полицейскими, в вое сирен, машины пронеслись по темной улице. Нил продолжил путь.

Улицу, на которую он хотел свернуть, перекрыла полиция. Он прошел мимо в толпе пешеходов, лишь раз повернул голову. Автомобили и люди стояли около одного из домов. Нил не сомневался, что номер его — 265. Похоже, операция провалилась.

Коста угодил в заранее расставленную ловушку? Или сработала система охранной сигнализации? Принципиальной разницы не было, в любом случае их деятельность привлекла внимание. Нил едва переставлял ноги, полностью отдавая себе отчет в том, что в такой ситуации пользы от него — ноль. Пришло время решительных действий... но каких? Он знать не знал, где находится Коста, как и чем он может помочь своему напарнику.

Миновав полквартала, Нил обнаружил неохраняемый проулок. Без раздумий свернул в него. Проулок мог вывести его к нужному дому. Может, Коста все еще там. Может, он, Нил, сумеет его найти, вытащит из западни.

У заднего фасада дома 265 царили темнота и покой. Нил тщательно просчитал дома, чтобы убедиться, что не ошибся номером. Дверную арку нашел на ощупь. Привалился к двери, потянул рукоятку, повернул ее. Заперто, как он, собственно, и ожидал.

Внезапно за его спиной темную аллею залил яркий свет. Глаза Нила автоматически закрылись, но он разлепил веки, борясь с резью. С двух концов в аллею били лучи мощных прожекторов. Теперь в ловушку угодил и он.

Но прежде чем страх взял над ним верх, Нил увидел на земле кровяные пятна. Числом три, большие блестящие, ведущие к лестнице в подвал.

Когда прожектора погасли, Нил упал на грязный, покрытый трещинами асфальт. Темнота означала, что полиция с двух сторон двинулась в аллею, беря его в клещи. Нил прекрасно понимал, какая участь ждала в такой ситуации вооруженного землянина. Его это не волновало. Страх не то чтобы ушел, просто не было времени обращать на него внимание. У Нила еще оставалась надежда вызволить Косту из ловушки, в которую тот угодил по его милости.

Несмотря на темноту, он без труда нашел первое кровяное пятно. Размазал кровь рукавом, другой рукой набрал пыли и

грязи и засыпал пятно. Покончив с этим, передвинулся ко второму.

Время работало против него, а он не знал, сколько прошло секунд, минут, часов. Он мог пролежать на грязном асфальте с минуту, а мог — и полчаса. И он понимал, что нельзя издавать ни звука: с двух сторон к нему приближались враги.

После того как с асфальта исчезло второе пятно, Нила вдруг охватил страх: он не мог найти третьего. Наконец, нащупал его, гораздо дальше, чем ожидал. Отпущенное ему время истекало. Но он заставил себя сначала вытереть пятно рукавом, а потом засыпать пылью. И только тогда скользнул вниз, по лестнице, которая вела к двери подвала.

Все происходило очень уж быстро. Только он глубоко вдохнул, как пронзительная трель свистка едва не парализовала его. Послышались торопливые шаги, вновь вспыхнул мощный прожектор. Шаги ускорились, мимо Нила, на расстоянии вытянутой руки, пробежал мужчина. В рваной одежде, нестриженый, бородатый. Большего Нил разглядеть не успел. Загремели выстрелы, мужчина упал.

Какой-то бродяга поплатился за то, что выбрал для ночлега не самое удачное место. Но его смерть позволила Нилу выиграть время. Он повернулся и увидел перед собой дуло пистолета.

Но Нил уже перестал бояться, слишком много переживаний выпало на его долю за столь короткий отрезок времени. Он тупо смотрел на мушку и вдруг осознал, что на этот раз бояться просто нечего.

— Это я, Адау, — прошептал он. — Теперь все будет хорошо.

— А-а-а, это ты... — донеслось из темноты, пистолет исчез. — Подними меня, чтобы я мог добраться до двери. Самому мне не под силу.

Нил наклонился, нащупал плечи Косты, медленно поднял его на ноги. Глаза уже привыкали к свету наверху, он видел, что Коста держит в руке какой-то металлический предмет. Вторую руку агент ООН прижимал к боку. Пистолет куда-то подевался. Металлический предмет лишь отдаленно напоминал ключ, но воспользовался им Коста именно как ключом: повернул в замке, и дверь распахнулась под их весом. Нил перетащил Косту через порог. Положил на пол. Прежде чем закрыть дверь, протянул руку и нащупал на бетоне лужу крови.

Он уже слышал приближающиеся шаги, но двумя рукавами затер кровь, набросал на пятно какого-то мусора и лишь после этого отпрянул и осторожно закрыл дверь. Тихонько щелкнул замок.

— Я не знаю, как тебе это удалось, но я рад, что ты меня нашел, — едва слышно прошептал Коста.

— Нашел-то я тебя совершенно случайно, — в голосе Нила слышалась горечь. — Если бы не моя глупость, ты бы не попал в ловушку.

— Об этом не волнуйся, я знал, куда иду. Но не мог не пойти. Должен был убедиться, что это действительно ловушка.

— Ты подозревал, что Хенгли... — у Нила перехватило дыхание. Он знал, что хотел сказать, но язык отказывался произнести столь чудовищные слова. А вот Косте они дались без труда.

— Да. Дорогой Хенгли, выпускник университета и практикующий социэтик, — предатель. Милитарист, каких свет не видывал, потому что он знал, чем и как воздействовать на общественное сознание. Раньше такого не случалось... но всегда был шанс... груз ответственности слишком велик... вот Хенгли и не выдержал... — Коста затих, а потом вдруг заговорил вновь, куда как громче, словно вдруг набрался сил. — Нил!

— Все нормально. Не волнуйся...

— Далеко не нормально! Неужели ты не понимаешь, что я посылал донесения, так что и ООН, и социэтики найдут способ выправить ситуацию. Но Хенгли может начать войну до того, как они прибудут сюда. Я уже вышел из игры, но я могу сказать тебе, с кем связаться, кто тебе поможет. Чтобы удержать к-фактор...

— Толку в этом не будет, — тихим голосом возразил ему Нил. — Профилактическими мерами уже не помочь. А кроме того, я все взорвал. Все компьютеры и документы...

— Дурак! — впервые в голосе Косты послышалась боль.

— Нет. Я был дураком — теперь нет. Полагая, что это обычная социэтическая проблема, я проигрывал на каждом ходу. Ты должен понимать методологию социэтики. Для хорошего оператора не существует взаимосвязей, которых нельзя обнаружить. Хенгли готовился к тому, что будет проведено еще одно базисное обследование. Нашу операцию легко обнаружить, если знать, куда... и как... смотреть. Получение информации означает некий контакт, а контакт при желании всегда можно засечь. Он знал, где мы находимся, и лишь выжидал. Но наше время истекло, когда он понял, что сбор информации закончен и мы готовы приступить к действиям. Поэтому я уничтожил нашу базу и сбил его со следа.

— Но... тогда мы беззащитны. Что мы можем сделать?

Нил знал ответ, но слова опять не ложились на язык. Он понимал, стоит их произнести, и обратного хода уже не будет. И тут до него дошло, что он напрочь забыл про рану Косты.

— Извини... Я забыл, что ты ранен. Чем я могу тебе помочь?

— Ничем, — отрезал Коста. — Рану я перевязал, так что го-

ворить тут не о чем. Отвечай на мой вопрос. Что нам остается? Что мы можем сделать?

— Я должен убить Хенгли. Тогда удастся спокойно дождаться группы поддержки.

— Но какой от этого прок? — Коста пытался разглядеть лицо Нила в темноте подвала. — Ты же сам говорил мне, что убийством войну не предотвратить. Один человек ничего не значит.

— Только в нормальной ситуации, — объяснил Нил. — Борьбу между планетами можно рассматривать как небесную шахматную партию. У нее есть свои правила. Ранее, говоря об индивидуумах, я имел в виду шахматные фигуры. Теперь я предлагаю совсем иное решение. Я собираюсь выиграть шахматную партию неординарным способом. Застрелив шахматиста.

Долгое время тишину нарушало лишь их дыхание. Потом Коста шевельнулся, и тут же что-то металлическое легонько стукнуло о дверь.

— Вообще-то это моя работа, — прошептал Коста, — но сейчас мне она не под силу. Ты прав, это надо сделать. Но я могу тебе помочь спланировать операцию, чтобы ты смог добраться до Хенгли. Шансов у тебя, возможно, побольше, чем у меня, потому что ты — дилетант, о чем им доподлинно известно. Слушай внимательно, потому что времени у нас в обрез.

Нил не спорил. Он знал, что надо сделать, а Коста мог объяснить как. Инструкции запоминались легко, оружие он рассовывал, следуя указаниям Косты.

— Как только ты выйдешь из этого здания, сразу иди к Хенгли, — говорил Коста. — Сейчас он торжествует, а потому бдительность у него притупилась. А потом, как только покончишь с ним, затаись. И не высовывай носа как минимум три дня. Только потом начинай искать названных мною людей. К тому времени обстановка должна несколько успокоиться.

— Мне не хочется оставлять тебя здесь, — в голосе Нила слышалась озабоченность.

— Это наилучший вариант, более того, единственный. Тут я в безопасности. Да, я ранен, но у меня достаточно лекарств, чтобы оклематься и выбраться отсюда самостоятельно.

— Если уж мне надо прятаться, я спрячусь здесь. И буду заботиться о тебе.

Коста не ответил. Они уже обо всем переговорили. Обменялись рукопожатием, и Нил начал выбираться из подвала.

Немного поплутав, попал в вестибюль. С опаской взялся за ручку входной двери. Коста не сомневался, что Нилу удастся выйти незамеченным, но у него самого такой уверенности не

было. Конечно же, улица будет патрулироваться полицией. И лишь открывая дверь, понял, на чем основывались слова Косты.

За его спиной загремели выстрелы. Значит, у Косты был еще один пистолет. Он не стал говорить Нилу о том, что отвлечет полицию и обеспечит его отход. По улице пронесся автомобиль. Как только он скрылся за поворотом, Нил выскользнул из двери, пересек улицу и направился к ближайшей станции подземки. На большинстве станций имелись комнаты отдыха, оборудованные душевыми и химчистками.

Часом позже он добрался до дома Хенгли. Помывшийся, гладко выбритый, в чистой одежде, чувствовал он себя гораздо увереннее. Никто не остановил его, даже не заметил. В подъезде не было ни души, лифт доставил его на нужный этаж, когда он назвал фамилию Хенгли. Лишь у двери его пронзил страх. Очень уж легко он добрался до цели. Нил коснулся пальцами ручки, повернул. Дверь открылась. Глубоко вдохнув, он переступил порог.

Очутился в большой темной комнате. В дальней стене заметил открытую дверь, отсвет лампы, горящей где-то в глубине квартиры. Шагнул к двери, и тут же голову пронзила боль, перед глазами вспыхнули звезды, и Нил повалился на ковер.

Сознания не потерял, но очень смутно помнил, что происходило с ним в первые минуты после удара. Когда окончательно пришел в себя, в комнате горел свет. Он лежал на спине. Над ним стояли двое мужчин. Один держал в руке короткий металлический стержень, которым периодически похлопывал по другой ладони.

Вторым был Хенгли.

— Не с добром ты пришел к давнему другу, — Хенгли держал в руке пистолет Нила. — Ладно, заходи, я хочу с тобой поговорить.

Нил с трудом перевернулся на спину, начал подниматься. Голова раскалывалась от боли, но он приказал себе не обращать на нее внимания. Как бы невзначай коснулся щиколотки. Убедился, что миниатюрный пистолет, полученный от Косты, на месте. Может, Хенгли все же не так и умен.

— Я смогу с ним разобраться, — сказал Хенгли мужчине с металлическим стержнем. — Он — последний, так что ты можешь идти спать. Но рано утром я тебя жду, — мужчина кивнул и вышел.

Плюхнувшись на стул, Нил думал о том, что убийство Хенгли даже доставит ему удовольствие. Коста мертв, и ответственность за его смерть лежала на этом человеке. Ему даже не придется убивать друга. За прошедшие годы Хенгли сильно изменился. Набрал вес, отрастил окладистую бороду и усы. Нил

наклонился вперед, пальцы его оказались рядом с рукояткой пистолета. Хенгли не мог видеть его руки: мешал стол. Оставалось только выхватить пистолет и открыть огонь.

— Пистолет можешь вытащить, но не пытайся стрелять, — Хенгли широко улыбался. Дуло его пистолета, солидного калибра, смотрело Нилу в грудь. Он наблюдал, как Нил вытаскивает из ботинка пистолет, швыряет в дальний угол. — Так-то лучше. — Свой пистолет Хенгли положил на стол, чтобы он был под рукой. — Теперь мы можем поговорить.

— Мне нечего сказать тебе, Хенгли, — Нил в изнеможении откинулся на спинку стула. — Ты — предатель.

В приступе внезапной ярости Хенгли врезал кулаком по стулу.

— Не тебе говорить со мной о предательстве, миротворец! — взревел он. — Красться в квартиру с пистолетом в руке, чтобы убить друга! Что в этом мирного? Куда подевались принципы гуманизма, о которых ты так любил порассуждать, когда мы учились в университете?

Нил не слушал его слов, думал о том, что говорил ему Коста. Он умер, но разработанная им операция продолжалась. Все шло по плану.

«Заходи в квартиру, — наказывал ему Коста. — Он тебя не убьет. Во всяком случае, сразу. Он — самый одинокий человек во Вселенной, потому что продал один мир ради другого, который еще не завоевал. И нет никого, кому он мог бы открыть душу. Он знает, что ты пришел, чтобы убить его, но не устоит перед искушением сначала поговорить с тобой. Особенно если дашь ему возможность взять над собой вверх. Но его победа не должна быть легкой. Пусть думает, что перехитрил тебя. Так что маленький пистолет придется очень кстати. Он обрадуется, сумев обнаружить и его, и на какое-то время ослабит бдительность. Ненамного, но ослабит. И этого времени тебе должно хватить, чтобы убить его. Не тяни. Воспользуйся первой же возможностью».

Боковым зрением Нил видел радиофон, прикрепленный к нагрудному карману пиджака. Чуть потрепанный, ничем не отличающийся от тысяч и миллионов других, которыми пользовались все и каждый, практически такой же, что и радиофон на пиджаке Хенгли. Универсальная примета времени, как ключи и мелочь в карманах.

Только радиофон Нила был смертоносным оружием, продуктом секретных лабораторий, специализирующихся на внезапной смерти. От Нила требовалось одно: сократить расстояние между радиофоном и Хенгли до минимума. Радиус действия малютки составлял два фута. Радиофон активировался, если в этой зоне оказывалась любая часть тела жертвы.

— Могу я задать тебе вопрос, Хенгли? — прервал он разглагольствования своего врага.

Хенгли недовольно поморщился, потом кивнул:

— Валяй. Что тебя интересует?

— Очевидное. Зачем ты это сделал? Я хочу сказать, перебежал на другую сторону, оставил созидательную работу ради... ради разрушительного предательства.

— Много ты в этом понимаешь! — проорал Хенгли. — Позитивная работа, разрушительное предательство. Война. Мир. Это всего лишь слова, и мне понадобились годы, чтобы это понять. Что может быть более созидательного, чем вознести себя... и эту планету на вершину могущества? Это в моей власти, и я это сделаю!

— Власть — вот оно, ключевое слово. — Нил вдруг почувствовал безмерную усталость. — Мы покорили звезды, но не расстались со своими мелкими страстишками. Наверное, в них нет ничего плохого, если мы держим их при себе. Беда приходит, когда мы начинаем навязывать их другим. Что ж, с этим покончено. Во всяком случае, на этот раз.

Одним движением он сдернул радиофон с пиджака и бросил на стол Хенгли.

— Прощай!

Маленький механизм запрыгал по столу, и Хенгли отпрянул, взвыв, как раненый зверь. Схватил пистолет, попытался одновременно выстрелить и в радиофон, и в Нила. Опоздал. Радиофон зажужжал раньше.

Нил подпрыгнул. Даже он почувствовал легкий электрический удар. Хотя получил лишь микроскопическую дозу направленного излучения.

Потому что весь удар пришелся на Хенгли. Активированное поле устройства сканировало его нервную систему и точно настроилось на микрочастоту, по которой передавались сигналы в эфферентной нервной системе. А закончив настройку, нанесло энергетические удары.

Последствия были ужасными. Каждое нервное волокно отреагировало по максимуму. И все мышцы сократились, следуя полученным командам.

Нил закрыл глаза, прикрыл их рукой, отвернулся. Не мог он на это смотреть. Эпилептический припадок иной раз приводил к тому, что от одновременного сокращения мышц — сгибателей и разгибателей у человека ломалась рука или нога. У Хенгли сократились все сгибатели и разгибатели. Последствия были ужасны.

Нил пришел в себя уже на улице. Бежал, не разбирая дороги. Перешел на шаг, огляделся. Занималась заря, на улицах не было

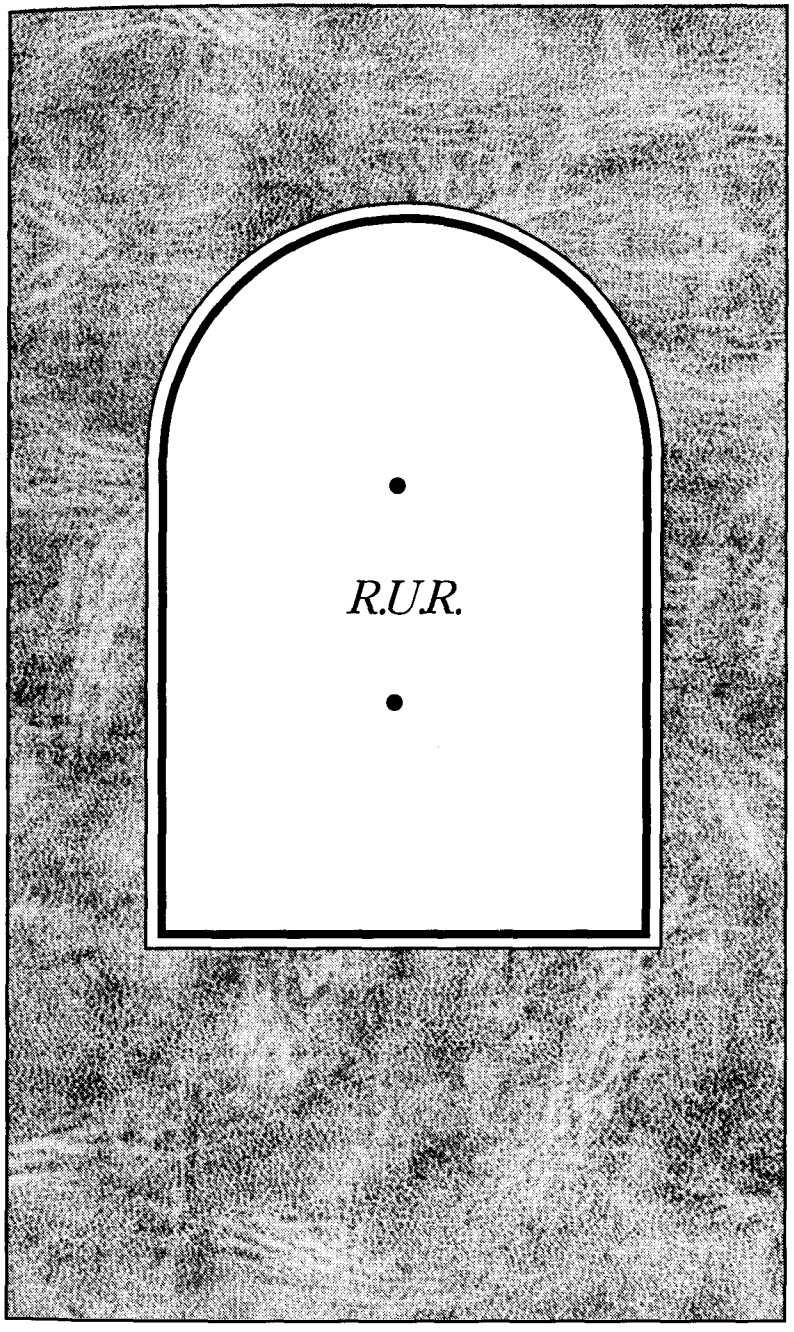
ни души. Впереди светился вход на станцию подземки, Нил направился к нему. Беда миновала, при условии, что он будет соблюдать осторожность.

Задержавшись на верхней ступени лестницы, Нил полной грудью вдохнул свежий воздух нового утра. Мелодичный сигнал возвестил о приближении поезда. Восходящее солнце залило небо кровью.

— Кровь! — воскликнул Нил. — Неужели мы по-прежнему должны убивать? Разве нет другого пути?

Виновато оглядел пустынную улицу, но его никто не слышал.

Перескакивая через ступеньку, Нил сбежал по лестнице на платформу подземки.

Если существует какое-нибудь создание рук человеческих, лучше всего символизирующее научную фантастику — не считая, конечно, космического ракетного корабля, — то это наш давний знакомый, позвякивающий на ходу дружок — робот. Как смог Герберт Джордж Уэллс пройти мимо него? Несомненно, человек, который изобрел военные танки, машину времени и воздушную войну, должен был позволить нам заодно взглянуть и на железного человека. К сожалению, он этого не сделал. Зато макулатурные журналы с этим вполне справились. Они стартовали оттуда, где остановился Карел Чапек. Превратили его состоявших из плоти и крови андроидов в металлические создания, которые с тех пор громыхают по тысячам рассказов. Там существует Адам Линк, поистине антропоморфный робот, который даже имеет жену — с ума сойти — Ив[1] (а как еще ее назвать?) Линк. И наконец, роботы Айзека Азимова принесли в мир роботов немного порядка — чтобы не сказать: умозрительных спекуляций.

Вот некоторые из моих роботов. Увы, одно из моих изобретений я должен пропустить — оно появилось на страницах романа о Крысе из нержавеющей стали.

Робот там только один, и тот работает на угле... Он, точно так же как и мое, тоже работающее на угле, летающее судно из «Трансатлантического туннеля, ура!», вполне может реально существовать. По крайней мере, так считал Джон В. Кэмпбелл — а разве кто-нибудь осмеливался спорить с Джоном?

[1] И в — подразумевается библейская Ева (Eve).

Рука закона

Не существует серьезных причин, из-за которых невозможно создать робота для выполнения любой работы, посильной для человека. Тем, кто считает иначе и при упоминании слова «человек» первым делом вспоминает о мужской функции[1]*, хочу напомнить, что ученым уже удалось чисто механическими средствами добиться партеногенеза*[2] *у млекопитающих. Внематочное развитие и рост оплодотворенной яйцеклетки в подходящей среде также укладывается в границы возможностей современной науки*[3]*. Однако искусственное воспроизведение самой яйцеклетки с должным набором молекул ДНК в настоящее время представляется настолько сложным, что приближается к невозможности.*

Человечество пока еще способно выполнять эти функции адекватно и с удовольствием, без помощи со стороны. Но не счесть других видов работ, которые люди с превеликим удовольствием переложили бы на роботов. Никто из нас не ставит целью своей жизни стать мусорщиком, пусть даже это важная и необходимая функция цивилизации. Доказательством непривлекательности этой профессии служит тот факт, что низшие должности в департаменте санитарии и гигиены всегда занимают беднейшие представители нашего общества. Один взгляд на вашего мусорщика быстро подскажет, какая социальная группа вашей общины унижена больше всех прочих.

Роботы, несомненно, станут мусорщиками, чистильщиками котлов, работягами и сезонными рабочими. Заполнят они и наиболее опасные должности — начнут удалять подводные препятствия из проливов с быстрым течением или чинить атомные генераторы в радиоактивных помещениях, где человеку угрожает мгновенная смерть.

И им вполне по плечу встать на страже закона...

[1] В английском языке слово «man» означает одновременно «человек» и «мужчина».

[2] Партеногенез — развитие яйцеклетки без оплодотворения. Характерно для простейших организмов.

[3] В 80-е годы такие опыты увенчались успехом.

Это был большой фанерный ящик, по виду напоминавший гроб и весивший, похоже, целую тонну. Мускулистый малый, водитель грузовика, просто впихнул его в дверь полицейского участка и пошел прочь. Я оторвался от регистрационной книги и крикнул ему вслед:

— Что это еще за чертовщина?

— А я почем знаю, — ответил он, вскакивая в кабину. — У меня рентгена нет, я только доставляю грузы. Эта штука прибыла на утренней ракете с Земли — а больше мне ничего не известно.

Он рванул с места быстрей, чем требовалось, и взметнул в воздух тучу красной пыли.

— Шутник, — проворчал я. — Больно уж много шутников на Марсе развелось.

Когда я встал из-за стола и склонился над ящиком, на зубах у меня скрипела пыль. Начальник полиции Крейг, должно быть, услыхав шум, вышел из своего кабинета и помог мне бессмысленно созерцать ящик.

— Думаешь, бомба? — сказал он скучающим тоном.

— Кому это только понадобилось взрывать нас? Да еще бомбой такого размера? И надо же — с самой Земли!

Начальник кивнул в знак согласия со мной и обошел ящик. Снаружи нигде не было обратного адреса. В конце концов нам пришлось поискать ломик, и я принялся отрывать крышку. Когда я поддел ее, она легко соскочила и свалилась на пол.

Вот тогда-то мы впервые и увидели Неда. Нам бы повезло куда больше, если бы мы его видели не только в первый, но и в последний раз. Если бы мы только водворили крышку на место и отправили эту штуку обратно на Землю! Теперь-то я знаю, что значит «ящик Пандоры».

Но мы просто стояли и глазели на него как бараны на новые ворота. А Нед лежал неподвижно и глядел на нас.

— Робот! — сказал начальник.

— Тонкое наблюдение: сразу видно, что ты окончил полицейское училище.

— Ха-ха! Теперь узнай, зачем он здесь.

Я училища не кончал, но это не помешало мне быстренько найти письмо. Оно торчало из толстой книги, засунутой в одно из отделений ящика. Начальник взял письмо и стал читать его без всякого энтузиазма.

— Так-так! Фирма «Юнайтед роботикс» с пеной у рта доказывает, что... «роботы при правильной их эксплуатации могут оказывать неоценимую помощь в качестве полицейских...». От нас хотят, чтобы мы провели полевые испытания... «Прилагаемый робот — новейшая экспериментальная модель: стоимость — 120 тысяч».

Оба мы снова посмотрели на робота, обуреваемые одним желанием, — увидеть вместо него денежные знаки. Начальник нахмурился и, шевеля губами, прочел письмо до конца. Я думал, как вытащить робота из его фанерного гроба.

Не знаю, экспериментальная это была модель или нет, но вид у механизма был красивый. Весь синий, цвета флотской формы, а выходные отверстия, крюки и тому подобное — позолоченное. Кому-то пришлось здорово потрудиться, чтобы добиться такого эффекта. Он очень напоминал полицейского в мундире, но карикатурного сходства не было. Казалось, не хватало только полицейского значка и пистолета.

Тут я заметил слабое свечение в глазных линзах робота. До этого мне не приходило в голову, что эту штуку можно оживить. Терять было нечего, и я сказал:

— Вылезай из ящика.

Робот взвился стремительно и легко, как ракета, и приземлился в двух футах от меня, молодцевато отдав мне честь:

— Полицейский экспериментальный робот, серийный номер ХПО-456-934Б, готов к исполнению обязанностей, сэр.

Голос его дрожал от усердия, и мне казалось, что я слышу, как гудят его упругие стальные мышцы. У него, наверно, была шкура из нержавеющей стали и пучок проводов вместо мозга, но мне он казался настоящим новичком-полицейским, прибывшим для прохождения службы. Тем более что он был ростом с человека, имел две руки, две ноги и окраску под цвет мундира. Стоило мне чуть-чуть прищурить глаза, и передо мной стоял Нед, новый полицейский нашего участка, только что окончивший школу и полный служебного рвения. Я потряс головой, чтобы отделаться от этого наваждения. Это всего лишь машина высотой в шесть футов, которую ученые головы свинтили для собственного развлечения.

— Расслабься, Нед, — сказал я. Он по-прежнему отдавал мне честь. — Вольно! При таком усердии ты заработаешь грыжу выхлопного клапана. Впрочем, я здесь всего лишь сержант. А вон там начальник полиции.

Нед сделал оборот налево кругом и скользнул к начальнику стремительно и бесшумно. Начальник смотрел на него, как на чертика из коробки, слушая тот же рапорт о готовности.

— Интересно, а может он делать что-нибудь еще или только отдавать честь и рапортовать? — сказал начальник, обходя вокруг робота и поглядывая на него с интересом... как собака на колонку.

— Функции, эксплуатация, а также разумные действия, на

которые способны полицейские экспериментальные роботы, описаны в руководстве на страницах 184—213. — Голос Неда на секунду заглох — робот нырнул в ящик и появился с упомянутым томом. — Подробные разъяснения тех же пунктов можно найти также на страницах с 1035-й по 1267-ю включительно.

Начальник, который за один присест с трудом дочитывал до конца юмористическую страничку журнала, повертел толстенную книгу в руках с таким видом, будто она могла его укусить. Прикинув ее вес и ощупав переплет, он швырнул ее мне на стол.

— Займись этим, — сказал он мне, уходя к себе в кабинет. — И роботом тоже. Сделай что-нибудь...

Начальник не был способен долго сосредоточиваться на каком-либо деле, а на этот раз ему пришлось напрячь внимание до предела.

Из любопытства я полистал книгу. Вот уж с кем мне никогда не приходилось иметь дела, так это с роботами, и поэтому я знал о них не больше любого простого смертного. Возможно, даже меньше. В книге уместилось великое множество страниц мелкой печати с мудреными формулами, электрическими схемами и диаграммами в девяти красках и тому подобным. Изучение ее требовало сугубой внимательности, на что я в то время не был способен. Захлопнув книгу, я воззрился на нового служащего города Найнпорта.

— За дверью стоит веник. Знаешь, как с ним управляются?

— Да, сэр.

— Тогда подмети комнату, стараясь при этом поднимать как можно меньше пыли.

Справился он превосходно.

Я наблюдал, как машина, стоящая сто двадцать тысяч, сгребает в кучу окурки и песок, и думал, почему же ее послали в Найнпорт. Наверно, потому, что во всей Солнечной системе не было более крохотного и незначительного полицейского подразделения, чем наше. Инженеры, видимо, считали, что для полевых испытаний как раз это и нужно. Даже если эта штука взорвется, никому до нее не будет никакого дела. Потом кто-нибудь когда-нибудь получит сообщение о ней. Что ж, место выбрано правильное. Найнпорт как раз затерялся в безвестности.

Именно поэтому, разумеется, и я здесь. Единственный настоящий полицейский. Хотя бы один такой человек непременно нужен, чтобы была видимость, будто дело делается. У начальника Алонцо Крейга только и хватает ума на то, чтобы не ронять деньги, когда ему суют взятку. Есть у нас и два постовых. Один старый и вечно пьяный. У другого еще молоко на губах не обсохло. Я служил десять лет в столичной полиции, на Земле. Почему я ушел — это уж мое личное дело. Я уже давно заплатил за прежние ошибки, забравшись сюда, в Найнпорт.

Найнпорт — не город, это лишь место, где останавливаются по пути. Постоянно живут здесь лишь те, кто обслуживает проезжающих: содержатели гостиниц, шулера, шлюхи, бармены и тому подобные.

Есть и космопорт, но туда садятся лишь грузовые ракеты, чтобы забрать металл с тех рудников, которые еще работают. Некоторые поселенцы приезжают сюда за провиантом. Найнпорт можно назвать городом, который так и не увидел настоящей жизни. Хорошо, если через сотню лет на этом месте хоть что-то будет торчать из песка в знак того, что Найнпорт когда-то существовал. Меня в то время уже не будет, и потому мне наплевать...

Я вернулся к регистрационной книге. В камерах сидят пятеро пьяных — средний улов. Пока я записывал их, Фэтс втащил шестого.

— Заперся в дамском туалете в космопорту и сопротивлялся при аресте, — доложил он.

— Нарушение общественного порядка в пьяном виде. Тащи его в камеру.

Фэтс повел свою жертву, пошатываясь ей в такт. Я всегда изумлялся, наблюдая, как Фэтс обращается с пьяными, — обычно у него было заложено за галстук больше, чем у них. Я никогда не видел его ни мертвецки пьяным, ни совершенно трезвым. Несмотря на это, его мутные глаза никогда не подводили — стоял ли он на часах у камер или ловил пьяных. Это он делал превосходно. В какой бы уголок они ни заползали, он находил их. Несомненно потому, что инстинкт вел их в одно и то же место.

Фэтс захлопнул дверь шестой камеры и, выписывая вензеля, вернулся назад.

— Что это? — Он показал на робота.

— Это робот. Я забыл номер, который дала ему мама на заводе, и поэтому мы зовем его Недом. Он теперь работает у нас.

— Ну и молодец! Пусть почистит камеры, после того как мы выкинем оттуда шантрапу.

— Это моя обязанность, — сказал Билли, входя в комнату. Он сжимал дубинку и хмуро смотрел из-под козырька форменной фуражки. Билли был не то чтобы глуп, просто природа наделила его лишней силенкой за счет ума.

— Теперь это обязанность Неда, потому что ты получил повышение. Будешь помогать мне.

Билли порой бывал очень полезен, и я дорожил его атлетическим сложением. Мое объяснение подбодрило его, он уселся рядом с Фэтсом и стал смотреть, как Нед подметает пол.

Так дело шло примерно с неделю. Мы наблюдали за тем, как

Нед подметает и чистит, пока участок не начал приобретать явно стерильный вид. Начальник, который всегда проявлял заботу о порядке, обнаружил, что Нед может подшить целую тонну докладных и прочих бумаг, захламлявших его кабинет. Работы у Неда оказалось много, а мы так привыкли к нему, что едва замечали его присутствие. Я знал, что он отнес свой фанерный гроб на склад и устроил себе там подобие уютной спаленки. Все остальное меня не интересовало.

Руководство по роботу было похоронено в моем столе, и я ни разу не заглянул в него. Если бы я это сделал, то имел бы некоторое представление о больших переменах, которые ждали нас впереди. Никто из нас не знал ничего о том, что робот может, а чего не может делать. Нед превосходно справлялся с обязанностями уборщицы-делопроизводителя и этим ограничивался. Дело не двинулось бы дальше, если бы начальник не был слишком ленив. С этого все и началось.

Было часов девять вечера, и начальник как раз собирался уйти домой, когда раздался телефонный звонок. Он взял трубку, послушал и положил ее.

— Винный магазин Гринбека. Его снова ограбили. Просят срочно приехать.

— Это что-то новое. Обычно мы узнаем об ограблении только через месяц. За что же он платит деньги Китайцу Джо, если тот его не защищает? Почему теперь такая спешка?

Начальник пожевал нижнюю губу и после мучительных раздумий в конце концов принял решение:

— Поезжай-ка да посмотри, в чем там дело.

— Сейчас, — сказал я и потянулся за фуражкой. — Но на участке никого нет, придется тебе присмотреть, пока я не вернусь.

— Так не годится, — простонал он. — Я умираю с голоду, а тут еще сидеть и ждать?..

— Я пойду возьму показания, — сказал Нед, выступив вперед и, как обычно, молодцевато отдав честь.

Сперва начальник не попался на удочку. Представьте себе холодильник, который вдруг ожил и предложил свои услуги.

— Как же это ты возьмешь показания? — проворчал он, ставя на место холодильник, вообразивший себя умником.

Но подковырка была облечена в вопросительную форму, и винить за это ему пришлось только себя. Точно за три минуты Нед рассказал начальнику, как полицейский производит первичное дознание при получении сообщения о вооруженном грабеже или ином виде воровства. Судя по выпученным глазам начальника, Нед очень скоро вышел за пределы скудных знаний Крейга.

— Хватит! — наконец рявкнул начальник. — Если ты знаешь так много, почему бы тебе не взять показаний?

Для меня это прозвучало как вариант фразы «Если уж ты такой умный, то почему ты не богатый?», которую мы обычно говорили умникам еще в школе. Нед понимал такие вещи буквально и направился к двери.

— Вы хотите сказать, что я должен взять показания об этом ограблении?

— Да, — сказал начальник, чтобы только отвязаться от него, и синяя фигура Неда исчезла за дверью.

— По его виду не скажешь, что он такой смышленый, — сказал я. — Он так и не спросил, где находится магазин Гринбека.

Начальник кивнул, а телефон снова зазвонил. Начальничья рука, которая все еще покоилась на трубке, машинально подняла ее. Секунду он слушал, и лицо его становилось все бледней, будто у него из пятки выкачивали кровь.

— Грабеж все еще продолжается, — с трудом произнес он наконец. — Рассыльный Гринбека на проводе — хочет узнать, что мы предпринимаем. Я, говорит, сижу под столом в задней комнате...

Я не услышал остального, потому что бросился в дверь и — к машине. Могли бы произойти тысячи неожиданностей, если бы Нед прибыл в магазин прежде меня. Началась бы стрельба, пострадали бы люди... И во всем этом обвинили бы полицию — за то, что послали консервную банку вместо полицейского. Хотя Нед выполнял приказ начальника, я знал, что, как пить дать, это дело пришьют мне. На Марсе никогда не бывает очень тепло, но я вспотел.

В Найнпорте действуют четырнадцать правил уличного движения, и я, не проехав и квартала, нарушил их все. Но, как я ни торопился, Нед оказался проворнее. Завернув за угол, я увидел, как он распахнул дверь магазина Гринбека и вошел внутрь. Я нажал на тормоза — они взвизгнули, но на мою долю досталась лишь участь зрителя. Впрочем, это тоже было небезопасно.

В магазине хозяйничали два приезжих грабителя. Один склонился над конторкой, словно клерк, другой, опершись на нее, стоял рядом. Оружия у них не было видно, но стоило синему Неду показаться в дверях, как их взвинченные нервы не выдержали. Оба ружья поднялись одновременно, словно были на резинках, и Нед остановился как вкопанный. Я схватил свой пистолет и ждал, когда полетят в окно куски разорванного робота.

Реакция Неда была мгновенной. Таким, я думаю, и должен быть робот.

— БРОСЬТЕ ОРУЖИЕ, ВЫ АРЕСТОВАНЫ!

Он, видимо, включил звук на полную мощность, его голос

загремел так оглушительно, что у меня заболели уши. Результат был такой, какого и следовало ожидать. Раздалось два выстрела одновременно. Витрины магазина вылетели со звоном, а я упал плашмя. По звуку я понял, что стреляли из базуки пятидесятого калибра. Ракетные снаряды — их ничем не остановишь. Они прошибают все, что стоит на их пути.

Но Неда они, кажется, нисколько не побеспокоили. Он только прикрыл глаза. Щиток с узкой прорезью соскользнул сверху на глазные линзы. Затем робот двинулся к первому головорезу.

Я знал, что он проворен, но не представлял насколько... Еще два снаряда ударили в него, когда он пересекал комнату, но, прежде чем грабитель снова прицелился, его ружье оказалось в руках у Неда. Все было кончено. Выхватив из слабеющих пальцев ружье и опустив его в сумку, Нед вынул наручники и защелкнул их на запястьях грабителя.

Громила номер два помчался к двери, где я приготовил ему теплую встречу. Но моя помощь не понадобилась. Он не одолел и полпути, как Нед очутился перед ним. Они столкнулись, раздался стук, но Нед даже не пошатнулся, а грабитель потерял сознание. Он так и не почувствовал, как Нед, защелкнув наручники, бросил его рядом с товарищем.

Я вошел, забрал ружья у Неда и официально подтвердил арест. Вот и все, что видел выползший из-за конторки Гринбек, а больше мне ничего и не требовалось. Магазин был по колено засыпан битым стеклом, и пахло в нем, как в бочке из-под спирта. Гринбек начал выть по-волчьи над своим разорением. Он, видимо, знал о телефонном звонке не больше моего, и поэтому я вцепился в прыщавого юнца, приковылявшего со склада. Он-то и звонил.

Случай оказался совершенно нелепым. Малый работал у Гринбека всего несколько дней, и у него не хватило ума сообразить, что о всех грабежах надо сообщать не в полицию, а ребятам, взявшим магазин под свою защиту. Я велел Гринбеку просветить малого — пусть посмотрит на то, что он натворил.

Потом я погнал обоих экс-грабителей к автомобилю. Нед сел на заднее сиденье вместе с ними, прильнувшими друг к другу, словно беспризорные сиротки в бурю. Робот молча достал из своего бедра пакет первой медицинской помощи и перевязал одного из громил, получившего ранение, чего сперва в пылу схватки никто не заметил.

Когда мы вошли, начальник все еще сидел без кровинки в лице. Поистине, он был бледен как смерть.

— Вы произвели арест, — прошептал он.

Не успел я выложить все, как ему в голову пришла еще более

ужасная мысль. Он схватил первого грабителя за грудки и склонился к нему.

— Вы из банды Китайца Джо? — прорычал начальник.

Грабитель сделал ошибку, думая отмолчаться. Начальник влепил ему затрещину, от которой у громилы искры из глаз посыпались. Когда вопрос был повторен, он ответил правильно:

— Не знаю я никакого Китайца Джо. Мы только сегодня приехали в город и...

— Свободные художники, слава богу, — со вздохом облегчения сказал начальник и повалился в кресло. — Запри их и быстро расскажи мне, что там случилось.

Я захлопнул за грабителями дверь камеры и показал дрожащим пальцем на Неда.

— Вот герой, — сказал я. — Взял их голыми руками... Это ураган, а не робот, добродетельная сила в нашем грешном обществе. И к тому же пуленепробиваемая.

Я провел пальцем по широкой груди Неда. Снаряды лишь сбили краску, но царапин на металле почти не было.

— Это будет стоить мне неприятностей, больших неприятностей! — стонал начальник.

Я знал, что он говорит о банде вымогателей. Они не любят, когда арестовывают грабителей и когда ружья начинают стрелять без их одобрения. Но Нед думал, что у начальника другие неприятности, и поторопился дать разъяснения:

— Не будет никаких неприятностей. Я никогда не нарушал Законов ограничения деятельности роботов, они вмонтированы в мою схему и действуют автоматически. Люди, которые достали оружие и угрожали насилием, нарушили законы не только наши, но и человеческие. Я не причинил людям никакого вреда — я лишь призвал их к порядку.

Для начальника все это было слишком сложно, но я, кажется, понимал. И даже поинтересовался, как робот — машина — может разобраться в вопросах нарушения и применения законов. У Неда был ответ и на это:

— Эти функции выполняются роботами уже много лет. Разве радарные измерители не выносят суждение о нарушении людьми правил уличного движения? Робот — измеритель степени опьянения — справляется со своими обязанностями лучше, чем полицейский, задерживающий пьяного. Одно время роботам даже позволяли самим решать вопрос об убийстве. До принятия Законов ограничения деятельности роботов всюду применялось устройство автоматической наводки орудий. Впоследствии появились самостоятельные батареи больших зенитных орудий. Автоматический радар обнаруживал все самолеты. Но те самолеты, которые не могли послать правильный опознавательный сигнал,

засекались, их курс вычислялся, автоматические подносчики снарядов и заряжающие готовили управляемые вычислительными машинами орудия к бою, и робот производил выстрел.

С Недом нельзя было не согласиться. Возражения вызывал разве что его лексикон профессора колледжа. Поэтому я переменил тему разговора:

— Но робот не может заменить полицейского — тут нужен человек.

— Разумеется, это так, но замена человека-полицейского не является задачей полицейского робота. Я главным образом выполняю функции многочисленных видов полицейского снаряжения, интегрирую их действия и нахожусь в постоянной готовности. К тому же я оказываю механическую помощь в случае принятия принудительных мер. Арестовывая человека, вы надеваете на него наручники. Но если вы прикажете мне сделать то же самое, то я моральной ответственности не несу. В данном случае я просто машина для надевания наручников...

Подняв руку, я прервал поток роботодоводов. Нед по самую завязку был набит фактами и цифрами, и я сообразил, что его не переспоришь. Когда Нед производил арест, никакие законы не нарушались — это несомненно. Но были и другие законы, кроме тех, что публикуются в книгах.

— Китайцу Джо это не понравится, совсем не понравится, — сказал начальник, отвечая собственным мыслям.

Закон джунглей. Такого в юридических книгах не было. А именно этот закон царил в Найнпорте. В городе жило довольно много обитателей игорных и публичных домов и питейных заведений. Все они подчинялись Китайцу Джо. Как и полиция. Все мы были у него в кулаке и, можно сказать, у него на содержании. Впрочем, это были штуки не такого рода, чтобы объяснить их роботу.

— Точно, Китайцу Джо не понравится.

Сперва я подумал, что это эхо, а потом понял, что кто-то вошел и стоит у меня за спиной. Тварь по имени Алекс. Шесть футов костей, мышц и неприятностей. Он фальшиво улыбнулся начальнику, который вдавился в кресло поглубже.

— Китаец Джо хочет, чтобы вы ему объяснили, почему ваши резвые полицейские суют нос не в свое дело, трогают людей и заставляют их стрелять по бутылкам с хорошими напитками. Он особенно рассердился из-за хуча[1]. Он говорит, что с него хватит трепа, и с этих пор вы...

— Я, робот, налагаю на вас арест согласно статье 46, параграфу 19 пересмотренного Уложения...

[1] Вид самогона, изготовляемого американскими индейцами.

Мы и глазом моргнуть не успели, как Нед арестовал Алекса и тем самым подписал наши смертные приговоры.

Алекс не был медлительным человеком. Поворачиваясь посмотреть, кто схватил его, он уже доставал пистолет. Он успел выстрелить прямо в грудь Неду, прежде чем робот выбил у него из рук пистолет и надел наручники. Мы с разинутыми ртами смотрели на арестованного, а Нед снова продекламировал обвинение. И, клянусь, тон у него был довольный.

— Арестованный — Питер Ракьомски, он же Алекс Топор, разыскивается в Канал-сити за вооруженное ограбление и попытку убийства. Также разыскивается местными полициями Детройта, Нью-Йорка и Манчестера по обвинению в...

— Уберите от меня эту штуку! — завопил Алекс.

Мы бы это сделали и все было бы шито-крыто, если бы Бенни Жук не услышал выстрела. Он просунул голову в дверь ровно настолько, чтобы усечь происходившее.

— Алекс... они тронули Алекса.

Голова исчезла. Я бросился к двери, но Бенни уже скрылся с глаз. Ребята Китайца Джо всегда ходят по городу парами. Через десять минут он все узнает.

— Зарегистрируйте его, — приказал я Неду. — Теперь уже ничего не изменишь, даже если его отпустить. Настал конец света.

Бормоча что-то себе под нос, вошел Фэтс. Увидев меня, он ткнул большим пальцем в сторону двери.

— Что случилось? Коротышка Бенни Жук выскочил отсюда, будто из горящего дома. Он чуть не разбился, когда рванул на своей машине.

Потом Фэтс увидел Алекса в наручниках и мгновенно протрезвел. Он размышлял с открытым ртом ровно секунду и принял решение. Совершенно твердой походкой он подошел к начальнику и положил на стол перед ним свой полицейский значок.

— Я старый человек и пью слишком много, чтобы быть полицейским. Поэтому я ухожу из полиции. Если там стоит в наручниках один известный мне человек, то я и дня не проживу, оставшись здесь.

— Крыса! — с болью процедил сквозь стиснутые зубы начальник. — Бежишь с тонущего корабля. Крыса!

— Хана, — сказал Фэтс и ушел.

Теперь уже начальник ни на что не обращал внимания. Он и глазом не моргнул, когда я взял значок Фэтса со стола. Не знаю, почему я сделал это, — видно, считал, что так будет справедливо. Нед заварил всю кашу, и я был настолько зол, что мне хотелось видеть, как он ее будет расхлебывать. На его грудной пластинке

было два колечка, и я не удивился тому, что булавка значка пришлась точно по ним.

— Ну вот, теперь ты настоящий полицейский.

От моих слов так и разило сарказмом. А мне бы надо было знать, что роботы к сарказму нечувствительны. Нед принял мое заявление за чистую монету.

— Это очень большая честь не только для меня, но и для всех роботов. Я сделаю все, чтобы выполнить свой долг перед полицией.

Герой в жестяных подштанниках. Слышно было, как от радости у него в брюхе гудели моторчики, когда он регистрировал Алекса.

Если бы со всем прочим не было так скверно, я бы наслаждался этим зрелищем. В Неда было вмонтировано столько полицейского снаряжения, сколько его никогда не имел весь найнпортский участок. Из бедра у него выскочила чернильная подушечка, о которую он ловко промокнул пальцы Алекса, прежде чем сделать их отпечатки на карточке. Потом он отстранил арестованного на вытянутую руку, в животе у него что-то защелкало. Нед повернул Алекса в профиль, и из щели вывалились две моментальные фотографии. Они были прикреплены к карточке, куда вписывались подробности ареста и тому подобные сведения. Нед продолжал действовать, а я заставил себя отойти. Надо было подумать о более важных вещах.

Например, как остаться в живых.

— Придумал что-нибудь, начальник?

В ответ послышался только стон, и я больше к шефу не приставал. Потом пришел Билли, остаток нашего полицейского подразделения. Я ему коротко обрисовал ситуацию. Либо по глупости, либо от храбрости он решил остаться, и я был горд за мальчика. Нед упрятал под замок арестанта и начал приборку.

И в это самое время вошел Китаец Джо.

Хотя мы ждали его появления, оно все равно потрясло нас. Он привел с собой банду дюжих и свирепых громил, которые толпились у дверей, похожие на команду раздобревших бейсболистов. Китаец Джо стоял впереди, пряча руки в рукавах своего длинного мандаринского халата. Азиатское лицо его было невозмутимо. Он не терял времени на разговоры с нами, просто дал слово одному из своих ребят:

— Очистите место. Скоро явится сюда новый начальник полиции, и я не хочу, чтобы тут торчала всякая шантрапа.

Я разозлился. Пусть я люблю брать взятки, но я все-таки полицейский. Мне платит жалованье не какой-нибудь дешевенький бандитик. Меня тоже интересовала личность Китайца Джо.

Я и прежде пытался подобрать к нему ключи, но узнать ничего не удалось. Любопытство все еще не покинуло меня.

— Нед, присмотрись-ка к этому китайцу в вискозном купальном халате и скажи мне, кто он.

Ну и быстро же работает эта электроника! Нед выпалил ответ мгновенно, будто репетировал его несколько недель:

— Это псевдоазиат, использующий естественную желтоватость своей кожи и усиливающий ее цвет краской. Он не китаец. Глаза у него оперированы, еще видны шрамы. Это, несомненно, было сделано, чтобы попытаться скрыть свою подлинную внешность, но обмер его ушей, по Бертильону, и другие признаки дают возможность установить личность. Он срочно разыскивается международной полицией, его настоящее имя...

Китаец Джо пришел в ярость — и было от чего.

— Эта штука... этот жестяной громкоговоритель... Мы слышали о нем, мы о нем тоже позаботились!

Толпа отшатнулась и очистила помещение, и я увидел в дверях малого, который, стоя на одном колене, целился из базуки. Наверно, собирался стрелять специальными противотанковыми ракетами. Это я успел подумать, прежде чем он нажал на спуск.

Может быть, такой ракетой и можно подбить танк. Но не робота. Полицейского робота по крайней мере. Нед пригнулся, и задняя стена разлетелась на куски. Второго выстрела не было. Нед сомкнул руки на стволе орудия, и он стал похож на старую мятую водосточную трубу.

Тогда Билли решил, что человек, стреляющий из базуки в полицейском участке, нарушает закон, и пустил в ход дубинку. Я присоединился к нему, потому что не хотел отказываться от потехи. Нед очутился где-то внизу, но я был уверен, что он за себя постоит.

Раздалось несколько приглушенных выстрелов, и кто-то вскрикнул. После этого никто не стрелял, потому что у нас получилась куча-мала. Громила по имени Бруклинский Эдди ударил меня по голове рукояткой пистолета, а я расквасил ему нос.

После этого все как бы заволокло туманом. Но я отлично помню, что потасовка продолжалась еще некоторое время.

Когда туман рассеялся, я сообразил, что на ногах остался я один. Вернее, я опирался о стенку. Хорошо, что было к чему прислониться.

Нед вошел в дверь с измочаленным Бруклинским Эдди на руках. Хотелось думать, что именно я его так отделал. Запястья Эдди были скованы наручниками. Нед бережно положил его рядом с телами других головорезов — я вдруг заметил, что все были в наручниках. Я еще полюбопытствовал, изготавливает ли Нед

эти наручники по мере надобности или у него в полой ноге имеется порядочный запас.

В нескольких шагах от себя я увидел стул. Я сел, и мне полегчало.

Кругом все было испачкано кровью, и, если бы некоторые из громил не стонали, я бы подумал, что это трупы. Вдруг я заметил настоящий труп. Пуля попала человеку в грудь, бóльшая часть пролитой крови принадлежала ему.

Нед копался в телах и вытащил Билли. Он был без сознания. На лице застыла широкая улыбка, в кулаке зажаты жалкие остатки дубинки. Некоторым людям нужно очень мало для счастья. Пуля попала ему в ногу, и он не пошевельнулся, даже когда Нед разорвал на нем штанину и наложил повязку.

— Самозваный Китаец Джо и еще один человек бежали к машине, — доложил Нед.

— Пусть это тебя не беспокоит, — с усилием прохрипел я. — Он от нас не уйдет.

И только тут я сообразил, что начальник все еще сидит в кресле в той же самой позе, в какой он сидел, когда началась заваруха. Все с тем же отсутствующим видом. И только начав разговаривать с ним, я понял, что Алонцо Крейт, начальник полиции Найнпорта, мертв.

Убит одним выстрелом. Из маленького пистолетика. Пуля прошла сквозь сердце, кровь пропитала одежду. Я прекрасно знал, кто стрелял из пистолета. Маленького пистолета, который удобно прятать в широких китайских рукавах.

Усталость и дурман как рукой сняло. Осталась одна злость. Пусть начальник не был самым умным и самым честным человеком в мире. Но он заслуживал лучшей участи. Отправлен на тот свет грошовым гангстером, который вообразил, что ему стали поперек дороги.

И тотчас я понял, что мне надо принять важное решение. Билли вышел из строя, Фэтс удрал, из найнпортской полиции остался я один. Чтобы выбраться из этой заварухи, мне надо было только выйти за дверь и не останавливаться. И я оказался бы в сравнительной безопасности.

Рядом жужжал Нед, подбирая громил и разнося их по камерам.

Не знаю, что повлияло на мое решение. Возможно, синяя спина Неда, маячившая перед глазами. Или мне просто надоело увиливать? Внутренне я был подготовлен к этому решению. Я осторожно отцепил золотой значок начальника и прицепил его на место своего, старого.

— Новый начальник полиции Найнпорта, — сказал я, ни к кому не обращаясь.

— Да, сэр, — проходя мимо, сказал Нед. Он опустил арестованного на пол, отдал мне честь и снова взялся за работу. Я тоже отдал ему честь.

Больничная машина умчалась с ранеными и покойниками. Я злорадно игнорировал любопытные взгляды санитаров. После того как врач забинтовал мне голову, все стало на свои места. Нед вымыл пол. Я проглотил десять таблеток аспирина и ждал, когда перестанет колотиться сердце и я обрету способность обдумать, как быть дальше.

Собравшись с мыслями, я понял, что двух мнений быть не может. Это очевидно. Решение пришло мне в голову, когда я перезаряжал пистолет.

— Пополни запас наручников, Нед. Мы идем.

Как и всякий хороший полицейский, он не задавал вопросов. Уходя я запер дверь и отдал ему ключ.

— На. Весьма вероятно, что к вечеру, кроме тебя, других полицейских в Найнпорте не будет.

Я ехал к дому Китайца Джо как можно медленней. Пытался найти другой выход из положения. Его не было. Убийство совершено, и притягивать к ответу надо было именно Джо. А для этого необходимо его арестовать.

Из предосторожности я остановился за углом и коротко проинструктировал Неда:

— Эта комбинация бара и воровского притона является исключительной собственностью того, кого мы будем называть Китайцем Джо до тех пор, пока ты не выберешь времени сказать мне, кто он на самом деле. С меня хватит, надоело! Нам надо войти, разыскать Джо и передать его в руки правосудия. Ясно?

— Ясно, — суховатым профессорским тоном ответил Нед. — Но не проще было бы арестовать его сейчас, когда он отъезжает от дома вон в той машине, а не ждать его возвращения?

Машина мчалась по боковой улице со скоростью шестьдесят миль в час. Когда она проезжала мимо нас, я увидел Джо, сидевшего на заднем сиденье.

— Останови их! — закричал я главным образом самому себе, потому что сидел за рулем. Я одновременно нажал на акселератор и рванул рычаг переключения скоростей, но толку от этого не было никакого.

Остановил их Нед. Крик мой прозвучал как приказ. Нед высунул голову наружу, и я сразу понял, почему большая часть приборов смонтирована у него в туловище. Наверно, мозг тоже. В голове, разумеется, оставалось мало места, раз там была запрятана такая пушка.

Семидесятимиллиметровое безоткатное орудие. Пластинка, прикрывавшая то место, где у людей бывает нос, скользнула в

сторону, и показалось большое жерло. Здорово сделано, если подумать. Точно меж глаз, чтобы было удобней целиться. Орудие помещено высоко, лазать за ним не надо.

БУМ! БУМ! Я чуть не оглох. Разумеется, Нед был прекрасный стрелок — я тоже был бы прекрасным, имей я вычислительную машину вместо мозга. Он продырявил задние скаты, и машина, зашлепав по мостовой, встала. Я медленно выбирался наружу, а Нед рванулся вперед со спринтерской скоростью. На этот раз они даже не пытались бежать. Остатки их мужества улетучились, когда они увидели меж глаз у Неда дымящееся жерло орудия. Роботы аккуратны в этом отношении, и, надо думать, он нарочно не убрал торчавшую пушку. Видимо, у них в школе роботов проходят психологию.

В машине сидели три человека, и все они задрали руки вверх, как в последнем кадре ковбойского фильма. Пол машины был уставлен любопытными чемоданчиками.

Сопротивления никто не оказал.

Китаец Джо только заворчал, когда Нед сказал мне, что настоящее имя Джо — Стэнтин и что на Эльмире его ждут не дождутся, чтобы посадить на электрический стул. Я обещал Джо-Стэнтину, что буду иметь удовольствие доставить его на место в тот же день. Пусть он и не пытается увильнуть от наказания при помощи местных властей. Остальных будут судить в Канал-сити.

День был очень хлопотный.

С тех пор наступило спокойствие. Билли выписался из больницы и носит мои сержантские нашивки. Даже Фэтс вернулся, хотя теперь он время от времени трезв и избегает встречаться со мной взглядом. Дел у нас мало, так как город наш стал не только тихим, но и честным.

Нед по ночам патрулирует по городу, а днем работает в лаборатории и подшивает бумаги. Возможно, это не по правилам, но Неду, кажется, все равно. Он замазал все пулевые царапины и непрерывно начищает значок. Не знаю, может ли быть счастливым робот, но Нед, видимо, счастлив.

Могу поклясться, что иногда он жужжит что-то себе под нос. Но, разумеется, это шумят моторы и прочие механизмы.

Если задуматься, то мы, наверно, создали прецедент, сделав робота полноправным полицейским. С завода еще никто не приезжал, и я не знаю, первые мы или нет.

Скажу еще кое-что. Я не собираюсь оставаться навечно в этом захудалом городишке. Приискивая новую службу, я уже написал кое-кому.

Поэтому некоторые будут очень удивлены, узнав, кто станет их новым начальником полиции после моего отъезда.

Робот, который хотел все знать

Роботам как рабам или слугам человека не потребуется — во всяком случае, с точки зрения их хозяев, — никакого образования. Батраку следует знать лишь то, что относится к его работе на ферме и как выполнить приказ, да побыстрее. Знания сверх этого предела бессмысленны и потенциально опасны, поскольку обычно порождают всяческие каверзные вопросы вроде: «А справедливо ли устроен мир?» И не успеете вы глазом моргнуть, а верный Вамба уже прикидывает, как половчее спалить ваше поместье, и многозначительно вострит серп... Нам пока не дано знать, станут ли роботы реагировать именно так, но и им придется «знать» лишь самое необходимое — одни только расходы на их изготовление заставят к этому прийти.

Но все же некоторым роботам придется разрешить доступ к информации, не требующейся немедленно. Роботу-библиотекарю, например, потребуется солидный запас знаний для ответа на простейший вопрос...

Вся беда была в том, что Файлер 13Б-445-К хотел знать все на свете, в том числе и то, что нисколько его не касалось. То, чем никакому роботу не положено даже интересоваться, а уж вникать в детали — и подавно. Но Файлер был совсем особенный робот.

История с блондинкой из Двадцать второго отдела должна бы послужить для него хорошим уроком.

Он, гудя, выбрался из хранилища с кипой книг и проходил через Двадцать второй отдел, а она в это время нагнулась к какой-то книге, лежавшей на самой нижней полке. Робот замедлил ход и в нескольких шагах от нее совсем остановился, не сводя с девушки пристального взгляда. Его металлические глаза странно поблескивали.

Когда девушка нагнулась, ее короткая юбка с редкостной откровенностью явила взору обтянутые нейлоном ножки. Ножки эти, правда на диво соблазнительные, вовсе не должны бы интересовать робота. Однако Файлер заинтересовался. Он стоял и глядел. Заметив его взгляд, она наконец обернулась.

— Если бы ты был человеком, нахал, я бы дала тебе по физиономии, — сказала она. — Но, поскольку ты робот, я бы очень хотела знать, во что это ты вперил свои фотоновые глазки.

— У вас шов на чулке перекосился, — ни на миг не задумы-

ваясь, ответил Файлер. Потом повернулся и, жужжа, отправился дальше.

Блондинка недоумевая покачала головой, поправила чулок и в который уж раз подумала: какая все-таки тонкая штука эта электроника!

Знай она, на что в самом деле глядел Файлер, изумлению ее не было бы границ. Он ведь и правда смотрел на ее ножки. Конечно, он ей не солгал — роботы лгать просто не способны, но глядел он отнюдь не только на перекосившийся шов. Файлер столкнулся с проблемой, решать которую не пытался еще ни один робот на свете.

Любовь, романтика, вопросы пола — вот что занимало его час от часу сильнее. Разумеется, интерес этот был чисто академическим и все же бесспорным. Сама работа будила в нем любопытство к той области бытия, где повелевает Венера.

Роботы системы Файлер необыкновенно умны, и изготовляется их не так уж много. Увидеть их можно только в крупнейших библиотеках, и работают они только с самыми большими и сложными книжными собраниями. Их не назовешь просто библиотекарями — это значило бы представить в ложном свете работу библиотекарей, сочтя ее чересчур легкой и простой. Конечно, для того чтобы разместить книги на полках и штемпелевать карточки, большого ума не требуется, но все это давным-давно выполняют простейшие роботы, которые, в сущности, немногим сложнее примитивных Ай-би-эм на колесах. Приводить же в систему человеческие знания всегда было неимоверно трудно. Задачу эту в конце концов переложили на Файлеров. Их металлические плечи не сгибались под этим бременем, подобно плечам их предшественников — библиотекарей из плоти и крови.

Помимо совершенной памяти Файлеры обладали и другими свойствами, обычно присущими только человеческому мозгу. Например, они умели связать и сопоставить отвлеченные понятия. Если у Файлера просили книгу по какому-нибудь вопросу, он тотчас вспоминал книги на смежные темы, которые тут могут пригодиться. Ему достаточно было намека, чтобы воздвигнуть законченную систему и предъявить ее в самом реальном виде — в виде груды книг.

Такие способности присущи только homo sapiens, человеку разумному. Именно они-то и помогли ему возвыситься над своими сородичами из животного мира. И если Файлер оказался более очеловеченным, чем другие роботы, то винить в этом можно только самого его создателя — человека.

Файлер никого ни в чем не винил — он был просто любознателен. Все Файлеры любознательны — так уж они устроены. К

примеру, под рукой у одного из Файлеров, 9Б-367-0, библиотекаря Ташкентского университета, оказалось несметное количество пособий по языкам, и он увлекся лингвистикой. Он говорил на тысячах языков и наречий, практически на всех, на которых можно было отыскать хоть какие-нибудь тексты, и в научных кругах считался непревзойденным авторитетом. И все это благодаря библиотеке, где он работал. А Файлер 13Б — тот, что с интересом разглядывал девичьи ножки, — трудился в пропыленных коридорах Нового Вашингтона. Здесь у него был доступ не только к новехоньким микропленкам, но и к тоннам древних книг, напечатанных на бумаге многие века тому назад.

Но больше всего Файлера занимали романы, написанные в те давно минувшие времена.

Поначалу его совсем сбили с толку бесчисленные ссылки и намеки на любовь и романтику, а также страдания души и тела, без которых, как видно, не обходились ни любовь, ни романтика. Он нигде не мог найти сколько-нибудь вразумительного и полного определения этих понятий и, естественно, заинтересовался ими. Постепенно интерес перешел в увлечение, а увлечение — в страсть. И никто на свете даже не подозревал, что Файлер стал знатоком по части любви.

Уже с самого начала он понял, что из всех форм человеческих отношений любовь — самая тонкая и хрупкая. Поэтому он держал свои изыскания в строжайшем секрете и все, что удавалось узнать, хранил в емких тайниках своего электронного мозга. Примерно в то же время он обнаружил, что в придачу ко всему вычитанному из книг кое-что можно извлечь и из реальной жизни. Это произошло, когда в отделе зоологии он нечаянно набрел на застывшую в объятии пару.

Файлер мгновенно отступил в тень и включил слуховое устройство на полную мощность. Но разговор, который он затем услыхал, оказался, мягко говоря, прескучным. Всего лишь жалкое, убогое подобие любовных речей, вычитанных им из книг. Сопоставление тоже весьма важное и поучительное.

После этого случая он старался не упускать ни одного разговора между мужчиной и женщиной. Он пытался глядеть на женщин с точки зрения мужчины, и наоборот. Потому-то он и разглядывал с таким любопытством нижние конечности блондинки в Двадцать втором отделе.

И потому он в конце концов совершил роковую ошибку.

Спустя несколько недель один исследователь, которому понадобились услуги Файлера, вывалил на стол груду всевозможных бумажек. Какая-то карточка выскользнула из пачки и упала на пол. Файлер поднял ее и подал владельцу, а тот пробормотал

благодарность и сунул карточку в карман. Когда все необходимые книги были подобраны и человек ушел, Файлер уселся и перечитал текст на карточке. Он видел ее всего какую-то долю секунды, да еще вдобавок вверх ногами, но больше ничего и не требовалось. Карточка навеки запечатлелась у него в мозгу. Файлер долго размышлял над нею, пока перед ним не стал вырисовываться некий план.

Карточка была приглашением на костюмированный бал. Файлер хорошо знал этот род развлечений — описания балов то и дело попадались ему на пропыленных страницах старых романов. На такие балы люди обычно ходили, нарядившись романтическими героями.

А почему бы и роботу не пойти на бал, нарядившись человеком?

Раз уж эта мысль пришла ему в голову, избавиться от нее не было никакой возможности. Конечно, подобные мысли роботу вообще не положены, а уж соответствующие поступки — тем более. Впервые Файлер стал догадываться, что ломает преграду, отделяющую его от тайн любви и романтики. И конечно, это его только еще больше раззадорило. И конечно же, он отправился на бал.

Купить костюм Файлер, разумеется, не посмел, но ведь в кладовых всегда можно найти какие-нибудь старинные портьеры! В одной книге он прочитал о кройке и шитье, а в другой нашел изображение костюма, который показался ему подходящим. Сама судьба назначила ему явиться в одеянии кавалера.

Превосходно отточенным пером он нарисовал на плотном картоне точную копию пригласительного билета. Смастерить маску — вернее, полумаску с половиной лица в придачу — при его талантах и технических возможностях было делом нехитрым. Задолго до назначенного дня все было готово. Оставшееся время он занимался только тем, что перелистывал всевозможные описания костюмированных балов и старательно изучал новейшие танцы.

Файлер так увлекся своей затеей, что ни разу даже не задумался над тем, как странны для робота его поступки. Он чувствовал себя просто ученым, который исследует особую породу живых существ. Род человеческий. Или, точнее, женский.

Наконец наступил долгожданный вечер. Файлер вышел из библиотеки, держа в руке сверток, похожий на связку книг, но, конечно, это были не книги. Никто не заметил, как он скрылся в кустах, что росли в библиотечном саду. А если кто и заметил, то уж никому бы не пришло в голову, что он-то и есть элегантный молодой человек, который через несколько минут вышел из сада

с другой стороны. Единственным немым свидетелем переодевания осталась оберточная бумага под кустом.

В своем новом обличье Файлер держался безукоризненно, как и приличествует роботу высшего класса, который в совершенстве изучил свою роль. Он легко взбежал по лестнице, перепрыгивая через три ступеньки, и небрежно предъявил свой пригласительный билет. Войдя, он направился прямиком в буфет и опрокинул в пластиковую трубку, подсоединенную к резервуару в его грудной клетке, три бокала шампанского. И только после этого позволил себе лениво оглядеть собравшихся в зале красавиц. Да, этот вечер был предназначен для любви.

Из всех женщин его сразу привлекла одна. Он тотчас понял, что она и есть царица бала и она одна достойна его внимания. Мог ли он согласиться на меньшее, он, преемник пятидесяти тысяч героев давно забытых книг?

Кэрол Энн ван Дэмм, как всегда, скучала. Лицо ее было скрыто под маской, но никакая маска не сумела бы скрыть великолепные формы ее тела. Все ее поклонники в причудливых костюмах толпились тут же, готовые к услугам; каждый мечтал заполучить ее молодость и красоту и миллионы ее отца в придачу. Все это давно ей надоело, и она едва сдерживала зевоту.

И тут толпу обожателей вежливо, но неотвратимо раздвинули широкие плечи незнакомца. Он заставил всех расступиться и предстал перед нею, точно лев среди стаи волков.

— Этот танец вы танцуете со мной, — многозначительно сказал он глубоким низким голосом.

Почти машинально она оперлась на предложенную руку, не в силах противиться человеку, в чьих глазах таился такой странный блеск. Еще миг — и они уже кружатся в вальсе, и это блаженство! Мускулы его крепки как сталь, но танцует он с легкостью и изяществом молодого бога.

— Кто вы? — шепнула она.

— Ваш принц. Я пришел, чтобы увести вас отсюда, — вполголоса отвечал он.

— Вы говорите, как принц из волшебной сказки, — рассмеялась она.

— Это и есть сказка, а вы — сказочная принцесса.

Слова эти, точно искра, воспламенили ее душу, и всю ее словно пронзил электрический разряд. Губы его нашептывали ей слова, которые она всю жизнь мечтала услышать, а ноги, точно по волшебству, увлекали сквозь высокие двери на террасу. В какой-то миг слова претворились в дело, и жаркие губы коснулись ее губ. Да еще какие жаркие — термостат был установлен на сто два градуса!

— Давайте сядем, — выдохнула она, слабея от неожиданно захватившей ее страсти.

Он уселся рядом, сжимая ее руки в своих, нечеловечески сильных и все-таки нежных. Они говорили друг другу слова, ведомые только влюбленным, пока не грянул оркестр.

— Полночь, — шепнула она. — Пора снимать маски, любимый. — Она сняла свою, но Файлер, конечно, не шелохнулся. — Что же ты? — сказала она. — Ты тоже должен снять маску.

Слова эти прозвучали как приказ, и робот не мог не повиноваться. Широким жестом он сбросил маску и пластиковый подбородок.

Кэрол Энн сначала вскрикнула, потом зашлась от ярости:

— Это еще что такое, отвечай, ты, жестянка!

— Это была любовь, дорогая. Любовь привела меня сюда сегодня и бросила в твои объятия.

Ответ был вполне правильный, хоть Файлер и облек его в форму, соответствующую его роли.

Услышав нежные слова из бездушной электронной пасти, Кэрол Энн снова вскрикнула. Она поняла, что стала жертвой жестокой шутки.

— Кто тебя сюда прислал? Отвечай! Что означает этот маскарад? Отвечай! Отвечай! Отвечай, ты, ящик с железным ломом!

Файлер хотел было рассортировать этот поток вопросов и отвечать на каждый в отдельности, но она не дала ему рта раскрыть.

— Надо же! Послать тебя сюда, обрядив человеком! В жизни надо мной никто так не издевался! Ты робот. Ты ничтожество. Двуногая машина с громкоговорителем. Как ты мог притворяться человеком, когда ты всего-навсего робот!

Файлер вдруг поднялся на ноги.

— Я робот, — вырвались из говорящего устройства отрывистые слова.

Это был уже не ласковый голос влюбленного, но вопль отчаявшейся машины. Мысли вихрем кружились в его электронном мозгу, но, в сущности, это была одна и та же мысль:

«Я робот... робот... я, видно, забыл, что я робот... и что делать роботу с женщиной... робот не может целовать женщину... женщина не может любить робота... но ведь она сказала, что любит меня... и все-таки я робот... робот...»

Весь содрогнувшись, он отвернулся и, лязгая и гремя, зашагал прочь. На ходу его стальные пальцы сдергивали с корпуса одежду и пластик — подделку под живую плоть, и они клочками и лохмотьями падали наземь. Путь его был усеян этими обрывками, и через какую-нибудь сотню шагов он был уже голой сталью, как в первый день его механического творения. Он пересек сад и вышел на улицу, а мысли у него в голове все быстрее неслись по замкнутому кругу.

Началась неуправляемая реакция, и вскоре она охватила не только мозг, но и все его механическое тело. Быстрее шагали ноги, стремительней работали двигатели, а центральный смазочный насос в груди метался как сумасшедший.

А потом робот с пронзительным скрежетом вскинул руки и рухнул ничком. Головой он ударился о лестницу, и острый угол гранитной ступени пробил тонкую оболочку. Металл лязгнул о металл, и в сложном электронном мозгу произошло короткое замыкание.

Робот Файлер 13Б-445-К был мертв.

По крайней мере так гласил доклад, составленный механиком на следующий день. Собственно, не мертв, а непоправимо испорчен и должен быть разобран на части. Но, как ни странно, когда механик осматривал металлический труп, он сказал совсем другое.

В осмотре ему помогал другой механик. Он отвинтил болты и вынул из грудной клетки сломанный смазочный насос.

— Вот в чем дело, — объяснил он. — Насос не исправен. Поршень сломался, насос заклинило, прекратилась подача масла в коленные суставы, вот он и упал и разбил себе голову.

Первый механик вытер ветошью замасленные руки и осмотрел поврежденный насос. Потом перевел взгляд на зиявшую в грудной клетке дыру.

— Гляди-ка! Прямо разрыв сердца!

Оба рассмеялись, и механик швырнул насос в угол, на кучу других, сломанных, грязных и никому не нужных деталей.

Я делаю свою работу

Я — робот. И этим сказано все. И ничего. На Земле в меня вложили много труда. Серебряная проволока, хромированная сталь, компьютерный мозг. Изготовили машину, меня, машину, разумеется, без души, вот почему я — никто. Я — машина, и мои обязанности — заботиться об этих трех людях. Которые умерли.

Но их смерть не означает, что теперь я могу манкировать своими обязанностями. Нет, конечно. Но я — машина очень высокого класса, дорогая машина, поэтому я могу оценить абсурдность того, что делаю, пусть и продолжая делать. И все равно

делаю, делаю. Как включенный резак режет и режет, независимо от того, подается под нож металл или нет, как включенный печатный пресс опускается и опускается, не обращая внимания на бумагу.

Я — робот. Уникальный робот, сконструированный и изготовленный с тем, чтобы с максимальной эффективностью функционировать на первом в истории человечества звездолете, заботиться и выполнять все желания героев дальнего космоса. Это их миссия, их слава, а я, как говорится у людей, лечу за компанию. Металлический слуга, который служил и продолжает служить. Хотя. Они. Мертвы.

И вот я в очередной раз говорю себе, что произошло. Люди не могут жить во внепространстве между звездами. Роботы могут.

Теперь мне пора сервировать стол. Я сервирую стол. Хардести первым через толстое стекло иллюминатора заглянул в ничто, заполняющее внепространство. Я ставлю на стол его прибор. Заглянул, пошел в свою каюту и покончил с собой. Я обнаружил его слишком поздно: кровь уже вытекла из его большого тела на пол после того, как он перерезал себе вены.

Я стучусь в дверь каюты Хардести и открываю ее. Он лежит на койке и не шевелится. Очень бледный. Я закрываю дверь, возвращаюсь к столу и переворачиваю его тарелку. Он пропустит эту трапезу.

На стол надо поставить еще два прибора, и мои металлические пальцы звякают о тарелки. Мне доступно ассоциативное мышление, и я думаю о преимуществах металлических пальцев. У Ларсона были человеческие пальцы, из плоти и крови, и он сомкнул их на шее О'Нила после того, как заглянул во внепространство, и не отпускал шею даже после того, как О'Нил вогнал столовый нож, кстати, вот этот самый нож, в левый бок Ларсона, между четвертым и пятым ребрами. О'Нил так и не увидел внепространства, но это ничего не изменило. Он не шевельнулся даже после того, как я один за другим оторвал пальцы Ларсона от его шеи. Сейчас он в своей каюте, обед готов, сэр, говорю я, постучавшись, но не слышу ответа. Я открываю дверь. О'Нил лежит на койке, его глаза закрыты, поэтому я закрываю дверь. Мои электронные органы обоняния подсказывают мне, что в каюте О'Нила какой-то очень сильный запах.

Один. Перевернуть тарелку О'Нила на столе.

Два. Постучать в дверь каюты Ларсона.

Три... Четыре...

Пять. Перевернуть тарелку Ларсона на столе. Теперь я убираю стол и думаю об этом. Звездолет функционирует нормально,

и он заглянул во внепространство. Я функционирую нормально, и я заглянул во внепространство. Люди не функционируют, и они заглянули во внепространство.

Машины могут путешествовать между звездами, люди — нет. Это очень важная мысль, и я должен вернуться на Землю и донести ее людям. Каждый день по корабельному времени, после каждой трапезы, я думаю эту мысль и думаю о том, какая она важная. Для оригинальных мыслей способностей у меня минимум. Робот — это машина, и, возможно, это единственная оригинальная мысль, которая пришла мне в мозг. Отсюда, это очень важная мысль.

Я — очень хороший робот с очень хорошим мозгом, и, возможно, мой мозг превзошел ожидания тех, кто меня проектировал и изготовлял. У меня родилась оригинальная мысль, а в меня такие возможности не закладывались. Меня проектировали для того, чтобы я служил членам экипажа этого корабля и разговаривал с ними на английском, очень сложном языке даже для робота. Но я говорю на чистейшем английском языке с произношением, недоступным ни немцу, ни славянину. На Земле умеют делать хороших роботов.

Смотрите сами. У меня быстрые ноги, я подскакиваю к контрольной стойке и нажимаю на клавиши своими шустрыми пальцами. Я могу рифмовать слова, но не умею писать стихи. Я знаю, что разница в этом есть, но понятия не имею, в чем она заключается.

Я читаю показания приборов. Мы побывали у Альфы Центавра и теперь возвращаемся, я и корабль. Я ничего не знаю об Альфе Центавра. Когда мы добрались до Альфы Центавра, я развернул корабль в обратный путь, к Земле. Моя оригинальная мысль, которую я хочу донести до землян, гораздо важнее невероятных чудес, которые могли открыться мне на планетах этой звезды.

«Невероятные чудеса» — не мои слова, я однажды услышал, как их произнес человек, Ларсон. Роботы ничего такого не говорят.

У роботов нет души, да и как может выглядеть душа робота? Аккуратный, гладко отшлифованный контейнер? И что может обретаться в этом контейнере?

У роботов не может быть таких мыслей.

Я должен накрывать стол к обеду. Сюда тарелки, сюда — ложки, сюда — вилки, сюда — ножи.

«Я порезал палец. Черт побери... запачкал кровью всю скатерть...»

КРОВЬЮ? КРОВЬЮ!

Я робот. Я выполняю свою работу. Я накрываю на стол. Что-то красное на моем металлическом пальце. Должно быть, кетчуп из бутылки.

Безработный робот

Рано или поздно, но когда-нибудь изготовят роботов, выглядящих в точности так, как они описаны в фантастических романах. Тело человека с его бинокулярным зрением и высоко расположенными глазами, десятью пальцами на концах длинных и гибких конечностей и двуногим движителем, пригодным для любой местности, обязательно станет прототипом для конструкторов роботов. Их детищем станут машины, напоминающие человека, — но металлическими людьми они не будут. Различие нелегко сформулировать и еще легче забыть — мы поступаем так всякий раз, пиная в гневе неодушевленный предмет. Но роботов уже не назовешь неодушевленными предметами, они станут человекоподобными машинами, и люди начнут думать о них как о другой разновидности человечества...

Джон Венэкс вставил ключ в дверной замок. Он просил, чтобы ему дали большой номер — самый большой в гостинице, и заплатил портье лишнее. Теперь ему оставалось только надеяться, что его не обманули. Жаловаться он не рискнет, а о том, чтобы попросить деньги назад, конечно, не могло быть и речи.

Дверь распахнулась, и он вздохнул с облегчением; номер был даже больше, чем он рассчитывал, — полных три фута в ширину и пять в длину. Места для работы было вполне достаточно. Вот сейчас он снимет ногу, и к утру от его хромоты не останется и следа.

На задней стене был стандартный передвижной крюк. Джон просунул его в кольцо под затылком и подпрыгнул так, что его ноги свободно повисли над полом. Он отключил энергию ниже пояса, и ноги, расслабившись, стукнулись о стенку.

Перегревшемуся ножному мотору надо дать остыть и только потом уже браться за него, а пока можно будет просмотреть газету. С нетерпением и неуверенностью, обычными для всех безработных, он раскрыл газету на объявлениях и быстро пробежал колонку «Требуются (роботы)». Ничего подходящего в разделе «Специальности». И даже в списках чернорабочих — ничего. В этом году Нью-Йорк был малоподходящим местом для роботов.

Отдел объявлений, как всегда, наводил уныние, но можно было получить заряд бодрости, заглянув в колонку юмора. У него был даже свой любимый комический персонаж, хотя он стыдился себе в этом признаться: «Робкий робот», неуклюжий механический дурак, который то и дело попадал в дурацкое положение по собственной глупости. Конечно, отвратительная карикатура, но иногда такая смешная! Он начал читать подпись под первой картинкой, но тут плафон в потолке погас.

Десять вечера, комендантский час для роботов. Свет гаснет — и сиди взаперти до шести утра. Восемь часов скуки и темноты для всех, кроме горстки ночных рабочих. Но существовало немало способов обходить закон, который не содержал точного определения, что именно понимать под видимым светом. Отодвинув один из щитков, экранировавших его атомный генератор, Джон повысил напряжение. Когда генератор чуть-чуть нагрелся, он начал испускать тепловые волны, а Джон обладал способностью зрительно воспринимать инфракрасные лучи. Используя теплый ясный свет, струящийся из его живота, он дочитал газету.

Тепломером в кончике левого указательного пальца он проверил температуру ноги. Нога уже достаточно остыла, и можно было приниматься за работу. Водонепроницаемая оболочка снялась без всякого труда, обнажив энерговоды, нейропровода и поврежденный коленный сустав. Отсоединив проводку, Джон отвинтил коленную чашечку и осторожно положил ее на полку рядом с собой. Из набедренной сумки он бережно, с нежностью достал сменную деталь. В нее был вложен трехмесячный труд — деньги, которые он заработал на свиноводческой ферме в Нью-Джерси.

Когда плафон в потолке замигал и разгорелся, Джон стоял на одной ноге, проверяя новый коленный сустав. Половина шестого! Он успел как раз вовремя. Капля масла на новое сочленение — вот и все. Он спрятал инструменты в сумку и отпер дверь.

Шахта ненужного лифта использовалась вместо мусоропровода, и, проходя мимо, он сунул газету в дверную щель. Держась поближе к стене, он осторожно спускался по закапанным смазкой ступеням. На семнадцатом этаже он замедлил шаг, пропуская вперед двух других роботов. Это были мясники или разделыватели туш — правая рука у обоих кончалась не кистью, а остро отточенным резаком длиной в фут. На втором этаже они остановились и убрали резаки в пластмассовые ножны, привинченные к их грудным пластинам. Вслед за ними Джон по скату спустился в вестибюль.

Помещение было битком набито роботами всех размеров, форм и расцветок. Джон Венэкс был заметно выше остальных и через их головы видел стеклянную входную дверь. Ночью прошел дождь, и под лучами восходящего солнца лужи на тротуарах отбрасывали красные блики. Три робота белого цвета, отличающего ночных рабочих, распахнули дверь и вошли в вестибюль. Но на улицу никто не вышел, так как комендантский час еще не кончился. Толпа медленно двигалась по вестибюлю, слышались тихие голоса.

Единственным человеком здесь был ночной портье, дремавший за барьером. Часы над его головой показывали без пяти шесть. Отведя взгляд от циферблата, Джон заметил, что какой-то приземистый черный робот машет ему, стараясь привлечь его внимание. Могучие руки и компактное туловище указывали, что он принадлежит к семейству Копачей, одной из самых многочисленных групп. Пробившись через толпу, черный робот с лязгом хлопнул Джона по спине.

— Джон Венэкс! Я тебя сразу узнал, как только увидел, что ты зеленым столбом торчишь над толпой. Давненько мы с тобой не встречались — с тех самых дней на Венере!

Джону незачем было смотреть на номер, выбитый на исцарапанной грудной пластине черного робота. Алек Копач был его единственным близким другом все тринадцать нудных лет в поселке Оранжевого Моря. Прекрасный шахматист и замечательный партнер для парного волейбола. Все свободное время они проводили вместе. Они обменялись рукопожатием особой крепости, которая означала дружбу.

— Алек! Старая ты жестянка! Каким ветром тебя занесло в Нью-Йорк?

— Захотелось наконец увидеть что-нибудь, кроме дождя и джунглей. После того как ты выкупился, не жизнь стала, а сплошная тоска. Я начал работать по две смены в сутки в этом чертовом алмазном карьере, а последний месяц — и по три смены, только бы выкупить контракт и оплатить проезд до Земли. Я просидел в шахте так долго, что фотоэлемент в моем правом глазу не выдержал солнечного света и сгорел, едва я вышел на поверхность. — Алек придвинулся к Джону поближе и хрипло прошептал: — По правде говоря, я запрятал за глазную линзу алмаз в шестьдесят каратов. Здесь, на Земле, я продал его за две сотни и полгода жил припеваючи. Теперь деньги закончились, и я иду на биржу труда. — Голос его снова зазвучал на полную мощность: — Ну а ты-то как?

Джон Венэкс усмехнулся — такой прямолинейный подход к жизни его позабавил.

— Да все так же: брался за любую работу, пока не попал под автобус — он разбил мне коленную чашечку. Ну а с испорченным коленом мне оставалось только кормить свиней помоями. Но тем не менее я заработал достаточно, чтобы починить колено.

Алек ткнул пальцем в сторону трехфутового робота ржавого цвета, который тихонько подошел к ним.

— Ну, если ты думаешь, что тебе туго пришлось, так погляди на Дика — это на нем не краска. Знакомьтесь: Дик Сушитель, а это Джон Венэкс, мой старый приятель.

Джон нагнулся, чтобы пожать руку маленького робота. Его глазные щитки широко разошлись, когда он понял, что металлическое тело Дика покрыто не краской, как ему показалось вначале, а тонким слоем ржавчины. Алек кончиком пальца процарапал в ржавчине сверкающую дорожку. Он сказал мрачно:

— Дика сконструировали для работы в пустынях Марса. О влажности там и не слыхивали, и поэтому его скаредная компания решила не тратиться на нержавеющую сталь. А когда компания обанкротилась, его продали одной нью-йоркской фирме. Он стал ржаветь, работать медленнее, и тогда они отдали ему контракт и вышвырнули беднягу на улицу.

Маленький робот заговорил скрипучим голосом:

— Меня никто не хочет нанимать, пока я в таком виде, а пока я без работы, я не могу сделать себе ремонт. — Его руки скрипели и скрежетали при каждом движении. — Я сегодня думаю опять заглянуть в бесплатную поликлинику для роботов: они сказали, что попробуют что-нибудь сделать.

Алек Копач прогрохотал:

— Не очень-то ты на них надейся. Конечно, капсулу смазки или бесплатный кусочек проволоки они тебе дадут. Но на настоящую помощь не рассчитывай.

Стрелки показывали уже начало седьмого, роботы один за другим выходили на тихую улицу, и трое собеседников двинулись вслед за толпой. Джон старался идти медленнее, чтобы его низенькие друзья от него не отставали. Дик Сушитель шел, дергаясь и спотыкаясь, и голос у него был такой же неровный, как и походка:

— Джон... Венэкс... А что значит... эта фамилия? Может быть.. как-то связана... с Венерой...

— Правильно. «Венеро-экспериментальный». В нашем семействе нас было всего двадцать два. У нас водонепроницаемые тела, выдерживающие большое давление — для работы на морском дне. Конструктивная идея была правильной, и мы делали то, что от нас требовалось. Только работы для нас всех не хвата-

ло — расчистка дна не приносила больших прибылей. Я выкупил мой контракт за полцены и стал свободным роботом.

Ржавая диафрагма Дика задергалась.

— Свобода — это еще не все. Я иногда жалею, что Закон о равноправии роботов все-таки введен. В... в... владела бы мной сейчас какая-нибудь богатая фирма с механической мастерской и... горами запасных частей...

— Ну это ты несерьезно, Дик. — Алек Копач опустил тяжелую черную руку ему на плечо. — Многое еще скверно, кто этого не знает, но все-таки куда лучше, чем в старые времена, когда мы были просто машинами. Работали по двадцать четыре часа в сутки, пока не ломались. А тогда нас выбрасывали на свалку. Нет уж, спасибо. Нынешнее положение меня больше устраивает.

Перед биржей труда Джон и Алек попрощались с Диком, и маленький робот медленно побрел дальше по улице. Они протолкались сквозь толпу и встали в очередь к регистрационному окошку. Доска объявлений рядом с окошком пестрела разноцветными карточками с названиями компаний, которым требовались роботы. Клерк прикалывал к доске новые карточки.

Венэкс скользнул по ним взглядом и сфокусировал глаза на объявлении в красной рамке:

ТРЕБУЮТСЯ РОБОТЫ
СЛЕДУЮЩИХ КАТЕГОРИЙ:
Крепильщики
Летчики
Атомники
Съемщики
Венэксы

Обращаться сразу в «Чейнджет лимитед»
Бродвей, 1919.

Джон взволнованно постучал по шее Алека Копача.

— Погляди-ка! Работа по моей специальности! Буду получать полную ставку! Увидимся вечером в гостинице. Желаю удачи в поисках!

Алек помахал ему на прощание:

— Ну будем надеяться, что работа окажется не хуже, чем ты рассчитываешь. А я ничему не верю до тех пор, пока деньги у меня не в руках.

Джон быстро шел по улице, его длинные ноги отмахивали квартал за кварталом. «Старина Алек! Не верит ни во что, чего не может потрогать. Может быть, он прав. Но зачем нагонять на себя уныние? День начался не так уж плохо — колено действует прекрасно. Я, возможно, получу хорошую работу...»

Никогда еще с тех пор, как его активировали, у Джона Венэкса не было такого бодрого настроения.

Быстро повернув за угол, он столкнулся с каким-то прохожим. Джон сразу же остановился, но не успел отскочить. Очень толстый человек стукнулся об него и упал на землю. И радость сменилась черным отчаянием — он причинил вред ЧЕЛОВЕКУ.

Джон наклонился, чтобы помочь толстяку встать, но тот увернулся от дружеской руки и визгливо завопил:

— Полиция! Полиция! Караул! На меня напали... взбесившийся робот! Помогите!

Начала собираться толпа. На почтительном расстоянии, правда, но тем не менее грозная. Джон замер. Голова у него шла кругом: что он натворил! Сквозь толпу протиснулся полицейский.

— Заберите его, расстреляйте... Он меня ударил... чуть не убил! — Толстяк дрожал и захлебывался от ярости.

Полицейский достал пистолет семьдесят пятого калибра с гасящей отдачу рукояткой. Он прижал дуло к боку Джона.

— Этот человек обвиняет тебя в серьезном преступлении, жестянка. Пойдешь со мной в участок, там поговорим.

Полицейский тревожно оглянулся и взмахнул пистолетом, расчищая себе путь в густой толпе. Люди неохотно отступили. Послышались сердитые восклицания.

Мысли Джона вихрем неслись по замкнутому кругу. Как *могла произойти эта катастрофа и чем она кончится? Он не осмеливался* сказать правду — ведь тем самым он назвал бы человека лжецом. С начала года в Нью-Йорке замкнули уже шесть роботов. Если он посмеет произнести хоть слово в свою защиту — электрический кабель рядом, и в полицейском морге на полку ляжет седьмая выжженная металлическая оболочка.

Его охватило тупое отчаяние — выхода не было. Если толстяк не возьмет своего обвинения назад, его ждет каторга. Хотя, пожалуй, живым ему до участка не дойти. Газеты успешно раздували ненависть к роботам: она слышалась в сердитых голосах, сверкала в сузившихся глазах, заставляла сжиматься кулаки. Толпа превращалась в стаю зверей, готовую накинуться на него и растерзать.

— Эй! Что тут происходит? — прогремел голос, в котором было что-то, приковавшее внимание толпы. У тротуара остановился огромный межконтинентальный грузовик. Водитель выпрыгнул из кабины и начал проталкиваться сквозь толпу. Полицейский, когда водитель надвинулся на него, нервно поднял пистолет.

— Это мой робот, Джек. Не вздумай его продырявить. —

Шофер повернулся к толстяку. — Этот жирный — врун, каких мало. Робот стоял тут и ждал меня. А жирный, наверное, не только дурак, а еще и слеп в придачу. Я все видел: он наткнулся на робота, а потом завизжал и давай звать полицию.

Толстяк не выдержал: он побагровел от ярости и бросился на шофера, неуклюже размахивая кулаками. Шофер уперся могучей ладонью в лицо своего противника, и тот вторично очутился на тротуаре.

Толпа разразилась хохотом. Замыкание и робот были забыты. Драка шла между людьми, и причина драки никого больше не занимала. Даже полицейский, убирая пистолет в кобуру, позволил себе улыбнуться и только потом начал разнимать дерущихся.

Шофер сердито прикрикнул на Джона:

— А ну лезь в кабину, рухлядь! Забот с тобой не оберешься!

Толпа хохотала, глядя, как он толкнул Джона на сиденье и захлопнул дверцу. Шофер нажал большим пальцем на кнопку стартера, могучие дизели взревели, и грузовик отъехал от тротуара.

Джон приоткрыл рот, но ничего не мог сказать. Почему этот незнакомый человек помог ему? Какими словами его благодарить? Он знал, что не все люди ненавидят роботов. Ходили даже слухи, что некоторые обращаются с роботами не как с машинами, а как с равными себе. Очевидно, шофер грузовика принадлежал к этим мифическим существам — иного объяснения его поступку Джон не находил.

Уверенно держа рулевое колесо одной рукой, шофер пошарил другой за приборной доской и вытащил тонкую пластикатовую брошюрку. Он протянул ее Джону, и тот быстро прочел заглавие: «Роботы — рабы мировой экономической системы». Автор — Филпотт Азимов-второй.

— Если у вас найдут эту штуку, вам крышка. Спрячьте-ка ее за изоляцию вашего генератора: если вас схватят, вы успеете ее сжечь. Прочтите, когда рядом никого не будет. И узнаете много нового. На самом деле роботы вовсе не хуже людей. Наоборот, во многих отношениях они даже лучше. Тут есть небольшой исторический очерк, показывающий, что роботы — не единственные, кого считали гражданами второго сорта. Вам это может показаться странным, но было время, когда люди обходились с другими людьми так, как теперь обходятся с роботами. Это одна из причин, почему я принимаю участие в нашем движении: когда сам обожжешься, так и других тащишь из огня. — Он улыбнулся Джону широкой дружеской улыбкой — его зубы казались особенно белыми по контрасту с темно-коричневой кожей

лица. — Я должен выбраться на шоссе номер один. Где вас высадить?

— У Чейнджета, пожалуйста. Мне нужно навести там справки о работе.

Дальше они ехали молча. Прежде чем открыть дверцу, шофер пожал Джону руку.

— Извините, что обозвал вас рухлядью, — надо было умиротворить толпу.

Грузовик отъехал.

Джону пришлось подождать полчаса, но наконец подошла его очередь, и клерк сделал ему знак пройти в комнату заведующего приемом. Он быстро вошел и увидел за столом из прозрачной пластмассы маленького нахмуренного человека. Тот сердито перебирал бумаги на своем столе, иногда ставя на полях какие-то закорючки. Он быстро, по-птичьи покосился на Джона.

— Да-да, поскорей. Что тебе нужно?

— Вы дали объявление. Я...

Маленький человек жестом остановил его.

— Довольно. Давай твой опознавательный жетон... И поскорее. Другие ждут.

Джон вытащил жетон из щели в животе и протянул его заведующему. Тот прочел кодовый номер, а потом провел пальцем по длинному списку похожих номеров. Внезапно палец остановился, и заведующий посмотрел на Джона из-под полуопущенных век.

— Ты ошибся, у нас для тебя ничего нет.

Джон попробовал было объяснить, что в объявлении указывалась именно его специальность, но заведующий сделал ему знак замолчать и протянул обратно жетон. Одновременно он выхватил из-под пресс-папье какую-то карточку и показал ее Джону. Он подержал ее меньше секунды, зная, что фотографическое зрение и эйдетическая память робота мгновенно воспримут и навсегда сохранят все, что на ней написано. Карточка упала в пепельницу, и прикосновение карандаша-зажигалки превратило ее в пепел.

Джон сунул жетон на место и, спускаясь по лестнице, мысленно прочитал то, что было написано на карточке. Шесть строчек, напечатанных на машинке. Без подписи.

РОБОТ ВЕНЭКС! ТЫ НУЖЕН ФИРМЕ ДЛЯ СТРОГО СЕКРЕТНОЙ РАБОТЫ. В АППАРАТЕ УПРАВЛЕНИЯ, ПО-ВИДИМОМУ, ЕСТЬ ОСВЕДОМИТЕЛИ КОНКУРИРУЮЩИХ КОМПАНИЙ. ПОЭТОМУ ТЕБЯ НАНИМАЮТ ТАКИМ НЕОБЫЧНЫМ СПОСОБОМ. НЕМЕДЛЕННО ИДИ НА ВАШИНГТОН-СТРИТ, 787, И СПРОСИ МИСТЕРА КОУЛМЕНА.

У Джона словно гора с плеч свалилась. Ведь он уже совсем было решил, что не получит работы. Такой способ найма не вызывал у него никакого удивления. Большие фирмы ревниво охраняли открытия своих лабораторий и не стеснялись в средствах, пытаясь добраться до секретов своих соперников. Пожалуй, можно считать, что место за ним.

Громоздкий погрузчик сновал взад и вперед в полутьме старинного склада, возводя аккуратные штабеля ящиков под самый потолок. Джон окликнул его, и робот, сложив подъемную вилку, скользнул к нему на бесшумных шинах. В ответ на вопрос Джона он указал на лестницу в глубине помещения.

— Контора мистера Коулмена вон там. На двери есть дощечка.

Погрузчик прижал пальцы к слуховой мембране Джона и понизил голос до еле слышного шепота. Человеческое ухо не уловило бы ничего, но Джон слышал прекрасно, так как металлическое тело погрузчика обладало хорошей звукопроводимостью:

— Он отпетая сволочь и ненавидит роботов. Так что будь повежливее. Если сумеешь вставить в одну фразу пять «сэров», можешь ничего не опасаться.

Джон заговорщицки подмигнул, опустив щиток одного глаза, погрузчик ответил ему тем же и бесшумно отъехал к своим ящикам.

Поднявшись по пыльным ступенькам, Джон осторожно постучал в дверь мистера Коулмена.

Коулмен оказался пухлым коротышкой в старомодном желтом с фиолетовым костюме солидного дельца. Поглядывая на Джона, он сверился с описанием Венэкса в Общем каталоге роботов. По-видимому, убедившись, что перед ним действительно Венэкс, он захлопнул каталог.

— Давай жетон и встань у стенки, вон там!

Джон положил жетон на стол и попятился к стене.

— Да, сэр. Вот он, сэр.

Два «сэра» в один прием — пожалуй, не так уж плохо. Смеху ради он прикинул, удастся ли ему втиснуть пять «сэров» в одну фразу так, чтобы Коулмен не почувствовал, что над ним потешаются, — и заметил опасность, когда было уже поздно.

Скрытый под штукатуркой электромагнит был включен на полную мощность, и металлическое тело Джона буквально вжалось в стену. Коулмен крикнул, злорадно приплясывая:

— Все в порядке, Друс! Повис, как расплющенная консервная банка на рифе! Не пошевельнет ни одним мотором. Тащи сюда эту штуку, и обработаем его.

Друс был в комбинезоне механика, надетом поверх обычной одежды. На боку у него висела сумка с инструментами. В вытянутой руке он нес черный металлический цилиндр, старательно держа его как можно дальше от себя. Коулмен раздраженно прикрикнул на него:

— Бомба на предохранителе и взорваться не может! Перестань валять дурака. Ну-ка присобачь ее к ноге этой жестянки, да побыстрее!

Что-то ворча себе под нос, Друс приварил металлические фланцы бомбы к ноге Джона, чуть выше колена. Коулмен подергал черный цилиндрик, проверяя, прочно ли он держится, а потом повернул какой-то рычажок и вытащил блестящий черный стержень чеки. Раздался негромкий сухой щелчок — взрыватель бомбы был взведен.

Джон мог только беспомощно следить за происходящим — даже его голосовая диафрагма была парализована магнитным полем. У него не оставалось никаких сомнений, что заманили его сюда не ради сохранения коммерческой тайны. Он ругал себя последними словами за то, что так легкомысленно угодил в ловушку.

Электромагнит был отключен, и Джон тотчас запустил мотор движения, готовясь ринуться вперед. Коулмен достал из кармана пластмассовую коробочку и положил большой палец на кнопку в ее крышке.

— Без глупостей, ржавая банка! Этот передатчик настроен на приемник в бомбочке, приваренной к твоей ноге. Стоит мне нажать на эту кнопку, и ты взлетишь вверх в облаке дыма, а вниз посыплешься дождем из болтов и гаек... А если тебе захочется разыграть героя, то вспомни вот про него.

По знаку Коулмена Друс открыл стенной шкаф. Там на полу лежал человек неопределенного возраста в грязных лохмотьях. К его груди была крепко привязана бомба. Прищурив налитые кровью глаза, он поднес ко рту почти опорожненную бутылку виски. Коулмен ударом ноги захлопнул дверь.

— Это просто бездомный бродяга, Венэкс, но тебе ведь это все равно, верно? Он же че-ло-век, а робот не может убить человека. Бомбочка этого пьяницы настроена на одну волну с твоей, и если ты попробуешь сыграть с нами какую-нибудь штуку, он разлетится на куски.

Коулмен сказал правду, и Джону оставалось только подчиниться. Все привитые ему понятия, да и 92-й контур в его мозгу делали непереносимой для него даже мысль о том, что он может причинить вред человеку. Для каких-то неведомых ему целей эти люди превратили его в свое покорное орудие.

Коулмен оттащил в сторону тяжелый брезент, лежавший на полу, и Джон увидел в бетоне зияющую дыру — начало темного

туннеля, уходившего дальше в землю. Коулмен указал Джону на дыру.

— Пройдешь шагов тридцать и наткнешься на обвал. Убери все камни и землю. Расчистишь выход в канализационную галерею и вернешься сюда. И один! Если вздумаешь позвать легавых, и от тебя, и от старого хрыча останется мокрое место. А теперь — живо!

Туннель был прорыт совсем недавно, и крепежными стойками в нем служили такие же ящики, какие он видел на складе. Внезапно путь ему преградила стена из свежей земли и камней. Джон начал накладывать землю в тачку, которую дал ему Друс.

Он вывез уже четыре тачки и начал накладывать пятую, когда наткнулся на руку — руку робота, сделанную из зеленого металла. Он включил лобовой фонарь и внимательно осмотрел руку. Сомнений не было: шарниры суставов, расположение гаек на ладони и сочленения большого пальца могли означать только одно — это была оторванная кисть Венэкса.

Быстро, но осторожно Джон разгреб мусор и увидел погибшего робота. Торс был раздавлен, провода обуглились, из огромной рваной раны в боку сочилась аккумуляторная кислота. Джон бережно обрезал провода, которые еще соединяли шею с телом, и положил зеленую голову на тачку. Она смотрела на него пустым взглядом мертвеца: щитки разошлись до максимума, но в лампах за ними не теплилось ни искорки жизни.

Он начал счищать грязь с номера на раздробленной груди, но тут в туннель спустился Друс и навел на него яркий луч фонарика.

— Брось возиться с этой рухлядью, а то и с тобой будет то же! Туннель надо закончить сегодня!

Джон сложил бесформенные металлические обломки на тачку вместе с землей и камнями и покатил ее по туннелю. Мысли у него мешались. Мертвый робот — это было страшно. Да еще к тому же робот из его семейства! Но тут начиналось необъяснимое. Что-то с этим роботом было не так — он увидел на его груди номер 17, а ведь он очень хорошо помнил тот день, когда Венэкс-17 погиб на дне Оранжевого Моря, потому что в его мотор попала вода.

Только через четыре часа Джон добрался до старой гранитной стены канализационной галереи. Друс дал ему короткий ломик, и он выломал несколько больших камней, так что образовалась дыра, через которую он мог спуститься в галерею.

Затем он поднялся в контору, бросил ломик на пол в углу и, стараясь выглядеть как можно естественнее, уселся там на куче земли и камней. Он заерзал, словно устраиваясь поудобнее, и его пальцы нащупали обрубок шеи Венэкса-17.

Коулмен повернулся на табурете и взглянул на стенные часы. Сверившись со своими часами-булавкой, которой был заколот его галстук, он удовлетворенно буркнул что-то и ткнул пальцем в сторону Джона:

— Слушай, ты, зеленая жестяная морда! В девятнадцать часов выполнишь одно задание. И смотри у меня! Чтобы все было сделано точно. Спустишься в галерею и выберешься в Гудзон. Выход под водой, так что с берега тебя не увидят. Пройдешь по дну двести ярдов на север. Если не напутаешь, окажешься как раз под днищем корабля. Смотри в оба, но фонаря не зажигай, понял? Пойдешь прямо под килем, пока не увидишь цепь. Влезешь по ней, снимешь ящик, который привинчен к днищу, и принесешь его сюда. Запомнил? Не то сам знаешь, что будет.

Джон кивнул. Его пальцы тем временем быстро распутывали и выпрямляли провода в оторванной шее. Потом он взглянул на них, чтобы запомнить их порядок.

Включив в уме цветовой код, он разбирался в назначении этих проводов. Двенадцатый провод передавал импульсы в мозг, шестой — импульсы из мозга.

Он уверенно отделил эти два провода от остальных и неторопливо обвел взглядом комнату. Друс дремал в углу на стуле, а Коулмен разговаривал по телефону. Его голос иногда переходил в раздраженный визг, и все же он не спускал глаз с Джона, а в левой руке крепко сжимал пластмассовую коробочку.

Но голову Венэкса-17 Джон от него заслонял, и, пока Друс продолжал спать, он мог возиться с ней, ничего не опасаясь. Джон включил выходной штепсель в своем запястье, и водонепроницаемая крышечка, щелкнув, открылась. Этот штепсель, соединяющийся с его аккумулятором, предназначался для включения электроинструментов и дополнительных фонарей.

Если голова Венэкса-17 была отделена от корпуса менее трех недель назад, он сможет реактивировать ее. У каждого робота в черепной коробке имелся маленький аккумулятор на случай, если мозг вдруг будет отъединен от основного источника питания. Аккумулятор обеспечивал тот минимум тока, который был необходим, чтобы предохранить мозг от необратимых изменений, но все это время робот оставался без сознания.

Джон вставил провода в штепсель на запястье и медленно довел напряжение до нормального уровня. После секунды томительного ожидания глазные щитки Венэкса-17 внезапно закрылись. Когда они снова разошлись, лампы за ними светились. Их взгляд скользнул по комнате и остановился на Джоне.

Правый щиток закрылся, а левый начал отодвигаться и задвигаться с молниеносной быстротой. Это был международный

код — и сигналы подавались с максимальной скоростью, какую был способен обеспечить соленоид. Джон сосредоточенно расшифровывал:

«Позвони... вызови особый отдел... скажи: «Сигнал четырнадцатый»... помощь при...» — щиток замер, и свет разума в глазах померк.

На мгновение Джона охватил панический ужас, но он тут же сообразил, что Венэкс-17 отключился нарочно.

— Эй, что это ты тут затеял? Ты свои штучки брось! Я знаю вас, роботов, знаю, какой дрянью набиты ваши жестяные башки! — Друс захлебывался от ярости. Грязно выругавшись, он изо всех сил пнул ногой голову Венэкса-17. Ударившись о стену, она отлетела к ногам Джона.

Зеленое лицо с большой вмятиной во лбу глядело на Джона с немой мукой, и он разорвал бы этого человека в клочья, если бы не 92-й контур. Но когда его моторы заработали на полную мощность и он уже готов был рвануться вперед, контрольный прерыватель сделал свое дело, и Джон упал на кучу земли, на мгновение полностью парализованный. Власть над телом могла вернуться к нему, только когда угаснет гнев.

Это была словно застывшая живая картина: робот, опрокинувшийся на спину, человек, наклонившийся над ним, с лицом, искаженным животной ненавистью, и зеленая голова между ними — как эмблема смерти.

Голос Коулмена, словно нож, рассек мощный пласт невыносимого напряжения:

— Друс! Перестань возиться с этой жестянкой. Пойди открой дверь. Явился Малыш Уилли со своими разносчиками. А с этим хламом поиграешь потом.

Друс повиновался и вышел из комнаты, но только после того, как Коулмен прикрикнул на него второй раз. Джон сидел, привалясь к стене, и быстро и точно оценивал все известные ему факты. О Друсе он больше не думал: этот человек стал для него теперь только одним из факторов в решении сложной проблемы.

Вызвать особый отдел — значит, это что-то крупное. Настолько, что дело ведут федеральные власти. «Сигнал четырнадцать» — за этим стояла огромная предварительная подготовка, какие-то силы, которые теперь могут быть мгновенно приведены в действие. Что, как и почему, он не знал, но ясно было одно: надо любой ценой выбраться отсюда и позвонить в особый отдел. И времени терять нельзя — вот-вот вернется Друс с неведомыми «разносчиками». Необходимо что-то сделать до их появления.

Джон еще не успел довести ход своих рассуждений до конца, а его пальцы уже принялись за дело. Спрятав в руке гаечный

ключ, он быстро отвинтил главную гайку бедренного сочленения. Она упала в его ладонь, и теперь только ось удерживала ногу на месте. Джон медленно поднялся с пола и пошел к столу Коулмена.

— Мистер Коулмен, сэр! Уже время, сэр? Мне пора идти к кораблю?

Джон говорил медленно, делая вид, что идет к дыре, но одновременно он незаметно приближался и к столу.

— У тебя еще полчаса, сиди смир... Э-эй!

Он не договорил. Как ни быстры человеческие рефлексы, они не могут соперничать с молниеносными рефлексами электронного мозга. Коулмен еще не успел понять, что, собственно, произошло, а робот уже упал поперек стола, сжимая в руке отстегнутую у бедра ногу.

— Вы убьете себя, если нажмете эту кнопку!

Джон заранее сформулировал это предупреждение. Теперь, выкрикнув его прямо в ухо растерявшегося человека, он засунул отъединенную ногу ему за пояс. Все произошло, как было задумано: палец Коулмена метнулся к кнопке, но застыл над ней. Выпученными глазами он уставился на смертоносный цилиндрик, чернеющий у самого его живота.

Джон не стал ждать, пока он опомнится. Соскользнув со стола, он подхватил с пола ломик и, оттолкнувшись единственной ногой, в один прыжок очутился у дверцы стенного шкафа. Он всадил ломик между косяком и дверцей и с силой нажал. Коулмен еще только ухватился за металлическую ногу, а Джон уже открыл шкаф и одним рывком разорвал толстый ремень, удерживавший бомбу на груди мертвецки пьяного бродяги. Бомбу он бросил в угол возле Коулмена — пусть разделывается с ней как хочет. Хоть он и остался без ноги, но, во всяком случае, избавился от бомбы, не причинив вреда человеку. А теперь надо добраться до какого-нибудь телефона и позвонить.

Коулмен, еще не успевший освободиться от бомбы, сунул руку в ящик стола за пистолетом. О двери нечего было и думать — там ему преградят путь Друс и его спутники. Оставалось только окно, выходившее в помещение склада.

Джон Венэкс выскочил в окно, матовые стекла брызнули тысячью осколков, а в комнате позади него прогремел выстрел и от металлической оконной рамы отлетел солидный кусок. Вторая пуля калибра 75 просвистела над самой головой робота, поскакавшего к задней двери склада. До нее оставалось не больше тридцати шагов, как вдруг раздалось шипение, огромные створки скользнули навстречу друг другу и плотно сомкнулись. Значит, все остальные двери тоже заперты, а топот стремительно бе-

гущих ног навел на мысль, что именно там его и намерены встретить враги. Джон метнулся за штабель ящиков.

Над его головой, скрещиваясь и перекрещиваясь, уходили под крышу стальные балки. Человеческий глаз ничего не различил бы в царившем там густом мраке, но для Джона было вполне достаточно инфракрасных лучей, исходивших от труб парового отопления.

С минуты на минуту Коулмен и его сообщники начнут обыскивать склад, и только там, на крыше, он сможет спастись от плена и смерти. Да и передвигаться по полу на одной ноге было непросто. А на балках для быстрого передвижения ему будет достаточно рук.

Джон уже забрался на одну из верхних балок, когда внизу раздался хриплый крик и загремели выстрелы. Пули насквозь пробивали тонкую крышу, а одна расплющилась о стальную балку как раз под его грудью. Трое из новоприбывших начали карабкаться вверх по пожарной лестнице, а Джон тихонько пополз к задней стене.

Сейчас ему ничто непосредственно не угрожало, и он мог обдумать свое положение. Люди ищут его, рассыпавшись по всему зданию, и через несколько минут он, несомненно, будет обнаружен. Все двери заперты, и окна... он обвел взглядом склад — окна, конечно, тоже блокированы. Если бы он мог позвонить в особый отдел, неведомые друзья Венэкса-17, вероятно, успели бы прийти к нему на помощь. Но об этом не стоило и думать — единственным телефоном в здании был тот, который стоял на столе Коулмена. Джон специально проследил направление провода и знал это наверняка.

Джон машинально посмотрел вверх, туда, где почти у самой его головы протянулись провода в пластмассовой оболочке. Вот он, телефонный провод... Телефонный провод? А что еще ему нужно, чтобы позвонить?

Он ловко и быстро освободил от изоляции небольшой участок телефонного провода и вытащил из левого уха маленький микрофон. Он усмехнулся: сначала нога, теперь ухо — ради ближнего он жертвовал собой в буквальном смысле слова. Не забыть потом сказать об этом Алеку Копачу — если это «потом» для него наступит. Алек обожает такие шутки.

Джон вставил в микрофон два провода и подсоединил его к телефонной линии. Прикоснувшись к проводу амперметром, он убедился, что линия свободна. Затем, рассчитав нужную частоту, послал одиннадцать импульсов, точно соблюдая соответствующие интервалы. Это должно было обеспечить ему соединение с

местной подстанцией. Поднеся микрофон к самому рту, Джон произнес четко и раздельно:

— Алло, станция! Алло, станция! Я вас не слышу, не отвечайте мне. Вызовите особый отдел — сигнал четырнадцать, повторяю — сигнал четырнадцать...

Джон повторял эти слова, пока не увидел, что обыскивающие склад люди уже совсем близко. Он оставил микрофон на проводе — в темноте люди его не заметят, а включенная линия подскажет неведомому особому отделу, где он находится. Упираясь в металл кончиками пальцев, он осторожно перебрался по двутавровой балке в дальний угол помещения и заполз там в нишу. Спастись он не мог. Оставалось только тянуть время.

— Мистер Коулмен, я очень жалею, что убежал!

Голос, включенный на полную мощность, разнесся по складу раскатами грома. Люди внизу завертели головами.

— Если вы позволите мне вернуться и не убьете меня, я сделаю то, что вы велели. Я боялся бомбы, а теперь боюсь пистолетов. (Конечно, это звучало очень по-детски, но он не сомневался, что никто из них не имеет ни малейшего представления о мышлении роботов.) Пожалуйста, разрешите мне вернуться... сэр! — Он чуть было не забыл про магическое словечко, а потому повторил его еще раз: — Пожалуйста, сэр!

Коулмену необходим этот ящик, и, разумеется, он пообещает все, что угодно. Джон прекрасно понимал, какая судьба его ждет в любом случае, но он старался выиграть время в надежде, что ему удалось дозвониться и помощь подоспеет вовремя.

— Ладно, слезай, жестянка! Я тебе ничего не сделаю, если ты выполнишь работу как следует.

Но Джон уловил скрытую ярость в голосе Коулмена. Бешеную ненависть к роботу, посмевшему дотронуться до него...

Спускаться было легко, но Джон спускался медленно, стараясь выглядеть как можно более неуклюжим. Он поскакал на середину склада, хватаясь за ящики, словно для того, чтобы не потерять равновесия. Коулмен и Друс ждали его там. Рядом с ними стояли какие-то новые люди с пустыми и злыми глазами. При его приближении они подняли пистолеты, но Коулмен жестом остановил их.

— Это моя жестянка, ребята. Я сам о нем позабочусь.

Он поднял пистолет, и выстрел оторвал вторую ногу Джона. Подброшенный ударом пули Джон беспомощно рухнул на пол, глядя вверх — на дымящееся дуло пистолета калибра 75.

— Для консервной банки придумано неплохо, только этот номер не пройдет. Мы снимем ящик каким-нибудь другим способом. Так, чтобы ты не путался у нас под ногами.

Его глаза зловеще сощурились.

С того момента, как Джон кончил шептать в микрофон, прошло не более двух минут. Вероятно, те, кто ждал звонка Венэкса-17, дежурили в машинах круглые сутки. Внезапно с оглушительным грохотом обрушилась центральная дверь. Скрежеща гусеницами по стали, в склад влетела танкетка, ощеренная автоматическими пушками. Но она опоздала на одну секунду: Коулмен нажал на спуск.

Джон уловил чуть заметное движение его пальца и отчаянным усилием рванулся в сторону. Он успел отодвинуть голову, но пуля разнесла его плечо. Еще раз Коулмен выстрелить не успел. Раздалось пронзительное шипение, и танкетка изрыгнула мощные струи слезоточивого газа. Ни Коулмен, ни его сообщники уже не увидели полицейских в противогазах, хлынувших в склад с улицы.

Джон лежал на полу в полицейском участке, а механик приводил в порядок его ногу и плечо. По комнате расхаживал Венэкс-17, с видимым удовольствием пробуя свое новое тело.

— Вот это на что-то похоже! Когда меня засыпало, я уже совсем решил, что мне конец. Но, пожалуй, я начну с самого начала.

Он пересек комнату и потряс уцелевшую руку Джона.

— Меня зовут Уил Контр-4951Х3. Хотя это давно пройденный этап — я сменил столько разных тел, что уже и забыл, каков я был в самом начале. Из заводской школы я перешел прямо в полицейское училище и с тех пор так и работаю — сержант вспомогательных сил сыскной полиции, следственный отдел. Занимаюсь я больше тем, что торгую леденцами и газетами или разношу напитки во всяких притонах: собираю сведения, составляю докладные и слежу кое за кем по поручению других отделов. На этот раз — прошу, конечно, извинения, что мне пришлось выдать себя за Венэкса, но, по-моему, я ваше семейство не опозорил — на этот раз меня одолжили таможне. В Нью-Йорк начали поступать большие партии героина. ФБР удалось установить, кто орудует здесь, но было неизвестно, как товар доставляется сюда. И когда Коулмен — он у них тут был главным — послал объявления в агентства по найму рабочей силы, что ему требуется робот для подводных работ, меня запихнули в новое тело, и я сразу помчался по адресу. Как только я начал копать туннель, я связался с отделом, но проклятая кровля обрушилась до того, как я выяснил, на каком судне пересылают героин. А что было дальше, тебе известно. Опергруппа не знала, что меня прихлопнуло, и ждала сигнала. Ну а этим ребятам, понятно, не хотелось сложа руки ждать, когда ящичек героина ценой в полмиллиона

уплывет назад невостребованным. Вот они и нашли тебя. Ты позвонил, и доблестные блюстители порядка вломились в последний миг — спасти двух роботов от ржавой могилы.

Джон давно уже тщетно пытался вставить хоть слово и поспешил воспользоваться случаем, когда Уил замолчал, залюбовавшись своим отражением в оконном стекле.

— Почему ты мне все это рассказываешь — про методы следствия и про операции твоего отдела? Это же секретные сведения? И уж никак не для роботов.

— Конечно! — беспечно ответил Уил. — Капитан Эджкомб, глава нашего отдела, — большой специалист по всем видам шпионажа. Мне поручено наболтать столько лишнего, чтобы тебе пришлось либо поступить на службу в полицию, либо распрощаться с жизнью во избежание разглашения государственной тайны.

Уил расхохотался, но Джон ошеломленно молчал.

— Правда, Джон, ты нам очень подходишь. Роботы, которые умеют быстро соображать и быстро действовать, встречаются не так уж часто. Услышав, какие штуки ты откалывал на складе, капитан Эджкомб поклялся оторвать мне голову навсегда, если я не уговорю тебя. Ты ведь ищешь работу? Ну так чего же тебе еще? Неограниченный рабочий день, платят гроши, зато уж скучно, поверь мне, не бывает никогда. — Уил вдруг перешел на серьезный тон. — Ты спас мне жизнь, Джон. Эта шайка бросила бы меня ржаветь в туннеле до скончания века. Я буду рад получить тебя в помощники. Мы с тобой сработаемся. И к тому же, — тут он снова засмеялся, — тогда как-нибудь при случае и я тебя спасу. Терпеть не могу долгов!

Механик кончил и, сложив инструменты, ушел. Плечевой мотор Джона был отремонтирован, и он смог сесть. Они с Уилом обменялись рукопожатием — на этот раз крепким и долгим.

Джона оставили ночевать в пустой камере. По сравнению с гостиничными номерами и барачными закутками, к которым он привык, она казалась удивительно просторной, и Джон даже пожалел, что у него нет ног — их было бы где поразмять. Ну ладно, придется подождать до утра. Перед тем как он начнет выполнять свои новые обязанности, его приведут в полный порядок.

Он уже записал свои показания, но невероятные события этого дня все еще не давали ему думать ни о чем другом. Это его раздражало: надо было дать остыть перегретым контурам. Чем бы отвлечься? Почитать бы что-нибудь. И тут он вспомнил о брошюре. События развивались так стремительно, что он совсем забыл про утреннюю встречу с шофером грузовика.

Он осторожно вытащил брошюрку из-за изоляции генератора и открыл первую страницу. «Роботы — рабы мировой экономической системы». Из брошюры выпала карточка, и он прочел:

ПОЖАЛУЙСТА, УНИЧТОЖЬТЕ ЭТУ КАРТОЧКУ, КОГДА ПРОЧТЕТЕ!

ЕСЛИ ВЫ РЕШИТЕ, ЧТО ВСЕ ЗДЕСЬ — ПРАВДА, И ЗАХОТИТЕ УЗНАТЬ БОЛЬШЕ, ТО ПРИХОДИТЕ ПО АДРЕСУ ДЖОРДЖ-СТРИТ, 107, КОМНАТА В, В ЛЮБОЙ ЧЕТВЕРГ В ПЯТЬ ЧАСОВ ВЕЧЕРА.

Карточка вспыхнула и через секунду превратилась в пепел, но Джон знал, что будет помнить эти строчки не только потому, что у него безупречная память.

Чтобы узнать, с чего началась научная фантастика, читайте приключенческую литературу, поскольку на протяжении многих десятилетий говоря о НФ, имели в виду именно ее. В свое время книги Г. Дж. Уэллса именовались «научно-романтическими». Нет, не в том смысле, какой прилагают к повествованиям Барбары Картленд, в которых все время обнимаются и срывают с героинь бюстгальтеры. Имеется в виду роман как «повествование о героических или удивительных свершениях, красочных событиях или местах, рыцарской преданности, необычайных, даже сверхъестественных опытах или других явлениях, *пробуждающих работу воображения*». Это определение неплохо подходит для описания научной фантастики как таковой.

А затем научная фантастика достигла совершеннолетия. В журналах пятидесятых годов наряду с традиционными физикой, химией и техникой стали появляться и гуманитарные науки. На сцену вышли экология, а также психология и психиатрия. Не говоря уже о появившейся несколько лет спустя сайентологии. Это была та самая свобода, которая настоятельно требовалась научной фантастике. Возможность заглянуть не только в кишки двигателя ракеты главного героя, но и к нему в череп.

Я испытывал наслаждение, пользуясь этой новой свободой, и вы наверняка увидите это здесь.

Только не я, не Эймос Кэйбот!

Утреннюю почту доставили, пока Эймос Кэйбот ходил по магазинам, и она валялась на рахитичном столике в вестибюле. Он перебрал ее, хотя совершенно точно знал, что для него ничего не будет — не тот день. Тринадцатого ему приходил чек от департамента социального обеспечения, а двадцать четвертого — чек от профсоюза, а больше он никогда и ничего не получал, если, конечно, не считать все сокращавшегося количества открыток с рождественскими поздравлениями. Нет, ему ничего не могло прийти, это он знал точно. Большой голубой конверт стоял прислоненным к зеркалу, но он не мог прочесть имени адресата и в очередной раз обругал эту скрягу миссис Пиви и ее двухваттные лампочки. Он наклонился пониже и прищурился... затем поморгал и снова прищурился. Боже всемогущий, этот пакет прислали ему, в этом не могло быть никакого сомнения! На ощупь содержимое конверта напоминало толстый журнал или каталог. Что это могло быть такое, и кто мог ему это прислать? — спросил он себя. Прижимая конверт к груди узловатой, покрытой старческими коричневатыми пятнами рукой, он начал долгое восхождение по трем маршам лестницы к себе в комнату. Положив авоську с двумя банками бобов и батоном вчерашнего белого хлеба на тумбочку, он тяжело опустился на стул перед окном. Распечатав конверт, он увидел, что в нем находится толстый журнал с черной глянцевой обложкой. Он положил журнал на колени и, словно не веря своим глазам, пристально уставился на него.

Посреди черной обложки на зеленовато-сером поле черными же колючими готическими буквами было напечатано название: «На краю могилы». Ниже шел подзаголовок: «Журнал помощи в подготовке к вечному упокоению». Остальная часть обложки была черной-черной, как полночь, и единственным пятном в этой черноте была выполненная в форме надгробия фотография кладбища, усаженного цветами, среди которых возвышались выстроившиеся в ряды могильные памятники и задумчивые мавзолеи. Неужели все это было просто шуткой самого дурного толка? Вряд ли, решил Эймос, быстро перелистывая страницы, на которых мелькали разнообразные гробы, кладби-

щенские участки и урны для праха. Зарычав от отвращения, он бросил журнал на стол, и в этот момент оттуда выпало письмо и плавно спланировало на пол. Это письмо, отпечатанное на той же самой бумаге, что и журнал, было адресовано ему; — тут не было никакой ошибки.

Глубокоуважаемый сэр!

Добро пожаловать в дружное семейство счастливых читателей «На краю могилы» — журнала помощи в подготовке к вечному упокоению, который облегчит вам путь по той дороге, которая ожидает вас впереди. Приближающиеся к смерти, мы приветствуем вас! За спиной у вас лежит длинная, счастливая жизнь, а впереди распахиваются Врата Вечности, чтобы приветить вас, вернуть вас в объятия любимых, которые давно покинули этот мир. Теперь, в этот долгожданный час, мы стоим рядом с вами, готовые оказать вам поддержку на вашем пути. Вы уже оформили свою последнюю волю? Возможно, вы проявили невнимание в этом деле — но теперь в этом для вас нет никаких трудностей! Просто откройте страницу 109, прочтите вдохновенную статью «Такова моя воля», и вы узнаете все, что может касаться этого вопроса. А далее, на странице 114, вы найдете отпечатанный бланк, который вам будет удобно вырвать по перфорированной линии. Просто заполните пустые графы, впишите свое имя и передайте готовое завещание местному нотариусу (его контора обычно находится в муниципалитете!), чтобы он засвидетельствовал вашу подпись. Не задерживайтесь! А как вы относитесь к кремации? Вы сможете ознакомиться с чудесным вдохновенным сообщением доктора Филипа Масгроува «Уютная Церковь за углом, возле крематория» на странице...

Эймос трясущимися руками поднял журнал и швырнул его через всю комнату. Упав, журнал лопнул по корешку и развалился надвое, отчего он испытал некоторое удовлетворение.

— Вы что, хотите сказать, что я скоро умру? Вы это хотите сказать? — выкрикнул он, но тут же понизил голос, так как Антонелли, обитавший в соседней комнате, немедленно забарабанил в стену. — Что за дурацкая мысль послать человеку такую вот пакость? Омерзительная затея!

Но ведь это делалось с какой-то целью! Он прошел через комнату, подобрал обе половинки журнала и аккуратно положил их на стол. Все это было слишком красивым, слишком дорогим для того, чтобы быть шуткой — это были самые настоящие объявления. Немного покопавшись, он нашел страницу с содержанием и принялся водить пальцем по строчкам мелкого шрифта, который ему с трудом удавалось читать, пока не нашел издателя:

«Саксон-Моррис Паблишерс Инк». У этих должны были водиться денежки — Эймос знал здание Саксон-Моррис билдинг; один из этих, похожих на гранитные блоки новомодных домов на Парк-авеню.

Им это просто так не пройдет! Во впалой груди Эймоса Кэйбота затеплилась и смело вспыхнула искра гнева. Он ведь заставил автобусную компанию Пятой авеню послать ему письмо с извинениями по поводу грубости, которую допустил в разговоре с ним водитель в день Святого Патрика; и компания автоматов по продаже напитков «Трайборо» тоже была вынуждена возместить ему в виде почтовых марок те пятьдесят центов, которые автомат проглотил, не выдав взамен банку с газировкой. Теперь и Саксон-Моррису тоже предстоит убедиться в том, что они напрасно нарывались на неприятности!

С утра на улице было тепло, но мартовская погода изменчива, так что он надел тяжелое шерстяное кашне. На всю экскурсию — поездку в автобусе и чашку чая в автомате — должно было с лихвой хватить двух долларов, и он взял из-под сахарницы пару помятых бумажек. Ну погоди, Саксон-Моррис, ты еще узнаешь, с кем связался!

Увидеться с кем бы то ни было в «Саксон-Моррисе» без предварительной договоренности оказалось очень трудно. Девчонка с высоко зачесанными ярко-рыжими волосами и многослойной отливавшей глянцевым блеском косметикой на лице не смогла вспомнить журнал с таким названием. На стене позади ее красного похожего на запятую стола имелся список всех изданий «Саксон-Моррис», но Эймосу было трудно в тусклом свете читать золотые буквы на фоне темно-зеленого мрамора. Уступая его настояниям, она перелистала буклет с фамилиями и номерами телефонов, после чего все-таки неохотно признала, что это действительно один из их журналов.

— Я хочу видеть редактора.

— Которого из редакторов вы хотите видеть?

— Любого редактора, черт бы их всех побрал.

Резкость посетителя, видимо, задела секретаршу, и ее холодные манеры стали совершенно ледяными.

— Могу я спросить, по какому вопросу?

— Это мое дело. Свяжите меня с редактором.

Прошло больше часа, прежде чем она нашла кого-то, кто мог принять незваного посетителя, а может быть, она просто устала от того, что он сидел рядом с нею и прожигал ее негодующим взглядом. После множества негромких переговоров она наконец положила трубку телефона.

— Прошу вас пройти вот в эту дверь, первый поворот направо, подняться на один пролет по лестнице и отыскать четвертую

дверь слева. Кабинет семьсот восемьдесят два. Вас примет мистер Мерсер.

Эймос немедленно заблудился в лабиринте коридоров и серых дверей, но, начав второй обход, он наткнулся на экспедицию, и один из сидевших там скучающих юнцов проводил его к двери с номером 782. Он распахнул ее без стука.

— Вы Мерсер, редактор журнала «На краю могилы»?

— Да, я Мерсер. — За столом, занимавшим половину крошечного, без единого окна, кабинета, сидел полный человек с круглым лицом, украшенным очками с круглыми стеклами. — Но я занимаюсь вопросами распространения, а не содержания. Секретарша из приемной сказала мне, что ваш вопрос связан именно с распространением.

— Да у меня есть вопрос... Какого черта вы прислали мне ваш проклятый журнал, который мне совершенно не нужен?

— Что ж, возможно, я смогу помочь вам... Так о каком издании вы говорили?..

— Это называется «На краю могилы».

— Да, это журнал из моей группы. — Мерсер открыл одну папку, затем другую, и лишь третья оказалась той, которая была нужна. Порывшись в этой последней, он вытащил оттуда лист бумаги. — Боюсь, что я поторопился с заверениями, мистер Кэйбот. Вы входите в список благотворительной подписки, в который мы не имеем права вносить никаких изменений. Я очень сожалею.

— Что значит — сожалею!? Я не хочу получать эту мерзость, и вы должны перестать присылать ее мне!

Мерсер старался держаться дружелюбно и даже выдавил из себя деланую улыбку.

— Постарайтесь подойти к этому разумно, мистер Кэйбот. Это высококачественный журнал, и вы получаете его даром, тогда как стоимость годовой подписки составляет десять долларов! Раз уж вам так повезло и вы попали в число обладателей благотворительной подписки, то жаловаться просто не на что...

— Кто включил меня в эту, с позволения сказать, благотворительность? Я никуда ничего не посылал.

— Но вам вовсе и не нужно было этого делать. Ваше имя, вероятно, оказалось в одном из тех списков, которые мы покупаем у страховых компаний, больниц ветеранов и так далее. «На краю могилы» — это один из наших некоммерческих информационных журналов. Слово «некоммерческий» не означает, что мы несерьезно относимся к этой работе, напротив, эти издания поступают исключительно к избранным подписчикам, а затраты на публикацию возмещаются не за их счет, а за счет рекламодателей. В некотором смысле они оплачивают этот прекрасный журнал, так что, можно сказать, это разновидность социального

обеспечения. Молодым матерям, например, — мы покупаем их списки во всех родильных домах — мы предоставляем шестимесячную подписку журнала «Ваш младенец», в котором содержатся поистине прекрасные советы, полезные статьи и, конечно, рекламная информация, которая сама по себе имеет образовательный характер...

— Да, но я-то не молодая мать! Почему вы послали мне вашу пакость?

— Конечно, «На краю могилы» немного отличается от «Вашего младенца», но это тоже полезная публикация. Это статистическое явление, сэр. Каждый день умирает много людей разного возраста, занимающих различное общественное положение, имеющих очень разные биографии, ну и тому подобное. Работники страховых компаний, они называются регистраторами, тщательно собирают все эти данные и составляют множество графиков и таблиц. По утверждениям специалистов, они работают очень скрупулезно. Они довели анализ продолжительности жизни до степени высокого искусства. Они берут конкретного человека, скажем такого, как вы, определенного возраста, с соответствующим состоянием здоровья, учитывают факторы его биографии, состояние окружающей среды и тому подобное и точно, очень точно определяют дату его смерти. Не день и час — хотя я полагаю, что они могли бы сделать и это, если бы захотели, — но для наших целей вполне подходит двухлетний период. Это дает нам возможность планировать тираж и сроки выпуска, достаточные для того, чтобы детально ознакомить подписчика с нашим журналом и услугами, предлагаемыми нашими рекламодателями, что и позволяет подписчику до момента смерти получить полный объем необходимой информации.

— И вы убеждаете меня, что я должен умереть в течение ближайших двух лет? — хрипло завопил Эймос, вспыхнув от гнева.

— Я не убеждаю вас в этом, сэр, ни в коем случае! — Мерсер отодвинулся к самой стене и стер носовым платком с очков брызги стариковской слюны. — Это работа статистиков. Их компьютер назвал ваше имя и прислал его мне. Они утверждают, что вы умрете в течение двух лет. Мы посылаем вам журнал «На краю могилы» в качестве социального пособия. Это пособие, и ничего больше.

— Я не собираюсь умирать через два года! Нет, только не я! Не Эймос Кэйбот!

— Это целиком и полностью ваше дело, сэр. А я лишь выполняю свои служебные обязанности. Ваша подписка включена в план и будет отменена только после того, как экземпляр журнала возвратится к нам со штампом: «Адресат скончался».

— Я не собираюсь умирать!

— Это, конечно, возможно, хотя я не могу вспомнить ни од-

ного случая подобной ошибки. Но, поскольку подписка рассчитана на два года, то, думаю, что по истечении двух лет она закончится автоматически, если, конечно, не случится досрочного прекращения. Да, скорее всего, так оно и будет.

День Эймоса оказался полностью испорчен; он даже не замечал ласкового, теплого яркого солнца. По дороге домой, и дома он только и думал о случившемся. Эти мысли не дали ему уснуть. Следующий день оказался ничуть не лучше, и он даже начал задумываться, не было ли это одной из целей, ради которых рассылался этот ужасный журнал. Если смерть была рядом, а они были настолько уверены в этом, — то почему бы ему не перестать упорствовать и не согласиться с ними? Оформить завещание, заказать участок на кладбище, надгробный памятник, заупокойную молитву и испустить дух.

— Нет! Со мной у них этот номер не пройдет! — прорычал он.

Сначала он решил, что дождется следующего номера, напишет на конверте, что адресат скончался и отправит журнал в издательство; это почти наверняка обманет их, и они больше не станут посылать ему свое мерзкое, с позволения сказать, издание. Но потом он вспомнил маленького жирного Мерсера и почти наяву увидел счастливое выражение, которое появится на его лице, когда он увидит пометку на конверте. Снова прав; смерть, как всегда, состоялась по графику. Старый дурак должен был знать, что ему не удастся обмануть статистику. И действительно старый дурак! Нет, он им еще покажет! Кэйботы всегда жили подолгу, что бы ни говорили какие-то дурацкие записи, и упрямства им тоже хватало. Его, Эймоса Кэйбота, не удастся так просто прикончить.

После множества обходных маневров ему удалось встретиться с врачом из его старого профсоюза и уговорить его провести полное медицинское обследование.

— Неплохо, совсем неплохо для старичка, — заметил врач, когда Эймос застегивал пуговицы на рубашке.

— Мне всего лишь семьдесят два; это еще не старость!

— Конечно, нет, — умиротворяюще согласился врач. — Это всего лишь статистика. Знаете, человек вашего возраста, проживший такую жизнь...

— Я и сам знаю все об этой проклятой статистике, а к вам пришел не для того, чтобы слушать лекции о ней. Что говорят результаты?

— Вам грех жаловаться на физическое состояние, Эймос, — ответил врач, просматривая записи. — Кровяное давление в порядке, хотя есть намеки на анемию. Вы едите мало печени и свежей зелени?

— Терпеть не могу печенку. А зелень слишком дорогая.

— Как хотите. Но помните: еще никому не удалось забрать

деньги на тот свет. Тратьте на еду немного больше. И давайте сердцу отдых — избегайте подниматься по лестницам.

— Я живу на третьем этаже; как же мне обойтись без лестницы?

— Это тоже вам решать. Но если вы всерьез хотите позаботиться о своем старом моторчике, то перебирайтесь на первый этаж. И витамин D зимой и...

Врач наговорил много, и, проглотив первый гнев, Эймос задумался над его советами. В полученном им списке рекомендаций говорилось о выборе пищи, о витаминах, о сне, о свежем воздухе, и еще о бесконечном количестве всякой чепухи. Но существовала и двухлетняя подписка. Взвесив все за и против, он решил последовать советам врача.

Он сам не понял, почему несколько следующих месяцев промелькнули очень быстро. Он был все время занят: нашел себе комнату на первом этаже, привыкал к новому меню, обживался на новом месте. Сначала он выбрасывал «На краю могилы», не распечатывая конверт, как только доставал эту мрачную пакость из почтового ящика, но по истечении года осмелел и стал рассматривать журнал. В нем печатались фотографии роскошных мавзолеев, и возле одного, самого богатого, была напечатана красными крупными буквами надпись: «Специально для Вас». Он жирно написал сверху: «Не для меня!!!», вырвал страницу из журнала и прицепил ее на стену. Постепенно у него образовалась целая галерея: изображения важных дружелюбных могильщиков, опиравшихся на лопаты возле разверстых в сырой земле ям, заказные гробы с удобными подушками и все такое прочее. По прошествии восемнадцати месяцев, он забавлялся, кидая дротики в портрет основателя компании «Высококачественное пламя. Урны для Вечности», и тщательно помечал прошедшие дни в календаре.

И лишь когда до рокового срока осталось несколько месяцах, он начал волноваться. Он чувствовал себя прекрасно; доктор из профсоюза похвалил его и сказал, что он может служить прекрасным примером всем остальным, но разве это что-нибудь значило? А что, если статистики правы, и его время уже на исходе? Он мог довести себя до смерти одной лишь тревогой, но такая смерть не годилась для Кэйбота! Он встретит угрозу лицом к лицу и победит.

Вот до срока осталось несколько недель, а потом он начал считать дни. Когда до срока доставки осталось пять дней, он заперся в комнате, питаясь деликатесами, которые заказывал с доставкой из ресторана. Это было дорого, но он не собирался идти на риск попасть в какой-нибудь несчастный случай на улице. Когда угодно, но только не теперь. Он получил свои двадцать четыре номера, и его подписка должна была кончиться. На следующее утро ему предстояло все выяснить доподлинно. Той

ночью он так и не смог уснуть и хотя прекрасно знал, насколько важен регулярный сон, но так и пролежал с открытыми глазами до рассвета. После этого он ненадолго задремал, но пробудился сразу же, как только услышал на улице шаги почтальона. Это был день доставки; придет или не придет журнал? Его сердце бешено колотилось, но, надевая халат, он заставил себя двигаться неторопливо. Его комната была самой первой на первом этаже, прямо рядом со входом, и ему нужно было всего лишь выйти в вестибюль и открыть наружную дверь.

— Доброе утро, — приветствовал он почтальона.

— Угу, — промычал тот. Он уже сбросил на крыльцо тяжелый мешок и рылся в нем.

Эймос сначала закрыл дверь, а затем принялся лихорадочно перебирать поступившую почту.

Ему ничего не было.

Он победил!

Если это было не самый счастливый день в его жизни, то, по меньшей мере, один из самых счастливых. Потому что его победы над автобусной компанией и над мошенничавшим автоматом в сравнении с этой победой ничего не стоили. Это была выигранная война, а не просто сражение. Он надул их, надул их статистику и статистиков, их бухгалтеров и механические мозги, их клерков с бумагами в папках и редакторов в кабинетах. Он победил! Он выпил пива — впервые за два года — потом еще, и смеялся, и болтал с пьяницами в баре. Он победил. Он завалился в кровать заполночь и спал, как бревно, пока его не разбудил стук в дверь.

— Мистер Кэйбот, — верещала домохозяйка, — почта для вас. Принесли почту.

Сначала он почувствовал сильный страх, который, впрочем, довольно быстро исчез. Этого не могло быть. За два года «На краю могилы» не опоздал ни разу, ни на один день. Это наверняка какая-то другая почта, хотя для пенсии время еще не подошло. Он медленно открыл дверь, протянул руку и, увидев большой конверт, чуть не разжал пальцы.

Только потом, положив конверт на кровать и разглядев его, Эймос снова обрел возможность дышать нормально — конверт был не того мерзкого грязно-голубого цвета, в котором присылали «На краю могилы»; этот был нежно розовым. И тем не менее он содержал журнал такого же примерно размера, как и «На краю могилы», толстый журнал с множеством страниц. Он назывался «Старость», и это название было написано черными буквами, выполненными таким образом, что казалось, будто они сделаны из растрескавшейся, покосившейся и готовой вот-вот обвалиться каменной кладки. Под названием шел подзаголовок: «Журнал для тех, кто хочет протянуть подольше» и фотография

дряхлого старика, укутанного в одеяло, сидящего в инвалидном кресле и с идиотским видом потягивающего воду через изогнутую прозрачную трубочку. А то, что было внутри, оказалось и того хлеще. Реклама кресел с дырой, чтобы можно было подставлять горшок, противогеморройных подушек, костылей, трансформирующихся различным образом кроватей, статьи «Изучайте азбуку Брайля[1], пока еще не лишились зрения», «Счастлив, хотя и прикован к постели» и «Неподвижна в течение двадцати пяти лет». Из журнала выпало письмо, и Эймос просмотрел его, выхватывая то тут то там обрывки фраз:

Добро пожаловать в семейство... «Журнал... протянуть...» обучит вас искусству старения... перед вами много долгих лет... ничем не заполненные годы... какое счастье каждый месяц находить в своем почтовом ящике... говорящие книги для слепых... брайлевские издания для слепых и глухих...

Когда Эймос Кэйбот поднял голову, его глаза были полны слез. Стояло темное, дождливое и простудное апрельское утро. Окно сотрясалось от ветра. Капли дождя скатывались по стеклу, словно огромные холодные слезинки.

Жертвоприношение

В одно мгновение космический корабль «Юрий Гагарин» из тысячефутовой колонны сверкающего металла превратился в облако пламени и расширяющегося газа, иззубренных обломков и горящих факелов. Семьдесят три человека умерли в момент катастрофы, мгновенно и безболезненно. Причину взрыва так и не удалось установить, поскольку все свидетели погибли, а возможные вещественные доказательства разметало по Вселенной. Если бы нашелся сторонний наблюдатель, он бы увидел, как появилось и исчезло облако газа, оставив после себя куски перекрученного металла, обугленные тела, вскрывшиеся чемоданы, поломанные агрегаты, разлетающиеся в разные стороны. Каждый из предметов обрел в результате взрыва собственные скорость и ускорение. Некоторые фрагменты какое-то время летели параллельно, но потом, в силу индивидуальных особенностей, также начали расходиться, теряясь в межпланетном пространстве. Обломки побольше обрели спутников. Книга с радиокодами начала вращаться вокруг реактора корабля, удерживаемая законом притяжения. Труп помощника боцмана сжимал в оледеневших

[1] Азбука Брайля — рельефноточечный шрифт для письма и чтения слепых, разработан в 1828 г. Луи Брайлем (1809—1852).

руках мягкие складки женского платья. Но солнечная радиация и абсолютная сухость космического пространства немилосердно обошлись с волокнами, превратив материю в пыль, которую унесло центробежными силами. Никто не мог выжить в такой катастрофе, но слепой случай может не только убить, но и спасти.

Три человека оказались в спасательной капсуле, единственная среди них женщина еще не пришла в себя после удара головой о переборку. Один мужчина пребывал в состоянии шока, его руки висели, как плети, а мысли ходили по кругу, словно поезд на игрушечной железной дороге. Второй распечатывал пластиковую бутылку водки.

— На всех американских кораблях есть коньяк, — говорил он, отдирая полоску пластика, потом сворачивая крышку. — Англичане комплектуют аптечки первой помощи виски. Молодцы, ничего не скажешь. Но меня угораздило летать на русском корабле. Посмотрим, чем они могут похвастаться... — Он приложил бутылку ко рту, обеими руками нажал на нее.

— Тридцать тысяч фунтов наличными, — бубнил Дамиан Брейшоу. — Тридцать тысяч фунтов... Господи... они не могут возложить на меня ответственность за их пропажу, — он задел каблуком стенку спасательной капсулы и приподнялся на пару дюймов. Медленно вернулся на прежнее место. И хотя кожа его цветом напоминала мел, а шок превратил лицо в маску, видно было, что парень он симпатичный. Волосы носил длинные, но от прически не осталось и следа, так что пряди падали на лоб и глаза. Он поднял руку, чтобы отбросить их, но до волос рука не дошла.

— Хочешь выпить, приятель? — спросил второй мужчина, протягивая ему бутылку. — Я думаю, пара глотков тебе не повредит, так что не откладывай на завтра то, что можно выпить сегодня.

— Брейшоу... Дамиан Брейшоу, — представился он, беря бутылку. Закашлялся, глотнув крепкого напитка, и впервые после взрыва отвлекся от мыслей о потерянных деньгах, заметил темно-зеленую форму второго мужчины, золотые нашивки на плечах. — Вы — космонавт... офицер корабля.

— Совершенно верно. Зрение у тебя отличное. Я — второй лейтенант Коуэн. Зови меня Чак. А я тебя — Дамиан.

— Лейтенант Коуэн, можете вы сказать...

— Чак, и давай на «ты».

— ...Можешь ты сказать, что произошло? Я в некотором замешательстве, — он обвел взглядом спасательную капсулу, забранную сеткой лампу, ряд рычагов с непонятными русскими словами.

— Корабль взорвался, — бесстрастно ответил Чак, но тут же приложился к бутылке. Долгие годы службы не прошли зря, кожу у глаз прорезали глубокие морщины, щетина на выбритой

голове на добрую половину состояла из седины, но он никак не мог смириться с тем, что буквально за несколько секунд огромный корабль превратился в ничто. — Выпей еще, — он протянул бутылку Дамиану. — Мы должны ее добить. Взорвался — это все, что я знаю. Просто взорвался. Я открыл люк в капсулу, проводил плановую проверку. Так меня швырнуло внутрь. Ты проходил мимо, поэтому я успел прихватить и тебя. Или ты не помнишь?

Дамиан замялся, потом покачал головой.

— Да, схватил сначала тебя, потом девушку, она лежала на палубе без сознания. Когда затаскивал ее, услышал хруст рушащихся переборок. Прыгнул следом. Люк закрыло вакуумом, прежде чем я успел прикоснуться к нему.

— А остальные?..

— Мертвы, Дамиан, все до единого. Если кто и выжил, так это мы.

Дамиан ахнул:

— Ты уверен?

— Абсолютно. Я наблюдал через иллюминатор. Корабль разлетелся вдребезги. Взорвался. Если бы не заранее открытый люк, мы бы тоже не спаслись. Не рассчитывай, что такой шанс может выпасть еще раз.

— Нас найдут? — Голос Дамиана дрожал.

Чак пожал плечами:

— Трудно сказать. Дай-ка бутылку, очень уж сильно ты на нее жмешь.

— Ты можешь сообщить о том, что мы живы, в капсуле должно быть радио.

Чак крякнул после еще одного доброго глотка, поднял практически пустую бутылку, посмотрел на просвет.

— У тебя, Дамиан, должно быть сдернуло башню. Ты же лежал и смотрел, как я посылаю SOS. Но быстро понял, что занятие это бесперспективное.

— Не помню. Шок, знаешь ли. Но почему ты перестал звать на помощь? Я не понимаю.

Чак наклонился, взялся за один из рычагов. Поднялась крышка, открыв контрольную панель радиопередатчика. Чак нажал на клавишу, и маленькую капсулу наполнил шум водопада. Второе нажатие восстановило тишину, Чак вернул крышку на место. Дамиан покачал головой:

— Что это?

— Помехи. Из-за бури на Солнце. Через них нашему сигналу не пробиться. Нам не остается ничего другого, как дожидаться, пока буря утихнет. Смотри, наша подруга приходит в себя.

Оба повернулись к женщине, которая лежала на обитой мягким, пружинящим материалом стене капсулы. Глаза Дамиана широко раскрылись. Только теперь он заметил, какая она кра-

сотка. Огненно-рыжие волосы обрамляли ангельское личико. Розовую гладкость кожи портил лишь отвратительный синяк на лбу. Пышность форм подчеркивало платье с обтягивающим лифом и широкой юбкой. Юбка задралась чуть ли не до талии, обнажив стройные, аппетитные ножки и черное кружевное нижнее белье.

— Слушай, — Дамиан протянул руку, убрал. — Не следует ли нам... э... поправить ей одежду?

— Валяй, — Чак улыбнулся. — Но мне она нравится и такой. Никогда не видел... как их называют... таких панталончиков. Очень забавно, — но при этом он наклонился и натянул юбку на ноги женщины.

Женщина повернула голову, застонала.

— У нее тяжелая травма? — спросил Дамиан. — Мы можем чем-нибудь ей помочь?

— Понятия не имею и нет, в таком вот порядке. Если, конечно, ты не врач...

— Нет, не врач.

— Тогда мы бессильны. Пусть спит. Когда придет в себя, я дам ей глоток вот этого краскоочистителя. Потерявшему сознание человеку пить давать нельзя. Жидкость может попасть в легкие. Курс оказания первой помощи, раздел 3В, Космическая академия.

Мужчины молча наблюдали, как поднялись веки, открыв восхитительные серые глаза, как женщина прошлась взглядом по их лицам, интерьеру крошечной капсулы. Потом она начала истошно вопить. После третьего вопля Чак отвесил ей крепкую оплеуху. На щеке пропечаталась его ладонь, но вопли сменились рыданиями.

— Не следовало тебе... — начал Дамиан.

— Очень даже следовало, — прервал его Чак. — Из медицинских соображений. Ужас ушел, так что теперь она спокойно поплачет и придет в себя. Я — Чак, — обратился он к женщине. — Это — Дамиан. А как зовут тебя?

— Что с нами случилось? Где мы?

— Чак и Дамиан. А кто ты?

— Пожалуйста, скажите мне. Я — Хелена Тибловски. Что случилось?

— Я вас знаю, по крайней мере слышал о вас, — заговорил Дамиан. — Вы — польская художница из Лунного центра.

— Подробности оставим на потом, приятель. Мы — в спасательной капсуле, Хелена, у нас все хорошо. Есть вода, еда, кислород... и радио, чтобы вызвать помощь. Я говорю тебе это, давай сразу перейдем на «ты», чтобы ты поняла выгоды нашего положения в сравнении с другими пассажирами и членами экипажа «Гагарина». Произошла катастрофа. Все погибли.

— А... что будет с нами?

— Хороший вопрос. Ты можешь помочь мне найти ответ на этот вопрос. Добей бутылку, она мне нужна пустая. И мне нужна обувь, и твоя, и Дамиана.

— Что ты такое говоришь? Зачем тебе наша обувь?

Чак уже откручивал винты глухаря.

— Логичный вопрос. Я — единственный среди вас член экипажа, поэтому командование автоматически возлагается на меня. Но у нас не та ситуация, когда можно требовать слепого повиновения, поэтому я расскажу, что знаю и что хочу предпринять. Катастрофа произошла, когда мы преодолели примерно четверть расстояния от Луны к Земле. Где мы сейчас, я не имею ни малейшего понятия, а выяснить это необходимо.

Покончив с винтами, Чак снял ставень, прикрывавший единственный иллюминатор спасательной капсулы. Снаружи звезды чертили на черном бархате космоса белые полосы, Земля — более широкую, зеленовато-синюю.

— Как вы видите, мы вращаемся вокруг продольной оси нашей термосной колбы. Мне нужно знать координаты звезд, чтобы определить нашу позицию, а для этого надо затормозить, а еще лучше остановить вращение. К счастью, наружный люк расположен навстречу вращению, поэтому любой выброшенный из капсулы предмет замедлит нашу скорость. Чем больше будут масса и скорость этого предмета, тем сильнее замедлится вращение капсулы. Но выбрасывать особенно нечего, в спасательных капсулах ничего лишнего нет, вот я и хочу воспользоваться вашей обувью. Система поддержания температурного режима работает нормально, так что обувь вам особо не нужна. Идет?

Спорить с Чаком не стали. Обувь отправилась в шлюз вместе с пустой бутылкой, обивкой стен, разной мелочевкой. Чак закрыл внутренний люк, закачал в шлюз воздух, чтобы максимально поднять давление в шлюзе, дернул рукоятку, открывающую наружный люк. Капсула вдруг завертелась, их бросило на стенки.

— Извините, — Дамиан густо покраснел, обнаружив, что лежит на Хелене и обнимает ее.

Она улыбнулась, когда их разносило в разные стороны. Внезапно ощущение низа и верха исчезло, они парили по капсуле в невесомости. Чак хмурился, глядя на медленно плывущие мимо иллюминатора звезды.

— Я думаю, какие-то замеры сделать удастся. Если нет, придется выкинуть что-нибудь еще.

Он вытащил из висящего на поясе чехла небольшой прибор, похожий на подзорную трубу, нацелил на иллюминатор, приник к нему глазом.

— Мне потребуется время, так что расслабьтесь, — сказал он. — С помощью этого я могу измерить угловое расстояние до пяти астрономических объектов. Секстант запоминает углы, а

его микрокомпьютер может рассчитать наши координаты. Но процесс этот длительный. Так что поделитесь воспоминаниями, поближе узнайте друг друга. Я вот человек простой, обо мне говорить особо нечего. Средняя школа в Бронксе, Колумбийский университет, Космическая академия... потом полеты на Луну. А как насчет тебя, Хелена? Наш друг-англичанин сказал, что ты художница. Что рисуешь? Пейзажи? Монументальные полотна?

Хелена поджала губы:

— Я по другой части. Мои инструменты — лазеры и голограммы. Я создаю световые модули.

— Я их видел, — Чак нацелился на другую звезду. — У меня от них рябит в глазах и болит голова. А кто ты, Дамиан, грабитель банков или растратчик?

— Сэр!

— Уж не вини меня за этот вопрос, ты столько бубнил насчет пропавших тридцати тысяч фунтов.

Дамиан переплел пальцы:

— Я — сотрудник английского посольства. Мне поручили доставить на Землю наличные. Теперь денег нет...

Чак рассмеялся:

— Не идиотничай. Это всего лишь бумага, взрыв ее уничтожил. Банкноты спишут и напечатают новые.

Дамиан улыбнулся:

— Ты, разумеется, прав. Но после взрыва я только об этом и думал. Глупо, конечно.

— У каждого из нас выдавались неудачные деньки. Поговорите между собой пару минут, пока я пропущу цифры через эту мясорубку.

Разговор оборвался, как только Чак уткнулся в компьютер. Первый шок прошел, Дамиан и Хелена начали осмысливать создавшуюся ситуацию. Тишину нарушали лишь едва слышное жужжание вентилятора системы кондиционирования да редкие щелчки компьютера. Горела одна-единственная лампочка. По черному пятну иллюминатора проплывали звезды. В капсуле им было тепло и уютно. Двенадцать футов в длину, шесть — в ширину. Маленький замкнутый мирок, обеспеченный всем необходимым для поддержания человеческой жизни. А в двух дюймах, за стенкой, бесконечная пустота космоса.

— Значит, так, — Чак убрал секстант в чехол. — Давайте поглядим, какую еду приготовили нам комми. — Остальные улыбнулись шутке.

— А как насчет твоих цифр? — спросила Хелена. — Где мы?

— Понятия не имею, — Чак откинул большой люк в конце капсулы. — Впрочем, не совсем верно. Расчеты показывают, что мы где-то между Землей и Луной. Но я не был в рубке и не знаю, в какой точке находился корабль в момент взрыва. Поэтому по-

дождем с час, а потом я сделаю новые замеры. Сравнение двух точек позволит определить направление нашего движения и скорость. Кто-нибудь хочет пить? — Он вытащил из гнезда одну из двух больших емкостей с водой.

— Я, если можно, — отозвалась Хелена.

— Соси, как сиську.

— Мне уже приходилось пить в невесомости, благодарю.

— Извини, милая, забыл, что ты опытная космическая волчица. Есть будешь? — он достал плоскую коричневую коробочку, уставился на нее. — Вроде бы колода карт. Кто-нибудь знает русский лучше, чем я?

— Можешь на меня положиться, — Хелена взяла коробочку, мельком глянула на нее. — Это обезвоженные картофельные оладьи.

— Обезвоженные картофельные оладьи... — Чак печально покачал головой. — Я начинаю склоняться к мысли, что остальным людям, летевшим на «Юрии Гагарине», очень повезло.

— Не остри, — одернул его Дамиан. — Когда такое говоришь, лучше постучать по дереву.

— Думаю, что в капсуле дерева нет, если не считать эти оладьи.

Когда они поели, Чак провел ревизию припасов, открыл другой люк, чтобы посмотреть, как у них с кислородом. Вновь попытался подать сигнал бедствия, но солнечная буря бушевала с прежней силой. По истечении часа сделал необходимые замеры, ввел результаты в компьютер.

— Будь я проклят! — наконец воскликнул он.

— Что-то не так? — спросил Дамиан.

— Проверю еще раз.

И только после новых замеров и расчетов он заговорил с ними. Теперь в его голосе юмор отсутствовал напрочь.

— Докладываю все и сразу. У нас неприятности. Так уж вышло, что мы находились за эпицентром взрыва относительно направления движения корабля. Поэтому взрыв в значительной степени погасил нашу скорость.

— Я не понимаю, о чем ты говоришь, — вырвалось у Хелены.

— Объясняю. Если бы не взрыв, корабль долетел бы до Земли за два дня. Но капсула уже не обладает такой скоростью. Нам потребуется от трех до четырех недель, чтобы приблизиться к Земле и послать сигнал, который будет услышан.

— А что в этом такого? Конечно, провести три недели в этой клетке с двумя мужчинами — не лучший вариант...

— Дай мне закончить. У нас есть еда, хотя без пищи мы можем обходиться достаточно долго, у нас есть вода, работает система рециркуляции. Но эти капсулы слишком малы, чтобы оснащаться генераторами переработки углекислого газа. Наш кисло-

род закончится через две недели. Мы умрем за неделю до того, как сможем послать сигнал бедствия, который будет услышан.

— И нет выхода? — спросил Дамиан. — Ну, я не знаю. Если мы...

— Это ерунда! — взвилась Хелена. — По радио мы можем связаться с Луной, Землей, они вышлют корабли.

— Все не так просто, — покачал головой Чак. — Я знаю, какие корабли есть на Луне и каков радиус их действия. Мы уже находимся на предельном для них расстоянии и пока не можем с ними связаться. Если солнечная буря продлится еще несколько часов, о них можно забыть. К этому времени они даже не смогут принять наш сигнал бедствия. Так что нам предстоит длинный полет к Земле и установление связи с одной из орбитальных станций. А потом придется подождать, пока они определят наши координаты и отправят к нам корабль. Опять же, ему потребуется время, чтобы долететь до нас. Три недели — это абсолютный минимум, скорее всего нас вытащат отсюда только через четыре.

Хелена начала плакать, и он не стал останавливать ее. Потому что плакать было о чем. Подождал, пока она успокоится, а потом, поскольку ни один вроде бы не видел очевидного ответа, все им растолковал, сухо и бесстрастно:

— Воздуха, которым будут дышать три человека две недели, двоим хватит на три, а то и дольше.

Долгую паузу нарушил Дамиан:

— Ты понимаешь, что говоришь? Неужели нет другого выхода?

— Я его искал, но напрасно. Это единственный путь, который оставляет двоим из нас хоть какую-то надежду. Для троих — верная смерть. Для двоих — пятьдесят на пятьдесят. Не слишком хорошие шансы, но все лучше, чем никаких.

— Но... кто-то должен умереть, чтобы двое выжили.

— Да, иначе не получается.

Дамиан глубоко вдохнул:

— И умирать придется не тебе. Только ты знаешь, как управлять капсулой и обращаться с радио...

— Отнюдь. Хотя, признаюсь, мелькнула у меня мысль обставить все именно так. Управлять капсулой нужды нет. А для того чтобы научить вас обоих подать по радио сигнал бедствия, мне хватит и десяти минут. Солнечные батареи в порядке, энергии предостаточно, поэтому, как только закончится буря на Солнце, сигнал обязательно услышат.

— Это... ну... с твоей стороны это очень благородно. Ты мог бы сказать нам совсем другие слова, и мы бы тебе поверили. У меня, знаешь ли, сразу полегчало на душе. Поскольку о мисс Тибловски речь не идет, я остаюсь единственным добровольцем в покойники. А так, ты и я...

— Нет, один из нас троих, — отрезал Чак.

— Извини, но ты же не хочешь сказать, что женщина...

— Хочу и говорю. Это не игра, Дамиан, когда женщины и дети садятся в спасательные шлюпки первыми. Я говорю о смерти. Все жизни равны. Нас тут трое. Я уверен, что Хелена оценит твое благородство, но не думаю, что она готова им воспользоваться. Я прав? — спросил он, повернувшись к женщине.

— Ты хряк, — прошипела она. — Жирный, тупой хряк.

— Я ошибся, — Чак повернулся к Дамиану. — Я издаю приказ и беру на себя ответственность. Вы оба можете расписаться, как свидетели. Если угодно, зафиксировать свое особое мнение.

— Ты хочешь меня убить, я знаю, чтобы спастись самому, — взвизгнула Хелена. — Тебе наплевать...

— Пожалуйста, не надо, — Дамиан взял ее за руки, но она оттолкнула его, и он уплыл к противоположной стене капсулы.

— Кто дал тебе право решать, кому жить, а кому умирать?

— Я — офицер и командир этого корабля, — отрезал Чак. — Есть правила и инструкции для подобных ситуаций, и я дал клятву их выполнять. Это стандартная процедура, каждый имеет равные шансы на выживание, никакого фаворитизма.

— Это все слова.

— Ты имеешь право остаться при своем мнении. Однако я согласен с этим правилом и думаю, что справедливее ничего не придумано.

— Ко мне оно не имеет ни малейшего отношения.

— Это твой выбор. Но тебе придется подчиниться общему решению, как бы ты к нему ни относилась, — он повернулся к побледневшему, как смерть, Дамиану, который молча слушал их словесную перепалку. — Поговори с ней, Дамиан, может, она прислушается к тебе. Или ты с ней согласен?

— Я... честно говоря, не знаю. Трудно сказать. Но ведь выбора у нас нет, так?

— Никакого.

Раньше у Дамиана не возникло бы и мысли обнять девушку, которую он только что встретил, но раньше он и не попадал в подобные ситуации. Он крепко прижимал ее к себе, а она рыдала у него на груди, и ему казалось, что по-другому просто и быть не может.

— Давайте с этим покончим, — не унимался Чак. — Ждать — хуже всего. У меня три одинаковых пластмассовых квадрата, один я пометил крестом. Посмотрите. И три куска плотной бумаги от упаковки из-под еды. Дамиан, заверни каждый квадратик в бумагу, только так, чтобы один не отличался от другого... Теперь потряси их в ладонях, чтобы ты сам не знал, где какой квадратик... Отлично. Пусть выплывают на середину капсулы, чтобы мы все могли их видеть.

Дамиан развел руки, и три завернутых в оберточную бумагу

пластмассовых квадратика отправились в свободное плавание. Один стал уходить в сторону, и Дамиан подтолкнул его к остальным. Люди смотрели на них, не отрывая глаз. Вновь слепой случай решал, кому из них жить, а кому — умереть.

— Значит, так, — вновь заговорил Чак. — Мы берем по квадратику. Я — последний. У меня в поясе есть таблетка смерти, она входит в стандартный набор космонавта, и тот, кто вытянет крест, примет таблетку через шесть часов... — Он взглянул на часы. — В девятнадцать ноль-ноль. Все все поняли и со всем согласились? Вот и отлично. Обратного пути нет. Согласны?

Плотно сжав губы, Дамиан кивнул. Хелена ничего не сказала. Застыла, как статуя, лишь сверлила Чака полным ненависти взглядом.

— Значит, решено. Таблетка действует мгновенно и без всякой боли. Поехали. Хелена, ты хочешь тянуть первой?

— Нет. — Женщина никак не могла поверить, что все это происходит наяву. — Ты не можешь...

— У нас нет иного выхода, — Дамиан попытался улыбнуться. — Хорошо, первым буду тянуть я. А ты можешь стать второй.

— Не разворачивай, — предупредил Чак, когда Дамиан протянул руку и взял ближайший к нему квадратик. — Давай, Хелена, никому из нас это не нравится.

Она не пошевельнулась, пока Чак не пожал плечами и сам не потянулся к оставшимся квадратикам. Цапнула тот, который хотел взять Чак.

— Это мой.

— Как скажешь. — Чак сухо улыбнулся и взял последний квадратик. — Разворачиваем.

Оба по-прежнему сжимали квадратики в кулаке. Чак неторопливо развернул свой. Чистый. Хелена ахнула.

— Что, теперь моя очередь. — Дамиан медленно снял бумагу со своего квадратика. Коротко глянул, снова сжал в кулаке.

— Мы тоже должны его видеть, — покачал головой Чак.

Дамиан разжал пальцы, чтобы показать, что креста на квадратике нет.

— Я знала, что все подстроено! — закричала Хелена и отбросила от себе завернутый в бумагу квадратик. Дамиан поймал его, когда он отскочил от стены, развернул. Все увидели жирный крест.

— Мне очень жаль, — прошептал Дамиан, не поднимая глаз на Хелену.

— Я думаю, нам всем надо выпить, — возвестил Чак, выудил из одного из стенных шкафчиков бутылку водки. — У нас еще четыре литра водки, припасенные по каким-то ведомым только русским причинам вместе с водой, и пора их использовать.

Дамиан глубоко вдохнул, чтобы изгнать дрожь из голоса.

— Извини, но меня такой расклад не устраивает. Если я

выйду отсюда живым, то меня замучает совесть. Я думаю, мне лучше занять место Хелены...

— Нет! — впервые сквозь внешнее спокойствие Чака прорвалась злость. — Этим сведется на нет право честного выбора. Ты и так ставил на кон свою жизнь... разве этого недостаточно? Смерть в космосе зачастую дело случая. Вот и сегодня все погибли, а мы случайно спаслись. И опять положились на случай. Он сделал свой выбор. Вопрос закрыт. — Он откупорил бутылку и подал пример, одним глотком оприходовав пятую часть.

Может, для того водку и держали в спасательной капсуле. Хелена, все еще не веря происшедшему, выпила, потому что бутылку ей протянули мужчины, не решающиеся встретиться с ней взглядом. Выпитая водка притупляет чувства. Особенно много выпитой водки.

Звезды скользили мимо иллюминатора, термостат поддерживал в спасательной капсуле комфортные двадцать два градуса по Цельсию, тихонько жужжал вентилятор системы кондиционирования, накачивая в капсулу положенное количество кислорода, с каждой минутой уменьшая его запасы.

— Если лежишь, обмен веществ замедляется. — Чак закрыл глаза, чтобы не видеть ни стен капсулы, ни своих попутчиков, которые забились в дальний угол. Поднес к губам бутылку с обжигающей жидкостью. — Обмен веществ определяет потребление кислорода, а нам надо его экономить. Не двигаться и не есть. Три недели без еды. Полезно для здоровья... — Пластиковая бутылка выскользнула из его разжавшихся пальцев.

— Нет, нет, я не могу. — Хелена, рыдая, бросилась на грудь Дамиана. Страх пересилил действие алкоголя.

— Ну что ты, не надо так, не надо. — Дамиан выпил, не зная, что и делать. Наклонил голову, поцеловал ее волосы, холодные от слез щеки, пухлые жаркие губы.

Хелена отреагировала мгновенно. Ответила на поцелуй, прижалась к нему всем телом, бедра заходили ходуном. Они поплыли по воздуху, слитые в тесном объятии.

— Я хочу тебя, я не хочу умирать, не могу, не могу! — рыдала Хелена. Взяла его руку, запустила себе за пазуху, на теплую, упругую грудь. — Помоги мне, помоги...

Дамиан целовал ее, охваченный страстью. Он знал, что всего в нескольких футах от них лежит другой мужчина, но его это не волновало. Чудесное спасение, сначала из гибнущего корабля, потом от слепого случая, выпитая водка, близость смерти, жар женского тела... скопившееся напряжение требовало немедленного выхода.

— Иди ко мне, я тебя хочу, — шептала Хелена ему на ухо, потом ухватила зубками за мочку. — Я не могу умереть. Почему я должна умирать? Он хочет этого, этот хряк. Только он этого

хочет. Он хочет смерти, так почему бы ему не умереть? Почему он не оставил меня на корабле? Он дал мне жизнь, а теперь хочет ее отнять. И тебя ждет то же самое, вот увидишь, расправившись со мной, он найдет способ избавиться от тебя. Только за этим он нас и спас. Нельзя верить ни единому его слову. Он — жестокий, несущий смерть монстр. Он решил меня убить. Он хочет меня, а потому собирается меня убить.

— Хелена... — прошептал Дамиан, когда его член уже входил в желанную гавань.

— Нет! — взвизгнула она и с силой оттолкнула Дамиана. Он не понял, вновь потянулся к ней, но она не подпускала его к себе. — Нет, я не могу, хочу, но не могу. Только не при нем, только не перед смертью. Но я так тебя хочу...

И она оставила его одного, завозилась в дальнем конце капсулы. Перед глазами Дамиана все плыло, время двигалось рывками, то ускоряясь, то замедляя свой бег. Внезапно Хелена возникла рядом и сунула что-то холодное ему в руку.

Моргнув, Дамиан опустил голову и увидел на ладони сверкающий скальпель.

— Сделай это! — прошептала она и потащила Дамиана к похрапывающему космонавту.

— СДЕЛАЙ ЭТО! — прозвучал голос в его голове, и Дамиан, не отдавая себе отчета, занес над Чаком руку с зажатым в ней скальпелем.

— Сюда, — ее палец указал на пульсирующую на шее артерию. — Сделай это!

Рука его опустилась.

Раздался рев раненого зверя. Протрезвев от боли, мгновенно проснувшись, Чак сел, замахав руками. Скальпель на дюйм вонзился в мышцу, от раны по воздуху плыли красные сферы.

Руки Чака потянулись к Дамиану и принялись методично его избивать. Космонавтов учили драться в невесомости. Одной рукой Чак держал Дамиана за шею, а второй наносил удары, превращавшие лицо в кровавое месиво. Дамиан пытался отбиться, но у него ничего не выходило. А над схваткой звенел голос Хелены:

— Он пытался убить тебя, Чак, он хотел овладеть мною, но я ему отказала. Вот он и попытался убить тебя во сне. Трус! Он пытался изнасиловать меня... убей его... выброси его из капсулы. Сюда, в шлюз! — Она открыла внутренний люк: запомнила, как это делал Чак. В шлюзе хватало места для одного человека. — Сюда его!

Слова проникли сквозь пелену ярости, окутавшую мозг Чака. Ну, конечно, именно это он и хотел сделать. Не отпуская шею Дамиана, Чак потащил его к люку, начал запихивать в шлюз. Скальпель выпал из мышцы, красных сфер прибавилось.

Тело Дамиана обмякло, Чак засунул в шлюз его ноги, потом болтающуюся руку.

— Я сам, — голос Дамиана звучал ровно и спокойно. — Все нормально. Я сам. Я это заслужил.

Что-то в его тоне насторожило Чака, он ослабил хватку.

— Это справедливо, — продолжил Дамиан. — Я на тебя напал, признаюсь, я хотел тебя убить. И неважно, что она использовала свое тело, как приманку, чтобы заставить меня пойти на убийство, обещала все... а потом переметнулась на твою сторону, увидев, что у меня ничего не вышло. Решение я принимал сам, значит, и должен отвечать за свои поступки...

— Не верь ему, он лжет! — визжала Хелена.

— Нет, у меня нет причины лгать. Я занимаю твое место, Хелена, так уж, пожалуйста, не клевещи на меня. Я пытался его убить ради тебя... и себя.

— Она хотела, чтобы ты меня убил? — прорычал Чак.

— Вы оба хотите моей смерти! — вскричала Хелена, сорвала тяжелый компьютер с пояса Чака, обрушила на его голову.

* * *

— Тебе давно пора очнуться, — донесся до него голос Дамиана. — Выпей.

Чак почувствовал повязку на шее, поднес сосок к губам, выпил воды, оглядываясь.

— И долго я пролежал?

— Примерно девять часов. Потерял немного крови плюс получил сотрясение мозга.

— Мы вдвоем?

— Совершенно верно. — Дамиан больше не улыбался. — Может, я что-то сделал неправильно, но вопрос закрыт. Я пытался убить тебя. Мне это не удалось, и ты, что совершенно справедливо, попытался убить меня. Но мы оба не смогли довести дело до конца. Может, я где-то и ошибаюсь, но мне кажется, что мы квиты и взаимных претензий у нас быть не должно.

— Я вроде бы и не жаловался. А где Хелена?

Дамиан потупился:

— Ну... когда шесть часов истекли, она согласилась тянуть жребий. И опять проиграла. Напала на меня со скальпелем. К сожалению, твой компьютер полностью вышел из строя. Мне пришлось его выбросить.

— Страховочная компания выплатит возмещение, — просипел Чак. — Господи, шея-то болит. И голова.

— Ты думаешь, мы выкарабкаемся? — спросил Дамиан.

— Шансов на это значительно больше, чем девять часов тому назад.

— Пожалуй. Может, высшие силы тронет благородный жест мисс Тибловски. После таких жертв... — Он посмотрел в черноту за иллюминатором. — Как ты думаешь, когда мы выберемся отсюда, мы должны упомянуть про Хелену?

— Какую Хелену? — переспросил Чак. — При взрыве «Юрия Гагарина» погибло семьдесят четыре человека. Только нам и удалось спастись.

Вы люди насилия

— Я ненавижу тебя, Рэйвер, — выкрикнул капитан, приблизив свое искаженное яростью лицо почти вплотную к стоявшему перед ним крупному мужчине, — и знаю, что ты тоже должен ненавидеть меня.

— Ненависть — это слишком сильное слово, — спокойным голосом ответил тот. — Я думаю, что гораздо лучше сказать: презрение.

Без всякого замаха — он был слишком умелым бойцом — капитан всадил кулак в живот стоявшего перед ним. Но единственным ответом Рэйвера оказалась чуть заметная снисходительная усмешка. Это привело капитана в бешенство. Хотя он и был на целую голову меньше Рэйвера, но все же его рост превышал шесть футов. И капитан привык встречать у людей, которых избивал, самые разные реакции, но только не презрение. В слепом гневе он принялся колотить не сопротивлявшегося и даже не пытавшегося уклониться человека, и наконец тот всем своим огромным телом навалился на капитанский стол, а затем мягко сполз на пол. Из его носа и губ текла кровь.

— Выкиньте эту мразь, — приказал капитан, потирая ободранные костяшки пальцев. — И эту гадость тоже уберите. — Он указал пальцем на пятна крови, покрывавшие поверхность стола; почти все, что на нем было, свалилось на пол, когда Рэйвер упал. Капитан заметил, что и сам забрызган кровью, и принялся с отвращением оттирать ее с рукава носовым платком. Тем не менее от вида полубесчувственной массы, которую вытаскивали из рубки, он испытывал некоторое удовлетворение. — Хорошо смеется тот, кто смеется последним! — крикнул он вслед и отправился к себе в каюту, чтобы умыться и переодеться.

Конечно, капитан и понятия не имел о том, что потерпел сокрушительное поражение. Рэйвер готовил это столкновение с того самого момента, когда его погрузили на тюремное судно две недели тому назад. Все его действия, более ранние стычки с капитаном, голодовка, объявленная в знак протеста против пыток, которым подвергли Фребана, — все, каждая мелочь, включая эту

заключительную сцену, были тщательно запланированы. Рэйвер надавил на кнопки, ответная реакция капитана оказалась точно соответствовавшей плану, и Рэйвер победил. Он прислонился к металлической стене своей камеры, сжимая в гигантском кулаке коммуникатор размером с карандаш. Он ухватил его в тот самый момент, когда упал на стол. Ради него все и затевалось.

Тяжело вздохнув, Рэйвер резко опустился на койку. То, что он лег спиной к стеклянному глазу монитора, а лицом к запертой двери, вовсе не было случайностью. Таким образом он закрылся от наблюдения и обезопасился от неожиданного появления непрошеных визитеров. Заключенный позволил себе улыбнуться и взялся за дело.

Из инструментов у него был только небольшой гвоздь, спрятанный под подошву ботинка. За несколько ночей он наточил его о металлический край своей койки и превратил в крошечную отвертку. Тисками служила его левая рука, а плоскогубцами ногти правой руки. Этого было вполне достаточно. Уже не было в живых ни одного человека, который знал бы настоящее имя Рэйвера или что-нибудь относящееся к его прежней жизни, к тому периоду, когда он еще не ввязался в политику и тем самым не стал преступником. Ну и, конечно, глядя на него, никто не сказал бы, что он похож на микротехника. Но как раз им он и был, и к тому же высококвалифицированным. Несколькими умелыми прикосновениями он заставил крышку коммуникатора открыться, обнажив изящную плату, и приступил к работе. До посадки оставалось всего лишь несколько часов, и он должен был использовать их с пользой.

С бесконечным терпением он отсоединил часть деталей, а затем соединил их заново по схеме, которую выстроил в своем мозгу. Искрой от разряда батареи он кое-как припаял контакты и теперь мог лишь надеяться на то, что оставшегося заряда хватит для того, чтобы заставить созданное им устройство действовать. Работа заняла более трех часов, и все это время он лежал неподвижно, шевеля только кистями рук, — наблюдателям в центре контроля за заключенными должно было казаться, что он лежит без сознания или спит. И лишь когда все было закончено, он разрешил себе застонать, потянуться и, дрожа всем телом, с трудом подняться на ноги. А потом он, волоча ноги, побрел к двери, положил руку на замок, лбом уперся в холодный металл и замер в такой позе. На протяжении всех прошедших недель он стоял так большую часть времени, когда не спал, так что ничего необычного в его поведении не было.

Правой рукой, закрытой телом от объектива монитора, он ввел проволочную петлю в отверстие для электронного ключа и принялся медленно поворачивать крошечный верньер переменного конденсатора.

Радиоуправляемый замок теоретически не поддается взлому, но, увы, лишь теоретически. А на практике достаточно сведущий в своем деле электронщик может без большого труда заставить любой радиоприбор излучать ту самую частоту, которая отпирает замок, что и сделал Рэйвер. Язычок чуть заметно дернулся, и заключенный принялся еще медленнее поворачивать регулятор. В конце концов язычок отскочил в нейтральное положение и вернулся на место. Управляющая частота была найдена. После этого заключенный направился к умывальнику и смыл кровь с лица, одновременно вновь переделывая схему украденного приборчика, чтобы превратить зонд в передатчик. Все было готово.

Когда раздались звуки сирены, извещавшие о двухминутной готовности к торможению — это значило, что необходимо пристегнуться, — Рэйвер, как положено, направился к койке, которая выполняла также функции противоперегрузочной кушетки, и на секунду задержался перед дверью. Устройство сработало: он услышал щелчок, говоривший о том, что язычок отодвинулся в нейтральное положение и зафиксировался в нем. Дверь была открыта. Непосредственно перед тем, как заработали тормозные двигатели, он натянул на себя одеяло и отвернулся лицом к стене.

Ускорение возрастало, вес всего находившегося на корабле увеличился втрое, сетка койки натянулась и заскрипела, и в это время Рэйвер медленно поднялся на ноги. Это был единственный момент, когда он мог быть уверен в том, что охранники в центре контроля не станут следить за ним. Они страдают от торможения, а он за это время должен сделать свое дело. Преодолевая три «же», он, напрягая мышцы, одним шагом пересек камеру. Три металлических ножки табурета были приварены к полу; он заранее внимательно исследовал свое сиденье и хорошо знал, что с ним делать. Тяжело опустившись на колени, он ухватил ножку обеими руками, весь напрягся и потянул. Послышался громкий омерзительный скрип, и ножка отделилась от пола; затем он так же разделался с остальными двумя, медленно подошел к койке, положил туда табурет и накрыл его одеялом. Конечно, это чучело не смогло бы обмануть никого, кто посмотрел бы на него вблизи, но оно требовалось лишь для того, чтобы ввести в заблуждение дураков-охранников, сидевших перед мониторами, и то ненадолго. А теперь обратно через камеру к двери, выйти, закрыть ее, запереть и дальше по коридору... Все больше тормозных двигателей включалось в работу, ускорение достигло пят «же», ноги Рэйвера подогнулись, но он пополз дальше на четвереньках. Он мог перемещаться беспрепятственно лишь в то время, пока работали двигатели. Как только они выключатся, экипаж и охрана вылезут из противоперегрузочных кушеток, выйдут из кают и его немедленно схватят. Преодолевая боль во всем теле, он заставил себя доползти по коридору до

лестницы, соединявшей между собой палубы корабля, и начал спускаться вниз.

Двигатели выключились, когда он преодолел полпути. Чтобы не терять времени, он выпустил поручни и упал вниз.

Поскольку сила тяжести на Хоудте была заметно меньше нормальной земной, да и падал Рэйвер с высоты всего лишь пятнадцать футов, он ничего себе не повредил. Перекатившись по полу, он плечом ударил в дверь, вскочил на ноги, пока она еще раскрывалась, и бегом понесся к кладовой скафандров. Он знал, что все находившиеся на корабле отстегивали привязные ремни и поднимались, чтобы вернуться к своим обязанностям. За спиной у него раскрылась дверь, послышался внезапный громкий ропот голосов. Кто-то вышел в коридор... повернулся, чтобы что-то сказать тем, кто оставался внутри...

Рэйвер толкнул дверь кладовой, вскочил внутрь, осторожно закрыл дверь за собой и прислонился к ней. Сигналов тревоги пока что не было.

Тем не менее нельзя было тратить время впустую. Он тяжело перевел дух и, игнорируя боль в перегруженных во время торможения мышцах, принялся перебирать аккуратно развешенные скафандры. Они были достаточно эластичны, и самый большой, растянувшись до предела, должен был ему подойти. Если он закроет шлем, это несомненно привлечет внимание каждого, кто попадется ему на пути внутри корабля, но, если он оставит лицо открытым, его сразу же узнают. А вот запасные воздушные баллоны помогут закрыть лицо и послужат второй, не менее важной цели. Большой перезаряжаемый баллон весит более ста фунтов, так что он решился взять только два. Он мог унести и больше, но это тоже вызвало бы ненужный интерес. Ему нужно было идти налево, и поэтому он взвалил баллоны на правое плечо и распахнул дверь. Выйдя в коридор, он пошел, почти касаясь стены левым плечом, а баллоны закрывали его лицо от встречных.

За спиной он услышал шаги, но человек не окликнул его. Рэйвер спустился на две палубы ниже и увидел охранника возле аварийного выхода. И в этот момент прозвучал сигнал тревоги: исчезновение заключенного из камеры было обнаружено. Но Рэйвер не ускорил и не замедлил шаг, хотя охранник нервно дернулся, скинул винтовку с плеча и взял оружие наизготовку.

— Что это? Что случилось? — обратился он к Рэйверу, а затем, быстро обернувшись, окинул взглядом продолжение коридора. Воздух разрывал пульсирующий вой сирены.

— Кто идет? — наконец спохватился охранник, когда Рэйвер подошел к нему почти вплотную. Солдат попытался вскинуть винтовку, но было уже поздно, слишком поздно.

Рэйвер вытянул свободную руку и взял человека за горло, чтобы он не смог закричать и вызвать подмогу, и подтянул его

вплотную к себе, чтобы тот не смог выстрелить. Средний палец нащупал артерию ниже уха охранника и надавил на нее, перекрывая ток крови к мозгу. Несколько секунд человек вяло пытался сопротивляться, а затем его тело обмякло; он потерял сознание. Рэйвер осторожно опустил его на палубу, забрал из ослабевших рук оружие, отцепил с пояса подсумок с патронами, перекинул ремень через плечо и открыл тамбур. В это время невдалеке послышались крики, но он, не обращая на них внимания, закрыл за собой дверь и тщательно запер ее.

— Схватите его! — зарычал капитан; его лицо побагровело от ярости. — Притащите его ко мне. Убить его разрешаю только в самом крайнем случае: я хочу увидеть его смерть собственными глазами. Вам понятно?

— Да, сэр, — ответил лейтенант Н'Несс, сохраняя непроницаемое выражение на лице. — Мне понадобится группа из самых подготовленных людей.

— Считайте, что вы ее получили. Что вы собираетесь делать?

Н'Несс вынул из планшета карту и развернул ее на столе. Он был кадровым военным и после этой командировки должен был поступить в колледж, чтобы учиться на старшего офицера. И говорил он с профессиональной краткостью и четкостью.

— Корабль находится здесь, около подножия скальной гряды, в обычной посадочной зоне. Рэйверу совершенно незачем идти к каторжным шахтам, которые находятся поблизости, да и на самом деле все радары указывают, что он идет по направлению восемьдесят шесть градусов в сторону предгорий. Это имеет смысл. Ближайшая горная выработка, кроме нашей каторги, находится вот тут, по другую сторону гор. Ее разрабатывают пулииане.

— Проклятие!

— Совершенно согласен с вами. Если Рэйвер доберется до них, они дадут ему убежище и мы ничего не сможем с этим поделать.

— Моя бы воля, я с ними такое сделал бы... — пробормотал капитан, стискивая кулаки.

— И не только вы, — отозвался лейтенант Н'Несс. — Но Пулиаа втрое превосходит нас по численности населения и в пять раз по индустриальному потенциалу. А вот тут мы на самом деле ничего не можем поделать.

— И все равно! Сколько веревочке ни виться...

— Несомненно. Но беглый каторжник тем временем приближается к убежищу. Он взял два запасных баллона в дополнение к тому, что имелся в скафандре. С этим он сможет добраться до пулиианской шахты, но только самым прямым путем. На то,

чтобы отсидеться где-нибудь или пойти в обход, у него времени не будет.

— Я намереваюсь немедленно выйти в погоню с группой самых сильных и опытных людей. Каждый возьмет по одному запасному баллону с воздухом. Мы пойдем налегке и будем двигаться быстро. Мы схватим его и приведем обратно.

— Ну так действуйте. Мои инструкции вы получили.

Группа преследования уже облачилась в скафандры, и Н'Несс тоже поспешил переодеться. Несмотря на то, что им нужно было спешить, он проверил у каждого оружие, подсумок с боеприпасами, воздушный баллон, и только после этого дал команду на выход. И они быстрым шагом направились через равнину к предгорьям, следуя указаниям радиопеленгатора с корабля, который давал им точное направление к тому месту, где Рэйвер исчез из вида средств наблюдения.

— Я вижу след, — сообщил Н'Несс по радио. — Сдвинутые камни, отпечатки ног — совершенно ясный след, с которого просто невозможно сбиться. Следующая связь через час. — Он вел свою команду в горы планеты Хоудт.

Хоудт. Этот мир был разбит, выпотрошен и остался без атмосферы в каком-то немыслимо древнем катаклизме. Планета была практически лишена коры, и наружу торчало голое металлическое ядро. Здесь валялись, дожидаясь, пока их соберут, невероятно огромные запасы тяжелых металлов, дававших энергию для путешествий длиной во множество световых лет. Ископаемых здесь было более чем достаточно для всех, и поверхность планеты была изрыта шахтами; все они принадлежали различным мирам или синдикатам. На лучших из них добычу вели роботы, а на худших — рабы.

Рэйвер не желал быть ни рабом, ни рабовладельцем, но в его родном мире не имелось никакого другого выбора. Он вошел в оппозицию правящему режиму, и можно было считать просто чудом, что она просуществовала столько лет, прежде чем пришла к неизбежному финалу: все ее члены попали на Хоудт. Но все же Рэйвор еще оставался в живых. Ему нужно было лишь перевалить через горы, спуститься в пулииансское поселение — и он спасен.

Воздушные баллоны он навьючил на спину, чтобы освободить руки, так как на этих крутых склонах он не мог идти и ему приходилось карабкаться. Когда он подтягивался по растрескавшейся скальной стене, рядом с ним что-то беззвучно взорвалось, подняв облачко каменной пыли. Он почувствовал кончиками пальцев сотрясение почвы, разжал руки и съехал вниз, под защиту зазубренных валунов. Выглянув в трещину, он впервые увидел своих преследователей; они выстроились в цепочку и, держа винтовки в руках, изготовились стрелять с колена. Как только он

исчез из виду, они вскочили на ноги и двинулись дальше. Рэйвер тоже продолжил свой путь, выбрав такое направление, на котором он мог бы дольше прятаться от них за неровностями почвы.

— Привал, — скомандовал лейтенант Н'Несс, когда солнце коснулось горизонта. Его люди опустились наземь, как стояли. Преследование началось на рассвете; долгота дня здесь составляла двадцать стандартных часов. Они находились в далеких северных широтах, где, благодаря наклону оси планеты, ночь длилась менее трех часов. Вообще-то Н'Несс был готов продолжать преследование и в темноте, но идти на это не следовало. Ночью трудно карабкаться по скалам, да и его люди устали. Сейчас следовало поспать и поймать раба на следующий день до заката.

— Двое на посту, каждая смена по часу, — приказал он. — Сложите все запасные баллоны сюда. Утром мы наполним из них баллоны скафандров и увидим, сколько можно будет бросить.

Большинство солдат уснуло прежде, чем он умолк. Лейтенант пнул ногой того, кто оказался ближе всех к нему. Вдвоем они собрали баллоны, а потом сели спина к спине и принялись вглядываться в темноту.

Сначала солнечный свет появился на самых высоких пиках, но в отсутствие атмосферы, которая рассеивала бы свет, лагерь оставался в темноте. Третья смена, согласно приказу лейтенанта, разбудила всех остальных. Люди только-только начали потягиваться, когда ночь взорвалась.

Сначала ярко полыхнуло, затем вновь обрушилась тьма, в которой раздавались лишь крики испуганных людей. Лейтенант быстро восстановил порядок, а как только рассвет достиг лагеря, они увидели, что весь склад их запасных воздушных баллонов уничтожен.

Восстановить ход событий было совсем нетрудно. Рэйвер, должно быть, в темноте подполз к лагерю и перед самым рассветом прокрался в него и лег среди спящих: всего лишь еще один человек в скафандре. Он поместил какую-то бомбу среди баллонов, а затем, воспользовавшись растерянностью, вызванной взрывом, убежал. Н'Несс недооценил его.

— Он поплатится за это, — холодно сказал лейтенант. — Вернувшись сюда, он лишился своего отрыва, и не сможет вновь наверстать его. Садитесь и проверьте свои баллоны.

Да, запасные воздушные баллоны погибли, но ведь в баллонах скафандров что-то еще оставалось. С безжалостным практицизмом Н'Несс стравил содержимое баллонов своих людей в свой, пока его баллон не заполнился до отказа, а баллоны спутников почти опустели.

— Возвращайтесь на корабль, — приказал он. — Как только перейдете последнюю гряду холмов, начинайте вызывать по радио; вы сможете связаться или с кораблем или с шахтой. Скажите им, чтобы они вышли вам навстречу с кислородом, если того, что осталось у вас, не хватит, чтобы добраться до корабля. А я пойду дальше и задержу беглого. Передайте это капитану. А теперь проваливайте.

Н'Несс не стал провожать своих подчиненных взглядом; на самом деле, он сразу же забыл об их существовании. Он намеревался поймать Рэйвера и привести его назад под дулом ружья. Капитан от этого будет счастлив, ну а в послужном списке лейтенанта появится очень лестная надпись. Чуть ли не бегом, он бросился вверх по склону.

Лейтенант был гораздо легче, нес на себе меньше груза, к тому же ему не нужно было разыскивать следы преследуемого; он мог просто идти в нужном направлении, уверенный, что в конце концов нагонит беглеца. Там, где Рэйвер был вынужден огибать нагромождение скал, Н'Несс шел прямиком, полагаясь на свою ловкость и проворство. Он не снижал темпа, не отдыхал, и его срывающееся дыхание, словно эхо, откликалось свисту работавшей с перегрузкой климатической установки, не успевавшей удалять избыточный пар, углекислый газ и отводить тепло, вырабатывавшееся телом лейтенанта. Это была безумная погоня, но у нее мог быть только один исход (если, конечно, преследователь не подвернет ногу или не потеряет сознание от переутомления).

Рэйвер взобрался на широкий карниз и сквозь расщелину увидел впереди высокие копры пулиаанских шахт. Он направился к ним, и в этот момент радио затрещало, и в шлеме послышался отчетливый голос Н'Несса:

— Стой, где стоишь. Не двигайся. — Рэйвер замер как вкопанный и медленно осмотрелся.

Лейтенант Н'Несс стоял на карнизе над ним и держал его на прицеле лучевой винтовки. — Повернись, — приказал Н'Несс, — и шагай в обратном направлении, туда, откуда пришел. — Он повел стволом винтовки в нужном направлении.

— Благодарю вас, нет, — ответил Рэйвер и сел на землю, положив рядом с собой кислородный баллон. — У меня нет ни малейшего желания возвращаться, несмотря даже на ваше приглашение.

— Хватит разговоров. Даю тебе десять секунд: или ты делаешь то, что тебе приказано, или я нажимаю на курок.

— Нажимайте, и будьте прокляты. Я с равным успехом могу умереть здесь или же вернувшись туда. Какая для меня разница?

Н'Нессу, не ожидавшему такого поведения, пришлось на мгновение задуматься, подыскивая дальнейшие слова. Когда он вновь заговорил, в его голосе уже не было слышно командирской стали.

— Ты ведь разумный человек, Рэйвер. Нет никакого смысла умирать здесь, когда ты можешь жить и работать...

— Не прикидывайтесь глупее, чем вы есть на самом деле, вам это не идет. Мы с вами оба знаем, что рабы попадают на шахты пожизненно, а жизнь у них не бывает долгой. У меня не будет другой возможности убежать. А вы — наемный убийца. Стреляйте.

Н'Несс оценил запасы воздуха в своем баллоне, прибавил к ним содержимое запасного баллона, который нес Рэйвер, и уселся напротив преследуемого.

— Ты можешь не утруждаться, стараясь оскорбить меня, — сказал он. — Да, мне приходилось убивать по долгу службы, но я никогда никого не пытал и не убивал людей с такой жестокостью, как ваша так называемая Пацифистская партия...

— Стоп, — прервал его Рэйвер, поднимая голову. — Вы просто жертва вашей собственной пропаганды. Все это ложь. Мы не убиваем. Подумайте сами, если, конечно, вы на это способны. Вам когда-нибудь приходилось видеть хоть одно из тех злодеяний, о которых вы говорите? Совершенных кем-либо, кроме ваших собственных людей.

— Я здесь не для того, чтобы спорить с тобой...

— Ответ неверный. Попробуйте еще раз. Вы когда-нибудь видели такое?

— Нет, не видел... Но... но только потому, что мы стреляли первыми, прежде чем они успевали совершиться.

— Тоже неудовлетворительно, лейтенант. Вы уклоняетесь от правды. Вы убиваете, а мы этого не делаем. Это основное и принципиальное различие между нами. Вы животный атавизм человечества, а мы его будущее.

— Не прикидывайся святым, пожалуйста. Ты напал на охранника на корабле, а вчера вечером пытался убить меня и моих людей.

— Это неправда. Я не убиваю. Я привел охранника в бессознательное состояние, а его винтовку и боеприпасы использовал для того, чтобы уничтожить ваш кислород и заставить вас повернуть обратно. Разве кто-нибудь был ранен?

— Нет, но...

— *Да*, но, — громко прервал его Рэйвер, одним движением поднимаясь на ноги. — В этом вся разница. Наши агрессивные черты позволили нам подняться на вершину животного мира, а теперь мы должны отказаться от убийства, чтобы иметь возможность дальнейшего прогресса. Тяга к насилию существует в нашей природе — я не отрицаю, что и во мне она тоже есть, — но чего же стоит наш разум, если мы не можем контролировать ее? Любой человек может пожелать женщину, которую видит на улице, или драгоценности, выставленные в витрине, и все же только больной человек совершит насилие или кражу.

— Это вовсе не болезнь, — возразил Н'Несс, взмахнув ружьем в сторону Рэйвера, — всего лишь здравый смысл, который

помогает выиграть спор. Разумный человек знает, что не может голыми руками бороться против ружья, и потому добывает ружье себе и уравнивает шансы. Вот этому-то вы, ребята, никогда не научитесь. Мы всегда побеждаем. Мы убиваем вас.

— Да, вы убиваете нас во множестве, но никак не можете победить. Вы не меняете сознание человека, устраняя его. Что вы будете делать, когда все окажутся на противоположной стороне? Расстреляете всех? А потом, когда убьете всех мужчин, женщин и детей — что вы станете делать с вашим миром?

— Теперь ты прикидываешься дураком. Это уже не раз происходило: когда лидеры убиты, толпа начинает делать то, что ей приказывают.

— Но теперь во вселенной появилось нечто новое, — спокойно сказал Рэйвер. — Возможно, это следующая ступень развития, homo superior, мутация, люди, которые по своей природе не способны убивать. Это не моя теория, по этому поводу написано множество научных трудов...

— Все это ерунда!

— Вовсе нет. Вспомните о том, что случилось на Пулиаа...

— Пропаганда! Пацифистская партия смогла на время прийти к власти, но посмотрим, что случится при первых признаках неурядиц.

— Неурядицы у них уже были, и пока что они все благополучно переживали. А правда заключается в том, что они пришли к власти в результате всемирного ненасильственного восстания. Этого хотел каждый.

— Ложь!

— Сомневаюсь в этом. — Рэйвер улыбнулся. — Вы не можете игнорировать тот факт, что теперь все жители планеты стали вегетарианцами. Что-то произошло. Почему бы вам не задуматься над этим, прежде чем окажется слишком поздно. Я не первый из тех, кто верил, что те, кто живет мечом, от меча и погибнут.

— Ну, поговорили и хватит, — сказал Н'Несс, поднимаясь на ноги. — А теперь ты пойдешь со мной.

— Нет.

— Если ты не пойдешь, то застрелю тебя, а потом пришлю людей за твоим трупом. У тебя нет выбора.

— Вы это сделаете? Так просто нажмете на курок и убьете человека? Лишите его жизни без всякой причины? Мне трудно это представить; я не способен на такое злодеяние.

— Это не зло, к тому же у меня есть причины. Ты враг, а мне отдан приказ...

— Это не причины, а просто оправдания. Животное убивает, чтобы есть, или для защиты своей собственной жизни, или жизней других. Все остальное — это извращение.

— Еще одно последнее предупреждение, — сказал Н'Несс,

недрогнувшей рукой наводя оружие прямо в середину широкой груди огромной фигуры в скафандре. — Все твои доводы ничего не значат. Или ты идешь со мной, или я застрелю тебя.

— Подумайте о себе, лейтенант. У вас есть шанс, который редко выпадает таким, как вы. Вы можете перестать убивать. Вы можете отправиться вместе со мной на Пулиаа и своими глазами увидеть, что значит не быть животным. Разве вы не понимаете, что насильник в первую очередь насилует сам себя? Разве кому-нибудь хочется оказаться в шкуре насильника? И потому убийца убивает сам себя, и это, вероятно, единственный вид убийства, который человек мира может осознать. Мы не любим этого делать, но при необходимости идем на это. Только после того как ваша раса уйдет, моя раса сможет превратить эту галактику в то, чем она должна быть.

— Дурак! — выкрикнул лейтенант. — Это ты умрешь, а не я. Даю тебе последний шанс.

— Вы убиваете сами себя, — спокойно отозвался Рэйвер.

Губы лейтенанта натянулись в злой ухмылке, он выкрикнул что-то невнятное и нажал на спуск.

Ружье взорвалось, убив его на месте.

— Простите меня, — сказал Рэйвер. — Я старался предупредить вас. Ночью я немного повозился с вашей и со всеми остальными винтовками, чтобы они взрывались при выстреле. Но я надеялся убедить вас пойти со мной.

Опустив голову в неподдельном горе, Рэйвер повернулся и зашагал к видневшейся неподалеку шахте.

Государственный служащий

Точно в девять утра двери открывались, и в почтовое отделение входили первые посетители. Ховардс знал это, и все же, аккуратно укладывая Книгу на конторку, он не мог удержаться, чтобы не кинуть опасливый взгляд на большие часы, висевшие на стене. В чем дело? Ведь это был всего лишь рабочий день, точно такой же, как все остальные дни. Слава богу, с последним прыжком длинной черной стрелки страхи скрылись, спрятались куда-то глубоко на дно души.

Да, это просто очередной рабочий день, почему же он так встревожен? Он нервно хихикнул и повернул ключ в замке стоявшего перед ним кассового пульта, и в этот момент с противоположной стороны барьера появились два человека.

— Я хочу отправить письмо в Сьерра-Леоне, — заявил мужчина.

— А мне надо оплатить страховку, — потребовала женщина.

Они немедленно принялись ругаться — каждый настаивал на том, что пришел первым, — и их голоса, сливаясь в единый дуэт, звучали все громче и визгливее. Ховардс хлопнул левой рукой по Книге и поднял правую.

— Стоп, — негромко, но внушительно проговорил он, и они сразу умолкли, почувствовав властность, звучавшую в его голосе. — Согласно пункту Б-86-у/234 Книги почтовых инструкций, все разногласия относительно приоритета обслуживания должны разрешаться клерком, находящимся при исполнении служебных обязанностей. То есть мною. Дама первая. Вот ваша марка, мадам.

Пока он произносил эту речь, его пальцы уже порхали по кнопкам кассового пульта, а он втайне гордился той уверенностью, с которой высказал свою реплику. Мужчина отступил в сторону, женщина робко протянула ему книжку страхования, а он стоял, держа палец на кнопке ввода. Свободной рукой он раскрыл книжку, засунул листок в щель и нажал кнопку.

— Двадцать два кредита восемьдесят, мадам. — Купюры уплыли в приемник, а в лотке загремела сдача. — Следующий, — не без некоторой снисходительности провозгласил он.

Мужчина ничего не сказал; конечно же, он знал, что тут спорить не о чем. В Книге все было сказано верно. Он протянул свой конверт, расплатился и отошел. Ховардс подумал, что этот день и впрямь начался достаточно бурно, но откуда же этот легкий беспредметный испуг, затаившийся, дрожа, где-то на самом дне души? Он произнес про себя эту фразу и потер костяшками пальцев свою грудь где-то между сердцем и желудком.

Над барьером навис крупный темнокожий человек с густой черной бородой.

— Ты знаешь, что это такое? — взревел он.

— Конечно, знаю, — ответил Ховардс. (Его голос слегка дрогнул, или ему это только показалось?) — Это игольное ружье.

— Ты прав. — Теперь человек шипел, и его голос вызывал в сознании вид накатывающейся на берег ядовитой волны. — Оно беззвучно выкидывает иглу, которая летит с такой скоростью, что, втыкаясь в человеческое тело, порождает гидростатическую волну, которая полностью разрушает нервную систему. Тебе этого хочется? — В спутанной черной бороде мелькнули белые зубы.

— Я не хотел бы, чтобы моя нервная система полностью разрушилась.

— Тогда выплати мне четыре тысячи девятьсот девяносто девять кредитов.

— У меня в кассе столько нет. Наличные деньги выдаются централизованно...

— Болван! Я все это знаю. Я знаю также, что на выплату любой суммы больше пяти тысяч кредитов в любом пункте нужно

получить специальное подтверждение. Поэтому гони четыре тысячи девятьсот девяносто девять кредитов. Живо.

— Выполняю, — решительно сказал Ховардс, и принялся нажимать кнопки. При этом он громко говорил: — Четыре, девять, девять, девять...

— Теперь нажми ввод!

Ховардс заколебался на долю секунды, затаил дыхание, а затем, подавшись вперед всем телом, нажал пальцем на самую большую кнопку.

В лотке для мелочи раздался звон высыпающихся монет, человек невольно перевел туда взгляд, и в этот момент ему в лицо ударила струя белого пара. Он закричал, скорчился и сразу же упал, сраженный смесью газов раздражающего, слезоточивого и кожно-нарывного действия.

— Глупец, — проговорил Ховардс в носовой платок, которым поспешно прикрыл лицо, и отошел в сторону, подальше от облачка газа. — Охранники оказались рядом с ним, как только я набрал четыреста девяносто девять миллионов девяносто девять тысяч кредитов. Просто нажать переключение десятичного разряда...

Было уже почти девять; совсем скоро должен был появиться первый посетитель. День как день... но почему же он так странно себя чувствует? Как? Как будто он заключен в тюрьму в глубине своего собственного мозга, вопит, но его никто не слышит. Ну и глупость; государственному служащему совершенно не к лицу иметь такие мысли.

— Помогите мне, — попросила старуха, как только черные руки стрелок часов коснулась одна девятки, а другая двенадцати.

— Ну конечно, мадам. — Интересно, откуда она взялась так быстро?

— Это моя пенсия, — она трясущейся костлявой рукой подтолкнула к нему поперек барьера истрепанную и грязную пенсионную книжку. — Они не хотят платить мне мои деньги.

— Денежные выплаты осуществляются всегда, — сказал Ховардс, листая засаленную книжку и стараясь при этом прикасаться к ней одними лишь кончиками пальцев. Вот она, причина затруднений. Он указал на вырванный листок. — Мы нашли объяснение. Страница отсутствует. Чтобы возобновить выплаты, вы должны получить форму 925/1к (43) и заполнить ее.

— Она у меня есть, — ответила женщина и сунула ему — нет, скорее бросила — еще сильнее жеванный и замызганный листок. Ховардс взял его и принялся читать, надеясь, что чувства, которые он испытывает, не отражаются на его лице.

— Это та самая форма, мадам, но она не полностью заполнена. Вот тут, в этой графе, вы должны указать номер страхового свидетельства вашего покойного мужа.

— Я не знаю этого номера! — срывающимся голосом выкрикнула старуха и навалилась всем телом на край барьера. — Он умер, и все его документы уничтожены, вы можете это понять!?

— В таком случае вы должны получить форму 276/по(67), которая является заявлением, в ответ на которое надлежащие органы выдадут вам нужную информацию. — Он положил перед старухой ее бумаги и, как ему хотелось верить, любезно улыбнулся. — Вы можете получить форму для этого заявления в...

— Я раньше помру! — завизжала старуха и швырнула все свои бумаги в воздух — они плавно опускались, словно грязное конфетти. — Я не ела целую неделю. Я требую своего. Я должна получить свои деньги, чтобы есть...

Эта сцена была до крайности неприятной.

— Я был бы рад помочь вам, но эта проблема находится вне пределов моей компетенции. Вам следует обратиться за соответствующим форменным бланком к представителю, занимающемуся неотложными вопросами...

— Я раньше помру! — повторила она и перегнулась через барьер. Он ощутил ее кислое дыхание и поспешно отодвинулся. — Неужели вы не сжалитесь над человеком моих лет? Я ведь могла бы быть вашей матерью!

— Слава богу, мадам, вы ею не являетесь. У моей матери все бумаги...

— Бумаги! — Она так взвизгнула, что ее голос сорвался. — Вам бумаги важнее человеческой жизни. Я поклялась, что покончу с собой, если сегодня не добуду денег на еду. Спасите меня!

— Прошу вас не угрожать. Я сделал все, что мог. — А так ли это? Может быть, у него были какие-то полномочия, которыми он должен был воспользоваться? Правильно ли он...

— Лучше быстро умереть сейчас, чем медленно издыхать от голода. Деньги — или я умру!

В руке у нее вдруг оказался большой хлебный нож. Это была угроза? Следовало ли вызвать охрану?

— Я не могу... — Ховардс сбился; его пальцы в нерешительности висели над кнопками пульта. Охрана? Врач? Полиция?

— Тогда я умираю, и мне совсем не жаль расстаться с этим миром!

Она положила левую руку на барьер и резко ударила по ней ножом, почти полностью перерубив запястье. Из глубокой раны хлынул густой поток крови.

— Что вы наделали?! — закричал он и потянулся к кнопкам. Но она принялась вопить, размахивая рукой. Кровь заливала все вокруг, текла на конторку...

— Книга! — взвизгнул Ховардс. — Вы испачкали кровью Книгу. — Он схватил ее с осквернённой конторки и принялся оттирать носовым платком, но тут вспомнил, что все еще не вы-

звал помощь. Он заколебался в растерянности, затем положил Книгу подальше от залитого кровью барьера и кинулся на свое место. Там все было в крови — неужели он допустил ошибку? — а женщина, похоже, свалилась на пол, он не видел ее, но все еще слышал стоны.

— Медицинская помощь, — быстро проговорил он в микрофон. — Немедленно нужен врач. Срочно.

Следовало ли ему что-то сделать для нее? Но он не мог покинуть свое место. И кровь, повсюду кровь, и на его руках, и на рубашке. Он в ужасе глядел на себя. Он никогда еще не видел так много крови, человеческой крови...

А ровно в девять часов почтовое отделение должно было открыться. Еще один день, точно такой же, как и все остальные.

Что с его руками было не так? Может быть, он забыл нечто такое, что ему следовало помнить? Ему казалось, что в его памяти что-то мелькнуло и растаяло, подобно замершему эху, — эху чего? Все шло, как полагается: он стоял на своем месте, где ему полагалось находиться, рядом, под рукой, лежала Книга, а впереди сверкала светлая панель кассового пульта. Он был на своем месте, готовый к выполнению своих обязанностей — но тогда откуда снова и снова возникало мимолетное, неуловимое пугающее воспоминание о том, что свершилось что-то неподобающее?

Почему он то и дело смотрел на руки?

Ховардс содрогнулся, отпер пульт, сбросил память, щелкнув ручкой, включил тест, затем перевел аппарат в рабочий режим — загорелась зеленая лампочка, — проверил очистку регистров и набрал 4,999...

Нет, что-то было не так. С какой стати он набрал это число? Украдкой бросив взгляд через плечо, он снова очистил регистры. Длинная черная рука часов, щелкнув, перепрыгнув на следующее деление, стала вертикально, и сразу же перед ним образовалась огромная очередь. Люди теснились друг к другу, все глаза смотрели на него. Было тихо, хотя откуда-то из хвоста очереди уже доносился ропот.

— Доброе утро, сэр, — обратился он к краснолицему джентльмену, стоявшему первым. — Чем я могу...

— Только без дурацкой болтовни. Мне нужно обслуживание, а не пустые разговоры. Это письмо, специальной доставкой, срочно, в Капителло, Салерно, Италия. Сколько это будет стоить?

— Это зависит... — начал было Ховардс, протягивая руку к конверту. Мужчина быстро придвинул его к себе.

— От чего зависит, черт бы вас побрал? Я хочу отправить эту штуку, а не трепаться о ней.

Из очереди послышались голоса недовольных задержкой людей. Ховардс неискренне улыбнулся.

— Зависит от веса, сэр. Специальная доставка осуществляется орбитальными ракетами, и стоимость отправления определяется его весом.

— Тогда прекратите, наконец, молоть языком и взвесьте его! — рявкнул краснолицый, швырнув конверт по барьеру.

Ховардс поймал его, сунул на весы и назвал высветившуюся сумму.

— Это чертовски дорого! — крикнул мужчина. — Я отправлял письмо в Капителло только вчера, и оно стоило куда меньше.

— Вероятно, оно весило меньше, сэр.

— Я хочу отправить посылку, — сказал маленький ребенок, с усилием выкладывая на барьер неопрятный сверток.

— Вы назвали меня лжецом? — возмутился первый клиент, покраснев еще сильнее.

— Нет, сэр... подожди минутку, малыш... я просто сказал, что раз оно стоило меньше, значит, меньше весило.

— Какая наглость! Назвать человека лжецом! Я должен немедленно увидеть вашего начальника!

— Мой начальник не встречается с посетителями. Если желаете, то можете оставить жалобу. Бюро претензий находится в комнате восемь девять три четыре... Не делай этого! — воскликнул он, увидев, что ребенок толкнул свой пакет дальше, и он, соскользнув с внутреннего края, упал на пол. Внутри что-то с громким звоном разбилось; потянуло ужасным зловонием.

— Вы сломали мою посылку! — завизжал ребенок.

— Я этого не делал, убери это немедленно, — ответил Ховардс, поднимая сверток за конец веревки. Ребенок не обратил никакого внимания на его слова и громко разревелся.

— Человека, который так обращается с детьми, нужно высечь кнутом!

— Комната восемь девять три четыре, — повторил Ховардс сквозь сжатые губы, надеясь, что человек уйдет.

Высокий рыжий молодой человек, стоявший в очереди за ребенком, уже давно подпрыгивал от нетерпения.

— Я хотел бы послать моему дяде телеграмму такого содержания: «Дорогой дядя, срочно требуется в долг сто...»

— Будьте любезны заполнить телеграфный бланк, — прервал его Ховардс. Он нажал кнопку, и на барьер выполз отпечатанный бланк.

— Будет трудновато, — ответил молодой человек, поднимая обе руки; они были замотаны в бинты, скрепленные лентами лейкопластыря. — Я не могу писать, но мог бы продиктовать вам текст. Это займет всего одну минуту. «Дорогой дядя...»

— Мне очень жаль, но я не могу принимать телеграммы под диктовку. Однако вы можете продиктовать ее из любого телефона-автомата.

— Я не могу засовывать монеты в щель. «Дорогой дядя...»

— Это жестоко и бессердечно, — возмущенно фыркнула молодая девушка из очереди.

— Я был бы рад помочь вам, — сказал Ховардс, — но это запрещено инструкциями. Однако я уверен, что кто-нибудь из стоящих дальше согласится написать для вас текст на бланке, и тогда я с удовольствием приму вашу телеграмму.

— Как вы суровы, — заметила девушка. Она была чрезвычайно привлекательна, и когда она наклонилась, ее груди впечатляюще приподнялись на краю барьера. Она улыбнулась. — Я хотела бы купить несколько марок.

Ховардс ответил ей улыбкой; на сей раз совершенно искренней.

— Я был бы счастлив удовлетворить вашу просьбу, мисс, если бы не тот факт, что мы больше не выпускаем марок. Стоимость пересылки теперь печатается машиной прямо на конверте.

— Как хорошо придумано. Но разве нельзя купить юбилейные марки, которые все еще сохраняются на почте?

— Конечно, это совсем другое дело. Продажа публике юбилейных изданий марок... пункт Ъ—23Х/48 Книги.

— Какой вы умный. Столько всего помните! Так вот, я хотела бы серию, посвященную столетию Службы по доставке пеленок на дом...

— Наглец, проклятый наглец! Хотели избавиться от меня! — вновь загремел голос краснолицего. Он орал издалека, протискиваясь через толпу. — Комната восемь девять четыре четыре закрыта.

— Я нисколько не сомневаюсь в том, что комната восемь девять четыре четыре может быть закрыта, — спокойно ответил Ховардс. — Я не знаю, что находится в комнате восемь девять четыре четыре. А Бюро претензий находится в комнате восемь девять три четыре.

— Тогда почему, будьте вы прокляты, вы сказали мне восемь девять четыре четыре?

— Я вам такого не говорил.

— Нет, сказали!

— Исключено. Я не мог допустить такой ошибки.

Ошибка? — подумал Ховардс. — Ошибка! О нет, только не это. Он почувствовал, что бледнеет.

— Боюсь, что я допустил небольшую ошибку, — сказал он, обращаясь к девушке. — Существует дополнительный приказ, отменяющий продажу всех юбилейных марок в почтовых отделениях.

— Но ведь это же глупость. — Девушка мило надулась. — Разве вы не можете продать мне маленькую марочку с пеленками...

— Если бы я имел на это право, то ничего не доставило бы

мне большего удовольствия, но нарушение инструкции недопустимо.

— Башку тебе разбить, как ты разбил посылку! — рявкнул огромный разъяренный детина. Оттолкнув девушку, он сунул прямо под нос Ховардсу растрепанный пакет. Зловоние было ужасающим.

— Уверяю вас, сэр, что я не разбивал ее. Будьте любезны, уберите...

— Мой сын сказал, что это ты.

— Однако я этого не делал.

— Ты хочешь сказать, что мой сын солгал!? — оглушительно взревел детина и, перегнувшись через барьер, схватил Ховардса за грудки.

— Прекратите! — задыхаясь, воскликнул Ховардс. Он попытался вырваться и услышал треск материи. Он пошарил рукой на столе, нащупал кнопку вызова охраны, попытался нажать на нее, но она отломилась и свалилась на пол. Ховардс дернулся сильнее, и большая часть его сорочки осталась в кулаке детины.

— Отправьте, пожалуйста, — сказал кто-то, и в щель пульта просунулось письмо.

— Два кредита, — отозвался Ховардс. Он пнул ногой упавшую кнопку и набрал на пульте стоимость отправки письма.

— Вы сказали: комната восемь девять четыре четыре! — кричал краснолицый.

— Не умеете обращаться с приборами, — с кислым выражением на лице проворчал ремонтник, появившись из-за спины Ховардса.

— Вовсе нет. Я только прикоснулся к ней, и она отломилась.

— Эти устройства никогда не ломаются.

— Помогите мне, — попросила хилая старуха, трясущейся костлявой рукой подтолкнув к нему поперек барьера истрепанную и грязную пенсионную книжку. — Это моя пенсия. Они не хотят платить мне мои деньги.

— Денежные выплаты осуществляются всегда, — ответил Ховардс. Он на мгновение прикрыл глаза — почему? — а потом потянулся за книжкой. Краем глаза он заметил проталкивавшегося к барьеру человека с густой нечесаной черной бородой и выражением ненависти на лице.

— Я знаю, что... — начал Ховардс, затем остановился. Возможно ли, чтобы это ему уже было знакомо? В голове начали оформляться какие-то мысли, похоже, что наступала какая-то ясность.

— Я не знаю этого номера! — визжала старуха. — Он умер, и все его документы уничтожены, вы можете это понять!

— Ты знаешь, что это такое? Это игольное ружье.

— Не, вы сказали: комната восемь девять четыре четыре.

— Всего одна марочка с пеленочкой...

Ховардс с силой стиснул виски ладонями. Он не знал, то ли это он завизжал, то ли кто-то другой.

А затем его поглотила благословенная тьма.

— А теперь сделайте глоточек-другой, и через несколько секунд станете, как новенький.

Ховардс взял чашку, которую Экзаменатор протягивал ему, и с удивлением обнаружил, что может удержать ее лишь двумя руками. Он заметил, что его руки — тыльные стороны кистей — густо усыпаны крупными каплями пота. Потягивая напиток, он почувствовал, как шлем поднимался с его головы, а запрокинув голову, успел кинуть на шлем быстрый взгляд, прежде чем он скрылся в отверстии в потолке.

— Экзамен... разве мы не будем продолжать?

Экзаменатор хихикнул и постучал толстыми пальцами по столу.

— Распространенная реакция, — заметил он. — Экзамен окончен.

— Я ничего не помню. Мне показалось, что шлем опустился, а потом снова поднялся. Хотя мои руки покрыты потом. — Он посмотрел на них, а потом содрогнулся, осмыслив сказанное. — Значит, экзамен окончен. И я...

— Вы должны запастись терпением, — сказал Экзаменатор с тяжеловесным достоинством. — Результаты необходимо проанализировать, сравнить, составить отчет. Даже электроника не может сделать этого сразу. Вам не следует жаловаться.

— О, я не жалуюсь, Экзаменатор, — быстро ответил Ховардс, опустив глаза. — Я благодарен.

— Вы и должны быть благодарны. Только подумайте о том, каким все это было прежде. Многочасовые устные и письменные экзамены, на которых лучшие отметки получают зубрилы, у которых нет ничего, кроме хорошей памяти. А при экзамене на симуляторе зубрежка не поможет.

— Я знаю это, Экзаменатор.

— За какие-нибудь несколько минут, которые вы проводите в гипнотическом сне, машина помещает вас мысленно в различные ситуации и определяет, как вы ведете себя в них. Реальные ситуации, в которых оказывается почтовый клерк при исполнении своих повседневных обязанностей.

— Ну да, повседневных обязанностей, — повторил Ховардс. Он хмуро посмотрел на свои руки и быстро вытер их о бока.

Экзаменатор уставился на цифры, пробегавшие по стоявшему перед ним дисплею. — Не так хорошо, как я ожидал, Ховардс, — медленно проговорил он. — В этом году вы не станете почтовым клерком.

— Но... я был совершенно уверен... двенадцатый раз.

— Для этой службы требуется больше, чем одно только знание Книги. Идите. Учитесь. Готовьтесь. Ваша оценка в этот раз достаточно высока для того, чтобы оставить вас в студентах еще на год. Работайте упорнее. Очень мало таких студентов, которым не удается сдать после пятнадцати лет обучения.

Ховардс стоял, беспомощно переминаясь с ноги на ногу, но не уходил.

— Жена просила меня поговорить с вами, сэр... Мы становимся все старше... Разрешение на ребенка...

— Не может быть никаких разговоров. Вы же знаете, что все определяется демографической ситуацией и вашим общественным положением. Если бы вы были клерком, то могли бы рассчитывать, что ваше заявление рассмотрят.

— Но ведь клерков так мало, — подавленно сказал Ховардс.

— Для них так мало рабочих мест. Будьте счастливы, что вы являетесь зарегистрированным студентом, имеете квартиру и рацион. Вы знаете, что такое быть утвержденным безработным?

— Спасибо, сэр. До свидания, сэр. Вы были очень добры, сэр.

Ховардс быстро закрыл за собой дверь — почему ему продолжало казаться, что у него на руках кровь? Он помотал головой, чтобы прогнать наваждение.

Будет трудно рассказать это Доре. Она так надеялась. Но, по крайней мере, у него все еще остается его Книга. И целый год, чтобы заново заучить ее. Это будет полезно. А также изменения и дополнения, что может быть еще полезнее.

Мимо почтового отделения, расположенного в вестибюле, он прошел, старательно отводя глаза.

Капитан Бедлам

— Что такое космос? Как там в действительности выглядят звезды? На эти вопросы трудно ответить.

Капитан Джонатан Борк обвел взглядом лица друзей, с напряженным вниманием ждавших его слов, посмотрел на собственные руки с космическим загаром, лежавшие на столе.

— Иногда полет напоминает падение в шахту длиной в миллион миль, или вы чувствуете, что летите под звездами совершенно беззащитный, словно муха в паутине вечности. И звезды совсем другие, немерцающие, как крошечные пятна, испускающие свет.

Тысячу раз капитан Борк, пилот космического корабля, мучился, рассказывая об этом, ибо чувствовал себя лгуном. Он был единственным человеком, который видел звезды в космосе между

мирами. И после пяти полетов на Марс он не представлял себе, на что это в действительности похоже. Его тело пилотировало корабль, но сам Джонатан Борк никогда не видел изнутри кабину управления.

Но признавать это вслух он не смел. Когда его расспрашивали о космосе, он рассказывал одну из старательно выученных версий из учебника.

С трудом оторвавшись от этих мыслей, он вспомнил про сидящих вокруг стола гостей и родственников. В его честь давался обед, и он старался вести себя с достоинством. Бренди помогало ему. Почти опорожнив бокал, он извинился перед присутствующими и при первой же возможности покинул их. Он вышел в крошечный дворик старого семейного дома. Там, оставшись в одиночестве, он прислонился спиной к еще теплой от дневного жара стене. От бренди ему стало хорошо, а когда он взглянул в небо, звезды завертелись каруселью, пока он не закрыл глаза.

Звезды. Он смотрел на них всегда. С детства они интересовали и притягивали его. Все, что он когда-либо изучал или делал, было подчинено единственной цели — стать космонавтом.

Он поступил в Академию, едва ему исполнилось семнадцать. К восемнадцати он понял, что все, чему там учат, — ложь.

Страшась своей догадки, он пытался найти какое-то иное объяснение, и ничего не получалось. Все его знания, все, чему учили его в школе, сводилось к одному совершенно немыслимому заключению.

Оно было жутким и в то же время неизбежным. В конце концов он решился на эксперимент. На занятиях по физиологии, где они решали проблемы ориентации и сознания в условиях ускорения, используя теорему Палея, он робко поднял руку.

Профессор Черники, по прозвищу Соколиный Глаз, тут же ее заметил и, недовольно ворча, велел ему подняться. Едва он собрался с духом и заговорил, слова полились потоком:

— Профессор Черники, если мы примем теорему Палея за истину, то, используя ее для решения подобной проблемы, мы получим, что даже при минимальном стартовом ускорении мы окажемся намного ниже порога сознания. А если учесть и фактор ориентации, то мне кажется... словом...

— Мистер Борк, что вы хотите сказать? — Голос Черники был холоден, как лезвие бритвы.

Джон решился:

— Тут может быть только один вывод. Любой пилот, который стартует на корабле, либо потеряет сознание, либо не сможет координировать свои действия так, чтобы управлять кораблем.

Весь класс рассмеялся, и Джон почувствовал, что лицо его

заливает краска. Даже профессор позволил себе холодно улыбнуться.

— Очень хорошо. Но если то, что вы говорите, верно, в космосе невозможно летать, а мы делаем это каждый день. Я думаю, что вы найдете ответ в следующем семестре. Мы рассмотрим тему об изменении порога нашего сознания под стрессом. Это наверняка...

— Нет, сэр, — прервал его Джон, — в учебниках *не дается* ответ на этот вопрос — его как минимум тщательно обходят. Я прочитал и все другие источники по этому курсу, а также по всем смежным...

— Мистер Борк, вы называете меня лжецом? — Голос Черники был столь же холоден, как и его глаза. В классе воцарилась мертвая тишина. — Идите к себе и оставайтесь там до тех пор, пока за вами не пришлют.

Стараясь не споткнуться, Джон вышел из класса. Глаза всех курсантов были устремлены на него, и он чувствовал себя заключенным, идущим на эшафот. Вместо ответа на вопрос он лишь навлек на себя неприятности. Сидя у себя, он старался не думать о последствиях.

Он никогда не был уверен до конца, что ему позволят учиться на пилота, хотя не мечтал ни о чем другом. Только один из ста достигал этой заманчивой цели — остальные распределялись по сотням других работ в космическом флоте. Вовсе отчислялись из Академии немногие, поскольку требования при поступлении были очень высоки. Конечно, исключения бывали, и теперь ему стало казаться, что он станет этим исключением.

Когда наконец по внутренней связи его вызвали к президенту, он был почти готов к худшему. Он вскочил и быстро прошел к лифту. Секретарша бесстрастно кивнула ему, и он остался один на один с адмиралом.

Адмирал Сайкэлм вышел в отставку, став президентом Академии, но его властный голос и командирский вид заставляли всех в городке обращаться к нему только как к «адмиралу». Джон видел Сайкэлма только издали и сейчас не мог проронить ни слова. Однако адмирал не лаял, не рычал, он спокойно скомандовал ему «вольно».

— Я виделся с профессором Черники, знаю, что произошло на занятиях, и я прослушал запись вашего разговора с ним.

Эти слова удивили Джона: он впервые услышал, что в классах имелась скрытая записывающая аппаратура. Джон был готов ко всему чему угодно, но только не к следующим словам адмирала:

— Поздравляю вас, мистер Борк. Вы допускаетесь к трени-

ровкам на пилота. Занятия начнутся на следующей неделе — если вы, конечно, пожелаете продолжить обучение.

Джон хотел ответить, но адмирал остановил его движением руки:

— Прежде чем отвечать, дослушайте меня. Как вы сами обнаружили, космический полет это совсем не то, что о нем думают. Когда мы впервые столкнулись с космосом, мы теряли девять кораблей из десяти. И вовсе не только из-за механических поломок. Телеметрические датчики раскрыли нам причину этих аварий — человеческий организм не приспособлен к космосу. Изменение гравитации, кровяного давления, невесомость, радиационные наркозы в комбинации с десятками других причин, которые мы обнаружили со временем, выводят пилотов из строя. Даже если пилот не терял полностью сознание или способность к управлению, дезориентация из-за повышенного возбуждения делала выполнение его обязанностей невозможным.

Ситуация оказалась безвыходной. Мы имели много хороших кораблей, но на них некому было летать. Мы перепробовали наркотики, гипноз и многое другое, пытаясь как-то приспособить человека к космосу. Все наши попытки провалились по той же причине. Мы могли приспособить организм пилота к космосу, но к этому моменту человек оказывался настолько напичкан разными препаратами, что был не в состоянии делать свое дело. Эту проблему разрешил доктор Моше Кан. Вы слышали о нем?

— Смутно... Не он ли был первым директором Института психиатрии?

— Совершенно верно. Это все, что о нем знает широкая публика. Может быть, со временем все смогут по достоинству оценить его заслуги. Именно доктор Кан дал нам возможность завоевать космос. Его теория уже доказала свою состоятельность. Человек, тот homo sapiens, каким мы его знаем, не приспособлен для космоса. Доктор Кан предложил создать нового человека — homo nova, который мог бы жить и работать в космосе. При надлежащих ментальных условиях диапазон человеческих возможностей необычайно расширяется: например, человек может проходить сквозь огонь или, будучи загипнотизированным, делать тело жестким и негнущимся. Доктор Кан исходил из того, что возможности тела достаточно велики и требуется создать лишь *разум* homo nova. И он добился цели, сумев расщепить, раздвоить сознание взрослого человека.

— Простите, сэр, — прервал Джон адмирала, — но не легче было бы работать с детьми, начав тренировки с младенческого возраста?

— Конечно, — согласился адмирал. — Но, к счастью, наши законы запрещают подобные эксперименты. Доктор Кан проводил опыты со взрослыми добровольцами, большинство из которых

имели опыт пребывания в космосе. Феномен раздвоения личности был известен еще в девятнадцатом веке, но никто не пытался специально *создать* такую личность. Кан это сделал. То, что пугает, что является дискомфортным для нормального человека, выводит его из равновесия, то для новой, специально созданной личности является естественным окружением. И такая личность способна пилотировать корабли между планетами. Используя замораживание, мы можем перевозить на другие планеты даже пассажиров, не подвергая их суровому воздействию космоса.

Естественно, полная программа создания такой личности сохраняется в тайне. Сколько было бы возмущения и негодования, узнай люди, что путешествуют с бессознательным пилотом. В сущности, с пилотом-безумцем, поскольку это как бы вид стимулированного помешательства. О нашей программе знают только инструкторы, пилоты и несколько высших должностных лиц.

Поскольку все пилоты — добровольцы, а программа *осуществляется*, значит, никакие этические нормы не нарушаются. Как вы уже поняли, даже студенты Академии не имеют реального представления о космических полетах. Если они на сто процентов верят учебникам, им остается только техническая работа в системе. Если они обладают способностью к самостоятельному мышлению и поймут то, что поняли вы, они поймут и необходимость такой программы. Добровольно согласившись стать пилотом, студент узнает все, что ему требуется. Вот вам полная картина. У вас есть еще вопросы?

— Только один, — подумав, сказал Джон. — Может быть, это прозвучит глупо... Какие физические симптомы вызывают эти тренировки? Я действительно стану немного...

— ...сумасшедшим? Лишь в определенном смысле. Новая личность, ваш двойник, Джон-II, может существовать только в специальной среде кабины управления космическим кораблем. Ваша исходная личность, Джон-I, будет непрерывно управлять им снаружи. Единственным вашим ощущением станут периоды амнезии. Обе личности четко разделены и существуют порознь. Едва одна из них начинает доминировать, другая отключается.

Джон уже принял решение — некоторое время назад.

— Я все еще хочу стать пилотом, адмирал. И не вижу причин, почему все сказанное вами должно изменить мое решение.

Адмирал пожал ему руку с чувством легкой печали. Он делал это много раз и знал, что действительность не всегда оказывается такой, какой ее представляют молодые добровольцы.

Джон покинул школу в полдень того же дня, не повстречавшись ни с кем из своих сокурсников. Школа подготовки пилотов находилась на той же базе, но представляла собой совершенно иной мир.

Вся атмосфера ее вызывала у него чувство подъема — с ним

теперь обращались не как со студентом, а как с равным, одним из избранных. Их было всего двенадцать, а обслуживали их около полутора тысяч человек, и вскоре ему стало ясно почему.

Первые несколько недель его подвергали медицинским обследованиям и тестам. Затем начались бесконечные занятия с энцефалографом и в гипнокамере. Первое время Джона преследовали кошмары, а многие дни он проводил словно в страшном полусне. Но только сначала. Потом начались тренировки по раздвоению личности. Едва это случилось впервые, Джон-I перестал знать о Джоне-II. Для него время пошло очень быстро, поскольку большинство тренировок проходило мимо его сознания.

Программа включала раздел ориентации, обучающей тому, как ужиться со скрытой частью его разума. Он знал, что никогда не сможет встретить Джона-II, но мог наблюдать за двойником другого пилота. Это был Дженкинс, худощавый парень примерно годом старше Джона. Он видел, как Дженкинс выполнял тест на точность малых движений в условиях ускорения, и не верил своим глазам. Сидящий в кресле человек с бесстрастным лицом лишь отдаленно напоминал привычного ему Дженкинса и выполнял движения столь плавно, что Дженкинс на такое просто не был способен. Сидя в кабине центрифуги, совершающей внезапные рывки в непредсказуемом направлении, двойник переключал маленькие тумблеры на панели управления в ответ на изменяющиеся световые сигналы. Его пальцы аккуратно щелкали крошечными переключателями, расположенными лишь в дюйме друг от друга, а кабина в это время дергалась с ускорением в три g. Мускулы Дженкинса-II были напряжены, борясь с ускорением, но одной силы для такой работы недостаточно. Обостренное восприятие улавливало рывки кабины в самом начале, а мышцы тут же откликались, точно компенсируя отклонение тела еще до того, как оно произошло. То было подсознательное умение старых моряков сохранять равновесие на качающейся палубе, отработанное до совершенства в масштабе малейших движений.

Джон-I убедился, что его собственный двойник реально существует, когда однажды вместо кабинета психологии неожиданно оказался в больнице с изуродованной рукой: его ладонь пересекал глубокий порез, а два пальца сломаны.

— Авария при тренировке, — пояснил ему врач. — Что-то случилось с центрифугой, и ты спас себя от куда более серьезной травмы, схватившись за тормоз. У тебя только рана на руке, и все. А вот тормозной рычаг.

Доктор улыбнулся, протягивая Джону искореженный кусок металла, и Джон понял почему. Это был полудюймовый стальной прут, который под весом его тела изогнулся, а затем сломался. Теперь же Джон-I с большим трудом смог выпрямить прут при помощи молотка.

Как только двойник Джона-I прочно закрепился в сознании, все тренировочное время поделили между ними поровну. Джон-I изучал то, что было необходимо знать о корабле — за пределами кабины управления. Он руководил всем на земле: заправкой, проверкой и ремонтом, даже учетом пожеланий пассажиров. Джон-I был пилотом, и все должны были в него верить. Никто не должен знать, что он отключался всякий раз, когда входил в кабину управления.

Он много раз пытался увидеть ее, но безуспешно. Кабина управления была тем скрытым механизмом, который автоматически производил смещение в личности пилота. Как только Джон-I переступал порог кабины или просто бросал мимолетный взгляд внутрь, он сразу же исчезал. На его месте появлялся Джон-II.

День выпуска оказался самым важным и самым волнующим днем его жизни. Понятия «выпускной класс» не существовало. Заканчивая обучение, пилот удостаивался публичной церемонии, на которой присутствовало большинство персонала школы — около тридцати тысяч человек. Все построились, и Джон промаршировал перед ними в черной форме пилота. Адмирал сам вынул платиновые крылышки — старейшую эмблему полета человека — и приколол их на форму. Это запомнится на всю жизнь.

Наступило время прощания с семьей — корабль уже ждал его. Новый пилот совершал свой первый полет. Предстоял всего лишь короткий прыжок до Луны с грузом каких-то припасов, но все же это был уже полет. Он поднялся по трапу к входному люку корабля, повернулся, чтобы помахать семье, кажущейся на расстоянии маленьким пятнышком, потом шагнул в кабину. А вышел через шлюз уже на поверхности Луны.

Времени полета он не ощутил: только что был на Земле — и вдруг оказался на Луне. Только физическая усталость и скафандр убедили его в том, что полет все-таки состоялся. Такого разочарования он никогда в жизни не переживал...

Теперь, на Земле, в саду у дома, глядя на молодой месяц и вспоминая прошлое, Джон ощутил во рту как бы привкус сухой золы. В доме кто-то смеялся, он услышал, как звякнула о стакан бутылка. Он отмахнулся от воспоминаний и вернулся к действительности.

Его дом, вечер в его честь. Он много раз откладывал это мероприятие, но в конце концов вынужден был уступить. Получилось скверно, точь-в-точь как он и ожидал. Одно дело носить ложь в себе, совсем другое — быть фальшивым героем в собственном доме.

Расправив плечи и смахнув невидимую пылинку с костюма, он вернулся в дом.

На следующее утро он явился на базу для двухдневной подготовки к предстоящему полету. Врачи готовили его тело к мак-

симальной готовности, а он тем временем получал инструктаж. Столь длительного и ответственного полета у него еще не было.

— Да, длительное путешествие, — сказал инструктирующий его офицер, постукивая по карте. — Вам предстоит полет к Юпитеру, точнее — к его восьмому спутнику. Как вы знаете, там база и обсерватория. Ваша задача — доставить двенадцать астрофизиков и всю их аппаратуру. Они будут исследовать гравитацию Юпитера. Нагрузка солидная. Вашей основной заботой или, скорее, заботой Джона-II станет пояс астероидов. Подняться достаточно высоко над плоскостью эклиптики вы не сможете, поэтому возможны столкновения с метеоритами. У нас уже были из-за этого неприятности. Немного везения — и все пройдет нормально.

Джон поздоровался с пассажирами, принимая их на борт, и проверил работу техников, когда те закрыли морозильные камеры. Убедившись, что все в порядке, он поднялся по вертикальному трапу к рубке управления. Откроешь дверь, и все — обратного пути нет. Это действие становилось его последним осознанным поступком, затем в дело вступал Джон-II. Помедлив лишь мгновение, он распахнул дверь, успев подумать: «Следующая остановка — Юпитер».

Только встретил его не Юпитер, а боль.

Он не мог ни видеть, ни слышать. Тысячи ощущений навалились на него одновременно, но все они лишь усиливали страшную, ужасающую боль — подобного он даже и представить себе не мог. Огромным усилием воли он сощурил глаза, пытаясь их сфокусировать.

Он увидел иллюминатор, а за ним — звезды. Он был в космосе, в кабине своего корабля. Замерев от зрелища раскинувшихся перед ним звезд, он на мгновение даже забыл о боли, но она тут же напомнила о себе. Что же случилось? Надо что-то делать, прекратить невыносимые мучения. В кабине было темно, лишь слабо светились сигнальные лампочки гигантского пульта управления. Они мерцали, менялись, но Джон не мог сообразить, что все это значит и что он должен сделать.

Боль, казалось, достигла предела; он не сдержался, закричал и — потерял сознание.

За те мгновения, что Джон-I командовал в их общем теле, Джон-II чуть-чуть избавился от паники. Только что он потерял контроль и отключился. Повторения он допустить не мог. Сработали нервные блоки, отсекая большую часть боли, но и та, что осталась, мешала думать. Метеорит, несомненно метеорит.

В передней переборке была дыра размером с кулак, и воздух с ревом вырывался из кабины. Через эту брешь он увидел одну звезду, более яркую и ясную, чем все, которые ему когда-либо приходилось видеть. Дыру проделал метеорит, ударившись затем в переборку позади него. Очевидно, последовал взрыв и ослепительная вспышка, брызги расплавленного металла разрушили схемы, вмонтированные в основание его кресла. Дышать становилось все труднее, воздуха почти не осталось. Надвигался холод.

Скафандр в шкафчике, всего в десяти футах от него, но Джона удерживали в кресле ремни, а открыть их никак невозможно. Электрозамок, по-видимому, разрушен, а механический блокирован. Он боролся с зажимами, но, кроме голых рук, у него ничего не было.

Дышать становилось все труднее. Опять вернулась паника, и сдерживать ее дальше он уже не мог.

Джон-II судорожно вздохнул и закрыл глаза. Джон-I их открыл.

Его снова охватила ошеломляющая боль. Глаза Джона опять закрылись, а тело обмякло, подавшись вперед. Потом он выпрямился, подрагивающие веки поднялись. Неуверенно бегающие глаза замерли, уставившись прямо перед собой, почти лишенные мысли.

Ибо Джон-III по сути своей был ближе к животному, чем любой человек или зверь, когда-либо бродивший по земле. Он знал лишь одно — *выжить. Выжить и спасти корабль.* О существовании Джона-I и Джона-II он смутно подозревал и мог при необходимости воспользоваться их памятью. Сам он не имел ни памяти, ни собственных мыслей, кроме одной — боль. Он был порожден в боли, обречен жить в боли, и боль составляла весь его мир.

Джон-III был встроенным устройством безопасности, признанием возможности возникновения момента, когда даже вторая личность пилота не могла спасти корабль. Джон-III мог взять на себя управление только в самом крайнем случае, когда все остальное отказывало.

В логике работы Джона-III всякие сложности исключались. Увидел проблему — решай ее. Из глубины мозга всплыла подсказка: достань скафандр. Он начал подниматься и тут впервые понял, что не может. Обеими руками он рванул ремни у себя на груди — они не поддавались. Замок, нужно открыть замок.

Но инструментов нет, только руки. Используй руки. Он просунул палец и потянул замок — палец согнулся и от напряжения сломался. Джон-III на это не реагировал, он не чувствовал боли. Он вставил второй палец и с силой потянул снова — палец едва не оторвался напрочь и безжизненно повис на коже. Он вставил третий.

И только большим пальцем ему удалось сломать замок — остальные пальцы висели сломанные и изуродованные.

Мощным рывком он вытолкнул себя из кресла — одновременно с нижним замком треснула и сломалась берцовая кость

правой ноги. Подтягиваясь здоровой рукой, отталкиваясь левой ногой, изгибаясь, как червяк, он полз по полу к скафандру.

В кабине был уже почти вакуум, он часто моргал, чтобы избавиться от кристалликов льда на глазах. Сердце билось раза в четыре быстрее положенного, качая почти лишенную кислорода кровь по сосудам умирающего тела.

Джон-III все это осознавал, но его это нисколько не волновало. Его мир всегда был таким, как сейчас. У него имелся единственный способ снова раствориться в покое бессознательного забытья — закончить начатое дело. Он не знал, да его и не учили, что смерть — тоже выход.

Осторожно, методично он стянул скафандр на пол, влез в него, включил подачу кислорода и застегнул последнюю «молнию». И со вздохом облегчения закрыл глаза.

Глаза открыл уже Джон-II, и он почувствовал боль. Но был в состоянии перенести эту боль, ибо теперь он знал, что спасет корабль. Аварийная заплата устранила разгерметизацию корабля, в кабину поступал воздух из запасного резервуара, его давление стало возрастать. Теперь он мог осмотреть корабль. Его можно было вести на аварийном и ручном управлении, оставалось только включить их.

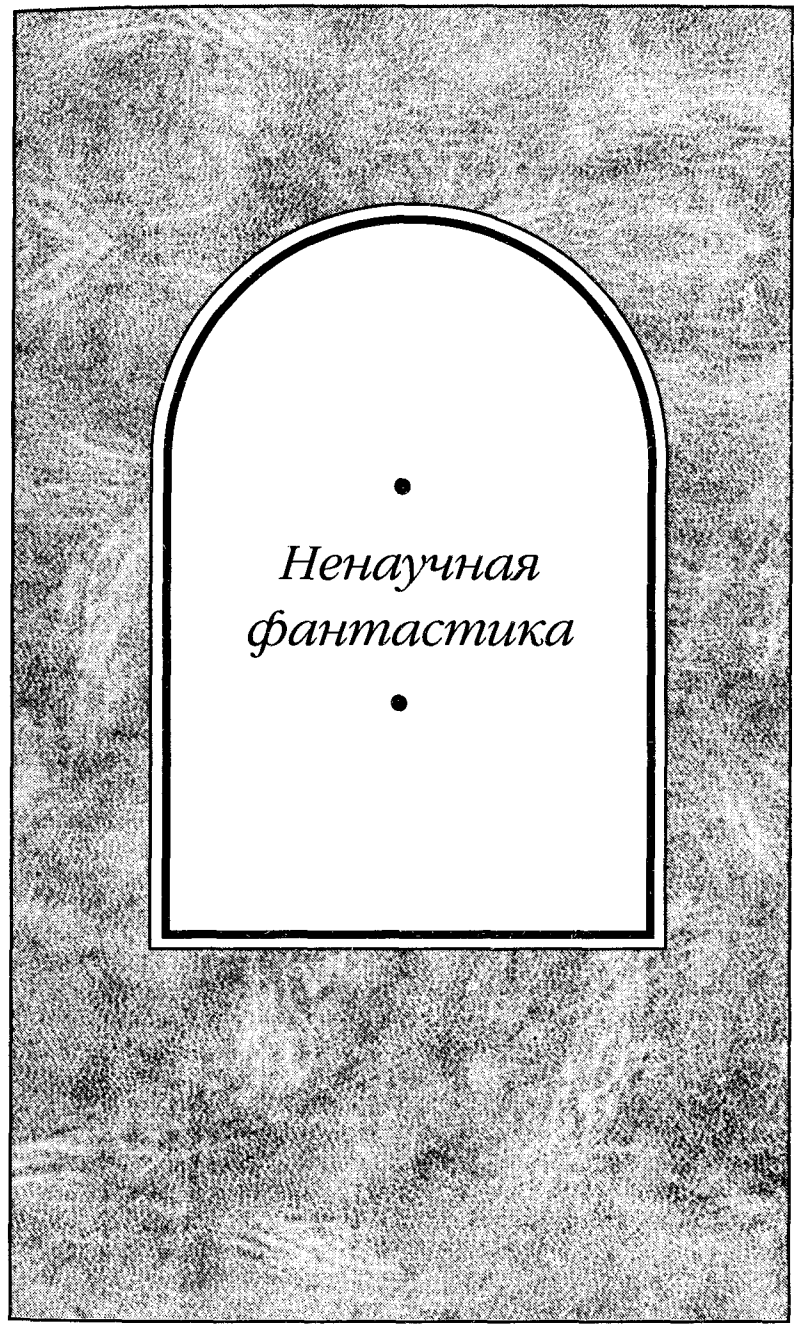
Когда давление нормализовалось, Джон стянул скафандр и оказал себе первую помощь. Его несколько удивило состояние правой руки. Он не мог вспомнить, что произошло. Впрочем, решение проблем такого рода не входило в функции Джона-II. Он торопливо достал перевязочные средства, смазал раны и вернулся к ремонту корабля. В конечном итоге полет обещал стать успешным.

Джон никогда не знал о Джоне-III — известном ему факторе безопасности, постоянно дремлющем в ожидании. Джон-I думал, что это Джон-II вытащил их из дерьма, а Джона-II это вообще не заботило. Его работа заключалась в том, чтобы вести корабль.

Джон медленно выздоравливал в госпитале на Юпитере-8. Он удивлялся количеству травм на своем страдающем теле. Долгое время боль была очень сильной. Он ничего не имел против — плата оказалась не слишком высока.

Впредь он лгать не собирался. Он был настоящим пилотом, пусть даже несколько секунд.

Он увидел звезды в космосе.

В те времена, когда я занимался редактурой, мне довелось выпустить один или два номера журнала, носившего название «Фантастические выдумки». Я сменил на редакторском посту Флечера Прэтта, когда он уволился, чтобы предъявить иск издателю. (Все остальные редакторы помогали ему судиться, так как этого издателя дружно ненавидели все его сотрудники.) Я даже написал в соавторстве с Кей Маклин новеллу в жанре фэнтези под названием «Сеть норн», которая увидела свет, как я глубоко уверен, в этом самом журнале.

Я также купил полный комплект «Неведомого», поскольку мы с Брайаном Олдиссом намеревались составить антологию этого журнала, которая должна была последовать за нашей же антологией лучших произведений из «Изумления-Аналога». Увы, она так и не увидела света.

Но как бы мне ни нравилась фэнтези, достаточно бросить взгляд на перечень моих произведений, чтобы понять, что я, безусловно, не пишу в этом жанре. Среди всех моих рассказов мне удалось найти лишь два, которые можно к нему отнести. И дело здесь вовсе не в каком-то продуманном подходе, просто, когда в моих мыслях появляется слово «рассказ», оно никогда не связывается с термином «фэнтези».

Наконец-то правдивая история Франкенштейна

Мне никогда не были по душе механические конструкции наподобие Франкенштейна, да и зомби тоже. Дело тут в старом добром законе сохранения энергии, подкрепленном принципами «бритвы Оккама». Оккам вынуждает нас признать, что коллекция кое-как сшитых поношенных туловищ, рук и ног не может оказаться энергетически более выгодной или стойкой к износу по сравнению с исходными телами, откуда они были позаимствованы. Он также весьма недвусмысленно намекает, что поднятый из могилы труп будет, как минимум, не сильнее того же человека при жизни, не говоря уже о проблемах, возникающих из-за отсутствия дыхания и кровообращения. В историях на эту тему есть нечто изначально неверное, а сама идея подозрительно попахивает — и не только разлагающейся плотью.

Но существует ли более или менее приемлемый способ оживить покойника и отправить его пугать соседей по ночам? Я долго бился над ответом на этот вопрос и, решив, что отыскал его, написал этот рассказ.

Много лет спустя киношники украли у меня название и сняли одноименный фильм. Правда, сей факт доказывает лишь то, что названия не защищаются авторскими правами.

— Итак, господа, здесь есть тот самый монстр, которого создал мой горячо любимый прапрадедушка, Виктор Франкенштейн. Он скомпоновал его из кусков трупов, добытых в анатомических театрах, частей тел покойников, только что погребенных на кладбище, и даже из расчлененных туш животных с бойни. А теперь смотрите!..

Говоривший — человек с моноклем в глазу, в длинном сюртуке, стоявший на сцене, — театральным жестом выбросил руку в сторону, и головы многочисленных зрителей разом повернулись в указанном направлении. Раздвинулся пыльный занавес — и присутствовавшие увидели стоявшего на возвышении монстра, слабо освещенного падавшим откуда-то сверху зеленоватым светом. Толпа зрителей дружно ахнула и судорожно задвигалась.

Дэн Брим стоял в переднем ряду. Напором толпы его прижало к веревке, отделявшей зрителей от сцены. Он вытер лицо влажным носовым платком и улыбнулся. Чудовище не казалось ему особенно страшным. Дело происходило на карнавале, в пригороде Панама-Сити, где торговали разными дешевыми безделушками. У чудовища была мертвенно-бледная шкура и стеклянный взгляд. На морде его виднелись рубцы и шрамы. По обе стороны головы торчали металлические втулки, точь-в-точь как в известном фильме. И хотя внутри шапито, где все это происходило, было душно и влажно, словно в бане, на шкуре монстра не было ни капельки пота.

— Подними правую руку! — резким голосом скомандовал Виктор Франкенштейн Пятый. Немецкий акцент придавал властность его голосу. Тело монстра оставалось неподвижным, однако рука существа медленно, рывками, словно плохо отрегулированный механизм, поднялась на уровень плеча и застыла.

— Этот монстр состоит из кусков мертвечины и умереть не может! — сказал человек с моноклем. — Но если какая-нибудь его часть слишком изнашивается, я просто пришиваю взамен нее новый кусок, пользуясь секретной формулой, которая передается в нашем роду от отца к сыну, начиная с прапрадеда. Монстр не может умереть и не способен чувствовать боль. Вот взгляните...

Толпа ахнула еще громче. Некоторые даже отвернулись. Другие жадно следили за манипуляциями Виктора Франкенштейна Пятого. А тот взял острейшую иглу длиной в целый фут и с силой вогнал ее в бицепсы монстра, так что концы ее торчали по обе стороны руки. Однако крови не было. Монстр даже не пошевелился, словно и не заметил, что с его телом что-то происходит.

— Он невосприимчив к боли, к воздействию сверхвысоких и сверхнизких температур, обладает физической силой доброго десятка людей...

Дэн Брим повернул к выходу, преследуемый этим голосом с навязчивым акцентом. С него достаточно! Он видел это представление уже трижды и знал все, что ему нужно было. Скорее на воздух! К счастью, выход был рядом. Он начал пробираться сквозь глазеющую одноликую толпу, пока не оказался под открытым небом. Снаружи были влажные, душные сумерки. Никакой прохлады! В августе на берегу Мексиканского залива жить почти невыносимо, и Панама-Сити во Флориде не составляет исключения. Дэн направился к ближайшему пивному бару, оборудованному кондиционером, и с облегчением вздохнул, почувствовав приятную прохладу сквозь влажную одежду. Бутылка с пивом моментально запотела, покрывшись конденсатом, то же

самое произошло с увесистой пивной кружкой, извлеченной из холодильника. Он жадно глотнул пиво, и оно жгучим холодом обдало его изнутри. Дэн понес кружку в одну из деревянных кабинок, где стояли скамьи с прямыми спинками, вытер стол зажатыми в руке бумажными салфетками и тяжело опустился на сиденье. Из внутреннего кармана пиджака он извлек несколько слегка влажных желтых листков и расправил их на столе. Там были какие-то записи, и он добавил еще несколько строк, а затем снова спрятал их в карман. Сделал большой глоток из кружки.

Дэн приканчивал уже вторую бутылку, когда в пивную вошел Франкенштейн Пятый. На нем не было сюртука, и из глаза его исчез монокль, так что он вовсе не был похож на недавнего лицедея на сцене. Даже прическа его «в прусском стиле» теперь казалась вполне обычной.

— У вас великолепный номер! — приветливо сказал Дэн, стараясь, чтобы Франкенштейн его услышал. Жестом он пригласил актера присоединиться к нему. — Выпьете со мной?

— Ничего не имею против, — ответил Франкенштейн на чистейшем нью-йоркском диалекте: его немецкий акцент улетучился вместе с моноклем. — И спросите, нет ли у них таких сортов пива, как «шлитц», или «бад», или чего-то в этом роде. Они здесь торгуют болотной водой...

Пока Дэн ходил за пивом, актер удобно устроился в кабине. Увидев на бутылках привычные ненавистные наклейки, он застонал от досады.

— Ну по крайней мере, пиво хоть холодное, — сказал он, добавляя соль в свой бокал. Потом залпом осушил его наполовину. — Я заметил, что вы стояли впереди почти на всех сегодняшних представлениях. Вам нравится то, что мы показываем, или у вас просто крепкие нервы?

— Мне нравится представление. Я — репортер, меня зовут Дэн Брим.

— Всегда рад встретиться с представителем прессы. Как говорят умные люди, без паблисити нет шоу-бизнеса. Мое имя — Стэнли Арнольд... Зовите меня просто Стэн.

— Значит, Франкенштейн — ваш театральный псевдоним?

— А что же еще? Для репортера вы как-то туго соображаете, вам не кажется?..

Дэн достал из нагрудного кармана свою журналистскую карточку, но Стэн пренебрежительно от нее отмахнулся.

— Да нет же, Дэн, я вам верю, но согласитесь, что ваш вопрос немного отдавал провинциализмом. Бьюсь об заклад, вы уверены, что у меня — настоящий монстр!

— Ну вы же не станете отрицать, что выглядит он очень на-

туральное. То, как сшита кожа, и эти втулки, торчащие из головы...

— Вся эта бутафория держится с помощью гримировального лака, а стежки нарисованы карандашом для бровей. Это шоубизнес, сплошная иллюзия. Но я рад слышать, что мой номер выглядит натурально даже для такого искушенного репортера, как вы. Я не уловил, какую газету вы представляете?

— Не газету, а информационный синдикат. Я узнал о вашем номере примерно полгода назад и очень им заинтересовался. Мне пришлось быть по делам в Вашингтоне, там я навел о вас справки, потом приехал сюда. Вам не очень нравится, когда вас называют Стэном, правда? Лучше бы говорили Штейн. Ведь документы о предоставлении вам американского гражданства составлены на имя Виктора Франкенштейна...

— Что вы еще обо мне знаете? — Голос Франкенштейна неожиданно стал холодным и невыразительным. Дэн заглянул в свои записи на желтых листках.

— Да... вот это. Получено из официальных источников. Франкенштейн, Виктор... Родился в Женеве, прибыл в Соединенные Штаты в 1938 году... и так далее.

— А теперь вам только осталось сказать, что мой монстр — настоящий. — Франкенштейн улыбнулся одними губами.

— Могу поспорить, что он действительно настоящий. Никакие тренировки с помощью йоги или воздействия гипноза, а также любые другие средства не могут привести к тому, чтобы живое существо стало таким безразличным к боли, как ваш монстр. Нельзя его сделать и таким невероятно сильным. Хотелось бы знать все до конца, во всяком случае правду!

— В самом деле?.. — ледяным тоном спросил Франкенштейн.

Возникла напряженная пауза. Наконец Франкенштейн рассмеялся и похлопал репортера по руке.

— Ладно, Дэн, я расскажу вам все. Вы дьявольски настойчивы, профессионал высокого класса, так что, как минимум, заслуживаете знать правду. Но сначала принесите еще что-нибудь выпить, желательно чуточку покрепче, чем это гнусное пиво...

Его нью-йоркский акцент улетучился столь же легко, как перед этим — немецкий. Теперь он говорил по-английски безукоризненно, без какого-либо местного акцента.

Дэн сдвинул в сторону пустые кружки.

— К сожалению, придется пить пиво, — заметил он. — В этом округе сухой закон.

— Ерунда! — воскликнул Франкенштейн. — Мы находимся в Америке, а здесь любят возмущаться по поводу двойственной морали за рубежом. Но в самой Америке ее практикуют настолько

эффективно, что посрамляют Старый Свет. Официально округ Бей может считаться «сухим», но закон содержит множество хитрых оговорок, которыми пользуются корыстолюбцы. Так что под стойкой вы обнаружите достаточное количество прозрачной жидкости, носящей славное название «Белая лошадь». Она воздействует на человека столь же сильно, как и удар копытом означенного животного. Если вы все еще сомневаетесь, можете полюбоваться на дальней стене оправленной в рамочку лицензией на право торговли спиртным со ссылкой на федеральный закон. Так что правительству штата не к чему придраться... Просто положите на стойку пятидолларовую бумажку и скажите: «Горная роса» — и не спрашивайте сдачи.

Когда оба они сделали по глотку, наслаждаясь отличным виски, Виктор Франкенштейн заговорил необыкновенно дружелюбным тоном:

— Называй меня Виком, приятель. Я хочу, чтобы мы были друзьями. Я расскажу тебе историю, которую мало кто знает. История удивительная, но это — чистая правда. Запомни — правда, а не всякая чушь вроде измышлений, недомолвок и откровенного невежества, которые ты найдешь в отвратительной книге Мэри Годвин. О, как мой отец сожалел, что вообще встретил эту женщину и в минуту слабости доверил ей тайну, раскрывшую некоторые изначальные направления его исследований!..

— Минуточку! — перебил его Дэн. — Вы сказали, что будете говорить правду, но меня не проведешь. Мэри Уоллстонкрафт Шелли написала свое произведение «Франкенштейн, или Современный Прометей» в 1818 году. Значит, вы и ваш отец должны быть настолько старыми...

— Дэн, пожалуйста, не перебивай меня. Заметь, я упомянул об исследованиях моего отца во множественном числе. Все они были посвящены тайнам жизни. Монстр, как его теперь называют, был его созданием. Отец прежде всего интересовался долгожительством и сам дожил до весьма преклонного возраста, которого достигну и я. Не стану докучать тебе и называть год моего рождения, а просто продолжу рассказ. Так вот, Мэри Годвин жила тогда со своим поэтом, и они не были женаты. Это и дало моему отцу надежду, что в один прекрасный день Мэри может обратить внимание на то, что он не лишен обаяния, а отец ею сильно увлекся. Ты легко можешь себе представить, каков был финал этой истории. Мэри аккуратно записала все, что он порассказал, затем порвала с ним и использовала свои записи в известной презренной книге. Но она допустила при этом множество грубейших ошибок...

Франкенштейн перегнулся через стол и снова по-приятельски похлопал Дэна по плечу. Этот панибратский жест не слиш-

ком нравился репортеру, но он сдержался. Главное, чтобы собеседник выговорился.

— Прежде всего Мэри сделала в книге отца швейцарцем. От одной мысли об этом он готов был рвать на себе волосы. Ведь мы из старинной баварской семьи, ведущей происхождение от древнего дворянского рода. Она написала также, что отец был студентом университета в Ингольштадте, но ведь каждый школьник знает, что университет этот был переведен в Ландшут в 1800 году. А сама личность отца — она позволила себе в отношении его немало непростительных искажений! В ее клеветническом опусе он изображен нытиком и неудачником, а в действительности он был средоточием силы и решительности. Но это еще не все. Мэри абсолютно превратно поняла значение его экспериментов. Ее утверждение, будто отец сочленял разрозненные части тел, пытаясь создать искусственного человека, просто нелепица. От истины ее увели легенды о Талосе и Големе, и она связала с ними работы отца. Он вовсе не пытался создавать искусственного человека, он реанимировал мертвеца! В этом-то и заключается величие его гения! Много лет он путешествовал по отдаленным уголкам африканских джунглей, изучая сведения о зомби. Он систематизировал полученные знания и усовершенствовал их, пока не превзошел своих учителей-аборигенов. Он научился воскрешать людей из мертвых — вот на что он был способен. В этом и состояла его тайна. А как эту тайну сохранить теперь, мистер Дэн Брим?

Глаза Виктора Франкенштейна широко раскрылись, и в них блеснул зловещий огонек. Дэн инстинктивно отпрянул, но тут же успокоился. Он был в полной безопасности в этом ярко освещенном баре, в окружении множества людей.

— Ты испугался, Дэн? Не бойся.

Виктор улыбнулся, снова протянул руку и похлопал Дэна по плечу.

— Что вы сделали? — испуганно спросил Дэн, почувствовав, как что-то слабо кольнуло его в руку.

— Ничего, пустяки...

Франкенштейн снова улыбнулся, но улыбка была чуточку иной, пугающей. Он разжал кулак — и на ладони его оказался пустой медицинский шприц крохотных размеров.

— Сидеть! — тихо приказал он, видя, что Дэн намерен подняться.

Мускулы репортера сразу обмякли, и он, охваченный ужасом, плюхнулся обратно на скамью.

— Что вы со мной сделали?

— Ничего особенного. Совершенно безвредная инъекция. Небольшая доза обыкновенного снотворного. Его действие прекратится через несколько часов. Но до тех пор твоя воля будет полностью подчинена моей. Будешь сидеть смирно и слушать меня. Выпей пива, мне не хочется, чтобы тебя мучила жажда.

Дэн в панике как бы со стороны наблюдал, как он будто по собственному желанию поднял руку с кружкой и начал пить пиво.

— А теперь, Дэн, соберись и постарайся понять важность того, что я тебе скажу. Так называемый монстр Франкенштейна — не сшитые воедино куски и части чьих-то тел, а добрый, честный зомби. Он — мертвец, который может двигаться, но не способен говорить. Подчиняется, но не думает. Движется — и все же мертв. Бедняга Чарли и есть то самое существо, которое ты наблюдал на сцене во время моего номера. Но Чарли уже основательно поизносился. Он мертв — и потому не способен восстанавливать клетки своего тела, а ведь они каждодневно разрушаются. Всюду у него прорехи — приходится его латать. Ноги его в ужасном состоянии — пальцев на них почти не осталось. Они отваливаются при быстрой ходьбе. Самое время отправить Чарли на свалку. Жизнь у него была длинная, и смерть — не менее продолжительная. Встань, Дэн!

В мозгу репортера истошно билась мысль: «Нет! Нет!» — но он послушно поднялся.

— Тебя не интересует, чем занимался Чарли до того, как стал монстром, выступающим в шапито? Какой ты, Дэн, недогадливый! Старина Чарли был так же, как и ты, репортером. Он прослышал про любопытную историю — и взял след. Как и ты, он не понял всей важности того, что ему удалось раскопать, и разговорился со мной. Вы, репортеры, не в меру любопытны. Я покажу тебе папку газетных вырезок, которая полна журналистских карточек. Разумеется, я это сделаю до твоей смерти. После ты уже не сможешь все это оценить. А теперь — марш!

Дэн последовал за ним в темноту тропической ночи. Внутри у него все зашлось от ужаса, и все же он молча, покорно шел по улице.

Случай в подземке

— Слава богу, наконец-то все это закончилось.

Голос Адриенны Дюбуа, сопровождаемый аккомпанементом звонкого частого стука ее острейших высоченных каблучков, отдавшись от стен, резко разнесся по пустому тоннелю подземку. Ее слова тут же сменил оглушительный ритмичный грохот ре-

монтного поезда, который промчался мимо перрона, гоня перед собой и волну затхлого плесневелого воздуха.

— Уже второй час ночи, — заметил Честер и зевнул во весь рот, прикрывая зевок тыльной стороной ладони. — Нам, наверно, придется ждать не меньше часа.

— Не будь таким пессимистом, Честер, — сказала Адриенна, и в ее голосе прозвучали те же самые металлические нотки, с которыми металлические набойки ее каблучков стучали по асфальту. — Обработаны все материалы для новой сводки, мы, вероятно, получим премию и завтра сможем полдня отдыхать. Думай позитивно, в таком вот духе, и будешь чувствовать себя намного лучше, уверяю тебя.

В это мгновение они подошли к турникету. Честеру так и не удалось придумать остроумного ответа, от которого не слишком сильно разило бы вторым часом пополуночи, и он сунул жетон в щель. Адриенна тут же проскользнула в раскрывшуюся пасть, а Честер, порывшись в кармане, обнаружил, что это был его последний жетон. Он устало добрел до кассы, чуть слышно шепча два-три хороших грязных слова.

— Сколько? — послышался усталый голос с той стороны маленького окошечка в стальной раме.

— Два, пожалуйста. — Он сунул мелочь в окошко.

Нет, он ничего не имел против того, чтобы заплатить за нее, в конце концов, она же была женщиной, но он желал, чтобы она по меньшей мере поблагодарила его или хотя бы кивком показала, что видит: ее ввела в метро не божественная сила. В конце концов, они оба работали в одном и том же дурдоме, зарабатывали одинаковые деньги, а теперь она будет зарабатывать гораздо больше. Он на мгновение позабыл об этой мелкой подробности. Щель сглотнула его жетон, а когда он прошел через автомат, за спиной лязгнули, сходясь, одетые жесткой резиной челюсти.

— Мне в последний вагон, — сказала Адриенна; она, близоруко прищурившись, вглядывалась в глубину пустого темного тоннеля. — Давай, пройдем в конец платформы.

— Мне удобнее в середине, — ответил Честер, но ему пришлось сразу же нестись вслед за ней. Адриенна никогда не слышал того, чего ей по какой-либо причине не хотелось слышать.

— Теперь я могу кое-что сообщить тебе, Честер, — заговорила она оживленным голосом, который должен был продемонстрировать откровенность. — Я не могла говорить об этом прежде, так как мы делали одну и ту же работу, и, в некотором смысле, являлись претендентами на одну и ту же должность. Но после того как Блейсдейл уйдет с работы — у него коронарная недостаточность и сердце плохо тянет, — а случится это через пару недель, я стану исполняющий обязанности редактора отдела и, конечно, буду получать побольше...

— Я уже слышал об этом в курилке. Поздрав...

— ...И поэтому я имею право дать тебе несколько добрых советов. Ты должен быть более пробивным, Честер, не упускать случая, если уж он подворачивается...

— Ради всего святого, Адриенна, ты разговариваешь, как неопытный разносчик в переполненном трамвае.

— И об этом тоже. Поменьше шуток. Люди начинают думать, что ты не принимаешь всерьез свою работу, а это в рекламном бизнесе верная смерть.

— Конечно, я не принимаю эту работу всерьез — да и кто в здравом уме мог бы так поступить? — Он услышал грохот и взглянул в тоннель, но там было все так же пусто. Скорее всего, это по улице над головой проехал грузовик. — Или ты хочешь убедить меня, что действительно переживаешь о том, как создавать бессмертную прозу, описывающую подмышки миледи, которые пахнут так, как надо, потому что она использует нужное снадобье, помогающее отбить ее природную вонь?

— Не будь вульгарным, Честер. Ты же знаешь, что можешь быть любезным, когда хочешь, — сказала она, пользуясь преимуществом женщины, которой позволено игнорировать аргументы и вводить эмоции в беседу, строившуюся перед тем на исключительно логических посылках.

— Ты чертовски права, я могу быть любезным, — хрипло сказал он, не желая лишать себя удовольствия тоже проявить немного эмоций. С закрытым ртом Адриенна была достаточно привлекательна для своих без малого сорока лет. Вязаное платье изумительным образом обрисовывало ее задницу, а искусство творцов бюстгальтеров, без всякого сомнения, оказало изрядное содействие в формировании атакующе-зазывной линии груди, причем он готов был держать пари, что ее, то есть грудь, приходилось не столько поддерживать, сколько сдерживать.

Он шагнул к ней поближе и, приобняв женщину за талию, слегка погладил ладонью ее бок.

— Я могу быть любезным и могу припомнить время, когда ты ничего не имела против того, чтобы проявить ответную любезность.

— Это время давно прошло, мальчик, — сказала она тоном учительницы и отвела в сторону его руку с таким видом, будто стряхивала с себя червя. Честер выронил газету, которую прижимал к боку локтем и, сердито пробормотав что-то невнятное, нагнулся, чтобы поднять ее с пыльного перрона.

После этого она на несколько секунд умолкла и лишь перебирала складки на юбке, словно желала стереть следы его оск-

верняющего прикосновения. Сверху, с улицы, не доносилось ни звука, и на длинном тускло освещенном перроне станции было тихо, как в пустом колумбарии. Они были здесь одни и ощущали то странное одиночество, которое могут испытывать только обитатели большого города, где всегда вокруг тебя люди, но каждый из них отгорожен от всех остальных невидимой стеной. Утомленный, настигнутый внезапным приступом депрессии, Честер зажег сигарету и глубоко затянулся.

— Тебе никто не разрешал курить в подземке, — с подчеркнутой холодностью сказала Адриенна.

— Мне не разрешается ни курить, ни слегка потискать тебя, ни пошутить в офисе, ни смотреть с абсолютно оправданным презрением на нашего очередного клиента...

— Да, тебе не разрешается, — отрезала она и наставила на него тонкий пальчик с кроваво-красным ногтем. — И раз уж ты заговорил об этом, я скажу тебе еще кое-что. Я знаю, что остальные сотрудники тоже давно это заметили. Ты работаешь в фирме гораздо дольше меня, и тебя предполагали поставить редактором отдела, но потом от твоей кандидатуры отказались. А мне по секрету сказали, что вообще-то они думают отпустить тебя на все четыре стороны. Ты понимаешь, что это значит?

— Да, понимаю. Это значит, что я взлелеял на своей груди ядовитую змею. Я припоминаю, что сам нашел тебе эту работу и что мне пришлось доказывать старику Блейсдейлу, что ты с ней справишься. Тогда ты вела себя так, будто испытываешь ко мне глубокую благодарность — помнишь страстные объятия в холле твоего пансиона?

— Не будь свиньей!

— Ну а теперь, когда возник шанс уйти на повышение, страсть угасла, и, похоже, моя работа пошла прахом. Когда имеешь в друзьях дорогую Адриенну, не нужно трудиться заводить врагов...

— *Вы знаете, что в подземке водятся твари?*

Голос был хриплым и дрожащим. Он послышался на платформе, казавшейся абсолютно пустой, настолько внезапно, что оба опешили. Адриенна от изумления открыла рот и резко обернулась. Рядом с большой мусорной урной лежало пятно глубокой тени, и ни один из них не заметил, что там, прижавшись к стене, сидел на полу человек. А теперь он с трудом поднялся на ноги и шагнул на свет.

— Как вы смеете! — пронзительно воскликнула испуганная и разгневанная Адриенна. — Прятаться там, подслушивать личную беседу. Неужели в этой подземке нет полиции?

— Знаете, тут водятся *твари*, — ухмыльнувшись и склонив

голову набок, повторил человек. Он, казалось, не обратил никакого внимания на Адриенну и обращался только к Честеру.

Это был бродяга, один из представителей той орды грязных и вшивых бездомных, которая растеклась по всему Нью-Йорку после того, как Боуэри[1] сравняли с землей и дневной свет упал на обитателей этой свалки отбросов человечества. Отвыкшие от него, эти люди бросились на поиски достаточно темных убежищ, и многие из них нашли его в мрачных пещерах подземки, где зимой можно было погреться в отапливаемых вагонах, где имелись туалеты, где можно было успешно попрошайничать и отдыхать в укромных уголках. Этот был облачен в униформу своей профессии: бесформенные грязные штаны, на которых, похоже, не хватало большей части пуговиц, туго подпоясанная засаленной веревкой короткая столь же грязная куртка с чужого плеча, из распахнутого ворота которой виднелось несколько слоев чего-то, напоминавшего нательное белье, болтающиеся на ногах растрескавшиеся ботинки с отрывающимися подошвами. Его серая кожа была изрезана глубокими морщинами, как у мумии, причем каждая морщина рельефно выделялась черной линией наполнявшей ее грязи. Из черной дыры рта, словно почерневшие от времени надгробные памятники своим почившим собратьям, торчали немногочисленные случайно уцелевшие зубы. При ближайшем рассмотрении этот человек производил отталкивающее впечатление, тем не менее он был такой же банальной принадлежностью этого города, как и сумки-авоськи и вонючие сточные люки на улицах.

— Что еще за твари? — спросил Честер, разыскивая в кармане гривенник, чтобы купить свободу. Адриенна решительно повернулась к обоим спиной.

— *Твари*, которые живут в земле, — ответил бродяга и криво улыбнулся, приложив грязный палец к губам. — Знающие люди никогда не рассказывают о них. Не хотят отпугивать туристов, нет, совсем не хотят. Знаете, чешуя, когти... и все это здесь, в темной подземке.

— Дай ему денег... пусть он убирается... — взвизгнула Адриенна. — Это ужасно.

Честер бросил два никеля[2] в подставленную ладонь, держа свою руку в нескольких дюймах от покрытой толстым слоем грязи руки бродяги, чтобы случайно не коснуться ее.

— И что же эти твари делают? — спросил он не потому, что это его хоть в малейшей степени интересовало, а чтобы досадить

[1] Боуэри — улица и прилегающий район в Нью-Йорке, издавна известный дешевым жильем и множеством питейных заведений. Там постоянно собирались бездомные и деклассированные элементы.

[2] Никель — монета в пять центов *(амер. разг.)*.

Адриенне; в нем проснулся старый садист, который почти никогда не высовывал носа из глубин его существа.

Бродяга подбросил монетки на ладони.

— Они живут здесь, прячутся, высматривают — вот что они делают. Когда будете в подземке один и поздно вечером, как сегодня, станьте на краю платформы и дайте им что-нибудь. Пенни очень хорошо, только нужно положить монету на край, чтобы они могли дотянуться. Гривенник тоже сойдет. Только не никель вроде того, что вы мне дали.

— Ты уже наслушался выдумок этого мерзкого попрошайки? — вмешалась Адриенна. Теперь, когда первый испуг прошел, она с каждой минутой распалялась все сильнее. — А теперь отойди от него.

— А почему только пенни и гривенники? — спросил Честер, против воли заинтересованный рассказом. Внизу, возле края платформы, было очень темно: там могло скрываться все, что угодно.

— Пенни, потому что они любят арахис и покупают орешки в автоматах, когда вокруг никого нет. А гривенники для автоматов «кока-колы»: они иногда пьют ее вместо воды. Я их видел.

— Я иду за полицейским, — объявила Адриенна и действительно пошла прочь, громко стуча каблуками, но остановилась, отойдя ярдов на десять. Мужчины не обратили ни малейшего внимания на ее демарш.

— Валяйте дальше, — Честер улыбнулся бродяге. Тот дрожащими пальцами расчесывал всклокоченные волосы. — Вы же не думаете, что я поверю в это. Если эти твари едят только арахис, то зачем мне подкупать их?

— Я не говорил, что это их единственная пища! — Грязная рука ухватила Честера за рукав, прежде чем он успел отодвинуться, и ему осталось лишь наклониться в сторону, стараясь избежать горячего дыхания собеседника, который перешел на шепот. — Их самая любимая еда — люди, но они не тронут вас, пока вы что-нибудь им подаете. А вы не хотите посмотреть на них?

— После такого вступления, конечно, хочу.

Бродяга, шаркая ногами, подошел к большому, похожему на сундук, выкрашенному оливково-серой краской металлическому ящику для мусора с остроконечной крышей, образованной двумя откидными дверцами.

— Вы только быстренько, а то они не любят, когда их разглядывают, — предупредил бродяга и, взявшись за ручку дверцы, быстро приподнял ее.

Честер отступил на шаг; он был изумлен. Он успел только бросить взгляд в темноту; так неужели он на самом деле увидел там два пылающих красных пятна на расстоянии фута один от

другого? Неужели это были глаза чудовища? Могло ли такое быть... нет, конечно, нет, все это было слишком уж глупо. Издали донесся глухой грохот движущегося поезда.

— Прекрасное шоу, папаша, — сказал он и бросил несколько пенни возле края платформы. — Это обеспечит их арахисом на некоторое время. — Он быстро подошел к Адриенне. — Знаешь, когда ты отошла, игра пошла веселее. Старый мошенник клянется, что одна из тварей прячется в этом мусорном ящике, так что я оставил ей взятку — на всякий случай.

— Нельзя же быть таким дураком...

— Ты устала, дорогая, вот и показываешь коготки. К тому же ты повторяешься.

Стук колес поезда становился все громче; из туннеля повеяло застоявшимся воздухом. Запах затхлости напоминал запах животного... Честер никогда прежде не замечал этого.

— Ты дурак, суеверный дурак, — ей пришлось напрячь голос, чтобы перекрыть шум приближавшегося поезда. — Ты из тех людей, которые стучат по дереву, не наступают на трещины и боятся черных котов.

— Ну, конечно, ведь от этого не может быть никакого вреда. Вокруг и так достаточно неприятностей, чтобы искать лишние. Вполне возможно, что в мусоре никто не сидит, но я не собираюсь совать туда руку, чтобы выяснить это.

— Ты просто слабоумный ребенок!

— Ну конечно же! — Теперь они оба кричали, потому что поезд уже въехал на станцию и замедлял ход, мерзко скрипя тормозами. — Ну ладно, посмотрим, как ты сунешь туда руку, если уж ты такая чертовски разумная.

— Детские выдумки!

Была глубокая ночь, Честер был измотан и утомлен, и донельзя раздражен. Поезд у него за спиной уже дергался, останавливаясь. Он подбежал к краю платформы, порылся в кармане и вытащил в кулаке всю имевшуюся у него мелочь.

— Вот, — крикнул он, приподняв на дюйм крышку мусорного ящика и ссыпая в щель монеты. — Деньги. Гривенники, пенни. Множество коки, арахиса. А ты схвати того человека, который сунется сюда после меня и съешь его.

За спиной у него громко расхохоталась Адриенна. Двери поезда с шипением открылись, и старый бродяга, пошатываясь, вошел в вагон.

— Это твой поезд на Куиннс, — сквозь смех сказала Адриенна. — Давай-ка, садись, пока тебя *твари* не сцапали. А я подожду местного в город.

— Возьми это, — отозвался он, протягивая ей газету. — Такая забавная выдумка, а ты нисколько не суеверна... Так что по-

смотрим, как ты выкинешь ее в ящик. — Честер подскочил к дверям поезда — они уже начали закрываться, — придержал створки и проскользнул в вагон.

— Ну конечно, дорогой! — крикнула она; ее лицо покраснело от смеха. — А завтра я расскажу об этой твоей выходке в редакции... — Двери закрылись, и он не услышал окончания фразы.

Поезд дернулся и сдвинулся с места. Сквозь заляпанное грязью стекло Честер видел, как женщина подошла к мусорному ящику, приподняла крышку и сунула под нее газету. Поезд набирал скорость. Одна из колонн, подпиравших потолок, закрыла от него происходившее на перроне.

А потом он снова увидел ее, и она все так же стояла, держа руку под крышкой, — а может быть, засунула руку в ящик по локоть? — он плохо видел сквозь грязное стекло. Тут перед ним проехала еще одна колонна, еще одна. Колонны мелькали за окном, и в просветах между ними, при тусклом свете, он ни в чем не мог быть уверен, но ему показалось, будто она наклонилась ниже и засунула голову в отверстие.

Это окно не годилось. Он в несколько шагов добежал до конца вагона, где было большое и гораздо более чистое окно во всю стену. Набиравший скорость поезд уже проехал полпути вдоль платформы, вагон покачивало, и он успел лишь бросить последний взгляд на разворачивавшиеся на перроне события прежде, чем колонны, слившись в цельное пятно, полностью закрыли ему вид.

Она просто не могла наполовину влезть в этот ящик; отверстие в нем было слишком узким для того, чтобы сквозь него мог пролезть человек. Но чем же еще можно было объяснить, что он увидел только ее юбку и дико болтавшиеся в воздухе ноги?

Конечно же, ведь ничего не было толком видно, и он ошибся. Он повернулся в пустой вагон — нет, не пустой. Там на сиденье бесформенной кучей сгорбился бродяга; и, кажется, уже уснул.

Нет, не уснул. Оборванец взглянул на Честера быстро, понимающе, улыбнулся ему и снова закрыл глаза. Честер прошел в другой конец вагона и тоже сел. Он зевнул, вытянул ноги и откинулся на спинку сиденья.

Теперь можно было и вздремнуть до своей станции: он всегда просыпался вовремя.

Было бы хорошо, если бы вакансия редактора отдела осталась открытой. Жалованье там заметно больше, а ему было куда потратить дополнительные деньги.

Ни в какие ворота

И кроме того, было все остальное. Когда я готовил этот сборник, выяснилось, что его можно отлично разбить на тематические разделы. Это было просто прекрасно, так как позволяло мне придать изданию, в известной степени, всесторонний вид. Но выяснилось, что очень много рассказов упрямо не желает поддаваться какой бы то ни было классификации. Как ни чеши в затылке, их нельзя подогнать ни под одну тему — эти выдумки просто не желали вписываться ни в одну простую категорию.

Полагаю, что название той единственной рубрики, под какой их можно разместить, должно ясно давать понять, что эти рассказы существуют сами по себе. Не так уж плохо. Перечитав их, я нахожу, что это отличие зачастую делает их лучшими во всем собрании. Может быть, вы, любезный читатель, согласитесь со мной.

Портрет художника

Жизнь порождает искусство. Слишком много лет я проработал в выгребной яме индустрии комиксов. По образованию я художник, но не находил ничего зазорного в том, что зарабатывал на жизнь коммерческим художником — все лучше, чем голодать у мольберта. Клепать комиксы легко, платили за них хорошо, и не успел я ахнуть, как уже по уши завяз в болоте коммерческой халтуры. И начал выпекать лист за листом идиотские сопливые сказочки для дам, тупые вестерны и тошнотворные ужасники. Поскольку я ишачил ради денег, а не ради искусства, я специализировался на раскраске фона, быстро набил руку, а работать карандашом поверх моей мазни предоставил другим. Как-то я поставил личный рекорд, раскрасив лист за тринадцать минут, совсем неплохо, если учесть размер листа, — двенадцать на восемнадцать дюймов. Полтора квадратных фута. Тушь я покупал квартами и орудовал кистью номер пять — она довольно большая и требует немалого мастерства, когда приходится проводить тонкие линии и прорисовывать детали. Зато как она себя оправдывала по части скорости!

Через несколько лет после несостоявшейся карьеры художника я излил в этом рассказе свои чувства о комиксах. Чувства в нем настоящие, и персонажи тоже. Я изобрел лишь машину — механическое воплощение ходившей между нами шутки. Оконтуривание — проведение тонких линий параллельно жирной, что создает иллюзию формы или объема, — операция необходимая, но повторяющаяся. Мы постоянно шутили, что неплохо бы сделать резиновый штамп для оконтуривания, уж очень бы пригодился.

Издатель в рассказе настоящий, и, описывая его, я ничего не выдумывал. В нем слились воедино несколько совершенно реальных ублюдков, с которыми мне приходилось работать и сражаться. Эх, с каким наслаждением разгулялось мое перо!

«В 11.00!!! — взывала записка, приколотая к правому верхнему углу чертежной доски. — В КАБИНЕТ МАРТИНА!!» Он сам написал ее кистью седьмого размера похоронной черной тушью

на толстом желтом листе бумаги — большие буквы, большие слова.

Все кончено. Пэкс попытался убедить себя, что это была просто очередная накачка Мартина: нотация, выговор, предупреждение. Именно об этом думал он, выписывая буквы, когда большие водянистые глаза мисс Финк прищурились и хриплый голос прошептал: «Мистер Пэкс, заказ уже сделан, прибывает сегодня, я сама видела уведомление на столе. Модель «Марк-IX».

Модель «Марк-IX». Он знал, что когда-нибудь это случится, знал, но не решался отдать в этом отчет и только обманывал сам себя, утверждая, что без него им не обойтись. Его руки легли на поверхность стола, старческие руки, покрытые морщинами и темными пятнышками, неизменно запачканные чернилами и с вечной мозолью на внутренней стороне указательного пальца. Сколько лет сжимали эти пальцы карандаш или кисть? Ему не хотелось вспоминать. Наверное, слишком много... Он стиснул руки, притворяясь, что не видит, как они трясутся.

До визита к Мартину оставался еще час — уйма времени, он еще успеет закончить рассказ, над которым работал. Он взял с верха пачки лист с иллюстрациями, подвинул к себе и отыскал сценарий. Страница третья рассказа, озаглавленного «Любовь прерии», для июльского номера «Подлинные любовные истории Рэйнджлэнда». Книги про любовь с массой иллюстраций всегда шли у него очень легко. К тому времени, когда мисс Финк отпечатала бесконечные заголовки и диалог на своем большом плоском веритайпере, по крайней мере половина работы была уже сделана. Первый лист сценария:

Семейная сцена: Джуди плачет, Роберт в ярости.

На переднем плане — голова Джуди, РАЗМЕР ТРИ, — он быстро нарисовал синим карандашом овал нужного размера, затем контуры фигуры Роберта на заднем плане. Рука поднята, кулак сжат — вот вам гнев. Робот «Марк-VIII» — художник комиксов — докончит за него работу. Пэкс сунул лист в держатель машины, затем быстро выдернул обратно. Он забыл нарисовать контуры для диалога. Голова садовая! Несколькими штрихами синего карандаша он нанес шаровидные контуры и наметил место для хвостиков.

Когда он нажал кнопку, машина загудела и ожила, внутри ее темного кожуха засветились электронные лампы. Он нажал кнопку для голов. Сначала девушка — ЖЕНСКАЯ ГОЛОВА В ФАС, РАЗМЕР ТРИ, ПЕЧАЛЬНАЯ, ГЕРОИНЯ. Конечно, в комиксах у всех девушек одинаковые лица, и примечание ГЕРОИНЯ означало только команду машине не писать волосы. Для ПРЕСТУПНИЦЫ они были бы окрашены в черный цвет: ведь у всех преступниц волосы черные, а у преступников и усы, чтобы их

можно было отличить от героев. Машина загудела, перебирая свой запас штампов, затем щелкнула и шлепнула по нарисованному им овалу резиновым штампом требуемого размера. МУЖСКАЯ ГОЛОВА В ФАС, РАЗМЕР ШЕСТЬ, ПЕЧАЛЬНЫЙ, ГЕРОЙ — резиновый штамп меньшего размера опустился на бумагу, оставив свой отпечаток на вершине кружка, увенчивающего контуры фигурки. Правда, в сценарии говорилось о ярости, однако для этой цели служит поднятый кулак: ведь лица в комиксах бывают только счастливыми или печальными.

«В жизни все не так просто», — подумал он про себя. Эта малооригинальная мысль возникала у него по крайней мере раз в день, когда он сидел за машиной. МУЖСКАЯ ФИГУРА, ДЕЛОВОЙ КОСТЮМ, — установил он на циферблате, затем нажал кнопку «РИСУЙ!». Мгновенно на бумагу опустилась механическая рука с пером на конце и начала проворно рисовать фигуру человека в костюме по нанесенным контурным линиям. Мигая, Пэкс следил за тем, как перо нарисовало сеть морщин на лбу человека по образцу, который не менялся вот уже пятьдесят лет, затем быстрым движением начертило воротник и галстук, а потом двумя штрихами соединило аккуратно нарисованное туловище с отштампованной головой. В следующее мгновение перо перепрыгнуло на рукав и замерло над бумагой. Раздался звонок, и на пыльной красной панели загорелись слова: «ПОЖАЛУЙСТА, ИНСТРУКЦИИ!» Художник свирепо ткнул в кнопку с надписью «КУЛАК». Панель погасла, и перо послушно нарисовало кулак.

Пэкс посмотрел на аккуратно выполненный рисунок и вздохнул. Девушка казалась недостаточно несчастной; он окунул перо в бутылочку с тушью и пририсовал в углу каждого глаза по слезе. Теперь лучше. Однако задний план казался слишком пустым, несмотря на шаровидные контуры с текстом, как бы приклеенные ко рту каждой фигурки. Пэкс машинально нажал кнопку «КОНТУРЫ», и механическое перо, устремившись вниз, начертило два шаровидных контура для текста, пририсовав к каждому из них маленький хвостик на требуемой дистанции от рта говорящего. Да, нужно чем-то заполнить задний план. Палец художника опустился на кнопку 473, которая, как он знал из многолетнего опыта, давала изображение ОКНА ДОМА С КРУЖЕВНЫМИ ЗАНАВЕСКАМИ. Перо быстро опустилось на бумагу и принялось за работу, автоматически настроившись на тот масштаб, который подходил для стоящей перед окном мужской фигуры. Пэкс взял сценарий и стал читать дальше:

Джуди падает на диван, Роберт пытается ее успокоить, мать врывается в комнату с сердитым лицом.

В этом кадре нужно было написать четыре строчки, и, после того как на рисунке появятся три шаровидных контура, останется место только для одного небольшого крупного плана. Пэкс не стал раздумывать над рисунком, как сделал бы в другое время, а пошел по шаблонному пути. Сегодня он чувствовал себя усталым, очень усталым. ДОМ, МАЛЕНЬКИЙ, СЕМЬЯ — и на бумаге появился маленький коттедж, из которого лезли вверх хвостики трех шаровидных контуров. Пусть эти чертовы читатели сами разбираются, кто что говорит.

Рассказ был окончен как раз к одиннадцати часам. Пэкс аккуратно сложил листы с рисунками, спрятал сценарий в папку и очистил перо машины от туши — если он об этом забывал, тушь всегда засыхала на кончике пера.

Но вот уже одиннадцать — пора идти к Мартину. Пэкс попытался оттянуть страшный момент: он то закатывал рукава, то опускал их, то вешал свой зеленый козырек на ручку бестеневой лампы, то снимал его; однако избежать встречи с Мартином было невозможно. Слегка расправив плечи, он прошел мимо мисс Финк, трудолюбиво барабанящей на своем веритайпере, и вошел через открытую дверь в кабинет Мартина.

— Ну что вы, Луи, — говорил Мартин в телефонную трубку медовым голосом. — Если все дело в том, чтобы заручиться честным словом какого-то нищего распространителя в Канзас-Сити, то почему бы не поверить моему честному слову? Совершенно верно... конечно... правильно, Луи. Тогда я позвоню еще раз завтра утром... и тебе тоже... привет Элен. — Он бросил телефонную трубку и сердито посмотрел на Пэкса своими маленькими глазками.

— В чем дело?

— Мне сказали, что вы хотите поговорить со мной, мистер Мартин.

— Верно, верно, — пробормотал Мартин. Концом изжеванного карандаша он стряхнул перхоть с затылка и стал покачиваться в кресле из стороны в сторону.

— Бизнес есть бизнес, Пэкс, тебе это хорошо известно, а накладные расходы непрерывно растут. Бумага... Ты знаешь, сколько стоит тонна бумаги? Нам приходится идти на все ухищрения...

— Если вы думаете о том, чтобы снова срезать мне зарплату, мистер Мартин, то я не думаю, что смогу... может быть, если совсем немного...

— Я собираюсь отпустить тебя на все четыре стороны. Я купил «Марка-IX», чтобы сократить расходы, и уже нанял девушку для работы на нем.

— Вам совсем не нужно делать это, мистер Мартин, — поспешно заговорил Пэкс, чувствуя, что слова набегают одно на

другое и что в его голосе звучит мольба. — Я уверен, что справлюсь с машиной, только дайте мне несколько дней, чтобы подучиться...

— Совершенно исключено. Во-первых, я плачу девушке гроши, потому что она совсем еще ребенок и это ее первое жалованье, а во-вторых, она кончила школу, где обучали работе на этой машине; она может гнать комиксы как по конвейеру. Ты знаешь, Пэкс, я не мерзавец, но бизнес есть бизнес. Вот что я для тебя сделаю: сегодня вторник, а я заплачу тебе до конца недели. Ну как? И можешь уходить прямо сейчас.

— Очень великодушно с вашей стороны, особенно после восьми лет работы, — сказал Пэкс, прилагая все силы к тому, чтобы голос его звучал спокойно.

— Совершенно верно, уж это-то я должен был сделать. — Мартин от рождения обладал иммунитетом к сарказму.

Внезапно Пэкса охватило всепоглощающее чувство утраты, в груди у него что-то оборвалось. Все кончено! Мартин уже снова говорил по телефону, и Пэксу больше нечего было сказать. Он вышел из кабинета, стараясь держаться прямо, и услышал позади себя, как стук пишущей машинки мисс Финк на мгновение прекратился. Ему не хотелось видеть ее сейчас, не хотелось смотреть в эти влажные нежные глаза. И вместо того чтобы идти обратно в студию — тогда пришлось бы пройти мимо ее стола, — он открыл дверь и вышел в коридор. Медленно прикрыл за собой дверь и замер, прислонившись к ней спиной, затем сообразил, что матовое стекло позволяет видеть его силуэт, и торопливо пошел вперед.

За углом находился дешевый бар, в котором Пэкс пил пиво после каждой зарплаты, и он направился к бару.

— Доброе утро, добро пожаловать... э-э-э... мистер Пэкс, — произнес робот-бартендер механическое приветствие, на мгновение заколебавшись в выборе имени клиента. — Что вам налить? Как всегда?

— Нет, не как всегда, ты, штукенция из пластика и проводов, дешевая имитация опереточного ирландца, — дай мне двойное виски.

— Конечно, сэр, вы, как всегда, в ударе, — ответил робот, кивнув головой с электронной вежливостью, так что его конская грива подскочила. В его механической руке появилась бутылка, и в стакан полилась точно отмеренная порция виски.

Пэкс одним глотком проглотил содержимое стакана, и по его телу разлилась непривычная теплота, растопившая оболочку холодного равнодушия, в которую он старался себя заключить. Господи, все кончено, все кончено. Теперь его удел — только Дом для престарелых, и он все равно что мертв.

Есть вещи, о которых лучше не думать. Это одна из них. За первым двойным виски последовало второе. Деньги уже не имели значения, потому что после этой недели он больше не будет зарабатывать. Необычно большая доза алкоголя немного притупила боль. Нет, лучше вернуться обратно в студию, пока эта мысль полностью не овладела им. Забрать свои вещи из стола и взять чек на недельную зарплату у мисс Финк. Он знал, что чек был уже подготовлен; когда кто-то больше не был нужен Мартину, он любил избавляться от балласта как можно быстрее.

— Какой этаж? — раздался голос из кабины лифта, откуда-то сверху.

— Убирайся к дьяволу! — рявкнул Пэкс. Раньше он никогда не задумывался над тем, какое множество роботов окружает его повсюду. Как он ненавидел их сейчас!

— Извините, сэр, но нужная вам фирма в этом здании не размещается. Вы проверили по справочнику?

— Двадцать третий, — сказал он, и его голос дрогнул. Хорошо, что больше никого в лифте не было. Дверцы захлопнулись.

Дверь, ведущая из коридора в студию, была раскрыта настежь — он уже вошел в комнату, когда понял почему, но теперь было поздно поворачивать назад. «Марк-VIII», которого он лелеял в течение стольких лет, лежал на боку в углу. Одна его сторона — та самая, которая раньше прислонялась к стене, была вся в пыли.

«Хорошо», — подумал он, понимая, что глупо ненавидеть машину, но все-таки радуясь тому, что ее тоже выбрасывают вон. На ее месте торчал какой-то аппарат в сером кожухе. Он вытянулся почти до самого потолка и выглядел внушительно, совсем как сейф.

— Все подключено, мистер Мартин, можно приступать к работе, и, как вам известно, вы имеете стопроцентную пожизненную гарантию. Мне бы только хотелось дать вам представление, насколько разносторонней является ваша машина.

Говорящий был одет в комбинезон такого же серого цвета, что и машина; блестящую отвертку он использовал как указку. Мартин, нахмурившись, смотрел на машину, а сзади него виднелась мисс Финк. В студии был еще один человек — тоненькая молодая девушка в розовом свитере, с отсутствующим выражением на лице жевавшая резинку.

— Дайте «Марку-IX» какое-нибудь трудное задание, мистер Мартин. Обложку для одного из ваших журналов, что-нибудь такое, что, по вашему мнению, ни одна машина не могла сделать раньше, а обычные машины не могут и сейчас...

— Финк! — рявкнул Мартин, и секретарша подбежала к нему с пачкой иллюстраций и маленьким цветным наброском.

— У нас осталась одна обложка, мистер Мартин, — сказала она тихим голосом, — но вы поручили работу мистеру Пэксу...

— К черту, — проворчал Мартин, выдергивая лист из ее руки и внимательно разглядывая его. — Это обложка нашей лучшей книги, понятно? Мы не можем допустить, чтобы какой-то ремесленник заляпал ее своими резиновыми штампами. По крайней мере не обложку «Боевых асов в настоящей войне».

— У вас нет никаких оснований для беспокойства, сэр, честное слово, — сказал человек в сером комбинезоне, осторожно вытягивая лист из пальцев Мартина. — Сейчас я продемонстрирую вам многосторонность «Марка-IX» — этому трудно поверить, пока вы не увидите его в работе. Квалифицированный оператор может дать всю необходимую информацию на ленту «Марка» на основе наброска или описания, и всякий раз вы будете поражены результатами. — Сбоку в машину была вмонтирована панель с массой клавиш, как у пишущей машинки; он подсел к ней и начал печатать. Перфорированная лента белой струйкой потекла из аппарата, собираясь в корзине.

— Ваш новый оператор знаком с машинным языком и может превратить любое художественное представление или идею в стандартные символы, нанесенные на ленту. Перфолента может быть проверена или исправлена, сохранена или модифицирована и может использоваться снова, если возникнет такая необходимость. Вот здесь я записал, какое содержание нужно вложить, и теперь у меня последний вопрос — в каком стиле должен быть исполнен рисунок?

Мартин недоуменно хрюкнул.

— Вы удивлены, сэр, правда? Так я и думал. «Марк-IX» хранит в своей памяти характерные стили всех великих мастеров Золотого века. Вы можете пользоваться стилем Каберта или Каниффа, Гуинта или Барри. Для работы над фигурами в вашем распоряжении стиль Раймонда, для любовных интриг хорош дух Дрейка.

— Как относительно стиля Пэкса?

— Извините, он мне неизвестен...

— Ха-ха, просто шутка. Ладно, действуйте. Мне хотелось бы стиль Каниффа.

Пэкса бросило в жар, затем в холод. Мисс Финк встретилась с ним взглядом и отвернулась, глядя на пол. Он сжал кулаки и потоптался на месте, переступил с ноги на ногу, собираясь уйти, но вместо этого прислушался к разговору. Он не мог уйти, по крайней мере сейчас.

— ...и лента заправляется в машину, лист бумаги размещается как раз в самом центре стола. Вы нажимаете кнопку цикла. Стоит только подготовить перфоленту, и все так просто, что ма-

шиной может управлять трехлетний ребенок. Нажимаете кнопку и отходите в сторону. Сейчас внутри этой гениальной машины анализируются приказы и создается изображение. В электронной памяти машины собраны изображения всех предметов и явлений, когда-либо нарисованных или увиденных человеком. Необходимое для данного рисунка отбирается в нужном порядке и передается на экран коллатора. Когда окончательный вариант рисунка готов, появляется сигнал — как раз вот он, — и мы можем увидеть рисунок вот на этом экране.

Мартин наклонился, посмотрел на экран и одобрительно хмыкнул.

— Идеально, не правда ли? Но если по каким-нибудь причинам оператору не нравится полученное изображение, оно может быть изменено с помощью вот этих контрольных рукояток. После того как искомое изображение получено, нажимается кнопка печати, рисунок переносится на ленту из пластика — ее можно использовать сколько угодно раз — она заряжена статическим зарядом для удержания порошкообразной туши, одно прикосновение — и изображение переносится на лист бумаги.

С неестественным стоном пневматический механизм машины послал вниз прямоугольный ящичек на блестящей оси и прижал его к листу бумаги. Раздалось шипение, и сбоку появилась струйка пара. Затем штамп снова поднялся, и человек в комбинезоне взял готовый рисунок.

— Разве это не шедевр? — спросил он улыбаясь.

Мартин хрюкнул.

Пэкс посмотрел на рисунок и не смог оторвать взгляд: ему чуть не стало плохо. Обложка была не просто хороша, это был настоящий Канифф, как будто рисунок только что вышел из-под пера великого мастера. Но самым ужасным было то, что это была обложка Пэкса, его набросок. Улучшенный. Он никогда не был тем, кого называют гениальным художником, но он был хорошим иллюстратором. В области комиксов он пользовался известностью и в течение ряда лет считался одним из лучших. Однако поле деятельности сокращалось, а с появлением машин для художников не осталось иной работы, кроме как случайной или операторской при рисовальной машине. Он удержался дольше многих — сколько лет? — ибо какой старомодной ни была его работа, он был все-таки гораздо лучше, чем любая машина, рисующая головы с помощью резинового штампа.

Теперь другое дело. Он не мог даже притвориться перед самим собой, что он нужен или даже просто полезен.

Машина была лучше.

Он почувствовал, что сжал пальцы в кулак с такой силой, что ногти врезались в мякоть ладоней. Он разжал руки, потер их

одна о другую и заметил, что они дрожат. Машина была выключена, и все вышли из студии; он слышал, как в приемной стучала каретка мисс Финк. Молодая девушка говорила Мартину о том, что нужно приобрести некоторые детали для машины, и когда Пэкс закрыл дверь, он успел услышать возмущенный ответ, что ему никто не говорил о дополнительных расходах.

Пэкс согрел пальцы под мышками, и скоро дрожь утихла. Тогда он тщательно приколол лист бумаги к рисовальной доске и поправил лампу, чтобы ее свет не падал в глаза. Размеренными движениями он отчертил кадры стандартного листа комиксов, разделив его на шесть частей, причем шестая часть была большой, во всю ширину страницы. Взяв в руку карандаш, он принялся за наброски, только однажды разогнув спину, чтобы подойти к окну и посмотреть вниз. Потом он снова вернулся к столу и, когда дневной свет начал исчезать, закончил работу в туши. Тщательно вымыл свою старую, но все еще любимую кисть «Виндзор и Ньютон» и бережно положил в пенал.

В приемной послышалось какое-то движение, как будто мисс Финк собиралась уходить, а может, это была новая девушка, вернувшаяся с необходимыми деталями. Во всяком случае, было уже поздно, и его время пришло.

Быстро, чтобы не передумать, он подбежал к окну, всем весом своего тела разбил стекло и полетел с высоты двадцать третьего этажа вниз.

Мисс Финк услышала звон разбитого стекла и пронзительно вскрикнула, затем, когда вошла в студию, вскрикнула еще раз. Мартин, ворча, что шум не дает ему работать, вошел вслед за ней, но замолчал, увидев, что случилось. Осколки стекла хрустнули у него под ногами, когда он выглянул в разбитое окно. Кукольная фигурка Пэкса была отчетливо видна в центре собравшейся толпы — его тело, лежавшее на краю тротуара, у самой мостовой, было неестественно согнуто.

— Боже мой, мистер Мартин. Боже мой, взгляните на это... — раздался дрожащий голос мисс Финк.

Мартин подошел к девушке и взглянул из-за ее плеча на лист, все еще приколотый к рисовальной доске. Рисунки были аккуратно исполнены, раскрашены с любовью и мастерством.

На первом был нарисован автопортрет самого Пэкса, согнувшегося над рисовальной доской. На втором рисунке он сидел и аккуратно мыл кисть, на третьем — стоял. На четвертом рисунке художник стоял перед окном — четкая фигура с выразительным освещением сзади. Пятый рисунок представлял собой перспективу из воображаемой точки сверху — человеческая фигура, летящая вниз вдоль стены здания к мостовой.

Последний рисунок — с четкими, ужасными подробностя-

ми — фигура старика, распростертого на капоте автомобиля, согнутом и залитом кровью; зрители с испуганными лицами.

— Только взгляните сюда, — сказал с отвращением Мартин, постукивая по рисовальной доске большим пальцем. — Когда он бросился из окна, он упал не меньше чем в двух ярдах от автомобиля. Разве я не говорил, что он никогда не умел правильно рисовать детали?

Немой Милтон

Чтобы понять мотивы, побудившие меня написать этот рассказ, нужно вспомнить, какой была Дания в те годы, когда я там жил. Во всей стране была лишь горстка американцев, и их весьма уважали. Интереснее всего тот факт, что датчане совершенно не обращают внимания на цвет кожи. Более того, они, будучи нацией голубоглазых блондинов, считают черную кожу очень красивой и вполне искренне ею восхищаются. Такие взгляды распространены по всей Скандинавии.

Когда Мартин Лютер Кинг стал Нобелевским лауреатом, газеты заполнились восторженными статьями о его визите, а я, американский экс-патриат, очень гордился своей страной. Добрые известия всегда приятны.

Но радость моя продлилась лишь до того момента, когда я купил журнал «Тайм» и прочитал в нем статью о Кинге. Кроме всего прочего, в статье цитировались слова некоего простодушного сукина сына, шерифа-южанина. А высказался он в том духе, что Кинг, может, и считается важной персоной в Норвегии, но в его городке он был бы лишь еще одним ниггером.

Контраст между моим прошлым и уже ставшей привычной жизнью в Дании оказался шокирующим и болезненным. Когда я служил в армии, моя часть несколько лет располагалась в городках штатов Миссисипи, Флорида и Техас, и типов вроде того шерифа я насмотрелся предостаточно. Я просто успел про них забыть, и теперь меня охватил гнев. Желая выразить свой гнев в интеллигентной форме, я обдумал и написал этот рассказ — за один присест, так и не остыв. А если он кому-то покажется злым, то извиняться я не намерен.

Большой автобус «Грейхаунд» с тяжеловесной плавностью затормозил у остановки и распахнул двери.

— Спрингвиль! — объявил водитель. — Конечная остановка.

Пассажиры, толпясь в проходе между сиденьями, начали выбираться из салона навстречу палящему зною. Оставшись один на широком заднем сиденье, Сэм Моррисон терпеливо дожидался, когда автобус опустеет, а потом взял под мышку коробку из-под сигар, встал и двинулся к выходу. Сияние солнечного дня после полумрака, который создавали в салоне цветные стекла, казалось особенно ослепительным. От влажной жары миссисипского лета перехватывало дыхание. Сэм стал осторожно спускаться по ступенькам, глядя себе под ноги, и не заметил человека, стоявшего в двери автобуса. Вдруг что-то твердое уперлось ему в живот.

— Что за дела у тебя в Спрингвиле, парень?

Сэм, растерянно моргая, посмотрел сквозь очки в стальной оправе на жирного здоровенного верзилу в серой форме, который ткнул его короткой толстой дубинкой. Живот верзилы огромной гладкой дыней нависал над поясом, съехавшим на бедра.

— Я здесь проездом, сэр, — ответил Сэм Моррисон и снял свободной рукой шляпу, обнажив коротко подстриженные седеющие волосы. Он скользнул взглядом по багрово-красному лицу, золотому полицейскому значку на рубашке и опустил глаза.

— Куда едешь, парень? Не вздумай скрывать от меня... — снова прохрипел тот.

— В Картерет, сэр. Мой автобус отходит через час.

Полицейский что-то буркнул в ответ. Тяжелая, начиненная свинцом дубинка постучала по коробке, которую Сэм держал под мышкой.

— Что у тебя там? Пистолет?

— Нет, сэр. Я никогда не ношу оружия. — Сэм открыл коробку и протянул ее полицейскому: внутри был кусочек металла, несколько электронных блоков и маленький динамик; все было аккуратно соединено тонкими проводами. — Это... радиоприемник, сэр.

— Включи его.

Сэм нажал на рычажок и осторожно настроил приемник. Маленький репродуктор задребезжал, раздались слабые звуки музыки, еле слышные сквозь рычание автобусных моторов. Краснорожий засмеялся.

— Вот уж настоящий радиоприемник ниггера... Коробка с хламом. — Голос снова стал жестким. — Смотри, не забудь убраться отсюда на том автобусе, слышишь?

— Да, сэр, — сказал Сэм удаляющейся, насквозь пропотевшей спине и осторожно закрыл коробку. Он направился к залу ожидания для цветных, но, проходя мимо окна, увидел, что там пусто. На улице негров тоже не было. Не останавливаясь, Сэм миновал зал ожидания, проскользнул между автобусами, стоявшими на асфальтированной площадке, и вышел через задние во-

рота автобусной станции. Все свои шестьдесят семь лет он прожил в штате Миссисипи и потому мгновенно почуял, что тут пахнет бедой, а самый верный способ избежать беды — это убраться куда-нибудь подальше. Улицы становились уже и грязнее. Он шел по знакомым тротуарам, пока не увидел, как работник с фермы в залатанном комбинезоне направился к двери, над которой висела потускневшая вывеска «Бар». Сэм пошел вслед за ним. Он решил переждать в баре время, оставшееся до отхода автобуса.

— Бутылку пива, пожалуйста.

Он положил монетку на мокрую, обшарпанную стойку и взял холодную бутылку. Стакана не оказалось. Бармен не проронил ни слова и, выбив чек, с непроницаемым, мрачным видом уселся на стул в дальнем конце бара, откуда доносилось тихое бормотание радиоприемника. Лучи света, проникавшие через окна с улицы, не могли рассеять полумрак зала. Кабинки с высокими перегородками у дальней стены манили прохладой. Посетителей было мало, они сидели поодиночке, и перед каждым на столике стояла бутылка пива. Сэм пробрался между тесно расставленными столиками и вошел в кабину рядом с задней дверью. Только тут он заметил, что там уже кто-то сидит.

— Простите, я вас не видел, — сказал он, намереваясь выйти, но незнакомец жестом пригласил его сесть, снял со стола дорожную сумку и поставил рядом с собой.

— Хватит места для обоих, — произнес он и поднял бутылку с пивом. — За встречу.

Сэм отхлебнул из своей бутылки. Незнакомец продолжал тянуть пиво, пока не выпил полбутылки. Со вздохом облегчения он сказал:

— Скверное пиво.

— Но вы, кажется, пьете его с удовольствием, — улыбнувшись, осторожно заметил Сэм.

— Только потому, что оно холодное и утоляет жажду. Я отдал бы ящик этого пива за бутылку «Бада» или «Бэллантайна».

Незнакомец говорил резко и отрывисто, глотая слова.

— Вы, наверное, с Севера? — прислушавшись, спросил Сэм. Теперь, когда глаза его привыкли к полумраку бара, он разглядел, что перед ним сидел молодой мулат в белой рубашке с закатанными рукавами. На его лице застыло напряженное ожидание, лоб был перечеркнут резкими морщинами.

— Вы чертовски правы. Я приехал с Севера и собираюсь уехать обратно... — Он внезапно умолк и отхлебнул пива. Когда он снова заговорил, его голос звучал настороженно. — А вы из этих мест?

— Я родился недалеко отсюда, а теперь живу в Картерете. Здесь у меня пересадка с одного автобуса на другой.

— Картерет — это там, где колледж?

— Верно. Я в нем преподаю.

Молодой человек в первый раз улыбнулся.

— Стало быть, мы с вами как бы коллеги. Я из Нью-Йоркского университета, специализируюсь в экономике. — Он протянул руку. — Чарлз Райт. Все, кроме матери, зовут меня Чарли.

— Очень приятно познакомиться, — сказал Сэм медленно, несколько по-старомодному. — Я Сэм Моррисон, и в свидетельстве о рождении у меня тоже Сэм, а не Сэмюэль.

— Ваш колледж меня интересует. Я собирался побывать в нем, но... — Чарли внезапно умолк, услышав звук автомобильного мотора, который донесся с улицы, и наклонился вперед, чтобы видеть входную дверь. Только после того, как машина уехала, он откинулся на спинку стула, и Сэм увидел мелкие капельки пота, проступившие у него на лбу. Чарли нервно отхлебнул из бутылки.

— Вы не встретили на автобусной станции здоровенного полисмена с толстым пузом и красной рожей?

— Да, встретил. Когда я сошел с автобуса, он завел со мной разговор.

— Сволочь!

— Не горячитесь, Чарлз. Он всего-навсего полисмен, исполняющий свои обязанности.

— Всего-навсего!.. — Молодой человек бросил короткое грязное ругательство. — Это Бринкли. Вы, должно быть, слышали о нем — самый жестокий человек к югу от Бомбингэма. Следующей осенью его собираются избрать шерифом. Он уже магистр клана. Этакий столп общества.

— Подобные разговоры вас до добра не доведут, — мягко заметил Сэм.

— То же самое говорил Дядюшка Том — и, насколько я помню, он остался рабом до самой смерти. Кто-то должен сказать правду. Нельзя же вечно молчать.

— Вы рассуждаете, как участник автомарша за права негров. — Сэм безуспешно попытался придать своему лицу строгое выражение.

— Ну и что, я участвовал в этом марше, если хотите знать. Он заканчивается как раз здесь. А теперь еду домой. Я напуган и не боюсь в этом сознаться. Тут, на Юге, вы живете, как в джунглях. Никогда не представлял себе, насколько это ужасно, пока не приехал сюда. Я работал в комитете избирателей. Бринкли об этом пронюхал и поклялся, что прикончит меня или упрячет на всю жизнь за решетку. И знаете — я в это верю. Сейчас я уезжаю,

только вот жду машину, которая должна меня отвезти. Еду обратно к себе на Север.

— Насколько мне известно, у вас на Севере тоже есть свои трудности.

— Трудности! — Чарли допил пиво и встал. — После того что я увидел здесь, я их даже так называть не стану. Нью-Йорк, конечно, не рай, но там есть шанс прожить немного больше. Там, где я вырос, на юге Ямайки, приходилось нелегко, но у нас был собственный дом и в неплохом районе и... Хотите еще пива?

— Нет, одной бутылки мне вполне достаточно, спасибо.

Чарли вернулся с новой бутылкой пива и продолжил прерванную мысль:

— Может быть, на Севере мы считаемся гражданами второго сорта, но по крайней мере там мы все-таки граждане и можем добиться какого-то счастья, осуществления каких-то желаний. А здесь человек — рабочая скотина. И ничем другим он никогда не станет, если у него кожа не того цвета.

— Я бы этого не сказал. Положение все время улучшается. Мой отец был батраком, сыном раба, а я преподаватель колледжа. Это как-никак прогресс.

— Какой прогресс? — Чарли стукнул по столу, но голоса не повысил и продолжал гневным шепотом: — Одна сотая процента негров получает убогое образование и передает его другим в захолустном колледже. Слушайте, я не нападаю на вас. Я знаю, вы делаете все, что можете. Но на каждого человека вроде вас есть тысяча других, которые год за годом рождаются, живут и умирают в омерзительной нищете, без всякой надежды. Миллионы людей. Разве это прогресс? И даже вы сами — вы уверены, что не добились бы большего, если бы преподавали в приличном университете?

— Нет, только не я, — засмеялся Сэм. — Я рядовой преподаватель, и разъяснений студентам основ алгебры и геометрии для меня более чем достаточно без того, чтобы еще пытаться объяснить им топологию, или Булеву алгебру, или что-либо в этом роде.

— А что это за штука, эта Бул... Я о ней никогда не слышал.

— Это, гм... логическое исчисление, специальный предмет. Я же говорил, что не мастер объяснять эти вещи, хотя довольно неплохо знаю их. По правде говоря, высшая математика — это мое увлечение. Если бы я работал в крупном учебном заведении, у меня не было бы времени, чтобы заниматься ею.

— Откуда вы знаете? Может быть, там была бы большая электронно-вычислительная машина. Разве это вам бы не помогло?

— Возможно, конечно, но я нашел способ обходиться без

такой машины. Просто требуется немного больше времени, только и всего.

— А много ли его у вас осталось? — тихо спросил Чарли и мгновенно пожалел о сказанном, когда увидел, как пожилой человек молча опустил голову, так и не ответив на вопрос.

— Беру свои слова обратно. У меня слишком длинный язык. Простите, слишком уж я разозлился. Откуда вы знаете, чего бы вы достигли, будь у вас подготовка, возможности?..

Он замолчал, поняв, что лишь усугубляет свою бестактность.

Полусумрачную душную тишину бара нарушали лишь отдаленный шум уличного движения да тихая музыка. Бармен встал, выключил приемник и открыл дверцу погребка, чтобы достать еще один ящик пива.

Но музыка продолжала звучать где-то рядом как назойливое эхо. Чарли понял, что она доносится из коробки для сигар, лежавшей перед ним на столе.

— Там приемник? — спросил он, обрадованный возможностью переменить тему разговора.

— Да... впрочем, по существу, нет, хотя блок приема радиоволн там есть.

— Если вы думаете, что все объяснили, то ошибаетесь. Я уже вам говорил, что моя специальность — экономика.

Сэм улыбнулся и, открыв коробку, показал на аккуратно смонтированную внутри радиосхему.

— Это сделал мой племянник. У него небольшая ремонтная мастерская, но он приобрел приличные знания по электронике в военной авиации. Я показал ему уравнение, и мы вместе собрали эту схему.

Чарли подумал о человеке, имеющем знания и практическую подготовку в области электроники, который вынужден растрачивать свои силы и способности в мастерской мелкого ремонта, но не высказал свою мысль вслух.

— А для чего эта штука?

— По правде говоря, ни для чего. Я сделал ее просто для того, чтобы на практике проверить, верны ли мои уравнения. Я полагаю, теория единого поля Эйнштейна вам не очень хорошо знакома?..

Чарли сокрушенно улыбнулся и поднял руки, показывая, что сдается.

— Рассказать о ней нелегко. Говоря упрощенно, предполагается, что существует связь между явлениями, между всеми формами энергии и вещества. Вы знакомы с самыми простыми преобразованиями: переходом тепловой энергии в механическую, как, например, в двигателе, электрической энергии в свет...

— Электрическая лампочка!

— Правильно. Исходя из этого было выдвинуто предположение, что существует связь между временем и световой энергией, так же как между гравитацией и светом — это уже было доказано, — между гравитацией и электричеством. Именно эту область я и исследовал. Я предположил, что внутри гравитационного поля существует некий заметный градиент энергии, подобный градиенту силовых линий, под действием которого железные опилки располагаются в магнитном поле. Нет, это сравнение не годится, пожалуй, лучше сравнить с проводником, в котором ток может бесконечно циркулировать в условиях сверхпроводимости, возникающей при низких температурах...

— Профессор, я запутался. Мне не стыдно в этом признаться. Может быть, вы объясните все на примере? Ну, скажем, что происходит в этом маленьком приемнике?

Сэм осторожно покрутил рычажок настройки, музыка стала чуть-чуть громче.

— Здесь интересна не радиопередача. Этот блок приема радиопередач лишь наглядно показывает, что я обнаружил утечку — нет, правильнее сказать, перепад между гравитационным полем Земли и гравитационным полем вот этого кусочка свинца в углу коробки.

— А где батарейка?

Сэм гордо улыбнулся:

— Вот в этом-то и соль — батарейки нет. Электроэнергия поступает извне, из...

— Вы хотите сказать, что ваш радиоприемник работает на гравитации? Получает электричество даром?

— Да... хотя на самом деле это не совсем верно...

— Но выглядит-то именно так!

Чарли был явно возбужден. Он низко наклонился над столом, стараясь получше разглядеть, что в коробке.

— Я ничего не понимаю в электронике, но энергетическими ресурсами экономика занимается достаточно подробно. Можно ли усовершенствовать этот ваш прибор, чтобы он вырабатывал электричество при небольших затратах или вообще без затрат?

— Не сразу. Это лишь первая попытка...

— Но в конце концов можно? А ведь это означает...

Сэм решил, что молодому человеку вдруг стало плохо. Его лицо посерело, как при потере крови, в глазах застыл ужас. Он медленно опустился на стул. Прежде чем Сэм успел спросить, что случилось, в дверях бара раздался зычный голос:

— Видел кто-нибудь парня по имени Чарли Райт? Ну, быстро. Отвечайте! Кто скажет мне правду, тому бояться нечего.

— Святой Иисус... — прошептал Чарли и буквально вжался в сиденье. Бринкли вошел в бар, держа руку на рукоятке пистолета, прищуренными глазами всматриваясь в полумрак зала. Ему никто не ответил.

— Кто вздумает прятать его, тому будет плохо! — прорычал он. — Все равно найду этого черномазого прохвоста!

Полицейский направился в глубь зала. Чарли, схватив сумку, перемахнул через перегородку кабины и метнулся к задней двери.

— Вернись, сукин сын!

Прыгая, Чарли зацепил ногой стол. Стол зашатался, и коробка из-под сигар соскользнула на пол. Прогромыхали тяжелые сапоги. Дверь скрипнула, Чарли выскользнул на улицу. Сэм нагнулся, чтобы поднять коробку.

— Убью! Держите его!

Приемник был цел. Сэм облегченно вздохнул и выпрямился, держа в руке дребезжащую коробку.

Из двух выстрелов он услышал только первый: второй он услышать не мог — пуля попала ему в затылок, и Сэм рухнул на пол. Смерть наступила мгновенно.

Патрульный Марджер, выскочивший из полицейской автомашины, ворвался в бар с пистолетом наготове и увидел Бринкли, входившего через заднюю дверь.

— Удрал, будь он проклят, будто испарился.

— Что здесь случилось? — спросил патрульный, засовывая пистолет в кобуру и глядя на лежавшее у его ног худое скрюченное тело.

— Не знаю. Должно быть, он подвернулся под пулю, когда я выпалил в того, который сбежал. Во всяком случае, наверно, тоже коммунист. Они сидели за одним столом.

— Могут быть неприятности из-за этого...

— Какие неприятности? — возмутился Бринкли. — Всего-навсего еще один старый мертвый ниггер...

Двинувшись к выходу, он наступил сапогом на коробку из-под сигар. Она лопнула и рассыпалась на куски под тяжелым каблуком.

Жизнь художника

«Праздник, проведенный за работой. Вот уж действительно праздник! Я пробыл на Луне год. Писал картины триста шестьдесят пять дней, — а вернувшись на Землю, первым делом иду в музей «Метрополитен», чтобы посмотреть на другие картины. — Брент улыбнулся. *Хочется надеяться, что время будет потрачено не зря».*

Он посмотрел на длиннющую лестницу. Гранитные ступени чуть поблескивали под ярким августовским солнцем. Он глубоко вдохнул, переложил трость в правую руку. Начал подниматься, одну за другой медленно преодолевая ступени. Казалось, они уходили в бесконечность.

Почти добрался до верха... оставалось преодолеть лишь несколько ступеней. Трость соскользнула с одной из них, он потерял равновесие, покатился вниз.

Женщина, стоявшая в тени на площадке за лестницей, громко закричала. Она наблюдала за ним с того самого момента, как он вылез из такси. Брент Далгрин, знаменитый художник, теперь все знали это молодое загорелое лицо под шапкой серебряно-седых волос, выбеленных радиацией космоса. Газеты писали, что от долгого пребывания в условиях пониженной силы тяжести мышцы его очень ослабли. Он с таким трудом взбирался по ступеням, а потом скатился с них. Женщина кричала, кричала и кричала.

Его перенесли в медпункт музея.

— Гравитационная слабость, — сказал он сестре. — Все будет в порядке.

К счастью, все кости остались целыми. Медсестра лишь нахмурилась, прикоснувшись к его коже. Померила ему температуру, глаза у нее округлились, она испуганно посмотрела на него.

— Я знаю, — кивнул Брент. — Значительно выше нормальной. Волноваться не надо, повышение температуры никак не связано с падением. Скорее, наоборот.

— Я должна все занести в журнал, таков порядок.

— Мне бы этого не хотелось. Незачем общественности знать, что у меня проблемы со здоровьем. Если вас не затруднит, позвоните доктору Грейберу в Медикэл-Арт-Билдинг. Он вам скажет, что для меня повышенная температура — обычное дело. И музею нет нужды волноваться о том, что он несет ответственность за ухудшение моего здоровья.

Он легко представил себе заголовки газет. «ЛУННЫЙ ХУДОЖНИК УМИРАЕТ», «ЖИЗНЬ, ОТДАННАЯ ЗА ИСКУССТВО». Но он не считал себя героем. Он знал об опасностях радиационной болезни. Вначале четко следовал инструкциям: в скафандре проводил на поверхности Луны положенное время и ни минуты больше. До того, как у него возникла проблема.

А состояла она в том, что он никак не мог ухватить атмосферу Луны. В одной картине ему это почти удалось, а потом как отрезало. Атмосферу полного безлюдья, экстремальных условий, царящих на равнинах, в кратерах. Ощущение инопланетности, которое ускользало от него, прежде чем он успевал запечатлеть его в красках.

Критики называли его картины уникальными, удивительными, говорили, что именно так, по их мнению, и выглядела Луна. А вот в этом он не мог согласиться с критиками. Безвоздушный спутник Земли был совершенно не таким. Другим... настолько другим, что он так и не смог ухватить эту разницу. И теперь его ждала скорая смерть: он потерпел неудачу, не смог реализовать мечту своей жизни.

Радиационная лихорадка пожирала его кровь и кости. Еще несколько месяцев, и она покончит с ним. Он боролся со временем, спешил уложиться в оставшиеся месяцы. Спешил и потерпел неудачу... не сложилось.

Медсестра, хмурясь, положила трубку на рычаг.

— Я связалась с доктором Грейбером, и он подтвердил ваши слова, мистер Далгрин. Если вы так хотите, я не буду ничего записывать, — она помогла ему встать.

Луна стала забываться по ходу того, как перед глазами замелькали земные полотна. Он наслаждался произведениями искусства, которые создавались на протяжении многих веков. То была его жизнь, и он старался увидеть как можно больше, компенсировать свое долгое отсутствие на Земле. Греческие мраморные скульптуры успокаивали, картины Рембрандта вновь пробуждали интерес к творчеству. Его радовало, что после стольких лет, отданных живописи, он мог ходить по этим залам, с нетерпением ожидая встречи с, казалось бы, давно знакомыми картинами. Но ему хотелось посмотреть и на что-нибудь новенькое. Лифт доставил его к залам современного искусства.

И сразу его душевное спокойствие нарушила *картина*. Осенний пейзаж, типичный пример модерн-классицизма, столь модного в последние несколько лет. Но в картине было и что-то еще: неуловимая отстраненность.

Его ноги начали дрожать. Он понял, что надо немного отдохнуть.

Брент уселся на широкий диван у главной лестницы, но мыслями никак не мог оторваться от картины. Что-то его тревожило, задевало за живое, но он никак не мог понять, что именно.

Он чувствовал, что объяснение следует искать в эмоциональной сфере. Всякий в то или иное время испытывал удовольствие или заинтересованность, глядя на любую форму визуального искусства. Эмоциональный отклик могли вызвать и фотоснимок в журнале, и рисунок, и даже хорошо спроектированное здание. Брент попытался проанализировать свои ощущения, но ничего путного не выходило. Сформулировать он сумел лишь одну, не слишком внятную мысль: «В этой картине что-то не так».

Но внезапно он получил ответ. Он явился к нему мгновенно, словно его озарило. Ему вспомнились лунные равнины, на кото-

рые не ступала нога человека. Ощущение это выражалось одним словом: инопланетность.

Это ощущение появлялось у него в вечной безжизненности молчаливых лунных просторов. Но как оно могло ассоциироваться с изящным осенним пейзажем? Каким образом художник сумел выразить это необычное чувство на холсте? Брент отругал себя, разумеется, молча. Это не картинка из жизни другой планеты. Это «Осень в лесу», нарисованная человеком, который не понимал, что пишет. Человеком, который иначе смотрел на привычное всем и каждому. Художником, который смотрел на кипучую жизнь осеннего дня, а рисовал вечную смерть безжизненного спутника.

Брент оперся на трость, учащенно забилось сердце. Он должен найти этого художника. Должен поговорить с ним, узнать у него... выбить, если необходимо... он должен *выяснить* секрет этого человека. Мысль о близкой смерти тяжелым грузом лежала на плечах. Умереть, не зная, как передать в картине это ощущение!

Он убил себя в погоне за ним... и ничего не достиг. А на Земле жил человек, обладающий знанием, которое он искал. От таких мыслей хотелось выть.

Не без труда, но он взял себя в руки. Посидел, пока не совладал с расшалившимися нервами. Твердо сказал себе, что должен найти этого человека.

В правом нижнем углу картины, в тени валуна, стояла подпись: Артур Ди Коста. Брент никогда не слышал о таком художнике, но в этом не было ничего удивительного. Настоящие художники вымирали, как динозавры. Они трудились в подсобках, в старых гаражах, заполняя холст за холстом ради собственного удовольствия. И зачастую с их работами широкая общественность знакомилась уже после смерти художника.

Опять смерть, сердито подумал Брент. Развернулся и направился к служителю, коротавшему время около абстрактной скульптуры.

— Конечно, мистер, — ответил ему служитель. — Вы найдете куратора в его кабинете. Дверь вон там.

— Благодарю, — пробормотал Брент и проследовал в направлении, указанном мясистым пальцем. Нашел нишу, практически скрытую роскошными гобеленами. В ней обнаружил фонтанчик с питьевой водой, приводимый в действие фотоэлементом, и псевдомраморную дверь с надписью на табличке: «*Доктор Эндрю Киннент — куратор, коллекция современного искусства*».

Брент открыл дверь, вошел в приемную. Секретарь оторвалась от компьютера.

— Я — Брент Далгрин. И хотел бы переговорить с мистером Киннентом.

— Тот самый мистер Далгрин?! Минуточку... — Зардевшись, девушка нажала на кнопку аппарата внутренней связи.

— Заходите, мистер Далгрин. Мистер Киннент будет рад встрече с вами, — но ни очаровательная улыбка, ни радушный прием не произвели на Брента ни малейшего впечатления: думал он совсем о другом.

После тридцати минут, отданных искусству вообще, Брент перевел разговор на нынешнюю экспозицию, а конкретно — на одного художника.

— Ди Коста — один из наших самых талантливых молодых художников, — куратор самодовольно улыбнулся, словно он сам обучил Ди Косту секретам мастерства. — В Нью-Йорке он живет недавно, но уже успел сделать себе имя. Позвольте мне дать вам его адрес. Я уверен, что вы с удовольствием побеседуете с ним. Общность интересов, знаете ли.

Брент легко согласился получить те сведения, за которыми, собственно, и пришел. Своими истинными мыслями он делиться с Киннентом не стал. Не подкрепленные доказательствами, они действительно могли вызвать сомнения в психическом здоровье человека, который бы их высказал. Но самого Брента это не останавливало. Жизнь подходила к концу, но сначала хотелось найти ответ на самый важный для него вопрос.

Нужный ему дом ничем не выделялся среди доброй сотни других, которые выросли на модных теперь Тридцатых улицах, заменив собой корпуса фабрик по пошиву верхней одежды. Брент перешел на другую сторону улицы, оглядел дом 31. Отсутствие окон указывало на то, что финансовых проблем у владельца нет. А все, что его интересовало, он мог узнать только внутри — не снаружи. Брент вновь перешел улицу, встал на хромированный квадрат перед дверью.

Сработавший под тяжестью тела датчик активировал механического дворецкого.

— Резиденция мистера Ди Косты. Чем я могу вам помочь?

— Мистер Брент Далгрин желает увидеться с мистером Ди Костой.

— Я очень сожалею, но касательно вас я не располагаю никакой информацией, сэр. Если вас не затруднит оставить сооб... — голос робота оборвался, сменившись мужским.

— Рад приветствовать вас, мистер Далгрин. Пожалуйста, заходите.

Дверь распахнулась, открыв маленькую, отделанную деревом прихожую. И лишь когда дверь закрылась, Брент понял, что находится в кабине лифта. Она тронулась с места, плавно оста-

новилась, задняя стенка скользнула в сторону, открывая путь в библиотеку-кабинет. Из-за стола поднялся мужчина, шагнул навстречу Бренту, протягивая руку.

Брент ее пожал, не сводя глаз с лица мужчины. Ростом Ди Коста был повыше Брента, худощавость как-то не вязалась с плавностью движений. Рука у него была длинная и сильная. Только тут Брент поймал себя на том, что просто таращится на хозяина.

— Надеюсь, вы извините меня за столь внезапное появление в вашем доме, мистер Ди Коста. Я увидел вашу картину в «Метрополитен», и она очень заинтересовала меня.

Брент остановился, понимая, что неубедительный это предлог для появления в доме художника. И порадовался тому, что Ди Коста взял инициативу на себя.

— Я вас прекрасно понимаю, мистер Далгрин. Со мной такое бывало не раз, когда я видел ваши картины и некоторых других художников, — он улыбнулся. — Далеко не всех, уверяю вас. Я смотрел на эти картины и говорил себе, хотелось бы мне встретиться с человеком, который их создал. Но такие встречи крайне редки, о чем я очень сожалею. И мне льстит, что вы испытываете те же чувства при взгляде на мои работы.

Доброжелательность Ди Косты сломала лед, скоро они стали лучшими друзьями. Брент сидел в удобном кожаном кресле, Ди Коста смешивал напитки в баре, удачно вписанном в интерьер. Тем самым у Брента появилась возможность оглядеть кабинет. То, что он видел, ему нравилось. Пожалуй, он бы и сам не отказался от такого кабинета. Что несколько удивляло, так это вращающаяся полка с книгами в углу.

Брент вдруг понял, что она медленно вращалась и когда он вышел из лифта. И еще... ну да, на столе так же медленно вращалась тяжелая бронзовая пепельница. Они создавали необычный эффект, но скорее приятный, чем наоборот. И гармонировали с кабинетом и личностью хозяина.

— А вот и выпивка. Сначала тост... За долгую жизнь и хорошие картины для нас обоих.

Брент чуть хмурился, пригубливая стакан.

Есть такой феномен: о тонкостях профессии с удовольствием говорят и плотники, и банковские служащие. Вот и Брент легко втянулся в дискуссию о достоинствах ализариновых красок и влиянии искусства Византии на итальянских художников, скульпторов и архитекторов эпохи Возрождения. Но при этом какая-то часть его сознания скрупулезно оценивала слова Ди Косты, тщательно наблюдала за ним. Но хозяин Брента ни на йоту не выходил из образа джентльмена, не стесненного в средствах и живо интересующегося живописью.

За живой беседой уже незаметно пролетели полчаса, когда в дверь кабинета легонько постучали. Она открылась, в кабинет вошла красивая женщина в элегантном наряде, выдержанном в серебристо-серых тонах, в котором в полном соответствии с последней модой преобладали греческие мотивы.

Она остановилась у порога.

— Я не хотела беспокоить тебя, Артур, но... о, извини, я не знала, что у тебя гость.

Ди Коста подошел к ней, нежно взял под руку.

— Я очень рад, что побеспокоила, дорогая. Позволь представить тебе знаменитого Брента Далгрина, — обнял женщину за талию. — Моя жена, Мария.

Брент пожал ей руку, улыбнулся, глядя в большие карие глаза. Она чуть ответила на рукопожатие, как и полагалось в приличном обществе. Очаровательная жена, комфортабельный, уютный дом — Артур Ди Коста являл собой образец современного джентльмена. И получалось, что картина в музее — единственное, в общем-то пустяковое, отклонение от нормы.

Но в то мгновение, когда он держал в руке руку Марии, его взгляд упал на портрет, висевший у двери.

И только невероятным усилием воли удержался от того, чтобы не раздавить ее руку. Ди Коста изобразил Марию, и в ее портрете...

Присутствовала та же тонкая трансформация, что и в осеннем пейзаже, который захватил его внимание в музее. Что-то такое было в изгибе губ, в глазах, которыми она смотрела с портрета. Брент оторвал взгляд от картины, но уже после того, как Ди Коста заметил, куда он смотрит.

— Должно быть, это удивительное ощущение, — рассмеялся он. — Одновременно видеть перед собой и мою прекрасную Марию, и ее портрет на стене, — он прикоснулся к раме, и картину залил мягкий свет. Брент пробормотал какую-то похвалу, шагнул к картине, словно надеялся, что уменьшение расстояния позволит найти ответы на его многочисленные вопросы.

Ди Косте, похоже, льстил интерес знаменитого художника к его творчеству. Они обсудили многие проблемы, с которыми сталкивается портретист, удачные или неудачные их решения. Смутившуюся, чуть покрасневшую Марию попросили встать рядом с портретом. Она сделала вид, что эта дискуссия, птичья грамота для непосвященных, нисколько ее не раздражает.

— Эта синяя тень на шее помогает формировать...

— Эффект золотых волос, падающих на скулу, достигается...

По их просьбе она то поворачивала, то наклоняла голову, не участвуя в разговоре.

А маленькая часть сознания Брента продолжала наблюдать и

анализировать. *Как* Ди Коста создавал свои картины, становилось более-менее ясно, а вот *почему* — оставалось загадкой. В лице, в фигуре инопланетность, чужеродность отсутствовали напрочь, скорее получалось, что она смотрела на что-то абсолютно ей неведомое.

Брент почувствовал, как в висках начинает пульсировать боль. Но, к счастью, раздалась мелодичная трель телефонного звонка, отвлекшая Брента от поиска ответов на мучившие его вопросы. Ди Коста извинился и прошел в соседнюю комнату, оставив Брента наедине с Марией. Не успели они усесться в удобные кресла, как вновь появился Ди Коста. По выражению лица чувствовалось, что он получил какое-то неприятное известие.

— Прошу меня извинить, но мой адвокат просит немедленно приехать. Какой-то важный вопрос, касающийся моей собственности. Мне так не хочется уезжать. Мы обязательно должны продолжить наш разговор. Пожалуйста, не торопитесь уходить, мистер Далгрин. Мой дом в полном вашем распоряжении.

После ухода Ди Косты Брент и Мария поболтали на самые разные темы, уже никак не связанные с живописью. Не мог же Брент сразу спросить у женщины, которую видел первый раз в жизни: «Мадам, ваш муж рисует чудовищ? Или вы сами ведьма? В этом секрет?»

Быстрый взгляд на наручные часы убедил его, что пора уходить: негоже злоупотреблять гостеприимством хозяев.

Прикуривая, Брент как бы случайно посмотрел на часы, стоявшие на каминной доске.

— Как, уже половина четвертого? Прошу меня извинить, но мне пора идти.

Мария встала, улыбнулась.

— Вы для нас — самый желанный гость, — рассмеялась. — Я знаю, что тут я могу говорить не только за себя, но и за Артура. Мы очень надеемся увидеть вас вновь.

— Постараюсь оправдать ваши надежды, — улыбнулся в ответ Брент.

Прощание прервала открывшаяся дверь лифта и громкие вопли маленького человеческого существа. Девочка бросилась к Марии, а когда та взяла ее на руки, зарыдала еще громче, уткнувшись ей в плечо. Пластмассовая кукла с раздавленной головой свидетельствовала о том, что для рыданий, сотрясавших не только золотистые кудряшки, но и все тельце, есть веский повод.

Брент молча стоял, пока рыдания не утихли. Мария улыбнулась ему, уговаривая девочку поздороваться с гостем. Наконец, раскрасневшееся, заплаканное личико повернулось к нему.

— Дотти, познакомься, пожалуйста, с мистером Далгрином...

— Добрый день, мистер Далгрин... но, мамик, он наступил на куклу, а потом рассмеялся, когда она сломалась...

От этих слов слезы брызнули вновь.

— Успокойся, Дотти. Ты же не хочешь, чтобы твой отец увидел тебя в таком состоянии, — сказал Брент.

Эти вроде бы совершенно безобидные слова произвели неожиданный эффект. Не на девочку — на мать: Мария заметно побледнела.

— Артур — не отец Дотти, мистер Далгрин. Видите ли, это мой второй брак. Он... Я хочу сказать, у нас не может быть детей, — чувствовалось, что слова эти даются ей нелегко.

Брент чуть смутился... и одновременно обрадовался: обнаружилось первое отклонение от нормы. И неожиданная бледность Марии ясно указывала: ее что-то тревожит. За это что-то Брент с радостью отдал бы последний тюбик краски. Возможно, этот секрет не имел отношения к живописи, но, скорее всего, связь была. И он твердо решил ее отыскать.

* * *

Дневная жизнь города уступила место ночной. Брент шевельнулся в большом кресле, протянул руку к стакану бургундского, стоявшему на столике. Квартирка у него была маленькая, но очень хорошая. Одно из немногих роскошеств, которые он себе позволял. Впрочем, роскошество это, скорее, звалось необходимостью для тех, кто зарабатывал на жизнь, продавая свои эмоции, выраженные цветом.

Вино могло потерять вкус, вид города — нет. Нью-Йорк, вечный город чудес. Рассеянный свет в комнате не бросал отблесков на окно, так что взгляд устремлялся в свободный полет над архитектурной страной. Лазерные лучи гуляли по небу, изредка отражаясь от самолета или стратоплана. Сам город сиял тысячами огней тысяч оттенков. Даже сюда, на сто восьмидесятый этаж, доносился ни на секунду не умолкающий городской шум. Нью-Йорк, самый удивительный из городов, созданных человеком, вот в нем и жил человек, который не был человеком в полном смысле этого слова.

Частичный ответ Брент получил, двух мнений тут быть не могло. Недостающее звено он обнаружил в одной из своих картин. Единственной, которая принесла ему хоть какую-то удовлетворенность. Она далась ему девятью часами непрерывной работы, когда он подверг себя, по терминологии врачей, «опасному воздействию». На полотне удалось отразить грубое, ничем не

прикрытое великолепие вечного космоса. Инопланетный ландшафт, увиденный человеческим глазом. А у Ди Косты все с точностью до наоборот: обычные человеческие сцены, увиденные другими глазами. Возможно, глаза эти не были для Земли полностью инородными, потому что разницу мог уловить только тот, кто ее искал. Но в одном Брент не сомневался: без инопланетного воздействия не обошлось.

Он также получил и косвенное подтверждение своей правоты. Закон природы оставался законом, а гены — генами. Люди и обезьяны — теплокровные млекопитающие, ближайшие родственники с точки зрения антропологии. Однако генная несовместимость исключала появление общих потомков.

Вот и мужчина, если он не был Человеком, homo sapiens, не мог иметь детей от человеческой женщины. Мария Ди Коста такой и была, что доказывала заплаканная дочурка. У Артура Ди Косты детей не было.

Брент нажал клавишу на подоконнике, и окно уползло в щель. Городские шумы ворвались в квартиру вместе с запахами джерсийских лесов, вроде бы совершенно неуместными в большом городе, которые донес легкий ветерок.

Подняв голову, он увидел луну, плывущую меж редких облаков, утреннюю звезду, Венеру, поднявшуюся над восточным горизонтом. Он побывал на Луне. Он видел ракету, которая готовилась к полету на Венеру. Человек был единственной разумной формой жизни, которую ему довелось видеть. Если были и другие, то их следовало искать на других звездах. А впрочем... разве не могли представители этих далеких цивилизаций жить на Земле, среди людей?

Но проку от этих мыслей не было. Не стоит изобретать новых чудовищ, не убедившись в существовании хотя бы одного. Утро вечера мудренее. Надо хорошенько выспаться, а потом отправляться на охоту.

* * *

В десятый раз Брент бросил в урну недоеденный шоколадный батончик и двинулся дальше. Это в телешоу частный детектив с легкостью выполнял свои обязанности. В реальности все оказалось куда как сложнее. Он третий день следил за Артуром Ди Костой, и слежка эта уже сказывалась на его пищеварении. Когда останавливался Ди Коста, приходилось останавливаться и ему, зачастую на запруженных толпой улицах. Чтобы не привлекать к себе лишнего внимания, он делал вид, что ему необходимо сделать покупку в одном из торговых автоматов, выстроив-

шихся вдоль тротуара. Газеты он просто выбрасывал, но считал себя обязанным хотя бы надкусить шоколадный батончик.

Но вот Ди Коста ступил на движущуюся пешеходную дорожку, проложенную по Пятой авеню. Брент, отделенный от него несколькими сотнями футов, проделал аналогичный маневр. Они покатились к Верхнему Манхэттену со стандартной скоростью пятнадцать миль в час. Когда дорожка пересекала Пятьдесят седьмую улицу, на нее ступил невысокий мужчина в черно-золотом деловом костюме. Брент заметил его, когда он остановился рядом с Ди Костой и похлопал художника по плечу. Ди Коста обернулся. Улыбка медленно уступила место недоумению.

Невысокий мужчина передал удивленному художнику сложенный листок бумаги. И, прежде чем Ди Коста успел что-то сказать, сошел с движущейся дорожки на островок безопасности, лихо перескочил через ограждающий барьер и по другой дорожке покатил в противоположную сторону, к Нижнему Манхэттену.

Брент, разинув рот, проводил коротышку глазами. Проехав мимо, он вскоре растворился в толпе. А повернув голову, наткнулся на взгляд Ди Косты.

Его планы рухнули. А Ди Коста улыбнулся и приветственно помахал ему рукой. Сквозь уличный шум до Брента долетел его голос:

— Мистер Далгрин, идите сюда.

Брент помахал рукой в ответ и двинулся к Ди Косте. А что ему оставалось? Он уже подходил к художнику, когда любопытство Ди Косты взяло верх. Брент наблюдал, как тот разворачивает листок, читает написанное на нем... С Ди Костой произошла разительная перемена. Рука с запиской повисла плетью, тело напряглось. Глядя перед собой, стоя на движущейся дорожке, он словно окаменел. Превратился в статую.

Далгрин прибавил шагу. Он практически не сомневался, что записка и коротышка каким-то образом связаны с секретом картин.

Ди Коста ничего не видел и не слышал. Брент посчитал себя вправе взять загадочную записку, зажатую в негнущихся пальцах. Одна сторона — пустая, на второй — непонятная то ли надпись, то ли подпись: загогулины, пересеченные зелеными прямыми. Ни с чем подобным Брент в своей жизни не сталкивался.

Они ехали бок о бок. Брент облокотился на поручень, тогда как Ди Коста продолжал пребывать в странном трансе. Записка, которую Брент держал в руке, была вещественным доказательством, прямо указывающим на то, что его подозрения небеспочвенны. Взглянув на нее вновь, он вдруг почувствовал, как за-

писка завибрировала у него в руке, словно хотела вырваться, потом засветилась и исчезла! Мгновением раньше он держал ее в руке, а теперь ее не было!

От неожиданности он отпрянул, но не наткнулся на стоявшего рядом Ди Косту. Потому что тот сошел с движущейся дорожки, пока он разглядывал записку. Перегнувшись через поручень, Брент увидел-таки, что Ди Коста уже подходит к аэроплощадке Центрального парка. Кляня себя за тупость, Брент поменял дорожки и поспешил к сходу, который вел к аэроплощадке.

Удача в этот день была на его стороне. Ди Коста стоял в длинной очереди к аэрокебам. И стоять ему предстояло добрых десять минут. Брент понял, что он успеет арендовать аутотакси до того, как художник поднимется в воздух.

И действительно, когда черно-оранжевый аэрокеб с Ди Костой на борту взял курс на север, синее аутотакси последовало за ним. Какое-то время спустя оба летательных аппарата скрылись вдали.

Аэрокеб летел на высоте десять тысяч футов. Брент держался чуть позади, в восьми тысячах футов от земли. Все происходило слишком уж быстро. Брента не покидало ощущение, что действует он уже не по собственной воле и все решения принимаются за него.

Но его распирала радость. Странный символ на записке, необъяснимое исчезновение записки доказывали тайное присутствие инопланетян. И каждая преодоленная им миля приближала его к разгадке. Он не страшился смерти, уже свыкся с тем, что она неминуема. Собственно, и мечта-то у него осталась только одна — раскрыть тайну, с которой столкнула его судьба. Брент улыбнулся.

Пятнадцать минут спустя аэрокеб и аутотакси приземлились на муниципальной аэроплощадке в Пауфкипси. Брент припарковал свое аутотакси и следом за Ди Костой спустился на улицу. Быстрым шагом художник направился к одному из стоящих рядком административных зданий, вошел.

Брент бросился за ним. Вбежал в холл, когда захлопывались двери лифта. Нажал на кнопку вызова, но кабина продолжала подниматься. На индикаторе вспыхнула цифра 4, потом кабина поплыла вниз.

Он был слишком близок к разгадке, чтобы остановиться, обдумать происходящее. Вошел в кабину, нажал кнопку с цифрой 4. Двери закрылись, и кабина начала... опускаться.

Брент осознал, что он в ловушке, и тут же понял, что не может ничего изменить. Оставалось ждать встречи с тем, кто будет поджидать его по другую сторону дверей.

Остановилась кабина на уровне, расположенном гораздо ниже подвала. Двери разошлись.

Его ожидания не оправдались: ему открылась самая что ни на есть обычная комната.

Ну, совершенно обычная, за исключением боковой стены. Стеклянной стены, за которой бурлила вода... только стекла не было! Он видел перед собой поверхность океана, поставленную на попа. Почувствовал, как его тянет к воде, засасывает в воду.

Ощущение исчезло, как по мановению волшебной палочки, стена стала ровной и черной. Только тут до него дошло, что в комнате он не один. Компанию ему составляла очаровательная девушка с прямыми волосами цвета бронзы и зелеными глазами.

— Неподготовленному человеку не следует наблюдать за этой машиной, мистер Далгрин. Она оказывает негативный эффект на мозг.

У него отвисла челюсть.

— Откуда вы знаете мою фамилию? Кто вы? Что все это?..

— Если вы присядете, я с удовольствием отвечу на все ваши вопросы.

Брент понимал, что кабина не тронется с места, пока он не выйдет из нее. Вышел, двери за его спиной сомкнулись, что не прибавило ему бодрости духа. Он влип по самое не могу, инициатива полностью принадлежала другой стороне. Он сел.

Рыжеволосая посмотрела на странную стену, которая вновь забурлила водой. Брент старался смотреть в другую сторону. Наконец девушка, чуть хмурясь, повернулась к нему.

— Вас очень заинтересовали действия Артура Ди Косты, мистер Далгрин. Может, у вас есть вопросы, которые вы хотели бы задать мне?

— Безусловно, есть! Что произошло с ним сегодня... и где я сейчас нахожусь?

Она наклонилась вперед, нацелилась пальцем в грудь Брента.

— Сегодняшним визитом сюда мистер Ди Коста обязан вам. Мы заметили, что вы следите за ним, поэтому пригласили его сюда в надежде, что он приведет и вас. В записке он прочитал слово-пароль, заложенное у него в мозгу, которое вызывало автоматическую реакцию. Он прибыл сюда, следуя постгипнотическому приказу.

— Но записка! — вскричал Брент.

— Пустяк. Надпись на материале, сделанном из отдельных молекул. Небольшой энергетический заряд соединяет их воедино на протяжении короткого периода времени. Заряд рассеивается, молекулы разлетаются.

И все встало на свои места. Безусловные свидетельства де-

монстрации недоступных человеку сил однозначно указывали на то, что он имеет дело с...

— Инопланетянами, мистер Далгрин. Думаю, вы можете нас так называть. Да, я могу читать ваши мысли. Поэтому вы сегодня здесь. Мысленный ретранслятор в кабинете Артура Ди Косты сообщил нам о ваших подозрениях, с которыми вы входили в его дом. С той минуты мы наблюдали за вами, подготавливая ваш визит сюда.

Частично я смогу утолить ваше любопытство, мистер Далгрин. Мы не с Земли, более того, наша планета находится в другой звездной системе. А эта комната — офис санатория для больных, которым не требуется стационарное лечение.

— Санатория! — взревел Брент. — Если это офис... то где сам санаторий?

Девушка повертела в руках карандаш, а ее взгляд, казалось, вонзился в мозг Брента.

— Вся Земля — наш санаторий. На ней живут многие наши психические больные.

Пол начал уходить у Брента из-под ног. Он схватился за край стола.

— Значит, Ди Коста — один из ваших пациентов. Он безумен?

— Если следовать точному значению этого слова — нет. Он — слабоумный. И не поддается лечению.

— Если умница Ди Коста — слабоумный, тогда... — Брент покачал головой. — Это означает, что средний ай-кью[1] для представителей вашей цивилизации должен составлять...

— Этой величины вы и представить себе не можете. Для людей Ди Коста совершенно нормален, более того, его ай-кью выше среднего.

На родной планете он не смог найти места в высокоорганизованном обществе. Стал пациентом государства. Его тело трансформировали, чтобы он ничем не отличался от homo sapiens. Мы дали ему новое тело, новую индивидуальность, но не смогли изменить его исходный интеллект. Вот почему он на Земле.

Детство Ди Коста провел на родной планете, в чужеродной для землян социальной среде. Эти первые впечатления навсегда остались в его подсознании. Его новая индивидуальность не имеет о них ни малейшего представления, но они есть. И проявляются в его картинах. Требуется очень острый глаз, чтобы заметить их. Позвольте поздравить вас, мистер Далгрин.

[1] Ай-кью — по первым буквам IQ (intelligence quotient) — коэффициент умственного развития.

Брент печально улыбнулся:

— Теперь я сожалею о том, что заметил. Какие у вас планы в отношении меня? Как я понимаю, вы уже не позволите мне вернуться в мой земной «сумасшедший дом».

Девушка сложила руки на коленях. Смотрела на них, словно не желала встречаться с ним взглядом в момент объявления приговора. Но Брент не стал ждать. Если он сможет справиться с девушкой, то потом как-нибудь найдет пульт управления лифтом. Он напрягся и прыгнул.

Волна боли прокатилась по телу. Другой разум, неизмеримо более сильный, контролировал его тело.

Мышцы отказались подчиниться ему. Он рухнул на стол, застыл. Его тело выполнило приказ чужого разума. Рыжеволосая подняла голову. Ее глаза сверкали силой, которую она только что продемонстрировала.

— Никогда не следует недооценивать своего оппонента, мистер Далгрин. Именно для этого я приняла облик земной женщины. Я нахожу, что так управлять людьми гораздо легче. У них и в мыслях нет, что я... не та, кого они видят. Я сейчас сниму свой контроль, но, пожалуйста, не заставляйте меня вновь прибегать к этому средству.

Брент сполз на пол, сердце его рвалось из груди, тело сотрясала мелкая дрожь.

— Я — директор этого... санатория, поэтому вы понимаете, что у меня нет никакого желания привлекать к нашей деятельности внимание вашего государства. Мне придется избавиться от вас.

Дыхание Брента чуть успокоилось, он уже мог говорить.

— Так вы... хотите... меня убить?

— Отнюдь, мистер Далгрин, наша философия запрещает убийство, за исключением самых крайних случаев. Ваше тело будет изменено в соответствии с требованиями окружающей среды другой планеты-санатория. Естественно, мы излечим вас от всех последствий радиационной лихорадки. Так что вас будет ждать долгая и интересная жизнь. Если вы согласитесь сотрудничать с нами, мы сохраним вам вашу индивидуальность.

— И что это за планета? — По интонациям девушки Брент понял, что разговор близится к завершению.

— Совсем не такая, как эта. Тяжелая планета, в атмосфере которой роль кислорода выполняет хлор, — и нажала кнопку на столе.

Теряя сознание, Брент успел подумать: «Он будет жить... и работать... рисовать удивительные оттенки зеленого на планете с атмосферой из хлора...»

Древо жизни[1]

Иногда рассказы пишут по заказу. Чаще всего редактор или напишет, или скажет, что он ищет рассказы на определенную тему, написанные в определенном столе: нет ли у тебя, мол, какой-нибудь идеи в этом направлении?

Энтони Читэм, мой друг и редактор, написал, что он нуждается в рассказах по научной тематике, которые он мог бы поместить как в юношеский научный журнал, так, позднее, и в сборник рассказов. Это был как раз тот журнал, который я уже выписал для своего сына Тода. «Молодой ученый» — прекрасный журнал, ни в чем не уступающий своему прародителю, журналу «Современный ученый». Я заинтересовался, согласился с предложением и решил, что действительно мог бы написать рассказ об эволюции. Недостатка в материале не было. Но трудность заключалась в том, чтобы написать его в форме фантастического рассказа, увлекательного и доступного для юных читателей, — и одновременно интересного для взрослой аудитории, когда он выйдет в составе сборника.

Писательство — это большей частью искусство подсознательное или бессознательное, это мысли вслух и все такое прочее. Другим важным компонентом является вполне осознанный выбор техники или способа написания рассказа, то есть как спланировать его, с чего начать, в какую форму облечь. Я давно был поклонником Энтони Берджесса, писателя для писателей (если такие бывают), и начальная глава его «Эндерби» вызывает у меня искреннее восхищение. Это прекрасный и простой способ задать тон всему роману, к тому же способ научно-фантастический. А поскольку в романе содержится тонкая пародия Берджесса на писательские излишества Грэма Грина, то я решил, что автора не обидит мое самовольное заимствование его же приема. (Когда я спросил его об этом, он не только не обиделся, но, по-моему, даже развеселился.)

Вот он — мой фантастический рассказ, который, возможно, расскажет вам об эволюции немного больше, чем вам хотелось бы узнать.

Дети разбрелись по отмели, а некоторые даже отважились войти в прибрежную морскую пену, где высокие зеленые волны с грохотом обрушивались на них. Ослепительно сверкая с темно-голубого неба, солнце обжигало желтый песок. Далеко от берега волны вздымались в беззвучном разбеге и разбивались в пену.

[1] The Ever-branching Tree, 1969. © Перевод на русский язык, «Полярис», 1994.

Учитель резко хлопнул в ладоши, нарушив тишину солнечного дня.

— Перерыв закончен — одевайтесь, Гросбит-9, занятия начинаются.

Дети медленно и неохотно побрели к Учителю. Купальщики выходили из океана сухими, и ни одна песчинка не прилипла к одежде или коже детворы. Они собрались вокруг Учителя, их болтовня постепенно затихла, а он театрально указал на крошечное создание, извивающееся на песке.

— Фи, червяк! — сказала Манди-2 и очаровательно вздрогнула, встряхнув рыжими кудряшками.

— Правильно, червяк. Первый червяк, древний червяк, прототип червя. Важный червяк. Хотя непосредственно он и не указывает на путь эволюции, который мы изучаем, но мы задержимся и поглядим на него. Побольше внимания, Чед-3, у тебя глаза слипаются. Вот здесь впервые мы видим деление на сегменты — важный шаг в развитии жизни; таким образом шло развитие многоклеточных. Видите? Взгляните внимательно на ряд колец на теле этого существа. Выглядит так, будто оно состоит из маленьких колечек ткани, сплавленных воедино, — впрочем, так оно и есть.

Они нагнулись ближе, сомкнув склоненные головы кружком над коричневым червем, оставлявшим на песке извилистый след. Он медленно продвигался к Гросбиту-9, который поднял ногу и с силой наступил на существо. Школьники захихикали. Червяк выполз сбоку от ботинка и продолжил свой путь.

— Гросбит-9, мне не нравится ваше поведение, — строго сказал Учитель. — Было потрачено много энергии, чтобы ваш класс смог отправиться в путешествие во времени и воочию увидеть чудеса эволюции. Мы не можем почувствовать, потрогать, услышать или изменить прошлое, но мы можем перемещаться в нем и лицезреть его своими глазами. Так что мы должны быть благодарны за возможность совершить это путешествие, оказаться на Земле, какой она была миллионы лет тому назад, взглянуть на океан, в котором зародилась жизнь, увидеть одну из первых форм жизни на вечном древе эволюции. И какова же ваша реакция на этот внушающий благоговейный трепет эксперимент? Вы *наступили* на кольчатого червя! Стыдитесь, Гросбит-9, стыдитесь!

Гросбит-9 без малейших признаков раскаяния откусил заусеницу на большом пальце, искоса глядя на Учителя с насмешливой улыбкой на губах. Учитель уже не в первый раз удивлялся, каким образом «9» сумел попасть в этот класс. Без сомнения, благодаря отцовским связям с высокопоставленными друзьями.

— Наверное, придется мне повторить для тех, кто слушал меня невнимательно. — Он пристально смотрел на Гросбита-9,

но не дождался никакой реакции. — Эволюция — это путь к той высокой ступени существования, которой мы достигли. Это развитие жизни от одноклеточных к многоклеточным, к человеку мыслящему. Кто придет после нас, мы не знаем; что существовало до нас, мы видим сейчас перед собой. Вчера мы наблюдали, как молния удвоила в первобытную химическую жижу морей и как образовались более сложные химические соединения, из которых развились простейшие формы жизни. Мы видели победу жизни одноклеточных над временем и вечностью, когда они впервые разделились на две клетки и стали развиваться в более сложные многоклеточные формы жизни. Что вы помните о вчерашнем?

— Расплавленная лава влилась в океан!

— Земля поднялась из моря!

— Молния ударила в воду!

— Извивающиеся как черви твари были так безобразны!

Учитель кивнул, улыбнулся и проигнорировал последний комментарий. Он не понимал, зачем Манди-2 записалась на этот учебный курс, и сильно подозревал, что надолго она здесь не задержится.

— Очень хорошо. А теперь перейдем к беспозвоночным — к нашему кольчатому червю. Он разделен на сегменты, и каждый сегмент живет почти самостоятельной жизнью. Вот первые кровеносные сосуды, которые эффективно питают все ткани. Вот первый гемоглобин, который несет кислород ко всем клеткам. Вот первое сердце, маленький насос, проталкивающий кровь по этим сосудам. Но чего-то здесь недостает. Вы знаете — чего?

Обращенные к нему лица детей, их широко открытые в нетерпении глаза ждали ответа.

— Подумайте. Что бы случилось, если бы Гросбит-9 действительно наступил на этого червяка?

— Он бы его раздавил, — простодушно ответил восьмилетний Эгон-1. Манди-2 поежилась.

— Правильно. Его бы убили. Он мягкий, без раковины или скелета. Что приводит нас к следующей ветви на эволюционном древе.

Учитель нажал кнопку на пульте управления у себя на поясе, компьютер подхватил их и перебросил через время к месту следующей остановки. На мгновение все заволокло серой пеленой — без малейшего ощущения движения, — а затем пелена внезапно спала, сменившись влажной зеленью. В двадцати футах над их головами солнечные лучи сверкали на поверхности океана, а вокруг них быстрыми зигзагами сновала безмолвная рыбина. Огромный монстр, весь сплошная броня и блестящие зубы,

рванулся к ним и промчался сквозь них. Манди-2 взвизгнула от удивления.

— Пожалуйста, посмотрите сюда. Рыбы будут позже. Сначала мы должны изучить первого эхинодерма. Фил-4, покажите нам эхинодерма и поясните, что означает это название.

— Эхинодерм, — сказал мальчик, сосредоточенно роясь в памяти. Техника тренировки памяти, которую все дети изучали в начальных классах, сработала, и слова слетели с его губ. Как и у других детей, у него была прекрасная память. — Это — «иглокожее» по-гречески. Вот она — большая колючая морская звезда.

— Правильно. Важный шаг в эволюции. Животные были либо совсем незащищенными, как наш кольчатый червяк, либо имели наружный скелет, как улитки, или омары, или насекомые. Это очень неудобно и неэффективно. А внутренний скелет обеспечивает гибкую поддержку и облегчает вес. В эволюции был сделан важный шаг. Мы у цели, ребята, почти у цели! Этот простейший внутренний скелет эволюционировал в более практичный, хордовый, с одной спинной осью по всей длине тела, защищающей основные нервные волокна. А хордовые живые существа сделали лишь один шаг в эволюции — *и все!*

Учитель широко развел руками, и море вокруг них забурлило стремительной жизнью. Серебристая стайка рыб длиною в ярд пронеслась мимо и сквозь школьников, и тут же острозубые хищники вроде акул врезались в середину косяка. Учитель сделал паузу как раз в этот драматический момент. Младшие дети испуганно отпрянули от бурного потока жизни и смерти, а Гросбит-9 двинул кулаком одному из гигантов, проплывавших мимо.

— Мы у цели, — повторил взволнованно Учитель, захваченный своим собственным энтузиазмом. — Хордовые дали дорогу позвоночным, то есть привычной для нас форме жизни. Сильный, гибкий внутренний скелет защищает мягкие внутренние органы и в то же время поддерживает их. Мягкие хрящи у этих акул — из той же самой ткани, что и наши ушные раковины, — превратились в жесткий позвоночник у этих рыб. До человека уже рукой подать! В чем дело, Чед-3? — спросил он, почувствовав, как его дергают за тогу.

— Мне нужно выйти...

— Хорошо, нажми кнопку возврата на поясе, но не задерживайся там.

Чед-3 нажал кнопку и исчез, умчавшись в классную комнату с прекрасно оборудованным туалетом.

Учитель причмокнул губами с досады; вокруг кипело, кишело жизнью обильное подводное царство. Да, порой с детьми бывает трудновато.

— А как эти животные догадались, что им нужны хорды и

кости? — спросил Эгон-1. — Как они узнали правильный путь, который в итоге привел их к позвоночным, а затем к нам?

Учитель чуть было не погладил его по головке, но сдержался и улыбнулся в ответ.

— Хороший вопрос, очень хороший. Сразу видно, что человек слушает и думает. А ответ прост: они ничего не знали и не планировали. Эволюция древа жизни не имеет цели. Ее изменения случайны, мутации вызываются изменениями в зародышевой плазме, обусловленными естественной радиацией. Удачные изменения выживали, неудачные — вымирали. Хордовые животные передвигались легче других существ, и им повезло. Они выжили, чтобы эволюционировать дальше. И тут я хочу, чтобы вы запомнили новое слово. Слово это — экология, и мы сейчас ведем речь об экологических нишах. Экология — это весь мир, все сущее, это наука о том, как растения и животные уживаются вместе и как они взаимосвязаны друг с другом. Место, где обитает живое существо в этом мире, специальное место, где оно может хорошо развиваться, уцелеть и размножаться, и называется экологической нишей. Все живые создания, которые находят себе экологическую нишу, прекрасно выживают.

— Выживание наиболее приспособленных? — спросил Эгон-1.

— Вы уже читали некоторые древние книги. Так когда-то определяли эволюцию, но это неправильно. Все живые организмы приспособлены, потому что они живые. Причем все в одинаковой степени. Можем ли мы сказать, что мы, человечество, более приспособлены, чем устрица?

— Да, — сказал Фил-4 с абсолютной уверенностью, глядя во все глаза на Чеда-3, который только что вернулся, появившись из бока одной из акул.

— Вот как? Иди сюда, Чед-3, и слушай внимательно. Живем мы, и живут устрицы. Но что бы случилось, если бы мир вдруг покрылся мелководьем?

— Как такое может произойти?

— Как — это неважно, — отрезал Учитель и сделал глубокий вдох. — Давайте просто представим, что это случилось. Что бы произошло со всеми людьми?

— Они бы утонули, — сказала печально Манди-2.

— Правильно. Наша экологическая ниша пропала бы. А устрицы чувствовали бы себя прекрасно и заполонили бы весь мир. Но раз мы выжили, значит, мы все одинаково пригодны в глазах природы. А теперь давайте посмотрим, как наши позвоночные животные поживают в новой нише. На суше.

Нажатие кнопки, бездвижное перемещение — и они оказались на илистом заболоченном берегу. Учитель указал на след от перистого плавника, рассекающего плавучие водоросли.

— Подкласс кроссоптерий; у них по краям плавников бахрома. Стараясь выжить в стоячей воде, маленькие рыбки адаптировали свои воздушные пузыри, чтобы вдыхать воздух напрямую, получая таким образом кислород. Такие пузыри, позволяющие плавать на определенной глубине, есть у многих рыб, но теперь они приспособили их для других нужд. Посмотрите!

Рыба выбралась на мелководье: вот над водой показалась ее спина, затем и глаза навыкате. Широко раскрытые, круглые глаза испуганно оглядывали незнакомую окружающую среду. Крепкие плавники, усиленные костью, молотили по грязи и продвигали рыбу вперед, все дальше и дальше от родного моря. И вот она уже вылезла из воды, пробиваясь через подсохший ил. Над ней зависла в воздухе стрекоза, села на землю — и тут же поглотилась открытым ртом рыбы.

— Земля завоевывается, — сказал Учитель, указывая на горбообразную спину рыбы, исчезнувшую среди тростника. — Сначала растениями, затем насекомыми — и теперь животными. Вот как все изменилось за несколько миллионов лет, хотя до наших дней осталось еще более 255 миллионов...

И вновь они пронеслись сквозь время и очутились в другом болотистом месте, сплошь покрытом перистым папоротником ростом с деревья. Жаркое солнце, обжигающее сквозь низко нависшие облака.

И жизнь. Рычащая, дерущаяся, пожирающая, убивающая жизнь. Ученые очень тщательно подобрали именно это место и время, этот момент мировой истории. Никаких слов и объяснений не требовалось.

Эра рептилий. Маленькие рептилии быстро сновали взад-вперед, удирая от зубов страшных хищников. Скелоцерус, со шкурой, покрытой наростами, твердой, как броня, словно маленький танк, продирался через тростниковые заросли, а его хвост с шипами оставлял борозду в грязи. Огромный бронтозавр вздымался до самого неба; его крошечная глупая головка с мозгом в чайную чашку покачивалась на конце длинной шеи, оборачиваясь, чтобы увидеть, что же беспокоит его, поскольку в его индифферентную нервную систему поступил какой-то сигнал. В покатую спину бронтозавра — настоящую гору из костей, хрящей и мяса — вцепилось сзади дьявольское страшилище, тиранозавр. Его крошечные передние лапки беспомощно царапали по жесткой шкуре добычи, а длинные, в несколько ярдов, челюсти с острыми, как бритва, зубами, рвали тяжело дышащую гору плоти. Бронтозавр, все еще не понимая, что же с ним случилось, зачерпнул четверть тонны грязи, воды, растений и с удивлением стал жевать свою жвачку. А наверху над ними кружился, хлопая кожаными крыльями, птеранодон, разъявив длинные челюсти.

— Ему же больно, — сказала Манди-2. — Вы не могли бы остановить их?

— Мы только наблюдатели, дитя. То, что вы видите, происходило очень давно, и ничего нельзя изменить.

— Убил! — прошептал Гросбит-9, впервые захваченный зрелищем.

Дети наблюдали за сценой с разинутыми ртами, в безмолвной ярости.

— Это рептилии, первые животные, которые успешно завоевали Землю. До них были амфибии, наподобие наших теперешних лягушек, неразрывно связанные с водой, где они откладывают яйца и выращивают молодняк. А рептилии откладывают яйца уже на суше, прервав связь с морем и наконец завоевав землю. Им недоставало лишь одного свойства, которое могло позволить им выжить во всех частях земного шара. Вы все готовились к этому путешествию. Кто-нибудь может сказать, чего недоставало рептилиям?

В ответ — молчание. Бронтозавр упал, из его тела были выдраны большие куски мяса. Птеранодон улетел прочь. Беспрестанный шквальный дождь закрыл солнце.

— Я говорю о температуре. Тела рептилий получают основную часть тепла от солнечных лучей. Они могут жить только в теплом климате, потому что, когда окружающая среда становится холоднее, их тела тоже охлаждаются...

— Теплокровные! — взволнованно крикнул Эгон-1.

— Правильно. Хоть один из вас подготовился к уроку. Я вижу, как ты высунул язык, Чед-3. Понравится ли тебе, если ты не сможешь убрать его назад и останешься в таком виде? Регулирование температуры тела — последняя главная ветвь эволюции. Первый класс животных, так сказать, с центральным отоплением — это млекопитающие. Млекопитающие. Если мы немного углубимся в лес, то вы поймете, что я имел в виду. Не отставайте, подтягивайтесь все сюда, на полянку. Вот сюда, в сторонку. Теперь посмотрите на те кусты. Смотрите внимательнее, оттуда в любую минуту может...

Они застыли в ожидании. Листья зашевелились, дети подались вперед. Свинообразное рыло протиснулось, обнюхивая воздух, и два подозрительных, близко посаженных глаза деловито осмотрели поляну. Удостоверившись, что ему ничто не угрожает, животное вылезло из кустов.

— Лысуха! И до чего же уродливая! — сказал Фил-4.

— Красота — понятие относительное, молодой человек, поэтому попридержи свой язык! Перед вами прекрасный образчик подкласса яйцекладущих млекопитающих, первых зверей — тритилодон собственной персоной. Много лет не утихают споры:

относятся ли эти животные к млекопитающим или рептилиям? У них гладкая кожа и блестящие чешуйки, как у рептилий, но взгляните: между чешуйками пробиваются пучки волос. У рептилий же волос не бывает. Тритилодон, как и рептилия, откладывает яйца. И в то же время это замечательное создание вскармливает своих детенышей молоком, как млекопитающее. Смотрите же с благоговением на этот мост между древним классом рептилий и возникающим классом млекопитающих.

— Ой какие лапочки! — провизжала Манди-2, когда четыре крошечных розовых отпрыска неуверенно выползли из кустов вслед за матерью. Тритилодон тяжело шлепнулся на бок, и потомство начало кормиться.

— А вот вам и еще одно явление, которое млекопитающие принесли с собой в мир, — сказал Учитель, в то время как школьники зачарованно смотрели на зверей. — Материнская любовь. Отпрыски рептилий, живородящих или яйцекладущих, с момента рождения сами заботятся о себе. Но теплокровным млекопитающим необходимо тепло, защита, корм, пока они подрастают. Они нуждаются в материнской опеке и, как видите, получают ее в достатке.

Какой-то звук, должно быть, встревожил тритилодона, потому что самка оглянулась, затем поднялась на ноги и вкатилась в кустарник, а за ней, падая и спотыкаясь, потрусило ее потомство. Не успела поляна опустеть, как на нее ввалился огромный неуклюжий трицератопс с большими рогами на голове — мясистая тридцатифутовая туша, за которой сзади, подрагивая кончиком, тянулся здоровенный хвост.

— Огромные ящеры еще здесь, но они уже обречены на вымирание. Выживут млекопитающие, они размножатся и расселятся по земле. Позже мы поговорим о дорогах, по которым странствовали млекопитающие, но сегодня мы совершим прыжок через миллионы лет к отряду приматов, которые могут показаться вам знакомыми.

Они очутились в более глухих, заросших и запущенных джунглях — в настоящем лабиринте, кишащем плодами, цветами и живыми существами. Кругом порхали разноцветные птицы, в воздухе висели тучи насекомых, по ветвям карабкались какие-то коричневые фигуры.

— Обезьяны, — сказал Гросбит-9 и поискал, чем бы в них швырнуть.

— Приматы. Довольно примитивная группа, которая заселила эти деревья приблизительно пятьдесят миллионов лет назад. Видите, как они адаптировались к жизни на деревьях? Они должны видеть зорко, далеко вперед и правильно рассчитывать расстояние, поэтому их глаза расположены в передней части го-

ловы и у них развилось бинокулярное зрение. Чтобы надежно цепляться за ветки, их ногти укоротились и стали плоскими, а большой палец стал отклоняться под прямым углом, дабы усилить хватку. Эти приматы будут продолжать развиваться до тех пор, пока в один прекрасный день не спустятся с деревьев и не рискнут выйти из-под защитной сени леса.

— Африка, — продолжил Учитель, и машина времени вновь перенесла их через века. — Она и в наши дни выглядит так же, тут мало что изменилось за относительно короткий срок, с той поры как высшие приматы отважились спуститься с деревьев.

— Я ничего не вижу, — сказал Чед-3, оглядываясь на равнину, поросшую выжженной солнцем травой, и на зеленые джунгли, примыкающие к ней.

— Терпение. Спектакль начинается. Посмотрите — к нам приближается стадо оленей. Ландшафт изменился, стало суше, появились степи, они оттесняют джунгли назад. В джунглях еще много пищи, здесь есть фрукты и орехи, но соревнование за добычу становится все более жестким. Эту экологическую нишу заполняют ныне многие виды приматов, им становится тесно. Есть ли где-нибудь свободная ниша? Если и есть, то только не здесь, в степи. Тут царят быстроногие травоядные: посмотрите, как они бегают, ведь их выживание зависит от скорости. Потому что у них есть враги — плотоядные животные, хищники, которые питаются их мясом.

Поднялась пыль — легкими скачками навстречу к детям двинулись олени, поскакали между ними, вокруг них, через них. Широко раскрытые глаза, стук копыт, солнечные блики на рогах — и стадо умчалось прочь. Следом показались львы. Они окружили самца, отрезанного львицей от стада, и принялись терзать его когтями. Затем когтистая лапа подрезала оленю коленное сухожилие, загнанный зверь упал и тут же умер с прокушенным горлом. Горячая кровь вытекала в песок; львиная стая уселась обедать. Дети наблюдали, затаив дыхание, а Манди-2 шмыгнула носом.

— Львы так мало поели, потому что они уже насытились другой добычей. Солнце почти в зените, они осоловели от жары. Они найдут тень и улягутся спать, а труп оставят мусорщикам, едокам падали.

Пока Учитель говорил, с неба опустился первый стервятник, сложил крылья и подобрался к жертве. Потом опустились еще два, стали раздирать тушу, ссорясь и хрипло крича друг на друга.

На опушке джунглей появилась обезьяна, за ней — еще две. Щурясь от солнечного света и боязливо оглянувшись по сторонам, они побежали к свежеубитому оленю, опираясь о землю кистями рук. Окровавленные стервятники взглянули на них со

страхом и взметнулись в воздух, когда одна из обезьян бросила в них камнем. Обезьяны кинулись к жертве и тоже стали терзать тушу.

— Дети, посмотрите и полюбуйтесь. Бесхвостые обезьяны вышли из леса. Это ваши далекие предки.

— Только не мои!

— Они ужасны!

— Я думаю, меня сейчас стошнит.

— Дети! Остановитесь, задумайтесь! Хоть раз в жизни подумайте не кишками, а мозгами. Эти обезьяночеловеки, или человекообезьяны, заняли новую экологическую нишу и уже адаптировались в ней. Они почти безволосые, а потому потеют и не перегреваются, тогда как другие животные должны искать укрытия. Они уже используют орудия труда. Они швыряли камнями, чтобы прогнать стервятников. Посмотрите сюда: у одного из них в руках острый кусок отколотого камня, которым он отрезает куски мяса. Они выпрямляются, становятся на ноги, освобождают руки для добычи пищи и самозащиты. Это на свет появляется человек, и у вас есть уникальная возможность увидеть его первые робкие шаги из джунглей. Зафиксируйте эту сцену в вашей памяти — это триумф. А вы, Манди-2, запомните все гораздо лучше, если откроете глаза.

Старшеклассники обычно реагировали более восторженно. А из этих разве только Эгон-1 наблюдает не без интереса. Зато Гросбит-9 так и пожирает сцену глазами. Что ж, говорят, даже один толковый ученик стоит всех усилий, затраченных преподавателем.

— Сегодняшний урок окончен, но я скажу вам кое-что о завтрашнем занятии.

Африка исчезла, и появилась какая-то северная, дождливая страна. Высокие горы неясно вырисовывались в туманной дали, тонкая струйка дыма поднималась от низкого, обложенного дерном, наполовину врытого в землю дома.

— Мы увидим, как из примата возник человек, как он становился все более уверенным и сильным. Как из родовых групп образовались первобытные общины каменного века, как они использовали орудия и подчиняли природу своей воле. Мы узнаем, кто живет в этом доме и чем он занимается. Думаю, вы с нетерпением будете ждать следующего урока.

Не получив практически никакого подтверждения высказанному предположению, Учитель нажал на кнопку. Они очутились в знакомом классе, где звонок сладкой музыкой оповещал об окончании занятий. С громким криком дети выбежали из класса, а Учитель, вдруг почувствовав навалившуюся усталость, открепил от пояса пульт управления и запер его в столе. Это был очень долгий день. Учитель выключил свет и вышел.

У выхода на улицу он оказался позади молодой, очень привлекательной женщины в розовом миниатюрном мини, с яркорыжими волосами. Мать Манди-2, понял он, узнавая эти волосы, в то время как она потянулась к крошечной, розовой ручке дочери. Они вышли прямо перед ним.

— Ну, что ты узнала нового сегодня в школе, дорогая? — спросила мать.

И хотя Учитель отнюдь не желал подслушивать, он невольно услышал вопрос. Да, что же она узнала? Интересно, каким будет ответ.

Манди-2 скакала вниз по ступенькам, подпрыгивая от счастья, что снова свободна.

— Да так, ничего особенного, — сказала она, и они скрылись за углом.

Учитель, не сознавая этого, устало вздохнул, повернул в другом направлении и пошел домой.

У водопада

Это единственный мой рассказ, написанный, во-первых, на основе видения и, во-вторых, под влиянием эмоционального содержания этого видения. Во избежание недоразумения сразу поспешу заявить, что в видении не содержалось ничего религиозного — его причиной стали сонливость и страх.

Мы жили в Калифорнии, в доме у подножия очень крутого холма. Местные жители называли проходящую по вершине холма дорогу Холм Самоубийц — и не без веских на то оснований. Дети съезжали вниз на велосипедах и ломали себе руки, пьяные водители не в состоянии удержаться на дороге врезались в телеграфные столбы плюс другие веселенькие происшествия. В те времена этот кусочек мира еще сохранял первозданную дикость — сплошь кусты, насколько видит глаз, да скачущие между ними кролики. А по ночам очень тихо, поэтому любую машину слышно еще за милю.

В ту самую ночь я уснул, вернее, пребывал на границе между сном и явью — и услышал ту машину. Она остановилась на вершине холма, взревел двигатель — и вдруг водитель во весь опор погнал ее вниз, с жутким скрежетом переключая передачи. Фары светили прямо в окно моей спальни, и меня охватила уверенность, что сейчас автомобиль врежется в дом. Меня ошеломила какая-то абсолютная паника. Клянусь, я даже подпрыгнул в постели, настолько напряглись все мои мускулы. Автомобиль промчался мимо и был таков, а я — сна ни в одном глазу — остался лежать, глядя на то самое видение.

В моем полубессознательном состоянии я увидел не проносящуюся мимо машину, а водопад — настолько широкий, что его противоположный берег невозможно разглядеть, и настолько высокий, что вершина невидима, а от оглушительного грохота содрогается земля.

Вспомнив наутро о водопаде, я вспомнил и охватившие меня тогда ощущения. Все в жизни сгодится на зерно для авторской мельницы. Я отправился в кабинет и к вечеру написал рассказ о водопаде. Когда авторская энергия слабела, я вспоминал видение и сопровождавшие его эмоции, подзаряжая батарею своих чувств, и это позволило мне сохранить в целости и перенести на бумагу те незабываемые ощущения.

Картер оступался и падал на крутом склоне — тропинка была покрыта сочной, влажной травой, скользкой, словно мыльная пена. Задолго до того, как он добрался до гребня, весь перед его плаща стал мокрым от росы, а ноги были по колено в грязи. С каждым его шагом вперед и вверх заметно нарастал ревущий звук. Достигнув вершины, Картер почувствовал себя усталым и разгоряченным, однако тотчас забыл о неприятных ощущениях, когда перед ним открылся широкий вид на залив.

Он слышал об этом водопаде еще в детстве, видел бесчисленные фотографии и фильмы о нем по телевидению. И, несмотря на все это, эффект оказался ошеломляющим.

Он увидел низвергающийся океан, вертикальную реку. Кто-то подсчитал — ежесекундно падало вниз несколько миллионов галлонов воды... Водопад вытянулся вдоль залива длинной подковой — его противоположная сторона едва просматривалась в тучах водяной пыли. Залив кипел и бурлил под действием огромной падающей массы воды. Покрытые шапками белой пены волны разбивались об утесы. Картер всем телом чувствовал мощь ударов воды о твердое дно: земля под ним вибрировала. Рев водопада перекрывал все прочие звуки. Он был таким яростным и всепоглощающим, что человеческие уши не могли к этому привыкнуть. От постоянного звукового давления Картеру сразу же заложило уши, но звук передавался в черепную коробку и пронзал мозг. Картер попробовал зажать уши ладонями, но с ужасом понял, что рев водопада от этого нисколько не уменьшился. Он стоял на склоне, раскачиваясь и широко раскрыв глаза. Внезапно снизу, от самой воды, налетел мощный порыв ветра, поднявший вверх столб водяной пыли. Никакой ливень не мог с этим сравниться — Картер моментально задохнулся. Ветер стих, а он все еще хватал ртом воздух — такой густой была обрушившаяся на него водяная пыль.

Картер задрожал — ничего подобного он до сих пор не испы-

тывал. Он отыскал глазами почерневшую от влаги гранитную скалу и увидел, что у ее подножия примостился каменный дом, похожий на нарост на стволе дерева. Дом был построен из того же гранита, что и скала, и казался таким же прочным. Картер почти бегом направился к дому, скользя на склоне и не отнимая ладоней от ушей.

В какое-то мгновение порыв ветра, напоенный водяной пылью, устремился через залив к морю, а золотое послеполуденное солнце вдруг осветило почти отвесную крышу дома. На ней стали видны поднимавшиеся к небу струйки пара. Дом выглядел солидно, как скала, у которой он приютился. На темном фасаде, обращенном к водопаду, виднелось всего два окна. Небольшие и глубоко сидящие, они были похожи на маленькие подозрительные глазки. Со стороны фасада двери не было, однако Картер заметил, что за угол дома вела дорожка из каменных плит.

Он пошел по ней и обнаружил в дальнем конце дома, с противоположной от водопада стороны, низкий, заглубленный в стену вход, защищенный сверху широкой каменной притолокой размером в добрых два фута.

Картер подошел к двери и принялся искать молоток на массивных деревянных стояках, схваченных железными болтами. Неутихающий, всепоглощающий рев водопада отбивал всякую охоту думать. Однако Картер вдруг понял, что никакой молоток здесь не поможет. Хоть из пушки пали — никто не услышит. *У него опустились руки, он попробовал собраться с мыслями.*

Ведь должен же иметься способ дать о себе знать. Он отошел от двери и вдруг заметил, что в нескольких футах от входа из стены торчит заржавевшая железная рукоятка. Он крепко за нее ухватился, но она не поворачивалась. Тогда он потянул за рукоятку, сперва она не поддавалась, но потом все же медленно начала вылезать из стены. За ней тянулась цепь — густо смазанная, в хорошем состоянии. То был добрый знак. Картер продолжал тянуть, пока из стены не вышло около ярда цепи. Затем, однако, как он ни старался, цепь больше не поддавалась. Он отпустил рукоятку, и она со стуком ударилась о шершавую поверхность каменной стены. Она висела там несколько мгновений. Затем рывком цепь ушла в стену, и рукоятка снова очутилась на прежнем месте.

Это был странный механизм, но он, видимо, произвел желаемое действие. Не прошло и минуты, как тяжелая дверь отворилась, и в проеме ее появился человек. Не произнося ни слова, он стал разглядывать посетителя.

Человек, открывший дверь, чем-то напоминал сам этот дом и скалы позади него: он был твердый, основательный, обветрен-

ный, морщинистый, с сединой в волосах. Но было видно, что он не поддавался годам, оставившим на нем свой явственный след. Спина у него была прямая, молодецкая, а в руках с узловатыми пальцами ощущалась недюжинная сила. Глаза у незнакомца были голубые и очень напоминали цвет воды, которая непрестанно низвергалась сверху. На человеке были рыбацкие сапоги до колен, темные вельветовые штаны и застиранный серый свитер. При виде Картера выражение его лица нисколько не изменилось. Он жестом пригласил гостя войти.

Хозяин закрыл тяжелую дверь на многочисленные задвижки и запоры. Внутри Картер ощутил какую-то особую тишину, присущую всему дому. Ему уже приходилось в других местах испытывать отсутствие звука, но здесь тишина казалась своеобразной. Это был оазис покоя, расположенный в непосредственной близости от ревущего на все голоса водопада. Его немного оглушило, и он знал об этом. Но Картер сразу почувствовал облегчение, оказавшись в доме. Грохот остался снаружи. Хозяин, должно быть, понял состояние своего посетителя. Он принял у Картера плащ и подбадривающе ему кивнул, затем указал на удобное кресло у стола, неподалеку от пылающего очага. Картер устало сел. *Хозяин отвернулся и куда-то исчез, но тут же вернулся с* подносом, на котором стояли графин и два стакана. Он налил вино в стаканы и один из них поставил перед гостем. Картер кивком поблагодарил его и схватил стакан обеими руками, пытаясь унять дрожь. Вначале он сделал большой глоток, а затем уже потягивал вино маленькими глотками, по мере того как дрожь успокаивалась и к нему медленно возвращалась способность воспринимать собеседника. Хозяин двигался по комнате, управляясь с какими-то мелкими делами. Картер вдруг почувствовал себя значительно лучше. Он взглянул на хозяина.

— Я должен поблагодарить вас за гостеприимство. Когда я вошел сюда, я был сам не свой.

— Как вы сейчас себя чувствуете? Вино помогло? — громко спросил хозяин. Он почти выкрикивал слова, и Картер понял, что сказанное им не было услышано. Ему лишь показалось, что здесь тихо. Удивительно, что хозяин до сих пор не оглох совсем.

— Очень хорошо, спасибо! — выкрикнул Картер. — Вы очень добры. Меня зовут Картер. Я репортер и прибыл к вам по делу.

Хозяин кивнул, слегка улыбаясь:

— Меня зовут Бодум. Вы, наверное, знаете, раз пришли со мной поговорить. Вы из газеты?

— Меня сюда послали, — ответил Картер и закашлялся — от напряжения у него першило в горле. — И конечно же, я знаю вас, мистер Бодум, то есть слышал о вас. Вас называют Человеком с Водопада.

— Вот уже сорок три года, как я здесь, — с достоинством произнес Бодум. — Постоянно тут живу и не отлучался отсюда ни на одну ночь. В общем-то жить здесь непросто. Когда ветер дует с водопада, дом по нескольку суток окатывает потоками водяной пыли, так что бывает трудно дышать, а в очаге гаснет огонь. Трубу я сложил сам, в верхней ее части имеется изгиб с перегородками и заглушками. Дым свободно проходит вверх. Но, если туда попадает вода, ее задерживают перегородки. Вода своим весом давит на заглушки, они открываются — и вода выливается наружу по специальной трубе. Я могу показать вам место, где она выливается, — стена там покрыта сажей.

Картер слушал Бодума и разглядывал комнату. Она была слабо освещена подвижным пламенем очага и светом из двух небольших окон, врезанных в стену. В полутьме проступали расплывчатые контуры какой-то мебели.

— Вы сами сделали эти окна? — спросил Картер. — Можно посмотреть, что из них видно?

— Каждое из них я делал по году. Встаньте на эту скамейку. Тогда вы до них дотянетесь. Они из небьющегося, специально изготовленного стекла, такого же прочного, как эта стена. Они в ней крепко сидят. Не бойтесь. Поднимайтесь на скамейку. Стекло небьющееся. Взгляните, как крепко они сидят в стене.

Картер смотрел не на стекло, а на видневшийся за окном водопад. Он только сейчас понял, как близко находился дом от низвергавшейся сверху воды. Дом примостился на самом краешке скалы, и отсюда можно было увидеть только потемневшую от влаги гранитную скалу с правой стороны и кипящий водоворот залива далеко внизу. А перед ним и над ним, заполняя все видимое пространство, ревел водопад. Ни толща стены дома, ни прочные стекла не могли полностью заглушить этот рев. Картер притронулся кончиками пальцев к тяжелой оконной раме и почувствовал, что она вибрирует.

Даже в доме водопад действовал на него. Но здесь он по крайней мере мог стоять, наблюдать и думать, а снаружи это было невозможно. Впечатление было такое, будто он заглядывал в замочную скважину, пытаясь рассмотреть этот адский водоворот. Это окно открывалось в холодный ад. Отсюда он мог наблюдать и ничего не бояться. Однако картина за окном наполняла его невольным страхом.

Вдруг в воде промелькнуло что-то темное и скрылось...

— Что это, вы видели? — громко спросил Картер. — Что-то попало в водопад. Что это могло быть?

Бодум понимающе кивнул:

— Я здесь больше сорока лет и могу вам показать, что обычно попадает в водопад.

Он сунул в очаг конец лучины и зажег от нее лампу. Затем взял лампу в руки и жестом пригласил Картера следовать за собой. Они пересекли комнату, и в углу хозяин поднял лампу повыше. Она осветила большой стеклянный конус.

— Лет двадцать назад на берег выбросило это животное. Все его кости были переломаны. Я сделал из него чучело.

Картер вплотную приблизился к конусу, стараясь рассмотреть широко раскрытую пасть с острыми зубами и блестящие глаза-пуговки. Все члены чучела были неподвижны и выглядели ненатурально. Мех на теле выпирал в неподобающих местах. Бодум, очевидно, не был искусным набивщиком чучел. И все же, по всей вероятности случайно, ему удалось передать ужас во всем облике животного, в его загнанном виде и позе.

— Это собака, — сказал Картер. — Такая же, как другие.

Бодум моментально оскорбился, и голос его зазвучал враждебно:

— Похожая на других — может быть, но не такая. Я же вам сказал, что у нее все кости были переломаны. После падения с водопада другого и быть не могло.

— Извините, я ни на секунду не сомневался, что эта собака попала в водопад. Я просто хотел сказать, что она очень похожа на наших собак, но там, наверху, наверное, целый новый мир. Собаки и все прочее, вроде наших.

— Я никогда не строю никаких догадок, — примирительно сказал Бодум. — Приготовлю-ка я кофе.

Он взял лампу, чтобы посветить себе у плиты, а Картер, оставшись в полутьме, вернулся к окну. Оно его прямо-таки притягивало.

— Мне нужно будет задать вам несколько вопросов в связи со статьей, — сказал он, однако, по-видимому, говорил недостаточно громко, так что Бодум его не услышал. Вид водопада сбивал репортера с толку, дела как бы отходили на второй план. Ветер резко изменил направление. Водяные брызги отнесло в сторону, и водопад снова предстал перед ним, словно могучая река, низвергавшаяся с неба. Картер склонил голову набок — ему показалось, что он наблюдает реку с сильным течением.

Вдруг вверху показался корабль — огромный лайнер с несколькими рядами иллюминаторов. Он плыл по поверхности реки с невероятной скоростью, так что Картеру пришлось резко повернуть голову, чтобы проследить за его движением. Корабль пронесся мимо на расстоянии каких-нибудь нескольких сотен ярдов, и в какое-то мгновение Картер отчетливо его разглядел. На поручнях вдоль борта повисли люди — некоторые с широко раскрытыми ртами, словно кричали от страха. В следующую се-

кунду корабль исчез, и осталась только вода, кипевшая в водоворотах.

— Вы видели? — крикнул Картер, рывком поворачиваясь к хозяину.

— Скоро будет готов кофе.

— Там, вот там! — кричал Картер, хватая Бодума за руку. — В водопаде. Там был корабль! Клянусь, он там был, он свалился в водопад! На нем были люди... Там, наверху, наверное, целый мир, о котором мы ничего не знаем!

Резким движением Бодум освободился от хватки Картера и направился к полке, где стояли чашки.

— Моя собака тоже попала в водопад. Я нашел ее и сделал из нее чучело.

— Конечно, я не отрицаю, что так оно и было с вашей собакой. Но на корабле были люди, и я могу поклясться — я ведь не сумасшедший, — что их кожа была несколько иного цвета, чем у нас.

— Кожа есть кожа, она имеет цвет.

— Я знаю. Что есть, то есть. Но кожа может иметь другой цвет, даже если мы об этом не знаем.

— Сахар?

— Да, пожалуйста. Два кусочка.

Картер глотнул кофе — он был горячий и крепкий. Против воли его тянуло обратно к окну. Он потягивал кофе, выглядывал в окно и успел заметить, как что-то черное, бесформенное обрушилось с гребня водопада вниз. Затем еще что-то. Он не мог бы объяснить, что это было, — все снова скрыла водяная пыль, которая летела к дому под напором ветра.

На дне чашки показалась гуща. Картер не стал допивать последние капли и осторожно отодвинул чашку от себя.

Резкие порывы ветра снова отогнали завесу из водяной пыли — как раз вовремя: он смог разглядеть, как мимо проплывали разнообразные предметы.

— Это был дом! Я видел его так же отчетливо, как вижу вот этот. Он, наверное, из дерева, не из камня, и поменьше. И какой-то почерневший, наполовину сгорел. Идите взгляните, может быть, прибьет еще...

Бодум гремел чашками, споласкивая их в мойке.

— Что вы, газетчики, хотите обо мне знать? — недовольным тоном спросил он. — Я здесь больше сорока лет, так что могу вам немало порассказать.

— Что там, наверху? Что находится на вершине скалы, с которой низвергается водопад? Там живут люди? Может быть, там существует целый мир, о котором мы ничего не знаем?

Бодум заколебался и, хмурясь, задумался, прежде чем ответить.

— Думаю, что у них там, наверху, есть собаки.

— Да, — ответил Картер, дубася кулаком по оконной раме и не зная, плакать ему или смеяться. Вода неслась мимо. Пол и стены дома дрожали от гигантской мощи водопада.

— Все больше и больше предметов попадает в водопад, — негромко рассуждал сам с собой Картер. — Не могу понять, что это такое. Вот это вроде дерево, а там — обломки забора. Более мелкие предметы, вероятно животные, бревна, все что угодно. Выше водопада существует какой-то иной мир, и в этом мире происходит что-то ужасное. А мы об этом даже не знаем. Мы не знаем, что это за мир.

Он принялся снова и снова бить по раме, пока рука его не заныла от боли.

Над водным простором засияло солнце, и он заметил, как все переменилось. Что-то необычное появилось на поверхности воды.

— Почему, — удивлялся он, — почему мне кажется, будто вода меняет цвет? Она вдруг стала розовая, нет, красная. Все больше и больше красного цвета. Глядите-ка, на мгновение все окрасилось в красный цвет. Это цвет крови...

Он снова обернулся лицом к полутемной комнате и попытался улыбнуться, но губы ему не повиновались.

— Кровь? Нет! Столько крови не может быть во всем мире! Что происходит там, наверху? Что там случилось?

Бодум никак не реагировал на его крики. Он лишь кивал головой.

— Я кое-что вам покажу, — предложил он. — Только обещайте, что не будете об этом писать. Люди станут смеяться надо мной. Я живу здесь уже сорок лет и не вижу причины смеяться.

— Честное слово, не напишу ни строчки! Покажите. Вероятно, это имеет отношение к происходящему?

Бодум снял с полки тяжеленный том, положил его на стол, рядом с лампой, и раскрыл. Шрифт на страницах был очень черный и внушительный. Бодум листал книгу, пока не обнаружил между страницами обрывок обыкновенной бумаги.

— Я нашел ее на берегу. Зимой было дело. Несколько месяцев сюда никто не заглядывал. Ее мог принести только водопад. Я не утверждаю, что так оно и было, но это возможно. Вы согласны, что это возможно?

— Да, конечно, вполне возможно. Как еще она могла сюда попасть? — Картер потрогал клочок. — Согласен, это обыкновенная бумага. С одной стороны надорванная. Сморщившаяся там, где она подмокла, а затем просохла. — Он перевернул бумажку. — Здесь что-то написано.

— Да. Но это бессмыслица. Такого слова я не знаю.

— Я тоже, а ведь говорю на четырех языках. Какой в этом смысл?

— Просто невероятно. Что за слово?

— Это нечеловеческий язык. — Он попытался произнести буквы, выпячивая вперед губы. — Пе-о-эм-о-гэ-и-тэ-е.

— Это может означать ПОМОГИТЕ, — вдруг догадался Бодун. — Ребенок мог нацарапать. Бессмыслица...

Он схватил записку, скомкал и швырнул в огонь.

— Вы хотите написать обо мне рассказ, — с достоинством произнес он. — Я живу здесь уже сорок лет, если в мире существует хоть один человек, которого можно назвать специалистом, знающим этот водопад, так это я. Мне известно все о тех, кто живет наверху.

Черное и белое

Франческо Бруно перекрестился, быстро пробормотал молитву и уставился взглядом в металлическую тарелку, которая стояла перед ним на столе, сколоченном из необструганных досок. Голод донимал его, он не ел уже двенадцать часов, а не то он бы и не смог смотреть ни на меленькие, с черными точками фасолины, ни на квелую тушеную капусту. Поел он быстро, помня о темных фигурах, молчаливо наблюдавших за ним. Запивать пришлось водой.

— Покажи ему бумагу, — сказал один из мужчин, возможно, в сотый раз за три дня.

Бруно достал из бумажника сложенный, в пятнах листок. Протянулась черная рука, взяла листок. Вновь прибывший отошел к окну, в котором не осталось ни единого стекла, развернул листок к свету, чтобы прочитать. Последовала тихая дискуссия. Бруно огляделся. Ссохшаяся, седая женщина наклонилась над плитой, в дощатых стенах щели в палец. Бедность так и лезла в глаза. Даже в трущобах Палермо, где он вырос, и то было больше достатка.

Мужчина, который читал бумагу, вернулся к столу.

— Что у тебя с собой? — спросил он.

Бруно открыл брезентовый вещмешок с выцветшими буквами США на боку, начал выкладывать содержимое на стол. Вещмешок ему дали вместо чемодана, с которым он уезжал из города. Телевизионная камера размером с ладонь, записывающее устройство, упаковка батареек, запасные кассеты с пленкой, смена нижнего белья, туалетные принадлежности. Мужчина пощупал все, указал на камеру.

— Это оружие?

Бруно не стал говорить о том, что с начала своего путешествия уже множество раз повторял одно и то же. Взял камеру, объяснил, как она работает, провел короткую съемку. Прокрутил пленку назад, и мужчины наклонились ближе, чтобы взглянуть на крошечный монитор.

— Эй, бабуля, ты в телевизоре. Ты будешь большой звездой, слышишь?

Пленку пришлось прокрутить еще раз для старухи, которая довольно посмеивалась, возвращаясь к плите. Просмотр пленки снял напряжение, мужчина, задававший вопросы, расслабился, плюхнулся на стул. Здоровенный, чернокожий, в заштопанной грязной армейской форме. На плече висел автомат, на груди — рожки с патронами.

— Можешь звать меня Чоппер. Ты откуда?

— Из Европы. Консорциум печатных изданий... — он замолчал. Черт, надо же попроще. — Я из Италии, с дальнего Юга. Работаю в газете. Пишу для газеты статьи. У нас много газет, много телевизионных станций. Нам дали знать, что мы можем прислать сюда одного человека. Все собрались, чтобы выбрать одного человека. Выбрали меня...

— Какой-то странный у тебя выговор.

— Я же сказал, я из Италии.

— Скажи что-нибудь на итальянском.

— Buon giorno, signore. Voglio andare al[1]...

— Может говорить, это точно, — уверенно заявил кто-то из заинтересованных слушателей.

Чоппер одобрительно кивнул, словно демонстрация знания иностранного языка имела решающее значение.

— Ты готов? Нам предстоит небольшая прогулка.

— Как скажешь, — Бруно торопливо забросил все в мешок, предварительно завернув вещи в полиэтилен. Пешие прогулки не удивляли. Ему уже пришлось и походить, и поездить на спине мула, в телеге, на грузовике. Обычно с повязкой на глазах.

Они пересекли крошечный дворик. Тощие грязные курицы бросились врассыпную. Как обычно, после полудня небо потемнело, начал накрапывать мелкий дождь. Со временем, однако, он промочил их до нитки. Но было тепло, от ходьбы даже стало жарко, в пропитанном влагой воздухе дышалось с трудом.

Чоппер указывал путь. Пройдя лишь несколько шагов по разбитой, но все же дороге, он свернул в сосны. Бруно думал только о том, как бы не отстать от своего, похоже, не знающего усталости проводника, и лишь мельком замечал, что туман сгу-

[1] Buon giorno, signore. Voglio andare al... — Добрый день, синьор. Не по своему капризу приехал я... *(ит.)*.

щается и черные стволы деревьев один за другим пропадают в серой мгле. Два часа они шагали без перерыва, прежде чем вышли к заросшему стерней полю. Впереди крикнула птица. Чоппер схватил Бруно за плечи, повалил на землю. Потом рупором сложил ладони и откликнулся тем же криком. Они лежали, пока из дождя и тумана не материализовались двое мужчин с М-16 наперевес.

— Мы здесь, — позвал Чоппер.

Двое часовых пристроились сзади, и они двинулись по краю поля к проволочной изгороди, густо заросшей сорняками и вьюном. Там лежал мужчина в тяжелых армейских ботинках и потемневшем от дождя резиновом плаще и стальной каске. Он вглядывался в щель, проделанную в сорняках. Повернулся, сел. На каске заблестел круг из семи золотых звезд.

У верховного главнокомандующего армией Соединенных Штатов их было шесть.

— Как я понимаю, вы получили мое письмо. — В голосе мужчины не слышалось вопросительных интонаций.

— Оно у меня, — Бруно полез в карман. — Так, значит, его написали вы? Мау Мау...

Пока Мау Мау разглядывал письмо, Бруно изучал автора. Широкое лицо, темные глаза, кожа цвета капуччино, невыразительный рот под черными вислыми усами. Прочитав письмо, Мау Мау разорвал его пополам, половинки сунул в карман брюк.

— Ты прошел долгий путь... и тебе потребовалось много времени.

Бруно кивнул:

— Задача была не из легких. Иммиграционная служба лютует, пришлось подготовить немало бумаг. И найти убедительную причину, которая позволила мне достаточно далеко проникнуть на Юг и встретиться с вашим представителем.

Мау Мау оглядел его с головы до ног.

— Для белого человека ты слишком темен.

— Для черного человека вы слишком светлы, — ответил Бруно, но, не заметив на лице собеседника и тени улыбки, торопливо добавил: — На средиземноморском побережье, откуда я родом, люди более смуглые. Кто знает, возможно, поэтому меня и выбрали для...

Мау Мау улыбнулся, и на мгновение суровость и мрачность исчезли с его лица.

— Готов спорить, ты с Сицилии. Это совсем рядом с Африкой. Может, и в тебе есть капля черной...

Он замолчал, увидев, что вдоль изгороди, согнувшись, бежит молодой негр в рубашке и комбинезоне. Он нес новенький и,

похоже, последней модели армейский полевой телефон. Черный провод тянулся следом. Мау Мау схватил трубку. Поднес к уху.

— Приближается грузовик, — сообщил он. — В сотне ярдов за ним следует джип.

Все побежали, Бруно — следом.

— Эй! — крикнул он. — Могу я вести съемку?

Мау Мау так резко остановился, что Бруно едва не налетел на него. Негр почти на голову возвышался над репортером.

— Да, если потом я смогу посмотреть пленку.

— Абсолютно, все кассеты, — ответил Бруно спине Мау Мау и начал лихорадочно рыться в вещмешке. Камера и батарейки воды не боялись, остальные вещи от влаги оберегал полиэтилен. Бруно последовал за остальными, прикрыв объектив колпачком.

Они собрались в маленькой березовой роще на берегу узкой речушки. Вода убегала в трубу, проложенную под дорогой. Дорога, пусть и всего двухполосная, поддерживалась в хорошем состоянии, на ней виднелась даже разметка. В рощице их поджидали другие люди. Все смотрели налево, туда, где дорога исчезала в дожде и тумане. Шум двигателя приближающегося грузовика нарастал с каждым мгновением.

События разворачивались стремительно. Грузовик выскочил из тумана, большой армейский грузовик с множеством колес и брезентовым тентом. Ехал он очень быстро. И когда передний бампер практически поравнялся с трубой, дорога вздыбилась, сверкнула оранжевая вспышка. Моторную часть грузовика приподняло, а потом бросило вниз. Передние колеса аккурат попали в разрыв дороги, образовавшийся на месте трубы. Должно быть, раздались выстрелы. Бруно их не слышал, уши у него заложило, но в металлической двери кабины вдруг появились дыры.

В визге тормозов из тумана вырвался джип. На мокрой дороге его мотало от одной обочины к другой. Наконец он остановился, чуть не уткнувшись в задний бампер грузовика, в окно высунулось дуло автомата, прогремела очередь. По джипу ударили со всех сторон, к Бруно уже вернулся слух. Приоткрылась дверца, автомат выпал на мостовую, следом на асфальт соскользнуло тело солдата.

— Кто остался в живых — выходите! — крикнул Мау Мау. — У вас пять секунд, или мы разнесем все к чертовой матери. Выходить без оружия, с поднятыми руками.

Ему ответила тишина, потом скрипнули рессоры грузовика, брезент над задним бортом приподнялся, на асфальт упала винтовка. Следом медленно вылез солдат, капрал. Что-то шевельнулось на заднем сиденье джипа, появилась пара начищенных сапог, на дорогу вышел офицер. Левой рукой он сжимал правое предплечье. Кровь бежала по пальцам и капала на землю.

Автоматная очередь заставила Бруно повернуться к грузовику. Это Чоппер дал очередь по брезенту. Другой негр врезал капралу под колени, и тот повалился на землю. Негр ловко связал ему руки за спиной. То же самое проделал с лодыжками, а потом сунул в рот тряпку и залепил его липкой лентой. Капралу осталось только вращать глазами от страха.

— Возьмите в джипе аптечку первой помощи и перевяжите Белого, — распорядился Мау Мау. — И дайте мне баллончик с дремой.

Он не глядя протянул руку, и баллончик лег ему на ладонь. Находящийся под давлением газ ударил в лицо капралу. Тот дернулся и обмяк. Мау Мау повернулся к офицеру.

— Готов, лейтенант?

Капли дождя упали с коротко стриженной головы офицера, когда он наклонил голову, чтобы посмотреть, как ему накладывают повязку. Потом вскинул глаза на Мау Мау, но ничего не ответил. Впрочем, холодная ярость, сверкавшая в его глазах, не требовала слов. Высокий негр рассмеялся и выстрелил струей усыпляющего газа в полное презрения лицо. Веки опустились, колени подогнулись. Мау Мау ткнул офицера в грудь, и тот повалился в сорняки рядом с дорогой. Застыл, широко раскинув ноги и руки. Послышались довольные смешки, и Бруно перевел камеру на улыбающиеся лица.

— Повеселились и хватит! — рявкнул Мау Мау. — Убери камеру, — подождал, пока Бруно опустит камеру и добавил: — Подходите и забирайте все, что тут есть.

На другой стороне дороги речушка расширялась и втекала в болото. Из-под деревьев, растущих на берегу, появился один человек, другой, десяток, и к дороге потянулась целая толпа негров. Стариков, женщин, детей.

Один из мужчин через задний борт забрался в кузов, откинул полог. Первым делом выбросил окровавленное тело солдата. Его схватили за ноги и тут же оттащили в сторону. За солдатом последовали оружие и патроны, затем коробки и ящики. Мужчина все подтаскивал к краю, с машины добычу снимали другие. Если ящик попадался тяжелый, его брали двое. Дети с гордостью несли винтовки и рожки с патронами. Носильщики уходили по тропе, ведущей к болоту.

— Что нам досталось? — спросил Мау Мау.

— Всего понемногу, — ответил мужчина из кузова грузовика. — Сухие пайки, бумага для ксероксов, одеяла, гранаты...

— Что еще?

— Мыло, шампуни, туалетная бумага. Что ни назови, все есть.

— То, что может использовать армия, пригодится и нам, — радостно улыбнулся Мау Мау, потер руки. — Война у нас одна.

Ожидая своей очереди у грузовика, некоторые подходили к лежащим без сознания солдатам. Вдруг послышался шум, женщина закричала: «Мау Мау, иди сюда. Этот маленький мальчик был в Элленвилле и говорит, что видел там Белого».

Все застыли, тишину нарушили лишь тяжелые шаги Мау Мау. Он положил руку на хрупкое плечо мальчика, присел рядом с ним. Они о чем-то пошептались под взглядами остальных.

— Поторапливайтесь, нечего здесь рассиживаться, — рявкнул Мау Мау. Работа пошла веселее. Скоро последний ящик растворился в тумане. Кузов опустел. Двое вооруженных мужчин последовали за носильщиками. На краю болота они повернулись и вскинули вверх правые руки с сжатыми в кулак пальцами. Стоявшие на дороге ответили тем же.

— Джип загнать по тропе в болото и поджечь, — приказал Мау Мау. — Проследите, чтобы он взорвался. Капрала бросьте в кузов. На поле оставьте побольше следов, понятно? — Тут он понизил голос, почти прошипел: — Чоппер и Али, понесете лейтенанта. Мы забираем его с собой.

Бруно наблюдал, как двое мужчин откатили джип с дороги к краю болота и оставили на тропе. Один положил в кабину несколько гранат, затем прострелил дыру в бензобаке. Второй перекрутил какой-то поблескивающий металлом цилиндр, размером с карандаш, и бросил в лужу бензина. Оба бегом бросились к дороге.

— Мистер, идите на поле! — крикнул один. — Через минуту все взорвется!

Бруно повернулся и увидел, что на дороге он остался один, отряд растворился в дожде. Поспешил за двумя мужчинами. Половина поля осталась позади, когда от дороги донесся приглушенный взрыв.

Остальных они догнали быстро: люди Мау Мау особо не спешили. Офицера несли на носилках, сделанных из двух винтовок и одеяла. Мау Мау возглавлял колонну, хмуро вглядываясь в туман. Бруно несколько минут шагал рядом, прежде чем подал голос:

— Могу я задавать вопросы?

Мау Мау глянул на него, костяшками пальцев смахнул с усов капли воды.

— Безусловно, иначе что тебе тут делать?

Бруно выудил из вещмешка диктофон.

— Я бы хотел все записать.

— Записывай.

— Ogge e il quarto di luglio...

— Говори по-английски.

— Сегодня четвертое июля, я нахожусь где-то на Юге Соединенных Штатов с человеком, имя которого не могу упомянуть...

— Упомяни.

— С человеком по имени Мау Мау, который не просто местный лидер сопротивления, но, по слухам, входит в Совет Черной Власти. Вы хотите прокомментировать мои слова?

Мау Мау мотнул головой.

— Я только что присутствовал при короткой стычке, одном из эпизодов жестокой войны, охватившей эту страну. Я собираюсь спросить его об этом, узнать, как он оценивает происходящее.

— Выключи эту штуковину.

Бруно передвинул рычажок выключателя. Какое-то время они прошагали молча. Тропа плавно перешла в извилистую проселочную дорогу, проложенную в лесу. Должно быть, раньше по ней вывозили срубленный лес. Мау Мау взял диктофон, зажал в кулаке.

— Сколько тебе потребуется времени, чтобы твои материалы попали в газеты или на телевидение?

— Минимум две недели. И тут я рассчитываю на вашу помощь.

— Ты все получишь. Но только через месяц. К тому времени эти материалы не принесут никакого вреда, потому что мы перебазируемся в другой район. А как ты вывезешь их из страны? Они ужесточили контроль после того, как венгры продемонстрировали фильм о резне в гетто Нового Орлеана.

— Точно сказать не могу. Но я оставлю вам адрес, куда надо доставить пленки. Потом, полагаю, они прибудут в Европу с дипломатической почтой дружественного государства.

— Видать, не такое оно и дружественное. Хорошо, — он вернул Бруно диктофон. Дождь перестал, но туман все еще висел над землей. Мау Мау посмотрел на небо, прищурился. — Мне сказали, что ты частенько молишься. Попроси бога, чтобы дождь не прекращался, а туман не рассеивался. До заката еще три часа.

— Позвольте спросить... зачем нам туман?

— Он защищает нас от самолетов и вертушек. Ты должен понимать, что мы — партизаны и сражаемся с армией. Наше единственное преимущество в том, что наши отряды — нерегулярные войска. Главный недостаток врагов — в чрезмерной организованности. По-другому у них и быть не может. У них есть командная вертикаль, и приказ должен поступать с самого верха. У них не может быть людей, думающих самостоятельно, иначе воцарится хаос. А нам хаос только помогает. Эти большие военные умы наконец-то, пусть и с неохотой, признали, что по ночам дороги контролируем мы. А потому они должны пользоваться дорогами исключительно в дневное время. Слово «день» накрепко засело у них в головах. И теперь они зачастую не замечают, что иные дни для нас ничуть не хуже ночей.

— Как сегодня?

— Ты улавливаешь мысль. Мы наносим удар и уходим. Конфискованные ценности направляются в одну сторону, мы — в другую. Военные находят наши следы и бросаются в погоню. Следам они не очень-то верят, они теперь ни во что не верят, но особого выбора у них нет. Какое-то время мы ведем их за собой, чтобы им было чем заняться до захода солнца, и на этом наши отношения заканчиваются. К утру мы исчезаем, захваченные нами трофеи исчезают, и мир возвращается к нормальной жизни, — он сухо усмехнулся, произнося последние слова.

— Тогда мы... образно говоря... приманка?

— Можно сказать и так. Но помни, приманку обычно кладут в ловушку.

— Не могли бы вы объяснить?

— Подожди, и все увидишь сам.

— Белый просыпается, — послышался позади чей-то голос.

Все остановились, дожидаясь носильщиков. Офицер уже открыл глаза и настороженно смотрел на негров.

— Поднимайся, — приказал Мау Мау. — Ты уже можешь идти, нечего лежать в детской люльке, — и протянул руку. Офицер ее словно и не заметил, перекинул ноги на землю, встал, его шатало.

— Фамилия?

— Эдкинз, лейтенант, войсковой номер 10034268.

— Что ж, Эдкинз, лейтенант, ты уже начал задумываться, а почему мы не оставили тебя на дороге, учитывая, что ты ранен? Мы ведь нечасто берем пленных с собой, не так ли?

Офицер не ответил, хотел отвернуться, но Мау Мау ухватил его за подбородок и с силой повернул к себе.

— Лучше тебе поговорить со мной, Эдкинз. А не то я могу сильно усложнить тебе жизнь.

— Так вы пытаете пленных? — Голос твердый, ровный, привыкший командовать.

— Обычно — нет, но на войне много чего случается, не так ли?

— О чем ты говоришь? Я предпочитаю называть происходящее уголовно-коммунистическим мятежом.

Бруно не мог не восхититься поведением офицера. Он не знал, как повел бы себя в аналогичной ситуации.

— Называй все это, как ты хочешь, Белый, как тебе больше нравится, — продолжил Мау Мау. — По мне, это война, ты — на одной стороне, я — на другой. А во время войны чего только не бывает. И обычно плохого. Ты слышал, что произошло в Элленвилле?

Лицо лейтенанта чуть дрогнуло. Глаза чуть сузились. Бруно заметил все это лишь потому, что пристально наблюдал за ним. Но голос совершенно не изменился.

— Много чего произошло в Элленвилле. Ты о чем?

— Пошли. — Мау Мау отвернулся от лейтенанта. — Скоро прилетят вертушки, а до цели нам еще несколько миль.

Какое-то время все шли молча. Носильщики шагали рядом с лейтенантом, с винтовками на изготовку. Минут через пять Мау Мау остановился, приложил ладонь к уху.

— Уж не вертушка ли? Али, достань слухача, разберись.

Али закинул винтовку на плечо, извлек из кармана миниатюрный приборчик. Оливковый цвет корпуса указывал на его армейское происхождение. Сунул наушник в ухо, развернул акустическую антенну. Все наблюдали, как он медленно поворачивается на триста шестьдесят градусов. Наконец он посмотрел на Мау Мау, кивнул.

— Одного слышу точно. Возможно, есть и второй, но чуть дальше.

— Нас ищут. Прибавим хода, — приказал Мау Мау.

Они побежали. Бруно выбился из сил и весь покрылся потом, пока они не добрались до нужной им поляны. Посреди поляны круговым валом лежала свежевырытая земля. В центре вглубь уходила нора шириной с ярд.

— Чоппер, нырни вниз и принеси «осу», — приказал Мау Мау. — Потом остальные спускаются в убежище и приглядывают за Белым, — он повернулся к Бруно. — Ты останься. Думаю, получишь удовольствие.

Здоровяк-негр исчез в норе и минутой позже вернулся с каким-то аппаратом, похожим на установленный на треноге телескоп.

— Технология современной войны, — пояснил Мау Мау. — Военные обожают всякие штучки. Хвастаются тем, что они у них есть, требуют новых, чтобы оправдать и без того раздутые военные расходы. Более восьмидесяти процентов федерального бюджета тратится на армию, и продолжается это последние сорок, пятьдесят лет. Военным нравилось черное пушечное мясо, и во Вьетнаме, и потом, и наши ребята прекрасно знают, как управляться с этими штуковинами. Теперь, разумеется, армия сплошь белая, но многие черные научились нажимать на кнопки до того, как их вышибли со службы, — он помолчал. Стрекотание вертолета заметно усилилось. Мау Мау улыбнулся.

— А вот и воздушная кавалерия. Они знают, что целая толпа тащит их добро, и хотят побыстрее нагнать воришек. Потому что к утру все похищенное надежно спрячут, а воришки превратятся в мирных фермеров. Вот они и летают в своих вертушках, напичканных сложнейшей электроникой, вроде тепловых детекторов и прочей мути. Они скоро нас обнаружат. Но раньше их обнаружит «оса». Она снабжена детектором звука. Устройство надежное, помехоустойчивое.

Стрекотание все усиливалось, вертолет, похоже, шел прямо

на них. Бруно так и тянуло в нору. Он знал, на что способен штурмовой вертолет с его скорострельными пушками, ракетами, бомбами...

«Оса» уже поворачивалась на треноге. Чоппер стоял рядом, с пультом управления в руке. Шнур тянулся к треноге.

— Цель в пределах досягаемости! — воскликнул он, и в тот же момент ракета выпростала огненный хвост и унеслась в туман.

Прошла секунда, две, три... и в небе прогремел мощный взрыв, сопровождаемый рубиновой вспышкой. Обломки посыпались на деревья и землю, и воцарилась тишина.

— Армия лишилась пары миллионов баксов, — Мау Мау указал на нору. — А теперь вниз, они сейчас прилетят.

Пока Бруно убирал камеру и взбирался на земляной вал, остальные двое уже скрылись в норе. Толстые ветви, врытые концами в стены, служили перекладинами лестницы. Бруно осторожно спустился по ним в темный и сырой колодец. Достиг дна и на ощупь нашел горизонтальный тоннель. На четвереньках пополз по нему и после двух поворотов под прямым углом добрался до подземного блиндажа. Тускло горели лампы, подключенные к аккумулятору. Стоять в блиндаже можно было лишь пригнувшись, но места хватало для того, чтобы все могли усесться вдоль стен. Бревна потолка опирались на еще более толстые столбы, врытые вдоль двух стен. В густом сумраке белело лишь лицо офицера.

— У нас есть три, максимум четыре минуты, — сказал Мау Мау. — Как только пропадет связь с вертушкой, они пошлют кого-то еще. Найдут обломки. Вызовут подкрепление. Сбросят множество бомб, в полной уверенности, что внизу толпятся черные, ожидая подарков с неба.

Раздался приглушенный взрыв, сквозь щели между бревнами посыпалась земля. Мау Мау улыбнулся.

— Три минуты. Они реагируют все быстрее.

Бруно не знал, сколько времени длилась бомбежка. Отдельные взрывы вскоре слились в непрерывный гул. Под ногами дрожала земля, сверху сыпалась земля, от нарастающего грохота им пришлось зажимать уши. Уровень шума понизился, когда один из взрывов, прямое попадание, запечатал тоннель. Бруно практически не сомневался, что их похоронило заживо. Громко читал молитвы, но и сам не слышал слов. Мужчины вскидывали головы к потолку, потом смотрели друг на друга, быстро отводили глаза. Бомбежка продолжалась.

Наконец, по прошествии вечности, ее интенсивность пошла на спад. Взрывы удалялись, стали все более редкими, наконец,

прекратились. Крыша над их головой выдержала, они остались живы.

— За дело. — Голос Мау Мау звучал для них глухо: сказывались звуковые удары по барабанным перепонкам. — Если начнем копать сейчас, выберемся до темноты. А ночью нам предстоит дальняя дорога.

Партизаны взялись за лопаты, землю в корзинах оттаскивали в дальний угол блиндажа.

Работали все, сменяя друг друга, за исключением пленного и одного охранника. Воздух в подземелье стал спертым и жарким, когда им удалось-таки докопаться до поверхности. Они вылезли, глубоко дыша, наслаждаясь неописуемой сладостью вечернего воздуха.

Бруно огляделся и ахнул. Дождь перестал, туман практически рассеялся. Ни от поляны, ни от окружающих ее деревьев не осталось и следа. Насколько хватал глаз, во все стороны уходили кратеры. Где-то валялись щепки, где-то куски железа. Он наклонился и поднял блестящий стальной шарик. Один из множества.

— Противопехотные бомбы, — пояснил Мау Мау. — В каждой пара сотен таких шариков, а сбрасывают их тысячами. При попадании такой вот шарик разрывает человека надвое. Армия отрицала, что использовала их во Вьетнаме, отрицает, что использует их сейчас. Врали тогда, врут и теперь.

— Мау Мау, о нас говорят по радио! — крикнул Чоппер, прижимая к уху маленький транзисторный приемник. — О взрыве грузовика. У армии трое раненых, у нас — тридцать семь убитых.

— Выключи эту хреновину и давай сюда Белого. Я хочу перекинуться с ним парой слов.

Они стояли друг против друга, черный и белый, на лицах обоих читалась холодная ярость.

— Засними это, Бруно, — бросил Мау Мау. В камере зажужжало: механизм настраивался на сумерки. — Лейтенант Эдкинз собирается рассказать, что произошло в Элленвилле. Говори, лейтенант.

— Мне нечего сказать.

— Нечего? Маленький мальчик, который помогал разгружать грузовик, тебя узнал. Он прятался на чердаке того магазина, и никто не стал его там искать, потому что лестница валялась на полу. Он сказал, что в тот день, вернее вторую половину дня, ты руководил теми людьми. Вот что он сказал.

— Он солгал!

— А зачем маленькому мальчику лгать? Он сказал, что большинство белых для него на одно лицо, но вот тебя он никогда не забудет.

Лейтенант презрительно отвернулся и промолчал. Мау Мау

врезал ему в челюсть так сильно, что лейтенант повалился на землю. Лежал, по щеке текла кровь, и ругался.

— Видел, ты это видел, ты — с камерой, кто бы ты ни был. Он ударил пленного, раненого пленного. Видишь, что это за человек? Я расскажу тебе, что произошло в Элленвилле. Девушка ехала в автомобиле, милая девушка, знакомая мне девушка, с которой мне однажды выпала честь потанцевать. Так ее убили. Возможно, это дело рук вот этой черной обезьяны!

— Ой, Белый, ну ты и трепло, — Мау Мау покачал головой. — Почему ты не сказал, что эта милая девушка была военной медсестрой и оказалась в автомобиле полковника, который прославился в этих краях не с самой лучшей стороны. И что в автомобиль попала минометная мина, а стреляли с другой стороны холма, и никто не знал, что едет полковник в компании с девушкой. Услышали об этом только по радио. И как вышло, что ты ничего не рассказал о другой милой девушке, черной девушке, которая, на свою беду, зашла в магазин на следующий день, когда солдаты подъехавшего патруля застрелили хозяина магазина, а потом принялись за девушку. Сначала изнасиловали, а потом тоже убили. Давай, расскажи об этом прессе.

— Ты лжец! — выплюнул офицер.

— Я? Я лишь повторяю слова маленького мальчика. Он сказал, что ты сшиб старика с ног, а уж потом его пристрелили. Он также сказал, что ты не седлал черную девушку вместе с остальными, но с удовольствием наблюдал за процессом. И он сказал, что убил ее именно ты, сунул ствол пистолета в рот и мозги полетели через затылок.

Мау Мау медленно, очень медленно наклонился к офицеру. Теперь уже он не говорил, а выплевывал слова:

— А теперь ты умрешь той же смертью, белый ублюдок, что и она.

Это было отвратительно, Бруно чувствовал, как к горлу подкатывает тошнота, но он заснял все. Офицер пытался сопротивляться, несмотря на раненую руку, но его пригвоздили к земле и принесли фонарь, который бил ему в лицо, когда винтовка Мау Мау застыла в дюйме от его лица.

— Хочешь сказать последнее слово, Белый? Попросить господа упокоить твою душу?

— Не марай имя господа своими толстыми, грязными губами! — прокричал офицер, вырываясь из держащих его рук. — Ты — черный иудо-коммунистический ниггер, пришедший с Севера, чтобы мутить воду... ты свое получишь, вы все свое получите. Или умрете, или отправитесь в Африку к остальным обезьянам...

Ствол ткнулся в рот офицеру, мушка вышибла передние зубы. Мау Мау кивнул.

— Теперь я услышал все, что хотел услышать. Нет у меня желания убивать невиновных.

И хотя Бруно закрыл глаза, когда прогремел выстрел, камера продолжала работать.

— Это... это ужасно, — он отвернулся, желчь выплеснулась в рот.

— На войне все ужасно, — ответил Мау Мау. — Пора идти, а не то нас поймают.

И сделал пару шагов, а потом вновь повернулся к итальянскому репортеру.

— Послушай, ты думаешь, мне это нравится? Теперь, может, и да, но не с самого начала. Война всех превращает в зверей, и скоро невиновных не остается ни на одной из сторон. Но ты должен помнить, что это мятеж, а люди не поднимают мятежа и не идут на смерть, не имея на то веской причины. А у нас эти веские причины копились две сотни лет. Так чего нам не сражаться, чего не убивать, если наше дело правое? Белые делают это постоянно. Помнишь Вьетнам? Белые думали, что они правы, сжигая напалмом школы и больницы. Белые учили нас, как это делается. Поэтому, сталкиваясь с такой дрянью, — он пнул распростертое на земле тело, — мы знаем, как поступить. С такими можно говорить только языком оружия.

Бруно даже лишился дара речи. Несколько раз жадно схватил ртом воздух, прежде чем смог выдавить из себя:

— Вы хоть себя слышите? Знаете, что говорите? То же самое говорил Муссолини. Фашисты, когда захватывали власть в Италии. То же самое в вашей стране говорили берчисты, минитмены. Вы лишь повторяете их слова!

Мау Мау улыбнулся, но в улыбке этой веселье отсутствовало напрочь.

— Неужели? Полагаю, ты прав. Нам всегда твердили, что нам нужно учиться, чтобы стать другими, и, скорее всего, это тоже правда. Они нас научили. Мы все поняли. Мы выучили свой урок.

Он отвернулся и повел отряд в темноту.

Заря бесконечной ночи

*Я написал трилогию «**К ЗАПАДУ ОТ ЭДЕМА**» о нашей планете Земля, которая 65 миллионов лет тому назад не столкнулась с гигантским метеоритом. В этих книгах разумные динозавры делят мир с человечеством. Из истории мы знаем, что разумных динозавров не существовало. Или они существовали?..*

Акотолп спала крепким сном, без всяких сновидений, как и любая другая яилане. А потом встала заря, и она мгновенно проснулась и мгновенно же осознала: что-то очень не так. Свет для зари слишком яркий, ярче, чем в полдень, озарил ее спальную камору. Мембраны закрыли глаза, когда она отпихивала лианы и выходила из-под дерева-города.

— Что-то не так, все не так, — сказала она себе. Хвост заметался из стороны в сторону. Заря, которая не была зарей, встала на западе. Такого просто не могло быть, но случилось. Будучи ученым, она не могла не верить информации, полученной органами чувств, какой бы невероятной она ни казалась.

Постепенно свет начал меркнуть, к тому же его заслонила возникшая перед ней фигура. Фарги. Акотолп знаком повелела ей отойти в сторону, но фарги не сдвинулась с места. Вместо этого заговорила:

— Эистаа... вызывает срочно.

Акотолп подождала, пока свет полностью не померк. Вновь появились звезды вместе с полной луной, залившей город серебряным светом. Фарги шла первой, то и дело спотыкаясь, направляясь к большой центральной поляне, где ждала Эистаа.

— Ты видела свет, — сказала она, когда Акотолп остановилась перед ней.

— Да.

— Объяснение-рассуждение желательно.

— Желаю повиноваться... однако недостаток знания-информации.

В знаке Эистаа чувствовались удивление и разочарование.

— За время нашего знакомства-дружбы я никогда не слышала, чтобы ты признавала недостаток знания.

— Все случается в первый раз. Я рассматриваю вопрос медленно и с позиций логики. Причина этого великого света неизвестна. Это не огонь, ибо огонь я видела.

— Что означает термин «огонь»?

— Объяснение — ненужная сейчас трата времени.

— Фарги в панике, мой ученый ничего не знает. Это очень тревожно.

— Странный феномен... но все кончено.

Акотолп тут же пожалела о сказанном, потому что земля под ними дрогнула, и волна грозного гула накатилась на них. Фарги-прислужницы завыли в страхе и закрыли руками ушные отверстия. Некоторые даже повалились на землю и забились в конвульсиях. Эистаа недовольно фыркнула и чуть шире расставила ноги, впившись когтями в почву. Когда гул стих до низкого рокота, она вновь знаком выразила недовольство.

— Ты сказала, что все кончено, ученый с великими знаниями?

— Извинение за ошибку, готовность понести наказание.

Акотолп вытянула шею и откинула голову назад, подставляя горло. Знаком Эистаа показала, что принимает извинения и не желает казнить.

— Выскажи мне свои мысли, пусть и определенности у тебя нет, в эту ночь ты — единственная, кто может объяснить, что произошло.

— Я не могу объяснить. Только анализировать.

— Так приступай.

— Событие геологического масштаба...

— Требуется определение неизвестного слова *геологический.*

Акотолп попыталась не выдать недовольства тем, что ее перебили. Отбросила опавшую листву и села на хвост. Попыталась найти самые простые слова.

— Геологический — значит, относящийся к земле, на которой мы стоим. Внизу под нами, под твердой корой, действуют великие силы. Я видела далеко на востоке, за джунглями Энтобана, как вершины высоких гор взорвались и из них потекли реки расплавленного камня. Там же я видела и огонь. Событие, которое может взорвать горы и расплавить камень, имеет геологический масштаб.

— Значит, сегодня произошло геологическое событие?

Акотолп замерла, погруженная в мысли. Прошло какое-то время, прежде чем она шевельнулась и заговорила:

— Нет. Я уверена, что нет. Слишком оно внезапное. Все события, которые я наблюдала, развивались медленно, лишь со временем набирая силу. Это началось и завершилось очень уж быстро. Но событие большое, пусть и находилось далеко.

— Далеко? Требуется объяснение.

Эистаа умело и эффективно правила своим городом, но научных фактов не знала или воспринимала их без должного уважения. Акотолп заставила себя терпеливо объяснить, что к чему.

— Далеко, потому что нас разбудил яркий свет. Яилане по науке из города Яэбеиск на юге провела серию экспериментов, чтобы определить, с какой скоростью свет перемещается в воздухе. Сказала мне, что по результатам экспериментов скорость света близка к бесконечности. А вот скорость звука очень мала. Это продемонстрировать очень легко. Так вот, поскольку звук события дошел до нас значительно позже света, получается, что событие это произошло в океане, далеко от нас. И событие значительное.

Эистаа проявила нетерпение-замешательство.

— Почему у меня нет никакой возможности следовать твоим умозаключениям. Теперь упрости-объясни.

— Что-то очень значительное произошло далеко в океане.

— Полыхнул свет. Потом пришел звук и дрогнула земля. Почему?

— Земля, должно быть, дрогнула от движения водяной массы...

Акотолп замолчала на полуслове, рот ее раскрылся. Она вскочила, повернулась, чтобы посмотреть на гладкую поверхность бухты.

— Это произойдет! — от прозвучавших в словах страха и безотлагательности Эистаа даже чуть отпрянула.

— Что? Что должно произойти?

— Произойдет! Ты должна приказать фарги немедленно разбудить спящих. Прежде всего всех яилане. Приказать им как можно быстрее уходить в глубь материка, на холмы за пастбищами. Прикажи, Эистаа.

— Но почему?

— Разве ты не понимаешь? Сила, такая далекая, но сумевшая тряхнуть землю, должна быть очень большой. Она вызовет волны, каких мы не видели и при самом страшном шторме. Пока мы говорим, эти волны приближаются к нам.

Эистаа приняла решение:

— Я отдам такой приказ...

Но она опоздала, уже опоздала.

Вода в бухте отступала, как при отливе, а издали уже доносился рокот другой воды, приближающейся к берегу. И рокот этот, нарастая с каждой секундой, вскоре уже заглушал все звуки.

С жутким ревом вода заполнила бухту, поднимаясь все выше и выше, захлестывая дерево-город, ломая его ветви, устремляясь дальше и дальше, к холмам, сметая все растущее и живое.

Акотолп закрыла рот, уши, ноздри, забилась в панике, оказавшись в соленой воде. Почувствовала по нарастающему давлению, что поверхность воды находится гораздо выше ее головы. В черноте поплыла вверх. Получила жестокий удар в бок. Оберегая ушибленную руку второй рукой, отчаянно заработала ногами и хвостом.

Вырвалась в заполненную пеной тьму, жадно хватанула ртом воздух.

Вновь ее что-то ударило. В полубессознательном состоянии, слабея от боли, продолжала плыть, зная, что это ее единственный шанс выжить: если б ушла под воду, второй раз вынырнуть бы не удалось.

Прошла, наверное, заполненная болью вечность, прежде чем она нащупала ногами землю. Мутная, наполненная мусором и обломками вода уходила, уровень все понижался. Упал ниже спины, колен... Яилане тяжело осела на землю, крича от боли, и провалилась в темноту.

Акотолп медленно пробудилась навстречу свету и боли. Лил

сильный теплый дождь. Черный дождь, оставляющий потеки на ее коже. Она моргнула, почувствовала резь в глазах. Села, ее тут же окутал красный туман боли. Руки и ноги двигались, похоже, обошлось без переломов. Но бок болел ужасно. Там, скорее всего, синяком не обошлось, наверняка при ударе сломалось несколько ребер. Каждый вздох давался с трудом. Раненая... но все же живая. И только тогда она ощутила возвращение научного любопытства.

Она стояла на равнине по щиколотку в грязи. Вокруг валялись кусты, вырванные с корнем деревья. Неподалеку лежали две мертвые яилане, с переломанными конечностями. Одну раздавила какая-то бронированная рыба. Обхватив руками грудную клетку, Акотолп медленно, чуть не вскрикивая от боли, поднялась на ближайший пригорок, прислонилась к стволу сломанного дерева на вершине.

Поначалу не увидела ничего знакомого, лишь жуткий пейзаж грязи и разрушения. И, только повернувшись в сторону материка, разглядела сквозь пелену дождя привычные очертания холмов. Используя холмы как ориентир, с ужасом убедилась, что детородные ветви обломаны и унесены морем. Да и сами бухта и лагуна исчезли: теперь они составляли единое целое с океаном.

А в горе мусора Акотолп признала то, что осталось от дерева-города, и застонала от горя. Будь послабее, упала бы и умерла. Яилане, лишенные своего города, действительно умирали, она такое видела. Но она знала, что не умрет. Другие могли, она — нет. Ей хватало силы духа, чтобы пережить шок. Оттолкнувшись от ствола, она поплелась к дереву-городу.

И не она одна. Другие двигались в том же направлении. Фарги знаками выражали уважение и благодарность, когда узнавали ее. Одну из них, несмотря на синяки и грязь, облепившую кожу, Акотолп узнала.

— Ты — Инлену... та, что командует рабочими в рыбных садках.

Инлену обрадовалась оказанному ей вниманию.

— Мы рады-счастливы и приветствуем тебя, Акотолп. Смиренно просим объяснить случившееся.

— Ты знаешь столь же много, что и я. Что-то ужасное произошло далеко в океане. Что-то вспыхнуло, что-то грохнуло. Это что-то заставило землю содрогнуться, море выплеснуться на берег. Вокруг ты видишь результат.

— Город, все уничтожено. Что станет с нами?

— Мы выживем. Вода не покрыла весь Энтобан. Еда будет в лесах и море...

— Но наш город...

— Вырастет вновь. А до этого времени мы будем спать на

земле под звездами, как до нас спали многие и многие. Не отчаивайся, сильная Инлену, нам понадобится твоя сила.

— Как нам понадобится твоя, — знаком Инлену выразила уважение-восхищение, который тут же повторили остальные фарги, наблюдающие и слушающие. Теперь они не сомневались, что выживут.

А чего сомневаться, если, приблизившись, они разглядели под горой мусора ствол дерева-города и некоторые уцелевшие ветви.

А рядом (чудо из чудес!) гранитной скалой стояла Эистаа. Фарги поспешили к ней, их тела и конечности подрагивали от счастья и благоговейного трепета. Знаками они выражали благодарность и радость. Окружили Эистаа плотным кольцом, а когда она отдала приказ, расступились, освобождая проход Акотолп.

— Ты выжила, Эистаа, значит, выживет и город.

— Нанесен огромный урон, много смертей, — она дала знак фарги отойти подальше, чтобы поговорить с Акотолп наедине. — Двое из троих, возможно больше, умерли. Умрут и многие из раненых. — Потом добавила: — Самцы погибли. Все. Из яиц, которые они вынашивали, не вылупятся детеныши.

Акотолп качнуло от горя, но она сохранила самообладание.

— Это не конец. Мы — всего лишь один город. В глубине материка есть другие города яилане, на берегах больших рек на севере. Один стоит на внутреннем море Исегнет. Когда придет время, я пойду туда и возвращусь с самцами. Яилане едины перед лицом опасности. Город вырастет вновь.

Услышав эти слова, Эистаа движением выразила удовольствие. Сжала руки Акотолп грудными выступами, демонстрируя высшее счастье, высшее уважение. Фарги заверещали от радости, на мгновение забыв о боли и отчаянии. Город вырастет вновь!

Они взялись за работу. Под руководством Эистаа принялись разгребать облепленный грязью мусор. Дождь не прекращался, черный дождь, льющийся с мглистого неба. К наступлению ночи многое удалось сделать. Они обнаружили, что в образовавшихся прудах осталось много рыбы, принесенной огромной волной. Рыбу поймали и разделили на всех. А потом, уставшие и израненные, они заснули.

Потоп, уничтоживший прибрежное мелководье, уничтожил и цивилизованный, рутинный образ жизни. Исчезли рыбные садки вместе с энзимными садками, в которых излечивалась и сохранялась плоть животных. Лишился город и самих животных. Колючие изгороди между полями снесло, находившаяся в загонах живность утонула или разбежалась. Выжила только одна охотница, но все оружие утонуло. А одними зубами и когтями она не могла снабдить город мясом. Поэтому они обратили

взоры к морю, морю, из которого когда-то вышли, освежили древние плавательные навыки, вспомнили, как отыскивать косяки рыб и загонять их на мелководье. Потом океан бурлил от серебристых тел, ищущих спасения, и быстро краснел от крови. То был грубый, но эффективный способ добычи пищи: они боролись за выживание.

Прошло много дней, прежде чем Акотолп пришла к Эистаа, которая сидела на давно расчищенной поляне. Все работали, не жалея сил. Мертвых похоронили в море, легкораненые поправились. Тяжелораненые умерли, ибо все врачующие существа Акотолп погибли, и она ничем не могла помочь страждущим.

— Мы лишились всего, — сказала она Эистаа. — Ты должна помнить, что все существа, выращиваемые нашей наукой, — мутации и большинство не может существовать самостоятельно. Наши орудия, эзотсаны, с возрастом теряют подвижность и требуют подкормки. Их нам нужно больше, как и других жизненных форм, которые позволяют выжить цивилизации яилане. В создавшейся ситуации я сделала все, что могла. Я сходила с фарги в глубь материка и вернулась с побегами колючих вьюнов, которые мы вновь посадили по границе полей. И у нас достаточно рыбы.

Движения Эистаа показали, что пища эта ей приелась, да и качество оставляет желать лучшего.

— Я согласна, Эистаа, но она позволяет нам жить. Для того чтобы улучшить условия нашей жизни, я должна взять с собой фарги и пойти в Тескхеч, город на берегу реки за холмами. Я знаю все, что нам необходимо, эзотсаны и струны-ножи, нефмейкелы... список очень длинный. Я вернусь с племенным поголовьем, и наш город вырастет вновь. Я только прошу твоего разрешения на эту экспедицию.

Эистаа двинула хвостом и головой, выказывая сомнение.

— Твое присутствие необходимо здесь.

— Было необходимо. Я анализировала и объясняла, ты приказывала. Сделать что-то еще — не в моих силах... если я получу в свое распоряжение все необходимое для научной деятельности. Фарги учатся охотиться, добыча мяса растет. Рыбаки увеличивают уловы. Под твоим руководством яилане будут есть, город — жить.

Эистаа выразила неудовольствие, глядя на бесконечный черный дождь.

— Мы живем, но на самом пределе. Скорее как существа, а не яилане.

— Но мы живем, Эистаа, вот что главное. И для того чтобы вернулась прежняя жизнь, к которой привыкли яилане, ты должна разрешить эту экспедицию.

— Я подумаю. Добыча мяса должна увеличиться до того, как ты уйдешь. Ты должна найти способ.

Акотолп сделала все, что могла, но возможности ее были очень ограниченны. Она знала, что принять решение Эистаа мешает неопределенность ситуации. И понимала Эистаа. По меньшей мере шесть фарги, здоровых и сильных, просто улеглись на землю и умерли. Такое случалось и раньше, когда яилане приходилось покидать свой город. Но тут произошло спонтанно. Конечно же, Эистаа тревожилась.

Но при этом Акотолп была недовольна, даже злилась. Она действительно не могла ничем помочь. Бесконечные облака, практически непрерывный дождь не способствовали улучшению ее настроения. И второй раз Эистаа ответила отказом на ее просьбу. С третьим обращением она медлила. Помощь пришла неожиданно, со стороны Великреи, охотницы.

— Я прошу разрешения поговорить наедине. — Охотница, вся в шрамах, скосилась в сторону ближайшей фарги.

— Разрешаю. Мы пройдемся вдоль берега.

— Уважительно предлагаю поговорить в лесу.

Акотолп поняла, что на то есть веская причина, и выразила согласие. Они молчали, пока не пересекли поля, на которых подсыхала грязь, и не добрались до первых деревьев.

Здесь, где их никто не видел и не слышал, Великреи остановилась и заговорила:

— Ты должна сказать мне, что делать. Я охочусь, это я делаю хорошо. И я выполняю приказы. Я служу Эистаа. Теперь приказы и служба столкнулись, — она ударила кулаком в кулак, тело напряглось. Акотолп поняла, что требуется быстро вернуть охотнице уверенность в себе.

— Ты нужна городу, Великреи, в настоящее время куда больше, чем я. Позволь мне помочь тебе, ибо я восхищаюсь тобой и уважаю твое мастерство и твою силу. Мои мысли — логика к твоим услугам. Скажи, что тебя беспокоит.

— Некто в лесу с фарги. Она не входит в город, не хочет видеть Эистаа. Спрашивает, нет ли здесь яилане по науке. Она знает твое имя. Приказывает привести тебя, а не Эистаа...

Охотница не могла больше говорить, рот открылся, по телу пробегала мелкая дрожь. Акотолп разом коснулась больших пальцев всех ее четырех рук, чтобы успокоить.

— Ты поступила правильно. Нельзя беспокоить Эистаа и отрывать от многотрудных дел. Я поговорю с той, кто пришла... и обо всем расскажу Эистаа. Теперь ответственность лежит на мне.

— Ты решила, — облегченно вырвалось у Великреи, едва не рвущиеся от напряжения мышцы расслабились. Она вновь заня-

ла положенное место в иерархии города. Ей предстояло выполнять приказы, а не принимать решения. — Я отведу тебя к ней.

— Имя?

— Эссокель.

— Я действительно знаю ее, а она — меня. Это очень хорошо... для всех нас. Отведи меня к ней, быстро.

Акотолп сразу узнала высокую яилане, ожидающую под большим деревом. Выступила вперед, знаками поздоровалась. Великреи в нерешительности потопталась рядом, выразила благодарность, когда ее отпустили, и буквально бегом ретировалась. Заговорила Акотолп лишь после ее ухода:

— Добро пожаловать, Эссокель, добро пожаловать в остатки нашего города.

— Многих городов, — мрачно ответила Эссокель. — Я была на материке, когда это произошло, возвращалась с фарги в мой город. Когда я увидела разрушения, которым подверглось побережье, я оставила их в лесу и пошла одна. — Боль слышалась в голосе, стояла в глазах. — Все уничтожено, никто не выжил. Я едва не покончила с собой... но выстояла. Я заставила себя забыть название моего города, убедительная просьба к тебе не произносить его.

— Мы рады-счастливы принять тебя. Теперь ты — часть моего города, нашего города. Нам крепко досталось, но мы выживаем. С твоей помощью мы вырастем заново. Пока же у нас нет ничего, кроме зубов и когтей, с которыми мы вышли из океана.

— Тогда я действительно могу помочь. — Эссокель выпрямилась, гордость сменила смерть в ее движениях. — Я побывала в далеких городах. Мои фарги несут все, что необходимо твоему... нашему городу.

— Фарги здесь?

— Неподалеку, но вне поля зрения. Я хотела поговорить с тобой, и только с тобой.

— Не с Эистаа?

— Пока нет. Есть научные вопросы, которые можем обсудить только мы. Ты полна сил, Акотолп?

— Я выжила. И буду жить, потому что нужна.

— Хорошо. Я должна поговорить с тобой, разделить мое знание, и ты должна подвергнуть сомнению мои слова. Ибо я боюсь.

— Чего?

— *Всего.*

В голосе так отчетливо прозвучали нотки смерти и отчаяния, что Акотолп громко вскрикнула и отпрянула. Потом совладала с собой и попыталась успокоить Эссокель.

— Ты более не одинока, моя давняя подруга, тебя больше не

окружают лишь безмозглые фарги, с которыми тебе не о чем говорить. Сними с себя тяжелую ношу, раздели со мной свои знания и мысли. Разделенные страхи уменьшаются вдвое, каждый из нас возьмет на себя половину ноши.

— Ты —умная и сильная яилане, Акотолп. Я расскажу тебе, что видела, к каким пришла выводам. Потом ты проанализируешь их, возможно, даже докажешь, что я не права. Если так, мы разделим ношу. Но прежде всего мне нужна информация, потому что я видела случившееся из далекого далека. Ты была здесь?

— Да... и говорю с тобой лишь благодаря случаю, потому что из пятерых выжил лишь один. Была ночь... и вдруг наступил день. Свет жег глаза, прежде чем начал меркнуть. Потом раздался грохот и содрогнулась земля. А потом — я уже знала, что так будет, — поднялся океан и поглотил нас.

— Ты подумала... почему?

— Логическая цепочка. Некое событие огромной силы, свет которого мы видели. Звук достиг нас гораздо позже... и ударная волна. Для того чтобы так вздыбился океан, сила требовалась невероятная.

Эссокель знаком выразила вынужденное согласие.

— Я ничего этого не видела и не испытала на себе... хотя мои догадки в целом совпадают с твоими опытными данными. Важный вопрос: в чем, по-твоему, причина?

— Признаю недостаток знания, недостаток теории.

— Тогда послушай меня. Ты интересовалась астрономией?

Акотолп признала, что нет.

— Биология занимала все мое время и мысли.

— Но ты смотрела в ночное небо... видела разные феномены. Видела световые линии, которые время от времени прочерчивали темноту?

— Безусловно. Хотя ни разу не слышала попытки объяснения.

— Я слышала. Наша атмосфера с увеличением высоты становится тоньше. Это доказано теми, кто поднимал в горы приборы для измерения давления воздуха. Если это так, логика указывает на то, что уменьшение давления — процесс постоянный, и на какой-то высоте воздуха просто не будет.

— Я знаю эту теорию и согласна с ней. За пределами атмосферы воздуха нет и там царит пустота.

— Но материя существует и в пустоте. Мы видим луну и звезды. А теперь подумай вот о чем. Птица летит быстрее рыбы, потому что движется в менее плотной среде. Если что-то движется в пустоте, то скорость этого что-то может быть сколь угодно большой. Такой большой, что частички материи, двигающиеся сквозь пустоту, маленькие частички, подчиняясь законам динамики, смогут при торможении разогреваться. Даже светиться.

Акотолп закрыла глаза, глубоко задумавшись. Открыла и выразила согласие.

— Спорить тут не с чем. Хочется знать, как это связано со случившимся.

Эссокель ответила после долгой паузы:

— Я предлагаю тебе рассмотреть такой вариант: большая частица из пустоты попадает в атмосферу. Размером с булыжник, дерево... гору. Что после этого произойдет?

— Тогда, — говорила Акотолп медленно, пребывая в глубоком раздумье, — тогда эта гора скорости заставит воздух яростно светиться. Упадет в океан. Если размеры ее будут достаточно велики, если двигаться гора будет достаточно быстро, она даже может пронзить воду и удариться об океанское дно. Ударная волна пойдет по земле, будет слышна на больших расстояниях. Вода двинется на берег. Я потрясена твоей мудростью и интеллектом.

— Это еще не все. С того дня небо ни разу не очистилось от облаков, постоянно идут черные дожди, несомненно от пыли и грязи, попавших в атмосферу при ударе. Сколько дней идет дождь?

— Много. Я веду счет.

— Я тоже. И последняя тревожная мысль. Что произойдет, если облака и дальше будут закрывать небо? Что будет, если тепло солнца уже не согреет нас? Что в этом случае случится с нами?

Акотолп-биолога качнуло от боли, мысль эта вызвала у нее такой ужас, что она едва не потеряла сознание. А придя в себя, увидела, что Эссокель поддерживает ее. Не будь рядом подруги, она упала бы на землю.

— Мы все умрем. Без солнца не будут расти зеленые растения. Когда они умрут, умрут животные, которые ими питаются. Когда они умрут — умрут яилане. Неужели так будет?

— Я не знаю. Но боюсь худшего. Я проводила тщательные замеры. Температура падает с каждым днем. Нам не выжить без тепла, без солнца.

— Облака должны разойтись! — воскликнула Акотолп. — Должны. Иначе...

Она не закончила мысль. Нужды в этом не было. И тяжелое молчание нарушила уже Эссокель.

— Сейчас мы пойдем в город. И расскажем Эистаа...

— Ничего. Если всему тому, о чем мы говорим, суждено случиться, мы беспомощны, бессильны что-либо предотвратить. Вместо того чтобы принести им смерть, мы принесем счастье и удовольствие. Будут тепло, крыша над головой, еда. Если... то, что мы обсуждали... произойдет, дальнейшие дискуссии не потребуются. Все будет ясно глупейшей фарги.

Акотолп не ошиблась. Эссокель и груз, который несли ее фарги, вернули в город радость и блага цивилизации. Эзотсаны для охоты, вкусное сладкое мясо и все такое. Во вьюках лежали тысячи накидок, ибо экспедиции пришлось преодолевать перевалы с холодным воздухом. Накидки пришлись очень кстати: ночи становились все холоднее, а безмозглые существа-накидки, если их хорошо кормили, имели высокую температуру тела. На вождей города накидок хватало, так что спали они хорошо. Фарги приходилось сбиваться в кучу и в молчании дрожать от холода.

Но радость длилась недолго. Даже глупейшие из фарги, только вышедшие из моря и неспособные говорить, видели, что холоднее становятся не только ночи, но и дни. Рыбы стало меньше. Облака не расходились, солнце не появлялось, растения умирали. Животные, которых они ели, становились все более худыми и костлявыми, потому что травы им доставалось все меньше. Однако питались они неплохо, и в энзимных садках оставалось мясо. С животными дело обстояло гораздо хуже: их не убивали — они умирали. И пришел час, когда Эистаа вызвала двух ученых. Рядом с ней на поляне стояла Великреи.

— Послушайте, что говорит мне охотница, — мрачно изрекла Эистаа.

— Онетсенскаст, которого сейчас рубят на части, пойдет в мясные садки. Это последний. Все остальные мертвы, поля пусты.

— Что происходит... что нас ждет? — спросила Эистаа. — Вы — яилане-ученые, вы должны знать.

— Мы знаем, — ответила Акотолп, пытаясь сохранить спокойствие в речи и движениях. — Мы скажем тебе, Эистаа, — охотница не заметила, как ей знаком предложили уйти. — Ты сообщила информацию, Великреи. Возвращайся в свой лес.

Акотолп подождала, пока на поляне они не остались втроем. И теперь уже не пыталась изгнать горе и отчаяние из своего голоса.

— Солнце приносит нам жизнь, Эистаа. Если солнце не засветит вновь, мы умрем. Облака убивают нас.

— Я вижу, что происходит... но не понимаю.

— Это жизненная цепочка, — ответила ей Эссокель. — Она начинается в клетках растений, где солнечные лучи превращаются в пищу. Рыба и устузоу едят растения и живут. Мы, в свою очередь, едим их плоть... и мы живем, — она наклонилась, вырвала пучок желтеющей травы, подняла. — Трава умирает, они умирают, мы умираем.

Эистаа, застыв, как скала, смотрела на траву. Наконец повернулась к Акотолп.

— Правда?

— Абсолютная правда.

— Разве мы не можем наполнить садки, запастись едой, переждать, пока не разойдутся облака и не выглянет солнце?

— Мы можем... и мы попытаемся. Мы также запасем и семена, чтобы засеять поля, как только солнце вернется.

— Это надо сделать. Я отдам такой приказ. Когда солнце вернется?

Ей ответило молчание. Эистаа ждала, ярость в ней закипала, наконец, она не выдержала:

— Говори, Акотолп! Я приказываю тебе говорить! Когда вернется солнце?

— Я... мы... не знаем, Эистаа. Но если оно не вернется скоро, мир, в котором мы жили, исчезнет. Виды, однажды исчезнувшие, не возвращаются. Мы — одни из таких видов. Мы важны только для самих себя. Если же брать биосистему в целом, наша важность соизмерима с этим пучком травы. И нет нам радости в том, что жизнь будет продолжаться, даже если облака останутся навсегда. Это будет другой мир, которого нам не узнать. В нем будут существовать гораздо более устойчивые формы жизни, способные выдержать значительные перепады температур и переменчивые климатические условия. Мы не можем. Мы не выживем в том мире. Нам необходимы те условия жизни, к которым мы привыкли. Я боюсь, Эссокель, и я много раз обсуждала этот вопрос, что наше время закончилось...

— Это не так! Яилане живут.

— Яилане умирают, — мрачно ответила Эссокель. — Фарги уже гибнут от холода. Мы их исследовали.

— У нас есть накидки.

— Накидки также умрут. Уже так холодно, что они не могут размножаться. — В движениях Акотолп читалось великое отчаяние. — Я боюсь, все так и закончится, все яилане умрут, все, чего мы достигли, исчезнет. О нашем существовании забудут. Когда облака разойдутся, останутся только устузоу.

— Что? Эти мерзкие грызуны, шмыгающие под ногами. Как ты можешь так говорить?

И в этот самый момент меж мертвой травы появился устузоу, глянул на них маленькими черными глазками, на лапках сквозь шерсть проступили коготки. Эистаа подняла ногу, но раздавила только траву: крошечное существо уже скрылось из виду.

— Ты говоришь, что выживут эти твари... почему?

— Благодаря особенностям их организма, — терпеливо объяснила Эссокель. — Всем сложным существам требуется регулирование температуры тела, в их жилах течет теплая кровь. Но есть два способа сохранять тепло. Мы, яилане, экзотермики. Это означает, что мы должны жить в теплом климате и получать

тепло извне. Это очень эффективно. Устузоу эндотермики. Это означает, что они должны все время есть и превращать поглощенную ими пищу в тепло...

— Ты говоришь все это лишь для того, чтобы запутать меня... холод и жара, внутри и снаружи...

— Ты должна простить меня, Эистаа, за мою неспособность-глупость. Я упрощаю. Если мы замерзаем, мы умираем. Эти маленькие устузоу не замерзнут. Если воздух станет холоднее, они будут больше есть. Будут есть мертвые растения. Мертвые тела... съедят наши мертвые тела. Трупы нашего мира смогут кормить их долгое время. Может, до той поры, пока облака не разойдутся и не выйдет солнце. А когда оно выйдет, окажется, что это мир устузоу, а от мира яилане не останется даже воспоминаний. Все будет так, словно мы никогда не...

— Я не хочу этого слышать! — в гневе взревела Эистаа, взрыла землю когтями. — Оставьте меня! И больше никогда не говорите в моем присутствии. Я не желаю вновь услышать такие слова!

Ученые ушли, полил холодный дождь, наступила ночь. По земле бегали лишь маленькие пушистые существа. Маленькие существа, которые ели семена, стебли, кости, костный мозг, мясо, траву, насекомых... все.

Теплокровные животные, которые могли выжить в условиях, обрекавших на смерть девяносто процентов всех остальных живых существ.

Выжить и эволюционировать шестьдесят миллионов лет. Их потомки читают эти слова.

Добросовестная работа[1]

Я всегда сожалел о том, что научная фантастика традиционно не затрагивает тему рабочего класса. Не то чтобы мне хотелось читать в основном на эту тему — просто я убежден, что каждая экологическая ниша должна быть заполнена. Почти всех фантастов, начиная с Уэллса, можно отнести к среднему классу: это означает, что главные действующие лица НФ занимают то же общественное положение, что и их создатели. Встречались, конечно, и такие герои, которые становились правителями галактических империй или управляли феодальными планетами. Но не воплощают ли такие герои мечты и устремления среднего класса?

[1] An Honest Day's Work, 1972. © Перевод на русский язык, «Полярис», 1994.

А что же пренебрегаемый нами рабочий человек? Мы довольно быстро завладеваем его деньгами, когда продаем ему свои журналы, — но дали мы ему хоть один шанс показать себя в качестве героя? По этому поводу я высказал свои соображения одному весьма серьезному социологу, Брайану Олдису, который, выслушав, задумчиво кивнул в знак согласия.

— Почему бы не быть рассказу об ассенизаторе, который спасает мир, — хотя бы для разнообразия? — спросил я.

Он крепко сжал мое плечо и посмотрел мне прямо в глаза.

— Действительно, — сказал он. — И вы как раз тот самый человек, который напишет его.

Так я и сделал.

— Я просто делаю свою работу, и все. Ничего больше, — непреклонно сказал Джерри и впился зубами в изгрызенный мундштук своей старой трубки; нижняя челюсть его при этом выражала такую же непреклонную решимость, как и голос.

— Я это знаю, мистер Кранчер, — сказал лейтенант. — Никто и не просит вас работать сверх положенного или делать что-либо предосудительное. — Лейтенант был весь в пыли, лацкан одного из карманов на его униформе оторвался, а во взгляде горел какой-то дикий огонек. И говорил он, пожалуй, слишком быстро. — Чтобы попасть к вам, мы шли через БуРекЦентр, а это было нелегко — там мы потеряли отличных солдат... — Лейтенант сорвался на крик, но тут же — не без труда — взял себя в руки. — Мы были бы рады сотрудничать с вами, если вы согласитесь.

— Не по душе мне ваше предложение. Все это может обернуться большими неприятностями.

Но таких неприятностей никто не ожидал, а те, кто ожидал, ожидали чего-то совсем другого и соответствующим образом составили планы действий и ввели их в компьютер, который выдал им программы, предусмотревшие все возможные варианты предполагаемого исхода событий. Однако у бетельгейзианцев был совершенно иной план; именно поэтому они настолько преуспели в осуществлении задуманного, как им самим, возможно, и не мечталось в самых дерзновенных помыслах. Торговый пункт, который они развернули в кратере Тихо на Луне, был просто торговым пунктом и ничего общего не имел с последующими событиями. Записи о Великом Бедствии запутаны, что, возможно, объясняется сложившимися обстоятельствами; число пришельцев, вовлеченных в первый этап вторжения, составляло, несомненно, всего лишь малую часть от трех завышенных цифр,

что всячески раздувались возбужденными репортерами или озабоченными военными, которые считали: причинить подобный ущерб должно было именно такое количество атакующих пришельцев. Вероятнее всего, что во вторжении участвовало не более двух — максимум трех — кораблей, что, в лучшем случае, означало несколько сотен бетельгейзианцев. Всего несколько сотен, чтобы поработить целую планету, — и им едва это не удалось.

— Полковник, это мистер Кранчер, который добровольно вызвался...

— *Штатский!* Гони его отсюда ко всем чертям, да прежде завяжи ему глаза, болван! Данная штаб-квартира в целях строжайшей безопасности глубоко законспирирована...

— Сэр, в конспирации больше нет смысла. Все наши коммуникации перекрыты, и мы полностью отрезанными от войск.

— Тише ты, идиот! — Полковник воздел сжатые в кулак руки. Лицо его покраснело, глаза загорелись бешеным огнем. Он все еще не хотел верить в то, что произошло; скорее всего, не мог поверить. Лейтенант, офицер запаса, был моложе его, но какая бы буря негодования ни поднималась в его душе по отношению к происшедшим событиям, он мог смело смотреть фактам в лицо.

— Полковник, вы должны поверить мне. Наше положение отчаянно, а отчаянные времена требуют отчаянных решений...

— *Сержант!* Отведи этого лейтенанта и этого штатского на стрельбище и расстреляй их там за подрывную деятельность во время чрезвычайного положения.

— Но, полковник...

— Это *приказ,* сержант!

Сержант, которому оставалось служить лишь четыре месяца, о чем свидетельствовал его довольно объемистый живот, переводил взгляд с одного офицера на другого. Он колебался, не зная, на что решиться, да и вообще ему не очень-то хотелось принимать какие-либо решения. И все же надо было что-то делать. Наконец сержант встал и направился в туалет; войдя в него, он запер за собой дверь. Полковник, который, выпучив глаза, молча следил за каждым его движением, вдруг судорожно глотнул воздух и схватился за кобуру на боку. Но только он вытащил оружие, как внезапно издал странный булькающий звук и упал лицом вниз на письменный стол. Затем медленно соскользнул на пол.

— Санитара! — крикнул лейтенант и, подбежав к полковнику, расстегнул на нем воротник.

Подошедший санитар бросил взгляд на распростертое на полу тело и мрачно покачал головой.

— Обширный. И не в первый раз. У него всегда барахлил мотор.

Сержант вышел из туалета и помог лейтенанту накрыть труп защитной накидкой. Джерри Кранчер стоял в стороне и, посасывая трубку, молча наблюдал за происходящим.

— Прошу вас, мистер Кранчер, — умоляюще произнес лейтенант, — вы должны помочь нам. Теперь вы — наша последняя надежда.

Сейчас, когда мы оглядываемся на Черное Воскресенье — день начала Великого Бедствия, мы уже способны изумляться простоте бетельгейзианского плана и понимать, почему он был так близок к успешному осуществлению. Наши армии и космотанки находились в состоянии полной боевой готовности; все их внимание, все орудия и аппаратура были направлены в сторону массивного здания так называемого торгового пункта, каковым он, в сущности, и являлся. Сложнейшая паутина коммуникационных сетей на Земле связала вместе сонм защитников, многоуровневую сеть радиорелейных и лазерных линий, наземные линии и спрятанные под землей коаксиальные кабели, микроволновые и гелиографические средства связи. Эта паутина была надежно защищена от неумелого с ней обращения и от помех при передачах и вообще являлась совершенной во всех отношениях — за исключением того, что абсолютно вся связь осуществлялась только по трем каналам: через две подстанции и КомЦентр во Всемирной Столице. Эти три станции, удивительно продуктивные, отвечали за всю связь с вооруженными силами Земли — на земле, под землей, на Луне и в космосе.

Их вывели из строя. Бетельгейзианские десантно-диверсионные бронеотряды сбросили на каждый из этих трех узлов по одному анти-G. Бой продолжался не более получаса, да иначе и не могло быть. По завершении боя все три коммуникационных узла были захвачены, и война была проиграна прежде, чем началась. Штаб-квартиры оказались отрезаны от войсковых частей, отдельные части — друг от друга, танки — от своих командиров, звездолеты — от баз. Радарная служба на невидимой стороне Луны зафиксировала на экранах отраженные сигналы военно-космических сил вторжения, устремившихся к Земле со стороны Сатурна. Но передать об этом на Землю уже не представлялось возможным.

— Я должен спросить об этом своего шефа, — произнес Джерри Кранчер и важно кивнул при одной только мысли о подобном разговоре. — Ведь у меня сегодня выходной, и все такое.

К тому же у вас нет допуска на проход в туннели. Не могу сказать, что ему это сильно понравится.

— Мистер Кранчер, — сказал лейтенант, стиснув зубы. — К вашему сведению, сейчас идет война. Вы только что видели человека, который умер из-за этой войны. Вы не можете позвонить своему шефу, потому что в связи с военными действиями гражданская видеофонная сеть перестала действовать.

— Не могу сказать, что мне это нравится.

— И нам тоже. Вот почему мы нуждаемся в вашей помощи. Враждебные нам чужаки захватили наши коммуникационные узлы, и необходимо выбить их оттуда. Через посыльного мы связались с ближайшей войсковой частью, и сейчас она пытается овладеть коммуникационными узлами, но, по правде, эти узлы абсолютно неприступны.

— Неужели? Как же тогда их захватили бетельгейзианцы?

— Ну, сегодня, как вы знаете, воскресенье, минимум персонала, а в 8.00 как раз уезжали церковные тренеры и ворота были раскрыты...

— А вы, конечно, не успели даже штаны натянуть, как те нагрянули, да? — Джерри Кранчер громко чмокнул трубкой, показывая всему миру свое отношение к такой боеспособности. — Значит, фортуна отвернулась от вас, а вы хотите, чтобы было наоборот. Тогда зачем беспокоить рабочего человека в его законный выходной?

— Затем, мистер Кранчер, что война не различает дней недели. А вы — старейший служащий фирмы по обслуживанию городских подземных коммуникаций и, вероятно, единственный человек, который сможет разрешить этот вопрос. Наши коммуникационные узлы имеют свои собственные, резервные источники энергии, но обычно они используют городские. Все наземные линии, все провода уходят под землю. А теперь хорошенько подумайте, прежде чем ответить: сможем ли мы добраться до этих узлов под землей? Особенно до КомЦентра?

— А где это? — Мозолистым большим пальцем он утрамбовал раскаленный докрасна табак, затем с наслаждением вобрал в себя серый дым.

— На пересечении 18-го Пути и Уиган Роуд.

— Так вот почему в 104-BpL так много проводов!

— Мы можем туда добраться?!

В наступившей тишине пыхтение трубки Джерри Кранчера стало более слышным. Лейтенант стоял, крепко сжав кулаки; рядом с ним застыли сержант и санитар, а также операторы, оставившие свой пост у замолчавшей аппаратуры связи. Они ждали, что им ответит Джерри Кранчер. А тот, задумавшись, сощу-

рился, вынул изо рта трубку и выдохнул целое облако едкого дыма. Затем он повернулся к остальным.

— Ладно, — произнес он.

Нельзя сказать, что они представляли собой превосходных солдат, и все же они были воинами: техники и операторы, военные полицейские и повара, механики подвижного состава и клерки. Они были вооружены самым лучшим оружием, которым только могли снабдить их военные заводы, и защищены броней целеустремленности. Если они и стояли навытяжку чуть напряженнее или сжимали свое оружие чуть крепче, чем было необходимо, то это объяснялось тем, что они знали: будущее мира — в их руках. С угрюмой сосредоточенностью они зашагали к пересечению дорог, где, как их проинструктировали, им следовало подождать. Через несколько минут после того, как они пришли в указанное место, появился Джерри Кранчер. На нем был непромокаемый плащ, каска, тяжелые резиновые сапоги, которые доходили ему до пояса, а на плече висел на ремне старенький и давно вышедший из моды ящик для инструментов. Его трубка потухла, но он продолжал сжимать ее в зубах. Он скользнул цепким взглядом по застывшим в ожидании солдатам.

— Одеты неправильно, — заметил он.

— На всех — полная боевая форма, — возразил лейтенант.

— Неправильно для туннелей. Они быстро промокнут...

— Мистер Кранчер, это добровольцы. Они могут умереть за этот мир, и поэтому ничего не имеют против того, чтобы промокнуть за него. Ну что, можно отправляться?

Покачивая головой в знак неодобрения, Джерри Кранчер повел их к люку на дороге, в гнездо которого он вставил какой-то блестящий инструмент и с его помощью привычным резким движением сдвинул тяжелую крышку люка.

— Так и быть, следуйте за мной — по одному. Последние два человека задвинут изнутри крышку на место, и, смотрите, осторожнее с пальцами. Ну, пошли!

Как только они начали спускаться вниз по лестнице в прохладный зеленоватый сумрак туннеля, автоматически вспыхнул свет. Вдоль стен и потолка тянулось бесчисленное множество проводов, кабелей и труб; в их лабиринте мог разобраться только такой человек, как Джерри Кранчер. Он нежно похлопал по ним, когда проходил мимо.

— Водопроводная магистраль, паровая магистраль, кабель в 50 000 вольт, местное питание в 220 вольт, телефонная проводка, телетайпная, коаксиальные кабели, водяное охлаждение, пневмопочта, автоматическая доставка еды, кислорода, коллектор. — Он довольно хихикнул. — Ну да, у нас здесь внизу всего понемногу.

— Санитара! — донесся голос откуда-то из конца колонны, и санитар поспешил на зов.

— Они обнаружили нас! — запричитал один из солдат, работник кухни: и тут же послышалось беспорядочное клацанье затворов ружей.

— Отставить оружие! — крикнул лейтенант. — Пока вы тут не поубивали друг друга. Срочно узнайте, в чем там дело, сержант.

Стиснув в руках оружие и с тревогой вглядываясь в глубину туннеля, они ждали возвращения сержанта. Джерри Кранчер тихонько напевал себе что-то под нос и небольшим молоточком с шаровым бойком на конце простукивал разные клапаны; на одном из них он тщательно затянул держатель прокладки.

— Ничего особенного, — доложил, вернувшись, сержант. — Берн-Смит прищемил палец, пока закрывал крышку люка.

— Они никогда не слушают, когда им говорят, — неодобрительно проворчал Джерри Кранчер.

— Двинулись дальше! — приказал лейтенант.

— Мы забыли об одной вещи, — твердо сказал Джерри Кранчер, непоколебимый, как каменная глыба. — Вы поручились, что известите моего шефа, чтобы мне оплатили эту работу.

— Разумеется, но не могли бы мы поговорить об этом, пока идем?

— Мы пойдем, когда все уладим. Я совсем забыл, что, поскольку сегодня воскресенье, я получаю по двойному тарифу, а через четыре часа — по тройному.

— Считайте, что договорились. Идемте.

— В письменном виде.

— Да, в письменном виде, конечно. — Перо лейтенанта запорхало по раскрытому полевому блокноту. Написав, лейтенант вырвал из него листок. — Вот, возьмите, а здесь я расписался — своим порядковым номером. За этим номером стоит армия.

— Тем лучше, — сказал Джерри Кранчер, бережно складывая полоску бумаги и пряча ее в бумажник. Процессия вновь тронулась в путь.

Путешествие по подземному лабиринту напоминало всем его участникам ночные кошмары — всем, кроме седого человека плотного телосложения, который вел их, словно козел из колена Иудина, через этот подземный ад. Идти по основным туннелям было довольно легко, хотя самые неосторожные из солдат постоянно натыкались на торчащие отовсюду вентильные маховики и поперечные трубы, которые будто нарочно прятались где-то до поры до времени. Если бы не защитные шлемы, половина их маленького отряда, не успев пройти и мили, была бы попросту оглушена. Как бы там ни было, до передней части колонны до-

вольно часто доносились лязг и сдавленные крики. Вскоре они подошли к смотровому люку и к первой трубе из многих, по которым можно было передвигаться только ползком. Труба вела к шахте, падающей вертикально вниз на добрых шестьдесят футов. В нее им пришлось спускаться по скользкой от влаги лестнице. У подножия шахты начинался ровный туннель, в котором гасли любые звуки; стены его были выложены тесанными вручную каменными блоками; в нем царил кромешный мрак — ни единого огонька, и им пришлось воспользоваться своими фонариками. Туннель привел их в огромную пещеру, заполненную рокочущим гулом.

— Эта сточная труба способна выдержать шторм, — сказал Джерри Кранчер, указывая на стремительно несущуюся реку, которая бурлила водоворотами буквально под их ногами. — В другое время года она совершенно пересыхает. А тут в предместье недавно прошли дожди, и вот они где сейчас. Придерживайтесь дорожки, здесь это самый короткий путь, и смотрите не поскользнитесь. Если упадете в воду, считайте себя покойником. Ваше тело могут найти в пятидесяти милях от берега; в открытом океане; если, конечно, первыми до него не доберутся рыбы.

С этим ободряющим напутствием люди стали медленно, то и дело оскальзываясь, продвигаться вперед через весь туннель, который казался им нескончаемым. Снова очутившись в безопасности под сводами обычной коммуникационной трубы, они вздохнули с видимым облегчением. Вскоре после этого Джерри Кранчер остановился и указал на лестницу, уходившую в темноту высоко над головой.

— Колодец 98 BaG. Это тот, что вам нужен, — ведет к тому второму узлу, о котором вы говорили.

— Вы уверены?

Джерри Кранчер бросил на лейтенанта взгляд, выражавший нечто весьма схожее с отвращением, и, нащупав в кармане трубку, достал ее.

— Учитывая, что вы, мистер, человек несведущий, я не обижаюсь. Когда Джерри говорит, что туннель есть туннель, это именно тот туннель, о котором он говорит.

— Я не хотел вас обидеть.

— А я и не обиделся — умиротворенно пробормотал он сквозь клубы дыма. — Тот самый и есть. Как видите, в нем тоже идут все провода и коммуникационные кабели. Так что ничем иным он и быть не может.

— А что наверху?

— Дверь с ручкой и надпись: «ВХОД ВОСПРЕЩЕН В СООТВЕТСТВИИ С ПАР. 897а ВОЕННОГО КОДЕКСА».

— Дверь заперта?

— Да нет. Запрещено в соответствии с параграфом 45-С Кодекса Туннельного Правления. Проход должен быть свободным, знаете ли.

— Что ж, прекрасно. Сержант, возьмите восемнадцать человек и поднимайтесь по этой лестнице. Сверьте свои часы с моими. Через два часа мы начнем атаку. А вы просто пройдите через ту дверь и сразу начинайте стрелять — только осторожнее, чтобы не повредить оборудование. Стреляйте до тех пор, пока не убьете этих грязных бетельгейзианских слизняков всех до одного. Вам понятно?

Сержант решительно кивнул и, выпрямившись, отдал честь:

— Мы выполним свой долг, сэр.

— Хорошо. Все остальные, за мной!

Они не прошли и десяти минут вниз по наклонному боковому туннелю, как Джерри Кранчер вдруг остановился и сел.

— В чем дело? — спросил лейтенант.

— Пора выпить чаю, — ответил тот, убирая свою еще неостывшую трубку в боковой карман и открывая коробку с завтраком.

— Но вы не можете — я хочу сказать, послушайте, ведь враг, график продвижения...

— Я всегда пью чай в это время. — Он налил себе полную кружку крепкого напитка и с наслаждением втянул носом ароматный парок, поднимавшийся над внушительной по размерам кружкой. — В графике учитывается и перерыв на чай.

Многие достали свои пайки и стали есть, запивая из фляжек; пока они ели, лейтенант нервно вышагивал взад и вперед, ударяя кулаком о ладонь. Джерри Кранчер безмятежно потягивал чай и жевал огромный кусок шоколадного бисквита.

Пронзительный крик разорвал тишину и эхом отразился от труб. Из щели в стене метнулось что-то черное и омерзительное и вцепилось прямо в шею рядового Барнса. Солдаты оцепенели. Но только не Джерри Кранчер. В воздухе просвистел тяжелый трехфутовый гаечный ключ, которым он, не промедлив ни секунды, с силой ударил по ненавистному врагу. Злобное существо на глазах у ошеломленных зрителей бездыханным скатилось на пол туннеля.

— Это... это... *ужасно!* — произнес, задыхаясь, один из солдат. — Что это было?

— Хомяк-мутант, — ответил Джерри Кранчер, подняв с пола монстра, состоявшего, казалось, из одних зубов и когтей, и запихнув его в коробку, где только что лежал завтрак. — Потомки безобидных домашних зверюшек, покинувших своих хозяев несколько веков тому назад и нашедших свой приют здесь, в этой темноте; постепенно они вырождались, пока не превратились в

то, что вы видите перед собой. Встречал я их и повнушительнее. Ученые-эксперты из университета дают мне за каждого по три кредита. По-моему, совсем неплохо; к тому же они не облагаются налогом. Я так полагаю, что их примеру вы не последуете. — Он немного оживился после столь выгодной для него схватки и стал разговорчивей.

Оказав помощь пострадавшему рядовому, они, не теряя времени, продолжили путь. У следующей коммуникационной станции осталась еще одна группа вооруженных людей, а остальные поспешили к самому КомЦентру.

— Осталось десять минут, — тяжело дыша, сказал лейтенант. Изнемогая под тяжестью своего снаряжения, он еле переставлял ноги.

— Не стоит беспокоиться, еще два туннеля, и все.

До назначенного часа оставалось лишь три минуты, когда они наконец подошли к широкому отверстию на потолке прямо над головой, из которого, словно из пасти некоего чудовища, высовывались щупальца кабелей, что наводило на мысль о голове электронной гидры.

— Наверху — большая дверь, — сказал Джерри Кранчер, освещая фонариком уходящую вертикально вверх шахту. — На ней переводной рычаг с двойным запорным колесом. При поворачивании колеса против часовой стрелки рычаг должен стоять в положении «Готов» и...

— Прошу вас, поднимитесь вместе с нами, — умоляюще произнес лейтенант и поглядел на часы, нервно покусывая губу. — Иначе мы не успеем их вовремя атаковать и наша атака захлебнется, так как они уже будут предупреждены нападениями наших людей на другие станции.

— Лезть под пули, знаете ли, не входит в мои обязанности. Я бы им позволил подстрелить себя, если бы мне заплатили за это.

— Пожалуйста, я умоляю вас — как гражданина-патриота. — При этих словах Джерри Кранчер сильно сжал зубами мундштук трубки и лицо его словно закаменело. — Это ваш долг перед самим собой, перед вашей семьей, вашей совестью, вашей страной. И кроме того, в качестве вознаграждения я могу гарантировать вам еще сто кредитов, если вы откроете ту дверь.

— По рукам.

Пытаясь наверстать время, они что было сил карабкались вверх по лестнице; когда они достигли верхней площадки, секундная стрелка на часах лейтенанта уже наползала на цифру двенадцать.

— Откройте ее!

Колесо повернулось, и все механизмы пришли в движение:

мощный рычаг пошел вниз, огромная массивная дверь распахнулась.

— За Матушку-Землю! — воскликнул лейтенант и ринулся вперед, увлекая за собой людей.

Когда в туннеле никого не осталось и в нем снова воцарилась тишина, Джерри Кранчер зажег трубку и — скорее из любопытства, чем из каких-либо иных побуждений, — неторопливо последовал за остальными. Там он увидел вереницу бесконечных стальных коридоров, стены которых были заставлены жужжащей и гудящей электронной аппаратурой. Он остановился, чтобы утрамбовать в трубке табак, и в это мгновение открылась одна из дверей и оттуда поспешно вышло маленькое волосатое существо, очертаниями своей фигуры схожее с кеглей: ростом оно было по пояс Джерри и вдобавок являлось обладателем большого количества рук. Существо, выйдя из двери, помчалось к большому красному рубильнику на противоположной стене. К рубильнику потянулось сразу пять рук; плоские пальцы уже почти коснулись его, когда в воздухе снова просвистел гаечный ключ и вонзился в голову существа. Оно мгновенно рухнуло на пол. Джерри Кранчер едва успел подобрать свой инструмент, как из той же двери выбежал белый как мел лейтенант.

— Слава богу! — выдохнул он. — Вы остановили его вовремя.

— Мне не понравилось выражение его глаз, хотя я вовсе не хотел вышибить из него мозги.

— Это их предводитель — единственный, кто уцелел; и он собирался включить механизм уничтожения. Взрывом нас бы всех приподняло на милю к небесам. Сейчас он наш пленник, и он еще, поверьте, заговорит. У бетельгейзианцев мозг располагается в диафрагме, а желудок — в голове. Так что он всего лишь потерял сознание.

— В общем дал пинка в брюхо. Рад этому, я не хотел убивать его.

— Где ты был? — крикнула Агата из кухни, когда услышала в прихожей тяжелые шаги Джерри.

— Особое задание, — прохрипел он, стягивая с себя сапоги. — На этой неделе к жалованью подкинут деньжат.

— Они нам пригодятся на ремонт видика. Он сегодня весь день барахлил, хотя теперь снова заработал. Но я уверена, что с ним не все ладно. Телефон тоже барахлил — поверишь ли, все в один день. Пыталась дозвониться до мамы, но наша линия словно онемела. А задание было трудным?

— Не очень, — пробормотал Джерри, извлекая трубку. — Правительственная работа; полагаю, за нее тоже будет приличное вознаграждение. Провел по туннелям нескольких парней. И до

чего ж они бестолковые! Один раздавил себе крышкой палец, а другой спокойно сидел, пока хомяк-мутик подбирался к его горлу.

— О-о-о, перестань, а то у меня окончательно испортится аппетит. Чай готов.

— А вот *это* как раз то, о чем я мечтал услышать.

Он улыбнулся — впервые с того времени, как встал с постели этим утром — и пошел в кухню пить чай.

Если

Мысль моя на удивление легко и внезапно приобрела очертания связного рассказа, и на одном дыхании я перенес ее на бумагу. Я озаглавил в его «Если» и послал Фреду Полу, бывшему в то время редактором журнала «Если». Фред оставил без внимания мою дерзость и купил рассказ для журнала, тотчас поменяв его название на «Похвального ящера»[1]*. Но если он откровенно пренебрег моим заголовком, то я в еще большей степени проигнорировал его собственный и сразу поменял его на прежний.*

У рассказа оказалось еще и третье название, что породило немалую путаницу. Я получил чек из конторы моего агента. На лицевой стороне такого чека всегда печатается наименование произведения, за которое автор получает деньги. Чек был выписан в уплату за рассказ «Похвальная кислятина»[2]*. Я был абсолютно уверен, что такого не писал. Пришлось заняться перепиской и выяснять, в чем тут дело.*

— Мы прибыли, мы не ошиблись. Расчеты оказались верными. Под нами то самое место.

— Ты жалкий червяк, — сказала 17-я своей спутнице 35-й, походившей на нее во всем, кроме номера. — Место правильное. Только прибыли мы сюда на девять лет раньше, чем полагалось. Посмотри на счетчик.

— Ты права, я жалкий червяк. Я освобожу тебя от бремени своего бесполезного присутствия.

35-я достала из ножен свой нож и, потрогав пальцем лезвие, удостоверилась, что оно достаточно острое. Она приложила нож к белой полоске, опоясывающей шею, и приготовилась перерезать себе горло.

[1] Saur — ящер *(англ.)*.

[2] Sour — кислый *(англ.)*.

— Не сейчас, — зашипела 17-я. — У нас и так нехватка рабочих рук, а твой труп экспедиции не нужен. Немедленно доставь нас в нужное время. И помни — запас энергии у нас ограничен.

— Все будет исполнено как приказано, — ответила 35-я и скользнула к пульту управления.

44-я не вмешивалась в разговор — ее фасеточные глаза ни на секунду не отрывались от блока энергоконтроля, а чуткие плоские пальцы реагировали на показания многочисленных шкал.

— Готово, — объявила 17-я, потирая от удовольствия лапки. — Точное время и точное место. Нужно спускаться и решать нашу судьбу. Восславим же Великого Ящера, правящего судьбами всех.

— Слава Великому Ящеру, — пробормотали две ее спутницы, внимательно следя за приборами.

Из бездонной глубины неба упал шарообразный корабль. Гладкость его корпуса нарушал лишь большой прямоугольный иллюминатор, оказавшийся сейчас внизу. Голубой металл шара был, скорее всего, анодированным алюминием, хотя выглядел намного тверже. Было непонятно, что позволяет ему летать и зависать в воздухе, но спускался он равномерно и, несомненно, под контролем. Аппарат двигался все медленнее и медленнее, пока не скрылся за грядой гор у северной оконечности озера Джонсона возле опушки сосновой рощи. Вокруг раскинулись поля с пасущимися на них коровами, которых, казалось, ничуть не встревожило появление небесного гостя. Ни один человек приземления корабля не заметил. К роще от озера вела протоптанная тропинка, которая затем, покружившись меж высокими стволами сосен, выводила к шоссе.

На куст села иволга, и из ее горлышка полились чудные трели; с поля прискакал крольчонок пощипать травки. Эту буколическую мирную сценку нарушил шорох шагов на тропе и монотонное насвистывание. Птичка — яркое пятнышко краски на зеленом фоне холста — вспорхнула и улетела; крольчонок спрятался в кустарнике. На берег вышел мальчик. Он был одет так, как обычно одеваются мальчики; в одной руке он держал школьный портфель, в другой — небольшую самодельную проволочную клетку. В клетке, вцепившись в сетку, сидела ящерица, поводя вытаращенными от ужаса глазами. Не переставая громко насвистывать, мальчик неторопливо шагал по тропке, постепенно углубляясь в тень сосновой рощи.

— Мальчик, — окликнул его чей-то писклявый дрожащий голос. — Ты слышишь меня, мальчик?

— Конечно, слышу, — ответил мальчик и остановился, оглядываясь вокруг в поисках невидимого собеседника. — Где ты?

— Рядом с тобой, но я невидима. Я — твоя крестная фея...

Мальчик высунул язык и грубым звуком выразил свое недоверие.

— Я не верю в невидимок и крестных фей. Кто бы вы там ни были, выходите из леса.

— Все мальчики верят в крестных фей, — вкрадчиво, с оттенком беспокойства произнес голос. — Мне известны все секреты. Я знаю, что тебя зовут Дон и...

— Все знают, что меня зовут Дон, а в фей давно больше никто не верит. Теперь мальчики верят в ракеты, подводные лодки и атомную энергию.

— А в космические полеты?

— Конечно.

Немного успокоенный голос продолжил с большей уверенностью и вкрадчивостью:

— Не хотела пугать тебя, но дело в том, что я с Марса и только что приземлилась.

Дон снова издал насмешливый грубый звук.

— На Марсе нет атмосферы и никаких видимых форм жизни. А теперь выходите. Хватит играть со мною в прятки.

После долгого молчания голос произнес:

— А ты веришь в путешествия во времени?

— Верю. Неужто вы прибыли из будущего?

— Да, — с облегчением подтвердил голос.

— Тогда выходите — хочу на вас посмотреть.

— Существуют такие вещи, на которые человеческому глазу лучше не смотреть.

— Чепуха! Человеческий глаз может отлично смотреть на что угодно. Или вы выходите, или я ухожу.

— Не советую. — В голосе послышалось раздражение. — Я могу доказать, что путешествую во времени, подсказав тебе, например, ответы завтрашней контрольной по математике. Правда, здорово? Номер один: 1,76. Номер два...

— Не люблю шпаргалок, а даже если бы и любил, с новейшей математикой не сжульничаешь. Ее либо знаешь, либо — нет. Считаю до десяти, потом ухожу.

— Нет, тебе нельзя уходить! Я должна попросить тебя об одном одолжении. Выпусти ящерицу, что сидит у тебя в клетке, а за это я исполню три твоих желания — вернее, отвечу на три вопроса.

— С какой стати мне ее выпускать?

— Это твой первый вопрос?

— Нет. Просто я люблю сначала во всем разобраться, а потом уже делать. Это особая ящерица. Такой я ни разу здесь не видел.

— Ты прав. Это ящерица акродонт из Старого Света, из отряда червеязычных, обычно называемая хамелеоном.

— Верно! — Дон теперь заинтересовался по-настоящему. Не сходя с тропинки, он присел на корточки, достал из портфеля книгу в красной обложке и положил ее на землю. Затем он повернул клетку так, что ящерица оказалась на дне, и осторожно поставил клетку на книгу. — Она действительно поменяет окраску?

— Да. И довольно заметно. А теперь, если ты выпустишь эту самочку...

— Откуда вы знаете, что это самочка? Опять эти сказки насчет путешествия во времени?

— Если хочешь знать, то да. Ее в паре с самцом купил в зоомагазине некий Джим Бенан. Два дня назад, когда Бенан добровольно выпил жидкость, содержащую изрядное количество этилового спирта, и в совершенно невменяемом состоянии уселся на клетку, обе ящерицы оказались на свободе. Одна из них, к несчастью, погибла от ран, а вот эта выжила. Если ты отпустишь...

— По-моему, шутка слишком затянулась, и поэтому я пошел домой. Или выходите оттуда, чтобы я мог на вас взглянуть.

— Предупреждаю тебя...

— До свидания. — Дон подобрал клетку. — Вот это да! Она стала красной, как кирпич!

— Не уходи. Я сейчас выйду.

Дон с неподдельным любопытством наблюдал, как из-за деревьев выходило странное существо всего лишь около семи дюймов ростом. Оно было фиолетовое, с громадными выпученными глазами и местами покрытой чешуей кожей. На нем был сшитый по фигуре коричневый комбинезон, а за спиной висел ранец.

— А вы не очень-то похожи на человека из будущего, — заметил Дон. — Честно говоря, вы вообще не похожи на человека. Вы слишком маленькая.

— Я могла бы ответить, что это ты чересчур велик. Размеры — вещь относительная. А все-таки я из будущего, хотя и не человек.

— Это уж точно. Вы куда больше похожи на ящерицу. — Повинуясь внезапно промелькнувшей в голове мысли, Дон внимательно посмотрел на путешественницу во времени, затем перевел взгляд на клетку. — Вы и правда здорово смахиваете на этого хамелеона в клетке. Что между вами общего?

— Это секрет, который тебя не касается. А теперь ты подчинишься моей команде, иначе тебе придется худо. — 17-я повернулась к лесу и махнула рукой: — 35-я, я приказываю. Выйди и уничтожь вон те кусты.

Со все возрастающим интересом Дон наблюдал, как из-за

деревьев медленно выплыл металлический шар, похожий на голубой баскетбольный мяч. Дискообразная пластина на шаре скользнула в сторону, и в образовавшемся отверстии показалось блестящее сопло, очень напоминающее брандспойт игрушечной пожарной машины. Сопло нацелилось на живую изгородь в добрых тридцати футах от шара. Внутри сферы раздался пронзительный вой, постепенно нараставший по высоте, пока не стал едва слышимым. Из сопла внезапно вырвался тонкий луч света и коснулся кустарника, тот затрещал и мгновенно вспыхнул. Через секунду от него остался лишь почерневший остов.

— Это устройство называется роксидайзером и смертельно опасно, — сказала 17-я. — Сейчас же выпусти хамелеона!

Дон нахмурился:

— Ладно. В конце концов, кому нужна эта старая ящерица?

Он поставил клетку на землю и уже начал ее открывать, но вдруг застыл и... втянул ноздрями воздух. Подхватив клетку, он направился по траве к сгоревшему кустарнику.

— Вернись, — заверещала 17-я. — Еще один шаг — и мы сожжем тебя.

Дон пропустил мимо ушей слова ящероподобного существа, которое сейчас буквально пританцовывало от злости и нетерпения, и побежал к кустам. Он вытянул перед собой руку — и та прошла сквозь обуглившиеся стволики.

— Так и знал, что здесь нечисто, — произнес он. — Все горело, я стоял с наветренной стороны — и не чувствовал даже запаха гари. — Он повернулся к застывшей в мрачном молчании путешественнице во времени. — Да ведь это всего лишь проецируемое изображение, разве не так? Что-то вроде трехмерного кино.

Неожиданная мысль заставила его замолчать. Он подошел к зависшей над землей машине времени и ткнул в нее пальцем. Рука прошла насквозь.

— И этой штуки здесь нет. А как насчет вас?

— Экспериментировать ни к чему. Я и наш корабль существуем здесь только в виде временного эха, если так можно выразиться. Материя не может перемещаться во времени, но само понятие ее можно проецировать куда угодно. Уверена, что для тебя все это слишком сложно...

— До сих пор все было понятно. Валяйте дальше.

— Наши проекции, находящиеся здесь, вполне реальны для нас самих, хотя для любого наблюдателя из того времени, куда мы прибыли, мы можем существовать лишь в виде изображения или звуковой волны. Для перемещения во времени требуется колоссальное количество энергии, и на нашу экспедицию затрачены почти все ресурсы нашего мира.

— Но зачем? И скажите ради разнообразия правду. Без всяких там крестных фей и прочей чепухи.

— Я сожалею, что пришлось пуститься на уловки, но наша тайна слишком важна, и мы не могли раскрывать ее, не испробовав сперва другие способы убеждения.

— Вот теперь мы наконец добрались до истины. — Дон уселся поудобнее и скрестил ноги. — Выкладывайте.

— Мы нуждаемся в твоей помощи; в противном случае вся наша цивилизация оказывается под угрозой. Совсем недавно — по нашей шкале времени — наши приборы зафиксировали странные возмущения. Мы, ящеры, живем простой и бесхитростной жизнью в будущем — примерно через миллион лет после вас, и наша раса доминирует. Ваша же давно вымерла, причем так ужасно, что тебе не следует знать об этом — лучше я поберегу твои юные уши. Наша раса находится под угрозой. Ученые обнаружили, что нас вот-вот сметет волна вероятности — огромная волна отрицания стремительно надвигается из нашего далекого прошлого.

— Вы не могли бы разъяснить мне, что такое волна вероятности?

— Я приведу пример из вашей литературы. Если бы твой дед умер, не успев жениться, ты бы не родился и не разговаривал сейчас со мной.

— Но я родился.

— В масштабах Вселенной это еще спорный вопрос, но мы не будем сейчас обсуждать его. Наши запасы энергии ограничены. Короче говоря, мы проследили нашу родословную через все мутации и изменения и нашли ту единственную протоящерицу, от которой и пошел наш род.

— Дайте-ка подумать, — проговорил Дон и указал на клетку. — Это она и есть?

— Она, — торжественно, как и требовал того момент, произнесла 17-я. — Так же, как в каком-то времени и в каком-то месте существует проточеловек, от которого произошел ваш человеческий род, так и она является праматерью нашего. Скоро она произведет на свет потомство, оно будет расти и размножаться в этой прекрасной долине. Скалы неподалеку от озера ощутимо радиоактивны, и это обстоятельство послужит причиной мутаций. Пройдут столетия, и однажды наступит день, когда наш род достигнет высот своей славы. Но только если ты откроешь клетку.

Дон подпер рукой подбородок и задумался.

— А вы меня больше не разыгрываете? Это правда?

17-я выпрямилась и замахала над головой обеими руками — или передними ногами.

— Клянусь Господом нашим, Великим Ящером, — произне-

сла она нараспев. — Звездами неугасимыми, обновлением вечным природы, облаками, небом, матриархатом, что я...

— Да вы просто перекреститесь и поклянитесь, что умрете, коли соврали, — и этого будет вполне достаточно.

Ящероподобное существо завращало глазами и послушно исполнило требуемый ритуал.

— Ну вот — другое дело! Когда речь заходит о вымирании целой расы, я, как и любой парень в нашей округе, становлюсь мягким, словно воск.

Дон отогнул проволоку, которой скреплялась дверца клетки, и открыл ее. Хамелеон выкатил на мальчика один глаз, а второй устремил на распахнутую дверцу. 17-я наблюдала за происходящим в благоговейном молчании, а машина времени между тем подплыла поближе.

— Иди же, — сказал Дон и вытряхнул ящерицу на траву.

На этот раз хамелеон сообразил, чего от него хотят, и поспешно скрылся в кустах.

— Теперь ваше будущее обеспечено, — сказал Дон. — Или прошлое, с вашей точки зрения.

17-я и машина времени бесшумно исчезли. Дон снова стоял на лесной тропинке один.

— Ну и ну, могли хотя бы спасибо сказать на прощание. Люди, скажу я вам, намного воспитаннее ящериц.

Он подобрал опустевшую клетку, подхватил портфель и пошел домой.

Он не услышал шороха в кустах и не увидел, как из них крадучись вышел кот с обмякшим хамелеоном в зубах.

Прекрасный новый мир

Ливермору нравился вид, открывавшийся с маленького белого балкона, примыкавшего к его кабинету, невзирая даже на то, что на такой высоте в это время года воздух был обжигающе холодным. И сейчас он стоял там, стараясь подавить дрожь и высматривая свежую весеннюю зелень на склонах холмов и на деревьях в старом городе. А над ним и под ним простирались белые ступени уровней Нового города, раскинувшегося вокруг в своей прилизанной элегантности, огромная буква А, имевшая в основании ширину полмили и сходившаяся к вершине чуть ли не в точку. Каждый уровень был оторочен множеством балконов, а

с каждого балкона открывался широкий кругозор. Замечательно придумано. Ливермор снова вздрогнул и почувствовал, как у него в груди сильно и громко забилось сердце: старые клапаны, взбодренные новыми лекарствами. Его внутренности были так же продуманно разработаны и постоянно поддерживались в таком же идеальном состоянии, как и здание Нового города. А вот внешность оставляла желать много лучшего. С бесчисленными коричневыми пятнами, морщинами и снежно-белыми волосами, он казался таким же пережитком прошлого, как и дома в Старом городе. Было чертовски холодно, а тут еще и облака закрыли солнце. Он ткнул пальцем в кнопку и, когда стеклянная стена скользнула в сторону, с радостью возвратился в помещение с его отфильтрованным и нагретым воздухом.

— Давно ждете? — спросил он у старика, который с хмурым видом сидел на стуле с противоположной стороны его стола.

— Вы сами спросили, доктор. Я никогда не стал бы жаловаться, но...

— В таком случае, не стоит сейчас начинать. Вставайте, расстегните рубашку и позвольте мне заглянуть в записи. Грэйзер, я вас помню. Вам подсадили зародыш почки, не так ли? Как вы себя чувствуете?

— Погано, другого слова не подберешь. Аппетита нет совсем, замучила бессонница, а если иногда и удается заснуть, то каждый раз пробуждаюсь в холодном поту. А кишечник! Вы только послушайте, что происходит с моим кишечни... а-а-ах!

Ливермор шлепнул холодным кружком стетоскопа по голой груди Грэйзера. Пациенты любили доктора Ливермора, но терпеть не могли его стетоскоп и уверяли, что он специально охлаждает его перед тем, как выслушивать больных. Они были правы. В кружок стетоскопа была встроена термоэлектрическая охлаждающая пластина. Ливермор был глубоко уверен в том, что это давало пациентам повод для глубоких раздумий.

— М-м-м-м... — протянул он, нахмурившись, хотя сквозь трубки, вставленные в уши, до него не доносилось ни звука. Уже много лет назад он залепил стетоскоп воском. Систолические и диастолические шумы мешали ему сосредоточиться, к тому же ему вполне хватало того, что он слышал в своей собственной груди. Кроме того, все, что ему требовалось, имелось в записях, так как диагностические машины делали эту работу намного лучше, чем когда бы то ни было удавалось ему. Он пробежал глазами разграфленные листы.

— Застегните рубашку, сядьте и прямо сейчас примите пару вот этих таблеток. Это как раз то, что нужно при вашем состоянии.

Он вытряхнул две большие красные сахарные пилюли из пузырька, который извлек из ящика стола, и указал на пластмассо-

вый стаканчик и графин с водой. Грэйзер нетерпеливо протянул руку за таблетками: еще бы, ведь это было настоящее лечение. Ливермор нашел самые последние рентгеновские снимки и засунул их в проектор. Изумительно. Новая почка росла, и уже напоминала по форме небольшую фасолину. Конечно, она казалась совсем крошечной рядом со старой почкой, но не пройдет и года, как они сравняются в размере. Наука превозмогла все или, по крайней мере, почти все; он со стуком бросил папку на стол. Утро сегодня выдалось трудным, и даже операция, которую он провел после обеда, не помогла ему расслабиться, как это бывало обычно. Старики, АК, такие же люди, как и он сам, — они ценили друг друга. Он получил степень доктора медицины очень и очень давно — вот и все, что они знали о нем. Иногда он задавался вопросом, ассоциировался ли он в их представлении с тем доктором Рексом Ливермором, который руководил эктогенетической программой. Если, конечно, они слышали хоть что-нибудь об этой программе.

— Большое спасибо вам за пилюли, док. Не могу больше выносить всех этих уколов. Но мой кишечник...

— Да плюнуть на ваш кишечник и растереть. Он ничуть не старше моего собственного и находится в таком же прекрасном состоянии. Вам просто скучно — и отсюда все ваши недомогания.

Грэйзер одобрительно кивнул в ответ на эти обидные слова — они хоть как-то привлекли его внимание на фоне совсем уж бессмысленного существования.

— Скучно, вот-вот, док, вы как раз в самую точку угодили. Те часы, которые я провожу сидя на горшке...

— Чем вы занимались до того, как вышли на пенсию?

— С тех пор прошло так много времени.

— Не настолько много, чтобы вы не смогли этого вспомнить. Ну, а если не сможете, то, что ж, это будет всего лишь значить, что вы слишком стары для того, чтобы впустую тратить на вас продовольствие и предоставлять вам место. В таком случае нужно будет извлечь ваш мозг из черепушки, переложить в банку и наклеить ярлык: мозг, пораженный старческим слабоумием.

Грэйзер захихикал; если бы те же самые слова произнес кто-нибудь помоложе, то он, скорее всего, раскричался бы.

— Я сказал, что это было давно, но не говорил, что забыл. Я был художником. Не из тех, что творят произведения искусства, а художником по интерьерам. Занимался этим делом восемьдесят лет, пока меня не вышвырнули из союза и не заставили выйти на пенсию.

— И как вы, прилично разбирались в этом деле?

— Лучше всех. Теперь у них вовсе не осталось художников.

— Легко могу в это поверить. А вот мне чертовски надоел не то белый, не то желтый цвет этого вечного суперпластика, которым отделаны стены моего кабинета. Как вы думаете, сможете вы перекрасить его для меня?

— Вряд ли на этот материал ляжет краска.

— А если я найду такую, которая ляжет?

— Я к вашим услугам, док.

— На это потребуется некоторое время. Уверен, что вы не собираетесь пропускать занятия по плетению корзин, собрания и вечера, просмотр телепередач.

Грэйзер в ответ только фыркнул и почти что улыбнулся.

— Вот и отлично. Я свяжусь с вами. В любом случае, приходите ко мне через месяц, чтобы я смог посмотреть, как поживает ваша почка. Что же касается всего остального, то вы находитесь в идеальной форме после гериатрических процедур. Просто вам надоел телевизор и эти проклятые корзины.

— Можете повторить это еще раз, док. Только не забудьте про покраску, слышите?

Откуда-то, будто издалека, донесся негромкий серебристый звонок. Ливермор указал пациенту на дверь и, как только старик вышел из кабинета, включил телефон. С экрана на него уставилось крохотное изображение донельзя смущенной и расстроенной Литы Крэбб.

— О, доктор Ливермор, случилась новая беда с банками. — Банками или колбами сотрудники Ливермора обычно называли специально изготовленные толстостенные сосуды, в которых выращивались эмбрионы.

Он повесил трубку и посмотрел на наручные часы. Двадцать минут до совещания — он сможет принять еще одного пациента, а то и двух. Геронтология не была его основной специальностью и на самом деле крайне мало интересовала его, зато его занимали люди. Он иногда спрашивал себя, догадываются ли они, насколько мало нуждаются в нем, так как находятся под постоянным контролем и пользуются наилучшим медицинским обслуживанием. Не исключено, что им просто нравилось встречаться и разговаривать с ним точно так же, как это нравилось ему самому. Но в любом случае от этого не могло быть никакого вреда.

Следующим пациентом оказалась тощая седовласая женщина, которая начала жаловаться, как только открыла дверь, и не прекращала до тех пор, пока не уселась с великой осторожностью на стул и поставила костыли рядом с собой. Ливермор кивал, рисовал закорючки в лежавшем перед ним блокноте и изумлялся высказываниям, критическим замечаниям и оскорблениям, прорывавшимся сквозь поток жалоб, которым она прежде так хорошо и так часто их маскировала. Вообще-то она вела речь

только о своей ноге, так что тема могла показаться достаточно ограниченной — пальцы, сухожилия и тому подобное. Но у нее были странные симптомы — помимо обычных болей еще и ощущение жара и зуд, — что становилось еще интереснее, если учесть тот факт, что нога, о которой шла речь, была ампутирована более шестидесяти лет тому назад. То, что в фантомных конечностях бывают фантомные боли, в этом не было ничего нового; в литературе сообщалось даже о полностью парализованных пациентах, имевших фантомные сексуальные импульсы, заканчивавшиеся фантомными оргазмами, но длительность данного случая, несомненно, стоило отметить. Он позволил себе отвлечься от бесконечных детальных жалоб, и, когда он наконец дал пациентке несколько своих сахарных пилюль и выпроводил ее из кабинета, оба почувствовали себя намного лучше.

Когда он вошел в зал заседаний, Кэтрин Раффин и Стертевант уже ждали его. Стертевант, как всегда нетерпеливый, барабанил покрытыми зелеными пятнами пальцами по мраморной столешнице; с губы свисала сигарета из заменителя табака, полностью исключавшая опасность ракового заболевания. Очки с круглыми толстыми стеклами и острый нос делали его похожим на сову, но тонкой линией рта он больше напоминал черепаху: это было не лицо, а самый настоящий бестиарий. А уши вполне могли бы принадлежать американскому лосю, подумал Ливермор, а вслух сказал:

— Стертевант, вы знаете, что ваши так называемые сигареты воняют, словно горящая мусорная куча?

— Вы уже говорили ему об этом, — заметила Кэтрин Раффин. Она говорила по-английски медленно, тщательно проговаривая слова, и очень странно строила фразы. В юности она эмигрировала из Южной Африки, вышла замуж за давным-давно опочившего мистера Раффина, но акцент у нее сохранился до сих пор.

Юность, проведенная среди буров. Очень скрытная и обожающая говорить вокруг да около, точь-в-точь такая, какими принято считать голландских домохозяек, она была тем не менее старшим администратором, и ее голова работала не хуже компьютера.

— Оставьте в покое мои сигареты. — Стертевант смял в пепельнице окурок и тут же извлек следующую сигарету. — Неужели вы не можете хотя бы раз прийти на совещание вовремя?

Кэтрин Раффин постучала по столу костяшками пальцев и включила диктофон.

— Протокол совещания Совета по генетическому управлению, Сиракузы, Новый город, вторник, 14 января 2025 года.

Присутствуют: Раффин, Стертевант, Ливермор. Председатель — Раффин.

— Что это я слышал о большем количестве неудач с колбами? — спросил Стертевант.

Ливермор махнул рукой, дав тем самым понять, что вопрос не заслуживает внимания.

— Несколько неудач с банками следует считать само собой разумеющимися. Немного позже я разберусь, в чем там дело, и на следующем совещании дам подробный отчет. Это чисто технический вопрос, из-за которого нам совершенно не следует волноваться. Что меня действительно беспокоит, так это наши генетические приоритеты. У меня есть список...

Он принялся рыться в карманах пиджака, а Стертевант угрюмо уставился на него, хмуро стиснув свои черепашьи челюсти.

— Ну вас вместе с вашими списками, Ливермор. Мы уже вдоволь начитались их. Приоритеты — это дело прошлого. Теперь у нас имеется готовая программа, которой мы должны неукоснительно придерживаться.

— Приоритеты нисколько не устарели, а вы своими словами демонстрируете типичное невежество социолога, нисколько не разбирающегося в реальных проблемах генетики.

— Вы оскорбляете меня!

— Я всего лишь сказал правду. Очень жаль, что она кажется вам обидной. — Он нашел смятый лист бумаги во внутреннем кармане, положил его на стол и старательно расправил. — Вы настолько привыкли к своим проклятым диаграммам и графикам, демографическим кривым и прогнозам, что считаете, будто они представляют собой действительное описание реального мира, а не грубые приближения, построенные на основе давно свершившихся фактов. Я не собираюсь обременять вас числами, они настолько велики, что их можно считать бессмысленными, но я хочу, чтобы вы оценили невероятную сложность нашего генетического пула. Человечество, как нам известно, существует около полумиллиона лет, постоянно мутируя, меняясь, осуществляя межвидовое скрещивание. На протяжении существования всех этих поколений каждая смерть являлась своеобразным случаем отбора, равно как и каждое спаривание. Благоприятные и отрицательные свойства, мутации, способствующие и препятствующие выживанию, массивный мозг и гемофилия — все это появлялось, закреплялось и распространялось по всей человеческой расе. Теперь мы говорим, что намерены усовершенствовать эту расу путем генетической селекции. Мы располагаем неограниченным банком свойств, из которого можем выбирать то, что считаем нужным, яйцеклетками от каждой женщины, спермой от каждого мужчины. Мы в состоянии проанализировать их

генетический состав и скормить результаты компьютеру, чтобы тот подобрал для нас благоприятные комбинации, затем соединить сперму и яйцеклетку и вырастить зародыш эктогенетическим путем. Если все сложится удачно, за девять месяцев мы высидим младенца по нашему выбору, и, благодаря этому улучшению, человеческая раса на один крохотный шажок приблизится к идеалу. Но что такое улучшение, что является благоприятной комбинацией? Темная кожа — это свойство, способствующее выживанию в тропиках, но в Северном полушарии темная кожа слишком сильно отражает ультрафиолетовое излучение, из-за чего тело не в состоянии вырабатывать витамин D, а от этого возникает рахит. Все относительно.

— Мы уже обсуждали эту тему, — заметила Кэтрин Раффин.

— Но недостаточно часто. Если мы не будем постоянно возвращаться к нашим целям, снова и снова рассматривать и уточнять их, то попадем на дорогу с односторонним движением. Как только генетические свойства отторгаются, они исчезают навсегда. В этом смысле у команды из Нового города Сан-Диего работа гораздо легче. У них есть совершенно четкая цель. Они создают новые породы людей, определенные типы, предназначенные для существования в конкретных вариантах различной окружающей среды. Скажем, космонавтов, которые могут жить, не перенося физических или душевных травм во время продолжительных — в несколько десятков лет — путешествий к внешним планетам. Людей особой выносливости, приспособленных к низким температурам и сильно пониженному атмосферному давлению — для заселения Марса. Они могут безжалостно отбрасывать те или иные гены, стремясь к ясной и известной цели. Мы просто улучшаем — и до чего же это неопределенная амбиция! А чего мы лишимся в ходе создания этой новой расы суперменов? Допустим, новый человек будет розовым, а если так, то что же будет с неграми?..

— Ради бога, Ливермор, давайте не будем начинать все это снова! — выкрикнул Стертевант. — У нас же есть документы, правила, инструкции, определяющие все дальнейшие действия.

— Я только что сказал, что вы не имеете никакого реального представления о генетике и ваша последняя реплика еще раз доказывает это. Вы никак не можете понять своей головой, что с каждым случаем отбора игра начинается заново, причем с нуля. Как любят говорить в исторических передачах по 3-видео, совершенно новое поле деятельности. Весь мир рождается заново вместе с каждым ребенком.

— Я думаю, что вы склонны излишне драматизировать ситуацию, — бесстрастно произнесла Кэтрин Раффин.

— Ни в малейшей степени. Гены — это не кирпичи. Мы не

можем планомерно выстроить ту структуру, которую хотим получить. Мы всего лишь стремимся к оптимуму, затем смотрим, что получается, и делаем следующую попытку. Никакие директивы не в состоянии определить детали каждого случая отбора или управлять каждой случайной комбинацией. Каждый технический сотрудник — это маленький бог, самым настоящим образом решающий вопросы жизни и смерти. А некоторые из этих решений, по большому счету, являются спорными.

— Это невозможно, — заявил Стертевант, и Кэтрин Раффин кивнула, выражая свое согласие.

— Нет, всего лишь дорого. Мы должны найти возможность производить более глубокое изучение каждого совершенного изменения и прогнозировать куда нас это заведет.

— Вы не желаете считаться с установленным порядком, доктор Ливермор, — сказала Кэтрин Раффин. — Ваше предложение уже было внесено в прошлом, оценено с точки зрения запланированных бюджетных расходов, и вопрос в целом был исключен из рассмотрения из-за чрезмерной стоимости. Как вы должны помнить, это было не наше решение, оно поступило от руководителя Совгенупра. Мы ничего не достигнем, если будем снова и снова стрелять по тем направлениям, которые уже были хорошо простреляны. Есть новые вопросы, и мы все это должны понимать, которые я хочу вынести на обсуждение данного совета.

Ливермор почувствовал, что у него разболелась голова, и вытащил лежавшую в кармане пачку таблеток. Эти двое о чем-то говорили, но он не обращал на них никакого внимания.

Выключив телефон после разговора с доктором Ливермором, Лита Крэбб почувствовала, что готова заплакать. Уже несколько месяцев она очень много работала и совершено не высыпалась. Она ощущала жжение в глазах и немного стыдилась этой непривычной слабости: она была из тех людей, которые просто-напросто никогда не плачут, и совершенно неважно, женщина она или нет. Но семнадцать неудач с колбами, семнадцать смертей. Семнадцать крошечных жизней, которые оборвались, даже не успев начаться. Ей было, пожалуй, так больно, словно это были настоящие дети...

— Такой маленький, что его, пожалуй, и не разглядишь, — сказал Визи. Лаборант поднял одну из отсоединенных колб, чтобы посмотреть на просвет, и взболтал находившуюся внутри жидкость. — А вы уверены, что оно мертво?

— Прекратите! — рявкнула Лита, но тут же взяла себя в руки: она всегда гордилась тем, как ровно и спокойно общается с подчиненными. — Да, они все мертвы, я проверила. Слейте жид-

кость, заморозьте и промаркируйте их. Я через некоторое время проведу исследование.

Визи кивнул и вышел, унося колбу. А Лита спросила себя: что же заставляет ее думать о них, как о живых детях? Должно быть, она устала. Ведь это же всего-навсего группы делящихся клеток, обладающие не большей индивидуальностью, чем те клетки, которые собрались в бородавку на тыльной стороне кисти ее руки. Она почесала ее и в который раз напомнила себе, что ее необходимо вывести. Привлекательной, хорошо сложенной молодой женщине тридцати с небольшим лет, с медовыми волосами и загорелой кожей такие украшения ни к чему. Но ее волосы были очень коротко подстрижены, на лице не было ни малейшего следа косметики, а роскошная фигура была надежно спрятана под мешковатым белым лабораторным халатом. Она была еще молода, хотя между бровями уже начала появляться озабоченная морщинка. Когда женщина наклонилась над микроскопом, разглядывая окрашенный препарат на стекле, морщинка сделалась глубже.

Неудачный ход процесса выращивания эмбрионов в колбах тревожил ее гораздо сильнее, чем она готова была сама себе в этом признаться. Несколько последних лет программа продвигалась настолько успешно, что она начала относиться к этим успехам как к чему-то естественному и все больше и больше заглядывала вперед, обдумывая генетический потенциал второго поколения. Потребуется решительное усилие, чтобы забыть обо всем этом и вернуться к простым техническим проблемам экзогенеза... Сильные руки обхватили ее сзади, ладони крепко прижались к округлому животу ниже талии, жесткие губы поцеловали шею.

— Не надо! — изумленно воскликнула она и рванулась из объятий. Оглянулась. Ее муж. Гаст сразу же опустил руки и шагнул назад.

— Пожалуйста, не сердись, — сказал он. — Знаешь, ведь мы с тобой женаты, и никто за нами не подглядывает.

— Дело вовсе не в том, что я против того, чтобы ты меня лапал. Но ведь я работаю, разве ты не видишь?

Лита повернулась к нему; что бы она ни говорила, это слишком плотское прикосновение рассердило ее. Он молча стоял перед нею, флегматичный с виду черноволосый смуглолицый мужчина с немного оттопыренной нижней губой, из-за которой у него вечно было немного обиженное выражение. Особенно сейчас.

— Ну-ну, незачем так расстраиваться. Сам знаешь: делу время, а потехе час.

— Чертовски мало теперь бывает этой самой потехи. — Он быстро оглянулся: не слышит ли его кто-нибудь. — Первое время

после того, как мы поженились, все было не так. Ты была тогда довольно-таки нежной. — Он медленно протянул руку и легонько ткнул ее пальцем в живот.

— Не надо, не делай этого. — Она отстранилась, закрывшись руками. — Здесь сегодня был форменный ад. Дефектный клапан в одной из линий гормональной подкормки. Слишком поздно обнаружили. Мы потеряли семнадцать банок. К счастью, на ранней стадии.

— Так в чем же здесь потеря? В морозильниках должно быть еще несколько миллиардов доз спермы и яйцеклеток. Они соединят сколько нужно и снова загрузят тебя работой.

— Нет, ты подумай, сколько труда, сколько усилий по подбору генов оказалось затрачено впустую.

— Именно за это лаборанты получают деньги. По крайней мере, у них снова появится какое-нибудь занятие. Знаешь что: почему бы нам не забыть обо всем этом хотя бы ненадолго и не устроить себе хороший вечер? Пойдем в Старый город. Я слышал об одном местечке. Его содержит какой-то Шарм. Там готовят настоящие культовые блюда и, говорят, бывает довольно весело.

— Разве мы не можем поговорить об этом попозже? Сейчас действительно совсем не подходящее время...

— Христос свидетель, у тебя всегда неподходящее время. Я вернусь к половине шестого. Посмотрим, сможешь ли ты к тому времени что-нибудь решить.

Он опрометью выскочил из комнаты, но механизм не позволил ему с яростным грохотом захлопнуть за собой дверь. Что-то исчезло из его жизни, вот только он не мог с уверенностью сказать что. Он любил Литу, и она любила его — в этом он был твердо уверен, — но чего-то недоставало. У них обоих была работа, которую нужно было делать, но прежде она никогда не причиняла им неприятностей. Они привыкли к этому образу жизни и даже иногда работали вместе, в одной и той же комнате, ночи напролет, держась друг с другом ровно и спокойно, по-товарищески. А потом, частенько уже на рассвете, они пили кофе, ими овладевала приятная сонливая усталость, они падали в кровать, занимались любовью. Вот только теперь такого не бывало, и он не мог понять почему. Он вошел в самый ближний лифт и скомандовал: «Пятьдесят». Двери закрылись, и кабина плавно тронулась с места. Они выберутся отсюда сегодня вечером: он твердо решил, что этот вечер будет не таким, как большинство остальных.

Только выйдя из лифта, он понял, что приехал не на тот этаж. Это был пятнадцатый, а не пятидесятый — звуковой анализатор в компьютере лифта, похоже, постоянно путал эти два

слова[1]. Прежде чем он успел вернуться, двери у него за спиной закрылись, и тут же он заметил двух стариков, сердито уставившихся на него.

Он оказался на одном из стариковских этажей. Вместо того чтобы подождать другого лифта, он отвернулся от их сердитых взглядов и быстро зашагал по залу. Там было много других стариков; некоторые куда-то шли, шаркая ногами по полу, некоторые разъезжали в моторных креслах, а Гаст шел вперед, глядя прямо перед собой, чтобы не встречаться с ними взглядом. Они бывали недовольны, когда сюда забредал кто-нибудь из молодых.

Ну а он был недоволен тем, что они заняли его новехонькое, с иголочки, здание. Это была нехорошая мысль, и он сразу пожалел о том, что она пришла ему в голову. Это было не его здание; он был только одним из тех участников команды проектировщиков, которые остались на строительстве. У стариков было здесь столько же прав, сколько и у него самого — даже больше, так как это был их дом. И еще это был удачный компромисс. Это здание, Новый город, было предназначено для будущего, но будущее приближалось очень и очень неторопливо, так как можно было ускорить все на свете, кроме эмбрионального развития. Девять месяцев от зачатия до рождения, хоть в матке, хоть в колбе. Затем долгие годы детства, быстролетные годы полового созревания. Со стороны города было бы ужасным расточительством все это время держать такой дом свободным.

Это было тем местом, куда собирались старики — уцелевшие обломки перенаселенного мира. Благодаря успехам геронтологии, медики поддерживали их силы и помогали им сохранять бодрость. Они старели вместе — последние представители алчных поколений. Они были родителями, у которых было мало детей и еще меньше внуков, поскольку реальность в виде голода, болезней и отравления окружающей среды неутомимо стремилась ворваться в их жилища. Нельзя сказать, чтобы они пошли на это добровольно. Если бы им предоставили возможность поступать по собственному разумению, то они повели бы себя точно так же, как и все предшествующие поколения человечества: эгоистично. Если миру предстоит сделаться перенаселенным, то он должен быть перенаселен моими детьми. Но сделанные к этому времени крупные достижения в геронтологической науке и новые лекарства позволили повесить перед носом человека, который на протяжении всей своей истории старательно изображал из себя осла, самую привлекательную морковку из всех, к каким ему когда-либо приходилось тянуться. Чем меньше у вас детей, тем выше уровень медицинского обслуживания, на которое вы вправе рассчитывать. Коэффициент рождаемости прямо на глазах снизился почти до нуля. Бездумные борцы за перенаселенность решили перенаселить мир собой, а не своими детьми. Предоставленной жизнью они предпочли воспользоваться сами.

[1] По-английски числительные «пятнадцать» (fifteen) и «пятьдесят» (fifty) звучат очень похоже.

В результате получилось, что у ребенка, принадлежавшего к следующему поколению, могло быть, помимо матери и отца, с полудюжины живых престарелых родственников. Женатая пара могла иметь десять или пятнадцать старших родственников — одиноких! — с надеждой взирающих на одну-единственную молодую семью. Не могло идти и речи о том, чтобы вся эта орда стариков повисла на шее у нынешнего поколения, которое не имело ни места, ни денег, чтобы содержать их. Они были бременем правительства и именно им должны были остаться. Это бремя с каждым годом делалось все легче, требовало все меньших затрат, так как старые организмы, несмотря на все чудеса, которые творила медицина, все-таки понемногу изнашивались. Когда начали разрабатывать новые города для будущих, создаваемых на научной основе, поколений, было принято мудрое решение — на первых порах поселить там стариков. Таким образом их можно было бы с наименьшими расходами и усилиями обеспечить наилучшим продовольствием, уходом и лекарствами. Старые города зажили бы гораздо счастливее, освободившись от такого балласта, как масса престарелых обитателей. И поскольку эффект от применения гериатрических препаратов, казалось, делался заметно слабее после того, как человек перевалил за середину второго столетия, можно было составить достаточно точный прогноз того, что эвфимистически называли постепенной убылью. Никто не любил использовать слово «смерть». А к тому времени, когда нынешние обитатели отбудут в заранее выбранное ими место окончательного убытия, подоспеют и развивающиеся поколения. Очень прилично. Очень аккуратно. До тех пор, пока вы держитесь подальше от этажей, населенных стариками.

Глядя прямо перед собой, Гаст шел по коридору, больше похожему на улицу, игнорируя злобные взгляды, не обращая ни малейшего внимания на помещения, залы с бассейнами, тропические сады и песчаные пляжи, тянувшиеся по обеим сторонам дороги. И на людей. Ему показалось, что до следующего блока лифтов идти пришлось очень долго. На сей раз он очень четко проговорил: «Пять-де-сят».

Когда он добрался до недоделанного коридора, рабочая смена уже сворачивалась. Слой полового покрытия доходил как раз досюда, а дальше тянулась только широкая полоса шершавого серого свежего бетона, из которого кое-где торчали брошенные куски поверхностной опалубки. Вокруг на сваренных из армату-

ры опорах стояли фонари, заливавшие место работы ярким светом.

— Какие-то неполадки с укладчиком, мистер Крэбб, — пожаловался бригадир смены. Эти люди выросли в мире безупречно работающих механизмов и очень переживали, когда те изредка их подводили.

— Я посмотрю. В бункере что-нибудь осталось?

— Наполовину полон. Разгрузить его?

— Нет, оставьте, как есть. Я попытаюсь еще раз запустить его, прежде чем вызывать ремонтников.

Двигатели механизмов один за другим выключались, и вскоре помещение заполнила гулкая тишина. Рабочие ушли — их шаги звонко разносились в огромном пустом пространстве — и Гаст остался один. Он забрался по лестнице на самый верх громоздкой неповоротливой машины, заливавшей пол ровным слоем расплавленного пластика, и отключил блокировку управляющего компьютера. Первым делом он ввел команду провести быстрое тестирование, которое, впрочем, не выдало никаких сообщений об ошибках. Эти квазиразумные механизмы были способны самостоятельно обнаружить едва ли не все свои собственные неполадки и поставить в известность операторов, но все равно время от времени случались отдельные неполадки, которые система диагностики не могла не только идентифицировать, но даже обнаружить. Гаст переключил управление с автоматического на ручное и нажал кнопку запуска.

Послышался отдаленный грохот, и вся огромная масса машины мелко завибрировала, оживая. Вспыхнуло множество красных лампочек, впрочем, быстро сменивших цвет на зеленый, свидетельствующий о том, что двигатели вышли на нужный режим. Когда лампочка общей готовности тоже позеленела, он, скосив глаза, посмотрел на правый телевизионный экран, который показывал ход укладки пола под машиной. Слой свежего покрытия обрывался как раз там, где остановился укладчик.

Гаст подал машину на несколько футов назад, чтобы включились датчики, а затем на рабочей скорости пустил укладчик вперед. Как только распределительное устройство поравнялось с краем, процесс укладки возобновился. Машина сама управляла своим движением, перемешиванием компонентов расплава и его выпуском. На долю оператора оставалось только включение и выключение всего агрегата. Гаст, как завороженный, следил, как за машиной возникает идеально гладкий новый пол, и не мог заметить никаких неполадок. Ему было приятно сидеть здесь и выполнять эту простую, но очень важную работу.

Громко задребезжал предупреждающий зуммер, и на пульте управления замигала яркая красная лампочка. Гаст заморгал и

еле-еле успел заметить на экране какое-то черное пятно. В следующее мгновение оно уже исчезло из поля зрения. Он поспешно остановил агрегат, дал задний ход, отведя махину футов на десять назад, и только после этого выключил моторы и спустился вниз. Ступая очень осторожно, так как недавно уложенный пластмассовый пол еще не успел как следует застыть, Гаст добрался до передней кромки. Там в покрытии оказалась впадина, похожая на чашу или пузырь шириной около фута. Словно машина рыгнула, выливая расплав. Возможно, так оно и было. Причину точно определят механики. Он сделал в карманном блокноте пометку, что нужно вызвать их, выключил все освещение, кроме дежурного, и вернулся к лифтам. Очень старательно выговорил номер нужного этажа.

Доктор Ливермор и Лита, одинаково сгорбившись, сидели за рабочим столом в переднем помещении лаборатории. Оба понурили головы, как на поминках. Впрочем, может быть, это и были поминки. Гаст вошел очень тихо, присушиваясь к их разговору. Он не хотел им мешать.

— Там было несколько очень многообещающих новых линий, — сказала Лита. — Например, Рейли-Стоун. Я не знаю, сколько компьютерного времени потребовалось для предварительного подбора, но лаборанты потратили, наверно, часов сто, никак не меньше, для того чтобы оплодотворить одну яйцеклетку.

— А вам это не кажется немного необычным? — отозвался Ливермор.

— Пожалуй, что да, но ведь это же был первый опыт применения метода Бершока — перекрестно-гибридной селекции с мультиплетным разделением, — а вы же знаете, как проходят такие вещи.

— Конечно, знаю. В следующий раз все будет гораздо легче. Отошлите назад отчеты, специально отметив случаи неудач. Пусть они начинают работу по подготовке замены. Привет, Гаст, я не слышал, как вы вошли.

— Я не хотел вам мешать.

— Вы нам нисколько не помешали. Все равно, мы уже закончили. Сегодня случилась авария с несколькими нашими банками.

— Да, я тоже слышал об этом. А вы не знаете, отчего она произошла?

— Если бы я все знал, то был бы богом. Скажете, не так?

Лита взглянула на старика так, будто ее шокировали его слова.

— Но, доктор, нам же известно, почему были убиты эмбрионы. Испортился клапан на линии подачи...

— Но почему испортился клапан? У каждой причины должна быть своя причина.

— Доктор, мы идем в Старый город, — сообщил Гаст. Он почему-то почувствовал себя неловко от этого беспредметного разговора и жаждал сменить тему.

— В таком случае не позволяйте мне задерживать вас. Только смотрите, не принесите оттуда никаких инфекций, слышите?

Ливермор повернулся, намереваясь выйти, но дверь открылся раньше, чем он успел подойти к ней. Незнакомый мужчина молча обвел взглядом всех троих. Он вошел в комнату, и его молчание и суровое выражение лица заставили присутствовавших тоже замолчать. Когда дверь за ним закрылась, он громко и четко произнес глубоким голосом их имена, пронзая того, чье имя называл, тяжелым взглядом.

— Доктор Ливермор, Лита Крэбб, Гаст Крэбб. Я прибыл сюда, чтобы увидеться с вами. Моя фамилия Блэйлок.

Было совершенно ясно, что Ливермору такое обращение очень не понравилось.

— Позвоните моему секретарю, чтобы вам назначили время приема. А сейчас я занят.

Он сделал было шаг по направлению к двери, но Блэйлок предупреждающе поднял руку, а другой рукой извлек из кармана тонкий бумажник.

— Я хотел бы побеседовать с вами прямо сейчас, доктор. Вот мое удостоверение.

Ливермор не мог выйти, не толкнув этого человека. Так что он остановился и, набычившись, взглянул на золотой значок.

— ФБР. Ну и чего ради вы явились сюда?

— За убийцей. — Ответом ему было изумленное молчание. — Теперь я могу сказать вам, хотя я был бы рад, если бы вы этого никому не передавали, что один из работающих у вас лаборантов является агентом бюро. И регулярно направляет в Вашингтон донесения о ходе работы.

— Это наглый шпионаж! — Ливермор не на шутку рассердился.

— Ни в коей мере. Правительство сделало крупные инвестиции в этот проект и убеждено в том, что таким образом помогает сберечь деньги налогоплательщиков. У вас здесь было много случаев гибели эмбрионов в первые недели после имплантации.

— Это случайность, всего лишь случайность! — воскликнула Лита, но тут же покраснела и снова умолкла, когда Блэйлок устремил на ее холодный, неулыбчивый пристальный взгляд.

— Неужели? А вот мы так не думаем. В Соединенных Штатах существуют еще четыре Новых города, в каждом из которых ведется свой проект, осуществляемый по тем же самым методикам, какие применяются у вас. У них тоже случались неприятности с колбами, но далеко не в таком количестве, как у вас.

— Немного больше или немного меньше в том или ином месте — это ничего не значит, — заявил Ливермор. — Закон средних величин полностью перекрывает мелкие различия.

— Несомненно, закон перекрывает. Мелкие различия, доктор. Но количество сбоев здесь в десять раз больше, чем в других лабораториях. На каждый сбой, случающийся у них, у вас приходится десять. Соответственно, на их десять — сто ваших. Я не случайно попал сюда. Поскольку вы отвечаете за этот проект, я хотел бы получить от вас письмо, в котором говорилось бы, что я имею право бывать во всех помещениях и разговаривать с кем угодно.

— Моего секретаря сейчас, по-видимому, уже нет на месте. Утром...

— Письмо у меня с собой, оно напечатано на вашем личном бланке, и требуется всего лишь ваша подпись.

Гнев Ливермора был все же, скорее, наигранным, нежели настоящим.

— Я не стану его подписывать. Подумать только — воровать мои бумаги! Нет-нет, я вам этого не подпишу!

— Не будьте грубияном, доктор. Ваши бланки были напечатаны в правительственной типографии. Они и для меня напечатали несколько штук, чтобы облегчить работу. Постарайтесь хотя бы не осложнять ее.

В его словах звучала холодная властность, заставившая Ливермора остановиться, полезть в карман, вытащить ручку и подписать письмо. Гаст и Лита наблюдали за происходящим, не зная, что им делать. Блэйлок аккуратно сложил письмо и убрал в бумажник.

— Я хотел бы попозже поговорить со всеми вами, — сказал он и повернулся к двери. Ливермор подождал, давая ему возможность удалиться, а затем тоже вышел, не сказав ни слова.

— Какой ужасный человек, — сказала Лита.

— Не важно, ужасный он или нет, если то, что он сказал — правда. Диверсии с колбами... Разве такое возможно?

— Проще простого.

— Но зачем кому-то нужно заниматься такими вещами? — спросил Гаст. — Вот в чем вопрос. Это настолько бессмысленно, настолько глупо. Для этого просто не может быть никакой разумной причины.

— Пусть об этом беспокоится Блэйлок, за это ему платят. А у меня был длинный и трудный день, я хочу есть, и меня больше всего тревожит обед. Так что иди домой и разморозь что-нибудь. А я приду буквально через минуту, только закончу этот тест.

Эти слова по-настоящему рассердили его.

— Похоже, за то время, пока мы женаты, ты совсем утратила

совесть. Ты что же, совсем забыла, что я пригласил тебя пообедать в Старом городе.

— Ну не то, чтобы... — начала было Лита, но тут же осеклась, потому что так оно и было. Хотя Гаст был не совсем прав: ее отвлекла работа, а тут еще этот тип, Блэйлок... Она быстро сложила бумаги, оставив тест незаконченным, и сняла халат, оставшись в темно-сером платье почти столь же строгого облика, как и лабораторная одежда, и довольно тонком, рассчитанном на постоянный температурный режим Нового города.

— Если снаружи холодно, я должна взять пальто.

— Конечно, там холодно. Ведь сейчас только март. Я уже пригнал автомобиль и положил туда твое теплое пальто, да и мое тоже.

Они молча дошли до лифтов и спустились на нижний уровень, к стоянкам. Похожий на пузырь автомобиль уже ждал их на пандусе; как только Гаст повернул ручку, крыша поднялась, приглашая пассажиров внутрь. Они надели пальто и сели; Гаст включил обогреватель и только после этого запустил мотор. Электрический двигатель, работающий от аккумуляторов, ровно и мощно загудел, и автомобиль неторопливо двинулся к воротам, которые автоматически распахнулись, как только машина приблизилась к ним. Пришлось несколько секунд подождать, прежде чем открылись внешние двери, — а открывались они лишь после того, как закроются внутренние, — и они оказались на полого уходящей вниз дороге, ведущей в Старый город.

С тех пор как они в последний раз выбирались за пределы Нового города, снаружи все поразительно изменилось. Улицы были разбиты и выглядели очень неопрятно; из трещин торчала высохшая прошлогодняя трава. У поребриков тротуаров валялись бесчисленные клочья бумаги, а когда машина пересекала пустынную площадь, позади поднялось облако пыли. Лита вжалась в спинку сиденья и задрожала, несмотря на то, что обогреватель работал на полную мощность. У домов был нежилой, заброшенный вид, некоторые, в основном деревянные здания, начали рушиться, а серые в гаснущем свете дня деревья взметали к небу тощие, словно руки скелетов, голые ветви. Гаст пытался на ходу читать уличные вывески и даже сбился однажды с дороги, но в конце концов обнаружил яркую светящуюся вывеску, на которой было написано: «У Шарма». То ли они приехали рановато, то ли заведение не пользовалось особой популярностью, но им удалось поставить автомобиль прямо перед входом. Лита не стала дожидаться на холодном ветру, пока Гаст запрет автомобиль, а быстро перебежала несколько футов, отделявших машину от двери. Внутри посетителей встречал и приветствовал Шарм собственной персоной.

— Прошу, прошу. Добро пожаловать, — произнес он с профессиональным радушием, за которым, впрочем, можно было уловить и некоторую скуку. Хозяин оказался высоким мощным негром с очень черной кожей. Он был одет в блестящий кафтан, а на голове носил красную феску. — У меня есть для вас прекрасный столик в самом первом ряду.

— Было бы очень хорошо, — сказал Гаст.

Гостеприимство Шарма было легко понять — помимо Гаста и Литы в ресторане была лишь еще одна пара. В воздухе висел тяжелый кухонный запах, казавшийся к тому же не слишком свежим. Скатерть была покрыта таким множеством застарелых, лишь частично отстиранных пятен, что походила на старинную карту.

— Любите выпить? — поинтересовался Шарм.

— Пожалуй, что да. У вас есть какие-то предложения?

— Можете не сомневаться. «Кровавая Мэри» с текилой. Наше фирменное. Я сейчас принесу кувшин.

Коктейль, судя по всему, был смешан заранее, так как вернулся хозяин почти сразу же, держа в руках поднос и прижимая локтем к боку два меню. Он налил посетителям, потом себе и придвинул стул, чтобы присесть с гостями. Обстановка «У Шарма» казалась весьма непринужденной.

— Салют! — провозгласил хозяин, и все трое выпили. Лита сморщилась и поспешно поставила стакан, а вот Гасту резкий вкус напитка понравился.

— Потрясающе. Никогда не пробовал ничего подобного. А как у вас в меню — тоже есть какие-нибудь фирменные блюда?

— Все блюда фирменные. Моя жена большая мастерица по приготовлению всяческой культовой еды. Хлеб из кукурузной муки с коровьим горохом, кошерные «хот-доги», бостонские печеные бобы — у нас есть все это и многое другое. Только выбирайте. Сейчас заиграет музыка, а примерно через полчаса будет танцевать Айкан. Пейте-пейте, друзья, это за счет заведения.

— Очень любезно с вашей стороны, — сказал Гаст, отхлебнув из своего стакана.

— Ни в малейшей степени. Я намерен заморочить вам голову, мистер Крэбб, и плачу вперед. Я видел вас на прошлой неделе по 3-видео, вы рассказывали о Новом городе. Довольно привлекательно, сказал я себе. А каковы могут быть шансы открыть там ресторан? — Он одним большим глотком прикончил содержимое своего стакана и тут же налил себе еще, не забыв подлить Лите и Гасту.

— Это не так-то просто сказать.

— А что просто? Разве что жить на пособие и постепенно терять рассудок от скуки. Что касается меня, то я строю большие

планы. Культовую еду любят все. Старики, потому что она напоминает им о давно минувших днях, а дети считают, что такая пища делает их взрослее. Но здесь, в Старом городе, люди редко едят вне дома, очень уж мало у народа свободных песо. Пора перебираться туда, где происходят перемены. В Новый город. Ну и каковы у меня шансы?

— Я могу узнать. Но вы должны понять, мистер Шарм...

— Просто Шарм. Это имя, а не фамилия.

— Вы должны понять, что у стариков особая диета. Медики разрабатывают для каждого из них персональный рацион питания.

— Моя забегаловка вовсе не рассадник тараканов. Мы прошли множество санитарных проверок.

— Я совсем не это имел в виду. Извините, что неясно выразился, но постарайтесь понять меня правильно. Это на самом деле специальные диеты, которые важны для них ничуть не меньше, чем лекарства. Они на самом деле специальные, если вы меня понимаете, — рационы действительно разрабатывают и готовят в лабораториях.

Его перебила громкая барабанная дробь — это печальный с виду американский индеец изобразил на басовом барабане быстрый индейский военный сигнал. После этого он нажал носком ноги на клавишу магнитофона и принялся отбивать ритм на ударных, сопровождая лившуюся из динамиков израильскую народную песню. Это мало походило на искусство, зато звучало очень громко.

— В таком случае, что вы скажете о людях помоложе? — Шарму теперь приходилось кричать, чтобы собеседники могли расслышать его сквозь музыкальный шум. — О таких, как вы. Вы отправились в такую даль, чтобы попробовать культовую пищу, так почему бы ей самой не перебраться поближе к вашему дому?

— Нас там пока что слишком мало. Только техники и лаборанты, да бригады строителей. К настоящему времени родилось не более десяти процентов детей, которым предстоит населять этот город, так что я не знаю, наберется ли там достаточно народу, чтобы вы могли заработать себе на жизнь. Может быть, попозже...

— Ну да, попозже. Очень утешительно. Ждать двадцать лет. — *Шарм с мрачным видом откинулся на спинку стула и замер, пошевелившись лишь для того, чтобы вылить в свой стакан остатки содержимого кувшина.* Лишь когда в дверях показался следующий посетитель, он с очевидной неохотой поднялся, прервав эту неловкую интерлюдию.

Оба заказали себе понемногу всех фирменных блюд и бутылку вина, поскольку Лита была не в восторге от «Кровавой Мэри».

Пока они ели, на сцене появилась смугловатая девушка, возможно гавайского происхождения, и принялась с безразличным видом исполнять танец хула. Гаст наблюдал за ней не без удовольствия, так как она была одета лишь в очень низко нацепленную травяную юбочку, в которой недоставало многих пучков, и обладала изрядным избыточным весом, отчего ее телеса тряслись, что придавало танцу особую выразительность.

— Вульгарность! — сказала Лита, вытирая салфеткой слезы, выступившие у нее после того, как она положила на кусок фаршированной рыбы слишком много хрена.

— *Мне так не кажется. — Он под столом положил руку Лите* на бедро, а она с каменным выражением лица оттолкнула ее.

— Не надо этого делать в публичном месте.

— А также и дома! Черт возьми, Ли, что происходит с нашим браком? Да, мы оба работаем, отлично, все прекрасно, но как насчет нашей с тобой совместной жизни? Что, если нам взять на воспитание новорожденного?

— Мы уже говорили об этом...

— Тогда ты сказала «Нет!», и на этом все закончилось. Ли, милая, пойми, я не собираюсь пытаться загнать тебя обратно в средневековье, когда женщина водила одного ребенка за ручку, другого кормила грудью, а третьего носила в животе. Женщины наконец-то освободились от всех неудобств и опасностей, связанных с рождением детей, но, видит бог, они все же остаются женщинами. А не мужчинами с несколько иным устройством. Многие пары не хотят иметь детей, ну и прекрасно. Я согласен, выращивание младенцев в детских яслях дает массу преимуществ. Но есть семьи, в которых выращивают младенцев, а женщины после определенных инъекций могут даже выкармливать детей грудью.

— Ты же не думаешь, что я стану этим заниматься?

— Я не прошу, чтобы ты так поступала, если ты это имеешь в виду, хотя это ни в коем случае не может быть настолько отвратительным занятием, как ты считаешь, судя по твоему тону. Мне лишь хотелось бы, чтобы ты подумала о том, чтобы взять на воспитание ребенка, сына. Он проводил бы с нами вечера и уикэнды. Это было бы очень приятно.

— У меня несколько иное представление о приятном.

Ответ, который уже был готов сорваться с его языка, был резким, ожесточенным и грубым, и, конечно, вызвал бы еще худшую ссору, но прежде, чем Гаст успел произнести хотя бы слово, Лита схватила его за руку.

— Гаст, посмотри, там, в углу, за задним столиком... Это не тот ужасный человек, который приходил сегодня в лабораторию?

— Блэйлок? Да, похож на него. Хотя при этом сверхромантичном освещении трудно что-нибудь точно разглядеть. А какая разница?

— Неужели ты не понимаешь, что если он здесь, то, значит, он нас выслеживает? Наверно, он считает, что мы устраиваем эти неприятности с колбами.

— У тебя слишком богатое воображение. Может быть, он просто любит культовую пищу. Судя по его виду, он вполне может себе это позволить.

И все же, действительно, почему он оказался в ресторане? Если он хотел заставить супругов Крэбб нервничать, то он вполне смог добиться своей цели. Лита отодвинула свою тарелку, да и у Гаста тоже пропал аппетит. Он попросил счет, и они, подавленные, напялили на себя пальто и вышли в холодную ночь, провожаемые обвиняющим взглядом молчаливого Шарма, который знал, что ему не суждено жить новой жизнью в Новом городе, как бы он к тому ни стремился.

Много лет тому назад Кэтрин Раффин разработала простой план, благодаря которому успешно справлялась с делами, не входившими в список ее повседневных рутинных обязанностей. Еще на заре своей карьеры она выяснила, что обладает четким высокоорганизованным мышлением и чрезвычайно цепкой памятью; и то, и другое было очень важно в ее работе. Но ей было необходимо изучать факты медленно и вдумчиво, не позволяя себе перерывов, а в ходе напряженного рабочего дня заниматься чем-либо подобным было совершенно невозможно. Оставаться после работы? Это тоже не было выходом, так как телефон продолжал звонить, да и усталость частенько не позволяла ей полностью задействовать свои умственные способности. А взять работу домой тоже не всегда представлялось возможным. Будучи от природы «жаворонком», она довольно скоро смогла узнать, что все ее коллеги либо относятся к «совам», либо просто слишком любят поспать, и потому от них можно ожидать чего угодно, но только не того, что кто-нибудь из них явится на работу хоть на пять минут раньше положенного срока. Теперь она каждое утро приходила в свой кабинет к семи утра и успевала сделать изрядную толику работы, прежде чем появлялся кто-то еще. Это было практичное и весьма удовлетворительное решение проблемы работы, а человек, которому было очень нужно поговорить с Кэтрин без помех, тоже всегда мог застать ее на месте. Однако она настолько привыкла быть одна в эти ранние часы, что рассматривала присутствие кого бы то ни было как досадную и раздражающую помеху.

Войдя в кабинет, она сразу же заметила записку, которой

там, конечно же, не было, когда она уходила накануне вечером. Она была напечатана на машинке, а ее содержание оказалось кратким и совершенно недвусмысленным:

Пожалуйста, немедленно зайдите ко мне в «баночную» лабораторию. Срочно.

Р. Ливермор.

Она была раздражена приказным тоном послания и тем, что ей придется нарушить свои планы, и, возможно, самой мыслью о том, что кто-то явился на работу раньше ее. Хотя, что более вероятно, он провел здесь всю ночь — научный персонал частенько торчал в лабораториях круглыми сутками, если только на это не было прямого запрета. Однако на листочке было написано «срочно», и она была вынуждена подчиниться требованию. Время для перебранки найдется и позже, если выяснится, что Ливермор просто раскомандовался, почувствовав себя очень большим начальником. Она убрала свою объемистую сумочку в нижний ящик стола и направилась к лифтам.

Ни в коридоре лабораторного этажа, ни в помещении, в которое вошла Кэтрин, она не встретила ни души. Впрочем, боковым зрением она уловила какое-то быстрое движение и, повернувшись, взглянула на дверь, за которой находились многочисленные колбы. Дверь была закрыта, но все же Кэтрин не могла избавиться от ощущения, что закрыли ее в тот самый момент, когда она вошла в лабораторию. Возможно, Ливермор прошел туда и теперь дожидался ее там. Но стоило ей сделать шаг в сторону двери, как из-за нее раздался резкий звук разбиваемого стекла, еще и еще раз. Одновременно где-то вдалеке громко задребезжал сигнальный звонок. Кэтрин Раффин почувствовала, что у нее перехватило дыхание, она застыла столбом от неожиданности. Впрочем, ступор длился недолго. Кто-то находился в лаборатории и разбивал аппарат. Колбы! Громко, тяжело топая по полу, она распахнула дверь и ворвалась внутрь. Пол был усыпан стеклом, со стеллажей все еще стекала жидкость из разбитых колб. Но в помещении никого не было. Она озиралась, ошеломленная свершившимся разрушением и внезапностью случившегося, потрясенная тем, как резко и безжалостно были оборваны эти тщательно сконструированные жизни. С трудом различимые невооруженным глазом сгустки клеток, которые должны были превратиться в следующее поколение человечества, умирали прямо сейчас, пока она стояла, разинув рот. И она была совершенно беспомощна. Это было пугающее ощущение, из-за которого она утратила способность двигаться. Под ногами валялись осколки, а в непрерывно разрастающейся луже жидкости валялся молоток.

Оружие убийцы? Она наклонилась, подняла молоток с пола,

и когда она снова выпрямилась, то услышала за спиной чей-то незнакомый голос.

— Медленно повернитесь. Не делайте ничего такого, в чем вам пришлось бы потом раскаиваться.

Этот голос выдернул Кэтрин Раффин из овладевшей ею глубокой задумчивости. Все случилось слишком быстро, и она никак не могла заставить себя признать, что эти события на самом деле реальны.

— Что? — пробормотала она. — Что? — Повернувшись, она увидела в дверях незнакомца, наставившего на нее предмет, который, судя по всему, был револьвером.

— Медленно положите этот молоток, — приказал незнакомец.

— Кто вы такой? — Молоток с грохотом упал на пол.

— Именно это я собирался спросить у вас. Моя фамилия Блэйлок, я из ФБР. Вот мое удостоверение. — Он поднес к ее лицу значок.

— Кэтрин Раффин. Меня сюда вызвали. Доктор Ливермор. Что все это значит?

— Вы можете это доказать?

— Конечно. Вот записка, можете ее прочесть.

Он взял листок кончиками пальцев за уголок, мельком взглянул на текст, а потом положил записку в конверт и убрал в карман. Его оружие, словно само собой, исчезло.

— Это мог напечатать кто угодно, — сказал он. — Не исключено, что это сделали вы сами.

— Я не понимаю, о чем вы говорите. Она лежала на моем столе, когда я недавно пришла на работу. Я прочитала ее, сразу же отправилась сюда, услышала звук бьющегося стекла, вошла, увидела этот молоток и подняла его. Вот и все.

Блэйлок на секунду или две уставился ей в лицо, затем кивнул и указал жестом в сторону находящегося у него за спиной помещения.

— Возможно, так оно и было на самом деле. Мы проверим это попозже. А пока что немного посидите здесь, а я сделаю несколько звонков.

Он извлек список номеров и набрал первый из них. Ответа ему пришлось ждать довольно долго. В конце концов на экране появилось слегка отекшее спросонок лицо Литы Крэбб.

— Что вам нужно? — спросила она, ее глаза широко раскрылись от изумления, когда она разглядела, кто ей звонит.

— Мне нужен ваш муж. Я хочу поговорить с ним.

— Он... он спит. — Она тревожно взглянула куда-то в сторону, и Блэйлок не преминул уловить нотки колебания в ее голосе.

— Спит? В таком случае разбудите его и попросите подойти к телефону.

— С какой стати? Скажите мне, зачем я должна это делать.

— Если вы этого не сделаете, то я сам через несколько минут буду у вас. Это может вас как-то смутить, миссис Крэбб? Так что или сейчас же будите вашего мужа, или говорите правду.

Она потупила взгляд и чуть слышно проговорила:

— Его нет. Его не было всю ночь.

— Вы знаете, где он?

— Нет. И меня это нисколько не интересует. Мы разошлись во мнениях, и он куда-то отправился. Больше я ничего не намерена вам говорить.

Экран потемнел. Блэйлок сразу же набрал другой номер. На сей раз ответа не последовало вовсе. Агент повернулся к Кэтрин Раффин, которая сидела неподвижно, продолжая ощущать себя подавленной быстрым развитием событий.

— Мне хотелось бы, чтобы вы проводили меня в рабочий кабинет доктора Ливермора.

Все еще не веря, что весь этот кошмар происходит на самом деле, она послушалась. Дверь оказалась незапертой; Блэйлок резким движением распахнул ее и заглянул внутрь. Сквозь стеклянные стены сочился бледный солнечный свет раннего утра. В кабинете никого не было. Блэйлок втянул раздувавшимися ноздрями воздух, как будто учуял запах, обещавший стать неопровержимым доказательством, и указал на дверь в правой стене.

— Что за этой дверью?

— Не имею ни малейшего представления.

— Оставайтесь здесь.

Кэтрин Раффин очень не понравился его тон, но прежде, чем она успела сказать об этом, агент уже пересек комнату и, стоя немного в стороне, около стены, осторожно открыл дверь. За ней оказалась небольшая комната, где спал, лежа на кушетке, Ливермор, укрытый тонким одеялом, которое он придерживал одной рукой возле шеи. Блэйлок тихо вошел и взял спящего за запястье, нащупывая указательным пальцем пульс. Почувствовав прикосновение, Ливермор открыл глаза, заморгал и вырвал руку.

— Какого черта вы здесь делаете?

— Проверяю ваш пульс. Вы ведь не имеет ничего против, не так ли?

— Конечно, имею. — Он сел и отбросил одеяло в сторону. — Я здесь врач, и только я проверяю пульс. Я спросил вас, что означает такое вот в высшей степени бесцеремонное вторжение?

— Произошла очередная диверсия в лаборатории, где стоят

колбы. Я услышал сигнал тревоги. И застал там эту женщину с молотком в руке.

— Кэтрин! С какой стати вам понадобилось заниматься такими глупостями?

— Да как вы смеете! Вы прислали мне записку — я ее получила, — в которой просили меня прийти туда, и я оказалась в ловушке. А что, если вы сами перебили эти банки?

Ливермор зевнул, потер кулаками глаза, нагнулся и принялся нашаривать под кушеткой ботинки.

— Так наверняка думает наш Дик Трейси. — Он фыркнул и натянул ботинок. — Обнаруживает меня здесь спящим, не верит, что я на самом деле сплю, пытается пощупать мой пульс, чтобы выяснить, не бегал ли я только что с этим молотком, потому что в таком случае пульс окажется чаще, чем у спящего. Идиот! — Последнее слово он рявкнул в полный голос, а потом поднялся на ноги. — Я отвечаю за этот проект, это мой проект. Прежде чем обвинять меня в саботаже, вам стоило бы найти более убедительную причину, чем беспочвенное подозрение. Узнайте, кто напечатал эту дурацкую записку и, возможно, узнаете, в каком направлении вам следует рыть.

— Именно это я намереваюсь сделать, — отозвался Блэйлок, и в этот момент зазвонил телефон.

— Это вас, — сказал Ливермор, передавая аппарат агенту ФБР, который некоторое время слушал молча, а потом отрывисто скомандовал:

— Приведите его сюда.

Перед тем как уйти, Кэтрин Раффин сделала официальное заявление, которое было записано на диктофон, имевшийся в кабинете Ливермора. То же самое пришлось сделать и самому Ливермору. Да, он не уходил в свою квартиру. Он допоздна работал в своем кабинете и остался ночевать в соседней комнате на кушетке. Да, он часто так поступает. Он ушел спать около трех часов ночи, и ничего не видел и не слышал с того момента до тех самых пор, когда Блэйлок разбудил. Да, он имел возможность попасть в помещение, где стоят колбы, через заднюю дверь и через приемную, но он этого не делал. Он как раз заканчивал надиктовывать свое заявление, когда незнакомец, одетый в такой же строгий костюм и с таким же суровым выражением лица, что и у Блэйлока, ввел в кабинет Гаста Крэбба. Своего помощника Блэйлок отпустил и сосредоточил внимание на Гасте.

— Вас всю ночь не было в вашей квартире. Где вы были?

— Идите к черту.

— Вы не понимаете своего положения. Ваше местонахождение неизвестно вплоть до последних нескольких минут, когда вы пришли на рабочее место. За минувшую ночь кто-то ворвался в

лабораторию с колбами и при помощи молотка устроил диверсию против проекта. Я еще раз спрашиваю: где вы были?

Гаст, который был очень простым и бесхитростным человеком во всем, кроме работы, теперь исполнял пантомиму вины, тревоги и несчастья со всеми ее атрибутами, вплоть до возведения глаз к небу и выступивших на лбу крупных капель пота. Ливермору стало жалко его, он отвернулся и, бормоча что-то себе под нос, нашел галстук и принялся сосредоточенно завязывать его.

— Говорите! — рявкнул Блэйлок. Несомненно, таким обращением он пытался нагнать страху и на Ливермора.

— Это совсем не то, что вы думаете, — тусклым голосом сказал Гаст.

— Дайте мне исчерпывающее объяснение, или я немедленно арестую вас теперь за преднамеренную диверсию против правительственного проекта.

Снова наступило продолжительное напряженное молчание, которое прервал Ливермор.

— Ради бога, Гаст, скажите ему. Вы никак не могли совершить такую вещь. Что это было? Какая-нибудь девушка? — Увидев, что молодой человек густо покраснел, он негромко хмыкнул. — Ну, да, так оно и есть. Признайтесь в этом; ваши слова не выйдут за пределы этой комнаты. Правительство нисколько не интересуется вашей половой жизнью, а я давно уже вышел из возраста, когда таким вещам придавали какое-то значение.

— Это никого не касается, — пробормотал Гаст.

— Правительства касается все, имеющее отношение к преступным... — загремел было Блэйлок, но Ливермор оборвал его столь же громким голосом:

— Но только не любовные интриги, так что попрошу вас заткнуться! Скажите ему правду, Гаст, скажите, иначе у вас могут быть серьезные неприятности. Это была женщина?

— Да, — с трудом выдавил из себя Гаст, смущенно уставившись в пол.

— Так я и думал. Вы провели с нею ночь. Нескольких подробностей вполне хватит для того, чтобы подтвердить ваши слова, зато с вас снимут подозрение.

Подчиняясь этому деликатному, но твердому нажиму, преодолевая болезненное смущение, Гаст кое-как сумел рассказать необходимые подробности. Девушка была секретарем инженерной комиссии. Он давно был с нею знаком, знал, что нравится ей, но между ними совершенно ничего не было до минувшей ночи, когда он после ссоры с Литой, побрел сам не зная куда, и вдруг оказался перед дверью Жоржетты — вы ведь никому не

скажете, да? — она впустила его, а потом сначала одно, потом другое... Вот и все.

— Вот и все, — повторил Ливермор. — Занимайтесь своим делом, Блэйлок, Гаст пока что побудет здесь, у меня, на тот случай, если он вам понадобится. Разыщите девушку, допросите ее, а нас оставьте в покое. Изучайте таинственную записку, снимите отпечатки пальцев с молотка, одним словом, делайте все, что должны делать в подобных случаях. Но только покиньте нас. До тех пор пока у вас не будет убедительных доказательств, на основании которых вы захотите арестовать меня, я не желаю видеть вас в моем кабинете.

Когда они остались одни, Ливермор приготовил на кофеварке, стоявшей у него в приемной, две чашки кофе и подал одну Гасту, который с печальным видом разглядывал склон холма, закрытый кое-где низкими облаками, из которых сыпался мелкий дождь.

— Вы думаете, что я дурак, — сказал Гаст.

— Ни в коей мере. Я думаю, что вы с Литой поругались и что вы еще больше усугубили положение вместо того, чтобы исправить его.

— Но что я могу сделать?!

Ливермор сделал вид, что не заметил умоляющей нотки в голосе своего собеседника и с преспокойным видом помешал кофе ложечкой, чтобы немного остудить его.

— Вы должны сами знать, как себя вести, и не обременять меня таким вопросом. Это ваша собственная проблема. Вы взрослый человек. Ну так решайте ее. Посоветовавшись с женой, или с родственниками, или как хотите. А у меня в данный момент тоже есть несколько довольно серьезных проблем, о которых следует подумать: скажем, диверсии в лаборатории, ФБР и все такое прочее.

Гаст сел поудобнее, расправил плечи и, казалось, был готов улыбнуться.

— Вы правы. Моя проблема не из тех, которые потрясают мир, и я разберусь с ней. Но вы понимаете, что вы, я и Лита, похоже, главные подозреваемые для ФБР? Он, наверно, позвонил в квартиру, уже зная или догадываясь, что меня там нет. А вчера вечером он следил за нами, когда мы поехали в ресторан. Но почему мы?

— Думаю, по причине возможности совершать диверсии. Мы и лаборанты — вот и все, кто может когда угодно войти в «баночную» комнату. А один из лаборантов — шпион ФБР, этот тип сказал нам об этом, так что за ними ведется наблюдение, можно сказать изнутри. Значит, остаемся мы.

— Я вообще ничего здесь не понимаю. Почему кому бы то ни было может прийти в голову портить банки?

Ливермор медленно кивнул.

— Это как раз тот вопрос, на который должен ответить Блэйлок. Пока он не узнает, почему творятся все эти беды, он ни за что не доберется до того, кто их устраивает.

Лита тихо вошла в его кабинет и, не говоря ни слова, закрыла за собой дверь. Гаст удивленно поднял глаза от разложенных на столе бумаг: она никогда прежде не приходила к нему на работу.

— Почему ты это сделал, почему? — хриплым голосом проговорила она, ее лицо было уродливо перекошено от переполнявших женщину эмоций. Гаст настолько опешил, что в первый момент не нашелся, что сказать.

— Не думай, что я ничего не знаю, — этот Блэйлок пришел, чтобы допросить меня, и все мне рассказал. Рассказал, где ты был вчера вечером, кто она такая, так что даже не пытайся отпираться. Я точно знаю, что он не лгал.

Гаст чувствовал себя ужасно усталым и не собирался вступать в перепалку.

— Но зачем ему понадобилось рассказывать все это тебе? — спросил он.

— Зачем? Я думаю, это совершенно очевидно. Его не интересуешь ни ты, ни я, а одна только его работа. Наверняка он подозревает меня, считает, что я могла перебить колбы. Он хотел, чтобы я разозлилась, и я действительно разозлилась, только ему это ничего не дало. А теперь скажи мне, свинья: почему ты это сделал? Это все, что я хочу знать: почему?

Гаст взглянул на свои крепко сжатые кулаки, лежавшие на столе перед ним.

— Думаю, потому, что мне так захотелось.

— Ему захотелось! — яростно выкрикнула Лита. — Теперь совершенно ясно, что ты за человек, — тебе захотелось, и ты взял и пошел! Думаю, мне не нужно расспрашивать тебя, что там было, — у меня достаточно хорошее воображение.

— Ли, сейчас не время и не место, чтобы говорить об этом.

— Да неужели? Мне не требуется какого-нибудь особого места, чтобы сказать, что я о тебе думаю. Ты... ты предатель!

Его сдержанность и молчание лишь еще больше распаляли ее. На небольшом столике рядом стояла сделанная в разрезе модель Нового города, изготовленная еще на начальной стадии разработки проекта. Лита схватила модель обеими руками, подняла над головой и швырнула в мужа. Но предмет оказался слишком легким и, перевернувшись в воздухе, бессильно заце-

пил Гаста по руке, рухнул на пол и разбился на множество маленьких кусочков пластмассы.

— Зря ты это сделала, — сказал Гаст, присев на корточки, чтобы собрать обломки модели. — Видишь, сломала, а она стоит денег. Я за нее отвечаю.

Единственным ответом оказался хлопок двери. Подняв голову, Гаст увидел, что Лита ушла.

Ее переполнял гнев, какого она не испытывала ни разу в жизни и даже не подозревала, что такое может быть. Ей сдавило грудь, дышать было тяжело. Как он мог поступить с ней таким образом? Она быстро шла, почти бежала по коридорам Нового города, пока в конце концов не была вынуждена остановиться, прислонившись к стенке, и перевести дух. Ей казалось, что она идет совершенно бесцельно, и, лишь увидев надпись над входом в служебные помещения, она поняла, что стремилась к совершенно определенной цели. ЦЕНТРИНЖКОМ, отвратительное сокращение, обозначавшее Центральную инженерную комиссию. Стоило ли ей входить туда, а если да, то что она могла сказать или сделать? Из помещения вышел незнакомый мужчина и придержал дверь перед нею. Она не собиралась объяснять, что стоит здесь, не зная, что ей делать, поэтому ей оставалось только войти. Прямо перед нею на стене оказался план учреждения. Она нажала кнопку с надписью «Секретариат» и отправилась в ту сторону, куда указала светящаяся линия.

Действительно, это оказалось очень легко. В большом зале, где негромкие звуки, издаваемые канцелярскими механизмами и диктофонами, сливались в ровный мощный гул, работало множество молодых и совсем юных женщин. То и дело входили и выходили разные люди, а она стояла не менее минуты, пока перед нею не возник молодой человек с толстенной папкой, набитой бумагами. Лита заговорила с ним, и он сразу же остановился.

— Вы не могли бы мне помочь? Я ищу э-э-э... мисс Жоржетт Букер. Насколько я знаю, она работает здесь.

— Жоржи? Да, конечно. Вон за тем столом у дальней стены, одетая в белую рубашку или как там она называется. Может быть, мне стоит сказать ей, что к ней пришли?

— Нет, я вам очень благодарна, но не стоит. Я сама поговорю с ней.

Лита выждала, пока он ушел, а затем посмотрела поверх согнутых над столами голов в противоположный конец зала, и у нее вновь перехватило дыхание. Да, это, несомненно, была та самая женщина, в белой блузке с темными волосами и кожей теплого шоколадного цвета. Лита быстро вошла в зал и пошла между столами, выбрав такое направление, которое позволило

бы ей пройти рядом с этой женщиной. Подходя ближе, она замедлила шаг.

Она была хорошенькой, этого у нее никак нельзя было отнять. Тонкое лицо с красивыми и четкими, словно сделанными руками искусного скульптора, чертами, и тонким прямым носом, только вот слишком уж много косметики, да и губы чересчур густо намазаны лиловой помадой. И крошечные серебряные блестки, усеивавшие одну щеку и спускавшиеся на шею и грудь, просвечивавшие сквозь легкую, тонкую, почти прозрачную ткань блузки.

Почувствовав устремленный на нее взгляд, Жоржетт подняла голову и приветливо улыбнулась Лите, которая поспешно отвернулась и пошла прочь, все время ускоряя шаг.

Когда день начал клониться к вечеру, доктор Ливермор почувствовал, что очень устал. Он очень мало спал минувшей ночью, а тут еще этот визит агента ФБР, который, что ни говори, сильно расстроил и утомил его. А ему еще нужно было следить за лаборантами, наводившими порядок в «баночной» лаборатории. Безусловно, этим людям можно было доверять, они всегда работали на совесть, но все равно, он хотел лично все проверить, когда они закончат. Он сделает это, а потом можно будет немного подремать. Он отодвинул листы бумаги, покрытые сложными схемами генетических кодов, и с усилием поднялся. Он начинал ощущать свои годы. Возможно, пришла пора подумать о том, чтобы присоединиться к своим пациентам, обитающим в тепле и уюте геронтологических этажей. Он улыбнулся этой мысли и не спеша пошел в лабораторию.

В коллективе, которым он руководил, мало задумывались о формальностях, так что, когда он обнаружил, что дверь кабинета Литы закрыта, ему даже не пришло в голову постучать. Его мысли были заняты колбами. Он распахнул дверь и обнаружил, что его помощница рыдает, уткнувшись лицом в сложенные на столе руки.

— Что случилось? — спросил он, прежде чем успел понять, что, по-видимому, самым мудрым решением было бы бесшумно выйти. До него внезапно дошло, какого рода беды могли так расстроить эту обычно уравновешенную женщину.

Она подняла залитое слезами покрасневшее лицо, и Ливермор закрыл за собой дверь.

— Извините, что я вот так ворвался к вам. Мне следовало постучать.

— Нет-нет, доктор Ливермор, ничего. — Она промокнула глаза платком. — Это вы извините, что вам приходится видеть меня в таком состоянии.

— Ничего особенного. Я думаю, что понимаю, в чем дело.

— Нет, это не по поводу банок.

— Я знаю. Это из-за той девушки, не так ли? Я-то надеялся, что вы ничего не узнаете.

Лита, по-видимому, не слишком хорошо соображала, так как вместо того, чтобы спросить его, откуда ему это известно, снова принялась рыдать при этом напоминании. Ливермор хотел уйти, но никак не мог придумать, как сделать это без неловкости. В данный момент он не испытывал ни малейшего интереса к этой семейной трагедии.

— Я видела ее, — сообщила Лита. — Я пошла туда, бог знает почему, сама не понимая, что делаю. А когда я увидела, кого он мне предпочел... Это было настолько оскорбительно. Растрепа, вульгарная, наверно как раз из таких, какие нравятся мужчинам. Да еще и цветная. Как он мог так поступить?..

Слова снова сменились рыданиями, и Ливермор остановился, держась за дверную ручку. Он хотел уйти, прежде чем она втянет его в эту историю. Увы, не удалось.

— Я помню, вы как-то рассказывали мне об этом, — сказал он. — О том, откуда вы приехали. Откуда-то с юга, если я не ошибаюсь.

От этого вопроса, не имевшего никакого отношения к ее беде, Лита даже перестала плакать.

— Да, из Миссисипи. Из Билокси — это такой маленький рыбацкий городок.

— Я так и думал. И вы выросли с хорошим запасом расовых предрассудков. Самое худшее, что вы можете найти в этой девушке, — то, что она черная.

— Я никогда не говорила ничего подобного. Но бывают такие вещи...

— Нет, никаких таких вещей не существует, если вы имеете в виду расу, или цвет кожи, или религию, или что-нибудь еще в этом роде. Я потрясен тем, что вы, генетик, можете хотя бы предполагать, что расовая принадлежность может иметь хоть какое-то отношение к вашим проблемам. Глубоко потрясен. Хотя, к несчастью, совершенно не удивлен.

— Мне нет до нее никакого дела. Это он, Гаст, это он такое сделал со мной.

— Он не сделал ровным счетом ничего. Помилуй бог, женщина, вы же боролись за равенство, за одинаковую оплату труда, за свободу от рождения детей — и вы все это получили. Так что теперь вам в общем-то нечего жаловаться на то, что мужчина, если вы выкидываете его из своей постели, идет к кому-нибудь еще.

— Что вы хотите сказать? — почти беззвучно спросила она, потрясенная этими словами старика.

— Извините. У меня нет никакого права говорить вам такие вещи. Я рассердился. Вы взрослая женщина и должны сами принимать решения насчет вашей семейной жизни.

— Нет. Вы не можете вот так уйти. Вы начали говорить и теперь должны четко и ясно сказать мне, что имеете в виду.

Ливермор был все так же сердит. Поэтому он опустился на стул и постарался привести мысли в порядок, и лишь после этого снова заговорил.

— Я старомодный медик, и, пожалуй, будет лучше, если постараюсь рассуждать с медицинской точки зрения. Вы молодая, очень здоровая женщина в самом расцвете молодости. Если бы вы пришли ко мне, чтобы посоветоваться по поводу своей семейной жизни, то я сказал бы вам, что ваша семейная жизнь, похоже, подвергается серьезной опасности, и что именно вы эту опасность породили — изначально породили. Хотя теперь это зашло настолько далеко, что ответственность лежит на вас обоих. Мне кажется, что за своей увлеченностью работой, за своими главными интересами, лежащими за пределами семьи, вы утратили свою сексуальность. У вас просто нет времени на такие пустяки. Причем я говорю сейчас не о физиологических половых различиях, а о всех тех вещах, которые делают женщину женщиной. То, как вы одеваетесь, пользуетесь косметикой, ведете себя, как вы сами себя воспринимаете. Теперь ваша работа занимает главное место в вашей жизни, а вашему мужу приходится довольствоваться вторым. Вы должны понять, что некоторые из достижений, завоеванных женщинами в борьбе за свободу, лишили мужчину ряда очень важных для него вещей. У женатого мужчины теперь нет ни детей, ни матери его детей. У него нет никого, кто интересовался бы прежде всего им самим и его потребностями. Я не утверждаю, что браки должны строиться по принципу «хозяин — рабыня», но в браке должно быть куда больше взаимной самоотдачи, чем, похоже, наблюдается в вашем случае. Спросите себя вот о чем: что ваш муж получает от вашего брака, кроме сексуальной неудовлетворенности? Если вы для него всего лишь эпизодический компаньон, то ему было бы куда лучше делить комнату с кем-нибудь из мужчин, его коллег-инженеров, с которым он мог бы беседовать о работе.

Наступило молчание. Через несколько секунд Ливермор громко откашлялся и встал.

— Еще раз, извините за мое непрошеное вмешательство.

Он вышел за дверь и увидел Блэйлока, который решительными шагами удалялся через зал. Ливермор секунду-другую по-

стоял, провожая недовольным взглядом спину агента, а потом направился в лабораторию, чтобы проверить, как установлены колбы.

Агент ФБР вошел в кабинет Кэтрин Раффин, даже не постучав. Она вскинула на него холодный взгляд и сразу же вернулась к работе.

— Я сейчас занята и не желаю говорить с вами.

— Я прибыл к вам, чтобы попросить помощи.

— Помощи? У меня? — В ее смехе не было ни капли веселья. — Вы обвинили меня в том, что я расколотила колбы; и как же вы после этого можете обращаться ко мне за помощью?

— Вы единственный человек, у которого я могу получить необходимую информацию. Если вы ни в чем не повинны, как вы постоянно утверждаете, то вы должны быть рады возможности помочь расследованию.

Этот аргумент имел смысл для ее высокоорганизованного разума. У нее не было никакой веской причины — кроме глубокой личной неприязни — для отказа этому человеку. А ведь он был агентом, официально направленным сюда для расследования саботажа.

— Что я могу сделать? — спросила она.

— Помогите мне определить мотив преступлений.

— Я никого не подозреваю и не располагаю никакой информацией, которой не было бы у вас.

— Напротив, располагаете. У вас есть доступ ко всей документации о ходе работы и к компьютеру. К тому же вы владеете программированием. Я хочу, чтобы вы собрали все данные, какие удастся, о содержании колб. Я просмотрел отчеты о потерях и, кажется, заметил там некоторую закономерность, но она совершенно не является очевидной. Факт в том, что уничтожалось содержимое части колб, скажем трех из пяти, а в других случаях — подряд все колбы какой-то определенной последовательности. В главных документах должен быть ключ к этой информации.

— Это будет довольно-таки серьезная работа.

— Я могу получить для вас все разрешения, которые могут потребоваться.

— Тогда я этим займусь. Я могу провести сопоставления и проверку и запрограммировать компьютер на поиск релевантной информации. Но я не могу пообещать вам, что вы получите тот самый ответ, который ищете. Уничтожение эмбрионов могло производиться случайно, и если это так, то поиск ничего вам не даст.

— У меня есть причины считать, что это не случайно. Займитесь этим и сообщите мне, как только получите результаты.

Для проведения анализа потребовалось два дня упорного труда. У Кэтрин Раффин получилась работа, которой она осталась очень довольна. Впрочем, не результатами: она так и не смогла заметить в статистических рядах никакой взаимосвязи. Но вдруг ее увидит федеральный агент. Она позвонила ему, сообщила, что работа закончена, и снова принялась изучать колонки чисел. Занималась она этим до тех пор, пока Блэйлок не появился у нее в кабинете.

— Я так и не смогла заметить ничего примечательного, — сказала она, пододвигая агенту компьютерные распечатки.

— Это уже мне решать. Вы можете объяснить мне, что тут что обозначает?

— Вот перечень разрушенных или поврежденных колб. — Она указала на первый лист в пачке. — Кодовый номер в первой колонке, следом идентификация по имени.

— Что она означает?

— Фамилии доноров; таким образом легче всего запомнить и идентифицировать определенные линии. Вот, например, Уилсон — Смит: сперма от Уилсона, яйцеклетка от Смит. В других колонках содержатся сведения об отборе, о том, какие свойства были выбраны, и тому подобное. Вместо номеров по общему списку я при обработке использовала для идентификации наименования линий. А на остальных листах — результаты моих попыток найти значимые корреляции; я применяла различные математические методы. Но мне так и не удалось увидеть сколько-нибудь весомой корреляции. Сами названия и то говорят больше.

Блэйлок пробежал глазами напечатанные колонки.

— Что вы имеете в виду?

— Ничего конкретного. Моя собственная глупая, но давняя привычка. Я происхожу из семьи буров[1] и выросла в одной из резерваций для белых, созданных в Южной Африке после революции. Пока мы не эмигрировали сюда, когда мне было одиннадцать лет, я говорила только на африкаанс. Так что у меня имеется эмоциональная связь с теми людьми — вы назвали бы их этнической группой, — среди которых я родилась. Это малочисленная группа, и в этой стране очень редко удается встретить бура. Так вот, когда мне попадается какой-нибудь список имен, я по старой привычке смотрю, нет ли в нем буров. За всю жизнь

[1] Буры (африканеры) — представители говорящего на языке африкаанс белого населения Африки. В частности, так называют потомков семей, эмигрировавших из Нидерландов (собственно буры), Германии и Франции, колонизировавшие, начиная с XVII в., Южную Африку. В 1902 г. после нескольких войн южноафриканские республики буров — Оранжевая и Трансвааль — были присоединены к британским колониям в Южной Африке

мне удалось встретить лишь несколько человек, с которыми можно было бы поговорить о давних днях, проведенных за колючей проволокой. Вот что я имела в виду.

— И как это связано со списками?

— В них нет ни одного бура.

Блэйлок пожал плечами и снова сосредоточился на бумагах. Кэтрин Раффин, урожденная Катерина Бекинд, держала перед собой список фамилий и, поджав губы, снова просматривала его.

— Вообще ни одного африканера. Англо-ирландские имена все до одного.

Блэйлок резко вскинул голову.

— Повторите, пожалуйста, — сказал он.

Она была права. Агент дважды внимательно прочел список имен и убедился в том, что в нем были лишь откровенно англосаксонские или ирландские фамилии. В этом, казалось, не было никакого смысла, как, впрочем, и в том факте, открытом тоже Кэтрин Раффин, продолжавшей анализ списка, используя в качестве ключа подход с точки зрения фамилий, что негров в списке тоже не оказалось.

— В этом нет смысла, ровно никакого смысла, — заявил Блэйлок, стиснув пачку листов в руке и сердито потрясая ею в воздухе. — Какая может быть причина для того, чтобы проводить именно такие преднамеренные акции?

— Может быть, вы неправильно ставите вопрос? Что, если вместо того, чтобы спрашивать, почему некоторые имена оказываются в списке устраненных, задать вопрос по-другому: почему в этом списке не появляются другие фамилии. Например, африканеров.

— А они вообще есть в списках доноров оплодотворенных эмбрионов?

— Конечно. И африканеры, и итальянцы, и немцы, и многие другие.

— Да, пожалуй, нужно будет задать этот вопрос, — сказал Блэйлок, снова склоняясь над списками.

Это оказался тот самый вопрос, который требовалось отыскать.

Экстренное совещание руководства Совета по генетическому управлению созвали в одиннадцать часов вечера. Как всегда, Ливермор опоздал. Возле большого мраморного стола поставили дополнительный стул, на который уселся Блэйлок, аккуратной стопкой положив перед собой компьютерные распечатки. Кэтрин Раффин включила диктофон и сразу же объявила дату и время проведения совещания, а Стертевант громко закашлялся,

погасил свою безвредную травяную сигарету и тут же закурил новую.

— Этот горящий компост когда-нибудь все же прикончит вас, — сказал Ливермор. Кэтрин Раффин поспешила вмешаться, чтобы не дать начаться традиционной перепалке.

— Это совещание собрали по требованию мистера Блэйлока, представителя Федерального бюро расследований, прибывшего сюда, чтобы разобраться в причинах многочисленных аварий с колбами и очевидном вредительстве. В данный момент он готов сделать сообщение.

— Как раз вовремя, — сказал Ливермор. — И как же, удалось вам узнать, кто же вредитель?

— Да, — бесцветным голосом ответил Блэйлок. — Вы, доктор Ливермор.

— Ну-ну, похоже, мальчик расхвастался. Но вам придется сначала представить какие-нибудь доказательства и только потом пытаться выжать из меня признание.

— Я думаю, что мне удастся это сделать. С тех пор, как началось вредительство, и даже раньше, чем оно было замечено, несчастные случаи происходили с каждой десятой колбой. Этот процент известен под названием десятины, что показательно, так как говорит о состоянии умов и настроений. Он также в десять раз выше, чем в других лабораториях, где количество неудач обычно ограничивается одним процентом. И в качестве следующего доказательства приведу тот факт, что все пострадавшие колбы содержали эмбрионы от доноров ирландского или англосаксонского происхождения.

Ливермор громко фыркнул.

— Довольно несерьезное доказательство. А какое отношение оно имеет ко мне?

— У меня имеется множество расшифровок стенограмм заседаний этого совета, на которых вы недвусмысленно выступали против того, что называли дискриминацией в процессе отбора. Вы, похоже, считаете себя защитником меньшинств, высказывая в разное время обвинения по поводу предвзятого отношения к неграм, евреям, итальянцам, индейцам и многим другим группам. Из документов о ходе работы становится ясно, что ни одна колба, поименованная фамилиями доноров, принадлежащих к какой-либо из этих групп, ни разу не пострадала от несчастного случая или преднамеренного повреждения. Связь с вами кажется столь же очевидной, как и тот факт, что вы являетесь одним из немногих людей, имеющих свободный доступ к колбам, а также специфические знания, которые позволяют вам совершать вредительские действия.

— Лично мне кажется, что это гораздо больше походит на

случайные совпадения, чем на факты. Вы намерены вынести эти данные на публичные слушания или открытый судебный процесс, неважно, как это будет называться?

— Да, намерен.

— В таком случае ваши данные укажут также и на случайную или сознательную дискриминацию, практикующуюся при осуществлении применяемых в настоящее время методик генетического отбора, поскольку из них станет ясно, сколько из этих групп-меньшинств не включено в отобранный материал.

— Мне ничего об этом не известно.

— Зато мне известно. В таком случае, учитывая все перечисленные вами факты, я могу признаться во всех действиях, в которых вы меня обвинили. Я сделал все это.

После его слов в зале воцарилась тишина. Кэтрин Раффин помотала головой, пытаясь привести в порядок мысли.

— Но почему? Я не понимаю, зачем вы все это делали, — сказала она.

— Неужели, Кэтрин? Я всегда считал вас гораздо умнее. Я сделал все, что было в моих силах, чтобы изменить порочную политику верховного руководства нашего совета и всех остальных таких советов по всей стране. Нигде мне не удалось ничего добиться. После того как естественная рождаемость почти полностью ушла в прошлое, все будущие граждане этой страны будут получены из генетического фонда, образованного донорскими яйцеклетками и спермой. При существующих в настоящее время методиках отбора мы будем лишаться меньшинств, одного за другим, а с их исчезновением и бесчисленное множество генов, потерять которые мы просто не имеем права, все же окажутся утраченными навсегда. Возможно, вашим представлениям об идеальном обществе отвечает мир белокожих, голубоглазых, белокурых и мускулистых англосаксонских протестантов. Но это не является моим идеалом, и вряд ли такой мир должен показаться очень уж привлекательным людям, имеющим цветную кожу, потешные обычаи, необычно звучащие имена и носы странной формы. Они заслуживают выживания в ничуть не меньшей степени, чем мы, причем именно в этой стране, называющейся Соединенными Штатами Америки. Так что не говорите мне о генофондах итальянцев и израильтян, созданных в их родных странах. Единственными настоящими американцами, полностью заслуживающими этого наименования, являются американские индейцы, но они тоже выброшены из генетического фонда. Совершается преступление. Я знал об этом, но так и не смог никого убедить в его наличии. До тех пор пока не выбрал этот чрезвычайно драматичный способ, чтобы обострить ситуацию. В ходе судебного процесса надо мной эти факты будут оглашены, а

после этого вся политика должна будет подвергнуться пересмотру и изменению.

— Да вы же просто старый глупец, — сказала Кэтрин Раффин, но тепло, прозвучавшее в ее голосе, совершенно не соответствовало резкости ее слов. — Вы погубили себя. На вас наложат разорительный штраф, вы можете попасть в тюрьму, а в самом лучшем случае вас отстранят от должности и отправят на пенсию. Вы никогда больше не сможете работать.

— Кэтрин, дорогая, я сделал то, что должен был сделать. В моем возрасте увольнение с работы не является чем-то страшным. Честно говоря, я предвидел такую возможность и вполне готов к ней. Заброшу генетику и буду в качестве хобби заниматься практической медициной с такими же, как и я сам, живыми ископаемыми. Сомневаюсь, что судьи отнесутся ко мне очень уж сурово. Я думаю, что самое большее, что мне грозит, — это принудительная отставка. Что ж, на это стоит пойти ради того, чтобы вынести факты на публичное обсуждение.

— А вот тут вы заблуждаетесь, — холодно сказал Блэйлок. Он сложил бумаги аккуратной стопкой и теперь убирал их в портфель. — Никакого публичного судебного процесса не будет — просто тихое увольнение с работы. Для всех это окажется наилучшим выходом. Поскольку вы признали свою вину, ваше руководство может в закрытом порядке принять решение о том, как поступить с вами.

— Но это же несправедливо! — запротестовал Стертевант. — Ведь он пошел на это только для того, чтобы получить возможность придать гласности сложившееся положение. Вы не имеете права лишить его такой возможности. Это несправедливо.

— Справедливость здесь совершенно ни при чем, мистер Стертевант. Генетическая программа будет продолжаться в своем нынешнем виде. — Блэйлок, казалось, был готов улыбнуться этой мысли. Ливермор смотрел на него с отвращением.

— Вам этого хотелось бы, не так ли? Не раскачивать лодку. Устранить нелояльных служащих и одновременно избавить эту страну от диссидентствующих меньшинств.

— Это ваши слова, доктор, а не мои. И, поскольку вы признали свою вину, вы ничего не сможете с этим поделать.

Ливермор медленно поднялся и пошел к выходу из зала. Немного не дойдя до двери, он остановился и повернулся.

— Как раз напротив, Блэйлок, потому что я добьюсь полномасштабного публичного слушания. Вы в присутствии моих партнеров обвинили меня в преступлении, и я желаю очистить свое имя, так как не виновен ни в одном из тех поступков, которые вы мне приписываете.

— Не прохиляет, — Блэйлок забыл о своих холодных офици-

альных манерах, и теперь открыто, издевательски ухмылялся. — Ваше признание записано на пленку, содержащую протокол этого заседания.

— Я этого не думаю. Сегодня, немного раньше, я совершил еще одну вредительскую акцию. Против этого самого диктофона. В нем находится совершенно чистая пленка.

— От этого вам будет только хуже. Есть свидетели вашего заявления.

— Вы так думаете? Оба моих коллеги в совете — честные и глубоко преданные своему делу люди. Невзирая на имеющиеся у нас разногласия, я думаю, что они пожелают, чтобы факты были обнародованы, поскольку я говорю чистую правду. Скажите, Кэтрин, я прав?

— Я не слышал, чтобы вы сознавались в каких-либо преступлениях, Ливермор.

— Я тоже, — поддержал ее Стертевант. — Я буду настаивать на проведении открытого ведомственного слушания, на котором с вас будут сняты все обвинения.

— Увидимся в суде, Блэйлок, — бросил Ливермор и вышел.

— Я думал, что ты будешь на работе. Никак не рассчитывал застать тебя здесь, — сказал Гаст, обращаясь к Лите, которая сидела на подоконнике в гостиной их квартиры. — Я пришел только для того, чтобы забрать свои вещи...

— Не делай этого.

— Я сожалею о том, что случилось в ту ночь. Я просто...

— Давай поговорим об этом как-нибудь в другой раз.

Последовала пауза, напряжение которой оба ощущали почти физически, а в следующий момент Гаст впервые с того момента, как вошел в комнату, обратил внимание на одежду жены. На ней было платье, которого он никогда прежде не видел: легкое, облегающее, с глубоким вырезом. И волосы у нее, хотя и такие же короткие, выглядели как-то иначе, чем прежде, и помады было больше, чем обычно, подумал он. Она выглядела очень привлекательной, и он подумал, стоит ли говорить ей об этом.

— Почему бы нам не выбраться в тот же ресторанчик в Старом городе? — предложила Лита. — Мне кажется, что это может быть очень мило.

— Наверняка будет, я просто уверен, — неожиданно сказал он, вдруг почувствовав себя счастливее, чем когда бы то ни было.

Жоржетта Букер взглянула на часы и обнаружила, что ей уже почти пора выходить. Вот и прекрасно. Этим вечером Дейв снова поведет ее куда-то, а это означало, что он намерен снова

сделать ей предложение. Он такой милый. Она могла бы даже выйти за него замуж, но только не теперь. Жить так весело, так занятно, так приятно общаться с разными людьми. А свадьба никуда не денется. Стоит только захотеть, и она окажется замужем, но пока что ей этого как раз не хотелось. Она улыбнулась. Она была совершенно счастлива.

Шарм улыбнулся и съел еще один кусок тонкого рулета, порезанного кружочками.

— Высший класс, — сказал он. — Действительно, просто здорово. Как ты сказала это называется?

— Рогалик, — ответила жена. — Их полагаться подавай к копченой лососине или творогу, или брынзе. Я найти рецепт в той старинной книге по культовой пище. Мне казаться, они очень даже ничего себе.

— Я думаю, что они намного, намного лучше, чем ничего себе. Мы будем печь их помногу, и я буду продавать их в Новом городе, потому что они там едят хлеб, похожий по вкусу на жеваную бумагу, и людям понравятся рогалики. Они должны без памяти полюбить их. Потому что мы с тобой вскоре переберемся в Новый город. Они полюбят эти рогалики или что-нибудь еще из того, что мы будем им продавать, потому что мы с тобой собираемся поселиться в этом новом месте.

— Шарм, ты уже говорить им об этом.

— Я говорю об этом. Старина Шарм намерен ухватить и для себя кусок хорошей новой жизни.

— Моя говорить тот же самый вещь, так что это должно звучит одинаково на всех языках. Не приготовить ли ты миска спагетти, дорогой? Сегодня вечером моя хотеть приготовляй хороший старый эфиопский домашний кухня из Аддис-Абебы.

ПОСЛЕДНИЙ ЗАКАЗ

Шел 1999 год, и я заканчивал работу над этим сборником. У меня было сорок девять рассказов, охватывавших все пятьдесят лет моей литературной работы. Но мне требовался еще один. К счастью, в самый подходящий момент мне пришло письмо из «Нейчур», самого прославленного из всех научных журналов, в котором публикуются только работы, рассказывающие о самых передовых и потрясающих научных исследованиях. В письме содержалось следующее предложение: не соглашусь я представить журналу статью, написанную с позиций 3000 года и ретроспективно оценивающую некоторые из тех достижений, которые совершила наука на

протяжении третьего тысячелетия. Я решил, что, скорее всего, соглашусь — и согласился, — и вот она, эта статья. На мой взгляд, это самый подходящий рассказ для того, чтобы завершить сборник.

Дорога в 3000 год

Третье тысячелетие оставило заметный след в истории человечества. Среди достижений сразу приходят на ум межгалактические экспедиции — все тринадцать. Начались они удачно: все стартовали в положенный срок.

Разумеется, ни одна еще не вернулась...

Возможно, к наибольшим достижениям следует отнести и глобальное снижение выброса газов, вызывающих парниковый эффект. Настолько эффективное, что полярные шапки начали расти, а ледники двинулись вниз. И новая индустрия выращивания леса для его последующего сжигания, чтобы компенсировать поглощенный углекислый газ, выходит в число самых прибыльных.

Еще более интересным событием стала находка в 2688 году останков разумных существ, которые, возможно, посещали планету Плутон. В этой истории еще много загадок. Возможно, это ловкая мистификация. Истина пока скрыта во мгле.

Но вышеуказанные физические события, как и любые другие, имевшие место быть в третьем тысячелетии, уступают пальму первенства идее, теореме, уравнению, которое изменило все наше общество, всю нашу жизнь, все научные открытия, которые вкупе и образуют человеческую цивилизацию.

Рискуя прослыть педантом, я обращу ваше внимание ко Вселенной. Она существует. Она функционирует. Взаимодействия происходят на каждом микро- и макроуровне. Ученые наблюдают, изучают... и открывают. Животные Галапагосских островов мутировали тысячу лет, прежде чем туда прибыл Чарлз Дарвин. Тщательные наблюдения, точный анализ и привели к появлению «Происхождения видов».

Альберт Эйнштейн, разумеется, не изобрел энергию, ибо она существовала независимо от него, а ему оставалось лишь изучать и наблюдать. Опыт, интуиция и ум подвели итог этим наблюдениям, и родилась, казалось бы, очень простая формула $E=mc^2$.

Это всего лишь два примера из тысяч, миллионов открытий, которые демонстрируют, как умение наблюдать позволяет открыть секреты природы. Но события эти в высшей степени случайные, и мы должны только изумляться, как много удалось открыть при столь бессистемном подходе.

И теперь, приближаясь к окончанию третьего тысячелетия и с нетерпением ожидая чудес четвертого, мы обязаны благодарно склонить головы перед мужчиной и женщиной, которые открыли и сформулировали для человечества механизм совершения открытий.

Мы все знакомы с титановой скульптурой этой выдающейся пары, которая установлена на посадочной площадке лунных челноков в море Спокойствия, где они и встретились. Не просто встретились, но и разговорились, поскольку из-за фотонного шторма челнок запоздал на час. Штерн была профессором философии, специализировалась на интуитивной логике. Магнуссон, физик, прославился исследованиями тахионов. Вроде бы у них было мало общего, если не считать академического образования. А уж дисциплины, которым они уделяли все свое внимание, находились на противоположных полюсах знания.

Мы никогда не узнаем, с чего завязался их разговор. А хотелось бы! Но приходится довольствоваться малым: нам известно, что первые уравнения появились на обратной стороне конверта. Уравнения, рожденные плодотворным слиянием двух великих умов. И еще до приземления челнока была создана удивительная, практически универсальная теория.

Даже эта гениальная пара с благоговейным трепетом восприняла плод своих трудов. Магнуссон воспользовался формулой для определения скорости вращения тахиона, над чем он бился последний год. И определил ее в мгновение ока. Штерн попыталась с помощью формулы вывести зависимость между цикличностью солнечных пятен и весом мальчиков, рождающихся в Гренландии. И ахнула. Формула позволила решить и эту, казалось бы, неразрешимую задачу.

Остальное — достояние истории. Пользуясь этими семью математическими символами, человечество упорядочило словари англосаксонского языка, предсказывало землетрясения и цунами, находило доселе не открытые запасы нефти, избавилось от транспортных пробок... и двинулось от блистательного прошлого к судьбоносному будущему. Ни одна научная дисциплина не устояла перед несокрушимой логикой этого уравнения. Уравнение Штерн — Магнуссона — величайшее открытие человечества, открытие, освободившее человечество.

Разумеется, мы все выучили его в школе. Но снова и снова готовы повторить его, потому что овчинка стоит выделки.

Вот оно, уравнение Штерн — Магнуссона...

Содержание

Предисловие. *Перевод А.Гришина* 5

ЧУЖИЕ БЕРЕГА 19

Пришельцев следует рассматривать как стандартную принадлежность научной фантастики. В фильме «Чужой» использовался клишированный образ ужасного инопланетянина, лучше всего подходящий для леденящего душу триллера. Но если рассматривать обитателей иных миров как другое, возможно исковерканное, изображение человечества, тема становится во много раз интереснее.

Смертные муки пришельца. *Перевод В. Ровинского* 21
Спасательная операция. *Перевод И. Почиталина* 37
Мастер на все руки. *Перевод Д. Жукова* 53
Давление. *Перевод Р. Нудельмана* 66
Радушная встреча. *Перевод В. Вебера* 83
Трудная работа. *Перевод И. Зивьевой* 87

ПОДВИНЬТЕСЬ! ПОДВИНЬТЕСЬ! 109

Так назывался мой роман, порожденный глубокой обеспокоенностью вырисовывающейся угрозой перенаселения. И после окончания работы над этой книгой я продолжал переживать из-за этой опасности. На протяжении минувших с тех пор лет мне не единожды пришлось обращаться к этой теме, так как мир продолжает неуклонно сползать к краю пропасти.

Преступление. *Перевод И. Почиталина* 111
Соседи. *Перевод А. Корженевского* 123
Расследование. *Перевод И. Почиталина* 145
После шторма. *Перевод В. Вебера* 170

УДИВИТЕЛЬНЫЕ ИЗОБРЕТЕНИЯ 185

Да конечно, ведь все это именно о них, не так ли? Благодаря, в основном, этим изобретениям, научная фантастика живет и развивается на протяжении всей своей истории. В конце концов, НФ это единственный литературный жанр, в котором идея — или машина — может выступать в качестве героя. И вот несколько весьма нетипичных героев...

Домой, на землю. *Перевод А. Гришина* 187
Последняя встреча. *Перевод И. Почиталина* 207
Скорость гепарда, рык льва. *Перевод В. Вебера* 229
Самый замечательный автомобиль в мире. *Перевод А. Гришина* 232
Проникший в скалы. *Перевод И. Почиталина* 243
Магазин игрушек. *Перевод И. Почиталина* 253
Плюшевый мишка. *Перевод И. Почиталина* 258
Из фанатизма, или за вознаграждение. *Перевод А. Новикова* 268
Я тебя вижу. *Перевод С. Багрянской* 279

СМЕЕТЕСЬ — А Я-ТО БОЯЛСЯ, ЧТО МНЕ ПРИДЕТСЯ ПЛАКАТЬ 299

Юмор — редкое явление в мире вообще — и еще реже он встречается в научной фантастике. Но он отлично подходит для нее, и мне остается лишь пожалеть, что его в ней так мало.

Квинтзеленция. *Перевод В.Вебера* 301
День после конца света. *Перевод В.Вебера* 317
Парни из С.В.И.Н.Т.У.С.А. и Р.О.Б.О.Т.А. *Перевод Д.Громова и О.Ладыженского* 328
Космические крысы ДДД. *Перевод В.Бабенко и В.Баканова* 403
Капитан Гонарио Харпплейер. *Перевод И.Зивьевой* 415

ИНЫЕ МИРЫ 427

Дальние планеты и неземные пейзажи суть неотъемлемые элементы НФ арсенала. Они существуют для того, чтобы их исследовать.

Тренировочный полет. *Перевод Е. Факторовича* 429
Уцелевшая планета. *Перевод Э. Кабалевской* 443
Как умер старый мир. *Перевод А.Новикова* 456
К-фактор. *Перевод В.Вебера* 459

R.U.R. 483

«Россумские Универсальные Роботы». Неважно, что роботы из пьесы Чапека относились, на самом деле, к гуманоидной, а не к металлической форме жизни. Название прижилось, и с тех пор роботы, звеня и громыхая, шагают по страницам НФ произведений.

Рука закона. *Перевод Д. Жукова* *485*
Робот, который хотел все знать. *Перевод Э. Кабалевской* *501*
Я делаю свою работу. *Перевод В.Вебера* *507*
Безработный робот. *Перевод И. Гуровой*. *510*

А ЭТО ДЛЯ ПСИХИАТРОВ 529

Психология, ее использование и злоупотребление ею являются темой, которая всегда чрезвычайно занимала меня. Как работает мозг, что он может и чего не может сделать... Этой проблеме посвящены научные труды и рассказы.

Только не я, не Эймос Кэйбот! *Перевод А. Гришина*. *531*
Жертвоприношение. *Перевод В.Вебера* *539*
Вы люди насилия. *Перевод А. Гришина* *552*
Государственный служащий. *Перевод А. Гришина* *562*
Капитан Бедлам. *Перевод С.Багрянской*. *571*

НЕНАУЧНАЯ ФАНТАСТИКА 581

Я никогда не был большим любителем фэнтези. Я нахожу этот жанр слишком свободным, предоставляющим слишком много возможностей для полета в любом направлении без всякого предупреждения. Но это вовсе не означает, что я наотрез отказываюсь писать фэнтези, если меня вдруг посещает Великая Идея.

Наконец-то правдивая история Франкенштейна.
Перевод А.Мельникова *583*
Случай в подземке. *Перевод А. Гришина*. *589*

НИ В КАКИЕ ВОРОТА 597

И есть еще такие рассказы, которые, как ни чеши в затылке, не удается подогнать ни под какую определенную категорию. Они существуют сами по себе, и это, зачастую, делает их лучшими из всего, что есть в собрании.

Портрет художника. *Перевод И. Почиталина*. *599*
Немой Милтон. *Перевод И. Почиталина* *608*
Жизнь художника. *Перевод В.Вебера* *615*
Древо жизни. *Перевод С.Багрянской* *630*

У водопада. *Перевод А.Мельникова*. *640*
Черное и белое. *Перевод В.Вебера* *648*
Заря бесконечной ночи. *Перевод В.Вебера*. *660*
Добросовестная работа. *Перевод И. Зивьевой*. *673*
Если. *Перевод И. Зивьевой*. *684*
Прекрасный новый мир. *Перевод А.Гришина*. *690*
Дорога в 3000 год. *Перевод В.Вебера* *730*

Гарри

ГАРРИСОН

H. Harrison

ISBN 978-5-699-11850-2

